

ДМИТРИЙ ГЛУХОВСКИЙ

МЕТРО

ТРИЛОГИЯ ПОД ОДНОЙ ОБЛОЖКОЙ

18+

Метро

Дмитрий Глуховский

**Метро. Трилогия
под одной обложкой**

«АСТ»

2005, 2009, 2015

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Глуховский Д. А.

Метро. Трилогия под одной обложкой / Д. А. Глуховский —
«АСТ», 2005, 2009, 2015 — (Метро)

ISBN 978-5-17-094373-9

«Метро» Дмитрия Глуховского переведено на 37 языков мира и издано двухмиллионным тиражом. Третья мировая стерла человечество с лица Земли. Планета опустела. Мегаполисы обращены в прах и пепел. Железные дороги ржавеют. Спутники одиноко болтаются на орбите. Радио молчит на всех частотах. Выжили только те, кто услышав сирены тревоги, успел добежать до дверей московского метро. Там, на глубине в десятки метров, на станциях и в туннелях, люди пытаются переждать конец света. Там они создали новый мирок вместо потерянного огромного мира. Они цепляются за жизнь изо всех сил и отказываются сдаваться. Они мечтают однажды вернуться наверх – когда радиационный фон от ядерных бомбардировок спадет. И не оставляют надежды найти других выживших... Перед вами – наиболее полное коллекционное издание трилогии «Метро». Впервые «Метро 2033», «Метро 2034», «Метро 2035» и новелла «Евангелие от Артема» выходят под одной обложкой. Дмитрий Глуховский ставит точку в саге, над которой работал двадцать лет. Новелла «Евангелие от Артема» представлена эпилогом к роману «Метро 2033»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-094373-9

© Глуховский Д. А., 2005, 2009, 2015

© АСТ, 2005, 2009, 2015

Содержание

Метро 2033	8
Глава 1. Край света	8
Глава 2. Охотник	22
Глава 3. Если я не вернусь	34
Глава 4. Голос туннелей	46
Глава 5. За патроны	59
Глава 6. Право сильного	70
Глава 7. Ханство тьмы	85
Глава 8. Четвертый рейх	101
Глава 9. Du stirbst	117
Глава 10. Но пасаран!	132
Глава 11. Не верю	147
Глава 12. Полис	163
Глава 13. Великая библиотека	178
Глава 14. Там, наверху	196
Глава 15. План	209
Глава 16. Песни мертвых	224
Глава 17. Дети червя	238
Глава 18. Власть	253
Глава 19. Последний бой	266
Глава 20. Рожденные ползать	280
Эпилог. Евангелие от Артема	292
Метро 2034	303
Пролог	303
Глава 1. Оборона севастопольской	304
Глава 2. Возвращение	313
Глава 3. После жизни	323
Глава 4. Сплетения	332
Глава 5. Память	341
Глава 6. С другой стороны	351
Глава 7. Переход	360
Глава 8. Маски	369
Глава 9. Воздух	378
Глава 10. После смерти	387
Глава 11. Дары	396
Глава 12. Знаки	405
Глава 13. Одна история	414
Глава 14. Что еще?	424
Глава 15. Двое	434
Глава 16. В клетке	444
Глава 17. Кто говорит?	454
Глава 18. Избавление	464
Эпилог	476
Метро 2035	478
Глава 1. Тут Москва	478
Глава 2. Метро	487

Глава 3. Труба	496
Глава 4. Оплата	505
Глава 5. Враги	514
Глава 6. Восемь метров	525
Глава 7. Цветной	535
Глава 8. Неil	550
Глава 9. Театр	561
Глава 10. Красное	573
Глава 11. Осадки	586
Глава 12. Орден	599
Глава 13. Жизненное пространство	610
Глава 14. Чужие	627
Глава 15. Шоссе энтузиастов	638
Глава 16. Последний сеанс	652
Глава 17. Все правильно	666
Глава 18. Служба	680
Глава 19. Что писать	693
Глава 20. Чудеса	702
Глава 21. Товарищи	715
Глава 22. Правда	728
Глава 23. Свои	739
Послесловие	753

Дмитрий Глуховский

Метро

© Д.А. Глуховский, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Метро 2033

Глава 1. Край света

– Кто это там? Эй, Артем! Глянь-ка!

Артем нехотя поднялся со своего места у костра и, перетягивая автомат со спины на грудь, двинулся во тьму. Стоя на самом краю освещенного пространства, он демонстративно, как можно громче и внушительней, щелкнул затвором и хрипло крикнул:

– Стоять! Пароль!

Из темноты, откуда минуту назад раздавались странный шорох и глухое бормотание, послышались спешные, дробные шаги. Кто-то отступал в глубь туннеля, напуганный сиплым Артемовым голосом и бряцанием оружия. Артем спешно вернулся к костру и бросил Петру Андреевичу:

– Да нет, не показалось. Не назвался, удрал.

– Эх ты, раззява! Тебе же было сказано: не отзываются – сразу стрелять! Откуда тебе знать, кто это был? Может, это черные подбираются!

– Нет... Я думаю, это вообще не люди... Звуки очень странные... Да и шаги у него не человеческие. Что же, я человеческих шагов не узнаю? А потом, если бы это были черные, разве они хоть раз вот так убегали? Вы же сами знаете, Петр Андреевич, в последнее время черные вперед сразу бросаются – и на дозор нападали уже с голыми руками, и на пулемет шли в полный рост. А этот удрал сразу... Какая-то трусливая тварь.

– Ладно, Артем! Больно ты умный! Есть у тебя инструкция – и действуй по инструкции, а не рассуждай. Может, это лазутчик был. Увидел, что нас здесь мало, и – превосходящими силами... Может, нас сейчас здесь прихлопнут за милую душу, ножом по горлу, и станцию всю вырежут, вон как с Полежаевской вышло, а все потому, что ты вовремя не срезал гада... Смотри у меня! В следующий раз по туннелю за ними бегать заставлю!

Артем поежился, представляя себе туннель за семисотым метром. Страшно было даже помыслить о том, чтобы показаться там. За семисотый метр на север не отваживался ходить никто. Патрули доезжали до пятисотого и, осветив пограничный столб прожектором с дрезины, убедившись, что никакая дрянь не переползла за него, торопливо возвращались. Разведчики, здоровые мужики, бывшие морские пехотинцы, и те останавливались на шестисот восьмидесятом, прятали горящие сигареты в ладонях и замирали, прильнув к приборам ночного видения. А потом медленно, тихо отходили назад, не спуская глаз с туннеля и ни в коем случае не поворачиваясь к нему спиной.

Дозор, в котором они сейчас стояли, находился на четыреста пятидесятом, в пятидесяти метрах от пограничного столба. Но граница проверялась раз в день, и осмотр закончился уже несколько часов назад. Теперь их пост был крайним, а за часы, прошедшие со времени последней проверки, твари, которых патруль мог спугнуть, наверняка снова начали подползать. Тянуло их на огонек, поближе к людям...

Артем уселся на свое место и спросил:

– А что там с Полежаевской случилось?

И хотя он уже знал эту леденящую кровь историю – рассказывали челноки на станции, его тянуло послушать ее еще раз, как неудержимо тянет детей на страшные байки о безголовых мутантах и упырях, похищающих младенцев.

– С Полежаевской? А ты не слышал? Странная история с ними вышла. Странная и страшная. Сначала у них разведчики стали пропадать. Уходили в туннели и не возвращались. У них, правда, салаги разведчики, не то что наши, но у них ведь и станция поменьше, и народу там

не столько живет... Жило. Так вот, стали, значит, у них пропадать разведчики. Один отряд ушел – и нет его. Сначала думали, задержало его что-то, у них там еще туннель петляет, совсем как у нас, – Артему стало не по себе при этих словах, – и ни дозорам, ни тем более со станции ничего не видно, сколько ни свети. Нет их и нет, полчаса нет, час нет, два нет. Казалось бы, где там пропасть – всего ведь на километр уходили, им запретили дальше идти, да они и сами не дураки... В общем, так и не дождались, послали усиленный дозор, те искали, искали, кричали, кричали – все зря. Нету. Пропали разведчики. И ладно еще, что никто не видел, что с ними случилось. Плохо, что слышно ничего не было... Ни звука. И следов никаких.

Артем уже начал жалеть, что попросил Петра Андреевича рассказать о Полежаевской. Тот был то ли лучше осведомлен, то ли сам что-то додумывал, только рассказывал он такие подробности, какие и не снились челнокам, уж на что те были мастера и любители рассказать байку. От подробностей этих мороз шел по коже и неуютно становилось даже у костра, а любые, пусть и совсем безобидные шорохи из туннеля будоражили воображение.

– Ну так вот. Стрельбы слышно не было, те и решили, что разведчики, наверное, ушли от них – недовольны, может, чем-то были и сбежали. Ну и шут с ними. Хотят легкой жизни, хотят со всяким отребьем мотаться, с анархистами всякими, пусть себе мотаются. Так проще было думать. Спокойнее. А через неделю еще одна разведгруппа пропала. Те вообще не должны были дальше полукилометра от станции отходить. И опять та же история. Ни звука, ни следа. Как в воду канули. Тут на станции забеспокоились. Это уже непорядок, когда за неделю два отряда исчезают. С этим уже надо что-то делать. Меры, значит, принимать. Ну, они выставили на трехсотом кордон. Мешков с песком натаскали, пулемет установили, прожектор – по всем правилам фортификации. Послали на Беговую гонца – у них с Беговой и с Улицей 1905 года конфедерация. Раньше Октябрьское Поле тоже было с ними, но потом там что-то случилось, никто не знает точно, что, авария какая-то: жить там стало нельзя, и оттуда все разбежались, ну, да это неважно. Послали они на Беговую гонца – предупредить, мол, творится что-то неладное, и о помощи попросить в случае чего. Не успел первый гонец до Беговой добраться, дня не прошло – те еще ответ обдумывали, – прибегает второй, весь в мыле, и рассказывает, что их усиленный кордон погиб поголовно, не сделав ни единого выстрела. Всех перерезали. И словно во сне зарезали – вот что страшно-то! А ведь они и не смогли бы заснуть после пережитого страха, не говоря уж о приказах и инструкциях. Тут на Беговой поняли, что, если ничего не сделать, скоро та же петрушка и у них начнется. Снарядили ударный отряд из ветеранов – около сотни человек, пулеметы, гранатометы... Времени, конечно, это заняло порядком, дня полтора, но все же отправили группу на помощь. А когда та вошла на Полежаевскую, там уже ни одной живой души не было. И тел не было – только кровь повсюду. Вот так вот. И черт знает, кто это сделал. Я вот не верю, что люди вообще на такое способны.

– А с Беговой что случилось? – не своим голосом спросил Артем.

– Ничего с ними не случилось. Увидели такое дело и взорвали туннель, который к Полежаевской вел. Там, я слышал, метров сорок засыпано, без техники не разгребешь, да и с техникой-то, пожалуй, не очень... А где ее возьмешь, технику? Она уже лет пятнадцать как сгнила, техника-то...

Петр Андреевич замолчал, глядя в огонь. Артем кашлянул негромко и проговорил:

– Да... Надо, конечно, было стрелять... Дурака я сваял.

С юга, со стороны станции, послышался крик:

– Эй, там, на четыреста пятидесятом! У вас все в порядке?

Петр Андреевич сложил руки рупором и прокричал в ответ:

– Подойдите поближе! Дело есть!

Из туннеля, от станции, светя карманными фонарями, к ним приближались три фигуры, наверное, дозорные с трехсотого метра. Подойдя к костру, они потушили фонари и присели рядом.

– Здорово, Петр! Это ты здесь? А я думаю, кого сегодня на край света отправили? – произнес старший, улыбаясь и выбивая из пачки папиросу.

– Слушай, Андрюха! У меня парень видел здесь кого-то. Но выстрелить не успел... В туннель спряталось. Говорит, на человека похоже не было.

– На человека не похоже? А как выглядит-то? – обратился Андрей к Артему.

– Да я и не видел... Я только спросил пароль, и оно сразу обратно бросилось, на север. Но шаги не человеческие были – легкие и очень частые, как будто у него не две ноги, а четыре...

– Или три! – подмигнул Андрей, сделав страшное лицо.

Артем поперхнулся, вспомнив истории о трехногих людях с Филевской линии, где часть станций лежала на поверхности и туннель шел совсем неглубоко, так что защиты от радиации не было почти никакой. Оттуда и расплзалась по всему метро трехногая, двухголовая и прочая дрянь.

Андрей затянулся папиросой и сказал своим:

– Ладно, ребята, если мы уже пришли, то почему бы здесь не посидеть? Если у них тут опять трехногие ползут, поможем. Эй, Артем! Чайник есть у вас?

Петр Андреевич встал сам, налил в битый, закопченный чайник воды из канистры и повесил его над огнем. Через несколько минут чайник загудел, закипая, и от этого звука, такого домашнего и уютного, Артему стало теплее и спокойнее. Он оглядел сидящих вокруг костра людей: все крепкие, закаленные непростой здешней жизнью, надежные люди. Таким можно было верить, на них можно было положиться. Их станция всегда слыла одной из самых благополучных на всей линии – и все благодаря собравшимся тут и таким, как они. Всех их связывали теплые, почти братские отношения.

Артему было уже за двадцать, на свет он появился еще там, наверху, и был не такой худой и бесцветный, как все родившиеся в метро, не осмеливавшиеся никогда показываться на поверхности, опасаясь не только радиации, но и испепеляющих, губительных для подземной жизни солнечных лучей. Правда, Артем и сам в сознательном возрасте бывал наверху всего раз, да и то только на мгновение – радиационный фон там был такой, что чрезмерно любопытные изжаривались за пару часов, не успев нагуляться вдоволь и насмотреться на диковинный мир, лежащий на поверхности.

Отца своего он не помнил совсем. Мать была рядом с ним до пятилетнего возраста, и жили они на Тимирязевской. У них все было хорошо, и жизнь текла ровно и спокойно, пока Тимирязевская не пала под нашествием крыс.

Огромные, серые, мокрые крысы хлынули однажды безо всякого предупреждения из одного из темных боковых туннелей. Он нырнул в сторону незаметным ответвлением от главного северного перегона и спускался на большие глубины, чтобы затеряться в сложном переплетении сотен коридоров, в лабиринтах, полных ужаса, ледяного холода и отвратительного смрада. Туннель этот уходил в царство крыс, место, куда не решился бы ступить самый отчаянный авантюрист. Даже заблудившийся и не разбирающийся в подземных картах и дорогах скиталец, остановившись на его пороге, чутьем определил бы черную, жуткую опасность, исходившую оттуда, и шарахнулся бы от зияющего провала входа, как от ворот зачумленного города.

Никто не тревожил крыс. Никто не спускался в их владения. Никто не осмеливался нарушить их границ.

Но они пришли сами.

Много народу погибло в тот день, когда живым потоком гигантские крысы, такие большие, каких никогда не видели ни на станции, ни в туннелях, затопили и выставленные кордоны, и станцию, погребая под собой ее защитников и население, заглушая массой своих тел их предсмертные вопли. Пожирая все на своем пути: и мертвых, и живых людей, и своих убитых собратьев – слепо, неумолимо, движимые непостижимой человеческому разуму силой, крысы рвались вперед, все дальше и дальше.

В живых остались всего несколько человек. Не женщины, не старики и не дети – никто из тех, кого обычно спасают в первую очередь, а пятеро здоровых мужчин, сумевших опередить смертоносный поток. И только потому обогнавших его, что стояли с дрезиной на дозоре в южном туннеле. Заслышав крики со станции, один из них бегом бросился проверять, что случилось. Тимирязевская уже гибла, когда он увидел ее в конце перегона. Уже на входе он понял по первым крысиным ручейкам, просочившимся на перрон, что случилось, и повернул было назад, зная, что ничем больше не сможет помочь тем, кто держит оборону станции, как вдруг сзади его схватили за руку. Он обернулся, и женщина, с искаженным от страха лицом тянувшая его настойчиво за рукав, крикнула, пытаясь пересилить многоголосый хор отчаяния:

– Спаси его, солдат! Пожалей!

Он увидел, что протягивает она ему детскую ручонку, маленькую пухлую ладонь, и схватил эту ладонь, не думая, что спасает чью-то жизнь, а потому, что его называли солдатом и попросили пожалеть. И, таща за собой ребенка, а потом и вовсе схватив его под мышку, рванул наперегонки с первыми крысами, наперегонки со смертью – вперед, по туннелю, туда, где ждала дрезина с товарищами по дозору. Уже издалека, метров за пятьдесят, он закричал им, чтобы заводили. Дрезина у них была моторизованная, одна на десять ближайших станций такая, и только поэтому они смогли обогнать крыс. Дозорные мчались вперед и на скорости пролетели заброшенную Дмитровскую, на которой ютились несколько отшельников, успев бросить им: «Бегите! Крысы!» – но понимая, что те уже не успеют спастись. Подъезжая к кордонам Савеловской, с которой у них, слава богу, было в тот момент мирное соглашение, они уже заранее сбавляли темп, чтобы при такой скорости их не расстреляли на подступах, приняв за налетчиков, и изо всех сил кричали дозорным: «Крысы! Крысы идут!» Они готовы были продолжать бежать через Савеловскую и дальше, дальше по линии, умоляя пропустить их вперед, пока есть куда бежать, пока серая лава не затопит все метро.

Но, к их счастью, оказалось на Савеловской нечто, что спасло и их, и станцию, а может, и всю Серпуховско-Тимирязевскую ветку: они еще только подъезжали, взмыленные, крича дозорным о смерти, которую им удалось ненадолго опередить, а те уже спешили, расчехляли на своем посту какой-то внушительный агрегат.

Это был огнемет, собранный местными умельцами из найденных частей, кустарный, но невероятно мощный. Как только показались передовые крысиные отряды и, нарастая, донесся из мрака шорох и скрежет тысяч крысиных лап, дозорные врубили огнемет и не отключали, пока не кончилось горючее. Ревущее оранжевое пламя заполнило туннель на десятки метров и жгло, жгло крыс, не переставая, десять, пятнадцать, двадцать минут. Туннель наполнился мерзкой вонью паленого мяса и диким крысиным визгом... А за спиной дозорных с Савеловской, ставших героями и прославившихся на всю линию, замерла остывающая дрезина, готовая к новому прыжку, и на ней – пятеро мужчин, бежавших со станции Тимирязевская, и еще один – спасенный ими ребенок. Мальчик. Артем.

Крысы отступили. Их слепая воля была сломлена одним из последних изобретений человеческого военного гения. Люди всегда умели убивать лучше, чем любое другое живое существо.

Крысы схлынули и вернулись в огромное царство, истинные размеры которого не были известны никому. Все эти лабиринты, лежавшие на невероятной глубине, были так таинственны и, казалось бы, совершенно бесполезны для работы метрополитена, что не верилось даже, несмотря на заверения авторитетных людей, будто все это было сооружено обычными метростроевцами.

Один из этих авторитетов даже работал раньше, еще тогда, помощником машиниста электропоезда. Таких людей почти не осталось, и были они в большой цене, потому что на первых порах оказались единственными, кто не терялся и не поддавался страху, оказавшись вне удобной и безопасной капсулы поезда в темных туннелях Московского метрополитена, в этой

каменной утробе мегаполиса. Все на станции относились к нему с почтением и детей своих учили тому же, оттого Артем, наверное, и запомнил его, на всю свою жизнь запомнил: изможденного худого человека, зачахшего за долгие годы работы под землей, в истертой и выцветшей форме работника метрополитена, уже давно потерявшей свой шик, но все еще надеваемой с той гордостью, с какой отставной адмирал облачается в парадный мундир. И Артему, тогда совсем еще папану, виделись в тщедушной фигуре помощника машиниста несказанная стать и мощь...

Еще бы! Работники метро были для всех остальных его обитателей тем же, что проводники-туземцы для научных экспедиций в джунглях. Им свято верили, на них полностью полагались, от их знаний и умений зависело выживание остальных. Многие из них возглавили станции, когда распалась единая система управления и метрополитен из комплексного объекта гражданской обороны, огромного противоядерного бомбоубежища, превратился во множество не связанных единой властью станций, погрузился в хаос и анархию. Станции стали независимыми и самостоятельными, своеобразными карликовыми государствами, со своими идеологиями и режимами, лидерами и армиями. Они воевали друг с другом, объединялись в федерации и конфедерации, сегодня становясь метрополиями воздвигаемых империй, чтобы завтра оказаться поверженными и колонизированными вчерашними друзьями или рабами. Они заключали краткосрочные союзы против общей угрозы, чтобы, когда эта угроза минует, с новыми силами вцепиться друг другу в глотку. Они самозабвенно грызлись за все: за жизненное пространство, за пищу – посадки белковых дрожжей, плантации грибов, не нуждающихся в дневном свете, курятники и свинофермы, где бледных подземных свиней и чахлах цыплят вскармливали бесцветными подземными грибами, и, конечно, за воду – то есть за фильтры. Варвары, не умевшие починить пришедшие в негодность фильтрационные установки и умирающие от отравленной радиацией воды, со звериной яростью бросались на оплоты цивилизованной жизни, на станции, где исправно действовали динамо-машины и маленькие кустарные гидроэлектростанции, где регулярно ремонтировались и чистились фильтры, где, возвращенные заботливыми женскими руками, буравили мокрый грунт белые шляпки шампиньонов и сыто хрюкали в загонах свиньи.

Их вел вперед, на бесконечный отчаянный штурм инстинкт самосохранения и извечный революционный принцип – отнять и поделить. Защитники благополучных станций, организованные в боеспособные соединения бывшими профессиональными военными, до последней капли крови отражали нападения вандалов, переходили в контрнаступления, с боем сдавали и отбивали каждый метр межстанционных туннелей. Станции копили военную мощь, чтобы отвечать на набеги карательными экспедициями, чтобы теснить своих цивилизованных соседей с жизненно важного пространства, если не удавалось достичь договоренностей мирным путем, и наконец, чтобы давать отпор той нечисти, что лезла из всех дыр и туннелей. Всем тем странным, уродливым и опасным созданиям, каждое из которых вполне могло бы привести Дарвина в отчаяние своим явным несоответствием законам эволюционного развития. Как разительно ни отличались бы от привычных человеку животных все эти твари, то ли под невидимыми губительными лучами переродившиеся из безобидных представителей городской фауны в исчадия ада, то ли всегда обитавшие в глубинах, а сейчас потревоженные человеком, они все-таки тоже были частью жизни на земле. Искривленной, извращенной, но все же частью. И подчинялись они все тому же главному импульсу, которому ведомо все органическое на этой планете.

Выжить. Выжить любой ценой.

Артем принял белую эмалированную кружку, в которой плескался их собственный, станционный чай. Был это, конечно, никакой не чай, а настойка из сушеных грибов с добавками, потому что настоящего чая всего-то и оставалось ничего. Его экономили и пили только по большим праздникам, да и цена на него была в десятки раз выше, чем на грибную настойку.

А все-таки свое варево у них на станции любили, и гордились им, и называли «чай». Чужаки, правда, с непривычки сначала отплевывались, но потом ничего, привыкали. И даже за пределами станции пошла об их чае слава – и челноки двинулись к ним. Сначала рискуя собственными шкурами, поодиночке, однако вскоре чай пошел влет по всей линии, даже Ганза заинтересовалась им, и за волшебной настойкой на ВДНХ потянулись большие караваны. Потекли деньги. А где деньги – там и оружие, там и дрова, и витамины. Там жизнь. И с тех пор как на ВДНХ стали делать этот самый чай, станция начала крепчать, сюда перебрались хозяйственные люди с окрестных станций и перегонов, пришло процветание. Свиньями своими на ВДНХ тоже очень гордились и рассказывали легенды о том, что именно отсюда они и попали в метро: когда еще в самом начале какие-то смельчаки добрались до полуразрушенного павильона «Свиноводство» на самой Выставке и пригнали животных на станцию.

– Слышь, Артем! Как у Сухого-то дела? – спросил Андрей, прихлебывая чай маленькими осторожными глотками и усердно дуя на него.

– У дяди Саши? Все хорошо у него. Вернулся недавно из похода по линии с нашими. С экспедицией. Да вы знаете, наверное.

Андрей был лет на пятнадцать старше Артема. Вообще-то, он был разведчиком и редко стоял в дозоре ближе четырехста пятидесятого метра, да и то командиром кордона. Вот поставили его на трехсотый метр, в прикрытие, а его все-таки тянуло вглубь, и он воспользовался первым же предложением, первой ложной тревогой, чтобы подобраться поближе к темноте, поближе к тайне. Любил он туннель и знал его хорошо со всеми ответвлениями. А на станции, среди фермеров, среди работяг, коммерсантов и администрации, он себя чувствовал неуютно – ненужным, что ли. Не мог он себя заставить рыхлить землю для грибов или, еще хуже, пичкать этими грибами жирных свиней, стоя по колено в навозе на станционных фермах. И торговать он не мог, сроду терпеть не мог торгашей, а был он всегда солдатом, воином и всей душой верил, что это единственно достойное мужчины занятие. Горд был тем, что он, Андрей, всю свою жизнь только и делал, что защищал и провонявших фермеров, и суетливых челноков, и деловых до невозможности администраторов, и детей, и женщин. Женщины тянулись к его пренебрежительной, насмешливой силе, к его полной, стопроцентной уверенности в себе, к его спокойствию за себя и за тех, кто был с ним, потому что он всегда мог их защитить. Женщины обещали ему любовь, они обещали ему уют, но он начинал чувствовать себя уютно лишь после пятидесятого метра, когда за поворотом скрывались огни станции. А женщины туда за ним не шли. Почему?

И вот, разгорячившись от чая, сняв свой старый черный берет и вытирая рукавом мокрые от пара усы, он принялся жадно расспрашивать Артема о новостях и сплетнях, принесенных из последней экспедиции на юг Артемовым отчимом – тем самым человеком, который, девятнадцать лет назад вырвав Артема у крыс на Тимирязевской, не смог бросить мальчишку и воспитал его.

– Я-то, может быть, и знаю кое-что, но и по второму разу с удовольствием послушаю. Жалко тебе, что ли? – настаивал Андрей.

Долго уговаривать не пришлось: Артему самому было приятно вспомнить и пересказать истории отчима, ведь внимать все будут с открытыми ртами.

– Ну, куда они ходили, вы, наверное, знаете... – начал Артем.

– Знаю, что на юг. Они же там шибко засекреченные, ходоки ваши, – усмехнулся Андрей. – Специальные задания администрации, сам понимаешь! – подмигнул он одному из своих людей.

– Да ничего секретного в этом не было, – отмахнулся Артем. – Целью экспедиции у них поставлена разведка обстановки, сбор информации... Достоверной информации. Потому что чужим челнокам, которые у нас на станции языком треплют, верить нельзя – они, может, челноки, а может, и провокаторы, дезинформацию распространяют.

– Челнокам вообще верить нельзя, – буркнул Андрей. – Корыстные они люди. Откуда ты его знаешь: сегодня он твой чай продает Ганзе, а завтра тебя самого со всеми потрохами кому-нибудь продаст. Они, может, тоже тут у нас информацию собирают. Я и нашим-то, честно говоря, не особо доверяю.

– Ну, на наших – это вы зря, Андрей Аркадьич. Наши – все нормальные. Я сам почти всех знаю. Люди как люди. Деньги только любят. Жить хотят лучше, чем другие, стремятся к чему-то, – попытался вступить за местных челноков Артем.

– Вот-вот. И я о том же. Деньги они любят. Жить хотят лучше всех. А кто их знает, что они делают, когда в туннель выходят? Можешь ты мне с уверенностью сказать, что на первой же станции их чьи-нибудь агенты не завербуют? Можешь или нет?

– Чьи агенты? Чьим агентам наши челноки сдались?

– Вот что, Артем! Молод ты еще и многого не знаешь. Слушал бы старших, глядишь, пожил бы подольше.

– Должен же кто-то выполнять эту работу! Не было бы челноков, и куковали бы мы тут без боеприпасов, с берданками, шмаляли бы солью в черных и чаек свой попивали, – не отступал Артем.

– Ладно, ладно, экономист нашелся... Ты поостынь. Рассказывай лучше, что там Сухой видел. У соседей что? На Алексеевской? На Рижской?

– На Алексеевской? Ничего нового. Выращивают грибы свои. Да что Алексеевская? Так, хутор... Говорят, – Артем понизил голос ввиду секретности информации, – присоединяться к нам хотят. И Рижская вроде тоже не против. Там у них давление с юга растет. Настроения пасмурные: все шепчутся о какой-то угрозе, все чего-то боятся, а чего боятся – никто не знает. То ли с той стороны линии империя какая-то возникла, то ли Ганзы опасаются, что захочет расшириться, то ли еще чего-то. И все эти хутора к нам начинают жаться. И Рижская, и Алексеевская.

– А чего конкретно хотят? Что предлагают? – интересовался Андрей.

– Просят объединиться с ними в федерацию с общей оборонной системой, границы с обеих сторон укрепить, в межстанционных туннелях постоянное освещение устроить, милицию организовать, завалить боковые туннели и коридоры, дрезины пустить транспортные, проложить телефонный кабель, свободное место – под грибы... Хозяйство чтобы общее, работать, помогать друг другу, если надо будет.

– А раньше где они были? Где они были раньше, когда с Ботанического Сада, с Медведкова вся эта дрянь лезла? Когда черные нас штурмовали, где они были? – ворчал Андрей.

– Ты, Андрей, не глазь смотри! – вмешался Петр Андреевич. – Нет черных пока что – и хорошо. Не мы их победили. Что-то у них там свое, внутреннее, вот они и затихли. Они, может, силы пока копят. Так что нам союз не помешает. Тем более объединиться с соседями. И им на пользу, и нам хорошо.

– И будут у нас свобода, и равенство, и братство! – иронизировал Андрей, загибая пальцы.

– Вам не интересно слушать, да? – обиженно спросил Артем.

– Нет, ты продолжай, Артем, продолжай, – сказал Андрей. – Мы с Петром позже dospo-рим. Это у нас с ним вечная тема.

– Ну, вот. И говорят, что главный наш вроде соглашается. Не имеет принципиальных возражений. Детали только надо обсудить. Скоро съезд будет. А потом – референдум.

– Как же, как же. Референдум. Народ скажет да – значит, да. Скажет нет – значит, народ плохо подумал. Пусть народ подумает еще раз, – язвил Андрей.

– Ну, Артем, а что за Рижской творится? – не обращая на него внимания, выпрашивал Петр Андреевич.

– Дальше у нас что идет? Проспект Мира. Ну, Проспект Мира – понятно. Это у нас границы Ганзы. У Ганзы, отчим говорит, с красными все так же: мир. О войне никто и не вспоминает уже, – рассказывал Артем.

Ганзой называлось Содружество станций Кольцевой линии. Эти станции, находясь на пересечении всех остальных веток, а значит, и торговых путей, объединенные между собой туннелями, почти с самого начала стали местами встреч коммерсантов из всех концов метро. Они богатели с фантастической скоростью и вскоре, понимая, что их богатство вызывает зависть слишком у многих, решили объединиться. Официальное именование было слишком громоздким, и в народе Содружество прозвали Ганзой – кто-то однажды метко сравнил их с союзом торговых городов в средневековой Германии, словечко было звонкое, так и пристало. Ганза поначалу включала в себя лишь часть станций, объединение происходило постепенно. Был участок Кольцевой линии от Киевской до Проспекта Мира, так называемая Северная Дуга, и заключившие с ней союз Курская, Таганская и Октябрьская. Потом уже влились в Ганзу Павелецкая и Добрынинская и сформировалась вторая Дуга, Южная. Но главная проблема и главное препятствие к воссоединению Северной и Южной Дуг было в Сокольнической линии.

«Дело тут вот в чем, – рассказывал Артему его отчим. – Сокольническая линия всегда была особая. Взглянешь на карту, сразу на нее внимание обратишь. Во-первых, прямая, как стрела. Во-вторых, ярко-красного цвета на всех картах. Да и названия станций там тоже: Красносельская, Красные Ворота, Комсомольская, Библиотека имени Ленина и Ленинские, опять же, Горы. И то ли из-за таких названий, то ли по какой-то другой причине тянуло на эту линию всех ностальгирующих по славному социалистическому прошлому. На ней особенно хорошо принялись идеи возрождения советского государства. Сначала одна станция официально вернулась к идеалам коммунизма и социалистическому типу правления, потом соседняя, потом люди с другой стороны туннеля заразились революционным оптимизмом, скинули свою административную, и пошло-поехало. Оставшиеся в живых ветераны, бывшие комсомольские деятели и партийные функционеры, неприменный люмпен-пролетариат – все стекались на революционные станции.

Создали комитет, ответственный за распространение новой революции и коммунистических идей по всему метрополитену, под почти ленинским названием: Интерстанционал. Он готовил отряды профессиональных революционеров и пропагандистов, засылал их все дальше во вражий стан. В основном обходилось малой кровью, поскольку изголодавшиеся люди на бесплодной Сокольнической линии жаждали восстановления справедливости, которая, по их пониманию, кроме уравниловки, никакой другой формы принять не могла. И вся ветка, запылав с одного конца, вскоре была охвачена багряным пламенем революции. Благодаря чудом уцелевшему метромосту через Язу сообщение между Сокольниками и Преображенской площадью оставалось налаженным. Сначала короткий участок на поверхности приходилось преодолевать только по ночам и в движущихся на полной скорости дрезинах. Потом силами смертников на мосту возвели стены и крышу. Станциям возвращали старые, советские названия: Чистые Пруды снова стали Кировской, Лубянка – Дзержинской, Охотный Ряд – Проспектом Маркса. Станции с нейтральными названиями рьяно переименовывали во что-нибудь идеологически более ясное: Спортивную – в Коммунистическую, Сокольники – в Сталинскую, а Преображенскую площадь, с которой все началось, – в Знамя Революции. И вот эта линия, когда-то Сокольническая, но в массах называемая «красной» – принято тогда было у москвичей между собой все ветки называть по цвету, обозначенному на карте метро, – совершенно официально стала Красной Линией.

Дальше, однако, не пошло.

К тому времени как Красная Линия уже окончательно оформилась и стала предъявлять претензии на станции других веток, чаша терпения всех остальных переполнилась. Слишком многие люди помнили, что такое советская власть. Слишком многие видели в агитотрядах,

рассылаемых Интерстанционалом по всему метро, метастазы опухоли, грозившей уничтожить весь организм. И сколько ни обещали агитаторы и пропагандисты из Интерстанционала электрификацию всего метрополитена, утверждая, что в совокупности с советской властью это даст коммунизм (вряд ли этот ленинский лозунг, так бессовестно эксплуатируемый, был когда-либо более актуален), люди за пределами линии обещаниями не соблазнялись. Интерстанционных краснобаев отлавливали и выдворяли назад, в советское государство.

И тогда красное руководство постановило, что пора действовать решительней: если оставшаяся часть метро никак не занимается веселым революционным огнем, ее следует поджечь. Соседние станции, обеспокоенные усилившейся коммунистической пропагандой и подрывной деятельностью, тоже пришли к похожему выводу. Исторический опыт ясно доказывал, что нет лучшего переносчика коммунистической бациллы, чем штык.

И грянул гром.

Коалиция антикоммунистических станций, ведомая Ганзой, разрубленной пополам Красной Линией и жаждущей замкнуть кольцо, приняла вызов. Красные, конечно, не рассчитывали на организованное сопротивление и переоценили собственные силы. Легкая победа, которой они ждали, не предвиделась даже в далеком будущем.

Война, оказавшись долгой и кровопролитной, изрядно потрепала и без того немногочисленное население метро. Шла она без малого полтора года и состояла большей частью из позиционных боев, но с непременными партизанскими вылазками и диверсиями, с завалами туннелей, с расстрелами пленных, с несколькими случаями зверств с той и с другой стороны. Было все: войсковые операции, окружения и прорывы окружений, свои подвиги, полководцы, герои и предатели. Но главной особенностью этой войны было то, что ни одна из воюющих сторон так и не смогла сдвинуть линию фронта на сколько-нибудь значительное расстояние. Иногда, казалось, одним удавалось добиться перевеса, занять какую-нибудь смежную станцию, но противник напрягался, мобилизовывал дополнительные силы – и чаша весов склонялась в противоположную сторону.

А война истощала ресурсы. Война отнимала лучших людей. Война изнуряла.

И оставшиеся в живых устали от нее. Революционное руководство незаметно сменило первоначальные задачи на более скромные. Если вначале главной целью войны было распространение социалистической власти и коммунистических идей по всему метрополитену, то теперь красные уже хотели хотя бы взять под контроль то, что почиталось у них за святая святых, – станцию Площадь Революции. Во-первых, из-за ее названия, во-вторых, из-за того, что она была ближе, чем любая другая станция метро, к Красной площади и к Кремлю, башни которого все еще были увенчаны рубиновыми звездами, если верить немногим храбрецам, идеологически крепким до такой степени, чтобы выбраться наверх и посмотреть на него. Ну, и, конечно, там, на поверхности, рядом с Кремлем, в самом центре Красной площади, находился Мавзолей. Было там тело Ленина или уже нет – не знал никто, да это и не имело особого значения. За долгие годы советской власти Мавзолей перестал быть просто гробницей и стал чем-то самоценным, сакральным символом преемственности власти. Именно с него принимали парады великие вожди прошлого. Именно к нему более всего стремились вожди нынешние. И поговаривали, что как раз со станции Площадь Революции, из служебных ее помещений, шли потайные ходы в секретные лаборатории при Мавзолее, а оттуда – к самому гробу.

За красными оставалась станция Площадь Свердлова, бывший Охотный Ряд, укрепленная и ставшая плацдармом, с которого совершались броски и атаки на Площадь Революции.

Не один крестовый поход был благословлен революционным руководством, чтобы освободить эту станцию и гробницу. Но защитники ее тоже понимали, какое она имеет значение для красных, и стояли до последнего. Площадь Революции превратилась в неприступную крепость. Самые жестокие, самые кровавые бои шли именно на подступах к этой станции. Больше всего народу полегло там. Были в этих битвах свои александры матросовы, грудью шедшие на

пулеметы, и герои, обвязывавшиеся гранатами, чтобы взорваться вместе с вражеской огневой точкой, и использование против людей запрещенных огнеметов... Все тщетно. Станцию отбивали на день, но не успевали закрепиться, и погибали, и отступали на следующий день, когда коалиция переходила в контрнаступление.

Все то же, с точностью до наоборот, творилось на Библиотеке имени Ленина. Там держали оборону красные, а коалиционные силы неоднократно пытались их оттуда выбить. Станция имела для коалиции огромное стратегическое значение, потому что в случае успешного штурма позволила бы разбить Красную Линию на два участка, и потому еще, что давала переход на три другие линии сразу, и все три такие, с которыми Красная Линия больше нигде не пересекалась. Только там. То есть была она таким лимфоузлом, который, будучи поражен красной чумой, открыл бы ей доступ к жизненно важным органам. И, чтобы это предотвратить, Библиотеку имени Ленина надо было занять, занять любой ценой.

Но насколько безуспешными были попытки красных завладеть Площадью Революции, настолько бесплодны были и усилия коалиции выдавить их с Библиотеки.

А народ тем временем уставал все больше и больше. И уже началось дезертирство, и все чаще бывали случаи братания, когда и по ту и по другую сторону фронта солдаты бросали оружие... Но, в отличие от Первой мировой, красным это на пользу не шло. Революционный запал потихоньку сходил на нет. Не лучше дела шли и у коалиции: недовольные тем, что им приходится постоянно дрожать за свою жизнь, люди снимались и уходили семьями с центральных станций на окраины. Пустела и слабела Ганза. Война больно ударила по торговле, челноки находили обходные тропы, важные торговые пути пустели и глохли...

Политикам, которых все меньше поддерживали солдаты, пришлось срочно искать возможность закончить войну, пока оружие не обернулось против них. И тогда, в обстановке строжайшей секретности и на обязательной в таких случаях нейтральной станции, встретились лидеры враждующих сторон: товарищ Москвин – с советской стороны, от коалиции – ганзейский президент Логинов и глава Арбатской Конфедерации Колпаков.

Мирный договор подписали быстро. Стороны обменивались станциями. Красная Линия получала в полное распоряжение полуразрушенную Площадь Революции, но уступала Арбатской Конфедерации Библиотеку имени Ленина. И для тех и для других этот шаг был нелепок. Конфедерация теряла одного члена и вместе с ним владения на северо-востоке. Красная Линия становилась пунктирной, поскольку прямо посередине ее теперь появлялась станция, ей не подчиняющаяся, и разрубала ее пополам. Несмотря на то что обе стороны гарантировали друг другу право на свободный транзитный проезд по бывшим территориям, такая ситуация не могла не беспокоить красных... Но то, что предлагала коалиция, было слишком заманчиво. И Красная Линия не устояла. Больше всех от мирного соглашения выигрывала, конечно, Ганза, которая теперь могла беспрепятственно замкнуть кольцо, сломав последние препоны на пути к процветанию. Договорились о соблюдении статус-кво, о запрете на ведение агитационной и подрывной деятельности на территории бывшего противника. Все остались довольны. И теперь, когда пушки и политики замолчали, настала очередь пропагандистов, которые должны были объяснить массам, что именно их сторона добилась выдающихся дипломатических успехов и, в сущности, выиграла войну.

Прошли годы с того памятного дня, когда было подписано мирное соглашение. Соблюдалось оно обеими сторонами: Ганза усмотрела в Красной Линии выгодного экономического партнера, а та оставила свои агрессивные намерения: товарищ Москвин, генсек Коммунистической партии Московского метрополитена имени В.И. Ленина, диалектически доказал возможность построения коммунизма на одной отдельно взятой линии и принял историческое решение о начале одного строительства. Старая вражда была забыта.

Этот урок новейшей истории Артем запомнил крепко, как старался запоминать все, что ему говорил отчим.

– Хорошо, что у них резня кончилась... – произнес Петр Андреевич. – Полтора года ведь за Кольцо ступить было нельзя: везде оцепление, документы проверяют по сто раз. У меня там дела имелись в то время, и, кроме как через Ганзу, никак было не пройти. Пошел через Ганзу. И прямо на Проспекте Мира меня остановили. Чуть к стенке не поставили.

– Да ну? А ты ведь не рассказывал этого, Петр... Как это с тобой вышло? – заинтересовался Андрей.

Артем слегка поник, видя, что переходящее знамя рассказчика беспардонно вырвано из его рук. Но байка обещала быть интересной, и он не стал встревать.

– Как-как... Очень просто. За красного шпиона меня приняли. Выхожу я, значит, из туннеля на Проспекте Мира, на нашей линии. А наш Проспект тоже под Ганзой. Аннексия, так сказать. Ну, там еще не очень строго – там у них ярмарка, торговая зона. Вы же знаете, у Ганзы везде так: те станции, которые на самом Кольце находятся, – это вроде их дом; в переходах с кольцевых станций на радиальные у них граница – таможни, паспортный контроль...

– Да знаем мы все это, что ты нам лекции читаешь... Ты рассказывай лучше, что с тобой произошло там! – перебил его Андрей.

– Паспортный контроль, – повторил Петр Андреевич, сурово сводя брови и идя на принцип. – На радиальных станциях у них ярмарки, базары... Туда чужакам можно. А через границу – ну никак. Я на Проспекте Мира вылез, было у меня чая с собой полкило... Патроны мне нужны были к автомату. Думал сменить. А там у них – военное положение. Боеприпасов не отпускают. Я одного челнока спрашиваю, другого – все отнекиваются и бочком-бочком в сторону от меня отходят. Один только шепнул мне: «Какие тебе патроны, олух... Сваливай отсюда, да поскорее, на тебя, наверное, настучали уже». Сказал я ему спасибо и двинул потихоньку обратно в туннель. И на самом выходе останавливает меня патруль, а со станции – свистки, и еще один наряд бежит. Документы, говорят. Я им паспорт свой, с нашим станционным штампом. Рассматривают они его так внимательно и спрашивают: «А пропуск ваш где?» Я им удивленно: «Какой такой пропуск?» Выясняется, что, чтобы на станцию попасть, пропуск надо обязательно получить: при выходе из туннеля столик стоит, и там у них канцелярия. Проверяют личность и выдают в случае необходимости пропуск. Развели, крысы, бюрократию...

Как я мимо этого стола прошел, не знаю... Почему меня не остановили эти обормоты? А я теперь патрулю объясняй. Стоит этот стриженный жлоб в камуфляже и говорит: проскользнул! Прокрался! Просочился! Листает мой паспорт дальше, видит у меня там штампик Сокольников. Жил я там раньше, на Сокольниках... Видит он этот штамп, и у него прямо глаза кровью наливаются. Просто как у быка на красную тряпку. Сдергивает он с плеча автомат и ревет: руки за голову, падла! Сразу видно выучку. Хватает меня за шиворот и так, волоком, через всю станцию – на пропускной пункт в переходе, к старшему. И приговаривает: подожди, мол, сейчас мне только разрешение получить от начальства – и к стенке тебя, лазутчика. Мне аж плохо стало. Оправдаться пытаюсь, говорю: «Какой я лазутчик? Коммерсант я! Чай вот привез, с ВДНХ». А он мне отвечает, что, мол, он мне этого чая полную пасть напихает и стволом утрамбует еще, чтобы больше вошло. Вижу, что неубедительно у меня выходит и что, если сейчас начальство его даст добро, отведут меня на двухсотый метр, поставят лицом к трубам и наделают во мне лишних дырок по законам военного времени. Нехорошо как получается, думаю... Подходим к пропускному пункту, и жлоб мой идет советоваться, куда ему лучше стрелять. Смотрю я на его начальника – прямо камень с души: Пашка Федотов, одноклассник мой, мы с ним еще после школы долго дружили, а потом вот потеряли друг друга...

– Твою мать! Напугал как! А я-то уже думал, что все, убили тебя, – ехидно вставил Андрей, и все люди, сбившиеся у костра на четыреста пятидесятом метре, дружно захохотали.

Даже сам Петр Андреевич сначала сердито взглянул на Андрея, а потом, не выдержав, улыбнулся. Смех раскатился по туннелю, рождая где-то в его глубинах искаженное эхо, не похожее ни на что жутковатое уханье... И, прислушиваясь к нему, все понемногу затихли.

Тут из глубины туннеля, с севера, довольно отчетливо слышались те самые подозрительные звуки: шорохи и легкие дробные шаги.

Андрей, конечно, был первым, кто все это расслышал. Мгновенно замолчав и дав остальным знак молчать тоже, он поднял с земли автомат и вскочил с места. Медленно отведя затвор и дослав патрон, он бесшумно, прижимаясь к стене, двинулся от костра в глубь туннеля. Артем тоже приподнялся: любопытно было посмотреть, кого он упустил в прошлый раз, но Андрей обернулся и сердито на него шикнул.

Приложив приклад к плечу, он остановился на том месте, где начинала сгущаться тьма, лег плашмя и крикнул:

– Дайте свет!

Один из его людей, державший наготове мощный аккумуляторный фонарь, собранный местными мастерами из старой автомобильной фары, включил его, и яркий до белизны луч вспорол темноту. Выхваченный из мрака, появился на секунду в их поле зрения неясный силуэт: что-то совсем небольшое, нестрашное вроде, стремглав бросившееся назад, на север. Артем, не выдержав, закричал что было сил:

– Да стреляй же! Уйдет ведь!

Но Андрей отчего-то не стрелял. Петр Андреевич поднялся тоже, держа автомат наготове, и крикнул:

– Андрюха! Ты живой там?

Сидящие у костра обеспокоенно зашептались, слышалось лязганье затворов. Наконец Андрей показался в свете фонаря, отряхивая куртку.

– Да живой я, живой! – выдавил он сквозь смех.

– Чего ржешь-то? – настороженно спросил Петр Андреевич.

– Три ноги! И две головы. Мутанты! Черные лезут! Всех вырежут! Стреляй, а то уйдет! Шуму сколько понаделали. Это надо же, а! – продолжал смеяться Андрей.

– Что же ты стрелять не стал? Ладно еще парень мой – он молодой, не сообразил. А ты как проворонил? Ты ведь не мальчик. Знаешь, что с Полежаевской случилось? – спросил сердито Петр Андреевич, когда Андрей вернулся к костру.

– Да слышал я про вашу Полежаевскую уже раз десять! – отмахнулся Андрей. – Собака это была! Щенок даже, а не собака... Он тут у вас уже второй раз к огню подбирается, к теплу и свету. А вы его чуть было не пришибли и теперь еще меня спрашиваете: почему это я с ним церемонюсь? Живодеры!

– Откуда же мне знать, что это собака? – обиделся Артем. – Она тут такие звуки издавала... И потом, тут, говорят, неделю назад крысу со свинью размером видели, – его передернуло, – пол-обоймы в нее выпустили, а она хоть бы хны.

– Ты и верь всем сказкам! Вот погоди, сейчас я тебе твою крысу принесу! – сказал Андрей, перекинул автомат через плечо, отошел от костра и растворился во тьме.

Через минуту из темноты слышался его тонкий свист. А потом и голос раздался, ласковый, манящий:

– Ну, иди сюда... Иди сюда, маленький, не бойся!

Он уговаривал кого-то довольно долго, минут десять, подзывая и свистя, и вот, наконец, его фигура снова замаячила в полумраке. Вернувшись к костру, он торжествующе улыбнулся и распахнул куртку. Оттуда вывалился на землю щенок, дрожащий, жалкий, мокрый, невыносимо грязный, со свалявшейся шерстью непонятного цвета, с черными глазами, полными ужаса, и прижатыми маленькими ушами. Очутившись на земле, он немедленно попытался удрать, но был схвачен за шкурку твердой Андреевой рукой и водворен на место. Глядя его по голове, Андрей снял куртку и накрыл собачонку.

– Пусть цуцик погреемся... – объяснил он.

– Да брось ты, Андрюха, он ведь блохастый наверняка! – пытался урезонить его Петр Андреевич. – А может, и глисты у него. И вообще, подцепишь заразу какую-нибудь, занесешь на станцию...

– Да ладно тебе, Андреич! Кончай нудить. Вот, посмотри на него! – и, отвернув пол куртки, Андрей продемонстрировал собеседнику мордочку щенка, все еще дрожавшего, то ли от страха, то ли от холода. – В глаза ему смотри, Андреич! Эти глаза не могут врать!

Петр Андреевич скептически посмотрел на щенка. Глаза у того были хоть и напуганными, но несомненно честными. И Петр Андреевич оттаял.

– Ладно... Натуралист юный... Подожди, я ему что-нибудь пожевать поищу, – пробурчал он и запустил руку в рюкзак.

– Ищи-ищи. Может, из него что-нибудь полезное вырастет. Немецкая овчарка, например, – заявил Андрей и придвинул куртку с щенком поближе к огню.

– А откуда здесь щенку взяться? У нас с той стороны людей нету. Черные только. Черные разве собак держат? – подозрительно глядя на задремавшего в тепле щенка, спросил один из Андреевых людей, заморенный худой мужчина с всклокоченными волосами, до тех пор молчаливо слушавший других.

– Ты, Кирилл, прав, конечно, – серьезно ответил Андрей. – Черные животных вообще не держат, насколько я знаю.

– А как же они живут? Едят они там что? – глухо спросил второй пришедший с ними, с легким электрическим потрескиванием скребя ногтями небритую челюсть.

Это был высокий, казавшийся бывалым плечистый и плотный мужчина с обритой наголо головой. Одет он был в длинный и хорошо сшитый кожаный плащ, что в нынешнее время само по себе являлось редкостью.

– Едят что? Говорят, дрянь всякую едят. Пададь едят. Крыс едят. Людей едят. Непривередливые они, знаешь... – кривя лицо от отвращения, ответил Андрей.

– Каннибалы? – спросил бритый без тени удивления, и чувствовалось, что ему приходилось сталкиваться и с людоедством.

– Каннибалы... Нелюди они. Нежить. Черт их знает, что они вообще такое. Хорошо, у них оружия нет, так что отбиваемся. Пока что. Петр! Помнишь, полгода назад удалось одного живым в плен взять?

– Помню, – отозвался Петр Андреевич. – Две недели просидел у нас в карцере, воды нашей не пил, к еде не притрагивался, так и сдох.

– Не допрашивали? – спросил бритый.

– Он ни слова по-нашему не понимал. С ним по-русски говорят, а он молчит. Вообще все это время молчал. Как в рот воды набрал. Его и били – он молчал. И есть давали – молчал. Рычал только иногда. И выл еще перед смертью так, что вся станция проснулась.

– Так собака-то откуда здесь взялась? – напомнил всклокоченный Кирилл.

– А шут ее знает, откуда она здесь... Может, от них сбежала. Может, они и ее сожрать хотели. Здесь всего-то километра два. Могла же собака прибежать от них? А может, чья-нибудь. Шел кто-то с севера, шел – на черных напоролся. А собачонка успела вовремя удрать. Да неважно, откуда она тут. Ты сам на нее посмотри – похожа она на чудовище? На мутанта? Так, пузик и пузик, ничего особенного. И к людям тянется – приучена, значит. С чего ей тут у костра третий час околачиваться?

Кирилл замолчал, обдумывая аргументы. Петр Андреевич долил чайник из канистры и спросил:

– Чай еще будет кто-нибудь? Давайте по последней, нам сменяться уже скоро.

– Чай – это дело! Давай, – одобрил Андрей, оживились и остальные.

Чайник закипел. Петр Андреевич налил желающим еще по одной и попросил:

– Вы это... Не надо о черных. В прошлый раз вот так сидели, говорили о них, они и приползли. И ребята мне рассказывали: у них так же выходило. Это, может, и совпадения, я не суеверный, а вдруг – нет? Вдруг они чувствуют? Уже почти смена наша кончилась, зачем нам эта чертовщина в последний момент?

– Да уж... Не стоит, наверное, – поддержал его Артем.

– Да ладно, парень, не дрейфь! Прорвемся! – попытался подбодрить Артема Андрей, но вышло не очень убедительно.

От одной мысли о черных по телу шла неприятная дрожь даже у Андрея, хотя он и старался этого не показывать. Людей он не боялся никаких: ни бандитов, не анархистов-головорезов, ни бойцов Красной армии. А вот нежить всякая отвращала его, и не то чтобы он ее боялся, но думать о ней спокойно, как думал он о любой опасности, связанной с людьми, не мог.

Все умолкли. Тяжелая, давящая тишина обволокла людей, сгрудившихся у костра. Только чуть слышно было, как потрескивают в костре корявые поленья, да издалека, с севера, из туннеля долетало иногда глухое утробное урчание, как будто Московский метрополитен был гигантским кишечником неизвестного чудовища. И от этих звуков становилось совсем жутко.

Глава 2. Охотник

Артему в голову опять полезла всякая дрянь. Черные... Проклятые нелюди в его дежурства попадались только один раз, но испугался он тогда здорово, да и как не испугаться...

Вот сидишь ты в дозоре. Греешься у костра. И вдруг слышишь: из туннеля, откуда-то из глубины, раздается мерный глухой стук – сначала в отдалении, тихо, а потом все ближе и громче... И вдруг рвет слух страшный, кладбищенский вой, совсем уже невдалеке... Переполюх! Все вскакивают, мешки с песком, ящики, на которых сидели, наваливают в заграждение, наскоро, чтобы было где укрыться, и старший из всех сил кричит, не жалея связок: «Тревога!»

Со станции спешит на подмогу резерв, на трехсотом метре расчехляют пулемет, а здесь, где придется принять на себя основной удар, люди бросаются наземь, за мешки, наводят на жерло туннеля автоматы, целятся... Наконец, дождавшись, пока упыри подойдут совсем близко, зажигают прожектор – и в его луче становятся видны странные, бредовые силуэты. Нагие, с черной лоснящейся кожей, с огромными глазами и провалами ртов... Мерно шагающие вперед, на укрепления, на людей, на смерть, в полный рост, не сгибаясь, все ближе и ближе... Три... Пять... Восемь тварей... И самый первый вдруг задирает голову и выпускает заубойный вой.

Дрожь по коже, хочется вскочить и бежать, бросить автомат, бросить товарищей, все к чертям бросить и бежать... Прожектор направлен в морды кошмарных созданий, чтобы ярким светом хлестнуть их по зрачкам, но видно, что они даже не жмурятся, не прикрываются руками, а широко открытыми глазами смотрят на прожектор и размеренно продолжают идти вперед, вперед... Да и есть ли у них зрачки?

И тут, наконец, подбегают с трехсотого, с пулеметом, залегают рядом, летят команды... Все готово... Гремит долгожданное «Огонь!». Разом начинают стучать несколько автоматов, гроыхает пулемет. Но черные не останавливаются, не пригибаются, они в полный рост, не сбиваясь с шага, так же мерно и спокойно шагают вперед. В свете прожектора видно, как пули терзают лоснящиеся тела, как толкают их назад, они падают, но тут же поднимаются, выпрямляются и идут дальше. И снова, хрипло на этот раз, потому что горло уже пробито, раздается жуткий вой. Пройдет еще несколько минут, пока стальной шквал сломит наконец это нечеловеческое бессмысленное упорство. И потом, когда все упыри уже будут валяться, бездыханные и недвижимые, издалека, метров с пяти, их еще будут достреливать контрольными в голову. И даже когда все будет кончено, когда трупы уже скинут в шахту, перед глазами еще долго будет стоять та самая жуткая картина – как впиваются в черные тела пули и жжет широко открытые глаза прожектор, но они все так же размеренно идут вперед...

Артема передернуло при этой мысли. Да уж, лучше про них не болтать, подумал он. Так, на всякий случай.

– Эй, Андреич! Собирайтесь! Мы идем уже! – закричали им с юга, из темноты. – Ваша смена кончилась!

Люди у костра зашевелились, сбрасывая оцепенение, вставая, потягиваясь, надевая рюкзаки и оружие, причем Андрей захватил с собой и подобранного щенка. Петр Андреевич и Артем возвращались на станцию, а Андрей со своими людьми – к себе на трехсотый: их дежурство еще не было завершено.

Подшли сменщики, обменялись рукопожатиями, выяснили, не было ли чего странного, особенного, пожелали отдохнуть как следует и уселись поближе к огню, продолжая свой разговор, начатый раньше.

Когда все двинулись по туннелю на юг, к станции, Петр Андреевич горячо о чем-то заговорил с Андреем, видно, вернувшись к одному из их вечных споров, а бритый здоровяк, рас-

спрашивавший про рацион черных, отстал от них, поравнявшись с Артемом, и пристроился так, чтобы идти с ним в ногу.

– Так ты что же, Сухого знаешь? – спросил он Артема глухим, низким голосом, не глядя ему в глаза.

– Дядю Сашу? Ну да! Он мой отчим. Я и живу с ним вместе, – ответил честно Артем.

– Надо же... Отчим. Ничего не знаю такого... – пробормотал бритый.

– А вас как зовут? – решился Артем, рассудив, что если человек расспрашивает про родственника, то это дает и ему право задать встречный вопрос.

– Меня? Зовут? – удивленно переспросил бритый. – А тебе зачем?

– Ну, я передам дяде Саше... Сухому, что вы про него спрашивали.

– Ах, вот для чего... Хантер... Скажи, Хантер интересовался. Охотник. Привет ему.

– Хантер? Это ведь не имя. Это что, фамилия ваша? Или прозвище? – допытывался Артем.

– Фамилия? Хм... – Хантер усмехнулся. – А что? Вполне... Нет, парень, это не фамилия. Это, как тебе сказать... Профессия. А твое имя как?

– Артем.

– Вот и хорошо. Будем знакомы. Мы наше знакомство, наверное, еще продолжим. И довольно скоро. Будь здоров!

Подмигнув Артему на прощание, он остался на трехсотом метре вместе с Андреем.

Идти было совсем немного, издалека уже слышался оживленный шум станции. Петр Андреевич, шагавший рядом с Артемом, спросил у него озабоченно:

– Слушай, Артем, а что это за мужик вообще? Что он там тебе говорил?

– Странный какой-то... Про дядю Сашу спрашивал. Знакомый его, что ли? А вы не знаете его?

– Да вроде не знаю... Он только на пару дней к нам на станцию, по каким-то делам, кажется, Андрей с ним вроде бы как знаком, вот он и напросился с ним в дозор. Черт знает, зачем ему это понадобилось. Какая-то у него физиономия знакомая...

– Да. Такую внешность забыть нелегко, наверное, – предположил Артем.

– Вот-вот. Где же я его видел? Как его зовут, не знаешь? – поинтересовался Петр Андреевич.

– Хантер. Так и сказал – Хантер. Попробуй пойми, что это такое.

– Хантер? Нерусская какая-то фамилия... – нахмурился Петр Андреевич.

Вдали уже показалось красное зарево: на ВДНХ, как и на большинстве станций, обычное освещение не действовало, и вот уже третий десяток лет люди жили в багровом аварийном свете. Только в «личных апартаментах» – палатках, комнатах – изредка светились нормальные электролампочки. И только несколько самых богатых станций метро были озарены светом настоящих ртутных ламп. О них слагались легенды, и провинциалы с крайних, забытых богом полустанков, бывало, годами лелеяли мечту добраться туда и посмотреть на это чудо.

На выходе из туннеля они сдали в караулку оружие, расписались, и Петр Андреевич, пожимая Артему на прощание руку, сказал:

– Давай-ка на боковую! Я сам еле на ногах держусь, а ты, наверное, вообще стоя спишь. И Сухому – пламенный привет. Пусть в гости заходит.

Артем попрощался и, чувствуя, как навалилась вдруг усталость, побрел к себе «на квартиру».

На ВДНХ жило человек двести. Кто-то в служебных помещениях, но большая часть – в палатках на платформе. Палатки были армейские, уже старые, потрепанные, но сработанные качественно. Ни ветра, ни дождя им знать тут, под землей, не приходилось, и ремонтировали их часто, так что жить в них можно было вполне: тепла они не пропускали, света тоже, даже звук задерживали, а что еще требуется от жилья...

Палатки жались к стенам и стояли по обе стороны от них – и у путей, и в центральном зале. Платформа была превращена в некое подобие улицы: посередине был оставлен довольно широкий проход. Некоторые из палаток, большие, для крупных семейств, занимали пространство в арках. Но обязательно несколько арок было свободно для прохода – с обоих краев зала и в его центре. Снизу, под полом платформы, имелись и другие помещения, но потолок там был невысокий, и для жизни они не годились; на ВДНХ их приспособили под продовольственные склады.

Два северных туннеля через несколько десятков метров за станцией соединялись коротким межлинейником, когда-то построенным для того, чтобы поезда могли разворачиваться и ехать обратно. Теперь один из этих двух туннелей доходил как раз до бокового съезда в межлинейник, а дальше был завален, другой уводил на север, к Ботаническому Саду и чуть ли не к Мытищам. Его оставляли как отходной путь на крайний случай, и как раз в нем-то Артем нес дежурство. Оставшийся кусок второго и соединительный перегон между двумя туннелями были отведены под грибные плантации. Пути там были разобраны, грунт разрыхлен и удобрен – туда свозили отходы из выгребных ям, и белели повсюду аккуратными рядами грибные шляпки. Также был обвален и один из двух южных туннелей, на трехсотом метре, и там, в самом конце, подальше от человеческого жилья, были курятники и загоны для свиней.

Дом Артема стоял на Главной улице – здесь, в одной из небольших палаток, он жил вместе с отчимом. Отчим его был важным человеком, связанным с администрацией, отвечал за контакты с другими станциями, так что больше никого к ним в палатку не селили, она им досталась персональная, по высшему разряду. Довольно часто отчим исчезал на две-три недели и никогда Артема с собой не брал, отговариваясь тем, что приходится заниматься слишком опасными делами и что он не хочет подвергать Артема риску. Возвращался он из своих походов похудевшим, заросшим, иногда раненым и всегда первый вечер сидел с Артемом, рассказывая ему такие вещи, в которые трудно было поверить даже привычному к невероятным историям обитателю этого гротескного мира.

Артема, конечно, тянуло путешествовать, но в метро просто так слоняться было слишком опасно: патрули независимых станций были очень подозрительны, с оружием не пропускали, а без оружия уйти в туннели – верная смерть. Так что с тех пор, как они с отчимом пришли с Савеловской, в дальних походах Артему бывать не приходилось. Он отправлялся иногда по делам на Алексеевскую, не один, конечно, ходил, с группами, добирались они даже до Рижской. И еще числилось за ним одно путешествие, о котором он и рассказать-то никому не мог, хотя так хотелось...

Произошло это давным-давно, когда на Ботаническом Саду еще и не пахло никакими черными, а была это просто заброшенная, темная станция, и патрули с ВДНХ стояли намного севернее, а сам Артем был еще совсем пацаном. Тогда они с приятелями рискнули: в пересменок пробрались через крайний кордон с фонарями и украденной у чьих-то родителей двустволкой и долго ползали по Ботаническому Саду. Жутко было, но и интересно. Повсюду в свете фонариков виднелись остатки человеческого жилья: угли, обгоревшие книги, сломанные игрушки, разорванная одежда... Шмыгали крысы, и временами из северного туннеля раздавались странные урчащие звуки. И кто-то из Артемовых друзей, он уже не помнил, кто именно, но, наверное, Женька, самый живой и любопытный из троих, предложил: а что, если попробовать убрать заграждение и пробраться наверх, по эскалатору... просто посмотреть, как там? Что там?..

Артем сразу сказал тогда, что он против. Слишком свежи в его памяти были недавние рассказы отчима о людях, побывавших на поверхности, о том, как они после этого долго болеют и какие ужасы иногда приходится видеть там, наверху. Но его тут же начали убеждать, что это редкий шанс: когда еще удастся вот так, без взрослых, попасть на настоящую заброшенную станцию, а тут еще можно и подняться наверх, и посмотреть, своими глазами посмотреть, как

это, когда над головой ничего нет... А отчаявшись убедить его по-хорошему, объявили, что если он такой трус, то пускай сидит тут внизу и ждет, пока они вернутся. Остаться одному на заброшенной станции и при этом подмочить свою репутацию в глазах двух лучших друзей показалось Артему совершенно невыносимым, и он скрепя сердце согласился.

На удивление, механизм, приводящий в движение заграждение, отрезающее платформу от эскалатора, работал. И именно Артему удалось запустить его после получаса отчаянных попыток. Ржавая железная стена с дьявольским скрежетом подалась в сторону, и перед их взором предстал короткий ряд ступеней уводящего вверх эскалатора. Некоторые обвалились, и через зияющие провалы в свете фонарей были видны исполинские шестерни, навечно остановившиеся годы назад, изъеденные ржавчиной, поросшие чем-то бурым, еле заметно шевелящимся... Нелегко им было заставить себя подняться. Несколько раз ступени, на которые они наступали, со скрипом подавались и уходили вниз – и они перелезали через провал, цепляясь за остовы светильников. Путь наверх был недолог, но первоначальная решимость испарилась после первой же провалившейся ступени, и, чтобы взбодриться, они воображали себя настоящими сталкерами.

Сталкерами...

Слово это, странное и чужое для русского языка, вполне в нем прижилось. Раньше так называли и людей, которых бедность толкала на то, чтобы пробираться на покинутые военные полигоны, разбирать неразорвавшиеся снаряды и бомбы и сдавать латунные гильзы приемщикам цветных металлов; и чудаков, в мирное время ползавших по канализации, да мало ли кого еще... Но было у всех этих значений нечто общее: всегда это была крайне опасная профессия, всегда – столкновение с неизведанным, непонятным, загадочным, зловещим, необъяснимым... Кто знает, что происходило на покинутых полигонах, где исковерканная тысячами взрывов, перепаханная траншеями и изрытая катакомбами радиоактивная земля давала чудовищные всходы? И только догадываться можно было, что могло поселиться в канализации мегаполиса после того, как строители закрывали за собой люки, чтобы навсегда уйти из мрачных, тесных и зловонных коридоров...

В метро сталкерами называли тех редких смельчаков, которые отваживались показаться на поверхности. В защитных костюмах, противогазах с затемненными стеклами, вооруженные до зубов, эти люди поднимались наверх за необходимыми для всех предметами: боеприпасами, аппаратурой, запчастями, топливом... Людей, которые отваживались на это, были сотни. Тех, кто при этом умел вернуться назад живым, – единицы, и были такие люди на вес золота, они ценились еще больше, чем бывшие работники метрополитена. Самые разнообразные опасности ожидали там, наверху, дерзнувших подняться – от радиации до жутких, искореженных ею созданий. На поверхности тоже была жизнь, но это уже не была жизнь в привычном человеческом понимании.

Каждый сталкер становился человеком-легендой, полубогом, на которого восторженно смотрели все – от мала до велика. Когда дети рождаются в мире, в котором некуда и незачем больше плыть и лететь, а слова «летчик» и «моряк» тускнеют и постепенно теряют свой смысл, они хотят стать сталкерами. Уходить облаченными в сверкающие доспехи, провожаемыми сотнями полных обожания и благоговения взглядов, наверх, к богам, сражаться с чудовищами и, возвращаясь сюда, под землю, нести людям топливо, боеприпасы, свет и огонь. Нести жизнь.

Сталкером хотели стать и Артем, и его друг Женька, и Виталик Заноза. И, заставляя себя ползти вверх по устрашающе скрипящему эскалатору с обваливающимися ступенями, они представляли себя в защитных костюмах, с дозиметрами, со здоровенными ручными пулеметами наперевес, как и положено настоящим сталкерам. Но не было у них ни дозиметров, ни защиты, а вместо грозных армейских пулеметов – только древняя двустволка, которая, может, и не стреляла вовсе...

Довольно скоро подъем закончился, они оказались почти на поверхности. К счастью, была ночь, иначе ослепнуть бы им неминуемо. Глаза, привыкшие за долгие годы жизни под землей к темноте, к багровому свету костров и аварийных ламп, не выдержали бы такой нагрузки. Ослепшие и беспомощные, они уже вряд ли вернулись бы домой.

Вестибюль Ботанического Сада был почти разрушен, половина крыши обвалилась, и сквозь нее видно было уже очистившееся от облаков радиоактивной пыли темно-синее летнее небо, усеянное мириадами звезд. Но что такое звездное небо для ребенка, который не способен представить себе даже, что над головой может не быть потолка? Когда ты поднимаешь взгляд и он не упирается в бетонные перекрытия и прогнившие переплетения проводов и труб, а теряется в темно-синей бездне, разверзшейся вдруг над твоей головой, – что это за ощущение! А звезды! Разве может человек, никогда не видевший звезд, представить себе, что такое бесконечность, когда, наверное, и само понятие бесконечности появилось некогда у людей, вдохновленных ночным небосводом? Миллионы сияющих огней, серебряные гвозди, вбитые в купол синего бархата...

Мальчишки стояли три, пять, десять минут, не в силах вымолвить ни слова. Они так и не сдвинулись бы с места и к утру наверняка сварились бы заживо, если бы совсем близко не раздался страшный, леденящий душу вой. Опомнившись, они стремглав кинулись назад, к эскалатору, и понеслись вниз что было духу, совсем позабыв об осторожности и несколько раз чуть не сорвавшись вниз, на зубья шестерней. Поддерживая и вытаскивая друг друга, они одолели обратный путь в считанные секунды.

Скатившись кубарем по последним десяти ступеням, потеряв по пути двустволку, они тут же бросились к пульту управления барьером. Но – о дьявол! – ржавую железяку заклинило, и она не желала возвращаться на свое место. Перепуганные до полусмерти тем, что их будут преследовать монстры с поверхности, они помчались к своим, к северному кордону.

Но, понимая, что они, наверное, сделали что-то очень плохое, оставив гермоворота отворенными, – возможно, открыли мутантам путь вниз, в метро, к людям, они успели договориться держать язык за зубами и никому из взрослых не говорить, где они были. На кордоне они сказали, что ходили в боковой туннель охотиться на крыс, но потеряли ружье, испугались и вернулись.

Артему, конечно, влетело тогда от отчима по первое число. Мягкое место долго еще саднило после офицерского ремня, но Артем держался как пленный партизан и не выболтал военной тайны. И товарищи его молчали.

Им поверили.

Но вот теперь, вспоминая эту историю, Артем все чаще и чаще задумывался: не связано ли это путешествие, а главное, открытый ими барьер, с той нечистью, которая штурмовала их кордоны последние несколько лет?

Здороваясь по пути со встречными, останавливаясь то тут то там, чтобы послушать новости, пожать руку приятелю, чмокнуть знакомую девушку, рассказать старшему поколению, как дела у отчима, Артем добрался наконец до своего дома. Внутри никого не было, и он решил не дожидаться отчима, а лечь спать: восьмичасовое дежурство могло свалить с ног кого угодно. Он скинул сапоги, снял куртку и уткнулся лицом в подушку. Сон не заставил себя ждать.

Полог палатки приподнялся, и внутрь неслышно проскользнула массивная фигура, лица которой было не разглядеть, только видно было, как зловеще отсвечивает гладкий череп в красном аварийном освещении. Послышался глухой голос: «Ну, вот мы и встретились снова. Отчима твоего, я вижу, здесь нет. Не беда. Мы и его достанем. Рано или поздно. Не уйдет. А пока что ты пойдешь со мной. Нам есть о чем поговорить. К примеру, о барьере на Ботаническом». Артем, леденея, узнал в нем своего недавнего знакомого из кордона, того, что представился Хантером. А тот уже приближался к нему, медленно, бесшумно, и его лица все не было видно, свет падал как-то странно... Артем хотел позвать на помощь, но могучая рука,

холодная, как у трупа, зажала ему рот. Тут наконец ему удалось нащупать фонарь, включить его и осветить человеку в лицо. То, что он увидел, лишило его на миг сил и наполнило ужасом: вместо человеческого лица, пусть грубого и сурового, перед ним маячила страшная черная морда с двумя огромными бессмысленными глазами без белков и разверстой пастью... Артем рванулся, выскользнул и метнулся к выходу из палатки. Вдруг погас свет, и на станции стало совсем темно, только где-то вдалеке видны были слабые отсветы костра. Артем, не долго думая, бросился туда, на свет. Упырь выскочил за ним, рыча: «Стой! Тебе некуда бежать!» Загрохотал страшный смех, постепенно перерастая в знакомый кладбищенский вой. Артем бежал, не оборачиваясь, слыша за собой топот тяжелых сапог, не быстрый, размеренный, словно его преследователь знал, что спешить ему некуда, что все равно Артем ему попадется, рано или поздно...

Подбежав к костру, Артем увидел, что у огня спиной к нему сидит человек. Он принялся тормошить сидящего, прося помочь, но тот вдруг упал навзничь, и стало ясно, что он давно мертв и лицо его почему-то покрылось инеем. И в этом обмороженном человеке Артем узнал дядю Сашу, своего отчима...

– Эй, Артем! Хорош спать! Ну-ка, вставай давай! Ты уже семь часов кряду дрыхнешь... Вставай же, соня! Гостей принимать надо! – раздался голос Сухого.

Артем сел в постели и обалдело уставился на него.

– Ой, дядь Саш... Ты это... С тобой все нормально? – спросил он наконец, после минутного хлопанья ресницами. С трудом он поборол в себе желание спросить, жив ли Сухой вообще, да и то только потому, что факт был налицо.

– Да, как видишь! Давай-давай, вставай, нечего валяться. Я тебя со своим другом познакомлю, – произнес Сухой.

Рядом послышался знакомый глухой голос, и Артем покрылся испариной – вспомнился привидевшийся кошмар.

– А, так вы уже знакомы? – удивился Сухой. – Ну, Артем, ты шустрый!

Наконец в палатку протиснулся и гость. Артем вздрогнул и вжался в стенку палатки – это был Хантер. Кошмар снова пронесся перед глазами Артема: пустые темные глаза, грохот тяжелых сапог за спиной, окоченевший труп у костра...

– Да. Познакомились уже, – выдавил Артем, нехотя протягивая гостю руку.

Рука Хантера оказалась горячей и сухой, и Артем потихоньку начал убеждать себя, что это был просто сон, ничего плохого в этом человеке нет, просто воображение, распаленное страхами за восемь часов в кордоне, отыгралось на его снах...

– Слушай, Артем! Сделай нам доброе дело! Вскипяти водички для чая! Пробовал наш чай? – подмигнул Сухой гостю. – Ух, ядреное зелье!

– Ознакомился уже, – отозвался Хантер, кивая. – Хороший чай. На Печатниках тоже вот делают. Пойло пойлом. А у вас – совсем другое дело.

Артем пошел за водой, потом к общему костру – кипятить чайник. В палатках огонь разводить строго воспрещалось: так выгорело уже несколько станций.

По дороге он думал, что Печатники – это же совсем другой конец метро, дотуда черт знает сколько идти, столько пересадок, переходов, через столько станций пробраться надо – где обманом, где с боем, где благодаря связям... А этот так небрежно говорит: «На Печатниках тоже вот...» Да, что и говорить, интересный персонаж, хотя и страшноват. А ручища – как тисками давит, а ведь Артем тоже не слабак и сам не прочь помериться силой при рукопожатии.

Вскипятив чайник, он вернулся в палатку. Хантер уже скинул свой плащ, под которым обнаружилась черная водолазка с горлом, плотно обтягивающая мощную шею и бугристое могучее тело, заправленная в перетянутые офицерским ремнем военные штаны. Поверх водолазки был надет разгрузочный жилет с множеством карманов, а под мышкой в подплечной кобуре висел вороненый пистолет чудовищных размеров. Только тщательно приглядевшись, Артем понял, что это «Стечкин» с привинченным к нему длинным глушителем и еще с каким-

то приспособлением сверху, по всей видимости, лазерным прицелом. Стоить такой монстр должен был целое состояние. И ведь оружие, сразу подметил Артем, непростое, не для самообороны, это точно. И тут вспомнилось ему, что, когда Хантер представлялся, он к своему имени прибавил: «Охотник».

– Ну, Артем, чаю гостю наливай! Да садись ты, Хантер, садись! Рассказывай! – шумел Сухой. – Черт ведь знает, сколько тебя не видел!

– О себе я потом. Ничего интересного. Вот у вас, я слышал, странные вещи творятся. Нежить какая-то лезет. С севера. Послушал сегодня баек, пока в дозоре стояли. Что это? – в своей манере, короткими, словно рублеными фразами, спросил Хантер.

– Смерть это, Хантер, – внезапно помрачнев, ответил Сухой. – Это наша смерть будущая подбирается. Судьба наша подползает. Вот что это такое.

– Почему же смерть? Я слышал, вы очень успешно их давите. Они же безоружные. Но что это? Откуда и кто они? Я никогда не слышал о таком на других станциях. Никогда. А это значит, такого больше нигде нет. Я хочу знать, что это. Я чувствую очень большую опасность. Я хочу знать степень опасности, хочу понять ее природу. Поэтому я здесь.

– Опасность должна быть ликвидирована, да, Охотник? Ты так и остаешься ковбоем... Но может ли опасность быть ликвидирована – вот в чем вопрос, – грустно усмехнулся Сухой. – Вот в чем загвоздка. Тут все сложнее, чем тебе кажется. Намного сложнее. Это не просто зомби, мертвяки ходячие из кино. Это там все просто: заряжаешь серебряными пулями револьвер, – картинно вскинув сложенную в виде пистолета ладонь, продолжал он, – бах-бах, и силы зла повержены. Но тут что-то другое. Что-то страшное... А ведь меня трудно напугать, Хантер, и ты это знаешь.

– Паникуешь? – удивленно спросил Хантер.

– Их главное оружие – ужас. Народ еле выдерживает на своих позициях. Люди лежат с автоматами, с пулеметами – а на них идут безоружные. И все, зная, что за ними и качественное, и количественное превосходство, чуть не бегут, с ума сходят от ужаса, а некоторые уже сошли, по секрету тебе скажу. И это не просто страх, Хантер! – Сухой понизил голос. – Это... Не знаю даже, как и объяснить-то тебе толком... С каждым разом это все сильнее. Как-то они на голову действуют... И мне кажется, сознательно. Издалека их уже чувствуешь, и ощущение это все нарастает, гнусное такое беспокойство, что ли, и поджилки трястись начинают. А еще не слышно ничего и не видно, но ты уже знаешь, что они где-то близко, идут... Идут... И тут раздается вой – просто хоть беги... А подойдут поближе – трясти начинается. И долго еще потом видится, как они с открытыми глазами на прожектор идут....

Артем вздрогнул. Оказывается, кошмары мучили не только его. Раньше он на эту тему старался ни с кем не говорить – боялся, что сочтут за труса или за помешанного.

– Психику расшатывают, гады! – продолжал Сухой. – И знаешь, они словно на твою волну настраиваются, и в следующий раз ты их еще лучше чувствуешь, еще больше боишься. Это не просто страх... Я-то знаю.

Он замолчал. Хантер сидел неподвижно, изучая его взглядом и, очевидно, обдумывая услышанное. Потом он отхлебнул горячей настойки и проговорил медленно и тихо:

– Это угроза всему, Сухой. Всему этому загаженному метро, не только вашей станции.

Сухой молчал, словно не желая отвечать, но вдруг его прорвало:

– Всему метро, говоришь? Да нет, не только метро. Всему нашему прогрессивному человечеству, которое доигралось-таки со своим прогрессом. Пора платить! Борьба видов, Охотник. Борьба видов. И эти черные не нечисть, и никакие это не упыри. Это хомо новус – следующая ступень эволюции, лучше нас приспособленная к окружающей среде. Будущее за ними, Охотник! Может, сапиенсы еще погнут пару десятков, да даже и с полсотни лет в чертовых норах, которые они сами для себя вырыли, еще когда их было слишком много и все одновременно не умещались наверху, так что тех, кто победнее, приходилось днем запихивать под

землю. Станем бледными, чахлыми, как уэллсовские морлоки, помнишь, из «Машины времени»: в будущем жили у них под землей такие твари? Тоже когда-то были сапиенсами... Да, мы оптимистичны, мы не хотим подыхать! Мы будем на собственном дерьме растить грибочки, и свиньи станут новым лучшим другом человека, так сказать, партнером по выживанию... Мы с аппетитным хрустом будем жрать мультивитамины, тоннами заготовленные заботливыми предками. Мы будем робко выползать наверх, чтобы поспешно схватить еще одну канистру бензина, еще немного чьего-то тряпья, а если сильно повезет, еще горсть патронов, а потом скорее бежать назад, в свои душные подземелья, воровато оглядываясь по сторонам, не заметил ли кто. Потому что там, наверху, мы уже не у себя дома. Мир больше не принадлежит нам, Охотник... Мир больше не принадлежит нам.

Сухой замолчал, глядя, как медленно поднимается от чашки с чаем и тает в сумраке палатки пар. Хантер ничего не отвечал, и Артем вдруг подумал, что никогда он еще не слышал такого от своего отчима. Ничего не осталось от его обычной уверенности в том, что все обязательно будет хорошо, от его «Не дрейфь, прорвемся!», от его ободряющего подмигивания... Или это всегда было только показное?

– Молчишь, Охотник? Молчишь... Давай, ну, давай же, спорь! Где твои доводы? Где этот твой оптимизм? В последний раз, когда мы с тобой разговаривали, ты еще утверждал, что уровень радиации спадет и люди однажды вернутся на поверхность. Эх, Охотник... «Встанет солнце над лесом, только не для меня...» – издевательски пропел Сухой. – Мы зубами вцепимся в жизнь, мы будем держаться за нее изо всех сил, ведь что бы там ни говорили философы и ни твердили сектанты, вдруг там ничего нет? Не хочется верить, не хочется, но где-то в глубине души ты знаешь, что так и есть... А ведь нам нравится это дело, Охотник, не правда ли? Мы с тобой очень любим жить! Мы с тобой будем ползать по вонючим подземельям, спать в обнимку со свиньями и жрать крыс, но мы выживем! Да? Проснись, Охотник! Никто не напишет про тебя книжку «Повесть о настоящем человеке», никто не воспоеет твою волю к жизни, твой гипертрофированный инстинкт самосохранения... Сколько ты продержишься на грибах, мультивитаминах и свинине? Сдавайся, сапиенс! Ты больше не царь природы! Тебя свергли! Нет, тебе не обязательно подыхать сразу же, никто не настаивает. Поползай еще в агонии, захлебываясь в своих испражнениях... Но знай, сапиенс: ты отжил свое! Эволюция, законы которой ты постиг, уже совершила свой новый виток, и ты больше не последняя ступень, не венец творенья. Ты – динозавр. Надо уступить место новым, более совершенным видам. Не следует быть эгоистом. Игра окончена, пора дать поиграть другим. Твое время прошло. Ты вымер. И пусть грядущие цивилизации ломают головы над тем, отчего же вымерли сапиенсы. Хотя это вряд ли кого-нибудь заинтересует...

Хантер, во время этого монолога внимательно изучавший свои ногти, поднял наконец взгляд на Сухого и тяжело произнес:

– А ты здорово сдал с тех пор, как я тебя видел в последний раз. Ведь я помню, как ты говорил мне, что если сохраним культуру, если не скиснем, по-русски говорить не разучимся, если детей своих читать и писать научим, то ничего, то, может, и под землей протянем... Ты мне это говорил или не ты? И вот – сдавайся, сапиенс... Что же так?

– Да просто понял я кое-что, Охотник. Почувствовал то, что ты еще, может, поймешь, а может, и не поймешь никогда: мы динозавры и доживаем последние свои дни... Пусть и займет это десять или даже сто лет, но все равно...

– Соппротивление бесполезно, да? – недобрым голосом протянул Хантер. – К этому клонишь?

Сухой молчал, опустив глаза. Очевидно, многого стоило ему, никогда и никому не признававшемуся в своей слабости, сказать такое старому товарищу, да еще при Артеме. Больно ему было выбросить белый флаг...

– А вот нет! Не дождешься! – медленно выговорил Хантер, поднимаясь во весь рост. – И они не дождутся! Новые виды, говоришь? Эволюция? Неотвратимое вымирание? Дерьмо? Свиньи? Витамины? Я еще и не через такое проходил. Я этого не боюсь. Понял? Я руки вверх не поднимаю. Инстинкт самосохранения? Называй это так. Да, я зубами за жизнь цепляться буду. Имел я твою эволюцию. Пусть другие виды подождут в общей очереди. Я не скотина, которую ведут на убой. Капитулируй и иди к этим своим более совершенным и более приспособленным, уступи им свое место в истории! Если ты чувствуешь, что отвоевался, валяй – дезертируй, я не осужу тебя. Но не пытайся меня напугать. И не пробуй тащить меня за собой на скотобойню. Зачем ты читаешь мне проповеди? Если ты не будешь один, если ты сдашься в коллективе, тебе не будет так стыдно? Или враги обещают миску горячей каши за каждого товарища, приведенного в плен? Моя борьба безнадежна? Говоришь, мы на краю пропасти? Я плюю в твою пропасть. Если ты думаешь, что твое место – на дне, набери побольше воздуха и – вперед. А мне с тобой не по пути. Если Человек Разумный, рафинированный и цивилизованный сапиенс выбирает капитуляцию, то я откажусь от этого почетного звания и лучше стану зверем. И буду, как зверь, цепляться за жизнь и грызть глотки другим, чтобы выжить. И я выживу. Понял?! Выживу!

Он сел и тихо попросил у Артема плеснуть ему еще чая. Сухой встал сам и пошел доливать и греть чайник, мрачный и молчаливый. Артем остался в палатке наедине с Хантером. Последние его слова, это его звенящее презрение, его злая уверенность, что он выживет, зажгли Артема. Он долго не решался заговорить первым. И тогда Хантер обратился к нему сам:

– Ну, а ты что думаешь, парень? Говори, не стесняйся... Тоже хочешь как растение? Как динозавр? Сидеть на вещах и ждать, пока за тобой придут? Знаешь притчу про лягушку в молоке? Как попали две лягушки в крынки с молоком. Одна, рационально мыслящая, вовремя поняла, что сопротивление бесполезно и что судьбу не обмануть. А там вдруг еще загробная жизнь есть, так к чему излишне напрягаться и напрасно тешить себя пустыми надеждами? Сложила лапки и пошла ко дну. А вторая дура, наверное, была или атеистка. И давай барахтаться. Казалось бы, чего ей дергаться, если все предопределено? Барахталась она, барахталась... Пока молоко в масло не сбила. И вылезла. Почтим память ее товарки, безвременно погибшей во имя прогресса философии и рационального мышления.

– Кто вы? – отважился, наконец, спросить Артем.

– Кто я? Ты знаешь уже, кто я. Охотник.

– Но что это значит – охотник? Чем вы занимаетесь? Охотитесь?

– Как тебе объяснить... Ты знаешь, как устроен человеческий организм? Он состоит из миллионов крошечных клеток – одни передают электрические сигналы, другие хранят информацию, третьи всасывают питательные вещества, четвертые переносят кислород... Но все они, даже самые важные из них, погибли бы меньше чем за день, погиб бы весь организм, если бы не было клеток, ответственных за иммунитет. Их называют макрофаги. Они работают методично и размеренно, как часы, как метроном. Когда зараза проникает в организм, они находят ее, отслеживают, где бы она ни пряталась, рано или поздно достают ее и... – он сделал рукой жест, словно сворачивал кому-то шею, и издал неприятный хрустящий звук, – ликвидируют.

– Но какое отношение это имеет к вашей профессии? – настаивал Артем.

– Представь, что весь метрополитен – это человеческий организм. Сложный организм, состоящий из сорока тысяч клеток. Я – макрофаг. Охотник. Это моя профессия. Любая опасность, достаточно серьезная, чтобы угрожать всему организму, должна быть ликвидирована. Это моя работа.

Вернулся наконец Сухой с чайником и, наливая кипящий отвар в кружки, очевидно, собравшись за время своего отсутствия с мыслями, обратился к Хантеру:

– Что же ты собираешься предпринять для ликвидации источника опасности, ковбой? Отправиться на охоту и перестрелять всех черных? Едва ли у тебя что-либо выйдет. Нечего делать, Хантер. Нечего.

– Всегда остается еще один выход, самый последний. Взорвать ваш северный туннель к чертям. Завалить полностью. И отсечь твой новый вид. Пусть себе размножаются сверху и не трогают нас, кротов. Подземелье – это теперь наша среда обитания.

– Я тебе кое-что интересное расскажу. Об этом мало кто знает на нашей станции. У нас уже взорван один перегон. Так вот, над нами – над северными туннелями – проходят потоки грунтовых вод. И, уже когда взрывали вторую северную линию, нас чуть не затопило. Чуть посильнее был бы заряд – и прощай, родная ВДНХ. Так вот, если мы теперь рванем оставшийся северный туннель, нас не просто затопит. Нас смоем радиоактивной жижей. Тогда конец настанет не только нам. Вот в чем кроется подлинная опасность для метро. Если ты вступишь в межвидовую борьбу сейчас и таким способом, наш вид проиграет. Шах.

– А что гермоворота? Неужели нельзя просто закрыть гермоворота в туннеле с той стороны? – вспомнил Хантер.

– Гермоворота еще лет пятнадцать назад неизвестные умники по всей линии разобрали и пустили на фортификацию какой-то станции, сейчас даже никто и не помнит уже, какой. Неужели сам не знал? Вот тебе еще шах.

– Скажи мне... Их напор усиливается в последнее время? – Хантер, кажется, сдался и перевел разговор на другую тему.

– Усиливается? Еще как! А ведь поверить трудно, какое-то время назад мы о них даже ничего не знали. А теперь вот – главная угроза. И верь мне, близок тот день, когда нас просто сметут, со всеми нашими укреплениями, прожекторами и пулеметами. Ведь невозможно поднять все метро на защиту одной никчемной станции... Да, у нас делают очень неплохой чай, но вряд ли кто-либо согласится рисковать своей жизнью даже из-за такого замечательного чая, как наш. В конце концов, всегда есть конкуренты с Печатников... Опять шах! – грустно усмехнулся Сухой. – Мы никому не нужны. Сами мы уже скоро будем не в состоянии справиться с натиском. Отсечь их, взорвать туннель мы не можем. Подняться наверх и выжечь их там мы тоже не в состоянии, по понятным всем причинам... Мат. Мат тебе, Охотник! И мне мат. Всем нам в ближайшем времени полный мат, если ты понимаешь, что я имею в виду, – криво усмехнулся Сухой.

– Посмотрим, – отрезал Хантер. – Посмотрим.

Они посидели еще, разговаривая о всякой всячине; часто звучали незнакомые Артему имена, отрывки когда-то недосказанных или недослушанных историй. Время от времени вдруг вспыхивали какие-то старые споры, в которых Артем мало что понимал и которые, очевидно, продолжались годами, притухая на время расставания друзей и вновь разгораясь при встрече.

Наконец Хантер встал и, сказав, что ему пора спать, потому что он, в отличие от Артема, после дозора так и не ложился, попрощался с Сухим. Но перед выходом он вдруг обернулся к Артему и шепнул ему: «Выйди на минутку».

Артем тут же выскочил вслед за ним, не обращая внимания на удивленный взгляд отчима. Хантер ждал его снаружи, наглухо застегивая свой длинный плащ и поднимая ворот.

– Пройдемся? – предложил он и неспешно зашагал по платформе вперед, к палатке для гостей, в которой остановился. Артем нерешительно двинулся вслед за ним, пытаясь догадаться, о чем такой человек хочет поговорить с ним, с мальчишкой, который пока что не сделал для других решительно ничего значительного и даже просто полезного.

– Что ты думаешь о том, чем я занимаюсь? – спросил Хантер.

– Здорово... Ведь если бы вас не было... Ну, и других, таких, как вы, если такие еще есть... То мы бы уже все давно... – смущенно пробормотал Артем.

Его бросило в жар от собственного косноязычия. Вот как раз сейчас, когда такой человек обратил на него внимание и что-то хочет ему лично сказать, даже попросил выйти, чтобы наедине, без отчима, он краснеет, как девица, и что-то мучительно блеет...

– Ценишь? Ну, если народ ценит, – усмехнулся Хантер, – значит, нечего слушать пораженцев. Трясется твой отчим, вот что. А ведь он действительно храбрый человек... Во всяком случае, был таким. Что-то у вас страшное творится, Артем. Что-то такое, чего нельзя так оставить. Прав твой отчим: это не просто нежить, как на десятках других станций, не просто вандалы, не выродки. Тут что-то новое. Что-то зловещее. От этого нового веет холодом. Могилой веет. Всего за вторые сутки на вашей станции я уже начинаю проникаться этим страхом. И чем больше ты знаешь о них, чем больше ты их изучаешь, чем больше их видишь, тем сильнее страх, я так понимаю. Ты, например, их не часто видел, так?

– Один раз пока что: я только недавно стал на север в дозоры ходить, – признался Артем. – Но мне, правду сказать, и одного этого раза хватило. До сих пор кошмары мучают. Вот сегодня, например. А ведь сколько времени уже прошло с того дня!

– Кошмары, говоришь? И у тебя тоже? – нахмурился Хантер. – Да, непохоже на случайность... И поживи я тут еще немного, пару месяцев, походи я в дозоры эти ваши регулярно, не исключено, что тоже скисну... Нет, пацан. Ошибся твой отчим в одном. Не он это говорит. Не он так считает. Это они за него думают, и они же за него говорят. Сдавайтесь, говорят, сопротивление бесполезно. А он у них рупором. И сам того, наверное, не понимает... И вправду, наверное, настраиваются, сволочи, и на психику давят. Вот дьяволыщина! Скажи, Артем, – обратился он напрямую, по имени, и парень понял: тот собирается сказать ему что-то действительно важное. – Есть у тебя секрет? Что-нибудь такое, что никому со станции ты бы не сказал, а постороннему человеку открыть сможешь?

– Н-ну... – замялся Артем, и проницательному человеку этого было бы достаточно, чтобы понять, что такой секрет есть.

– И у меня есть секрет. Давай меняться. Нужно мне с кем-то своей тайной поделиться, но я хочу быть уверенным, что ее не выболтают. Поэтому давай ты мне свой – и не чепуху какую-нибудь про девчонок, а что-нибудь серьезное, чего больше никто не должен услышать. И я тебе скажу кое-что. Это для меня важно. Очень важно, понимаешь?

Артем колебался. Любопытство, конечно, разбирало, но боязно было свою тайну, ту самую, раскрыть этому человеку, который был не только интересным собеседником и человеком с полной приключений жизнью, но, судя по всему, и хладнокровным убийцей, без малейших колебаний устранявшим любые помехи на своем пути. А ведь если Артем и на самом деле окажется причастен к вторжению черных...

Хантер ободряюще взглянул ему в глаза:

– Меня тебе опасаться нечего. Гарантирую неприкосновенность! – и он заговорщически подмигнул.

Они подошли к гостевой палатке, на эту ночь отданной Хантеру в полное распоряжение, но остались снаружи. Артем подумал в последний раз и все же решился. Он набрал побольше воздуха и затем поспешно, на одном дыхании, выложил всю историю про поход на Ботанический Сад. Когда он остановился, Хантер некоторое время молчал, переваривая услышанное. Затем он хриплым голосом протянул:

– Вообще говоря, тебя и твоих друзей за это следует убить, из воспитательных соображений. Но я уже гарантировал тебе неприкосновенность. На твоих друзей она, впрочем, не распространяется...

Сердце Артема сжалось, он почувствовал, как цепенеет от страха тело и подгибаются ноги. Говорить он был не в состоянии и потому молча ждал продолжения обвинительной речи.

– Но ввиду возраста и общей безмозглости на момент происшествия, а также за давностью лет вы помилованы. Живи, – и, чтобы поскорее вывести Артема из прострации, Хантер

еще раз, теперь ободряюще, подмигнул ему. – Но учти, что от твоих соседей по станции пощады тебе не будет. Так что ты добровольно передал в мои руки мощное оружие против себя самого. А теперь послушай мой секрет...

И, пока Артем раскаивался в своей болтливости, продолжил:

– Я на эту станцию через весь метрополитен не зря шел. Я от своего не отступаю. Опасность должна быть устранена, как ты уже, наверное, не раз сегодня слышал. Должна и будет устранена. Я сделаю это. Твой отчим боится. Он медленно превращается в их оружие, как я понимаю. Он и сам сопротивляется все неохотнее, и меня пытается разубедить. Если грунтовые воды – это правда, тогда вариант со взрывом туннеля, конечно, отменяется. Но твой рассказ для меня кое-что прояснил. Если черные впервые начали пробираться сюда после вашего похода, то идут они с Ботанического Сада. Что-то там не то, должно быть, выращивали, в этом Ботаническом Саду, если там такое зародилось... И, значит, их можно блокировать там, ближе к поверхности. Без угрозы высвободить грунтовые воды. Но черт знает, что происходит за семисотым метром в северном туннеле. Там ваша власть заканчивается. Начинается власть тьмы – самая распространенная форма правления на территории Московского метрополитена. Я пойду туда. Об этом не должен знать никто. Сухому скажешь, что я расспрашивал тебя об обстановке на станции, и это будет правдой. Да тебе, пожалуй, и не придется ничего объяснять: если все пройдет гладко, сам все объясню кому надо. Но может случиться так, – прервался он на секунду, внимательно посмотрев Артему в глаза, – что я не вернусь. Будет взрыв или нет, если я не вернусь до завтрашнего утра, кто-то должен передать, что со мной случилось, и рассказать, что за дьяволы творятся в ваших северных туннелях, моим товарищам. Всех своих прежних знакомых на этой станции, включая твоего отчима, я сегодня видел. И я чувствую, я почти вижу, как маленький червячок сомнения и ужаса гложет мозг у всех, кто часто подвергается их воздействию. Я не могу положиться на людей с червячими мозгами. Мне нужен здоровый человек, чей рассудок еще не штурмовали эти упыри. Мне нужен ты.

– Я? Но чем я могу вам помочь? – удивился Артем.

– Послушай меня. Если я не вернусь, ты должен будешь любой ценой – любой ценой, слышишь?! – попасть в Полис. В Город... И разыскать там человека по кличке Мельник. Ему ты расскажешь всю историю. И вот еще что. Я тебе дам сейчас одну вещь, передашь ему в доказательство того, что тебя послал я. Зайди на секунду! – Сняв замок с входа, Хантер поднял полог и пропустил Артема внутрь.

В палатке было тесно из-за огромного заплечного рюкзака защитного цвета и внушительных размеров баула, стоящих на полу. В свете фонаря Артем разглядел мрачно поблескивающий в недрах сумки ствол какого-то солидного оружия, по всей видимости, разобранного армейского ручного пулемета. Прежде чем Хантер закрыл его от посторонних глаз, Артем успел заметить тускло-черные металлические короба с пулеметными лентами, плотно уложенные в ряд по одну сторону от оружия, и небольшие зеленые противопехотные гранаты – по другую.

Не сделав никаких комментариев по поводу этого арсенала, Хантер открыл боковой карман рюкзака и извлек оттуда маленькую металлическую капсулу, изготовленную из автоматной гильзы. С той стороны, где должна была находиться пуля, капсула оканчивалась закручивающейся крышкой.

– Вот, держи. Не жди меня больше двух дней. И не бойся. Ты везде встретишь людей, которые тебе помогут. Сделай это обязательно! Ты знаешь, что от тебя зависит. Мне не нужно тебе это еще раз объяснять, ведь так? Все. Пожелай мне удачи и проваливай... Мне нужно отоспаться.

Артем еле выдавил из себя слова прощания, пожал могучую лапу Хантера и побрел к своей палатке, сутулясь под тяжестью возложенной на него миссии.

Глава 3. Если я не вернусь

Артем думал, что допроса с пристрастием по приходу домой ему не миновать: наверняка отчим будет трясти его, допытываясь, о чем они с Хантером разговаривали. Но, вопреки его ожиданиям, тот вовсе не ждал его с дыбой и испанскими сапогами наготове, а мирно посапывал – до этого ему не удавалось выспаться больше суток.

Из-за ночных дежурств и дневного сна Артему теперь опять предстояло отрабатывать в ночную смену – на чайной фабрике.

За десятилетия жизни под землей, во тьме, частично рассеиваемой мутно-красным светом, истинное понимание дня и ночи постепенно стерлось. По ночам освещение станции несколько ослабевало, как это делалось когда-то в поездах дальнего следования, чтобы люди могли выспаться, но никогда, кроме аварийных ситуаций, не гасло совсем. Как ни обострилось за годы, прожитые во тьме, человеческое зрение, оно все же не могло сравниться со зрением созданий, населявших туннели и заброшенные переходы.

Разделение на «день» и «ночь» происходило скорее по привычке, чем по необходимости. «Ночь» имела смысл постольку, поскольку большей части обитателей станции было удобно спать в одно время, тогда же отдыхал и скот, ослабляли освещение и запрещалось шуметь. Точное время обитатели станции узнавали по двум станционным часам, установленным над входом в туннели с противоположных сторон. Часы эти по важности приравнялись к таким стратегически важным объектам, как оружейный склад, фильтры для воды и электрогенератор. За ними всегда наблюдали, малейшие сбои немедленно исправлялись, а любые, не только диверсионные, но даже просто хулиганские попытки сбить их карались самым суровым образом, вплоть до изгнания со станции.

Здесь был свой жесткий уголовный кодекс, по которому администрация ВДНХ судила преступников скорым трибуналом, учитывая постоянное чрезвычайное положение, теперь, по всей видимости, установленное навечно. Диверсии против стратегических объектов влекли за собой высшую меру. За курение и разведение огня на перроне вне специально отведенного для этого места, как и за неаккуратное обращение с оружием и взрывчаткой, полагалось немедленное изгнание со станции с конфискацией имущества.

Эти драконовские меры объяснялись тем, что уже несколько станций сгорело дотла. Огонь мгновенно распространялся по палаточным городкам, пожирая всех без разбора, и безумные, полные боли крики еще долгие месяцы после катастрофы эхом отдавались в ушах жителей соседних станций, а обуглившиеся тела, склеенные расплавленным пластиком и брезентом, скалили потрескавшиеся от немыслимого жара пламени зубы в свете фонарей проходящих мимо перепуганных челноков и случайно забредших в этот ад путешественников.

Во избежание повторения столь мрачной участи на большинстве станций неосторожное обращение с огнем внесли в разряд тяжких уголовных преступлений.

Изгнанием карались также кражи, саботаж и злостное уклонение от трудовой деятельности. Впрочем, учитывая, что почти все время все были на виду и что на станции жили всего двести с небольшим человек, такие преступления, да и преступления вообще, совершались довольно редко, и в основном чужаками.

Трудовая повинность на станции была обязательной, и все, от мала до велика, должны были отработать свою ежедневную норму. Свиноферма, грибные плантации, чайная фабрика, мясокомбинат, пожарная и инженерная службы, оружейный цех – каждый житель работал в одном, а то и в двух местах. Мужчины к тому же были обязаны раз в двое суток нести боевое дежурство в одном из туннелей, а во времена конфликтов или появления из глубин метро какой-то новой опасности дозоры многократно усиливались и на путях постоянно стоял готовый к бою резерв.

Так четко жизнь была отлажена на очень немногих станциях, и добрая слава, которая закрепилась за ВДНХ, привлекала множество желающих обосноваться на ней. Однако чужаков на поселение принимали редко и неохотно.

До ночной смены на чайной фабрике оставалось еще несколько часов, и Артем, не зная, куда себя деть, поплелся к своему лучшему другу Женьке, тому самому, с которым они в свое время предприняли головокружительное путешествие на поверхность.

Женька был его ровесником, но жил, в отличие от Артема, со своей настоящей семьей: с отцом, матерью и младшей сестренкой. Случаев, когда спастись удалось целой семье, были единицы, и Артем втайне завидовал своему другу. Он, конечно, очень любил отчима и уважал его даже теперь, после того, как у того сдали нервы, но при этом прекрасно понимал, что Сухой ему не отец, да и вообще не родня, и никогда не звал его папой.

А Сухой, вначале сам попросивший Артема называть его дядей Сашей, со временем раскаялся в этом. Годы его шли, а он, старый туннельный волк, так и не успел обзавестись настоящей семьей, не было у него даже женщины, которая ждала бы его из походов. У него щемило сердце при виде матерей с маленькими детьми, и он мечтал о том, что настанет и в его жизни тот день, когда не надо будет больше в очередной раз уходить в темноту, исчезая из жизни станции на долгие дни и недели, а может, и навсегда. И тогда, он надеялся, найдется женщина, готовая стать его женой, и родятся дети, которые, когда научатся говорить, станут называть его не дядей Сашей, а отцом.

Старость и немощность подступали все ближе, времени оставалось меньше и меньше, и надо, наверное, было спешить, но все никак не удавалось вырваться. Задание сменялось заданием, и не находилось пока еще никого, кому можно было бы передать часть своей работы, доверить свои связи, открыть профессиональные секреты, чтобы самому заняться, наконец, какой-нибудь непыльной работой на станции. Он уже давненько подумывал о занятии поспокойнее и даже знал, что вполне может рассчитывать на руководящую должность на станции благодаря своему авторитету, блестящему послужному списку и дружеским отношениям с администрацией. Но пока достойной замены ему не было видно даже на горизонте, и, теша себя мыслями о счастливом завтра, он жил днем сегодняшним, все откладывая окончательное возвращение и продолжая орошать своими потом и кровью гранит чужих станций и бетон дальних туннелей.

Артем знал, что отчим, несмотря на свою почти отеческую к нему любовь, не думает о нем как о продолжателе своего дела и по большому счету считает его балбесом, причем совершенно незаслуженно. В дальние походы он Артема не брал, несмотря на то, что Артем все вырослел и уже нельзя было отговориться тем, что он еще маленький и его зомби утащат или крысы съедят. Он и не понимал даже, что именно этим своим неверием в Артема подталкивал его к самым отчаянным авантюрам, за которые сам его потом и порол. Он, видимо, хотел, чтобы Артем не подвергал бессмысленной опасности своей жизни в странствиях по метро, а жил так, как мечталось жить самому Сухому: в спокойствии и безопасности, работая и растя детей, не тратя понапрасну своей молодости. Но, желая такой жизни Артему, он забывал, что сам, прежде чем начать стремиться к ней, прошел через огонь и воду, успел пережить сотни приключений и насытиться ими. И не мудрость, приобретенная с годами, говорила в нем теперь, а годы и усталость. В Артеме же кипела энергия, он только начинал жить, и влачить жалкое растительное существование, кроша и засушивая грибы, меняя пеленки, не осмеливаясь никогда выходить за пятисотый метр, казалось ему совершенно немыслимым. Желание удрать со станции росло в нем с каждым днем, так как он все яснее и яснее понимал, какую долю ему готовит отчим. Карьера чайного фабриканта и роль многодетного отца Артему нравились меньше всего на свете. Именно тягу к приключениям, желание быть подхваченным, словно перекасти-поле, туннельными сквозняками и нестись вслед за ними в неизвестность, навстречу своей судьбе, и угадал в нем, наверное, Хантер, попросив о такой непростой, связанной с огромным риском

услуге. У него, Охотника, был тонкий нюх на людей, и уже после часового разговора он понял, что сможет положиться на Артема. Даже если Артем не дойдет до места назначения, он, по крайней мере, не останется на станции, запомнявав о поручении, если с Хантером случится что-нибудь на Ботаническом Саду.

И Охотник не ошибся в своем выборе.

Женька, на счастье, был дома, и теперь Артем мог скоротать вечер за последними сплетнями, разговорами о будущем и крепким чаем.

– Здорово! – откликнулся приятель на приветствие Артема. – Ты тоже сегодня в ночь на фабрике? И меня вот поставили. Так ломало, хотел уже у начальства просить, чтобы поменяли. Но если тебя ко мне поставят, ничего, потерплю. Ты сегодня дежурил, да? В дозоре был? Ну, рассказывай! Я слышал, у вас там ЧП было... Что там произошло-то?

Артем многозначительно покосился на Женькину младшую сестренку, которая так заинтересовалась предстоящим разговором, что даже перестала пичкать тряпичную куклу, сшитую для нее матерью, грибными очистками и, затаив дыхание, смотрела на них из угла палатки круглыми глазами.

– Слышь, малая! – поняв, что именно Артем имеет в виду, сурово сказал Женька. – Ты, это, давай собирай свои вещички и иди, играй к соседям. Кажется, тебя Катя в гости приглашала. С соседями надо поддерживать хорошие отношения. Так что давай, бери своих пупсиков в охапку – и вперед!

Девочка что-то возмущенно пропищала и с обреченным видом начала собираться, попутно делая внушения своей кукле, тупо смотревшей в потолок полустертыми глазами.

– Подумаешь, какие важные! Я и так все знаю! Про поганки эти ваши говорить будете! – презрительно бросила она на прощание.

– А ты, Ленка, мала еще про поганки рассуждать. У тебя еще молоко на губах не обсохло! – поставил ее на место Артем.

– Что такое молоко? – недоуменно спросила девочка, трогая свои губы.

Однако до объяснений никто не снизошел, и вопрос повис в воздухе.

Когда она ушла, Женька застегнул изнутри полог палатки и спросил:

– Ну, что случилось-то? Давай колись! Я тут столько всего слышал уже. Одни говорят, крыса огромная из туннеля вылезла, другие, что вы лазутчика черных отпугнули и даже ранили. Кому верить?

– Никому не верь! – посоветовал Артем. – Все врут. Собака это была. Щенок маленький. Его Андрей подобрал, который морпех. Сказал, что будет немецкую овчарку из него выращивать, – улыбнулся Артем.

– А я ведь от Андрея как раз и слышал, что это крыса была! – озадаченно произнес Женька. – Он специально наврал, что ли?

– А ты не знаешь? Это ведь у него любимая прибаутка: про крыс размером со свиней. Юморист он, понимаешь, – отозвался Артем. – А у тебя чего нового? Что от пацанов слышно?

Женькины друзья были челноками, поставляли чай и свинину на Проспект Мира, на ярмарку. Обратно везли мультивитамины, тряпки, всякое барахло, иногда даже доставали засаленные, часто с недостающими страницами, книги, которые неведомыми путями оказывались на Проспекте Мира, пройдя полметра, кочуя из баула в баул, из кармана в карман, от торговца к торговцу, чтобы, наконец, найти своего хозяина.

На ВДНХ гордились тем, что, несмотря на удаленность от центра и главных торговых путей, поселенцам удавалось не просто выжить в ухудшающихся день ото дня условиях, но и поддерживать, хотя бы в пределах станции, стремительно угасающую во всем метрополитене человеческую культуру.

Администрация станции старалась уделять этому вопросу как можно больше внимания. Детей обязательно учили читать, и на станции даже имелась своя маленькая библиотека, в

которую в основном и свозились все выторгованные на ярмарках книги. Беда заключалась в том, что книги челнокам выбирать не приходилось, брали, что давали, и всякой макулатуры скапливалось предостаточно.

Но отношение к книгам у жителей станции было таково, что даже из самой никчемной библиотечной книжонки никогда и никем не было вырвано ни странички. К книгам относились как к святыне, как к последнему напоминанию о канувшем в небытие прекрасном мире. И взрослые, дорожившие каждой секундой воспоминаний, навеянных чтением, передавали это отношение к книгам своим детям, которым и помнить уже было нечего, которые никогда не знали и не могли узнать иного мира, кроме нескончаемого переплетения угрюмых и тесных туннелей, коридоров и переходов.

В метро были немногочисленные места, в которых печатное слово так же боготворилось, и жители ВДНХ с гордостью считали свою станцию одним из последних оплотов культуры, северным форпостом цивилизации на Калужско-Рижской линии.

Читали книги и Артем, и Женька. Женька дожидался каждый раз возвращения с ярмарки своих друзей и первым подлетал к ним узнать, не достали ли они чего-нибудь новенького. И тогда книга сперва попадала к Женьке, а только потом уже в библиотеку.

Артему книги приносил из своих походов отчим, и в палатке у них была почти настоящая книжная полка. На ней стояли пожелтевшие от времени, иногда чуть подпорченные плесенью и крысами, иногда в бурых пятнышках чьей-то засохшей крови, такие вещи, которых больше не было ни у кого на станции, а может, и во всем метро: Маркес, Кафка, Борхес, Виан, несколько томов русской классики.

– Ребята на этот раз ничего не привезли, – сказал Женька. – Леха говорит, там у одного мужика через месяц будет партия книг из Полиса. Обещал придержать парочку.

– Да я не про книги! – отмахнулся Артем. – Что слышно-то? Как обстановка?

– Обстановка? Вроде ничего. Ходят, конечно, слухи всякие, но это как всегда, ты же знаешь, челноки не могут без слухов и историй. Они прямо чахнут, ты их не корми, а слухи дай рассказать. Но верить в их байки или не верить – это еще вопрос. Вроде сейчас спокойно все. Если, конечно, сравнивать с тем временем, когда Ганза с красными воевала. Да! – вспомнил он. – На Проспекте Мира запретили дурь продавать. Теперь, если у челнока дурь находят, все конфискуют и со станции вышвыривают, плюс на заметку берут. Если во второй раз найдут, Леха говорит, вообще на несколько лет запрещают доступ на Ганзу. На всю! Челноку это вообще смерть.

– Да ладно! Прямо так и запретили? Что это они?

– Говорят, решили, что это наркотик, раз от нее глюки идут. И что от нее мозг отмирать начинает, если долго глотать. Типа, о здоровье заботятся.

– Вот и заботились бы о своем здоровье! Что они нашим вдруг обеспокоились?

– Знаешь что? – сказал Женька тоном ниже. – Леха говорит, что они вообще дезу пускают насчет вреда здоровью.

– Какую дезу? – удивленно спросил Артем.

– Дезинформацию. Вот слушай. Леха один раз зашел дальше Проспекта Мира по нашей линии. Добрался до Сухаревской. По делам по каким-то темным, он даже рассказывать не стал, по каким. И повстречал там одного интересного дядьку. Мага.

– Кого?! – Артем не выдержал и засмеялся. – Мага? На Сухаревской? Ну, он и гонит, твой Леха! И что, маг ему волшебную палочку подарил? Или цветик-семицветик?..

– Дурак ты, – обиделся Женька. – Думаешь, больше всех обо всем знаешь? То, что ты до сих пор не встречал магов и не слышал о них, не значит, что их нет. Вот в мутантов с Филевки ты веришь?

– А что в них верить? Они и так есть, это ясно. Мне отчим рассказывал. А про магов я что-то ничего не слышал.

– Сухой, между прочим, при всем моем к нему уважении, тоже, наверное, не все на свете знает. А может, просто тебя пугать не хотел. Короче, не хочешь слушать, черт с тобой.

– Да ладно, Жень, рассказывай. Интересно все-таки. Хотя звучит, конечно... – Артем ухмыльнулся.

– Ну вот. Они там ночевали рядом у костра. На Сухаревской, знаешь, никто постоянно не живет. Так, челноки с других станций на ночлег останавливаются, потому что с Проспекта Мира их власти Ганзы после отбоя выпроваживают. Ну, и всякий сброд там же ошивается, шарлатаны разные, ворюги – они к челнокам так и липнут. И странники там же отдыхают, перед тем как на юг идти. Там, за Сухаревской, в туннелях, начинается какой-то бред. Вроде и не живет там никто: ни крысы, ни мутанты никакие, а все равно люди, которые пытаются пройти, очень часто пропадают. Вообще пропадают, бесследно. За Сухаревской следующая станция – Тургеневская. Она с Красной Линией смежная: там на Чистые Пруды переход был, красные теперь обратно в Кировскую переименовали: был, говорят, такой коммунака... Испугались с такой станцией по соседству жить. Замуровали переход. И Тургеневская теперь пустая стоит. Заброшенная. Так что туннель там до ближайшего человеческого жилья от Сухаревской длинный... Вот в нем и исчезают. Поодиночке если люди идут, почти наверняка не пройдут. А если караваном, больше чем десять человек, тогда проходят. И ничего, говорят, нормальный туннель, чистый, спокойный, пустой, там и ответвлений-то нет и исчезнуть вроде бы некуда... Ни души, не шуршит ничего, ни твари никакой не видно... А потом на следующий день наслушается кто-нибудь про то, как там чисто и уютно, плюнет на суеверия, пойдет через этот туннель – и все, как корова языком слизнула. Был человек, и нет человека.

– Ты там что-то про мага рассказывал, – тихонько напомнил Артем.

– Сейчас и до мага доберусь, погоди немного, – пообещал Женька. – Так вот, люди боятся через эти туннели на юг поодиночке идти. И на Сухаревской себе компаньонов подыскивают, чтобы вместе, значит, пробираться. А если ярмарки нет, то людей мало и иногда днями приходится сидеть и ждать, а то и неделями, пока наберется достаточно людей, чтобы идти. Ведь как: чем больше народу, тем надежней. Леха говорит, там можно очень интересных людей встретить иногда. Швали, конечно, тоже достаточно, надо уметь отличать. Но бывает, повезет – и тогда такого наслушаешься... В общем, Леха там мага встретил. Не то, что ты думаешь, не Хоттабыча какого-нибудь плешивого из волшебной лампы...

– Хоттабыч – джинн, а не маг, – осторожно поправил Артем, но Женька проигнорировал его замечание и продолжал:

– Мужик – оккультист. Полжизни потратил на изучение всякой мистической литературы. Особенно Леха про какого-то Кастаньеду вспоминал... Мужик, значит, вроде мысли читает, в будущее смотрит, вещи находит, об опасности заранее знает. Говорит, что духов видит. Представляешь, он даже... – Женька выдержал артистическую паузу, – по метро без оружия путешествует! То есть вообще без оружия. Только нож складной – продукты резать, и посох такой – из пластика. Так вот! Он говорит, что и те, кто дурь делает, и те, кто ее глотает, – все безумцы. Потому что это вовсе не то, что мы думаем. Это не дурь никакая, и поганки эти – никакие не поганки на самом деле. Таких поганок в средней полосе отродясь не росло. Мне, между прочим, однажды попался справочник грибника, так вот там об этих поганках действительно ни слова. И даже ничего похожего на них нет... Те, кто их ест, думая, что это просто галлюциноген, мультики посмотреть, ошибаются, так этот маг сказал. И если эти поганки чуть по-другому приготовить, то с их помощью можно входить в такое состояние, из которого можно управлять событиями в реальном мире из мира этих поганок, в который ты попадаешь, если их ешь.

– Вот маг твой – точно натуральный наркоман! – убежденно заявил Артем. – У нас тут многие дурью балуются, чтобы расслабиться, сам знаешь, но никто до такой степени еще не наглатывался. Мужик подсел, сто процентов. Ему уже недолго, наверное, осталось. Слушай, мне тут дядя Саша такую историю рассказал... На какой-то станции, я не помню уже на какой,

к нему пристал незнакомый старикашка, и давай рассказывать, что он могучий экстрасенс и ведет непрекращающуюся битву против таких же мощных экстрасенсов и инопланетян, только злых. И что они его уже почти одолели, и он, может, уже и этого дня не выдержит, все силы уходят на борьбу. А станция – вроде Сухаревской, так, полустанок, костры и люди сидят, поближе к центру платформы, подальше от туннеля, чтобы выспаться и завтра – дальше в путь. И вот, скажем, проходят мимо отчима со стариком три каких-то человека, и старик ему со страхом говорит: видишь, мол, вот тот, что посередине, это один из главных злых экстрасенсов, адепт тьмы. А по бокам – это инопланетяне. Они ему помогают. А их главный живет в самой глубокой точке метро. Как-то его зовут, мне отчим рассказывал... На «ский» заканчивается. И говорит, мол, они не хотят подходить ко мне, потому что ты тут со мной сидишь. Не хотят, чтобы о нашей борьбе простые люди узнали. Но меня сейчас энергетически атакуют, а я им щит ставлю. Я, мол, еще повоюю! Тебе вот смешно, а отчиму моему не очень тогда смешно было. Представь себе: богом забытый угол метро, мало ли, что там может произойти... Звучит, конечно, бредово, но все-таки. И вот дяде Саше, хотя он себе повторяет, что это просто больной человек, уже начинает казаться, что тот, который посередине шел, с двумя инопланетянами по бокам, как-то на него нехорошо смотрел, и вроде бы у него глаза чуть светились...

– Чушь какая, – неуверенно сказал Женька.

– Чушь-то она, может, и чушь, но готовым на дальних станциях, сам понимаешь, надо быть ко всему. И старик ему говорит, что скоро ему, старику то есть, предстоит последняя битва со злыми экстрасенсами. И если он проиграет, – а сил у него все меньше – значит, конец всему. Раньше, мол, положительных экстрасенсов было больше, и борьба велась на равных, но потом отрицательные стали одолевать, и старик этот – один из последних. А может, самый последний. И если он погибнет и плохие победят, все. Полный швах всему!

– У нас тут, по-моему, и так полный швах всему, – заметил Женька.

– Значит, пока не полный, есть куда стремиться, – ответил Артем. – Так вот, напоследок старик ему и говорит: «Сынок! Дай поесть чего-нибудь. А то сил мало остается. А последняя битва близится... И от ее исхода зависит наше общее будущее. И твое тоже!» Понял? Старичок еду клячил. Так и твой маг, я думаю. Тоже, наверное, крыша поехала. Но на другой почве.

– Нет, ты определенно дурак! Даже до конца не дослушал... и потом, кто тебе сказал, что старичок врал? Как его звали, кстати? Тебе отчим не говорил?

– Говорил, но я не помню уже точно. Смешное какое-то имя... На «Чу» начинается. То ли Чувак, то ли Чудак... У этих бомжей часто так: кличка какая-нибудь дурацкая вместо имени. А что? А этого мага твоего как?

– Он Лехе сказал, что сейчас его называют Карлосом. За сходство. Непонятно, что он имел в виду, но именно так он объяснил. И ты зря не дослушал. В конце их разговора он Лехе сказал, что завтра через северный туннель лучше не идти – а тот как раз собирался на следующий день возвращаться. Леха послушался и не пошел. И не зря. Как раз в тот день какие-то отморозки напали на караван в туннеле между Сухаревской и Проспектом Мира, хотя считалось, что это безопасный туннель. Половина челноков погибла. Еле отбились. Так вот!

Артем примолк и задумался.

– Вообще-то говоря, наверняка знать нельзя. Всякое случиться может. Раньше такое происходило, мне отчим рассказывал. И он еще говорил, что на совсем дальних станциях, там, где люди дичают и становятся как первобытные, забывают о том, что человек – разумное существо, происходят такие странные вещи, которые мы с нашим логическим мышлением вообще не в состоянии объяснить. Он, правда, не стал уточнять, что это за вещи. Да он и не мне это рассказывал, я просто случайно подслушал.

– Ха! Я же тебе говорю: тут иногда такие штуки рассказывают, что нормальный человек никогда не поверит. Вот Леха в прошлый раз со мной еще одной историей поделился...

Хочешь? Такого ты, наверное, даже от своего отчима не услышишь. Лехе на ярмарке один челнок с Серпуховской линии рассказывал... Вот ты в призраков веришь?

– Ну... После разговоров с тобой каждый раз начинаю себя спрашивать, верю я в них или нет. Но потом один побуду или с нормальными людьми поговорю и вроде отходить начинаю, – с трудом сдерживая улыбку, ответил Артем.

– А серьезно?

– Ну как, я читал, конечно, кое-что. И дядя Саша рассказывал немного. Но, честно говоря, не очень-то верится во все эти истории. Вообще-то, Жень, я тебя не понимаю. Тут у нас на станции и так непрекращающийся кошмар с этими черными, такого, наверное, нигде во всем метро нет больше. Где-нибудь на центральных станциях о нашей с тобой жизни детям рассказывают страшные сказки и спрашивают друг друга: «Ты веришь в эти байки о черных или нет?» А тебе и этого мало. Ты себя хочешь чем-нибудь еще поугубить?

– Да неужели тебе вообще не интересно ничего, кроме того, что ты можешь увидеть и пощупать? Неужели ты правда считаешь, что мир ограничивается тем, что ты видишь? Тем, что ты слышишь? Вот крот, скажем, не видит. Слепой он от рождения. Но ведь это не значит, что все те вещи, которых крот не видит, на самом деле не существуют. Так и ты...

– Ладно. Что за историю ты рассказать хотел? Про челнока с Серпуховской линии?

– Про челнока? А... Как-то Леха на этой ярмарке познакомился с мужиком одним. Он, вообще-то, не совсем с Серпуховской. Он с Кольца. Гражданин Ганзы, но живет на Добрынинской. А там у них переход на Серпуховскую. На этой линии, не знаю, говорил ли тебе твой отчим, за Кольцом жизни нет, то есть до следующей станции, до Тульской, по-моему, там стоят патрули Ганзы. Это они подстраховываются: мол, линия необитаемая, никогда не знаешь, что оттуда полезет, вот они и сделали себе буферную зону. И дальше Тульской никто не заходит. Говорят, искать там нечего. Станции все пустые, оборудование поломано – жить невозможно. Мертвая зона: ни зверей, ни дряни какой, даже крысы не водятся. Пусто. Но у челнока этого был знакомый, бродяга один, который дальше Тульской зашел. Не знаю, что он там искал. И вот он потом тому челноку рассказывал, что не так все просто на Серпуховской линии. И что недаром там так пусто. Говорил, что там такое творится, что просто невозможно представить. Недаром ее даже Ганза не пытается колонизировать, хотя бы под плантации или там под стойла...

Женька замолчал, чувствуя, что Артем наконец забыл о своем здоровом цинизме и слушает открыв рот. Тогда он сел поудобнее и сказал, внутренне торжествуя:

– Да тебе не интересно, наверное, всякий бред слушать. Так, бабушкины сказочки. Чаю налить?

– погоди ты со своим чаем! Ты мне лучше скажи, почему Ганза, в самом деле, не стала колонизировать этот участок? Правда, странно. Отчим говорил, что у нее последнее время вообще проблема с перенаселением – места уже на всех не хватает. И как же это они упустили такую возможность подмять под себя еще немного земли? Вот уж не похоже на них!

– Ага, интересно все-таки? Так вот, странник этот забрел довольно далеко. Говорил, что идешь, идешь – и ни души. Вообще никого и ничего, как в том туннеле за Сухаревской. Ты представляешь, даже крыс нет! Вода только капает. Станции заброшенные стоят, темные, словно на них и не жили никогда. И постоянно давит ощущение опасности. Так и гнетет... Он быстро шел, чуть не за полдня прошел четыре станции. Отчаянный человек, наверное. Надо же, в такую дичь одному забраться! В общем, дошел он до Севастопольской. Там переход на Каховскую. Ну, ты знаешь Каховскую линию, там и станций-то всего три. Не линия, а недоразумение. Аппендикс какой-то... И на Севастопольской он решил заночевать. Перенервничал, утомился... Нашел там какие-то щепки, костерок сложил, чтобы не так жутко было, залез в свой спальный мешок и лег спать посередине платформы. И ночью... – На этом месте Женька встал, потягиваясь, и с садистской улыбкой сказал: – Нет, ты как знаешь, а я определенно хочу

чаю! – и, не дожидаясь ответа, вышел с чайником из палатки, оставив Артема наедине с впечатлениями от рассказанного.

Артем, конечно, разозлился на него за эту выходку, но решил дотерпеть до конца истории, а уж потом высказать Женьке все, что о нем думает. Неожиданно он вспомнил о Хантере и о его просьбе... скорее даже приказе... Но потом мысли снова вернулись к Женькиной истории.

Возвратившись, тот налил Артему заварки в граненый стакан в раритетном железном подстаканнике, в каких когда-то разносили настоящий чай в поездах, и продолжил:

– Так вот, лег он спать рядом с костром, а вокруг тишина, тяжелая такая, будто уши ватой забиты. И посреди ночи вдруг будит его странный такой звук... совершенно сумасшедший, невозможный звук. Он прямо потом холодным облился, да так и подскочил. Услышал он детский смех. Заливистый детский смех... Со стороны путей. Это в четырех перегонах от последних людей! Там, где даже крысы не живут, представляешь? Было с чего переполошиться... Он вскакивает, бежит через арку к путям... И видит... К станции подъезжает поезд. Настоящий состав. Фары так и сияют, слепят – бродяга мог без глаз остаться, хорошо, вовремя прикрылся рукой. Окна желтым светятся, люди внутри, и все это в полной тишине! Ни звука! Ни гула мотора не слышно, ни стука колес. В полном беззвучии всплывает этот поезд на станцию и не спеша уходит в туннель... Ты понимаешь? Мужик так и сел, у него с сердцем плохо стало. И ведь люди в окнах, вроде бы живые люди, разговаривают о чем-то неслышно... Поезд, вагон за вагоном, проходит мимо него, и он видит – в последнем окне последнего вагона стоит ребенок лет семи и смотрит на него. Смотрит, пальцем показывает, смеется... И смех этот слышен! Такая тишина, что мужик этот слышит, как у него сердце колотится, и еще этот детский смех... Поезд ныряет в туннель, и смех звенит все тише и тише... затихает вдали. И снова – пустота. И абсолютная, страшная тишина.

– Тут он проснулся? – ехидно, но с надеждой в голосе спросил Артем.

– Если бы! Бросился назад, к погасшему костру, собрал поскорее свои манатки и бежал безостановочно обратно, до Тульской. Прodelал весь путь за час. Очень страшно было, надо думать...

Артем затих, пораженный рассказанным. В палатке воцарилась тишина. Наконец, совладав с собой и кашлянув, убедившись, что голос его не подведет и он не даст петуха, Артем спросил у Женьки равнодушно, как только мог:

– И что, ты в это веришь?

– Просто я не первый раз слышу такие истории про Серпуховскую линию, – ответил тот. – Только я тебе не всегда рассказываю. С тобой ведь даже не поговоришь об этом как следует. Сразу ерничать начинаешь... Ладно, засиделись мы с тобой, скоро на работу уже идти. Собираться надо. Давай там договорим.

Артем нехотя встал, потянулся и поплелся домой – собрать себе что-нибудь перекусить на работе. Отчим все еще спал, на станции было совсем тихо: уже, наверное, был отбой, и до начала ночной смены на фабрике оставалось совсем немного. Стоило поторопиться. Проходя мимо палатки для гостей, в которой остановился Хантер, Артем увидел, что полог ее откинут, а внутри пусто. Что-то екнуло у него в груди. До него начало наконец доходить, что все, о чем он говорил с Хантером, не сон, что все это произошло на самом деле, а развитие событий может иметь самое непосредственное отношение к нему. А то и – как знать? – определить его дальнейшую судьбу.

Чайная фабрика находилась в тупике, у заблокированной задвижки нового выхода из метро, перед эскалатором, ведущим наверх. Фабрикой ее можно было назвать весьма условно: вся работа осуществлялась вручную. Тратить драгоценную электроэнергию на производство чая было слишком расточительно.

За железными ширмами, отделявшими территорию фабрики от остальной станции, от стены к стене была натянута металлическая проволока, на которой сушились очищенные грибные шляпки. Когда было особенно влажно, под ними разжигали небольшие костры, чтобы они сушились быстрее и не покрывались плесенью. Под проволокой стояли столы, на которых рабочие сначала нарезали, а потом измельчали засушенные грибы. Готовый чай паковали в бумажные или полиэтиленовые пакеты – смотря что имелось на станции – и добавляли туда еще кое-какие экстракты и порошки, состав которых держался в секрете и был известен только начальнику фабрики. Таков был нехитрый процесс производства чая. Если бы не непременные беседы во время работы, восемь часов нарезания и перетирания грибных шляпок были бы, наверное, крайне утомительным занятием.

Работал Артем в эту смену вместе с Женькой и давешним лохматым мужиком по имени Кирилл, с которым они вместе дежурили в заставе. Кирилл при виде Женьки очень оживился, очевидно, они уже раньше о чем-то говорили, и немедленно принялся рассказывать ему какую-то историю, видимо, недосказанную в прошлый раз. Артему с середины слушать было неинтересно, и он полностью погрузился в свои мысли. История о Серпуховской линии, рассказанная недавно Женькой, начала постепенно блекнуть в памяти, и снова выплывал на поверхность разговор с Хантером, о котором Артем совсем, казалось, забыл.

Что же делать? Поручение, возложенное на него Хантером, было слишком серьезным, чтобы не думать о нем. А вдруг у Хантера не выйдет задуманное? Он решился на совершенно безумный поступок, отважившись забраться в логово врага, в самое пекло. Опасность, которой он себя подвергает, огромна, и даже он сам не знает ее истинных размеров. Он может только догадываться о том, что ждет его за пятисотым метром, там, где меркнет последний отсвет костра пограничной заставы, может быть, последнего в мире рукотворного пламени к северу от ВДНХ. Все, что он знал о черных, знал любой житель ВДНХ – однако пойти на такое не решался никто. Фактически неизвестно было даже, на Ботаническом Саду ли в действительности находится та лазейка, через которую твари с поверхности проникают в метрополитен.

Слишком велика была вероятность того, что Хантер не сможет выполнить взятую на себя миссию. Очевидно, опасность, исходящая с севера, оказалась настолько велика и возростала так быстро, что любое промедление было недопустимо. Возможно, Охотник знал о ее природе нечто такое, чего не раскрыл ни в беседе с Сухим, ни в разговоре с Артемом.

При этом он, должно быть, прекрасно осознавал степень риска и понимал, что может не справиться со своей задачей, иначе к чему готовить к такому повороту событий Артема? Хантер не походил на перестраховщика, а значит, вероятность того, что он не вернется на ВДНХ, существовала и даже была довольно велика.

Но как сможет Артем бросить все и уйти со станции, никому не сказавшись? Ведь Хантер сам боялся предупреждать кого-либо еще, опасаясь «червивых мозгов»... Как возможно добраться до Полиса, до легендарного Полиса в одиночку, через все явные и тайные опасности, поджидающие путешественников в темных и глухих туннелях? Артем вдруг пожалел о том, что, поддавшись суровому шарму и гипнотизирующему взгляду Охотника, открыл ему свою тайну и согласился на такое опасное поручение.

– Эй, Артем! Артем! Ты спишь там, что ли? Ты чего не отвечаешь? – потряс его за плечо Женька. – Слышишь, что Кирилл говорит? Завтра вечером у нас караван организуют на Рижскую. Говорят, наша администрация решила с ними объединяться, а пока гуманитарную помощь им отправляем ввиду того, что скоро все побратается. А у них там вроде склад обнаружился с кабелем. Начальство хочет прокладывать: говорят, телефон будут делать между станциями. Во всяком случае, телеграф. Кирилл говорит, кто завтра не работает, может пойти. Хочешь?

Артем тут же подумал, что сама судьба дает ему возможность выполнить поручение, если появится необходимость. Он молча кивнул.

– Здорово! – обрадовался Женька. – Я тоже собираюсь. Кирилл! Запиши нас, хорошо? Во сколько там завтра выходим, в девять?..

До конца смены Артем так и не вымолвил больше ни слова, не в состоянии отрешиться от занимавших его мрачных мыслей. Женька был оставлен на растерзание всклокоченному Кириллу и явно на это обиделся. Артем продолжал механическими движениями шинковать грибы, крошить их в пыль, снимать с проволоки новые шляпки, снова шинковать и опять крошить, и так до бесконечности.

Перед глазами стояло лицо Хантера в тот момент, когда он говорил, что может и не вернуться, – спокойное лицо человека, привыкшего рисковать жизнью. А в сердце чернильным пятном расплывалось предчувствие грядущей беды.

После работы Артем вернулся в свою палатку. Отчима уже не было, очевидно, ушел по своим делам. Артем опустился на постель, уткнулся лицом в подушку и тут же уснул, хотя собирался еще раз обдумать свое положение в тишине и покое.

Сон, болезненный и бредовый после всех разговоров, мыслей и переживаний прошедшего дня, обволок его и решительно увлек в свои пучины. Артем увидел себя сидящим у костра на станции Сухаревская, рядом с Женькой и странствующим магом с непривычным испанским именем Карлос. Карлос учил их с Женькой правильно готовить из поганок дурь и объяснял, что употреблять ее так, как это принято на ВДНХ, – чистое преступление, потому что эти поганки на самом деле не грибы вовсе, а новый вид разумной жизни на Земле, которая, может, заменит со временем человека. Что грибы эти не самостоятельные существа, а лишь частицы связанного нейронами единого целого, расплетенной по всему метрополитену гигантской грибницы. И что на самом деле тот, кто ест дурь, не просто употребляет психотропные вещества, а вступает в контакт с этой новой разумной жизнью. И если все делать правильно, то можно подружиться с ней, и тогда она будет помогать тому, кто общается с ней через дурь. Но потом вдруг появился Сухой и, грозя пальцем, сказал, что дурь употреблять вообще нельзя, потому что от длительного ее употребления мозги становятся червивыми. А Артем решил проверить, действительно ли это так: сказал всем, что идет проветриться, а сам осторожно зашел за спину магу с испанским именем и понял, что у того нет затылка и виден мозг, почерневший от множества червоточин. Длинные белесые черви, извиваясь кольцами, вгрызались в мозговую ткань и проделывали новые ходы, а маг все продолжал говорить, как ни в чем не бывало... Тогда Артем испугался и решил бежать от него, начал дергать за рукав Женьку, чтобы тот встал и пошел с ним, но Женька лишь нетерпеливо отмахивался и просил Карлоса рассказывать дальше, а Артем видел, как черви из головы мага по полу переползают к Женьке и, поднимаясь по его спине, пытаются пробраться к нему в уши...

Тогда Артем спрыгнул на пути и бросился бежать прочь от станции что было сил, но вспомнил, что это тот самый туннель, в который нельзя заходить поодиночке, а только группами, повернул и побежал обратно на станцию, но почему-то никак не мог на нее вернуться.

За его спиной вдруг зажегся свет, и Артем с поразительной для сна отчетливостью и логичностью увидел собственную тень на полу туннеля... Он обернулся – из недр метро на него неумолимо надвигался поезд, дьявольски скрежеща и гремя колесами, оглушая и слепя фарами...

И тут ноги отказали ему, стали бессильными, словно это и не ноги были, а пустые штанины, набитые для видимости всяким тряпьем. И когда поезд уже находился в считанных метрах от Артема, видение вдруг стремительно потеряло правдоподобие, выцвело и исчезло.

На смену ему пришло нечто новое, совершенно иное: Артем увидел Хантера, одетого во все снежно-белое, в комнате с такими же ослепительно белыми стенами и совсем без мебели. Он стоял, опустив голову, взгляд его буравил пол. Потом он поднял глаза и посмотрел прямо на Артема. Ощущение было очень странным, потому что в этом сне Артем не чувствовал своего тела, но словно смотрел на происходящее со стороны. Когда Артем взглянул в глаза Хантеру,

его наполнило непонятное беспокойство, ожидание чего-то очень важного, что вот-вот должно было произойти...

Хантер заговорил с ним, и Артема захлестнуло чувство невероятной реальности происходящего. Когда ему снились предыдущие кошмары, он отдавал себе отчет в том, что просто спит, и все происходящие с ним события – лишь плод растревоженного воображения. В этом же видении сознание того, что в любой момент можно проснуться, отсутствовало начисто.

Пытаясь встретить взгляд Артема – хотя у того создалось впечатление, что Хантер на самом деле не видит его и предпринимает эти попытки вслепую, – Охотник медленно и тяжело проговорил: «Пришло время. Ты должен выполнить то, что обещал мне. Ты должен сделать это. Запомни, это не сон! Это не сон!..»

Артем широко распахнул глаза. И уже после этого в голове вновь, в последний раз, с ужасающей ясностью раздался глухой и чуть хрипловатый голос: «Это не сон!»

– Это не сон, – повторил Артем. Детали кошмара о червях и поезде быстро стирались из памяти, но второе видение Артем запомнил прекрасно, во всех подробностях. Странное одеяние Охотника, загадочная пустая белая комната и слова: «Ты должен выполнить то, что обещал мне!» – не выходили у него из головы.

Вошел отчим и озабоченно спросил Артема:

– Скажи-ка, ты Хантера не видел после нашей вчерашней беседы? Вечереет уже, а он куда-то запропастился, и палатка его пуста. Ушел, что ли? Он тебе вчера ничего не говорил о своих планах?

– Нет, дядь Саш, просто об обстановке на станции расспрашивал, что тут у нас происходит, – добросовестно соврал Артем.

– Боюсь за него. Как бы он глупостей не наделал на свою голову, и нам бы еще не досталось, – расстроено произнес Сухой. – Не знает он, с кем связался... Эх! Что, не работаешь сегодня?

– Мы сегодня с Женькой записались в караван на Рижскую, помощь им переправлять, а оттуда начнем телеграфный кабель разматывать, – ответил Артем, вдруг осознав, что уже принял решение. При этой мысли что-то у него внутри оборвалось, он почувствовал странное облегчение и вместе с тем – какую-то пустоту внутри, словно у него из груди удалили опухоль, отягощавшую сердце и мешавшую дышать.

– В караван? Сидел бы ты лучше дома, а не шлялся по туннелям. Вот мне бы надо туда, как раз на Рижской дела, да что-то сегодня неважно себя чувствую. В другой раз уже, наверное... Ты ведь не сейчас еще уходишь? В девять? Ну, еще успеем попрощаться. Собирайся пока! – и он оставил Артема одного.

Тот принялся судорожно кидать в рюкзак вещи, которые могли пригодиться в дороге: фонарик, батарейки, еще батарейки, грибы, пакет чая, ливерная свиная колбаса, полный рожок для автомата, который он когда-то стащил, карту метро, еще батарейки... Не забыть паспорт – на Рижской он, конечно, ни к чему, но вот за ее пределами без паспорта первый же патруль суверенной станции может завернуть, а то и к стенке поставить – в зависимости от политического положения. И капсула, врученная ему Хантером. Все.

Закинув рюкзак за плечи, Артем в последний раз окинул взглядом свое жилище и решительно вышел из палатки.

Группа, уходившая с караваном, собиралась на платформе, у входа в южный туннель. На путях уже стояла ручная дрезина с погруженными на нее ящиками с мясом, грибами и пакетами чая, а на них – какой-то мудреный прибор, собранный местными умельцами, наверное, телеграфный аппарат.

В караван, кроме Женьки и Кириллы, отправлялись еще двое: добровolec и командир от администрации – налаживать отношения и договариваться. Все они, кроме Женьки, уже собрались и теперь резались в домино в ожидании сигнала к выходу. Рядом стояли, составлен-

ные в пирамиду стволами вверх, выданные им на время похода автоматы с запасными рожками, примотанными к основным синей изолентой.

Наконец показался Женька, которому перед уходом необходимо было покормить сестру и отослать ее к соседям до возвращения родителей с работы.

В самый последний миг Артем вдруг вспомнил, что так и не попрощался с отчимом. Извинившись и пообещав, что тут же вернется, он скинул рюкзак и бросился домой. В палатке никого не было, и Артем побежал к помещениям, в которых когда-то размещался обслуживающий персонал, а сейчас располагалась администрация станции. Сухой был там, он сидел напротив Дежурного по станции, выборного главы ВДНХ, и о чем-то оживленно с ним беседовал. Артем постучал в косяк двери и тихонько кашлянул.

– Здравствуйте, Александр Николаевич. Можно мне с дядей Сашей поговорить секундочку?

– Конечно, Артем, заходи. Чай будешь? – радушно отозвался Дежурный.

– Ну, что, выходите уже? Когда назад будете? – отодвинувшись вместе со стулом от стола, спросил Сухой.

– Не знаю точно... – пробормотал Артем. – Как получится...

Он-то понимал, что, может, больше никогда не увидит отчима, и ему так не хотелось врать ему, единственному человеку, который по-настоящему любил Артема, что вернется завтра-послезавтра и все будет по-прежнему.

Артем почувствовал вдруг резь в глазах и, к своему стыду, обнаружил, что они увлажнились. Он сделал шаг вперед и крепко обнял отчима.

– Ну, что ты, Артемка, что ты... Вы же уже, наверное, завтра вернетесь... Ну? – удивленно и успокаивающе проговорил тот.

– Завтра вечером, если все по плану пойдет, – подтвердил Александр Николаевич.

– Будь здоров, дядь Саш! Удачи тебе! – хрипло выговорил Артем, пожал отчиму руку и быстро вышел, стесняясь своей слабости.

Сухой удивленно смотрел ему вслед.

– Что это парень расклеился? Вроде не в первый раз к Рижской идет...

– Ничего, Саша, ничего, придет время, возмужает твой пацан. Будешь еще тосковать по тем дням, когда он с тобой со слезами прощался, собираясь в поход через две станции! Так что ты говорил, какое на Алексеевской мнение о патрулировании туннелей? Нам бы это было очень сподручно...

Когда Артем бегом вернулся к группе, командир отряда выдал каждому автомат под расписку и сказал:

– Ну, что, мужики? Присядем на дорожку? – и первым опустился на отполированную за долгие годы деревянную скамью. Остальные молча последовали его примеру. – Ну, с богом! – командир встал и, тяжело спрыгнув на пути, занял свое место во главе отряда.

Артем и Женька, как самые молодые, залезли на дрезину, приготовившись к нелегкой работе. Кирилл и второй доброволец заняли место сзади, замыкая отряд.

– Поехали! – произнес командир.

Артем с Женькой налегли на рычаги, Кирилл чуть подтолкнул дрезину сзади, она скрипнула, тронулась с места и медленно покатила вперед. Замыкающие двинулись вслед за ней, и группа скрылась в жерле южного туннеля.

Глава 4. Голос туннелей

Неверный свет фонаря в руках командира бродил бледно-желтым пятном по стенам туннеля, лизал влажный пол и бесследно исчезал, когда фонарь направляли вдаль. Впереди была глубокая тьма, жадно пожиравшая слабые лучи карманных фонарей уже на расстоянии десяти шагов. Занудно и тоскливо поскрипывала дрезина, катясь в никуда, и рвали тишину тяжелым дыханием и мерным стуком подкованных сапог идущие за ней люди.

Все южные кордоны уже остались позади, давно померкли за спиной последние отсветы их костров – территория ВДНХ закончилась. И хотя участок между ВДНХ и Рижской считался в последнее время практически безопасным ввиду хороших отношений с соседями и довольно оживленного движения между станциями, устав требовал оставаться начеку.

Опасность далеко не всегда исходила с севера или юга – двух возможных направлений в туннеле. Она могла таиться вверху, в вентиляционных шахтах, слева или справа, в многочисленных ответвлениях, за задраенными дверьми бывших хозяйственных помещений или секретных выходов. Она поджидала внизу, в загадочных люках, оставленных метростроителями, забытых и заброшенных ремонтными бригадами, где на глубинах, сдавливающих сознание самых отчаянных смельчаков тисками иррационального ужаса, нечто страшное начало зарождаться, когда метро еще было просто средством передвижения...

Вот почему беспокойно блуждал по стенам луч командирского фонаря, а пальцы замыкающих непрерывно поглаживали предохранители на автоматах, готовые в любой момент зафиксировать их на автоматическом режиме огня и лечь на спусковые крючки. Вот почему так немногословны были идущие: болтовня расслабляла и мешала вслушиваться в дыхание туннелей.

Артем, начиная уже уставать, все работал и работал, а рукоять, ушедшая было вниз, вновь возвращалась на прежнее место, монотонно скрежетал механизм, снова и снова проворачивались колеса. Он безуспешно вглядывался вперед, а в голове у него крутилась в такт стуку колес, так же тяжело и надрывно, фраза, услышанная накануне от Хантера, его слова о том, что власть тьмы – это самая распространенная форма правления на территории Московского метрополитена.

Он пытался думать о том, как именно ему следует пробираться в Полис, пробовал строить планы, но медленно разливающаяся по мышцам жгучая боль и усталость, поднимаясь от полусогнутых ног через поясницу, захлестывая руки, вытесняли из головы все сколько-нибудь сложные мысли.

Жаркий соленый пот, сперва неспешно вызревавший у него на лбу крошечными капельками, теперь, когда капли выросли и отяжелели, обильно стекал по лицу, заливал глаза, и не было возможности его вытереть, потому что по другую сторону механизма стоял Женька, и отпустить рукоять значило взвалить всю работу на него одного. В ушах все громче стучала кровь, и Артем вспомнил, что, когда он был маленьким, он любил принять какую-нибудь неудобную позу, чтобы услышать, как стучит в ушах, потому что этот звук напоминал ему слаженный шаг строя солдат на параде... И можно было, закрыв глаза, представить себе, будто он – принимающий этот парад маршал, и верные дивизии, чеканя шаг, проходят мимо него, и каждый крайний в шеренге держит на него равнение... Как это было нарисовано в книжках про армию.

Наконец командир, не оборачиваясь, сказал:

– Ладно, ребята, слезайте, меняйтесь местами. Половину прошли.

Артем, переглянувшись с Женькой, спрыгнул с дрезины, и оба они, не сговариваясь, сели на рельсы, хотя должны были занять места впереди и позади нее.

Командир посмотрел на них внимательно и сказал сочувственно:

– Сопляки...

– Сопляки, – с готовностью признал Женька.

– Вставайте-вставайте, нечего расслаиваться. Труба зовет. Я вам сказочку хорошую расскажу.

– Мы вам тоже всякого рассказать можем! – уверенно заявил Женька, нехотя поднимаясь.

– Я-то ваши все знаю. Про черных там, про мутантов... Про грибы эти ваши, конечно. Но есть и пара таких, о которых вы ничего не слышали. Да это, может, и не сказки никакие, только вот проверить никто не может... То есть бывали такие, кто пытался проверить, но вот что они выяснили, поведать нам они уже точно не смогут.

Артему оказалось достаточно этого вступления, чтобы у него открылось второе дыхание. Сейчас для него имела огромное значение любая информация о том, что начинается за станцией Проспект Мира. Он поспешил встать с рельсов и, перетянув автомат со спины на грудь, занял свое место за дрезиной.

Небольшой толчок для разгона, и колеса вновь запели свою заунывную песню. Отряд двинулся вперед. Командир смотрел вперед, настороженно вглядываясь в темноту, поэтому слышно было не все.

– Что, интересно, вашему поколению вообще о метро известно? – говорил командир. – Так, рассказываете всякие байки друг другу. Кто-то где-то был, кто-то сам все придумал. Один другому переврал то, что ему нашептал третий, который, в свою очередь, приукрасил историю, услышанную за чаем от четвертого, а выдавал-то за собственные приключения... Вот в чем главная проблема метро: нет надежной связи. Нет возможности быстро пробраться из одного конца в другой: где не пройти, где перегорожено, где ерунда какая-то творится, и обстановка каждый день меняется... Ведь весь этот метрополитен, думаете, он очень большой? Да его из конца в конец на поезде проехать всего-то час. А ведь люди теперь неделями идут и чаще всего не доходят. И никогда не знаешь, что тебя на самом деле ждет за поворотом. Вот мы вроде на Рижскую с гуманитарной помощью отправились... Но проблема в том, что никто – ни я, ни Дежурный в том числе, – не готов поручиться на сто процентов, что, когда мы туда придем, нас не встретят шквальным огнем. Или что мы не обнаружим выжженную станцию без единой живой души. Или не выяснится вдруг, что Рижская теперь присоединена к Ганзе, и поэтому нам выхода в остальную часть метро больше нет и никогда не будет. Нет точной информации... Получил вчера утром сведения – все, уже к вечеру устарели, и полагаться на них сегодня нельзя. Все равно что идти через зыбучие пески по карте столетней давности. Гонцы так долго добираются, что сообщения, которые они несут, часто оказываются либо уже ненужными, либо уже неверными. Истина искажается. Люди никогда не оказывались в таких условиях... И страшно подумать, что же будет, когда у нас кончится топливо для генераторов и не будет больше электричества. Читали у Уэллса «Машину времени»? Так вот там были такие морлоки...

Для Артема это был уже второй подобный разговор за последние два дня, он уже знал о морлоках и Герберте Уэллсе и слушать о них еще раз отчего-то вовсе не хотел. Поэтому, несмотря на Женькины попытки протестовать, он решительно вернул разговор в первоначальное русло:

– Ну, а что известно о метро вашему поколению?

– М-м... О дьявольщине в туннелях говорить – дурная примета... О Метро-2 и о Невидимых наблюдателях? Не буду. Но вот о том, кто где живет, кое-что рассказать любопытное могу. Вот вы знаете, например, что там, где раньше Пушкинская была, – там еще на две другие станции переход, на Чеховскую и на Тверскую, – там теперь фашисты все захватили?

– Какие еще фашисты? – недоуменно спросил Женька.

– Натуральные фашисты. Когда-то давно, когда мы еще жили там, – командир показал пальцем вверх, – были такие. Бритоголовые были и еще такие, которые назывались РНЕ, и дру-

гие, против иммиграции, какие-то пни, и еще всякие разные, такая уж была в то время мода. Шут знает, что эти сокращения значат, сейчас уже и не помнит никто, да и сами они, наверное, уже не помнят. Потом вроде исчезли. Не слышно о них ничего и не видно. И вот вдруг некоторое время назад на Пушкинской объявились. «Метро для русских!» Слышали такое? Или вот: «Делай добро – чисти метро!» Вышвырнули всех нерусских с Пушкинской, потом с Чеховской, до Тверской добрались. Под конец уже озверели, начались расправы. Теперь там у них Рейх. Четвертый или пятый... Что-то около того. Дальше пока вроде не лезут, но историю двадцатого века наше поколение еще помнит. Да что фашисты... Ведь мутанты эти с Филевской линии, между прочим, существуют на самом деле... А черные наши чего стоят! И есть еще разные сектанты, сатанисты, коммунисты... Кунсткамера. Просто кунсткамера.

Они проехали мимо выбитых дверей в брошенные служебные помещения. То ли уборные там были раньше, то ли убежища... Всю обстановку – железные двухъярусные кровати или грубую сантехнику – давно уже растащили, и теперь в пустые темные комнаты, разбросанные по туннелям, никто не совался. Хоть и знали, что там вроде бы ничего нет... Но чем черт не шутит!

Впереди стало заметно слабое мерцание. Они приближались к Алексеевской. Станция была малонаселенная, и патруль выставлялся только один, на пятидесятом метре – большего не могли себе позволить. Командир отдал приказ остановиться метрах в сорока от костра, разожженного патрулем с Алексеевской, и несколько раз включил и выключил фонарь в определенной последовательности, давая условный сигнал. На фоне пламени обозначился черный силуэт – к ним шел проверяющий. Еще издалека он крикнул:

– Стойте на месте! Не приближайтесь!

Артем спросил себя: неужели действительно может так случиться, что однажды их не признают на станции, которая всегда считалась дружественной, и встретят в штыки?

Человек не спеша приблизился к ним. Одет он был в тертые камуфляжные штаны и ватник с жирно намалеванной литерой «А» – видимо, первой буквой названия станции. Впалые щеки его были небриты, глаза подозрительно поблескивали, а руки нервно поглаживали ствол висящего на шее автомата. Он взгляделся в их лица, улыбнулся, признавая, и в знак доверия закинул автомат за спину.

– Здорово, мужики! Как живете-можете? Это вы на Рижскую? Знаем-знаем, предупреждены. Пошли!

Командир принялся о чем-то расспрашивать патрульного, но неразборчиво, и Артем, надеясь, что его тоже никто не расслышит, сказал Женьке тихонько:

– Заморенный он какой-то. Мне кажется, не от хорошей жизни они с нами объединяться собрались.

– Ну, так что с того? – отозвался его приятель. – У нас тоже свои интересы. Если наша администрация на это идет, значит, нам это надо. Не из благотворительности же мы их кормить собираемся.

Миновав костер на пятидесятом метре, у которого сидел второй дозорный, одетый так же, как и встретивший их человек, дрезина выкатилась на станцию. Алексеевская была плохо освещена, а люди, населявшие ее, казались молчаливыми и унылыми. На гостей с ВДНХ, впрочем, они смотрели дружелюбно. Отряд остановился посередине платформы, и командир объявил перекур. Артема с Женькой оставили на дрезине – охранять, а остальных позвали к костру.

– Про фашистов и про Рейх я еще ничего не слышал, – сказал Артем.

– Мне рассказывали, что где-то в метро фашисты есть, – ответил Женька. – Но только говорили, что они на Новокузнецкой.

– Кто рассказывал?

– Леха говорил, – неохотно признался Женька.

– Он тебе много еще чего интересного рассказал, – напомнил Артем.

– Но фашисты ведь и вправду есть! Ну, перепутал человек место. Но не соврал же! – оправдывался приятель.

Артем замолчал и задумался. Перекур на Алексеевской должен был продолжаться не меньше получаса: у командира имелся какой-то разговор к местному начальнику – вероятно, о грядущем объединении. Потом они должны были двигаться дальше, чтобы до конца дня дойти до Рижской. Переночевав там, решив все вопросы и осмотрев найденный кабель, надо было отправить обратно гонца с запросом дальнейших указаний. Если кабель можно будет приспособить для сообщения между тремя станциями, его следует разматывать и подключать телефонную связь. Но если он окажется негодным, придется сразу возвращаться на станцию.

Таким образом, Артем имел в своем распоряжении не больше двух дней. За это время необходимо было изобрести предлог, под которым можно было бы пройти через внешние кордоны Рижской, еще более подозрительные и придирчивые, чем внешние патрули ВДНХ. Недоверчивость их была вполне объяснима: там, на юге, начиналось большое метро, и южный кордон Рижской подвергался нападениям намного чаще. Пусть опасности, угрожавшие населению Рижской, были не столь таинственны и страшны, как угроза, нависшая над ВДНХ, зато они отличались невероятным разнообразием. Бойцы, оборонявшие южные подходы к Рижской, никогда не знали, чего именно ждать, и потому им приходилось быть готовыми ко всему.

От Рижской к Проспекту Мира вели два туннеля. Засыпать один из них по каким-то соображениям не представлялось возможным, и рижанам приходилось перекрывать оба. На это уходило слишком много сил, поэтому для них и было жизненно важно обезопасить хотя бы северное направление. Объединяясь с Алексеевской и, самое главное, с ВДНХ, они перекладывали бремя защиты северного направления на их плечи и обеспечивали спокойствие в туннелях между станциями, а значит, возможность использования их для хозяйственных целей. А на ВДНХ в этом видели удобный повод для расширения своего влияния, своей территории и мощи.

В связи с грядущим объединением внешние заставы рижан проявляли повышенную бдительность: необходимо было доказать будущим союзникам, что в вопросе обороны южных рубежей на них можно положиться. Поэтому пробраться через кордоны как в одном, так и в другом направлении представлялось делом весьма и весьма непростым. И задачу эту решить Артему предстояло в течение одного, максимум двух дней.

Однако, несмотря на свою сложность, она вовсе не казалась невыполнимой. Вопрос был в том, что делать дальше. Даже если проникнуть за южные заставы удастся, надо еще найти относительно безопасный путь к Полису. Из-за того, что решение приходилось принимать срочно, на ВДНХ у Артема совершенно не оставалось времени обдумать свой путь к Полису. Дома бы он мог расспросить об опасностях знакомых челноков, не вызвав ничьих подозрений. Спрашивать о дороге к Полису у Женьки, а тем более у кого другого из отряда Артем не хотел, так как прекрасно понимал, что это неизбежно вызовет подозрения, а уж Женька точно поймет, что Артем что-то затевает. Друзей ни на Алексеевской, ни на Рижской у Артема не было, а незнакомцам доверяться в таком важном вопросе он не собирался.

Воспользовавшись тем, что Женька отошел поболтать с сидевшей неподалеку от них на платформе девушкой, Артем украдкой достал из рюкзака крошечную карту метро, отпечатанную на обратной стороне обуглившегося по краям рекламного листка, прославлявшего давно сгинувший вещевой рынок, и несколько раз обвел Полис огрызком простого карандаша.

Путь до него, казалось, был так прост и недолог... В те мифические стародавние времена, о которых рассказывал командир, когда людям не приходилось брать с собой оружия, пускаясь в путешествие от станции к станции, даже если предстояло сделать пересадку и оказаться на чужой линии; в те времена, когда дорога от одной конечной до другой, противоположной, не занимала и часа; в те времена, когда туннели населяли только гремящие мчащи-

еся поезда, – тогда расстояние, разделяющее ВДНХ и Полис, можно было одолеть быстро и беспрепятственно.

Прямо по ветке до Тургеневской, там – переход на Чистые Пруды, как они назывались на старенькой карте, которую разглядывал Артем, или на Кировскую, в которую вновь переименовали ее коммунисты, и по красной, Сокольнической линии – прямо к Полису... В эпоху поездов и ламп дневного света такой поход не занял бы и тридцати минут. Но с тех пор, как слова «красная линия» стали писаться с большой буквы, кумачовый стяг повис над переходом на Чистые Пруды, да и сами Чистые Пруды перестали быть таковыми, нечего уже было и думать о том, чтобы попытаться попасть в Полис кратчайшим путем.

По известным обстоятельствам руководство Красной Линии оставило попытки насильно ошастлиивить население всего метро, распространив на него власть Советов, и приняло новую доктрину, допускающую возможность построения коммунизма на отдельно взятой линии метрополитена. Хотя, не в силах отказаться от своей мечты, оно и продолжало амбициозно называть его Метрополитеном имени В.И. Ленина, никаких практических шагов в этом направлении давно уже не предпринималось.

Однако, несмотря на кажущуюся миролюбивость режима, его внутренняя паранойяльная сущность ничуть не изменилась. Сотни агентов службы внутренней безопасности, по старинке и даже с некоторой ностальгией именуемой КГБ, постоянно пристально следили за счастливыми обитателями Красной Линии, а уж их интерес к гостям с других линий был поистине безграничен. Без специального разрешения руководства «красных» никто не мог проникнуть ни на одну из их станций. А постоянные проверки паспортов, тотальная слежка и общая клиническая подозрительность немедленно выявляли как случайно заблудших странников, так и засланных шпионов. Первые приравнивались ко вторым, судьба и тех и других была весьма печальна. Поэтому Артему не стоило и помышлять о том, чтобы добраться до Полиса через три станции и три перегона, принадлежащих Красной Линии.

Да и не могла, наверное, быть такой простой дорога к самому сердцу метро. В Полис... Одно это название, произнесенное кем-то в разговоре, заставляло Артема, да и не только его, благоговейно умолкать. Он и сейчас отчетливо помнил, как в самый первый раз услышал незнакомое слово в рассказе какого-то гостя отчима, а потом, когда этот гость ушел, спросил у Сухого тихонько, что это слово значит. Отчим тогда посмотрел на него внимательно и с еле различимой тоской в голосе сказал: «Это, Артемка, последнее, наверное, место на Земле, где люди живут как люди. Где они не забыли еще, что это значит – человек, и как именно это слово должно звучать». Отчим грустно усмехнулся и добавил: «Это – Город...»

Полис находился на площади самого большого в Московском метрополитене перехода, на пересечении четырех разных линий, и занимал целых четыре станции метро: Александровский Сад, Арбатскую, Боровицкую и Библиотеку имени Ленина, вместе с соединяющими эти станции переходами. На этой огромной территории размещался последний подлинный очаг цивилизации, последнее место, где жило так много людей, что провинциалы, однажды побывавшие там, не называли уже это место иначе как Городом. Кто-то дал Городу другое название, впрочем, означавшее то же самое, – Полис. И, может, оттого, что в этом слове слышалось далекое и еле уловимое эхо могучей и прекрасной древней культуры, словно обещавшей свое покровительство поселению, чужое имя прижилось.

Полис оставался для метро явлением совершенно уникальным. Там, и только там, еще можно было встретить хранителей тех старых и странных знаний, применения которым в суровом новом мире, с его изменившимися законами, просто не находилось. Знания эти для обитателей почти всех остальных станций, в сущности, для всего метро, медленно погружавшегося в пучину хаоса и невежества, становились никчемными, как и их носители. Гонимые отовсюду, единственное свое пристанище они находили в Полисе, где их всегда ждали с распростертыми объятиями, потому что правила здесь их собратья. Потому в Полисе, и только в Полисе, можно

было встретить дряхлых профессоров, у которых когда-то были свои кафедры в славных университетах, ныне полуразрушенных, опустевших и захваченных крысами и плесенью. Только там жили последние художники, артисты, поэты. Последние физики, химики, биологи... Те, кто внутри своей черепной коробки хранил все то, чего человечеству удалось достичь и познать за тысячи лет непрерывного развития. Те, с чьей смертью все это было бы утрачено навек.

Располагался Полис в том месте, где когда-то был самый центр города, по имени которого нарекли метро. Причем прямо над Полисом возвышалось здание Библиотеки имени Ленина – самого обширного хранилища информации ушедшей эпохи. Сотни тысяч книг на десятках языков, охватывающих, вероятно, все области, в которых когда-либо работала человеческая мысль и накапливались сведения. Сотни тонн бумаги, испещренной всевозможными буквами, знаками, иероглифами, часть из которых уже некому было читать, ведь языки, на которых они были написаны, сгинули вместе с говорившими на них народами... Но все же огромное количество книг еще могло быть прочтено и понято, и умершие столетия назад люди, написавшие их, еще могли о многом поведать живущим.

Из всех тех немногих конфедераций, империй и просто могущественных станций, которые в состоянии были отправлять на поверхность экспедиции, только Полис посылал сталкеров за книгами. Только там знания имели такую ценность, что ради них были готовы рисковать жизнями своих добровольцев, выплачивать баснословные гонорары наемникам и отказывать себе в материальных благах во имя приобретений благ духовных.

И, несмотря на кажущуюся непрактичность и идеализм своего руководства, Полис выставил год за годом, и беды обходили его стороной, а если что-то угрожало его безопасности, казалось, все метро готово было сплотиться для его защиты. Отголоски последних сражений, происходивших там во время памятной войны между Красной Линией и Ганзой, уже затихли, и вновь вокруг Полиса образовалась волшебная аура неуязвимости и благополучия.

И когда Артем думал об этом удивительном месте, ему совсем не казалось странным, что путь к нему просто не может быть легким, он обязательно должен быть запутанным, полным опасностей и испытаний, иначе сама цель похода утратила бы часть своей загадочности и очарования.

Если дорога через Кировскую, по Красной Линии к Библиотеке имени Ленина, представлялась невозможной и слишком рискованной, то преодолеть патрули Ганзы и пройти по Кольцу можно было попробовать. Артем взглянул в обугленную карту внимательнее.

Вот если бы ему удалось проникнуть на внутренние территории Ганзы, выдумав какой-нибудь предлог, уболтав охрану кордона, прорвавшись с боем или еще как-нибудь, тогда путь до Полиса был бы довольно короток. Артем уткнул палец в карту и повел им по линиям. Если спускаться от Проспекта Мира направо по Кольцу, всего через две станции, принадлежащие Ганзе, он вышел бы к Курской. Там можно было бы сделать пересадку на Арбатско-Покровскую линию, а оттуда уже рукой подать до Арбатской, то есть до самого Полиса. Правда, на пути вставала Площадь Революции, отданная после войны Красной Линии в обмен на Библиотеку имени Ленина, но ведь красные гарантировали свободный транзит всем путникам, и это было одним из основных условий мирного договора. И так как Артем вовсе не собирался выходить на саму станцию, а только хотел проследовать мимо, то его, по идее, должны были беспрепятственно пропустить. Поразмыслив, он решил пока остановиться на этом плане и попытаться по пути разузнать подробности о тех станциях, через которые ему предстояло пройти. Если же что-то не заладится, сказал он себе, всегда можно будет найти запасной маршрут. Всматриваясь в переплетение линий и в обилие пересадочных станций, Артем подумал, что командир, пожалуй, слегка перегибал, живописуя трудности даже самых коротких походов по метро. Например, можно было спуститься от Проспекта Мира не направо, а налево – Артем повел пальцем вниз по Кольцу, – до Киевской, а там через переход либо по Филевской, либо по Арбатско-Покровской линии лишь два перегона до Полиса. Задача больше не казалась Артему

невыполнимой. Это маленькое упражнение с картой добавило ему уверенности в себе. Теперь он знал, как действовать, и больше не сомневался в том, что, когда караван дойдет до Рижской, он не вернется с отрядом назад, на ВДНХ, а продолжит поход к Полису.

– Изучаешь? – над самым ухом спросил подошедший Женька, которого Артем не заметил, погрузившись в свои мысли.

От неожиданности Артем подскочил на месте и смущенно попытался спрятать карту.

– Да нет... Я это... Хотел найти по карте станции, где Рейх этот, про который нам рассказывали сейчас.

– Ну, и что, нашел? Нет? Эх ты, дай покажу, – с чувством превосходства сказал Женька. В метро он ориентировался намного лучше Артема, да и других своих сверстников, и очень этим гордился. С первого раза он безошибочно ткнул в тройной переход между Чеховской, Пушкинской и Тверской. Артем вздохнул – от облегчения, но Женька решил, что это он от зависти.

– Ничего, придет время, тоже будешь разбираться в этом деле не хуже моего, – решил утешить он Артема.

Тот изобразил на лице признательность и поспешил перевести разговор на другую тему.

– А сколько времени у нас привал? – спросил он.

– Молодежь! Подъем! – раздался зычный бас командира, и Артем понял, что отдыхать больше не придется, а перекусить он так и не успел.

Опять была их с Женькой очередь вставать на дрезину. Заскрежетали рычаги, загрохотали по бетону кирзовые сапоги, и они снова вошли в туннель.

На этот раз отряд двигался вперед молча, и только командир, подозревая к себе Кирилла, шагал с ним в ногу и что-то тихонько обсуждал. Подслушивать их Артему не хватало ни желания, ни сил – всю энергию отнимала треклятая дрезина.

Замыкающий, оставленный в одиночестве, чувствовал себя явно не в своей тарелке и поминутно боязливо оглядывался назад. Артем стоял на дрезине лицом к нему и прекрасно видел, что как раз сзади-то ничего страшного нет, но вот посмотреть через плечо, вперед, в туннель, так и подмывало. Этот страх и неуверенность преследовали его всегда, да и не только его. Любому одинокому путнику знакомо это ощущение. Придумали даже особое название – «страх туннеля»: когда идешь по туннелю, особенно с плохим фонарем, всегда кажется, что опасность – прямо за твоей спиной. Иной раз это чувство так обостряется, что затылком ощущаешь чей-то тяжелый взгляд или не взгляд даже... Кто знает, кто или что там и как оно воспринимает мир... И так, бывает, невыносимо гнетет, что не выдержишь, повернешься молниеносно, ткнешь лучом в черноту – а там никого... Тишина... Пустота... Все вроде спокойно. Но пока смотришь назад, до боли в глазах глядишься во тьму, оно уже сгущается за твоей спиной, опять за твоей спиной, и хочется снова метнуться вперед, посветить фонарем в туннель – нет ли там кого, не подобрался ли кто, пока ты глядел в другую сторону... И опять... Тут главное – не потерять самообладания, не поддаться этому страху, убедить себя, что бред это все, что нечего бояться, что слышно же ничего не было...

Но очень трудно справиться с собой, особенно когда идешь один. Люди так рассудок теряли. Просто не могли больше успокоиться, даже когда достигали обитаемой станции. Потом, конечно, понемногу приходили в себя, но снова войти в туннель заставить себя не могли – их немедленно охватывала та самая давящая тревога, знакомая каждому жителю метро, но для них превратившаяся в губительное наваждение.

– Не бойся, я смотрю! – ободряюще крикнул Артем замыкающему. Тот кивнул, но через пару минут не выдержал и снова оглянулся. Трудно...

– У Сереги один знакомый вот именно так и съехал, – тихо сказал Женька, сообразив, что Артем имеет в виду. – У него, правда, причина более серьезная была. Он, понимаешь ли, решил в одиночку через тот самый туннель на Сухаревской пройти, помнишь, про который

я тебе раньше рассказывал? Там, где одному пройти никак нельзя, а с караваном – запросто? Выжил парень. И знаешь, почему выжил? – Женька ухмыльнулся. – Потому что дальше сотого метра войти храбрости не хватило. Когда он туда уходил, бравый такой был, решительный. Ха... Через двадцать минут вернулся – глаза вытаращенные, волосы на голове дыбом стоят от страха, ни слова по-человечески произнести не может. Так от него и не добились больше ничего – он с тех пор говорит как-то бессвязно, все больше мычит. И в туннели больше ни ногой – так и торчит на Сухаревской, попрошайничает. Он теперь там местный юродивый. Мораль ясна?

– Да, – неуверенно сказал Артем.

Некоторое время отряд двигался в полной тишине. Артем вновь погрузился в свои размышления и шагал так довольно долго, пытаясь изобрести нечто правдоподобное, что можно было бы соврать на заставе при выходе с Рижской.

Так продолжалось, пока он не понял, что ему мешает думать постепенно нарастающий странный шум, доносящийся из лежащего впереди туннеля. Шум этот, почти неуловимый вначале, находящийся где-то на зыбкой границе слышимого и ультразвука, медленно и совсем незаметно креп, так что невозможно было определить момент, когда Артем начал слышать его. К тому моменту, как он его осознал, шум звучал уже довольно сильно, напоминая более всего свистящий шепот – непонятный, нечеловеческий.

Артем быстро взглянул на остальных. Все двигались слаженно и молча. Командир больше ни о чем не говорил с Кириллом, Женька думал о чем-то своем, и замыкающий спокойно смотрел вперед, перестав нервно вертеться. Никто из них не проявлял ни малейшего беспокойства. Они ничего не слышали. Ничего! Артему стало страшно. Спокойствие и молчание всего отряда, все более заметное на фоне нарастающего шипения, было совершенно непостижимым и пугающим. Артем бросил рукоять дрезины и выпрямился в полный рост. Женька удивленно посмотрел на него. Глаза его были ясны, в них не было ни следа дурмана или чего-то подобного, что Артем боялся там найти.

– Ты что? – спросил он недовольно. – Устал, что ли? Ты сказал бы заранее, а не бросал так вот.

– Ты ничего не слышишь? – с недоумением спросил Артем, и что-то в его голосе заставило Женьку перемениться в лице.

Тот прислушался тоже, не переставая работать руками. Дрезина, однако, пошла медленнее, потому что Артем все еще стоял с растерянным видом, ловя отзвуки загадочного шума.

Командир заметил это и обернулся:

– Что там с вами? Батарейки сели?

– Вы ничего не слышите? – спросил у него Артем.

И вместе с тем в душу к нему закралось гадкое ощущение, что на самом-то деле нет никакого шума – вот никто ничего и не слышит. Просто у него крыша поехала, просто от страха ему мерещится... От рассказов всяких и от неотступно, в шаг за спиной замыкающего, ползущей за их отрядом тьмы.

Командир дал знак остановиться, чтобы не мешали скрип дрезины и грохот сапог, и замер. Руки его поползли к автомату, он стоял неподвижно и напряженно вслушивался, повернувшись к туннелю одним ухом.

Странный звук был тут как тут, Артем теперь слышал его отчетливо, и чем яснее он становился, тем внимательнее Артем всматривался в лицо командира, пытаясь понять, слышит ли и тот все то, что наполняло Артемово сознание усиливающимся беспокойством. Но черты лица командира постепенно разглаживались, и Артема захлестнуло жгучее чувство стыда. Еще бы: остановил отряд из-за какой-то ерунды, сдрейфил, да еще и других переполошил.

Женька, очевидно, тоже ничего не слышал, хотя и пытался. Бросив, наконец, это занятие, он с ехидной усмешкой посмотрел на Артема и, заглядывая ему в глаза, проникновенно спросил:

– Глюки?

– Да пошел ты! – неожиданно раздраженно бросил Артем. – Что вы все, оглохли, что ли?

– Глюки! – удовлетворенно заключил Женька.

– Тишина. Совсем ничего. Тебе показалось, наверное. Ничего, это бывает, не напрягайся, Артем. Берись давай и поедem дальше, – мягко, чувствуя ситуацию, сказал командир и сам пошел вперед.

Артему ничего не оставалось, как вернуться на место. Он честно пытался убедить себя, что шепот ему только показался, что это все от напряжения, пытался расслабиться и не думать ни о чем, надеясь, что вместе с тревожно мечущимися мыслями из головы удастся выкинуть и этот чертов шум. У него получилось на некоторое время остановить свои мысли, но в опустевшей на мгновение голове звук стал гулким, более громким и ясным. Он набирал мощь по мере того, как они все глубже продвигались на юг, а когда усилился настолько, что, казалось, заполнил все метро, Артем вдруг заметил, что Женька работает только одной рукой, а другой, видимо, не обращая внимания на то, что делает, потирает себе уши.

– Ты что? – шепнул ему Артем.

– Не знаю... Закладывает... Свербит как-то... – проговорил Женька.

– А ничего не слышишь? – с боязливой надеждой спросил Артем.

– Не, слышать не слышу, но как-то давит, – шепнул в ответ Женька, и от прежней иронии в его голосе не осталось и следа.

Звучание достигло апогея, и тут Артем понял, откуда оно идет. Одна из труб, проложенных вдоль стен туннеля и заключающих в себе коммуникации и черт знает что еще, в этом месте словно лопнула, и именно ее черное жерло, окаймленное рваными, торчащими в разные стороны железными краями, издавало этот странный шум. Он шел из глубин трубы, и только Артем успел задуматься о том, почему же там внутри ни проводов никаких, ни еще чего, а только сплошная пустота и чернота, как командир внезапно остановился и медленно, через силу выговорил:

– Мужики, давайте здесь это... Привал сделаем, а то мне что-то нехорошо. В голове муть какая-то.

Он нетвердыми шагами приблизился к дрезине, чтобы присесть на край, но, не дойдя шага, вдруг мешком повалился на землю. Женька растерянно глядел на него, растирая уши уже двумя руками и не двигаясь с места. Кирилл почему-то продолжал идти дальше в одиночку, как будто ничего и не случилось, никак не реагируя на окрики. Замыкающий сел на рельсы и неожиданно по-детски беспомощно заплакал. Луч фонаря уткнулся в потолок туннеля, и, освещенная снизу, картина стала еще более зловещей.

Артем запаниковал. Очевидно, из всего их отряда рассудок не помутился только у него, но звук стал совершенно нестерпимым, не давая сосредоточиться ни на какой хоть скольконибудь сложной мысли.

Артем в отчаянии заткнул уши, и это немного помогло. Тогда он с размаху влепил пощечину Женьке, с одуревшим видом теревшему уши, и проорал ему, стараясь заглушить шум, забыв, что тот был слышен только ему:

– Подними командира! Положи командира на дрезину! Нам нельзя здесь оставаться ни в коем случае! Надо убираться отсюда! – и, подобрав упавший фонарь, бросился вслед за Кириллом, сомнамбулически вышагивавшим все дальше, уже вслепую, потому что без фонаря темнота впереди была хоть глаз выколи.

К его счастью, Кирилл шел довольно медленно. В несколько длинных прыжков Артем сумел нагнать его и хлопнул по плечу, но Кирилл продолжал идти, и они все больше удалялись

от остальных. Артем забежал вперед и, не зная, что делать, направил луч фонаря Кириллу в глаза. Они были закрыты, но Кирилл вдруг сморщился и сбился с шага. Тогда Артем, удерживая его одной рукой, другой приподнял ему веко и посветил прямо в зрачок. Кирилл вскрикнул, заморгал, трясая головой, и через доли секунды словно очнулся и открыл глаза, непонимающе глядя на Артема. Ослепленный фонарем, он почти ничего не видел, и обратно, к дрезине, Артему пришлось тащить его за руку.

На дрезине лежало бездыханное тело командира, рядом сидел Женька все с тем же тупым выражением на лице. Оставив Кириллу у дрезины, Артем бросился к замыкающему, продолжавшему плакать, сидя на рельсах. Посмотрев ему в глаза, Артем встретил взгляд, полный боли и страдания, и таким острым было это ощущение, что он отшатнулся, почувствовав, что и у него против воли выступают слезы.

– Они все, все погибли... Им было так больно! – разобрал Артем сквозь рыдания.

Артем попытался поднять замыкающего, но тот вырвался и неожиданно зло выкрикнул:

– Свины! Нелюди! Я никуда не пойду с вами, хочу остаться здесь! Им так одиноко, так больно здесь, а вы хотите забрать меня отсюда? Это вы во всем виноваты! Я никуда не пойду! Никуда! Пусти, слышишь?!

Артем сначала хотел дать ему пощечину, надеясь, что это хоть как-то приведет его в чувство, но побоялся, что в таком возбужденном состоянии тот может дать ему сдачи. Вместо этого он опустился перед замыкающим на колени и, с трудом пробиваясь сквозь шум в собственной голове, мягко заговорил, сам не до конца понимая, о чем идет речь:

– Но ведь ты хочешь им помочь, правда? Хочешь, чтобы они больше не страдали?

Сквозь слезы тот посмотрел на Артема и с несмелой улыбкой прошептал:

– Конечно... Конечно, я хочу помочь им.

– Тогда ты должен помочь мне. Они хотят, чтобы ты помог мне. Иди к дрезине и встань за рычаги. Ты должен помочь мне добраться до станции.

– Они так сказали тебе? – недоверчиво поглядел на Артема замыкающий.

– Да, – уверенно ответил Артем.

– А ты потом отпустишь меня назад, к ним?

– Даю слово, что, если ты захочешь вернуться, я отпущу тебя обратно, – заверил Артем и, пока его собеседник не успел одуматься, потянул его к дрезине.

Поставив замыкающего, механически повинующегося Женьку и Кириллу к рычагам, взгромоздив не приходящего в сознание командира посередине, Артем встал во главе отряда, нацелив автомат в темноту, и быстрым шагом пошел вперед. Сам себе удивляясь, он слушал, как покатила вслед за ним дрезина. Артем чувствовал, что совершает недопустимое, оставив неприкрытый тыл, но понимал, что сейчас самое главное – убраться как можно скорее из этого страшного места.

На рычагах теперь было трое, и отряд двигался быстрее, чем до остановки, а Артем с облегчением чувствовал, как затихает мерзкий шум и рассасывается понемногу чувство опасности. Он все прикрикивал на остальных, требуя не сбавлять темпа, как вдруг услышал сзади совершенно трезвый и удивленный голос Женьки:

– Ты что это раскомандовался?

Артем дал знак остановиться, поняв, что они миновали опасную зону, вернулся к отряду и обессиленно опустился на землю, прислонившись к дрезине спиной. Все постепенно приходило в себя. Замыкающий перестал всхлипывать и только тер себе пальцами виски, в недоумении осматриваясь вокруг. Зашевелился и с глухим стоном приподнялся командир, жалуясь, что раскалывается голова.

Через полчаса можно было двигаться дальше. Кроме Артема, никто ничего не помнил.

– Знаешь, тяжесть такая вдруг навалилась, в голове муть, и как-то так раз – и погасло все. Было со мной такое однажды от газа в одном туннеле, далеко отсюда. Но если газ, так

он должен по-другому действовать, на всех сразу, не разбираясь... А ты все этот звук свой слышал? Да, странно все это, чего и говорить... – размышлял вслух командир. – И вот то, что Никита ревел... Слышь, Васильич, кого ты жалел-то? – спросил он у замыкающего.

– Черт его знает... Не помню я. То есть вроде минуту назад еще что-то помнил, а потом как-то улетучилось... Это, знаешь, как со сна: вот только проснешься – все помнишь, и картина такая яркая перед глазами стоит. А пройдет несколько минут, очнешься немного – все, пусто. Так только, осколки какие-то... Вот и сейчас то же самое. Помню, что жалко очень кого-то было... А кого, почему – пусто.

– А вы там хотели остаться, в туннеле. Навсегда. С ними. Отбивались. Я вам пообещал еще, что, если вы захотите, я вам разрешу назад вернуться, – сказал Артем, искоса поглядывая на Никиту-замыкающего. – Так вот, я вас отпускаю, – добавил он и ухмыльнулся.

– Нет уж, спасибо, – мрачно ответил Никита, и его передернуло, – что-то я передумал.

– Ладно, мужики. Хватит трепаться. Нечего посреди туннеля торчать. Сначала доберемся, потом все обсудим. Нам еще как-то возвращаться надо будет... Хотя что загадывать наперед, в такой денек дай бог хотя бы куда надо попасть. Поехали! – заключил командир. – Слышь, Артем, давай, со мной пойдешь. Ты у нас вроде герой сегодня, – неожиданно добавил он.

Кирилл занял место за дрезиной, Женька, несмотря на протесты, остался на рычагах с Никитой Васильевичем, и они двинулись дальше.

– Труба там, говоришь, лопнула? И это из нее ты свой шум слышал? Знаешь, Артем, может, на самом деле мы все болваны глухие и не слышим ни черта. У тебя, наверное, чутье особенное на эту дрянь. С этим делом, видно, тебе повезло, парень! – рассуждал командир. – Очень странно, что это из трубы шло. Пустая труба была, говоришь? Шут знает, что там сейчас по ним течет, – продолжал он, опасливо поглядывая на змеиные переплетения труб вдоль стен туннеля.

До Рижской оставалось совсем немного. Через четверть часа замерцали вдали отсветы костра у заставы, командир замедлил ход и фонарем дал условный знак. Через кордон их пропустили быстро, без проводов, и дрезина вкатилась на станцию.

Рижская была в лучшем состоянии, чем Алексеевская. Когда-то давно на поверхности над станцией располагался большой рынок. Среди тех, кто успел тогда добежать до метро и спастись, было немало торговцев с этого самого рынка. Народ там с тех пор жил предприимчивый, да и близость станции к Проспекту Мира, а значит, к Ганзе, к главным торговым путям, тоже сказывалась на ее благополучии. Свет там горел электрический, аварийный, как и на ВДНХ. Патрули были одеты в старый поношенный камуфляж, который все же смотрелся внушительней, чем разукрашенные ватники на Алексеевской.

Гостям выделили отдельную палатку. Теперь скорого возвращения не предвиделось, неясно было, что за новая опасность кроется в туннеле и как с ней справляться. Администрация станции и командир маленького отряда с ВДНХ собрались на совещание, а у остальных получался избыток свободного времени. Артем, уставший и перенервничавший, сразу упал на свою лежанку лицом вниз. Спать не хотелось, но сил не было совершенно. Через пару часов для гостей обещали устроить торжественный ужин, судя по многозначительным подмигиваниям и перешептываниям хозяев, можно было даже надеяться на мясо. Пока же оставалось лежать и ни о чем не думать.

За стенками палатки усиливался шум. Пир устраивали прямо посреди платформы, где горел главный костер. Артем, не утерпев, выглянул наружу. Несколько человек чистили пол и расстилали брезент, неподалеку на путях разделявали свиную тушу, резали клещами на куски моток стальной проволоки, что предвещало шашлыки. Стены здесь были необычные: не морные, как на ВДНХ и Алексеевской, а выложенные желтой и красной плиткой. Сочетание это, должно быть, когда-то смотрелось довольно весело. Теперь, правда, кафель и штукатурку

покрывал слой копоти и жира, но все равно чуть-чуть прежнего уюта сохранилось. А самое главное, на другом пути стоял, наполовину погруженный в туннель, настоящий поезд, правда, с выбитыми окнами и раскрытыми дверями.

Поезда встречались далеко не в каждом перегоне и не на каждой станции. За два десятилетия многие из них – особенно те, что застряли в туннелях и для жизни пригодны не были, – люди постепенно растащили по частям, приспособив колеса, стекла и обшивку под какие-то надобности, на каждой станции свои. Отчим говорил Артему, что на Ганзе один из путей даже специально очистили от поездов, чтобы товарные и пассажирские дрезины могли беспрепятственно двигаться между пунктами следования. Так же, по слухам, поступили и на Красной Линии. В туннеле, по которому они шли от ВДНХ до Проспекта Мира, не оставалось ни одного вагона, но как раз это, скорее всего, вышло случайно.

Стали понемногу собираться местные, из палатки вылез заспанный Женька, через полчаса подтянулось здешнее начальство с командиром Артемова отряда, и первые куски мяса легли на угли. Командир и руководство станции много улыбались и шутили, наверное, довольные результатами переговоров. Принесли бутылку с какой-то туземной бодягой, пошли тосты, и все совсем развеселилось. Артем грыз свой шашлык и слизывал текущий по рукам горячий жир, глядя на тлеющие угли, от которых исходили жар и необъяснимое ощущение уюта и спокойствия.

– Это ты их из ловушки вытащил? – обратился к нему незнакомый человек, сидевший рядом и последние несколько минут внимательно рассматривавший Артема.

Артем встрепенулся. До сих пор, полностью погружившись в свои мысли и созерцание багровеющих в костре головней, он не замечал никого вокруг.

– Кто это вам сказал? – вопросом на вопрос ответил Артем, всматриваясь в незнакомца. Тот был коротко стрижен, небрит, из-под грубой, но крепкой с виду кожаной куртки виднелась теплая тельняшка. Ничего подозрительного Артему углядеть не удалось: по виду его собеседник походил на обычного челнока, каких на Рижской было пруд пруди.

– Кто? Да вот ваш бригадир и рассказал, – кивнул тот на сидевшего поодаль и оживленно обсуждавшего что-то с коллегами командира.

– Ну, я, – неохотно признался Артем. Хотя совсем недавно он еще планировал завести пару полезных знакомств на Рижской, теперь, когда для этого представилась отличная возможность, ему отчего-то вдруг стало не по себе.

– Я Бурбон. А тебя как звать? – продолжал интересоваться мужик.

– Бурбон? – удивился Артем. – Почему это? Это не король такой был?

– Нет, пацан. Это был такой типа спирт. Огненная, понимаешь, вода. Очень настроение поднимала, говорят. Так как тебя там?.. – снова поинтересовался мужик.

– Артем.

– Слушай, Артем, а когда вы назад возвращаетесь? – допытывался Бурбон, заставляя Артема сомневаться в нем все больше.

– Не знаю я. Теперь никто точно не скажет, когда мы обратно пойдем. Если вы слышали, что с нами произошло, должны сами понимать, – недружелюбно ответил Артем.

– Слушай, называй меня на ты, я не настолько тебя старше, чтобы тут это... Короче, что я спрашиваю-то... Дело у меня к тебе, пацан. Не ко всем вашим, а именно к тебе, типа, лично. Мне, это самое, помощь твоя нужна. Понял? Ненадолго...

Артем ничего не понял. Говорил мужик сбивчиво, и что-то в том, как он выговаривал слова, заставляло Артема внутренне сжиматься. Меньше всего на свете ему сейчас хотелось продолжать этот непонятный разговор.

– Слышь, пацан, ты это, не напрягайся, – словно почувствовав его сомнения, поспешил рассеять их Бурбон. – Ничего стремного, все чисто... Ну, почти все. Короче, дело такое: позавчера наши пошли до Сухаревки, ну, ты знаешь, прямо по линии, да не дошли. Один только

обратно вернулся. Ни черта не помнит, прибежал на Проспект весь в соплях, ревел, как этот ваш, о котором бригадир ваш рассказывал. Остальные назад не явились. Может, они потом к Сухаревке вышли... А может, никуда больше и не вышли, потому что уже третий день на Проспект никто оттуда не приходил, и с Проспекта никто туда уже идти не хочет. Западло им туда идти почему-то. Короче, думаю, что там та же байда, что и у вас было. Я, как вашего бригадира послушал, так сразу и это... Типа, понял. Ну, линия ведь та же. И трубы те же... – Тут Бурбон резко обернулся через плечо, проверяя, наверное, не подслушивает ли кто. – А тебя эта байда не берет, – продолжил он тихо. – Понял?

– Начинаю, – неуверенно ответил Артем.

– Короче, мне сейчас туда надо. Очень надо, понял? Очень. Я точно не знаю, но все шансы, что у меня там крыша съедет, как и у всех наших пацанов, наверное, как у всей вашей бригады. Кроме тебя.

– Ты... – неуверенно, словно пробуя на вкус это слово, чувствуя, как неудобно и неприятно ему обращаться к такому типу на «ты», проговорил Артем, – ты хочешь, чтобы я тебя провел через этот туннель? Чтобы я вывел тебя к Сухаревской?

– Типа того, – с облегчением кивнул Бурбон. – Не знаю, слышал ты или нет, но там за Сухаревской туннель, типа, еще почище этого, такая дрянь, мне еще там как-то пробиваться придется. А тут еще эта байда с пацанами вышла. Да все нормально, не стремайся ты, если меня проведешь, я в долгу тоже не останусь. Мне, правда, дальше надо будет потом идти, на юг, но у меня там, на Сухаревке, свои люди, обратно доставят, пыль смахнут и все такое.

Артем, который хотел сначала послать Бурбона с его предложением куда подальше, понял вдруг, что у него появился шанс без боя и вообще без всяких проблем проникнуть через южные заставы Рижской. И дальше... Бурбон, хотя и не распространялся о своих дальнейших планах, говорил, что двинется через проклятый туннель от Сухаревской к Тургеневской. Именно там Артем и собирался попытаться пройти. Тургеневская – Трубная – Цветной Бульвар – Чеховская... А там и до Арбатской рукой подать... Полис... Полис.

– Как платишь? – решил для видимости поломаться Артем.

– Как хочешь. Вообще, валютой, – Бурбон с сомнением посмотрел на Артема, пытаясь определить, понимает ли тот, о чем идет речь. – Ну, типа, патроны к калашу. Но, если хочешь, жратвой там, спиртом или дурью, – он подмигнул, – тоже можно устроить.

– Не, патроны – нормально. Две обоймы. Ну, и еды, чтоб туда и обратно. Не торгуюсь, – как можно более уверенно назвал свою цену Артем, стараясь выдержать испытующий взгляд Бурбона.

– Деловой... – с неясной интонацией отреагировал тот. – Ладно. Два рожка к калашу. И жратвы. Ну, ничего, – невнятно сказал он, видимо, сам себе, – оно того стоит. Ладно, пацан, как тебя там, Артем? Ты иди пока, спи, я за тобой зайду скоро, когда тут весь бардак уляжется. Собери шмотки, можешь записку оставить, если писать умеешь, чтобы они тут за нами погонь не устраивали. Это... Чтобы был готов, когда я приду. Понял?

Глава 5. За патроны

Собирать вещи, в общем, нужды не было, потому что Артем толком еще ничего и не распаковывал, да ему и нечего было особенно распаковывать. Непонятно было только, как незаметно вынести автомат, чтобы не привлечь чьего-нибудь внимания. Автоматы им выдали громоздкие, армейские, калибра 7.62, с деревянными прикладами. С такими махинами на ВДНХ всегда отправляли караваны на ближайшие станции.

Артем лежал, зарывшись в одеяло с головой, не отвечая на недоуменные Женькины вопросы: почему он тут дрыхнет, когда снаружи так круто, и не заболел ли он вообще. В палатке было жарко и душно, тем более под одеялом. Сон все не шел, как Артем ни пытался заставить себя уснуть, и когда он наконец забылся, видения были очень беспокойными и неясными, словно сквозь мутное стекло: он куда-то бежал, разговаривал с кем-то безликим, опять бежал... Разбудил его все тот же Женька, тряхнувший за плечо и шепотом сообщивший:

– Слышь, Артем, там тебя мужик какой-то... У тебя проблемы, что ли? – настороженно спросил он. – Давай я всех наших подниму...

– Нет, нормально все, просто поговорить надо. Спи, Жень. Я скоро, – так же тихо объяснил Артем, натягивая сапоги и дожидаясь, пока Женька опять уляжется. Потом он осторожно вытащил из палатки свой рюкзак и потянул было автомат, как вдруг Женька, услышав металлическое клацанье, снова встревоженно спросил:

– Это тебе еще зачем? Ты уверен, что у тебя все в порядке?

Артему пришлось отпираться и сочинять, что он просто хочет тут знакомому кое-что показать, что они поспорили, что все хорошо, и так далее.

– Врешь! – убежденно резюмировал Женька. – Ладно. Когда начинать беспокоиться?

– Через год, – пробормотал Артем, надеясь, что это прозвучало достаточно неразборчиво, отодвинул полог палатки и шагнул на платформу.

– Ну, пацан, ты и копаешься, – недовольно процедил сквозь зубы ждавший его Бурбон. Одет он был как и прежде, только за спиной висел высокий рюкзак. – Твою мать! Ты что, собираешься с этой дурой через все кордоны тащиться? – брезгливо поинтересовался он, указывая на автомат. У него самого, к своему удивлению, Артем никакого оружия не обнаружил.

Свет на станции померк. Народу на платформе не было, все уже улеглись, утомленные пирушкой. Артем старался идти побыстрее, все же опасаясь натолкнуться на кого-нибудь из своих, но при входе в туннель Бурбон осадил его, приказав сбавить шаг. Патрульные на путях заметили их и спросили издали, куда это они собрались в полвторого ночи, но Бурбон назвал одного из них по имени и объяснил, что по делам.

– Слушай, короче, – поучал он Артема, зажигая фонарь. – Сейчас на сотом и на двести пятидесятом заставы будут. Ты это, главное, молчи. Я сам с ними разберусь. Жалко, что у тебя калаш – ровесник моей бабушке, не спрячешь куда... Где только ты откопал дрянь такую?

На сотом метре все прошло гладко. Здесь тлел небольшой костерок, у которого сидели два человека в камуфляже. Один из них дремал, а второй дружески пожал Бурбону руку.

– Бизнес? Понима-аю, – с заговорщической улыбкой протянул он.

До двести пятидесятого метра Бурбон не проронил ни слова, угрюмо шагая впереди. Был он какой-то злой, неприятный, и Артем уже начал раскаиваться, что решил отправиться с ним. Отстав на шаг, он проверил, в порядке ли автомат, и положил палец на предохранитель.

У последней заставы вышла задержка. Там Бурбона то ли не так хорошо знали, то ли, наоборот, знали слишком хорошо, так что главный отвел его в сторону, заставив оставить рюкзак у костра, и долго допрашивал о чем-то. Артем, чувствуя себя довольно глупо, остался у костра и скупое отвечал на вопросы дежурных. Те явно скучали и были не прочь поболтать. Артем по себе знал, что если дежурные разговорчивы – это хороший знак, раз скучают, то все

спокойно. Если бы сейчас у них происходило тут что-нибудь странное, ползло бы что из глубины, с юга, кто-то пытался прорваться или слышались подозрительные звуки, они бы сгрудились вокруг костра, молчали бы напряженно и глаз с туннеля не сводили. Значит, сегодня все тихо и можно идти не опасаясь, во всяком случае, до Проспекта Мира.

– Ты ведь не местный. С Алексеевской, что ли? – допытывались дежурные, заглядывая Артему в лицо.

Артем, помня наказ Бурбона молчать и ни с кем не разговаривать, пробормотал что-то невразумительное, что можно было понять как угодно, предоставив спрашивающим полную свободу трактовать его бурчание. Дежурные, отчаявшись добиться от него ответа, переключились на обсуждение рассказа какого-то Михая, который на днях торговал на Проспекте Мира и имел неприятности с администрацией станции.

Довольный, что от него наконец отстали, Артем сидел и сквозь пламя костра всматривался в южный туннель. Вроде это был все тот же бесконечный широкий коридор, что и на северном направлении на ВДНХ, где Артем совсем недавно точно так же сидел у костра на посту на четыреста пятидесятом метре. С виду он ничем не отличался. Но было что-то в нем, не то особый запах, доносимый туннельными сквозняками, не то особенное настроение, аура, что ли, присущая только этому туннелю и придававшая ему индивидуальность, делавшая его не похожим на все остальные. Артем вспомнил, как отчим говорил, что нет в метро двух одинаковых туннелей, да и в одном и том же два разных направления отличаются. Такая сверхчувствительность развивалась долгими годами походов и далеко не у всех. Отчим называл это «слышать туннель», и «слух» такой у него был, он им гордился и не раз признавался Артему, что уцелел в очередной переделке только благодаря этому своему чувству. У многих других, несмотря на долгие странствия по метро, ничего такого не получалось. Некоторые приобретали необъяснимый страх, кто-то слышал звуки, голоса, постепенно терял рассудок, но все сходилось в одном: даже когда в туннелях нет ни души, они все равно не пустуют. Что-то невидимое и почти неосязаемое медленно и тягуче течет по ним, наполняя их своей собственной жизнью, словно тяжелая стывшая кровь в венах каменеющего левиафана.

И сейчас, не слыша больше разговора дежурных, тщетно пытаюсь увидеть что-либо во тьме, стремительно густеющей в десяти шагах от огня, Артем начинал понимать, что имел в виду отчим, рассказывая ему о «чувстве туннеля». Дальше этого места ему в сознательном возрасте еще ступать не приходилось, и хотя Артем знал, что за нечеткой границей, очерченной пламенем костра, где багровый свет мешался с дрожащими тенями, есть еще люди, но в данное мгновение это представлялось ему невероятным. Казалось, жизнь кончалась в десяти шагах отсюда, впереди больше ничего не было, только мертвая черная пустота, отзывающаяся на крик обманчивым глухим эхом.

Но если сидеть так долго, если заткнуть уши, если смотреть вглубь не так, будто хочешь там высмотреть что-то особенное, а иначе, словно пытаешься растворить свой взгляд во мгле, слиться с тоннелем, стать частью этого левиафана, клеткой его организма, то сквозь руки, закрывающие доступ звукам из внешнего мира, минуя органы слуха, напрямую в мозг начнет литься тонкая мелодия – неземное звучание недр, смутное, непонятное... Совсем не тот тревожный зудящий шум, плещущий из разорванной трубы в туннеле между Алексеевской и Рижской, нет, нечто иное, чистое, глубокое...

Ему чудилось, что на время он сумел окунуться в тихую реку этой мелодии, и вдруг не разумом, а скорее проснувшейся интуицией, разбуженной, наверное, тем самым шумом из разорвавшейся трубы, постиг Артем суть этого явления, не понимая его природы. Потoki, рвущиеся наружу из той трубы, как ему показалось, были тем же, что и эфир, неспешно струившийся по туннелям, но в трубе они были гнойными, зараженными чем-то, беспокойно бурлящими, и в тех местах, где вспухшие от напряжения трубы лопались, гной этот изливался толчками во внешний мир, неся с собой тоску, тошноту и безумие всем живым существам...

Артему показалось вдруг, что он стоит на пороге понимания чего-то очень важного, как если бы последние полчаса его блужданий в крошечной тьме туннелей и в сумерках собственного сознания приподняли завесу над великой тайной, отделяющей всех разумных созданий от познания истинной природы этого нового мира, выгрызенного прошлыми поколениями в недрах Земли.

Но вместе с тем ему стало страшно, словно он только что заглянул в замочную скважину двери, надеясь узнать, что за ней, и увидел лишь нестерпимый свет, бьющий изнутри и опаляющий глаза. И если открыть дверь, то свет этот хлынет неудержимо и испепелит на месте того дерзкого, который решится открыть запретную дверь. Однако свет этот и есть Знание.

Вихрь всех этих мыслей, ощущений и переживаний захлестнул Артема слишком внезапно, он был совершенно не готов ни к чему похожему и потому испуганно отпрянул. Нет, все это было всего лишь фантазией. Не слышал он ничего и ничего не осязал, опять игра воображения. Со смешанным чувством облегчения и разочарования он, заглянув в себя, наблюдал, как раскрывшаяся перед ним на мгновение поразительная, неопишуемая перспектива стремительно меркнет, тает, и перед мысленным взором вновь встает привычное мутное марево. Он испугался этого знания, отступил, и теперь приподнявшаяся было завеса тяжело опустилась обратно, быть может, навсегда. Ураган в его голове стих так же внезапно, как и начался, только опустошив и утомив рассудок.

Артем, потрясенный, сидел и все пытался понять, где же заканчивались его фантазии и начиналась реальность, если, конечно, такие ощущения вообще могли быть реальны. Медленно-медленно его душа наливалась горечью опасения, что он стоял в шаге от просветления, от самого настоящего просветления, но не решился, не отважился отдаться на волю течения туннельного эфира, и теперь ему всю жизнь остается лишь бродить в потемках, оттого что однажды он убоился света подлинного Знания. «Но что такое Знание?» – спрашивал он себя снова и снова, пытаясь оценить то, от чего столь поспешно и трусливо отказался. Погруженный в свои мысли, он и не заметил, что, по крайней мере, несколько раз успел уже произнести эти слова вслух.

– Знание, парень, – это свет, а незнание – тьма! – охотно объяснил ему один из дежурных. – Верно? – весело подмигнул он своим товарищам.

Артем оторопело уставился на него и так бы и сидел, но вернулся Бурбон, поднял его и попрощался с остальными, сказав, что они бы, мол, еще задержались, да торопятся.

– Смотри! – грозно сказал ему вслед командир заставы. – Отсюда я тебя с оружием выпускаю, – он махнул рукой на автомат Артема, – но обратно ты у меня уже с ним не пройдешь. У меня по этому поводу инструкции четкие.

– Говорил я тебе, болван... – раздраженно прошипел Артему Бурбон, когда они поспешно зашагали прочь от костра. – Вот теперь как хочешь обратно, так и пробирайся. Хоть это, с боем. Мне вообще плевать. Вот ведь знал, знал ведь, что так, мать твою, все и будет!

Артем молчал, почти не слыша, как его отчитывал Бурбон. Вместо этого он вдруг вспомнил, что отчим говорил тогда же, когда объяснял про уникальность и неповторимость каждого туннеля, что у любого из них есть своя мелодия и что можно научиться ее слушать. Отчим, наверное, хотел просто выразиться красиво, но, вспоминая то, что он ощущал, сидя у костра, Артем подумал, что вот оно, что ему именно это и удалось. Что он слушал, на самом деле слушал – и слышал! – мелодию туннелей. Однако воспоминания о произошедшем быстро блекли, и через полчаса Артем не мог уже поручиться, что все это действительно произошло с ним, а не причудилось, навеянное игрой пламени.

– Ладно... Ты, наверное, не со зла, просто в башке ни хрена нету, – примирительно сказал Бурбон. – Если я, это, с тобой неласковый, ты извини. Работа нервная. Ну, ладно, вроде выйти удалось, уже хорошо. Теперь топать до Проспекта по прямой, без остановок. Там это, отдохнем. Если все будет спокойно, то много времени не займет. А вот дальше – проблема.

– А ничего, что мы так идем? Я имею в виду, что, когда мы с караванами ходим от ВДНХ, меньше, чем втроем, не идем, замыкающий там обязательно, и вообще... – сказал Артем, оглядываясь назад.

– Тут, пацан, конечно, есть свой плюс, чтобы караванами ходить, с замыкающим и со всеми делами, – начал объяснять Бурбон. – Но, пойми, есть и конкретный минус. Это не сразу доходит. На своей шкуре только. Я раньше тоже боялся. Что там втроем – мы раньше с пацанами вообще меньше чем впятером не ходили, а то даже вшестером и больше. Думаешь, поможет? А вот ни черта не помогает. Шли мы однажды с грузом и поэтому с охраной: двое спереди, трое в центре, ну, и замыкающий, типа, по всей науке. От Третьяковки шли к этой... раньше Марксистской называлась. Так себе был туннель. Он сразу мне не понравился. Какой-то там гнилью тянуло... И туман стоял. И видно хреново было, в пяти шагах – уже ничего, фонарь особо не помогал. Ну, мы веревку решили привязать к ремню замыкающего, пропустили ее через ремень одного из перцев, которые шли посередине, а другой конец – у командира, во главе группы. Чтоб не отстать в тумане. И вот движемся мы прогулочным шагом, все нормально, спокойно, спешить некуда, никого, тьфу-тьфу, пока не встречаем, ну, думаю, меньше чем за сорок минут дойдем... А получилось еще быстрее... – его передернуло, и он немного помолчал, прежде чем продолжить.

– Где-то посередине Толян, он в центре шел, спрашивает что-то у замыкающего. А тот молчит. Толян подождал и переспрашивает. Тот молчит. Толян дергает тогда за веревку и вытаскивает конец. А веревка перекушена. В натуре, перекушена, даже дрянь какая-то мокрая на конце... И этого нет нигде. И ведь ничего не слышали. Вообще ничего. А сам я с Толяном шел, в центре. Он мне этот конец показывает, а у самого поджилки трясутся. Ну, мы крикнули еще, типа, для порядка, но, конечно, никто не ответил. Уже некому было, это, отвечать. Ну, мы переглянулись – и вперед, так что до Марксистской в два счета добрались.

– Может, это он пошутить решил? – с надеждой спросил Артем.

– Пошутить? Может, и так. Но больше его никто не видел. Так что, это, я одну вещь понял: если тебе екнуться сегодня, сегодня и екнешься, и не поможет ни охрана, ничего. Только идешь от этого медленнее. И везде, кроме одного туннеля – от Сухаревки до Тургеневской, там дела особые, – я с тех пор вдвоем только хожу, типа, с напарником. Если что, выгащит. Зато быстрее. Понял?

– Понял. А нас хоть на Проспект Мира пустят? Я же с этим, – Артем показал на свой автомат.

– На радиальную пустят. На Кольцо – точно нет. Тебя бы и так не пустили, а с пушкой вообще не на что надеяться. Но нам туда и не надо. Нам вообще там надолго зависать нельзя. Привал только сделаем и дальше. Ты это... Был вообще на Проспекте когда-нибудь?

– Маленьким только. А так нет, – признался Артем.

– Ну, давай тогда я тебя, типа, в курс дела введу. Короче, застав там нету никаких, там это никому не надо. Там ярмарка, никто не живет, так чтобы по-нормальному. Но там переход на Кольцо, значит, на Ганзу... Радиальная станция, типа, ничейная, но ее солдаты Ганзы патрулируют, чтобы порядок был. Поэтому вести себя надо тихо, понял? А то вышвырнут к черту и доступ на свои станции запретят, вот и кукуй потом. Поэтому мы, когда дойдем дотуда, ты вылезь на перрон и сиди себе тихо, и самоваром своим – он кивнул на многострадальный автомат – ни перед кем особо не тряс. Мне там это... Надо кое с кем перетереть, тебе придется посидеть подождать. Дойдем до Проспекта, поговорим, как через этот чертов перегон до Сухаревки добираться.

Бурбон опять замолчал, и Артем оказался предоставлен самому себе. Туннель здесь был вроде неплохой, пол только сыроват, и вдоль рельсов бежал туда же, куда направлялись и они, тонкий темный ручеек. Но через некоторое время послышался по сторонам тихий шорох и скрежещущий писк, для Артема звучавший так же, как гвоздь, царапающий стекло, заставляя

содрогаться от отвращения. Маленьких тварей не было пока видно, но присутствие их уже начинало ощущаться.

– Крысы... – сплюнул Артем мерзкое слово, чувствуя, как пробегает по коже озноб.

Они все еще навещали его в ночных кошмарах, хотя воспоминания о том страшном дне, когда погибла его мать и вся его станция, затопленная крысиными потоками, уже почти стерлись из памяти. Стерлись? Нет, они просто ушли глубже, как может уйти в тело вонзившаяся и не вытасченная вовремя игла. Как путешествует пропущенный недостаточно искусным хирургом осколок. Сначала он притаится и замрет, не причиняя страданий и не напоминая о себе, но однажды, приведенный в движение неизвестной силой, двинется в свой губительный путь сквозь артерии, нервные узлы, вспарывая жизненно важные органы и обрекая своего носителя на невыносимые муки. Так и память о том дне, о слепой ярости и бессмысленной жестокости ненасытных тварей, о пережитых тогда ужасах стальной иглой ушла глубоко в подсознание, чтобы тревожить Артема по ночам и электрическим разрядом стегать его, заставляя тело рефлекторно содрогаться при виде этих созданий, при одном только их запахе. Для Артема, как и для его отчима, и, может, для остальных четверых, спасшихся тогда с ними на дрезине, крысы были чем-то гораздо более пугающим и омерзительным, чем для всех остальных обитателей метро.

На ВДНХ крыс почти не было: повсюду стояли капканы и был разложен яд, поэтому от их вида Артем уже успел отвыкнуть. Но остальное метро ими кишело, и об этом он успел позабыть или, может, избегал думать, когда принимал решение отправиться в поход.

– Чего, пацан, крыс испугался? – ехидно поинтересовался Бурбон. – Не любишь? Изнежен ты больно... Привыкай теперь. Без крыс тут у нас никуда... Но это ничего, хорошо даже: голодным не останешься, – добавил он и подмигнул, и Артем почувствовал, что его начинает тошнить. – Но, в натуре, – продолжил Бурбон серьезно, – ты лучше бойся, когда крыс нету. Если нету крыс, значит, тут какая-то байда страшнее, раз даже крысы не живут. И если, пацан, байда эта – не люди, тут и надо бояться. А если крысы бегают, значит, нормальное место. Обычное. Понял?

С кем с кем, но с этим типом Артему точно не хотелось делиться своими страхами. Поэтому он молча кивнул. Крыс тут было не очень много, они избегали света фонаря и были почти незаметны, но одна из них все же сумела подвернуться Артему под ноги, и сапог, вместо того чтобы встретить твердую поверхность, ткнулся во что-то мягкое и скользкое, слух резануло пронзительное верещание. От неожиданности Артем потерял равновесие и чуть не упал лицом вниз вместе со всем своим снаряжением.

– Не бойсь, пацан, не бойсь, – подбодрил его Бурбон. – Это еще что. Есть в этом гадюшнике парочка перегонов, в которых они так и кишат, прямо по хребтам надо идти. Идешь, бывало, а под ногами приятно так похрустывает, – и гнусно за-ржал, довольный произведенным эффектом.

Артема так и передернуло. Он опять промолчал, но кулаки его сжались сами собой. С каким удовольствием он бы сейчас двинул Бурбону в его ухмыляющуюся рожу!

Издали донесся вдруг какой-то неразборчивый гомон, и Артем, моментально забыв обиду, обхватил рукоять автомата и вопросительно посмотрел на Бурбона.

– Да не напрягайся, нормально все. Это мы уже к Проспекту подошли, – успокоил его тот и похлопал покровительственно по плечу.

Хотя он и предупредил уже Артема заранее, что у Проспекта Мира нет никаких застав, для Артема это все равно было непривычно – так вот, сразу, выйти на чужую станцию, не увидев прежде издали слабого света костра, обозначающего границу, не повстречав на пути никаких препятствий. Когда они приблизились к выходу из туннеля, гам усилился и заметно стало слабое зарево.

Наконец слева показались чугунная лесенка и маленький мостик с оградой, лепившийся к стене туннеля и позволявший подняться с путей на уровень платформы. Загрохотали по железным ступеням Бурбоновы подкованные сапожищи, и через несколько шагов туннель вдруг раздался влево – они вышли на станцию.

Тут же в лицо им ударил яркий белый луч: невидимый из туннеля, сбоку стоял маленький столик, за которым сидел человек в незнакомой и странной серой форме, в старинного вида фуражке с околышем.

– Добро пожаловать, – приветствовал их он, отводя фонарь. – Торговать, транзитом?

Пока Бурбон излагал цели визита, Артем всматривался в то, что собой представляла станция метро Проспект Мира. На платформе, у путей, царил полумрак, но арки озарялись изнутри неярким желтым светом, от которого у Артема что-то неожиданно защемило в груди. Захотелось покончить, наконец, со всеми формальностями и посмотреть, что же творится на самой станции, там, за арками, откуда идет этот до боли знакомый, уютный свет... И хотя Артему казалось, что раньше он не видел ничего подобного, вид этой арки на мгновение вернул его назад, в далекое прошлое, и перед глазами возникла странная картина: маленькое помещение, залитое теплым, желтым светом, широкая тахта, на ней полулежа читает книгу молодая женщина, лица которой не видно, посреди оклеенной пастельными обоями стены – темно-синий квадрат окна... Видение мелькнуло перед его мысленным взором и растаяло секунду спустя, озадачив и взбудоражив его. Что он только что видел? Неужели слабый свет со станции смог спроецировать на незримый экран затерявшийся где-то в подсознании старый слайд с картинкой из его детства? Неужели та молодая женщина, мирно читавшая книгу на просторной удобной тахте, – его мать?..

Нетерпеливо сунув таможеннику паспорт, согласившись, несмотря на возражения Бурбона, сдать в камеру хранения свой автомат на время пребывания на станции, Артем заспешил, влекомый этим светом, словно мотылек, за колонны, туда, откуда долетал базарный гомон.

Проспект Мира отличался и от ВДНХ, и от Алексеевской, и от Рижской. Процветающая Ганза могла позволить себе провести здесь освещение получше, чем аварийные лампы, дававшие свет для тех станций, на которых Артем успел побывать в сознательном возрасте. Нет, это были не настоящие светильники из тех, что освещали метро еще тогда, а просто мало-мощные лампы накаливания, свисавшие через каждые двадцать шагов с провода, протянутого под потолком через всю станцию. Но для Артема, привыкшего к мутно-красному аварийному зареву, к неверному свечению пламени костров, к слабому сиянию крошечных лампочек из карманных фонарей, освещавших палатки изнутри, они казались чем-то совершенно необыкновенным. Это был тот самый свет, что озарял его раннее детство, еще там, наверху, он чаровал, напоминая о чем-то давно канувшем в небытие. Оказавшись на станции, Артем не бросился к торговым рядам, как все остальные, а прислонился спиной к колонне и, прикрыв рукой глаза, все стоял и смотрел на эти лампы, еще и еще, до рези в глазах.

– Ты что, рехнулся, что ли? Ты чего на них так уставился – без глаз хочешь остаться? Будешь потом как слепой щенок, и что мне с тобой делать?! – раздался над ухом Артема голос Бурбона. – Раз уж сдал им свою балалайку, поглядел бы хоть, что тут творится... Что на лампочки пялиться!

Артем неприязненно глянул на Бурбона, но послушался.

Народу на станции было не то чтобы очень много, но все разговаривали так громко, торгуясь, зазывая, требуя, пытаясь перекричать друг друга, что становилось ясно, почему этот гам слышен издали, еще на подходах к станции. На обоих путях стояли обрывки составов: по несколько вагонов, приспособленных под жилье. Вдоль платформы в два ряда располагались торговые лотки, на которых – где-то хозяйственно разложенная, где-то сваленная в неряшливые кучи – была выставлена на продажу разнообразная утварь. С одной стороны станция была отсечена железным занавесом – там когда-то открывался выход наверх, а в противопо-

ложном конце, за линией переносных ограждений, виднелись нагромождения серых мешков, очевидно, огневые позиции. Под потолком было натянуто белое полотнище с нарисованной на нем коричневой окружностью, символом Кольца. Там, за этим ограждением, поднимались четыре коротких эскалатора – переход на Кольцевую линию, – и начиналась территория муниципальной Ганзы, куда заказан был путь всем чужакам. За заборами и по станции прохаживались пограничники Ганзы, одетые в добротные непромокаемые комбинезоны с привычными камуфляжными разводами, но отчего-то серого цвета, в таких же кепи и с короткими автоматами через плечо.

– А почему у них камуфляж серый? – спросил Артем Бурбона.

– С жиру бесятся, вот почему, – презрительно отозвался тот. – Ты это... Погуляй тут пока, а я побазарю кое с кем.

Ничего особенно интересного на лотках Артем не заметил: лежали тут чай, палки колбасы, аккумуляторы к фонарям, куртки и плащи из свиной кожи, какие-то потрепанные книжонки, по большей части откровенная порнография, полулитровые бутылки с какой-то подозрительного вида субстанцией с гордой надписью «Самогон» на криво наклеенных этикетках, и действительно не было ни одного лотка с дурью, которую раньше можно было достать без всяких проблем. Даже тощий, с посиневшим носом и слезящимися глазами мужичонка, продававший сомнительный самогон, сипло послал Артема в баню, когда тот спросил, нет ли у него хоть немного «этого дела». Стоял неприменный лоток с дровами: узловатые поленья и ветки, которые сталкеры приносили с поверхности, горели удивительно долго и почти не коптели. Платили тут за все тускло поблескивающими остроконечными патронами к автомату Калашникова, некогда самому популярному и распространенному на земле оружию. Сто граммов чая – пять патронов, палка колбасы – пятнадцать патронов, бутылка самогона – двадцать. Называли их здесь любовно – «пульками»: «Слышь, мужик, глянь, какая куртка крутая, недорого, триста пулек – и она твоя! Ладно, двести пятьдесят и по рукам?»

Глядя на аккуратные ряды «пулек» на прилавках, Артем вспомнил слова своего отчима. «Я читал когда-то, что Калашников гордился своим изобретением, тем, что его автомат – самый популярный в мире. Говорил, счастлив тем, что именно благодаря его конструкции рубежи Родины в безопасности. Не знаю, если бы я эту машину придумал, я бы, наверное, уже с ума сошел. Подумать только, именно при помощи твоей конструкции совершается большая часть убийств на земле! Это даже страшнее, чем быть изобретателем гильотины».

Один патрон – одна смерть. Чья-то отнятая жизнь. Сто граммов чая – пять человеческих жизней. Батон колбасы? Пожалуйста, совсем недорого: всего пятнадцать жизней. Качественная кожаная куртка, сегодня скидка, вместо трехсот – только двести пятьдесят, вы экономите пятьдесят чужих жизней. Ежедневный оборот этого рынка, пожалуй, равнялся всему оставшемуся населению метро.

– Ну, что, нашел себе что-нибудь? – спросил подошедший Бурбон.

– Здесь нет ничего интересного, – отмахнулся Артем.

– Ага, точно, сплошная лажа. Эх, пацан, есть местечки в этом гадюшнике, где все что хочешь достать можно. Идешь, а тебя зазывают наперебой: «Оружие, наркотики, девочки, поддельные документы», – мечтательно вздохнул Бурбон. – А эти гниды, – он кивнул на флаг Ганзы, – устроили здесь ясли: того нельзя, этого нельзя... Ладно, пойдем забирать твою мотыгу, и надо идти дальше. Через перегон через этот гребаный.

Взяв автомат Артема, они уселись на каменной скамье перед входом в южный туннель. Здесь было сумрачно, и Бурбон специально выбрал именно это место, чтобы успели привыкнуть глаза.

– Короче, дела такие: я за себя не ручаюсь. Со мной раньше такого не было, поэтому не знаю, что я делать стану, если мы на эту байдю напоремся. Тьфу-тьфу, конечно, постучать по дереву там и все дела, но если все-таки напоремся... Ну, если я сопли распушу или, типа,

оглохну, это нормально еще. Но там, как я понимаю, у каждого по-своему крыша едет. Пацаны наши так и не вышли обратно, во всяком случае, на Проспект. Я думаю, они вообще никуда не вышли, и мы об них еще споткнемся сегодня. Так что ты это... Готов будь, а то ты у нас нежный... А вот если я бычить начну, орать там, замочить тебя решу... Вот проблема, понял? Не знаю, что и делать... Ладно! – решил наконец Бурбон, очевидно, после долгих колебаний. – Пацан ты вроде ничего, в спину стрелять, наверное, не будешь. Я тебе свою пушку отдам, пока мы будем через перегон этот идти. Смотри, – предупредил он, цепко глядя Артему в глаза, – шуток со мной не шути! У меня с юмором туго.

Вытряхнув из рюкзака какое-то тряпье, он осторожно вытащил оттуда завернутый в потертый пластиковый пакет автомат. Это тоже был Калашников, но укороченный, как у пограничников Ганзы, с откидным прикладом и коротким раструбом вместо длинного ствола с мушкой на конце, как у Артема. Магазин Бурбон из него вынул и убрал обратно в рюкзак, закидав сверху бельем.

– Держи! – передал он оружие Артему. – Далеко не убирай. Может, пригодится. Хотя перегон тихий... – и, не договорив, прыгнул на пути. – Ладно, пошли. Раньше сядешь – раньше выйдешь.

Это было страшно. Когда шли от ВДНХ к Рижской, Артем знал, что всякое может произойти, но все-таки через эти туннели каждый день туда и обратно сновали люди, и потом, впереди находилась обитаемая станция, на которой их ждали. Там было просто неприятно, как всем и всегда неприятно уходить из освещенного спокойного места. Даже когда они отправлялись в путь к Проспекту Мира с Рижской, несмотря на все сомнения, можно было тешить себя мыслью, что впереди – одна из станций Ганзы: им есть куда идти, и можно будет отдохнуть, ничего не опасаясь.

Но тут было просто страшно. Туннель, лежащий перед ними, оставался совершенно черным, здесь царила какая-то необычная, полная, абсолютная тьма, густая и почти осязаемая. Пористая как губка, она жадно впитывала лучи их фонаря, которых едва хватало на то, чтобы осветить пятак земли на шаг вперед. Напрягая до предела слух, Артем пытался различить зародыш того странного болезненного шума, но тщетно: наверное, звуки проникали через эту мглу так же трудно, медленно, как и свет. Даже бодро грохотавшие всю дорогу подкованные сапоги Бурбона в этом туннеле звучали вяло и приглушенно.

В правой стене вдруг возник провал – луч фонаря утонул в черном пятне, и Артем не сразу понял, что это было просто ответвление, уходящее вбок от основного туннеля. Он вопросительно оглянулся на Бурбона.

– Не бойсь. Межлинейник здесь был, – пояснил тот, – чтобы отсюда прямо на Кольцо выезжать без переходов, для поездов. Только Ганза его завалила: там тоже не дураки сидят, открытый туннель здесь оставлять...

После этого они довольно долго шли молча, но тишина давила все больше, и под конец Артем не выдержал.

– Слушай, Бурбон, – заговорил он, пытаясь рассеять наваждение, – а это правда, что здесь недавно какие-то отморозки на караван напали?

Тот ответил не сразу, Артем подумал даже, что он не расслышал вопроса, и хотел повторить, но тут Бурбон отозвался:

– Слышал что-то такое. Но меня тут не было тогда, точно сказать не могу.

Слова его тоже звучали тускло, и Артем с трудом уловил смысл услышанного, стараясь отделить значение слов от своих тяжело ворочающихся мыслей о том, почему здесь так плохо слышно.

– Как же, их никто не видел, что ли? Тут же с одной стороны станция и с другой – станция? Куда они ушли? – продолжал он, и не потому, что это его особенно интересовало, но просто для того, чтобы слышать свой голос.

Прошло еще несколько минут, прежде чем Бурбон наконец ответил, но на этот раз у Артема уже не было желания торопить его, в голове отдавалось эхо от слов, только что произнесенных им самим, и он был слишком занят, вслушиваясь в эти отголоски.

– Тут, говорят, где-то есть это... Типа, люк. Замаскированный. Его не видно так. Разве в такой темноте вообще что-нибудь разглядишь? – с каким-то неестественным раздражением добавил Бурбон.

Потребовалось время, чтобы Артем смог вспомнить, о чем они говорили, мучительно попытаться уцепиться за крючок смысла и задать следующий вопрос, опять просто потому, что хотел продолжить разговор, пусть такой неуклюжий и трудный, но спасавший их от тишины.

– А тут всегда так... темно? – спросил Артем, испуганно чувствуя, что его слова прозвучали совсем уж тихо, словно ему заложило уши.

– Темно? Тут – всегда. Везде темно. Грядет... великая тьма, и... окутает она мир, и будет... властвовать вечно, – делая странные паузы, откликнулся Бурбон.

– Это что, книга какая-то? – выговорил Артем, отмечая про себя, что ему приходится прилагать все большие усилия, чтобы расслышать собственные слова, и вскользь обращая внимание на то, что язык Бурбона пугающе преобразился. Однако у Артема было недостаточно сил, чтобы удивиться этому.

– Книга... Бойся... истин, сокрытых в древних... фолиантах, где... слова тиснены золотом и бумага... аспидно-черная... не тлеет, – произнес Бурбон тяжело, и Артема ужалила мысль, что тот отчего-то больше не оборачивается, как раньше, когда обращается к нему.

– Красиво! – почти закричал Артем. – Откуда это?

– И красота... будет низвергнута и растоптана, и... задохнутся пророки, тщась произнести предречения... свои, ибо день... грядущий будет... чернее их самых зловещих... страхов, и узренное ими... отравит их разум... – глухо продолжал Бурбон.

Внезапно остановившись, он резко повернул голову влево, так, что Артему послышалось даже, как трещат его шейные позвонки, и заглянул парню прямо в глаза.

Артем отшатнулся и попятился назад, на всякий случай нащупывая предохранитель автомата. Бурбон смотрел на него широко раскрытыми глазами, но зрачки его были странно сужены, превратившись в две крошечные точки, хотя в крошечной тьме туннеля должны были бы, наоборот, распахнуться до предела в попытке зачерпнуть как можно больше света. Лицо его казалось неестественно спокойным, ни один мускул не был напряжен, и даже с губ исчезла постоянная презрительная усмешка.

– Я умер, – проговорил Бурбон. – Меня больше нет.

И, прямой как шпала, рухнул лицом вниз.

И тут же в уши Артему ворвался тот самый ужасный звук, но теперь он не разрастался и усиливался постепенно, как это было тогда, нет, он грянул сразу на полной мощности, оглушив и выбив на мгновение почву из-под ног. В этом месте звук оказался куда мощнее, чем в предыдущий раз, и Артем, распластанный на земле, раздавленный, долго не мог собрать волю в кулак, чтобы подняться. Зажав руками уши, как тогда, закричав на пределе возможностей своих связок, он рванулся и поднялся с пола. Потом, подхватив выпавший из рук Бурбона фонарь, начал лихорадочно шарить им по стенам, пытаясь найти источник шума – разорванную трубу. Но трубы здесь были абсолютно целые, звук шел откуда-то сверху.

Бурбон неподвижно лежал в прежней позе, и когда Артем перевернул его лицом вверх, глаза у того все еще были открыты. Артем, с трудом вспоминая, что следует делать в таких случаях, положил руку ему на запястье, чтобы услышать пульс, пусть слабый, как нитка, пусть сбивчивый, но услышать... Тщетно. Тогда он схватил Бурбона за руки и, обливаясь потом, потащил его тяжеленную тушу вперед, прочь от этого места. Это было дьявольски трудно, он ведь даже забыл снять с попутчика рюкзак.

Через несколько десятков шагов Артем вдруг запнулся обо что-то мягкое, и в нос ударил тошнотворный сладковатый запах. Ему сразу вспомнились слова: «Мы об них еще споткнемся», и он, стараясь не смотреть под ноги, делая двойное усилие, миновал распростертые на рельсах тела.

Он все тянул, тянул Бурбона за собой. Голова у того безжизненно свисала, его холодеющие руки выскользали из вспотевших от напряжения ладоней Артема, но он не обращал на это внимания, он не хотел обращать на это внимания, он должен был вытащить Бурбона оттуда, ведь он обещал ему, ведь они договорились!..

Шум понемногу стал затихать и вдруг исчез совсем. Опять наступила мертвая тишина, и, почувствовав огромное облегчение, Артем позволил себе наконец сесть на рельсы и перевести дыхание. Бурбон неподвижно лежал рядом, а Артем, тяжело дыша, с отчаянием глядел на его бледное лицо. Минут через пять он с трудом заставил себя подняться на ноги и, взяв Бурбона за запястья, спиной вперед, спотыкаясь, двинулся дальше. В голове было совершенно пусто, звенела только злая решимость во что бы то ни стало дотащить этого человека до следующей станции.

Потом ноги подогнулись, и он повалился на шпалы, но, пролежав несколько минут, снова пополз вперед, ухватив Бурбона за воротник. «Я дойду, я дойду, я дойду я дойду, ядойдудойдудойду», – твердил он себе, хотя сам уже в это почти не верил. Совсем обессилив, он стащил с плеча свой автомат, перевел дрожащими пальцами предохранитель на одиночные выстрелы, и, направив ствол на юг, выстрелил, и позвал: «Люди!», но последний звук, который он расслышал, был не человеческим голосом, а шорохом крысиных лап и предвкушающим повизгиванием.

Он не знал, сколько пролежал вот так, вцепившись Бурбону в воротник, сжав рукоятку автомата, когда глаза резанул луч света. Над ним возвышался незнакомый пожилой мужчина с фонарем в одной руке и диковинным ружьем в другой.

– Мой юный друг, – обращаясь к нему, сказал человек приятным звучным голосом. – Ты можешь бросить своего приятеля. Он мертв, как Рамзес Второй. Ты хочешь остаться здесь, чтобы воссоединиться с ним на небесах как можно скорее, или он пока подождет?

– Помогите мне донести его до станции, – слабым голосом попросил Артем, прикрываясь рукой от света.

– Боюсь, что эту идею нам придется с негодованием отвергнуть, – огорченно сообщил мужчина. – Я решительно против превращения станции метро Сухаревская в склеп, она и так не слишком уютна. И потом, если мы и донесем бездыханное тело твоего спутника туда, вряд ли кто-нибудь на этой станции возьмется проводить его в последний путь должным образом. Существенно ли, разложится оное тело здесь или на станции, если его бессмертная душа уже вознеслась к Создателю? Или перевоплотилась – в зависимости от вероисповедания. Хотя все религии заблуждаются в равной степени.

– Я обещал ему... – выдохнул Артем. – У нас был договор...

– Друг мой! – нахмурившись, сказал незнакомец. – Я начинаю терять терпение. Не в моих правилах помогать мертвецам, потому что в мире есть достаточно живых, нуждающихся в помощи. Я возвращаюсь на Сухаревскую: от долгого пребывания в туннелях у меня начинается ревматизм. Если хочешь повидаться со своим товарищем как можно скорее, советую тебе остаться здесь. Крысы и другие милые создания помогут тебе в этом. И потом, если тебя беспокоит юридическая сторона вопроса, то по смерти одной из сторон договор считается расторгнутым, если какой-либо из его пунктов не подразумевает нечто иное.

– Но ведь нельзя его просто бросить! – тихо пытался убедить своего спасителя Артем. – Это же был живой человек. Оставить его крысам?!

– Это, по всей видимости, действительно был живой человек, – откликнулся тот, скептически оглядывая тело. – Но теперь это, несомненно, мертвый человек, а это не одно и то

же. Ладно, если очень хочешь, потом сможешь вернуться сюда, чтобы разжечь погребальный костер, или что там у вас принято делать в таких случаях. Вставай! – приказал он, и Артем против своей воли поднялся на ноги.

Несмотря на его протесты, незнакомец решительно стащил с Бурбона рюкзак, накинул его себе на плечо и, поддерживая парня, быстро зашагал вперед. Вначале Артему было тяжело идти, но с каждым новым шагом незнакомец словно одарял его частью своей кипучей энергии. Боль в ногах прошла, и рассудок немного прояснился. Он всмотрелся пристальней в лицо своего спасителя. На вид тому было за пятьдесят, но выглядел он на удивление свежо и бодро. Рука его, поддерживающая Артема, была тверда и ни разу за весь путь не дрогнула от усталости. Седеющие, коротко стриженные волосы и маленькая аккуратная борода насторожили Артема: был он какой-то слишком ухоженный для метро, в особенности для того захолустья, в котором, судя по всему, обитал.

– Что случилось с твоим приятелем? – спросил незнакомец Артема. – С виду не похоже на нападение, разве что его чем-нибудь отравили... И очень хочется надеяться, что это не то, о чем я думаю, – прибавил он, не распространяясь о том, чего именно опасается.

– Нет... Он сам умер, – не имея сил объяснять обстоятельства гибели Бурбона, о которых сам только начал догадываться, сказал Артем. – Это долгая история. Я потом расскажу.

Туннель вдруг расступился, и они оказались на станции. Что-то здесь показалось Артему странным, непривычным, и прошло несколько секунд, пока до него дошло наконец, в чем дело.

– Здесь что – темно? – обескураженно спросил он своего спутника.

– Здесь нет власти, – отозвался тот. – И некому дать живущим здесь свет. Поэтому каждый, кто нуждается в свете, должен добыть его сам. Кто-то может сделать это, кто-то нет. Но не бойся, по счастью, я отношусь к первому разряду, – он резво взобрался на перрон и подал Артему руку.

Они свернули в первую же арку и вошли в зал. Один лишь длинный проход, колоннады и арки по бокам, обычные железные стены, отсекающие эскалаторы, – еле освещенная в нескольких местах тщедушными костерками, а большей частью погруженная во мрак, Сухаревская являла собой зрелище гнетущее и крайне унылое. У костерков копошились кучки людей, кто-то спал прямо на полу, от костра к костру бродили странные полусогнутые фигуры в лохмотьях. Все они жались к середине зала, подальше от туннелей.

Костер, к которому незнакомец привел Артема, был заметно ярче остальных и находился далеко от центра платформы.

– Когда-нибудь эта станция выгорит дотла, – подумал вслух Артем, уныло оглядывая зал.

– Через четыреста двадцать дней, – спокойно сообщил его спутник. – Так что до тех пор тебе лучше покинуть ее. Я, во всяком случае, именно так и собираюсь поступить.

– Откуда вы знаете? – пораженно спросил у него Артем, миглом вспоминая все слышанные рассказы о магах и экстрасенсах, всматриваясь в лицо собеседника, пытаясь увидеть на нем печать неземного знания.

– Материнское сердце-вещун беспокойно, – улыбаясь, ответил тот. – Все, теперь ты должен поспать, а потом мы с тобой познакомимся и поговорим.

С его последним словом на Артема вдруг опять навалилась чудовищная усталость, накопленная в туннеле перед Рижской, в ночных кошмарах, в последнем испытании его воли. Не в силах больше сопротивляться, Артем опустил на кусок брезента, раскинутый у костра, подложил под голову свой рюкзак и провалился в долгий, тяжелый и пустой сон.

Глава 6. Право сильного

Потолок был так сильно закопчен, что от некогда покрывавшей его побелки уже не осталось ни следа. Артем тупо смотрел на него, не понимая, где же находится.

– Проснулся? – услышал он знакомый голос, заставляя рассыпавшуюся мозаику мыслей и событий выстроиться в картину вчерашнего (вчерашнего ли?) дня. Все это казалось сейчас таким нереальным. Непрозрачная, как туман, стена сна отделяла действительность от воспоминаний.

Стоит заснуть и проснуться, как яркость пережитого стремительно меркнет, и, вспоминая, трудно уже отличить фантазии от подлинных происшествий, которые становятся такими же блеклыми, как сны, как мысли о будущем или возможном прошлом.

– Добрый вечер, – приветствовал Артема тот, кто нашел его. Он сидел по другую сторону костра, Артем видел своего проводника сквозь пламя, и от этого его лицо приобретало вид загадочный и даже мистический. – Теперь, пожалуй, мы с тобой можем представиться друг другу. У меня есть обычное имя, похожее на те имена, которые окружают тебя в этой жизни. Оно слишком длинно и ничего обо мне не говорит. Но я – последнее воплощение Чингисхана, и поэтому можешь звать меня Хан. Это короче.

– Чингисхана? – недоверчиво посмотрел Артем на своего собеседника, отчего-то больше всего удивляясь тому, что тот отрекомендовался именно последним воплощением, хотя в реинкарнацию он вообще-то не верил.

– Друг мой! – оскорбленно возразил Хан. – Не стоит с таким явным подозрением изучать разрез моих глаз и манеру поведения. С тех пор у меня было немало иных, более приличных воплощений. Но все же Чингисхан остается самой значительной вехой на моем пути, хотя как раз из этой жизни, к своему глубочайшему сожалению, я не помню ровным счетом ничего.

– А почему Хан, а не Чингис? – не сдавался Артем. – Хан ведь даже не фамилия, а род деятельности, если я правильно помню.

– Навевает ненужные ассоциации, не говоря уже об Айтматове, – нехотя и непонятно пояснил собеседник, – и, между прочим, я не считаю своим долгом давать отчет об истоках своего имени кому бы то ни было. Как зовут тебя?

– Меня – Артем, и я не знаю, кем я был в прошлой жизни. Может, раньше мое имя тоже было позвучнее, – сказал Артем.

– Очень приятно, – сказал Хан, очевидно, вполне удовлетворенный и этим. – Надеюсь, ты поделишь со мной мою скромную трапезу, – прибавил он, поднимаясь и вешая над костром битый железный чайник вроде того, что был на ВДНХ в северном дозоре.

Артем суетливо поднялся, запустил руку в свой рюкзак и вытащил оттуда батон колбасы, прихваченный в путь еще с ВДНХ. Перочинным ножом он настрогал несколько кусочков и разложил их на чистой тряпице, которая тоже имелаась у него в рюкзаке.

– Вот, – пододвинул он колбасу новому знакомому, – к чаю.

Чай у Хана был все тот же, родной, с ВДНХ, Артем его сразу узнал. Потягивая напиток из металлической эмалированной кружки, он молча вспоминал события прошедшего дня. Хозяин, очевидно, тоже думал о чем-то своем и не тревожил его пока.

Безумие, хлещущее в мир из лопнувших труб, оказывало разное воздействие на всех. И если Артем воспринимал его просто как шум, который глушил, не давал сосредоточиться, убивал мысли, но щадил сам разум, то Бурбон просто не выдержал такой мощной атаки и погиб. Того, что этот шум может убивать, Артем не ожидал, иначе он не согласился бы ступить и шагу в черный туннель между Проспектом Мира и Сухаревской.

На этот раз шум подкрался незаметно, сначала притупляя чувства, – Артем теперь был уверен, что все обычные звуки оказались им заглушены, хотя его самого до поры нельзя было

услышать, – потом замораживая поток мыслей так, что те загустевали, останавливались и покрывались инеем бессилия, и, наконец, нанося последний сокрушительный удар.

И как он сразу не заметил, что Бурбон вдруг заговорил языком, которого не смог бы воспроизвести, даже начитавшись апокалиптических пророчеств? Они с Бурбоном продвигались все глубже, словно зачарованные, и наступило чудное такое опьянение, а вот чувства опасности не было, и сам Артем думал о какой-то ерунде, о том, что нельзя замолкать, что надо говорить, но попытаться осознать, что же с ними происходит, в голову отчего-то не приходило, что-то мешало...

Все произошедшее хотелось выкинуть из сознания, забыть, оно было недоступным для понимания, ведь за все годы, прожитые на ВДНХ, о подобном ему приходилось разве только слышать, и проще было верить, что такого не может происходить в этом мире, что этому в нем просто нет места. Артем потряс головой и снова огляделся по сторонам.

Вокруг стоял все тот же душный сумрак. Артему подумалось, что здесь никогда не бывает светло, может стать только темнее, если закончится запас топлива для костра, завезенного сюда какими-то караванами. Часы над входом в туннели давным-давно погасли, на этой станции не было руководства, некому было заботиться о них, и Артем подумал, почему Хан сказал ему «добрый вечер», хотя, по его расчетам, должно было быть утро или полдень.

– Разве сейчас вечер? – недоуменно спросил он у Хана.

– У меня – вечер, – задумчиво ответил тот.

– Что вы имеете в виду? – не понял Артем.

– Видишь ли, Артем, ты, видимо, родом со станции, где часы исправны и все с благоговением смотрят на них, сверяя время на своих наручных часах с красными цифрами над входом в туннели. У вас время одно на всех, как и свет. Здесь все наоборот: никому нет дела до других. Никому не нужно обеспечивать светом всех, кого сюда занесло. Подойди к людям и предложи им это – твоя идея покажется им абсурдной. Каждый, кому нужен свет, должен принести его сюда с собой. То же и со временем: каждый, кто нуждается во времени, боясь хаоса, приносит сюда свое время. Оно здесь у каждого – собственное, и у всех оно разное, в зависимости от того, кто когда сбился со счета, но все одинаково правы, и каждый верит в свое время, подчиняет свою жизнь его ритмам. У меня сейчас – вечер, у тебя – утро, ну и что? Такие, как ты, хранят в своих странствиях часы так же бережно, как древние люди берегли тлеющий уголек в обожженном черепке, надеясь воскресить из него огонь. Но есть и другие: они потеряли, а может, выбросили свой уголек. Ты знаешь, в метро ведь, в сущности, всегда ночь, поэтому время здесь не имеет смысла, если за ним тщательно не следить. Разбей свои часы, и ты увидишь, во что превратится время, это очень любопытно. Оно изменится, и ты его больше не узнаешь. Оно перестанет быть раздробленным, разбитым на отрезки, часы, минуты, секунды. Время как ртуть: раздобишь его, а оно тут же срастется, вновь обретет целостность и неопределенность. Люди приручили его, посадили на цепочки карманных часов и секундомеров, и для тех, кто держит его на цепи, оно течет одинаково. Но попробуй, освободи его – и ты увидишь: для разных людей оно течет по-разному, для кого-то медленно и тягуче, отсчитываемое выкуренными сигаретами, вдохами и выдохами, а для кого-то мчится, и измерить его можно только прожитыми жизнями. Ты думаешь, сейчас утро? Есть определенная вероятность того, что ты прав: приблизительно одна четвертая. Тем не менее это утро не имеет никакого смысла, ведь оно там, на поверхности, где больше нет жизни. Во всяком случае, людей там больше не осталось. Имеет ли значение, что происходит наверху, для тех, кто никогда там не бывает? Нет. Поэтому я и говорю тебе «добрый вечер», а ты, если хочешь, можешь ответить мне «доброе утро». Что же до самой станции, у нее и вовсе нет никакого времени, кроме, пожалуй, одного, и пристрастного: сейчас четыреста девятнадцать дней, и отсчет идет в обратную сторону.

Он замолчал, потягивая горячий чай, а Артему стало смешно, когда он вспомнил, что на ВДНХ станционные часы почитались как святыня, и любой сбой сразу навлекал на попавшихся

под горячую руку обвинения в диверсии и саботаже. Вот удивилось бы начальство, узнав, что никакого времени больше нет, что пропал сам смысл его существования! Рассказанное Ханом вдруг напомнило Артему одну смешную вещь, которой он не раз удивлялся, когда подросток.

– Говорят, раньше, еще когда ходили поезда, в вагонах объявляли: «Осторожно, двери закрываются, следующая станция такая-то, платформа с правой или с левой стороны», – сказал он. – Это правда?

– Тебе это кажется странным? – поднял брови его собеседник.

– Но как можно определить, с какой стороны платформа? Если я иду с юга на север, платформа справа, но если я иду с севера на юг, она слева. А сиденья в поезде вообще стояли вдоль стен, если я правильно понимаю. Так что для пассажиров это платформа впереди или платформа сзади, причем ровно для половины – так, а для другой половины – точно наоборот.

– Ты прав, – уважительно отозвался Хан. – Фактически машинисты говорили только от своего имени, они-то ехали в кабине впереди, и для них право было абсолютное право, а лево – абсолютное лево. Но они ведь это и так знали и говорили, в сущности, сами себе. Поэтому, в принципе, они могли бы и молчать. Но я слышал эти слова с детства, я так привык к ним, что они никогда не заставляли меня задуматься.

– Ты обещал рассказать мне, что случилось с твоим товарищем, – напомнил он Артему через некоторое время.

Артем помешкал немного, сомневаясь, можно ли рассказывать этому человеку о загадочных обстоятельствах гибели Бурбона, о шуме, дважды слышанном им за последние сутки, о его губительном влиянии на человеческий рассудок, о своих переживаниях и мыслях, когда ему удалось подслушать мелодию туннеля, – и решил, что если и стоит кому-то поведать о таких вещах, то только человеку, который искренне полагает себя последним воплощением Чингисхана и считает, что времени больше нет. Тогда он сбивчиво, волнуясь, не соблюдая последовательности событий, стараясь передать больше оттенки своих ощущений, чем факты, стал излагать свои злоключения.

– Это – голоса мертвых, – тихо промолвил Хан после того, как он завершил свое повествование.

– Что? – спросил Артем потрясенно.

– Ты слышал голоса мертвых. Ты говорил, вначале это было похоже на шепот или на шелест? Да, это они.

– Каких мертвых? – никак не мог сообразить Артем.

– Всех тех людей, что погибли в метро с самого начала. Это, собственно, объясняет и то, почему я – последнее воплощение Чингисхана. Больше воплощений не будет. Всему пришел конец, мой друг. Я не знаю точно, как это получилось, но на этот раз человечество перестаралось. Больше нет ни рая, ни ада. Нет больше чистилища. После того, как душа отлетает от тела, – я надеюсь, хотя бы в бессмертную душу ты веришь? – ей нет больше прибежища. Сколько мегатонн, беватонн нужно, чтобы рассеять ноосферу? Ведь она была так же реальна, как этот чайник. Как бы то ни было, мы не поскупимся. Мы уничтожили и рай, и ад. Нам довелось жить в очень странном мире, в мире, в котором после смерти душе предстоит остаться точно там же. Ты понимаешь меня? Ты умрешь, но твоя измученная душа больше не перевоплотится, а поскольку нет больше рая, для нее не наступит успокоение и отдохновение. Она обречена остаться там же, где ты прожил всю свою жизнь, – в метро. Может, я не могу дать тебе точного теософского объяснения того, почему так выходит, но я точно знаю: в нашем мире после смерти душа останется в метро... Она будет метаться под сводами этих подземелий, в туннелях, до скончания времен, ведь ей некуда больше стремиться. Метро объединяет в себе материальную жизнь и обе ипостаси загробной. Теперь и Эдем, и Преисподняя находятся здесь же. Мы живем среди душ умерших, они окружают нас плотным кольцом – все те, кто был задавлен поездом, застрелен, задушен, сожран чудовищами, сгорел, погиб такой странной

смертью, о которой никто из живущих не знает ничего и никогда не сможет даже такое вообразить. Я давно уже бился над тем, куда они уходят, почему их присутствие не ощущается каждый день, почему не чувствуется все время легкий холодный взгляд из темноты... Тебе знаком страх туннеля? Я думал раньше, что это мертвые слепо бредут за нами по туннелям, шаг за шагом, тая во тьме, как только мы оборачиваемся. Глаза бесполезны, ими не различить умершего, но мурашки, пробегающие по спине, волосы, встающие дыбом, озноб, бьющий наши тела, свидетельствуют о незримом преследовании. Так я думал раньше. Но после твоего рассказа многое прояснилось для меня. Неведомыми путями они попадают в трубы, в коммуникации... Когда-то давно, до того, как родился мой отец и даже дед, по мертвому городу, который лежит сверху, протекала речушка. Люди, жившие тогда в нем, сумели сковать эту реку и направить ее по трубам под землей, где она, наверное, течет и по сей день. Похоже, что на этот раз кто-то заточил в трубы саму Лету, реку смерти... Твой товарищ говорил не своими словами, да это и был не он. Это были голоса мертвых, он услышал их в голове и повторял, а потом они увлекли его за собой.

Артем устался на собеседника и не мог отвести взгляда от его лица на протяжении всего рассказа. По лицу Хана пробегали неясные тени, его глаза словно вспыхивали адским огнем... К концу повествования Артем был почти уже уверен, что Хан безумен, что голоса в трубах, наверное, нашептали что-то и ему. И хотя Хан спас его от смерти и так гостеприимно принял его, оставаться с ним надолго оказывалось неудобно и неприятно. Надо было думать о том, как пробираться дальше, через самый зловещий из всех туннелей метро, о которых ему приходилось слышать до сих пор, – от Сухаревской к Тургеневской и дальше.

– Так что тебе придется извинить меня за мой маленький обман, – после небольшой паузы прибавил Хан. – Душа твоего друга не вознеслась к Создателю, не перевоплотилась и не восстала в иной форме. Она присоединилась к тем несчастным, в трубах.

Эти слова напомнили Артему, что он собирался вернуться за телом Бурбона, чтобы принести его на станцию. Бурбон говорил, что здесь у него есть друзья, которые должны были вернуть Артема обратно в случае успешного похода. Это напомнило ему о рюкзаке, который Артем так и не раскрывал и в котором, кроме обойм к автомату Бурбона, могло обнаружиться еще что-нибудь полезное. Но хозяйничать в нем было как-то боязно, в голову лезли всяческие суеверия, и Артем решил только приоткрыть рюкзак и заглянуть в него, стараясь не трогать там ничего и тем более не ворошить.

– Ты можешь не бояться его, – будто чувствуя его колебания, неожиданно успокоил Артема Хан. – Эта вещь теперь твоя.

– По-моему, то, что вы сделали, называется мародерством, – тихо сказал Артем.

– Ты можешь не бояться мести, он больше не перевоплотится, – сказал Хан, отвечая не на то, что Артем произнес вслух, а на то, что металось у него в голове. – Я думаю, что, попадая в эти трубы, умершие теряют себя, они становятся частью целого, их воля растворяется в воле остальных, а разум иссыхает. Он больше не личность. А если ты боишься не мертвых, а живых... Что ж, вынеси этот мешок на середину станции и вывали его содержимое на землю. Тогда тебя никто не обвинит в воровстве, твоя совесть будет чиста. Но ты пытался спасти этого человека, и он был бы тебе благодарен за это. Считай, что этот мешок – его плата тебе за то, что ты сделал.

Он говорил так авторитетно и убежденно, что Артем осмелился запустить руку в мешок и принялся вытаскивать и раскладывать на брезенте в свете костра содержимое. Там нашлись еще четыре обоймы к автомату Бурбона, вдобавок к тем двум, что он снял, отдавая оружие Артему. Удивительно было, зачем челноку, за которого Артем принял Бурбона, такой внушительный арсенал. Пять из найденных магазинов Артем аккуратно обернул в тряпицу и убрал в свой рюкзак, а один вставил в укороченный Калашников. Оружие было в отличном состоянии: тщательно смазанное и ухоженное, оно отливало вороненой сталью и заворачивало. Затвор

двигался плавно, издавая в конце глухой щелчок, предохранитель переключался между режимами огня чуть туговато – все это говорило о том, что автомат был практически новым. Рукоять удобно ложилась в ладонь, цевье было хорошо отполировано. От этого оружия исходило ощущение надежности, оно вселяло спокойствие и уверенность в себе. Артем сразу решил, что если и оставит себе что-нибудь из имущества Бурбона, то это будет именно автомат.

Обещанных магазинов с патронами калибра 7.62, под свою старую «мотыгу», он так и не нашел. Непонятно было, как Бурбон собирался с ним расплачиваться. Размышляя об этом, Артем пришел к выводу, что тот, может, и не собирался ничего ему отдавать, а, миновав опасный участок, шлепнул бы его выстрелом в затылок, скинул бы в шахту и не вспомнил бы о нем больше никогда. И если бы кто-нибудь спросил его о том, куда делся Артем, оправданий нашлось бы множество: мало ли что может случиться в метро, а пацан, мол, сам согласился.

Кроме разного тряпья, карты метро, испещренной понятными только ее погибшему хозяину пометками, и граммов ста дури, на дне рюкзака обнаружились несколько кусков копченого мяса, завернутых в полиэтиленовые пакеты, и записная книжка. Книжку Артем читать не стал, а в остальном содержимом рюкзака разочаровался. В глубине души он надеялся отыскать нечто таинственное, может, драгоценное, из-за чего Бурбон так хотел прорваться через туннель к Сухаревской. Про себя он решил, что Бурбон – курьер, может, контрабандист или кто-нибудь в этом роде. Это, по крайней мере, объясняло его решимость пробраться через чертов туннель любой ценой и готовность раскошелиться. Но после того как из мешка была извлечена последняя пара сменного белья и на дне, сколько Артем ни светил, не обнаруживалось больше ничего, кроме старых черствых крошек, стало ясно, что причина его настойчивости была иной. Артем долго еще ломал себе голову, что именно понадобилось Бурбону за Сухаревской, но так и не смог придумать ничего правдоподобного.

Догадки скоро были вытеснены мыслью о том, что он так и бросил несчастного посреди туннеля, оставил крысам, хотя собирался вернуться, чтобы сделать что-нибудь с телом. Правда, он довольно смутно представлял, как именно отдать челноку последние почести и как поступить с трупом. Сжечь его? Но для этого нужно порядочно нервов, а удушливый дым и смрад паленого мяса и горящих волос наверняка просочатся на станцию, и тогда неприятностей не избежать. Тащить же тело на станцию тяжело и страшно, потому что одно дело – тянуть за запястья человека, надеясь, что он жив, и отпугивая липкие мысли о том, что он не дышит и у него не прослушивается пульс, и совсем другое – взять за руку заведомого мертвеца. И что потом? Так же, как Бурбон солгал по поводу оплаты, он мог соврать и про друзей на станции, ждущих его здесь. Тогда Артем, притащивший сюда тело, оказался бы в еще худшем положении.

– А как вы поступаете здесь с теми, кто умирает? – спросил Артем у Хана после долгого раздумья.

– Что ты имеешь в виду, друг мой? – вопросом на вопрос отозвался тот. – Говоришь ли ты о душах усопших или об их бранных телах?

– Я про трупы, – буркнул Артем, которому эта галиматья с загробной жизнью начала уже порядком надоедать.

– От Проспекта Мира к Сухаревской ведут два туннеля, – сказал Хан, и Артем сообразил: верно, поезда ведь шли в двух направлениях, и всегда надо было два туннеля... Так отчего же Бурбон, зная о втором туннеле, предпочел идти навстречу своей судьбе? Неужели в другом пути скрывалась еще большая опасность? – Но пройти можно только по одному, – продолжил его собеседник, – потому что во втором туннеле, ближе к нашей станции, просела земля, пол обвалился, и теперь там что-то вроде глубокого оврага, куда, по местному преданию, упал целый поезд. Если стоишь на одном краю этого оврага, не важно, с какой стороны, другого конца не видно, и свет даже очень сильного фонаря до дна не достает. Поэтому всякие болваны

болтают, что здесь у нас бездонная пропасть. Этот овраг – наше кладбище. Туда мы отправляем трупы, как ты их называешь.

Артему стало нехорошо, когда он представил себе, что ему придется возвращаться на то место, где его подобрал Хан, тащить назад полуобглоданное крысами тело Бурбона, нести его через станцию и потом до оврага во втором туннеле. Он попытался убедить себя, что скинуть мертвеца в овраг, в сущности, то же самое, что бросить его в туннеле, потому что погребением это назвать никак нельзя. Но в тот момент, когда он почти уже поверил, что оставить все как есть было бы наилучшим выходом из положения, перед глазами с потрясающей отчетливостью встало лицо Бурбона в тот момент, когда он произнес: «Я умер», так что Артема прямо бросило в пот. Он с трудом поднялся, повесил на плечо свой новый автомат и выговорил:

– Тогда я пошел. Я обещал ему. Мы с ним договаривались. Мне надо, – и на негнувшихся ногах зашагал по залу к чугунной лесенке, спускавшейся с платформы на пути у входа в туннель.

Фонарь пришлось зажечь еще до спуска. Прогредев по ступеням, Артем замер на мгновение, не решаясь ступить дальше. В лицо дохнуло тяжелым, отдающим гнилью воздухом, и на мгновение мышцы отказались повиноваться, как он ни старался заставить себя сделать следующий шаг. И когда, преодолев страх и отвращение, Артем наконец пошел, ему на плечо легла тяжелая ладонь. От неожиданности он вскрикнул и резко обернулся, чувствуя, как сжимается что-то внутри, понимая, что он уже не успеет сорвать с плеча автомат, ничего не успеет...

Но это был Хан.

– Не бойся, – успокаивающе сказал он Артему. – Я испытывал тебя. Тебе не надо туда идти. Там больше нет тела твоего товарища.

Артем непонимающе уставился на него.

– Пока ты спал, я совершил погребальный обряд. Тебе незачем идти туда. Туннель пуст, – и, повернувшись к Артему спиной, Хан побрел обратно к аркам.

Ощувив огромное облегчение, парень поспешил вслед за ним. Нагнав Хана через десяток шагов, Артем взволнованно спросил его:

– Но зачем вы это сделали и почему ничего мне не сказали? Вы ведь говорили, что не имеет значения, останется ли он в туннеле или его перенесут на станцию.

– Для меня это действительно не имеет никакого значения, – пожал плечами Хан. – Но зато для тебя это было важно. Я знаю, что поход твой имеет цель и что твой путь далек и тернист. Я не понимаю, какова твоя миссия, но ее бремя будет слишком тяжело для тебя одного, и я решил помочь тебе хоть в чем-то, – он взглянул на Артема с улыбкой.

Когда они вернулись к костру и опустились на мятый брезент, Артем не выдержал:

– Что вы имели в виду, когда упомянули о моей миссии? Я говорил во сне?

– Нет, дружок, во сне ты как раз молчал. Но мне было видение, и в нем меня просил о помощи человек, половину имени которого я ношу. Я был предупрежден о твоём появлении, и именно поэтому вышел тебе навстречу и подобрал тебя, когда ты полз с трупом твоего приятеля.

– Разве вы из-за этого? – недоверчиво глянул на него Артем. – Я думал, вы слышали выстрелы...

– Выстрелы я слышал, здесь сильное эхо. Но неужели ты и вправду думаешь, что я выхожу в туннели каждый раз, когда стреляют? Я бы окончил свой жизненный путь намного раньше и весьма бесславно, если бы так поступал. Но этот случай был исключительным.

– А что это за человек, половину имени которого вы носите?

– Я не могу сказать, кто это, я никогда не видел его раньше, никогда не говорил с ним, но ты его знаешь. Ты должен понять это сам. И, увидев его только однажды, хотя и не наяву, я сразу почувствовал его колоссальную силу; он велел помочь юноше, который появится из северных туннелей, и твой образ предстал передо мной. Все это был только сон, но ощущение

его реальности было так велико, что, проснувшись, я не уловил грани между грезами и явью. Это могучий человек с блестящим, выбритым наголо черепом, одетый во все белое... Ты знаешь его?

Тут Артема будто трянуло, все поплыло перед глазами, и ему ясно представился тот образ, о котором рассказывал Хан. Человек, половину имени которого носил его спаситель... Хантер! Похожее видение было и у Артема: когда он не мог решиться отправиться в путешествие, он видел Охотника, но не в длинном черном плаще, в котором тот явился на ВДНХ в памятный день, а в бесформенных снежно-белых одеяниях.

– Да. Я знаю этого человека, – совсем по-иному глядя на Хана, сказал Артем.

– Он вторгся в мои сновидения, а такого я обычно никому не прощаю. Но с ним все было иначе, – задумчиво проговорил Хан. – Ему, как и тебе, нужна была моя помощь, и он не приказывал, он не требовал подчиниться своей воле, а, скорее, очень настойчиво просил. Он не умеет пользоваться внушением и странствовать по чужим мыслям, просто ему было трудно, очень трудно, он отчаянно думал о тебе и искал дружескую руку, плечо, на которое мог бы опереться. Я протянул ему руку и подставил плечо. Я вышел тебе навстречу.

Артем захлебнулся мыслями, они бурлили, всплывали в его сознании одна за другой, растворялись, так и не переведенные в слова, и вновь шли на дно, язык словно окоченел, и юноша долго не мог выдать из себя ни слова. Неужели этот человек действительно заранее знал о его приходе? Неужели Хантер смог каким-то образом предупредить его? Был ли Хантер жив или к ним обращалась его бесплотная тень? Но тогда приходилось верить в кошмарные и бредовые картины загробной жизни, нарисованные Ханом, а ведь куда легче и приятнее было убеждать себя, что тот просто безумен. И, самое главное, его собеседник что-то знал о том задании, которое Артему предстояло выполнить, он называл это миссией, пусть и затрудняясь определить ее смысл, понимал ее тяжесть и важность, сочувствовал Артему и хотел облегчить его долю...

– Куда ты идешь? – спокойно глядя Артему в глаза и словно читая его мысли, негромко спросил Хан. – Скажи мне, куда лежит твой путь, и я помогу тебе сделать следующий шаг к цели, если это будет в моих силах. Он просил меня об этом.

– Полис, – выдохнул Артем. – Мне надо в Полис.

– И как же ты собираешься добраться до Города с этой забытой богом станции? – заинтересовался Хан. – Друг мой, тебе надо было ступать по Кольцу от Проспекта Мира до Курской или же до Киевской.

– Там Ганза, а у меня совсем нет там знакомых, мне не удалось бы там пройти. И все равно, теперь я уже не смогу вернуться на Проспект Мира, я боюсь, что не выдержу второй раз путешествия через этот туннель. Я думал попасть к Тургеневской: рассматривая старую карту, я видел там переход на станцию Сретенский бульвар. Оттуда идет недостроенная линия, и по ней можно добраться до Трубной, – Артем достал из кармана обгоревшую листовку с картой на обороте. – Название мне очень не нравится, особенно теперь, но делать нечего. С Трубной есть переход на Цветной бульвар, я видел его у себя на карте, и оттуда, если все будет хорошо, можно попасть в Полис по прямой.

– Нет, – грустно сказал Хан, качая головой. – Тебе не попасть в Полис этой дорогой. Эти карты лгут. Их печатали задолго до того, как все произошло. Они рассказывают о линиях, которые никогда не были достроены, о станциях, которые обрушились, погребая под сводами сотни невинных, они умалчивают о страшных опасностях, таящихся на пути и делающих многие маршруты невозможными. Твоя карта глупа и наивна, как трехлетний ребенок. Дай мне ее, – он протянул руку.

Артем послушно вложил листок в его ладонь. Хан тут же скомкал карту и швырнул ее в огонь. Пока Артем размышлял о том, что это, пожалуй, было лишним, но не решался спорить, Хан потребовал:

– А теперь покажи мне ту карту, что ты нашел в рюкзаке своего спутника.

Порывшись в вещах, Артем отыскал и ее, но передавать Хану не спешил, помня печальную судьбу собственной. Совсем оставаться без плана линий не хотелось. Заметив его колебания, Хан поспешил успокоить:

– Я ничего с ней не сделаю, не бойся. И, поверь, я ничего не делаю зря. Тебе может показаться, что некоторые мои действия лишены смысла и даже безумны. Но смысл есть, просто он недоступен тебе, потому что твое восприятие и понимание мира ограничено. Ты еще только в самом начале пути. Ты слишком молод, чтобы правильно понимать некоторые вещи.

Не находя в себе сил возразить, Артем передал Хану найденную у Бурбона карту, квадратик картона размером с почтовую открытку, вроде той, пожелтевшей, старой, с красивыми блестящими шарами, инеем и надписью «С Новым, 2007 годом», которую ему как-то удалось выменять у Виталика на облезлую желтую звездочку с погон, найденную у отчима в кармане.

– Какая она тяжелая, – хрипло произнес Хан, и Артем обратил внимание на то, что ладонь Хана, с лежащим на ней кусочком картона, вдруг подалась книзу, как будто и впрямь он весил больше килограмма. Секунду назад, держа карту в руках, сам Артем не заметил ничего необычного. Бумажка как бумажка.

– Эта карта намного мудрее твоей, – сказал Хан. – Здесь кроются такие знания, что мне не верится, будто она принадлежала человеку, который шел с тобой. Дело даже не в этих пометках и знаках, которыми она испещрена, хотя и они могут рассказать о многом. Нет, она несет в себе нечто...

Его слова резко оборвались.

Артем вскинул взгляд и внимательно посмотрел на него. Лоб Хана прорезали глубокие морщины, и недавний угрюмый огонь снова разгорелся в его глазах. Лицо его так переменялось, что Артему сделалось боязно и опять захотелось убраться с этой станции как можно скорее и куда угодно, пусть даже обратно в гибельный туннель, из которого он с таким трудом вышел живым.

– Отдай ее мне, – не попросил, а скорее приказал Хан. – Я подарю тебе другую, ты не почувствуешь разницы. И добавлю еще любую вещь по твоему желанию, – продолжил он тут же.

– Берите, она ваша, – легко поддался Артем, с облегчением выплевывая слова согласия, забивавшие рот и оттягивавшие язык. Они ждали там с той самой секунды, когда Хан промолвил: «Отдай», и, когда Артем избавился от них наконец, ему вдруг подумалось, что они были не его, чужими, продиктованными.

Хан вдруг отодвинулся от костра, так что его лицо ушло во мрак. Артем догадался, что он пытается совладать с собой и не хочет, чтобы парень стал свидетелем этой внутренней борьбы.

– Видишь ли, дружок, – раздался из темноты его голос, какой-то слабый, нерешительный, не сохранивший ничего от той мощи и воли, что напугала Артема мгновение назад, – это не карта. Вернее, не просто карта. Это Путеводитель по метрополитену. Да-да, сомнений нет, это он. Умеющий человек сможет пройти с ним все метро за два дня, потому что эта карта... одушевлена, что ли... Она сама рассказывает, куда и как идти, предупреждает об опасности... То есть ведет тебя по твоему пути. Поэтому она и зовется Путеводитель, – Хан вновь приблизился к огню, – с большой буквы, это ее имя. Я слышал о ней. Их всего несколько на все метро, а может, только эта и осталась. Наследие одного из наиболее могущественных магов ушедшей эпохи.

– Того, который сидит в самой глубокой точке метро?.. – решил блеснуть познаниями Артем и сразу осекся: лицо Хана помрачнело.

– Никогда впредь не заговаривай так легкомысленно о вещах, в которых ничего не смыслишь! Ты не знаешь, что творится в самой глубокой точке метро, да и сам я знаю немного, и дай нам бог ничего об этом никогда не узнать. Но могу поклясться, что происходящее там

разительно отличается от того, что тебе рассказывали твои приятели. И не повторяй чужих досужих вымыслов об этой точке, потому что за это однажды придется заплатить. И это никак не связано с Путеводителем.

– Все равно, – поспешил заверить его Артем, не упуская возможности вернуть разговор в более безопасное русло, – вы можете оставить этот Путеводитель себе. Я ведь не умею им пользоваться. И потом, я так благодарен вам за то, что вы спасли меня, что если вы примете от меня карту, даже это не искупит моего долга перед вами.

– Это правда, – морщины на лице Хана разгладились, голос вновь смягчился. – Ты не сможешь им пользоваться еще долгое время. Что ж, если ты даришь его мне, то мы будем в расчете. У меня есть обычная схема линий, если хочешь, я перерисую все отметки с Путеводителя на нее и отдам ее взамен. И еще... – он пошарил в своих мешках, – я могу предложить тебе вот эту штуку, – и достал маленький, странной формы фонарик. – Он не требует батареек, здесь такое устройство, вроде ручного эспандера: видишь, две ручки? Их надо сжимать пальцами, и он сам вырабатывает ток, лампочка светится. Тускло, конечно, но бывают такие ситуации, когда этот слабый свет кажется ярче ртутных ламп в Полисе... Он меня не раз спасал, надеюсь, что и тебе пригодится. Держи, он твой. Бери-бери, обмен все равно неравный, и это я твой должник, а не наоборот.

По мнению Артема, обмен получился как раз на редкость выгодный. Что ему до мистических свойств карты, если он глух к ее голосу? Он ведь, пожалуй, и выкинул бы ее, покрутив немного в руках и тщетно попытавшись разобраться в намалеванных на ней закорючках.

– Так вот, маршрут, который ты набросал, не приведет тебя никуда, кроме бездны, – продолжил прерванный разговор Хан, бережно держа карту в руках. – погоди-ка, вот, возьми мою старую и следи по ней, – он протянул Артему совсем крошечную схему, отпечатанную на обороте старого карманного календарика. – Ты говорил о переходе с Тургеневской на Сретенский бульвар? Неужели ты ничего не знаешь о дурной славе этой станции и длинном туннеле отсюда до Китай-Города?

– Ну, мне говорили, что поодиночке в него соваться нельзя, что безопасно только караваном пройти, я и подумал: до Тургеневской – караваном, а там сбежать от них в переход, разве они станут догонять? – отозвался Артем, чувствуя, что копошится у него в голове какая-то невнятная мысль и зудит, тревожит его. Но что же?..

– Там нет перехода. Арки замурованы. Ты не знал об этом?

Как он мог забыть?! Конечно, ему говорили об этом раньше, но из головы вылетело... Красные испугались дьяволицы в том туннеле и замуровали единственный выход с Тургеневской.

– Но разве там нет другого выхода? – осторожно спросил он.

– Нет, и карты молчат об этом. Переход на строящиеся линии начинается не на Тургеневской. Но даже если бы там был открытый переход, не думаю, что у тебя хватило бы отваги отстать от группы и войти туда. Особенно если ты послушаешь последние сплетни об этом милom местечке, когда будешь ждать, пока набирается караван.

– Но что же мне делать? – уныло поинтересовался Артем, исследуя календарик.

– Можно дойти до Китай-Города. О, это очень любопытная станция, и нравы на ней забавные, но там, по крайней мере, нельзя пропасть бесследно, так что даже твои ближайшие друзья через некоторое время начнут сомневаться, существовал ли ты когда-нибудь вообще. А на Тургеневской это как раз очень вероятно. От Китай-Города, следи, – он повел пальцем, – всего две станции до Пушкинской, там переход на Чеховскую, еще один – и ты в Полисе. Это, пожалуй, будет еще короче, чем та дорога, которую ты предлагал.

Артем зашевелил губами, подсчитывая количество станций и пересадок в обоих маршрутах. Как ни считай, путь, обозначенный Ханом, был намного короче и безопаснее, и неясно было, почему Артем сам о нем не подумал. Да и выбора теперь не оставалось.

– Вы правы, – сказал он наконец. – И как часто караваны туда идут?

– Боюсь, что не очень. И есть одна маленькая, но досадная деталь: чтобы кто-то захотел проследовать через наш полустанок к Китай-Городу, то есть уйти в южный туннель, он должен для начала добраться к нам с противоположной стороны. А теперь подумай, легко ли попасть сюда с севера, – Хан ткнул пальцем в сторону проклятого туннеля, из которого Артему едва удалось спастись. – Впрочем, последний караван на юг отправился довольно давно, и есть надежда, что с тех пор уже собралась новая группа. Поговори с людьми, порасспрашивай, только не болтай слишком много, здесь крутятся несколько головорезов, которым доверять никак нельзя... Ладно уж, схожу с тобой, чтобы ты не наделал глупостей, – добавил он, поразмыслив.

Артем потянул было за собой рюкзак, но Хан остановил его жестом:

– Не опасайся за свои вещи. Меня здесь так боятся, что никакая шваль не осмелится даже приблизиться к моему логову. А пока ты здесь, ты под моей защитой.

Рюкзак Артем бросил у огня, но автомат с собой все же прихватил, не желая расставаться с новым сокровищем, и поспешил вслед за Ханом, который широкими шагами неторопливо направлялся к кострам, горевшим на другом конце зала. Удивленно разглядывая шархавшихся от них заморенных бродяг, закутанных в вонючее рваньё, Артем думал, что Хана здесь, наверное, и вправду боятся. Интересно, почему?

Первый из огней проплыл мимо, но Хан не замедлил шага. Это был совсем крошечный костерок, он еле горел, и у него сидели, тесно прижавшись друг к другу, две фигуры, мужская и женская. Шелестели, рассыпаясь и не достигая ушей, негромкие слова на незнакомом языке. Артему сделалось так любопытно, что он чуть не свернул себе шею, не в силах оторвать взгляда от этой пары.

Впереди был другой костер, большой, яркий, и возле него располагался целый лагерь. Вокруг огня сидели, грея руки, рослые, довольно свирепого вида мужики. Гремел зычный смех, воздух вспарывала такая крепкая ругань, что Артем даже немного оробел и замедлил шаг. Но Хан спокойно и уверенно подошел к сидящим, поздоровался и уселся перед огнем, так что Артему не оставалось ничего другого, как последовать его примеру и примоститься сбоку.

– ...Смотрит на себя и видит, что у него такая же сыпь на руках, и под мышками что-то набухает, твердое, и страшно болит. Представь, ужас какой, мать твою... Разные люди себя по-разному ведут. Кто-то стреляется сразу, кто-то с ума сходит, на других начинает бросаться, облапать пытается, чтоб не одному подышать. Кто в туннели сбегает, за Кольцо, в глухомань, чтобы не заразить никого... Люди разные бывают. Вот он, как все это увидел, так у доктора нашего спрашивает: есть, мол, шанс вылечиться? Доктор ему прямо говорит: никакого. После появления этой сыпи еще две недели тебе остается. А комбат, я смотрю, уже потихоньку Макарова из кобуры тянет, на случай, если тот буйствовать начнет... – рассказывал прерывающимся от неподдельного волнения голосом худой, заросший щетиной мужичок в ватнике, оглядывая собравшихся водянистыми серыми глазами.

И хотя Артем не понимал еще толком, о чем идет речь, дух, которым было проникнуто повествование, и набухающая тишина в гоготающей недавно компании заставили его вздрогнуть и тихонечко спросить у Хана, чтобы не привлечь постороннего внимания:

– О чем это он?

– Чума, – тяжело отозвался Хан. – Началось.

От его слов веяло зловонием разлагающихся тел и жирным дымом погребальных костров, а эхом их слышались тревожный колокольный набат и вой ручной сирены.

На ВДНХ и в окрестностях эпидемий никогда не случалось, крыс, как разносчиков заразы, истребляли, к тому же на станции было несколько грамотных врачей. О смертельных заразных болезнях Артем читал только в книгах. Некоторые из них попались ему слишком рано, оставив глубокий след в памяти и надолго овладев миром его детских грез и страхов.

Поэтому, услышав слово «чума», он почувствовал, как взмокла холодным потом спина и чуть закружилась голова. Ничего больше выпрашивать у Хана он не стал, вслушиваясь с болезненным любопытством в рассказ худого в ватнике.

– Но Рыжий не такой был мужик, не психованный. Постоял молча с минуту и говорит: «Патронов дайте мне, и пойду. Мне теперь с вами нельзя». Комбат прямо вздохнул от облегчения, я даже услышал. Ясное дело: в своего стрелять радости мало, даже если он больной. Дали Рыжему два рожка – ребята скинулись. И ушел он на северо-восток, за Авиамоторную. Больше мы его не видели. А комбат потом спрашивает доктора нашего, через сколько времени болезнь проявляется. Тот говорит: инкубационный период у нее – неделя. Если через неделю после контакта ничего нет, значит, не заразился. Комбат тогда решил: выйдем на станцию и неделю там стоять будем, потом проверимся. Внутрь Кольца нам, мол, нельзя: если зараза проникнет, все метро вымрет. Так целую неделю и простояли. Друг к другу не подходили почти – как знать, кто из нас заразный. А там еще парень один был, его все Стаканом звали, потому что выпить очень любил. Так вот от него все вообще шарахались, а все оттого, что он с Рыжим корефанил. Подойдет этот Стакан к кому, а тот от него через всю станцию деру. А кое-кто и ствол наставлял, мол, отвали. Когда у Стакана вода закончилась, ребята с ним поделились, конечно, но так – поставят на пол и отойдут, а к себе никто не подпускал. Через неделю он пропал куда-то. Потом говорили разное, некоторые брехали даже, что его какая-то тварь утащила, но там туннели спокойные, чистые. Я лично думаю, что он просто сыпь на себе заметил, или под мышками набрякло, вот и сбежал. А больше в нашем отряде никто не заразился, мы еще подождали, потом комбат сам всех проверил. Все здоровые.

Артем заметил, что, несмотря на это уверение, вокруг рассказчика стало пустовато, хотя места вокруг костра было не так уж много и сидели все вплотную, плечом к плечу.

– Ты долго сюда шел, браток? – негромко, но отчетливо спросил коренастый бородач в кожаном жилете.

– Уж дней тридцать как с Авиамоторной вышли, – беспокойно поглядывая на него, ответил худой.

– Так вот, у меня для тебя новости. На Авиамоторной – чума. Чума там, понял?! Ганза закрыла и Таганскую, и Курскую. Карантин называется. У меня знакомые там, граждане Ганзы. И на Таганской, и на Курской в перегонах огнеметы стоят, и всех, кто на расстояние поражения подходит, жгут. Дезинфекция называется. Видно, у кого неделя инкубационный период, а у кого и больше, раз вы туда все же пронесли заразу, – заключил он, недобро понижая голос.

– Да вы чего, ребята? Да я здоровый! Да вот хоть сами посмотрите! – мужичок вскочил с места и принялся судорожно сдирать с себя ватник и оказавшийся под ним невероятно грязный тельник, торопясь, боясь не успеть убедить.

Напряжение нарастало. Рядом с худым не осталось уже никого, все сгрудилось по другую сторону костра, люди нервно переговаривались, и Артем уловил тихое клацанье затворов. Он вопросительно посмотрел на Хана, перетягивая свой новый автомат с плеча в боевое положение, стволом вперед. Хан хранил молчание, но жестом остановил его. Потом он быстро поднялся и неслышно отошел от костра, увлекая за собой Артема. Шагах в десяти он замер, продолжая наблюдать за происходящим.

Поспешные, суетливые движения раздевающегося казались в свете костра какой-то безумной первобытной пляской. Говор в толпе умолк, и действие продолжалось в зловещей тишине. Наконец ему удалось избавиться и от нательного белья, и он торжествующе воскликнул:

– Вот, смотрите! Я чистый! Я здоров! Ничего нет! Я здоров!

Бородач в жилете выдернул из костра горящую с одного конца доску и осторожно приблизился к худому, безразлично присматриваясь к нему. Кожа у излишне разговорчивого мужичка

была темной от грязи и жирно лоснилась, но никаких следов сыпи бородачу обнаружить, видимо, не удалось, потому что после придирчивого осмотра он скомандовал:

– Подними руки!

Несчастный поспешно задрал руки вверх, открывая взгляду столпившихся по другую сторону костра людей поросшие тонким волосом подмышечные впадины. Бородач демонстративно зажал нос свободной рукой и подошел еще ближе, дотошно рассматривая и выискивая бубоны, но и там не смог найти никаких симптомов чумы.

– Здоров я! Здоров! Что, убедились теперь?! – чуть не в истерике выкрикивал мужичонка срывающимся в визг голосом.

В толпе неприязненно зашептались. Уловив общее настроение и не желая сдаваться, коренастый вдруг объявил:

– Ну, допустим, сам ты здоров. Это еще ничего не значит!

– Как это – ничего не значит? – опешив и как-то сразу сникнув, поразился худой.

– Да так. Сам-то ты мог и не заболеть. У тебя, может быть, иммунитет. А вот заразу принести ты мог вполне. Ты же с этим твоим Рыжим общался? В отряде одном шел? Говорил с ним, воду из одной фляги пил? За руку здоровался? Здоровался, брат, не ври.

– Ну и что, что здоровался? Не заболел ведь... – потерянно отвечал мужичок. Он замер в бессилии, затравленно глядя на толпу.

– А то. Не исключено, что ты заразен, брат. Так что извини, рисковать мы не можем. Профилактика, брат, понимаешь? – бородач расстегнул пуговицы жилета, обнажая бурую кожаную кобуру. Среди стоявших по другую сторону костра слышались одобрительные возгласы, и вновь защелкали затворы.

– Ребята! Но я же здоров! Я же не заболел. Вот, смотрите! – худой опять поднимал вверх руки, но теперь все только морщились пренебрежительно и с явным отвращением.

Коренастый извлек из кобуры пистолет и наставил его на мужичка, который, похоже, никак не мог понять, что с ним происходит, и только бормотал, что он здоров, прижимая к груди скомканный ватник: было прохладно, и он уже начинал мерзнуть.

Тут Артем не выдержал. Дернув затвор, он сделал шаг к толпе, не осознавая толком, что собирается сейчас делать. Под ложечкой мучительно сосало, в горле стоял ком, так что выговорить ему бы сейчас ничего не удалось. Но что-то в этом человеке, в опустевших, отчаянных его глазах, в бессмысленном, механическом бормотании царапнуло Артема, толкнуло его сделать шаг вперед. Неизвестно, что он сделал бы после, но на его плечо опустилась рука, и боже, какой тяжелой она была на этот раз!

– Остановись, – спокойно приказал Хан, и Артем застыл как вкопанный, чувствуя, что его хрупкая решимость разбивается о гранит чужой воли. – Ты ничем не можешь ему помочь. Ты можешь либо погибнуть, либо навлечь на себя их гнев. Твоя миссия останется невыполненной и в том и в другом случае, и ты должен помнить об этом.

В этот момент мужичок вдруг дернулся, вскрикнул, прижимая к себе ватник, одним махом соскочил на пути и помчался к черному провалу южного туннеля с нечеловеческой быстротой, дико и как-то по-животному вереща. Бородач рванул было за ним, пытаясь прицелиться в спину, но потом махнул рукой. Это было уже лишним, и каждый, кто стоял на платформе, знал это. Неясно лишь было, помнил ли загнанный мужичок о том, куда бежит, надеялся ли на чудо, или просто от страха все вылетело у него из головы.

Через несколько минут и его вопль, разорвавший глухую тягостную тишину проклятого туннеля, и отзвуки его шагов разом оборвались. Не затихли постепенно, а смолкли в одно мгновение, будто кто-то выключил звук, даже эхо умерло сразу, и вновь воцарилось безмолвие. Это было так странно, так непривычно для человеческого слуха и разума, что воображение еще пыталось заполнить этот разрыв, и, казалось, еще слышен был где-то вдалеке крик. Но все понимали, что это только чудилось.

– Шакалья стая безошибочно чувствует больного, дружок, – промолвил Хан, и Артем чуть не отшатнулся, заметив в его глазах блуждающие хищные огни. – Больной – обуза для стаи и угроза ее здоровью. Поэтому стая загрызет больного. Раздерет его в клочья. В кло-чья, – повторил он, словно смакуя сказанное.

– Но это же не шакалы, – нашел наконец в себе смелость возразить Артем, вдруг начиная верить, что он действительно имеет дело с реинкарнацией Чингисхана. – Ведь это люди!

– А что прикажешь делать? – парировал Хан. – Деградация. Медицина у нас на шакальем уровне. И гуманности в нас столько же. Посему...

Артем знал, что возразить на это, однако спорить с единственным покровителем на этой дикой станции было бы не совсем уместно. Хан же, подождав возражений, наверное, решил, что Артем сдался, и перевел разговор на другую тему.

– А теперь, пока среди наших друзей царит такое оживление по поводу распространения инфекционных заболеваний и способов борьбы с ними, мы должны ковать железо. Иначе они могут не решиться на переход еще долгие недели. А тут, как знать, может, удастся проскочить.

Люди у костра возбужденно обсуждали случившееся. Все были напряжены и растеряны, призрачная тень страшной опасности накрыла их, и теперь они пытались решить, что же делать дальше, но мысли их, как подопытные мыши в лабиринте, кружились на месте, беспомощно тыкались в тупики, бессмысленно метались взад-вперед, не в силах отыскать выхода.

– Наши друзья весьма близки к панике, – довольно прокомментировал Хан, улыбаясь краешком губ и весело глядя на Артема. – Кроме того, они подозревают, что только что линчевали невинного, а такой поступок не стимулирует рационального мышления. Сейчас мы имеем дело не с коллективом, а со стаей. Отличное ментальное состояние для манипуляции психикой! Обстоятельства складываются как нельзя лучше.

От его торжествующего вида Артему опять стало не по себе. Он попробовал улыбнуться в ответ – в конце концов, Хан хотел помочь ему, – но вышло жалко и неубедительно.

– Главное теперь – авторитет. Сила. Стая уважает силу, а не логические аргументы, – кивнув, добавил Хан. – Стой и смотри. Не далее чем через день ты сможешь продолжить путь, – и с этими словами, сделав несколько широких шагов, он вклинился в толпу.

– Здесь нельзя оставаться! – загремел его голос, и говор в толпе сразу затих.

Люди с настороженным любопытством прислушивались к его словам. Хан использовал свой могучий, почти гипнотический дар убеждения. С первыми же словами острое чувство опасности, нависшей над каждым, кто осмелится остаться на станции после произошедшего, захлестнуло Артема.

– Он заразил здесь весь воздух! Подыши мы им еще немного, и нам конец. Бациллы тут повсюду, и мы обязательно подцепим эту дрянь, стоит остаться здесь еще хоть чуть-чуть. Передохнем, как крысы, и будем гнить прямо посреди зала, на земле. Сюда никто не проберется, чтобы помочь нам, нечего и надеяться! Рассчитывать мы можем только на себя. Надо поскорее уходить с этой чертовой станции, где все кишит микробами. Если мы выйдем сейчас, все вместе, прорваться через тот туннель будет совсем несложно. Но надо делать это немедленно!

Люди согласно зашумели. Большинство из них не могло, как и Артем, противостоять колоссальной силе убеждения Хана. Вслед за его словами Артем послушно переживал все те состояния и чувства, которые были заложены в них: ощущение угрозы, страх, панику, безысходность, затем слабую надежду, которая росла по мере того, как Хан продолжал говорить о выходе из положения, который он предлагал.

– Сколько вас?

Сразу несколько людей принялись пересчитывать собравшихся. Помимо Хана с Артемом, у костра было восемь человек.

– Значит, ждать нечего! Нас уже десять, мы сможем пройти! – заявил Хан и, не давая людям прийти в себя, продолжил: – Собирайте вещи, не позднее чем через час мы должны

выйти!.. Быстрее, назад к костру, бери ты тоже свои пожитки, – прошептал Артему Хан, утягивая его за собой к их маленькому лагерю. – Главное, не дать им опомниться. Если мы промедлим, они начнут сомневаться, стоит ли им уходить отсюда к Чистым Прудам. Некоторые из них вообще шли в другую сторону, другие просто живут на этом полустанке, и им просто некуда податься. Придется мне, видимо, довести тебя до Китай-Города, иначе, боюсь, в туннеле они потеряют свою целеустремленность или вообще забудут, куда и зачем идут.

Быстро покидав в свой рюкзак приглянувшееся имущество Бурбона, пока Хан сворачивал свой брезент и тушил костер, Артем искоса наблюдал за происходящим на другом конце зала. Люди, вначале оживленно копошившиеся, собирая свой скарб, двигались все менее бодро и слаженно. Вот кто-то присел у огня, другой побрел зачем-то к центру платформы, а вот двое сошлись вместе и заговорили о чем-то. Начиная уже соображать, что к чему, Артем дернул Хана за рукав.

– Они там общаются, – предупредил он.

– Увы, общение с себе подобными – неотъемлемая черта человеческих существ, – отозвался Хан. – И даже если их воля подавлена, а сами они, в сущности, загипнотизированы, они все равно тяготеют к общению. Человек – существо социальное, и тут ничего не поделаешь. Во всех других случаях я покорно принял бы любое человеческое проявление как божий замысел или как неизбежный результат эволюционного развития, в зависимости от того, с кем я беседую. Однако в данном случае такой ход мышления вреден. Мы должны вмешаться, мой юный друг, и направить их мысли в нужное русло, – резюмировал он, взваливая на спину свой огромный походный тюк.

Костер погас, и плотная, почти осязаемая тьма сдавила их со всех сторон. Достав из кармана подаренный фонарик, Артем сжал его рукоятку. Внутри устройства что-то зажужжало, и лампочка ожила. Неровный, мерцающий свет брызнул из нее.

– Давай, давай, жми еще, не бойся, – подбодрил его Хан, – он может работать и получше.

Когда они подошли к остальным, несвежие туннельные сквозняки успели уже выветрить из голов у тех уверенность в правоте Хана. Вперед выступил тот самый крепыш с бородой, который до этого занимался санитарно-эпидемиологическим контролем.

– Послушай, браток, – небрежно обратился он к спутнику Артема.

Даже не глядя на него, Артем кожей почувствовал, как электризуется атмосфера вокруг Хана. Судя по всему, панибратство приводило того в бешенство. Из всех людей, с которыми Артем был знаком до сих пор, меньше всего он хотел бы увидеть взбешенным Хана. Оставался, правда, еще Охотник, но он показался Артему настолько хладнокровным и уравновешенным, что представить его в гневе было просто невозможно. Он, наверное, и убивал с тем выражением на лице, с каким другие чистят грибы или заваривают чай.

– Мы тут посовещались и вот думаем... – продолжал коренастый, – что-то ты пургу гонишь. Мне, например, вовсе несподручно к Китай-Городу идти. Вон и товарищи против. Так ведь, Семеныч? – обратился он за поддержкой к толпе. Оттуда кто-то поддакнул, правда, пока довольно робко. – Мы вообще к Проспекту шли, к Ганзе, пока там дрянь в туннелях не началась. Вот переждем и дальше двинем. И ничего здесь с нами не станет. Вещи мы его сожгли, а про воздух ты нам мозги не конопать, это ж не легочная чума. Если мы заразились, так уже заразились, делать нечего. Заразу в большое метро нести нельзя. Только, скорее всего, нету никакой заразы, так что шел бы ты, браток, со своими предложениями!.. – все более развязно рассуждал бородатый.

От такого напора Артем немного опешил. Но, украдкой взглянув на своего спутника, он почувствовал, что коренастому сейчас не поздоровится. В глазах Хана вновь пылало оранжевое адское пламя, исходило от него такая звериная злость и такая сила, что Артема пробил озноб, и волосы на голове начали подниматься дыбом, захотелось оскалиться и зарычать.

– Что же ты его сгубил, если никакой заразы не было? – вкрадчиво, нарочито мягким голосом спросил Хан.

– А для профилактики! – нагло глядя и поигрывая желваками, ответил коренастый.

– Нет, дружок, это не медицина. Это уголовщина. По какому праву ты его так?

– Ты меня дружком не называй, я тебе не собачка, понял? – ошетинаясь, огрызнулся бородач. – По какому праву я его? А по праву сильного! Слышал о таком? И ты особенно здесь не это... А то мы сейчас и тебя, и молокососа твоего порвем! Для профилактики. Понял?! – и уже знакомым Артему движением он расстегнул жилет и положил руку на кобуру.

На этот раз Хан уже не успел остановить Артема, и бородач устался в ствол его автомата быстрее, чем успел расстегнуть кобуру. Артем тяжело дышал и слушал, как бьется его сердце, в висках стучала кровь, и никакие разумные мысли в голову не шли. Он знал только одно: если бородач скажет еще что-нибудь или его рука продолжит свой путь к рукояти пистолета, он немедленно нажмет на спусковой крючок. Артем не хотел подохнуть, как тот мужичок: он не даст стае растерзать себя.

Бородач застыл на месте и не делал никаких движений, зло поблескивая темными глазами. И тут произошло нечто непонятное. Хан, безучастно стоявший до этого в стороне, вдруг сделал большой шаг вперед, разом оказавшись лицом к лицу с обидчиком, и, заглянув ему в глаза, негромко сказал:

– Прекрати. Ты подчинишься мне. Или умрешь.

Грозный взгляд бородача померк, его руки бессильно, словно плети, повисли вдоль тела – так неестественно, что Артем не сомневался: если на него что-то и подействовало, то не автомат, а слова Хана.

– Никогда не рассуждай о праве сильного. Ты слишком слаб для этого, – сказал Хан и вернулся к Артему, к удивлению того, не делая даже попытки разоружить врага.

Коренастый неподвижно стоял на месте, растерянно оглядываясь по сторонам. Гомон смолк, и люди ждали, что Хан скажет дальше. Контроль над ситуацией был восстановлен.

– Будем считать, что дискуссии окончены и консенсус достигнут. Выходим через пятнадцать минут, – обернувшись к Артему, он сказал: – Ты говоришь, люди? Нет, друг мой, это звери. Это шакалья стая. Они собирались нас порвать. И порвали бы. Но одного они не учли. Они-то шакалы, но я – волк. И есть станции, где меня знают только под этим именем.

Артем молчал, пораженный увиденным, наконец понимая, кого Хан так ему напоминал.

– Но и ты – волчонок, – спустя минуту добавил тот, не оборачиваясь, и в его голосе Артему почудились неожиданно теплые нотки.

Глава 7. Ханство тьмы

Он действительно был абсолютно пустым и чистым, этот туннель. Сухой пол, приятный ветерок, веющий в лицо, ни одной крысы, никаких подозрительных ответвлений и зияющих чернотой штолен, всего лишь несколько запертых боковых дверей в служебные помещения, – в этом туннеле, пожалуй, можно было бы жить не хуже, чем на любой из станций. Больше того, это совершенно неестественное спокойствие и чистота не только не настораживали, но мигом развеивали все те опасения, с которыми люди сюда попадали. Легенды о пропавших здесь начинали казаться глупыми выдумками, и Артем уже засомневался, происходила ли наяву дикая сцена с несчастным, которого приняли за чумного, или только пригрезилась ему, пока он дремал на куске брезента перед костром бродячего философа.

Они с Ханом замыкали шествие, поскольку тот опасался, что люди начнут отставать по одному, и тогда, по его словам, до Китай-Города не дойдет никто. Теперь он мягко шагал рядом с Артемом, спокойный, будто ничего и не случилось, и резкие морщины, прорезавшие было его лицо во время стычки на Сухаревской, разгладились. Буря улеглась, и перед Артемом снова был мудрый и сдержанный Хан, а не рассвирепевший матерый волк. Однако обратное превращение не заняло бы и минуты, Артем чувствовал это.

Понимая, что следующая возможность приподнять завесу над некоторыми из тайн метро ему представится не скоро, если представится вообще, он просто не смог удержаться от вопроса:

– А вы понимаете, что происходит в этом туннеле?

– Этого не знает никто, в том числе и я, – нехотя отозвался Хан. – Да, есть вещи, о которых даже мне неведомо ровным счетом ничего. Единственное, что я могу тебе сказать, – это бездна. Беседуя с собой, я называю это место черной дырой... Ты, верно, никогда не видел звезд? Говоришь, видел однажды? И что-нибудь знаешь про космос? Так вот, гибнущая звезда может обратиться такой дырой, если, погаснув, она под действием собственного неимоверно мощного притяжения начнет пожирать сама себя, втягивая вещество с поверхности внутрь, к своему центру, становясь все меньше размером, но все плотнее и тяжелее. И чем плотнее она становится, тем больше возрастает сила ее тяготения. Этот процесс необратим и подобен снежной лавине: с усилением тяготения все возрастающее количество вещества стремительнее и стремительнее будет увлекаться к сердцу этого монстра. На определенной стадии его мощь достигнет таких размеров, что он будет втягивать в себя своих соседей, всю материю, находящуюся в пределах его влияния, и, наконец, даже световые волны. Исполинская сила позволит ему пожирать лучи других солнц, и пространство вокруг него будет мертво и черно – ничто, попавшее в его владения, не в силах уже будет вырваться оттуда. Это звезда тьмы, черное солнце, распространяющее вокруг себя лишь холод и мрак, – он затих, прислушиваясь к разговорам впереди идущих.

– Но как все это связано с туннелем? – не выдержал Артем после пятиминутного молчания.

– Ты знаешь, я обладаю даром предвидения. Мне удастся иногда заглянуть в будущее, в прошлое или же переместиться мысленно в другие места. Бывает, что-то неясно, скрыто от меня, к примеру, я не могу пока узнать, чем кончится твой поход, и вообще твое будущее для меня загадка. Такое ощущение, словно смотришь сквозь мутную воду и ничего не можешь разобрать. Но когда я пытаюсь проникнуть взором в происходящее здесь или постичь природу этого места – передо мной лишь чернота, луч моей мысли не возвращается из абсолютной тьмы этого туннеля. Оттого я называю его черной дырой, когда беседую сам с собой. Вот и все, что я могу тебе о нем рассказать, – он умолк, но спустя еще несколько мгновений неразборчиво добавил: – И это из-за него я здесь.

– Так вам не известно, почему временами туннель совершенно безопасен, а иногда проглатывает идущих? И почему одиноких путников?

– Мне известно об этом не больше, чем тебе, хотя вот уже третий год как я пытаюсь разгадать эти тайны. Все тщетно.

Эхо далеко разносило их шаги. Воздух здесь был какой-то прозрачный, дышалось на удивление легко, темнота не казалась пугающей. И даже слова Хана не настораживали и не волновали, так что Артему подумалось, что спутник его был так мрачен не из-за тайн и опасностей этого туннеля, а из-за бесплодности своих поисков. Его озабоченность показалась Артему надуманной и даже смешной. Вот же этот перегон, никакой угрозы он не представляет, прямой, пустой... В голове у него заиграла даже какая-то бодрая мелодия и, видимо, прорвалась наружу незаметно для него самого, потому что Хан вдруг глянул на него насмешливо и спросил:

– Ну что, весело? Хорошо здесь, правда? Тихо так, чисто, да?

– Ага! – радостно согласился Артем.

И так ему легко и свободно сделалось на душе оттого, что Хан смог понять его настроение и тоже проникся им... Что и он тоже идет теперь и улыбается, а не хмурится своим тяжким мыслям, что и он теперь верит этому туннелю...

– А вот прикрой глаза, дай я тебя за руку возьму, чтоб не споткнулся... Видишь что-нибудь? – заинтересованно спросил Хан, мягко сжимая запястье Артема.

– Нет, ничего не вижу, только немного света от фонариков сквозь веки, – послушно зажмурившись, немного разочарованно сказал Артем и вдруг тихо вскрикнул.

– Вот, пробрало! – удовлетворенно отметил Хан. – Красиво, да?

– Потрясающе... Это как тогда... Нет потолка, и все синее такое... Боже мой, красота какая! И как дышится-то!

– Это, дружок, небо. Любопытно, правда? Если тут глаза под настроение закрыть и расслабиться, его многие видят. Странно, конечно, что и говорить... Даже те, кто и на поверхности-то не бывал никогда. И ощущение такое, будто наверх попал... Еще до.

– А вы? Вы это видите? – не желая раскрывать глаз, блаженно спросил Артем.

– Нет, – помрачнел Хан. – Все почти видят, а я нет. Только густую, яркую такую черноту вокруг туннеля, если ты понимаешь, что я хочу сказать. Чернота сверху, снизу, по бокам, и только ниточка света тянется вдоль туннеля, и за нее мы и держимся, когда идем по лабиринту. Может, я слеп. А может, слепы все остальные. Ладно, открывай глаза, я не поводырь и не собираюсь вести тебя за руку до Китай-Города, – он отпустил запястье Артема.

Артем пытался и дальше идти, зажмурившись, но запнулся о шпалу и чуть не полетел на землю со всей поклажей. После этого он нехотя поднял веки и долго еще шел молча, глупо улыбаясь.

– Что это было? – спросил он наконец.

– Фантазии. Грезы. Настроение. Все вместе, – отозвался Хан. – Но это так переменчиво. Это не твоё настроение и не твои грезы. Нас здесь много, и пока ничего не случится, но это настроение может быть совсем другим, и ты это еще почувствуешь. Гляди-ка, мы уже выходим на Тургеневскую! Быстро же мы добрались. Но останавливаться на ней ни в коем случае нельзя, даже для привала. Люди наверняка будут просить передохнуть, но не все чувствуют туннель. Большинство из них не ощущает даже того, что доступно тебе. Нам надо идти дальше, хотя теперь это будет все тяжелее.

Они ступили на станцию. Светлый мрамор, которым были облицованы стены, почти не отличался от того, что покрывал Проспект Мира и Сухаревскую, но там стены и потолок были так сильно закопчены и засалены, что камня было почти не разглядеть. Тут же он представал во всей своей красе, и трудно было им не залюбоваться. Люди ушли отсюда так давно, что никаких следов их пребывания тут не сохранилось. Станция была в удивительно хорошем состоянии, словно ее никогда не заливали водой и она не знала пожаров, и если бы не крошечная темнота

и слой пыли на полу, скамьях и стенах, можно было бы подумать, что на нее вот-вот хлынет поток пассажиров или, оповестив ожидающих мелодичным сигналом, въедет поезд. За все эти годы на ней почти ничего не переменялось. Еще отчим рассказывал ему об этом с недоумением и благоговением.

Колонн на Тургеневской не было. Низкие арки были вырублены в мраморной толще стен через большие промежутки. Фонарям каравана не доставало мощи, чтобы рассеять мглу зала и осветить противоположную стену, поэтому создавалось впечатление, что за этими арками нет совсем ничего, только черная пустота, как будто стоишь на самом краю Вселенной, у обрыва, за которым кончается мироздание.

Они миновали станцию довольно быстро, и, вопреки опасениям Хана, никто не изъявил желания остановиться на привал. Люди выглядели обеспокоенными и говорили все больше о том, что надо как можно быстрее двигаться дальше, к обитаемым местам.

– Чувствуешь, настроение меняется... – подняв палец вверх, словно пытаюсь определить направление ветра, тихо отметил Хан. – Нам действительно надо идти быстрее, они чувствуют это шкурой не хуже меня с моей мистикой. Но что-то мешает мне продолжать наш путь. Подожди здесь недолго...

Он бережно достал из внутреннего кармана карту, которую называл Путеводителем и, приказав остальным не двигаться с места, потушил зачем-то свой фонарь, сделал несколько длинных мягких шагов и канул во тьму.

Когда он отошел, от группки стоявших впереди людей отделился один, и, медленно, будто через силу, приблизившись к Артему, сказал так робко, что тот вначале не узнал даже коренастого бородатого наглеца, угрожавшего им на Сухаревской:

– Послушай, парень, нехорошо это, что мы здесь стоим. Скажи ему, боимся мы. Нас, конечно, много, но всякое бывает... Проклят этот туннель, и станция эта проклята. Скажи ему, идти надо. Слышишь? Скажи ему... Пожалуйста, – и, отведя взгляд, заспешил обратно.

Это его последнее «пожалуйста» встряхнуло Артема, нехорошо удивило его. Сделав несколько шагов вперед, чтобы быть ближе к группе и слышать общие разговоры, он понял вдруг, что от прежнего его радостного настроения не осталось и следа.

В голове, где маленький оркестрик только что играл бравурные марши, теперь было удручающе пусто и тихо, только слышались отголоски ветра, уныло подвывающего в лежащих впереди туннелях. Артем затих. Все его существо замерло, тягостно ожидая чего-то, предчувствуя какие-то неотвратимые перемены. И не зря. Через долю мгновения будто незримая тень пронеслась стремительно над ним, и стало отчего-то холодно и очень неуютно, его покинуло то ощущение спокойствия и уверенности, которое безраздельно властвовало над ним, когда они вступали в туннель. Тут Артем и вспомнил слова Хана о том, что это не его настроение, не его радость, и не от него зависит перемена состояния. Он нервно зашарил лучиком вокруг себя: на него навалилось гнетущее ощущение чьего-то присутствия. Тускло вспыхивал запыленный белый мрамор, и плотная черная завеса за арками не отступала, несмотря на панические метания луча, отчего иллюзия того, что за арками этими мир заканчивается, усиливалась. Не выдержав, Артем чуть не бегом бросился к остальным.

– Иди к нам, иди, пацан, – сказал ему кто-то, чьего лица он не разглядел. Они, видно, тоже старались экономить батареи. – Не бойся. Ты человек, и мы люди. Когда такое творится, люди должны заодно быть. Ты тоже чувствуешь?..

Артем охотно признался, что витает в воздухе нечто, и с удовольствием, от страха делаясь непривычно болтливым, принялся обсуждать с людьми из каравана свои переживания, но его мысли при этом постоянно возвращались к тому, куда подевался Хан, почему уже больше десяти минут от него ни слуху, ни духу. Он ведь сам прекрасно знал и Артему говорил, что нельзя в этих туннелях поодиночке, только вместе надо, в этом спасение. Как же он от них отделился, как осмелился бросить вызов негласному закону этого места? Неужели попросту

забыл о нем или, может, понадеялся на волчье свое чутье? В первое Артему как-то не верилось, ведь обмолвился же Хан, что три года своей жизни потратил на изучение, на наблюдения за этим странным местом. А ведь и одного раза достаточно, чтобы запомнить единственное правило: не разделяться, чтобы до озноба, до холодного пота бояться вступить в туннель одному.

Но не успел еще Артем обдумать, что же могло случиться с его покровителем там, впереди, как тот бесшумно возник рядом с ним, и люди оживились.

– Они не хотят больше стоять здесь. Им страшно. Пойдемте скорее дальше, – попросил Артем. – Я тоже чувствую здесь что-то...

– Им еще не страшно, – уверил его Хан, оглядываясь назад, и Артему почудилось, что его твердый хриловатый голос дрогнул, когда тот продолжил: – И тебе неведом еще страх, так что не стоит сотрясать воздух зря. Страшно мне. И запомни, я не бросаюсь такими словами. Мне страшно, потому что я окунулся во мрак за станцией. Путеводитель не дал мне сделать следующего шага, иначе я бы неминуемо сгинул. Мы не можем идти дальше. Там кроется нечто... Но там темно, мой взор не проникает вглубь, и я не знаю, что именно поджидает нас там. Смотри! – быстрым движением он поднес к глазам карту. – Видишь? Да посвети же сюда! Смотри на перегон отсюда к Китай-Городу! Неужели ничего не замечаешь?

Артем всматривался в крошечный отрезок на схеме так напряженно, что у него заболели глаза. Он не мог различить ничего необычного, но признать в этом Хану не нашел смелости.

– Слепец! Неужто ты ничего не видишь? Да он весь черный! Это смерть! – прошептал Хан и отдернул карту.

Артем уставился на него с опаской. Хан снова казался ему безумцем. Вспоминалась услышанная от Женьки байка про человека, осмелившегося ступить в туннели в одиночку, про то, что он все-таки выжил, но от испуга сошел с ума. Не могло ли это произойти и с Ханом?

– Но и возвращаться уже нельзя! – шептал Хан. – Нам удалось пройти в момент благостного настроения. Но теперь там клубится тьма и грядет буря. Единственное, что мы можем сделать сейчас, – пойти вперед, но не по этому туннелю, а по параллельному. Может, он пока свободен. Эй! – крикнул он, обращаясь к остальным. – Вы правы! Мы должны двигаться дальше. Но мы не сможем идти по этому пути. Там, впереди, гибель.

– Так как же мы тогда пойдем? – недоуменно спросил кто-то из людей.

– Перейти через станцию и идти по параллельному туннелю – вот что мы должны сделать. И как можно скорее!

– Э, нет! – заартачился неожиданно один из группы. – Это ж всем известно, что по обратному туннелю идти, если свой свободен, дурная примета, к смерти! Не пойдем мы по левому!

В поддержку раздалось несколько голосов. Группа топталась на месте.

– О чем это он? – удивленно спросил Хана Артем.

– Видимо, туземный фольклор, – недовольно поморщился тот. – Дьявол! Совершенно нет времени их переубеждать, да и сил уже не хватает... Послушайте! – обратился он к ним. – Я иду параллельным. Тот, кто верит мне, может ступать со мной. С остальными я прощаюсь. Навсегда. Пошли! – бросил он Артему и, забросив сперва свой рюкзак, тяжело подтянувшись на руках, взобрался на край платформы.

Артем замер в нерешительности. С одной стороны, то, что Хан знал об этих туннелях и вообще о метро, выходило за рамки человеческого понимания, и на него, казалось, можно положиться. С другой, не было ли это непреложным законом проклятых туннелей – идти наибольшим количеством народа, потому что только так можно надеяться на успех?

– Ну, что же ты? Тяжело? Давай руку! – Хан протянул ему ладонь сверху, опустившись на одно колено.

Артему очень не хотелось сейчас встречаться с ним взглядом, он опасался заметить в нем прежние искры безумия, мелькавшие время от времени и так пугавшие его каждый раз. Понимает ли Хан, на что идет, бросая вызов не только всем людям в этой группе, но и природе

туннелей? Достаточно ли он постиг и чувствует эту природу? Указанный им отрезок на схеме линий, на Путеводителе, не был черным. Артем был готов поклясться, что он был блекло-оранжевым, как и вся остальная линия. Но вот вопрос: кто слеп на самом деле?

– Ну же! Что ты мешкаешь? Ты что, не понимаешь, промедление убивает нас! Руку! Черт тебя побери, давай руку! – уже кричал Хан, но Артем медленно, мелкими шажками отходил от платформы, все так же уставившись в пол, все дальше от Хана, все ближе к роптавшей группе.

– Давай, пацан, пошли с нами, нечего с этим жлобом якшаться, целее будешь! – послышалось оттуда.

– Глупец! Ты же сгинеешь со всеми ними! Если тебе наплевать на свою жизнь, подумай хотя бы о своей миссии! – летели им наперекор слова Хана.

Артем осмелился наконец поднять голову и упереться взглядом в его расширенные зрачки, но даже гаснущего уголька сумасшествия не было заметно в них, только отчаяние и смертельная усталость.

Засомневавшись, он остановился, но в этот момент чья-то рука легла на его плечо и мягко потянула его за собой.

– Пошли! Пусть подышает один, он-то хочет еще и тебя за собой в могилу утащить! – услышал Артем. Смысл слов доходил до него тяжело, соображалось туго, и, посопровтивлявшись мгновение, он дал увлечь себя за остальными.

Группа снялась с места и двинулась вперед, в черноту южного туннеля. Они шли удивительно медленно, как бы преодолевая сопротивление некой плотной среды, будто двигались в воде.

И тогда Хан, неожиданно легко оторвавшись от земли, стремительным броском очутился на путях, в два скачка покрыл расстояние, на которое они успели отойти, одним жестким ударом сбил с ног человека, державшего Артема, схватил его самого поперек туловища и рванул назад. Артему все происходящее казалось странно замедленным. Прыжок Хана он наблюдал через плечо с немим удивлением, его полет растянулся для него на долгие секунды. С тем же тупым недоумением он увидел, как усатый мужчина в брезентовой куртке, мягко державший его за плечо, уводя за группой, тяжело валится наземь.

Но с того момента, как Хан перехватил его, время снова убыстрилось, и реакция других на происшедшее, когда они оборачивались на звук удара, показалась ему почти молниеносной. Они уже делали первые шаги к Хану, поднимая стволы ружей, а тот боком мягко отходил назад, одной рукой прижимая к себе все еще находящегося в прострации Артема, держа его позади себя и прикрывая своим телом. В вытянутой вперед руке Хана чуть покачивался тускло поблескивавший новенький Артемов автомат.

– Уходите, – хрипло произнес Хан. – Я не вижу смысла убивать вас, все равно вы умрете меньше чем через час. Оставьте нас. Уходите, – говорил он, шаг за шагом отступая к центру станции, пока фигуры застывших в нерешительности людей не превратились в смутные силуэты и не начали сливаться с темнотой.

Послышалась какая-то возня, наверное, поднимали с земли усатого, нокаутированного Ханом, и группа стала продвигаться ко входу в южный туннель – решили не связываться. Лишь тогда Хан опустил автомат и резко приказал Артему подниматься на платформу.

– Еще немного, и мне надоест спасать тебя, мой юный друг, – с нескрываемым раздражением процедил он.

Артем покорно полез наверх, Хан последовал за ним. Подобрал свои тюки, он шагнул в черный проем, потянув за собой Артема.

Зал на Тургеневской был совсем недлинный. Слева – тупик, мраморная стена, а с другой стороны его отсекала, насколько видно было в свете фонарей, заслонка из гофрированного железа. Чуть пожелтевший от времени мрамор покрывал всю станцию, только три широкие арки, ведущие к лестницам перехода на бывшие Чистые Пруды, переименованные потом крас-

ными в Кировскую, были замурованы грубыми серыми бетонными блоками. Станция была совершенно пуста, на полу не валялось ни одного предмета, не видно было следов человека, не заметно ни крыс, ни тараканов. Пока Артем оглядывался по сторонам, ему вспомнился разговор с Бурбоном, утверждавшим, что крыс опасаться нечего, а вот если крыс нет, значит, дело неладно.

Взяв его за плечо, Хан быстрым шагом пересек зал, причем Артем даже через куртку ощутил, что рука Хана подрагивает, словно его бьет озноб. Когда они опустили свою поклажу на край платформы, готовясь прыгнуть на пути, в спины им вдруг ударил несильный луч, и Артем снова удивился скорости, с которой его спутник отреагировал на опасность. Спустя короткое мгновение Хан лежал уже, распластавшись на полу и держа на прицеле источник света. Фонарь был не очень сильный, но светил прямо в глаза, и трудно было определить, кто пустился за ними в погоню. С небольшим запозданием мешком свалился на пол и Артем. Ползком добравшись до рюкзаков, он принялся отстегивать от одного из них свое старое оружие. Пусть было оно громоздким и неудобным, но зато безупречно проделывало дыры калибра 7.62, и мало кому удавалось продолжать функционировать с такими отверстиями в организме.

– В чем дело? – громыхнул голос Хана, а Артем успел еще подумать, что если бы их хотели убить, то, наверное, уже давно сделали бы это.

Он довольно ясно представил, как выглядит со стороны: беспомощно корчащийся на полу, в свете фонаря и в перекрестье прицела, копошащийся бессмысленно, как улитка под опускающимся сапогом. Да, если бы его хотели убить, он бы уже лежал в луже крови, так и не успев распутать свой автомат.

– Не стреляйте! – раздался голос. – Не надо...

– Убери свет! – потребовал Хан, воспользовавшись заминкой, чтобы отодвинуться за колонну и достать собственный фонарь.

Артему удалось наконец оторвать проволоку. Крепко ухватившись за цевье, он перекатился вбок, уходя из зоны обстрела, и спрятался в одной из арок. Теперь он был готов вынырнуть сбоку от неизвестного и срезать его очередью, если тот выстрелит первым.

Но гость, видимо, подчинился, потому что вслед за этим последовал новый приказ Хана, отданный уже не таким напряженным голосом:

– Хорошо! Теперь оружие на землю, быстро!

Звякнуло о гранитный пол железо, и Артем, выставив ствол вперед, скользнул вбок и очутился в зале. Его расчет оказался верным – в пятнадцати шагах перед ним, освещенный бьющим из арки лучом (Хан перехватил инициативу), стоял, подняв вверх руки, тот самый бородач, с которым у них на Сухаревской произошла стычка.

– Не надо стрелять, – дрогнувшим голосом попросил он еще раз. – Я не собирался на вас нападать. Разрешите мне идти с вами. Вы же говорили, что желающие могут присоединиться. Я... Я верю тебе, – сказал он Хану. – Я тоже чувствую, что там что-то есть, в правом перегоне. Они уже ушли, они все ушли. А я остался, хочу попытаться с вами.

– Хорошее чутье, – изучающе оглядывая мужика, одобрил Хан. – Но доверия, друг мой, ты у меня не вызываешь. Кто знает, отчего это так, – насмешливо добавил он. – Впрочем, мы рассмотрим твоё предложение. При условии, что весь свой арсенал ты сейчас же сдаешь мне. По туннелю идешь впереди нас. Если будешь глупо шутить, ничем хорошим это для тебя не кончится.

Бородач ногой подтолкнул к Хану свой пистолет, валявшийся на полу, и аккуратно положил рядом с собой несколько запасных обойм. Артем поднялся с пола и приблизился к нему, не спуская с прицела.

– Я держу его! – крикнул он.

– Не опуская руки, вперед! – загремел Хан. – Быстро, прыгай на пути. Стой там, спиной к нам!

Минуты через две после входа в туннель, когда они продвигались вперед уже устоявшимся треугольником – бородатый, назвавшийся Тузом, впереди шагов на пять, Хан с Артемом за ним, – и шли хорошо, споро так шли, внезапно справа, пробившись через многометровую толщу земли, послышался приглушенный вопль. Оборвался он так же неожиданно, как и раздался...

Туз испуганно оглянулся на них, забыв даже отвести в сторону луч. Фонарь прыгал у него в руках, и лицо его, подсвеченное снизу, скованное гримасой ужаса, поразило Артема даже больше, чем услышанный крик.

– Да, – кивнул Хан, отвечая на немой вопрос. – Остальные ошиблись. Правда, пока еще нельзя сказать, были ли правы мы.

Они заспешили дальше. Поглядывая время от времени на своего покровителя, Артем отмечал в нем все больше признаков усталости. Мелко дрожащие руки, неровный шаг, пот, собирающийся в крупные капли на лице. А ведь они были в пути так недолго... Эта дорога явно была для него намного утомительней, чем для Артема. Думая о том, на что уходят силы его спутника, парень не мог не вернуться к мысли, что Хан оказался прав в этой ситуации, что он спас его. Дай Артем увести себя вслед за караваном, сгинул бы он уже неминуемо в правом туннеле, погиб бы загадочной смертью, пропал бесследно.

А ведь их там было много – шестеро или около того. Не сработало железное правило? А Хан знал, знал! То ли предугадал, то ли и вправду подсказал ему магический Путеводитель. Смешно даже, казалось бы, кусок бумажки с краской... Неужели эта ерунда могла ему помочь? Но ведь тот перегон, между Тургеневской и Китай-Городом, ведь он был оранжевым, точно оранжевым. Или все-таки черным?..

– Что это? – внезапно остановившись и беспокойно глядя на Хана, спросил Туз. – Ты чувствуешь? Сзади...

Артем недоуменно уставился на него и хотел уже было отпустить саркастический комментарий насчет расшатанных нервов, потому что сам ровным счетом ничего не ощущал. Разжало клешни даже то тяжелое ощущение угнетенности и опасности, что навалилось на Тургеневской. Но Хан, к его удивлению, застыл на месте, жестом велел не шуметь, и повернулся туда, откуда они шли.

– Какое чутье! – оценил он через полминуты. – Мы в восхищении. Королева в восхищении, – добавил он зачем-то. – Нам определенно стоит побеседовать подробнее, если мы выберемся отсюда. Ничего не слышишь? – поинтересовался он у Артема.

– Нет, все вроде спокойно, – прислушавшись, откликнулся тот. В этот момент его наполнило что-то... Ревность? Обида? Досада, что его покровитель так отозвался об этом неотесанном бородатом черте, который всего пару часов назад чуть не прикончил их обоих? Пожалуй...

– Странно. Мне казалось, в тебе есть зачатки умения слышать туннели... Может, оно еще не открылось в тебе полностью? Но потом, потом. Все это потом, – покачал головой Хан. – Ты прав, – обращаясь к Тузу, подтвердил он. – Это идет сюда. Надо двигаться, и побыстрее, – он прислушался и совсем по-волчьи тревожно потянул носом. – Это катится сзади как волна. Надо бежать! Если нас накроет, игра окончена, – заключил он, срываясь с места.

Артему пришлось броситься за ним и почти бежать, чтобы не отстать. Бородатый теперь вышагивал рядом с ними, быстро перебирая короткими ногами и тяжело дыша.

Они шли так минут десять, и все это время Артем никак не мог понять, зачем так торопиться, сбивая дыхание, спотыкаясь на шпалах, если в туннеле за ними пусто и тихо и нет никаких признаков погони. Прошло минут десять, пока он спиной не ощутил Это. Оно действительно неслось за ними по пятам, нагоняя шаг за шагом, – что-то черное, не волна, а скорее вихрь, черный вихрь, сеющий пустоту... И если не успеть, если оно настигнет маленький отряд, то его ждет то же, что и тех шестерых, что и остальных смельчаков и глупцов, входивших в туннели поодиночке или в гиблое время, когда там бушевали дьявольские ураганы, сметав-

шие все живое... Такие догадки, смутное понимание творящегося здесь, огненной вереницей промчались у Артема в голове, и он с тревогой посмотрел на Хана. Тот перехватил его взгляд и все понял.

– Ну, что, и тебя достало? – выдохнул он. – Плохо дело! Значит, совсем близко уже.

– Надо скорее! – прохрипел на ходу Артем. – Пока не поздно!

Хан ускорил шаг и теперь несясь широкой рысью, молча, не отвечая больше на вопросы Артема. Даже следов почудившейся парню усталости не было больше заметно в этом человеке, и что-то звериное вновь сквозило в его облике. Чтобы поспевать за ним, Артему пришлось перейти на бег, и, когда показалось на секунду, что им удастся наконец оторваться от неумолимого преследования, Туз запнулся носком за шпалу и кубарем полетел на землю, разбивая в кровь лицо и руки.

Они успели пробежать по инерции еще десятка полтора шагов, и Артем, осознав уже, что бородатый упал, поймал себя на мысли, что останавливаться и возвращаться ему не хочется, а хочется бросить его к чертям собачьим, этого коротконогого лизоблюда вместе с его чудесной интуицией, и мчаться дальше, пока их самих не накроют.

Гадко было ему от этой мысли, но такая неприязнь к растянувшемуся на путях и глухо постанывавшему Тузу неожиданно овладела Артемом, что голос совести совсем затих. Оттого он почувствовал даже некоторое разочарование, когда Хан бросился назад и мощным рывком поднял бородатого на ноги. Артем-то втайне надеялся, что Хан, с его более чем пренебрежительным отношением к чужой жизни, равно как и к чужой смерти, не колеблясь бросит того в туннеле, как обузу, и они поспешат дальше.

Приказав Артему сухим, не терпящим неповиновения голосом держать прихрамывающего Туза под руку и взяв его под другую, Хан потянул их за собой. Бежать теперь сделалось намного труднее. Бородач стонал и скрипел зубами от боли на каждом шагу, но Артем не чувствовал к нему ничего, кроме растущего раздражения. Длинный тяжелый автомат больно стучал по его ногам, и не было свободной руки, чтобы придержать его. Давило сознание того, что опаздываешь куда-то, и все вместе это вызывало уже не страх перед черным вакуумом позади, а злобу и упрямство.

А смерть – совсем рядом, остановись и подожди с полминуты: злобещий вихрь догонит тебя, захлестнет и разорвет на мельчайшие частицы. В доли секунды тебя не станет в этой Вселенной, и неестественно скоро оборвется твой предсмертный крик... Но сейчас эти мысли не парализовали Артема, а, смешиваясь со злостью и раздражением, придавали ему сил, и он накапливал их еще на один шаг, потом – на следующий, и так без конца.

И вдруг это исчезло, пропало совсем. Чувство опасности отпустило так внезапно, что его место в сознании осталось непривычно пустым, незаполненным, будто удалили зуб, и, остановившись как вкопанный, Артем теперь ощупывал кончиком языка образовавшуюся ямку. Сзади больше ничего не было, просто туннель – чистый, сухой, свободный, совершенно безопасный. Вся эта беготня от собственных страхов и параноидальных фантазий, излишняя вера в какие-то особые чувства, интуицию казалась сейчас Артему такой смешной, такой глупой и нелепой, что он, не удержавшись, хохотнул. Туз, остановившийся рядом с ним, сначалаглянул на него удивленно, а потом тоже вдруг расплылся в улыбке и засмеялся. Хан недовольно смотрел на них и, в конце концов, сплюнул:

– Ну, что, весело? Хорошо здесь, правда? Тихо так, чисто, да? – и зашагал один вперед. Только тогда до Артема дошло, что они всего шагов пятьдесят не добежали до станции, что в конце туннеля ясно виден свет.

Хан ждал их у входа, стоя на железной лесенке. Он успел уже докурить начиненную чем-то самокрутку, пока они, похохатывая, совершенно расслабившись, одолели эти пятьдесят шагов.

Артем проникся за это время симпатией и сочувствием к хромающему и охающему сквозь смех Тузу, его мучил стыд за мысли, промелькнувшие в его голове там, сзади, когда Туз упал. Настроение было на редкость благодушное, и поэтому вид Хана, усталого, изможденного, разглядывающего их со странным презрением, оказался Артему немного неприятен.

– Спасибо! – громыхая сапогами по лесенке, протягивая руку для пожатия, Туз поднялся к Хану. – Если бы не ты... Вы... Тогда бы все, конец. А... вы... не бросили. Спасибо! Я такого не забываю.

– Не стоит, – безо всякого энтузиазма отозвался Хан.

– Почему вы за мной вернулись? – спросил бородатый.

– Ты мне интересен как собеседник, – Хан швырнул окурок на землю и пожал плечами. – Вот и все.

Поднявшись чуть повыше, Артем понял, отчего Хан влез на платформу по лесенке, а не продолжил идти по путям. Перед самым входом на Китай-Город пути были перегорожены грудой мешков с песком в человеческий рост высотой. За ними на деревянных табуретах восседали люди весьма серьезной наружности. Коротко, под бокс стриженные головы, широченные плечи под потертой кожей свободных курток, изношенные спортивные штаны, похожие на униформу, – все это вроде бы и выглядело забавно, но отчего-то совсем не настраивало на веселый лад. За грудой мешков сидели трое, а на четвертом табурете лежала колода карт, и громилы размашисто бросали на него карты. Стояла такая ругань, что, вслушавшись, Артем так и не сумел вычленить из их разговора хотя бы одно приличное слово.

Пройти на станцию можно было только через узенький проход и калитку, которой заканчивалась лесенка. Но там поперек дороги возвышалась еще более внушительная туша четвертого охранника. Артем окинул его взглядом: стрижка под ноль, водянисто-серые глаза, чуть свернутый набок нос, сломанные уши, оттягивающая книзу тренировочные штаны черная пистолетная рукоять – тяжелый «ТТ» засунут прямо за пояс, – и невыносимый запах перегара, сбивающий с ног и мешающий соображать.

– Ну че, блин? – сипло протянул четвертый, оглядывая Хана и стоявшего за ним Артема с ног до головы. – Туристы, блин? Или челноки?

– Нет, мы не челноки, мы странники, с нами нет никакого груза, – пояснил Хан.

– Странники – за...нники! – срифмовал амбал и громко заржал. – Слышь, Колян! Странники – за...нники! – повторил он, обернувшись к играющим.

Там его поддержали. Хан терпеливо улыбнулся.

Бык ленивым движением оперся одной рукой о стену, окончательно заслонив проход.

– У нас тут эта... таможня, понял? – миролюбиво объяснил он. – Бабки нам тут башляют. Хочешь пройти – плати. Не хочешь – вали на...!

– С какой это стати? – пискнул было Артем возмущенно.

И зря.

Бык, наверное, даже не разобрал, что он сказал, но интонация ему не понравилась. Отодвинув Хана в сторону, он тяжело шагнул вперед и оказался с Артемом лицом к лицу. Опустив подбородок, он обвел парня мутным взглядом. Глаза у него были совершенно пустые и казались почти прозрачными, никаких признаков разума в них не обнаруживалось. Тупость и злость, вот что они излучали, и, с трудом выдерживая этот взгляд, моргая от напряжения, Артем чувствовал, как растут в нем страх и ненависть к существу, сидящему за этими мутными стекляшками и глядящему сквозь них на мир.

– Ты че, блин?! – угрожающе поинтересовался охранник.

Он был выше Артема больше чем на голову и шире его раза в три. Артем припомнил рассказанную кем-то легенду о Давиде и Голиафе; жаль только, он запомнил, кто из них был кто, но история кончалась хорошо для маленьких и слабых, и это внушало некоторый оптимизм.

– А ничего! – неожиданно для самого себя расхрабрился он.

Этот ответ почему-то расстроил его собеседника, и тот, растопырив короткие толстые пальцы, уверенным движением положил пятерню на лоб Артема. Кожа на его ладони была желтой, заскорузлой и воняла табаком пополам с машинным маслом, но в полной мере ощутить всю гамму ароматов Артем не успел, потому что амбал толкнул его назад.

Наверное, он не прикладывал особых усилий, но Артем пролетел метра полтора, сбил с ног стоявшего позади Туза, и они неуклюже повалились на мостик, а громила неторопливо вернулся на свое место. Но там его ждал сюрприз. Хан, сбросив поклажу на землю, стоял, расставив ноги и крепко сжимая в обеих руках автомат Артема. Он демонстративно щелкнул предохранителем и тихим голосом, настолько не предвещавшим ничего хорошего, что даже у Артема, к которому его слова не относились, волосы встали дыбом, произнес:

– Ну зачем же грубить?

И вроде ничего такого он не сказал, но барахтавшемуся на полу, пытавшемуся подняться на ноги, сгоравшему от обиды и стыда Артему эти слова показались глухим предупредительным рычанием, за которым может последовать стремительный бросок. Он встал, наконец, и сорвал с плеча свой старый автомат, нацелил его на обидчика, снял оружие с предохранителя и дернул затвор. Теперь он был готов нажать спусковой крючок в любой момент. Сердце билось учащенно, ненависть окончательно перевесила страх на весах его чувств, и он спросил у Хана:

– Можно, я его? – и сам удивился своей готовности без всяких колебаний взять и убить человека за то, что тот его толкнул. Потная бритая голова четко виднелась в ложбинке прицела, и соблазн нажать на курок был велик. А потом будь что будет, главное сейчас – завалить этого гада, умыть его собственной кровью.

– Шухер! – заорал опомнившийся бык.

Хан, молниеносным движением вырвав из-за его пояса пистолет, скользнул в сторону и взял на мушку повскакивавших со своих мест «таможенников».

– Не стреляй! – успел он крикнуть Артему, и ожившая было картина снова замерла: застывший с поднятыми руками бык на мостике и недвижимый Хан, целящийся в троих громил, не успевших расхватать свои автоматы из стоящей рядом пирамиды.

– Не надо крови, – спокойно и веско сказал Хан, не прося, а скорее приказывая. – Здесь есть правила, Артем, – продолжил он, не спуская взгляда с трех картежников, застывших в нелепых позах.

Кто-кто, а уж эти головорезы наверняка знали цену автомату Калашникова и его убойной силе на таком расстоянии, и потому не хотели вызывать сомнений в своей благонадежности у человека, державшего их на прицеле.

– Их правила обязывают нас заплатить пошлину за вход. Сколько составляет ваш сбор? – спросил Хан.

– Три пульки со шкуры, – отозвался тот, что стоял на мостике.

– Поторгуемся? – ехидно предложил Артем, наводя ствол автомата быку в район пояса.

– Две, – проявил гибкость тот, зло кося на Артема глазом, но не решаясь ничего предпринять.

– Выдай ему! – велел Хан Тузу. – Заодно расплатишься со мной.

Туз с готовностью запустил руку в недра своей дорожной сумки и, приблизившись к охраннику, отсчитал в его протянутую ладонь шесть блестящих остроконечных патронов. Тот быстро сжал кулак и пересыпал патроны в оттопыренный карман своей куртки, а потом снова поднял руки и выжидающе посмотрел на Хана.

– Пошлина уплачена? – вопросительно поднял бровь Хан.

Бык угрюмо кивнул, не спуская взгляда с его оружия.

– Инцидент исчерпан? – уточнил Хан.

Громила молчал. Хан достал из запасного магазина, прикрученного изолентой к основному рожку, еще пять патронов и вложил их в карман охранника. Они провалились, чуть звякнув, и вместе с этим звуком напряженная гримаса на лице быка разгладилась, оно снова обрело обычное лениво-презрительное выражение.

– Компенсация за моральный ущерб, – объяснил Хан, но эти слова не произвели никакого впечатления.

Скорее всего, бык просто не понял их, как не понял и предыдущего вопроса. Он догадывался о содержании мудреных высказываний Хана по его готовности пользоваться деньгами и силой; этот язык он понимал прекрасно и, наверное, только на нем и говорил.

– Можешь опустить руки, – сказал Хан и осторожно поднял ствол вверх, снимая игровых с прицела.

Так же поступил и Артем, но руки его нервно подрагивали, и он готов был в любой момент поймать бритый череп громилы на мушку. Этим людям он не доверял. Однако волнения его оказались напрасными: расслабленно опустив руки, громила буркнул остальным, что все нормально и, прислонившись спиной к стене, принял наигранно-равнодушный вид, пропуская странников мимо себя на станцию. Поравнявшись с ним, Артем набрался-таки наглости, чтобы посмотреть ему в глаза, но бык вызова не принял, он глазел куда-то в сторону.

Однако в спину Артем услышал брезгливое «щ-щенок...» и смачный плевок на пол. Он хотел было обернуться, но Хан, шедший на шаг впереди, схватил его за руку и потащил за собой, так что Артем, с одной стороны, глушил в себе желание вырваться и все же вернуться к этому кажущемуся сейчас жалким типу, а с другой – получал отличное оправдание для стремлений иной своей половины, которая трусливо требовала немедленно убираться отсюда.

Когда все они ступили на темный гранитный пол станции, сзади раздалось вдруг протяжное, с упором на растянутые гласные:

– Э-э... Во-лыну ве-рни!

Хан остановился, вытряс из обоймы отобранного ТТ продолговатые патроны с закругленными пулями, вставил магазин обратно и швырнул его быку. Тот довольно ловко поймал пистолет в воздухе и привычно засунул его в штаны, недовольно наблюдая, как Хан рассыпает извлеченные патроны по полу.

– Извини, – развел руками Хан, – профилактика. Так это называется? – подмигнул он Тузу.

Китай-Город отличался от прочих станций, где Артему приходилось бывать: он был не трехсводчатый, как ВДНХ, а представлял собой один большой зал с широкой платформой, по краям которой шли пути, и это создавало чуть тревожное ощущение необычного простора. Помещение было беспорядочно освещено болтающимися там и сям несильными грушевидными лампочками, костров в нем не горело совсем, очевидно, здесь это не разрешалось. В центре зала, щедро разливая вокруг себя свет, сияла белая ртутная лампа – настоящее чудо для Артема. Но бедлам, творившийся вокруг него, так отвлекал внимание, что даже на этой диковине он не смог задержать взгляд дольше, чем на секунду.

– Какая большая станция! – выдохнул он удивленно.

– На самом деле ты видишь лишь половину, – сообщил Хан. – Китай-Город ровно в два раза больше. О, это одно из самых странных мест в метро. Ты слышал, наверное, что здесь сходятся пути разных линий. Вон те рельсы, что справа от нас, – это уже Таганско-Краснопресненская ветка. Трудно описать то сумасшествие и беспорядок, которые на ней творятся, а на Китай-Городе она встречается с твоей оранжевой, Калужско-Рижской, в происходящее на которой люди с других линий вообще отказываются верить. Кроме того, эта станция не принадлежит ни к одной из федераций, и ее обитатели полностью предоставлены сами себе. Очень, очень любопытное место. Я называю ее Вавилоном. Любя, – добавил Хан, оглядывая платформу и людей, оживленно сновавших вокруг.

Жизнь на станции кипела. Отдаленно это напоминало Проспект Мира, но там все было намного скромнее и организованнее. Артему тут же вспомнились слова Бурбона о том, что в метро есть местечки получше, чем тот убогий базар, по которому они гуляли на Проспекте.

Вдоль рельсов тянулись бесконечные ряды лотков, вся платформа была забита тентами и палатками. Некоторые из них были переделаны под торговые ларьки, в иных жили люди; на нескольких было намалевано «СДАЮ», там находились ночлежки для путников. С трудом пробираясь через толпу и озираясь по сторонам, Артем заметил на правом пути огромную серо-синюю махину поезда. Однако состав был неполный, всего в три вагона.

На станции стоял неопиcуемый гвалт. Казалось, ни один из ее обитателей не умолкает ни на секунду и все время что-то говорит, кричит, поет, отчаянно спорит, смеется или плачет. Сразу из нескольких мест, перекрывая гомон толпы, неслась музыка, и это создавало несвойственное для жизни в подземельях праздничное настроение.

Нет, на ВДНХ тоже были свои любители попеть, но там все было иначе. Имелась у них, может, на всю станцию пара гитар, и иногда собиралась компания у кого-нибудь в палатке – отдохнуть после работы. Да еще, случалось, в заставе на трехсотом метре, где не надо до боли в ушах вслушиваться в шумы, летящие из северного туннеля. У костерка тихо пели под звон струн, но в основном о вещах, Артему не очень понятных: про войны, в которых он не принимал участия и которые велись по другим, странным правилам; про жизнь там, наверху, еще до.

Особенно запомнились песни про какой-то Афган, которые так любил Андрей, бывший морпех, хоть в этих песнях и не понять было почти ничего, кроме тоски по погибшим товарищам и ненависти к врагам. Но умел Андрей так спеть, что каждого слушавшего пробирало до дрожи в голосе и мурашек по коже.

Андрей пояснял молодым, что Афган – это такая страна, рассказывал о горах, перевалах, бурлящих ручьях, кишлаках, вертушках и цинках. Что такое страна, Артем понимал довольно хорошо, не зря с ним Сухой занимался в свое время. Но если про государства и их историю Артем кое-что знал, то горы, реки и долины так и остались для него какими-то абстрактными понятиями, и слова, их обозначающие, вызывали в его воображении лишь воспоминания о выцветших картинках из школьного учебника по географии, который отчим принес ему из одного из своих походов.

Да и сам Андрей не был ни в каком Афгане, молод он был для этого, просто наслушался песен своих старших армейских друзей.

Но разве так играли на ВДНХ, как на этой странной станции? Нет, песни задумчивые, печальные – вот что там пели, и, вспоминая Андрея и его грустные баллады, сравнивая их с веселыми и игривыми мелодиями, доносившимися из разных мест зала, Артем снова и снова удивлялся тому, какой разной, непохожей, оказывается, может быть музыка, до чего сильно она способна влиять на настроение.

Поравнявшись с ближайшими музыкантами, Артем невольно остановился и примкнул к небольшой кучке людей, прислушиваясь даже не столько к развеселым словам про чьи-то похождения по туннелям под дурую, сколько к самой музыке, и с любопытством разглядывая исполнителей. Их было двое: один, с длинными сальными волосами, перехваченными на лбу кожаным ремешком, одетый в какие-то невероятные разноцветные лохмотья, брэнчал на гитаре, а другой, пожилой уже мужчина с солидной залысиной в выдавших виды, много раз чиненных и перемотанных изолентой очках, в старом вылинявшем пиджачке, колдовал на каком-то духовом инструменте, который Хан назвал саксофоном.

Сам Артем ничего подобного раньше не видел, из духовых он знал только свирель – были у них умельцы, резавшие свирели из изоляционных трубок разных диаметров, но только на продажу: на ВДНХ свирели не любили. Ну и еще, пожалуй, немного похожий на саксофон горн, в который иногда трубили тревогу, если отчего-то барахлила обычно используемая для этого сирена.

На полу перед музыкантами лежал раскрытый футляр от гитары, в котором уже скопилось с десяток патронов, и когда распевавший во все горло длинноволосый выдавал что-нибудь особенно смешное, сопровождая шутку забавными гримасами, толпа тут же отзывалась радостным гогогом, раздавались аплодисменты, и в футляр летел еще патрон.

Песня про блуждания бедолаги закончилась, и волосатый прислонился к стене передохнуть, а саксофонист в пиджачке тут же принялся наигрывать какой-то незнакомый Артему, но, видимо, очень популярный здесь мотивчик, потому что люди зааплодировали, и еще несколько «пулек» блеснули в воздухе и ударились о вытертый красный бархат футляра.

Хан и Туз разговаривали о чем-то, стоя у ближайшего лотка, и не торопили пока Артема, а он смог бы, наверное, простоять тут еще час, слушая эти незамысловатые песенки, если бы вдруг все неожиданно не прекратилось. К музыкантам развинченной походкой приблизились две мощные фигуры, очень напоминавшие тех громил, с которыми им пришлось иметь дело при входе на станцию, и одетые схожим образом. Один из подошедших опустил на корточки и принялся бесцеремонно выгребать лежавшие в футляре патроны, пересыпая их в карман своей кожанки. Длинноволосый гитарист бросился к нему, пытаясь помешать, но тот быстро опрокинул его сильным толчком в плечо и, сорвав с него гитару, занес ее для удара, собираясь раскрошить инструмент об угол колонны. Второй бандит без особых усилий прижимал к стене пожилого саксофониста, пока тот старался вырваться, чтобы помочь товарищу.

Из стоявших вокруг слушателей ни один не вступился за игравших. Толпа заметно поредела, а оставшиеся прятали глаза или делали вид, что рассматривают товар, лежащий на соседних лотках. Артему стало жгуче стыдно и за них и за себя, но вмешаться он не решился.

– Вы ведь уже приходили сегодня! – держась рукой за плечо, плачущим голосом доказывал длинноволосый.

– Слышь, ты! Если у вас сегодня хороший день, значит, у нас тоже должен быть хороший, понял, блин? И вообще, ты мне тут не предъявляй, понял? Че, в вагон захотел, петух волосатый?! – заорал на него бандит, опуская гитару. Было ясно, что махал он ею больше для остротки.

При слове «вагон» длинноволосый сразу осекся и быстро замотал головой, не произнося больше ни слова.

– То-то же... Петух! – с ударением на первом слове подытожил громила, презрительно харкнув музыканту под ноги. Тот молча стерпел и это. Убедившись, что бунт подавлен, оба быка неспешно удалились, выискивая следующую жертву.

Артем растерянно огляделся по сторонам и обнаружил подле себя Туза, который, оказывается, внимательно наблюдал за этой сценой.

– Кто это? – спросил Артем недоуменно.

– А на кого они похожи, по-твоему? – поинтересовался Туз. – Обычные бандосы. Никакой власти на Китай-Городе нет, все контролируют две группировки. Эта половина – под братьями-славянами. Весь сброд с Калужско-Рижской линии собрался здесь, все головорезы. В основном их называют калужскими, некоторые – рижскими, но ни с Калугой, ни с Ригой у них, понятно, ничего общего. А вот там, видишь, где мостик, – он указал Артему на лестницу, уходящую направо и вверх приблизительно в центре платформы, – там еще зал, один в один на этот похожий. Там творится такой же бардак, но хозяйничают там кавказцы-мусульмане – в основном азербайджанцы и чеченцы. Когда-то тут шла бойня, каждый стремился отхватить как можно больше. В итоге поделили станцию пополам.

Артем не стал уточнять, что такое «кавказцы», решив, что это название, как и непонятные труднопроизносимые «чеченцы» с «азербайджанцами», является производным от неизвестных ему станций, откуда пришли эти бандиты.

– Сейчас обе банды ведут себя мирно, – продолжал Туз. – Обирают тех, кто вздумал остановиться на Китай-Городе, чтобы подзаработать, взимают пошлину с проходящих мимо.

В обоих залах плата одинаковая – три патрона, так что не имеет значения, откуда приходишь на станцию. Порядка здесь, конечно, никакого, ну, да им он и не нужен, только костры жечь не разрешают. Хочешь дури купить – на здоровье, спирта какого – в изобилии. Оружием здесь таким можно нагрузиться, что полметро снести потом – не проблема. Проституция процветает. Но не советую, – тут же добавил он и сконфуженно что-то пробормотал про личный опыт.

– А что за вагон? – спросил Артем.

– Вагон-то? Это у них вроде штаба. И если кто провинился перед ними, платить отказывается, денег должен или еще что, волокут туда. Там еще тюрьма и пыточная камера – яма долгая, что ли. Лучше в нее не попадать. Голодный? – перевел Туз разговор на другую тему.

Артем кивнул. Черт знает, сколько прошло уже с того момента, как они с Ханом пили чай и беседовали на Сухаревской. Без часов он совершенно потерял способность ориентироваться во времени. Его походы через туннели, наполненные странными переживаниями, могли растянуться на долгие часы, а могли пролететь за считанные минуты. Кроме того, в туннелях ход времени вообще мог отличаться от обычного.

Как бы то ни было, есть хотелось. Он осмотрелся.

– Шашлык! Горячий шашлык! – разорвался стоящий неподалеку смуглый торговец с густыми черными усами под горбатым носом.

Выговаривал он это довольно странно: не давалось ему твердое «л», и вместо «о» выходило все время «а». Артем и раньше встречал людей, говоривших с необычным произношением, но особого внимания на это он никогда не обращал.

Слово Артему было знакомо, шашлыки на ВДНХ делали и любили. Свиные, ясное дело. Но то, чем размахивал этот продавец, настоящий шашлык напоминало лишь очень отдаленно. В кусочках, насаженных на почерневшие от копоти шампуры, Артем, долго и напряженно всматриваясь, узнал наконец обугленные крысиные тушки со скрюченными лапками. Его замутило.

– Не ешь крыс? – сочувствующе спросил его Туз. – А вот они, – кивнул он на смуглого торговца, – свиней не жалуют. Им Кораном запрещено. А это ничего, что крысы, – прибавил он, вожаденно оглядываясь на дымящуюся жаровню, – я тоже раньше брезговал, а потом привык. Жестковато, конечно, да и костлявые они, и кроме того, пованивает чем-то. Но эти абреки, – он опять стрельнул глазами, – умеют крысятинку готовить, этого у них не отнять. Замаринуют в чем-то, она потом нежная становится, что твой порось. И со специями!.. А уж насколько дешевле! – нахваливал он.

Артем прижал ладонь ко рту, вдохнул поглубже и постарался думать о чем-нибудь отвлеченном, но перед глазами все время вставали почерневшие крысиные тушки, насаженные на вертел: железный прут вонзался в тело сзади и выходил из раскрытого рта.

– Ну, ты как хочешь, а я угощусь! А то присоединяйся. Всего-то три пульки за шампур! – привел Туз последний аргумент и направился к жаровне.

Пришлось, предупредив Хана, обойти ближайшие лотки в поисках чего-то, более пригодного к употреблению. Артем исследовал всю станцию, вежливо отказывая навязчивым торговцам самогоном, разлитым во всевозможные склянки; жадно, но с опаской разглядывая соблазнительных полуобнаженных девиц, стоявших у приподнятых полов палаток и призывно бросающих на прохожих цепкие взгляды, пусть вульгарных, но таких раскованных, свободных, не то что зажатые, прибитые суровой жизнью женщины ВДНХ; задерживаясь у книжных развалов – так, ничего интересного. Все больше дешевые, разваливающиеся книжонки карманного размера: про большую и чистую любовь – для женщин, про убийства и деньги – для мужчин.

Платформа была шагов двести в длину – чуть больше, чем обычно. Стены и забавные, формой напоминающие гармошку колонны были облицованы цветным мрамором, в основном серо-желтоватым, местами чуть розовым. А вдоль путей станция была украшена тяжелыми

чеканными листами потемневшего от времени желтого металла с выгравированными на них едва узнаваемыми символами ушедшей эпохи.

Однако вся эта лаконичная красота сохранилась очень плохо, оставив после себя лишь печальный вздох, намек на прежнее величие: потолок потемнел от гари, стены были испещрены множеством надписей, сделанных краской и копотью, и примитивными, часто похабными рисунками; где-то оказались сколоты куски мрамора, а металлические листы были погнуты и исцарапаны.

Посередине зала, с правой стороны, через один короткий пролет широкой лестницы, за мостиком виднелся второй зал станции. Артем хотел было прогуляться и там, но остановился у железного ограждения, составленного из двухметровых секций, как на Проспекте Мира.

Возле узкого прохода стояли, облокотившись о забор, несколько человек. С Артемовой стороны – привычные уже бульдозеры в тренировочных штанах. С противоположной – смугловатые усатые брютеты, не таких впечатляющих размеров, но тоже совсем не располагающего к шуткам вида. Один из них зажимал между ног автомат, а у другого из кармана торчала пистолетная рукоять. Бандиты мирно беседовали друг с другом, и совсем не верилось, что когда-то между ними была вражда. Они сравнительно вежливо разъяснили Артему, что переход на смежную станцию будет стоить ему два патрона, и столько же ему придется отдать, если потом он захочет вернуться обратно. Наученный горьким опытом, Артем не стал оспаривать справедливость этой пошрины и просто отступил.

Сделав круг, внимательно изучая ларьки и развалы, он вернулся к тому краю платформы, на который они пришли. Обнаружилось, что здесь зал не заканчивался: наверх вела еще одна лестница, поднявшись по которой он ступил в недлинный холл, рассеченный пополам точно таким же забором с кордоном. Тут, видимо, пролежала еще одна граница между двумя владениями. А справа он, к своему удивлению, заметил настоящий памятник – вроде тех, что приходилось видеть на картинках города, но изображавший не человека в полный рост, как это было на фотографиях, а только его голову.

Но какой большой была эта голова! Не меньше двух метров в высоту... Хоть и загаженная чем-то сверху, к тому же придурковато блестящая отполированным от частых хватаний носом, она все равно внушала почтение и даже немного устрашала. На ум лезли фантазии о гигантах, один из которых лишился в бою головы, и теперь она, залитая в бронзу, украшала собою мраморные холлы этого маленького Содома, вырубленного глубоко в земной толще, чтобы спрятаться от всевидящего ока Господня и избежать кары. Лицо отрубленной головы было печально, и Артем заподозрил сначала, что она принадлежит Иоанну Крестителю из Нового Завета, который ему как-то пришлось листать. Но потом решил, что, судя по масштабам, речь скорее идет об одном из героев недавно припомненной им истории про Давида и Голиафа, который был большой и сильный, буквально великан, но в итоге все же оказался обезглавлен. Никто из сновавших вокруг обитателей так и не смог объяснить ему, кому же именно принадлежала отсеченная голова, и это его немного разочаровало.

Зато рядом с памятником он набрел на чудесное место – настоящий ресторан, устроенный в просторной чистой палатке такого приятного, родного темно-зеленого цвета, как у них на станции. Внутри – пластиковые муляжи цветов с матерчатыми листьями по углам, непонятно зачем они здесь, но красиво, и пара аккуратных столиков со стоящими на них масляными лампадками, затопляющими палатку уютным, неярким светом. И еда... Пища богов: нежнейшее свиное жаркое с грибами – во рту тает, у них такое делали только по праздникам, но так вкусно и изысканно никогда не получалось.

Люди вокруг сидели солидные, уважаемые, хорошо и со вкусом одетые, видно, крупные торговцы. Аккуратно разрезая поджаренные до хрустящей корочки, сочащиеся ароматным горячим жиром отбивные, они неспешно отправляли небольшие кусочки в рот и

негромко, чинно беседовали друг с другом, обсуждая свои дела и изредка бросая на Артема вежливо-любопытные взгляды.

Дорого, конечно, – пришлось выдавить из запасного рожка целых пятнадцать патронов и вложить их в широкую ладонь толстяка-трактирщика, а потом каяться, что поддался искушению, но в животе все равно было так приятно, покойно и тепло, что голос разума умиротворенно примолк.

И кружка бражки, мягкой, приятно кружащей голову, но не крепкой, не то что ядреный, мутный самогон в грязноватых бутылках и банках, от одного запаха которого слабели коленки. Да, еще три патрона, но что такое три жалких патрона, если отдаешь их за пиалу искрящегося эликсира, примиряющего тебя с несовершенством этого мира и помогающего обрести гармонию?..

Отпивая бражку маленькими глоточками, оставшись наедине с собой в тишине и покое впервые за последние несколько дней, Артем попытался восстановить в памяти произошедшие события и понять, чего же он добился и куда ему теперь идти. Еще один отрезок намеченной дороги преодолен, и он опять оказался на перепутье.

Как богатырь в почти позабытых сказках из детства, таких далеких, что и не упомнишь уже, кто их рассказывал: то ли Сухой, то ли Женькины родители, то ли его собственная мать. Больше всего Артему нравилось думать, что это он слышал от матери, и вроде даже выплывало на мгновения из тумана ее лицо, и он слышал голос, читающий ему с тягучими интонациями: «Жили-были...»

И вот, как тот самый сказочный витязь, стоял он теперь у камня, и лежали перед ним три дороги: на Кузнецкий Мост, до Третьяковской и до Таганской. Он смаковал пьянящий напиток, телом овладевала блаженная истома, думать совсем не хотелось, и в голове крутилось только: «Прямо пойдешь – жизнь потеряешь, налево пойдешь – коня потеряешь...»

Это, наверное, могло бы продолжаться бесконечно: покой ему был необходим после всех переживаний. На Китай-Городе стоило задержаться – осмотреться, порасспрашивать местных о дорогах; надо было и встретиться еще раз с Ханом, узнать, пойдет ли он с ним дальше или их пути расходятся на этой странной станции.

Но вышло все совсем не так, как лениво планировал Артем, разморенно созерцая маленький язычок пламени, пляшущий в лампадке на столе.

Глава 8. Четвертый рейх

Затрещали пистолетные выстрелы, перекрывая веселый гам толпы, потом пронзительно взвизгнула женщина, застрекотал автомат, и, пухлый трактирщик, с неожиданным для своей комплекции проворством выхватив из-под прилавка короткое ружье, бросился к выходу. Оставив недопитую брагу, Артем вскочил вслед за ним, закидывая рюкзак за плечи и щелкая предохранителем, жалея на ходу, что здесь заставляют платить вперед, а то можно было бы улизнуть, не расплатившись. Восемнадцать потраченных патронов, может статься, ему бы сейчас очень пригодились.

Уже сверху, с лестницы, было видно: происходит что-то ужасное. Чтобы спуститься, ему пришлось проталкиваться через толпу обезумевших от страха людей, рвавшихся вверх по лестнице, так что Артем успел спросить себя, так ли ему надо вниз, но любопытство подталкивало его.

На путях валялись несколько распростертых тел в кожаных куртках, а на платформе, прямо под его ногами, в луже ярко-красной крови, расплывшейся тоненькими ручейками, лицом вниз лежала убитая женщина. Он поспешно переступил через нее, стараясь не смотреть вниз, но поскользнулся и чуть не упал рядом. Вокруг царил паника, из палаток выскакивали, растерянно оглядываясь по сторонам, полураздетые люди. Один из них замешкался, пытаясь попасть ногой в штанину брюк, но вдруг согнулся, схватился за живот и медленно завалился набок.

Однако откуда стреляют, Артем понять не мог. Пальба продолжалась, с другого конца зала бежали коренастые люди в кожаном, расшвыривая в стороны визжащих женщин и перепуганных торговцев. Но это были не нападавшие, а те самые бандиты, что распоряжались на этой стороне Китай-Города. И на всей платформе не было заметно никого, кто мог бы учинить эту бойню.

И тут Артем наконец понял, почему он никого не видел. Атаковавшие засели в туннеле, находящемся прямо рядом с ним, и оттуда вели огонь на поражение, не выходя на станцию, видимо, боясь показаться на открытом месте.

Это меняло дело. Времени размышлять больше не оставалось: они выйдут на платформу, как только поймут, что сопротивление сломлено; от этого выхода надо было убираться как можно быстрее. Артем пригнулся и бросился вперед, крепко сжимая в руках автомат и озираясь через плечо, – из-за эха, мгновенно разносящего гром выстрелов под сводами станции, искажавшего звуки и менявшего их направление, так и не было ясно, из какого именно туннеля, правого или левого, ведется стрельба.

Наконец, отбежав уже довольно далеко, он заметил затянутые в камуфляж фигуры в жерле левого туннеля. Вместо лиц у них было что-то черное, и у Артема внутри все похолодело. Только спустя несколько мгновений он сообразил, что те черные, что осаждали ВДНХ, никогда не использовали оружие и не одевались. На нападавших просто были маски, вязанные шапки-маски из тех, что можно было купить на любом оружейном развале, а при покупке АК-47 даже получить бесплатно, в придачу.

Прибывшие в подкрепление калужские бросились на землю и тоже открыли огонь, укрываясь за раскиданными на путях трупами, как за бруствером. Видно было, как прикладом выбивают фанерные листы, торчавшие вместо лобовых стекол в вагоне-штабе, открывая замаскированное пулеметное гнездо. Громыкнула тяжелая очередь.

Вскинув глаза вверх, Артем нащупал взглядом висевшую в центре зала подсвеченную изнутри пластиковую табличку с указанием станций. Нападали со стороны Третьяковской: этот путь был отрезан. Чтобы попасть на Таганскую, нужно было возвращаться через всю станцию туда, где сейчас было самое пекло. Оставался только путь на Кузнецкий Мост.

Дилемма разрешилась сама собой. Спрыгнув на пути, Артем кинулся к чернеющему впереди входу в единственный возможный туннель. Ни Хана, ни Туза нигде не было видно. Один только раз мелькнула наверху фигура, напоминавшая бродячего философа, но, остановившись на мгновение, Артем тут же понял, что ошибся.

В туннель бежал не он один – больше половины всех спасающихся с платформы бросились именно к этому выходу. Перегон оглашался испуганными возгласами и злыми криками, кто-то истерически рыдал. То там, то здесь мелькали лучи фонарей, где-то металась неровные пятна света от коптящих факелов; каждый освещал себе путь сам.

Артем достал из кармана подарок Хана и надавил на рукоять. Направив слабый свет фонарика себе под ноги, стараясь не споткнуться, он спешил вперед, обгоняя небольшие группки беглецов – иногда целые семьи, иногда одиноких женщин, стариков и молодых здоровых мужчин, тащивших какие-то тюки, вряд ли принадлежавшие им.

Пару раз он останавливался, чтобы помочь подняться упавшим. Около одного из них он задержался: прислонившись спиной к ребристой стене туннеля, на земле сидел совсем седой старик, с болезненной гримасой на лице державшийся за сердце. Рядом с ним, безмятежно и тупо оглядываясь по сторонам, стоял мальчик-подросток, по животным чертам и по мутным глазам которого было ясно, что это не обычный ребенок. Что-то сжалось у Артема в душе, когда он увидел эту странную пару, и, хоть он и подгонял себя, и ругал за каждую задержку, тут остановился как вкопанный.

Старик, обнаружив, что на них обратили внимание, постарался улыбнуться Артему и что-то сказать, но воздуха ему не хватало. Он поморщился и закрыл глаза, собираясь с силами, а Артем нагнулся к старику, пытаясь расслышать, что тот тшится ему сообщить.

Но мальчик вдруг угрожающе замычал, и Артем неприязненно отметил, что с его губ тянется ниточка слюны, когда он скалит по-звериному свои мелкие желтые зубы. Не в силах справиться с нахлынувшим отвращением, он оттолкнул мальчишку, и тот, попятившись, неуклюже осел на рельсы, издавая жалобные завывания.

– Молодой... человек... – через силу выдавил старик. – Не надо его... так... Это Ванечка... Он же... не понимает...

Артем только пожал плечами.

– Пожалуйста... Нитро... глицерин... в сумке... на дне... Один шарик... Дайте... Я... не могу... сам... – совсем нехорошо захрипел старик, и Артем, покопавшись в дерматиновой хозяйственной сумке, поспешно нашарил новую, неначатую упаковку, содрал ногтем фольгу, еле поймал норовивший выскочить шарик и протянул его старику. Тот с трудом растянул губы в виноватой улыбке и выдохнул:

– Я... не могу... руки... не слушаются... Под язык... – попросил он, и его веки опять опустились.

Артем с сомнением оглядел свои черные руки, но послушался и вложил скользкий шарик старику в рот. Незнакомец слабо кивнул и замолчал. Мимо них торопливо шагали все новые и новые беженцы, но Артем видел перед собой только бесконечный ряд сапог и ботинок, грязных, зачастую просящих каши. Иногда они спотыкались о черное дерево шпал, и тогда сверху неслась грубая брань. На них троих больше никто не обращал внимания; подросток все сидел на том же месте и глухо подвывал. Безучастно и даже с некоторым злорадством Артем заметил, как кто-то из проходящих от души поддел его сапогом, и тот начал выть еще громче, размазывая кулаками слезы и раскачиваясь из стороны в сторону.

Старик тем временем открыл глаза, тяжело вздохнул и пробормотал:

– Спасибо вам большое... Мне уже лучше... Вы не поможете мне подняться?

Артем поддержал его под руку, пока тот с усилием вставал, и взял стариковскую сумку, из-за чего автомат пришлось перевесить за плечо. Старик заковылял вперед, подошел к маль-

чику и ласково стал уговаривать его подняться. Тот обиженно мычал, а когда увидел подошедшего Артема, злобно зашипел, и слюна опять закапала с его оттопыренной нижней губы.

– Вы понимаете, ведь только что купил лекарство, – прорвало пришедшего в себя старика, – ведь специально сюда шел за ним, в такую даль, у нас, знаете, его нельзя достать, никто не привозит, и попросить некого, а у меня как раз заканчивалось, я последнюю таблетку по пути принял, когда нас на Пушкинской пропускать не хотели, знаете, там ведь сейчас фашисты, просто форменное безобразие, подумать только, на Пушкинской – фашисты! Я слышал, даже хотят ее переименовать, то ли в Гитлеровскую, то ли в Шиллеровскую... Хотя, конечно, они о Шиллере ничего не слышали, это уже наши интеллигентские домыслы. И, представляете, нас там не хотели пропускать, эти молодчики со свастиками начали издеваться над Ванечкой, но что он может им ответить, бедный мальчик, при своем заболевании? Я очень перенервничал, стало плохо с сердцем, и только тогда нас отпустили. О чем это я? Ах да! И, понимаете, ведь специально убрал поглубже, чтобы не нашли, если кто будет обыскивать, еще вопросы будут задавать, ведь знаете, могут неправильно понять, не все знают, что это за средство... И вдруг эта пальба! Я пробежал, сколько мог, мне еще Ванечку пришлось тянуть, он увидел петушков на палочке и очень не хотел уходить. И сначала, знаете, несильно так кольнуло, я думал, может, отпустит, обойдется без лекарства, оно ведь сегодня на вес золота, но потом понял, что не получится. И только хотел достать таблетку, как меня скрутило. А Ванечка, он ведь ничего не понимает, я уже давно пытаюсь его научить подавать мне таблетки, если мне плохо, но он никак не может понять, то сам их кушает, а то ни с того ни сего доставать начинает и мне сует. Я ему спасибо говорю, улыбаюсь, и он мне улыбается, знаете, радостно так, мычит весело, но вот, чтобы ко времени, пока ни разу еще не смог. Не дай бог со мной что-нибудь случится: о нем ведь совершенно некому будет позаботиться, я не представляю, что с ним будет!

Старик все говорил и говорил, заискивающе заглядывая Артему в глаза, и тот отчего-то чувствовал себя очень неловко. Хотя старичок ковылял изо всех сил, Артему все равно казалось, что они продвигаются слишком медленно, и все меньше людей нагоняло их сзади. Похоже было, что скоро они окажутся последними. Ванечка косолапо ступал справа от старика, вцепившись ему в руку; на его лицо вернулось прежнее безмятежное выражение. Время от времени он вытягивал правую руку вперед и возбужденно гугукал, указывая на какой-нибудь предмет, брошенный или оброненный в спешке бежавшими со станции, или просто в темноту, которая теперь сгущалась впереди.

– А вас, я прошу прощения, как зовут, молодой человек? А то как-то, знаете, беседуем, а друг другу еще не представились... Артем? Очень приятно, а я Михаил Порфирьевич. Порфирьевич, совершенно верно. Отца звали Порфирий, необычное, понимаете, имя, и в советские времена к нему у некоторых организаций даже вопросы возникали, тогда все больше другие имена были в моде: Владилен или там Сталина... А вы сами откуда? С ВДНХ? А вот мы с Ванечкой с Баррикадной, я там жил когда-то, – старик смущенно улыбнулся, – знаете, там такое здание стояло, высотное, прямо рядом с метро... Хотя вы, наверное, уже и не помните никаких зданий... Сколько вам, прошу прощения, лет? Ну, не важно все это, конечно. У меня там квартирka была двухкомнатная, довольно высоко, и такой вид чудесный открывался на центр. Квартирка небольшая, но очень, знаете, уютная, полы, конечно же, дубовый паркет, как и у всех там, кухня с газовой плитой. Боже, я вот сейчас думаю, какое удобство – газовая плита, а тогда все плевался, электрическую хотел, только накопить никак не мог. Как войдешь, справа на стене репродукция Тинторетто, в хорошей позолоченной раме, такая красота! Постель была настоящая, с подушками, с простынями, все всегда чистое, большой рабочий стол, с такой лампой, на ножке, с пружинками, так ярко светила. А главное, книжные полки, до самого потолка. Мне от отца большая библиотека досталась, да я и сам еще собирал, и по работе, и интересовался. Ах, да что я вам все это рассказываю, вам, наверное, неинтересно это, стариковская чепуха... А я вот до сих пор вспоминаю, очень, понимаете, всего этого не

хватает, особенно стола и книг, а в последнее время все больше отчего-то по кровати скучаю. Здесь-то себя не побалуешь, у нас там такие деревянные койки стоят, знаете, самодельные, а иной раз приходится спать прямо на полу, на тряпье каком-нибудь. Но это ничего, главное ведь вот здесь, – он указал себе на грудь, – главное то, что происходит внутри, а не снаружи. Главное – в сердце оставаться все тем же, не опуститься, а условия, черт с ними, прошу прощения, с условиями! Хотя по кровати вот отчего-то, знаете, особенно...

Он не замолкал ни на минуту, и Артем все слушал с живым интересом, хотя никак не мог себе представить, как это – жить в высотном здании, и как это, когда вид открывается, или когда наверх можно подняться за несколько секунд, потому что туда даже не эскалатор везет, а лифт.

Когда же Михаил Порфирьевич затих ненадолго, чтобы перевести дыхание, он решил воспользоваться паузой, чтобы вернуть разговор в нужное русло. Как-никак, надо было идти через Пушкинскую (или уже Гитлеровскую?), делать пересадку на Чеховскую, а оттуда уже пробираться к заветному Полису.

– Неужели на Пушкинской настоящие фашисты? – ввернул он.

– Что вы говорите? Фашисты? Ах, да... – сконфуженно вздохнул старик. – Да-да, вы знаете, такие бритоголовые, на руках повязки, просто ужасно. Над входом на станцию и везде на ней знаки висят, знаете, раньше обозначали, что перехода нет: черная фигурка в красном круге, перечеркнутом линией. Я думал, это у них ошибка какая-то, слишком много везде этих знаков, и имел неосторожность спросить. Оказывается, это их новый символ. Означает, что черным вход запрещен или что сами они запрещены, какая-то глупость, в общем.

Артема передернуло при слове «черные». Он кинул на Михаила Порфирьевича испуганный взгляд и спросил осторожно:

– Неужели там есть черные? Неужели они и туда пробрались? – А в голове лихорадочно крутилась паническая карусель: как же это, он ведь и недели не пробыл в пути, неужто ВДНХ пала, черные уже атакуют Пушкинскую и его миссия провалена? Он не успел, не справился? Все было бесполезно? Нет, такого быть не может, обязательно бы шли слухи, пусть искажающие опасность, но ведь какие-то слухи непременно были бы... Неужели? Но ведь тогда конец всему...

Михаил Порфирьевич с опаской посмотрел на него и осторожно спросил, отступив незаметно на шаг в сторону:

– А вы, извините, сами какой идеологии придерживаетесь?

– Я, в общем-то, никакой, – замялся Артем. – А что?

– А к другим национальностям как относитесь, к кавказцам, например?

– А при чем здесь кавказцы? – недоумевал Артем. – Вообще-то, я не очень хорошо в национальностях разбираюсь. Ну, французы там или немцы, американцы раньше были. Но ведь их, наверное, больше никого не осталось... А кавказцев я, честно говоря, и не знаю совсем, – неловко признался он.

– Это кавказцев они черными и называют, – объяснил Михаил Порфирьевич, все стараясь понять, не обманывает ли его Артем, прикидываясь дурачком.

– Но ведь кавказцы, если я все правильно понимаю, обычные люди? – уточнил Артем. – Я вот сегодня только видел нескольких...

– Совершенно обычные! – успокоенно подтвердил Михаил Порфирьевич. – Совершенно нормальные люди, но эти головорезы решили, что они чем-то от них отличаются, и преследуют их. Просто бесчеловечно! Вы представляете, у них там в потолок, прямо над путями, вделаны крюки, и на одном из них висел человек, настоящий человек. Ванечка так возбудился, стал тыкать в него пальцем, мычать, тут эти изверги и обратили на него внимание.

При звуке своего имени подросток обернулся и вперил в старика долгий мутный взгляд. Артему показалось, что он слушает и даже отчасти понимает, о чем идет речь, но его имя

больше не повторялось, и он быстро утратил интерес к Михаилу Порфирьевичу, переключив внимание на шпалы.

– И, раз мы заговорили о народах, они там очень, судя по всему, перед немцами преклоняются. Ведь это немцы изобрели их идеологию, вы, конечно, знаете, что я буду вам рассказывать, – торопливо добавил Михаил Порфирьевич, и Артем неопределенно кивнул, хотя ничего он на самом деле не знал, просто не хотелось выглядеть неучем. – Знаете, везде орлы немецкие висят, свастики, само собой разумеется, какие-то фразы на немецком, цитаты из Гитлера: про доблесть, про гордость и все в таком духе. Какие-то у них там парады, марши. Пока мы там стояли и я их пытался уговорить Ванечку не обижать, через платформу все маршировали и песни пели. Что-то про величие духа и презрение к смерти. Но, вообще, знаете, немецкий язык они удачно выбрали. Немецкий просто создан для подобных вещей. Я, видите ли, на нем немного говорю... Вот смотрите, у меня где-то здесь записано... – Сбиваясь с шага, он извлек из внутреннего кармана куртки засаленный блокнот. – Пойдите секундочку, посветите мне, будьте любезны... Где это было? Ах, вот!

В желтом кружке света Артем увидел прыгающие латинские буквы, аккуратно выведенные на листе блокнота и даже заботливо окруженные рамкой с трогательными виньеточками:

Du stirbst. Besitz stirbt.
Die Sippen sterben.
Der einzig lebt – wir wissen es.
Der Toten Tatenruhm.

Латинские буквы Артем читать тоже мог, научился по какому-то допотопному учебнику для школьников, откопанному в станционной библиотеке. Беспокойно оглянувшись назад, он посветил на блокнот еще раз. Понять, конечно, он ничего не смог.

– Что это? – спросил он, вновь увлекая за собой Михаила Порфирьевича, торопливо запикивавшего блокнот в карман и пытавшегося сдвинуть с места Ванечку, который теперь отчего-то уперся и начал недовольно рычать.

– Это стихотворение, – немного обиженно, как показалось Артему, ответил старик. – В память о погибших воинах. Я, конечно, точно перевести не берусь, но приблизительно так: «Ты умрешь. Умрут все близкие твои. Владенья сгинут. Одно лишь будет жить в веках – погибших слава боевая». Но как это слабенько все-таки по-русски звучит, а? А на немецком – просто гремит! Дер тотен татенрум! Просто мороз по коже! М-да... – осекся вдруг он, устыдившись, видимо, своего восхищения.

Некоторое время они шагали молча. Артему казалось глупым и злило то, что они, наверное, уже шли последними, и неясно было, что происходило за их спинами, а тут вдруг приходилось останавливаться посреди перегона, чтобы прочитать какое-то стихотворение. Но против своей воли он все катал на языке последние строчки, и отчего-то вспомнился ему вдруг Виталик, с которым они ходили тогда к Ботаническому Саду. Виталик-Заноза, которого застрелили налетчики, пытавшиеся пробиться на станцию через южный туннель. Тот туннель всегда считался безопасным, поэтому Виталика туда и поставили, ему ведь лет восемнадцать только было, а Артему как раз стукнуло шестнадцать. А тем вечером еще договаривались к Женьке идти, ему как раз знакомый челнок дури новой привез, особенной какой-то. ...Прямо в голову попали, и посреди лба была только маленькая такая дырочка, черная, а сзади ползатылька снесло. И все. «Ты умрешь...» Отчего-то очень ярко вдруг вспомнился разговор Хантера с Сухим, когда отчим сказал: «А вдруг там нет ничего?» Умрешь, и никакого продолжения нет. Все. Ничего не останется. Кто-нибудь потом, конечно, еще будет помнить, но недолго. «Умрут и близкие твои», или как там? Артема действительно пробрал озноб. Когда Михаил Порфирьевич наконец нарушил молчание, он был этому даже рад.

– А вам случайно с нами не по пути? Только до Пушкинской? Неужели вы собираетесь там выходить? Я имею в виду, сходить с пути? Я бы вам очень, очень не рекомендовал, Артем, этого делать. Вы себе не представляете, что там происходит. Может, вы пошли бы с нами, до Баррикадной? Я бы с таким удовольствием побеседовал с вами!

Артему пришлось опять неопределенно кивать и мямлить что-то неразборчивое: не мог же он заговаривать с первым встречным, пусть даже с этим безобидным стариком, о целях своего похода. Михаил Порфирьевич, не услышав ничего утвердительного, вновь умолк.

Довольно долгое время еще они шли в тишине, и сзади вроде бы все было спокойно, так что Артем наконец расслабился. Вскоре вдалеке заблестели огоньки, сначала слабо, но потом все ярче. Они приближались к Кузнецкому Мосту.

О здешних порядках Артем не знал ничего, поэтому решил на всякий случай убрать свое оружие подальше. Закутав его в тельняшку, он засунул автомат поглубже в рюкзак.

Кузнецкий Мост был жилой станцией, и метров за пятьдесят до входа на платформу, посреди путей, стоял вполне добротный пропускной пост, правда, всего один, но с прожектором, сейчас за ненадобностью погашенным, и оборудованный пулеметной позицией. Пулемет был зачехлен, но рядом сидел толстенный мужчина в вытертой зеленой униформе и ел какое-то месиво из обшарпанной солдатской миски. Еще двое людей, в похожем обмундировании, с неуклюжими армейскими автоматами за плечами, придирчиво проверяли документы у выходящих из туннеля. К ним стояла небольшая очередь: все те беглецы с Китай-Города, обогнавшие Артема, пока он тащился с Михаилом Порфирьевичем и Ванечкой.

Впускали медленно и неохотно, какому-то парню даже вовсе отказали, и он теперь растерянно стоял в стороне, не зная, как ему быть, и пробуя время от времени подступиться к проверяющему, который всякий раз отталкивал его назад и звал следующего по очереди. Каждого из проходящих тщательно обыскивали, и прямо у них на глазах мужчину, у которого обнаружили незаявленный пистолет Макарова, сначала вытолкнули из очереди, а после того, как он попробовал поспорить, скрутили и куда-то увели.

Артем беспокойно завертелся, предчувствуя неприятности. Михаил Порфирьевич удивленно посмотрел на него, Артем тихонько шепнул, что он тоже не безоружен, но тот лишь успокаивающе кивнул и пообещал, что все будет в порядке. Не то чтобы Артем ему не поверил, просто было очень интересно, как именно он собирается уладить дело. А старик только загадочно улыбался.

Тем временем понемногу подходила их очередь, и пограничники сейчас потрошили пластиковый баул какой-то несчастной женщины лет пятидесяти, которая немедленно принялась причитать, именуя таможенников иродами и удивляясь, как их до сих пор носит земля. Артем внутренне с ней согласился, но свою солидарность вслух решил не высказывать. Покопавшись как следует, охранник с довольным присвистом извлек из груди грязного нижнего белья несколько противопехотных гранат и приготовился выслушивать объяснения.

Артем был уверен, что женщина сейчас расскажет трогательную историю про внука, которому эти непонятные штуковины нужны для работы: понимаете, он работает сварщиком, и это какая-то деталь его сварочного аппарата; или что она поведает, как нашла эти гранаты по пути и как раз спешила сдать их в компетентные органы. Но, отступив на несколько шагов, та прошипела проклятье и бросилась назад в туннель, спеша скрыться в темноте. Пулеметчик отставил миску с едой в сторону и схватился за свой агрегат, но один из двух пограничников, видимо, старший, жестом остановил его. Тот, разочарованно вздохнув, вернулся к каше, а Михаил Порфирьевич сделал шаг вперед, держа свой паспорт наготове.

Удивительно, но старший охранник, только что без малейшего зазрения совести перерывший всю сумку совершенно безобидной на вид женщины, быстро пролистнул книжечку старика, а на Ванечку и вовсе не обратил внимания, как будто того и не было. Подошел черед Артема. Он с готовностью вручил худощавому усатому стражу свои документы, и тот принялся

дотошно разглядывать каждую страничку, особенно долго задерживая луч фонарика на печатях. Пограничник не меньше пяти раз переводил взгляд с физиономии Артема на фотографию, недоверчиво хмыкая, в то время как Артем дружелюбно улыбался, стараясь изобразить саму невинность.

– Почему паспорт советского образца? – сурово спросил наконец стражник, не зная, к чему бы еще придраться.

– Так я же маленький был еще, когда настоящие были. А потом уже мне наша администрация выправила на первом бланке, который нашелся, – пояснил Артем.

– Непорядок, – нахмурился усатый. – Откройте рюкзак.

«Если он обнаружит автомат, в лучшем случае придется заворачивать назад, а то могут и конфисковать», – подумал Артем, утирая со лба предательскую испарину.

Михаил Порфирьевич подошел к пограничнику на непозволительно близкое расстояние и зашептал ему торопливо:

– Константин Алексеевич, вы понимаете, этот молодой человек – мой знакомый. Очень и очень приличный юноша, я лично могу за него поручиться.

Пограничник, открывая сумку Артема и запуская туда пятерню, от чего Артем похолодел, сухо сказал:

– Пять, – и пока Артем недоумевал, что же тот имеет в виду, Михаил Порфирьевич вытащил из кармана горстку патронов и, поспешно отсчитав пять штук, опустил их в приоткрытую полевую сумку, висевшую на боку у проверяющего.

Но к тому моменту рука Константина Алексеевича успела продолжить свои странствия по Артемову рюкзаку, и видимо, случилось страшное, потому что его лицо приобрело вдруг заинтересованное выражение.

Артем почувствовал, как его сердце проваливается в пропасть, и закрыл глаза.

– Пятнадцать, – бесстрастно произнес усатый.

Кивнув, Артем отсчитал еще десять патронов и ссыпал их в ту же сумку. Ни один мускул не дрогнул на лице пограничника. Он просто сделал шаг в сторону, и дорога на Кузнецкий Мост была свободна. Восхищаясь железной выдержкой этого человека, Артем прошел вперед.

Следующие пятнадцать минут ушли на препирания с Михаилом Порфирьевичем, который упорно отказывался брать у Артема пять патронов, утверждая, что его долг намного больше, и прочее в том же духе.

Кузнецкий Мост ничем особенно не отличался от большинства остальных станций, на которых Артем успел побывать за время своего путешествия. Все тот же мрамор на стенах и гранитный пол, разве что арки здесь были особенные, высокие и широкие, что создавало ощущение необычного простора.

Но самое удивительное заключалось в другом: на обоих путях стояли целые составы – неимоверно длинные, такие огромные, что занимали почти всю станцию. Окна были озарены теплым светом, пробивавшимся сквозь уютные разномастные занавески, а двери – гостеприимно открыты...

В сознательном возрасте Артему ни разу не приходилось видеть ничего похожего. Да, оставались полустертые воспоминания о летящих и гудящих поездах с яркими квадратами окон – воспоминания из далекого детства, но были они расплывчаты, нечетки, эфемерны, как и другие мысли о том, что было раньше: только попытаешься представить себе что-то в деталях, восстановить в памяти подробности, как неуловимый образ тут же растворяется, утекает, как вода сквозь пальцы, и перед глазами не остается ничего... А когда он подрос, видел только застрявший на выезде из туннеля состав на Рижской да разрозненные вагоны на Китай-Городе и Проспекте Мира.

Артем застыл на месте, зачарованно рассматривая составы, пересчитывая вагоны, таившие во мгле у противоположного края платформы, возле перехода на Красную Линию. Там,

выхваченное из темноты четким кругом электрического света, с потолка свисало кумачовое знамя, а под ним стояли по стойке смирно два автоматчика в одинаковой зеленой форме и в фуражках, казавшиеся издали маленькими и до смешного напоминающие игрушечных солдатиков.

У Артема было три таких, еще раньше, еще когда он жил с мамой: один – командир, с выхваченным из кобуры крошечным пистолетом, что-то кричал, оглядываясь назад, наверное, звал свой отряд за собой, в битву. Двое других стояли ровно, прижав к груди автоматы. Солдатики, наверное, были из разных наборов, и играть ими никак не получалось: командир рвался в бой, а его доблестные воины замерли на посту, совсем как пограничники Красной Линии, и до сражения им не было никакого дела. Странно, этих солдатиков он помнил очень хорошо, а вот лица матери не мог вспомнить никак...

Кузнецкий Мост содержался в относительном порядке. Свет здесь, как и на ВДНХ, был аварийный, вдоль потолка тянулась какая-то загадочная железная конструкция, может, раньше освещавшая платформу. Кроме поезда, на станции не было решительно ничего примечательного.

– Я столько слышал, что в метро много потрясающе красивых станций, а как посмотришь, все они почти одинаковые, – поделился Артем своим разочарованием с Михаилом Порфирьевичем.

– Да что вы, молодой человек! Тут такие красивые есть, вы не поверите! Вот Комсомольская на Кольце, например, настоящий дворец! – принялся горячо разубеждать его старик. – Там огромное панно, знаете, на потолке. С Лениным и прочей дребеденью, правда... Ой, что же я это говорю, – быстро осекся он и шепотом пояснил Артему: – На станции полно шпиков, агентов с Сокольнической линии, то есть Красной, вы меня простите, это я все по старинке ее называю... Так что здесь потише надо. Местное начальство вроде как независимо, но сосраться с красными не хочет, поэтому, если те потребуют кого-то выдать, то могут и выдать. Не говоря уже об убийствах, – совсем тихо добавил он и боязливо осмотрелся по сторонам. – Давайте-ка найдем место для отдыха, я, честно говоря, ужасно устал, да и вы, по-моему, еле на ногах стоите. Переночуем, а потом дальше в путь.

Артем кивнул: этот день действительно оказался бесконечно долгим и напряженным, и отдых ему был просто необходим.

Завистливо вздыхая и не сводя глаз с состава, Артем шагал вслед за Михаилом Порфирьевичем. Из вагонов доносились чей-то веселый смех и разговоры, в дверях, мимо которых они проходили, стояли уставшие после рабочего дня мужчины, кутившие с соседями и чинно обсуждавшие события минувшего дня. Собравшись за столиком, старушки пили чай под маленькой лампочкой, свисавшей с лохматого провода, бесились дети. Это все тоже было для Артема необычно: на ВДНХ обстановка всегда оставалась очень напряженной, люди постоянно были готовы ко всему. Да, собирались вечерком с друзьями тихонько посидеть у кого-нибудь в палатке, но не было никогда такого, чтобы все двери настежь, все на виду, в гости друг к другу запросто, дети повсюду... Слишком уж благополучная была станция.

– А чем они здесь живут? – не выдержал Артем, догоняя старика.

– Как, неужели вы не знаете? – вежливо удивился Михаил Порфирьевич. – Это же Кузнецкий Мост! Здесь лучшие техники метро, большие мастерские. Им сюда с Сокольнической линии везут приборы чинить и даже с Кольца. Процвetaют, процвetaют. Вот здесь бы жить! – мечтательно вздохнул он. – Но у них с этим строго...

Напрасно Артем надеялся, что им тоже удастся отоспаться в вагонах, на диванах. Посреди зала стоял ряд больших палаток, вроде тех, в которых они жили на ВДНХ, и на ближайшей из них аккуратно, по трафарету, была сделана надпись: ГОСТИНИЦА. Рядом выстроилась целая очередь из беженцев, но Михаил Порфирьевич, отозвав администратора в сто-

ронку, звякнул медью, шепнул что-то волшебное, начинающееся на «Константин Алексеевич», и вопрос был улажен.

– Нам сюда, – приглашающим жестом указал он, и Ванечка радостно загугукал.

Здесь даже подавали чай, и за него не пришлось ничего доплачивать, и матрацы на полу были такими мягкими, что, упав на них, подниматься страшно не хотелось. Полулежа, Артем осторожно дул на кружку с отваром и внимательно слушал старика, который с горящим взглядом, забыв про свой стакан, рассказывал:

– Они ведь не над всей веткой власть имеют. Об этом, правда, не говорит никто, и красные этого никогда не признают, но Университет не под их контролем, и все, что за Университетом, тоже! Да-да, Красная Линия продолжается только до Спортивной. Там, знаете, за Спортивной начинается очень длинный перегон, когда-то давно там была станция Ленинские Горы, потом ее переименовали, но я уж по старинке... И вот как раз за Ленинскими Горами, там пути на поверхность выходят, был мост. И, понимаете, он от взрыва начал разрушаться и однажды обвалился вниз, в реку, так что с Университетом связи не было почти с самого начала...

Артем сделал маленький глоток и ощутил, как все внутри сладко замирает в предвкушении чего-то таинственного, необычного, что начиналось за торчащими над пропастью рельсами оборванной Красной Линии далеко на юго-западе. Ванечка ожесточенно грыз ногти, прерываясь только, чтобы удовлетворенно осмотреть плоды своего труда, а затем вновь принимался за дело. Артем взглянул на него почти с симпатией и почувствовал благодарность к милому ребенку за то, что тот молчит.

– Знаете, у нас есть маленький кружок на Баррикадной, – смущенно улыбнулся Михаил Порфирьевич, – собираемся по вечерам, иногда к нам с Улицы 1905 года приходят, а вот теперь и с Пушкинской всех инакомыслящих прогнали, и Антон Петрович к нам переехал... Ерунда, конечно, просто литературные посиделки, ну, и о политике иногда поговорим, собственно... Там, знаете, образованных тоже не особенно любят, на Баррикадной, чего только не услышишь: и что вшивая интеллигенция, и что пятая колонна... Так что мы там потихонечку. Но вот Яков Иосифович говорил, что, дескать, Университет не погиб. Что им удалось блокировать туннели, и теперь там все еще есть люди. Не просто люди, а... Вы понимаете, там когда-то Московский государственный университет был, это ведь из-за него так станция называется. И вот, дескать, части профессуры удалось спастись и студентам тоже. Под университетом ведь размещались огромные бомбоубежища, сталинской еще постройки, по-моему, соединенные особыми переходами с метро. И теперь там образовался такой интеллектуальный центр, знаете... Ну, это, наверное, просто легенды. И что там образованные люди находятся у власти, всеми тремя станциями и убежищами управляет ректор, а каждая станция возглавляется деканом – всех на определенный срок избирают. Там и наука не стоит на месте – все-таки студенты, знаете ли, аспиранты, преподаватели! И культура не гаснет, не то что у нас, и пишут что-то, и наследие наше не забывается... А Антон Петрович даже говорил, что ему один знакомый инженер по секрету рассказывал, будто они там даже нашли способ на поверхность выходить, сами создали защитные костюмы, и иногда их разведчики появляются в метро... Согласитесь, звучит неправдоподобно! – полувопросительно прибавил Михаил Порфирьевич, заглядывая Артему в глаза, и что-то такое тоскливое тот заметил в его взгляде, несмелую, усталую надежду, что, чуть кашлянув, отозвался как можно уверенней:

– Почему? Звучит вполне реально! Вот есть же Полис, например. Я слышал, там тоже...

– Да, чудесное место – Полис, да только как теперь туда пробраться? К тому же мне говорили, что в Совете власть опять перешла к военным...

– В каком Совете? – приподнял брови Артем.

– Ну как же? Полис управляется Советом из самых авторитетных людей. А там, знаете, авторитетные люди – либо библиотекари, либо военные. Ну, уж про Библиотеку вы точно знаете, рассказывать смысла не имеет, но вот другой вход Полиса когда-то находился прямо в

здании Министерства обороны, насколько я помню, или, во всяком случае, оно было где-то рядом, и часть генералитета успела тогда эвакуироваться. В самом начале военные захватили власть, Полисом довольно долго правила этакая, знаете, хунта. Но людям отчего-то не слишком по нраву пришлось их правление, беспорядки были довольно кровопролитные, но это давно, задолго до войны с красными. Тогда они пошли на уступки, был создан этот самый Совет. И так получилось, что в нем образовались две фракции – библиотекари и военные. Странное, конечно, сочетание. Знаете, военные вряд ли много живых библиотекарей в своей прежней жизни встречали. А тут так уж сложилось. И между этими фракциями вечная грызня, разумеется: то одни берут верх, то другие. Когда война шла с красными, оборона была важнее, чем культура, и у генералов был перевес. Началась мирная жизнь – опять к библиотекарям вернулось влияние. И так у них, понимаете, все время, как маятник. Сейчас вот довелось слышать, у военных позиции крепче, и там опять дисциплину наводят, знаете, комендантский час и прочие радости жизни, – тихо улыбнулся Михаил Порфирьевич. – Пройти туда теперь не проще, чем до Изумрудного Города добраться... Это мы так Университет между собой называем и те станции, что с ним рядом, в шутку... Ведь надо либо через Красную Линию идти, либо через Ганзу, но там просто так не пробраться, сами понимаете. Раньше, до фашистов, через Пушкинскую можно было на Чеховскую, а там и до Боровицкой один перегон. Нехороший, правда, перегон, но я, когда помоложе был, случалось, и через него хаживал.

Артем не преминул поинтересоваться, что же такого нехорошего в упомянутом перегоне, и старик нехотя ответил:

– Понимаете, там прямо посреди туннеля состав стоит, сожженный. Я там давно уже не был, не знаю, как теперь, но раньше в нем на сиденьях обугленные человеческие тела лежали и сидели... Просто ужасно. Я сам не знаю, как это случилось, и у знакомых своих спрашивал, что там произошло, но никто не мог мне точно сказать. Через этот поезд очень трудно пройти, а обойти его никак нельзя, потому что туннель начал осыпаться, и все вокруг вагонов завалено землей. В самом же поезде, в вагонах, я имею в виду, разные нехорошие вещи творятся, я их объяснить затрудняюсь, я вообще-то атеист, знаете, и во всякую мистическую чепуху не верю, поэтому я тогда грешил на крыс, на тварей разных... А теперь уже ни в чем не уверен.

Эти слова навели Артема на мрачные воспоминания о шуме в туннелях на его линии, и он не выдержал, наконец, и рассказал о произошедшем с его отрядом, а потом с Бурбоном и, помявшись еще немного, попытался повторить объяснения, данные ему Ханом.

– Да что вы, что вы, это же полная белиберда! – отмахнулся Михаил Порфирьевич, строго сводя брови. – Я уже слышал о таких вещах. Вы помните, я говорил вам о Якове Иосифовиче? Так вот, он физик и как-то разъяснял мне, что такие нарушения психики бывают, когда людей подвергают воздействию звука на крайне низких, не слышимых ухом частотах, если я не путаю, около семи герц, хотя с моей дырявой головой... А звук может возникать сам по себе, из-за естественных процессов, например, тектонических сдвигов или еще чего-то, я, понимаете, тогда не очень внимательно слушал... Но чтобы души умерших? Да в трубах? Увольте...

Со стариком этим было интересно. Все, о чем он рассказывал, Артем раньше ни от кого не слышал, да и метро он видел под каким-то другим углом, старомодным, забавным, и все, видно, тянулся душой наверх, а здесь ему было все так же неудобно, как и в первые дни. И Артем, который часто вспоминал спор Сухого и Хантера, спросил у него:

– А как вы думаете... Мы... люди, я имею в виду... Мы еще вернемся туда? Наверх? Сможем мы выжить и вернуться?

И пожалел тут же, что спросил, потому что вопрос его словно бритвой обрезал все жилы в старичке, тот разом обмяк и негромко, безжизненным голосом протянул:

– Не думаю. Не думаю.

– Но ведь были и другие метрополитены, я слышал, в Питере, и в Минске, и в Новгороде, – перебирал Артем затверженные наизусть названия, которые всегда для него были пустой скорлупой, шелухой, никогда не заключавшей в себе смысла.

– Ах, какой красивый город был – Питер! – не отвечая ему, тоскливо вздохнул Михаил Порфирьевич. – Вы понимаете, Исакий... А Адмиралтейство, шпиль этот вот... Какая грация, какое изящество! А вечерами на Невском – люди, шум толпы, смех, дети с мороженым, девушки молоденькие, тоненькие... Музыка несется... Летом особенно, там редко когда хорошая погода летом: так, чтобы солнце и небо чистое, лазурное, но когда бывает... И так, знаете, дышится легко...

Глаза его остановились на Артеме, но взгляд проходил сквозь него и растворялся в призрачных далях, где поднимались из предрассветной дымки полупрозрачные величественные силуэты ныне обращенных в пыль зданий, и Артему показалось, что, обернись он сейчас через плечо, перед ним предстанет та же захватывающая дух картина. Старик замолчал, тяжело вздохнув, и Артем не решился вторгаться в его воспоминания.

– Да, действительно были и другие метрополитены кроме Московского. Может, где-то еще и спаслись люди... Но ведь сами подумайте, молодой человек! – Михаил Порфирьевич поднял узловатый палец кверху. – Сколько все-таки лет прошло, и ничего. Ни слуху, ни духу. Неужели бы за столько лет не нашли, если бы было кому искать? Нет, – уронил он голову, – не думаю...

А потом, минут через пять молчания, неслышно почти, обращаясь скорее к самому себе, чем к Артему, вздохнул:

– Боже, какой прекрасный мир мы загубили...

Тяжелая тишина повисла в палатке. Ванечка, убаюканный их негромким разговором, спал, приоткрыв рот и негромко посапывая, изредка только начиная по-собачьи скулить. Михаил Порфирьевич так больше ни слова и не проронил, и, хотя Артем был уверен, что тот еще не спит, тревожить он его не стал, закрыл глаза и попробовал уснуть.

Он думал, что после всего, что случилось с ним за этот бесконечный день, сон придет мгновенно, но время тянулось медленно-медленно, матрац, недавно казавшийся мягким, отдавливал бок, и пришлось изрядно покрутиться, пока нашлось, наконец, удобное положение. А в уши все стучали и стучали последние, печальные слова старика. Нет. Не думаю. Не вернуть больше сверкающих проспектов, грандиозных архитектурных сооружений, легкого освежающего ветерка летним теплым вечером, шевелящего волосы и ласкающего лицо, не вернуть этого неба, оно больше никогда не будет таким, как рассказывал старик. Теперь небо – это сходящийся кверху, опутанный сгнившими проводами ребристый потолок туннелей, и так будет всегда. А тогда оно было – как он сказал? Лазурным? Чистым?.. Странное было это небо, совсем как то, что видел Артем тогда, на Ботаническом Саду, и тоже усыпанное звездами, но не бархатно-синее, а светло-голубое, искрящееся, радостное... И здания были действительно огромными, но они не давили своей массой, нет, светлые, легкие, словно сотканные из сладкого воздуха, они парили, едва не отрываясь от земли, их контуры размывались в бесконечной вышине. А вокруг было столько людей! Артему раньше никогда не приходилось видеть так много людей сразу, разве только на Китай-Городе, но здесь их было еще больше, все пространство у подножий циклопических зданий и между ними было занято людьми. Они сновали вокруг, и детей среди них было и вправду необычно много, они что-то ели, наверное, то самое мороженое. Артем даже хотел попросить у одного из них попробовать, сам он никогда настоящего мороженого не ел, а когда был маленький, очень хотелось хоть капельку. Но негде было взять, кондитерские фабрики уже давно производили только плесень и крыс, крыс и плесень. А маленькие дети, лизавшие свое лакомство, все время убегали от него со смехом, ловко уворачиваясь, и ему даже не удалось разглядеть ни одного лица. И Артем уже не знал, что же он

на самом деле пытается сделать: откусить мороженое или заглянуть ребенку в лицо, понять, есть ли оно вообще у этих детей... И ему вдруг стало страшно.

Легкие очертания зданий начали медленно сгущаться, темнеть, и через какое-то время они уже грозно нависали над ним, а потом стали сдвигаться все теснее и теснее. Артем все продолжал погоню за детьми, и ему стало казаться, что смеются дети не звонко и радостно, а зло и предвкушающе, и тогда он собрал все свои силы и схватил все-таки одного мальчишку за рукав. Тот вырывался и царапался, как дьявол, но, сдавив ему горло стальным зажимом, Артему удалось все-таки заглянуть пойманному в лицо. Это был Ванечка. Зарывав и оскалив зубы, он мотнул шеей и попытался вцепиться Артему в руку, и тогда Артем в панике отшвырнул его прочь, а тот, вскочив с колен, задрал вдруг голову и протяжно вывел тот самый жуткий вой, от которого Артем бежал с ВДНХ... И дети, беспорядочно носившиеся вокруг, стали останавливаться и медленно, бочком, не глядя на него, приближаться, а за их спинами возвышались совсем теперь уже черные громады зданий, и они словно тоже придвигались ближе... А потом дети, теперь уже заполнявшие некоторое оставшееся свободным место между гигантскими тушами строений, подхватили Ванечкин вой, наполняя его звериной ненавистью и леденящей тоской, и, наконец, стали поворачиваться к Артему. У них не было лиц, только черные кожаные маски с выщербленными ртами и маслянистыми темными шарами глаз, без белков и зрачков.

И вдруг раздался голос, который Артем никак не мог узнать, он был негромким, и жуткий вой перекрывал его, но голос настойчиво повторял одно и то же, и, прислушиваясь, стараясь не обращать внимания на подступающих все ближе детей, Артем начал наконец разбирать, что это было. «Ты должен идти». А потом еще раз. И еще. И Артем узнал голос. Голос Хантера.

Он открыл глаза и откинул покрывало. В палатке было темно и очень душно, голова налилась свинцовой тяжестью, мысли ворочались лениво и тяжело. Артем никак не мог прийти в себя, понять, сколько времени он проспал, пора ли вставать и собираться в путь или можно просто перевернуться на другой бок и посмотреть сон повеселей.

Тут полог палатки приподнялся, и в образовавшемся отверстии показалась голова того самого пограничника, что пропускал их на Кузнецкий Мост. Константин... как же было его отчество?

– Михал Порфирич! Михал Порфирич! Вставай скорей! Михал Порфирич! Да что он, помер, что ли? – и, не обращая внимания на испуганно таравившегося на него Артема, он пролез в палатку и принялся трясти спящего старика.

Первым проснулся Ванечка и недобро замычал. Вошедший не обратил на него никакого внимания, а когда Ванечка попытался тянуть его за руку, отвесил ему приличную затрещину. Тут, наконец, очнулся и старик.

– Михал Порфирич! Поднимайся скорей! – тревожно зашептал пограничник. – Уходить надо! Красные тебя требуют выдать, как клеветника и вражеского пропагандиста. Говорил ведь, говорил я тебе: ну хоть здесь, хоть на нашей паршивой станции не рассказывай ты про свой Университет! Послушал ты меня?

– Позвольте, Константин Алексеевич, что же это? – растерянно завертел головой старик, с криканием поднимаясь с лежанки. – Я ведь и не говорил ничего, никакой пропаганды, боже упаси, так вот, молодому человеку рассказал только, но тихонько, без свидетелей...

– И молодого человека с собой прихвати! А то ты знаешь, какая у нас тут станция рядом. На Лубянку отведут и кишки там на палку намотают, а парня твоего к стенке сразу поставят, чтоб не болтал лишнего! Давай же быстрее, что ты мешкаешь, сейчас они придут уже! Они пока там совещаются еще, чего бы у красных взамен выторговать, так что поспеши!

Артем к этому моменту уже стоял на ногах, и рюкзак был у него за спиной. Не знал только, доставать ли оружие или все обойдется. Старик тоже засуетился, и через минуту они уже торопливо шагали по путям, причем Константин Алексеевич лично зажимал Ванечке рот

рукой, мученически морщась, а старик с беспокойством поглядывал на него, опасаясь, как бы пограничник не свернул мальчику шею.

В туннеле, ведущем к Пушкинской, станция была укреплена намного лучше. Здесь они миновали два кордона, за сто и двести метров до входа. На ближнем – бетонное укрепление, бруствер, перерезающий пути и оставляющий только узенький проход у стенки, слева за ним – телефонный аппарат и провод, тянущийся до самого Кузнецкого Моста, наверное, в штаб, ящики с боеприпасами и дрезина, патрулирующая эти сто метров. На дальнем – обычные мешки с песком, пулемет и прожектор, как с другой стороны. На обоих постах стояли дежурные, но Константин Алексеевич провел их сквозь все кордоны, вывел к границе и устало сказал:

– Пойдем, пройду с тобой пять минут. Боюсь, нельзя тебе сюда больше, Михал Порфирич, – говорил пограничник, пока они медленно шли к Пушкинской. – Они тебе еще и старых твоих грешков не простили, а ты снова-здорово. Слышал, товарищ Москвин лично интересовался? Ну да ладно, что-нибудь придумаем. Ты через Пушкинскую-то осторожно! – напутствовал он, отставая от них и растворяясь в темноте. – побыстрей проходи! У нас, видишь, боятся их! Ну, бывай!

Пока что спешить было некуда, и беглецы замедлили шаг.

– Чем это вы им так насолили? – спросил Артем, с любопытством оглядывая старика.

– Я, видите ли, просто очень их недолюбиваю, и когда война была... В общем, понимаете, мы в кружке нашем некоторые тексты составляли... А у Антона Петровича, он тогда еще на Пушкинской жил, доступ был к типографскому станку – стоял тогда на Пушкинской типографский станок, какие-то безумцы притащили из «Известий»... И вот он это печатал.

– А граница у красных безобидно выглядит: стоят два человека, и висит флаг, ни укреплений каких, ничего, не то что у Ганзы... – вдруг вспомнил Артем.

– Разумеется! С этой стороны все безобидно, потому что у них основной натиск на границу не снаружи, а изнутри, – ехидно улыбнулся Михаил Порфирьевич. – Вот там и укрепления, а здесь так, декорации.

Дальше они шли в тишине, каждый думал о своем. Артем прислушивался к своим ощущениям от туннеля. Но, странное дело, и этот, и предыдущий перегон, ведущий от Китай-Города к Кузнецкому Мосту, были какими-то пустыми, в них совсем ничего не ощущалось, их ничто не наполняло, это была просто бездушная конструкция...

Потом он мысленно вернулся к только что виденному кошмару. Подробности его уже стирались из памяти, оставалось только смутное пугающее воспоминание о детях без лица и каких-то черных громадах на фоне неба. Но вот голос...

Довести мысль до конца так и не удалось. Впереди послышался знакомый мерзкий писк и шорох коготков, потом потянуло удушливо-сладковатым запахом разлагающейся плоти, и, когда несильный свет фонаря достал наконец до того места, откуда доносились звуки, перед глазами предстала такая картина, что Артем засомневался, не лучше ли будет вернуться к красным.

У стены туннеля лицом вниз в ряд лежали три вспухших тела, и руки их, связанные за спиной проволокой, были уже сильно обгрызены крысами. Прижимая к носу рукав куртки, чтобы не чувствовать тяжелого сладковато-ядовитого духа, Артем нагнулся к телам, посветив на них. Они были раздеты до нижнего белья, и на их телах не было заметно никаких ран. Но волосы на голове каждого были склеены запекшейся кровью, особенно густой вокруг черного пятна пулевого отверстия.

– В затылок, – определил Артем, стараясь, чтобы его голос звучал спокойно, и чувствуя, что сейчас его стошнит.

Михаил Порфирьевич прикрыл рот рукой, и глаза его заблестели.

– Что делают, боже, что же они делают! – сдавленно произнес он. – Ванечка, не смотри, не смотри, иди сюда!

Но Ванечка, не проявляя ни малейшего беспокойства, уселся на корточки рядом с ближайшим трупом и принялся сосредоточенно тыкать его пальцем, оживленно мыча.

Луч скользнул выше по стене и осветил кусок грубой оберточной бумаги, наклеенной прямо над телами на уровне глаз. Сверху, украшенный изображениями орлов с распростертыми крыльями, шел набранный готическим шрифтом заголовок: *Vierter Reich*, а дальше уже значилось по-русски: «Ни одной черномазой твари ближе трехсот метров от Великого Рейха!», и был сочно пропечатан тот самый знак: «Прохода нет» – черный контур человечка в запрещающем круге.

– Сволочи, – сквозь стиснутые зубы выдавил Артем. – За то, что у них волосы другого цвета?..

Старик только сокрушенно покачал головой и потянул за шиворот Ванечку, который увлекся изучением тел и никак не хотел вставать с корточек.

– Я вижу, наш типографский станок все еще работает, – грустно заметил Михаил Порфирьевич, и они двинулись дальше.

Путники шли все медленнее и медленнее, так что только через две минуты показался намалеванный на стене красной краской силуэт орла и надпись «300 м».

– Еще триста метров, – заметил Артем, с беспокойством вслушиваясь в отголоски собачьего лая, раздающегося вдалеке.

Метров за сто до станции в лицо ударил яркий свет, и они остановились.

– Руки за голову! Стоять смирно! – загрохотал усиленный громкоговорителем голос.

Артем послушно положил обе ладони на затылок, а Михаил Порфирьевич поднял обе руки вверх.

– Я сказал, всем руки за голову! Медленно идите вперед! Не делать резких движений! – продолжал надрываться голос, и Артем никак не мог разглядеть, кто же говорит, потому что свет бил прямо в глаза и от резкой боли приходилось смотреть вниз.

Пройдя маленькими шажками еще какое-то расстояние, они опять покорно замерли на месте, и прожектор наконец отвели в сторону.

Здесь была возведена целая баррикада, на позициях стояли двое дюжих автоматчиков и еще один человек с кобурой на поясе, все в камуфляже и черных беретах, набекрень надетых на обритые головы. На руках у них красовались белые повязки – некое подобие немецкой свастики, но не с четырьмя концами, а с тремя. Чуть поодаль виднелись темные фигуры еще нескольких человек, у ног одного из них сидела нервно поскуливающая собака. Стены вокруг были изрисованы крестами, орлами, лозунгами и проклятиями в адрес всех нерусских. Последнее немного озадачило Артема, потому что часть надписей была сделана по-немецки. На видном месте, под подпаленным полотнищем с силуэтом орла и трехконечной свастикой, стоял уютно подсвеченный пластиковый знак с несчастным черным человечком, и Артему подумалось, что это, наверное, у них красный уголок.

Один из охранников сделал шаг вперед и зажег длинный, похожий на дубинку ручной фонарь, держа его в согнутой руке на уровне головы. Он не спеша обошел всех троих, пристально заглядывая в лица, очевидно, пытаясь выискать какие-то неславянские черты. Однако черты у всех них, за исключением разве что Ванечки, лицо которого несло печать его болезни, были сравнительно русские, поэтому он отвел фонарь и разочарованно пожал плечами.

– Документы! – потребовал он.

Артем с готовностью протянул свой паспорт, Михаил Порфирьевич запоздало принялся отыскивать во внутреннем кармане свой и наконец тоже достал его.

– А где у вас документы на это? – брезгливо указал старший на Ванечку.

– Понимаете, дело в том, что у мальчика... – начал было объяснять старик.

– Ма-а-алчать! Ко мне обращаться – «господин офицер»! На вопросы отвечать четко! – гаркнул на него проверяющий, и фонарь запрыгал в его ладонях.

– Господин офицер, видите ли, мальчик болен, у него нет паспорта, он еще маленький, понимаете, но, взгляните, он у меня вот здесь вписан, вот, пожалуйста... – залепетал оторопевший Михаил Порфирьевич, заискивающе глядя на офицера, пытаясь обнаружить в его глазах хоть искорку сочувствия.

Но тот стоял на месте, прямой и твердый, как скала, лицо его тоже словно окаменело, и Артем опять ощутил недавнее желание убить живого человека.

– Где фотография? – выплюнул офицер, долистав до нужной странички.

Ванечка, стоявший до того момента смирно, напряженно всматривавшийся в собачий силуэт и время от времени восторженно гугукавший, переключил свое внимание на проверяющего и, к ужасу Артема, оскалил зубы и недобро загудел. Артем вдруг так испугался за него, что забыл и свою неприязнь к этому созданию, и то, что сам пару раз с трудом подавлял желание пнуть его как следует.

Проверяющий сделал невольный шаг назад, неприязненно уставился на Ванечку и процедил:

– Уберите это. Немедленно. Или это сделаю я.

– Простите, пожалуйста, господин офицер, он не понимает, что делает, – с удивлением услышал Артем собственный голос.

Михаил Порфирьевич с признательностью глянул на него, а проверяющий, быстро проследив за его взглядом, ткнул его назад Артему и холодно сказал:

– К вам вопросов нет. Можете проходить.

Артем сделал несколько шагов вперед и замер, чувствуя, что ноги его не слушаются. Офицер, равнодушно отвернувшись от него, повторил вопрос про фотографию.

– Видите ли, дело в том, – начал было Михаил Порфирьевич и, спохватившись, добавил: – Господин офицер, дело в том, что у нас там нет фотографа, а на других станциях это стоит неимоверно дорого, у меня просто нет денег, чтобы сделать снимок...

– Раздевайтесь! – прервал его тот.

– Прошу прощения? – севшим голосом протянул Михаил Порфирьевич, и у него задрожали ноги.

Артем снял рюкзак и поставил его на пол, совершенно не думая о том, что делает. Есть такие вещи, которые не хочешь делать, даешь себе зарок не делать, запрещаешь, а потом вдруг они происходят сами собой. Их даже не успеваешь обдумать, они не затрагивают мыслительные центры: происходят – и все, и остается только удивленно наблюдать за собой и убеждать себя, что твоей вины в этом нет, просто это случилось само.

Если их сейчас разденут и поведут, как тех, к трехсотому метру, Артем достанет из рюкзака автомат, переведет переключатель на режим автоматического огня и постарается уложить как можно больше этих нелюдей в камуфляж, пока его не застрелят. Больше ничего не имело значения. Не важно было, что прошел всего день с тех пор, как он встретил Ванечку и старика. Не важно, что его убьют. Что будет с ВДНХ? Не надо думать о том, что будет потом. Есть вещи, о которых лучше просто не думать.

– Раздевайтесь! – тщательно артикулируя, повторил офицер. – Обыск!

– Но позвольте... – пролепетал Михаил Порфирьевич.

– Ма-а-алчать! – гаркнул тот. – Быстрее! – и, подкрепляя свои слова действием, потянул из кобуры пистолет.

Старик начал торопливо расстегивать пуговицы куртки, а проверяющий отвел руку с пистолетом в сторону и молча наблюдал, как тот скидывает фуфайку, неловко прыгая на одной ноге, снимает сапоги и колеблется, расстегивать ли брючный ремень.

– Быстрее! – взбешенно прошипел офицер.

– Но... Неловко... Понимаете... – начал было Михаил Порфирьевич, но проверяющий, окончательно выйдя из себя, сильно ткнул его кулаком в зубы.

Артем рванулся вперед, но сзади его тут же схватили две сильные руки, и как он ни старался выкрутиться, все было бесполезно.

Тут произошло непредвиденное. Ванечка, который ростом был чуть не в два раза ниже головореза в черном берете, вдруг ощерился и с животным рыком ринулся на обидчика. Тот никак не ожидал подобной прыти от убогого, и Ванечке удалось вцепиться ему в левую руку и даже ударить его ладонью в грудь. Однако через секунду офицер опомнился, отшвырнул Ванечку от себя, отступил назад и, вытянув руку с пистолетом вперед, спустил курок.

Быстрел, усиленный эхом пустого туннеля, ударил по барабанным перепонкам, но Артему показалось, что он все равно слышит, как тихо всхлипнул Ванечка, садясь на пол. Он еще кренился лицом вниз, держась обеими руками за живот, когда офицер носком сапога опрокинул его навзничь и с безразличным выражением на лице нажал на спусковой крючок еще раз, целясь в голову.

– Я вас предупреждал, – холодно бросил он Михаилу Порфирьевичу, который, застыв на месте, с отвалившейся челюстью смотрел на Ванечку, издавая грудные хрипящие звуки.

В этот момент у Артема все померкло перед глазами, и он ощутил в себе такую силу, что опешивший солдат, державший его сзади, чуть не упал на пол, когда он рванулся вперед. Время растянулось для Артема, и его как разхватило, чтобы схватиться за рукоять автомата и, щелкнув предохранителем, дать очередь прямо сквозь рюкзак в пятнистую грудь офицера.

Он только и успел удовлетворенно заметить, как возникает черный пунктир пулевых отверстий на зелени камуфляжа.

Глава 9. Du stirbst

– Через повешенье, – заключил комендант.

Нешадно терзая барабанные перепонки, грянули аплодисменты.

Артем с трудом приподнял голову и осмотрелся по сторонам. Открывался только один глаз, другой совсем заплыл – допрашивавшие его старались изо всех сил. Слышал он тоже не очень хорошо, звуки словно пробивались сквозь толстый слой ваты. Зубы вроде все были на месте. Хотя, с другой стороны, зачем ему теперь зубы?

Опять тот же светлый мрамор, обычный, набивший уже оскомину белый мрамор. Масивные железные люстры под потолком, когда-то, наверное, бывшие электрическими светильниками. Теперь в них торчали коптящие сальные свечи, и потолок над ними был совсем черным. Горело всего две такие люстры на всю станцию, в самом конце, где убегала навверх широкая лестница, и в том месте, где стоял Артем, в середине зала, на ступенях мостика, открывающего боковой переход на другую линию.

Частые полукруглые арки, почти совсем не видные колонны, очень много свободного места. Что же это за станция?

– Казнь состоится завтра в пять часов утра на станции Тверская, – уточнил толстяк, стоящий рядом с комендантом.

Как и его начальник, он был одет не в зеленый камуфляж, а в черный мундир с блестящими желтыми пуговицами. Черные береты были и на этих двоих, но не такие большие и не так грубо сделанные, как на солдатах в туннеле.

Очень много здесь было изображений орлов, трехконечных свастик, повсюду лозунги и изречения, тщательно, с любовью вырисованные готическими буквами. Старательно пытаюсь сфокусироваться на норовивших расплыться словах, Артем прочел: «МЕТРО – ДЛЯ РУССКИХ!», «ЧЕРНОМАЗЫХ – НА ПОВЕРХНОСТЬ!», «СМЕРТЬ КРЫСОЕДАМ!» Были и другие, более отвлеченного содержания: «ВПЕРЕД, В ПОСЛЕДНЮЮ БИТВУ ЗА ВЕЛИЧИЕ РУССКОГО ДУХА!», «ОГНЕМ И МЕЧОМ УСТАНОВИМ В МЕТРО ПОДЛИННО РУССКИЙ ПОРЯДОК!», потом еще что-то из Гитлера, на немецком, и сравнительно нейтральное «В ЗДОРОВОМ ТЕЛЕ – ЗДОРОВЫЙ ДУХ!». Особенно его впечатлила подпись, сделанная под искусным портретом мужественного воина с могучей челюстью и волевым подбородком и весьма решительного вида женщины. Они были изображены в профиль, так что мужчина немного заслонял собой боевую подругу. «КАЖДЫЙ МУЖЧИНА – ЭТО СОЛДАТ, КАЖДАЯ ЖЕНЩИНА – МАТЬ СОЛДАТА!» – гласил лозунг. Все эти надписи и рисунки почему-то занимали сейчас Артема намного больше, чем слова коменданта.

Прямо перед ним, за оцеплением, шумела толпа. Народу тут было не очень много, и все одеты как-то неброско, в основном в ватники и засаленные спецовки. Женщин почти не было заметно, и если это отражало реальность, солдаты скоро должны были кончиться. Артем опустил голову на грудь – больше держать ее прямо не хватало сил; если бы не двое плечистых конвоиров в беретах, поддерживавших его под мышки, он бы вовсе упал.

Опять накатила дурнота, голова закружилась, и иронизировать больше не получалось. Артему показалось, что его сейчас вывернет при всем народе.

Тупое безразличие к тому, что с ним происходит, пришло к Артему постепенно. Теперь у него оставался только отвлеченный интерес к окружающему, как если бы все случилось не с ним, будто он просто читал книгу. Судьба главного героя интересовала его, конечно, но, если бы он погиб, можно было бы просто взять с полки другую книжку, со счастливым концом.

А сначала его долго, аккуратно били терпеливые, сильные люди, а другие люди, умные и рассудительные, задавали ему вопросы. Комната была предусмотрительно облицована кафе-

лем тревожного желтого цвета, с него было очень легко, наверное, смывать кровь, но выветрить ее запах отсюда было невозможно.

Для начала его научили называть сухопарого мужчину с зализанными русыми волосами и тонкими чертами лица, который вел допрос, «господин комендант». Потом – не задавать вопросов, а отвечать на них. Потом – точно отвечать на поставленный вопрос, сжато и по делу. Сжато и по делу учили отдельно, и Артем никак не мог понять, как же вышло, что все зубы остались на своих местах, хотя несколько сильно шатались и во рту был постоянный привкус крови. Сначала он пытался оправдываться, но ему объяснили, что этого делать не стоит. После он пытался молчать, но и это оказалось неправильно, он скоро в этом убедился. Было очень больно. Это вообще очень странное ощущение, когда тебя бьет в голову сильный здоровый мужчина – не то что боль, а какой-то ураган, который выметает все мысли и дробит вдребезги чувства. Настоящие мучения приходят потом.

Через некоторое время Артем, наконец, понял, что надо делать. Все было просто – надо только наилучшим образом оправдывать ожидания господина коменданта. Если господин комендант спрашивал, не с Кузнецкого ли Моста Артема прислали сюда, надо было просто утвердительно кивнуть. На это уходило меньше сил, и господин комендант не морщил недовольно свой безупречно славянский нос, а его ассистенты не наносили Артему еще одного телесного повреждения. Если господин комендант предполагал, что Артема направили с целью сбора разведданных и проведения диверсий, например, организации покушений на жизнь руководства Рейха (в том числе и самого господина коменданта), надо было опять согласно кивнуть, тогда мучитель довольно потирал руки, а Артем сберегал себе второй глаз. Но нельзя было просто кивать, надо было прислушиваться к тому, что именно спрашивал господин комендант, потому что, если Артем поддакивал невпопад, настроение у того ухудшалось, и один из его помощников пробовал, например, сломать Артему ребро. Через полтора часа неспешной беседы Артем уже больше не чувствовал своего тела, плохо видел, довольно скверно слышал и почти ничего не понимал. Он несколько раз пытался потерять сознание, но его приводили в чувство ледяной водой и нашатырем. Наверное, он был очень интересным собеседником.

В итоге о нем сложилось совершенно превратное представление – в нем видели вражеского шпиона и диверсанта, явившегося, чтобы нанести Четвертому Рейху предательский удар в спину, обезглавив власть, посеять хаос и подготовить вторжение противника. Конечной целью было установление антинародного кавказско-сионистского режима на всей территории метрополитена. Хотя Артем вообще-то мало понимал в политике, такая глобальная цель показалась ему достойной, и он со-гласился и с этим. И хорошо, что согласился, может, именно поэтому все зубы и остались на своих местах. После того как последние детали заговора были выяснены, Артему все-таки позволили отключиться.

Когда он смог открыть глаз в следующий раз, комендант уже дочитывал приговор. Едва последние формальности были утрясены, а официальная дата его расставания с жизнью – анонсирована общественности, на голову и лицо подсудимому натянули черную шапку, и видимость серьезно ухудшилась. Смотреть было больше не на что, и замутило еще сильнее. Еле продержавшись минуту, Артем прекратил сопротивление, тело его скрутила судорога, и его вырвало прямо на собственные сапоги. Охрана сделала осторожный шаг назад, а общественность возмущенно зашумела. На какой-то миг Артему стало стыдно, а потом он почувствовал, как голова его куда-то уплывает, а колени безвольно подгибаются.

Сильная рука приподняла его подбородок, и он услышал знакомый голос, который звучал теперь почти в каждом его сне:

– Пойдем! Пойдем со мной, Артем! Все закончилось. Все хорошо. Вставай! – говорил он, а Артем все не мог найти в себе сил встать и даже поднять головы.

Было очень темно – наверное, мешала шапка, догадался он. Но как же ее снять, ведь руки связаны за спиной? А снять необходимо – посмотреть, тот ли это человек, или ему просто кажется.

– Шапка... – промычал Артем, надеясь, что человек сам все поймет.

Черная завеса перед глазами тут же исчезла, и Артем увидел перед собой Хантера. Он ничуть не изменился с тех пор, как Артем разговаривал с ним в последний раз, давным-давно, целую вечность назад, на ВДНХ. Но как он сюда попал? Артем тяжело повел головой и осмотрелся. Он находился на платформе той же станции, где ему зачитывали приговор. Повсюду вокруг лежали мертвые тела; только несколько свечей на одной люстре продолжали коптить. Вторая была погашена. Хантер сжимал в правой руке тот самый пистолет, который так поразил Артема в прошлый раз, показавшись гигантским из-за длинного, привинченного к стволу глушителя и внушительного лазерного прицела, «Стечкин». Охотник смотрел на Артема беспокойно и внимательно.

– С тобой все в порядке? Ты можешь идти?

– Да. Наверное, – храбрился Артем, но в этот момент его интересовало совсем другое. – Вы живы? У вас все получилось?

– Как видишь, – устало улыбнулся Хантер. – Спасибо тебе за помощь.

– Но я не справился, – мотнул головой Артем, и его жгучей волной захлестнул стыд.

– Ты сделал все, что мог, – успокаивающе потрепал его по плечу Хантер.

– А что случилось с моим домом? Что с ВДНХ?

– Все хорошо, Артем. Все уже позади. Мне удалось завалить вход, и черные больше не смогут спускаться в метро. Мы спасены. Пойдем.

– А здесь что произошло? – Артем оглядывался по сторонам, с ужасом обнаруживая, что почти весь зал завален трупами, и, кроме их с Хантером голосов, больше не слышно ни одного звука.

– Не имеет значения, – Хантер твердо посмотрел ему в глаза. – Ты не должен об этом беспокоиться. – Нагнувшись, он поднял с пола свой баул, в котором лежал чуть дымящийся армейский ручной пулемет. Лент с патронами почти не оставалось.

Охотник двинулся вперед, и Артему оставалось только догонять. Оглядываясь по сторонам, он увидел кое-что, чего раньше не замечал. С мостика, на котором он стоял, когда зачитывали приговор, свисали над путями несколько темных фигур.

Хантер молчал, широко вышагивая, словно забыв о том, что Артем еле передвигается. Как тот ни старался, расстояние между ними все увеличивалось, и Артем испугался, что Охотник так и уйдет, бросив его на этой страшной станции, весь пол которой залит скользкой, теплой еще кровью, а население состоит из одних мертвецов. «Неужели я того стою, – думал Артем, – неужели моя жизнь весит столько же, сколько все их жизни, вместе взятые?» Нет, он был рад спасению. Но все эти люди, сваленные сейчас беспорядочно, как мешки с тряпьем, на гранит платформы, друг на друга, на рельсы, оставленные навечно в той позе, в которой нашли их пули Хантера, – они умерли, чтобы он мог жить? Хантер с такой легкостью совершил этот обмен, как жертвуют в шахматах несколько мелких фигур, чтобы сберечь крупную... Он ведь просто игрок, а метро – это его шахматная доска, и все фигуры – его, потому что он играет сам с собой. Но вот вопрос: такая ли крупная, важная фигура Артем, чтобы ради него умертвить столько? Отныне эта вытекшая на холодный гранит кровь, наверное, будет пульсировать в его жилах – он словно выпил ее, отнял у других, чтобы продолжить свое существование. Теперь ему больше никогда не удастся согреться...

Артем через силу побежал вперед, чтобы нагнать Хантера и спросить, сможет ли он еще когда-нибудь согреться или у любого, самого жаркого костра ему будет так же холодно и тоскливо, как в зимнюю студеную ночь на заброшенном полустанке.

Но Хантер был все так же далеко впереди, и, может, потому Артему не удавалось догнать его, что тот опустился на четвереньки и мчался по туннелю с проворством какого-то животного. Его движения казались Артему неприятно похожими на движения... собаки? Нет, крысы... Боже...

– Вы – крыса? – вырвалась у Артема страшная догадка, и он сам испугался того, что сказал.

– Нет, – донеслось в ответ. – Это ты крыса. Ты – крыса! Трусливая крыса!

– Трусливая крыса! – презрительно повторил кто-то чуть не над самым ухом и смачно харкнул.

Артем потряс головой и тут же пожалел о том, что это сделал. До этого нывшая тупой болью, от резкого движения она просто взорвалась. Потеряв контроль над своим телом, он начал заваливаться вперед, пока не уперся саднящим лбом в прохладное железо. Поверхность была ребристой и неприятно давила на кость, но остужала воспаленную плоть, и Артем замер в этой позе на некоторое время, не в силах решиться ни на что более. Отдышавшись, он осторожно попробовал приоткрыть левый глаз.

Он сидел на полу, уткнувшись лбом в решетку, уходящую вверх до потолка и забирающую с обеих сторон пространство низкой и тесной арки. Спереди открывался вид на зал, сзади проходили пути. Все ближайшие арки напротив, как, видимо, и с его стороны, были превращены в такие же клетки, и в каждой из них сидело по несколько человек. Эта станция была полной противоположностью той, где его приговорили к смерти. Та, не лишенная изыска, легкая, воздушная, просторная, с прозрачными колоннами, широкими и высокими закругляющимися арками, несмотря на мрачное освещение и покрывающие ее надписи и рисунки, казалась по сравнению с этой просто банкетным залом. Здесь же все подавляло и пугало – и низкий, круглый, как в туннеле, потолок, едва ли в два человеческих роста высотой, и массивные, грубые колонны, каждая из которых была много шире, чем арки, прорубленные между ними. Они к тому же еще выступали вперед, и в выдающуюся часть были вделаны решетки из сваренных толстых арматурных прутьев. Потолок арок жался к земле, так что до него без труда можно было бы достать руками, если бы они не были скручены за спиной проволокой. В ничтожном закутке, отсеченном решеткой от зала, кроме Артема, находились еще двое. Один лежал на полу, уткнувшись лицом в груды тряпья, и коротко, глухо стонал. Другой, черноглазый и давно не бритый брюнет, сидел на корточках, прислонившись спиной к мраморной стене, и с живым любопытством рассматривал Артема. Вдоль клеток прогуливались двое крепких молодцов в камуфляже и неизменных беретах, один из которых держал на намотанном на руку поводке крупную собаку, время от времени осаживая ее. Они-то, надо думать, Артема и разбудили.

Это был сон. Это был сон. Это все приснилось.

Его повесят.

– Сколько времени? – с трудом ворочая разбухшим языком, выговорил он, косясь на черноглазого.

– Палавына дэсятаго, – охотно ответил тот, выговаривая слова все с тем же странным акцентом, который Артему приходилось слышать на Китай-Городе: вместо «о» – «а», вместо «и» – «ы», не «е», а скорее «э». И уточнил: – Вечера.

Половина десятого. Два с половиной часа до двенадцати – и еще пять до... до процедуры. Семь с половиной часов. Нет, пока думал, пока считал, времени осталось еще меньше.

Раньше Артем все пытался себе представить: что же должен чувствовать, о чем должен думать человек, приговоренный к смерти, за ночь до казни? Страх? Ненависть к палачам? Раскаяние?..

Внутри него была только пустота. Сердце тяжело бухало в груди, в висках стучало, во рту медленно скапливалась кровь, пока он ее не проглатывал. Кровь была запаха мокрого, ржавого железа. Или это влажное железо имело запах свежей крови?

Его повесят. Его убьют.

Его больше не будет.

Осознать это, представить это себе никак не получалось.

Всем и каждому понятно, что смерть неизбежна. В метро смерть была повседневностью. Но всегда кажется, что с тобой не случится никакого несчастного случая, пули пролетят мимо, болезнь обойдет стороной. А смерть от старости – это так нескоро, что можно даже не думать об этом. Нельзя жить в постоянном сознании своей смертности. Об этом надо забыть, и если такие мысли все же приходят, надо их гнать, надо душить их, иначе они могут пустить корни в сознании и разрастись, и их ядовитые споры отравят существование тому, кто им поддастся. Нельзя думать о том, что и ты умрешь. Иначе можно сойти с ума. Только одно спасает человека от безумия – неизвестность. Жизнь приговоренного к смерти, которого казнят через год и он знает об этом, жизнь смертельно больного, которому врачи сказали, сколько ему осталось, отличаются от жизни обычного человека только одним: первые точно или приблизительно знают, когда умрут, обычный же человек пребывает в неведении, и поэтому ему кажется, что он может жить вечно, хотя не исключено, что на следующий день он погибнет в катастрофе. Страшна не сама смерть. Страшно ее ожидание.

Через семь часов.

Как это сделают? Артем не очень хорошо представлял себе, как вешают людей. У них на станции был однажды расстрел предателя, но Артем был еще маленький и мало что смыслил, да и потом, на ВДНХ из казни не стали бы делать публичного представления. Накинут, наверное, веревку на шею... и либо подтянут к потолку... либо на табурет какой-нибудь... Нет, об этом не надо думать.

Хотелось пить.

С трудом он переключил заржавевшую стрелку, и вагонетка его мысли покатила по другим рельсам – к застреленному им офицеру. К первому человеку, которого он убил. Перед глазами снова возникла картина того, как невидимые пули впиваются в широкую грудь, перетянутую португеей, и каждая оставляет после себя прожженную черную отметину, тут же набухающую свежей кровью. Он не ощущал ни малейшего сожаления о сделанном, и это удивило его. Когда-то он считал, что каждый убитый будет тяжким грузом висеть на совести убившего, являться ему во снах, тревожить его старость, притягивать, словно магнит, все его мысли. Нет. Оказалось, что это совсем не так. Никакой жалости. Никакого раскаяния. Только мрачное удовлетворение. И Артем понял, что, если убитый привидится ему в кошмаре, он просто равнодушно отвернется от призрака, и тот бесследно исчезнет. А старость... Старости теперь не будет.

Еще меньше времени осталось. Наверное, все-таки на табурет. Когда остается так мало времени, надо ведь думать о чем-то важном, о самом главном, о чем раньше никогда не удосуживался, все откладывал на потом... О том, что жизнь прожита неправильно и, будь она дана еще раз, все сделал бы по-другому... Нет. Никакой другой жизни у него в этом мире быть не могло, и нечего тут было переделывать. Разве только тогда, когда этот делал контрольный выстрел в Ванечкину голову, не бросаться к автомату, а отойти в сторону? Но не получилось бы, и уж Ванечку и Михаила Порфирьевича ему точно никогда не удалось бы прогнать из своих снов. Что стало со стариком? Черт, хоть бы глоток воды!..

Сначала выведут из камеры... Если повезет, поведут через переход, это еще немного времени. Если не наденут опять на глаза проклятую шапку, он увидит еще что-нибудь, кроме прутьев решетки и бесконечного ряда клеток.

– Какая станция? – разлепил ссохшиеся губы Артем, отрываясь от решетки и поднимая глаза на соседа.

– Твэрская, – отозвался тот и поинтересовался: – Слушай, брат, а за что тэбя сюда?

– Убил офицера, – медленно ответил Артем. Говорить было трудно.

– Э-э-э... – сочувственно протянул небритый. – Тэпер вэшат будут?

Артем пожал плечами, отвернулся и опять прислонился к решетке.

– Точно будут, – заверил его сосед.

Будут. Скоро уже. Прямо на этой станции, никуда не поведут.

Попить бы... Смыть этот ржавый привкус во рту, смочить пересохшую гортань, тогда, может, и смог бы он разговаривать дольше, чем минуту. В клетке воды не было, в другом конце стояло только зловонное жестяное ведро. Попросить у тюремщиков? Может, приговоренным делают маленькие поблажки? Если бы можно было высунуть за решетку руку, махнуть ею... Но руки были связаны за спиной, проволока врезалась в запястье, кисти распухли и потеряли чувствительность. Он попробовал крикнуть, но вышел только хрип, переходящий в раздрающий легкие кашель.

Оба охранника приблизились к клетке, как только заметили его попытки привлечь внимание.

– Крыса проснулась, – осклабился тот, что держал на поводке собаку.

Артем запрокинул голову назад, чтобы видеть его лицо, и натужно просипел:

– Пить. Воды.

– Пить? – делано удивился собачник. – Это еще зачем? Да тебя вздернут вот-вот, а ты – пить! Нет, воду на тебя мы переводить не станем. Может, раньше подохнешь.

Ответ был исчерпывающим, и Артем устало прикрыл глаза, но тюремщики, видимо, хотели с ним еще поболтать о том о сем.

– Что, падла, понял теперь, на кого руку поднял? – спросил второй. – А еще русский, крыса! Из-за таких вот подонков, которые своим же нож в спину засадить норовят, эти вот, – он кивнул на отодвинувшегося в глубь клетки соседа, – скоро все метро заполонят и простому русскому человеку дышать не дадут.

Небритый потупился. Артем нашел в себе силы только пожать плечами.

– А ублюдка этого твоего славно шлепнули, – вступил первый охранник. – Сидоров рассказывал, полтуннеля в кровище. И правильно. Недочеловек! Таких тоже нужно уничтожать. Они нам... генофонд! – вспомнил он трудное слово. – Портят. И старикашка ваш тоже сдох, – заключил он.

– Как?... – всхлипнул Артем. Боялся он этого, боялся, но надеялся: вдруг не умер, не убили, вдруг он где-то тут, в соседней камере...

– А так. Сам подох. Его и поутюжили-то совсем чуток, а он возьми да и отбрось копыта, – охотно пояснил собачник, довольный тем, что Артема, наконец, задело за живое.

«Ты умрешь. Умрут все близкие твои...» Он снова увидел, как Михаил Порфирьевич, обо всем на свете позабыв, остановившись посреди темного туннеля, листает свой блокнот, а потом взволнованно повторяет последнюю строчку. Как там было? «Дер тотен татенрум»? Нет, ошибся поэт, славы деяний тоже не останется. Ничего не останется.

Потом вспомнилось почему-то, как Михаил Порфирьевич тосковал по своей квартире, особенно по кровати. Потом мысли, загустевая, потекли все медленней и под конец совсем остановились. Он снова уперся лбом в решетку и тупо рассматривал повязку на рукаве тюремщика. Трехконечная свастика. Странный символ. Похожий то ли на звезду, то ли на искалеченного паука.

– Почему три конца? – спросил он. – Почему три?

Пришлось еще кивнуть головой, указывая на повязку, пока охранники поняли, что он имеет в виду, и сообразовали объяснить.

– А сколько тебе надо? – возмутился тот, что с собакой. – Сколько станций, столько и концов, идиот! Символ единства. Погоди, до Полиса доберемся, четвертый добавим...

– Да какие станции! – вмешался второй. – Это ж древний, исконно славянский знак! Называется солнцеворот. Это уже фрицы потом у нас переняли. Станции, дурья башка!

– Но солнца ведь больше нет... – выдавил Артем, чувствуя, как перед глазами снова встает мутная пелена, смысл услышанного ускользает и он проваливается во мглу.

– Все, крыша съехала, – удовлетворенно определил собачник. – Пойдем, Сень, еще с кем-нибудь покалякаем.

Артем не знал, сколько времени прошло, пока он находился в забытии, лишенном мыслей и видений, лишь изредка позволявшем проскользнуть в сознании каким-то смутным образом, напитанным вкусом и запахом крови, иссушенным и иссушающим. Как бы то ни было, он был рад, что тело его сжалось над рассудком, убило все мысли и тем самым освободило разум от самопожирания и тоски.

– Э, братишка! – тряс его за плечо сосед по камере. – Нэ спи, уже долго спишь! Уже четыре часа почти!

Артем трудно, словно к ногам была привязана чугунная гирия, пытался всплыть на поверхность из бездны, в которую погрузилось его сознание. Реальность возвращалась не сразу, она медленно вырисовывалась, как проступают нечеткие очертания на пленке, опущенной в раствор для проявки.

– Сколько? – прохрипел он.

– Чэтыре часа бэз дэсяти, – повторил черноглазый.

Без десяти четыре... Наверное, минут через сорок за ним уже придут. И через час десять минут... Час и десять минут. Час и девять минут. Час и восемь. И семь.

– Тэбя как зват? – спросил сосед.

– Артем.

– А мэня – Руслан. Моего брат Ахмед звали, его сразу расстреляли. А со мной нэ знают, что дэлат. Имя – русское, ошибиться нэ хотят, – черноглазый был рад, что наконец удалось завязать разговор.

– Откуда ты?

Артему не было это интересно, но болтовня небритого соседа помогала ему заполнять голову, не надо было ни о чем думать. Не надо было думать о ВДНХ. Не надо было думать о миссии, которую ему поручили. Не надо думать о том, что произойдет с метро. Не надо. Не надо!

– Я сам с Киевской, знаэш, где это? Ми называем – солнечная Киевская... – белозубо улыбнулся Руслан. – Там много наших, всэ почти... У меня там жена осталась, дэти – трое. У старшэго шэст пальцев на руках! – гордо добавил он.

...Пить. Не стакан, хотя бы глоток. Пусть теплой, он был согласен и на теплую. Пусть нефильтрованную. Любую. Глоток. И забыться опять, пока за ним не придут конвоиры. Чтобы опять стало пусто и ничто не тревожило. Чтобы не крутилась, не зудела, не звенела мысль, что он ошибся. Что он не имел права. Что он должен был уйти. Отвернуться. Заткнуть уши. Идти дальше. Перебраться с Пушкинской на Чеховскую. И оттуда – один перегон. Так просто. Всего один перегон, и все сделано, задание выполнено. Он жив.

Пить. Руки так затекли, что он их совсем не чувствовал.

Насколько проще умирать тем, кто во что-нибудь верит! Тем, кто убежден, что смерть – это не конец всему. Тем, в чьих глазах мир четко разделяется на белое и черное, кто точно знает, что надо делать и почему, кто несет в руке факел идеи, веры, и в его свете все выглядит просто и понятно. Тем, кто ни в чем не сомневается, ни в чем не раскаивается. Такие умирают легко. Они умирают с улыбкой.

– Раншэ фрукты вот такие были! А какие цветы красивые! Я дэвушкам дарил бэсплатно, а они мне улыбались, – доносилось до него, но эти слова больше не могли отвлечь.

Из глубины зала послышались шаги, шли несколько человек, и сердце у Артема сжалось, превратилось в маленький, беспокойно стучащий комок. За ним? Как скоро! Он думал, сорок

минут будут тянуться дольше... Или обманул чертов сосед, со зла сказал, что больше времени остается, хотел надежду дать? Нет, это уж...

Прямо перед его глазами остановились три пары сапог. Двое в пятнистых военных штанах, один в черном. Заскрежетал замок, и Артем еле удержался, чтобы не упасть вперед вслед за отошедшей решеткой.

– Поднимите его, – раздался дребезжащий голос.

Его тут же подхватили под мышки, и он взмыл к самому потолку.

– Нэ пуха нэ пера! – пожелал ему напоследок Руслан.

Два автоматчика, не те, что разговаривали с ним, другие, но такие же безликие, и третий – затянутый в черную форму и в маленьком берете, с жесткими усиками и водянистыми голубыми глазами.

– За мной, – приказал старший, и Артема поволокли к противоположному концу платформы.

Он пытался идти сам, не хотелось, чтобы его тащили, словно безвольную куклу... если уж расставаться с жизнью, так достойно. Но ноги не слушались его, подгибались, он только и мог, что неуклюже загребать ими по полу, тормозя движение, и усатый в черной униформе строго посмотрел на него.

Клетки тянулись не до самого конца зала. Их ряд обрывался чуть дальше середины, где вниз уходили ленты эскалаторов. Там, в глубине, горели факелы, по потолку гуляли зловещие багровые отсветы. Снизу долетали крики, полные боли. У Артема промелькнула мысль о преисподней, и он даже почувствовал облегчение, когда его провели мимо. Из последней камеры кто-то незнакомый крикнул ему: «Прощай, товарищ!», но он не обратил внимания. Перед глазами маячил стакан воды.

У противоположной стены находилась вахта, стоял грубо сколоченный стол с двумя стульями и висел подсвеченный знак, запрещающий черных. Виселицы нигде не было заметно, и у Артема на секунду мелькнула безумная надежда, что его просто хотели припугнуть: на самом деле его ведут не вешать, а подведут сейчас к краю станции, чтобы другим заключенным не было видно, и отпустят.

Усатый, шедший впереди, свернул в последнюю арку, к путям, и Артем поверил в свою спасительную фантазию еще крепче...

На рельсах стояла небольшая дощатая платформа на колесах, устроенная таким образом, что пол ее находился вровень с полом станции. На ней, проверяя скольжение петли, свисавшей с ввинченного в потолок крюка, стоял кряжистый человек в пятнистой форме. От остальных его отличали только засученные рукава, обнажавшие короткие мощные предплечья, и вязаная шапочка с прорезями для глаз, натянутая на голову.

– Все готово? – продребезжал черный мундир, и палач кивнул ему.

– Не люблю я эту конструкцию, – сообщил он черному. – Почему нельзя было старой доброй табуреточкой? Там – р-раз! – он стукнул себя кулаком по ладони. – Позвоночки хрусь! – и клиент готов. А эта штука... Пока он задохнется, сколько еще кочевряжиться будет, как червяк на крючке. А потом, когда они задышались, это ж сколько убирать за ними! Там ведь и кишечник сдает, и...

– Прекратить! – оборвал его черный, отвел в сторону и яростно что-то зашипел.

Как только начальник отошел, солдаты немедленно вернулись к прерванному разговору:

– Ну, и че? – нетерпеливо спросил левый.

– Ну, дык вот, – громко зашептал правый, – прижал я ее к колонне, запустил руку под юбку, ну, она так и обмякла и говорит мне... – но не успел досказать, потому что усатый вернулся.

– ...Несмотря на то, что русский, посягнул!.. Предатель, отступник, вырожденец, а предатели должны мучительно!.. – внушал он напоследок палачу.

Развязав онемевшие руки, с Артема сняли куртку и свитер, так что он остался в одной грязной майке. Потом сорвали с шеи гильзу, данную ему Хантером.

– Талисман? – поинтересовался палач. – Я тебе его в карман положу, может, еще пригодится.

Голос у него был совсем не злой и рокотал как-то успокаивающе.

Потом руки опять стянули сзади, и Артема протолкнули на эшафот. Солдаты остались на платформе, они были не нужны, он не смог бы убежать, все силы уходили на то, чтобы устоять на ногах, пока палач надевал ему на шею и прилаживал петлю. Устоять, не упасть, молчать. Пить. Вот все, что занимало сейчас его мысли. Воды. Воды!

– Воды... – прохрипел он.

– Воды? – огорченно всплеснул руками палач. – Да где ж я тебе сейчас воды достану? Нельзя, голубчик, мы с тобой и так уже от графика отстаем, ты уж потерпи немножко...

Он грузно спрыгнул на пути и, поплевав на руки, взялся за веревку, привязанную к эшафоту. Солдаты вытянулись во фронт, а их командир принял значительный и даже несколько торжественный вид.

– Как вражеского шпиона, гнусно предавшего свой народ, отступившего... – начал черный.

У Артема в голове бешено завертелся хоровод обрывочных мыслей и образов, подождите, еще рано, я еще не успел, мне надо, потом встало перед глазами суровое лицо Хантера и расплывилось тут же в багровом полумраке станции, глянули ласково глаза Сухого и погасли. Михаил Порфирьевич... «Ты умрешь»... черные... они же не должны... Постойте! И надо всем этим, перебивая воспоминания, слова, желания, окутывая их душным густым маревом, висела жажда. Пить...

– ...выродка, порочащего свою нацию... – все бубнил голос.

Из туннеля внезапно раздались крики и грянула пулеметная очередь, потом донесся громкий хлопок, и все стихло. Солдаты ухватились за автоматы, черный беспокойно завертелся и поспешно подытожил:

– К смертной казни. Давай! – и махнул рукой.

Палач крикнул и потянул за веревку, упираясь ногами в шпалы. Доски поехали у Артема под ногами, он еще попытался перебирать ими так, чтобы оставаться на эшафоте, но тот отодвигался все дальше, удерживаться было все труднее, веревка врезалась в шею и тащила его назад, к смерти, а он не хотел, он так не хотел.... А потом пол выскользнул из-под него, и он всем своим весом затянул петлю. Она сдавила, пережала дыхательные пути, из горла вырвался булькающий хрип, зрение сразу утратило резкость, внутри у Артема все скрутило, каждая клеточка тела молила о глотке воздуха, но вдохнуть было никак нельзя, и тело начало извиваться, бессмысленно, судорожно, а внизу живота возникла противная щекочущая слабость.

В этот момент станцию внезапно заволокло ядовитым желтым дымом, выстрелы загрохотали совсем рядом, и тут его сознание погасло.

– Эй, висельник! Давай-давай, нечего притворяться! Пульс у тебя прощупывается, так что не симулировать! – и ему хорошенько вмазали по щеке, приводя в чувство.

– Я отказываюсь делать ему искусственное дыхание еще раз! – сказал другой.

На этот раз Артем был абсолютно уверен, что это сон, может, секундное забытие перед концом. Смерть была так близко, и ее железная хватка на горле ощущалась все так же несомненно, как и в тот момент, когда ноги его потеряли опору и повисли над рельсами.

– Хватит жмуриться, успеешь еще! – настаивал первый голос. – На этот раз достали тебя из петли, так наслаждался бы жизнью, а он мордой в пол валяется!

Сильно трясло. Артем робко открыл глаз и тут же закрыл, решив, что все-таки, наверное, пришлось преждевременно скончаться и загробная жизнь уже началась. Над ним склонилось существо, несколько похожее на человека, но такое необычное, что впору было припом-

нить выкладки Хана насчет того, куда попадает душа, отделившись от брэнного тела. Кожа у существа была матово-желтого оттенка, что было заметно даже в свете фонаря, а вместо глаз были узкие щелки, словно скульптор резал по дереву и закончил почти все лицо, а глаза только наметил и забыл снять потом стружку, чтобы они распахнулись и посмотрели на мир. Лицо было круглое, скуластое, Артему такого еще никогда видеть не приходилось.

– Нет, так дело не пойдет, – решительно заявили сверху, и в лицо ему брызнула вода.

Артем судорожно сглотнул и, потянувшись, ухватился за руки с бутылкой. Сначала он надолго прильнул к горлышку и только после этого приподнялся и осмотрелся по сторонам.

Он с головокружительной скоростью неся по темному туннелю, лежа на довольно длинной, не меньше двух метров, дрезине. В воздухе витал легкий аромат гари, и Артем удивленно подумал, уж не на бензиновой ли она тяге. Кроме него, на дрезине были еще четыре человека и большая, бурая, с черными подпалинами собака. Один из четверых был тот, что бил Артема по щекам, другой оказался бородатым мужиком в шапке-ушанке с нашитой красной звездой и в ватнике. За спиной у него болтался длинный автомат, вроде той «мотыги», что была у Артема раньше, только под стволом был еще привинчен штык-нож. Третий – здоровенный детина, лица которого Артем сначала не разглядел, а потом чуть не выпрыгнул со страху на пути: кожа у того была очень темная, и только приглядевшись, он немного успокоился: это был не черный, оттенок кожи совсем не тот, да и лицо – нормальное, человеческое, только вывернуты немного губы да сплюснен, как у боксера, нос. Последний из них обладал сравнительно обычной наружностью, но красивым мужественным лицом и волевым подбородком чем-то напомнил Артему плакат на Пушкинской. Он был одет в шикарную кожанку, перехваченную широким ремнем с двойным рядом дырочек и офицерской португеей, а с пояса свисала внушительных размеров кобура. На корме поблескивал пулемет Дегтярева и лихо развевался красный флаг. Когда на него случайно упал луч фонаря, стало видно, что это – не совсем знамя, вернее, вовсе никакое не знамя, а оборванный по краям лоскут с изображением черно-красного бородатого лица. Все вместе это было намного больше похоже на причудливый бред, чем привидевшееся Артему до этого чудесное спасение с Хантером, безжалостно вырезавшим всю Пушкинскую.

– Очнулся! – радостно воскликнул узкоглазый. – Ну, висельник, отвечай, за что тебя?

Он говорил совершенно без акцента, его произношение ничем не отличалось от выговора Артема или Сухого. Это было очень странно – слышать чистую русскую речь от такого необычного создания. Артем не мог отделаться от ощущения, что это какой-то фарс и узкоглазый просто открывает рот, а говорит за него бородатый мужик или мужчина в кожанке.

– Офицера их... застрелил, – нехотя признался он.

– Вот это ты молодец! Это по-нашенски! Так их! – восторженно одобрил скуластый, и здоровый темнокожий парень, сидевший впереди, обернулся на Артема и уважительно приподнял брови. Артему подумалось, что уж этот-то точно коверкает слова.

– Значит, мы не зря устроили такой бардак, – широко улыбнулся он и тоже безупречно произнес, так что Артем вконец запутался и не знал уже, что думать.

– Как звать-то, герой? – глянул на него кожаный красавец, и Артем представился.

– Я – товарищ Русаков. Это вот – товарищ Банзай, – указал кожаный на узкоглазого. – Это товарищ Максим, – темнокожий опять осклабился, – а это товарищ Федор.

До собаки дело дошло в последнюю очередь. Артем ничуть не удивился бы, если бы ее тоже представили «товарищем». Но собака звалась просто Карацупа. Артем по очереди пожал сильную сухую руку товарища Русакова, узкую крепкую ладонь товарища Банзая, черную лопату товарища Максима и мясистую кисть товарища Федора, честно стараясь запомнить все эти имена, особенно труднопроизносимое Карацупа. Впрочем, вскоре выяснилось, что называли они все друг друга не совсем так. К главному обращались «товарищ комиссар», темнокожего называли через раз то Максимкой, то Лумумбой, узкоглазого просто – Банзаем, а бородатого в ушанке – дядей Федором.

– Добро пожаловать в Первую интернациональную красную боевую имени товарища Эрнесто Че Гевары бригаду Московского метрополитена! – торжественно заключил товарищ Русаков.

Артем поблагодарил его и примолк, озираясь по сторонам. Название было очень длинным, конец его вообще слился во что-то невнятное – красный цвет на Артема с некоторых пор действовал как на быка, а слово «бригада» вызывало неприятные ассоциации с Женькиными рассказами о бандитском беспределе где-то на Шаболовской. Больше всего его интриговала физиономия на трепещущем на ветру полотне, и он застенчиво поинтересовался:

– А это кто у вас на флаге? – в самый последний момент чуть не ляпнув «на тряпочке».

– А это, брат, и есть Че Гевара, – объяснил ему Банзай.

– Какая чегевара? – не понял Артем, но по налившимся кровью глазам товарища Русакова и издевательской усмешке Максимки сообразил, что сглупил.

– Товарищ. Эрнесто. Че. Гевара, – раздельно отчеканил комиссар. – Великий. Кубинский. Революционер.

Сейчас все прозвучало намного разборчивей, и хотя понятнее не стало, Артем предпочел восторженно округлить глаза и промолчать. В конце концов, эти люди спасли ему жизнь, и злить их сейчас своей безграмотностью было бы невежливо.

Ребра туннельных спаек мелькали фантастически быстро, за время разговора они уже успели промчаться мимо одной полупустой станции и остановились в полутьме туннеля позади нее. Тут в сторону уходил тупиковый отросток.

– Посмотрим, решится ли фашистская гадина нас преследовать, – произнес товарищ Русаков.

Теперь надо было перешептываться очень тихо, потому что товарищ Русаков и Карацупа внимательно прислушивались к звукам, доносящимся из глубины.

– Почему вы это сделали?.. Меня... отбили? – пытаюсь подобрать правильное слово, спросил Артем.

– Плановая вылазка. Поступила информация, – загадочно улыбаясь, объяснил Банзай.

– Обо мне? – с надеждой спросил Артем, которому после слов Хана о его особой миссии хотелось верить в собственную исключительность.

– Нет, вообще, – Банзай сделал рукой неопределенный жест, – что планируются зверства. Товарищ комиссар решил: предотвратить. Кроме того, у нас задача такая – трепать этих сволочей постоянно.

– У них с этой стороны заграждений нет, даже фонаря сильного, только заставы простые с кострами, – добавил Максимка. – Ну, мы прямо по ним и проехали. Жалко, пришлось пулемет использовать. А потом – пашку дымовую, сами в противогазы, тебя сняли вот, эсэсовца этого доморощенного – революционным трибуналом, и обратно.

Дядя Федор, молчавший и покуривавший из кулака какую-то дрянь, от дыма которой начинали слезиться глаза, вдруг проникся:

– Да, малой, хорошо они тебя оприходовали. Хочешь спиртяшки? – и, достав из стоявшего на полу железного ящика полупустую бутылку с мутной жижей, взболтал ее и протянул Артему.

Тому понадобилось немало храбрости, чтобы сделать глоток. Внутри словно прошлись наждаком, но тиски, в которых он был зажат последние сутки, немного ослабли.

– Так вы... красные? – осторожно спросил он.

– Мы, брат, коммунисты! Революционеры! – сказал гордо Банзай.

– С Красной Линии? – гнул свое Артем.

– Нет, сами по себе, – как-то неуверенно ответил тот и поспешил добавить: – Это тебе товарищ комиссар объяснит, он у нас по части идеологии.

Товарищ Русаков, вернувшийся спустя некоторое время, сообщил:

– Все тихо. – Его красивое мужественное лицо излучало спокойствие. – Можем устроить привал.

Костер развести было не из чего. Маленький чайник повесили над спиртовкой, поровну разделили кусок холодного свиного окорока. Питались революционеры подозрительно хорошо.

– Нет, товарищ Артем, мы не с Красной Линии, – твердо заявил товарищ Русаков, когда Банзай передал ему Артемов вопрос. – Товарищ Москвин занял сталинскую позицию, отказавшись от всеметрополитенной революции, официально открестившись от Интерстанционала и прекратив поддерживать революционную деятельность. Он ренегат и соглашатель. Мы же с товарищами придерживаемся скорее троцкистской линии. Можно еще провести параллель с Кастро и Че Геварой. Поэтому он на нашем боевом знамени, – и он широким жестом указал на уныло повисший лоскут. – Мы остались верны революционной идее, в отличие от коллаборациониста товарища Москвина. Мы с товарищами осуждаем его линию.

– Ага, а кто тебе горячее дает? – некстати ввернул дядя Федор, попыхивая самокруткой.

Товарищ Русаков вспыхнул и уничтожающе посмотрел на дядю Федора. Тот только ехидно хмыкнул и затянулся поглубже.

Артем мало что понял из объяснения комиссара, кроме главного: с теми красными, что намеревались намотать кишки Михаила Порфирьевича на палку и заодно расстрелять его самого, эти имели мало общего. Это его успокоило и, желая произвести хорошее впечатление, он блеснул:

– Сталин – это тот, что в Мавзолее, да?

На этот раз он точно переборщил. Гневная судорога исказила красивое мужественное лицо товарища Русакова, Банзай вовсе отвернулся, и даже дядя Федор нахмурился.

– Нет, нет, это же Ленин в Мавзолее! – поспешил поправиться Артем.

Суровые морщины на высоком лбу товарища Русакова разгладились, и он только сказал строго:

– Над вами еще работать и работать, товарищ Артем!

Артему очень не хотелось, чтобы товарищ Русаков над ним работал, но он сдержался и ничего не ответил. В политике он действительно смыслил не много, но она начинала его интересовать, поэтому, подождав, пока буря минует, он отважился:

– А почему вы против фашистов? То есть я тоже против, но вы же революционеры, и...

– А это им, гадам, за Испанию, Эрнста Тельмана и Вторую мировую! – свирепо сжав зубы, процедил товарищ Русаков, и хотя Артем опять ничего не понял, еще раз показывать свое невежество он остерегся.

Разлили по кружкам кипятков, и все оживились. Банзай принялся изводить бородатого какими-то дурацкими расспросами, явно чтобы позлить, а Максимка, подсев поближе к товарищу Русакову, негромко спросил у него:

– А вот скажите, товарищ комиссар, что марксизм-ленинизм говорит о безголовых мутантах? Меня это давно уже беспокоит. Я хочу быть идеологически крепок, а тут у меня пробел выходит, – его ослепительно-белые зубы блеснули в виноватой улыбке.

– Понимаешь, товарищ Максим, – не сразу ответил комиссар, – это, брат, дело не простое, – и крепко задумался.

Артему тоже было интересно, что мутанты собой представляют с политической точки зрения, да и вообще, существуют ли они на самом деле. Но товарищ Русаков молчал, и мысли Артема соскользнули обратно на ту колею, из которой не могли выбраться все последние дни. Ему надо в Полис. Чудом ему удалось спастись, ему дали еще один шанс, и, может, этот был последним. Все тело болело, дышалось тяжело, слишком глубокие вдохи срывались в кашель, а один глаз по-прежнему никак не получалось открыть. Так хотелось сейчас остаться с этими людьми! С ними он чувствовал себя намного спокойней и уверенней, и сгустившаяся вокруг тьма незнакомого туннеля совсем не угнетала – о ней просто не было времени и желания

думать. Шорохи и скрипы, летевшие из черных недр, больше не пугали, не настораживали, и он мечтал, чтобы эта передышка длилась вечно: так сладко было переживать заново свое спасение. Хотя смерть лязгнула железными зубами над самым ухом, не дотянувшись до Артема лишь чуть-чуть, липкий, мешающий думать, парализующий тело страх, овладевший им перед экзекуцией, уже испарился, улетучился, не оставив и следа, и последние остатки его, затаявшиеся под сердцем и в животе, были выжжены адским самогоном бородатого товарища Федора. А сам Федор, и бесшабашный Банзай, и серьезный кожаный комиссар, и огромный Максим-Лумумба – с ними было так легко, как не было ему уже с тех пор, как вышел он сто лет назад с ВДНХ. У него не осталось больше ничего из прежнего его имущества. Чудесный новенький автомат, почти пять рожков патронов, паспорт, еда, чай, два фонаря – все пропало. Все осталось у фашистов. Только куртка, штаны да закрученная гильза в кармане, палач положил: «Может, еще пригодится». Как теперь быть? Остаться бы здесь, с бойцами Интернациональной, пусть даже красной, бригады имени... имени... неважно. Жить их жизнью и забыть свою...

Нет. Нельзя. Нельзя останавливаться ни на минуту, нельзя отдыхать. У него нет права. Это больше не его жизнь, его судьба принадлежит другим с тех самых пор, как он согласился на предложение Хантера. Сейчас уже поздно. Надо идти. Другого выхода нет.

Он долго сидел молча, стараясь не думать ни о чем, но угрюмая решимость зрела в нем с каждой секундой, не в сознании даже, а в изможденных мышцах, в растянутых и ноющих жилах, словно мягкую игрушку, из которой выпотрошили все опилки и превратили в бесформенную тряпку, кто-то надел на жесткий металлический каркас. Это был уже не совсем он, его прежняя личность разлетелась вместе с опилками, подхваченными туннельным сквозняком, распалась на частицы, и теперь в его оболочке поселился кто-то другой, кто просто не желал слышать отчаянной мольбы кровоточащего измученного тела, кто кованым каблуком давил в зародыше желание сдаться, остаться, отдохнуть, бездействовать раньше, чем оно успевало принять завершенную, осознанную форму. Этот другой принимал решения на уровне инстинктов, мышечных рефлексов, спинного мозга, они миновали сознание, в котором сейчас воцарилась тишина и пустота, и бесконечный внутренний диалог оборвался на полуслове.

Внутри Артема словно распрямилась скрученная пружина. Он деревянным неловким движением поднялся на ноги, и комиссар удивленно взглянул на него, а Максим даже опустил руку на автомат.

– Товарищ комиссар, можно вас... поговорить, – лишенным интонаций голосом попросил Артем.

Тут встревоженно обернулся и Банзай, отвлекшись, наконец, от несчастного дяди Федора.

– Говорите прямо, товарищ Артем, у меня нет секретов от моих бойцов, – осторожно отозвался комиссар.

– Понимаете... Я вам очень всем благодарен за то, что вы меня спасли. Но мне нечем вам отплатить. Я очень хочу с вами остаться. Но я не могу. Я должен идти дальше. Мне... надо.

Комиссар ничего не отвечал.

– А куда тебе надо-то? – вмешался неожиданно дядя Федор.

Артем сжал губы и уставился в пол. Повисло неловкое молчание. Ему показалось, что сейчас они смотрят на него напряженно и подозрительно, пытаясь разгадать его намерения. Шпион? Предатель? Почему скрытничает?

– Ну, не хочешь, не говори, – примирительно сказал дядя Федор.

– В Полис, – не выдержал Артем. Не мог он рисковать из-за дурацкой конспирации доверием и расположением таких людей.

– Что, дело есть какое? – осведомился бородатый с невинным видом.

Артем молча кивнул.

– Срочное? – продолжал выведывать тот.

Артем кивнул еще раз.

– Ну, смотри, парень, мы держать тебя не станем. Не хочешь про свое дело сказать ничего, бог с тобой. Но не можем же мы тебя посреди туннеля бросить! Не можем ведь, ребята? – обернулся он к остальным.

Банзай решительно помотал головой, Максимка тут же убрал руки со ствола и тоже подтвердил, что никак не может. Тут вступил товарищ Русаков.

– Готовы ли вы, товарищ Артем, перед лицом бойцов нашей бригады, спасших вам жизнь, поклясться, что не планируете своим заданием нанести ущерб делу революции? – сурово спросил он.

– Клянусь, – с готовностью ответил Артем. Делу революции он никакого вреда причинять не собирался, были дела и поважнее.

Товарищ Русаков долго и внимательно всматривался ему в глаза и, наконец, вынес вердикт:

– Товарищи бойцы! Лично я верю товарищу Артему. Прошу голосовать за то, чтобы помочь ему добраться до Полиса.

Дядя Федор первым поднял руку, и Артем подумал, что это именно он, наверное, и вынул его из петли. Потом проголосовал Максим, а Банзай просто кивнул.

– Видите ли, товарищ Артем, здесь недалеко есть неизвестный широким народным массам перегон, который соединяет Замоскворецкую ветку и Красную Линию, – сказал командир. – Мы можем переправить вас...

Закончить он не успел, потому что Карацюпа, лежавший до этого спокойно у его ног, вдруг вскочил и оглушительно залаял. Товарищ Русаков молниеносным движением выхватил из кобуры лоснящийся «ТТ». За остальными Артем просто не успевал уследить: Банзай уже дергал за шнур, заводя двигатель, Максим занял позицию сзади, а дядя Федор достал из того же железного ящика, в котором хранился его самогон, бутылку с торчащим из крышки фитилем.

Туннель в этом месте нырял вниз, так что видимость была очень плохая, но собака продолжала надрываться, и Артему передалось общее тревожное ощущение.

– Дайте мне тоже автомат, – попросил он шепотом.

Недалеко вспыхнул и погас довольно мощный фонарь, потом послышался чей-то лающий голос, отдающий короткие команды. Застучали по шпалам тяжелые сапоги, кто-то приглушенно чертыхнулся, и снова все затихло. Карацюпа, которому комиссар зажал было пасть рукой, высвободился и снова зашелся в лае.

– Не заводится, – сдавленно пробормотал Банзай, – надо толкать!

Артем первым слез с дрезины, за ним соскочил бородатый, потом Максим, и они тяжело, упираясь ребрами подошв в скользкие шпалы, сдвинули машину с места. Она разгонялась слишком медленно, и, когда пробудившийся наконец двигатель начал издавать похожие на кашель звуки, сапоги гремели уже совсем рядом.

– Огонь! – скомандовали из темноты, и узкое пространство туннеля наполнилось звуком. Грохотало сразу не меньше четырех стволов, пули беспорядочно били вокруг, рикошетили, высекая искры, со звоном ударяясь о трубы.

Артем подумал, что отсюда им уже не выбраться, но Максим, выпрямившись в полный рост и держа пулемет в руках, дал длинную очередь, и автоматы замолчали. Тут дрезина пошла легче, и под конец за ней пришлось уже бежать, чтобы успеть запрыгнуть на платформу.

– Уходят! Вперед! – закричали сзади, и автоматы позади них застрочили с утроенной силой, но большинство пуль уходило в стены и потолок туннеля.

Лихо подпалив окурком зловеще зашипевший фитиль, бородач завернул бутылку в какую-то ветошь и бросил на пути. Через минуту сзади ярко полыхнуло и раздался тот самый хлопок, который Артем уже слышал однажды, стоя с петлей на шее.

– Еще давай! И дыму! – приказал товарищ Русаков.

«Моторизованная дрезина – это просто чудо», – думал Артем, когда преследователи остались далеко позади, пытаясь пробраться сквозь дымовую завесу. Машина легко летела вперед и, распугивая зевак, промчалась через Новокузнецкую, на которой товарищ Русаков наотрез отказался останавливаться. Они пронеслись мимо так быстро, что Артем даже не успел толком разглядеть станции. Сам он ничего особенного в ней не нашел, разве что очень скупое освещение, хотя народу там было достаточно, но Банзай шепнул ему, что станция эта очень нехорошая и жители на ней тоже странные, и в последний раз, когда они пытались здесь остановиться, потом об этом очень пожалели и еле унесли ноги.

– Извини, товарищ, не получится теперь тебе помочь, – впервые переходя на «ты», обратился к нему товарищ Русаков. – Теперь нам сюда долго нельзя возвращаться. Мы уходим на нашу запасную базу, на Автозаводскую. Хочешь, присоединяйся к бригаде.

Артему снова пришлось пересилить себя и отказаться от предложения, но теперь это далось ему легче. Им овладело веселое отчаяние. Весь мир был против него, все шло наперекосяк. Сейчас он удалялся от центра, от заветной цели своего похода, и с каждой секундой эта цель теряла очертания, погружаясь во мрак туннелей, отделявших ее от Артема, утрачивала свою реальность, снова превращаясь во что-то абстрактное и недостижимое. Однако враждебность мира к нему и к его делу будила в Артеме ответную злобу, которой наливались теперь его мускулы, и упрямую злобу, зажигающую его потухший взгляд бунтарским огнем, подменявшую собой и страх, и чувство опасности, и разум, и силу.

– Нет, – сказал он впервые твердо и спокойно. – Я должен идти.

– Тогда мы доедем вместе до Павелецкой и там расстанемся, – помолчав, принял его выбор комиссар. – Жаль, товарищ Артем. Нам нужны бойцы.

Недалеко от Новокузнецкой туннель раздваивался, и дрезина взяла влево. Когда Артем спросил, что находится в правом перегоне, ему объяснили, что туда им путь заказан: через несколько сотен метров располагается форпост Ганзы, настоящая крепость. Этот неприметный туннель, оказывается, вел сразу к трем кольцевым станциям: Октябрьской, Добрынинской и Павелецкой. Рушить этот межлинейник и уничтожить тем самым такой важный транспортный клапан Ганза не собиралась, но использовался он только ганзейскими тайными агентами. Если кто-то чужой пытался приблизиться к форпосту, его уничтожали еще на подступах, не давая даже объясниться.

Через некоторое время за этой развилкой показалась и Павелецкая. Артем подумал, что правду говорил кто-то из его знакомых на ВДНХ, что когда-то все метро из конца в конец было можно пересечь за час, а ведь он тогда не поверил. Эх, будь у него такая дрезина...

Да только не помогла бы и дрезина, мало где можно было проехать вот так просто, с ветерком, может, только по Ганзе и еще по этому вот участку.

Нет, незачем было мечтать, в новом мире такого больше быть не могло, в нем каждый шаг давался ценой невероятных усилий и обжигающей боли. Те времена ушли безвозвратно. Тот волшебный, прекрасный мир умер. Его больше нет. И не стоит скулить по нему всю оставшуюся жизнь.

Надо плюнуть на его могилу и больше никогда не оборачиваться назад.

Глава 10. Но пасаран!

Перед Павелецкой никаких дозоров видно не было, расступилась только, давая проехать и уважительно глядя на их дрезину, кучка бродяг, сидевшая метров за тридцать от выхода на станцию.

– А что, здесь никто не живет? – спросил Артем, стараясь, чтобы его голос звучал равнодушно. Ему совсем не хотелось остаться одному на заброшенной станции без оружия, еды и документов.

– На Павелецкой? – товарищ Русаков удивленно посмотрел на него. – Конечно, живут!

– Но почему тогда застав нет? – упорствовал Артем.

– Так это ж Па-ве-лец-ка-я! – встrial Банзай, причем название станции он произнес со значением, по слогам. – Кто же ее тронет?

Артем понял, что прав был тот древний мудрец, который, умирая, заявил, что знает только то, что ничего не знает. Все они говорили о неприкосновенности Павелецкой как о чем-то, не требующем объяснений и понятном каждому.

– Не в курсе, что ли? – не поверил Банзай. – погоди, сейчас сам все увидишь!

Павелецкая поразила воображение Артема с первого взгляда. Потолки здесь были такими высокими, что факелы, торчащие во вбитых в стены кольцах, не доставали до них своими трепещущими сполохами, и это создавало пугающее и завораживающее ощущение бесконечности прямо над головой. Огромные круглые арки держались на стройных узких колоннах, которые неведомым образом поддерживали могучие своды. Пространство между арками было заполнено потускневшим, но все еще напоминавшим о былом величии бронзовым литьем, и хотя здесь были только традиционные серпы и молоты, в обрамлении этих арок полузабытые символы разрушенной империи смотрелись так же гордо и вызывающе, как в те дни, когда их выковали. Нескончаемый ряд колонн, местами залитый подрагивающим кровавым светом факелов, таял в неимоверно далекой мгле, и не верилось, что там он обрывается. Казалось, что свет пламени, лижущего такие же грациозные мраморные опоры через сотни и тысячи шагов отсюда, просто не может пробиться через густой, почти осязаемый мрак. Эта станция некогда была, верно, жилищем циклопа, и поэтому здесь все было такое гигантское...

Неужели никто не смеет посягать на нее только потому, что она так красива?

Банзай перевел двигатель на холостые обороты, дрезина катилась все медленнее, постепенно останавливаясь, а Артем все жадно смотрел на диковинную станцию. В чем же дело? Почему никто не решается тревожить Павелецкую? В чем ее святость? Не только ведь в том, что она похожа на сказочный подземный дворец больше, чем на транспортную конструкцию?..

Вокруг остановившейся дрезины собралась тем временем целая толпа оборванных и немых мальчишек всех возрастов. Они завистливо оглядывали машину, а один даже осмелился прыгнуть на пути и трогал двигатель, уважительно цыкая, пока Федор не прогнал его.

– Все, товарищ Артем. Здесь наши пути расходятся, – прервал размышления Артема командир. – Мы с товарищами посоветовались и решили сделать тебе небольшой подарок. Держи! – и протянул Артему автомат, наверное, один из снятых с убитых конвоиров. – И вот еще, – в его руке лежал фонарь, которым освещал себе дорогу усатый фашист в черном мундире. – Это все трофейное, так что бери смело. Это твое по праву. Мы бы остались здесь еще, но задерживаться нельзя. Кто знает, куда фашистская гадина решит за нами гнаться. А за Павелецкую они точно не посмеют сунуться.

Несмотря на новообетенную твердость и решимость, сердце у Артема неприятно потянуло, когда Банзай жал ему руку, желая удачи, Максим хлопнул дружески по плечу, а бородастый дядя Федор сунул ему недопитую бутылку своего зелья, не зная, что бы еще подарить:

– Давай, парень, встретимся еще. Живы будем – не помрем!

Товарищ Русаков тряхнул еще раз его руку, и его красивое мужественное лицо посерьезнело.

– Товарищ Артем! На прощание я хочу сказать тебе две вещи. Во-первых, верь в свою звезду. Как говаривал товарищ Эрнесто Че Гевара, аста ла викториа сьемпре! И во-вторых, и это самое главное, – **НО ПАСАРАН!**

Все остальные бойцы подняли вверх сжатые в кулак правые руки и хором повторили заклинание: «Но пасаран!» Артему ничего не оставалось делать, как тоже сжать кулак и сказать в ответ так решительно и революционно, как только получилось: «Но пасаран!», хотя лично для него этот ритуал был полной абракадаброй. Но портить торжественный миг прощания глупыми вопросами ему не хотелось. Очевидно, он все сделал правильно, потому что товарищ Русаков взглянул на него горделиво и удовлетворенно, а потом торжественно отдал ему честь.

Мотор затарахтел громче, и, окутанная сизым облаком гари, провожаемая стайкой радостно визжащих детей, дрезина канула во мрак. Артем снова был совсем один и так далеко от своего дома, как никогда прежде.

Первое, на что он обратил внимание, бредя вдоль платформы, были часы. Артем их насчитал сразу четыре штуки. На ВДНХ время было скорее чем-то символическим: как книги, как попытки устроить школу для детей – в знак того, что жители станции продолжают бороться, что они не хотят опускаться, что они остаются людьми. Но тут, казалось, часы играли какую-то другую, несоизмеримо более важную роль. Побродив еще немного, Артем подметил и другие странности: во-первых, на самой станции не было заметно никакого жилья, разве что несколько сцепленных вагонов, стоявших на втором пути и уходивших в туннель, так что в зале была видна только небольшая часть состава, почему Артем и не заметил его сразу. Торговцы всякой всячиной, какие-то мастерские – всего этого здесь имелось вдоволь, но ни одной жилой палатки, ни даже просто ширмы, за которой можно было бы переночевать. Валялись только на картонных подстилках немногочисленные нищие и бомжи. Сновавшие по станции люди время от времени подходили к часам, некоторые, у кого были свои, беспокойно сверяли их с красными цифрами на табло и снова принимались за свои дела. «Вот бы Хана сюда, – подумал Артем, – интересно, что он сказал бы на это».

В отличие от Китай-Города, где к путникам проявляли оживленный интерес: пытались их накормить, что-то им продать, затащить куда-то, – здесь все казались погруженными в свои дела. До Артема им не было никакого дела, и чувство одиночества, оттесненное вначале любопытством, стало ощущаться им еще сильнее.

Пытаясь отвлечься от нарастающей тоски, он снова начал вглядываться в окружающих. Артем и людей ожидал здесь увидеть каких-то других, с особым выражением лиц, ведь жизнь на такой станции не могла не наложить на них отпечатка. На первый взгляд вокруг суетились, кричали, работали, ссорились обычные люди, такие же, как и везде. Но чем пристальней он их рассматривал, тем больше пробирал его озноб: поразительно много здесь было молодых калек и уродов: кто без пальцев, кто покрытый мерзкой коростой, у кого грубая культя на месте отпиленной третьей руки. Взрослые были зачастую лысыми, болезненными, здоровых крепких людей почти не встречалось. Их чахлый, выродившийся вид до рези в глазах контрастировал с мрачным величием станции, на которой они жили.

Посреди широкой платформы двумя прямоугольными проемами, уходящими в глубину, открывался переход на Кольцо, к Ганзе. Но здесь не было ни ганзейских пограничников, ни пропускного пункта, как на Проспекте Мира, а ведь говорил же кто-то Артему, что Ганза держит в железном кулаке все смежные станции. Нет, тут явно творилось что-то странное.

Он так и не дошел до противоположного края зала. Для начала купил себе за пять патронов миску рубленых жареных грибов и стакан гниловатой, отдающей горечью воды и с отвращением проглотил эту дрянь, сидя на перевернутом пластмассовом ящике, в каких раньше хранилась стеклотара. Потом дошел до поезда, надеясь, что тут ему удастся передохнуть, потому

что силы уже были на исходе, а тело все еще болело после допроса. Но состав был совсем другим, чем тот, на Китай-Городе: вагоны оказались ободранными и совсем пустыми, местами обожженными и оплавленными; мягкие кожаные диваны были вырваны и куда-то унесены; повсюду виднелись пятна въевшейся крови, на полу мрачно поблескивали россыпи гильз. Это место явно не было подходящим пристанищем, а больше напоминало крепость, выдержавшую не одну осаду.

Пока Артем осматривал поезд, прошло совсем немного времени, но, вернувшись на платформу, он не узнал станции. Прилавки опустели, гомон стих, и, кроме нескольких бродяг, сбившихся в кучку недалеко от перехода, на платформе больше не было видно ни одной живой души. Стало заметно темнее, потухли факелы с той стороны, где он вышел на станцию, горело только несколько в центре зала, да еще вдалеке, в противоположном его конце поблескивал неяркий костер. На часах было восемь часов вечера с небольшим. Что произошло? Артем поспешно, насколько позволяла боль в теле, зашагал вперед. Переход был заперт с обеих сторон, не просто обычными металлическими дверцами, а надежными воротами, обитыми железом. На второй лестнице стояли точно такие же, но одна их половина оставалась приоткрытой, и за ней виднелись добротные решетки, сваренные, как в казематах на Тверской, из толстой арматуры. За ними был установлен столик, освещенный слабой лампадкой, за которым сидел охранник в застиранной серо-синей форме.

– После восьми вход запрещен, – отрезал он в ответ на просьбу пустить внутрь. – Ворота открываются в шесть утра, – и отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

Артем опешил. Почему после восьми вечера жизнь на станции прекращалась? И что ему было теперь делать? Бомжи, копошившиеся в своих картонных коробках, выглядели совсем отталкивающе, к ним не хотелось даже приближаться, и он решил попытать счастья у костерка, мерцавшего в противоположном конце зала.

Уже издали стало ясно, что это не сборище бродяг, а пограничная застава или что-то подобное: на фоне огня виднелись крепкие мужские фигуры, угадывались резкие контуры автоматных стволов; но что там можно было стеречь, сидя на самой платформе? Посты надо выставлять в туннелях, на подходах к станции, чем дальше, тем лучше, а так... Если и выползет оттуда какая тварь или нападут бандиты, постовые даже и сделать ничего не успеют.

Но, подойдя ближе, Артем заметил и еще кое-что: сзади, за костром, вспыхивал время от времени яркий белый луч, направленный вроде бы вверх, но слишком короткий, словно отрезанный в самом начале, бьющий не в потолок, а исчезающий, вопреки всем законам физики, через несколько метров. Прожектор включался не часто, через определенные промежутки времени, и, наверное, поэтому Артем не заметил его раньше. Что же это могло быть?

Он подошел к костру, вежливо поздоровался, объяснил, что сам здесь проездом и по незнанию пропустил закрытие ворот, и спросил, нельзя ли ему передохнуть здесь, с дозорными.

– Передохнуть? – насмешливо переспросил ближайший к нему взлохмаченный, темно-волосый мужчина с крупным мясистым носом, невысокий, но казавшийся очень сильным. – Тут, юноша, отдыхать не придется. Если до утра дотянете, будет хорошо.

На вопрос, что такого опасного в сидении у костра посреди платформы, мужчина ничего не ответил, а только кивнул себе за спину, где зажигался прожектор. Остальные были заняты своим разговором и не обратили на Артема никакого внимания. Тогда он решил выяснить наконец, что же здесь происходит, и побрел к прожектору. То, что он увидел, удивило его, но многое объяснило.

В самом конце зала стояла небольшая будка, вроде тех, что располагались иногда у эскалаторов на переходах на другие линии. Вокруг были навалены мешки, кое-где закреплены массивные железные листы, один из дозорных снимал чехлы с весьма грозного вида орудий, а другой сидел в будке. На ней и был установлен тот самый прожектор, светивший вверх. Вверх!

Никакой заслонки, никакого барьера здесь и в помине не было, сразу за будкой начинались ступени эскалаторов, ведущие на поверхность. И луч прожектора бил именно туда, беспокойно шныряя от стенки к стенке, будто пытаюсь высмотреть кого-то в крошечной тьме, но выхватывал из нее только поросшие чем-то бурым остовы ламп, отсыревший потолок, с которого огромными кусками отваливалась штукатурка, а дальше... Дальше ничего не было видно.

Все сразу встало на свои места.

По какой-то причине здесь не было обычного металлического заслона, отрезавшего станцию от поверхности, ни на платформе, ни наверху. Павелецкая сообщалась с внешним миром напрямую, и ее жители находились под постоянной угрозой вторжения. Они дышали зараженным воздухом, пили зараженную воду, вот почему, наверное, она была такой странной на вкус... Поэтому здесь было намного больше мутаций среди молодых, чем, например, на ВДНХ. Поэтому взрослые были такими чахлыми: оголяя и начищая до блеска их черепа, истощая и заставляя разлагаться заживо тела, их постепенно съедала лучевая болезнь.

Но и это еще, видимо, было не все, иначе как объяснить то, что вся станция вымирала после восьми часов вечера, а темноволосый дежурный у костра сказал, что и до утра здесь дожить – большое дело?

Поколебавшись, Артем приблизился к человеку, сидящему в будке.

– Вечер добрый, – отозвался тот на приветствие.

Было ему около пятидесяти, но он уже порядком облысел, оставшиеся серые волосы спутались на висках и затылке, темные глаза с любопытством смотрели на Артема, а простенький, на завязках, бронежилет не мог скрыть круглого животика. На груди у него висел бинокль, а рядом с ним – свисток.

– Присаживайся, – указал он Артему на ближайший мешок. – Они там, понимаешь, веселятся, оставили меня здесь одного скучать. Дай хоть с тобой поболтаю. Кто это тебе так глаз оформил?..

Завязался разговор.

– Не можем, понимаешь, ничего мало-мальски приличного смастерить, – сокрушенно рассказывал дежурный, указывая рукой на проем, – здесь не железку, здесь бетоном бы надо, железку пробовали уже, да без толку. Как осень, все к чертям водой сносит, причем сначала накапливается, а потом как прорывает... Было так несколько раз, и много народу погибло, с тех пор мы уж так обходимся. Только вот жизни здесь спокойной нет, как на других станциях, постоянно ждем: что ни ночь, то мразь какая-нибудь начинает ползти. Днем-то они не суются, то ли спят, то ли, наоборот, поверху шастают. А вот как стемнеет, хоть караул кричи. Ну, мы здесь приноровились, конечно, после восьми – все в переход, там и живем, а здесь больше по хозяйственной части. Погоди-ка... – прервался он, щелкнул тумблером на пульте, и прожектор ярко вспыхнул.

Разговор продолжился только после того, как белый луч облизал все три эскалатора, прошелся по потолку и стенам и наконец умиротворенно погас.

– Там, наверху, – ткнул пальцем в потолок дежурный, понизив голос, – Павелецкий вокзал. По крайней мере, когда-то стоял. Богом проклятое место. Уж не знаю, куда от него шли рельсы, только сейчас там что-то страшное творится. Такие звуки иногда доходят, что мороз по коже. А уж когда вниз поползут... – он замолчал. – Мы их приезжими называем, тварей этих, которые сверху лезут, – продолжил он через минуту. – Из-за вокзала. Вроде и не так страшно. Несколько раз приезжие, что посильнее были, этот кордон сметали. Видал, у нас там поезд отогнанный стоит на путях? До него добрались. Снизу им не открыли бы – там женщины, дети, если приезжие туда пролезут – все, дело табак. Да мужики наши и сами это понимали, отступили к поезду, засели там и несколько тварей положили. Но и сами... осталось их в живых всего двое из десяти. Один приезжий ушел, к Новокузнецкой пополз. Его утром выследить

хотели, за ним такая полоса густой слизи оставалась, но он в боковой туннель свернул, вниз, а мы туда не суемся. У нас своих бед хватает.

– Я вот слышал, что на Павелецкую никто никогда не нападает, – вспомнил Артем, – это правда?

– Конечно, – важно кивнул дежурный. – Кто нас трогать будет? Если бы мы здесь не держали оборону, они бы отсюда по всей ветке расползлись. Нет, на нас никто руки не поднимет. Ганза вот и та переход почти весь нам отдала, в самом-самом конце их блокпост. Оружие подкидывают, только чтобы мы их прикрывали. Любят они чужими руками жар загребать, я тебе скажу! Как тебя звать, говоришь? А я Марк. Погоди-ка, Артем, что-то там шебуршит... – и торопливо снова включил прожектор. – Нет, послышалось, наверное, – неуверенно сказал он через минуту.

Артема по капле наполняло тягостное ощущение опасности. Как и Марк, он внимательно вглядывался вверх, но там, где тот видел только тени разбитых ламп, Артему чудились застывшие в слепящем луче злобные фантастические силуэты. Сначала он думал, что это его воображение шутит с ним, но один из странных контуров еле заметно шевельнулся, как только пятно света его миновало.

– Подождите... – прошептал он. – Попробуйте вон в тот угол, где такая большая трещина, только резко...

И, словно пригвожденное к месту лучом, где-то далеко, дальше середины эскалатора что-то большое, костлявое замерло на мгновение, а потом вдруг ринулось вниз. Марк поймал выпрыгивающий из рук свисток и дунул изо всех сил, и в ту же секунду все сидевшие у костра сорвались со своих мест и бросились к позиции.

Там, как выяснилось, был еще один прожектор, послабее, но хитро скомбинированный с необычным тяжелым пулеметом. Артем таких раньше никогда не видел: у орудия был длинный ствол с раструбом на конце, прицел напоминал формой паутину, а патроны вползали внутрь масляно блестящей лентой.

– Вон он, около десятой! – нашарил лучом приезжего хриплый худой мужик, подсевший к Марку. – Дай бинокль... Леха! Десятая, правый ряд!

– Есть! Все, милый, приехали, теперь сиди спокойно, – забормотал пулеметчик, наводя оружие на затаившуюся черную тень. – Держу его!

Громыхнула оглушительная очередь, десятая снизу лампа разлетелась вдребезги, и сверху что-то пронзительно заверещало.

– Кажись, накрыли, – определил хриплый. – Ну-ка, посвети еще... Вон лежит. Готов, зараза.

Но сверху еще долго, не меньше часа, доносились тяжелые, почти человеческие стоны, от которых Артему становилось не по себе. Когда он предложил добить приезжего, чтобы тот не мучился, ему ответили:

– Хочешь, сбегай, добей. У нас тут, пацан, не тир, каждый патрон на счету.

Марка сменили, и они с Артемом отправились к костру. Марк прикурил от огня самокрутку и задумался о чем-то, а Артем стал прислушиваться к общему разговору.

– Вот Леха вчера про кришнаитов рассказывал, – низким, утробным голосом говорил массивный мужчина с низким лбом и мощной шеей, – которые на Октябрьском Поле сидят и хотят в Курчатовский институт забраться, чтобы ядерный реактор рвануть и всем устроить нирвану, но пока никак не соберутся. Ну, я тут вспомнил, что со мной было четыре года назад, когда я еще на Савеловской жил. Я однажды по делам собрался на Белорусскую. Тогда у меня связи были на Новослободской, так что я прямо через Ганзу пошел. Ну, прихожу на Белорусскую, быстро добрался, кого надо встретил, мы с ним дельце обделали, думаю, надо обмыть. Он мне говорит, ты, мол, осторожнее, здесь пьяные часто пропадают. А я ему: да ладно, брось, такое дело нельзя оставить. В общем, банку мы с ним на двоих раздавили. Последнее, что

помню, – это как он на четвереньках ползает и кричит: «Я – Луноход-1!» Просыпаюсь – мать божья! – связанный, во рту кляп, башка наголо обрита, сам лежу в какой-то камерке, наверное, в бывшей ментовке. Что за напасть, думаю. Через полчаса приходят какие-то черти и тащат меня за шкуру в зал. Куда я попал, так и не понял, все названия сорваны, стены чем-то измазаны, пол в крови, костры горят, почти вся станция перекопана, и вниз уходит глубокий котлован, метров двадцать по крайней мере, а то и все тридцать. На полу и на потолке звезды нарисованы, такие, знаете, одной линией, как дети рисуют. Ну, думаю, может, к красным попал? Потом башкой повертел – не похоже. Меня к этому котловану подвели, а там веревка вниз спускается, говорят, лезь по веревке. И калашом подталкивают. Я туда глянул – а там народу куча на дне, с ломami и лопатами, и яму эту углубляют. Землю наверх на лебедке вытаскивают, грузят в вагонетки и куда-то отвозят. Ну, делать нечего, эти ребята с калашами – просто бешеные, все в татуировках с ног до головы, я так подумал – уголовщина какая-то. На зону, наверное, попал. Эти, типа, авторитеты подкоп делают, сбежать хотят. А сывки на них батрачат. Но потом понял: ерунда выходит. Какая в метро зона, если здесь даже ментов нет? Я говорю им, высоты боюсь, рухну сейчас прямо этим на башку, пользы от меня будет немного. Они посоветовались и поставили меня землю, которая снизу поступает, на вагонетки грузить. Наручники, падлы, надели, на ноги цепи какие-то, вот и грузи. Ну, я все никак понять не мог, чем они занимаются. Работенка, прямо скажем, не из простых. Я-то что, – повел он аршинными плечами, – там послабее были, так кто на землю валился, бритые поднимали и волокли куда-то к лестницам. Потом я мимо проходил один раз, смотрю, у них там, типа, чурбан такой, как на Красной площади раньше стоял, где бошки рубили, в него топор здоровый всажен, а вокруг все в кровище и головы на палках торчат. Меня чуть не вывернуло. Нет, думаю, надо отсюда делать ноги, пока из меня чучело не набили.

– Ну, и кто это был? – нетерпеливо прервал его тот хриплый, который сидел за прожектором.

– Я потом спросил у мужиков, с которыми грузил. Знаешь кто? Сатанисты, понял? Они, значит, решили, что конец света уже наступил, и метро – это ворота в ад. И что-то он там про круги говорил, я уж не помню...

– Врата, – поправил его пулеметчик.

– Ну. Метро – это врата в ад, а сам ад лежит немного глубже, и дьявол, значит, их там ждет, надо только до него добраться. Вот и роют. С тех пор четыре года прошло. Может, уже докопались.

– А где это? – спросил пулеметчик.

– Не знаю! Вот, ей-богу, не знаю. Я ведь оттуда как выбрался: меня в вагонетку кинули, пока охрана не смотрела, и грунтом присыпали. Долго я куда-то катился, потом высыпали с высоты, я сознание потерял, очнулся, пополз, выполз на какие-то рельсы, ну, и по ним вперед, а эти рельсы с другими скрещиваются, я на перекрестке и вырубился. Потом меня кто-то подобрал, и очнулся я только на Дубровке, понял? А тот, кто меня подобрал, уже свалил, добрый человек. Вот и думай, где это...

Потом заговорили о том, что, по слухам, на Площади Ильича и на Римской какая-то эпидемия и много народу перемерло, но Артем пропустил все мимо ушей. Мысль, что метро – это преддверие ада или, может, даже первый его круг, загипнотизировала его, и перед глазами возникла невероятная картина: сотни людей, копошащихся, как муравьи, роющих вручную бесконечный котлован, шахту в никуда, пока однажды лом одного из них не воткнется в грунт странно легко и не провалится вниз, и тогда ад и метро окончательно сольются воедино.

Потом он подумал, что вот эта станция живет почти так же, как ВДНХ: ее беспрестанно атакуют какие-то чудовищные создания с поверхности, а они в одиночку сдерживают натиск, и если Павелецкая дрогнет, то эти монстры распространятся по всей линии. Выходило, что роль ВДНХ вовсе не так исключительна, как ему представлялось раньше. Кто знает, сколько

еще таких станций в метро, каждая из которых прикрывает свое направление, сражаясь не за всеобщее спокойствие, а за собственную шкуру... Можно уходить назад, отступать к центру, подрывая за собой туннели, но тогда будет оставаться все меньше жизненного пространства, пока все оставшиеся в живых не соберутся на небольшом пятачке и там сами не перегрызут друг другу глотки.

Но ведь если ВДНХ ничего особенного собой не представляет, если есть и другие выходы на поверхность, которые невозможно закрыть... Значит... Спohватившись, Артем запретил себе думать дальше. Это просто голос слабости, предательский, слащавый, подсказывающий аргументы, чтобы не продолжать Похода, перестать стремиться к Цели. Но нельзя ей поддаваться. Этот путь ведет в тупик.

Чтобы отвлечься, он снова прислушался к разговору. Сначала обсудили шансы некоего Пушкина на какую-то победу. Потом хриплый начал рассказывать о том, что какие-то отмороженные напали на Китай-Город, перестреляли кучу народа, но подоспевшая калужская братва все-таки одолела их, и головорезы отступили назад к Таганской. Артем хотел было возразить, что вовсе не к Таганской, а к Третьяковской, но тут вмешался еще какой-то жилистый тип, лица которого было не разглядеть, и сказал, что калужских вообще выбили с Китай-Города и теперь его контролирует новая группировка, о которой раньше никто не слышал. Хриплый горячо заспорил с ним, а Артема стало клонить в сон. На этот раз ему не снилось совсем ничего, и спал он так крепко, что даже когда раздался тревожный свист и все вскочили со своих мест, он так и не смог проснуться. Наверное, тревога была ложной, потому что выстрелов не последовало.

Когда его наконец разбудил Марк, на часах было уже без четверти шесть.

– Вставай, одежури! – весело потряс он Артема за плечо. – Пойдем, я тебе переход покажу, куда тебя вчера не пустили. Паспорт есть?

Артем помотал головой.

– Ну ничего, как-нибудь уладим, – пообещал Марк, и действительно через несколько минут они уже были в переходе, а охранник умиротворенно посвистывал, перекатывая в ладони два патрона.

Переход был очень долгим, длиннее даже, чем станция. Вдоль одной стены стояли брезентовые ширмы и горели довольно яркие лампочки («Ганза заботится», – ухмыльнулся Марк), а вдоль другой тянулась длинная, но невысокая, не больше метра, перегородка.

– Это, между прочим, один из самых длинных переходов во всем метро! – гордо заявил Марк. – Что за перегородка, спрашиваешь? А ты не знаешь? Это же знаменитая штука! Половина всех, кто до нас добирается, к ней идут! погоди, сейчас рано еще. Позже начнется. Вообще-то самое оно – вечером, когда выход на станцию перекрывают и людям больше заняться нечем. Но, может, днем будет квалификационный забег. Нет, ты, правда, ничего не слышал об этом? Да у нас тут крысиные бега, тотализатор! Мы его ипподромом называем. Надо же, я думал, все знают, – удивился он, когда понял наконец, что Артем не шутит. – Ты как вообще, играть любишь? Я вот, например, игрок.

Артему было, конечно, интересно посмотреть на бега, но особенно азартным он никогда не был. К тому же теперь, после того как он проспал столько времени, над его головой грозовой тучей росло и сгущалось чувство вины. Он не мог ждать вечера, он вообще больше не мог ждать. Ему надо было двигаться вперед, слишком много времени и так потеряно зря. Но путь к Полису лежал через Ганзу, и теперь ее уже было не миновать.

– Я, наверное, не смогу здесь остаться до вечера, – сказал Артем. – Мне надо идти... к Полянке.

– Да ведь это тебе через Ганзу, – заметил Марк, прищурившись. – Как же ты собрался через Ганзу, если у тебя не только визы, но и паспорта нет? Тут, друг, я тебе помочь уже не могу. Но идею подкинуть попробую. Начальник Павелецкой – не нашей, а кольцевой, – боль-

шой любитель вот этих самых бегов. Его крыса Пират – фаворит. Он здесь каждый вечер появляется, при охране и в полном блеске. Поставь, если хочешь, лично против него.

– Но ведь мне и ставить нечего, – возразил Артем.

– Поставь себя, в качестве прислуги. Хочешь, я тебя поставлю, – глаза Марка азартно сверкнули. – Если выиграем, получишь визу. Проиграем – попадешь туда все равно, там уж, правда, от тебя будет зависеть, как выкрутишься. Вариант? Вариант.

Артему этот план совсем не понравился. Продавать себя в рабство и тем более проигрывать себя на крысином тотализаторе было как-то обидно. Он решил попробовать пробиться на Ганзу иначе. Несколько часов он вертелся около серьезных пограничников в сером пятнистом обмундировании – они были одеты точно так же, как и те, на Проспекте Мира, – пытался заговаривать с ними, но те отказывались отвечать. После того как один из них презрительно назвал его одноглазым (это было несправедливо, потому что левый глаз уже начал открываться, хотя все еще чертовски болел) и порекомендовал проваливать, Артем бросил наконец бесплодные старания и начал искать самых темных и подозрительных личностей на станции, торговцев оружием, дурью – всех, кто мог оказаться контрабандистом. Но никто не брался провести Артема на Ганзу за его автомат и фонарь.

Наступил вечер, который Артем встретил в тихом отчаянии, сидя на полу в переходе и погрузившись в самоуничтожение. К этому времени в переходе возникло оживление, взрослые возвращались с работы, ужинали со своими семьями, дети галдели все тише, пока их не укладывали спать, и наконец после того, как заперли ворота, все высыпали из своих палаток и ширм к беговым дорожкам. Народу здесь было много, не меньше трехсот человек, и найти в такой толпе Марка было нелегко. Люди гадали, как сегодня пробежит Пират, удастся ли Пушку хоть раз обойти его, упоминались клички и других бегунов, но эти двое явно были вне конкуренции.

К стартовой позиции подходили важные хозяева крыс, неся своих холеных питомцев в маленьких клетках. Начальника Павелецкой-кольцевой видно не было, и Марк тоже как сквозь землю провалился. Артем испугался даже, что тот сегодня опять стоит в дозоре и не придет. Но тогда как же он собирался играть?..

Наконец в другом конце перехода показалась небольшая процессия. Шествуя в сопровождении двух угрюмых телохранителей, не спеша, с достоинством нес свое грузное тело бритый наголо старик с пышными ухоженными усами, в очках и строгом черном костюме. Один из охранников держал в руке обитую красным бархатом коробку с решетчатой стенкой, в которой металось что-то серое. Это, наверное, и был знаменитый Пират.

Телохранитель понес коробку с крысой к стартовой черте, а усатый старик подошел к судье, восседавшему за столиком, по-хозяйски прогнал со стула его помощника, тяжело уселся на освободившееся место и завел чинную беседу. Второй охранник встал рядом, спиной к столу, широко расставив ноги и положив ладони на короткий черный автомат, висевший у него на груди. Такому солидному человеку не то что предлагать пари, но и просто приближаться к нему было боязно.

И тут Артем увидел, как к этим почтенным людям запросто подходит неряшливо одетый Марк, почесывая давно не мытую голову, и начинает что-то втолковывать судье. С такого расстояния слышны были только интонации, но зато было хорошо видно, как усатый старик сначала возмущенно побагровел, потом скорчил надменную гримасу, в конце концов недовольно кивнул и, сняв очки, принялся тщательно их протирать.

Артем стал пробираться через толпу к стартовой позиции, где стоял Марк.

– Все шито-крыто! – радостно возвестил тот, потирая руки.

На вопрос, что конкретно он имеет в виду, Марк пояснил, что только что навязал старику-начальнику личное пари против Пирата, утверждая, что его новая крыса обгонит фаворита в первом же забеге. Пришлось поставить на кон Артема, сообщил Марк, но взамен он потребовал визы по всей Ганзе для него и для себя. Начальник, правда, отверг такое предло-

жение, заявив, что работоторговлей не занимается (Артем облегченно вздохнул), но добавил, что такую самонадеянную наглость надо наказать. Если их крыса проиграет, Марку и Артему придется в течение года чистить нужники на Павелецкой-кольцевой. Если она выиграет, что ж, они получают по визе. Он, конечно, был совершенно убежден, что второй вариант исключен, и поэтому согласился. Решил наказать самоуверенных нахалов, посмевших бросить вызов его любимцу.

– А у вас есть своя крыса? – осторожно осведомился Артем.

– Конечно! – заверил его Марк. – Просто зверь! Она этого Пирата на куски порвет! Знаешь, как она от меня сегодня удирала? Еле поймал! Чуть не до Новокузнецкой за ней гнался.

– А как ее зовут?

– Как зовут? Действительно, как же ее зовут? Ну, скажем, Ракета, – предположил Марк. – Ракета – грозно звучит?

Артем не был уверен, что смысл соревнования заключается в том, чья крыса быстрее порвет соперника на куски, но смолчал. Потом выяснилось, что свою крысу Марк поймал только сегодня, и на этот раз Артем не выдержал.

– А откуда вы знаете, что она победит?

– Я в нее верю, Артем! – торжественно произнес Марк. – И вообще, ты знаешь, я ведь давно уже хотел иметь свою крысу. На чужих ставил, они проигрывали, и я думал тогда: ничего, наступит день, и у меня будет своя, и уж она-то принесет мне удачу. Но все никак не решался, да это и не так просто, надо получить разрешение судьи, а это такая тягомотина... Вся жизнь пройдет, какой-нибудь приезжий меня сожрет или сам помру, а собственной крысы у меня так и не будет... А потом ты мне попался, и я подумал: вот оно! Сейчас или никогда. Если ты и сейчас не рискнешь, сказал я себе, значит, так и будешь всегда ставить на чужих крыс. И решил: если уж играть, так по-крупному. Мне, конечно, хочется тебе помочь, но это не главное, ты уж извини. А хотелось вот так подойти к этому усатому хрычу, – понизил голос Марк, – и заявить: ставлю лично против вашего Пирата! Он так взбеленился, что заставил судью мою крысу вне очереди аттестовать. И ты знаешь, – прибавил он, чуть помолчав, – за такой момент стоит потом год чистить нужники.

– Но ведь наша крыса точно проиграет! – отчаянно, в последний раз попытался образумить его Артем.

Марк посмотрел на него внимательно, потом улыбнулся и сказал:

– А вдруг?..

Строго оглядев собравшуюся публику, судья пригладил седеющие волосы, важно прокашлялся и начал зачитывать клички крыс, участвующих в забеге. Ракета шла последней, но Марк не обратил на это никакого внимания. Больше всех аплодисментов сорвал Пират, а Ракете хлопал только Артем, потому что у Марка были заняты руки: он держал клетку. В этот момент Артем все еще надеялся на чудо, которое избавит его от бесславного конца в зловонной пучине.

Затем судья сделал холостой выстрел из своего «Макарова», и хозяева открыли клетки. Ракета вырвалась на свободу первой, так что сердце Артема радостно сжалось, но зато потом, когда остальные крысы бросились вперед через весь переход, кто медленнее, кто быстрее, Ракета, не оправдывая своего гордого имени, забилась в угол метров через пять от старта, да так там и осталась. Подгонять крыс по правилам было запрещено. Артем с опаской глянул на Марка, ожидая, что тот станет буйствовать или, наоборот, сникнет, сраженный горем. Но суровым и гордым выражением своего лица Марк напоминал скорее капитана крейсера, который отдает приказ о затоплении боевого корабля, чтобы тот не достался врагу, – как в потрепанной книжке про какую-то войну русских с кем-то там еще, которая лежала в библиотеке на ВДНХ.

Через пару минут первые крысы добрались до финиша. Выиграл Пират, на втором месте оказалось нечто неразборчивое, Пушок пришел третьим. Артем бросил взгляд на судейский

столик. Усатый старик, протирая той же тряпочкой, которой до этого чистил стекла очков, вспотевший от волнения лысый череп, обсуждал результаты с судьей. Артем понадеялся уже, что про них забыли, как старик вдруг хлопнул себя по лбу и, ласково улыбаясь, поманил к себе пальцем Марка.

Сейчас Артем чувствовал себя почти как в тот момент, когда его вели на казнь, разве что ощущение было не таким сильным. Пробираясь вслед за Марком к судейскому столу, он утешал себя тем, что так или иначе проход на территорию Ганзы ему теперь открыт, надо только найти способ сбежать.

Но впереди его ждал позор.

Учтиво пригласив их подняться на помост, усатый обратился к публике и вкратце изложил суть заключенного пари, а потом громогласно объявил, что оба неудачника отправляются, как и было договорено, на работы по очищению санитарных сооружений сроком на год, считая с сегодняшнего дня. Невесть откуда появились два пограничника Ганзы, у Артема отобрали его автомат, заверив, что главный противник в ближайший год у него будет неопасный, и пообещали вернуть оружие по окончании срока. Потом, под свист и улюлюканье толпы, их проводили на Кольцевую.

Переход уходил под пол в центре зала, как и на смежной станции, но на этом сходство между двумя Павелецкими заканчивалось. Кольцевая производила очень странное впечатление: с одной стороны, потолок здесь был низкий и настоящих колонн не было совсем – через равные промежутки в стене располагались арки, ширина каждой из которых была такой же, как ширина промежутка между ними. Казалось, первая Павелецкая далась строителям легко, словно грунт там был мягче и сквозь него просто было пробиваться, а тут попалась какая-то твердая, упрямая порода, прогрызаться через которую оказалось мучительно тяжело. Но почему-то здесь не возникало такого тягостного, тоскливого настроения, как на Тверской, может, оттого, что света на этой станции было непривычно много, а стены были украшены незамысловатыми узорами и по краям арок из стен выступали имитации старинных колонн, как на картинках из книжки «Мифы Древней Греции». Одним словом, это было не самое плохое место для принудительных работ.

И конечно, сразу было ясно, что это – территория Ганзы. Во-первых, здесь было необычайно чисто, уютно, и на потолке мягко светились в стеклянных колпаках настоящие большие лампы. В самом зале, который, правда, не был таким просторным, как на станции-близнеце, не стояло ни одной палатки, но зато много было рабочих столов, на которых лежали горы замысловатых деталей. За ними сидели люди в синих спецовках, а в воздухе висел приятный легкий запах машинного масла. Рабочий день здесь, наверное, заканчивался позже, чем на Павелецкой-радиальной. На стенах висели знамена Ганзы – коричневый круг на белом фоне, плакаты, призывавшие повысить производительность труда, и выдержки из какого-то А. Смита. Под самым большим штандартом, между двумя застывшими солдатами почетного караула, стоял застекленный столик, и, когда Артема проводили мимо, он специально задержался, чтобы полюбопытствовать, что же за святыни лежат под стеклом.

Там, на красном бархате, любовно подсвеченные крошечными лампочками, покоились две книги. Первая – превосходно сохранившееся солидное издание в черной обложке, тисненая золотом надпись на которой гласила «Адам Смит. Богатство народов». Вторая – изрядно зачитанная книжонка, в порванной и заклеенной узкими бумажными полосками тонкой обложке, на которой жирными буквами значилось «Дейл Карнеги. Как перестать беспокоиться и начать жить».

Ни о том, ни о другом авторе Артем никогда ничего не слышал, по этому гораздо больше его занимал вопрос, не остатками ли этого самого бархата начальник станции обил клетку своей любимой крысы.

Один путь был свободен, и по нему время от времени проезжали груженные ящиками дрезина, в основном ручные. Но продымила раз и моторизованная, задержавшись на минуту на станции, прежде чем отправиться дальше, и Артем успел рассмотреть восседавших на ней крепких бойцов в черной форме и черно-белых тельняшках. На голове у каждого из них были приборы ночного видения, на груди висели странные короткие автоматы, а тела были надежно защищены тяжелыми бронежилетами. Командир, поглаживая огромный темно-зеленый шлем с забралом, лежавший у него на коленях, перекинулся несколькими словами с охранниками станции, одетыми в обычный серый камуфляж, и дрезина скрылась в туннеле.

На втором пути стоял полный состав, он был даже в лучшем состоянии, чем тот, что Артем видел на Кузнецком Мосту. За зашторенными окнами, наверное, находились жилые отсеки, но были и другие, с открытыми стеклами, и сквозь них виднелись письменные столы с печатными машинками, за которыми сидели делового вида люди, а на табличке, прикрученной над дверями, было выгравировано «ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОФИС».

Эта станция произвела на Артема неизгладимое впечатление. Нет, она не поразила его, как первая Павелецкая, здесь не было и следа того таинственного мрачного величия, напоминания выродившимся потомкам о минувшем сверхчеловеческом величии и мощи создателей метро. Но зато люди здесь жили так, словно и не кипело за пределами Кольцевой линии упадочное безумие подземного существования. Тут жизнь шла размеренно, благоустроенно, после рабочего дня наступал заслуженный отдых, молодежь уходила не в иллюзорный мир дури, а на предприятия – чем раньше начнешь карьеру, тем дальше продвинешься, а люди зрелые не боялись, что как только их руки потеряют силу, их вышвырнут в туннель на съедение крысам. Теперь становилось понятно, почему Ганза пропускала чужаков на свои станции так мало и неохотно. Количество мест в раю ограничено, и только в ад вход всем открыт.

– Вот наконец и эмигрировал! – довольно осматриваясь по сторонам, радовался Марк.

В конце платформы, в стеклянной кабине с надписью «Дежурный», сидел еще один пограничник, рядом стоял небольшой крашеный в бело-красную полоску шлагбаум. Когда следовавшие мимо дрезина подъезжали к нему, почтительно замирая, пограничник с важным видом выходил из кабины, просматривал документы, а иногда груз и поднимал, наконец, шлагбаум. Артем отметил про себя, что все пограничники и таможенники очень гордятся своим местом, сразу видно, что они занимаются любимым делом. «С другой стороны, такую работу нельзя не любить», – подумал он.

Их завели за ограду, от которой в туннель тянулась дорожка и уходили в сторону коридоры служебных помещений, и ознакомили с вверенным хозяйством. Тоскливый желтоватый кафель, выгребные ямы, горделиво увенчанные настоящими унитазами стульчаками, невыразимо грязные спецовки, обросшие чем-то жутким совковые лопаты, тачка с одним колесом, выделяющим дикие восьмерки, вагонетка, которую следовало нагружать и отгонять к ближайшей, уходящей в глубину штольне. И все это окутано чудовищным, невообразимым зловонием, въедающимся в одежду, пропитывающим собой каждый волос от корня до кончика, проникающим под кожу, так что начинаешь думать, что оно теперь стало частью твоей природы и останется с тобой навсегда, отпугивая тебе подобных и заставляя их свернуть с твоего пути раньше, чем они тебя увидят.

Первый день этой однообразной работы тянулся так медленно, что Артем решил: им дали бесконечную смену, они будут выгребать, кидать, катить, снова выгребать, снова катить, опорожнять и возвращаться обратно только для того, чтобы этот треклятый цикл повторился в очередной раз. Работе не было видно конца-края, постоянно приходили новые посетители. Ни они, ни охранники, стоявшие у входа в помещение и в конечном пункте их маршрута, у штольни, не скрывали отвращения к бедным работягам. Брезгливо сторонились, зажимая носы руками, или, кто поделикатнее, набирая полную грудь воздуха, чтобы случайно не вдохнуть поблизости с Артемом и Марком. На их лицах читалось такое омерзение, что Артем с удив-

лением спрашивал себя: разве не из их внутренностей берется вся эта мерзость, от которой они так поспешно и решительно отрекаются? В конце дня, когда руки были истерты до мяса, несмотря на огромные холщовые рукавицы, Артему показалось, что он постиг истинную природу человека, как и смысл его жизни. Человек теперь виделся ему как хитроумная машина по уничтожению продуктов и производству дерьма, функционирующая почти без сбоев на протяжении всей жизни, у которой нет никакого смысла, если под словом «смысл» иметь в виду какую-то конечную цель. Смысл был в процессе: истребить как можно больше пищи, переработать ее поскорее и извергнуть отбросы, все, что осталось от дымящихся свиных отбивных, сочных тушеных грибов, пышных лепешек – теперь испорченное и оскверненное. Черты лиц приходящих стирались, они становились безликими механизмами по разрушению прекрасного и полезного, создающими взамен зловонное и никчемное. Артем был озлоблен на людей и чувствовал к ним не меньшее отвращение, чем они к нему. Марк стоически терпел и время от времени подбадривал Артема высказываниями вроде: «Ничего-ничего, мне и раньше говорили, что в эмиграции всегда поначалу трудно».

И главное, ни в первый, ни во второй день возможности сбежать не представилось, охрана была бдительна, и хотя всего-то и надо было, что уйти в туннель дальше штольни, к Добрынинской, сделать это так и не получилось. Ночевали они в соседней камерке, на ночь двери тщательно запирались, и в любое время суток на посту, в стеклянной кабине при въезде на станцию, сидел стражник.

Наступил третий день их пребывания на станции. Время здесь шло не сутками, оно ползло, как слизень, секундами непрекращающегося кошмара. Артем уже привык к мысли, что никто больше никогда не подойдет к нему и с ним не заговорит, и ему уготована теперь судьба изгоя. Словно он перестал быть человеком и превратился в какое-то немыслимо уродливое существо, в котором люди видят не просто что-то гадкое и отталкивающее, но еще и нечто неуловимо родственное, и это отпугивает и отвращает их еще больше, как будто от него можно заразиться этим уродством, как будто он – прокаженный.

Сначала он строил планы побега. Потом пришла гулкая пустота отчаяния. После нее наступило мутное оупение, когда рассудок отстранился от его жизни, сжался, втянул в себя ниточки чувств и ощущений и закуклился где-то в уголке сознания. Артем продолжал работать механически, движения его отточились до автоматизма, надо было только выгребать, кидать, катить, снова выгребать, снова катить, опорожнять и возвращаться обратно побыстрее, чтобы снова выгребать. Сны потеряли осмысленность, и в них он, как и наяву, бесконечно бежал, выгребал, толкал, толкал, выгребал и бежал.

К вечеру пятого дня Артем налетел вместе с тачкой на валявшуюся на полу лопату и опрокинул содержимое, а потом еще и упал туда же сам. Когда он поднялся медленно с пола, что-то вдруг щелкнуло у него в голове, и вместо того, чтобы бежать за ведром и тряпкой, он неторопливо направился ко входу в туннель. Он сам ощущал сейчас себя настолько мерзким, настолько отвратительным, что его аура должна была оттолкнуть от него любого. И именно в этот момент, по невероятному стечению обстоятельств, неизменно торчавший в конце его обычной дороги охранник почему-то отсутствовал. Ни на секунду не задумываясь о том, что его могут преследовать, он зашагал по шпалам. Слепую, но почти не спотыкаясь, он шел все быстрее и быстрее, пока не перешел на бег, но разум его и тогда не вернулся к управлению телом, он все еще боязливо жался, забившись в свой угол. Сзади не было слышно ни криков, ни топота преследователей, и только дрезина, груженная товаром и освещавшая свой путь неярким фонарем, проскрипела мимо. Артем просто вжался в стену, пропуская ее вперед. Люди на ней то ли не заметили его, то ли не сочли нужным обращать на него внимание; их взгляды скользнули по нему, не задержавшись, и они не произнесли ни слова.

Внезапно его охватило ощущение собственной неуязвимости, дарованной падением; покрытый вонючей жижей, он словно сделался невидим, это придало ему сил, и сознание стало

постепенно возвращаться к нему. Ему удалось это! Неведомым образом, вопреки здравому смыслу, вопреки всему ему удалось бежать с чертовой станции, и никто даже не преследует его! Это было странно, это было удивительно, но ему показалось, что, если сейчас он хотя бы попробует осмыслить произошедшее, препарировать чудо холодным скальпелем радио, магия сразу же рассеется, и в спину немедленно ударит луч прожектора с патрульной дрезины.

В конце туннеля показался свет. Он замедлил шаг и через минуту вступил на Добрынинскую.

Пограничник удовлетворился немудрящим «Сантехника вызывали?» и поскорее пропустил его мимо, разгоняя воздух вокруг себя ладонью и прижав вторую ко рту. Дальше надо было идти вперед, уходить скорее с территории Ганзы, пока не опомнилась наконец охрана, пока не застучали за спиной окованные сапоги, не загремели предупредительные выстрелы в воздух, а потом... Скорее.

Ни на кого не глядя, опустив глаза в пол и кожей ощущая то омерзение, которое окружающие испытывают к нему, создавая вокруг себя вакуум, через какую густую толпу он бы ни пробирался, Артем шагал к пограничному посту. Что говорить теперь? Опять вопросы, опять требования предъявить паспорт – что ему отвечать?

Голова Артема была опущена так низко, что подбородок упирался в грудь, и он совсем ничего не видел вокруг себя, так что из всей станции ему запомнились только аккуратные темные гранитные плиты, которыми был выложен пол. Он шел вперед, замирая в ожидании того момента, когда услышит грубый оклик, приказывающий ему стоять на месте. Граница Ганзы была все ближе. Сейчас... Вот сейчас...

– Это еще что за дрянь? – раздался над ухом сдавленный голос.

Вот оно.

– Я... это... Заплутал... Я не местный сам... – то ли заплетаясь от смущения, то ли вживаясь в роль, забормотал Артем.

– Проваливай отсюда, слышь, ты, мурло! – голос звучал очень убедительно, почти гипнотически, хотелось ему немедленно подчиниться.

– Дык я... Мне бы... – промямлил Артем, боясь, как бы не переиграть.

– Попрошайничать на территории Ганзы строго запрещено! – сурово сообщил голос, и на этот раз он долетал уже с большего расстояния.

– Дык чуть-чуть... у меня детки малые... – Артем понял наконец, куда надо давить, и оживился.

– Какие еще детки? Совсем оборзел?! – рассвирепел невидимый пограничник. – Попов, Ломако, ко мне! Выбросить эту мразь отсюда!

Ни Попов, ни Ломако не желали марать об Артема руки, поэтому его просто вытолкали в спину стволами автоматов. Вслед летела раздраженная брань старшего. Для Артема она звучала как небесная музыка.

Серпуховская! Ганза осталась позади!

Он наконец поднял взгляд, но то, что он читал в глазах окружавших его людей, заставило его опять уткнуться взором в пол. Здесь уже была не ухоженная ганзейская территория, он снова окунулся в грязный нищий бедлам, царивший во всем остальном метро, но даже и для него Артем был слишком мерзок. Чудесная броня, спасшая его по дороге, делавшая его невидимым, заставлявшая людей отворачиваться от беглеца и не замечать его, пропускать его через все заставы и посты, теперь опять превратилась в смердящую навозную коросту. Видимо, двенадцать уже пробило.

Теперь, когда прошло первое ликование, та чужая, словно взятая взаймы сила, что заставляла его упрямо идти через перегон от Павелецкой к Добрынинской, разом исчезла и оставила его наедине с самим собой, голодным, смертельно усталым, не имеющим за душой ничего, источающим непереносимое зловоние, все еще несущим следы побоев недельной давности.

Нищие, рядом с которыми он присел к стене, решив, что теперь такой компании он больше может не чураться, с чертыханиями расползлись от него в разные стороны, и он остался совсем один. Обхватив себя руками за плечи, чтобы было не так холодно, он закрыл глаза и долго сидел так, не думая совсем ни о чем, пока его не сморил сон.

Артем шел по нескончаемому туннелю. Он был длиннее, чем все те перегоны, через которые ему пришлось пройти в своей жизни, вместе взятые. Туннель петлял, то поднимался, то катился вниз, в нем не было ни единого прямого участка дольше десяти шагов. Но он все не кончался и не кончался, а идти становилось все сложнее, болели сбитые в кровь ноги, ныла спина, каждый новый шаг отзывался эхом боли по всему телу, однако покуда оставалась надежда, что выход совсем недалеко, может, сразу за этим углом, Артем находил в себе силы, чтобы идти. А потом ему вдруг пришла в голову простая, но страшная мысль: а что, если у туннеля нет выхода? Если вход и выход замкнуты, если кто-то, незримый и всемогущий, посадил его, – барахтающегося, как крысу, безуспешно пытающуюся тяпнуть за палец экспериментатора, в этот лабиринт без выхода, чтобы он тащился вперед, пока не выбьется из сил, пока не упадет, – сделав это безо всякой цели, просто для забавы? Крыса в лабиринте. Белка в колесе. Но тогда, подумал он, если продолжение пути не приводит к выходу, может, отказ от бессмысленного движения вперед подарит освобождение? Он сел на шпалы, не потому что устал, а потому, что его путь был окончен. И стены вокруг исчезли, а он подумал: чтобы достичь цели, чтобы завершить поход, надо просто перестать идти. Потом эта мысль расплылась и исчезла.

Когда он проснулся, его охватила непонятная тревога, и сначала он все не мог сообразить, что произошло. Только потом он начал вспоминать кусочки сна, составлять из этих осколков мозаику, но осколки никак не держались вместе, расплзались, не хватало клея, который бы соединил их воедино. Этим клеем была какая-то мысль, которая пришла ему во сне, она была стержнем, сердцевинкой видения, она придавала ему значение. Без нее это была просто груда рваной холстины, с ней – прекрасная картина, полная волшебного смысла, открывающая бескрайние горизонты. И этой мысли он не помнил. Артем грыз кулаки, вцеплялся в свою грязную голову грязными руками, губы шептали что-то нечленораздельное, и проходящие мимо смотрели на него боязливо и неприязненно. А мысль не желала возвращаться. И тогда он медленно, осторожно, словно пытаясь за волосок вытянуть из болота завязшего, начал восстанавливать ее из обрывков воспоминаний. И – о чудо! – ловко ухватившись за один из образов, он вдруг вспомнил ее в том самом первоизданном виде, в котором она прозвучала в его сновидении.

Чтобы завершить поход, надо просто перестать идти.

Но теперь, при ярком свете бодрствующего сознания, мысль эта показалась ему банальной, жалкой, не заслуживающей никакого внимания. Чтобы закончить поход, надо перестать идти? Ну, разумеется. Перестань идти, и твой поход закончится. Чего уж проще. Но разве это выход? И разве это – то окончание похода, к которому он стремился?..

Часто бывает, что мысль, кажущаяся во сне гениальной, при пробуждении оказывается бессмысленным сочетанием слов...

– О, возлюбленный брат мой! Скверна на теле твоём и в душе твоей, – услышал он голос прямо над собой.

Это было для него так неожиданно, что и возвращенная мысль, и горечь разочарования от ее возвращения мгновенно растаяли. Он даже не подумал отнестись к обращению на свой счет, настолько уже успел привыкнуть к мысли, что люди разбегаются в разные стороны еще до того, как он успеет промолвить хоть слово.

– Мы привечаем всех сирых и убогих, – продолжал голос, он звучал так мягко, так успокаивающе, так ласково, что Артем, не выдержав, кинул сначала косой взгляд влево, а потом угрюмо глянул вправо, боясь обнаружить там кого-либо другого, к кому обращался говоривший.

Но поблизости больше никого не было. Разговаривали с ним. Тогда он медленно поднял голову и встретился глазами с невысоким улыбающимся мужчиной в просторном балахоне, русоволосым и розовощеким, который дружески тянул ему руку. Любое участие Артему сейчас было жизненно необходимо, и он, несмело улыбнувшись, тоже протянул руку.

«Почему он не шарахается от меня, как все остальные? – подумал Артем. – Он даже готов пожать мне руку. Почему он сам подошел ко мне, когда все вокруг стараются находиться как можно дальше от меня?»

– Я помогу тебе, брат мой! – продолжил розовощекый. – Мы с братьями дадим тебе приют и вернем тебе душевные силы твои.

Артем только кивнул, но собеседнику хватило и этого.

– Так позволь мне отвести тебя в Сторожевую Башню, о возлюбленный брат мой, – пропел он и, цепко ухватив Артема за руку, повлек его за собой.

Глава 11. Не верю

Артем не запомнил, да и не запоминал дороги, понял только, что со станции его повели в туннель, но в какой из четырех, он не знал. Его новый знакомый представился ему братом Тимофеем. По дороге, и на серой, невзрачной Серпуховской, и в темном глухом туннеле, он говорил не замолкая:

– Возрадуйся, о возлюбленный брат мой, ибо встретил ты меня на своем пути, и отныне все переменится в жизни твоей. Закончился беспросветный мрак твоих бесцельных скитаний, ибо вышел ты к тому, что искал.

Артем не очень хорошо понимал, что тот имеет в виду, потому что лично его скитания были далеки от конца, но розовый благостный Тимофей так складно и так ласково говорил, что его хотелось слушать и слушать, общаться с ним на одном языке, благодарить его за то, что он не отверг Артема, когда от него отвернулся весь мир.

– Веруешь ли ты в Бога истинного, единого, о брат мой Артем? – как бы невзначай полюбопытствовал Тимофей, заглядывая внимательно Артему в глаза.

Артем смог только неопределенно мотнуть головой и пробормотать нечто неразборчивое, что при желании можно было бы расценить и как согласие, и как отрицание.

– И хорошо, и пречудесно, брат Артем, – ворковал Тимофей, – только лишь вера истинная спасет тебя от вечных адовых мук и дарует тебе искупление грехов твоих. Потому что, – он принял вид строгий и торжественный, – грядет царствие Бога нашего Иеговы, и сбываются священные библейские пророчества. Изучаешь ли ты Библию, о брат?

Артем опять замычал, и розовощекий на этот раз глянул на него с некоторым сомнением.

– Когда мы придем в Сторожевую Башню, ты убедишься воочию, что Священную Книгу, дарованную нам свыше, изучать необходимо, и великие блага нисходят на вернувшихся на путь истинный. Библия – драгоценный дар Бога нашего Иеговы, она сравнима лишь с письмом любящего отца к отрокам его, – добавил брат Тимофей на всякий случай. – Знаешь ли ты, кто писал Библию? – чуть строго спросил он у Артема.

Артем решил, что больше притворяться смысла не имеет, и честно помотал головой.

– Об этом, как и о многом другом, поведают тебе в Сторожевой Башне, и многое откроется глазам твоим, – посулил брат Тимофей. – Знаешь ли ты, что сказал Иисус Христос, сын Божий, своим последователям в Лаодикии? – Видя, что Артем отводит глаза в сторону, он с мягким укором покачал головой. – Иисус сказал: «Советую купить у меня глазную мазь, чтобы, втерев ее в глаза, ты мог видеть». Но Иисус говорил не о телесной болезни, – подняв указательный палец, подчеркнул брат Тимофей, и его голос замер на повышенной интригующей интонации, обещавшей любознательным удивительное продолжение.

Артем немедленно изобразил живой интерес.

– Иисус говорил о слепоте духовной, которую необходимо исцелить, – растолковал загадку Тимофей. – Так и ты, и тысячи других заблудших странствуют впотьмах, ибо слепы они. Но вера в истинного Бога нашего Иегову есть та мазь глазная, от которой вежды твои распахнутся широко и увидят подлинный мир, ибо зряч ты физически, но слеп духовно.

Артем подумал, что глазную мазь ему было бы очень хорошо дня четыре назад. Так как он ничего не отвечал, брат Тимофей решил, что эта сложная идея требует осмысления, и некоторое время молчал, позволяя ему постичь услышанное.

Но через пять минут впереди мелькнул свет, и брат Тимофей прервал размышления, чтобы сообщить радостную весть:

– Видишь ли огни в отдалении? Сие есть Сторожевая Башня. Мы пришли!

Никакой башней это не было, и Артем почувствовал легкое разочарование. Это был стоявший посреди туннеля обычный состав, фары которого неярко лучились в темноте, освещая

щая ближайшие пятнадцать метров. Когда брат Тимофей с Артемом приблизились к поезду, навстречу им из кабины машиниста спустился тучный мужчина в таком же балахоне, обнял розовощекого и тоже обратился к нему «возлюбленный брат мой», из чего Артем сделал вывод, что это скорее фигура речи, чем признание в любви.

– Кто сей отрок? – ласково улыбаясь Артему, низким голосом спросил тучный.

– Артем, новый брат наш, который хочет вместе с нами идти по пути истинному, изучать святую Библию и отречься от дьявола, – объяснил розовощекий Тимофей.

– Так позволь стражнику Башни приветствовать тебя, о возлюбленный брат мой Артем! – прогудел толстяк, и Артем опять поразился тому, что и он словно не замечает той нестерпимой вони, которой сейчас было пропитано все его существо.

– А теперь, – ворковал брат Тимофей, когда они не спеша продвигались по первому вагону, – прежде, чем попадешь ты на встречу братьев в Зал Царства, ты должен очистить тело твое, ибо Иегова, Бог наш, чист и свят, и ожидает он, чтобы его поклонники сохраняли духовную, нравственную и физическую чистоту, а также чистоту в мыслях. Мы живем в мире нечистом, – он с прискорбным лицом оглядел одежду Артема, которая действительно находилась в плачевном состоянии, – и, чтобы оставаться чистыми в глазах Бога, от нас требуются серьезные усилия, брат мой, – заключил он и втокнул Артема в обитый пластмассовыми листами закуток, оборудованный недалеко от входа в вагон. Тимофей попросил его раздеться, а потом вручил тошнотворно пахнущий брикет серого мыла и минут пять поливал его водой из резинового шланга.

Артем старался не думать, из чего было сделано мыло. Во всяком случае, оно не только разъедало кожу, но и уничтожало мерзкий запах, исходивший от тела. По завершении процедуры брат Тимофей выдал Артему относительно свежий балахон, вроде своего, и неодобрительно посмотрел на висевшую у него на шее гильзу, усмотрев в ней языческий талисман, но ограничился лишь укоризненным вздохом.

Удивительно было и то, что в этом странном поезде, застрявшем невесте когда посреди туннеля и служащем теперь братьям пристанищем, есть вода и подается она под таким напором. Но когда Артем поинтересовался, что же за вода идет из шланга и как удалось соорудить подобное устройство, брат Тимофей только загадочно улыбнулся и заявил, что стремление угодить Господу Иегове поистине подвигает людей на поступки героические и славные. Объяснение было более чем туманным, но им пришлось удовлетвориться.

Затем они перешли во второй вагон, где между жесткими боковыми диванами были устроены длинные столы, сейчас пустые. Брат Тимофей подошел к человеку, колдовавшему над большими чанами, от которых шел соблазнительный пар, и вернулся с большой тарелкой какой-то кашицы, оказавшейся вполне съедобной, хотя Артему так и не удалось определить ее происхождения.

Пока он торопливо черпал облезшей алюминиевой ложкой горячую похлебку, брат Тимофей умиленно созерцал его, не упуская возможности вернуть:

– Не подумай, что я не доверяю тебе, брат, но твой ответ на мой вопрос о вере в Бога нашего звучал неуверенно. Неужели ты мог бы представить себе мир, в котором нет Его? Неужели наш мир мог бы возникнуть сам по себе, а не в соответствии с мудрой Его волей? Неужели все бесконечное разнообразие форм жизни, все красоты земли, – он обвел подбородком обеденный зал, – все это могло возникнуть случайно?..

Артем внимательно оглядел вагон, но не обнаружил в нем иных форм жизни, кроме них самих и повара. Снова пригнувшись к миске, он только издал скептическое урчание.

Вопреки его ожиданию, несогласие вовсе не огорчило брата Тимофея. Напротив, он заметно оживился, и его розовые щеки зажглись задорным боевым румянцем.

– Если это не убеждает тебя в Его существовании, – энергично продолжил брат Тимофей, – то подумай о другом. Ведь если в этом мире нет проявления Божественной воли, то

это значит... – голос его замер, будто от ужаса, и только спустя несколько долгих мгновений, за которые Артем совсем потерял аппетит, он закончил: – Ведь это значит, что люди предоставлены сами себе, и в нашем существовании нет никакого смысла, и нет никакой причины продолжать его... Это значит, что мы совсем одиноки, и некому заботиться о нас. Это значит, что мы погружены в хаос, и нет ни малейшей надежды на свет в конце туннеля... В таком мире жить страшно. В таком мире жить невозможно.

Артем не ответил ему ничего, но эти слова заставили его задуматься. До этого момента он видел свою жизнь именно как полный хаос, как цепь случайностей, лишенных связи и смысла. И пусть это угнетало его и соблазн довериться любой простой истине, наполнявшей его жизнь смыслом, был велик, он считал это малодушием и сам, сквозь боль и сомнения, укреплял себя в мысли, что его жизнь никому, кроме него самого, не нужна, что каждый живущий должен сам противостоять бессмыслице и хаосу бытия. Но спорить с ласковым Тимофеем ему сейчас совсем не хотелось.

Наступило сытое, умиротворенное, благодатное состояние, он чувствовал искреннюю признательность к человеку, который подобрал его, усталого, голодного, смердящего, тепло побеседовал с ним, а теперь накормил его и дал ему чистую одежду. Хотелось хоть как-нибудь отблагодарить его, и поэтому, когда тот поманил его за собой, обещая отвести на собрание братьев, Артем с готовностью вскочил с места, всем своим видом показывая, что он с удовольствием пойдет и на это самое собрание, и вообще куда угодно.

Для собраний был отведен следующий, третий по счету вагон. Он был весь забит людьми самого разного вида, в основном одетых в такие же балахоны. В середине вагона находился небольшой помост, и человек, стоявший на нем, возвышался надо всеми на полкорпуса, почти упираясь головой в потолок.

– Тебе важно сейчас слышать все, – наставительно сказал Артему брат Тимофей, расчищая дорогу ласковыми прикосновениями и увлекая его за собой, в самую гущу толпы.

Оратор был довольно стар, на его грудь спускалась благообразная седая борода, а глубоко посаженные глаза непонятного цвета смотрели мудро и спокойно. Лицо его, не худое и не толстое, было изборождено глубокими морщинами, но выглядело от этого не стариковски беспомощно и бессильно, а мудро и излучало необъяснимую силу.

– Старейшина Иоанн, – с благоговением в голосе шепнул Артему брат Тимофей. – Тебе сильно повезло, брат Артем, проповедь только начинается, и ты получишь несколько уроков сразу.

Старейшина поднял руку; шуршание и шепот немедленно прекратились. Тогда он глубоким, звучным голосом начал:

– Мой первый урок вам, возлюбленные братья мои, о том, как узнать, чего требует от нас Бог. Для этого ответьте на три вопроса: какие важные сведения содержит Библия? Кто ее автор? Почему ее надо изучать?

Его речь отличалась от витиеватой манеры изъясняться брата Тимофея: он говорил совсем просто, складывая незамысловатые обороты в короткие предложения. Артем сначала удивился этому, но потом он огляделся по сторонам и увидел, что большинство присутствующих способны понять только такие слова, а розовощекий Тимофей произвел бы на них не большее впечатление, чем стол или стена. Тем временем седой проповедник сообщил, что в Библии изложена истина о Боге: кто он и каковы его законы. После этого он перешел ко второму вопросу и рассказал, что Библию на протяжении 1600 лет писали примерно сорок разных людей, но всех их вдохновлял Бог.

– Поэтому, – заключил старейшина, – автор Библии не человек, а Бог, живущий на небесах. А теперь ответьте мне, братья, почему нужно изучать Библию? – И, не дожидаясь, пока братья ответят, сам разъяснил: – Потому что познание Бога и исполнение его воли – залог

вашего вечного будущего. Не все будут рады тому, что вы изучаете Библию, – предупредил он, – но не позволяйте никому помешать вам! – Он обвел суровым взором собравшихся.

Наступила минутная тишина, и старец, сделав глоток воды, продолжил:

– Второй мой урок вам, братия, о том, кто такой Бог. Для этого ответьте мне на три вопроса: кто такой истинный Бог и какое у Него имя? Каковы самые главные Его качества? Как следует поклоняться Ему?

Кто-то из толпы хотел было ответить на один из вопросов, но на него яростно зашикали, а Иоанн, как ни в чем не бывало, стал отвечать сам:

– Люди поклоняются многому. Но в Библии говорится, что есть лишь один истинный Бог. Он создал все, что на небе и на земле. Раз он дал нам жизнь, поклоняться следует только Ему одному. Как же зовут истинного Бога? – возвысил голос старец, делая паузу.

– Иегова! – грянул многоголосый хор.

Артем с опаской огляделся по сторонам.

– Имя Бога истинного – Иегова! – подтвердил проповедник. – У него много титулов, но только одно имя. Запомните имя Бога нашего и называйте его не трусливо, по титулу, а прямо, по имени! Кто ответит мне теперь: каковы главные качества Бога нашего?

Артем думал, что уж сейчас точно найдется в толпе кто-нибудь, достаточно образованный, чтобы ответить на этот вопрос. И стоявший неподалеку серьезного вида юноша потянул вверх руку, чтобы ответить, но старец опередил его:

– Личность Иеговы открывается в Библии. Главные качества Его – любовь, справедливость, мудрость и сила. В Библии говорится, что Бог милосерд, добр, готов прощать, великодушен и терпелив. Мы, подобно послушным детям, должны во всем подражать Ему.

Сказанное не вызвало возражений у собравшихся, и старец, огладив рукой свою роскошную бороду, спросил:

– А теперь скажите мне: как следует поклоняться Господу нашему Иегове?.. Иегова говорит, что мы должны поклоняться только Ему. Мы не должны почитать образы, картины, символы и молиться им! Бог наш не будет делить славу с кем-то еще! Образы бессильны нам помочь! – голос вещавшего грозно возвысился.

В толпе согласно зашумели, а брат Тимофей повернул к Артему свое радостно сияющее лицо и сказал:

– Старейшина Иоанн – великий оратор, благодаря ему братство наше растет с каждым днем, и ширится число последователей веры истинной!

Артем кисло улыбнулся. Пока пламенные речи старейшины Иоанна не производили на него того же зажигательного впечатления, что и на всех остальных. Но, может, стоило послушать дальше?

– В третьем моем уроке я расскажу вам, кто такой Иисус Христос, – поведал старец. – И вот три вопроса: почему Иисус Христос назван первородным сыном Бога? Почему он пришел на землю как человек? Что сделает Иисус в недалеком будущем?

Дальше выяснилось, что первородным сыном Бога Иисус назван потому, что он был первым творением Бога, до воплощения на земле был духовной личностью и жил на небе. Артема это сильно удивило – настоящее небо в сознательном возрасте он видел только однажды, в тот самый роковой день на Ботаническом Саду. Кто-то говорил ему однажды, что на звездах, возможно, есть жизнь. Не об этом ли говорил проповедник?..

Когда с этим разобрались, старейшина Иоанн воззвал:

– Но кто из вас скажет мне, отчего Иисус Христос, сын Божий, пришел на землю как человек? – и сделал артистическую паузу.

Теперь Артем начал уже немного разбираться в том, что происходит вокруг, и стало заметно, кто из присутствующих принадлежит к числу новообращенных, а кто уже давно посещает эти уроки. Ветераны никогда не делали попыток отвечать на вопросы старейшины,

новички же, наоборот, старались показать свои знания и рвение, выкрикивая ответы и размахивая руками, но только до того момента, как старец начинал объяснять сам.

– Не послушавшись повеления Бога, первый человек Адам совершил то, что в Библии названо грехом, – издали начал старейшина. – Поэтому Бог приговорил Адама к смерти. Постепенно Адам состарился и умер, но он передал грех всем своим детям, и поэтому мы тоже стареем, болеем и умираем. И тогда Бог послал своего первородного сына, Иисуса, чтобы тот научил людей истине о Боге, сохранив совершенную непорочность, показал людям пример и пожертвовал своей жизнью, чтобы освободить человечество от греха и смерти.

Артему эта идея показалась очень странной. Зачем надо было сначала карать всех смертью, чтобы потом жертвовать собственным сыном, чтобы вернуть все, как было? И это при условии собственного всемогущества?

– Иисус возвратился на небо, воскрешенный, как духовная личность. Позднее Бог назначил его Царем. Скоро Иисус устранил с земли все зло и страдания! – пообещал старец. – Но об этом – после молитвы, возлюбленные братья мои!

Собравшиеся послушно склонили головы и предалися таинству молитвы. Теперь Артем купался в многоголосом гудении, из которого можно было выудить отдельные слова, но общий смысл все время ускользал. После пятиминутной молитвы братья стали оживленно переговариваться, переживая, видимо, душевный подъем. У Артема на душе заскребли кошки, но он решил пока остаться здесь, потому что самая убедительная часть урока могла быть еще впереди.

– И в четвертом своем уроке я поведаю вам, кто такой Дьявол, – обводя стоящих вокруг мрачно горящим взглядом, угрожающе предупредил старейшина. – Все ли готовы к этому? Все ли братья достаточно сильны духом, чтобы узнать об этом?

Здесь уж точно надо было отвечать, но Артем не смог выдавить из себя ни звука. Откуда ему знать, достаточно ли он крепок духом, если неясно, о чем идет речь?

– И вот три вопроса: откуда взялся Сатана Дьявол? Как Сатана обманывает людей? Почему нам необходимо сопротивляться Дьяволу?

Артем пропустил почти весь ответ на этот вопрос мимо ушей, задумавшись о том, где же он находится и как ему теперь выбираться отсюда. Услышал только, что главный грех Сатаны заключался в том, что тот захотел себе поклонения, которое по праву принадлежит Богу. А еще усомнился в том, правильно ли Бог властвует и учитывает ли интересы всех своих подданных, а также сохранит ли хоть один человек беззаветную преданность Богу? Язык старца казался теперь Артему пугающе канцелярским и неподходящим для обсуждения подобных вопросов. Брат Тимофей время от времени поглядывал внимательно на него, безуспешно пытаясь обнаружить в его лице хоть искорку, обещающую скорое просветление, но Артем становился только мрачнее и мрачнее.

– Сатана обманывает людей, чтобы они поклонялись ему, – вещал тем временем старец. – Есть три способа обманывать: ложная религия, спиритизм и национализм. Если религия учит лжи о Боге, она служит целям Сатаны. Приверженцы ложных религий могут искренне думать, что они поклоняются истинному Богу, но в действительности они служат Сатане. Спиритизм, когда люди призывают духов, чтобы они охраняли их, вредили другим людям, предсказывали будущее и совершали чудеса. За всеми этими действиями стоит злая сила, Сатана! – голос старца задрожал от ненависти и отвращения. – Кроме того, Сатана обманывает людей, возбуждая в них крайнюю национальную гордость и побуждая их поклоняться политическим организациям, – старейшина предостерегающе воздел перст. – Люди порой считают, что их народ или раса лучше других. Но это неправда.

Артем потер шею, на которой все еще оставался красный рубец, и кашлянул. С последним он не мог не согласиться.

– Бытует мнение, что проблемы человечества устранят политические организации. Убежденные в этом отвергают Царство Бога. Но проблемы человечества решит только Царство Иеговы. А теперь скажу вам, о братья, почему необходимо сопротивляться Дьяволу. Чтобы заставить вас отойти от Иеговы, Сатана может прибегнуть к гонениям и противодействию. Кто-то из ваших близких может рассердиться на вас за то, что вы изучаете Библию. Другие могут начать насмехаться над вами. Но кому вы обязаны своей жизнью?! – спросил старец, и железные нотки зазвенели в его голосе. – Сатана хочет запугать вас! Чтобы вы перестали узнавать об Иегове! Не позволяйте! Сатане! Одержать! Верх! – голос Иоанна зарокотал подобно раскатам грома. – Сопrotивляясь Дьяволу, докажете Иегове, что вы за владычество его!

Толпа восторженно заревела.

Мановением руки старейшина Иоанн остановил всеобщую истерию, чтобы завершить собрание последним, пятым уроком.

– Что Бог замыслил для земли? – обратился он к присутствующим, разводя руками. – Иегова сотворил землю, чтобы на ней вечно и счастливо жили люди! Он хотел, чтобы землю населяло праведное, радостное человечество. Земля никогда не будет уничтожена. Она будет существовать вечно!

Артем не выдержал и фыркнул, и на него тут же устремились гневные взгляды, а брат Тимофей погрозил ему пальцем.

– Первые люди, Адам и Ева, согрешили, намеренно нарушив закон Бога, – продолжал оратор. – Поэтому Иегова изгнал их из рая, и рай был утерян. Но Иегова не забыл, для чего сотворил землю. Он обещал превратить ее в рай, в котором будут вечно жить люди. Как Бог исполнит свой замысел? – поинтересовался старец у самого себя.

Судя по затянувшейся паузе, сейчас должен был настать ключевой момент проповеди, и Артем весь обратился в слух.

– Прежде чем земля станет раем, должны быть удалены злые люди, – злое слово произнес Иоанн. – Нашим предкам было завещано, что очищение случится в Армагеддоне – Божьей войне по уничтожению зла. Затем Сатана будет скован на тысячу лет. Не будет никого, кто вредил бы земле. В живых останется только народ Бога! Тысячу лет землей будет править Царь Христос Иисус! – старец обратил пылающий взор на ближние ряды внимающих. – Понимаете ли вы, что это значит? Божья война по уничтожению зла уже закончена! То, что случилось с этой грешной землей, – это и есть Армагеддон! Зло испепелено! Согласно предреченному, выживет только народ Бога. Мы, живущие в метро, и есть народ Божий! Мы выжили в Армагеддоне! Царство Божие грядет! Вскоре не будет ни старости, ни болезней, ни смерти! Больные избавятся от недугов, старые вновь станут молодыми! При тысячелетнем правлении Иисуса верные Богу люди превратят землю в рай, Бог воскресит к жизни миллионы умерших!

Артему вспомнился разговор Сухого с Хантером о том, что уровень радиации на поверхности не снизится в течение, по крайней мере, пятидесяти лет, о том, что человечество обречено, что грядут другие биологические виды... Старец не пояснял, как именно получится так, что поверхность земли превратится в цветущий рай.

Артему хотелось спросить его, что за жуткие растения будут цвести в этом выжженном раю и какие люди осмелятся подняться наверх, чтобы населить его, и были ли его родители детьми Сатаны, и за это ли они погибли в войне по уничтожению зла, но он не сказал ничего. Его переполнили такая горечь и такое недоверие, что глазам стало горячо, и он со стыдом ощутил сползшую вниз по щеке слезу. Собравшись с силами, он произнес только одно:

– А скажите, что говорит Иегова, Бог наш истинный, о безголовых мутантах?..

Вопрос повис в воздухе. Старейшина Иоанн не удостоил Артема даже взглядом, но стоявшие рядом оглянулись на него испуганно и отчужденно, и вокруг него тут же образовалась пустота, словно он снова испускал зловоние. Брат Тимофей взял его было за руку, но Артем вырвался и, расталкивая толпившихся братьев, стал пробираться к выходу. Несколько раз ему

пытались поставить подножку, однажды кто-то даже ударил кулаком в спину, вслед несясь возмущенный шепот.

Он выбрался из Зала Царства и пошел через столовую. Теперь за столами было много людей, перед которыми стояли пустые алюминиевые миски. Посередине происходило что-то любопытное, и все глаза были устремлены туда.

– Прежде чем мы приступим к трапезе, братия, – говорил худой невзрачный человек с кривым носом, – давайте послушаем маленького Давида и его историю, которая дополнит услышанную сегодня проповедь о насилии.

Он отошел в сторону, и его место занял пухлый курносый мальчик с зачесанными белесыми волосами.

– Он был в ярости и хотел меня поколотить, – начал Давид тем тоном, каким обычно дети рассказывают заученное наизусть стихотворение. – Наверное, просто потому, что я был маленького роста. Я попятился от него и закричал: «Стой! Подожди! Не бей меня! Я же тебе ничего не сделал. Чем я тебя обидел? Ты лучше расскажи, что случилось?» – лицо Давида приняло отрепетированно одухотворенное выражение.

– И что же сказал тебе этот ужасный громила? – взволнованно вступил худой.

– Оказалось, что кто-то украл его завтрак, и он просто выплеснул раздражение на первого встречного, – объяснил Давид, но что-то в его голосе заставляло усомниться в том, что он сам хорошо понимает смысл только что сказанного.

– И как ты поступил? – нагнетая напряжение, давил худой.

– Я просто сказал ему: «Если ты меня побьешь, это не вернет тебе твоего завтрака», и предложил ему вместе пойти к брату повару, чтобы рассказать о случившемся. Мы попросили для него еще один завтрак. Он пожал мне после этого руку и всегда был со мной дружелюбен.

– Присутствует ли здесь обидевший маленького Давида? – спросил худой голосом следователя.

Вверх тут же взметнулась рука, и крупный парень, лет двадцати, с глупым и злобным лицом начал пробираться к импровизированной сцене, чтобы рассказать, какое чудесное действие на него оказали слова маленького Давида. Ему это далось непросто, малыш был явно способнее в заучивании слов, смысла которых не понимал. Когда представление закончилось, а маленького Давида и раскаявшегося громилу проводили одобрительными аплодисментами, худосочный тип снова заступил на их место и задумчиво обратился к сидящим:

– Да, кроткие слова обладают огромной силой! Как говорится в Притчах, кроткая речь переламинает кость. Мягкость и кротость не есть слабость, о возлюбленные братья мои, за мягкостью скрывается огромная сила воли! И примеры из Святой Библии доказывают это... – И, найдя в замусоленной книжке нужную страницу, он воодушевленно принялся зачитывать какую-то историю.

Артем двинулся дальше, провожаемый удивленными взглядами, и наконец выбрался в первый вагон. Там его никто не задержал, и он хотел было выйти на пути, но стражник Башни, добродушный и невозмутимый толстяк, радушно приветствовавший его при входе, перегородил теперь ему своей тушей путь и, нахмутив густые брови, спросил строго, имеет ли Артем разрешение на выход. Обойти его было никак нельзя.

Подождав объяснений с полминуты, охранник с сухим треском размял кулачищи и двинулся на Артема. Загнанно оглядываясь по сторонам, тот вспомнил историю маленького Давида. Может быть, вместо того, чтобы кидаться на слоноподобного стражника, стоило узнать у него, не украл ли кто его завтрак?

К счастью, тут подоспел брат Тимофей и, ласково посмотрев на охранника, произнес:

– Этот отрок может идти, мы никого не удерживаем против его желания.

Стражник, удивленно посмотрев на него, послушно отступил в сторону.

– Но позволь мне сопровождать тебя хоть недолго, о возлюбленный брат мой Артем, – пропел брат Тимофей, и Артем, не в силах сопротивляться магии его голоса, кивнул. – Может, в первый раз тебе и показалось непривычным то, как мы здесь живем, – успокаивающе говорил Тимофей, – но теперь семя Божье заронено и в тебя, и видят глаза мои, что упало оно на благодатную почву. Хочу рассказать тебе только, как не следует тебе поступать теперь, когда Царство Божие близко как никогда, чтобы не был ты отвергнут. Ты должен научиться ненавидеть зло и избегать дел, которые Бог ненавидит: блуд, подразумевающий неверность, скотоложество, кровосмешение и гомосексуализм, азартные игры, ложь, воровство, приступы гнева, насилие, колдовство, спиритизм, пьянство, – скороговоркой перечислял брат Тимофей, беспокойно заглядывая Артему в глаза. – Если ты любишь Бога и хочешь ему угодить, избавься от таких грехов! Помощь тебе могут оказать зрелые друзья твои, – намекая, должно быть, на себя, прибавил он. – Чти имя Бога, проповедуй о Царстве Бога, не участвуй в делах этого злого мира, отрекись от людей, которые говорят тебе обратное, ибо Сатана глаголет их устами, – бормотал он, но Артем не слышал ничего, он шел все быстрее, и брат Тимофей уже не поспевал за ним. – Скажи, где я смогу найти тебя в следующий раз? – запыхавшись, взывал он с приличного расстояния, почти сокрытый уже полумраком.

Артем промолчал и перешел на бег, и тогда сзади, из темноты, донесся отчаянный вопль: – Верни балахон!..

Артем бежал вперед, спотыкаясь, не видя перед собой ничего, несколько раз он упал, разодрав о бетонный пол ладони и ссадив колени, но останавливаться было нельзя, слишком отчетливо ему виделся черный автомат на пульте, и сейчас он уже не так верил в то, что братья предпочтут кроткое слово насилию, если смогут его догнать.

Он был еще на шаг ближе к своей цели, он совсем уже недалеко находился от Полиса, на одной с ним линии, и оставалось пройти только две станции. Главное, идти вперед, не сворачивая ни на шаг с пути, и тогда...

Артем вышел на Серпуховскую и, не задержавшись на ней ни секунды, сверив только направление, снова нырнул в черную дыру туннеля, ведущего вперед.

Но здесь с ним что-то случилось.

Забывшее уже чувство страха туннеля обрушилось на него, прижав к земле, мешая идти, думать, дышать. Ему казалось, что теперь у него появилась привычка, что после всех странствий ужас оставит его и не посмеет больше ему досаждать. Он не чувствовал ни страха, ни тревоги, когда шел от Китай-Города к Пушкинской, когда ехал от Тверской к Павелецкой, даже когда совсем один шагал от Павелецкой к Добрынинской. И вот – вернулось.

С каждым шагом вперед это чувство давило его все больше, хотелось немедленно развернуться и броситься сломя голову на станцию, где был хоть какой-то свет, где были люди, где спину не щекотало постоянное ощущение злобного пристального взгляда.

Он слишком много общался с людьми и от этого перестал чувствовать то, что нахлынуло на него при выходе с Алексеевской. Но сейчас его снова захлестнуло понимание того, что метро – это не просто сооруженное некогда транспортное предприятие, не просто атомное бомбоубежище или обиталище нескольких десятков тысяч человек... Что в него кто-то вдохнул собственную, загадочную, ни с чем не сравнимую жизнь, что оно обладает неким непривычным и непонятным человеку разумом и чуждым ему сознанием.

Ощущение было таким четким и ярким, что Артему показалось: страх туннеля – просто враждебность этого огромного существа, ошибочно принимаемого людьми за свое последнее пристанище, к мелким созданиям, копошащимся в его теле. Оно сейчас не хотело, чтобы Артем шел вперед, оно противопоставило его стремлению добраться до конца пути, до Цели, свою волю, древнюю, могучую. И его сопротивление нарастало с каждым пройденным Артемом метром.

Он шел в той же крошечной темноте, не видя собственных рук, даже если подносил их к самому лицу. Он словно выпал из пространства и из течения времени, и ему чудилось, что его тело перестало существовать. Он будто не ступал по туннелю, а субстанцией чистого разума парил в неизвестном измерении.

Артем не видел уходящих назад стен, и от этого казалось, что он стоит на месте и не продвигается вперед ни на шаг, что цель его пути так же недостижима, как и пять, и десять минут назад. Да, ноги перебирали шпалы, и это могло свидетельствовать о том, что он перемещается в пространстве. С другой стороны, сигнал, оповещавший его мозг о каждой новой шпале, на которую ступала нога, был однотипным, будто записанным однажды и теперь бесконечно повторявшимся. Это тоже заставляло усомниться в реальности движения. Приближается ли он к цели, двигаясь? Внезапно вспомнилось бывшее ему видение, которое давало ответ на мучивший его вопрос.

Он тряхнул головой, пытаясь выкинуть из нее эти глупые, никчемные мысли, парализующие мышцы и разум, но они только укрепились от этого проявления его слабости. И тогда, то ли из страха перед тем неведомым, злым, враждебным, что стучалось за его спиной, то ли чтобы доказать себе, что он все-таки перемещается, Артем ринулся вперед с утроенной силой. И еле успел остановиться, шестым чувством угадав впереди препятствие и чудом не налетев на него.

Осторожно ощупав руками холодное ржавое железо, торчащие из резиновых прокладок стеклянные осколки, стальные блины колес, он узнал в загадочной преграде поезд. Состав, кажется, был заброшен, во всяком случае, вокруг стояла тишина. Вспомнив страшный рассказ Михаила Порфирьевича, внутрь подниматься Артем не стал и вместо этого прошел вдоль вереницы вагонов, прижимаясь к стене туннеля. Наконец миновав состав, он вздохнул с облегчением и заспешил дальше, снова перейдя на бег.

В темноте это было действительно трудно, но ноги приноровились, и он бежал, пока вдруг впереди и чуть сбоку не засиял красноватый свет костра.

Это было непередаваемое облегчение – знать, что он находится в реальном мире и рядом с ним есть настоящие люди. Неважно, как они настроены по отношению к нему. Пусть это будут убийцы, воры, сектанты, революционеры, – не имеет значения, главное, чтобы они были подобными ему созданиями из плоти и крови. Он ни на секунду не сомневался, что у них он сможет найти убежище и укрыться от незримого огромного существа, которое хотело задушить его, – или, может, от собственного взбесившегося разума?..

Перед ним предстала настолько странная картина, что он не мог с уверенностью сказать, вернулся ли в действительность или скитается все еще по закоулкам собственного подсознания.

На станции Полянка, а это могла быть только она, горел всего один небольшой костер, но никаких иных источников света здесь не было, и поэтому он казался ярче, чем электрические лампы на Павелецкой. У костра сидели два человека, один спиной, другой лицом к Артему, но никто из них не заметил и не услышал его. Они словно были отделены от него невидимой стеной, изолировавшей их от внешнего мира.

Вся станция, сколько ее видно было в свете костра, была завалена разнообразным невообразимым хламом: можно было различить очертания сломанных велосипедов, автомобильных покрышек, остатков мебели и какой-то аппаратуры, высилась гора макулатуры, из которой сидящие время от времени вытаскивали стопку газет или книгу и подбрасывали в костер. Прямо перед огнем стоял на подстилке чей-то белый гипсовый бюст, рядом с ним уютно свернулась кошка. Больше здесь не было ни души.

Один из сидящих что-то неспешно рассказывал другому. Приблизившись, Артем начал разбирать:

– Вот ведь муссируют слухи про Университет... Совершенно ошибочные, между прочим. Это все отголоски древних мифов о Подземном городе в Раменках. Тот, что был частью Метро-2. Но, конечно, нельзя ничего отрицать с полной уверенностью. Здесь вообще ничего нельзя говорить с полной уверенностью. Империя мифов и легенд. Метро-2 было бы, конечно, главным, золотым мифом, если бы о нем знало больше людей. Взять хотя бы веру в Невидимых Наблюдателей!..

Артем подошел совсем близко, когда тот, что сидел к нему спиной, сообщил своему собеседнику:

– Там кто-то есть.

– Конечно, – закивал второй.

– Можешь присесть с нами, – сказал первый, обращаясь к Артему, но не поворачивая к нему головы. – Все равно дальше сейчас нельзя.

– Почему? – забеспокоился Артем. – Там что, кто-нибудь есть, в этом туннеле?

– Разумеется, никого, – терпеливо пояснил тот. – Кто туда сунется? Туда ведь сейчас нельзя, я же говорю. Так что садись.

– Спасибо, – Артем сделал несмелый шаг вперед и опустился на пол напротив бюста.

Им было уже за сорок. Один – сидящий, в квадратных очках, второй – светловолосый, худой, с небольшой бородкой. Одеты оба были в старые ватники, подозрительно не соответствовавшие их лицам. Они курили, вдыхая дым через тонкий шланг из похожего на кальян приспособления, от которого шел кружащий голову аромат.

– Как зовут? – поинтересовался светлый.

– Артем, – механически ответил парень, занятый изучением этих странных людей.

– Артем его зовут, – передал светлый второму.

– Ну, это-то понятно, – откликнулся тот.

– Я Евгений Дмитриевич. А это Сергей Андреевич, – сказал светловолосый.

– Может, не стоит так официально? – усомнился Сергей Андреевич.

– Нет, Сереж, раз уж мы с тобой дожили до этого возраста, надо пользоваться, – возразил Евгений Дмитриевич. – Статус там и все такое.

– Ну, и что дальше? – спросил тогда Сергей Андреевич у Артема.

Вопрос прозвучал очень странно, словно требовал продолжения, хотя никакого начала не было, и Артема это сильно озадачило.

– Артем и Артем, но это еще ничего не значит. Где живешь, куда идешь, во что веришь, во что не веришь, кто виноват и что делать? – объяснил мысль Сергея Андреевича светловолосый.

– Как это тогда, помнишь? – сказал вдруг непонятно к чему Сергей Андреевич.

– Да-да! – засмеялся Евгений Дмитриевич.

– На ВДНХ живу... жил раньше, во всяком случае, – нехотя начал Артем.

– Как это... Кто положил сапог на пульт управления? – усмехнулся светловолосый.

– Да! Нет больше никакой Америки! – ухмыльнулся Сергей Андреевич, снимая очки и разглядывая их на свет.

Артем опасливо посмотрел на них еще раз. Может, лучше просто уйти отсюда, пока не поздно? Но то, о чем они говорили, прежде чем заметили его, удержало его у костра.

– А что там с Метро-2? Вы простите, я подслушал немного, – признался он.

– Хочешь приобщиться к главной легенде метро? – покровительственно улыбнулся Сергей Андреевич. – Что именно тебя беспокоит?

– Вы про какой-то подземный город говорили и про каких-то наблюдателей...

– Ну, вообще Метро-2 – это убежище богов советского пантеона на время Рагнарека, если силы зла одержат верх... – уставясь в потолок и пуская дым колечками, не спеша начал Евгений Дмитриевич. – Легенды гласят, что под городом, мертвое тело которого лежит там, наверху, было построено еще одно метро, для избранных. То, что ты видишь вокруг себя, – метро для

стада. То, о котором говорят легенды, – для пастухов и их псов. В начале начал, когда пастухи не утратили еще власти над стадом, они правили оттуда, но потом их сила иссякла, и овцы разбрелись. Только одни ворота соединяли эти два мира, и, если верить преданиям, они находились там, где теперь карта рассечена пополам багровым рубцом, – на Сокольнической ветке, где-то за Спортивной. Потом произошло нечто, отчего выход в Метро-2 закрылся навеки. Живущие здесь утратили всякие знания о том, что происходит там, и само существование Метро-2 стало чем-то мифическим и нереальным. Но, – он поднял палец вверх, – несмотря на то, что выхода в Метро-2 больше нет, на самом деле это вовсе не означает, что оно перестало существовать. Напротив, оно вокруг нас. Его туннели оплетают перегоны нашего метро, а его станции находятся, может, всего в нескольких шагах за стенами наших станций. Эти два сооружения неразделимы, они как кровеносная система и лимфатические сосуды одного организма. И те, кто верит, что пастухи не могли бросить свое стадо на произвол судьбы, говорят, что они присутствуют неощутимо в нашей жизни, направляют нас, следят за каждым нашим шагом, но никак не проявляют себя при этом и не дают о себе знать. Это и есть вера в Невидимых Наблюдателей.

Кошка, свернувшаяся калачиком рядом с закоптившимся бюстом, подняла голову и, открыв громадные лучисто-зеленые глаза, посмотрела на Артема неожиданно ясно и осмысленно. Ее взгляд не имел ничего общего со взглядом животного, и Артем не смог бы сейчас поручиться, что ее глазами его сейчас не изучает внимательно кто-то другой. Но стоило кошке зевнуть, вытянув розовый острый язычок и, уткнувшись мордочкой в свою подстилку, погрузиться в дремоту, как наваждение рассеялось.

– Но почему они не хотят, чтобы люди знали о них? – вспомнил Артем свой вопрос.

– На это есть две причины. Во-первых, овцы грешны тем, что отвергли своих пастухов в минуту их слабости. Во-вторых, за то время, когда Метро-2 оказалось отрезанным от нашего мира, развитие пастырей шло иначе, нежели наше, и теперь они являются не людьми, а существами высшего порядка, чья логика нам непонятна и мысли неподвластны. Неизвестно, что задумано ими для нашего метро, но в их силах изменить все, даже вернуть нас в утраченный прекрасный мир, потому что они вновь обрели свое бывшее могущество. Оттого, что мы взбунтовались против них однажды и предали их, они не участвуют больше в нашей судьбе. Однако пастыри присутствуют повсюду, и им ведом каждый наш вздох, каждый шаг, каждый удар – все, что происходит в метро. Пока они просто наблюдают. И только когда мы искупим свой страшный грех, они обратят на нас благосклонный взор и протянут нам руку. И тогда начнется возрождение. Так говорят те, кто верит в Невидимых Наблюдателей, – он замолчал, вдыхая ароматный дым.

– Но как люди могут искупить свою вину? – спросил Артем.

– Это не известно никому, кроме самих Невидимых Наблюдателей. Людям этого не понять, потому что они не понимают промысла Наблюдателей.

– Тогда выходит, что люди не смогут искупить свой грех перед ними никогда? – недоумевал Артем.

– Тебя это расстраивает? – пожал плечами Евгений Дмитриевич и выпустил еще два больших красивых кольца, так что одно из них проскользнуло сквозь второе.

Повисла тишина, сначала легкая и прозрачная, но постепенно густеющая и делающаяся все громче и ощутимее. Артем почувствовал нарастающую потребность разбить ее чем угодно, любой ничего не значащей фразой, даже бессмысленным звуком.

– А вы откуда? – придумал он.

– Я раньше жил на Смоленской, недалеко от метро, минут пять, – ответил Евгений Дмитриевич, и Артем пораженно уставился на него: как же это он жил недалеко от метро? Недалеко от станции, он имел в виду, в туннеле, наверное? – Надо было через чебуречные палатки идти, мы там пиво иногда покупали, а рядом с этими палатками все время проститутки стояли, у

них там был... э... штаб, – продолжил Евгений Дмитриевич, и Артем начал догадываться, что речь идет о древнем времени, о том, что было еще до.

– Да... Я вот тоже недалеко оттуда жил, на Калининском, в высотке, – сказал Сергей Андреевич. – Кто-то мне говорил лет пять назад, а ему рассказывал знакомый сталкер, что от этих высоток теперь одна труха осталась... Дом книги вот стоит, и макулатура вся лежит нетронутая, представляешь? А от высоток пыль только да блоки бетонные. Странно.

– А как тогда вам жилось? – поинтересовался Артем.

Он любил задавать этот вопрос старикам и слушать потом, как они, бросив все дела, с удовольствием принимаются вспоминать, как же это было – тогда. Их глаза затягивались мечтательной поволокой, голос начинал звучать совсем по-другому, а лица будто молодели на десятки лет. И пусть те картины, которые вставали перед их мысленным взором, ни в чем не походили на образы, рисовавшиеся Артему во время их рассказов, все равно это было невероятно увлекательно. И как-то сладко и мучительно щемило сердце...

– Ну, видишь ли, было очень хорошо. Мы тогда... э... зажигали, – затягиваясь, ответил Евгений Дмитриевич.

Здесь Артему точно представилось не то, что имел в виду светловолосый, и второй, видя его замешательство, поспешно разъяснил:

– Веселились, хорошо проводили время.

– Да, именно это я имел в виду. Зажигали, – подтвердил Евгений Дмитриевич. – У меня был зеленый «Москвич- 2141», я на него всю зарплату спускал, ну, музыку там сделать, масло поменять, однажды сдуру даже карбюратор спортивный поставил, а потом и закись азота, – он явно перенесся душой в те сладкие времена, когда можно было запросто взять и поставить спортивный карбюратор, и на лице его появилось то самое мечтательное выражение, которое Артем так любил. Жаль только, что из сказанного понятно было немного.

– Вряд ли Артем знает даже, что такое «Москвич», не говоря уже о карбюраторах, – прервал сладкие воспоминания приятеля Сергей Андреевич.

– Как это не знает? – худой уперся гневным взглядом в Артема.

Тот принялся рассматривать потолок, собираясь с мыслями.

– А почему вы здесь книги жжете? – перешел он в контрнаступление.

– Прочитали уже, – ответил Евгений Дмитриевич.

– В книжках правды нет! – назидательно добавил Сергей Андреевич.

– Ты вот лучше расскажи, что это на тебе за наряд? Ты, часом, не сектант? – нанес ответный удар Евгений Дмитриевич.

– Нет, нет, что вы, – поспешил оправдаться Артем. – Но они меня подобрали, помогли, когда мне очень плохо было, – в общих чертах описал он свое состояние, не уточняя, насколько плохо ему было.

– Да-да, именно так они и работают. Узнаю почерк. Сырые и убогие... э... или что-то в этом духе, – закивал Евгений Дмитриевич.

– Знаете, был я у них на собрании: они там очень странные вещи говорят, – сказал Артем. – Я постоял, послушал, но долго не выдержал. Например, что главное злодеяние Сатаны – в том, что он захотел себе тоже славы и поклонения... Я думал раньше, что там все было намного серьезней. А тут просто ревность, оказывается. Неужели мир так прост и все крутится вокруг того, что кто-то не поделил славу и поклонников?..

– Мир не так прост, – заверил его Сергей Андреевич, принимая кальян у светловолосого и затягиваясь.

– И еще кое-что... Вот они там говорят, что главные качества бога – это милосердие, доброта, готовность прощать, что он – бог любви, что он всемогущ. Но при этом за первое жеслушание человек был изгнан из рая и стал смертным. Потом несчетное количество людей умирает – не страшно, и под конец бог посылает своего сына, чтобы он спас людей. И сын этот

сам погибает страшной смертью, перед смертью взывает к богу, спрашивает, почему тот его оставил. И все это для чего? Чтобы своей кровью искупить грех первого человека, которого бог сам же спровоцировал и наказал, и чтобы люди вернулись в рай и вновь обрели бессмертие. Какая-то бессмысленная возня, ведь можно было просто не наказывать так строго их всех за то, чего они даже не делали. Или отменить наказание за сроком давности. Но зачем жертвовать любимым сыном, да еще и предавать его? Где здесь любовь, где здесь готовность прощать, где здесь всемогущество?..

– Примитивно и грубовато изложено, но в общих чертах верно, – передавая кальян товарищу, одобрил Сергей Андреевич.

– Вот что я могу сказать по этому поводу... – набирая в легкие дым и блаженно улыбаясь, Евгений Дмитриевич прервался на минуту, а потом продолжил: – Так вот, если их бог и имеет какие-то качества или отличительные свойства – это уж точно не любовь, не справедливость и не всепрощение. Судя по тому, что творилось на земле с момента ее... эээ... сотворения, богу свойственна только одна любовь: он любит интересные истории. Сначала устроит заваруху, а потом смотрит, что из этого выйдет. Если пресновато получается, перцу добавит. Так что прав был старик Шекспир: весь мир – театр. Вот только вовсе не тот, на который он намекал, – заключил он.

– Только с сегодняшнего утра ты уже успел наговорить на несколько столетий горения в аду, – заметил Сергей Андреевич.

– Значит, тебе будет там с кем поболтать, – Евгений Дмитриевич передал кальян товарищу.

– С другой стороны, сколько интересных знакомств там можно завязать, – сказал Сергей Андреевич.

– Например, среди высшей иерархии католической церкви.

– Да, они-то уж точно. Но, строго говоря, наши тоже...

Оба Артемовых собеседника явно не очень верили в то, что за все сказанное сейчас придется когда-нибудь расплачиваться. Но слова Евгения Дмитриевича о том, что происходящее с человечеством – просто интересная история, навело Артема на другую мысль.

– Я вот довольно много разных книг читал, – сказал он, – и меня всегда удивляло, что там все не как в жизни. Ну, понимаете, там события выстраиваются в линию, и все друг с другом связано, одно из другого вытекает, ничего просто так не происходит. Но ведь на самом деле все совершенно по-другому! Ведь жизнь, она просто наполнена бессвязными событиями, которые происходят с нами в случайном порядке, и не бывает такого, чтобы все шло в логической последовательности. Или вот еще: книги, например, заканчиваются в том месте, где обрывается логическая цепочка, то есть начало – развитие – потом пик – и конец.

– Кульминация, а не пик, – поправил его Сергей Андреевич, со скукающим видом выслушивавший наблюдения Артема.

Евгений Дмитриевич тоже не проявлял особого интереса. Он подвинул к себе курительное устройство и, втянув ароматный дым, задержал дыхание.

– Хорошо, кульминация, – слегка обескураженно продолжил Артем. – Но в жизни-то все не так, логическая цепочка, во-первых, может не прийти к своему концу, а во-вторых, если и придет, то на этом ничего не заканчивается.

– Ты имеешь в виду, что жизнь не имеет сюжета? – помог ему сформулировать Сергей Андреевич.

Артем задумался на минуту, потом кивнул.

– А в судьбу ты веришь? – склонив голову набок и изучающе оглядывая Артема, спросил Сергей Андреевич, а Евгений Дмитриевич заинтересованно оторвался от кальяна.

– Нет, – решительно отрезал Артем. – Нет никакой судьбы. Просто случайные события, которые с нами происходят, а мы потом уже сами придумываем.

– Зря, зря... – разочарованно вздохнул Сергей Андреевич, строго глядя на Артема поверх очков. – Вот я тебе предложу сейчас маленькую теорию, а ты сам посмотри, подходит ли она к твоей жизни. Мне так кажется, что жизнь, конечно, пустая штука, и смысла в ней в целом нет, и нет судьбы, то есть такой определенной, явной, так, чтобы родился и все уже знаешь: моя судьба – быть космонавтом, или, скажем, балериной, или погибнуть во младенчестве... Нет, не так. Когда проживаешь отведенное тебе время... как бы это объяснить... Может случиться, что происходит с тобой какое-то событие, которое заставляет тебя совершать определенные поступки и принимать определенные решения, причем у тебя есть свободный выбор: хочешь сделай так, хочешь этак. Но если ты примешь правильное решение, то дальнейшие вещи, которые с тобой будут происходить, – это уже будут не просто случайные, как ты выражаешься, события. Они будут обусловлены тем выбором, который ты сделал. Я не имею в виду, что, если ты решил жить на Красной Линии до того, как она стала красной, тебе оттуда уже никуда не деться и события с тобой будут происходить соответствующие, я говорю о более тонких материях. Но если ты опять оказался на перепутье и вновь принял нужное решение, потом перед тобой встанет выбор, который тебе уже не покажется случайным, если ты, конечно, догадаться и сумеешь осмыслить его. И твоя жизнь постепенно перестанет быть просто набором случайностей, она превратится... в сюжет, что ли, все будет соединено некими логическими, не обязательно прямыми связями. Вот это и будет твоя судьба. На определенной стадии, если ты достаточно далеко ушел по своей стезе, твоя жизнь настолько превращается в сюжет, что с тобой начинают происходить странные, необъяснимые с точки зрения голого рационализма или твоей теории случайных событий вещи. Зато они будут очень хорошо вписываться в логику сюжетной линии, в которую теперь превратилась твоя жизнь. Думаю, судьбы просто так не бывает, к ней надо прийти, и если события в твоей жизни соберутся и начнут выстраиваться в сюжет, тогда тебя может забросить в такие дали... Самое интересное, что сам человек может и не подозревать, что с ним это творится, или представлять себе происходящее в корне неверно, пытаться систематизировать события в соответствии со своим мировоззрением. Но у судьбы – своя логика.

Эта странная теория, показавшаяся Артему вначале полной абракадаброй, вдруг заставила его посмотреть под другим углом на все то, что случилось с ним с самого начала, когда он согласился на предложение Хантера отправиться к Полису.

Теперь все его приключения, все его странствия, до этого видевшиеся ему скорее как безуспешные, отчаянные попытки пробиться к цели своего похода, к которой он стремился отовсюду, куда бы его ни забрасывало, к которой его тянуло, как к магниту, хотя он и сам уже почти не осознавал, зачем ему это нужно, представляли перед ним в ином свете, казались ему сложно организованной системой, образуя вычурную, но продуманную конструкцию.

Ведь если считать согласие Артема на предложение Охотника первым шагом по стезе, как сказал Сергей Андреевич, то все последующие события – и экспедиция на Рижскую, и то, что на Рижской к нему подошел Бурбон, и Артем не отшатнулся от него, – следующий шаг, и что Хан вышел Артему навстречу, хотя вполне мог остаться на Сухаревской... Но это еще можно было объяснить и по-другому, во всяком случае, сам Хан называл совсем иные причины своих действий. Потом Артем попадает в плен к фашистам, на Тверскую, его должны повесить, но по маловероятному стечению обстоятельств интернациональная бригада решает нанести удар по Тверской именно в этот день. Появись революционеры на день раньше, на день позже, гибель Артема была бы неминуема, но тогда прервался бы его поход.

Могло ли так быть в действительности, что упорство, с которым он продолжал свой путь, влияло на дальнейшие события? Неужели решимость, злость, отчаяние, которые побуждали его делать каждый следующий шаг, могли неизвестным образом формировать действительность, сплетая из беспорядочного набора происшествий, чьих-то поступков и мыслей стройную систему, как сказал Сергей Андреевич, превращая обычную жизнь в сюжет?

На первый взгляд, ничего такого произойти не могло. Но если задуматься... Как иначе объяснить тогда встречу с Марком, предложившим Артему единственно возможный способ проникнуть на территорию Ганзы? И главное, самое главное, что пока он мирился со своей долей, расчищая нужники, судьба, казалось, отвернулась от него, но когда он, не пытаясь даже осмыслить своих действий, пошел напролом, случилось невозможное: охранник, который был просто обязан стоять на своем посту, куда-то исчез, и не было даже никакой погони. Значит, когда он вернулся с уходящей в сторону кривой тропки на свою стезю, поступил в соответствии с сюжетным рисунком своей жизни, на той стадии, где он находился сейчас, это смогло вызвать уже серьезные искажения реальности, исправив ее так, чтобы главная линия Артемовой судьбы могла беспрепятственно развиваться дальше?...

Тогда это должно означать, что, отступись он от своей цели, сойди со своей стези, – судьба тут же отвернется от него, и ее невидимый щит, оберегающий сейчас Артема от гибели, тотчас рассыплется на куски, Ариаднина нить, по которой он осторожно ступает, оборвется, и он останется один на один с бушующей действительностью, взбешенной его дерзким посягательством на хаотическую сущность бытия... Может, тот, кто однажды попробовал обмануть судьбу, у кого хватило легкомыслия продолжать упорствовать и после того, как зловеющие тучи сгустились над головой, не может просто так сойти с пути? Пусть ему все сойдет с рук, но с этих пор его жизнь превратится в нечто абсолютно заурадное, серое, и никогда в ней больше не случится ничего необычного, волшебного, необъяснимого, потому что сюжет будет оборван, а на его место поставят крест...

Значит ли это, что Артем не просто не имеет права, а уже не может теперь отступить от своего пути? Вот она, судьба? Судьба, в которую он не верил? И не верил только потому, что не умел правильно воспринять происходившее с ним, не умел прочесть знаков, стоявших вдоль его дороги, и продолжал наивно считать уходящий к далеким горизонтам специально для него проложенный тракт – путаным переплетением заброшенных тропинок, ведущих в разные стороны?

Выходило, что он ступал по своей стезе, и события его жизни образовывали стройный сюжет, обладавший властью над человеческой волей и рассудком, так что его враги слепли, а друзья прозревали, чтобы прийти вовремя ему на помощь. Сюжет, управлявший реальностью так, что непреложные законы вероятности послушно, словно пластилин, меняли свою форму под натиском растущей мощи невидимой длани,двигающей его по шахматной доске жизни... И если это было действительно так, отпадал сам собою вопрос, на который раньше можно было ответить лишь угрюмым молчанием и стискиванием зубов: зачем все это? Теперь мужество, с которым он признавался сам себе и упрямо твердил другим, что никакого провидения или высшего замысла, никаких законов и никакой справедливости в мире нет, оказывалось ненужным, потому что замысел начинал угадываться... Этой мысли не хотелось сопротивляться, она была слишком соблазнительна, чтобы отвернуться от нее с тем же твердолобым упрямством, с которым отвергал он объяснения, предлагаемые религиями и идеологиями.

Все вместе это означало только одно.

– Я больше не могу здесь оставаться, – отчетливо произнес Артем и поднялся, чувствуя, как новой, гудящей силой наполняются его мышцы. – Я больше не могу оставаться здесь, – повторил он еще раз, вслушиваясь в собственный голос. – Мне надо идти. Я должен.

Ни разу больше не обернувшись, забыв все страхи, гнавшие его к этому костерку, он спрыгнул на пути и двинулся вперед, во тьму. Сомнения отпустили Артема, уступив место совершенному спокойствию и уверенности в том, что наконец-то он все делает правильно. Словно, сбившись было с курса, он все же сумел встать на прямые блестящие рельсы своей судьбы. Шпалы, по которым он ступал, теперь будто сами уносились назад, не требуя от него никаких усилий. Через мгновение он полностью исчез во мгле.

– Красивая теория, правда? – затягиваясь, сказал Сергей Андреевич.

– Можно подумать, ты в нее веришь... – ворчливо отозвался Евгений Дмитриевич, почесывая кошку за ухом.

Глава 12. Полис

Оставался всего один туннель. Всего один туннель, и поставленная Хантером цель, к которой Артем шел упрямо и отчаянно, достигнута. Два, может, три километра по сухому и тихому перегону, и он на месте. В голове Артема царила почти такая же гулкая пустота, как в этом туннеле, и он больше не задавал себе вопросов. Еще сорок минут, и он на месте. Сорок минут, и его походок завершен.

Он даже не отдавал себе отчета в том, что шагает в крошечной темноте. Ноги продолжали, не сбиваясь, отсчитывать шпалы. Он словно забыл обо всех угрожавших ему опасностях, о том, что безоружен, что у него нет ни документов, ни фонаря, ни оружия, что он наряжен в чудной сектантский балахон, о том, наконец, что он никогда ничего не слышал ни про этот туннель, ни про опасности, подстерегающие в нем путников.

Убежденность в том, что, пока он следует своей стезей, ему ничего не угрожает, занимала все место в его сознании. Куда подевался неизбежный, казалось, страх туннелей? Куда пропали усталость и неверие?

Все испортило эхо.

Из-за того, что в этом туннеле было так пусто, звуки шагов разлетались назад и вперед. Отраженные от стен, они гремели, постепенно удаляясь и переходя в шелест, и отзывались через такое время, что казалось, идет не только Артем, но и еще кто-то другой. Через некоторое время это ощущение стало настолько острым, что Артему захотелось остановиться и прислушаться – продолжает ли эхо шагов жить своей жизнью?

Несколько минут он продолжал бороться с искушением. Его поступь становилась все медленнее и тише, а он прислушивался, не сказывается ли это на громкости эха. Наконец Артем замер совсем. Боясь глубоко вдохнуть, чтобы шум входящего в легкие воздуха не помешал ему различить малейшие шорохи вдали, он стоял так в крошечной тьме и ждал.

Тишина.

Теперь, когда он перестал перемещаться, у него снова пропало ощущение реальности пространства. Пока он шел, то словно цеплялся за действительность подошвами сапог. Остановившись посреди чернильного мрака туннеля, Артем вдруг перестал понимать, где находится.

Показалось.

И показалось ему еще, что, когда он опять тронулся с места, еле слышное эхо шагов долетело до ушей еще до того, как его собственная нога успела ступить на бетонный пол.

Сердце его забилося тяжелее. Но через мгновение он сумел убедить себя, что обращать внимание на все шорохи в туннелях глупо и бессмысленно. Некоторое время Артем старался не прислушиваться к эху вообще. Потом, когда ему почудилось, что последний из затихающих отголосков приблизился к нему, он заткнул уши и продолжал идти вперед. Но и так его не хватило надолго.

Оторвав через пару минут ладони от ушей и продолжая шагать, он, к своему ужасу, услышал, что эхо его шагов впереди действительно звучит все громче, будто приближаясь. Но стоило ему замереть на месте, как звуки впереди тут же, запаздывая на доли секунды, тоже затихали.

Этот туннель испытывал Артема, его способность противостоять страху. Но он не сдастся. Он прошел уже слишком через многое, чтобы испугаться темноты и эха.

Эха ли?

Оно приближалось, теперь в этом не оставалось никакого сомнения. В последний раз Артем остановился, когда призрачные шаги слышались уже метрах в двадцати. Это было так необъяснимо и жутко, что, не выдержав, отирая со лба холодную испарину, он, дав петуха, крикнул в пустоту:

– Есть там кто-нибудь?..

Эхо отозвалось пугающе близко, и своего голоса Артем не узнал. Дрожащие отголоски понеслись наперегонки в глубину туннелей, теряя звуки: «там кто-нибудь... о-нибудь... будь...». Никто на них так и не отозвался. И вдруг случилось невероятное: они стали возвращаться назад, повторяя его вопрос, в обратном порядке набирая оброненные слоги и становясь все громче, пока в тридцати шагах от него кто-то не повторил его вопрос испуганным голосом.

Этого Артем вынести не смог. Развернувшись, он пошел назад, сначала стараясь идти не слишком быстро, а потом и вовсе позабыв о том, что нельзя давать страху поблажек, и, спотыкаясь, побежал. Но уже через минуту он понял, что отзвуки шагов все так же слышатся на расстоянии в двадцать метров. Незримый преследователь не желал отпускать его. Задышавшись, Артем бежал уже, не разбирая направления, и в конце концов налетел на туннельную сбойку.

Эхо немедленно стихло. Прошло некоторое время, пока он не сумел собрать волю в кулак, подняться и сделать шаг вперед. Это было верное направление: с каждым пройденным метром звук шаркающих о бетон ступней становился все ближе, двигаясь ему навстречу. И только стучащая в ушах кровь чуть заглушала зловеющий шорох. Каждый раз, когда Артем замирал на месте, останавливался в темноте и его преследователь – в том, что это не эхо, он теперь уже был совершенно уверен.

Так продолжалось, пока шаги не зазвучали на расстоянии вытянутой руки. И тогда Артем, крича и размахивая вслепую кулаками, бросился вперед, туда, где должно было находиться по его расчетам оно.

Кулаки со свистом рассекли пустоту. Никто не пытался защититься от его ударов. Он тщетно рубил воздух, кричал, отпрыгивал, расставлял руки в стороны, пытаясь схватить невидимого в темноте противника. Пустота. Там никого не было. Но только он отдышался и сделал еще один шаг к Полису, как тяжелый шаркающий звук раздался уже прямо перед ним. Еще взмах рукой – и снова ничего. Артем почувствовал, что сходит с ума. До боли выкатив глаза, он пытался увидеть хоть что-нибудь, уши старались уловить близкое дыхание другого существа. Но там просто никого не было.

Простояв неподвижно несколько долгих секунд, Артем подумал, что как бы ни объяснялось это странное явление, опасности оно не представляет. Наверное, акустика. «Приду домой, спрошу у отчима», – сказал себе он, и, когда занес уже ногу, чтобы сделать еще шаг к цели, прямо в ухо ему кто-то шепнул негромко:

«Жди. Тебе туда сейчас нельзя».

– Кто это? Кто здесь? – тяжело дыша, выкрикнул Артем. Но никто ему не отвечал. Вокруг него опять была густая пустота. Тогда он, вытерев пот со лба тыльной стороной ладони, заспешил в сторону Боровицкой. Призрачные стопы его преследователя с той же скоростью зашуршали в обратном направлении, постепенно стихая вдаль, пока не канули в тишину. И только тогда Артем остановился. Он не знал и не мог знать, что это было, он никогда не слышал ни о чем подобном ни от кого из своих друзей, и отчим не рассказывал ему о таком вечерами у костра. Но кто бы ни шепнул ему в ухо приказание остановиться и подождать, теперь, когда Артем больше не боялся его, когда у него было время осознать произошедшее и поразмыслить над ним, это звучало гипнотически убедительно.

Следующие двадцать минут он провел, сидя на рельсе, раскачиваясь, словно пьяный, из стороны в сторону, борясь с ознобом и вспоминая странный, не человеку принадлежавший голос, приказавший ему ждать. Дальше он двинулся, только когда дрожь начала наконец проходить, а страшный шепот в его голове – сливаться с тихим свистом поднимающегося туннельного сквозняка.

Все оставшееся время он просто шагал вперед, стараясь ни о чем не думать, спотыкаясь иногда о лежащие на полу кабели, но это было самым страшным, что с ним случилось. Времени

прошло, как ему показалось, немного, хотя он и не мог сказать, сколько, потому что в темноте минуты слиплись. А затем он увидел в конце туннеля свет.

Боровицкая.

Полис.

И тут же со станции послышался грубый окрик, грянули выстрелы, и Артем, отпрянув назад, спрятался в углублении в стене. Издалека неслись протяжные стоны раненых, брань, потом еще раз, усиленный туннелем, долетел грохот автоматной очереди.

Жди...

Из своего укрытия Артем отважился показаться только через четверть часа после того, как все стихло. Подняв вверх руки, он медленно пошел на свет.

Это действительно был вход на платформу. Дозоров на Боровицкой не выставляли, видимо, надеясь на неприкосновенность Полиса. За пять метров до места, где обрывались круглые своды туннеля, стояли цементные блоки пропускного пункта и лежало в луже крови распростертое тело.

Когда Артем показался в поле зрения одетых в зеленую форму и фуражки пограничников, ему приказали подойти ближе и встать лицом к стене. Увидев на земле труп, он немедленно повиновался.

Быстрый обыск, вопрос про паспорт, заломленные за спину руки, и наконец станция. Свет. Тот самый. Они говорили правду, они все говорили правду, легенды не лгали. Свет был таким ярким, что Артему пришлось зажмуриться, чтобы не ослепнуть. Но сияние достигало зрачков и сквозь веки, слепило до боли, и только когда пограничники закрыли его глаза повязкой, их перестало саднить. Возвращение к той жизни, которой жили предыдущие поколения людей, оказалось болезненней, чем Артем мог себе представить.

Тряпку с глаз сняли только в караулке, похожей на все другие, крошечной, служебной комнате, облицованной растрескавшимся кафелем. Здесь было темно, только на крашенном охрой деревянном столе мерцала в алюминиевой миске свеча. Собирая жидкий воск пальцем и наблюдая, как он остывает, начальник караула, грузный и небритый мужчина в зеленой военной рубашке с закатанными рукавами и галстук на резинке, долго рассматривал Артема, прежде чем спросить:

– Откуда пожаловали? Где паспорт? Что с глазом?

Артем решил, что изворачиваться смысла не имеет, и рассказал честно, что паспорт остался у фашистов, и глаз тоже чуть было не остался там же. Начальник это воспринял неожиданно благосклонно.

– Знаем, как же. Вот, противоположный туннель выходит аккурат на Чеховскую. У нас там целая крепость выстроена. Пока не воюем, но хорошие люди советуют держать ухо востро. Как говорится, *si vis pacem, para bellum*, – подмигнул он Артему.

Последней фразы Артем не понял, но предпочел не переспрашивать. Его внимание привлекла татуировка на сгибе локтя начальника караула – изуродованная радиацией птица с двумя головами, распахнутыми крыльями и крючковатыми клювами. Она что-то ему смутно напомнила, но что именно, понять он не мог. А потом, когда начальник обернулся к одному из солдат, Артем увидел, что точно такой же знак, но в миниатюре, вытатуирован на его левом виске.

– И с чем вы к нам? – продолжал начальник.

– Я ищу одного человека... Его зовут Мельник. Прозвище, наверное. У меня к нему важное сообщение.

Выражение лица пограничника мгновенно переменилось. Лениво-добродушная улыбка сползла с губ, глаза удивленно блеснули в свете свечи.

– Можете передать мне.

Артем замотал головой и, извиняясь, принялся объяснять, что никак нельзя, что секретность, вы понимаете, поручено было сторого-настрою никому не говорить, кроме этого самого Мельника.

Начальник изучающе осмотрел его еще раз, сделал знак одному из солдат, и тот подал черный пластмассовый телефонный аппарат, аккуратно отмотав прорезиненный телефонный шнур на нужную длину. Покрутив пальцем диск, пограничник сказал в трубку:

– Застава Бор-Юг. Ивашов. Полковника Мельникова.

Пока он дожидался ответа, Артем успел отметить, что татуировка с птицей была и на висках у обоих солдат, находившихся в комнате.

– Как представить? – осведомился начальник караула у Артема, прижав щекой телефонную трубку к плечу.

– Скажите, от Хантера. Срочное сообщение.

Тот кивнул и, перекинувшись еще парой фраз с собеседником на другом конце провода, закончил разговор.

– Быть на Арбатской, у начальника станции, завтра в девять. До тех пор свободен, – и, махнув рукой тут же отступившему от дверного проема солдату, добавил, обращаясь к Артему: – Подожди-ка... Ты у нас, кажется, почетный гость и в первый раз. Держи, но с возвратом! – и он протянул Артему темные очки в облезлой металлической оправе.

Только завтра? Артема захлестнули жгучее разочарование и обида. Ради этого он шел сюда, рискуя своей и чужими жизнями? Ради этого спешил, заставлял себя переставлять ноги, даже когда сил уже совсем не оставалось? И разве не срочное это было дело – сообщить обо всем, что знал, этому чертову Мельнику, который не может найти для него свободной минуты?

Или Артем просто опоздал и тому уже все известно? А может, Мельник уже знает нечто, о чем сам Артем еще и не догадывается? Может, он опоздал настолько, что вся его миссия потеряла смысл?..

– Только завтра? – не выдержал он.

– Полковник сегодня на задании, вернется ранним утром, – пояснил Ивашов. – Иди-иди, заодно передохнешь, – и он выпроводил Артема из караулки.

Успокоившись, но все же затаив обиду, Артем нацепил очки и подумал, что они ему очень кстати: заодно и синяка под глазом видно не будет. Стекла в них были царапанные и к тому же чуть искажали перспективу, но когда он, поблагодарив караульных, вышел на платформу, то понял, что без очков ему было бы не обойтись. Свет ртутных ламп был слишком ярк для него. Впрочем, не один Артем не мог здесь открыть глаз – на станции многие прятали их за темными очками. «Наверное, тоже нездешние», – подумал он.

Видеть полностью освещенную станцию метро ему было странно. Здесь совсем не было теней. И на ВДНХ, и на всех других станциях и полустанках, где ему до сих пор пришлось побывать, источников света было немного, и они не могли осветить все видимое пространство, по этому лишь выхватывали его куски. Всегда оставались места, куда не проникал ни один луч. Теней у каждого человека было несколько: одна, от свечи, блеклая и чахлая; другая, багровая, – от аварийной лампы; третья, черная и резко очерченная, – от электрического фонарика. Они мешались, наплывали друг на друга и на чужие тени, пластались по полу иногда на несколько метров, пугали, обманывали, заставляли догадываться и додумывать. А в Полисе беспощадное сияние ламп дневного света испепелило все тени до одной.

Артем замер, восхищенно рассматривая Боровицкую. Она оставалась в поразительно хорошем состоянии. На мраморных стенах и беленом потолке не было заметно ни следа копоти, станция была убрана, а над потемневшим от времени бронзовым панно в конце платформы трудилась женщина в синей спецовке, усердно отскабливая барельеф губкой с чистящим раствором.

Жилые помещения здесь были устроены в арках. Только по две арки оставили с каждой стороны для прохода к путям, остальные, заложенные кирпичом с обеих сторон, превратились в настоящие апартаменты. В каждой имелся дверной проем, а в некоторых даже стояли настоящие деревянные двери и застекленные окна. Из одного из них доносилась музыка. Перед несколькими дверями лежали коврики, чтобы входящие могли вытереть ноги. Подобное Артем видел впервые. От этих жилищ веяло таким уютом, таким спокойствием, что у него защемило сердце: перед глазами вдруг промелькнула картина из детства. Но самым удивительным было то, что вдоль обеих стен по всей станции тянулась цепь книжных стеллажей. Они занимали пространство между «квартирами», и от этого вся станция обретала какой-то чудесный, нездешний вид, напоминая Артему описания библиотек в средневековых университетах, о которых он читал в книжке писателя Борхеса.

У дальнего края зала начинались эскалаторы – там находился переход на станцию Арбатская. Гермоворота оставались открытыми, но у перехода располагался небольшой блокпост. Впрочем, всех желающих охрана беспрепятственно пропускала в обоих направлениях, даже не проверяя документов.

Зато у противоположного конца платформы, рядом с бронзовым барельефом, был виден настоящий военный лагерь. Там размещались несколько зеленых военных палаток с нарисованными на них знаками вроде вытатуированных на висках у пограничников. Там же стояла тележка с укрепленным на ней неизвестным оружием, которое выдавал только торчащий из-под чехла длинный ствол с раструбом на конце. Рядом несли дежурство двое солдат в темно-зеленой форме, шлемах и бронежилетах. Лагерь окружал лестницу перехода, поднимающуюся над путями. Светящиеся указатели поясняли, что там находится «Выход в город», и Артему стали понятны принятые меры предосторожности. Вторая лестница, ведущая туда же, и вовсе оказалась замурованной стеной из огромных цементных блоков.

Посреди станции располагались крепкие деревянные столы, за которыми, оживленно беседуя, сидели люди в долгополых серых халатах из плотной ткани. Подойдя к ним поближе, Артем с удивлением заметил татуировки и на их висках тоже, но не с изображением птицы, а в виде раскрытой книги на фоне нескольких вертикальных черточек, напоминавших колоннаду. Перехватив пристальный взгляд Артема, один из сидевших за столом приветливо улыбнулся и спросил его:

– Приезжий? Впервые у нас?

От слова «приезжий» Артема передернуло, но, справившись с собой, он кивнул. Заговоривший с ним был ненамного старше, и, когда он встал, чтобы пожать Артему руку, выставив ладонь из широкого рукава халата, оказалось, что роста они приблизительно одинакового. Только сложения тот был более хрупкого.

Звали нового знакомого Артема Данилой. Про себя он рассказывать не спешил, и было видно, что с Артемом он решил заговорить, потому что ему любопытно, что происходит за пределами Полиса, какие новости на Кольце, что слышно о фашистах и о красных...

Через полчаса они уже сидели дома у худого Данилы, в одной из ютившихся между арками «квартир», и пили горячий чай, наверняка привезенный сюда окольными путями с ВДНХ. Из мебели в комнате был заваленный книгами стол, высокие, до потолка железные полки, тоже заставленные доверху толстыми томами, и кровать. С потолка свисала на проводе несильная, ватт на сорок, электрическая лампочка, освещавшая искусный рисунок огромного древнего храма, в котором Артем не сразу признал Библиотеку, возведенную на поверхности где-то над Полисом.

После того как вопросы у хозяина закончились, пришел черед Артема.

– А почему у вас тут у людей татуировки на голове? – поинтересовался он.

– Ты что, про касты ничего не знаешь? – удивился Данила. – И про Совет Полиса тоже не слышал?

Артем внезапно вспомнил, что кто-то (да нет же, как он мог забыть, это был тот старик, Михаил Порфирьевич, убитый фашистами) говорил ему, что в Полисе власть делят военные и библиотекари, потому что наверху раньше стояли здания Библиотеки и какой-то организации, связанной с армией.

– Слышал! – кивнул он. – Военные и библиотекари. Ты, значит, библиотекарь?

Данила глянул на него испуганно, побледнел и закашлялся. Потом, справившись с собой, тихо сказал:

– Какой еще библиотекарь? Ты библиотекаря хоть живого видел? И не советую! Библиотекари сверху сидят... Видел, какие тут у нас укрепления? Не дай бог, спустятся... Ты эти вещи не путай никогда. Я не библиотекарь, а хранитель. Нас еще браминами называют.

– Что за название такое странное? – поднял брови Артем.

– Понимаешь, у нас тут вроде кастовой системы. Как в Древней Индии. Каста... Ну, это как класс... Тебе красные не объясняли? Не важно. Каста жрецов, хранителей знаний, тех, кто собирает книги и работает с ними, – объяснял он, а Артем не переставал удивляться тому, как старательно он избегает слова «библиотекарь». – И каста воинов, которые занимаются защитой, обороной. На Индию очень похоже, там еще была каста торговцев и каста слуг. У нас это все тоже есть. Ну, мы между собой и называем это по-индийски. Жрецы – брамины, воины – кшатрии, купцы – вайшьи, слуги – шудры. Членом касты становишься раз и на всю жизнь. Есть особые обряды посвящения, особенно в кшатрии и брамины. В Индии это семейное было, родовое, а у нас сам выбираешь, когда тебе восемнадцать исполняется. Здесь, на Боровицкой, больше браминов, почти все. Школа наша тут, библиотеки, кельи. На Библиотеке – там особый режим из-за транзита Красной Линии, охранять приходится, а до войны больше наших было. Теперь на Александровский Сад переместились. А на Арбатской – почти одни кшатрии, из-за Генштаба.

Услышав еще одно шипящее древнеиндийское слово, Артем тяжело вздохнул. Вряд ли ему удастся запомнить все эти мудреные названия с одного раза. Данила, однако, не обратил на это внимания и продолжал рассказывать:

– В Совет, понятное дело, входят только две касты: наша и кшатриев. Мы их вообще-то просто вояками зовем, – подмигнул он Артему.

– А почему они себе птиц двухголовых татуируют? – вспомнил Артем. – У вас, по крайней мере, книги, с книгами все ясно. Но птицы?..

– Тотем у них такой, – пожал плечами брамин Данила. – Это раньше, по-моему, был дух-покровитель войск радиационной защиты. Орел, кажется. Они ведь во что-то свое, странное верят. У нас, вообще говоря, между кастами особенно хороших отношений нет. Раньше даже враждовали.

Через штору стало видно, как на станции ослабили освещение. Наступала здешняя ночь. Артем засобирался.

– А у вас здесь гостиницы есть, чтобы переночевать? А то у меня завтра в девять на Арбатской встреча, а остаться негде.

– Хочешь – ночуй у меня, – пожал плечами Данила. – Я на пол лягу, мне не привыкать. Я как раз ужин готовить собирался. Оставайся, расскажешь, что еще видел по дороге. А то я, знаешь, отсюда и не выбираюсь совсем. Завет хранителей не разрешает дальше одной станции уходить.

Подумав, Артем кивнул. В комнате было уютно и тепло, да и хозяин ее Артему понравился с самого начала. Что-то у них было общее. Через пятнадцать минут он уже чистил грибы, пока Данила нарезал ломтиками свинину.

– А ты Библиотеку видел хоть раз сам? – спросил Артем с набитым ртом через час, когда они ели тушеную свинину с грибами из алюминиевых солдатских мисок.

– Ты про Великую Библиотеку? – строго уточнил брамин.

– Про ту, которая сверху... Она ведь все еще там? – указал вилкой в потолок Артем.

– В Великую Библиотеку поднимаются только наши старейшины. И сталкеры, которые работают на браминов, – ответил Данила.

– Это ведь они сверху книги приносят? Из Библиотеки? Из Великой Библиотеки, я имею в виду, – поспешно поправился Артем, видя, что его хозяин опять нахмурился.

– Они, но по поручению старейшин касты. Нам самим это не под силу, поэтому приходится использовать наемников, – нехотя объяснил брамин. – По Завету это должны были бы делать мы: хранить знания и передавать их ищущим. Но, чтобы передавать эти знания, их сначала надо добыть. А кто из наших посмеет туда сунуться? – со вздохом он поднял глаза вверх.

– Из-за радиации? – понимающе кивнул Артем.

– Из-за нее тоже. Но главное, из-за библиотекарей, – приглушенным голосом ответил Данила.

– Но это разве не вы библиотекари? Ну, или потомки библиотекарей? Мне так рассказывали.

– Знаешь что, давай за столом об этом не будем. И вообще, пусть тебе кто-нибудь другой расскажет. Я эту тему не особо люблю.

Данила начал убирать со стола, а потом, на секунду задумавшись, отодвинул часть книг с полки в сторону, и между томами, стоявшими в заднем ряду, обнаружилась брешь, в которой поблескивала пузатая бутылка с самогоном. Среди посуды обнаружились и граненые стаканы.

Через некоторое время Артем, восхищенно оглядывавший полки, решил нарушить молчание.

– Надо же, как у тебя много книг, – сказал он. – У нас на ВДНХ, наверное, во всей библиотеке столько не наберется. Я там уже все перечитал давно. К нам ведь редко когда хорошие приходят, разве что отчим принесет что-нибудь стоящее, а челноки все время дрянь разную тащат, детективы всякие. Там к тому же половину не понять. Я ведь еще и поэтому мечтал в Полис попасть, из-за Великой Библиотеки. Просто не могу себе представить, сколько их там наверху должно быть, если ради них такую громадину построили, – и он кивнул на рисунок над столом.

Глаза у обоих уже блеснули. Данила, польщенный словами Артема, наклонился над столом и веско проговорил:

– Да ведь это никакого значения не имеет, все эти книги. И Великую Библиотеку не для них строили. И не их там хранят.

Артем удивленно посмотрел на него. Брамин открыл было рот, чтобы продолжить, но вдруг встал со стула, подошел к двери, приоткрыл ее и прислушался. Потом тихонько притворил ее, сел на место и шепотом досказал:

– Всю Великую Библиотеку строили для одной-единственной Книги. И лишь одна она там и спрятана. Остальные нужны только, чтобы ее скрыть. Ее-то на самом деле и ищут. Ее и стерегут, – прибавил он, и его передернуло.

– И что это за книга? – тоже понизив голос, спросил Артем.

– Древний фолиант. На антрацитно-черных страницах золотыми буквами там записана вся История. До конца.

– И зачем же ее ищут? – шепнул Артем.

– Неужели не понимаешь? – покачал головой брамин. – До конца, до самого конца. А ведь до него еще не близко... И у кого есть это знание...

За занавеской мелькнула вдруг полупрозрачная тень, и Артем, хотя и смотрел в глаза Даниле, успел ее заметить и подать ему знак. Оборвав рассказ на полуслове, тот вскочил с места и кинулся к двери. Артем бросился за ним.

На платформе никого не было, только из перехода доносились удаляющиеся шаги. Охрана мирно спала на стульях по обе стороны эскалатора.

Когда они вернулись в комнату, Артем ждал, что брамин продолжит рассказ, но тот уже протрезвел и только хмуро мотал головой.

– Нельзя нам это рассказывать, – отрезал он. – Это та часть Завета, что для посвященных. Спяну проболтался, – он досадливо поморщился. – И не вздумай рассказывать кому-нибудь, что слышал это. Если до кого дойдет, что ты о Книге знаешь, не оберешься потом хлопот. И я с тобой заодно.

И тут Артем вдруг понял, отчего вспотели у него ладони в тот момент, когда брамин сказал ему про Книгу. Он вспомнил.

– Их ведь несколько, этих книг? – замирая сердцем, спросил он.

Данила настороженно заглянул ему в глаза.

– Что ты имеешь в виду?

– Бойся истин, сокрытых в древних фолиантах... где слова тиснены золотом, и бумага аспидно-черная не тлеет, – произнес он, а перед глазами у него маячило в мутном мареве пустое, ничего не выражающее лицо Бурбона, который механически выговаривал чужие и непонятные слова.

Брамин пораженно уставился на него.

– Откуда ты знаешь?

– Откровение было. Там ведь не одна Книга... Что в других? – зачарованно глядя на рисунок Библиотеки, спросил Артем.

– Осталась только одна. Было три фолианта, – сдался наконец Данила. – Прошрое, настоящее и будущее. Прошрое и Настоящее сгнули безвозвратно века назад. Остался последний, самый главный.

– И где же он?

– Затерян в Главном Книгохранилище. Там больше сорока миллионов томов. Один из них – с виду совершенно обычная книга, в стандартном переплете – и есть Он. Чтобы узнать Его, надо раскрыть книгу и перелистать – по преданию, страницы у фолианта действительно черные. Но чтобы перелистать все книги в Главном Книгохранилище, придется потратить семьдесят лет жизни, без сна и отдыха. А люди там больше дня оставаться не могут, и потом, никто тебе не даст спокойно стоять и рассматривать все тома, которые там хранятся. И хватит об этом.

Он постелил себе на полу, зажег на столе свечу и выключил свет. Артем нехотя улегся. Отчего-то спать ему совсем не хотелось, хотя он и не мог вспомнить, когда ему удавалось отдохнуть в последний раз.

– Интересно, а Кремль видно, когда к Библиотеке поднимаешься? – сказал он в пустоту, потому что Данила уже начинал посапывать.

– Конечно, видно. Только на него смотреть нельзя. Затягивает, – пробормотал тот.

– То есть как – затягивает?

Данила приподнялся на локте, и его недовольно наморщенное лицо попало в желтое пятно света.

– Сталкеры говорят, что нельзя на Кремль смотреть, когда выходишь. Особенно на звезды на башнях. Как глянешь, так глаз уже не оторвать. А если подольше посмотришь, туда затягивать начинает, даром все ворота открытые стоят. Поэтому в Великую Библиотеку сталкеры поодиночке никогда не поднимаются. Если один случайно заглядится на Кремль, другой его сразу в чувство приведет.

– А внутри Кремля что? – сглотнув, прошептал Артем.

– Никто не знает, потому что туда только входят, а обратно никто еще не возвращался. Там на полке, если хочешь, книжка стоит, в ней есть интересная история про звезды и свастики, в том числе и про те, на кремлевских башнях, – он встал, нашарил на полке нужный том, открыл на нужной странице и залез опять под одеяло.

Через пару минут Данила уже спал, а Артем, пододвинув свечу поближе, начал читать.

«...Будучи самой малочисленной и невлиятельной из политических групп, боровшихся за влияние и власть в России после первой революции, большевики не рассматривались как серьезные соперники никем из противоборствующих сторон. Они не пользовались поддержкой крестьянства и опирались лишь на немногочисленных сторонников в рядах рабочего класса и на флоте. Главных же союзников В.И. Ленину, который обучался алхимии и заклинаниям духов в закрытых швейцарских школах, удалось найти по другую сторону барьера между мирами. Именно в этот период всплывает впервые пентаграмма как символ коммунистического движения и Красной армии.

Пентаграмма, как известно, наиболее распространенный и доступный для начинающих тип портала между мирами, допускающий в нашу реальность демонов. При этом создатель пентаграммы при умелом ее использовании устанавливает контроль над вызванным в наш мир демоном, который обязан служить ему. Обычно, чтобы лучше контролировать призванное существо, вокруг пентаграммы чертится защитная окружность, и демон не способен покинуть ее периметр.

Неизвестно, как именно удалось предводителям коммунистического движения добиться того, к чему стремились самые могущественные чернокнижники всех времен: установления связи с демонами-повелителями, которым подчинялись орды их более мелких собратьев. Специалисты убеждены, что сами повелители, почувствовав грядущие войны и самые страшные за всю историю человечества кровопролития, приблизились к границе между мирами и призвали тех, кто мог им позволить собрать жатву человеческих жизней. Взамен они обещали им поддержку и защиту.

История с финансированием большевистского руководства германской разведкой, разумеется, правдива, но было бы глупо и поверхностно считать, что только благодаря зарубежным партнерам В.И. Ленину и его соратникам удалось склонить чашу весов на свою сторону. У будущего коммунистического вождя уже тогда были покровители неизмеримо более сильные и мудрые, чем чины из военной разведки кайзеровской Германии.

Детали тайного соглашения с силами мрака, разумеется, недоступны современным исследователям. Однако результат их налицо: уже через короткое время пентаграммы располагаются на знаменах, головных уборах солдат Красной армии и на броне ее немногочисленной пока военной техники. Каждая из них открывала врата в наш мир демону-защитнику, который оберегал носителя пентаграммы от внешних посягательств. Плату демоны получали, как водится, кровью. Только за XX век, по самым скромным подсчетам, в жертву были принесены около 30 миллионов жителей страны.

Договор с повелителями призванных сил очень скоро оправдал себя: большевики захватили и закрепили за собой власть, и хотя сам Ленин, выступавший связующим звеном между двумя мирами, не выдержал и погиб всего пятидесяти четырех лет от роду, сожженный изнутри адским пламенем, последователи продолжили его дело без колебаний. Вскоре наступила демонизация всей страны. Идущие в школу дети прикалывали на грудь первую пентаграмму. Мало кто знает, что изначально ритуал посвящения в октябрята предполагал прокалывание булавкой значка детской плоти. Таким образом, демон октябрятской «звездочки» отведывал крови своего будущего хозяина, раз и навсегда вступая с ним в сакральную связь. Взрослея и становясь пионером, ребенок получал новую пентаграмму – на ней прозревающим приоткрывалась часть сути Договора: тисненый золотом портрет Вождя был охвачен пламенем, в котором тот сгинул. Таким образом, подрастающему поколению напоминалось о подвиге самопожертвования. Затем был комсомол, и, наконец, избранным была открыта дорога в жреческую касту – Коммунистическую партию.

Мириады призванных духов обороняли все и вся в советском государстве: детей и взрослых, здания и технику, а сами демоны-повелители расположились в гигантских рубиновых

пентаграммах на башнях Кремля, добровольно согласившись на заточение во имя увеличения своего могущества. Именно отсюда расходились по всей стране невидимые силовые линии, удерживавшие ее от хаоса и развала и подчинявшие ее жителей воле обитателей Кремля. В некотором смысле весь Советский Союз превратился в одну гигантскую пентаграмму, защитной окружностью вокруг которой стала государственная граница».

Артем оторвался от страницы и огляделся вокруг. Свеча уже догорала и начинала коптить. Данила крепко спал, отвернувшись лицом к стене. Потянувшись, Артем вернулся к книге.

«Решающим испытанием для советской власти стало столкновение с национал-социалистической Германией. Защищенные силами не менее древними и могущественными, чем Советский Союз, закованные в броню тевтоны во второй раз за тысячелетие смогли пробиться в глубь нашей страны. На их знаменах на этот раз был начертан повернутый вспять символ солнца, света и процветания. Танки с пентаграммами на башнях и до сих пор, пятьдесят лет спустя после Победы, продолжают вечный бой с танками, сталь которых несет на себе свастику – в музейных панорамах, на экранах телевизоров, на листках в клеточку, вырванных из школьных тетрадей...»

Свеча мигнула в последний раз и погасла. Пора было ложиться.

Если повернуться к памятнику спиной, в просвет между полуразрушенными домами было видно небольшой кусок высокой стены и силуэты остроконечных башен. Но поворачиваться и смотреть на них было нельзя, это Артему хорошо объяснили. Да и двери со ступенями без присмотра оставлять было тоже запрещено, потому что, если что – необходимо срочно дать сигнал тревоги, а заглядишься – и все, сам пропадешь, и другие пострадают.

Поэтому Артем стоял на месте, хотя обернуться так и подмывало, и рассматривал пока монумент, основание которого заросло мхом. Он изображал сидевшего в глубоком кресле мрачного старика, опершегося на локоть. Из выщербленных бронзовых зрачков на грудь капало что-то медленное и густое, отчего казалось, что памятник плачет.

Долго смотреть на это было невыносимо. Поэтому Артем обошел статую вокруг и внимательнее пригляделся к дверям. Все было спокойно, стояла полная тишина, и только чуть подвывал ветер, гулявший между обглоданными остовами зданий. Отряд ушел довольно давно, но Артема с собой не взяли. Приказали остаться и сторожить, а если что, спуститься на станцию и предупредить о случившемся.

Время шло медленно, и он измерял его шагами, которые делал вокруг основания памятника: раз, два, три...

Это произошло, когда он дошел до пятисот – топот и рычание раздалось сзади, из-за спины, оттуда, куда нельзя было взглянуть. Что-то находилось поблизости, и оно могло броситься на Артема в любой момент. Он замер, прислушиваясь, потом упал на землю и прижался к постаменту, держа автомат наготове.

Теперь оно было совсем рядом, видимо, с другой стороны памятника. Артем отчетливо слышал его хриплое животное дыхание; огибая постамент, оно медленно приближалось к нему. Он попытался унять дрожь в руках и удерживать место, откуда существо должно было появиться, под прицелом.

Но дыхание и звуки шагов неожиданно стали удаляться. А когда Артем выглянул из-за статуи, чтобы воспользоваться случаем и срезать неведомого противника очередью в спину, он тут же позабыл и про него, и про все остальное.

Звезда на кремлевской башне была ясно видна даже отсюда. Сама башня оставалась лишь мутным силуэтом в неверном свете выглядывавшей из-за облаков луны, но звезда выделялась на ее фоне четко, она приковывала к себе внимание всякого смотрящего на нее по вполне понятной причине. Она сияла. Не веря своим глазам, он приник к полевому биноклю.

Звезда пылала неистовым ярко-красным светом, освещая несколько метров пространства вокруг себя, и когда Артем присмотрелся получше, то заметил, что свечение это неров-

ное. В гигантском рубине словно была заточена буря – он озарялся сполохами, в нем что-то перетекало, бурлило, вспыхивало... Зрелище оказалось потрясающей, невозможной для этого мира красоты, но с такого расстояния было видно слишком плохо. Надо подойти поближе.

Закинув автомат за плечо, Артем бегом спустился по лестнице, проскочил растрескавшийся асфальт улицы и остановился только на углу, откуда было видно уже всю кремлевскую стену... и башни. На каждой из них лучилась красная звезда. Едва переведя дыхание, Артем снова приткнулся к окулярам. Звезды полыхали тем же бурлящим неровным светом, и на них хотелось смотреть вечно.

Сосредоточившись на ближайшей из них, Артем все любовался ее фантастическими переливами, пока ему вдруг не почудилось, что он различает очертания того, что движется внутри, под поверхностью кристаллов.

Чтобы лучше разглядеть странные контуры, ему пришлось подойти чуть ближе. Забыв обо всех опасностях, он остановился посреди открытого пространства и не отрывался уже от бинокля, стараясь понять, что же ему удалось увидеть.

«Демоны-повелители», – вспомнил он наконец. Маршалы армии бесов, призванных на защиту советского государства. Страна, да и весь мир уже распались на куски, но пентаграммы на кремлевских башнях оставались нетронутыми: правители, заключившие договор с демонами, давно были мертвы, и некому было вернуть им свободу... Некому? А как же он?

«Надо найти ворота, – подумал он. – Надо найти вход...»

– Вставай, тебе уже идти скоро! – растолкал его Данила.

Артем зевнул и протер глаза. Ему только что снилось что-то невероятно интересное, но сон мгновенно улетучился, и вспомнить, что же он видел, не удавалось. На станции уже включили полное освещение, и слышно было, как уборщицы, весело переругиваясь, подметают платформу.

Он нацепил темные очки и поплелся умыться, перекинув через плечо не очень чистое вафельное полотенце, которое ему вручил хозяин. Туалеты находились с той же стороны, что и бронзовое панно, и очередь к ним была немаленькая. Заняв место и все еще зевая, Артем пытался вернуть хоть часть образов, которые видел во сне.

Очередь отчего-то перестала продвигаться вперед, а люди, стоявшие в ней, громко зашептались. Силясь понять, в чем дело, Артем оглянулся. Все глаза были устремлены на железную дверь на засове. Сейчас она была распахнута, а в проеме стоял высокий человек, увидев которого Артем и сам позабыл, зачем здесь находится.

Сталкер.

Именно так он их себе и представлял – по рассказам отчима и байкам челноков. Испачканный и опаленный местами защитный костюм, длинный тяжелый бронежилет, широченные плечи, на правом – небрежно закинута громада ручного пулемета, с левого наподобие португалии спускается маслянисто поблескивающая лента с патронами. Грубые шнурованные ботинки, заправленные в них штаны, за спиной – просторный брезентовый ранец.

Сталкер снял круглый спецназовский шлем, стянул резиновую маску противогаза и, раскрасневшийся, мокрый, разговаривал о чем-то с командиром поста. Он был уже немолод, Артем видел седую щетину на его щеках и подбородке и серебристые нити в коротких черных волосах. Но от него веяло силой, уверенностью в себе, он был весь жесткий, подобранный, словно даже здесь, на тихой и светлой станции, был готов в любой момент встретить опасность и не дать ей застать себя врасплох.

Теперь только один Артем все еще бесцеремонно разглядывал пришельца, а остальные люди, стоявшие в очереди, сначала понукали парня, требуя продвигаться вперед, а потом стали попросту обходить его.

– Артем! Ты чего там так долго? Смотри, опоздаешь! – подошел Данила.

Услышав его имя, сталкер обернулся в сторону Артема, внимательно оглядел его и вдруг сделал широкий шаг к нему навстречу.

– Не с ВДНХ? – спросил он глубоким звучным голосом.

Артем молча кивнул, чувствуя, как у него затряслись поджилки.

– Не ты Мельника ищешь? – продолжил тот.

Артем кивнул еще раз.

– Я Мельник. У тебя для меня что-нибудь есть? – сталкер посмотрел Артему в глаза.

Артем поспешно нашарил на шее шнурок с гильзой, с которой, словно с талисманом, было уже даже как-то странно теперь расставаться, и протянул ее сталкеру.

Тот стащил кожаные перчатки, открутил крышку и бережно вытряхнул что-то из капсулы на ладонь. Маленький клочок бумаги. Записка.

– Пойдем со мной. Извини, вчера не смог, позвонили, когда мы уже наверх шли.

Наспех попрощавшись с Данилой и поблагодарив его, Артем поспешил за Мельником по эскалаторам, ведущим в переход на Арбатскую.

– От Хантера никаких известий нет? – несмело спросил он, еле поспевая за широко шагавшим сталкером.

– Вообще ничего от него не слышно. Я боюсь, теперь про него надо у ваших черных спрашивать, – через плечо глянув на Артема, ответил Мельник. – Зато с ВДНХ новостей даже слишком много.

Артем почувствовал, как у него сильнее забилося сердце.

– Какие? – он постарался скрыть свое волнение.

– Хорошего мало, – сухо сказал сталкер, – черные опять пошли в наступление. Неделию назад был тяжелый бой. Пятеро человек погибли. А черных там, кажется, все больше становится. Со станции вашей люди начинают бежать. Говорят, не могут выдержать ужаса. Так что прав был Хантер, когда говорил мне, что у вас там что-то жуткое кроется. Чувствовал он.

– А кто погиб, не знаете? – испуганно спросил Артем, стараясь припомнить, кто должен был в тот день дежурить, неделю назад? Какой это был день? Женька? Андрей? Только не Женька...

– Откуда мне знать? Да там ведь мало того, что нежить лезет, так еще и с туннелями вокруг Проспекта Мира какая-то чертовщина. Люди память теряют, несколько человек по пути умерли.

– Что же делать?

– Сегодня заседание Совета будет. Послушаем мнение старейшин браминов и генералов. Только вряд ли они чем-то смогут помочь твоей станции. Они сам Полис еле обороняют – да и то потому только, что на него никто не смеет покушаться всерьез.

Вышли на Арбатскую. Здесь тоже светили ртутные лампы и, как и на Боровицкой, жилища располагались в застроенных кирпичом арках. Возле некоторых из них стоял караул, и вообще военных тут было необычайно много. Крашенные белой краской стены были местами завешены почти не тронутыми временем парадными армейскими знаменами с вышитыми золотом орлами. Вокруг царил оживление: расхаживали одетые в долгополые халаты брамины; мыли пол, окрикивая тех, кто пытался пройти по мокрому, уборщицы; немало здесь было и народу с других станций – их можно было узнать по темным очкам или по сложенным козырьком ладоням, которыми они прикрывали сощуренные глаза. На платформе размещались только жилые и административные помещения, все торговые ряды и забегаловки были вынесены в переходы.

Мельник провел Артема в конец платформы, где начинались служебные помещения и, усадив на мраморную скамейку, обшитую отполированным тысячами пассажиров деревом, попросил подождать его и ушел.

Рассматривая затейливую лепнину под потолком, Артем думал, что Полис не обманул его ожиданий. Жизнь тут действительно была налажена совсем по-другому, и люди были не такие ожесточенные, озлобленные, забитые, как на других станциях. Знания, книги, культура играли здесь, кажется, совершенно особенную роль. Одних только книжных развалов они миновали не меньше пяти, пока шли по переходу от Боровицкой к Арбатской. Висели даже афиши, анонсировавшие на завтрашний вечер спектакль по Шекспиру, и, как и на Боровицкой, где-то играла музыка.

И переход, и обе станции поддерживались в отличном состоянии, и хотя были видны на стенах разводы и потеки, все бреши немедленно заделывали сновавшие повсюду ремонтные бригады. Из любопытства Артем заглянул в туннель – полный порядок был и там: сухо, чисто, а через каждые сто метров светила электрическая лампочка, и так насколько хватало глаз. Время от времени мимо проезжали груженные ящиками дрезины, останавливаясь, чтобы высадить случайного пассажира или принять коробку с книгами, которые Полис рассылал по всему метро.

«Скоро всему этому может прийти конец, – неожиданно подумал Артем. – ВДНХ уже не выдерживает напора этих чудовищ... Неудивительно», – сказал он себе, вспоминая одну из ночей в дозоре, когда ему пришлось отбивать атаку черных, и все кошмары, мучившие его после боя.

Неужели ВДНХ падет? Это значит, что у него не будет больше дома, и счастье, если его друзья и отчим успеют бежать: тогда у него останется надежда встретить их однажды в метро. Если Мельник скажет ему сегодня, что Артем выполнил свое задание и больше ничего не может сделать, тогда он тотчас же пустится в обратный путь, пообещал он себе. Если его станции суждено стать единственным заслоном на пути черных, а его друзьям и близким – погибнуть, обороняя ее, то он скорее предпочтет быть вместе с ними, чем укрываться в этом раю. Ему вдруг захотелось вернуться домой, взглянуть на ряд армейских палаток, чайную фабрику... Поболтать с Женькой, рассказать ему о своих приключениях. Наверняка тот не поверит и половине... Если он еще жив.

– Пойдем, Артем, – позвал его Мельник. – С тобой хотят поговорить.

Он уже успел избавиться от своего защитного костюма и был одет в водолазку, черную военную пилотку без кокарды и штаны с карманами, такие же, как у Хантера. Сталкер чем-то напоминал Охотника, не внешне, конечно, а поведением. Был он такой же собранный, напруженный и говорил похоже: короткими, рублеными фразами.

Стены в помещении были обшиты мореным дубом, а на них друг напротив друга висели две большие картины маслом. На одной Артем без труда узнал Библиотеку, на другой было изображено высокое, облицованное белым камнем здание, подпись под которым гласила: «Генштаб Минобороны РФ».

Посреди просторной комнаты стоял большой деревянный стол, на стульях вокруг него сидели, изучающе разглядывая Артема, человек десять. Половина в серых браминских халатах, другая – в летней офицерской военной форме. Получалось так, что военные сидели под картиной с Генштабом, а брамины – под Библиотекой.

Во главе стола важно восседал невысокого роста, но начальственного вида человек в строгих очках и с большой залысиной. Он был одет в костюм с галстуком, и татуировки, обозначающей принадлежность к касте, у него не было.

– К делу, – не представляясь, начал он. – Расскажите нам все, что вам известно, включая ситуацию с туннелями от вашей станции до Проспекта Мира.

Артем принялся подробно описывать историю борьбы ВДНХ с черными, потом задание Хантера и, наконец, поход к Полису. Когда он рассказывал о случившемся в туннелях между Алексеевской, Рижской и Проспектом Мира, военные и брамины зашептались между собой,

одни недоверчиво, другие оживленно, а сидевший в углу офицер пару раз переспросил его, старательно протоколируя рассказ.

Когда обсуждения наконец улеглись, Артему разрешили продолжить рассказ, но повествование его вызывало у слушателей мало интереса, пока он не дошел до Полянки и ее жителей.

– Позвольте! – возмущенно прервал его один из военных, плотный мужчина лет пятидесяти, с зализанными назад волосами и очками в стальной оправе, врезавшейся в мясистую переносицу. – Совершенно точно известно, что Полянка необитаема. Станция давным-давно заброшена. Через нее ежедневно проходят десятки людей, это правда, но жить там никто не может. Там периодически происходят выбросы газа и повсюду развешены знаки, предупреждающие об опасности. И уж, конечно, никаких кошек и макулатуры там нет и подавно. Совершенно пустой перрон. Совершенно. Прекратите ваши инсинуации.

Остальные военные согласно закивали, и Артем озадаченно замолчал. Когда он останавливался на Полянке, ему в голову пришла на мгновение мысль, что умиротворенная обстановка, царившая на станции, невероятна для метро. Но от этих размышлений его тут же отвлекли обитатели Полянки, которые были более чем настоящими.

Брамины, однако, гневного опровержения не поддержали. Старший из них, лысый старик, с длинной седой бородой, с интересом посмотрел на Артема и перекинулся несколькими фразами на непонятном языке с сидевшими рядом.

– Этот газ, как вы знаете, обладает галлюциногенными свойствами, в определенных пропорциях смешиваясь с воздухом, – примирительно сказал брамин, сидящий по правую руку от старика.

– Вопрос в том, можно ли теперь верить ему в остальном, – глядя на Артема исподлобья, возразил военный.

– Спасибо за ваш доклад, – оборвал дискуссию человек в костюме. – Совет обсудит его, и вам сообщат о результатах. Вы можете идти.

Артем стал пробираться к выходу. Неужели весь его разговор с двумя курившими кальян жителями Полянки оказался галлюцинацией? Но ведь это значило бы тогда, что и идея о его избранности, о том, что он может изгибать реальность, пока воплощает сюжет предначертанного, – это просто плод его воображения, попытка утешить себя... Теперь и загадочная встреча в туннеле между Боровицкой и Полянкой больше не казалась ему чудом. Газ? Газ.

Он сидел на скамейке у дверей и даже не вслушивался в отдаленные голоса споривших членов Совета. Мимо ходили люди, проезжали дрезины и мотовозы, минута за минутой шло время, а он сидел и думал. Существовала ли его миссия на самом деле или он сам выдумал ее? Что ему делать теперь? Куда теперь идти?

Его кто-то тронул за плечо. Это был офицер, который вел записи во время его рассказа.

– Члены Совета сообщают, что Полис ничем не в состоянии помочь вашей станции. Они благодарят вас за подробный отчет о ситуации в метрополитене. Вы свободны.

Вот и все. Полис ничем не может помочь. Все зря. Он сделал все, что смог, но это ничего не изменило. Ему оставалось только вернуться на ВДНХ и встать плечом к плечу с теми, кто еще держал там оборону. Артем тяжело поднялся со скамьи и побрел сам не зная куда.

Когда он почти дошел уже до перехода на Боровицкую, сзади послышался негромкий кашель. Артем обернулся и увидел брамина, присутствовавшего на Совете, того самого, что сидел по правую руку от старика.

– Пойдите, молодой человек... Мне кажется, нам с вами нужно обсудить кое-что... В приватном порядке, – вежливо улыбаясь, обратился к нему брамин. – Если Совет не в состоянии ничего для вас сделать, то, может, ваш покорный слуга окажется полезнее.

Он ухватил Артема под локоть и увлек его за собой в одно из кирпичных жилищ в арках. Окна здесь не было, электрическая лампочка не горела, и только пламя маленькой свечи обрисовывало контуры лиц нескольких людей, собравшихся в комнате. Рассмотреть их как следует

Артем не успел, потому что приведший его брамин поспешно задул огонь, и помещение погрузилось во мрак.

– Правда ли то, что ты рассказывал о Полянке на заседании Совета? – раздался сиплый голос.

– Да, – твердо ответил Артем.

– Знаешь ли ты, как зовется Полянка среди нас, браминов? Станция судьбы. Пусть кшатрии считают, что это газ наводит морок, мы не против. Мы не станем излечивать от слепоты недавнего врага. Мы верим, что на этой станции люди встречаются с посланниками Провидения. Большинству из них Провидению сказать нечего, и они просто проходят через пустую, заброшенную станцию. Но те, кто кого-то встретил на Полянке, должны отнестись к этой встрече со всем вниманием и на всю жизнь запомнить то, что им там было сказано. Ты помнишь это?

– Забыл, – соврал Артем, не доверяя особенно этим людям, напоминавшим ему членов какой-то секты.

– Наши старейшины убеждены, что ты не случайно пришел к нам. Ты не обычный человек, и твои особые способности, которые уже не раз спасали тебя в пути, могут помочь и нам. А мы за это протянем руку помощи тебе и твоей станции. Мы – хранители знаний, и среди этих знаний есть такие, что способны спасти ВДНХ.

– При чем здесь ВДНХ?! – взорвался Артем. – Вы все говорите только о ВДНХ! Вы как будто не понимаете, что я пришел сюда не только ради своей станции, не только из-за своей беды! Вам всем, всем угрожает опасность! Сначала падет ВДНХ, за ней вся линия, а потом придет конец всему метро....

Ему никто не отвечал. Тишина сгустилась, было слышно только мерное дыхание присутствующих. Артем подождал еще немного и спросил, не выдержав молчания:

– Что я должен сделать?

– Подняться наверх, в большое книгохранилище. Найти там нечто, что принадлежит нам по праву, и вернуть это сюда. Если ты сможешь обнаружить то, что мы ищем, мы укажем тебе знания, которые помогут тебе уничтожить угрозу. И пусть сгорит Великая Библиотека, если я лгу.

Глава 13. Великая библиотека

Артем вышел на станцию, очумело озираясь по сторонам. Он только что заключил одно из самых странных соглашений в своей жизни. Его наниматели отказались даже объяснить, что именно он должен разыскать в книгохранилище, пообещав, что детали ему сообщат потом, когда он уже поднимется наверх. И хотя мелькнула на секунду мысль, что речь может идти о Книге, о которой ему накануне рассказывал Данила, спросить про нее у браминов он не посмел. Да и потом, оба они вчера были изрядно навеселе, когда гостеприимный хозяин поведал ему эту тайну, так что основания сомневаться в ее достоверности были.

Ему пообещали, что на поверхность он пойдет не один. Брамины собирались снарядить целый отряд. Вместе с Артемом должны были подняться по крайней мере два сталкера и один человек от касты, которому он должен будет немедленно передать найденное, если экспедиция завершится успехом. Он же должен будет показать Артему нечто, что поможет устранить угрозу, нависшую над ВДНХ.

Сейчас, когда он вышел из крошечного мрака комнаты на платформу, условия договора казались Артему абсурдными. Как в старой сказке, от него требовалось пойти туда, не знаю куда, принести то, не знаю что, и за это ему обещали чудесное спасение, не уточняя даже, каким оно будет. Но что ему оставалось делать? Вернуться с пустыми руками? Разве этого ожидал от него Охотник?

Когда Артем спросил у своих таинственных собеседников, каким же образом он найдет в гигантских хранилищах Библиотеки то, что они ищут, ему было сказано, что он поймет все на месте. Он услышит. Больше он дознаваться не стал, боясь, что у браминов пропадет уверенность в его необычайных способностях, в которые он и сам не очень верил. Напоследок его строго предупредили, что военные не должны знать ничего, иначе соглашение потеряет силу.

Артем уселся на скамейку в центре зала и задумался. Это был потрясающий шанс выйти на поверхность, совершить то, что пока в сознательном возрасте ему удалось лишь раз, и сделать это, не боясь наказания и последствий. Подняться наверх – и не одному, а с настоящими сталкерами, выполняя секретное задание касты хранителей... Он так и не спросил их, почему они так не любят слова «библиотекарь».

Рядом с ним на скамейку тяжело опустился Мельник. Сейчас он выглядел усталым и напряженным.

– Зачем ты на это пошел? – безо всякого выражения спросил он, глядя перед собой.

– Откуда вы знаете? – удивился Артем: с момента его разговора с браминами не прошло еще и четверти часа.

– Придется с тобой идти, – не удостоив его ответом, скучным голосом продолжил Мельник, – я за тебя теперь перед Хантером отвечаю, что бы там с ним ни случилось. А от договора с браминами отказаться нельзя. Ни у кого еще не выходило. И главное, не вздумай военным проболтаться. – Он поднялся, покачал головой и добавил: – Знал бы ты, во что ввязался... Пойду я спать. Сегодня вечером поднимаемся.

– А вы разве не из военных? – спросил его вдогонку Артем. – Я слышал, они вас полковником называли.

– Полковник-то полковник, да не их ведомства, – нехотя отозвался Мельник и ушел.

Оставшуюся часть дня Артем посвятил изучению Полиса: бесцельно разгуливал по безграничному пространству переходов и лестниц, оглядывал величественные колоннады, удивляясь, сколько народу может вместить в себя этот подземный город, вдоль и поперек изучил напечатанную на оберточной бумаге газетку «Новости метро», слушал бродячих музыкантов, листал книги на лотках, играл с выставленными на продажу щенками, узнавал последние сплетни – и все это время не мог избавиться от ощущения, что за ним кто-то следует и

наблюдает. Несколько раз он даже оборачивался резко, надеясь встретить чей-то внимательный взгляд, но тщетно – вокруг кишела занятая толпа, и никому до него не было дела.

Обнаружив в одном из переходов гостиницу, он проспал несколько часов, прежде чем явиться в десять вечера, как было условлено, к заставе у выхода в город с Боровицкой. Мельник опаздывал, но караул был в курсе, и Артему предложили дожидаться сталкера за чашкой чая.

Прервавшийся на минуту, чтобы налить в эмалированную кружку кипятка, пожилой караульный продолжил свой рассказ:

– Так вот... Мне тогда поручили следить за радиоэфиром. Все надеялись сигнал из правительственных бункеров за Уралом поймать. Да только напрасно старались, по стратегическим объектам они в первую очередь ударили. Тут тебе и Раменкам хана, и всем загородным дачам с их подвалами на тридцать метров в глубину хана... Раменки, они, может, и пожалели бы... Они по мирному населению старались не очень-то... Никто же тогда не знал, что эта война – до самого конца, когда уже все равно. Так вот, Раменки они, может, и пожалели бы, но там рядом командный пункт находился, и вот они туда и всадили... А уж гражданские жертвы – это, как говорится, сопутствующий ущерб, извините. Но пока еще в это не верил никто, начальство посадило меня за эфиром следить, там, рядом с Арбатской, в бункере. И поначалу много чудного ловил... Сибирь молчала, зато другие отзывались. Подводные лодки отзывались, стратегические, атомные. Спрашивали, бить или не бить... Люди не верили, что Москвы больше нет. Капитаны первого ранга прямо в эфире, как дети, рыдали. Странно это, знаешь, когда прожженные морские офицеры, которые за всю жизнь и слова одного цензурного не сказали, плачут, просят поискать, нет ли среди спасшихся их жен, дочерей... Пойди, поищи их тут... А потом – все по-разному: кто говорил, все теперь, не нашим, так и не вашим, пропади оно к чертям, и уходил к их берегам – весь боекомплект разряжать по городам. А другие, наоборот, решали: раз уж все равно все летит в тартарары, больше и воевать смысла не имеет. Зачем еще людей убивать? Только это уже ничего не решало. И тех, кто за семью отомстить решил, хватило. А лодки еще долго отвечали. Они по полгода под водой на дежурстве находиться могли. Кого-то, конечно, вычислили, но всех найти не могли. Вот уж наслушался историй, до сих пор как вспомню, дрожь по коже. Но я все не к этому. Поймал я однажды экипаж танка, который чудом при ударе уцелел: перегоняли они свою машину из части или еще что-то... Новое поколение бронетехники от радиации защищало. И вот как их было там трое человек в этом танке, так и пошли они на полной скорости от Москвы на восток. Проезжали через горящие деревни, баб с собой каких-то подобрали – и дальше, на заправке солеры зальют и снова в дорогу. Забрались в какую-то глухомань, где уже и бомбить-то нечего было, тут у них наконец горячее и вышло. Фон радиационный и там, конечно, оставался будь здоров, но все же не такой, как рядом с городами. Разбили они там лагерь, танк на полкорпуса в землю вкопали – вышло у них вроде укрепления. Палатки рядом поставили, со временем землянки вырыли, генератор ручной устроили для электричества и довольно долго жили вокруг этого танка. Я с ними года два чуть не каждый вечер разговаривал, все дела их семейные знал. Сначала у них спокойно все было, хозяйство завели, дети у двоих родились... почти что нормальные. Боеприпасов хватало. Они там всякого насмотрелись, такие твари из лесу выходили, что он и описать-то их как следует не мог, этот лейтенант, с которым мы говорили. А потом пропали они. Я еще с полгода их поймать пытался, но что-то у них случилось. Может, генератор или передатчик из строя вышли, а может, боеприпасы кончились...

– Ты про Раменки говорил, – вспомнил его напарник, – что их разбомбили, и я подумал: вот сколько здесь уже служу, никто мне про Кремль сказать не может, как же так вышло, что он целым остался? Почему его не тронули? Вот уж там должны быть бункеры так бункеры...

– Кто тебе сказал, что не тронули? Еще как тронули! – заверил его караульный. – Просто разрушать не хотели, потому что памятник архитектуры, ну, заодно и новые разработки на

нем испытали. Вот и получили мы... Уж лучше бы они его сразу с лица земли стерли, – он сплюнул и замолчал.

Артем сидел тихонько, стараясь не отвлекать ветерана от воспоминаний. Редко ему удавалось услышать столько подробностей о том, как это происходило. Но пожилой караульный замолчал, задумавшись о чем-то своем, и в конце концов Артем, выждав, решился задать вопрос, который его занимал и раньше:

– А ведь в других городах тоже метро есть? Было, по крайней мере, я слышал. Неужели больше нигде людей не осталось? Вы когда связистом работали, никаких сигналов не принимали?

– Нет, ничего не было. Но ты прав, в Питере, к примеру, должны были люди спастись, у них станции в метрополитене глубоко залегали, некоторые даже глубже, чем у нас тут. И устроено было так же. Помню, я туда ездил, когда молодой был. У них там на одной линии выходов на пути не было, а стояли такие здоровенные железные ворота. Поезд приходит, и створки вместе с дверями поезда открываются. Меня это очень тогда удивило, помню. Сколько ни спрашивал, никто толком объяснить не мог, зачем так устроено. Один говорит, чтобы от наводнения защищало, другой – при строительстве на отделке сэкономили. А потом познакомился с метростроителем одним, и он мне рассказал, что они пока эту линию сооружали, у них половину строительной бригады кто-то сожрал, да и в других бригадах то же самое творилось. Только кости находили обглоданные и инструменты. Населению, понятное дело, ничего не сообщили, но двери эти чугунные по всей линии поставили, от греха подальше. А ведь это еще когда было... А что уж там от радиации началось, и представить себе трудно.

Разговор оборвался: к заставе подошел Мельник и с ним еще один человек, невысокий и кряжистый, с массивной челюстью, обросшей короткой бородой, и глубоко посаженными глазами. Оба были уже в защитных костюмах и с большими рюкзаками за плечами. Мельник молча осмотрел Артема, поставил ему под ноги большую черную сумку и жестом указал на армейскую палатку.

Артем скользнул внутрь и, расстегнув молнию на сумке, достал из нее черный комбинезон, вроде тех, что были на Мельнике и его напарнике; необычный противогаз, с широким обзорным стеклом и двумя фильтрами по бокам; высокие шнурованные ботинки и, главное, – новый автомат Калашникова с лазерным целеуказателем и складным металлическим прикладом. Это было оружие совершенно особенное, похожее Артем видел только у элитных подразделений Ганзы, патрулировавших линию на мотовозах. На дне сумки лежали длинный фонарь и круглый шлем, обтянутый снаружи тканью.

Он не успел еще переодеться, как полог палатки приподнялся, и в нее пробрался брамин Данила. В руках у него была точно такая же безразмерная сумка на молнии. Оба изумленно уставились друг на друга. Первым, что к чему, сообразил Артем.

– Наверх идешь? Нас сопровождать? Искать то, не знаю что? – ехидно спросил он.

– Я-то знаю, – огрызнулся Данила, – а вот как ты это искать собираешься, понятия не имею.

– Я тоже, – признался Артем. – Мне сказали, потом объяснят... Вот, жду.

– А мне сказали, наверх ясновидящего отправляют, который должен почувствовать, куда идти.

– Это я-то ясновидящий? – фыркнул Артем.

– Старейшины считают, что у тебя дар и что судьба у тебя особенная. Где-то в Завете есть предсказание, что должен явиться юноша, ведомый судьбой, который найдет сокрытые тайны Великой Библиотеки. Найдет то, что наша каста безуспешно пытается обнаружить последнее десятилетие. Старейшины уверены, что этот человек – ты.

– Это та книга, про которую ты говорил? – напрямик спросил Артем.

Данила долго не отвечал, потом наконец кивнул.

– Ты должен почувствовать ее. Она спрятана не от всех. Если ты действительно тот самый «юноша, ведомый судьбой», тебе даже не придется рыскать по книгохранилищам. Книга сама найдет тебя, – он окинул Артема испытующим взглядом и добавил нерешительно: – Что ты попросил у них взамен?

Скрывать смысла не было. Артема только неприятно удивило, что Данила, который должен был сообщить ему сведения, способные спасти ВДНХ от нашествия черных, ничего не знал об этой опасности и об условиях его соглашения с членами Совета. Вкратце он объяснил Даниле, в чем суть его договора и какую катастрофу он пытается предотвратить. Тот внимательно выслушал его до конца и, когда Артем выходил из палатки, все еще стоял неподвижно и о чем-то думал.

Мельник и бородатый сталкер уже ждали их в полном боевом облачении, держа противогазы и шлемы в руках. Ручной пулемет был сейчас у напарника, а сам Мельник сжимал такой же автомат, как тот, что достался Артему. На шее у него висел прибор ночного видения.

Когда наружу вышел Данила, они с Артемом с важным видом оглядели друг друга, потом Данила подмигнул, и оба рассмеялись. Выглядели они сейчас как заправские сталкеры.

– Повезло... Сталкеры новичков, прежде чем на серьезное дело посылать, за дровами наверх года два гоняют, а мы с тобой сразу в дамки! – шепнул Данила Артему.

Мельник неодобрительно посмотрел на них, но ничего не сказал, только дал знак идти за собой. Они подошли к арке перехода и, поднявшись по лестнице, остановились у очередной стены из бетонных блоков с небольшой бронированной дверью, которую охранял усиленный караул. Сталкер поздоровался с охраной и дал знак открывать. Один из солдат встал со своего места, подошел к выходу и потянул тугой засов. Толстая стальная створка мягко отошла в сторону. Мельник пропустил всех троих вперед, отдал честь караульным и вышел последним.

За дверью начиналась короткая, метра в три, буферная зона между стеной и гермоворотами. Там несли дежурство еще двое тяжеловооруженных солдат и офицер. Прежде чем отдать приказ о подъеме железного заслона, Мельник решил провести с новичками инструктаж.

– Значит, так. По дороге не болтать. Наверх когда-нибудь уже поднимались? Неважно... Дай карту, – обратился он к офицеру. – До самого вестибюля ступаете за мной шаг в шаг, не сбиваться. По сторонам не смотреть. Не разговаривать. На выходе из вестибюля не вздумайте пробираться через турникеты, без ног останетесь. Продолжаете идти за мной, никакой самостоятельности. Потом я выйду наружу, Десятый, – он указал на бородатого сталкера, – останется сзади, прикрывать вестибюль станции. Если все чисто, как только окажемся на улице, сразу поворачиваем налево. Сейчас еще пока не очень темно, на улице фонарями не пользоваться, чтобы не привлекать внимания. Про Кремль вам все объяснили? Он будет справа, но одну башню видно поверх домов сразу, как выходишь из метро. Ни в коем случае не смотреть на Кремль. Кто будет смотреть, получит затрещину лично от меня.

«Так это правда, про Кремль и про правило сталкеров не смотреть на него, что бы ни случилось», – пораженно подумал Артем. Что-то вдруг зашевелилось в нем, какие-то обрывки мыслей, образов... Шевельнулось и затихло.

– Поднимаемся в Библиотеку. Доходим до дверей и ступеней. Я захожу первым. Если лестница свободна, Десятый держит ее на прицеле, мы поднимаемся наверх, потом прикрываем Десятого, поднимается он. На лестнице не разговаривать. Если видите опасность, подаете сигнал фонарем. Стрелять только в случае крайней необходимости. Выстрелы могут их привлечь.

– Кого? – не выдержал Артем.

– Как кого? – переспросил Мельник. – Кого ты вообще ожидаешь встретить в Библиотеке? Библиотекарей, понятное дело.

Данила слотнул и побледнел. Артем посмотрел на него, потом на Мельника и решил, что сейчас не время притворяться, будто он знает все на свете.

– А кто это?

Мельник удивленно выгнул бровь. Его бородатый напарник закрыл рукой глаза. Данила смотрел в пол. Сталкер долго не сводил с Артема вопрошающего взгляда и когда наконец понял, что тот не шутит, невозмутимо ответил:

– Сам увидишь. Главное, запомни: ты можешь помешать им напасть, если будешь смотреть им в глаза. Прямо в глаза, понял? И не давай зайти со спины... Все, двинулись! – Он натянул противогаз, водрузил на голову шлем и показал большой палец охране.

Офицер сделал шаг к рубильникам и открыл гермоворота. Стальной занавес медленно пополз вверх. Представление начиналось.

Мельник махнул рукой, давая знак, что можно выходить. Артем толкнул прозрачную дверь, подняв автомат, и выскочил на улицу. И хотя сталкер требовал от него следовать шаг в шаг, не отставая, послушаться его было невозможно...

...Сейчас небо было совсем другим, чем в тот раз, когда Артем видел его мальчишкой. Вместо безграничного прозрачно-синего пространства над головой низко висели плотные серые облака, и этот ватный потолок начинал сочиться первыми каплями осеннего дождя. Порывами налетал холодный ветер, Артем чувствовал его даже через ткань защитного комбинезона.

Здесь было поразительно, невообразимо много места – и справа, и слева, и впереди. Этот необозримый простор завораживал и одновременно нагонял непонятную тоску. На долю секунды Артему захотелось вернуться в вестибюль Боровицкой, под землю, почувствовать себя под защитой близких стен, окунуться в безопасность и уют замкнутого, ограниченного пространства. Справиться с этим гнетущим ощущением ему удалось, лишь заставив себя отвлечься на изучение ближайших домов.

Солнце уже зашло, и город постепенно погружался в грязноватый сумрак. Полуразрушенные и изъеденные за десятилетия кислотными ливнями скелеты невысоких жилых домов смотрели на путников пустыми глазницами разбитых окон.

Город... Зрелище мрачное и прекрасное. Не слыша окриков, Артем стоял неподвижно, зачарованно озираясь по сторонам: он мог наконец сравнить действительность со своими снами и почти такими же расплывчатыми воспоминаниями детства.

Рядом с ним замер и Данила, тоже, наверное, никогда прежде не поднимавшийся на поверхность. Последним из вестибюля станции вышел Десятый. Пытаясь привлечь внимание, он похлопал Артема по плечу и показал ему направо, туда, где вдалеке вырисовывался силуэт увенчанного куполом собора.

– На крест посмотри, – прогудел через фильтры противогаза сталкер.

Сначала Артем ничего особенного не заметил и даже не увидел самого креста. И только когда от перекладины с протяжным, леденящим кровь воплем оторвалась гигантская крылатая тень, он понял, что Десятый имел в виду. За пару взмахов крыльями чудовище набрало высоту и стало планировать вниз широкими кругами, выискивая добычу.

– Гнездо у них там, – махнув рукой, пояснил Десятый, – прямо на храме Христа Спасителя.

Прижимаясь к стене, они двинулись ко входу в Библиотеку. Мельник вел группу, держась на несколько шагов впереди, а Десятый отступал вполборота, прикрывая тылы. Именно оттого, что оба сталкера отвлеклись, Артем и успел еще до того, как они поравнялись со статуей старика в кресле, бросить взгляд на Кремль.

Артем не собирался этого делать, но когда он увидел памятник, его словно потрянуло, и в голове что-то прояснилось. На поверхность вдруг всплыл целый кусок вчерашнего сна. Но теперь ему не казалось, что это был только сон: привидевшаяся панорама и колоннада Библиотеки оказались точь-в-точь похожи на тот вид, который ему открывался сейчас. Значило ли это, что и Кремль выглядел так же, каким он предстал в его видениях?

На Артема никто не смотрел, даже Данилы не было рядом, он замешкался сзади, с Десятым. «Сейчас или никогда», – сказал себе Артем.

В горле у него пересохло, в висках застучала кровь.

Звезда на башне действительно сияла.

– Эй, Артем! Артем! – его кто-то тряс за плечо.

Оцепеневшее сознание с трудом оживало. В глаза ударил яркий свет фонаря. Артем заморгал и закрылся ладонью. Он сидел на земле, привалившись спиной к гранитному постаменту памятника, а над ним склонились Данила и Мельник. Оба озабоченно глядели ему в глаза.

– Зрачки сузились, – констатировал Мельник. – Ну, как ты его проворонил? – недовольно спросил он у Десятого, стоявшего чуть поодаль и не спускавшего глаз с улицы.

– Там сзади что-то шумело, не мог спиной повернуться, – оправдывался сталкер. – Кто же знал, что он прыткий такой... Вон, чуть не до Манежа за минуту добрался... Так и ушел бы. Хорошо наш брамин спохватился, – он хлопнул Данилу по спине.

– Она светится, – слабым голосом сказал Артем Мельнику. – Она светится, – посмотрел он на Данилу.

– Светится, светится, – успокаивающе подтвердил тот.

– Тебе сказали не смотреть туда, балда? – зло бросил Артему Мельник, убедившись, что опасность миновала. – Ты будешь старших слушаться? – и отвесил ему подзатыльник.

Шлем несколько смягчил педагогический эффект, и Артем продолжал сидеть на земле, хлопая глазами. Выругавшись, сталкер схватил его за плечи, сильно встряхнул и поставил на ноги.

Артем начинал постепенно приходить в себя. Ему стало стыдно за то, что он не смог противостоять соблазну. Он стоял, разглядывая носки своих сапог, не решаясь посмотреть на Мельника. К счастью, у того не было времени читать морали: его отвлек стоявший на перекрестке Десятый. Знаком он подозвал напарника к себе и, прижав палец к фильтру противогаза, попросил молчать. Артем решил от греха подальше теперь всюду следовать за Мельником и ни в коем случае не оборачиваться в сторону загадочных башен.

Подойдя к Десятому, Мельник тоже замер на месте. Бородатый указывал пальцем вдаль, в направлении, противоположном Кремлю, где гнилыми клыками рассыпающихся от времени высоток ощерился Калининский проспект. Осторожно подойдя к ним, Артем выглянул из-за широкого плеча сталкера и сразу понял, в чем дело.

Прямо посреди проспекта, метрах в шестистах от них, в сгущающихся сумерках он рассмотрел три неподвижных человеческих силуэта. Человеческих?.. На таком расстоянии Артем не стал бы ручаться, что это именно люди, но роста они были среднего и стояли на двух ногах. Это обнадеживало.

– Кто это? – хрипло прошептал Артем, стараясь сквозь запотевающее стекло противогаза самостоятельно угадать в далеких фигурах людей или кого-либо из тех отродий, о которых ему доводилось слышать.

Мельник молча покачал головой, давая понять, что знает не больше него. Он направил на замерших существ луч своего фонаря и сделал им три круговых движения, а потом погасил его. В ответ вдалеке тоже вспыхнуло яркое пятно света, описало три круга и погасло.

Напряжение тут же спало, и наэлектризованная атмосфера разрядилась. Артем ощутил это еще до того, как Мельник дал отбой.

– Сталкеры, – пояснил проводник. – Учти на будущее: три круга фонарем – наш опознавательный знак. Если тебе отвечают тем же, можешь смело идти навстречу, своего не обидят. Если не светят вообще или светят не так, делай ноги. Немедленно.

– Но ведь если у них фонарь, значит, это люди, а не твари какие-нибудь с поверхности, – возразил Артем.

– Неизвестно, что хуже, – отрезал Мельник и, не давая больше никаких пояснений, двинулся по ступеням вверх, ко входу в Библиотеку.

Тяжелая дубовая дверь, почти в два человеческих роста высотой, медленно, словно нехотя, подалась. Истерически завизжали проржавевшие петли, на которых она была подвешена. Мельник проскользнул внутрь, прижав к глазам прибор ночного видения и удерживая автомат на весу одной рукой. Через секунду он дал знак идти остальным.

Впереди виднелся длинный коридор с искореженными остовами железных вешалок по бокам: здесь когда-то находился гардероб. Вдалеке, в пробивающемся с улицы слабым свете гаснущего дня, вырисовывались белые мраморные ступени уходящей вверх широкой лестницы. До потолка было метров пятнадцать, и примерно посередине можно было различить кованую ограду галерей второго этажа. В холле стояла хрупкая тишина, гулко отзывавшаяся на каждый шаг.

Стены вестибюля поросли чуть шевелящимся, словно дышащим, мхом, а с потолка свисали доходящие почти до земли странные, лианоподобные растения в руку толщиной. Их стебли отсвечивали жирным блеском в лучах фонарей и были покрыты крупными уродливыми цветами, источавшими удушливый, кружащий голову аромат. Они тоже еле заметно покачивались, и Артем не взялся бы определить, движет ими ветер, проникающий сквозь разбитые окна второго этажа, или они перемещаются по своей воле.

– Что это? – тронув лиану рукой, спросил Артем у Десятого.

– Озеленение... – процедил тот. – Комнатные растения после облучения, вот что. Вьюнки. Доразводились, ботаники...

Следуя за Мельником, они дошли до лестницы и под прикрытием Десятого начали подниматься, прижимаясь к левой стене. Шедший первым сталкер не спускал глаз с видневшегося впереди черного квадрата входа в другие помещения, остальные лучами своих фонарей облизывали мраморные стены и изъеденный ржавым мхом потолок.

Широкая мраморная лестница, на которой они стояли, вела на второй этаж вестибюля. Перекрытий над ней не было, и за счет этого оба этажа вестибюля сливались в единое огромное пространство. Второй уровень вестибюля имел форму буквы П – в центре был проем, из которого поднималась лестница, а по краям располагались площадки с деревянными шкафчиками. Большая часть их была сожжена или сгнила, но некоторые выглядели так, словно люди пользовались ими еще вчера. В каждом отсеке были сделаны сотни маленьких выдвижных ящиков.

– Картотека, – с благоговением оглядываясь вокруг, пояснил тихонько Данила. – На этих ящичках можно гадать. Посвященные умеют. После ритуала нужно вслепую выбрать один из шкафов, потом наугад вытянуть ящик и взять любую карточку. Если ритуал был проведен правильно, то название книги предскажет тебе будущее, предостережет или напророчит удачу.

На секунду Артему захотелось подойти к ближайшему шкафчику и узнать, в какое отделение этой картотеки судеб его занесли. Но его внимание отвлекла гигантская паутина, растянувшаяся на несколько метров у разбитого окна, в дальнем углу. В тонких, но, видимо, необычайно прочных волокнах застряла внушительных размеров птица, которая была еще до сих пор жива и слабо подергивалась. Того, кто сплел эту чудовищную сеть, Артем, к своему облегчению, не обнаружил. Кроме них, в просторном вестибюле не было ни души.

Мельник дал всем знак остановиться.

– Теперь прислушайся, – обратился он к Артему. – Слушай не то, что снаружи... Попытайся услышать, что звучит у тебя внутри, в голове. Книга должна позвать тебя. Старейшины браминов думают, что она, скорее всего, находится на одном из ярусов Главного Книгохранилища. Но фолиант может быть где угодно: в одном из читальных залов, на забытой библиотекарской тележке, в коридоре, в столике смотрительницы... Поэтому до того, как мы попытаемся пробраться в хранилище, постарайся уловить ее голос здесь. Закрой глаза. Расслабься.

Артем зажмурился и стал напряженно вслушиваться. В полной темноте тишина распадалась на десятки крошечных шумов: скрип деревянных полок, гуляющие по коридорам сквозняки, неясные шорохи, доносящееся с улицы завывание, долетающий из читальных залов звук, похожий на старческий кашель... Но ничего похожего на зов, на голос Артему услышать не удалось. Он стоял так, замерев, пять, десять минут, тщетно задерживая дыхание, которое могло помешать ему вычленить из мешанины звуков, шедших от мертвых книг, голос, который подавала книга живая...

– Нет, – виновато покачал он головой, наконец открыв глаза. – Ничего нет.

Мельник ничего не сказал, промолчал и Данила, но Артему удалось перехватить его разочарованный взгляд, который говорил сам за себя.

– Может быть, ее здесь действительно нет. Значит, пойдем в книгохранилище. Скажем так, попытаемся туда попасть, – после минутной паузы решил сталкер и дал знак следовать за собой.

Он шагнул вперед, в широкий дверной проем, в котором из двух створок на петлях оставалась только одна, обугленная по краям и изрисованная непонятными символами. За ним начиналась небольшая круглая комната с шестиметровой высоты потолком и четырьмя выходами. Десятый прошел следом за Мельником, а Данила, пользуясь тем, что они его не видят, шагнул к ближайшему уцелевшему шкафу и, потянув один из ящичков, вытащил из него карточку, пробежал по ней глазами, а потом, недоуменно скривившись, сунул ее в нагрудный карман. Поняв, что Артем все видел, он заговорщически прижал палец к губам и поспешил за сталкерами.

Стены круглой комнаты тоже были покрыты рисунками и надписями, а в углу стоял продавленный диван с изрезанной дерматиновой обивкой. В одном из четырех проходов, на полу, лежал опрокинутый книжный стенд, из которого выпало несколько брошюр.

– Ни к чему не прикасаться! – предостерег Мельник.

Десятый опустился на диван, скрипнув пружинами. Данила последовал его примеру. Артем, как зачарованный, уставился на раскиданные по полу книги.

– Их никто не трогает... – пробормотал он. – У нас на станции библиотеку приходится крысиным ядом обрабатывать, иначе бы крысы все съели... Здесь что, нет этих тварей? – спросил он, снова вспоминая слова Бурбона, что беспокоиться надо не тогда, когда крысы кишат вокруг, а когда их нет совсем.

– Какие еще крысы? Что ты несешь? – недовольно поморщился Мельник. – Откуда здесь крысы? Они всех крыс сто лет назад сожрали...

– Кто? – растерянно спросил Артем.

– Как кто? Библиотекари, разумеется, – объяснил Десятый.

– Так это звери или люди? – спросил Артем.

– Не звери, это точно, – задумчиво покачал головой сталкер и замолчал.

Находящаяся в глубине одного из проходов массивная деревянная дверь вдруг протяжно скрипнула. Оба сталкера мгновенно метнулись в разные стороны, спрятавшись за полуколонны, находившиеся по краям арки. Данила сполз с дивана на пол и откатился вбок. Артем последовал его примеру.

– Там дальше – Главный Читальный Зал, – шепнул ему брамин. – Они там иногда появляются...

– Хватит трепаться! – зло оборвал его Мельник. – Ты что, не знаешь, что библиотекари не переносят шума? Что он для них как для быка красная тряпка? – Он ругнулся и указал Десятому на двери читального зала.

Тот кивнул. Прижимаясь к стенам, они стали медленно продвигаться к огромным дубовым створкам. Артем и Данила не отставали от них ни на шаг. Первым внутрь вошел Мельник. Прислонившись спиной к одной из дверей и подняв автомат стволом вверх, он глубоко вдох-

нул, выдохнул и резким движением толкнул створку плечом, одновременно наводя ствол на раскрывшийся черный зев Главного Зала.

Через секунду все они были там. Зал оказался помещением невероятных размеров, с потолком, теряющимся на двадцатиметровой высоте. Как и в вестибюле, с потолка свисали тяжелые жирные лианы с цветами. Этим же чудовищным вьюном были оплетены стены зала. С каждой стороны в них было проделано по шесть гигантских окон, причем в нескольких из них еще уцелела часть стекол. Однако освещение было очень скудным: лунные лучи с трудом пробивались сквозь густые переплетения жирно поблескивавших стеблей.

Слева и справа раньше, видимо, располагались ряды столов, за которыми сидели читатели. Большую часть из этой мебели растащили, некоторую сожгли или сломали, но еще с десяток столов оставались нетронутыми: те, что стояли ближе к украшенной растрескавшимся панно противоположной стене, в самом центре которой возвышалась плохо различимая в полумраке скульптура. Повсюду были прикручены пластиковые таблички с надписью: «Соблюдайте тишину».

Тишина здесь стояла совсем другая, чем в вестибюле. Тут она была такая плотная, что, казалось, ее можно потрогать. Она словно наполняла собой весь этот циклопический зал, и нарушать ее было боязно.

Обшаривая фонарями пространство перед собой, они стояли так, пока Мельник не резюмировал:

– Ветер, наверное...

Но в это самое мгновение Артем заметил серую тень, мелькнувшую впереди между двумя разломанными столами и исчезнувшую в черном проломе в книжных стеллажах. Увидел ее и Мельник. Приложив к глазам прибор ночного видения, он вздернул автомат и, осторожно ступая по заросшему мхом полу, стал приближаться к тайному проходу.

Десятый двинулся вслед за ним. Артем с Данилой, хоть им и дали знак оставаться на месте, не выдержали и тоже последовали за сталкерами: стоять у входа одним было слишком страшно. При этом Артем не смог удержаться, чтобы не окинуть восхищенным взглядом все еще сохранявший признаки своего бывшего величия зал. Это спасло жизнь не только ему самому, но и остальным.

По всему периметру на высоте нескольких метров помещение опоясывали галереи: неширокие проходы, огороженные деревянными перилами. С них можно было посмотреть в окна, а кроме того, в стене, у которой они стояли, и в противоположной, по обе стороны от старинного панно, открывались двери в служебные помещения. Подняться на галереи можно было по парным лестницам, спускавшимся с двух сторон к читающей скульптуре, или по точно таким же ступеням, карабкавшимся вверх от входа.

И именно по этим лестницам, спиной к которым они только что стояли, сейчас неспешно и бесшумно скользили вниз сгорбленные серые фигуры. Их было больше десятка – не до конца растворившихся в сумраке тварей, каждая из которых была бы ростом с Артема, если бы не сгибалась почти вдвое, так что длинные передние лапы, поразительно напоминавшие руки, едва не касались пола. Передвигались существа на двух задних лапах, шагая вразвалку, но при этом удивительно ловко и неслышно. Издалека они больше всего напоминали горилл из учебника по биологии, по которому отчим пытался учить Артема в детстве.

На все эти наблюдения у Артема было не больше секунды. Как только луч его фонаря упал на одну из сгорбленных фигур, отбросив на стену за ней яркую черную тень, со всех сторон раздалось дьявольское верещание, и твари, больше не пытаясь прятаться, хлынули вниз.

– Библиотекари! – закричал изо всех сил Данила.

– Ложись! – приказал Мельник.

Артем с Данилой кинулись на пол. Стрелять они не решались, помня предостережение сталкера, что выстрелы, как и любые громкие звуки, привлекают и раздражают библиотека-

рей. Их колебания развеял подлетевший и упавший рядом с ними Мельник, который первым открыл огонь. Несколько созданий с ревом рухнули вниз, другие стремглав бросились в темноту, но только чтобы подкрасться поближе: через несколько мгновений одно из чудовищ неожиданно возникло всего в двух метрах от них и, сделав длинный прыжок, попыталось вцепиться Десятому в горло. Падая на пол, тот успел срезать тварь короткой очередью.

– Бегите отсюда! Возвращайтесь в круглую комнату и старайтесь пробиться в хранилище! Брамин должен знать, как туда идти, их учат! Мы останемся здесь, прикроем вас и попробуем отбиться, – велел Артему Мельник и, не обращая больше на него внимания, отполз к своему напарнику.

Артем дал Даниле знак, и оба, пригибаясь к полу, бросились к выходу. Один из библиотекарей прыгнул из темноты им навстречу, но его тут же смел свинцовый шквал: сталкеры не упустили ребят из виду.

Выскочив из Главного Читального Зала, Данила кинулся назад, в вестибюль, откуда они пришли. У Артема на мгновение промелькнула мысль, что его напарник до того напуган библиотекарями, что пытается сбежать. Но Данила рвался не к лестнице, которая вела к выходу. Обогнув ее, он помчался мимо уцелевших шкафчиков картотеки к противоположному концу вестибюля. Там помещение сужалось и заканчивалось тремя парными дверями – прямо и по бокам. Правая вела на лестницу, где царила абсолютная темнота. Здесь брамин наконец остановился и перевел дух. Артем нагнал его только через несколько секунд – он никак не ожидал от своего спутника такой прыти. Замерев, оба прислушались. Из Главного Зала доносились выстрелы и крики, сражение продолжалось. Кто в нем возьмет верх, было неясно, и терять время, ожидая исхода боя, они не могли.

– А почему мы возвращаемся? Почему мы сначала в обратную сторону шли? – спросил, переведя дух, Артем.

– Не знаю, куда они нас вели, – пожал плечами Данила. – Может, они по другому пути идти собирались. Нас старейшины учили только одному, и он ведет в хранилище именно с этой стороны вестибюля. По лестнице теперь на один этаж подняться, потом по коридору, опять по лестнице, потом через запасную картотеку, и мы в хранилище.

Он направил автомат в темноту и шагнул на лестничную клетку. Артем последовал за ним, освещая себе лучом дорогу.

Посреди лестницы уходила этажа на три вниз и на столько же вверх лифтовая шахта. Когда-то она была, видимо, застеклена, из чугунного каркаса местами до сих пор торчали острые стеклянные осколки, матовые от накопившейся за десятилетия пыли. Квадратный колодец шахты огибали подгнившие деревянные ступени лестницы, забросанные битым стеклом, стреляными гильзами и засохшими кучками чьего-то помета. Перил не было и в помине, и Артему пришлось жаться к стене и тщательно смотреть себе под ноги, чтобы не поскользнуться и не угодить в проем.

Они поднялись на один этаж и оказались в небольшой квадратной комнате. Отсюда тоже открывались три прохода, и Артем начал отдавать себе отчет, что без проводника вряд ли сможет выбраться из этого лабиринта. Левая дверь вела в широкий темный коридор, до конца которого луч фонаря не доставал. Правая была закрыта и почему-то заколочена досками крест-накрест, и сажей на стене рядом с ней было написано: «Не открывать! Смертельная опасность!».

Данила повел Артема за собой прямо, в убегающий под углом проход, за которым открывался еще один коридор, более узкий и полный новых дверей. Через него брамин продвигался уже не так стремительно, часто останавливался и прислушивался. Пол здесь был выложен паркетом, а на выкрашенных в желтый цвет стенах, как и везде в Библиотеке, висели зловещие таблички: «Соблюдайте тишину». За теми дверями, что были распахнуты, виднелись комнаты и разоренные рабочие кабинеты. Из-за закрытых же иногда доносилось шуршание, а один раз

Артему показалось, что он услышал шаги. Судя по лицу его напарника, ничего хорошего это не предвещало, и оба поспешили убраться оттуда как можно скорее.

Потом, как и предполагал Данила, справа появился выход на новую лестничную клетку. По сравнению с темнотой залов здесь было довольно светло – в стенах на каждом пролете были сделаны окна. Из них с высоты пятого этажа был виден двор, хозяйственные постройки, обгоревшие каркасы каких-то технических устройств. Но долго рассматривать двор Артему не удалось: из-за угла здания, в котором они находились, вынырнули две серые скособоченные фигуры. Они медленно побрели через двор, словно что-то разыскивая. Неожиданно одна из них замерла на месте, подняла голову и, как показалось Артему, взглянула прямо на то окно, из которого он смотрел. Отпрянув, Артем присел на корточки. Ему не пришлось объяснять напарнику, что к чему, тот и сам все понял.

– Библиотекари? – шепнул он испуганно, тоже приседая, чтобы его не было заметно с улицы.

Артем молча кивнул. Данила зачем-то протер рукой плексиглас на своем противогазе, будто это могло помочь ему осушить вспотевший от волнения лоб, потом собрался с мыслями и заспешил по лестнице вверх, увлекая за собой Артема. Один пролет вверх, потом снова извилистые коридоры... Наконец брамин в нерешительности остановился перед несколькими дверями.

– Про это место я ничего не помню, – растерянно сказал он. – Здесь должен быть вход в запасную картотеку. Но про то, что проходов несколько, нам никто не говорил.

Он задумался, потом несмело подергал за ручку одной из дверей. Она была заперта. Закрытыми оказались и остальные выходы. Данила непонимающе, словно отказываясь верить, помотал головой и потянул ручки еще раз. Вслед за ним попробовал и Артем, но тоже безрезультатно.

– Закрыто, – с отчаянием констатировал он.

Данила вдруг мелко затрясся, так что Артем, испуганно оглядев его, на всякий случай отступил от своего напарника на шаг. Но тот просто смеялся.

– А ты постучи! – предложил он Артему и, всхлипнув, добавил: – Извини, наверное, уже истерика.

Артем почувствовал, как неуместный смех разбирает и его. Сказывалось напряжение, накопившееся за последний час, и как он ни сдерживался, глупое хихиканье прорвалось наружу. С минуту оба стояли, прислонившись спинами к стене, и хохотали.

– Постучи! – повторил Артем, держась за живот и жалея, что не может снять противогаз и вытереть слезы.

Он шагнул к ближайшей двери и три раза стукнул по дереву костяшками пальцев.

А через секунду три ответных гулких удара раздалось с обратной стороны. В горле у Артема мгновенно пересохло, сердце бешено заколотилось в груди. За дверью кто-то стоял, слушая их смех и выжидая. Чего? Данила бросил на него обезумевший от страха взгляд и попятился от двери. А с другой ее стороны кто-то снова постучал, громче и требовательней.

И тогда Артем сделал то, чему его научил однажды Сухой. Оттолкнувшись от стены, он ногой ударил в замок соседней двери. На успех он не рассчитывал, но дверь с грохотом распахнулась. Стальной механизм замка был с мясом вырван из трухлявого дерева.

Помещение, начинавшееся сразу за этой дверью, ничем не напоминало другие комнаты и коридоры Библиотеки, через которые они сегодня шли. Почему-то здесь было очень влажно и душно, а в свете фонарей стало видно, что небольшой зал густо зарос странными растениями. Толстые стебли, тяжелые маслянистые листья, смесь запахов, настолько густая, что пробивалась даже сквозь фильтры противогаза, покрытый переплетениями корней и стволов пол, шипы, цветы... Некоторые из них уходили корнями в сохранившиеся или расколотые цветочные горшки и кадки. Знакомые уже лианы обвивали и поддерживали ряды деревянных шкафов.

чиков, таких же, как в большом вестибюле, но из-за высокой влажности прогнивших насквозь. Это стало ясно, как только Данила попытался открыть один из выдвижных ящиков.

– Запасная картотека, – облегченно выдохнув, сообщил он Артему. – Теперь уже недалеко.

Сзади снова донесся стук в дверь, а потом кто-то осторожно, словно пробуя, подергал дверную ручку. Раздвигая стволами автоматов лианы и стараясь не споткнуться о ползущие по полу корни, они спешили пробраться через зловещий тайный сад, спрятанный в глубине Библиотеки. С другой стороны зала находилась еще одна дверь, на этот раз не запертая. Последний коридор, и они наконец остановились.

Они были в хранилище, это сразу чувствовалось. В воздухе стояла книжная пыль; библиотека спокойно дышала, чуть слышно шелестя миллиардами страниц. Артем осмотрелся вокруг, и ему показалось, что он чувствует любимый с детства запах старых книг. Он вопросительно посмотрел на Данилу.

– Все, пришли, – подтвердил тот и добавил с надеждой в голосе: – Ну, как?

– Ну так... Страшно, – не сообразив сразу, чего от него хочет напарник, признался Артем.

– Книгу не слышишь? – уточнил брамин. – Отсюда ее голос должен более отчетливо звучать.

Артем закрыл глаза и постарался сосредоточиться. В голове у него было пусто и гулко, словно в заброшенном туннеле. Простояв так немного, он снова начал различать мелкие шумы, которые заполняли здание Библиотеки, но ничего похожего на голос, на зов, ему услышать не удалось. Хуже того, он ровным счетом ничего и не чувствовал, и даже если предположить, что голос, о котором говорил Данила и другие брамины, на самом деле мог быть ощущением совсем другого рода, дела это не меняло.

– Нет, ничего не слышно, – развел он руками.

– Ладно... – помолчав, вздохнул Данила. – Пойдем на другой ярус, их здесь девятнадцать. Будем искать, пока не найдем. С пустыми руками нам лучше не возвращаться.

Выйдя на служебную лестницу, они поднялись по бетонным ступеням на несколько этажей, прежде чем попытаться счастья еще раз. На этом ярусе все было похоже на место, куда они пришли вначале: средних размеров комната с застекленными окнами, несколько канцелярских столов, привычная уже поросль на потолке и в углах и два расходящихся в разные стороны коридора, заполненные бесконечными рядами книжных полок по обе стороны узкого прохода. Потолок и в комнате, и в коридорах был низкий, чуть больше двух метров, и после невероятного простора вестибюля и Главного Читального Зала казалось, что не только протиснуться между полом и потолком, но даже и дышать здесь нелегко. Стеллажи были плотно заставлены тысячами разнообразных книг, причем многие из них казались совершенно нетронутыми и прекрасно сохранившимися – должно быть, Библиотека строилась так, что даже когда люди забросили ее, в ней сохранялся особенный микроклимат. От такого сказочного богатства Артем ненадолго даже забыл, зачем он здесь, и углубился в один из рядов, осматривая корешки и с благоговением проводя по ним ладонью. Решив, что его напарник слышал то, ради чего его сюда отправили, Данила сначала не мешал ему, но потом наконец понял, в чем дело, и, довольно грубо схватив Артема за руку, потянул дальше.

Три, четыре, шесть коридоров, сотня, вторая стеллажей, тысячи и еще тысячи книг, вырывающиеся из крошечной тьмы хранилища желтым пятном света, следующий ярус, еще один... Все тщетно. Артем не ощущал ровным счетом ничего такого, что можно было бы принять за голос, за зов. Вообще ничего необычного. Он вспомнил, что если брамины на заседании Совета Полиса посчитали его за избранного, наделенного особым даром, ведомого судьбой, то у военных нашлось собственное объяснение его видениям: галлюцинации.

На последних этажах он что-то начал чувствовать, но совсем не то, чего ожидал и хотел. Это было неясное ощущение чьего-то присутствия, чем-то напомнившее ему пресловутый

страх туннелей. Хотя все ярусы, на которых они побывали, казались совершенно покинутыми и ни следа библиотекарей или других созданий здесь заметно не было, именно здесь все время хотелось обернуться, чудилось, что сквозь книжные полки за ними кто-то внимательно наблюдает...

Данила тронул его за плечо и направил фонарь на свой ботинок. Длинный шнурок, который брамин не умел завязывать по-особому, тащился за ним по полу.

– Я завяжу пока, посмотри, что впереди, может, услышишь все-таки, – шепотом произнес он и присел на корточки.

Артем кивнул и продолжил медленно, шаг за шагом, продвигаться вперед, ежесекундно оглядываясь на Данилу. Тот мешкал: завязывать скользкий шнурок пальцами в толстых перчатках было непросто. Проходя вперед, Артем освещал сначала открывавшийся справа бесконечный ряд полок, потом резким движением переводил луч налево, силясь высмотреть в рядах пыльных и покوروبившихся от времени книг перекошенные серые тени библиотекарей. Удалившись от своего напарника метров на тридцать, Артем вдруг отчетливо услышал шорох в двух рядах впереди. Автомат был уже наготове, и, прижав фонарь к стволу, Артем одним прыжком оказался у того коридора, где, по его расчетам, кто-то скрывался.

Два ряда доверху забитых томами полок, уходящие в перспективу. Пустота. Луч метнулся влево – вдруг враг прячется там, в противоположном направлении этой бесконечности? Пустота.

Артем затаил дыхание, стараясь вслушиваться в малейший шум. Ничего, только призрачный шелест страниц. Он вернулся в проход и посветил туда, где возился со шнурками Данила. Пусто. Пусто?!

Не разбирая дороги, Артем бросился назад. Пятно света от его фонаря бешено скакало из стороны в сторону, выхватывая из темноты один за другим одинаковые ряды полок. Где же он остался? Тридцать метров... Приблизительно тридцать метров, он должен быть здесь... Никого. Куда он мог подеваться, не предупредив Артема? Почему не сопротивлялся, если на него напали? Что произошло? Что вообще с ним могло произойти?

Нет, он уже вернулся слишком далеко назад. Данила должен был оставаться гораздо ближе... Но его нигде не было! Артем почувствовал, что перестает отдавать себе отчет в своих действиях, что его начинает охватывать паника. Остановившись на том месте, где он оставил Данилу перешнуровывать ботинок, Артем обессиленно прислонился спиной к торцу полки, когда из глубины книжного ряда послышался тихий нечеловеческий голос, срывающийся в жутковатый клекот:

– Артем...

Задышавшись от страха, почти ничего не видя сквозь запотевшее стекло противогаза, Артем резко обернулся в ту сторону, откуда его позвали, и, пытаясь поймать коридор в прыгающий прицел автомата, пошел на голос.

– Артем...

Теперь это было совсем близко. Неожиданно сквозь полки прорезался тонкий веер света, проникающего между неплотно стоящими книгами на уровне пола. Лучи перемещались назад и вперед, словно кто-то водил фонариком влево-вправо, влево-вправо... Артему послышалось позвякивание металла.

– Артем... – почти неслышный, на этот раз это был обычный шепот, и голос, несомненно, принадлежал Даниле.

Артем обрадованно сделал широкий шаг вперед, надеясь увидеть своего напарника, и тут в двух шагах от него раздалось то зловещее горловое клекотание, которое он и слышал вначале. Луч фонаря продолжал бессмысленно блуждать по полу туда-сюда.

– Артем... – позвал его и этот странный голос.

Артем шагнул еще раз, бросил взгляд направо и почувствовал, как от увиденного зашевелились волосы у него на голове.

Ряд полок здесь прерывался, и в образовавшейся нише на полу сидел в луже крови Данила. Его шлем и противогаз, сорванные, валялись на полу в отдалении. Хотя лицо у него было бледным, как у мертвеца, открытые глаза смотрели осознанно, губы старались сложить какие-то слова. А за спиной у него, наполовину сливаясь с мраком, пряталась серая сгорбленная фигура. Длинная, поросшая жесткой серебристой шерстью, костлявая рука – не лапа, а именно рука с мощными загнутыми когтями задумчиво перекатывала оброненный и лежащий в полуметре от Данилы фонарь. Вторая была погружена в распоротый живот брамина.

– Ты пришел... – прошептал Данила.

– Ты пришел... – точно воспроизводя его интонацию, проскрежетал голос за его спиной.

– Библиотекарь... Сзади. Мне все равно конец. Стреляй, убей его, – попросил слабым голосом Данила.

– Стреляй, убей его, – повторила тень.

Фонарь в очередной раз неспешно покатился по полу налево, чтобы потом вернуться на место и повторить весь цикл еще раз. Артем почувствовал, что сходит с ума. В голове крутились слова Мельника о том, что звуки выстрелов могут привлечь кошмарных тварей.

– Уходи, – попросил он библиотекаря, не надеясь, впрочем, что тот поймет его.

– Уходи, – почти ласково раздалось в ответ, а когтистая рука продолжила что-то перебирать в животе Данилы, отчего тот негромко застонал, а из уголка рта прочертила к подбородку жирную линию капля крови.

– Стреляй! – собрав силы, чуть громче сказал Данила.

– Стреляй! – потребовал библиотекарь из-за его спины.

Убить своего нового товарища самому и привлечь этим других чудовищ или оставить Данилу умирать здесь и бежать, пока не поздно? Спасти его уже вряд ли удастся, распоротый живот и вываливающиеся внутренности оставляли брамину меньше часа.

Из-за откинутой назад головы Данилы показалось сначала заостренное серое ухо, а за ним – огромный зеленый глаз, искрящийся в свете фонаря. Библиотекарь медленно, словно стеснительно, выглянул из-за его умирающего напарника, и его глаза искали глаза Артема. Не отворачиваясь. Смотреть прямо туда, прямо на него, прямо в зрачки... Звериные, вертикальные зрачки. И как странно было видеть в этих жутких, невозможных глазах отблески разума!

Сейчас, вблизи, библиотекарь уже ничем не напоминал гориллу, да и вообще обезьяну. Его хищная морда заросла шерстью, полная длинных клыков пасть доходила чуть не до ушей, а глаза были такого размера, что делали тварь не похожей ни на одно из животных, которых Артем видел живьем или на картинках.

Ему показалось, что это продолжается целую вечность. Нырнув во взгляд чудовища, он уже никак не мог оторваться от его зрачков. И только когда Данила издал протяжный глухой стон, Артем пришел в себя и, направив крошечное красное пятнышко прицела прямо в низкий, заросший серой шерстью лоб библиотекаря, переключил автомат на одиночный режим стрельбы. Услышав негромкий металлический щелчок, тварь зло зашипела и снова спряталась за спиной Данилы.

– Уходи... – вдруг проклекотала она оттуда, точно повторяя услышанную от Артема интонацию.

Артем ошалело замер. На сей раз библиотекарь не отзывался эхом на его слова, он будто запомнил их, понял смысл. Могло ли такое быть?

– Артем... Пока я еще говорить могу... – собравшись с силами и пытаясь сфокусировать мутнеющий с каждой минутой взгляд, заговорил Данила. – У меня в нагрудном кармане – конверт... Сказали тебе передать, если ты Книгу найдешь...

– Но я же ничего не нашел, – помотал головой Артем.

– Ничего не нашел, – подтвердил жуткий голос из-за спины Данилы.

– Не важно... Я же знаю, зачем ты на это пошел. Ты же не для себя... Вдруг это тебе поможет. А мне уже все равно, выполнил я приказ или нет... Главное, запомни – в Полис тебе уже нельзя... Если они узнают, что ты ничего не смог достать... И военные если узнают... Иди через другие станции. Теперь стреляй, а то очень больно... Я больше не хочу...

– Не хочу... больно... – путая слова, с присвистом повторил за ним библиотекарь, и его рука сделала резкое движение в распоротом животе Данилы, отчего тот судорожно дернулся и закричал почти во весь голос.

Больше смотреть на это Артем не мог. Плюнув на предосторожности, он снова переключился на автоматический огонь, зажмурившись, нажал на спусковой крючок и полоснул очередью по своему напарнику и по скрывавшейся за его телом бестии. Неожиданно громкий грохот в клочья разорвал тишину Библиотеки, за ним последовало пронзительное верещание, потом все звуки разом оборвались: пыльные книги, как губка, впитали в себя их эхо. Когда Артем снова открыл глаза, все уже было кончено.

Подойдя на шаг к библиотекарю, уронившему разmozженную свинцом голову на плечо своей жертвы и даже после смерти робко прячущемуся за ее спину, Артем осветил фонарем эту жуткую картину, чувствуя, как стынет в его жилах кровь, а ладони потеют от напряжения. Потом он брезгливо толкнул библиотекаря носком ботинка, и тот тяжело повалился назад. Он был мертв, сомнений не оставалось.

Стараясь не смотреть на превратившееся в кровавое месиво лицо Данилы, Артем начал поспешно расстегивать молнию на его защитном костюме. Одежда быстро пропитывалась густой черной кровью, и в прохладном воздухе книгохранилища от нее поднимался прозрачный пар. Артем почувствовал, как его начинает тошнить. Нагрудный карман... Пальцы в толстых защитных перчатках неуклюже пытались расстегнуть пуговицу, и он вспомнил, что такие перчатки, может, и задержали Данилу на минуту, которая стоила ему жизни.

Вдалеке отчетливо послышался шорох, потом шлепание босых ступней по коридору. Артем нервно обернулся, обвел лучом фонаря проходы и, убедившись, что рядом с ним пока никого нет, продолжил бороться с пуговицей. Она наконец поддалась, и в глубине кармана ему удалось негнушимися пальцами нашарить тонкий конверт из серой бумаги, завернутый в прошитый пулей полиэтиленовый пакет.

Кроме него, в кармане Артем нашел залитый кровью картонный прямоугольник, наверное, тот самый, что Данила вытащил из ящика картотеки в вестибюле. На нем было напечатано: «Шнурков Н.Е. Орошение и перспективы земледелия в Таджикской ССР. Душанбе, 1965».

Шлепанье и невнятное бормотание теперь слышались совсем неподалеку. Времени больше не оставалось. Подобрал Данилин автомат и фонарь, выпавший из клешней библиотекаря, Артем сорвался с места и, почти не разбирая дороги, бросился назад, мимо бескончаемых рядов книжных полок, так быстро, как только мог. Он не знал точно, преследуют ли его: топот собственных сапог и стук крови в ушах не давали ему вслушиваться в звуки за спиной.

Только выскочив на лестничную клетку и скатившись кубарем вниз по бетонным ступеням, он вспомнил, что не знает даже, на каком этаже расположен вход, через который они попали в хранилище. Можно было, конечно, спуститься до первого этажа и, выбив стекло на лестничной площадке, выпрыгнуть через окно во двор... На секунду задержавшись, Артем выглянул на улицу.

Прямо посреди двора, задрав морды вверх, неподвижно стояли и смотрели на окна – и кажется, прямо на него – сразу несколько серых чудовищ. Каменья, Артем прижался к боковой стене и стал тихонько спускаться дальше. Теперь, когда он перестал грохотать сапогами по лестнице, стало слышно, как сверху по бетону шлепают чьи-то босые ступни, все громче и громче. И тогда, уже совсем потеряв над собой контроль, он снова стремглав кинулся вниз.

Выскакивая на очередном ярусе, чтобы судорожно оглядеться в поисках знакомой двери, не находя ее и бросаясь дальше, замирая и вжимаясь в темные углы, когда ему казалось, что поблизости слышатся чьи-то шаги, отчаянно озираясь среди глухих и низких проходов и снова выскакивая на лестницу, чтобы спуститься на этаж ниже или подняться на два яруса выше – вдруг просмотрел? – понимая, что дьявольским шумом, с которым он отчаянно пытался найти выход из этого лабиринта, он привлечет всех населяющих Библиотеку чудовищ, но не в силах заставить себя успокоиться, Артем безуспешно и бессмысленно пытался отыскать выход. Пока в очередной раз, решив вернуться на лестничную клетку, он с ужасом не различил на фоне выбитого окна знакомый полусогнутый силуэт. Артем попятился, нырнув в первый попавшийся проход, прислонился спиной к стене, навел ствол на проем, откуда, по его расчетам, должен был появиться библиотекарь, и затаил дыхание...

Тишина.

Бестия или не решилась преследовать его в одиночку, или сама выжидала, пока Артем совершит оплошность и выйдет из своего укрытия. Но возвращаться было не обязательно, проход вел и дальше. Поразмыслив секунду, Артем начал отступать от проема, не спуская его с прицела.

Коридор заворачивал вбок, но в том самом месте, где начинался поворот, в стене чернел провал, все вокруг было усыпано осколками кирпичей и припорошено известкой. Повинуясь импульсу, Артем шагнул внутрь и оказался в комнате, полной разломанной мебели. По полу были разбросаны куски фото- и кинопленок. Впереди виднелась приоткрытая дверь, из-за которой на пол падал узкий клин бледного лунного света. Осторожно ступая по предательски скрипящему паркету, Артем пробрался к двери и выглянул наружу.

Не узнать это помещение было невозможно, хотя сейчас он оказался в противоположном его конце. Внушительная скульптура читающего человека, невероятной высоты потолок и громадные окна, дорожка, ведущая к причудливому деревянному portalу выхода, и нарушенные ряды читательских столиков по бокам – без сомнения, он находился в Главном Читальном Зале. Он стоял на огороженной деревянной балюстрадой узкой галерее, опоясывающей зал на четырехметровой высоте. Именно с этой галереи спускались к ним библиотекари. Было совершенно непонятно, каким образом ему удалось выйти сюда из хранилища, да еще и с другой стороны, минуя маршрут, который они прошли с Данилой, чтобы туда попасть. Но времени размышлять не было. Библиотекари могли идти за ним по пятам.

Артем сбегал вниз по одной из двух симметричных лестниц, ведущих к пьедесталу памятника, и бросился к дверям. Недалеко от резной деревянной арки выхода на полу были распластаны несколько скрюченных тел библиотекарей, и, минуя место схватки, Артем чуть не упал, поскользнувшись в луже загустевшей крови.

Нехотя подалась тяжелая дверь, и сразу же в глаза ударил яркий белый свет. Вспомнив наставления Мельника, Артем схватил собственный фонарь в правую руку и торопливо описал им тройную окружность, подавая знак, что идет с мирными намерениями. Слепивший его луч тут же ушел в сторону, и Артем, закинув автомат за спину в знак своих мирных намерений, медленно двинулся вперед, к круглой комнате, с колоннами и диваном, еще не зная, кого ему предстоит встретить.

...Ручной пулемет стоял на раскрытых сошках на полу, а Мельник склонился над своим напарником. Десятый полулежал с закрытыми глазами на диване и коротко постанывал. Его правая нога была неестественно вывернута, и, приглядевшись, Артем понял, что она сломана в колене и согнута – не назад, а вперед. Как такое могло произойти и какой силой должен был обладать тот, кто смог так изувечить дюжего сталкера, он себе представить не мог.

– Где твой товарищ? – бросил Артему Мельник, на секунду оторвавшись от Десятого.

– Библиотекари... В хранилище. Напали, – попробовал объяснить Артем. Почему-то ему не хотелось рассказывать, что Данилу убил он сам, пусть и из милосердия.

– Книгу нашел? – так же отрывисто спросил сталкер.

– Нет, – Артем помотал головой, – ничего я там не слышал и не чувствовал.

– Помоги-ка мне его поднять... Нет, лучше возьми его рюкзак, да и мой тоже. Видишь, как ему ногу... Чуть вообще не оторвали. Теперь его только на закорках нести можно, – кивнул Мельник на Десятого.

Артем собрал все снаряжение – три рюкзака, два автомата и ручной пулемет, все вместе – килограммов тридцать, не меньше, такое непросто было даже поднять. Мельнику, с трудом взвалившему на плечи обмякшее тело своего напарника, приходилось еще сложнее, и даже короткий путь вниз по лестнице – к выходу – занял у них несколько долгих минут.

Библиотекарей до самых дверей они больше не видели, но когда Артем распахнул тяжелые деревянные двери, пропуская побряхывающего сталкера, из самых темных недр здания донесся клекочущий вопль, полный ненависти и тоски. Артем почувствовал, как по коже опять бегут мурашки, и поспешил захлопнуть дверь. Теперь главное было поскорее добраться до метро.

– Глаза опусти! – приказал Мельник, когда они оказались на улице. – Звезда сейчас прямо перед тобой будет. Не вздумай смотреть поверх крыш...

Тяжело переставляя деревенеющие ноги, Артем послушно устался в землю, мечтая лишь поскорее преодолеть невообразимо растянувшиеся двести метров от Библиотеки до спуска на Боровицкую.

Однако войти в метро сталкер Артему не дал.

– В Полис тебе теперь нельзя. Книги у тебя нет, и проводника их ты потерял, – аккуратно опустив на землю своего раненого товарища и тяжело дыша, выговорил Мельник. – Браминам это вряд ли понравится. И главное, это значит, что никакой ты не избранный, и секреты свои они доверили не тому. Вернешься в Полис – пропадешь без вести. У них там есть специалисты, даром что интеллигенция. И даже я тебя защитить не смогу. Тебе теперь уходить надо. К Смоленской лучше всего. Там по прямой идти, домов мало, в переулки углубляться необходимости нет. Может, доберешься. Если до восхода успеешь.

– Какого восхода? – спросил, недоумевая, Артем. Известие, что ему одному придется пробираться по поверхности к другой станции метро, до которой, судя по карте, было километра два, оказалось для него как удар обухом по голове.

– Солнца. Люди – животные ночные, и днем им лучше на поверхности не показываться. Там такое из развалин вылезает на солнышке погреться – сто раз пожалеешь, что сунулся. Я уже про свет не говорю: ослепнешь в два счета, и очки темные не спасут.

– Но как же я один пойду? – все еще не веря своим ушам, спросил Артем.

– Да ты не бойся. Там по прямой все время. Выйдешь на Калининский и двигайся по нему, никуда не сворачивая. На дорогу не показывайся, но и к домам сильно не прижимайся, там везде живут. Иди, пока не дойдешь до пересечения со вторым широким проспектом, это будет Садовое Кольцо. Там – налево и вперед до квадратного здания, облицованного светлым камнем. Дом моды это когда-то был... Найдешь сразу – ровно напротив, через Садовое, стоит высоченное здание полуразрушенное – торговый центр. За Домом моды будет такая желтая арка, на которой написано «Станция метро Смоленская». Ты в нее поворачивай, очутишься на маленькой площади, вроде внутреннего двора, там саму станцию и увидишь. Если все будет спокойно, попробуй спуститься вниз. У них там один вход открыт и охраняется, для своих сталкеров держат. Постучись в ворота вот так: три быстро – два медленно – три быстро. Должны открыть. Скажи, что от Мельника, и жди меня там. Десятого сдам в лазарет и сразу выйду. До полудня буду. Я сам тебя найду. Автоматы себе оставь, неизвестно, как все обернется.

– Но по карте есть ведь другая станция, ближе... Арбатская, – вспомнил Артем название.

– Есть такая станция. Но приближаться к ней не надо. Да тебе и самому не захочется. Будешь проходить мимо – держись другой стороны улицы, двигайся быстро, но не беги. Все, не теряй времени! – заключил он и подтолкнул Артема к выходу из вестибюля.

Артем больше не пытался спорить. Перекинув один автомат через плечо, он взял второй наизготовку, вышел на улицу и заспешил назад к памятнику, прикрывая правой рукой глаза, чтобы только не увидеть случайно манящее сияние кремлевских звезд.

Глава 14. Там, наверху

Не доходя до каменного старика в кресле, Артем свернул налево, чтобы срезать угол улицы по ступеням Библиотеки. Проходя мимо, он еще раз окинул взглядом величественное здание, и его пробрал озноб: Артем вспомнил о жутких обитателях этого места. Сейчас Библиотека снова погрузилась в мрачное безмолвие. Хранители царившей в ней тишины, наверное, разбрелись по темным углам, зализывая раны после их наглого вторжения и готовясь отплатить за него следующим искателям приключений.

Перед глазами встало бледное, обескровленное лицо Данилы. Артему подумалось, что брамин, верно, недаром панически боялся этих тварей, отказываясь даже говорить о них. Чувствовал, что ему уготовано? Видел собственную смерть в ночных кошмарах? Его тело так и останется навсегда лежать в книгохранилище, в обнимку с убившим его библиотекарем. Конечно, если эти твари брезгают падалью... Артема передернуло. Сможет ли он когда-нибудь забыть, как погиб его напарник, который всего за двое суток стал ему почти другом? Ему казалось, что Данила будет еще долго тревожить его сны, пытаясь снова и снова заговорить с ним по ночам, складывая невнятные слова окровавленными непослушными губами.

Выйдя на широкий проспект, Артем поспешно перебрал в уме инструкции, данные ему Мельником. Двигаться прямо, никуда не сворачивая, до пересечения Калининского с Садовым кольцом... Попробуй еще угадать, какая из улиц – это самое Кольцо! Не выходить на середину дороги, но и не прижиматься к стенам домов, а главное, успеть добраться до Смоленской до восхода солнца.

Знаменитые многоэтажки Калининского, которые Артем знал по пожелтевшим туристическим открыткам с видами Москвы, начинались в полукилометре от того места, где он стоял. Пока по сторонам улицы стояли невысокие особняки, за длинным рядом которых она изгибалась влево и именно за этим изгибом перетекала в Новый Арбат. Очертания зданий, четкие вблизи, при удалении расплзались и смешивались с сумраком. Луна пряталась за низкими облаками. Скучный молочный свет с трудом просачивался через них, и, только когда туманная завеса чуть рассеивалась, призрачные силуэты домов ненадолго снова обретали плоть.

Но даже при таком освещении слева в переулках, которые рассекали улицу через каждые сто метров, просматривался могучий контур древнего храма. Огромная крылатая тень снова кружила над венчавшим купол крестом.

Может быть, именно потому, что Артем остановился, чтобы поглазеть на парящую в воздухе бестию, он заметил это. В сумраке было трудно определить, не воображение ли рисует ему странную фигуру, замершую в глубине переулка и сливающуюся с полуразрушенными стенами домов. И только когда он присмотрелся как следует, ему почудилось, что этот сгусток темноты чуть движется и обладает собственной волей. На таком расстоянии точно определить форму и размеры существа было нелегко, но оно явно стояло на двух ногах, и Артем решил поступить так, как ему велел сталкер. Включив свой фонарь, он направил луч в переулок и три раза сделал им круговое движение.

Ответа не последовало. Минуту Артем напрасно ждал его, пока не осознал, что оставаться на том же месте становится просто опасно. Но прежде чем пойти дальше, он, не удержавшись, осветил неподвижную фигуру в переулке еще раз. Увиденное заставило его немедленно выключить фонарь и постараться как можно скорее миновать переулок.

Это явно был не человек. В пятне света его силуэт стал отчетливее, и можно было сказать наверняка, что роста в нем не меньше двух с половиной метров, плечи и шея отсутствуют почти полностью, а большая круглая голова сразу переходит в мощное туловище. Существо затаилось, выжидая, но, несмотря на эту кажущуюся нерешительность, Артем кожей ощутил исходящую от него угрозу.

Полторы сотни метров до следующего переулка он преодолел меньше чем за минуту. Приглядевшись, понял, что это даже не переулок, а просека, выжженная в жилом квартале каким-то оружием: здесь то ли бомбили, то ли просто снесли целый ряд зданий тяжелой военной техникой. Артем мельком оглядел уходившие в глубину полуразрушенные дома, и снова его взгляд приковала к себе неясная неподвижная тень. Достаточно было на секунду провести по ней лучом фонаря, чтобы сомнения рассеялись: это было то же самое создание или его собрат. Стоя прямо посреди переулка в одном квартале от него, оно даже не пыталось спрятаться.

Если тварь была той же, что наблюдала за ним кварталом раньше, значит, она проскользнула по улице, параллельной проспекту, по которому шел он сам, подумал Артем. Получалось, что она покрыла это расстояние вдвое быстрее него: ведь к тому моменту, как он достиг следующего перекрестка, она уже ждала его там. Но еще страшнее было другое: похожую фигуру он увидел на сей раз и в переулке, уходящем от проспекта направо. Как и первая, она стояла, замерев на месте, словно статуя. На миг Артем подумал, что, может быть, это не живые существа, а знаки, установленные здесь неведомо кем для устрашения или предостережения...

До третьего перекрестка он уже бежал, остановившись лишь у последнего особняка, чтобы осторожно выглянуть из-за угла в переулок... и убедиться, что загадочные преследователи снова опередили его. Огромных фигур было уже несколько, и сейчас их было видно намного лучше: слой облаков, закрывавший луну, чуть истончился.

Как и прежде, существа стояли не шелохнувшись и будто ждали, пока он появится в проеме между домами. И все же не обманулся ли он, приняв камни или бетонные огрызки развалившихся строений за живых существ? Его обостренные чувства могли сослужить ему хорошую службу внизу, в метро. На поверхности лежал непонятный ему, обманчивый мир, здесь все было иначе и жизнь текла по другим правилам. Полагаться на свои ощущения и интуицию больше не стоило.

Постаравшись как можно быстрее и незаметнее проскочить новый переулок, Артем прижался к стене дома, переждал секунду и снова заглянул за угол. У него перехватило дыхание: фигуры двигались, причем удивительным образом. Вытянувшись еще выше и поведя головой, словно пригнувшись, одна из них неожиданно опустилась на четвереньки и одним длинным скачком скрылась за углом. Спустя несколько секунд остальные последовали за ней. Артем спрятался обратно и, сев на землю, перевел дыхание.

Сомнений больше не оставалось – они его преследовали. Твари будто вели его, перемещаясь по параллельным улицам с обеих сторон от проспекта, по которому он шел. Выжидали, пока он пройдет новый отрезок от квартала до квартала, показывались в переулке, чтобы убедиться, что он не свернул со своего пути, и продолжали безмолвную слежку. Зачем? Выбирая удобный момент для нападения? Просто из любопытства? Почему они не решались выйти на проспект и предпочитали таиться в заполненных мраком переулках? Он опять вспомнил слова Мельника, который запретил ему сворачивать с прямой дороги. Не потому ли, что там его подстерегали и Мельник знал об этой опасности?

Чтобы успокоиться, Артем сменил рожок у своего автомата, щелкнул затвором, включил и выключил лазерный прицел. Он был во всеоружии, и, в отличие от Библиотеки, здесь позволялось стрелять без опасений; защититься от неизвестных тварей было проще. Глубоко вдохнув, он поднялся на ноги. Что бы там ни было, оставаться на месте и тянуть время сталкер ему запретил. Надо спешить. Кажется, здесь, на поверхности, спешить надо было всегда.

Пройдя еще один квартал, Артем замедлил шаг, чтобы осмотреться. Улица здесь расширилась, образуя подобие площади, часть которой, отрезанная от дороги оградой, была превращена в парк. Во всяком случае, можно было понять, что там когда-то был разбит парк: деревья все еще оставались на своих местах, но это были совсем не те деревья, которые Артему приходилось видеть на открытках и фотографиях. Толстые узловатые стволы уносили разлапи-

стые кроны на высоту пятого этажа стоявшего позади парка здания. Наверное, именно в такие парки сталкеры ходили за дровами, которые потом отапливали и освещали все метро. В пролетах между стволами мелькали странные тени, а где-то в глубине мерцал неяркий огонь, который Артем мог бы принять за пламя костра, если бы не его зеленоватый свет. Само здание тоже выглядело зловеще: создавалось впечатление, что оно неоднократно становилось ареной жестоких и кровопролитных сражений. Его верхние этажи обрушились, во многих местах чернели пробоины, а кое-где уцелело только две стены и сквозь пустые окна виднелось мутное ночное небо.

За площадью здания и вовсе расступались, и улицу пересекал широкий бульвар. Над ним, выступая из темноты, словно сторожевые башни, возвышались первые многоэтажки Нового Арбата. Судя по карте, вход на Арбатскую должен был находиться поблизости, по левую руку от него. Артем еще раз оглядел мрачный парк. Мельник был прав: углубляться в эти дебри, пытаясь отыскать среди них спуск в метро, совсем не хотелось. Чем дольше он всматривался в черные заросли, раскинувшиеся у подножия разрушенного строения, тем больше ему казалось, что он видит, как среди корней исполинских деревьев движутся те самые таинственные фигуры, что следовали за ним раньше.

Налетевший порыв ветра качнул тяжелые ветви, и кроны натужно заскрипели. Издалека донесся чей-то протяжный вой. Сама чаща молчала, но не потому что была мертва. Ее тишина была сродни безмолвию таинственных преследователей Артема, казалось, она тоже чего-то ждет.

Артема охватило чувство, что, если он останется на месте, беззастенчиво рассматривая ее сокровенные глубины, кары избежать не удастся. Он перехватил автомат поудобнее, осмотрелся – не подобралась ли создания слишком близко – и двинулся вперед.

Но уже через несколько секунд вновь остановился – когда пересекал бульвары перед началом Калининского проспекта. Отсюда открывался такой вид, что заставить себя идти дальше Артем просто не смог.

Он стоял на крестообразном пересечении широких дорог, по которым, наверное, раньше ездили машины. Развязка была сделана необычно, часть асфальтового полотна уходила в туннель, чтобы потом снова вынырнуть на поверхность. Справа вдаль уходили бульвары – их можно было узнать по черным дебрям разросшихся деревьев, таких же огромных, как те, мимо которых он только что пробирался. Слева виднелась большая, застеленная асфальтом площадь – сложное сплетение многополосных трасс, за которым опять начинались заросли. Видно сейчас было уже довольно далеко, и Артем спросил себя, не потому ли это, что восход страшного солнца уже близится.

Дороги были усеяны искореженными и сожженными каркасами, в которых Артем узнал автомобили. Ничего мало-мальски сохранившегося здесь не осталось: за два десятилетия походов на поверхность сталкеры успели пожить всем, чем только можно. Бензин из топливных баков, аккумуляторы и генераторы, фары и стоп-сигналы, выдранные с мясом сиденья – все это можно было найти и на ВДНХ, и на любом крупном рынке в метро.

Асфальт был здесь и там изрыт воронками разного диаметра, повсюду виднелись широкие трещины, сквозь которые пробивалась трава и гибкие стебли, гнущиеся под тяжестью венчающих их шаров, видимо, с семенами. Прямо перед Артемом в перспективу уходило сумрачное ущелье Нового Арбата, с одной стороны застроенное неизвестно как уцелевшими домами, по форме напоминавшими раскрытые книги, а с другой – частично обрушившимися высотками, этажей в двадцать, не меньше. За спиной у Артема оставалась дорога к Библиотеке и Кремлю.

Он стоял посреди этого величественного кладбища цивилизации и чувствовал себя археологом, раскопавшим древний город, остатки былой мощи и красоты которого и многие века спустя заставляют увидевших его испытывать озноб благоговения. Представить себе, как

жили люди, населявшие эти циклопические здания, перемещавшиеся на этих машинах, тогда еще блестящих свежей краской и мягко шуршавших по ровному дорожному покрытию разогретой резиной колес, спускавшиеся в метро только затем, чтобы поскорее добраться из одной точки этого бескрайнего города в другую... Это было невозможно. О чем они думали каждый день? Что их тревожило? Что вообще может тревожить людей, если им не приходится каждую секунду опасаться за свою жизнь и постоянно бороться за нее, пытаясь продлить ее хотя бы на день?

В этот момент тучи наконец расступились и показался надкушенный желтоватый диск луны, испещренный странными рисунками. Яркий свет, который хлестал вниз через пробойну в облаках, заливал мертвый город, стократно усиливая его мрачное величие. Дома и деревья, до сих пор казавшиеся лишь плоскими и бесплотными силуэтами, ожили и обрели объем, проявились невидимые раньше детали и подробности.

Не в силах двинуться с места, Артем восхищенно и зачарованно оглядывался по сторонам, пытаясь унять охватившую его дрожь. Только сейчас он начал на самом деле понимать тоску, которая звучала в голосах стариков, вспоминавших прошлое, возвращавшихся в своем воображении к городу, в котором они жили раньше. Только сейчас он начал осознавать, как далеко от своих прежних достижений и завоеваний находится теперь человек. Словно гордо парившая птица, смертельно раненная и опустившаяся на землю, чтобы забиться в щель и, спрятавшись там, тихо умереть. Ему вспомнился подслушанный им спор отчима и Хантера. Сможет ли человек выжить, и даже если сможет, будет ли это тот же человек, который покорила мир и уверенно правил им? Теперь, когда Артем сам смог оценить, с какой высоты человечество обрушилось в пропасть, его вера в прекрасное будущее испарилась окончательно.

Прямой и широкий Калининский проспект уходил от него, постепенно сужаясь, пока не растворялся в темной дали. Сейчас Артем стоял на дороге совсем один, окруженный лишь призраками и тенями прошлого, пытаясь вообразить, сколько же людей раньше днем и ночью заполняли тротуары, сколько машин с фантастической скоростью пронеслось по тому самому месту, где он находится, как уютно и тепло светились теперь пустые и черные окна жилых домов. Куда все это кануло? Мир казался опустевшим и заброшенным, но Артем понимал, что это иллюзия: земля не была покинутой и мертвой, она просто сменила хозяев. Подумав об этом, он обернулся назад, к Библиотеке.

...Они неподвижно стояли всего в ста с небольшим метрах от него, как и он, посреди дороги. Существ было не менее пяти, и они больше не собирались прятаться в переулках, хотя и привлечь его внимание тоже не пытались. Артем не мог понять, как им удалось подобраться к нему так быстро и так бесшумно. В лунном свете их фигуры были видны особенно отчетливо: мощные, с развитыми задними конечностями и, может быть, даже более высокие, чем ему казалось сначала. Хотя Артем не мог видеть их глаза на таком расстоянии, он все же точно знал, что сейчас они, выжидая, рассматривают его и втягивают сырой воздух, изучая его запах. Должно быть, к нему примешался знакомый им привкус пороха, и твари пока не решаются напасть, наблюдая за Артемом с расстояния и выискивая в его поведении признак неуверенности, слабости. А может, они просто провожают Артема до границы своих владений и не собираются причинять ему вреда? Откуда ему знать, как себя ведут создания, появившиеся на Земле вопреки эволюционным законам?

Стараясь сохранять самообладание, Артем развернулся и с деланой неторопливостью пошел дальше, на всякий случай оглядываясь через плечо каждый десяток шагов. Вначале существа оставались на своих местах, но затем стали сбываться его худшие опасения. Опустившись на четвереньки, они медленно побрели за ним. Но как только дистанция в сотню метров, на которой преследователи держались с самого начала, была восстановлена, они снова замерли. Уже начав привыкать к своему странному эскорту, Артем, тем не менее, боялся выпускать его из виду и держал автомат наготове. Они так и шли вместе по пустому проспекту, залитому

лунным светом: впереди – настороженный, сжатый в пружину человек, останавливающийся и озирающийся каждые полминуты, за ним – пять или шесть странных существ, неторопливо нагонявших его, после чего поднимавшихся на задние конечности, зачем-то давая ему снова немного оторваться и уйти вперед.

Однако вскоре ему показалось, что расстояние, которое они выдерживали, стало сокращаться. Кроме того, державшиеся до этого группой, сейчас твари стали расходиться веером, словно пытаясь зайти с боков. Артему еще никогда не приходилось иметь дело со стаей охотящихся хищников, но почему-то у него не возникало сомнений, что создания готовятся напасть. Пора было действовать. Резко развернувшись, он вскинул автомат и поймал в прицел одну из темных фигур.

Их поведение действительно изменилось. На сей раз они не остановились, чтобы дожидаться, пока он двинется дальше. Еле заметно они продолжали приближаться к нему, постепенно выстраиваясь полукругом. Надо было попробовать отпугнуть их до того, как они успеют сократить расстояние до того предела, за которым последует атака.

Артем чуть поднял ствол и выстрелил в воздух. Грохот отразился от стен многоэтажек и эхом понесся в другой конец проспекта. Звякнула, упав на асфальт, стреляная гильза. А затем раздался глухой, полный ярости рев, и твари рванулись вперед. Отделявшие их от Артема десятки метров они могли покрыть за несколько секунд, но он был готов и к такому развитию событий. Как только ближайшая к нему бестия оказалась в прицельной планке, он дал по ней короткую очередь и кинулся бежать к домам.

Как ни странно, судя по отчаянному воплю, который испустило создание, ему удалось попасть. Задержит ли это остальных тварей или, наоборот, разъярит их, угадать было невозможно.

И тут послышался новый крик – не угрожающий рев охотившихся на него тварей, а долгое, пронзительное верещание, от которого в жилах стыла кровь. Оно долетало сверху, и Артем понял, что в игру вступил новый участник. Очевидно, звуки выстрелов привлекли внимание летающего монстра, наподобие того, что свил себе гнездо на куполе храма.

Над головой стрелой пронеслась огромная тень. На миг обернувшись назад, Артем увидел, что твари бросились врассыпную, и только одна из них, видимо, та, которую он ранил, осталась посреди улицы. Продолжая верещать, она неуклюже ковыляла к зданиям, тоже надеясь там укрыться. Но шансов на спасение у нее не было: описав еще один круг на высоте несколько десятков метров, чудовище сложило громадные кожистые крылья и обрушилось на жертву. Оно спикировало вниз так стремительно, что Артем даже не успел его как следует рассмотреть. Схватив истошно взвизгнувшую в последний раз тварь, гигантская машина без видимых усилий поднялась с добычей в воздух и неспешно понесла ее на крышу одной из многоэтажек.

Преследователи пока не решались показываться из своих укрытий, опасаясь, что чудовище может вернуться, а Артему терять было нечего. Прижимаясь к стенам домов, он побежал вперед, туда, где, по его расчетам, должно было находиться Садовое кольцо. Он смог преодолеть не меньше полукилометра, прежде чем запыхался и обернулся назад проверить, не опомнились ли охотившиеся на него бестии. Проспект был пуст. Но пройдя еще несколько десятков метров и заглянув в один из отходивших от Нового Арбата переулков, Артем, к своему ужасу, заметил в нем знакомые неподвижные тени. Теперь он начал понимать, почему эти создания не торопились выходить на открытое пространство и предпочитали выслеживать своих жертв из тесных улочек. Охотясь на него, они боялись привлечь внимание более крупных хищников и стать их добычей.

Теперь Артему опять приходилось поминутно оглядываться: он помнил, что твари могут передвигаться чрезвычайно быстро и при этом практически беззвучно, и боялся, что его застанут врасплох. Конец проспекта уже был виден, когда они снова выбрались из переулков и стали окружать его. Наученный опытом, Артем сразу же пальнул в воздух, надеясь, что, как и раньше,

это привлечет крылатое чудовище и отпугнет бестий. Те действительно замерли ненадолго, встав на задние конечности и вытянув шеи. Но небо оставалось пустым – монстр, должно быть, еще не успел расправиться с первой порцией. Артем понял это немного раньше, чем его преследователи, кинулся вправо, обогнул один из домов и нырнул в ближайший подъезд. Пусть Мельник и предостерегал его от этого, сказав, что в домах кто-то обитает, но столкнуться на открытом пространстве с таким мощным и подвижным противником, как загонявшие его твари, было бы безумием. Они разорвали бы Артема на части прежде, чем он успел бы передернуть затвор своего автомата.

В подъезде было темно, и ему пришлось включить фонарь. В круглом пятне света возникли обшарпанные стены, исписанные похабщиной несколько десятилетий назад, загаженная лестница, выломанные двери разоренных и выгоревших квартир. Картину запустения дополняли по-хозяйски сновавшие вокруг непуганные крысы.

Подъезд он выбрал удачно – окна лестничной клетки выходили на проспект, и, поднявшись на очередной этаж, он мог удостовериться, что твари пока не решаются последовать за ним. Они уже подобрались вплотную к входным дверям, но вместо того, чтобы войти в подъезд, окружили его, рассевшись на задних лапах, и снова превратились в каменные статуи. Артем не верил, что они отступятся и дадут добыче ускользнуть. Рано или поздно они сделают попытку достать его изнутри, если, конечно, в подъезде не скрывается нечто такое, из-за чего Артем сам будет вынужден бежать оттуда.

Он поднялся этажом выше, привычно осветил двери квартир и обнаружил, что одна из них закрыта. Толкнул плечом и убедился, что замок заперт. Недолго думая, он приставил к замочной скважине дуло автомата, выстрелил и пинком распахнул дверь настежь. По большому счету ему было все равно, в какой из квартир держать оборону, но упустить свой шанс взглянуть на нетронутое жилье людей ушедшей эпохи он не мог.

Первым делом он захлопнул дверь и задвинул ее стоявшим в прихожей шкафом. Серьезного штурма эта баррикада не выдержала бы, но, по крайней мере, незаметно преодолеть ее им не удастся. После этого Артем подошел к окну и осторожно выглянул наружу. Это была практически идеальная огневая позиция – с высоты четвертого этажа ему были отлично видны подступы к подъезду и с десятков тварей, полукругом сидящих у входа. Теперь преимущество было за ним, и он не замедлил им воспользоваться. Включив лазерный прицел, он навел красную точку на голову самой крупной из осадивших подъезд бестий и, выдохнув, спустил курок. Гроыхнула короткая очередь, и создание беззвучно завалилось на бок. Остальные молниеносно метнулись в разные стороны, и через мгновение улица была пуста. Но в том, что далеко они уходить не собираются, сомневаться не приходилось. Артем решил переждать и убедиться, что смерть их собрата действительно отпугнула остальных тварей.

А пока у него было немного времени, чтобы исследовать квартиру.

Хотя стекла здесь, как и во всем доме, давно были выбиты, мебель и вообще вся обстановка сохранились на удивление хорошо. По полу были разбросаны маленькие комочки, напоминавшие крысиный яд, который использовали на ВДНХ. Может, это он и был, потому что ни одной крысы в комнатах Артем не заметил. Чем дольше он ходил по квартире, тем больше убеждался, что жильцы не бросили ее впопыхах, а законсервировали, надеясь однажды вернуться. В ней царил идеальный порядок, на кухне не было оставлено никаких продуктов, которые могли бы привлечь грызунов или насекомых, а большая часть мебели была заботливо укутана целлофаном.

Переходя из комнаты в комнату, Артем пытался представить себе, каким был быт людей, обитавших здесь. Сколько их здесь жило? В котором часу они вставали, приходили с работы, ужинали? Кто сидел во главе стола? О многих занятиях, ритуалах и вещах он имел представление только по книгам и сейчас, видя настоящее жилье, убеждался в том, что раньше многое воображал себе совсем неверно.

Артем аккуратно приподнял полупрозрачную полиэтиленовую пленку и осмотрел книжные полки. Среди знакомых по книжным развалам в метро детективов там стояло несколько красочных детских книг. Он взялся за корешок одной из них и тихонько потянул на себя. Пока он листал украшенные изображениями веселых зверей страницы, из книги выпал листок плотной бумаги. Нагнувшись, Артем поднял его с пола: это оказалась выцветшая фотография улыбающейся женщины с маленьким ребенком на руках.

Он окаменел.

Ритм, с которым билось его сердце, нарушился. Только что разгонявшее по телу кровь размеренными толчками, оно вдруг застопорилось, застучало невпопад. Артему страшно захотелось снять тесный противогаз, глотнуть свежего воздуха, каким бы ядовитым он ни был. Осторожно, словно опасаясь, что снимок рассыплется в прах от прикосновения, он взял его с полки и поднес к глазам.

Женщине на вид было лет тридцать, малышу на ее руках – не больше двух, и из-за смешной шапочки на голове трудно было определить, мальчик это или девочка. Ребенок смотрел прямо в камеру, и взгляд у него был удивительно взрослый, серьезный. Артем перевернул фотографию, и стекло его противогаза затуманилось. На обратной стороне синей шариковой ручкой было написано: «Артемке 2 годика и 5 месяцев».

Из него словно выдернули стержень. Ноги обмякли, и он уселся на пол, подставив снимок под падавший из окна лунный свет. Почему улыбка женщины на фотографии казалась ему такой знакомой, такой родной? Почему он начал задыхаться, как только увидел ее?..

До того, как этот город погиб, в нем жили больше десяти миллионов человек. Артем – не самое распространенное имя, но на многомиллионный мегаполис детей с таким именем должно было приходиться несколько десятков тысяч. Все равно как если бы так звали всех нынешних обитателей метро. Шанс был так мал, что считаться с ним просто не имело смысла. Но почему тогда ему казалась такой знакомой улыбка женщины на фотографии?..

Он попытался вызвать в памяти обрывки воспоминаний о детстве, иногда за доли секунды промелькнувшие перед его мысленным взором или всплывавшие в снах. Уютная маленькая комната, мягкое освещение, читающая книгу женщина... Широкая тахта. Он вскочил с места и вихрем пронесся по помещениям, пытаясь найти в одном из них обстановку, похожую на ту, что ему грезилась. На мгновение ему показалось, что в одной из комнат мебель расставлена так же, как в его воспоминаниях. Диван выглядел чуть иначе, и окно было не там, ну и пусть, в конце концов, в сознании трехлетнего ребенка эта картина могла отпечататься чуть искаженно...

Трехлетнего? Возраст на фотоснимке стоял другой, но это тоже ничего не значило. Даты рядом с подписью не было. Он мог быть сделан когда угодно, не обязательно за несколько дней до того, как жильцам квартиры пришлось навсегда оставить ее. Фото могло быть снято и за полгода, и за год до этого, убеждал он себя. Тогда возраст мальчика в шапочке на снимке совпал бы с его собственным... Тогда вероятность того, что на снимке изображен он сам... и его мать... возросла бы в десятки раз. «Но фотография могла быть сделана и за три, и за пять лет до этого», – холодно произнес внутри него чей-то чужой голос. Могла.

Внезапно ему в голову пришла еще одна мысль. Распахнув дверь в ванную комнату, он огляделся вокруг и еле нашел то, что искал: зеркало было покрыто таким слоем пыли, что даже не отражало света его фонаря. Артем снял с крючка оставленное хозяевами квартиры полотенце и протер зеркальную гладь. В образовавшейся проруби всплыло его отражение в противогазе и шлеме. Он осветил себя фонарем и посмотрел в зеркало.

Худого, изможденного лица было почти не видно под пластиковым забралом противогаза, но с трудом пробивавшийся из зазеркалья взгляд глубоко запавших темных глаз вдруг показался ему похожим на взгляд мальчика на фотографии. Артем поднес к лицу фотографию, внимательно вгляделся в личико мальчика, потом перевел глаза на зеркало. Снова посветил на

снимок и опять посмотрел на свое лицо под противогазом, пытаясь вспомнить, как оно выглядело в последний раз, когда он видел свое отражение. Когда это было? Незадолго до выхода с ВДНХ, но сколько времени прошло с тех пор, он сказать не взялся бы. Судя по человеку, которого он видел в зеркале сейчас, несколько лет... Если бы только можно было стащить эту чертову маску и сравнить себя с ребенком на фото! Разумеется, вырастая, люди порой меняются до неузнаваемости, но ведь в лице каждого всегда остается что-то, напоминающее о далеком детстве.

Оставалось одно: когда он вернется на ВДНХ, спросить у Сухого, похожа ли женщина, улыбающаяся ему сейчас с кусочка бумаги, на женщину, которая передала ему из рук в руки детскую жизнь на станции, обреченной на пожирание крысами... На его мать. Пусть ее лицо было тогда искажено гримасой отчаяния и мольбы, Сухой все равно узнает ее. У него профессиональная память, он точно сможет сказать, кто на фото. Она это или нет?

Артем осмотрел снимок еще раз, потом с неожиданной для самого себя нежностью погладил изображение женщины, аккуратно положил фотографию в книжку, из которой она выпала, и убрал ее в рюкзак. Странно, подумал он, всего несколько часов назад он находился в самом большом хранилище знаний на континенте, где мог запросто взять себе любой из миллионов самых разных томов, многие из которых были просто бесценны. Но он оставил их пылиться на полках, и у него даже не возникло мысли поживиться богатствами Библиотеки. Вместо этого он берет дешевую книжку с немудреными рисунками для детей и при этом ощущает себя так, словно ему досталось величайшее из земных сокровищ.

Артем вернулся в коридор, собираясь пролистать и остальные книги со стеллажа, а может быть, и заглянуть в шкафы в поисках альбомов с фотографиями. Но, подняв глаза к окну, он почувствовал там почти неуловимые изменения. Его охватило легкое беспокойство: что-то было не так. Подойдя ближе, он понял, в чем дело: цвет ночи менялся, в нем появились желтовато-розовые оттенки. Светало.

Твари сидели рядом с подъездом, не решаясь войти внутрь. Трупа их сородича нигде видно не было, но утащил ли его крылатый гигант или они растерзали его сами, было неясно. Артем не понимал, что удерживает их от того, чтобы взять квартиру штурмом, но пока это его вполне устраивало.

Успеет ли он дойти до Смоленской до восхода солнца? И главное, сможет ли оторваться от преследования? Можно было остаться в забаррикадированной квартире, спрятаться от солнечных лучей в ванной комнате, дожидаться, пока они прогонят этих хищных созданий, и выйти в путь с наступлением темноты. Но сколько выдержит защитный костюм? На какое время рассчитан фильтр его противогаза? Что предпримет Мельник, не найдя его в условленном месте в нужное время?

Артем подошел к двери, ведущей на лестничную клетку, и прислушался. Тишина. Он осторожно отодвинул шкаф и медленно приоткрыл дверную створку. На площадке никого не было, но, посветив фонарем на лестницу, Артем заметил нечто, чего он не видел раньше. Или просто не обратил внимания?

Ступени густо покрывала прозрачная слизь. Выглядело это так, будто кто-то только что прополз по ним, оставив за собой след. К двери квартиры, где он все это время просидел, след не приближался, но Артема это не утешало. Значит, заброшенные дома и вправду не были такими пустыми, как казались?

Теперь оставаться в этой квартире и уж тем более спать здесь ему совсем расхотелось. Оставалось только одно: отпугнуть не желающих отказываться от его мяса бестий и попытаться добежать до Смоленской. Сделать это до того, как солнце выжжет ему глаза и разбудит невиданных чудовищ, о которых его предупреждал Мельник.

На этот раз он целился не так тщательно, а просто старался, чтобы очередью задело как можно больше хищных тварей. Две из них взревели и рухнули на землю, остальные исчезли в переулках. Кажется, дорога была свободна.

Артем сбегал вниз, осторожно, опасаясь засады, выглянул из подъезда и кинулся что было сил к Садовому кольцу. Какая же там должна быть кошмарная чаща, в садах на этом кольце, подумал он, если даже тонкие полоски деревьев на бульварах за эти годы превратились в темные дебри... Не говоря уже о Ботаническом саде и о том, что там выросло.

Его преследователи дали ему небольшую фору, собираясь в стаю, и ему удалось добраться почти до самого конца проспекта. Становилось все светлее, но этих тварей солнечные лучи, видимо, совсем не смущали: разбившись на две группы, они мчались вдоль домов, с каждой секундой сокращая отделявшее их от Артема расстояние. Здесь, на открытом пространстве, преимущество было за ними: остановиться, чтобы прицелиться как следует, Артем не мог. К тому же они передвигались на четырех конечностях, и их силуэты сейчас не поднимались над землей больше чем на метр, почти сливаясь с дорогой. Как бы быстро Артем ни старался бежать, защитный костюм, рюкзак, два автомата и усталость, накопившаяся за казавшуюся бесконечной ночь, давали о себе знать.

Скоро эти адские гонимые настигнут его и сделают свое дело, обреченно подумал он. Вспомнились уродливые, но могучие тела хищников, лежащие в лужах крови у подъезда, там, где их опрокинула автоматная очередь. У Артема совсем не было времени, чтобы их рассматривать, но и одного взгляда хватило, чтобы они надолго врезались ему в память: лоснящаяся бурая шерсть, огромная круглая голова, пасть, усеянная десятками мелких острых зубов, которые, кажется, росли в несколько рядов. Перебрав в памяти всех известных ему животных, Артем не мог вспомнить ни одного, которое под воздействием облучения могло бы породить таких тварей.

К счастью, на Садовом кольце, если это действительно было оно, не росло никаких деревьев. Это была просто еще одна широкая улица, простиравшаяся вправо и влево от перекрестка, насколько хватало глаз. Прежде чем снова броситься бежать, Артем не глядя выпустил по бестиям короткую очередь. Они уже были меньше чем в пятидесяти метрах от него и опять разошлись полукругом, так что некоторые двигались почти вровень с ним.

На Садовом ему пришлось искать дорогу между несколькими огромными воронками, уходившими на пять-шесть метров в землю, и сделать в одном месте большой крюк, чтобы обогнуть глубокую трещину, надвое рассекавшую дорожное полотно. Стоявшие поблизости строения выглядели странно: они не то чтобы обгорели, а, скорее, оплавилась. Создавалось впечатление, что здесь происходило что-то особенное, от чего этот район пострадал намного больше, чем Калининский проспект. А чуть в отдалении величественным и мрачным фоном этого тревожного пейзажа на несколько сотен метров возвышалось не тронутое ни временем, ни огнем невообразимых размеров здание, похожее на средневековый замок. На долю секунды Артем взглянул вверх, и у него вырвался вздох облегчения: над замком парила страшная крылатая тень, которая сейчас могла стать для него спасительной. Надо было только привлечь ее внимание, чтобы она занялась его преследователями. Приподняв автомат в одной руке и направив на летучее чудовище ствол, он нажал на курок.

Ничего не произошло.

У него кончились патроны.

На бегу было нелегко даже перетащить вперед висевший на спине запасной автомат. Нырнув в один из ближайших переулков, Артем прислонился к стене и сменил оружие. Теперь он мог не подпускать тварей близко, пока не опустеет магазин во втором автомате.

Первая из них уже показалась из-за угла и привычным движением села на задние конечности, вытянувшись во весь свой огромный рост. Она осмелела и подобралась так близко, что сейчас Артем впервые смог разглядеть ее глаза: маленькие, спрятанные под массивными над-

бровями, горящие злобным зеленым огнем, похожим на отсветы того загадочного пламени в парке.

Лазерного целеуказателя на Данилином Калашникове не было, но с такого расстояния он и с обычным не промахнется. Замершая фигура бестии спокойно устроилась в прицельной рамке. Артем прижал автомат крепче к плечу и спустил курок.

Мягко дойдя до середины, затвор остановился. Что произошло? Неужели впопыхах он перепутал автоматы? Да нет же, на его оружии – лазерный прицел... Артем попытался пере-дернуть затвор. Заело.

У него в голове закрутился смерч мыслей. Данила, библиотекари... Вот почему тот не сопротивлялся, когда в книжном лабиринте на него напало это серое чудовище! У него просто не сработал автомат. Он, наверное, так же судорожно дергал затвор, пока библиотекарь тащил его в глубину коридоров...

Рядом с первой бестией тихо, как призраки, возникли еще две другие. Они внимательно изучали Артема, который уже отчаялся справиться с Данилиным автоматом, и, кажется, делали выводы. Ближайшее из существ, наверное, вожак, сделало прыжок и оказалось в пяти метрах от Артема.

В этот момент у них над головами пронеслась гигантская тень. Твари прижались к земле и подняли головы. Воспользовавшись их замешательством, Артем ринулся в одну из арок, не надеясь уже выйти живым из этого переплета, совсем по-звериному стараясь просто отсрочить момент своей гибели. В переулках у него не было против них ни малейшего шанса, но путь назад, на Садовое кольцо, был уже отрезан.

Он оказался посреди квадрата пустого пространства, ограниченного по краям стенами домов, в которых виднелись арки и проходы. Позади здания, лицом к которому он стоял, вздымался в небо тот самый мрачный замок, который поразил его еще на Садовом кольце. Наконец оторвав от него взгляд, Артем увидел на здании напротив надпись: «Московский метрополитен им. В.И. Ленина» и чуть ниже – «Станция “Смоленская”». Высокие дубовые двери были чуть-чуть приоткрыты.

...Было сложно сказать, как ему удалось увернуться. Это была странная смесь предчувствия опасности и ощущения легкого воздушного потока, неизбежного спутника метнувшегося к своей добыче хищника. Тварь приземлилась всего в полуметре от него. Скользнув вбок, он что было сил бросился бежать к входу в метро. Там был его дом, его мир, там, под землей, он снова становился хозяином положения.

Вестибюль «Смоленской» выглядел именно так, как Артем и предполагал: темный, сырой, пустой. Сразу же становилось ясно, что на этой станции люди часто поднимаются на поверхность: кассы и все служебные помещения открыты и разграблены, все полезное перекочевало вниз уже многие годы назад. Не осталось ни турникетов, ни будки дежурного – о них напоминало только бетонное основание. Позади виднелся полукруглый свод туннеля, на неимоверную глубину уходили несколько эскалаторов. Луч терялся где-то в середине спуска, и удостовериться, что там действительно есть вход, Артем не мог. Но и оставаться на месте было нельзя: твари уже пробрались в вестибюль, он понял это по скрипнувшей двери. Через секунду они могли выйти к эскалаторам, и та крошечная фора, которая у него все еще оставалась, исчезла бы.

Неловко ступая толстыми подошвами ботинок по расшатанным рифленым ступеням, Артем начал спуск. Он попробовал скакнуть вперед через несколько ступеней, но нога проехала по влажному покрытию чуть дальше, чем надо, и он загремел вниз, ударившись затылком об угол. Остановиться удалось, только когда он отсчитал шлемом и поясницей с десяток ступеней. Обшарив лучом оставшийся за спиной отрезок пути (как мало, оказывается, он прошел!), Артем обнаружил там именно то, что искал и боялся найти: неподвижные темные фигуры. По своей привычке, прежде чем кинуться в атаку, они замерли на месте, изучая обстановку или

неслышно совещаясь. Артем развернулся и попытался опять прыгнуть через две ступеньки. На этот раз у него получилось лучше, и, скользя по резиновой ленте поручня правой рукой, а фонарь зажав в левой, он бежал еще секунд двадцать, пока снова не упал.

Сзади раздался тяжелый топот. Твари решились.

Артем от всей души надеялся, что жалобно скрипевшие под его небольшим весом старые ступени просто провалятся вниз, не выдержав веса его преследователей. Но приближавшийся из темноты стук свидетельствовал о том, что эскалатор вполне справлялся с нагрузкой.

В луче фонаря стала видна кирпичная стена с большой дверью посередине. До нее оставалось метров двадцать, не больше. С трудом поднявшись на ноги, Артем преодолел последний отрезок пути за пятнадцать секунд, растянувшиеся на вечность.

Дверь была сделана из стальных листов и на удары кулаков отзывалась звонко, как колокол. Артем барабанил в нее из всех сил – приближавшиеся тени, которые он смутно видел в полумраке, подгоняли его. Только через несколько секунд он понял, холодея, какую ужасную ошибку только что совершил: вместо того, чтобы постучать в дверь условным кодом, только переполошил охрану. Теперь та наверняка уже ни при каких обстоятельствах не станет отпирать. Мало ли кто пытается проникнуть сюда с поверхности... Тем более если солнце уже встает.

Как же звучал условный сигнал? Три быстрых – три медленных – три быстрых? Да нет же, это SOS. Точно было три в начале и три в конце, но вот быстрые или медленные, он вспомнить уже не мог. А если сейчас начать экспериментировать, о надежде попасть внутрь вообще можно забыть. Уж лучше SOS... По крайней мере, так охрана поймет, что по другую сторону находится человек. Хотя, как сказал Мельник, еще неизвестно, что страшнее.

Громыхнув по стали еще раз, Артем стянул с плеча автомат и трясущимися руками поместил в нем рожок с патронами. Хорошо, что в Данилином автомате они были. Потом он прижал фонарь к стволу автомата и нервно обвел им уходящие вверх своды. Длинные тени от уцелевших светильников напользали друг на друга в блуждающем луче света, и нельзя было поручиться, что в одной из них не притаился темный силуэт...

С другой стороны железной двери по-прежнему стояла полная тишина. «Господи, неужели это не та Смоленская, – подумал Артем. – Может быть, этот вход был закупорен десятилетие назад и с тех пор им никто не пользовался?» Ведь он попал сюда совершенно случайно, а вовсе не следуя инструкциям сталкера. Он мог и ошибиться!

Совсем близко, метрах в пятнадцати, скрипнула ступень. Не выдержав, Артем полоснул очередью в том направлении, откуда раздался звук. Эхо больно хлестнуло Артема по ушам и стало подниматься по эскалатору на поверхность. Но ничего похожего на рев раненой бестии слышно не было. Патроны ушли впустую.

Не отваживаясь отвести взгляд, Артем прижался к двери спиной и опять застучал кулаком по железу: три быстрых, три медленных, три быстрых. Ему послышалось, что из-за двери раздалось тяжелое металлическое скрежетание. И именно в этот момент из мрака вылетела с поразительной скоростью фигура хищника.

Автомат Артем держал на весу в правой руке, и спусковой крючок нажал почти случайно, когда инстинктивно отпрянул назад. Пули развернули тело твари в воздухе, и вместо того, чтобы вцепиться ему в горло, она, не долетев двух метров, рухнула на последние ступени эскалатора. Но уже через мгновение поднялась и, не обращая внимания на хлещущую из раны кровь, двинулась вперед. Потом, качнувшись, прыгнула снова и припечатала Артема к холодной стали двери. Атаковать она больше не могла: последние выпущенные им пули попали ей в голову, и на излете своего броска тварь уже была мертва. Но и силы инерции, с которой ее тело ударило по Артему, было достаточно, чтобы проломить ему череп. Не будь на нем шлема...

Дверь открылась, и наружу хлынул яркий белый свет. От эскалаторов раздался испуганный рев: судя по звуку, этих созданий сейчас было там не меньше пяти. Чьи-то сильные руки

схватили его за шиворот и втянули за стену, после чего снова лязгнул металл – створку закрыли и засов задвинули на место.

– Не ранен? – спросил чей-то голос рядом.

– Черт его знает... – отозвался другой. – Видел, кого он за собой привел? Еле их оттащили в прошлый раз, да и то только газом. Еще не хватало, чтобы они теперь на Смоленской поселились, мало им Арбатской. А что – вполне возможно! Они человечинку уважают...

– Оставьте его. Он со мной. Артем! Эй, Артем! Да очнись же! – позвал кто-то знакомый, и Артем с трудом и нехотя открыл глаза.

Над ним склонились три человека. Двое из них, наверное, стражники ворот, были одеты в теплые серые куртки и вязаные шапки, у обоих были бронежилеты. В третьем Артем с облегчением узнал Мельника.

– Это он и есть, что ли? – слегка разочарованно спросил один из стражников. – Тогда забирайте, только про карантин и обеззараживание не забудьте.

– Учить еще будете? – усмехнулся сталкер. – Вставай, Артем. Долго ты... – добавил он, протягивая ему руку.

Артем попытался встать, но ноги отказывались служить. Его закачало и начало подташнивать, в голове помутилось.

– Его надо в лазарет. Ты помоги мне, а ты закрой гермоворота, – распорядился Мельник.

Пока его осматривал врач, Артем изучал белый кафель, которым были облицованы стены операционной. Комната была вылизана до блеска, в воздухе стоял резкий запах хлорки, а под потолком были закреплены сразу несколько ламп дневного света. Операционных столов тут тоже стояло немало, и у каждого висел ящик с готовыми к использованию инструментами. Состояние здешнего маленького госпиталя впечатляло, но зачем он нужен мирной, насколько Артем помнил, Смоленской, было неясно.

– Переломов нет, только ушибы. Несколько царапин, мы их продезинфицировали, – резюмировал доктор, вытирая руки чистым полотенцем.

– Вы нас не оставите ненадолго? – попросил врача Мельник. – Хотелось бы кое-что обсудить с глазу на глаз.

Понимающе кивнув, медик вышел. Сталкер, присев на край кушетки, на которой лежал Артем, потребовал от него подробного рассказа о произошедшем. По его расчетам, Артем должен был оказаться на Смоленской на два часа раньше, и Мельник уже собирался подниматься на поверхность, чтобы попытаться разыскать его. Историю с преследованием он выслушал до конца, хотя и без особенного интереса, летающих чудищ назвал книжным словом «птеродактиль», а по-настоящему впечатлил его только рассказ о том, как Артем прятался в подъезде. Узнав, что пока тот отсиживался в квартире, по лестничной клетке кто-то прополз, сталкер нахмурился.

– Уверен, что не вступил в слизь на лестнице? – покачал он головой. – Не приведи бог занести эту дрянь на станцию. Говорил же я тебе, к домам не подходить! Считаю, тебе крупно повезло, что, когда ты был в квартире, оно не решило наведаться в гости...

Мельник поднялся, подошел к ботинкам Артема, оставленным на входе, и придирчиво осмотрел подошвы каждого из них. Не обнаружив ничего подозрительного, он поставил их на место.

– В Полис, как я и говорил, тебе пока дорога заказана. Браминам я правды сказать не мог, поэтому они считают, что во время похода в Библиотеку пропали вы оба, а я отправился вас искать. Так что там произошло с твоим напарником?

Артем еще раз рассказал всю историю от начала до конца, на этот раз честно объяснив, как именно умер Данила. Сталкер поморщился.

– Эту концовку тебе лучше держать при себе. Если честно, первая версия мне нравилась куда больше. Вторая вызовет у браминов слишком много вопросов. Их человек убит тобой,

Книги ты не нашел, зато вознаграждение осталось при тебе. Да, кстати, – добавил он, глянув на Артема исподлобья, – что там было, в этом конверте?

Приподнявшись на локте, Артем достал из кармана покрытый засохшей кровью пакет, внимательно посмотрел на Мельника и открыл его.

Глава 15. План

Сложенный вчетверо листок, вырванный из школьной тетрадки, и кусок плотной чертежной бумаги с карандашными набросками туннелей. Именно это Артем и ожидал увидеть внутри конверта – карту и пояснения к ней. Пока он бежал к Смоленской через Калининский проспект, у него совсем не было времени подумать о том, что может быть внутри пакета, который ему передал Данила. Волшебное решение заведомо неразрешимой проблемы, нечто, способное отвести от ВДНХ и всего метро дамоклов меч непостижимой и неумолимой угрозы.

Посередине листка с пояснениями расплылось красно-бурое пятно. Склеенную кровью брамина бумагу пришлось чуть смочить, чтобы она раскрылась, не повредив мелко написанных на ней инструкций.

«Часть №... туннель... Дб... уцелевшие установки... до 400 000 кв. метров... смерч... неисправно... непредвиденные...» От волнения слова прыгали у Артема в глазах, пытаясь соскочить с горизонтальных линий, сливались в одно целое, а их смысл оставался абсолютно ему непонятен. Отчаявшись сложить их в нечто осмысленное, он передал письмо Мельнику. Тот аккуратно взял листок в руки и жадным взглядом впился в буквы. Некоторое время он ничего не говорил, а потом Артем увидел, как его брови недоверчиво поползли вверх.

– Быть этого не может, – прошептал сталкер. – Это же все вранье! Не могли они такое упустить...

Он перевернул листок, просмотрел его с другой стороны, а потом принялся перечитывать с самого начала.

– Для себя берегли... Военным не говорили. Неудивительно... Им такое покажи, они тут же за старое возьмутся, – невнятно бормотал Мельник, пока Артем терпеливо дожидался объяснений. – Но неужели упустили? Неисправно... Ну, это, допустим, ладно... Значит, все-таки поверили!

– Это действительно может помочь? – не выдержал Артем в конце концов.

– Если все, что здесь написано, – правда, то у нас появляется надежда, – кивнул сталкер.

– О чем там речь? Я ничего не понял.

Мельник ответил не сразу. Он еще раз дочитал письмо до конца, потом задумался на несколько секунд и только после этого начал рассказ:

– Я про такое слышал раньше. Легенды всегда ходили, но их ведь в метро тысячи. Только легендами и живем, не хлебом единым. И про Университет, и про Кремль, и про Полис, не разберешь, что правда, а что у костра на Площади Ильича выдумали. Вот и про это... Ходили, в общем, слухи, что где-то в Москве или под Москвой уцелела ракетная часть. Такого, конечно, никак произойти не могло. Военные объекты – это всегда цель номер один. Но говорили, мол, не успели, или не доглядели, или забыли – и одна ракетная часть совсем не пострадала. Рассказывали, что кто-то туда даже ходил, что-то там видел, стоят там, мол, установки под брезентом, новенькие, в ангарах... Пользы в метро от них, правда, никакой – на такой глубине своих врагов все равно не достанешь. Стоят – ну и пусть себе стоят.

– При чем здесь ракетные установки? – Артем удивленно посмотрел на сталкера и спустил ноги с кушетки.

– Черные идут к ВДНХ от Ботанического Сада. Хантер подозревал, что они спускаются в метро с поверхности именно в этом районе. Логично предположить, что они обитают именно там. Собственно, есть два варианта. Первый: место, откуда они приходят, условно говоря, улей, расположен сверху, неподалеку от входа в метро. Второй: на самом деле никакого улья нет, и черные наступают на город извне. Тогда вопрос: почему больше их нигде не замечали? Нелогично. Хотя, может, дело времени. В общем, ситуация такая: если они приходят откуда-то издалека, мы ничего с ними все равно сделать не сможем. Взорвем туннели за ВДНХ или пусть

даже за Проспектом Мира – рано или поздно они найдут новые входы. Останется забаррикадироваться в метро, закрыться наглухо, забыть о надеждах вернуться наверх и полагаться только на свиней и грибы. Как сталкер, могу точно сказать: долго мы так не протянем. Но! Если у них есть улей и он где-то поблизости, как думал Хантер...

– Ракеты? – наконец догадался Артем.

– Залп двенадцати ракет с кассетными осколочно-фугасными элементами накрывает площадь 400 000 квадратных метров, – найдя нужное место в письме, прочитал Мельник. – Несколько таких залпов – и от Ботанического Сада, или где они там живут, останутся одни угли.

– Но вы же говорите, это легенды, – недоверчиво возразил Артем.

– А вот брамины говорят, что нет, – сталкер помахал листком. – Тут даже объясняется, как пробраться на территорию этой военной части. Еще, правда, написано, что установки частично неисправны.

– Ну, и как же туда попасть?

– Д-6. Здесь упоминается Д-6. Метро-2. Указывается расположение одного из входов. Они утверждают, что туннель оттуда ведет в том числе и к этой части. Но оговариваются, что при попытке проникновения в Метро-2 могут возникнуть непредвиденные препятствия.

– Невидимые Наблюдатели? – припомнил Артем когда-то услышанный разговор.

– Наблюдатели – это чушь и болтовня, – поморщился Мельник.

– Ракетная часть тоже была всего лишь легендой, – вставил Артем.

– Она и остается легендой до тех пор, пока я ее сам не увижу, – отрезал сталкер.

– А где выход в Метро-2?

– Здесь написано: станция Маяковская. Странно... Сколько раз бывал на Маяковской, никогда ничего подобного не слышал.

– Что же мы теперь будем делать? – поинтересовался Артем.

– Пойдем со мной, – отозвался сталкер. – Поешь, отдохнешь, а я пока подумаю. Завтра обсудим.

Только когда Мельник заговорил про еду, Артем вдруг ощутил, до чего голоден. Он спрыгнул на холодный кафельный пол и заковылял было к своим ботинкам, но сталкер жестом остановил его.

– Обувь и всю одежду оставь, сложи вон в тот ящик. Ее чистить и обеззараживать будут. Рюкзак тоже проверят. Вон на стуле штаны и куртка, переоденься в них.

Смоленская выглядела угрюмо: низкий полукруглый потолок, неширокие арки в мощных стенах, облицованных белым когда-то мрамором. Хотя по углам из арок выступали декоративные ложные колонны, а стены поверху украшала неплохо сохранившаяся лепнина, все это только усугубляло первое ощущение. Станция производила впечатление давно осажденной цитадели, которую ее защитники скупо украсили на свой лад, отчего крепость только приняла еще более суровый вид. Двойная цементная стена с массивными стальными дверями по обе стороны от гермоворот, бетонированные огневые точки у входов в туннели – все говорило о том, что у здешних обитателей есть основания беспокоиться за свою безопасность. Женщин на Смоленской заметно почти не было, зато все встретившиеся мужчины ходили при оружии. Когда Артем спросил у Мельника напрямую, что происходит на этой станции, тот только неопределенно мотнул головой и сказал, что ничего необычного тут не видит.

Однако Артема не оставляло странное ощущение висевшей в воздухе напряженности. Все здесь словно чего-то ждали, и это чувство быстро передавалось вновь прибывшим. Палатки, в которых жили люди, были выстроены цепью посреди зала, а все арки оставались свободными, как будто их боялись загромождать, чтобы не помешать срочной эвакуации. При этом все жилища были установлены исключительно в промежутках между арками, так что с одного пути сквозь проходы был виден другой.

Посреди каждой посадочной платформы, у спуска на рельсы, сидели дежурные, постоянно державшие в поле зрения туннели с обеих сторон. Картину дополняла почти полная тишина, которая стояла на станции. Люди здесь переговаривались между собой негромко, иногда и вовсе переходя на шепот, как если бы они боялись, что их голоса могут заглушить какие-то тревожные звуки, долетающие из туннелей.

Артем постарался вспомнить, что он знает о Смоленской. Может быть, у нее были опасные соседи? Нет, с одной стороны рельсы уходили к светлому и благополучному Полису, сердцу метро, с другой – туннель вел к Киевской, о которой Артем помнил только то, что она населена преимущественно теми самыми «кавказцами», которых он видел на Китай-Городе и в тюремных камерах у фашистов, на Пушкинской. Но, в конечном итоге, это были обычные люди, и вряд ли их стоило так опасаться...

Столовая находилась в центральном тенте. Обеденное время, судя по всему, уже закончилось, потому что за грубыми, самодельными столами оставались всего несколько человек. Усадив Артема за один из столов, Мельник через пару минут вернулся с миской, в которой дымилась неаппетитная серая каша. Под ободряющим взглядом сталкера Артем все же отважился ее попробовать и уже не останавливался, пока миска не опустела. На вкус местное блюдо оказалось просто замечательным, хотя он и затруднился определить, из чего именно оно было приготовлено. Одно можно было сказать наверняка: мяса повар не пожалел.

Закончив с едой и отставив плошку в сторону, Артем умиротворенно осмотрелся вокруг. За соседним столом все еще сидели, тихонько беседуя, два человека. Хотя одеты они были в обычные ватники, в их облике было что-то такое, что заставляло воображать их в костюмах полной защиты и с ручными пулеметами наперевес.

Артем перехватил внимательный взгляд, которым обменялся один из них с Мельником. Вслух при этом не было произнесено ни слова. Человек в ватнике вскользь осмотрел Артема и вернулся к своему неторопливому разговору.

Еще несколько минут протекли в молчании. Артем попытался было снова заговорить с Мельником о станции, на которой они находились, но тот отвечал нехотя и односложно.

Потом человек в ватнике встал со своего места, подошел к их столу, и, наклонившись к Мельнику, произнес:

– Что с Киевской-то делать будем? Назревает...

– Ладно, Артем, иди отдохни, – сказал сталкер. – Третья палатка отсюда – для гостей. Постель уже застелена, я распорядился. Я посижу пока, мне поговорить надо.

Со знакомым неприятным чувством, будто его отослали, чтобы он не подслушивал взрослых разговоров, Артем послушно встал и поплелся к выходу. По крайней мере, он мог самостоятельно исследовать станцию, утешил он себя.

Сейчас, когда у него была возможность внимательнее присмотреться, Артем обнаружил еще несколько маленьких странностей. Зал был идеально расчищен, и разнообразный хлам, которым неизбежно было завалено большинство жилых станций в метро, здесь совершенно отсутствовал. Да Смоленская больше и не производила впечатление жилой станции. Она вдруг напомнила ему картинку из школьного учебника по истории, на которой был изображен военный лагерь римских легионеров. Правильно, симметрично организованное, просматривающееся во всех направлениях пространство, ничего лишнего, расставленные повсюду караулы, укрепленные входы и выходы...

Долго разгуливать по станции у него не получилось. Наткнувшись на откровенно подозрительные взгляды ее обитателей, Артем уже через несколько минут понял, что за ним следят, и предпочел ретироваться в палатку для гостей. Там его действительно ждала застеленная раскладушка, а в углу стоял полиэтиленовый пакет с прикрепленной к нему запиской на его имя. Опустившись на взвизгнувшую пружинами койку, Артем раскрыл пакет. Внутри лежали его личные вещи, оставленные в рюкзаке. Покопавшись секунду, он достал из пакета принесенную

с поверхности детскую книжку. Интересно, проверяли ли они его маленькое сокровище счетчиком Гейгера? Наверняка дозиметр нервно защелкал бы вблизи книги, но Артем предпочитал об этом не думать. Он перелистнул пару страниц, разглядывая чуть выцветшие картинки на пожелтевшей бумаге и оттягивая тот момент, когда между очередными листами он найдет свою фотографию.

Свою ли?

Что бы ни случилось теперь с ним, с ВДНХ, да со всем метро, вначале он должен вернуться на свою станцию, чтобы спросить у Сухого: кто на этом фото? Мама это или не она? Артем прижался к снимку губами, потом снова заложил его между страницами и спрятал книгу назад в рюкзак. На секунду ему показалось, что в его жизни что-то постепенно становится на свое место. А еще через мгновение он уже спал.

Когда Артем открыл глаза и вышел из палатки, он даже не сразу сообразил, где очутился, настолько станция изменилась. Целых жилищ на ней оставалось меньше десятка, остальные были сломаны или сожжены. Стены были покрыты копотью и искированы пулями, штукатурка с потолка осыпалась и большими кусками лежала на полу. По краям платформы текли зловещие черные ручейки, предвестники грядущего затопления. В зале почти никого не было, только рядом с одной из палаток на полу возилась с игрушками маленькая девочка. С другого края, где уходила наверх лестница нового выхода со станции, доносились приглушенные крики, и стены изредка озарялись пламенем. Кроме него, мрак в зале разгоняли только две уцелевшие лампы аварийного освещения.

Автомат, который Артем, кажется, оставлял у изголовья раскладушки, куда-то исчез. Тщетно обыскав всю палатку, он смирился с тем, что ему придется идти безоружным.

Что же здесь произошло? Артем хотел было расспросить игравшую девочку, но та, только завидев его, отчаянно разревелась, так что добиться от нее хоть чего-то оказалось невозможно.

Оставив захлебывающуюся в рыданиях малышку, Артем осторожно прошел через арку и выглянул на пути. Первым, что приковало к себе его взгляд, были три привинченные к мраморной облицовке бронзовые буквы: «В..НХ». Вместо второй «Д», которой не хватало для родного четырехбуквенника, виднелся лишь темный след. Через всю надпись по мрамору шла глубокая трещина.

Надо было проверить, что происходит в туннелях. Если станцию кто-то захватил, то, прежде чем вернуться назад за подмогой, Артем должен разведать обстановку, чтобы точно объяснить союзникам с юга, что за опасность им угрожает.

Сразу после входа в перегон сгустилась такая непроглядная темнота, что даже собственную руку Артем видел не дальше локтя. В глубине туннеля что-то издавало странные чавкающие звуки, и идти туда безоружным было безумием. Когда звуки ненадолго смолкали, становилось слышно, как по полу журчит вода, обтекая кирзовые сапоги Артема и устремляясь назад, к ВДНХ.

Ноги дрожали и отказывались ступить вперед. Тревожный голос в его голове твердил, что идти дальше опасно, что риск неоправданно велик, а в такой темноте ему все равно не удастся ничего разглядеть. Но другая его часть, не обращая внимания на все разумные доводы, тянула его вглубь, во тьму. И, сдавшись, он, словно заведенный, сделал еще один шаг вперед.

Тьма вокруг стала абсолютной, не видно было уже ровным счетом ничего, и от этого у Артема возникало странное ощущение, будто его тело исчезло. От его прежнего «я» сейчас оставался только слух и всецело полагающийся на него разум. Артем продвигался так еще некоторое время, но звуки, по направлению к которым он шел, так и не стали ближе. Зато слышались другие. Шорох шагов, точь-в-точь похожих на те, что он слышал раньше, в такой же темноте, но только как Артем ни старался, он не мог вспомнить, где именно и при каких обстоятельствах это произошло. И с каждым новым шагом, долетающим из невидимой глубины туннеля, Артем чувствовал, как в сердце капля за каплей просачивается черный холод.

ный ужас. Через несколько мгновений он, не выдержав, развернулся и стремглав бросился бежать на станцию, но, не разглядев в темноте шпал, споткнулся об одну из них и упал, понимая, что сейчас настанет неминуемый конец.

Проснулся он весь в поту и не сразу даже сообразил, что во сне он свалился с раскладушки. Голова была необыкновенно тяжелая, в висках пульсировала тупая боль, и Артем еще несколько минут провалился на полу, пока не пришел наконец в себя и не сумел подняться на ноги.

Но в тот момент, когда в голове чуть прояснилось, из нее полностью выветрились остатки кошмара, и он уже не мог даже приблизительно вспомнить, что же такое ему привиделось. Приподняв полог, он выглянул наружу. Кроме нескольких караульных, никого – видимо, сейчас была ночь. Несколько раз глубоко вдохнув и выдохнув привычный сырой воздух, Артем вернулся в палатку, растянулся на раскладушке и заснул крепким сном без сновидений.

Его разбудил Мельник. Одетый в темную утепленную куртку с поднятым воротником и военные штаны с карманами, он выглядел так, будто с минуты на минуту собирался уходить со станции. На голове у него была все та же старая черная пилотка, а у ног стояли две большие сумки, которые показались Артему знакомыми.

Мельник ботинком пододвинул одну из них к Артему и сказал:

– Вот. Обувь, костюм, ранец, оружие. Переобувайся, готовься. Защиту надевать не надо, не на поверхность собираемся, просто возьми с собой. Выходим через полчаса.

– Куда идем? – хлопая спросонья глазами и мучительно пытаясь сдержать зевок, спросил Артем.

– Киевская. Если все будет в порядке, потом по Кольцу до Белорусской – и к Маяковской. А там увидим. Собирайся.

Сталкер уселся на стоявший в углу табурет и, достав из кармана газетный обрывок, принялся изготавливать самокрутку, время от времени посматривая на Артема. Под этим внимательным взглядом у Артема все валилось из рук, и на сборы ушло куда больше времени, чем ему понадобилось бы, если бы Мельник оставил его одного.

Однако минут через двадцать он все же был готов. Не говоря ни слова, Мельник поднялся с табурета, взял свою сумку и вышел на платформу. Артем оглядел комнату и последовал за ним.

Они прошли через арку и вышли к путям. Спустившись по приставной деревянной лесенке на путь, Мельник кивнул караульному и зашагал к туннелю. Только теперь Артем заметил, как странно здесь устроены входы в перегоны. С той стороны платформы, где рельсы уходили на Киевскую, половина пути была перекрыта бетонированной огневой точкой с узкими бойницами. Проход перегораживала железная решетка, рядом с которой дежурили двое караульных. Мельник перекинулся с ними короткими неразборчивыми фразами, после чего один из охранников открыл навесной замок и толкнул решетку.

По одной из стен туннеля тянулся перемотанный черной изолентой провод, с которого каждые десять-пятнадцать метров свисали слабые лампочки, но даже и такое освещение в перегоне казалось Артему настоящей роскошью. Впрочем, через три сотни шагов провод обрывался, и в этом месте их ждал еще один караул. На дозорных не было никакой формы, но выглядели они куда серьезней, чем военные в Полисе. Узнав Мельника в лицо, один из них кивнул ему, пропуская вперед. Остановившись на краю освещенного пространства, сталкер достал из сумки фонарь и включил его.

Еще через несколько сотен метров впереди раздался голос и блеснули отсветы фонарей. Неуловимым движением автомат Мельника соскользнул с плеча и оказался у него в руках. Артем последовал его примеру.

Наверное, это был еще один, дальний дозор со Смоленской. Двое крепких вооруженных мужчин в теплых куртках с воротниками из искусственного меха спорили с тремя челноками.

На головах у дозорных были круглые вязаные шапки, а на груди у обоих висели на кожаных ремешках приборы ночного видения. У двоих челноков было при себе оружие, но Артем был готов ручаться чем угодно, что это именно торговцы. Огромные тюки с тряпьем, карта туннелей в руке, особенный плутоватый взгляд, задорно блестящие в лучах фонарей глаза – все это он уже видел неоднократно. Челноков обычно без проблем пускали на все станции, кроме разве тех, что входили в состав Ганзы. Но, кажется, на Смоленской их никто не ждал.

– Да ладно, браток, что ты заладил, нам даже и не на твою Смоленскую, так, мимо идем, – убеждал дозорного один из торговцев, долговязый усатый человек в кургузом ватнике.

– Шмотки тут у нас, да вот, сами гляньте, мы в Полисе торговать будем, – поддакивал ему другой челнок, коренастый и заросший щетиной до самых глаз.

– Какой тебе от нас вред, польза только, вот, смотри, джинсы совсем как новые, твой размер, наверное, фирменные, за так отдам, – перехватывал инициативу третий.

Караульный молча качал головой, перекрывая проход. Он почти ничего не отвечал, но как только один из челноков, приняв его молчание за согласие, попробовал шагнуть вперед, оба дозорных почти синхронно щелкнули затворами своих автоматов. Мельник и Артем стояли в пяти шагах за их спинами, и хотя сталкер опустил свое оружие, в его позе чувствовалось напряжение.

– Стоять! Даю пять секунд, чтобы развернуться и уйти. Станция режимная, сюда никого не пускают. Пять... четыре... – начал считать один из дозорных.

– Ну, как нам теперь туда, через Кольцо опять?.. – возмутился было один из челноков, но другой, обреченно покачав головой, потянул его за рукав, торговцы подобрали с земли тюки и потащились назад.

Выждав минуту, сталкер дал Артему знак, и они зашагали на Киевскую вслед за челноками. Когда они проходили мимо караульных, один из них молча кивнул Мельнику и приложил два пальца к виску, словно отдавая честь.

– Режимная станция? – любопытствовал Артем, когда они сами миновали кордон. – Что это значит?

– Вернись, спроси, – отрезал тот, начисто отбивая у Артема желание расспрашивать дальше.

Хотя Артем с Мельником и старались держаться подальше от ушедших вперед челноков, звуки их голосов становились все ближе, а потом вдруг оборвались. Но не прошли они и двух десятков шагов, как в лицо им ударил луч света.

– Эй, кто там? Чего надо? – нервно крикнул кто-то, и Артем узнал голос одного из торговцев, которых завернула с полпути выставленная перед Смоленской охрана.

– Спокойно. Дайте пройти, мы вас не тронем. На Киевскую идем, – негромко, но отчетливо ответил сталкер.

– Проходите, пропускаем вас вперед. Нечего в затылок дышать, – посоветовавшись, заявили из темноты.

Мельник недовольно пожал плечами и неторопливо двинулся вперед. Метров через тридцать их действительно ждали те самые трое челноков. При приближении Артема и Мельника торговцы вежливо опустили стволы в пол, расступились и дали им пройти. Сталкер, как ни в чем не бывало, зашагал дальше, но Артем отметил, что поступь его изменилась: теперь он шел неслышно, словно боясь заглушить раздающиеся за спиной звуки. И хотя челноки немедленно последовали за ними, Мельник ни разу на них не оглянулся. Сам Артем пытался побороть в себе желание обернуться довольно долго, минуты три, потом все-таки посмотрел назад.

– Эй! – послышался сзади напряженный голос. – Погодите там!

Сталкер остановился. Артем начал недоумевать, отчего тот так послушно выполняет все требования каких-то мелких торговцев.

– Это они так из-за Киевской лютуют или потому что Полис охраняют? – нагнав их, спросил один из челноков.

– Из-за Киевской, понятное дело, – немедленно отозвался Мельник, и Артем почувствовал укол ревности: ему-то сталкер не хотел ничего рассказывать.

– Да уж, это понять можно. На Киевской теперь страшно становится. Ну, ничего. Скоро этим чистюлям из вашего караула придется жарко. Вот как Ганза пускать перестанет, с Киевской все к вам побегут. Сам понимаешь, когда такое творится, кто же на станции жить останется? Лучше уж под пули... – обращаясь то ли к сталкеру, то ли к самому себе, пробурчал долговязый челнок.

– Сам-то небось под пули кинулся? – ехидно хмыкнул другой. – Тоже мне, Матросов нашелся!

– Ну так, пока еще и не припекло, – отозвался долговязый.

– Да что там происходит-то? – не сдержался Артем.

Сразу двое челноков оглянулись на него так, словно он задал глупый вопрос, ответ на который знает каждый ребенок. Сталкер хранил молчание. Молчали и торговцы, так что некоторое время они шагали в полной тишине. От этого ли или, может, оттого, что затягивавшееся молчание становилось жутковатым, Артему вдруг расхотелось слушать объяснения. И когда он решил уже было махнуть на них рукой, долговязый наконец нехотя проговорил:

– Туннели к Парку Победы там, вот что...

Услышав название станции, двое его спутников съежились, и Артему почудилось на секунду, что налетел порыв промозглого туннельного сквозняка, а стены туннеля сжались. Даже Мельник повел плечами, словно пытаясь согреться. Артем, кажется, никогда не слышал ничего плохого про Парк Победы и даже не мог припомнить ни одной байки, связанной с этой станцией. Так отчего же при звуке ее названия ему вдруг стало так неудобно?

– Что, хуже становится? – тяжело спросил сталкер.

– Да мы-то что знаем? Мы люди случайные. Так, мимо проходим иногда. Оставаться там, сами понимаете... – неопределенно промямлил бородатый.

– Люди пропадают, – шепотом сообщил коренастый челнок. – Многие боятся, бегут. Тут уже и не разобрать, кто исчез, кто сам сбежал, а остальным от этого еще страшней.

– Все туннели эти проклятые, – сплюнул на землю долговязый.

– Так завалены же туннели, – не то спросил, не то возразил Мельник.

– Они уже сто лет как завалены, и что с того? Да если ты здешний, лучше нас понимать должен! Там все знают, что страх из туннелей идет, будь они хоть трижды взорваны и перегородены. Да это любой своей шкурой чувствует, как туда нос покажет, вон даже Сергеич, – долговязый указал на своего бородатого спутника.

– Точно, – подтвердил заросший Сергеич и зачем-то перекрестился.

– Так они ведь туннели охраняют? – уточнил Мельник.

– Каждый день дозоры стоят, – кивнул усатый.

– И хоть раз поймали кого-нибудь? Или видели? – выпрашивал сталкер.

– А нам почем знать? – развел руками челнок. – Я не слышал. Да там и ловить-то некого.

– А что местные про это говорят? – не отступал Мельник.

Долговязый ничего не ответил, только махнул обреченно рукой, зато Сергеич оглянулся зачем-то назад и громким шепотом сказал:

– Город мертвых... – и тут же снова принялся креститься.

Артем хотел было рассмеяться: слишком много он уже слышал историй, басен, легенд и теорий про то, где именно обретаются в метро мертвые. И души в трубах по стенам туннелей, и врата в ад, которые копают на одной из станций... теперь вот город мертвых на Парке Победы. Но призрачный сквозняк заставил Артема подавиться смехом, и, несмотря на теплую одежду,

его прохватил озноб. Хуже всего было то, что Мельник умолк и прекратил все расспросы, хотя Артем надеялся, что тот просто пренебрежительно отмахнется от такой нелепой идеи.

Весь остаток пути они прошли молча, каждый погруженный в свои мысли. До самой Киевской туннель оказался совершенно спокойным, пустым, сухим и чистым, но, вопреки всему, тяжелое, давящее ощущение того, что впереди ждет что-то нехорошее, стучалось с каждым шагом.

Как только они ступили на станцию, ощущение это нахлынуло, словно прорвавшиеся грунтовые воды, такое же неудержимое, такое же мутное и ледяное. Здесь безраздельно правил страх, и видно это было с первого взгляда. Та ли это «солнечная Киевская», про которую Артему говорил кавказец, сидевший с ним в одной клетке в фашистском плену? Или он имел в виду станцию с тем же названием, расположенную на Филевской ветке?

Сказать, что станция была заброшена и что все ее обитатели бежали, было нельзя. Народу здесь оказалось довольно много, но создавалось впечатление, что Киевская не принадлежит ее жителям. Все они старались держаться кучно, палатки лепились к стенам и друг к другу в центре зала. Необходимая по правилам противопожарной безопасности дистанция нигде соблюдена не была: наверное, живущим в этих палатках людям приходилось остерегаться чего-то более опасного, чем огонь. Проходящие мимо сразу же загнанно отводили взгляд, когда Артем смотрел им в глаза, и, чураясь чужаков, расползались с их пути, будто прячущиеся по щелям тараканы.

Платформа, зажата между двумя рядами низких круглых арок, с одной стороны несколькими эскалаторами уходила вниз, с другой – чуть приподнималась невысокой лестницей и открывала боковой переход на другую станцию. В нескольких местах тлели угли, и ощущался дразнящий запах жареного мяса, где-то плакал ребенок. Пусть Киевская и находилась на пороге вымышленного перепуганными челноками города мертвых, сама-то она была вполне живая.

Быстро попрощавшись, челноки исчезли в переходе на другую линию. Мельник, похозяйски оглядевшись по сторонам, решительно зашагал в сторону одного из переходов. Здесь он бывал регулярно, это было видно сразу. Артем не мог приложить ума, зачем сталкер так подробно выпрашивал у челноков о станции. Надеялся, что в их байки случайно вплетется намек на истинное положение вещей? Пытался вычислить возможных шпионов?

Через секунду они остановились у входа в служебные помещения. Дверь здесь была выбита, но снаружи стоял охранник. Начальство, догадался Артем.

Навстречу сталкеру вышел гладко выбритый пожилой мужчина с аккуратно зачесанными волосами. На нем была старая синяя форма работника метрополитена, застиранная и выцветшая, но удивительно чистая. Непонятно было, как он умудряется следить за собой на этой станции. Человек отдал Мельнику честь, почему-то приложив к виску всего два пальца, и не всерьез, как это делали дозорные в туннеле, а карикатурно. Его глаза насмешливо шурились.

– День добрый, – сказал он приятным глубоким голосом.

– Здравия желаю, – отозвался сталкер и улыбнулся.

Через десять минут они сидели в теплой комнате и пили неперенный грибной чай. На сей раз Артема не выставили наружу, как он ожидал, а позволили присутствовать при обсуждении серьезных дел. К сожалению, из беседы сталкера и начальника станции, которого тот называл Аркадием Семеновичем, он все равно ничего не понял. Сначала Мельник спросил про какого-то Третьяка, затем принялся выяснять, нет ли изменений в туннелях. Начальник сообщил, что Третьяк ушел по своим делам, но вернуться должен совсем скоро, и предложил подождать его. Затем они углубились в детали каких-то соглашений, так что Артем скоро совсем потерял нить разговора. Он просто сидел, тянул горячий чай, грибной дух которого напоминал ему о родной станции, и осматривался вокруг. Киевская явно знавала лучшие времена: стены комнаты были завешены побитыми молю, но сохранившими рисунок коврами, в

нескольких местах прямо поверх ковров были приколоты карандашные наброски туннельных разветвлений в широких позолоченных рамках, а стол, за которым они сидели, выглядел совершенным антиквариатом, и Артем даже не мог себе представить, сколько сталкеров потребовалось, чтобы стащить его вниз из чьей-то пустой квартиры, и сколько хозяева станции согласились за него заплатить. На одной из стен висела потемневшая от времени сабля, а рядом – доисторического вида пистолет, явно непригодный для стрельбы. В дальнем конце комнаты, на шифоньере, белел огромный череп, принадлежавший неизвестному существу.

– Да нет там ничего, в туннелях этих, – покачал головой Аркадий Семенович. – Караулим, чтобы людям спокойней было. Ты ведь сам там бывал, прекрасно знаешь, что оба перегона метрах в трехстах от станции завалены. Неоткуда там чему-то взяться. Суеверия это.

– Но люди ведь пропадают? – нахмурился Мельник.

– Пропадают, – согласился начальник, – но ведь неизвестно куда. Я думаю, страшно, вот и бегут. На переходах у нас кордонов нет, а там, – он махнул рукой в сторону лестниц, – целый город. Есть куда податься. И на Кольцо, и на Филевскую. Ганза, говорят, сейчас с нашей станции пускает людей.

– А чего бояться? – спросил сталкер.

– Как чего? Того, что люди пропадают. Вот тебе и замкнутый круг, – Аркадий Семенович развел руками.

– Странно, – недоверчиво протянул Мельник. – Знаешь, мы, пока Третьяка ждать будем, сходим разок в караул. Так, ознакомиться. А то смоленские тревожатся.

– Понимаю, – закивал начальник. – Вы вот что, сейчас в третью палатку зайдите, там Антон живет. Он у следующей смены командиром. Скажи, от меня.

В палатке с намалеванной цифрой «3» было шумно. На полу двое мальчишек лет десяти, оба почти альбиносы, как и большинство родившихся в метро детей, играли со стреляными автоматными гильзами. Рядом с ними сидела маленькая девочка, глядевшая на братьев округлившимися от любопытства глазами, но не решавшаяся участвовать в игре. Опрятная женщина средних лет в переднике нарезала к обеду какую-то снедь. Здесь было уютно, в воздухе стоял вкусный домашний дух.

– Антон вышел, присядьте, подождите, – радушно улыбнувшись, предложила женщина.

Мальчики сначала усталились на них настороженно, потом один из них подошел к Артему.

– У тебя гильзы есть? – спросил он, глядя на него исподлобья.

– Олег, немедленно прекрати кланяться! – строго сказала женщина, не отрываясь от готовки.

К удивлению Артема, Мельник запустил руку в карман штанов, пошарил там и извлек несколько необычных продолговатых гильз, явно не от Калашникова. Зажав их в кулаке и побренчав ими, как погремушкой, сталкер протянул сокровище мальчишке. У того немедленно загорелись глаза, но взять подарок он не отваживался.

– Бери, бери! – сталкер подмигнул ему и ссыпал гильзы в протянутую детскую ладошку.

– Все, теперь я побегу! Смотри, какие огромные! Это будет спецназ! – радостно завопил мальчуган.

Присмотревшись, Артем увидел, что гильзы, в которые они играли, были выстроены в ровные ряды и, видимо, изображали солдатиков. Он и сам так когда-то играл, но только ему повезло: у него были еще настоящие маленькие оловянные бойцы, пусть и из разных наборов.

Пока на полу разворачивалось сражение, в палатку вошел отец мальчишек – невысокий худой человек с жидкими русыми волосами. Увидев чужих, он молча кивнул им и, так и не промолвив ни слова, напряженно уставился на Мельника.

– Папа, папа, ты нам еще гильз принес? У Олега теперь больше, ему длинных дали! – принялся теревить отца за штанину второй мальчик.

– От начальства, – объяснил сталкер. – На дежурство с вами в туннели пойдем. Подкрепление вроде.

– Куда там еще подкрепление... – проворчал хозяин палатки, но черты его лица разгладились. – Антон меня зовут. Пообедаем только и пойдем. Садитесь, – он указал на набитые мешки, которые заменяли в этом доме стулья.

Несмотря на сопротивление гостей, обоим досталось по дымящейся миске с незнакомыми Артему клубнями. Он вопросительно посмотрел на сталкера, но тот уверенно наколот кусок на вилку, отправил в рот и начал жевать. На его каменном лице отразилось даже нечто похожее на удовольствие, и это придало Артему храбрости. На вкус клубни были совсем не похожи на грибы, они были сладковатыми и чуть жирными, а насыщение от них наступало уже через несколько минут. Сначала Артем хотел спросить, что они едят, но потом подумал, что лучше уж ему этого не знать. Вкусно – и ладно. Держат же кое-где крысиный мозг за деликатес...

– Пап, а можно я с тобой пойду, на дежурство? – съев половину своей порции и размазав по краям остатки, спросил тот мальчишка, которому сталкер подарил гильзы.

– Нет, Олег, ты же сам знаешь, – нахмурившись, ответил хозяин.

– Олеженька! Какое еще дежурство? Что ты выдумываешь? Туда мальчишек не берут! – схватив сына за руку, запричитала женщина.

– Мам, какой я тебе мальчик? – неловко оглядываясь на гостей и пытаясь говорить басом, протянул Олег.

– Даже и не думай! До истерики меня хочешь довести? – повысила голос мать.

– Ну, ладно, ладно... – пробормотал мальчишка.

Но как только женщина отошла в другой конец палатки, чтобы достать еще что-то к столу, он дернул отца за рукав и громко прошептал:

– Но ты же в прошлый раз брал меня...

– Разговор окончен! – строго сказал хозяин.

– Все равно... – последние слова Олег уже промычал себе под нос, так что было не разобрать.

Доев, Антон встал из-за стола, отпер стоящий на полу железный ящик, достал оттуда старый армейский АК-47 и сказал:

– Пойдем, что ли? Сегодня смена короткая, через шесть часов назад буду, – сообщил он жене.

Вслед за ним поднялись и Мельник с Артемом. Маленький Олег отчаянно смотрел на отца и беспокойно ерзал на месте, но не решался ничего сказать.

У черного жерла туннеля, на краю платформы, свесив ноги вниз, сидели двое караульных, третий стоял на путях и всматривался в темноту. На стене была надпись по трафарету: «Арбатская конфедерация. Добро пожаловать!» Буквы были полустертые, сразу становилось ясно, что краску уже давно не обновляли. Переговаривались караульные шепотом и даже шикали друг на друга, если один из них вдруг повышал голос.

Кроме сталкера и Артема, с Антоном шли еще двое местных. Оба они были мрачные и неразговорчивые, на гостей поглядывали недоброжелательно, а как их зовут, Артем так и не расслышал.

Обменявшись короткими фразами с охранявшими вход в туннель людьми, они спустились на пути и медленно двинулись вперед. Круглые своды туннеля были здесь совершенно обычные, пол и стены выглядели не тронутыми временем. И все же Артема уже с первых шагов начало охватывать то неприятное чувство, о котором говорили челноки. Из глубины им навстречу выползал темный, необъяснимый страх. В перегоне было тихо, только издалека слышались человеческие голоса: там, наверное, и располагался дозор.

Это был один из самых странных постов, которые Артему приходилось видеть. На набитых песком мешках сидели кружком несколько человек, посередине стояла железная печка-буржуйка, чуть поодаль – ведро мазута. Лица дозорных освещали только пробивавшиеся сквозь щели в печке язычки пламени да огонек, трепещущий на фитиле свисающей с потолка масляной лампы. От несвежего дыхания туннелей лампа чуть-чуть раскачивалась, и от этого казалось, что тени сидящих неподвижно людей живут своей собственной жизнью. Дозорные спокойно сидели спиной к туннелю, это поражало и резало глаз больше всего.

Прикрываясь ладонями от слепящих лучей карманных фонарей сменщиков, дозорные засобирались домой.

– Ну, как? – спросил у них Антон, зачерпывая ковшом мазут.

– Как тут может быть? – невесело усмехнулся старший смены. – Как всегда. Пусто. Тихо. Тихо... – он шмыгнул носом и, сгорбившись, зашагал к станции.

Пока остальные пододвигали свои мешки ближе к печке и рассаживались, Мельник обратился к Антону:

– Ну что, сходим дальше, посмотрим, что там?

– Да там нечего смотреть, завал как завал, я-то уже сто раз видел. Глянь, если хочешь, тут метров пятнадцать всего, – Антон указал через плечо в сторону Парка Победы.

Туннель перед завалом был полуразрушен. Пол покрылся осколками камней и землей, потолок в некоторых местах просел, а стены осыпались и сузились. Сбоку чернел перекошенный проем входа в неизвестные служебные помещения, а в самом конце этого аппендикса ржавые рельсы упирались в груды раскрошенных бетонных блоков, перемешанных с булыжниками и грунтом. В эту земляную толщу погружались и тянувшиеся вдоль стен железные трубы коммуникаций.

Осветив фонарем обрушившийся туннель и не найдя никаких тайных лазов, Мельник пожал плечами и вернулся к скособоченной двери. Он направил луч внутрь, заглянул туда, но порога так и не переступил.

– Во втором перегоне тоже никаких изменений? – спросил он у Антона, вернувшись к печке.

– Как десять лет назад все было, так и сейчас, – отозвался тот.

Они надолго замолчали. Теперь, при потушенных фонарях, свет снова исходил лишь от неплотно прикрытой печки да от крошечного огонька за закопченным стеклом масляной лампы, и тьма вокруг стала настолько плотной, что, казалось, выталкивала из себя чужеродные тела, словно соленая вода. Поэтому, наверное, все дозорные и сгрудились вокруг буржуйки так близко, как только было возможно: здесь темноту и холод прореживали желтые лучи, и дышалось свободнее. Артем терпел, сколько мог, но потребность услышать хоть какой-то звук заставила его преодолеть застенчивость:

– Я на вашей станции раньше не бывал никогда, – кашлянув, сказал он Антону, – не понимаю вот, зачем вы тут дежурите, если там ничего нет? Вы же туда даже не смотрите!

– Порядок такой, – объяснил старший. – Говорят, что потому здесь ничего такого и нет, что мы дежурим.

– А что там дальше, за завалом?

– Туннель, надо думать. До самого, – он прервался на секунду, обернувшись назад и посмотрев на тупик, – до самого Парка Победы.

– А там живет кто-нибудь?

Антон ничего не ответил, только неопределенно мотнул головой, помолчал, а потом поинтересовался:

– Ты что же, вообще ничего о Парке Победы не знаешь? – и, так и не дождавшись от Артема ответа, продолжил: – Бог знает, что там сейчас осталось, но раньше там была огромная двойная станция, одна из тех, которые в последнюю очередь строились. Те, кто постарше

и бывал там еще тогда... ну... до... так вот они говорят, что очень богато было сделано, и залегала станция очень глубоко, не как другие новостройки. И люди там, надо думать, жили припеваючи. Но недолго. Пока туннели не обрушились.

– А как это случилось? – спросил Артем.

– У нас говорят, – Антон оглянулся на остальных, – что само рухнуло. Плохо спроектировали, или на строительстве воровали, или еще что-нибудь. Но это уже так давно было, что точно не помнит никто.

– А я вот слышал, – тихо сказал один из дозорных, – что это здешнее начальство оба перегона взорвало к чертям. То ли конкуренция с Парком Победы у них была, то ли еще что... Может, боялись, что Парк их со временем под себя подомнет. А у нас, на Киевской, в то время сам знаешь, кто распоряжался... Кто на рынке раньше фруктами торговал. Народ горячий, к разборкам привычный. Ящик динамита в этот туннель, ящик в тот, от своей станции подальше, и понеслась. Вроде и без крови, и проблема решена.

– А что с ними потом стало? – поинтересовался Артем.

– Ну, мы-то не знаем, мы потом уже сюда пришли... – начал было Антон, но разговорившийся дозорный перебил его:

– Да что там может стать? Перемерли все. Сам должен понимать, когда станция от метро отрезана, там долго не выживешь. Фильтры сломались, или генераторы, или заливать начало – и все, на поверхности и сейчас-то не разгуляешься. Я слышал, сначала они вроде копать пытались, но потом отступились. Те, кто здесь дежурил вначале, говорят, через трубы крики слышали... Но скоро и это прекратилось.

Он кашлянул и протянул ладони к печке. Согрев руки, дозорный посмотрел на Артема и добавил:

– Это даже не война была. Кто же так воюет? Там ведь у них и женщины, и дети были. Старики... Целый город. И за что? Так просто, деньги не поделили. Вроде сами никого и не убивали, а все равно. Вот ты спрашивал: что там, по ту сторону завала? Смерть там.

Антон покачал головой, но ничего не сказал. Мельник внимательно посмотрел на Артема, открыл было рот, будто собираясь что-то прибавить к услышанной истории, но передумал. Артему стало совсем холодно, и он тоже потянулся к пробивавшимся сквозь печную заслонку огненным язычкам. Он пытался представить себе, что значит жить на этой станции, обитатели которой верят, что рельсы, уходящие от их дома, ведут напрямик в царство смерти.

Артем постепенно начинал понимать, что странное дежурство в этом оборванном туннеле было не необходимостью, а скорее ритуалом. Кого они пытались отпугнуть, сидя здесь? Кому могли помешать пройти на станцию, а то и во все остальное метро? Становилось все холоднее, и от озноба не спасали уже ни печка-буржуйка, ни теплая куртка, выданная Мельником.

Неожиданно стalker резко обернулся к ведущему на Киевскую туннелю и приподнялся с места, вслушиваясь и всматриваясь. Через несколько секунд причину его беспокойства понял и Артем. Оттуда раздавались быстрые легкие шаги, и в отдалении метался светлячок слабого фонарика, словно кто-то мчался, перескакивая через шпалы, изо всех сил торопясь к ним.

Стalker вскочил с места, прижался к стене и нацелил на пятно света автомат. Антон спокойно поднялся, взглядывая в темноту, и по его расслабленной позе сразу становилось понятно, что он не может себе представить никакой серьезной опасности, которая исходила бы с той стороны туннеля.

Мельник щелкнул выключателем своего фонаря, и тьма неохотно отползла назад. Шагах в тридцати от них, посреди полотна, замерла хрупкая фигурка с поднятыми вверх руками.

– Пап, пап, это я, не стреляйте! – голос был, несомненно, детский.

Сталкер отвел луч в сторону и, отряхиваясь, поднялся с земли. Через минуту ребенок уже стоял у печки, смущенно разглядывая свои ботинки. Это был сын Антона, тот самый, который просился на дежурство.

– Случилось что-нибудь? – встревоженно спросил его отец.

– Нет... Я просто с тобой очень хотел. Я уже не маленький, в палатке с мамой сидеть.

– Как ты сюда пробрался? Там же охрана!

– Соврал, что мама к тебе послала. Там дядя Петя, он меня знает. Сказал только, чтобы я ни в какие боковые проходы не заглядывал и шел быстрее, и дал пройти.

– Мы с дядей Петей еще поговорим, – мрачно пообещал Антон. – А ты пока подумай, как маме это объяснять будешь. Обратно я тебя одного не пущу.

– Мне можно с вами остаться? – мальчик не смог сдержать своего восторга и принялся прыгать на месте.

Антон подвинулся в сторону, усаживая сына на нагретые мешки, снял куртку и закутал его было, но мальчишка тут же сполз на пол и, достав из кармана, разложил на тряпочке принесенное с собой добро: пригоршню гильз и еще несколько других предметов. Сидел он рядом с Артемом, и у того было время, чтобы изучить все эти вещи. Самой интересной оказалась маленькая металлическая коробочка с вертящейся ручкой. Когда Олег держал ее в одной руке и проворачивал ручку пальцами другой, коробочка, издавая звонкие металлические звуки, начинала проигрывать несложную механическую мелодию. Занятно было и то, что стоило приклонить ее к другому предмету, как тот начинал резонировать, многократно усиливая звук. Лучше всего это выходило с железной печкой, но долго продержать там устройство не удавалось, потому что оно нагревалось слишком быстро. Артему стало так любопытно, что он решил попробовать сам.

– Это еще что! – передавая ему горячую коробочку и дую на обожженные пальцы, сказал мальчишка. – Я тебе потом такую штуку покажу! – заговорщически пообещал он.

Следующие полчаса протекли медленно – Артем, не замечая недовольных взглядов дозорных, бесконечно крутил ручку и вслушивался в музыку, Мельник о чем-то шептался с Антоном, мальчик возился на полу с гильзами. Мелодия, которую проигрывала эта крошечная шарманка, была довольно тоскливая, но неведомым образом околдовывала, и остановиться было просто невозможно.

– Нет, не понимаю, – сказал сталкер и встал со своего места, – если оба туннеля обрушены и охраняются, куда же, по-вашему, деваются люди?

– А кто сказал, что все дело в этих туннелях? – Антон посмотрел на него снизу вверх. – И переходы есть на другие линии, целых два, и перегоны к Смоленской... Я думаю, кто-то просто наши суеверия использует.

– Да какие там суеверия! – вмешался тот дозорный, что рассказывал про взорванные туннели и оставшихся по другую сторону людей. – Проклята наша станция за то, что с Парком Победы стало. И мы все, пока на ней живем, прокляты...

– Да брось ты, Саныч, воду мутить, – недовольно оборвал его Антон. – Тут люди серьезные спрашивают, а ты со сказками своими!

– Давай-ка пройдемся, я там по дороге двери видел и отход боковой, посмотреть хочу, – предложил ему Мельник. – На Смоленской тоже люди беспокоятся. Колпаков лично интересовался.

– Вот теперь он заинтересовался, да? – грустно улыбнулся Антон. – Да ладно уж, чего там притворяться, от конфедерации нашей одно название осталось, каждый сам за себя...

– В Полисе даже уже вопросы задают. На вот, ознакомься, – сталкер вытащил из кармана сложенный газетный листок.

Артем видел такие газеты в Полисе. В одном переходе стоял лоток, где их можно было купить, но стоили они десять патронов штука, и платить столько за лист оберточной бумаги с плохо пропечатанными сплетнями он не стал. Мельник, похоже, патронов не жалел.

Под гордым названием «Новости метро» на грубо обрезанном желтоватом листе ютились несколько небольших статей, одна из которых даже сопровождалась черно-белой фотографией. Заголовок гласил: «Загадочные исчезновения на Киевской продолжаются».

– Живы еще курилки, печатают, – Антон осторожно взял в руки газету и разглядел ее. – Ладно, пойдем, покажу тебе твои боковые ответвления. Оставишь почитать?

Сталкер кивнул. Антон поднялся, посмотрел на сына и сказал ему:

– Сейчас приду. Смотри, не шали тут без меня, – и, обернувшись к Артему, попросил: – Присмотри за ним, будь другом.

Артему ничего не оставалось, как кивнуть.

Как только его отец и сталкер отошли подальше, Олег вскочил, с озорным видом отнял у Артема коробочку, крикнул ему: «Догоняй!» и бросился бежать к тупику. Вспомнив, что мальчишка теперь под его ответственностью, Артем виновато посмотрел на остальных дозорных, зажег фонарь и пошел за Олегом.

Тот не стал исследовать полуразрушенное служебное помещение, как того опасался Артем. Он ждал у самого завала.

– Смотри, чего сейчас будет! – сказал мальчишка.

Олег вскарабкался на камни, оказавшись на уровне исчезающих в завале труб. Потом он достал свою коробочку, приложил ее к трубе и завертел ручку.

– Слушай! – восторженно предложил он.

Труба загудела, резонируя, и словно вся наполнилась изнутри простой унылой мелодией, которую играла шкатулка. Мальчик припал ухом к трубе и, как замороженный, продолжал крутить ручку, извлекая из металлической коробочки звуки. На секунду он остановился, вслушиваясь, радостно улыбнулся, а потом прыгнул с каменной груды и протянул шкатулку Артему:

– На, сам попробуй!

Артем вполне мог себе представить, как изменится звук мелодии, пропущенный сквозь полый металл трубы. Но глаза мальчишки так горели, что он решил не вести себя как последний зануда. Приставив коробочку к трубе, он прижался к холодному железу ухом и начал проворачивать рукоятку. Музыка загрела так громко, что он чуть не отдернул голову. Законы акустики Артему знакомы не были, и каким чудом этот кусок железа может во столько раз усиливать и придавать объем мелодии, до того беспомощно дребезжавшей внутри коробочки, он понять не мог.

Покрутив ручку еще несколько секунд и проиграв коротенький мотив добрых три раза, он кивнул Олегу:

– Здорово.

– Послушай еще! – засмеялся тот. – Не играй, просто слушай!

Артем пожал плечами, оглянулся на пост – не вернулись ли дозорные – и снова приложился ухом к трубе. Что там можно было услышать теперь? Ветер? Отголоски страшного шума, который затопил туннели между Алексеевской и Проспектом Мира?..

...Из невообразимого далека, с трудом пробиваясь через толщу земли, доносились приглушенные звуки. Они шли со стороны мертвого Парка Победы, никаких сомнений в этом быть не могло. Артем замер, вслушиваясь, и, постепенно холодея, понял: он слышит нечто невозможное – музыку.

Одну ноту за другой кто-то или что-то в нескольких километрах от него воспроизводило тоскливую мелодию из музыкальной шкатулки. Но это было не эхо: в нескольких местах неведомый исполнитель ошибся, кое-где затянул ноту, но мотив оставался вполне узнавае-

мым. И, главное, это был вовсе не пружинный перезвон, звук напоминал скорее гудение... Или пение? Невнятный хор множества голосов? Нет, все же гудение...

– Что, играет? – с довольным видом спросил у него Олег. – Дай я еще послушаю!

– Что это? – еле разлепив губы, хрипло пробормотал Артем.

– Музыка! Труба играет! – просто объяснил мальчик.

Тоскливое, гнетущее впечатление, которое это жуткое пение произвело на Артема, мальчишке, похоже, не передавалось. Для него это была просто веселая игра, и вряд ли он задавался вопросом, что может отзываться на мелодию с отрезанной от всего мира станции, где все живое кануло в ничто больше десятилетия назад?

Олег снова залез на камни, приготовившись было запустить свою машинку еще раз, но Артему вдруг стало необъяснимо страшно за него и за себя. Он схватил мальчишку за руку и, не обращая внимания на его протесты, потащил за собой к печке.

– Трус! Трус! – кричал Олег. – Только маленькие в эти сказки верят!

– Какие еще сказки? – Артем остановился и заглянул ему в глаза.

– Что они детей забирают, которые в туннели трубы слушать ходят!

– Кто забирает? – Артем потащил его дальше к печке.

– Мертвые!

Разговор оборвался: говоривший про проклятия дозорный встрепенулся и окинул их таким пристальным взглядом, что слова сами собой застряли в горле. Приключение их закончилось как нельзя вовремя: к посту возвращались Антон и сталкер, и с ними шел кто-то еще. Артем быстро усадил мальчика на место. Отец мальчишки просил его присмотреть за Олегом, а не потакать его капризам... Да и кто знает, в какие суеверия верил сам Антон?

– Извини, задержались, – старший опустил на мешки рядом с Артемом. – Не шалил он тут?

Артем покачал головой, надеясь, что у мальчишки хватит ума не хвастаться их авантюрой. Но тот, похоже, и сам прекрасно все понимал. С увлеченным видом Олег принялся заново расставлять свои гильзы.

Третий человек, который пришел со старшим и сталкером, лысеющий худой мужчина со впалыми щеками и мешками под глазами, Артему был незнаком. К печке он подошел только на минуту, дозорным кивнул, а Артема рассмотрел изучающе, но ничего ему не сказал. Представил его Мельник.

– Это Третьяк, – сказал он Артему. – С нами дальше пойдет. Специалист. Ракетчик.

Глава 16. Песни мертвых

– Нет там никаких тайных входов и не было никогда. Неужели ты сам не знаешь? – Третьяк недовольно повысил голос, и его слова долетели до Артема.

Они возвращались с дежурства – назад на Киевскую. Сталкер и Третьяк шагали чуть позади других и оживленно что-то обсуждали. Когда Артем тоже задержался, чтобы принять участие в их разговоре, те перешли на шепот, и ему оставалось только снова присоединиться к основной группе. Маленький Олег, который семенил, стараясь не отставать от взрослых, и отказывался залезать на плечи к отцу, тут же радостно схватил его за руку.

– Я тоже ракетчик! – объявил он.

Артем удивленно поглядел на мальчика. Тот был рядом, когда Мельник представил ему Третьяка и наверняка случайно услышал это слово. Понимал ли он, что оно значит?

– Только никому не говори! – поспешно добавил Олег. – Это другим знать нельзя. Секрет. Этот дядя, наверное, твой друг, если это тебе про себя рассказал.

– Хорошо, никому не скажу, – подыграл ему Артем.

– Это не стыдно, наоборот, этим гордиться надо, но другие могут от зависти плохие вещи про тебя говорить, – объяснил мальчик, хотя Артем и не собирался ничего спрашивать.

Антон шел шагах в десяти впереди, освещая путь. Кивнув на его щуплую фигуру, мальчишка громко прошептал:

– Папа сказал не показывать никому, но ты ведь умеешь секреты хранить. Вот! – он достал из внутреннего кармана маленький кусочек ткани.

Артем посветил на него фонариком. Это оказалась споротая нашивка – кружок из плотной прорезиненной материи, сантиметров семи в поперечнике. С одной стороны он был полностью черным, с другой – на темном фоне было изображено пересечение трех непонятных продолговатых предметов, что-то вроде шестиконечной бумажной снежинки, какими ВДНХ украшали на Новый год. В том из предметов, что располагался вертикально, Артем, присмотревшись, узнал патрон, кажется, от пулемета или снайперской винтовки, но с зачем-то приделанными к основанию крылышками, а вот другие два, одинаковые, желтые, с двойными ободами с обеих сторон, он определить не смог. Загадочная снежинка была вписана в стилизованный венок, как на старых кокардах, а по кругу нашивки шли буквы. Но краска на них была до того вытерта, что прочитать Артему удалось только «...ые войска и ар...», да еще слово «..оссия», написанное снизу, под рисунком. Будь у него чуть больше времени, он, может, и сумел бы понять, что ему показывает мальчик, но получилось иначе.

– Эй, Олежек! Иди сюда, дело есть! – окликнул сына Антон.

– Что это? – успел спросить мальчишку Артем, прежде чем тот выхватил у него нашивку и спрятал к себе в карман.

– Эрвза! – тщательно выговорил Олег, сияя от гордости, потом подмигнул ему и побежал к отцу.

Взобравшись на платформу по приставной лестнице, дозорные стали разбредаться по домам. Антона у самого выхода ждала жена. Со слезами на глазах она кинулась навстречу маленькому Олегу, подхватила его на руки, а потом набросилась на мужа:

– Ты меня совсем извести хочешь?! Что я должна думать? Ребенок уже сколько часов назад из дому ушел?! Почему я за всех думать должна? Сам как маленький, не мог его домой отвести! – запрчитала она.

– Лен, давай не при людях... – смущенно озираясь, пробормотал Антон. – Не мог же я уйти из дозора. Думай, что говоришь, командир заставы и вдруг пост оставит...

– Командир! Вот и командуй! Как будто не знаешь, что тут творится! Вон, у соседей младший неделю назад пропал...

Мельник и Третьяк ускорили шаг и даже не стали прощаться с Антоном, оставив его наедине с женой. Артем поспешил за ними, и долго еще, хотя слов уже было не разобрать, до них доносились плач и укоры Антоновой жены.

Все трое направились к служебным помещениям, где находился штаб начальника станции. Через несколько минут они уже сидели в завешенной потертыми коврами комнате, а сам начальник, понимающе кивнув, когда сталкер попросил оставить их наедине, вышел.

– Паспорта у тебя, кажется, нет? – скорее утвердительно заметил Мельник, обращаясь к Артему.

Тот покачал головой. Без конфискованного фашистами документа он превращался в изгоя, которому был заказан путь почти на все цивилизованные станции метро. Ни Ганза, ни Красная Линия, ни Полис не приняли бы его. Пока сталкер находился рядом, Артему никто не задавал лишних вопросов, но, окажись он один, ему пришлось бы скитаться между заброшенными полустанками и дичающими станциями, такими как Киевская. И уж нечего было бы и мечтать о том, чтобы вернуться на ВДНХ.

– На Ганзу без паспорта тебя провести я не смогу, мне для этого нужных людей сначала найти надо, – словно подтверждая его мысли, сказал Мельник. – Можно было бы новый выправить, но ведь это время займет. Самый близкий путь до Маяковской – по Кольцу, как ни крути. Что делать?

Артем пожал плечами. Он чувствовал, к чему клонит сталкер. Ждать нельзя, и в обход Ганзы ему самому на Маяковскую тоже не попасть. Туннель, который примыкал к ней с другой стороны, шел напрямик от Тверской. Возвращаться в логово фашистов, да еще и на станцию, превращенную в казематы, было бы безумием. Тупик.

– Лучше будет, если сейчас на Маяковскую мы с Третьяком вдвоем пойдем, – попыток Мельник. – Поищем вход в Д-6. Найдем – вернемся за тобой, может, и с паспортом уже что-нибудь выйдет, я пока переговорю с кем надо, чтобы бланк подыскали. Не найдем – тоже вернемся. Долго нас ждать тебе не придется. По Кольцу мы вдвоем быстро доберемся, за день все успеем. Подождешь? – он испытующе глянул на Артема.

Артем пожал плечами еще раз. Кивнуть и согласиться он себя заставить не мог. Его не оставляло чувство, что с ним обходятся как с отработанным материалом. Сейчас, когда он выполнил свою основную задачу, сообщил об опасности, взрослые взяли на себя все остальное, а его просто отодвигают в сторону, чтобы он не путался под ногами.

– Вот и отлично, – заключил сталкер. – Жди нас к утру. Мы прямо сейчас и двинемся, чтобы не тратить времени зря. По поводу еды и ночлега мы с Аркадием Семеновичем все обсудим, он тебя не обидит. Все вроде... Нет, не все. – Он полез в карман и извлек оттуда тот самый окровавленный листок бумаги, на котором был план и пояснения. – Возьми, я его себе присовал. Кто знает, как повернется. Не показывай только никому...

Мельник и Третьяк ушли меньше чем через час, переговорив перед этим с начальником станции. Аккуратный Аркадий Семенович тут же проводил Артема к его палатке и, пригласив поужинать с ним вечером, оставил отдыхать.

Палатка для гостей стояла чуть на отшибе, и хотя она и содержалась в прекрасном состоянии, Артем с самого начала почувствовал себя в ней очень неудобно. Он выглянул наружу и снова убедился, что остальные жилища жмутся друг к другу и все они расположены как можно дальше от входов в туннели. Сейчас, когда сталкер ушел и Артем остался один на незнакомой станции, тягостное ощущение, испытанное им вначале, вернулось. На Киевской все же было страшно, просто страшно, без всяких видимых причин. Уже становилось поздно, и голоса детей затихали, а взрослые обитатели станции все реже выходили из палаток. Разгуливать по платформе Артему совсем не хотелось. Перечитав трижды полученное от умирающего Данилы письмо, Артем не вытерпел и на полчаса раньше оговоренного времени отправился к Аркадию Семеновичу на ужин.

Предбанник служебного помещения был сейчас превращен в кухню, где орудовала симпатичная девушка чуть старше Артема. На большой сковороде тушилось мясо с какими-то корешками, рядом отваривались белые клубни, которыми угощала жена Антона. Сам начальник станции сидел рядом на табурете и листал растрепанную книжонку, на обложке которой красовалось изображение револьвера и женских ног в черных чулках. Увидев Артема, Аркадий Семенович смущенно отложил книгу в сторону.

– Скучно у нас здесь, наверное, – понимающе улыбнулся он юноше. – Пойдем ко мне в кабинет, Катерина нам там накроет. А мы пока хряпнем, – подмигнул он.

Сейчас та же комната с коврами и черепом выглядела совсем иначе: освещенная настольной лампой с зеленым матерчатым абажуром, она стала намного уютнее. Напряжение, неотступно преследовавшее Артема на платформе, в лучах этой лампы бесследно рассеялось. Аркадий Семенович извлек из шкафа небольшую бутылку и нацедил в необычный пузатый стакан коричневой жидкости с кружащим голову ароматом. Вышло совсем немного, на палец, и Артем уважительно подумал, что стоит эта бутылка уж точно не меньше целого ящика браги, которую он пробовал на Китай-Городе.

– Коньячок, – откликнулся на его любопытный взгляд Аркадий Семенович, – армянский, конечно, зато почти тридцатилетней выдержки. Сверху, – начальник мечтательно поднял глаза к потолку. – Не бойся, не заражен, сам проверял дозиметром.

Крепости незнакомый напиток был отменной, но приятный вкус и терпкий аромат смягчали его. Глотать сразу Артем не стал, а по примеру хозяина попытался коньяк смаковать. По внутренностям, казалось, медленно разливался огонь, постепенно остывая и превращаясь в приятно согревающее тепло. Комната стала еще уютнее, а Аркадий Семенович – еще симпатичнее.

– Удивительная вещь, – жмурясь от удовольствия, оценил Артем.

– Хорош, правда? Года полтора назад у Краснопресненской сталкеры совсем нетронутый продуктовый нашли, – объяснил начальник станции, – в подвальчике, как часто раньше делали. Вывеска упала – его никто и не замечал. А один из них вспомнил, что раньше, еще до того, как грохнуло, туда иногда захаживал, вот и решил проверить. Столько лет пролежало, только лучше сделалось. По знакомству мне за сто пукл две бутылки отдал. На Китай-Городе за одну двести просят.

Он сделал еще один маленький глоток, потом задумчиво посмотрел сквозь коньяк на свет лампы.

– Вася его звали, сталкера этого, – сообщил начальник. – Хороший был человек. Не мелочь какая-нибудь, которая у них по дрова бегаёт, а серьезный парень, все стоящие вещи приносил. Как ни вернется сверху, первым делом ко мне шел. Вот, говорит, Семеныч, новые поступления, – он слабо улыбнулся.

– С ним случилось что-то? – участливо спросил Артем.

– Краснопресненскую он очень любил, все время повторял, что там настоящее Эльдorado, – печально сказал Аркадий Семенович. – Все нетронутое, одна высотка сталинская чего стоит... Понятно, отчего оно там все в целости-сохранности... Зоопарк-то прямо через дорогу. Кто же туда сунется, на Краснопресненскую? Такой страх... Отчаянный он был, Васятка, рисковал всегда, но и зарабатывал зато. И все же допрыгался. Утащили его в зоопарк, а напарник еле успел удрать. Давай выпьем за него, – начальник тяжело вздохнул и налил еще по одной.

Помня о небывало высокой цене коньяка, Артем запротестовал было, но Аркадий Семенович решительно вложил пузатый стакан в его ладонь, объяснив, что отказ оскорбит память бесшабашного сталкера, добывшего этот божественный напиток.

Тем временем девушка накрыла на стол, и Артем с Аркадием Семеновичем незаметно перешли на обычный, но хорошо очищенный самогон. Мясо было приготовлено восхитительно, и под него почти прозрачная жидкость шла на удивление легко.

– Неприятно у вас на станции, – разоткровенничался через полтора часа Артем. – Страшно здесь, гнетет что-то...

– Дело привычки, – неопределенно покачал головой Аркадий Семенович, – и здесь люди живут. Не хуже, чем на некоторых...

– Нет, вы не подумайте, я же понимаю, – решив, что начальник Киевской обиделся, потопился успокоить его Артем. – Вы наверняка все возможное делаете... Но тут такая ситуация. Все только и говорят о том, что люди пропадают.

– Брешут, – отрезал Аркадий Семенович. Но еще через стакан самогона признался: – Не все пропадают. Дети только.

– Мертвые их забирают? – Артема даже передернуло.

– Кто знает, кто их забирает? Я сам в мертвых не верю. Я на своем веку мертвых повидал, будь спокоен. Никого они никуда не забирают. Лежат себе тихо. Но там, за завалами, – Аркадий Семенович махнул рукой в сторону Парка Победы и чуть было не потерял равновесие, – кто-то есть. Это точно. И нам туда ходить нельзя.

– Почему? – Артем постарался сфокусироваться на своем стакане, но тот все время расплывался и куда-то уползал.

– Погоди, покажу...

Начальник станции с грохотом отодвинулся от стола, тяжело поднялся и, качаясь, подошел к шкафу. Покопавшись на одной из полок, он осторожно поднес к свету длинную металлическую иглу с оперением с тупого конца.

– Это что? – нахмурился Артем.

– Вот и я хотел бы знать...

– Откуда вы это взяли?

– Из шеи дозорного, который правый туннель охранял. Крови всего ничего вытекло, а сам весь синий лежал, и пена изо рта.

– С Парка Победы пришли? – догадался Артем.

– Дьявол их разберет, – пробормотал Аркадий Семенович и разом опрокинул остававшиеся полстакана. – Смотри только, – добавил он, убирая иглу обратно в шкаф, – не говори никому.

– А почему вы сами никому не расскажете? Вам помогут, и люди успокоятся.

– Да никто не успокоится, разбегутся все, как крысы! Сейчас уже бегут... Не от кого тут обороняться, врага никакого нет. Не видно его, потому и страшно. Ну, покажу я им эту иглу, и что? Думаешь, все разрешится? Смешно! Все слиняют, гады, одного меня здесь оставят! А какой я начальник станции без населения? Капитан без корабля! – он повысил голос, но дал петуха и замолчал.

– Аркаша, Аркаша, не надо так, все хорошо... – девушка испуганно присела рядом с ним, глядя его по голове, и Артем сквозь туман с сожалением понял, что начальнику она приходится вовсе не дочерью.

– Все, суки, бегут! Как крысы с корабля! Один останусь! Но не сдамся! – не утихал тот.

Артем через силу встал и нетвердо зашагал к выходу. Охранник у дверей вопросительно щелкнул себя пальцем по горлу, кивая на кабинет Аркадия Семеновича.

– Мертвецки, – еле выговорил Артем. – До завтра его лучше не трогать, – и, покачиваясь, побрел к своей палатке.

Дорогу ему пришлось поискать. Пару раз он пытался забраться в чужие жилища, и только грубая мужская брань и истошные женские визги помогали ему понять, что угадать нужную палатку опять не удалось. Самогон оказался коварнее, чем дешевая брага, и в полную силу начинал действовать только теперь. Арки и колонны плыли перед глазами, а в довершение всего его начинало мутить. В обычное время, может быть, кто-нибудь и помог бы Артему

добраться до гостевой палатки, но сейчас станция оказалась совершенно пуста. Даже посты у выходов из туннелей, наверное, были покинуты.

На всю станцию ночью оставались включенными три-четыре тусклые лампочки, и, за исключением световых пятен в тех местах, где они свисали с потолка, вся платформа была погружена во тьму. Ко-гда Артем останавливался и присматривался повнимательнее, ему начинало чудиться, что сумрак чем-то заполнен и тихо шевелится. Не поверив своим глазам, он с любопытством и храбростью пьяного побрел в сторону одного особенно подозрительного места: неподалеку от перехода на Филевскую линию, у одной из арок, движения сгустков темноты были не плавные, как в других углах, а резкие и словно осознанные.

– Эй! Кто там? – приблизившись на расстояние шагов пятнадцати, выкрикнул он.

Никто не ответил, но ему показалось, что из общего темного пятна медленно выделилась продолговатая тень. Она почти сливалась с мраком, однако в Артеме росла уверенность, что из темноты на него кто-то смотрит. Он покачнулся, но устоял и сделал еще шаг.

Тень резко уменьшилась в размерах, словно съежилась, и скользнула вперед. В нос ударил резкий тошнотворный запах, и Артем отшатнулся. Чем это пахло? Перед глазами встала картина, увиденная им в туннеле на подступах к Четвертому Рейху: наваленные друг на друга трупы со скрученными за спиной руками. Запах разложения?..

В тот же миг с дьявольской скоростью, словно вылетающая из арбалета стрела, тень метнулась к нему. На секунду перед глазами мелькнуло лицо, бледное, с глубоко запавшими глазами, покрытое странными пятнами.

– Мертвец! – прохрипел Артем.

Потом его голова раскололась на тысячи частей, потолок заплескал и перевернулся, и все угасло. Выныривая и погружаясь в ватную тишину, раздавались чьи-то голоса, вспыхивали и исчезали какие-то видения.

– ...мне мама не разрешит, она беспокоиться будет, – говорил неподалеку ребенок. – Сегодня точно нельзя, она весь вечер плакала. Нет, я не боюсь, ты не страшный и поешь красиво. Просто не хочу, чтобы мама опять плакала. Не обижайся! Ну, разве что ненадолго... До утра вернемся?

– ...время не ждет. Время не ждет, – повторял низкий мужской голос. – Времени в обрез. Они уже близко. Вставай, не лежи, вставай! Если потерять надежду, если дрогнуть, капитулировать, твое место быстро займут другие. Я продолжаю бороться. Ты тоже должен. Вставай! Ты не понимаешь...

– ...это еще кто? К начальнику? В гостевую? Ну, конечно, один понесу! Давай, тоже помогай... Хотя бы за ноги возьми. Тяжелый... Что там у него в карманах бренчит, интересно? Да ладно, шучу я. Все, донесли. Да не буду, не буду. Ухожу...

Полог палатки резко отодвинулся, в лицо ударил луч фонаря.

– Ты Артем? – лица вошедшего было не разглядеть, но голос звучал молодо.

Артем вскочил с лежанки, но голова тут же закружилась, и его затошнило. В затылке пульсировала тупая боль, каждое прикосновение к нему обжигало. Волосы там склеились, наверное, от засохшей крови. Что с ним произошло?

– Войти можно? – спросил пришедший и, не дожидаясь разрешения, шагнул в палатку, задернув за собой полог.

Он сунул Артему в руку крошечный металлический предмет. Включив наконец собственный фонарь, Артем рассмотрел его. Это была автоматная гильза, превращенная в заворачивающуюся капсулу – точно такая же, как та, что ему когда-то вручил Хантер. Не веря своим глазам, Артем попытался открыть крышку, но она скользнула во вспотевших от волнения ладонях. Наконец на свет выпал крошечный кусок бумаги. Неужели послание от Хантера?

«Непредвиденные осложнения. Выход в Д-6 заблокирован. Третьяк убит. Жди меня, никуда не уходи. Потребуется время на организацию. Постараюсь вернуться как можно скорее. Мельник».

Артем перечитал записку еще раз, силясь разобраться в ее содержании. Третьяк убит? Выход в Метро-2 заблокирован? Но ведь это означает, что все их планы и все их надежды рассыпаются в прах! Он непонимающе взглянул на посланника.

– Мельник приказал оставаться здесь и ждать его, – подтвердил тот. – Третьяк мертв. Убили. Мельник сказал, отравленной иглой. Кто это сделал, неизвестно. Он теперь мобилизацию будет проводить. Все, мне пора. Ответ будет?

Артем подумал, о чем он может написать сталкеру. Что делать? На что теперь надеяться? Можно ли бросить все и вернуться на ВДНХ, чтобы в последние минуты быть там с близкими людьми? Он помотал головой. Посланник молча развернулся и вышел наружу.

Артем опустил на лежанку и задумался. Идти ему сейчас было просто некуда. Без паспорта и без сопровождающего он не мог ни выйти на Кольцо, ни вернуться на Смоленскую. Оставалось надеяться, что Аркадий Семенович будет и в ближайшие дни так же гостеприимен, как вчера.

На Киевской стоял «день». Лампочек горело вдвое больше, а рядом со служебными помещениями, где размещалась квартира начальника станции, сияла еще и ртутная трубка лампы дневного света. Морщась от боли в голове, Артем добрал до кабинета начальника. Охранник жестом остановил его на входе. Изнутри доносился шум. Несколько мужчин разговаривали на повышенных тонах.

– Занят он, – объявил караульный. – Хочешь, жди.

Через несколько минут из помещения пулей вылетел Антон, командир дозора, в который Артем ходил накануне. За ним на порог выбежал и хозяин кабинета. Хотя его волосы снова были аккуратно расчесаны, под глазами набухли мешки, а лицо заметно опухло и покрылось серебристой щетиной. Артем потер щеки и подумал, что и сам после вчерашнего, наверное, выглядит немногим лучше.

– А я что могу сделать? Что?! – вдогонку Антону крикнул начальник, а потом, плюнув, хлопнул себя ладонью по лбу. – А... Про-снул? – заметив Артема, криво улыбнулся он.

– Мне тут у вас задержаться придется, пока Мельник не вернется, – оправдывающимся тоном сообщил Артем.

– Знаю, знаю. Доложили. Пойдем-ка внутрь, мне тут касательно тебя поручение дали, – Аркадий Семенович жестом пригласил его в комнату. – Вот, пока Мельника ждать будешь, сказано сфотографировать тебя, на паспорт. У меня тут техника осталась еще с того времени, как Киевская нормальной станцией была... Потом он, может, бланк паспортный достанет, сделаем тебе документ.

Усадив Артема на табурет, он навел на него объектив маленького пластмассового фотоаппарата. Блеснула вспышка, и следующие пять минут Артем провел в полной темноте, беспомощно озираясь по сторонам.

– Извини, забыл предупредить... Проголодаешься – заходи, Катя тебя покормит, но времени сегодня у меня на тебя не будет. Тут у нас обостряется... У Антона ночью сын старший пропал. Он теперь всю станцию на уши поставит... Что за жизнь? Да, мне тут сказали, тебя утром нашли посреди платформы? Голова в крови? Случилось что?

– Не помню... Спать упал, наверное, – не сразу отозвался Артем.

– Да... Неплохо мы вчера посидели, – ухмыльнулся начальник. – Ладно, Артем, пора мне дела делать. Заходи попозже.

Артем сполз с табурета. Перед глазами у него стояло лицо маленького Олега. Старший сын Антона... Неужели он? Он вспомнил, как накануне тот крутил ручку своей музыкальной шкатулки, приложив ее к железу трубы, а потом сказал, что только малыши боятся, что их

заберут мертвые, если ходить в туннели и слушать трубы. Артема захлестнул холодный ужас. Неужели это правда? Неужели это произошло из-за него? Он еще раз беспомощно оглянулся на Аркадия Семеновича, раскрыл было рот, но, так ничего и не сказав, вышел наружу.

Вернувшись в свою палатку, Артем уселся на пол и некоторое время просидел молча, глядя в пустоту. Сейчас ему начало казаться, что, избрав его для этой миссии, кто-то неведомый одновременно проклял его: почти все, решившиеся разделить с ним хотя бы часть пути, погибали. Перед ним вереницей пронеслись образы людей, которые нашли свою смерть, ступая с ним по одной дороге: Бурбон, Михаил Порфирьевич и его внук, Данила... Хан пропал бесследно, да и спасшие Артема бойцы революционной бригады могли быть убиты в следующем же перегоне. Теперь Третьяк. Но маленький Олег?.. Нес ли Артем своим спутникам смерть, сам того не зная?

Не понимая толком, что делает, он вскочил, закинул за спину рюкзак и автомат, взял фонарь и вышел на платформу. Ноги сами понесли его к тому месту, где ночью на него напали. Подойдя ближе, он замер. Сквозь мутную пленку пьяной памяти на него смотрели мертвые, запавшие в глазницы зрачки. Он все вспомнил. Это был не сон.

Найти Олега! Во что бы то ни стало помочь командиру дозора разыскать его сына. Это его вина, вина Артема, он не усмотрел за мальчишкой, согласился играть в его странные игры с трубами, и вот теперь он здесь, в целостности и сохранности, а мальчик исчез. И Артем был уверен, что он не убежал со станции сам. Этой ночью здесь произошло что-то нехорошее, необъяснимое, и Артем виноват дважды, потому что мог бы этому помешать, но не сумел.

Он осмотрел то место, где вчера в тени таился жуткий пришелец. Там была свалена куча мусора, но, разворошив ее, Артем только вспугнул бродячую кошку. Безрезультатно обследовав платформу, он подошел к путям и прыгнул на рельсы. Караульные на входе в туннель лениво оглядели его и предупредили, что в перегоны он может идти на собственный страх и риск и что никто там за него ответственности нести не будет.

На этот раз Артем пошел не по тому туннелю, где накануне дежурил с Мельником, а по второму, параллельному. Как и говорил командир дозорных, этот перегон тоже оказался завален приблизительно на таком же расстоянии до станции. В тупике размещался пост: железная бочка, служившая печью, и наваленные вокруг мешки. Рядом с ними на рельсах стояла ручная дрезина, груженная ведрами с углем. Сидевшие на мешках дозорные о чем-то шептались и при его приближении вскочили со своих мест, напряженно разглядывая Артема. Но потом один из них дал отбой, и остальные успокоились и расселись по-прежнему. Присмотревшись, Артем узнал в командире Антона и, поспешно пробормотав что-то неловкое, развернулся и зашагал назад. Лицо его горело; он не мог посмотреть в глаза человеку, который из-за него лишился сына. Артем брел понурившись, повторяя вполголоса: «Я тут ни при чем... Я не мог... Что я мог сделать?» Размазанное пятно света от его фонаря скакало в шаге перед ним.

Внезапно он заметил маленький предмет, сиротливо лежавший в тени между двумя шпалами. Даже издали тот показался ему знакомым, и сердце заколотилось чаще. Нагнувшись, Артем подобрал с земли маленькую коробочку с торчащей из нее изогнутой ручкой. Он повернул рукоятку, и коробочка отозвалась дребезжащей тоскливой мелодией. Музыкальная шкатулка Олега. Брошенная или случайно оброненная им здесь совсем недавно.

Артем скинул рюкзак на том месте, где нашел шкатулку, и с удвоенным вниманием принялся исследовать стены туннеля. Неподалеку находилась дверка, ведущая в служебные помещения, но за ней Артем обнаружил только разоренный общественный сортир. Еще двадцать минут осмотра туннелей тоже ни к чему не привели. Вернувшись к рюкзаку, парень опустился на землю и прислонился спиной к стене, откинув голову назад и обессиленно уставившись в потолок. Спустя секунду он уже снова был на ногах, а луч фонаря, дрожа, обводил черную щель, едва заметную в потемневшем бетоне перекрытий. Щель неплотно прикрытого люка — именно над тем местом, где Артем подобрал с земли музыкальную шкатулку Олега. Однако о

том, чтобы достать до люка, нечего было и думать: потолок находился на высоте трех с лишним метров.

Решение пришло почти мгновенно. Зажав в руке найденную коробочку и бросив на рельсах свой рюкзак, Артем кинулся обратно к дозорным. Он больше не боялся посмотреть в глаза Антону.

Чуть сбавив шаг на подходах к посту, чтобы дозорные не уложили его с перепугу, Артем приблизился к Антону и шепотом рассказал ему о своей находке. Через две минуты они под вопросительными взглядами остальных уже отъезжали от поста, поочередно работая рукоятками дрезины.

Лаз был довольно узкий, и в полный рост там было не выпрямиться. Он проходил параллельно туннелю в полутора метрах над потолком, и зачем его построили, Артем даже не мог себе представить. Для вытяжки? Для передвижения в аварийных ситуациях? Для крыс? Или его копали уже после того, как туннель был обрушен взрывом?

Дрезину остановили прямо под люком. Ее высоты как раз хватило, чтобы Артем, забравшись на плечи Антону, отодвинул крышку, пролез внутрь, а потом помог подтянуться напарнику.

Хотя тесный коридор уходил в обе стороны, Антон решительно двинулся в сторону Парка Победы. Через несколько секунд стало ясно, что он не ошибся: на полу в свете фонаря тускло блеснула продолговатая гильза – одна из тех, что Мельник подарил мальчишке накануне. Воодушевленный находкой, Антон перешел на рысь.

Они прошли еще метров двадцать, до того места, где лаз упирался в стену, а в полу чернел проем еще одного люка, тоже приоткрытого. Антон уверенно начал спускаться вниз. Еще до того, как Артем успел что-нибудь возразить, тот уже исчез. Из проема раздался грохот, чертыхания, а потом сдавленный голос сообщил:

– Осторожнее прыгай – здесь метра три высота. Погоди, я тебе фонарем посвечу.

Зацепившись руками за край, Артем повис и, качнувшись пару раз, разжал пальцы, стараясь попасть обеими ногами между шпал.

– Как мы обратно выбираться будем? – спросил он, выпрямляясь и отряхивая ладони.

– Придумаем как, – отмахнулся Антон. – Ты, главное, уверен, что тебе про мертвеца не показалось?

Артем пожал плечами. Несмотря на саднящий затылок, сама мысль, что прошлой ночью на Киевской на него напала какая-то нежить, на трезвую голову казалась абсурдной.

– До Парка Победы пойдем, – решил Антон. – Если тут и творится чертовщина, угроза может идти только оттуда. Ты и сам это чувствовать должен, ты же был у нас на станции.

– А почему вы вчера ничего нам не сказали? – спросил Артем, догоняя дозорного и стараясь идти с ним в ногу.

– Начальство не велело, – хмуро отозвался тот. – Семенович очень боится паники, сказал, слухи не распространять. За место свое дрожит. Но всему есть предел. Я уже давно ему говорил, что вечно он секрета из этого делать не сможет... Трое детей за последние два месяца пропали, четыре семьи сбежали со станции. Караульный наш с иглой этой в шее. Нет, говорит, паника начнется, контроль потеряем. Трус он... – Антон в сердцах сплюнул.

– А кто так иглой его?... – Артем осекся на полуслове и остановился, застыл и Антон.

– Это еще что такое? Ты когда-нибудь такое видел? – озадаченно спросил дозорный.

Артем ничего не ответил. Он так и стоял, уставившись в пол и только поводя фонарем из стороны в сторону, чтобы лучше рассмотреть то, на что указывал дозорный.

На полу красовался гигантский рисунок, грубо сделанный белой краской поверх рельсов, шпал и грунта: извилистая линия, напоминающая ползущую змею или червяка, сантиметров сорок толщиной и метра два в длину. С одной стороны на ней виднелось утолщение, напоминавшее голову и придававшее ей еще большее сходство с огромным пресмыкающимся.

- Змея, – предположил Артем.
- Может, просто краску пролили? – попробовал шутить Антон.
- Нет, не просто. Голова вот... В ту сторону глядит. К Парку Победы ползет...
- Значит, нам с ней по пути...

Еще через несколько сотен метров их предположения подтвердились. Направление было правильным, их уверили в этом сразу три гильзы, брошенные посередине пути. Оба зашагали бодрее.

- Молодец парень! – с гордостью сказал Антон. – Надо же так придумать следы оставлять!

Артем кивнул. Гораздо больше его занимало то, как неизвестному существу удалось без шума забрать с собой еще живого, по всей видимости, мальчика. Было ли услышанное им в забытии реальностью? Согласился ли Олег пойти со своим загадочным похитителем добровольно? Почему и для кого тогда он помечал свой путь?

Артем притих на несколько минут, замолчал и Антон. Сейчас, когда они просто шагали вперед, отсчитывая шпалы, а едкая темнота постепенно растворяла недавнюю радость и надежду, ему снова понемногу становилось страшно. Надеясь искупить свою вину перед мальчиком и его отцом, он позабыл про все предостережения и жуткие, пересказанные шепотом байки. Забыл и про приказ сталкера никуда не уходить с Киевской, а обязательно дожидаться его на станции. И если Антон рвался вперед, чтобы разыскать и вернуть сына, то зачем на зловещий Парк Победы шел Артем? Ради чего он пренебрегал собой и своей главной задачей? Он на секунду вспомнил странных людей с Полянки, которые говорили ему про судьбу. Отчего-то на душе полегчало. Правда, боевого настроения хватило минут на десять. Как раз до следующего знака, изображавшего змею.

Этот рисунок был вдвое больше прежнего, и это должно было убедить путников в том, что они идут в верном направлении. Однако Артем совсем не был уверен, что он этому рад.

Туннель казался бесконечным. Они все шагали и шагали, и времени, по расчетам Артема, прошло уже не меньше двух часов. Хотя могло и почудиться – Антон все больше молчал, а в темноте и тишине, как известно, минуты растягиваются по крайней мере вдвое.

На третью нарисованную гигантскую змею, которая в длину была уже более десяти метров, пришелся и звуковой рубеж: на этом месте Антон замер на месте, повернув ухо к туннелю, а вслед за ним прислушался и Артем. Из глубины перегонов толчками текли странные звуки; сперва он не мог распознать их, но потом понял: сопровождаемое глухими ударами барабанов песнопение, схожее с тем, которым отзывались на музыку из шкатулки трубы на Киевской.

- Недалеко уже, – кивнул Антон.

Время, и без того сочившееся неспешно, вдруг превратилось в желе и чуть совсем не остановилось: глядя на напарника, Артем с поразительной ясностью отдавал себе отчет в том, что кивает тот слишком резко, будто конвульсивно дергает головой, а после удивился, что подбородок Антона так и не вернулся в нормальное положение. И когда Антон начал мягко заваливаться вбок, до смешного напоминая набитое тряпьем чучело, Артем подумал, что может подхватить его, потому что времени на это предостаточно. Сделать это помешал легкий укол в плечо. Озадаченно посмотрев на саднящее место, Артем обнаружил впившуюся в куртку оперенную стальную иглу. Вытащить ее, как он собирался было сделать, у него не вышло: все тело окаменело, а потом вдруг словно исчезло. Ватные ноги подогнулись под тяжестью туловища, и Артем оказался на земле. Сознание при этом оставалось почти незамутненным, слух и зрение игла тоже пощадила, дышать стало хоть и сложнее, но много воздуха теперь ему уже и не было нужно. Однако пошевелить конечностями Артем не мог.

Рядом послышались шаги, стремительные и невесомые. Приблизившееся существо не могло быть человеком. Человеческие шаги Артем научился отличать давным-давно, в дозорах на ВДНХ: парные, тяжелые, зачастую громыхающие грубой подошвой кирзовых сапог – самой распространенной обуви в метро.

Видно по-прежнему было только часть шпалы и уходящий в обратном направлении, к Киевской, рельс. В нос ударил резкий, неприятный запах.

– Один, два. Чужие, лежат, – сказал кто-то сверху.

– Метко стреляю, далеко. Шея, плечо, – откликнулся другой.

Голоса были странные: лишенные интонаций, блеклые, они напоминали скорее монотонное гудение ветра в туннелях. Однако это были именно человеческие голоса и ничто другое.

– Есть, метко. Так хочет Великий Червь, – продолжил первый голос.

– Есть. Один – ты, два – я, несем чужих домой, – добавил второй.

Картинка перед глазами у Артема дернулась: его резко оторвали от земли. На какой-то момент перед глазами у него мелькнуло лицо: узкое, с темными провалами глазниц. Потом оба валявшихся на полу фонаря – его и Антона – погасли, наступила крошечная темнота. И только по приливам крови к голове Артем понял, что его грубо, как мешок, куда-то тащат.

Станный разговор тем временем продолжался, хотя фразы и перемежались теперь напряженным кряхтением.

– Игла-паралиш, а не игла-яд. Почему?

– Командир так приказывает. Жрец так приказывает. Великий Червь так хочет. Мясо хорошо хранить.

– Ты умный. Ты и жрец – други. Жрец учит.

– Есть.

– Один, два, враги приходят. Пахнет порох, огонь. Плохой враг. Как приходит?

– Не знаю. Командир и Вартан делают допрос. Я и ты ловим. Хорошо, Великий Червь радуется. Я и ты берем награду.

– Много есть? Ботинки? Куртка?

– Много есть. Куртка – нет. Ботинки – нет.

– Я – молодой. Враги ловлю. Хорошо. Много есть. На-гра-да... Радуюсь.

– Этот день – хорошо. Вартан приводит новый маленький. Я, ты – ловим враги. Великий Червь радуется, люди поют. Праздник.

– Праздник! Радуюсь. Танцы? Водка? Я танцую Наташа.

– Наташа и командир, танцуют. Ты – нет.

– Я – молодой, сильный, командир – много лет. Наташа – молодая. Я ловлю враги, храбрый, хорошо. Наташа и я, танцуют.

Вблизи послышались новые голоса, и спор оборвался. Артем догадался, что их принесли на станцию. Здесь было почти так же темно, как и в туннелях, на всю станцию горел только один маленький костерок, у которого их небрежно бросили на пол. Чьи-то стальные пальцы схватили его за подбородок и перевернули лицом вверх.

Вокруг стояли несколько людей невообразимо странного вида. Они были почти догола раздеты, а головы их были обриты наголо, но при этом, казалось, совсем не мерзли. На лбу у каждого виднелась волнистая линия, похожая на рисунки в перегоне. При небольшом росте выглядели они нездорово: впалые щеки, землистая кожа, но при этом излучали какую-то сверхчеловеческую силу. Артем вспомнил, с каким трудом Мельник нес раненого Десятого из Библиотеки, и сравнил это с тем, как быстро эти странные создания доставили их на станцию.

В руках почти у каждого из них была длинная узкая трубка. Приглядевшись, Артем с удивлением узнал в них пластмассовые оболочки, использовавшиеся для прокладки и изоляции пучков электрических проводов. На поясах висели огромные стальные штык-ножи, вроде бы от автоматов Калашникова старого образца. Все эти странные люди были приблизительно одинакового возраста, старше тридцати лет здесь не было никого.

Какое-то время их разглядывали молча, потом один из мужчин – с линией красного цвета и единственный носивший бороду – заключил:

– Хорошо. Радуюсь. Это враги Великого Червя, люди машин. Злые люди, нежное мясо. Великий Червь доволен. Шарап, Вован – храбрые. Я беру люди машин в тюрьму, провожу допрос. Завтра праздник, все добрые люди едят врагов. Вован! Какая игла? Паралиш? – уточнил он, видимо, обращаясь к одному из тех, кто схватил Артема с Антоном.

– Есть, паралиш, – подтвердил коренастый мужчина с синей линией на лбу.

– Паралиш – хорошо. Мясо не портится, – одобрил бородатый. – Вован, Шарап! Бери врагов, иди со мной в тюрьму.

Перед глазами снова замельтешило, и свет стал удаляться. Рядом звучали новые голоса, кто-то нечленораздельно выражал свой восторг, кто-то жалобно выл, потом раздалось пение, низкое, на грани слышимости, и недоброе. Казалось, действительно поют мертвецы, и Артем вспомнил о байках, которые ходили вокруг Парка Победы. Потом его снова положили на землю, рядом швырнули Антона, и вскоре он впал в забытие.

...Что-то словно толкнуло его, подсказало, что надо скорее вставать. Потянувшись, он зажег фонарик, прикрывая его рукой, чтобы не так резало чувствительные спросонья глаза, осмотрел палатку (где автомат?!) и вышел на станцию. Он так соскучился по дому, но теперь, когда снова оказался на ВДНХ, совсем не был рад этому.

Закопченный потолок, покрытые пулевыми отверстиями и опустевшие палатки, тяжелая гарь в воздухе... Здесь, кажется, случилось что-то ужасное, и станция разительно отличалась от того, какой он ее помнил. Издалека, наверное, из перехода в другом конце платформы, слышались чьи-то дикие вопли, будто там кого-то резали.

Две аварийные лампы скудно освещали станцию, их слабые лучи с трудом пробивались сквозь ленивые клочья дыма. На всей платформе никого не было, только рядом с одной из соседних палаток играла на полу маленькая девочка. Артем хотел было узнать у нее, что здесь случилось и куда пропали остальные, но, увидев его, девочка начала громко плакать, и он отказался от своих намерений.

Туннели. Туннели от ВДНХ к Ботаническому Саду. Если обитатели его станции и ушли куда-то, то это могли быть только перегоны, ведущие к этому проклятому месту. Если бы остальные бежали в центр, к Ганзе, его и малышку не оставили бы здесь одних.

Спрыгнув на пути, Артем двинулся к черному кругу входа. «Оружия нет, без оружия опасно», – подумал он. Но терять нечего, а кроме того, он должен разведать обстановку. Вдруг черные сумели прорвать оборону? Тогда вся надежда только на него. Он должен узнать правду и сообщить ее южным союзникам.

Темнота обрушилась на него сразу за входом – стоило переступить черту, за которой заканчивалась станция, и начинался туннель. Вместе с тьмой пришел и страх. Впереди не было видно ровным счетом ничего, зато оттуда доносились отвратительные чавкающие звуки. Артем еще раз пожалел, что у него нет автомата, но отступать было поздно.

Издалека, а потом все ближе и ближе зазвучали шаги. Они словно надвигались, когда Артем шел вперед, и замирали, когда он останавливался. Когда-то с ним уже происходило подобное, но вот когда именно и как это было, он не мог вспомнить. Это было очень страшно – идти навстречу невидимому и неведомому... противнику? Предательски дрожащие колени мешали ему делать это быстро, а время было на стороне ужаса. По вискам струился холодный пот. С каждой секундой ему становилось все больше не по себе.

Наконец, когда шаги раздались уже метрах в трех от него, Артем не выдержал и, спотыкаясь, падая и поднимаясь опять, бросился обратно на станцию. На третьем падении ослабевшие вконец ноги отказались держать его, и он понял, что смерть неминуема.

– ...Все на этом свете есть порождение Великого Червя. Когда-то весь мир состоял из камня, и не было в нем ничего, кроме камня. Не было воздуха и не было воды, не было света и не было огня. Не было человека и не было зверя. Был только мертвый камень. И тогда в нем поселился Великий Червь.

– А откуда Великий Червь? Откуда приходит? Кто его родит?

– Великий Червь был всегда. Не перебивай. Он поселился в самом центре мира и сказал: этот мир будет моим. Он сделан из твердого камня, но я прогрызу в нем свои ходы. Он холоден, но я согрею его теплом своего тела. Он темен, но я освещу его светом своих глаз. Он мертв, но я населю его своими созданиями.

– Кто – создания? Что?

– Создания – это твари, которых Великий Червь выпустил из чрева своего. И ты, и я – все мы создания его. Так вот. И тогда сказал Великий Червь: все будет так, как я сказал, потому что этот мир отныне мой. И стал он грызть ходы через твердый камень, и размягчился камень в его утробе, слюна и сок смочили его, и камень стал живым, и стал родить грибы. И грыз Великий Червь камень, и пропускал его сквозь себя, и делал так тысячи лет, пока его ходы не прошли сквозь всю землю.

– Тысяча – что? Один, два, три? Сколько? Тысяча?

– У тебя десять пальцев на руках. И у Шарапа десять пальцев... Нет, у Шарапа двенадцать... Не годится. Скажем, у Грома десять пальцев. Если взять тебя, Грома и еще людей, чтобы всех вместе было столько, сколько у тебя пальцев, то у всех у них будет десять раз по десять. Это сто. А тысяча – это когда десять раз по сто.

– Много пальцев. Не могу считать.

– Неважно. Так вот. Когда в земле появились ходы Великого Червя, первая работа его была окончена. И тогда сказал он: вот, прогрыз я в твердом камне тысячи тысяч ходов, и рассыпался камень в крошку. И прошла крошка сквозь мою утробу, и пропиталась соком моей жизни, и сама стала живой. И раньше занимал камень все пространство в мире, а теперь появилось место пустое. Теперь есть место для моих детей, которых рожу. И вышли из его чрева первые создания его, имени которых сейчас не помнят. И были они большие и сильные, напоминая самого Великого Червя. И полюбил их Великий Червь. Но нечего им было пить, ибо в мире не было воды, и издохли они от жажды. И тогда Великий Червь опечалился. До тех пор неведома ему была печаль, ибо некого было любить ему, и одиночество ему не было известно. Но, создав новую жизнь, полюбил он ее, и трудно было расстаться с ней. И тогда Великий Червь стал плакать, и слезы его заполнили мир. Так появилась вода. И сказал он: вот, теперь есть и место, чтобы жить в нем, и вода, чтобы пить ее. И земля, напитанная соком моей утробы, живая, и родит грибы. Создам теперь тварей, порожу детей своих. Они будут жить в ходах, которые я прогрыз, и пить слезы мои, и есть грибы, выросшие на соке моей утробы. И побоялся он родить снова огромных созданий, себе подобных, ведь им могло не хватить места, и воды, и грибов. Сначала создал он блох, потом крыс, потом кошек, потом куриц, потом собак, потом свиней, потом человека. Но не случилось по замыслу его: стали блохи пить кровь, а кошки есть крыс, и собаки душить кошек, и человек убивать их всех и есть. И когда впервые человек убил и съел другого человека, понял Великий Червь, что дети его оказались недостойны его, и заплакал. И каждый раз, когда человек ест человека, Великий Червь плачет, и его слезы текут по ходам и затапливают их.

– Человек хороший. Мясо вкусное. Сладкое. Но есть можно только врагов. Я знаю.

Артем сжал и разжал пальцы на руках. Кисти были стянуты за спиной куском проволоки и сильно затекли, но, по крайней мере, они снова слушались. Даже то, что все тело болело, было сейчас хорошим знаком. Паралич от ядовитой иглы оказался временным. В голове крутилась дурацкая мысль о том, что он, в отличие от неизвестного рассказчика, понятия не имел, откуда в метро взялись куры. Не иначе, с какого-нибудь рынка торговцы успели притащить. Свиней из одного из павильонов ВДНХ привели, это он знал, а куры...

Он попытался оглядеться по сторонам, но вокруг стоял абсолютный, чернильный мрак. Однако неподалеку кто-то был. Вот уже полчаса, как Артем пришел в себя и, затаив дыхание,

подслушивал странный разговор. У него постепенно начинало рождаться понимание того, куда он попал.

– Он шевелится, я слышу, – раздался хриплый голос, – я зову командира. Командир делает допрос.

Что-то прошуршало и стихло. Артем попробовал пошевелить ногами. Они тоже оказались скручены проволокой. Он попытался перекатиться на другой бок и уткнулся во что-то мягкое. Послышался протяжный, полный боли стон.

– Антон! Это ты? – прошептал Артем.

Ответа не последовало.

– Ага... Противники Великого Червя очнулись... – насмешливо отметил кто-то в темноте. – Лучше бы уж вы в себя не приходили.

Это был тот самый надтреснутый мудрый голос, который последние полчаса неторопливо вел повествование о Великом Черве и сотворении жизни. Сразу становилось ясно, что его обладатель отличается от остальных жителей станции: вместо примитивных рубленых фраз он говорил обычными, разве чуть напыщенными предложениями, да и тембр голоса у него был вполне человеческий, не то что у других.

– Кто вы? Отпустите нас! – с трудом ворочая языком, прохрипел Артем.

– Да-да. Именно так все и говорят. Нет, к сожалению, куда бы вы ни направлялись, ваше странствие окончено. Запытают и зажарят. А что поделаешь? Дикари... – равнодушно ответил голос из темноты.

– Вы... тоже в плену? – догадался Артем.

– Мы все в плену. Как раз вас сегодня освобождают, – хихикнул его невидимый собеседник.

Антон снова застонал, завозился на полу, промычал что-то невнятное, но в сознание так и не пришел.

– Да что это мы с вами в темноте сидим? Прямо как пещерные люди!

Чиркнула зажигалка и огненное пятно осветило лицо говорящего: длинную седую бороду, грязные, спутавшиеся волосы и серые насмешливые глаза, теряющиеся в сети морщин. На вид ему было не меньше шестидесяти лет. Он сидел на стуле по другую сторону железной решетки, разбивавшей комнату надвое. На ВДНХ тоже была такая, называлась она странно – «обезьянник», хотя обезьян Артем видел только в учебниках по биологии и детских книжках. На самом деле помещение использовалось как тюрьма.

– Никак не могу к чертовой темени привыкнуть, приходится этой дрянью пользоваться, – посетовал старик, прикрывая глаза. – Ну, и зачем вы сюда полезли? С той стороны места, что ли, не хватает?..

– Послушайте, – не дал договорить ему Артем. – Вы же свободны... Вы же можете нас выпустить! Пока не вернулись эти людоеды! Вы же нормальный человек...

– Разумеется, могу, – отозвался тот, – и, уж конечно, не стану. С врагами Великого Червя у нас никаких сделок.

– Какой еще Великий Червь? Да о чем вы говорите?! Я про него даже не слышал никогда, не то что быть его врагом...

– Неважно, слышали вы про него или нет. Вы пришли с той стороны, оттуда, где живут его враги, значит, вы можете быть только лазутчиками, – насмешливое дребезжание в голосе старика сменилось стальным лязгом. – У вас огнестрельное оружие и фонари! Чертовы механические игрушки! Машины для убийства! Какое еще доказательство нужно, чтобы понять, что вы – неверные, что вы – враги жизни, враги Великого Червя? – он вскочил со своего стула и подошел к решетке. – Это вы и такие, как вы, виноваты во всем!

Старик потушил перегревшуюся зажигалку, и в наступившей темноте стало слышно, как он дует на обожженные пальцы. Затем зазвучали новые голоса, шипящие и леденящие кровь. Артему стало страшно. Он вспомнил о Третьяке, убитом отравленной иглой.

– Пожалуйста! – горячо зашептал он. – Пока еще не поздно! Ну зачем вам это?

Старик ничего не отвечал. Через минуту помещение наполнилась звуками: шлепками необутых ног по бетону, хриплым дыханием, свистом втягиваемого сквозь ноздри воздуха. Хотя Артем и не видел никого из вошедших, он чувствовал, что их здесь несколько, и все они внимательно изучают его, разглядывая, обнюхивая, слушая, как громко, на всю комнату, колотится сердце у Артема в груди.

– Люди огня. Пахнет порохом, пахнет страхом. Один – запах станции с той стороны. Другой – чужой. Один, другой – враги, – прошипел наконец кто-то.

– Пусть Вартан делает, – распорядился другой голос.

– Зажги огонь, – потребовал кто-то.

Снова чиркнула зажигалка.

В комнате, кроме старика, в руке которого трепыхался огонек, стояли трое обритых дикарей, прикрывавших ладонями глаза. Одного из них, коренастого и бородатого, Артем уже видел сегодня. Другой тоже показался ему странно знакомым. Глядя Артему прямо в глаза, он сделал шаг вперед и оказался у решетки. От него пахло не так, как от остальных: Артем уловил исходящий от этого человека еле заметный смрад разлагающейся плоти. Отвести взгляда от его глаз не получалось – как две воронки, они закручивали весь мир вокруг себя и затягивали внутрь. Артем вздрогнул: он понял, где видел это лицо раньше. Это было то самое создание, которое напало на него ночью на Киевской.

Артема охватило странное чувство, похожее на паралич, которым сковало его тело от укола ядовитой иглы, только на сей раз полностью обессиленным оказался его разум. Мысли остановились, и юноша застыл, покорно раскрыв свое сознание этому лишь напоминающему человека существу, которое молча пожирало его глазами.

– Через люк... Люк открытым остался... За мальчиком пришли. За сыном Антона. Которого украли ночью. Я во всем виноват, я ему вашу музыку слушать разрешил, через трубы... По дрезине влез. Больше никому не сказали. Вдвоем пришли. Не закрыли... – послушно отвечал Артем на вопросы, которые возникали у него в голове.

Сопротивляться или утаивать что-либо от беззвучного голоса, требовавшего от него отчета, было невозможно. За минуту допрашивавший Артема узнал все, что его интересовало. Он кивнул и отступил. Огонь погас. Медленно, словно чувствительность к затекшей во сне руке, к Артему начало возвращаться ощущение контроля над собой.

– Вован, Кулак – вернуться в туннель, в проход. Закрыть дверь, – приказал один из голосов, наверное, принадлежавший бородатому командиру. – Враги остаются здесь. Дрон охраняет врагов. Завтра праздник, люди едят врагов, почитают Великого Червя.

– Что вы сделали с Олегом? Что сделали с ребенком? – захрипел Артем им вслед.

Гулко хлопнула дверь.

Глава 17. Дети червя

Несколько минут прошли в полной тишине, и Артем, решивший, что их оставили одних, снова задергался, пытаясь хотя бы сесть. Слишком сильно скрученные ноги и руки затекли и болели. Артем вспомнил слова отчима, который объяснял ему однажды, что если оставить даже повязку или жгут слишком надолго, ткани могут начать отмирать. «Хотя, – подумалось ему, – какая теперь разница?»

– Враг, лежи тихо! – раздался вдруг голос. – Дрон плюет игла-паралиш!

– Не надо, – Артем послушно замер, – не надо стрелять.

У него мелькнула надежда: что, если, разговорившись со своим тюремщиком, он сможет убедить его помочь им выбраться отсюда? Но о чем можно разговаривать с дикарем, который вряд ли поймет и половину его слов?

– А кто это – Великий Червь? – спросил он первое, что ему пришло в голову.

– Великий Червь делает землю. Делает мир, делает человека. Великий Червь – все. Великий Червь – жизнь. Враги Великого Червя, люди машин – смерть.

– Я никогда о нем не слышал, – тщательно подбирая слова, произнес Артем. – Где он живет?

– Великий Червь здесь живет. Рядом. Вокруг. Все ходы Великий Червь копает. Человек потом говорит – это он делает. Нет. Великий Червь. Дает жизнь, забирает жизнь. Копает новые ходы, люди в них живут. Добрые люди почитают Великого Червя. Враги Великого Червя хотят убивать. Жрецы так говорят.

– Кто такие жрецы?

– Старые люди, с волосами на голове. Только они могут. Они знают, слушают желания Великого Червя, говорят людям. Добрые люди делают так. Плохие люди не слушают. Плохие люди враги, добрые их едят.

Вспомнив подслушанный разговор, Артем начал постепенно соображать, что к чему. Одним из таких жрецов был, верно, и рассказывавший легенду о Черве старик.

– Жрец говорит: нельзя есть людей. Говорит, Великий Червь плачет, когда один человек ест другого, – стараясь выражать свои мысли так же, как и дикарь, напомнил ему Артем. – Есть людей – против воли Великого Червя. Если мы здесь останемся, нас съедят. Великий Червь будет опечален, будет плакать... – осторожно добавил он.

– Великий Червь, конечно, будет плакать, – послышался из темноты насмешливый голос. – Но эмоции эмоциями, а белковую пищу в рационе ничем не заменишь.

Говорил тот самый старик, Артем сразу узнал его тембр и интонации. Он только не мог понять, находился ли тот в комнате все время или незаметно прокрался в нее только что. Как бы то ни было, надежды выбраться из клетки не осталось.

Потом Артему в голову пришла еще одна мысль, от которой его начало знобить. «Какое счастье, что Антон до сих пор не очнулся и не слышит этого», – подумал он.

– А ребенка? Детей, которых вы воруете? Вы их тоже едите? Мальчика? Олега? – глядя в темноту широко раскрытыми от ужаса глазами, почти беззвучно спросил он.

– Маленьких не едим, – отозвался дикарь, хотя Артем думал, что ответит старик. – Маленькие не могут быть злые. Не могут быть враги. Маленьких мы забираем, чтобы объяснить, как жить. Говорим про Великого Червя. Учим почитать.

– Молодец, Дрон, – похвалил жрец. – Любимый ученик, – пояснил он.

– Что случилось с мальчиком, которого украли прошлой ночью? Где он? Это ваше чудовище его утатило, я знаю, – сказал Артем.

– Чудовище? И кто же этих чудовищ наплодил?! – взорвался старик. – Кто наплодил этих немых, трехглазых, безруких, шестипалых, умирающих при рождении и неспособных размно-

жаться? Кто лишил их человеческого обличья, пообещав им рай, и бросил подыхать в слепой кишке этого проклятого города? Кто в этом виноват и кто после этого настоящий монстр?

Артем молчал. Старик тоже ничего больше не говорил и только тяжело дышал, стараясь успокоиться. И в этот момент Антон наконец очнулся.

– Где он? – просипел он. – Где мой сын? Где мой сын?! Отдайте мне сына!

Он перешел на крик и, пытаясь освободиться, принялся кататься по полу, ударяясь то о прутья решетки, то о стену.

– Буйный, – прежним насмешливым тоном отметил старик. – Дрон, успокой его.

Послышался странный звук – как будто кто-то кашлянул или сильно выдохнул. Что-то коротко свистнуло в воздухе, и через несколько секунд Антон снова затих.

– Очень поучительно, – сказал жрец. – Пойду, приведу мальчика, пусть посмотрит на папу, попрощается. Хороший, кстати, мальчуган, папа может им гордиться – так славно сопротивляется гипнозу... – Он зашаркал по полу, удаляясь, скрипнула открывающаяся дверь.

– Не надо бояться, – неожиданно мягко сказал тюремщик. – Добрые люди не убивают, не едят детей врагов. Маленькие не грешат. Можно научить жить хорошо. Великий Червь прощает маленьких врагов.

– Боже мой, да какой Великий Червь? Это же полный абсурд! Хуже сектантов и сатанистов! Как вы в него верите? Его кто-нибудь видел когда-нибудь, вашего Червя? Ты его видел, что ли? – свою последнюю тираду Артем постарался произнести с сарказмом, но, лежа на полу со связанными руками и ногами, сделать это убедительно оказалось нелегко.

Как и в тот раз, когда он ждал казни в плену у фашистов, им стало овладевать равнодушие к собственной судьбе. Он положил голову на холодный пол и закрыл глаза, не рассчитывая на ответ.

– На Великого Червя нельзя смотреть. Запрет! – отрезал дикарь.

– Да не может такого быть, – нехотя отозвался Артем. – Нет никакого Червя... А туннели люди делали. Они все на картах обозначены... Там один даже круглый, где Ганза, такое только люди могут построить. Да ты, наверное, даже и не знаешь, что такое карта...

– Я знаю, – спокойно сказал Дрон. – Я учусь у жреца, он показывает. На карте много ходов нет. Великий Червь делал новые ходы, а на карте нет. Даже тут, у нас дома, есть новые ходы – священные, а на карте нет. Люди машин делают карты, думают, ходы копают они. Глупые, гордые. Ничего не знают. За это Великий Червь их наказывает.

– За что наказывает? – не понял Артем.

– За гор... гор-ды-ну, – тщательно выговорил дикарь.

– За гордыню, – подтвердил голос жреца. – Великий Червь сотворил человека последним, и был человек самым любимым детищем его. Ибо другим не дал разума, а человеку дал. Знал он, что разум – опасная игрушка, и потому наказал: живи в мире с собой, в мире с землей, в мире с жизнью и всеми тварями, и почитай меня. После этого ушел Великий Червь в самые недра Земли, но перед этим сказал: настанет день, и вернусь. Делай так, как если бы я был рядом. И люди послушались своего создателя и жили в мире с землей, которую он сотворил, и в мире друг с другом, и в мире с другими тварями, и почитали Великого Червя. И у них родились дети, и у их детей родились дети, и от отца к сыну, от матери к дочери передавали они слова Великого Червя. Но умерли те, кто своими ушами слушал наказ его, и умерли их дети, и сменилось много поколений, а Великий Червь все не возвращался. И тогда один за другим перестали люди соблюдать его заветы и делать, как он хотел. И появились те, кто сказал: Великого Червя не было никогда и нет сейчас. И другие ждали, что Великий Червь вернется и покарает их. Спалит их светом своих глаз, пожрет их тела и обвалит ходы, где они живут. Но Великий Червь не возвращался и только плакал о людях. И слезы его поднимались из глубины и подтапливали нижние ходы. Но те, кто отказался от своего создателя, сказали: нас никто не сотворил, мы были всегда. Прекрасен и могуч человек, не может он быть сотворен земляным

червем! И сказали: вся земля наша, и была наша, и будет, и ходы в ней сделал не Великий Червь, а мы и предки наши. И зажгли огонь, и стали убивать созданий, которых создал Великий Червь, говоря: вот, вся жизнь, что вокруг, наша, и все здесь только, чтобы утолить наш голод. И создали машины, чтобы убивать быстрее, чтобы сеять смерть, чтобы рушить жизнь, созданную Великим Червем, и подчинить его мир себе. Но и тогда не поднялся он из дремучих глубин, куда ушел. И засмеялись они, и стали дальше делать против того, что говорил он. И решили, чтобы унижить его, построить такие машины, которые повторяли бы обличие его. И создали они такие машины, и зашли в их нутро, и смеялись: вот, сказали, теперь можем сами управлять Великим Червем, и не одним, а десятками. И бьет свет из их очей, и гремит гром, когда ползут, и люди выходят из чрева их. Создали мы Червя, а не Червь нас. Но и этого не хватило им. Росла ненависть в сердце их. Решили они сделать так, чтобы разрушить саму землю, где жили. И создали тысячи машин разных: исторгающих пламя, и плюющих железом, и рвущих землю на части. И стали уничтожать землю и все живое, что было в ней. И тогда не выдержал Великий Червь и проклял их: отнял у них самый ценный дар свой – разум. Овладело ими безумие, обратили они свои машины друг против друга и стали убивать один другого. И уже не помнили, зачем делают то, что делают, но не могли остановиться. Так покарал Великий Червь человека за гордыню.

– Но не всех? – спросил детский голос.

– Нет. Были те, кто всегда помнил о Великом Черве и почитал его. Отреклись они от машин и света и жили в мире с землей. Они спаслись, и Великий Червь не забыл верности их, и сохранил разум их, и обещал отдать им весь мир, когда враги его падут. И будет так.

– И будет так, – хором повторили дикарь и ребенок.

– Олег? – услышав в детском голоске что-то знакомое, позвал Артем.

Ребенок ничего не ответил.

– И по сей день враги Великого Червя живут в прорытых им ходах, потому что больше нигде им укрыться, но продолжают боготворить не его, а свои машины. Терпение Великого Червя огромно, и хватило его на долгие века человеческих бесчинств. Но и оно не бесконечно. Предсказано, что, когда нанесет он последний удар по темному сердцу страны врагов, их воля будет сломлена, а мир достанется добрым людям. Предсказано, что пробьет час, и призовет Великий Червь на помощь реки, и землю, и воздух. И просядет толща земная, и ринутся потоки бурлящие, и будет темное сердце врага низвергнуто в небытие. И тогда наконец восторжествует праведный, и будет счастье доброму, и жизнь без болезней, и грибов досыта, и всякого скота в изобилии.

Загорелся огонек. Артему кое-как удалось опереться спиной о стену, и теперь ему не надо больше было мучительно выгибаться, чтобы удерживать в поле зрения людей по ту сторону решетки.

На полу посреди комнаты, спиной к нему, сидел по-турецки маленький мальчик. Над ним возвышалась иссохшая фигура жреца, освещенная пламенем зажатой в руке зажигалки. Дикарь с духовой трубкой в руках стоял рядом, прислонившись к дверному косяку. Все глаза были устремлены на старика, который только что закончил свое повествование.

Артем с трудом повернул голову и глянул на Антона, застывшего в той судорожной позе, в которой его настигла парализующая игла. Он уставился в потолок и не мог видеть сына, но наверняка все слышал.

– Встань, сынок, и посмотри на этих людей, – сказал жрец.

Мальчик тут же вскочил на ноги и повернулся к Артему. Это был Олег.

– Подойди к ним ближе. Узнаешь ли ты кого-нибудь из них? – спросил старик.

– Да, – утвердительно кивнул мальчик, исподлобья глядя на Артема. – Это мой папа, а с этим дядей мы вместе слушали ваши песенки. Через трубы.

– Твой папа и его друг – плохие люди. Они использовали машины и хотели унижить Великого Червя. Помнишь, ты рассказал мне и дяде Варгану, что делал твой папа, когда плохие люди решили разрушить мир?

– Да, – еще раз кивнул Олег.

– Скажи-ка нам это еще раз, – старик переложил зажигалку в другую руку.

– Мой папа работал в эрвза. Ракетных войсках. Он был ракетчиком. Я тоже хотел стать как он, когда вырасту.

У Артема пересохло в горле. Как же он раньше не смог разгадать эту загадку? Вот откуда у мальчишки взялась та странная нашивка и вот почему он заявлял, что тоже ракетчик, как и убитый Третьяк! Совпадение было почти невероятное, на все метро людей, служивших в ракетных войсках, оставались единицы... И двое из них оказались на Киевской. Могло ли это быть случайностью?

– Ракетчиком... Эти люди сделали больше зла миру, чем все остальные, вместе взятые. Они направляли машины и устройства, которые сожгли и уничтожили землю и почти всю жизнь на ней. Великий Червь прощает многих заблудших, но не тех, кто отдавал приказы рушить мир и сеять в нем смерть, и не тех, кто выполнял их. Твой отец причинил невыносимую боль Великому Червя. Твой отец своими руками разрушал наш мир. Ты знаешь, чего он заслуживает? – голос старика сделался суровым, в нем снова зазвенела сталь.

– Смерти? – неуверенно спросил мальчик, оглядываясь то на жреца, то на своего отца, скрючившегося на полу обезьянника.

– Смерти, – подтвердил жрец. – Он должен умереть. Чем раньше умрут злые люди, сделавшие больно Великому Червя, тем скорее исполнится его обещание, и мир возродится и будет отдан добрым людям.

– Тогда папа должен умереть, – согласился Олег.

– Вот молодец! – старик ласково потрепал мальчика по голове. – А теперь беги, поиграй еще с дядей Варганом и с ребятами! Только, смотри, осторожней в темноте, не упади! Дрон, проводи его, а я тут посижу еще с ними. Возвращайся через полчаса с другими, и мешки захватите, готовить будем.

Свет погас. Стремительные шуршащие шаги дикаря и легкий детский топоток утихли в отдалении. Жрец кашлянул и сказал Артему:

– Я тут с тобой поболтаю немножко, если ты не против. У нас пленных обычно не берут, разве только детей, а то свои все чахлые и больные родятся... А взрослых все больше оглушенных приносят. Я бы и рад с ними поговорить, да и они сами, может, не прочь, только вот съедают их слишком быстро...

– Зачем вы тогда их учите, что есть людей – это плохо? – равнодушно спросил Артем. – Червь там плачет и прочее?

– Ну, как сказать... Это им на будущее. Вам, конечно, этого момента не застать, да и мне тоже, но сейчас закладывается основа будущей цивилизации: культуры, которая будет жить в мире с природой. Для них каннибализм – это вынужденное зло. Без животных белков, видишь ли, никуда. Но предания останутся, и когда прямая потребность убивать и жрать себе подобных пропадет, они должны прекратить это делать. Вот тогда Великий Червь и напомним о себе. Жаль только, жить в эту пору прекрасную... – старик снова неприятно засмеялся.

– Знаете, я столько всего уже навидался в метро, – сказал Артем. – На одной станции верят в то, что, если глубоко копать, можно докопаться до ада. На другой, что мы уже живем в преддверии рая, потому что последняя битва добра и зла завершена и те, кто выжил, избраны для вхождения в Царство Божие. После этого история про вашего Червя уже как-то неубедительно звучит. Вы сами хотя бы в него верите?

– Какая разница, во что верю я или другие жрецы? – усмехнулся старик. – Жить тебе осталось немного, пару часов, так что расскажу-ка я тебе кое-что. Ни с кем не удастся быть

таким искренним, как с тем, кто все твои откровения унесет в могилу... Так вот, во что верю я сам, не важно. Главное, во что верят люди. Нелегко уверовать в бога, которого сам создал... – жрец ненадолго прервался, задумавшись, а потом продолжил: – Как бы тебе объяснить? Я когда студентом был, учил философию и психологию в университете, хотя тебе это вряд ли о чем-то говорит. И был у меня профессор: преподаватель когнитивной психологии, умнейший человек, так весь мыслительный процесс по полочкам раскладывал – любо-дорого послушать. Я тогда как раз, как и все остальные в этом возрасте, задавался вопросом: есть ли бог, книги разные читал, разговоры на кухне до утра разговаривал – ну, как обычно. И склонялся к тому, что, скорее, все-таки нет. И как-то я решил, что именно этот профессор, большой знаток человеческой души, может мне на больной для меня вопрос ответить точно. Пришел к нему в кабинет, вроде как реферат обсуждать, а потом спрашиваю: а как по-вашему, Иван Михалыч, есть он все же, бог-то? Он меня тогда очень удивил. Для меня, говорит, этот вопрос даже не стоит. Я сам из верующей семьи, привык к мысли, что он есть. С психологической точки зрения веру анализировать не пытаюсь, потому что не хочу. И вообще, говорит, для меня это не столько вопрос принципиального знания, сколько повседневного поведения. Моя вера не в том, что я искренне убежден в существовании высшей силы, а в том, что я выполняю предписанные заповеди, молюсь на ночь, в церковь хожу. Лучше мне от этого становится, спокойнее. Вот так-то, – старик замолчал.

– И что? – не выдержал Артем после минутной паузы.

– А то. Верю я в Великого Червя или не верю – не так уж важно. Но заповеди, вложенные в божественные уста, живут веками. Дело за малым: создать бога и научить его нужным словам. И поверь мне, Великий Червь – не хуже других богов и переживет многих из них.

Артем закрыл глаза. Ни Дрон, ни вождь этого удивительного племени, ни даже такие странные создания, как Варган, наверняка не подвергали веру в Великого Червя ни малейшему сомнению. Для них это была данность, единственное объяснение того, что они видели вокруг, единственное руководство к действию и мерило добра и зла. Во что еще можно было верить человеку, в своей жизни никогда не видевшему ничего, кроме метро? Но было в легендах о Черве еще что-то, чего Артем пока не мог понять.

– Но почему вы их так настраиваете против машин? Что плохого в механизмах? Электричество, свет, огнестрельное оружие – как вы хотите, чтобы ваш народ выжил без этого? – спросил он.

– Что плохого в машинах?! – тон старика разительно переменялся: фальшивое добродушие и терпение, с которыми он только что излагал свои мысли, улетучились. – Ты же не собираешься за час до своей смерти проповедовать мне о пользе машин?! Да оглянись вокруг! Только слепец не заметит, что если человечество и обязано чему-то своим закатом, то только тому, что слишком полагалось на машины! Как ты смеешь заикаться о важной роли техники здесь, на моей станции? Ничтожество!

Артем никак не ожидал, что его вопрос, куда менее крамольный, чем предыдущий, о вере в Великого Червя, вызовет у старца такую реакцию. Не найдя что ответить, он замолк. В темноте было слышно, как жрец тяжело дышит, шепча какие-то проклятия и стараясь успокоиться. Заговорил он только через несколько минут.

– Отвык с неверными разговаривать, – судя по голосу, старик снова взял себя в руки. – Заболтался я с вами, да молодежь что-то задерживается, мешки не несут, – надавив на слово «мешки», он выдержал артистическую паузу.

– Какие еще мешки? – поддался на уловку Артем.

– Готовить вас будут. Я ведь когда про пытки говорил, неправильно выразился. Великому Червю противна бессмысленная жестокость. Зачем пытать, если еще и вопрос задать не успеешь, а человек уже на него сам отвечает? Я имел в виду другое. Мы с коллегами, когда поняли, что каннибализм как явление здесь укоренился, и с ним уже ничего не сделаешь, решили,

по крайней мере, позаботиться о кулинарной стороне вопроса. Вот и вспомнил кто-то, что корейцы, когда собак едят, кладут их живьем в мешок и палками насмерть забивают. Мясо от этого очень выигрывает. Мягкое становится, нежное. Кому множественные гематомы, так сказать, а кому отбивная. Так что не обессудьте. Я-то, может, и рад был бы сначала умертвить, а потом уже палками, но непременно надо, чтобы внутреннее кровоизлияние. Рецепт есть рецепт, – старик даже щелкнул зажигалкой, чтобы полюбоваться произведенным эффектом. – Однако что-то задерживаются, не случилось бы... – добавил он.

На середине фразы его прервал пронзительный визг. Послышались крики, беготня, детский плач, зловещий свист... На станции что-то происходило. Жрец беспокойно прислушался к шуму, потом потушил огонь и затих.

Через несколько минут на пороге загрохотали тяжелые башмаки, и низкий голос пророкотал:

– Есть кто живой?

– Да! Мы здесь! Артем и Антон! – что было сил закричал Артем, надеясь, что у старика за пазухой нет трубки с ядовитыми иглами.

– Здесь они! Прикрой меня и пацана! – крикнул кто-то.

Вспыхнул ослепительно яркий свет. Старец метнулся к выходу, но человек, загораживавший проход, сбил его с ног ударом по шее. Жрец коротко захрипел и упал.

– Дверь, дверь держи!

Что-то грохнуло, с потолка посыпалась известь, и Артем зажмурился. Когда он открыл глаза, в комнате уже стояли два человека. Выглядели они весьма необычно – такого ему до сих пор видеть не доводилось.

Одетые в тяжелые длинные бронежилеты поверх подогнанной черной униформы, оба были вооружены необычными короткими автоматами с лазерными прицелами и набалдашниками глушителей. И без того внушительный вид дополняли массивные титановые шлемы с забралами, как у спецназовцев Ганзы, и непонятного назначения большие металлические щиты со смотровыми щелями. У одного за спиной виднелся ранцевый огнемет.

Они быстро осмотрели комнату, освещая ее длинным и невероятно сильным фонарем, по форме скорее напоминавшим дубинку.

– Эти? – спросил один из них.

– Они, – подтвердил другой.

Деловито оглядев замок на двери обезьянника, первый отошел назад, сделал несколько шагов и в прыжке ударил сапогом по решетке. Ржавые петли не выдержали напора, и дверь рухнула в полушаге от Артема. Человек опустился перед ним на одно колено и поднял забрало. Все стало на свои места: на Артема, прищурившись, смотрел Мельник. Широкий зазубренный нож скользнул по проводам, спутывавшим ноги и руки Артема. Потом сталкер в несколько ударов разрезал проволоку, которой был связан Антон.

– Живой, – удовлетворенно отметил Мельник. – Идти сможешь?

Артем закивал, но подняться на ноги не сумел. Занемевшее тело все еще почти не подчинялось ему.

В комнату вбежали еще несколько человек, двое из которых тут же заняли оборонительные позиции у дверей. Всего в отряде было восемь бойцов: они были одеты и экипированы почти так же, как и те, что ворвались в комнату первыми, но на нескольких были еще и длинные кожаные плащи, как у Хантера. Один из них опустил на землю ребенка, которого до этого зажимал под мышкой, прикрывая надетым на руку щитом. Тот сразу бросился в клетку и склонился над Антоном.

– Папа! Папа! Я специально им наврал, как будто я за них, правда! Я дяде показал, где ты! Извини, папа! Папа, не молчи! – мальчик еле сдерживал слезы.

Антон равнодушно глядел в потолок стеклянными глазами. Артем испугался, что вторая парализующая игла за день могла оказаться для командира дозора последней. Мельник положил указательный палец на шею распростертого на полу Антона.

– Порядок, – заключил он через несколько секунд. – Жив. Носилки сюда!

Пока Артем рассказывал про воздействие ядовитых игл, двое бойцов развернули на полу матерчатые носилки и погрузили на них Антона.

На полу завожился и забормотал что-то сбитый с ног старик.

– Это еще кто? – спросил Мельник, и, услышав от Артема объяснение, решил: – Берем с собой, будем им прикрываться. Как обстановка?

– Тихо все, – доложил державший входную дверь боец.

– Отходим к туннелю, из которого пришли, – объявил сталкер. – Должны вернуться на базу с раненым и заложником для допроса. На вот, – он кинул Артему автомат, – если все будет нормально, пользоваться не придется. У тебя даже брони нет, так что будешь оставаться под нашим прикрытием. За мальчишкой следи.

Артем кивнул и взял Олега за руку, еле оторвав ребенка от носилок, на которых лежал его отец.

– Строимся «черепахой», – отдал приказ Мельник.

Бойцы мгновенно образовали овал, выставив наружу сомкнутые щиты, над которыми виднелись только шлемы. Свободными руками четверо взялись за носилки. Мальчик и Артем оказались внутри строя, полностью прикрытые щитами. Пленному старику заткнули кляпом рот, связали за спиной руки и выставили его в голове построения. После нескольких крепких тычков он прекратил попытки вырваться и затих, угрюмо уставившись в пол.

Глазами «черепахи» служили двое первых бойцов, у которых были особые приборы ночного видения: они крепились прямо на шлем, так что руки оставались не заняты. По команде отряд пригнулся, прикрывая щитами ноги, и стремительно двинулся вперед.

Зажатый между бойцами, Артем тащил за руку не поспевавшего за ним Олега. Ему ничего не было видно, и о происходившем он мог судить только по отрывистым переговорам остальных.

– Трое справа... женщины, ребенок.

– Слева! В арке, в арке! Стреляют! – О железо щита зазвенели иглы.

– Снимай их!

Послышались ответные автоматные хлопки.

– Один есть... Двое есть... Двигаемся, двигаемся!

– Сзади! Ломов! – Снова выстрелы.

– Куда, куда? Там не пройти!

– Вперед, я сказал! Заложника держи!

– Черт, прямо рядом с глазами пролетело...

– Стой! Стой! Стоять!

– Что там?

– Все заблокировано! Там их человек сорок! Баррикады!

– Далеко?

– Двадцать метров до них. Не стреляют.

– С боков заходят!

– Когда они успели баррикады построить?!

На щиты обрушился настоящий дождь игл. По сигналу все опустили на одно колено, так что теперь броня закрывала их целиком. Артем пригнулся, прикрывая мальчика. Носилки с Антоном поставили на пол, и теперь стрелков стало вдвое больше.

– Не отвечать! Не отвечать! Ждем...

– В сапог попало...

– Готовь свет... На счет три – фонари и огонь. У кого ПНВ – выбирайте цели сейчас... Раз...

– Как лупят...

– Два! Три!

Одновременно зажглись несколько мощных фонарей и заработали автоматы. Где-то впереди слышались крики и стоны умирающих. Потом стрельба неожиданно прекратилась. Артем прислушался.

– Вон, вон, с белым флагом... Сдаются, что ли?

– Прекратить огонь! Говорить будем. Заложника выставьте!

– Стой, падла, куда!.. Держу, держу! Шустрый старикан...

– У нас ваш жрец! Дайте нам уйти! – выкрикнул Мельник. – Дайте нам вернуться в туннель! Повторяю, дайте нам уйти!

– Ну, что там? Что там?

– Ноль реакции. Молчат.

– Да они вообще нас понимают?

– Ну-ка, посветите мне на него получше...

– Дайте глянуть...

Потом переговоры оборвались. Бойцы словно погрузились в раздумье – сначала те, что стояли впереди, потом затихли и прикрывавшие тыл. Наступила напряженная, нехорошая тишина.

– Что там? – спросил Артем тревожно.

Ему никто не ответил. Люди перестали даже шевелиться. Артем почувствовал, как мальчик сжал его ладонь своей вспотевшей от волнения ручонкой. Его трясло.

– Я чувствую... Он на них смотрит... – сказал он тихо.

– Заложника отпустить, – произнес вдруг Мельник.

– Отпустить заложника, – повторил другой боец.

Тогда Артем, не выдержав, разогнулся и посмотрел поверх щитов и шлемов – вперед, где в десяти шагах от них, в пересечении трех ослепительных лучей света стоял, не жмурясь и не прикрываясь руками, высокий сгорбленный человек с белой тряпкой в вытянутой узловатой руке. С этого расстояния лицо человека было видно очень хорошо... Слишком хорошо. Это было существо, похожее на Вартана, который допрашивал его несколько часов назад. Артем юркнул за щиты и привел свой автомат в боевую готовность.

Сцена, которую он только что видел, все еще стояла перед глазами. Одновременно жуткая и завораживающая, она вдруг на миг напомнила ему о старой книжке «Сказки и мифы Древней Греции», которую он любил рассматривать, когда был маленьким. Одна из легенд рассказывала о чудовищном создании в получеловеческом облике, взгляд которого превратил в камень многих отважных воинов.

Он перевел дух, собрал волю в кулак, запретив себе смотреть гипнотизеру в лицо, вскочил над щитами, словно чертик на пружине, и спустил курок. После странного, бесшумного боя, который вели между собой противники, вооруженные автоматами с глушителями и духовыми трубками, очередь «Калашникова», казалось, сотрясла своды станции.

Хотя Артем был уверен, что промахнуться с такого расстояния невозможно, случилось то, чего он боялся больше всего: непостижимым образом это создание угадало его движение, и как только голова Артема появилась над щитами, взгляд угодил в ловушку его мертвых глаз. Он успел нажать на спусковой крючок, но невидимая рука плавно отвела ствол в сторону. Почти вся очередь ушла мимо, и только одна пуля впиалась существу в плечо. Оно издало режущий ухо гортанный звук и одним неуловимым движением кануло во тьму.

«Есть несколько секунд, – подумал Артем. – Всего несколько секунд». Когда отряд Мельника прорывался на Парк Победы, на его стороне был элемент неожиданности. Но теперь, когда

дикари организовали оборону и выставили вперед своих нелюдей, шанса преодолеть созданный ими заслон, кажется, не было. Единственным выходом оставалось бегство другим путем. В голове промелькнули слова тюремщика: со станции в неизвестном направлении уходят туннели, которых нет на карте метро.

– Здесь другие туннели есть? – спросил он у Олега.

– Там еще одна станция, за переходом, такая же, как эта, как будто отражение в зеркале, – мальчик махнул рукой. – Мы там играли. Там еще туннели, как здесь, но нам сказали, туда ходить нельзя.

– Отступаем! К переходу! – стараясь понизить голос и подделаться под командный бас Мельника, заорал Артем.

– Какого черта?! – недовольно прорычал сталкер.

Он, кажется, приходил в себя. Артем схватил его за плечо.

– Скорее, у них там гипнотизер, – затараторил он. – Нам этот заслон не прорвать! Там другой выход есть, за переходом!

– Верно, она же двойная, эта станция... Отходим! – принял решение сталкер. – Держите баррикаду! Назад! Шагом, шагом!

Остальные медленно, словно нехотя, зашевелились. Подстегивая их новыми приказами, Мельник сумел заставить отряд перестроиться и начать отступление прежде, чем из темноты в них полетели новые иглы. Когда они стали подниматься по ступеням перехода, боец, шедший последним, вскрикнул и схватился за голень. Он еще переступал деревенеющими ногами несколько секунд, Артем видел это в отсветах фонаря. Но потом все тело раненого свела чудовищная судорога, его скрутило, словно отжатую после стирки тряпку, и он рухнул на землю. Отряд остановился. Под прикрытием щитов двое свободных бойцов бросились поднимать своего товарища с земли, но все было кончено. Его тело на глазах синело, а на губах выступила пена. Артем уже знал, что это означает, как знал это, похоже, и Мельник.

– Возьми его щит, шлем и автомат! Быстро! – приказал он Артему. – Отходим, отходим! – закричал он остальным.

Титановый шлем был перепачкан страшной пеной, и снимать его пришлось бы через голову мертвого. Артем так и не смог заставить себя это сделать. Ограничившись автоматом и щитом, он дал круговую очередь, надеясь отпугнуть растворившихся в темноте убийц, занял место в хвосте построения, укрылся щитом и двинулся вслед за остальными.

Они уже почти бежали. Потом кто-то бросил далеко вперед дымовую шашку, и, воспользовавшись неразберихой, отряд начал спускаться на пути. Удивленно вскрикнул и упал на землю еще один боец. Носилки с раненым Антоном нести теперь пришлось только троим. Показываться из-за щита Артем так и не решился и несколько раз стрелял назад наугад. Потом наступило странное затишье: в них больше не летели иглы, хотя, судя по шелесту шагов и голосов вокруг, преследование не прекратилось. Набравшись храбрости, Артем выглянул наружу.

Отряд находился в десятке метров от входа в туннель. Первые бойцы уже шагнули внутрь, двое, развернувшись, обшаривали лучами подступы и прикрывали остальных. Но потребности в этом не было: дикари, кажется, не собирались следовать за ними в туннели. Столпившись полукругом, опустив свои трубки и прикрываясь руками от слепящего света фонарей, они молча чего-то ждали.

– Враги Великого Червя, слушайте!

Из толпы выступил вперед тот самый бородатый вождь, который отдавал распоряжения во время допроса.

– Враги идут в священные ходы Великого Червя. Добрые люди не идут за вами. Сегодня туда идти запрет. Большая опасность. Смерть, проклятие. Пусть враги отдают старого жреца и уходят.

– Не отпускать, не слушать их, – немедленно распорядился Мельник. – Отходим.

Они осторожно продолжили движение. Артем и еще несколько бойцов, которые шли последними, отступали, пятясь и не спуская остающуюся позади станцию с прицела. Сначала за ними действительно никто не шел. Со станции доносились голоса: кто-то спорил, сперва негромко, потом перейдя на крик.

– Дрон не может! Дрон должен идти! За учителем!

– Запрет идти! Стоять! Стоять!

Черная фигура метнулась из темноты в лучи фонарей с такой скоростью, что попасть по ней было совершенно невозможно. Вслед за ней вдалеке показались и другие. Не успевая поймать в прицел первого дикаря, один из бойцов швырнул что-то вперед.

– Ложись! Граната!

Артем кинулся на шпалы лицом вниз, прикрывая руками голову, и раскрыл рот, как его учил отчим. Невообразимый грохот и оглушительная сила взрывной волны ударили по ушам, прижали его к земле. Еще несколько минут он лежал, открывая и закрывая глаза, пытаясь прийти в себя. В голове звенело, перед глазами кружились цветные пятна. Первым звуком, который дошел до его сознания, были неуклюжие, бесконечно повторяющиеся слова:

– Нет, нет, не стреляй, не стреляй, не стреляй, у Дрона нет оружия, не стреляй!

Он оторвал голову и осмотрелся. В перекрестье лучей, высоко подняв руки, стоял тот самый дикарь, что охранял их, пока они сидели в обезьяннике. Двое бойцов держали его на прицеле, ожидая приказов, остальные поднимались с земли и отряхивались. В воздухе висела тяжелая каменная пыль, со стороны станции полз едкий дым.

– Что, рухнуло? – спросил кто-то.

– От одной гранаты... На соплях все метро держится...

– Ну, зато уже не сунутся. Пока завал разберут...

– Этого связать и с собой. Уходим, времени нет, неизвестно, когда они там опомнятся, – распорядился подошедший Мельник.

Привал они сделали только через час. За это время туннель несколько раз раздваивался, и сталкер, шагавший впереди, делал выбор между ответвлениями. В одном месте в стенах виднелись огромные чугунные петли, когда-то, наверное, несшие на себе мощные ставни. Рядом с ними валялись обломки гермозатвора. Кроме этого, ничего интересного не попадалось: туннель был совершенно пуст, черен и безжизнен.

Шли медленно: у пленного старика заплетались ноги, и несколько раз он, споткнувшись, падал на землю. Дрон шагал нехотя и все время бормотал себе под нос что-то про запрет и проклятия, пока ему тоже не заткнули кляпом рот.

Когда сталкер разрешил наконец остановиться и разослал часовых с приборами ночного видения на пятьдесят метров в обе стороны, обессиленный жрец рухнул на пол. Дикарь, умоляюще мыча сквозь тряпку, добился того, чтобы конвоиры подвели его к старику и, опустившись перед ним на колени, скованными руками погладил его по голове.

Маленький Олег бросился к носилкам, на которых лежал его отец, и заплакал. Паралич у Антона прошел, но он все еще был в обмороке, так же, как после первого попадания иглы. Сталкер тем временем поманил Артема в сторонку. Тот больше не мог сдерживать любопытства.

– Как вы нас нашли? Я ведь уже думал, все, съедят, – признался он Мельнику.

– Да что вас искать-то было? Вы дрезину прямо под люком оставили. Дозорные ее через полчаса заметили, когда Антона к чаю не дождались. Просто сами туда не отважились соваться. Охрану выставили, начальнику доложили. Ведь ты меня совсем чуть-чуть не дождался. Потом я еще к Смоленской ушел, на базу, за подкреплением. По тревоге собирались, но на все время нужно. Пока еще экипироваться... Я только на Маяковской начал понимать, что к чему. Там похоже было: тоже обваленный боковой туннель, где мы с Третьяком разделились – по карте искали вход в Д-6. Метров на пятьдесят разошлись. Он, наверное, ближе к нему подобрался.

Всего на три минуты отошел, кричу ему – он не отзывается. Подбегаю – лежит весь синий, вспух, губы этой дрянью обметаны. Тут уж было не до поисков. За ноги его взял и на станцию. Пока тащил, вспомнил Семеныча и его историю с отравленным часовым. Посветил на Третьяка – точно, игла в ноге. Тут все и начало становиться на места. Отправил тебе поскорее гонца, чтобы ты оставался на станции, дела уладил и вернулся. Но не успел.

– Неужели на Маяковской тоже они? – удивился Артем. – Но как же они туда с Парка Победы попадают?

– А вот так и попадают, – сталкер снял тяжелый шлем и поставил его на пол. – Ты меня, конечно, извини, но мы не только за тобой сюда пришли, но и на разведку. Я думаю, отсюда должен быть еще один выход в Метро-2. Через него эти твои людоеды до Маяковской и добрались. Там, кстати, та же история, что здесь: дети по ночам со станции исчезают. И вообще черт знает, где они еще шастают, а мы про них ни слухом, ни духом.

– То есть... вы хотите сказать... – сама мысль показалась Артему такой невероятной, что он не сразу осмелился произнести ее вслух. – По-вашему, вход в Метро-2 где-то здесь?

Неужели врата в Д-6, таинственную тень метро, находились совсем рядом с ними? Артему в голову полезли слухи, байки, легенды и теории о Метро-2, которых он успел наслушаться за свою жизнь. Чего стоила хотя бы вера в Невидимых Наблюдателей, о которой ему рассказали два его странных собеседника на Полянке! Он невольно огляделся по сторонам, словно рассчитывая увидеть незримое.

– Скажу тебе больше, – подмигнул ему сталкер. – Я думаю, мы уже в нем.

В это поверить было уже совсем невозможно. Попросив у одного из бойцов фонарь, Артем принялся исследовать стены туннеля. Он ловил на себе удивленные взгляды остальных, прекрасно понимая, что вид у него сейчас, должно быть, преглупый, но ничего не мог с собой поделать. Он и сам не до конца понимал, что рассчитывал увидеть, попав в Метро-2. Золотые рельсы? Людей, живущих, как жили прежде, не знающих об ужасах нынешнего существования, в сказочном изобилии? Богов? Он прошел от одного дозорного к другому, но, так ничего и не обнаружив, вернулся к Мельнику. Тот разговаривал с бойцом, охранявшим дикарей.

– Что с заложниками? В расход? – буднично поинтересовался конвоир.

– Сначала пообщаемся, – ответил сталкер.

Нагнувшись, он вытащил кляп изо рта старика, потом проделал то же со вторым пленным.

– Учитель! Учитель! Дрон идет с тобой! Я иду с тобой, учитель! – сразу же запричитал дикарь, раскачиваясь из стороны в сторону над стонущим жрецом. – Дрон нарушает запрет, Дрон готов умереть от руки врагов Великого Червя, но Дрон идет с тобой, до конца!

– Что там дальше? Что еще за червь? Какие еще священные ходы? – спросил Мельник.

Старик молчал. Испуганно оглянувшись на конвоиров, Дрон поспешно сказал:

– Священные ходы Великого Червя – запрет для добрых людей. Там Великий Червь может показаться. Человек может увидеть. Запрет смотреть! Только жрецы могут. Дрон боится, но идет. Дрон идет с учителем.

– Какой еще червь? – поморщился сталкер.

– Великий Червь... Создатель жизни, – объяснил Дрон. – Дальше священные ходы. Не каждый день можно ходить. Есть дни запрета. Сегодня день запрета. Если увидеть Великого Червя, станешь пепел. Если услышишь, станешь проклят, быстро умрешь. Все знают. Старейшины говорят.

– Там у них все, что ли, такие дегенераты? – сталкер оглянулся на Артема.

– Нет, – помотал головой тот, – со жрецом поговорите.

– Ваше преосвященство, – издевательски обратился Мельник к старику. – Вы меня извините, я, так сказать, старый солдат... Как бы это выразиться... Высоким языком не умею. Но

тут где-то в ваших владениях есть одно место, которое мы ищем. Как бы доступнее... Там хранятся... Огненные стрелы? Гроздь гнева?

Он всматривался в лицо старика, надеясь, что тот отзовется на одну из его метафор, но жрец упорно молчал, угрюмо уставившись на него исподлобья.

– Горящие слезы богов? – под удивленными взглядами Артема и конвоиров продолжал изощряться сталкер. – Молнии Зевеса?

– Кончайте паясничать, – наконец презрительно оборвал его старик. – Нечего топтать трансцендентальное своими грязными солдатскими сапогами.

– Ракеты, – сразу перешел на деловой тон Мельник. – Ракетная часть в ближнем Подмоскowie. Выход из туннеля от Маяковской. Вы должны понимать, о чем я говорю. Нам срочно надо туда, и вам лучше нам помочь.

– Ракеты... – медленно, словно пробуя слово на вкус, повторил старик. – Ракеты... Вам, наверное, лет пятьдесят, так? Вы еще помните. СС-18 на Западе называли «Сатаной». Это было единственное прозрение слепой от рождения человеческой цивилизации. Неужели вам мало?! Вы уничтожили весь мир, неужели вам мало?!?

– Послушайте, ваше преосвященство, у нас на это нет времени, – оборвал его Мельник. – Даю вам пять минут, – он хрустнул костяшками, разминая ладони.

Старик скривился. Похоже, ни боевое облачение сталкера и его бойцов, ни плохо скрытая угроза в голосе Мельника не производили на него ни малейшего впечатления.

– А что, что вы мне можете сделать? – усмехнулся он. – Запытать? Убить? Сделайте одолжение, я все равно стар, а нашей вере не хватает мучеников. Так убейте же меня, как вы убили сотни миллионов других людей! Как вы убили весь мой мир! Весь наш мир! Давайте, нажмите на курок вашей чертовой машинки, как вы нажимали на курки и кнопки десятков тысяч разных смертоносных устройств!

Голос старика, сначала слабый и хриплый, быстро наливался сталью. Несмотря на спутанные седые волосы, связанные руки и небольшой рост, он больше не смотрелся жалко: от него исходила странная сила, каждое новое его слово звучало более убедительно и грозно, чем предыдущее.

– Вам не надо душить меня своими руками, вам даже не придется видеть моей агонии... Будьте вы прокляты со всеми вашими машинами! Вы обесценили и жизнь, и смерть... Вы считаете меня безумцем? Но истинные безумцы – это вы, ваши отцы и ваши дети! Разве не было опасным сумасшествием стараться подчинить себе всю землю, накинув на природу узду, загнать ее до пены и судорог? А потом, из ненависти к себе и таким же, как вы, пытаться окончательно расправиться с ней? Где вы были, когда мир рушился? Видели ли вы, как это было? Видели ли вы то, что видел я? Небо, сначала плавящееся, а потом затянутое каменными облаками? Кипящие реки и моря, выплевывающие на берег сварившихся заживо созданий, а потом превращающиеся в морозное желе? Солнце, пропавшее с небосклона на долгие годы? Дома, в доли секунды обращенные в пыль, и живших в них людей, обращенных в пепел? Вы слышали их крики о помощи?! А умирающих от эпидемий и изуверенных излучением? Вы слышали их проклятия?! Посмотрите на него! – он указал на Дрона. – Посмотрите на всех безруких, безглазых, шестипалых! Даже те из них, кто приобрел новые способности, клеймят вас!

Дикарь упал на колени и с благоговением ловил каждое слово своего жреца. Артем и сам чувствовал в этот момент похожее желание. Даже конвоиры невольно сделали шаг назад, и только Мельник продолжал, прищурившись, смотреть старцу в глаза.

– Видели ли вы гибель этого мира? – продолжал жрец. – Понимаете ли вы, кто в ней повинен? Кто знает по именам тех, кто одним нажатием кнопки, даже не видя того, что творит, стирал с лица земли сотни тысяч людей? Превращал бескрайние зеленые леса в выжженные пустыни? Что вы сделали с этим миром? С моим миром?! Как вы посмели взять на себя ответ-

ственность за то, чтобы обратить его в ничто? Земля не знала большего зла, чем ваша адская машинная цивилизация, цивилизация, противопоставляющая неживые механизмы природе! Она сделала все возможное, чтобы окончательно подмять, сожрать и переварить мир, но зарвалась и истребила самое себя... Ваша цивилизация – это раковая опухоль, это огромная амеба, жадно всасывающая в себя все, что есть полезного и питательного вокруг, и исторгающая только зловонные отравленные отходы. И теперь вам снова нужны ракеты! Вам нужно самое страшное оружие, созданное цивилизацией преступников! Зачем? Чтобы довершить начатое? Чтобы шантажировать последних выживших? Прорваться к власти? Убийцы! Я ненавижу вас, ненавижу вас всех! – в исступлении закричал он, потом закашлялся и замолк.

Никто не проронил ни слова, пока он не справился с кашлем и не продолжил:

– Но ваше время заканчивается... И пусть я сам уже не доживу до этого, но вам на смену придут другие, придут те, кто понимает губительность техники, те, кто сможет обходиться без нее! Вы вырождаетесь, и вам остается недолго. Как жаль, что я не увижу вашей агонии! Но мы взрастим сыновей, которые увидят! Человек раскается в том, что в гордыне своей уничтожил все, что было у него ценного! После веков обмана и иллюзий он наконец научится различать зло и добро, правду и ложь! Мы воспитаем тех, кто заселит землю после вас. А чтобы ваша агония не затянулась, мы скоро воткнем вам кинжал милосердия в самое сердце! В дряблое сердце вашей догнивающей цивилизации... Этот день близится! – Он плюнул под ноги Мельнику.

Сталкер ответил не сразу. Он оценивающе разглядывал дрожавшего от ярости старика. Потом, скрестив руки на груди, заинтересованно спросил:

– И что же, вы выдумали какого-то червяка и насочиняли баек, только чтобы внушить вашим людоедам ненависть к технике и прогрессу?

– Молчите! Что вы знаете о моей ненависти к вашей треклятой, вашей дьявольской технике! Что вы понимаете в людях, в их надеждах, целях, потребностях?! Человеку не хватало именно такого бога... Такого, как мы создали! Если старые божества позволили человеку сорваться в пропасть и сами погибли вместе со своим миром, нет смысла их оживлять... В ваших словах я слышу это чертово высокомерие, это презрение, эту гордыню, которые и привели человечество на край пропасти. Да, пусть Великого Червя нет, пусть мы его выдумали, но у вас очень скоро будет возможность убедиться, что этот выдуманный подземный бог куда более могуществен, чем ваши небожители, эти идолы, сверзившиеся со своих тронов и разлетевшиеся на куски! Вы смеетесь над Великим Червем? Смейтесь! Но последними будете смеяться не вы!..

– Довольно. Кляп! – приказал сталкер. – Пока его не трогать, он нам еще может пригодиться.

Сопротивлявшемуся и выкрикивавшему проклятия старику снова запихнули в рот тряпку. Дикарь, которого на всякий случай держали за руки двое бойцов, никак не проявлял своего сострадания. Он стоял молча, его плечи были бессильно опущены, а потухший взгляд не отрывался от жреца.

– Учитель... Что значит: Великого Червя нет? – тяжело выговорил он наконец.

Старец даже не посмотрел на него.

– Что значит: учитель выдумал Великого Червя? – тупо произнес Дрон, качая головой из стороны в сторону.

Жрец не отвечал. Артему показалось, что на свою речь старик израсходовал всю жизненную энергию и волю и теперь, выплюнув наружу весь без остатка огонь ненависти и презрения, впал в прострацию.

– Учитель... Учитель... Великий Червь есть... Ты обманываешь! Зачем? Ты говоришь неправду – запутать врагов! Он есть... Есть!

Неожиданно Дрон начал глухо и жутко подвывать. В его полувое-полуплаче слышалось такое отчаяние, что Артему захотелось подойти к нему, чтобы утешить. Старец, кажется, уже

попрощался с жизнью и потерял всякий интерес к своему ученику, его теперь тревожили совсем другие вопросы.

– Есть! Есть! Он есть! Мы его дети! Мы все его дети! Он есть, и был всегда, и будет всегда! Он есть! Если Великого Червя нет... Значит... Мы совсем одни....

С дикарем, предоставленным самому себе, творилось что-то жуткое. Дрон вошел в транс, мотая головой, словно надеясь забыть услышанное, выводя одну и ту же ноту, и капающие из его глаз слезы мешались с обильно стекавшей слюной. Он даже не делал попыток утереться, вцепившись руками в свой бритый череп. Конвоиры отпустили его, и он упал на землю, затыкая руками уши, ударяя себя по голове, расходясь все больше и больше, пока его тело не стало бесконтрольно выделять дикие кульбиты, а крик не заполнил весь туннель. Бойцы попытались усмирить его, но даже пинки и удары могли только на секунду перебить и сдержать рвавшийся наружу из его груди вопль.

Мельник неодобрительно посмотрел на заходящегося в припадке людоеда, потом расстегнул набедренную кобуру, выдернул оттуда «Стечкин» с глушителем, навел его на Дрона и спустил курок. Тихо стукнул глушитель, и изгибавшийся на полу дикарь мгновенно обмяк.

Нечленораздельный крик, в котором он заходил, оборвался, но эхо еще несколько секунд повторяло его последние звуки, словно на миг продляя Дрону жизнь:

– Иииииииииииииии....

И только сейчас до Артема начало доходить, что именно кричал перед смертью дикарь. «Одни!»

Сталкер сунул пистолет обратно в кобуру. Артем почему-то не мог заставить себя поднять на него глаза, вместо этого рассматривая успокоившегося Дрона и сидящего неподалеку жреца. Тот никак не отреагировал на смерть своего ученика. Когда раздался пистолетный хлопок, старик чуть дернулся, потом мельком оглянулся на тело дикаря и снова равнодушно отвернулся.

– Идем дальше, – приказал Мельник. – На такой шум сюда сейчас полметра сбежится.

Отряд моментально построился. Артема поставили в хвост, на место замыкающего, снабдив мощным фонарем и бронежилетом одного из бойцов, который нес Антона. Через минуту они снялись с места и двинулись в глубь туннелей.

На роль замыкающего Артем сейчас не годился. Он с трудом переставлял ноги, запинаясь о шпалы и беспомощно оглядываясь на шагающих впереди бойцов.

В ушах все еще стоял предсмертный плач Дрона. Его отчаяние, разочарование и нежелание верить в то, что в этом страшном угрюмом мире человек остался совсем один, передавалось Артему. Странно, но, только услышав вопль дикаря, полный безысходной тоски по нелепому, выдуманному божеству, он начал понимать то вселенское чувство одиночества, которое питало человеческую веру.

Ступая по пустому безжизненному туннелю, он и сам сейчас ощущал нечто подобное. Если сталкер оказался прав и они уже больше часа углублялись в недра Метро-2, то загадочное сооружение оказывалось простой инженерной конструкцией, давным-давно заброшенной хозяевами и захваченной полуразумными людоедами и их фанатичными жрецами.

Бойцы зашептались. Отряд вступал на пустую станцию крайне необычного вида. Короткая платформа, низкий потолок, толстенные колонны из железобетона и кафельные стены вместо привычного мрамора указывали на то, что от станции не требовалось, чтобы она радовала глаз, и единственное ее призвание заключалось в том, чтобы как можно надежней защитить тех, кто ею пользовался.

Потускневшие от времени бронзовые буквы на стенах складывались в непонятное слово «Совмин». В другом месте значилось «Дом Правительства РФ». Артем точно знал, что станции ни под одним из этих названий в обычном метро не было, и означать это могло только одно: они уже давно вышли за его пределы. Мельник, похоже, не собирался здесь задерживаться.

Спешно осмотревшись вокруг, он негромко посоветовался о чем-то со своими бойцами, и отряд двинулся дальше.

Артема заполняло странное чувство, которое ему вряд ли удалось бы выразить словами. ...Словно в подаренном ему отчимом на день рождения ярком свертке оказалась одна газетная бумага, а самого подарка найти так и не удалось.

Невидимые Наблюдатели на его глазах мертвели, превращались из грозной, мудрой и непостижимой силы в фантасмагорические античные скульптуры, иллюстрирующие древние мифы, крошащиеся от сырости и сквозняков туннелей. Заодно с ними в его сознании рассыпались шелухой и другие верования, с которыми ему пришлось столкнуться за это путешествие.

Перед ним раскрывалась одна из самых больших тайн метро. Он ступал по Д-6, названному кем-то из его собеседников Золотым мифом метрополитена. Однако вместо радостного волнения Артем испытывал непонятную горечь. Он начинал понимать, что некоторые тайны прекрасны именно потому, что не имеют разгадки, и что есть вопросы, ответов на которые лучше никому не знать.

Артем ощутил, как щеке стало холодно – в том месте, где дыхание туннелей прошло по следу от ползущей вниз слезы. Он отрицательно покачал головой, совсем как это недавно делал пристреленный дикарь. Его начало знобить то ли от промозглого сквозняка, несущего запах сырости и запустения, то ли от пронзительного чувства одиночества и пустоты.

На долю секунды ему показалось, что все на свете вдруг потеряло смысл – и его миссия, и попытки человека выжить в изменившемся мире, и вообще жизнь во всех ее проявлениях. В ней не было ничего – только пустой темный туннель отмеренного каждому времени, по которому он должен вслепую брести от станции «Рождение» до станции «Смерть». Искавшие веру просто пытались найти в этом перегоне боковые ответвления. Но станций было всего две, и туннель строился только для того, чтобы их связать, поэтому никаких ответвлений в нем не было и быть не могло.

Когда Артем опомнился, оказалось, что он отстал от отряда на несколько десятков шагов. Что заставило его прийти в себя, он понял не сразу. Потом, оглядевшись по сторонам и прислушавшись, осознал: в одной из стен виднелась неплотно прикрытая дверь, через которую до него доносился странный нарастающий шум – чей-то глухой рокот или недовольное урчание. Его, наверное, совсем еще не было слышно, когда мимо двери проходили остальные. Но теперь не заметить этот шум становилось все сложнее.

Сейчас отряд оторвался от него уже, наверное, на сотню метров. Преодолев желание броситься вдогонку, Артем затаил дыхание, приблизился к двери и толкнул ее. За ней открывался довольно длинный и широкий коридор, оканчивавшийся черным квадратом выхода. Именно оттуда и долетал рокот, все больше напоминавший рев огромного животного.

Шагнуть внутрь Артем так и не осмелился. Как замороженный, он стоял, уставившись в чернеющую пустоту выхода в конце коридора и прислушиваясь, пока рев не усилился многократно и в проеме не показалось в ярком луче фонаря что-то смутное, неимоверно огромное, неудержимо несущееся вперед, мимо открытого прохода – дальше.

Артем отпрянул, захлопнул дверь и бросился догонять отряд.

Глава 18. Власть

Они уже успели заметить его отсутствие и остановились. Белый луч беспокойно шнырял по туннелю, и, попав в пятно света, Артем на всякий случай поднял вверх руки и крикнул:

– Это я! Не стреляйте!

Фонарь погас. Артем заспешил вперед, готовясь к тому, что ему сейчас устроят выволочку. Но, когда он добрался до остальных, Мельник только спросил его негромко:

– Ничего сейчас не слышал?

Артем молча кивнул. Ему не хотелось говорить о том, что он только что видел, к тому же у него не было уверенности, что ему все это не почудилось. С некоторых пор он привык к тому, что в метро к своим ощущениям надо относиться осторожно.

Что же это было? Так мог выглядеть проносящийся мимо поезд, но возможность эта исключалась: в метро уже десятки лет не было количества электроэнергии, необходимого для движения составов. Вторая возможность была еще более невероятна. Артем вспомнил про предостережения дикарей насчет священных ходов Великого Червя и про то, что нынешний день является запретным. Ничего другого в голову не приходило.

– Ведь поезда больше не ходят, правда? – спросил он сталкера на всякий случай.

Тот посмотрел на него недовольно.

– Какие еще поезда? Они тогда как остановились, так ни разу больше и не двигались, пока их по частям не растащили. Ты про эти звуки, что ли? Подземные воды, думаю. Тут же река рядом совсем. Мы под ней прошли. Ладно, черт с ним, есть проблемы поважнее. Еще неизвестно, как отсюда выбираться.

Настаивать на своем и укреплять сталкера во мнении, что он имеет дело с сумасшедшим, Артему совсем не хотелось. А так как вторая его гипотеза была еще безумней, он предпочел замолчать и больше не возвращаться к этой теме.

Река, наверное, и вправду была неподалеку. Мрачное безмолвие туннеля здесь нарушали неприятные звуки капающей воды и журчание тонких черных ручейков по краям рельсов. Стены и своды влажно поблескивали, их покрывал белесый налет плесени, тут и там попадались лужи. Воды в туннелях Артем привык бояться и чувствовал себя в этом перегоне совсем неуютно. Влага просачивалась в заброшенные и забытые человеком места: без ремонта и вечной борьбы с грунтовыми водами некоторые перегоны в метро давали течь. Отчим даже рассказывал ему о затопленных туннелях и станциях. По счастью, они лежали довольно низко или находились на отшибе, так что на всю ветку напасть не распространялась. Поэтому мелкие капли на стенах Артему казались предсмертной испариной покинутого в минуты агонии человека.

Впрочем, чем дальше они продвигались, тем суше становилось вокруг. Постепенно ручейки иссякли, плесень на стенах теперь попадалась все реже, а воздух стал чуть легче. Туннель спускался вниз, оставаясь все таким же пустым, и это не могло не настораживать. В который раз уже Артем вспоминал слова Бурбона, что пустой перегон – страшнее всего. Остальные, кажется, тоже это понимали и все чаще нервно оборачивались назад, натываясь на шедшего последним Артема, а встретившись с ним глазами, поспешно отворачивались.

Они все время шли напрямик, не задерживаясь у отрезанных решетками боковых ответвлений и виднеющихся в стенах толстых чугунных дверей с колесами запоров. Только сейчас Артему стало ясно, каких же невообразимых размеров был лабиринт, вырытый в земляной толще под городом десятками поколений его обитателей. Метро, оказывается, было всего лишь частью сплетенной из бесчисленных ходов и коридоров, раскинувшейся в глубине гигантской паутины.

Некоторые из дверей, мимо которых шел отряд, были отворены. Заглядывающий в них луч фонаря на секунды возвращал к жизни призраки брошенных комнат, ржавых двухъярусных кроватей, проваливался в зевы извивающихся коридоров. Везде царило страшное запустение, и как Артем ни выискивал хотя бы малейшие следы человеческого присутствия, все было тщетно. Все это грандиозное сооружение было давным-давно покинуто и мертво.

Пожалуй, даже увидеть на полу чьи-нибудь истлевшие останки Артему сейчас было бы не так жутко.

Казалось, их марш-бросок продолжается бесконечно. Старик шел все медленнее, он выбивался из сил, и ни тычки в спину, ни матерная брань конвоиров уже не могли заставить его ускорить шаг. Привалов отряд не делал, и самая долгая остановка продолжалась полминуты – ровно столько, сколько потребовалось бойцам, которые тащили носилки с Антоном, чтобы сменить руки. Его сын держался на удивление стойко. И хотя было заметно, что Олег уже устал, он ни разу не пожаловался, а только упорно сопел, стараясь идти наравне со всеми.

Впереди оживленно заговорили. Выглянув из-за широких спин, Артем понял, в чем дело. Они вступали на новую станцию. Выглядела она почти так же, как и предыдущая: низкие своды, колонны, похожие на слоновьи ноги, крашенные масляной краской бетонные стены, отсутствие каких-либо декоративных элементов. Платформа была необычно широкая, и что находилось с другой ее стороны, толком разглядеть не получалось. На беглый взгляд, в ожидании поезда здесь могли бы разместиться не меньше двух тысяч человек. Но и здесь не было ни души, а последний поезд отправился в неизвестный пункт назначения так давно, что рельсы покрылись черной ржавчиной и прогнившие шпалы поросли мхом. Составленное из литых бронзовых букв название станции заставило Артема вздрогнуть. Это было то самое загадочное слово «Генштаб». Он сразу вспомнил и о военных в Полисе, и о нехороших огоньках, блуждавших в гиблом сквере у развороченных стен здания Министерства обороны.

Мельник поднял руку в перчатке. Отряд мгновенно замер.

– Ульман, за мной, – бросил сталкер и легко взобрался на платформу.

Здоровый, похожий на медведя боец, шагавший с ним рядом, подтянулся на руках и последовал за командиром. Мягкие звуки их крадущихся шагов тут же растворились в тишине станции. Остальные члены отряда, словно по команде, заняли оборонительную позицию, держа под прицелом туннель в обоих направлениях. Оказавшись в середине, Артем решил, что под прикрытием товарищей пока может успеть рассмотреть странную станцию.

– Папа не умрет? – Он почувствовал, как мальчик потянул его за рукав.

Артем опустил глаза. Олег стоял, умоляюще глядя на него, и Артем понял, что тот готов расплакаться. Он успокаивающе покачал головой и потрепал мальчика по макушке.

– Это из-за того, что я рассказал, где папа работал? Его поэтому ранили? – спросил Олег. – Папа мне всегда говорил, чтобы я никому не болтал... – он всхлипнул. – Говорил, что люди не любят ракетчиков. Папа сказал, что это не стыдно, это не плохо, что ракетчики родину защищали. Что просто другие им завидуют.

Артем с опаской оглянулся на жреца, но тот, утомленный дорогой, сел на пол и уставил погасший взор в пустоту, не обращая никакого внимания на их разговор.

Через несколько минут вернулись разведчики. Отряд сгрудился вокруг сталкера, и тот кратко ввел остальных в курс дела:

– Станция пуста. Но не заброшена. В нескольких местах – изображения их червя. И еще... Нашли схему, на стене от руки нарисована. Если ей верить, эта ветка идет к Кремлю. Там центральная станция и пересадка на другие линии. Одна из них отходит в направлении Маяковской. Придется двигаться туда, путь должен быть свободен. В боковые проходы соваться не будем. Вопросы?

Бойцы переглянулись между собой, но никто ничего не сказал.

Зато старик, безучастно сидевший до этого на земле, при слове «Кремль» забеспокоился, завертел головой и начал что-то мычать. Мельник нагнулся и вырвал у него изо рта кляп.

– Не надо туда! Не надо! Я не пойду к Кремлю! Оставьте меня здесь! – забормотал жрец.

– В чем дело? – недовольно спросил сталкер.

– Не надо к Кремлю! Мы туда не ходим! Я не пойду! – как заведенный, повторял старик, мелко трясясь.

– Ну, вот и замечательно, что вы туда не ходите, – отозвался сталкер. – По крайней мере, ваших там не будет. Туннель пустой, чистый. Я в боковые перегоны не собираюсь. По мне лучше так, напролом, через Кремль.

В отряде зашептались. Вспомнив зловещее свечение на кремлевских башнях, Артем понял, почему не только жрец боялся там показываться.

– Все! – оборвал ропот Мельник. – Двигаемся вперед, времени нет. У них сегодня запретный день, в туннелях – никого. Неизвестно, когда он закончится, но нам тогда придется туго. Поднимайте его!

– Нет! Не ходите туда! Не надо! Я не пойду! – старик, казалось, совсем обезумел.

Когда к нему подошел конвоир, жрец неуловимым змеиным движением вывернулся у него из рук, потом с притворной покорностью замер под наведенными дулами автоматов и вдруг коротко дернул связанными за спиной руками.

– Ну и пропадайте! – его торжествующий смех через несколько секунд превратился в захлебывающийся хрип, тело вывернуло судорога, а изо рта обильно пошла пена. Конвульсия свела мышцы его лица в безобразную маску, тем более ужасную, что провал рта на ней изгибался уголками вверх. Это была самая страшная улыбка, которую Артему доводилось видеть в своей жизни.

– Готов, – сообщил Мельник.

Он приблизился к упавшему на землю старику и, поддев его носком ботинка, перевернул. Жесткий, словно окоченевший, труп тяжело поддался и перекатился лицом вниз. Сначала Артем подумал, что сталкер сделал это, чтобы не видеть лица мертвого, но потом понял настоящую причину. Фонарем Мельник осветил перетянутые проволокой запястья старика. В кулаке правой руки тот сжимал иглу, воткнутую в предплечье левой. Как жрец исхитрился это сделать, где ядовитое жало было спрятано у него все это время и почему он не воспользовался им раньше, Артем понять не мог. Он отвернулся от тела и закрыл ладонью глаза маленького Олега.

Отряд застыл на месте. Хотя приказ двигаться был отдан, никто из бойцов не шелохнулся. Сталкер оценивающе оглядел их. Можно было представить, что творилось у бойцов в головах: что же такое ждало их в Кремле, если заложник предпочел покончить с собой, лишь бы туда не идти?

Не тратя времени на убеждения, Мельник шагнул к носилкам со стонущим Антоном, нагнулся и взялся за одну из ручек.

– Ульман! – позвал он.

После секундного колебания широкоплечий разведчик занял место у второй ручки носилок. Подчиняясь неожиданному импульсу, Артем подошел к ним и схватил заднюю ручку. Рядом с ним встал кто-то еще. Не говоря ни слова, сталкер распрямился, и они двинулись вперед. Остальные последовали за ними, и отряд снова образовал боевое построение.

– Тут недалеко уже осталось, – тихо сказал Мельник. – Сотни две метров. Главное, переход на другую линию найти. Потом – до Маяковской. Что дальше, не знаю. Третьяка нет... Придумаем что-нибудь. Теперь у нас одна дорога. Сворачивать нельзя.

Его слова о дороге всколыхнули что-то в Артеме, он снова вспомнил про свой путь. Задумавшись, он не сразу осознал, о чем говорил Мельник до этого. Но как только упоминание сталкера о погибшем Третьяке дошло до занятого другим сознанием, он встрепенулся и громко прошептал ему:

– Антон... Раненый... он ведь в РВА служил... Он ведь ракетчик! Значит, мы еще сможем! Сможем?

Мельник недоверчиво оглянулся через плечо, потом посмотрел на распростертого на носилках командира дозора. Тот, кажется, был совсем плох. Паралич у Антона уже давно прошел, но теперь его терзал горячечный бред. Стоны сменялись обрывками фраз, неясными, но яростными приказами, отчаянной мольбой, всхлипыванием и бормотанием. И чем ближе они подходили к Кремлю, тем громче делались выкрики раненого, тем напряженнее он выгибался на носилках.

– Я сказал! Не спорить! Они идут... Ложись! Трус... Но как же... как же с остальными?! Никто не сможет там, никто! – доказывал Антон своим товарищам, которых видел только он один.

Его лоб покрылся испариной, и Олег, бежавший рядом с носилками, воспользовался короткой заминкой, пока бойцы меняли руку, и промокнул отцу лоб тряпкой. Мельник посветил на командира дозора, словно пытаясь понять, сумеет ли он прийти в себя. Стало видно, как тот стискивает зубы, как беспокойно мечутся под веками глазные яблоки. Кулаки его были сжаты, а тело рвалось то в одну, то в другую сторону. Брезентовые ремни не давали Антону вывалиться, но нести его становилось все сложнее.

Еще через полсотни метров Мельник поднял ладонь вверх, и отряд снова остановился. На полу белел грубо нарисованный знак: привычная уже извилистая линия упиралась утолщением головы в жирную красную черту, отсекавшую лежавший впереди участок перегона. Ульман присвистнул.

– Загорелся красный свет, говорит – дороги нет, – нервно засмеялся кто-то сзади.

– Это для червяков, нас не касается, – отрезал сталкер. – Вперед!

Однако теперь они продвигались вперед еще медленнее. Мельник, надвинув на глаза прибор ночного видения, занял место во главе отряда. Но спешить они перестали не только из осторожности. На станции «Генштаб» туннель стал забирать вниз еще круче, и хотя он оставался все таким же пустым, от Кремля поползла незримая, но осязаемая дымка чьего-то присутствия. Обволакивая людей, она наделяла их уверенностью, что там, в черной беспросветной глубине, скрывается нечто необъяснимое, огромное и злое. Это не было похоже на ощущения, которые Артему доводилось испытывать до сих пор: ни на темный вихрь, преследовавший его в перегонах на Сухаревской, ни на голоса в трубах, ни на порожденный и подпитываемый людьми суеверный страх перед туннелями, ведущими к Парку Победы. Все сильнее чувствовалось, что на сей раз за тревогой этой прячется что-то... неодушевленное, но все же живое.

Артем посмотрел на дюжего бойца, шедшего по другую сторону носилок, которого сталкер называл Ульманом. Ему вдруг страшно захотелось поговорить, неважно о чем, лишь бы услышать человеческий голос.

– А почему у Кремля звезды на башнях светятся? – вспомнил Артем терзавший его вопрос.

– Кто тебе сказал, что они светятся? – удивленно ответил боец. – Ничего такого там нет. На самом деле с Кремлем так: каждый что хочет, то и видит. Некоторые говорят, что и самого-то его уже давно нет, просто Кремль любой надеется увидеть. Хочется же верить, что самое святое осталось цело.

– А что с ним произошло? – спросил Артем.

– Никто не знает, – отозвался разведчик, – кроме твоих людоедов. Я молодой еще, мне тогда лет десять было. А те, кто воевал, говорят, что Кремль не хотели разрушать и сбросили на него какую-то секретную разработку... Биологическое оружие. В самом начале. Ее не сразу заметили и даже тревогу не объявили, а когда поняли, что к чему, уже поздно было, потому что эта разработка там всех сожрала, да еще и из окрестностей народу засосала. Живет себе за стеной до сих пор и чудесно себя чувствует.

– А как она... засасывает? – Артем не мог отделаться от видения: мерцающих нездешним светом звезд на верхушках кремлевских башен.

– Знаешь, было насекомое такое – муравьиный лев? Копало в песочке воронки, а само залезало на дно и рот раскрывало. Если муравей мимо пробежал и случайно на край ямки наступал, все. Конец трудовой биографии. Муравьиный лев шевелился, песок ко дну сыпался, и муравей прямо вниз, ему в пасть падал. Ну вот и с Кремлем то же. Стоит на край воронки попасть, затянет, – ухмыльнулся боец.

– А почему люди сами внутрь идут? – настаивал Артем.

– А я откуда знаю? Гипноз, наверное... Вон, возьми хотя бы этих твоих людоедов-иллюзионистов. Как мозги морозят! А ведь, пока сам не увидишь, не поверишь. Так бы мы и остались там...

– Так что же мы к нему тогда в самое логово идем? – недоуменно спросил Артем.

– Это не ко мне вопросы, а к начальству. Но я так понимаю, что надо снаружи быть и на башни со стенами смотреть, чтобы оно тебя сцапало. А мы вроде внутри уже... Куда здесь смотреть-то?

Мельник обернулся и сердито шикнул на них. Говоривший с Артемом боец тут же осекся и замолчал. И стало слышно то, что заглушал звук его голоса: идущее из глубины, нехорошее, негромкое... бульканье? Урчание? Достаточно было один раз уловить этот звук, вроде и не предвещающий ничего страшного, но какой-то настойчивый и неприятный, как забыть о нем более не получалось.

Они прошли мимо тройных, устроенных друг за другом, мощных гермоворот. Все створки были гостеприимно распахнуты настежь, и тяжелый железный занавес поднят к потолку. «Двери, – подумал Артем. – Мы на пороге».

Стены вдруг расступились, и они оказались в мраморном зале, настолько просторном, что луч мощных фонарей еле добивал до противоположной стены, превращаясь в рассеянное бледное пятно. Потолок, в отличие от других секретных станций, здесь был высокий, его держали мощные, богато украшенные колонны. Сверху свисали почерневшие от времени массивные золоченые люстры, все еще отзывавшиеся на свет фонаря кокетливым блеском.

В нескольких местах стены были покрыты огромными мозаичными панно, изображавшими одетого в пиджак немолодого человека с бородкой и большой залысиной и улыбающихся ему людей в рабочей форме, молодых девушек в скромной одежде и легких белых косынках, военных в старомодных фуражках, несущиеся по небу эскадрильи истребителей, ползущие строем танки и наконец сам Кремль.

Названия у этой удивительной станции не было, но именно его отсутствие лучше всего давало понять, куда они попали.

Колонны и стены были покрыты густым, чуть ли не сантиметровым, слоем серой пыли. Очевидно, нога человека не ступала сюда десятилетиями; жутковато было и догадываться о причине того, почему это место избегали даже бесстрашные дикари.

Дальше на пути стоял необычный поезд. У него было всего два вагона, но зато тяжело бронированных, покрашенных в защитный темно-зеленый цвет. Окна заменяли узкие, напоминавшие бойницы щели, закрытые затемненным стеклом. Двери – по одной в каждом вагоне – были заперты. Артему подумалось, что хозяевам Кремля, может быть, действительно так и не удалось воспользоваться своим тайным путем для бегства.

Они выбрались на платформу и остановились.

– Так вот оно как здесь... – Сталкер задрал голову к потолку, насколько позволял шлем. – Сколько уже сказок слышал... А ведь все не так...

– Куда дальше? – спросил у него Ульман.

– Понятия не имею, – признался Мельник. – Надо осмотреться.

На этот раз он не стал покидать отряд, и люди медленно двинулись все вместе. Станция все же чем-то напоминала обычную: по краям платформы здесь так же были проложены два пути. Они ограничивали помещение слева и справа, а с обоих концов продолговатый зал заканчивался двумя остановившимися навеки эскалаторами, уходящими в величественные круглые арки. Тот, что находился ближе к их отряду, вел наверх, другой нырял на еще совсем уж невообразимую глубину. Где-то здесь, наверное, был и лифт – вряд ли у прежних обитателей Кремля были, как у простых смертных, лишние минуты, чтобы неспешно ползти вниз на эскалаторе.

Зачарованное состояние, в котором находился Мельник, передалось и остальным. Пытаясь дотянуться лучами до высоких сводов, разглядывая бронзовые скульптуры, установленные посреди зала, любясь великолепными панно и поражаясь величественности этой станции, настоящего подземного дворца, они даже перешли на шепот, чтобы не нарушать его покоя. Восхищенно озираясь по сторонам, Артем совершенно позабыл и об опасностях, и о покончившем с собой жреце, и о дурманящем сиянии кремлевских звезд. Мысль в голове оставалась только одна: он все пытался себе представить, как несказанно прекрасна эта станция должна быть в ярком свете роскошных люстр.

Они приближались к противоположному концу зала, где начинались ступени уводящего вниз эскалатора. Артем попробовал вообразить, что скрывается там, внизу. Может быть, еще одна, дополнительная станция, составы с которой отправлялись напрямик в секретные бункеры на Урале? Или пути, ведущие в бесчисленные коридоры вырытых еще в незапамятные времена подземелий и казематов? Глубинная крепость? Стратегические запасы оружия, медикаментов и продовольствия? Или просто бесконечная двойная лента ступеней, уходящих вниз, сколько хватает глаз? Не здесь ли располагалась та самая глубокая точка метро, о которой говорил Хан?

Артем специально будоражил свою фантазию самыми невероятными картинками, оттягивая тот момент, когда, подойдя к краю эскалатора, он наконец увидит, что же находится внизу на самом деле. Поэтому у поручней он оказался не первым. Тот боец, который рассказывал ему только что про муравьиного льва, добрался до арки раньше. Вскрикнув, он испуганно отпрянул назад. А через мгновение настала и очередь Артема.

Медленно, словно некие сказочные существа, дремавшие сотни лет, а потом разбуженные и разминающие затекшие от векового сна мышцы, оба эскалатора пришли в движение. С натужным старческим скрипом ступени поползли вниз, и что-то в этой картине было невыразимо жуткое... Что-то здесь не сходилось, не соответствовало тому, что Артем знал и помнил про эскалаторы. Он чувствовал это, но ему никак не удавалось ухватить за хвост скользкую тень понимания.

– Слышишь, как тихо? Это ведь его не мотор двигает... Машинное отделение не работает, – помог ему Ульман.

Конечно же, дело было именно в этом. Скрип ступеней и скрежетание несмазанных шестерней – вот и все звуки, которые издавал оживший механизм. Все ли? Артем снова услышал отвратительное бульканье и чавканье, которые долетали до него в туннеле. Звуки шли из глубины, оттуда, куда вели эскалаторы. Он набрался смелости и, приблизившись к краю, осветил наклонный туннель, по которому все быстрее ползла черно-бурая лента ступеней.

На какой-то миг ему показалось, что тайна Кремля раскрылась перед ним. Он увидел, как сквозь щели между ступенями проступает что-то грязно-коричневое, маслянистое, перетекающее и однозначно живое. Короткими всплесками оно чуть вылезало из этих щелей, синхронно приподнимаясь и опадая по всей длине эскалатора, насколько Артем мог его разглядеть. Но это было не бессмысленное пульсирование. Все эти всплески живого вещества, несомненно, были частью одного гигантского целого, которое натужно двигало ступени. А где-то далеко внизу, на глубине нескольких десятков метров, это же грязное и маслянистое привольно растеклось по

полу, вспухая и сдуваясь, перетекая и подрагивая, издавая те самые странные и омерзительные звуки. Арка представилась Артему чудовищным зевом, своды эскалаторного туннеля – глоткой, а сами ступени – жадным языком разбуженного пришельцами грозного древнего божества.

А потом его сознания словно коснулась, поглаживая, чья-то рука. И в голове стало совсем пусто, как в туннеле, по которому они сюда шли. И захотелось только одного – встать на ступени и не спеша поехать вниз, где его наконец ждет умиротворение и ответ на все вопросы. Перед его воображаемым взором снова вспыхнули кремлевские звезды...

– Артем! Беги! – по щекам хлестнула, обжигая кожу, перчатка.

Он вострепнулся и обомлел: бурая жижа ползла вверх по туннелю, разбухая на глазах, разрастаясь, пенясь, как выкипевшее свиное молоко. Ноги не слушались, и проблеск сознания был совсем коротким: невидимые щупальца всего на миг выпустили его рассудок, чтобы тут же снова цепко ухватить его и повлечь обратно во мглу.

– Тащи его!

– Пацана сначала! Да не плачь...

– Тяжелый... А еще тут этот, раненый...

– Брось, брось носилки! Куда ты с носилками!

– погоди, я тоже залезу, вдвоем проще...

– Руку, руку давай! Да скорей же!

– Матерь Божья... Уже вылезло...

– Затягивай... Не смотри, не смотри туда! Ты меня слышишь?

– По щекам его! Вот так!

– Ко мне! Это приказ! Расстреляю!..

Мелькали странные картинки: зеленый, усеянный заклепками бок вагона, почему-то перевернутый потолок, потом изгаженный пол... темнота... снова зеленая броня... потом мир прекратил раскачиваться, успокоился и замер. Артем приподнялся и осмотрелся вокруг.

Они сидели кругом на крыше бронированного состава. Все фонари были отключены, горел только один, маленький, карманный, лежавший в центре. Его света не хватало, чтобы увидеть, что творится в зале, но слышно было, как со всех сторон что-то клокочет, бурлит и переливается.

К его разуму кто-то снова осторожно, как бы пробуя на ощупь, прикоснулся, но он встряхнул головой, и морок рассеялся.

Он оглядел и механически пересчитал ютившихся на крыше членов отряда. Сейчас их было пятеро, если не считать Антона, который так и не пришел в себя, и его сына. Артем тупо отметил, что один боец куда-то пропал, потом его мысли опять замерли. Как только в голове опустело, рассудок снова начал сползать в мутную пучину. Бороться с этим в одиночку было трудно. Мельком осознав происходящее, Артем постарался уцепиться за эту мысль; необходимо было думать о чем угодно, только чтобы не оставлять свой рассудок незанятым. С остальными, видимо, происходило то же самое.

– Вот что с этой дрянью под облучением случилось... Точно говорили, биологическое оружие! Но они сами не думали, что такой кумулятивный эффект получится. Хорошо еще, оно за стеной сидит и в город не вылезает... – говорил Мельник.

Ему никто не отвечал. Бойцы затихли и слушали рассеянно.

– Говорите, говорите! Не молчите! Эта сволочь вам на подкорку давит! Эй, Оганесян! Оганесян! О чем думаешь? – тормошил сталкер одного из своих подчиненных. – Ульман, мать твою! Куда смотришь? На меня смотри! Не молчите!

– Ласковая... Зовет... – сказал богатырь Ульман, хлопая ресницами.

– Какая еще ласковая! Не видел, что с Делягиным стало? – сталкер с размаху заехал бойцу по щеке, и ошоловелый взгляд того прояснился.

– За руки! Всем за руки взяться! – надрывался Мельник. – Не молчите! Артем! Сергей! На меня, на меня смотрите!

А в метре внизу клочкотала, кипела страшная масса, которая, кажется, заполнила собой уже всю платформу. Она становилась все настойчивее, и выдерживать ее напора они уже не могли.

– Ребята! Пацаны! Не поддавайтесь! А давайте... хором! Споем! – одергивая своих солдат, развешивая им пощечины или почти нежными касаниями приводя в чувство, не сдавался сталкер. – Вставай, страна огромная... Вставай на смертный бой! – хрипя и фальшивя, затянул он. – С фашистской силой тем-ною... С прокля-я-ятою ордоой...

– Пусть я-арость благородная... Вскипа-ает, как волна, – подхватил Ульман.

Вокруг поезда забурило с удвоенной силой. Артем подпевать не стал: слов этой песни он не знал, и вообще ему подумалось, что про темную силу и вскипающую волну бойцы запели неспроста.

Дальше первого куплета и припева никто, кроме Мельника, слов не знал, и следующее четверостишие он пел в одиночку, грозно сверкая глазами и не давая никому отвлечься:

Как два-а различных по-олюса,
Во всем враждебны мы!
За све-е-ет и мир мы боремся,
Они – за царство тьмы...

Припев на этот раз пели почти все, даже маленький Олег пытался вторить взрослым. Нестройный хор грубых, прокуренных мужских голосов зазвучал, отдаваясь эхом, в бескрайнем мрачном зале. Звук их пения взлетал к высоким, украшенным мозаикой сводам, отражался от них, падал и тонул в кишасей внизу живой массе. И хотя в любой другой ситуации эта картина – семеро здоровых мужиков, забравшихся на крышу состава и распевających там, держась за руки, бессмысленные песни – показалась бы Артему абсурдной и смешной, сейчас она больше напоминала леденящую сцену из ночного кошмара. Ему нестерпимо хотелось проснуться.

Пусть я-а-арость благо-о-о-одная
Вскипа-а-а-ает, как волна-а-а-а...
Идет война народная,
Свяще-е-е-нная война-а-а!

Сам Артем, хотя и не пел, прилежно открывал рот и раскачивался в такт музыке. Не расслышав слова в первом куплете, он решил даже сначала, что речь в ней идет то ли о выживании людей в метро, то ли о противостоянии черным, под натиском которых скоро должна была пасть его родная станция. Потом еще в одном куплете проскользнуло про фашистов, и Артем понял, что речь идет о борьбе бойцов Красной бригады с обитателями Пушкинской...

Когда он оторвался от своих размышлений, то обнаружил, что хор затих. Может, следующих куплетов не знал уже и сам Мельник, а может, ему просто перестали подпевать.

– Ребята! А давайте хотя бы «Комбата», а? – пытался уговорить своих бойцов сталкер. – Комбат-батяня, батяня-комбат, ты сердце не прятал за спины ребят... – начал он было, но потом и сам примолк.

Отряд охватило нехорошее оцепенение. Бойцы начали разжимать руки, и круг распался. Молчали все, даже все время бредивший и бормотавший до этого Антон. Чувствуя, как в возникающую в голове пустоту заливается теплая и мутная жижа безразличия и усталости, Артем

старался вытолкнуть ее, думая о своей миссии, потом рассказывая про себя детские стишки, сколько помнил, потом просто повторяя: «Я думаю, думаю, думаю, ко мне не пролезешь...»

Боец, которого сталкер назвал Оганесяном, вдруг встал со своего места и распрямился во весь рост. Артем равнодушно поднял на него глаза.

– Ну, мне пора. Бывайте, – попрощался тот.

Остальные тупо посмотрели на товарища, ничего не отвечая, только сталкер кивнул ему. Оганесян подошел к краю и без колебаний шагнул вперед. Он совсем не кричал, но внизу послышался неприятный звук, смесь всплеска с голодным урчанием.

– Зовет... Зове-ет... – нараспев сказал Ульман и тоже начал подниматься.

В голове Артема заклинание – «Я думаю, ко мне не пролезешь!» – застряло на слове «я», и теперь он просто повторял, сам не замечая, что делает это во весь голос: «Я, я, я, я, я». Потом ему сильно, непреодолимо захотелось посмотреть вниз, чтобы понять, так ли уродлива колыхавшаяся там масса, как ему показалось вначале. А вдруг он ошибся? Вспомнилось снова и о звездах на кремлевских башнях, далеких и манящих...

И тут маленький Олег легко вскочил на ноги и, коротко разбежавшись, с веселым смехом бросился вниз. Живая трясина внизу негромко чавкнула, принимая тело мальчика. Артем понял, что завидует ему, и тоже засобирился следом. Но через пару секунд после того, как масса сомкнулась над головой Олега, может, в тот самый момент, когда она отбирала у него жизнь, его отец закричал и очнулся.

Тяжело дыша и загнанно оглядываясь по сторонам, Антон поднялся и принялся трясти остальных, требуя от них ответа:

– Где он? Что с ним? Где мой сын?! Где Олег? Олег! Олежек!

Мало-помалу лица бойцов стали обретать осмысленное выражение. Начал приходить в себя и Артем. Он уже не был уверен, что действительно видел, как Олег спрыгнул в бурлящую массу. Поэтому отвечать ничего не стал, только попробовал успокоить Антона, который, кажется, неведомым образом почувствовал, что случилось непоправимое, и все больше расходиллся. Зато от его истерики оцепенение окончательно спало и с Артема, и с Мельника, и с остальных членов отряда. Им передалось его возбуждение, его злобное отчаяние, и незримая рука, властно удерживавшая их сознание, отдернулась, словно обжегшись о кипящую в них ненависть. К Артему, да, кажется, и ко всем остальным, наконец вернулась та способность здраво мыслить, которая – теперь он это понимал – пропала уже на подходах к станции.

Сталкер сделал несколько пробных выстрелов в kloкочущую массу, но результата это не дало. Тогда он заставил бойца, вооруженного огнеметом, снять ранец с горючим с плеч и кинуть его по сигналу как можно дальше от состава. Приказав двум другим освещать место падения ранца, он изготoвился к стрельбе и дал отмашку. Раскрутившись на месте, боец швырнул ранец и сам чуть было не полетел вслед за ним, еле удержавшись на краю крыши. Ранец тяжело взлетел в воздух и начал падать метрах в пятнадцати от состава.

– Ложись! – Мельник подождал, пока тот коснулся маслянистой шевелящейся поверхности, и спустил курок.

Последние секунды полета ранца Артем наблюдал, растянувшись на крыше. Как только раздался хлопок выстрела, он спрятал лицо в сгиб локтя и что было сил прижался к холодной броне. Взрыв был мощный: Артема чуть не сорвало с крыши, состав качнулся. Сквозь зажмуренные веки пробилось грязно-оранжевое зарево расплескавшегося по платформе пылающего горючего.

С минуту ничего не происходило. Хлопанье и чавканье трясины не ослабевало, и Артем приготовился уже к тому, что совсем скоро она оправится от досадной неприятности и снова начнет обволакивать его разум.

Но вместо этого шум стал постепенно отдаляться.

– Уходит! Оно уходит! – прямо у него над ухом радостно заорал Ульман.

Артем поднял голову. В свете фонарей было отчетливо видно, как масса, занимавшая недавно чуть ли не весь огромный зал, съезживается и отступает, возвращаясь к эскалаторам.

– Скорее! – Мельник вскочил на ноги. – Как только оно сползет вниз, все за мной – вон в тот туннель!

Артем удивился, откуда у Мельника взялась вдруг такая уверенность, но спрашивать не стал, списав прежнюю нерешительность Мельника на дурман. Сейчас сталкер полностью преобразился: это опять был трезвый, стремительный и не терпящий возражений командир отряда.

Раздумывать не только не было времени, но и не хотелось. Единственное, что сейчас занимало Артема, это как можно скорее унести ноги с проклятой станции, пока странное существо, обитавшее в подвалах Кремля, не опомнилось и не вернулось, чтобы сожрать их. Станция больше не казалась ему удивительной и прекрасной: теперь все здесь было враждебным и отталкивающим. Даже рабочие и крестьянки глядели на него разгневанно с настенных панно, а те, кто все еще улыбались, делали это натянуто и приторно.

Спрыгнув кое-как на платформу, они бросились к противоположному концу станции. Антон полностью пришел в себя и бежал наравне с остальными, так что отряд теперь ничто не задерживало. Через двадцать минут безумной гонки по черному туннелю Артем начал задыхаться, да и остальные тоже стали уставать. Наконец сталкер позволил им перейти на быстрый шаг.

– Куда мы идем? – догнав Мельника, спросил Артем.

– Думаю, мы сейчас под Тверской улицей... Скоро к Маяковской должны выйти. Там разберемся.

– А как вы узнали, в какой туннель нам идти? – поинтересовался Артем.

– На карте было обозначено, которую мы на Генштабе нашли. Но я об этом только в последний момент вспомнил. Верь не верь, как на станцию вступили, все из головы вылетело.

Артем задумался. Выходило, что его восторг от кремлевской станции, от картин и скульптур, от ее простора и величия был как бы и не его? Не был ли это морок, навеянный страшной сущностью, притаившейся в Кремле?

Потом он вспомнил про отвращение и страх, которые ему стала внушать станция, когда дурман рассеялся. И у него зародилось сомнение, что эти чувства тоже принадлежали ему. Может быть, точно так же, как до этого он передал им восхищение и стремление задержаться на станции подольше, «муравьиный лев» заставил их почувствовать неодолимое желание бежать оттуда сломя голову, когда они причинили ему боль?

Какие чувства вообще принадлежали самому Артему и зарождались в его голове? Отпустило ли чудовищное создание его разум сейчас или это оно продолжает диктовать ему мысли и внушать переживания? В какой момент Артем попал под его гипнотическое влияние? Да чего уж там, был ли он хоть когда-либо свободен в своем выборе? И вообще, мог ли его выбор быть свободным? Артему снова вспомнилась беседа с двумя странными жителями Полянки.

Он оглянулся: в двух шагах за ним шел Антон. Он больше не приставал ни к кому с вопросом о том, что стало с его сыном, – кто-то уже сказал ему. Лицо его застыло и омертвело, взгляд был обращен внутрь. Понимал ли Антон, что они были всего в шаге от спасения мальчика? Что его смерть стала нелепой случайностью? Но именно она спасла жизнь остальным. Случайность или жертва?

– Вы знаете, мы ведь все, наверное, только благодаря Олегу спаслись. Это из-за него вы... очнулись, – не уточняя, как именно это случилось, сказал юноша Антону.

– Да, – безразлично согласился тот.

– Он нам сказал, что вы в ракетных войсках служили. Стратегических.

– Тактических, – отозвался Антон. – «Точка», «Искандер».

– А системы залпового огня? «Смерч», «Ураган»? – чуть задержавшись, спросил сталкер, слышавший их разговор.

– Тоже могу. Я свержсрочником был, нас и этому учили. Да и сам всем интересовался, все хотел попробовать. Пока не увидел, к чему это приводит.

В его голосе не было ни малейших признаков заинтересованности, как не было и обеспокоенности по поводу того, что оберегаемый им секрет стал известен посторонним. Отвечал он коротко, механически.

Мельник, кивнув, снова оторвался от них, уйдя вперед.

– Нам очень нужна ваша помощь, – осторожно пробуя почву, сказал Артем. – Понимаете, у нас на ВДНХ происходят страшные вещи... – начал он.

И сразу же осекся: после виденного им за последние сутки то, что происходило на ВДНХ, уже не так пугало, не казалось чем-то исключительным, способным сломить метро и окончательно истребить человека как биологический вид. С этой мыслью Артем справился, напомнив себе, что она снова может быть не его, а навязанной извне.

– Там у нас с поверхности проникают такие твари... – продолжил он, собравшись.

Но Антон жестом остановил его.

– Просто скажи, что надо сделать, я сделаю, – бесцветно произнес он. – У меня теперь время есть... Как я домой вернусь без сына?

Артем суетливо кивнул и отошел от дозорного, оставив его наедине с самим собой; чувствовал он себя сейчас погано: вымогать помощь у человека, который только что лишился ребенка... По его, Артема, вине лишился...

Он снова нагнал сталкера. Тот явно пришел в хорошее расположение духа: оторвавшись от растянувшегося цепочкой отряда, он напевал себе что-то под нос и, увидев Артема, улыбнулся ему. Прислушавшись к мелодии, которую Мельник пытался воспроизвести, Артем узнал ту самую песню про священную войну, которую пели на крыше состава.

– Знаете, я сначала решил, что это про нашу войну с черными песня, – поделился он, – а потом понял, что она про фашистов. Это кто сочинил, коммунисты с Красной Линии?

– Этой песне лет сто уже, если не сто пятьдесят, – покачал головой Мельник. – Ее сначала для одной войны сочинили, потом под другую приспособили. Она тем и хороша, что под любую войну подходит. Сколько человек будет жить, всегда будет мнить себя силой света, а врагов считать тьмой.

«И думать так будут по обе стороны фронта, – добавил про себя Артем. – Значит ли это... – его мысль снова метнулась к черным. Может ли это означать, что для них злом и тьмой являются люди, скажем, жители ВДНХ?» Артем спохватился и запретил себе думать о черных как об обычных противниках. Стоит только приотворить им дверь сочувствия, и их уже ничем не удержишь...

– Вот ты про эту песню заговорил, что она на все времена, – неожиданно произнес Мельник, – и мне что в голову пришло. У нас такая страна, что в ней, по большому счету, все времена одинаковы. Такие люди... Ничем их не изменишь. Хоть кол на голове теши. Вот, казалось бы, и конец света уже настал, и на улицу без костюма радиационной защиты не выйти, и дряни всякой развелось, которую раньше только в кино можно было увидеть... Нет! Не проймешь! Такие же. Иногда мне кажется, что и не поменялось ничего. Вот, в Кремле сегодня побывал, – криво усмехнулся он, – и думаю: в принципе и там ничего нового. То же самое творится, что и раньше. Я даже теперь не очень-то и уверен, когда нам эту заразу забросили: тридцать лет назад или триста.

– А разве триста лет назад такое оружие было уже? – засомневался Артем, но сталкер ничего не ответил.

Изображения Великого Червя на полу встречались им два или три раза, но ни самих дикарей, ни каких-либо следов их недавнего присутствия заметно не было. И если после первого

рисунка бойцы насторожились, перегруппировавшись так, чтобы было удобнее обороняться, то после третьего напряжение спало.

– Не соврали, значит, и вправду сегодня святой день, на станциях сидят, в туннели не выходят, – с облегчением заметил Ульман.

Сталкера занимало другое. По его расчетам выходило, что место, где был выход в метро и начинался перегон, ведущий к ракетной части, должно находиться совсем близко. Каждую минуту сверяясь с перерисованным от руки планом, он рассеянно повторял:

– Где-то тут... Не это? Нет, угол не тот, да и где гермозатвор? Уже должны бы подходить...

В конце концов, они остановились на развилке: налево был забраный решеткой тупик, в конце которого виднелись остатки гермоворот, справа, насколько хватало света фонарей, уходил в перспективу прямой туннель.

– Оно! – определил Мельник. – Приехали. По карте все сходится. Там, за решеткой – обвал, как на Парке Победы. И ход должен быть, у которого Третьяка сняли. Так... – Подсвечивая план карманным фонариком, он размышлял вслух: – От этой развилки перегон прямоком к тому дивизиону идет, а этот – к Кремлю, мы оттуда пришли, правильно.

Потом вместе с Ульманом он пролез за решетку, и минут десять они бродили по тупику, осматривая с фонарем стены и потолок.

– Порядок! Есть проход, на этот раз в полу, крышка круглая такая, на канализационный люк похожа, – сообщил вернувшийся сталкер. – Все, мы на месте. Привал.

Как только, сбросив рюкзаки, все расселись на земле, с Артемом произошло что-то странное: несмотря на неудобное положение, его мгновенно сморил сон. То ли сказалась накопленная за последние сутки усталость, то ли яд от парализующей иглы все еще продолжал действовать, давая побочные эффекты.

Артем снова увидел себя, просыпающегося, в палатке на ВНДХ. Как и в предыдущих снах, на станции было мрачно и безлюдно. Не отдавая себе до конца отчета в том, что все это ему только снится, Артем все же наперед знал, что с ним сейчас произойдет. Привычно уже поздоровавшись с игравшей девочкой, он не стал ее ни о чем расспрашивать, вместо этого прямоком направившись к путям. Отдаленные крики и мольбы о пощаде его почти не испугали. Он знал, что навязчивый сон видится ему в который раз по другой причине. И причина эта скрывалась в туннелях. Он должен был раскрыть природу угрозы, разведать обстановку и сообщить о ней союзникам с юга. Но как только его окутала тьма туннеля, уверенность в себе и в том, что он знает, зачем находится здесь и как ему поступать дальше, испарилась.

Ему снова стало страшно, совсем как тогда, когда он в первый раз вышел за пределы станции в одиночку. И точь-в-точь, как в тот раз, пугала его даже не сама темнота и не шорохи туннелей, а неизвестность, невозможность предугадать, какую опасность таят в себе следующие сто метров перегона.

Смутно, как о событиях, случившихся с ним в прошлой жизни, вспоминая, как поступал в предыдущих снах, он все же решил не поддаваться на этот раз страху, а идти вперед, пока не встретится лицом к лицу с тем, кто кроется во мраке, поджидая его.

Навстречу ему кто-то шел. Не спеша, с той же скоростью, с которой продвигался вперед Артем, но не его трусливыми, крадущимися шажками, а уверенной тяжелой поступью. Юноша замирал, переводя дыхание, – останавливался и тот, другой. Артем дал себе зарок: на этот раз не бежать, что бы ни случилось. Когда до скрытого темнотой двойника оставалось, судя по звуку, метра три, колени у Артема уже не просто дрожали, а ходили ходуном, но он все же нашел в себе силы сделать еще один шаг. Но, почувствовав кожей лица легкое колебание воздуха оттого, что кто-то приблизился к нему вплотную, Артем не выдержал. Взмахнув рукой, он оттолкнул невидимое существо и бросился бежать. На этот раз он не споткнулся и бежал

невыносимо долго, час или два, но родной станции не было и в помине, не было никаких станций, вообще ничего, только бесконечный темный туннель. И это оказалось еще страшнее.

– Эй, хватит дрыхнуть, летучку проспидишь, – толкнул его в плечо Ульман. – И как у тебя получается? – завистливо добавил он.

Артем встряхнулся и виновато посмотрел на остальных. Судя по всему, забылся он лишь на несколько минут. Отряд сидел кругом, в центре которого расположился с картой Мельник, показывая и объясняя.

– Вот, – рассуждал он, – до места назначения, наверное, километров двадцать будет. Это ничего, если быстрым шагом и без препятствий, за полдня успеть можно. Военная часть находится на поверхности, но под ней бункер, и туннель ведет к нему. Однако времени думать нет. Нам придется разделиться. Проснулся? Ты возвращаешься в метро, Ульмана к тебе приставляю, – сказал он Артему, – я с остальными ухожу к ракетному дивизиону.

Артем открыл было рот, собираясь протестовать, но сталкер прервал его нетерпеливым жестом. Наклонившись к сваленным в кучу рюкзакам, Мельник принялся распределять снаряжение.

– Вы берете два защитных костюма, у нас остаются четыре – неизвестно, как там получится. Плюс рации, одну вам – одну нам. Теперь инструктаж. Идете на Проспект Мира. Там вас должны ждать, я отправил гонцов, – он посмотрел на наручные часы. – Ровно через двенадцать часов подниметесь на поверхность и ловите наш сигнал. Если все в порядке и мы в эфире, следующая стадия операции. Задача – подобраться к Ботаническому Саду как можно ближе и залезть повыше, чтобы помогать нам наводить и корректировать огонь. Площадь поражения у «Смерчей» ограниченная, сколько там осталось ракет, неизвестно. А сад немаленький. Ты не бойся, – успокоил он Артема, – это все Ульман делать будет, ты там так, за компанию. Польза от тебя, конечно, тоже есть: по крайней мере, знаешь, как эти черные выглядят. Я думаю, – продолжил он, – Останкинская башня для наведения очень даже подходит. У нее есть такое утолщение посередине: в этом набалдашнике ресторан был. Там еще подавали крошечные бутербродики с икрой по заоблачным ценам. Но люди туда не из-за них ходили, а из-за вида на Москву. Ботанический сад оттуда – как на ладони. Попробуйте на башню попасть. Не получится на башню, рядом стоят многоэтажные дома, белые такие, буквой П, судя по рапортам, почти необитаемые. Так... Это вам карта Москвы, это – нам. Там уже все по квадратам разбито. Просто смотрите и передаете. Остальное – за нами. Ничего сложного, – заверил он. – Вопросы?

– А если у них там нет никакого гнезда? – спросил Артем.

– Ну, на нет и суда нет, – сталкер хлопнул ладонью по карте. – Да, у меня тут для тебя сюрприз, – добавил он, подмигнув Артему.

Заглянув в свой ранец, Мельник извлек оттуда белый полиэтиленовый пакет с истершейся цветной картинкой на боку. Артем развернул его и достал паспорт, выправленный на в меру потрепанном бланке, и детскую книжку с вложенной в нее заветной фотографией, которую он нашел в заброшенной квартире на Калининском. Сорвавшись вслед за Олегом, он оставил свои сокровища на Киевской, а Мельник не поленился забрать их и нес с собой все это время. Сидевший рядом Ульман недоуменно посмотрел на Артема, потом на сталкера.

– Личные вещи, – с улыбкой развел руками Мельник.

Артему вдруг захотелось сказать ему что-нибудь теплое и доброе, но тот уже поднимался со своего места, раздавая приказания идущим с ним бойцам.

Он приблизился к погруженному в свои мысли Антону.

– Удачи! – Артем протянул дозорному руку.

Тот молча кивнул, надевая на спину рюкзак. Глаза у него были совсем пустые.

– Ну, все! Прощаться не будем. Засекайте время! – сказал Мельник.

Он развернулся и, больше не говоря ни слова, пошел прочь.

Глава 19. Последний бой

Вдвоем отодвинув тяжелый чугунный блин, закрывавший лаз, они начали спускаться вниз. Узкая вертикальная шахта была сложена из бетонных колец, в каждом из которых торчала металлическая скоба.

Как только они остались вдвоем, Ульман переменялся. С Артемом он общался короткими, односложными фразами, главным образом отдавая приказы или предостерегая. Как только крышка люка была снята, он велел Артему потушить фонарь и, надвинув на глаза прибор ночного видения, первым нырнул внутрь.

Ползти вниз, цепляясь за скобы, Артему пришлось вслепую. Он не очень хорошо понимал, к чему все эти предосторожности, ведь после Кремля они не встретили на своем пути никакой опасности. В конце концов Артем решил, что сталкер дал Ульману какие-то особые инструкции, а может, оставшись без командира, тот просто начал с удовольствием исполнять его роль сам.

Боец хлопнул Артема по ноге, дав знак остановиться. Артем послушно замер, ожидая, пока тот объяснит ему, в чем дело. Но вместо объяснений снизу послышался мягкий удар – это Ульман спрыгнул на пол, – а через несколько секунд раздались тихие хлопки выстрелов.

– Можешь слезать, – громким шепотом разрешил Артему напарник, и внизу зажегся свет.

Когда скобы закончились, он отпустил руки и, пролетев метра два, приземлился на цементный пол. Поднялся, отряхнул руки и огляделся по сторонам. Они находились в коротком, шагов на пятнадцать, коридоре. С одной его стороны в потолке зияло отверстие лаза – оттуда они и выбрались, а с другой в полу виднелся еще один люк, с такой же чугунной рифленой крышкой. Рядом с ним в луже крови лежал ничком мертвый дикарь, даже после смерти сжимавший в руке свою духовую трубку.

– Проход охранял, – тихо отозвался Ульман на вопросительный взгляд Артема, – но заснул. Не ждал, наверное, что с этой стороны кто-то полезет. Ухом на люк лег и задремал.

– Ты его... во сне? – уточнил Артем.

– А что? Не по-рыцарски? – фыркнул Ульман. – Ничего, будет знать, как спать при исполнении. И потом, он все равно плохим человеком был: священного дня не соблюдал. Было же сказано: в туннели не соваться.

За ноги оттащив тело в сторону, Ульман открыл люк и опять погасил фонарь.

На этот раз шахта была совсем короткая и вела в заваленное хламом служебное помещение. Лаз полностью скрывала от чужих глаз гора металлических листов, шестеренок, рессор и никелированных поручней – деталей хватило бы на целый вагон. Они были беспорядочно нагромождены друг на друга до самого потолка и держались лишь каким-то чудом. Между этой кучей и стеной оставался узкий проход, но протиснуться сквозь него, не задев и не обрушив на себя всю гору железа, было почти невозможно.

Засыпанная грунтом до середины дверь из помещения вела в необычный квадратный туннель. Слева перегон обрывался: там то ли был завал, то ли в этом самом месте работы по прокладке путей почему-то прекратили. Направо он выводил в туннель стандартный, круглый и широкий. Сразу чувствовалось, что граница между двумя переплетающимися между собой подземными мирами пересечена. Здесь, в метро, даже дышалось иначе: воздух был хоть и сырым, но не таким мертвенным и застоявшимся, как в тайных ходах Д-6.

Встал вопрос, куда идти дальше. Двигаться наобум они не решились – в этом перегоне могла находиться погранзаства Четвертого Рейха. От Маяковской до Чеховской, судя по карте, пешком было всего минут двадцать. Покопавшись в пакете со своими вещами, Артем нашел окровавленную карту, которая ему досталась от Данилы, и по ней определил верное направление.

Не прошло и пяти минут, как они уже были на Маяковской. Усевшись на скамью, Ульман с облегченным вздохом снял с головы тяжелый шлем, вытер рукавом раскрасневшееся мокрое лицо и запустил пятерню в ежик русых волос. Несмотря на могучее телосложение и повадки матерого туннельного волка, лет Ульману, кажется, было ненамного больше, чем Артему.

Пока искали, где купить еды, Артем успел осмотреть станцию. Сколько прошло времени с тех пор, как он ел в последний раз, Артем уже и сам не знал, но живот у него подвело нешуточно. Припасов у Ульмана с собой никаких не было: собирались они в спешке и брали только необходимое.

Маяковская обстановкой и духом напоминала Киевскую. От когда-то изящной и воздушной станции осталась только мрачная тень. На этой наполовину разоренной станции люди ютились в драных палатках или прямо на платформе, стены и потолок были покрыты подтеками и разводами от просачивающейся воды. Горел один небольшой костерок на всю станцию – топить было нечем. Обитатели Маяковской переговаривались между собой совсем тихо, словно у постели умирающего.

Однако и на этой задыхающейся станции нашелся магазин: залатанная трехместная палатка с выставленным у входа раскладным столиком. Ассортимент был небогат: ободранные крысиные тушки, засохшие и сморщившиеся грибы, доставленные сюда неведь когда, и даже нарезанный квадратиками мох. Рядом с каждым товаром гордо стоял ценник – придавленный гильзой обрывок газетной бумаги с ровными, каллиграфически прописанными цифрами.

Покупателей кроме них почти не было, только худосочная ссутулившаяся женщина, державшая за руку маленького мальчика. Ребенок потянулся к лежавшей на прилавке крысе, но мать одернула его:

– Не трожь! Мы на этой неделе уже ели мясо!

Мальчик послушался, но надолго забыть о тушке у него не вышло. Как только мать отвернулась, он снова попробовал добраться до мертвого зверька.

– Колька! Я тебе что сказала? Будешь плохо себя вести, за тобой бесы из туннелей придут! Вот Сашка твой мамку свою не слушался – его и забрали! – забранила его женщина, в последний момент успев отдернуть от прилавка.

Артем с Ульманом никак не могли решиться. Артему начало казаться, что он вполне может потерпеть до Проспекта Мира, где хотя бы грибы будут посвежее.

– Может, крыску? Зажариваем в присутствии клиента, – с достоинством предложил плешивый хозяин магазина. – Сертификат качества! – загадочно добавил он.

– Спасибо, я уже пообедал, – поспешил отказаться Ульман. – Артем, что ты там хотел? Только мох не бери, от него в кишечнике четвертая мировая начинается.

Женщина осуждающе покосилась на него. В руке у нее было всего два патрона, которых, судя по ценникам, хватало как раз только на мох. Заметив, что Артем смотрит на ее скромный капитал, женщина спрятала кулак за спину.

– Нечего здесь! – злобно огрызнулась она. – Сам покупать не собираешься, так и вали отсюда! Не все миллионеры! Чего пялишься?

Артем хотел ответить, но засмотрелся на ее сына. Тот был очень похож на Олега: такие же бесцветные хрупкие волосы, красноватые глаза, вздернутый нос. Мальчик взял большой палец в рот и стеснительно улыбнулся Артему, глядя на него чуть исподлобья.

Тот почувствовал, как помимо его воли губы расплзаются в улыбке, а глаза набухают слезами. Женщина перехватила его взгляд и взбеленилась.

– Извращенцы лешие! – сверкая глазами, взвизгнула она. – Пойдем, Коленька, сынок, домой! – она потащила мальчика за руку.

– Подождите! Постойте!

Артем выдавил из запасного рожка своего автомата несколько патронов и, догнав женщину, отдал их ей.

– Вот... Это вам. Коле вашему.

Та недоверчиво взглянула на него, потом ее рот презрительно скривился.

– Что же ты думаешь, за пять патронов такое можно? Чтобы своего ребенка?!

Артем не сразу понял, что она имела в виду. Наконец до него дошло, и он раскрыл было рот, чтобы начать оправдываться, но так и не сумел ничего произнести, а просто стоял, хлопая глазами. Женщина, довольная произведенным эффектом, сменила гнев на милость.

– Ладно уж! Двадцать патронов за полчаса.

Оглушенный, Артем потряс головой, развернулся и чуть ли не бегом бросился прочь.

– Жлоб! Ладно, давай хотя бы пятнадцать! – прокричала ему вслед женщина.

Ульман стоял все там же, беседуя о чем-то с продавцом.

– Ну, так как насчет крыски, не надумали? – учтиво поинтересовался хозяин палатки, завидев возвращающегося Артема.

«Еще немного, и меня вырвет», – понял Артем. Потянув Ульмана за собой, он заспешил с этой Богом забытой станции.

– Куда так торопимся? – спросил тот, когда они уже шагали по туннелю в направлении Белорусской.

Стараясь справиться с подступающим к горлу комом, Артем рассказал, что произошло. На Ульмана его история особого впечатления не произвела.

– А что? Жить как-то надо, – отозвался он.

– Зачем такая жизнь вообще нужна? – Артема передернуло.

– У тебя есть предложения? – Ульман пожал широкими плечами.

– Да в чем смысл такой жизни? Цепляться за нее, терпеть всю эту грязь, унижения, детьми своими торговать, мох жрать, ради чего?..

Артем осекся, вспомнив Хантера, как тот говорил про инстинкт самосохранения, про то, что будет из всех сил, по-звериному бороться за свою жизнь и за выживание остальных. Тогда, в самом начале его слова зажгли в Артеме надежду и желание бороться, как та лягушка, своими лапками сбившая молоко в крынке, превратив его в масло. Но сейчас почему-то более верными казались слова, произнесенные отчимом.

– Ради чего? – передразнил его Ульман. – Ты что же, парень, «ради чего» живешь?

Артем пожалел, что вообще ввязался в этот разговор. Бойцом Ульман, надо отдать ему должное, был отменным, но собеседником казался не особо интересным. И спорить с ним по поводу смысла жизни Артему виделось делом бесполезным.

– Да, лично я – «ради чего», – угрюмо ответил он, не выдержав.

– Ну, и ради чего? – рассмеялся Ульман. – Ради спасения человечества? Брось, это все ерунда. Не ты спасешь, так кто-нибудь другой. Я, например, – он осветил фонарем свое лицо так, чтобы Артему было его видно, и соорудил героическую гримасу.

Артем ревниво посмотрел на него, но ничего не сказал.

– И потом, – продолжил боец, – не могут же все ради этого жить.

– И как тебе она, жизнь без смысла? – Артем постарался задать этот вопрос иронично.

– Как это без смысла? У меня он есть – тот же, что и у всех. И вообще, поиски смысла жизни обычно приходится на период полового созревания. Так что у тебя, кажется, затянулось.

Его тон был не обидным, а озорным, так что надуваться Артем не стал. Вдохновленный успехом, Ульман продолжал разглагольствовать:

– Я себя хорошо помню, когда мне семнадцать было. Тоже все пытался понять: как, да зачем, да какой смысл? Потом это проходит. Смысл, брат, в жизни только один: детей сделать и вырастить. А там уж пускай они этим вопросом мучаются. И отвечают на него, как могут. На этом-то мир и держится. Вот такая теория, – он снова засмеялся.

– А со мной ты тогда зачем идешь? Жизнью рискуешь? Если ты не веришь в спасение человечества, то что? – спустя некоторое время спросил Артем.

– Во-первых, приказ, – строго сказал Ульман. – Приказы не обсуждаются. Во-вторых, если ты помнишь, детей недостаточно сделать, их надо вырастить. А как я их буду растить, если их ваша шушера с ВДНХ сожрет?

От него исходила такая уверенность в себе, своих силах и своих словах, его картина мира была так соблазнительно проста и слаженна, что Артему не захотелось с ним больше спорить. Наоборот, он почувствовал, что боец вселяет и в него уверенность, которой ему не хватало.

Как и говорил Мельник, туннель между Маяковской и Белорусской оказался спокойным. Правда, что-то ухало в вентиляционных шахтах, но зато мимо пару раз прошмыгнули вполне нормальных размеров крысы, и Артема это успокоило. Перегон был на удивление коротким – не успели доспорить, как впереди показались огни станции.

Соседство с Ганзой сказывалось на Белорусской самым положительным образом. Это было видно сразу, хотя бы по тому, что, по сравнению с Маяковской или Киевской, она довольно хорошо охранялась. За десять метров до входа был сооружен блокпост: на мешках с грунтом стоял ручной пулемет, а сторожевой наряд состоял из пяти человек.

Проверив документы (вот и пригодился новый паспорт), у них вежливо спросили, не из Рейха ли они будут. Нет-нет, заверили Артема, против Рейха здесь никто ничего не имеет, станция торговая, соблюдает полный нейтралитет, здесь в конфликты между державами – так начальник караула называл Ганзу, Рейх и Красную Линию – не вмешиваются.

Прежде чем продолжать свой путь по Кольцу, Артем с Ульманом решили все же отдохнуть и перекусить. Сидя в богатой и даже с некоторым шиком обставленной закусочной, в придачу к превосходно приготовленной и при этом совсем недорогой отбивной Артем получил полную информацию о Белорусской. Сидевший за столом напротив круглолицый блондин, представившийся Леонидом Петровичем, за обе щеки уплетал грандиозных размеров яичницу с беконом, а когда у него освобождался рот, с удовольствием рассказывал о своей станции.

Жила Белорусская, как выяснилось, за счет транзита свинины и курятины. По ту сторону Кольца – ближе к Соколу и даже к Войковской, хотя та уже находилась в опасной близости к поверхности, – располагались огромные и очень успешные хозяйства. Километры туннелей и технических перегонов были превращены в нескончаемые животноводческие фермы, которые кормили всю Ганзу, заодно поставляя продовольствие и Четвертому Рейху, и на вечно полугодную Красную Линию. Кроме того, жители Динамо унаследовали у своих предприимчивых предшественников склонность к портняжному мастерству. Именно там шили те самые куртки из свиной кожи, которые Артем видел на Проспекте Мира.

Никакой внешней опасности с этого конца Замоскворецкой линии не существовало, и за все годы жизни в метро ни Сокол, ни Аэропорт, ни Динамо никто ни разу не разорял. Ганза на них не претендовала, довольствуясь возможностью собирать пошлину с переправляемого товара, а заодно предоставляла им защиту от фашистов и красных.

Жители Белорусской почти поголовно были заняты торговыми делами. Фермеры с Сокола и портные с Динамо редко задерживались здесь, чтобы собственноручно сбыть свой товар: барышей с оптовых поставок им хватало с головой. Подвозя партии свинины или живых кур на дрезинах и вагонетках на человеческой тяге, люди с той стороны, как их здесь называли, сгружали добро – для этих целей на платформах даже были установлены особые подъемные краны, – рассчитывались и отбывали домой.

Жизнь на станции бурлила. Бойкие торговцы (на Белорусской они почему-то звались «менеджерами») носились от «терминала» – места разгрузки – к складам, позвякивая мешочками с патронами, раздавая указания жилистым грузчикам. Тележки с ящиками и свертками на хорошо смазанных колесах катились бесшумно к рядам прилавков, или к границе Кольца, откуда товар брали ганзейские купцы, или к противоположному краю платформы, где дожидались отгрузки своих заказов эмиссары Рейха.

Фашистов здесь было немало, но не рядовых, а в основном офицеров. Однако вели они себя совсем иначе: хоть и нагло, но в рамках приличий. На смуглых брюнетов, которых хватало среди местных торговцев и грузчиков, они неприязненно косились, но порядки свои диктовать не решались.

– У нас ведь тут и банки... От них, из Рейха, многие к нам приезжают вроде бы как за товарами, а на самом деле – сбережения вложить, – поделился с Артемом его собеседник. – Поэтому они нас трогать вряд ли станут. Мы им как бы Швейцария, – добавил он непонятно.

– Хорошо у вас тут, – на всякий случай вежливо заметил Артем.

– Да что мы все о Белорусской... Сами-то вы откуда будете? – ради приличия спросил наконец Леонид Петрович.

Ульман притворился, что, будучи слишком увлеченным своей отбивной, не услышал вопроса.

– Я с ВДНХ, – оглянувшись на него, ответил Артем.

– Что вы говорите! Какой ужас! – Леонид Петрович даже отложил вилку и нож. – Там, говорят, дела совсем плохи? Я слышал, они уже из последних сил оборону держат. Половина станции погибла... Это правда?

У Артема кусок застрял в горле. Что бы ни случилось, он должен попасть на ВДНХ, повидаться со своими, может быть, в последний раз. Как он мог терять сейчас драгоценное время на еду? Отодвинув тарелку, он попросил счет и, невзирая на протесты Ульмана, потащил его за собой – мимо устроенных в проемах арок прилавков с мясом и одеждой, мимо сваленных в кучи товаров, мимо приценивающихся челноков, снующих грузчиков, чинно прохаживающихся фашистских офицеров – к отгороженному металлической оградой переходу на Кольцевую линию. Над входом было вывешено белое полотнище с коричневой окружностью посередине, и двое автоматчиков в знакомом сером камуфляже проверяли документы и досматривали вещи.

Артему еще ни разу не удавалось проникнуть на территорию Ганзы с такой легкостью. Ульман, дожевывая кусок отбивной, порылся в кармане и предъявил пограничникам неприметного вида ксиву. Те без разговоров отодвинули секцию ограждения, пропуская их внутрь.

– Что это за корочки? – любопытствовал Артем.

– Так... Орденская книжка к медали «За заслуги перед Отечеством», – отшутился Ульман. – Перед нашим полковником все в долгу.

Переход на Кольцо представлял собой странную смесь крепости и торговых складов. Вторая граница Ганзы начиналась за мостиками над путями: там были возведены настоящие редуты с пулеметами и даже огнеметом. А дальше, рядом с памятником, – мудрого вида бронзовый бородатый мужик с автоматом, хрупкая девушка и мечтательный парень при оружии («Наверное, основатели Белорусской или герои борьбы с мутантами», – подумал Артем) – размещался целый гарнизон, не меньше двадцати солдат.

– Это из-за Рейха, – объяснил Артему Ульман. – С фашистами так: доверяй, но проверяй. Швейцарию они, конечно, не трогали, но Францию под себя подмяли.

– У меня пробелы с историей, – смущенно признался Артем. – Отчим учебника за десятый класс так и не смог найти. Зато я про Древнюю Грецию немного читал.

Мимо солдат тащилась бесконечная цепочка похожих на муравьев грузчиков с тюками за плечами: Ганза жадно всасывала в себя почти всю продукцию Сокола, Динамо и Аэропорта. Движение было хорошо налажено: по одному эскалатору носильщики спускались вниз с грузом, по другому – поднимались налегке. Третий был предназначен для остальных прохожих.

Внизу, в стеклянной будке, сидел автоматчик, следивший за эскалатором. Он еще раз проверил у Артема с Ульманом документы и выдал им бумажки со штампом «Временная регистрация – транзит» и датой. Путь был свободен.

Эта станция тоже называлась Белорусской, но разница с ее радиальным двойником была разительной: как между разделенными при рождении близнецами, один из которых попал в королевскую семью, а другого подобрал и вырастил бедняк. Все благополучие и процветание той, первой, Белорусской меркло в сравнении с кольцевой станцией. Она блистала отмытыми добела стенами, заворачивала замысловатой лепниной на потолке и слепила неоновыми лампами, которых на всю станцию горело всего три, но и их света хватало с избытком.

На платформе вереница грузчиков распадалась на две части: одни шли к путям сквозь арки налево, другие – направо, скидывая свои тюки в кучи и бегом возвращаясь за новыми.

У путей были сделаны две остановки: для товаров, где был установлен небольшой кран, и для пассажиров, где стояла билетная касса. Раз в пятнадцать-двадцать минут мимо станции проезжала грузовая дрезина, оборудованная своеобразным кузовом – дощатым настилом, на который грузили ящики и тюки. Помимо трех-четырех человек, стоявших за рукоятями дрезины, на каждой был еще и охранник.

Пассажирские приходили реже – Артему с Ульманом пришлось ждать больше сорока минут. Как объяснил им билетер, маршрутки ждали, пока наберется достаточно людей, чтобы не гонять рабочих зря. Но само по себе обстоятельство, что где-то в метро до сих пор можно купить билет – по патрону за каждый перегон – и проехать от станции к станции, как тогда, Артема совершенно зачаровало. Он даже на некоторое время позабыл обо всех своих бедах и сомнениях, а просто стоял и наблюдал за погрузкой товаров, представляя, до чего же прекрасна была жизнь в метро раньше, когда по путям ходили не ручные дрезины, а огромные сверкающие поезда.

– Вон ваша маршрутка едет! – объявил билетер и зазвонил в колокольчик.

К остановке подкатила большая дрезина, к которой была прицеплена вагонетка с деревянными лавками. Предъявив билеты, они уселись на свободные места. Подождав еще несколько минут и набрав недостающих пассажиров, трамвай двинулся дальше.

Половина скамеек была расположена так, что пассажиры сидели лицом вперед по направлению движения, а половина – назад. Артему досталось место против хода состава, Ульман сел на оставшееся место – к нему спиной.

– Почему так странно сиденья расставлены, в разные стороны? – спросил Артем у своей соседки, крепкой бабки лет шестидесяти в дырявом шерстяном платке. – Неудобно ведь.

– А как же? – всплеснула руками та. – Что же ты, туннель без присмотра оставишь? Легкомысленные вы, молодые! Вон позавчера, не слыхал, чего было? Вот такущая крыса, – бабка развела руки, насколько хватило, – выпрыгнула из межлинейника, да пассажира и утащила!

– Да не крыса это была! – вмешался, обернувшись, мужичок в стеганом ватнике. – Мутан это был! На Курской, у них мутаны очень лезут...

– А я говорю, крыса! Мне Нина Прокофьевна говорила, соседка моя, что я, не знаю, что ли? – возмутилась бабка.

Они еще долго спорили, но Артем к их разговору больше не прислушивался. Мысли снова вернулись к ВДНХ. Для себя он уже твердо решил, что до того, как поднимется на поверхность, чтобы вместе с Ульманом отправиться к Останкинской башне, обязательно попытается прорваться на свою родную станцию. Как убедить в этой необходимости напарника, он пока не знал. Но в его груди копошилось нехорошее предчувствие, что последняя возможность увидеть свой дом и любимых людей предоставляется ему сейчас, до того, как он поднимется наверх. И упустить ее никак нельзя – кто знает, что будет потом? Хотя сталкер и говорил, что ничего сложного в их задании нет, сам Артем не очень-то верил, что когда-либо еще встретится с ним. Однако перед тем как начать свой, может быть, последний подъем наверх, он обязательно должен хоть ненадолго вернуться на ВДНХ.

«Звучит-то как... ВДНХ... Мелодично, ласково. Так бы слушал и слушал, – подумал Артем. – Неужели правду говорил случайный знакомый на Белорусской, и станция действи-

тельно вот-вот падет под натиском черных, а половина ее защитников уже погибла, пытаюсь предотвратить неминуемое?» Сколько же он отсутствовал? Две недели? Три? Он закрыл глаза, пытаюсь представить себе любимые своды, элегантные, но сдержанные линии арок, ажурную ковку медных вентиляционных решеток между ними, ряды палаток в зале: вот эта – Женькина, а сюда, поближе, – его.

Дрезину мягко покачивало в такт убаюкивающему стуку колес, и Артем сам не заметил, как его потянуло в сон. Ему опять снилась ВДНХ.

...Он больше ничему не удивлялся, не прислушивался и не пытался понять. Цель его сна была не на станции, а в туннеле, он точно помнил это. Выйдя из палатки, Артем сразу направился к путям, спрыгнул вниз и пошел на юг, к Ботаническому Саду. Кромешная темнота уже не пугала его, страшило другое: предстоящая встреча в туннеле. Кто его ждал там? В чем был смысл этого события? Почему ему никогда не хватало смелости выдержать до конца?..

Его двойник наконец появился в глубине туннеля – мягкие уверенные шаги постепенно приближались, как и в предыдущие разы, начисто лишая Артема решимости. Однако на этот раз он держался лучше: хоть колени и задрожали, Артем смог унять озноб и дотерпеть до того момента, как поравнялся с невидимым созданием. Покрываясь холодным липким потом, сдержался и не бросился бежать, когда легчайшее колебание воздуха подсказало ему, что таинственное существо находится в считанных сантиметрах от его лица.

– Не беги... Посмотри в глаза своей судьбе... – прошептал ему на ухо сухой шелестящий голос.

И тут Артем вспомнил – да как же он мог забыть об этом в прошлых кошмарах, – что в кармане у него лежит зажигалка. Нашарив пластмассовый корпус, он чиркнул кремнем, готовясь увидеть того, кто с ним разговаривал.

И тотчас же онемел, почувствовав только, как его ноги врастают в землю.

Рядом с ним неподвижно стоял черный. Широко открытые темные глаза без зрачков искали его взгляда.

Артем громко, что было силы, закричал.

– Маменьки грешные! – бабка держалась за сердце, тяжело дыша. – Перепугал-то как, ирод!

– Вы простите. Он у нас того... Нервный, – извинялся, обернувшись, Ульман.

– Что ты хоть там увидел, оглашенный? – из-под полуприкрытых опухших век бабка стрельнула любопытным взглядом.

– Сон... Кошмар приснился, – ответил Артем. – Извините.

– Сон?! Ну вы, молодые, впечатлительные, – и она снова принялась охать и ругаться.

На этот раз, как ни странно, проспал Артем довольно долго – пропустил даже остановку на Новослободской. И не успел он вспомнить, что же такое важное понял в конце своего кошмара, как маршрутка прибыла на Проспект Мира.

Обстановка здесь разительно отличалась от сытого благополучия Белорусской. Делового оживления на Проспекте Мира не было и в помине, зато сразу бросалось в глаза большое число военных: спецназовцев и офицеров с нашивками инженерных войск. С другого края платформы, на путях, стояли несколько охраняемых грузовых мотодрезин с загадочными ящиками, укрытыми брезентом. В зале, прямо на полу, сидели около полусотни кое-как одетых людей с огромными баулами, потерянно озираясь по сторонам.

– Что здесь происходит? – спросил Артем Ульмана.

– Это не здесь происходит, это у вас, на ВДНХ, – ответил тот. – Видно, собираются туннели взрывать... Если черные с Проспекта Мира полезут, Ганзе не поздоровится. Наверное, готовят превентивный удар.

Пока они переходили на Калужско-Рижскую линию, Артем смог убедиться, что догадка Ульмана, скорее всего, верна. Спецназ Ганзы орудовал и на радиальной станции, где он вообще

не должен был появляться. Оба входа в туннели, ведущие на север, к ВДНХ и Ботаническому Саду, были отгорожены. Здесь кто-то на скорую руку устроил блокпосты, дежурство на которых несли ганзейские пограничники. На рынке почти не было посетителей, половина прилавков пустовала, люди тревожно перешептывались, словно над станцией нависла неотвратимая беда. В одном углу толпились несколько десятков человек, целые семьи с тюками и сумками. Цепочка очереди извивалась вокруг столика с надписью «Регистрация беженцев».

– Подожди меня здесь, я пойду нашего человека поищу. – Ульман оставил его у торговых рядов и исчез.

Но у Артема были свои дела. Спустившись на рельсы, он подошел к блокпосту и заговорил с хмурым пограничником.

– К ВДНХ еще можно пройти?

– Пока пускаем, но ходить не советую, – отозвался тот. – Что, не слышал, что там творится? Какие-то упыри лезут, да так, что не остановить. У них там чуть не вся станция полегла. Там, видно, здорово припекает – уж если наше скупердяйское начальство решило им боеприпасы безвозмездно поставлять, только чтобы те до завтра продержались...

– А что завтра будет?

– Завтра все к чертям взорвем. На триста метров от Проспекта в обоих туннелях заложим динамит – и все, не поминайте лихом.

– Но почему вы просто им не поможете? Неужели у Ганзы сил недостает?

– Тебе же говорят – там упыри. Так все ими и кишит, никакой подмоги не хватит.

– А что с людьми с Рижской? С самой ВДНХ?! – Артем не верил своим ушам.

– Мы их еще несколько дней назад предупредили. Вон, идут к нам потихоньку – Ганза принимает, у нас тоже не звери. Но лучше бы поторопились. Как время выйдет, так и привет. Так что ты постарайся поскорее обернуться. Что у тебя там? Дела? Семья?

– Все, – ответил Артем, и пограничник понимающе кивнул.

Ульман стоял в арке, тихонько переговариваясь с высоким молодым человеком и строгим мужчиной в кителе машиниста и при полных регалиях начальника станции.

– Машина наверху, бак залит. У меня тут на всякий случай еще рации и защитные костюмы, и еще «Печенег» с СВД, – парень указал на две большие черные сумки. – Подниматься можно в любой момент. Когда нам надо наверх?

– Сигнал будем ловить через восемь часов. К тому времени уже должны быть на позиции, – ответил Ульман. – Гермозатвор работает? – обратился он к начальнику.

– В порядке, – подтвердил тот. – Когда скажете. Только людей надо будет отогнать, чтобы не перепугались.

– У меня все. Значит, отдыхаем часиков пять, и потом – полный вперед, – подвел итог Ульман. – Ну что, Артем? Отбой?

– Я не могу, – отведя напарника в сторону, сказал ему Артем. – Мне обязательно надо сначала на ВДНХ. Попрощаться и вообще посмотреть. Ты был прав, они все туннели от Проспекта Мира будут взрывать. Даже если мы живыми оттуда вернемся, я своей станции больше не увижу. Мне надо. Правда.

– Слушай, если ты просто наверх идти боишься, к черным своим, так и скажи, – начал было Ульман, но, встретив Артемов взгляд, осекся. – Шутка. Извини.

– Правда, надо, – повторил Артем.

Он не сумел бы объяснить этого чувства, но знал, что на ВДНХ он все равно пойдет – любой ценой.

– Ну, надо так надо, – растерянно отозвался боец. – Обратно вернуться ты уже не успеешь, особенно если там с кем-то прощаться собираешься. Давай так сделаем: мы отсюда по Проспекту Мира на машине поедem с Пашкой – это тот, с баулами. Раньше собирались напрямиком к башне, но можем сделать крюк и заехать к старому входу в метро ВДНХ. Новый весь

разворочен, ваши должны знать. Будем тебя там ждать. Через пять часов пятьдесят минут. Кто не успел, тот опоздал. Костюм взял? Часы есть? На, возьми мои, я с Пашки сниму, – он расстегнул металлический браслет.

– Через пять часов пятьдесят минут, – кивнул Артем, сжал Ульману руку и бросился бежать к блокпосту.

Увидев его снова, пограничник покачал головой.

– А в этом перегоне больше ничего странного не происходит? – вспомнил Артем.

– Ты про трубы, что ли? Ничего, залатали кое-как. Говорят, голова только кружится, когда мимо проходишь, но чтобы умирали, такого нет, – ответил пограничник.

Артем кивком поблагодарил его, зажег фонарь и шагнул в туннель.

Первые десять минут в голове суматошно крутились какие-то мысли: об опасности лежащих впереди перегонов, о продуманном и разумном устройстве жизни на Белорусской, потом о «маршрутках» и настоящих поездах. Но постепенно темнота туннеля высосала из него эти лишние, суетно мелькающие картинки и обрывки фраз. Сначала наступили спокойствие и пустота, потом он задумался о другом.

Его странствие подходило к концу. Артем и сам не смог бы сказать, сколько времени он отсутствовал. Может быть, прошло две недели, может, больше месяца.

Каким простым, каким коротким казался ему путь, когда он, сидя на дрезине на Алексеевской, разглядывал в свете фонарика свою старую карту, пытаясь наметить дорогу к Полису... Перед ним тогда лежал неведомый мир, о котором ему достоверно ничего не было известно, и поэтому можно было выстраивать маршрут, задумываясь о продолжительности дороги, а не о том, во что она превращает идущих по ней путников. Жизнь предложила ему совсем другой вариант, запутанный и сложный, смертельно опасный, и даже случайные попутчики, разделявшие с ним небольшие отрезки его пути, часто платили за это жизнью.

Артем вспомнил Олега. У каждого есть свое предназначение, говорил ему на Полянке Сергей Андреевич. Не могло ли быть так, что предназначением этой короткой детской жизни оказалось страшная, нелепая гибель ради спасения нескольких других людей? Во имя продолжения их дела?

Почему-то Артему стало холодно и неуютно. Принять такое предположение означало принять эту жертву, поверить в то, что его избранность позволяет ему продолжать свой путь за счет чужих жизней, страданий... Что же, топтать других, ломать, калечить их судьбы только для того, чтобы выполнить свое предназначение?!

Олег, конечно, был слишком мал еще, чтобы задаваться вопросом о том, зачем он появился на свет. Но если бы ему пришлось над этим размышлять, вряд ли он согласился бы с такой участью. Конечно, мальчику хотелось бы рассчитывать на более осмысленную и значительную роль в этом мире... И уж если жертвовать своей жизнью, чтобы спасти чужие, то только принимая на себя этот крест сознательно и добровольно.

Перед глазами встали лица Михаила Порфирьевича, Данилы, Третьяка. За что они погибли? Почему сам Артем выжил? Что дало ему эту возможность, это право? Артем пожалел, что рядом с ним сейчас нет Ульмана, который одной насмешливой репликой рассеял бы его сомнения. Разница между ними была в том, что путешествие по метро заставило Артема увидеть мир словно сквозь многогранную призму, а Ульмана его суровая жизнь научила глядеть на вещи просто: через прицел снайперской винтовки. Неизвестно, кто из них двоих был прав, но поверить в то, что на каждый вопрос может быть всего один, единственно верный ответ, Артем уже не мог.

Вообще в жизни и особенно в метро все было нечетким, изменяющимся, относительным. Сначала ему объяснил это Хан на примере станционных часов. Если такая основа восприятия мира, как время, оказалась надуманной и условной, то что же говорить о других непреложных представлениях о жизни?..

Все: от голоса труб в туннеле, через который он шел, и сияния кремлевских звезд до вечных тайн человеческой души – имело сразу несколько объяснений. И особенно много ответов было на вопрос «зачем?». Встретившиеся Артему люди, от каннибалов с Парка Победы до бойцов бригады имени Че Гевары, знали, что на него ответить. Свои ответы были у всех: у сектантов и у сатанистов, у фашистов и у философов с автоматами, вроде Хана. Именно поэтому Артему было так трудно выбрать и принять лишь единственный из них. Получая каждый день по новому варианту ответа, Артем не мог заставить себя поверить в то, что именно этот – истинный, потому что завтра мог возникнуть другой, не менее точный и всеобъемлющий.

Кому верить? Во что? В Великого Червя – людоедского бога, скроенного по образу электропоезда и заново населяющего живыми существами бесплодную выжженную землю; в гневного и ревнивого Иегову; в его тщеславное отражение – Сатану; в победу коммунизма во всем метро; в превосходство курносых блондинов над курчавыми смуглыми брюнетами?.. Что-то подсказывало Артему, что никакого различия между всем этим не было. Любая вера служила человеку только посохом, который поддерживал, не давая оступиться и помогая подняться на ноги, если люди все же спотыкались и падали. Когда Артем был маленьким, его рассмешила история отчима про то, как обезьяна взяла палку в руки и стала человеком. С тех пор, видно, смышленная макака уже не выпускала этой палки из рук, из-за чего так и не распрямилась до конца, – думал Артем.

Он понимал, почему и зачем человеку нужна эта опора. Без нее жизнь становилась пустой, как заброшенный туннель. В ушах Артема все еще отдавался отчаянный крик дикаря с Парка Победы, понявшего, что Великий Червь – всего лишь выдумка жрецов его народа. Нечто похожее Артем чувствовал и сам, узнав, что Невидимых Наблюдателей не существует. Но ему отказ от Наблюдателей, Червя и других богов метро давался намного легче.

В чем же дело? Значит ли это, что он не такой, что он сильнее, чем остальные? Артем понял, что лукавит. Палка была и у него в руках, и он должен набраться смелости, чтобы признать это.

Опорой ему служило сознание того, что он выполняет задание огромной важности, что на кон поставлено выживание всего метро и что эта миссия не случайно была поручена именно ему. Сознательно или нет, Артем во всем искал доказательств тому, что он избран для исполнения этого задания, но не Хантером, а кем-то или чем-то большим. Уничтожить черных, избавиться от них родную станцию и близких людей, помешать им разрушить метро – это была задача, достойная того, чтобы стать стержнем жизни. И все, что с Артемом случилось во время его странствий, доказывало только одно: он не такой, как все. Ему уготовано что-то особенное. Именно он должен стереть в порошок, истребить нечисть, которая в противном случае сама расправится с остатками человечества. Пока он шел по этому пути, верно истолковывая посылаемые ему знаки, его воля к успеху побеждала реальность, играя со статистическими вероятностями, отводя пули, ослепляя чудовищ и врагов, а союзников заставляя появляться в нужное время в нужном месте. Как иначе понять, почему Данила отдал ему план расположения ракетной части, а сама эта часть чудом не была уничтожена десятки лет назад? Как еще объяснить то, что, вопреки здравому смыслу, он встретил одного из немногих, а может, единственного выжившего ракетчика на все метро? Артемово личное Провидение вкладывало ему в руки могучее орудие и посылало ему человека, помогающего нанести смертельный удар по необъяснимой и беспощадной силе, сокрушить ее? Как иначе истолковать все чудесные спасения Артема из самых отчаянных ситуаций? Пока он верил в свое предназначение, он был неуязвим, хотя шедшие рядом с ним люди гибли один за другим.

Мысли Артема соскользнули на сказанное Сергеем Андреевичем на Полянке про судьбу и сюжет. Тогда эти слова толкнули юношу вперед, словно новая, смазанная пружина, вставленная в изношенный, проржавевший механизм заводной игрушки. Но вместе с тем они чем-то были ему неприятны. Может, тем, что эта теория лишала Артема свободной воли, и если

бы он теперь принимал решение, то сделал бы это, не следуя собственной прихоти, но покоряясь сюжетной линией своей судьбы. А с другой стороны, как можно было после всего произошедшего с ним отрицать существование этой линии? Теперь он не мог уже больше поверить в то, что вся его жизнь – только цепь случайностей. Слишком много уже пройдено, и с этой колеи нельзя сойти просто так. Если он зашел так далеко, то вынужден идти и еще дальше – такова неумолимая логика избранного пути. Сейчас уже поздно сомневаться. Он должен идти вперед, даже если это означает нести ответственность не только за собственную жизнь, но и за жизни других. Все жертвы не напрасны, он должен их принимать, он обязан пройти свой путь до конца и завершить то, ради чего он оказался в этом мире. Это и есть его судьба.

Как же ему раньше не хватало этой ясности в мыслях! Он-то все время сомневался в своей избранности, отвлекался на глупости, колебался, а ответ всегда был рядом. Прав был Ульман: усложнять жизнь ни к чему.

Теперь Артем шел, бодро печатавая шаг. Никакого шума из труб он так и не услышал; в туннелях до самой ВДНХ вообще не встретилось ничего опасного. Однако все время Артему попадались люди, идущие к Проспекту Мира: он двигался против потока несчастных, загнанных, бросивших все и бегущих от опасности. Они озирались на него, как на сумасшедшего: он один шел в самое логово ужаса, в то время как остальные старались покинуть проклятые места. Ни у Рижской, ни у Алексеевской дозоров не было. Погрузившись в свои мысли, Артем сам не заметил, как подошел к ВДНХ, хотя и прошло не меньше полутора часов.

Ступив на станцию и оглядевшись вокруг, он невольно вздрогнул – до того она напоминала ему ту ВДНХ, которую он видел в своих кошмарах. Половина освещения не работала, в воздухе стоял запах пороховой гари, где-то в отдалении слышались стоны и надрывный женский плач.

Артем взял автомат в руки и двинулся вперед, осторожно огибая арки и внимательно приглядываясь к теням. Похоже было, что черным удалось, по крайней мере один раз, прорвать заслоны и добраться до самой станции. Часть палаток была разметана, в нескольких местах на полу виднелись засохшие следы крови. Кое-где еще жили люди, иной раз сквозь брезент даже просвечивал фонарик.

Из северного туннеля доносилась отдаленная стрельба. Выход в него был перекрыт горой мешков с грунтом высотой в человеческий рост. Три человека прижимались к этому брустверу, наблюдая за туннелем сквозь бойницы и держа подходы на прицеле.

– Артем? Артем! Ты здесь откуда? – окликнул его знакомый голос.

Обернувшись, он заметил Кирилла – одного из членов отряда, с которым он в самом начале своего путешествия выбирался с ВДНХ. Рука у Кирилла была на перевязи, а волосы на голове казались всклокоченными еще больше, чем обычно.

– Вот, вернулся, – неопределенно ответил Артем. – Как вы тут держитесь? Где дядя Саша, где Женька?

– Женька! Хватился... Убили его, неделю назад уже, – мрачно сказал Кирилл.

Сердце у Артема ухнуло вниз.

– А отчим?

– Сухой жив-здоров, командует. В лазарете сейчас, – Кирилл махнул рукой в направлении лестницы, ведущей к новому выходу со станции.

– Спасибо! – Артем бросился бежать.

– А ты-то где был? – вдогонку ему закричал Кирилл.

«Лазарет» выглядел зловеще. Настоящих раненых здесь было немного – всего человек пять, большую часть пространства занимали другие пациенты. Спеленутые, как младенцы, и упрятанные в спальные мешки, они были уложены в ряд. У всех были широко распахнуты глаза, а из приоткрытых ртов несло бессвязное мычание. Приглядывая за ними не сиделка, а автоматчик, державший в руках склянку с хлороформом. Время от времени один

из спеленутых начинал ерзать по полу, подвывая и передавая свое возбуждение остальным, и тогда охранник прикладывал ему к лицу пропитанную снотворным марлю. Сон не приходил и глаза не закрывались, но человек на некоторое время затихал, успокаивался.

Сухого Артем увидел не сразу: тот сидел в служебном помещении, обсуждая что-то со станционным врачом. Выходя, он натолкнулся на Артема и обомлел.

– Ты живой... Артемка! Жив... Слава богу... Артем! – забормотал он, трогая Артема за плечо, словно желая убедиться, что тот и вправду стоит перед ним.

Артем крепко обнял его. Он-то, как маленький, в глубине души боялся, что вернется сейчас на станцию, а отчим начнет ругать: мол, куда подевался, какая безответственность, сколько можно вести себя, как мальчишка... Вместо этого Сухой просто прижал его к себе и долго не отпускал. Когда отцовские объятия наконец разжались, Артем посмотрел в его сверкнувшие от набежавшей слезы глаза, и ему стало стыдно.

Коротко, не пускаясь в описания своих приключений, он рассказал отчиму, где пропадал и что успел сделать за это время, объяснил, почему вернулся. Тот только качал головой и ругал Хантера. Потом опомнился, сказав, что о мертвых – или хорошо, или ничего. Впрочем, что именно случилось с Охотником, он не знал.

– А у нас тут видишь, что творится? – голос Сухого опять затвердел. – Каждую ночь они так и валят, никаких патронов не хватает. Пришла дрезина с Проспекта Мира с припасами, но это так, семечки.

– Они туннель взрывать хотят у самого Проспекта, чтобы полностью отрезать и ВДНХ, и остальные станции, – сообщил Артем.

– Да... Это они грунтовых вод боятся, поэтому близко к ВДНХ не решаются. Но надолго это не поможет. Черные себе другие входы найдут.

– Когда ты отсюда уходить будешь? Уже мало времени остается. Меньше суток, тебе же надо все подготовить...

Отчим окинул его долгим взглядом, словно проверяя.

– Нет, Артем, у меня отсюда уже дорога только одна, и она не к Проспекту Мира. У нас здесь раненых тридцать человек, что, мы их одних бросим? И потом, кто будет оборону держать, пока я стану спасать свою шкуру? Как это я подойду к человеку и скажу ему: вот ты остаешься здесь, чтобы сдерживать их и умереть, а я пошел? Нет... – он вздохнул. – Пусть взрывают. Сколько продержимся, столько и продержимся. Умирать тоже надо человеком.

– Я тогда с вами останусь, – сказал Артем. – Они там с ракетами и без меня справятся, какая от меня польза? Так хоть вам помогу...

– Нет-нет, тебе обязательно надо идти, – испуганно перебил его Сухой. – У нас и гермозатвор в полном порядке, работает еще, и эскалатор цел, к выходу пробраться сможешь быстро. Ты должен пойти с ними, они ведь там даже не знают, с кем имеют дело!

Артем засомневался, не отсылает ли отчим его со станции, просто чтобы спасти ему жизнь. Он попробовал возразить, но Сухой и слушать ничего не хотел.

– В твоём отряде только ты один знаешь, как черные умеют сводить с ума, – он указал на спеленутых раненых.

– Что с ними?

– В туннелях стояли, не выдержали. Этих еще успели оттащить, и то хорошо. А сколько черные прямо живьем порвали! Невероятная сила. Самое главное, когда они подходят и выть начинают, мало кто выдерживает, ну, ты сам помнишь. Наши добровольцы себя наручниками приковывали, чтобы не сбежать. Вот, кого успели отцепить, тут лежат. Раненых мало, потому что черные если достанут, то выкрутятся уже трудно.

– Женьку... достали? – слотнув, спросил Артем.

Сухой кивнул. Дознаваться подробнее Артем не решился.

– Пойдем, пока затишье, – пользуясь его замешательством, поспешил предложить Сухой, – поговорим, чаю выпьем, у нас еще остался. Есть хочешь?

Отчим обнял его и повел в комнату начальства. Артем потрясенно озирался по сторонам: никак не мог поверить, что за три недели его отсутствия ВДНХ могла так измениться. Уютная, обжитая раньше станция навевала сейчас тоску и отчаяние. Хотелось поскорее отсюда сбежать.

Сзади громыхнул пулемет. Артем схватился за оружие.

– Это они для острастки, – остановил его Сухой. – Самое страшное через пару часов начнется, я уже чувствую. Черные волнами идут, недавно только одну отбили. Ты не бойся, если что серьезное начнется, наши сирену заведут – объявят общую тревогу.

Артем задумался. Его сон с походом в туннель... Сейчас это было невозможно, да и реальная встреча с черными вряд ли закончилась бы так же безобидно. Что уж и говорить о том, что Сухой никогда не позволит ему войти в туннель в одиночку. От безумной мысли пришлось отказаться. У него есть дела поважнее.

– А я ведь знал, что мы с тобой еще увидимся, что ты придешь, – уже в комнате начальства, наливая чай, сказал Сухой. – К нам неделю назад приходил человек, тебя искал.

– Какой человек? – насторожился Артем.

– Он сказал, ты с ним знаком. Высокий такой, худой, с бородкой. Как-то его звали странно, на Хантера похоже.

– Хан? – удивился Артем.

– Точно. Сказал мне, что ты еще вернешься сюда, и так уверенно, что я сразу успокоился. И еще кое-что тебе передал.

Сухой достал бумажник, в котором у него хранились одному ему понятные записи и предметы, и извлек оттуда сложенный вчетверо листок. Развернув бумагу, Артем поднес ее к глазам. Это была короткая, всего в одно предложение записка. Написанные небрежным летящим почерком слова поставили его в тупик.

«Тот, у кого хватит храбрости и терпения всю жизнь вглядываться во мрак, первым увидит в нем проблеск света».

– А больше он ничего не передавал? – недоуменно спросил Артем.

– Нет, – ответил Сухой. – Я думал, это закодированное послание. Человек все-таки специально шел сюда для этого.

Артем пожал плечами. Половина всего, что говорил и делал Хан, казалась ему полной бессмыслицей, зато другая заставляла по-иному взглянуть на мир. Как знать, к какой части относилась эта записка?

Они еще долго пили чай и беседовали. Артем не мог отделаться от чувства, что видит отчима в последний раз, и словно старался наговориться с ним на всю жизнь вперед...

Потом пришло время уходить.

Сухой дернул за рычаг, и тяжелый заслон со скрежетом приподнялся на метр. Снаружи хлынула застоявшаяся дождевая вода. Стоя по щиколотку в тине, Артем улыбнулся Сухому, хотя на глаза наворачивались слезы. Он уже собрался прощаться, но в последний момент вспомнил о самом главном. Достав из рюкзака детскую книгу, он отыскал страницу с заложенной фотографией и протянул снимок отчиму. Сердце его тревожно заколотилось.

– Что это? – удивился тот.

– Узнаешь? – с надеждой спросил Артем. – Посмотри получше. Это не моя мать? Ты же видел ее, когда она меня тебе отдала.

– Артем... – Сухой грустно улыбнулся, – я и лица-то ее почти не разглядел. Там темно очень было, а я все на крыс смотрел. Не помню я ее совсем. Тебя хорошо запомнил, как ты тогда меня за руку схватил и совсем не плакал, а ее – нет. Извини.

– Спасибо. Прощай, – Артем совсем было хотел сказать «папа», но в горле встал ком. – Может, еще встретимся...

Он натянул противогаз, нагнулся, проскользнул под занавесом и побежал вверх по расшатанным ступеням эскалатора, бережно прижимая к груди помятую фотографию.

Глава 20. Рожденные ползать

Эскалатор казался просто бесконечным.

Ступать по нему приходилось медленно и очень осторожно, ступени скрипели и стучали под ногами, а в одном месте неожиданно подались вниз, так что Артем еле успел отдернуть ногу. Повсюду валялись замшелые обломки крупных веток и небольшие деревца, которые занесло сюда, наверное, еще тогда, может быть, взрывом. Стены поросли вьюнком и мхом, а сквозь дыры в пластиковом покрытии боковых барьеров виднелись заржавленные части механизма.

Назад он ни разу не оглянулся.

Вверху все было черно. Ничего приятного это не предвещало: вдруг павильон станции обвалился и ему не удастся преодолеть завалы? Если же дело просто в безлунной ночи, хорошего тоже мало: при слабой видимости наводить огонь ракетной батареи будет непросто.

Но чем меньше оставалось до конца эскалатора, тем ярче становились блики на стенах и пробивавшиеся сквозь щели тонкие лучики. Выход в наружный павильон был действительно перекрыт, но не камнями, а поваленными деревьями. После нескольких минут поисков Артем обнаружил среди них узкий лаз, через который еле-еле смог протиснуться.

В крыше вестибюля зияла огромная, почти во весь потолок, пробоина, через которую внутрь падал бледный лунный свет. Пол был тоже завален сломанными ветвями и даже целыми деревьями, примятыми и образующими настоящий настил. У одной из стен Артем заметил несколько странных предметов: утопающих в хворосте больших, в человеческий рост, кожистых темно-серых шаров. Выглядели они отталкивающе, и подходить к ним ближе Артем поболся. На всякий случай выключив фонарь, он выбрался на улицу.

Верхний вестибюль станции стоял посреди скопления развороченных остовов некогда изящных торговых павильонов и киосков. Впереди виднелось громадное здание странной вогнутой формы, одно из крыльев которого было наполовину снесено. Артем осмотрелся: Ульмана и его товарища нигде не было видно, должно быть, они задерживались по пути. У него оставалось немного времени, чтобы изучить окрестности.

На секунду затаив дыхание, он прислушался, пытаясь уловить раздирающий душу вопль черных. Ботанический сад находился не так далеко отсюда, и Артем не мог понять, почему эти твари до сих пор не добрались до их станции по поверхности.

Все было тихо, лишь где-то вдалеке подвывали дикие собаки, жалобно, тоскливо, словно плача. Однако и с ними Артему встречаться совсем не хотелось: если им удалось выжить на поверхности все эти годы, что-то должно было их отличать от обычных собак, которых держали жители метро.

Отойдя чуть дальше от входа на станцию, он обнаружил еще одну странность: павильон опоясывала неглубокая, грубо прорытая канава. Ее, словно крошечный крепостной ров, заполняла стоячая темная жидкость. Перепрыгнув через канаву, Артем подошел к одному из киосков и заглянул внутрь.

Тот был совершенно пуст. На полу валялось битое бутылочное стекло, все остальное было вынесено подчистую. Он обследовал еще несколько других ларьков, пока не наткнулся на один, обещавший быть интереснее прочих. Внешне он напоминал крошечную крепость: это был куб, сваренный из толстых листов железа, с совсем крохотным окошком из зеркального стекла. Вывеска над окном гласила: «Обмен валюты».

Дверь была заперта на необычный замок, отпиравшийся не ключом, а правильной цифровой комбинацией. Подойдя к окошку, Артем попытался открыть его, но у него ничего не вышло. Зато он заметил на подоконнике почти стершуюся за долгие годы надпись. Укрепленный киоск заинтриговал его, и, забыв об осторожности, Артем включил фонарь.

Он с трудом смог прочитать корявые, как если бы их выводили левой рукой, буквы: «Похороните по-человечески. Код 767». И как только он понял, что это могло означать, как в вышине раздалось гневное верещание. Артем сразу узнал его: точно так же кричали летающие чудовища над Калининским.

Он поспешно потушил фонарь, но было поздно: клич послышался снова, теперь прямо над головой. Артем судорожно огляделся по сторонам, ища, куда спрятаться. Пожалуй, единственным выходом было проверить его догадку.

Нажав кнопки с цифрами в нужной последовательности, он потянул ручку на себя. Мысль оказалась верной: внутри замка раздался глухой щелчок, и дверь с трудом поддалась, дьявольски скрипя ржавыми петлями. Артем пролез внутрь, заперся и снова включил свет.

В углу, привалившись спиной к стене, на полу сидела высохшая мумия женщины. В одной руке она сжимала толстый фломастер, в другой – пластиковую бутылку. Оклеенные линолеумом стены были сверху донизу исписаны аккуратным женским почерком. Сквозь толстое стекло окошка просматривалось пространство перед входом на станцию. На полу валялись пустая пачка таблеток, яркие обертки от шоколада, железные банки из-под газировки, в углу стоял приоткрытый сейф. Труп Артем не испугался, только ощутил, как накатила жалость к неизвестной девушке. Ему почему-то показалось, что это была именно девушка.

Снова послышался крик летучей бестии, а потом на крышу обрушился мощный удар, от которого киоск заходил ходуном. Артем упал на пол, выжидая. Атаки не повторялись, визг раздосадованной твари стал отдаляться, и он решился встать на ноги. По большому счету, в своем укрытии он мог прятаться сколько угодно: оставался же в неприкосновенности труп девушки все это время, хотя охотников полакомиться им вокруг наверняка хватало. Можно было, конечно, попытаться убить или хотя бы ранить чудовище, но тогда пришлось бы выходить наружу. А если он промахнется или бестия окажется закована в броню, на открытой местности второго шанса ему уже не представится. Разумнее будет дожидаться Ульмана. Если тот еще жив.

Чтобы отвлечься, Артем начал читать надписи на стенах.

«...Пишу, потому что скучно и чтобы не сойти с ума. Уже три дня сижу в этом ларьке, на улицу выйти боюсь. На моих глазах десять человек, которые не успели добежать до метро, задохнулись и до сих пор лежат прямо посреди улицы. Хорошо, успела прочитать в газете, как проклеивать скотчем швы. Жду, пока ветер отнесет облако, писали, что через день опасности уже не будет.

9 июля. Пробовала попасть в метро. За эскалатором начинается какая-то железная стена, не могла поднять, сколько ни стучала, никто не открыл. Через 10 минут мне стало очень плохо, вернулась к себе. Вокруг много мертвых. Все страшные, раздулись, воняют. Разбила стекло в продуктовой палатке, взяла шоколад и минералку. От голода теперь не умру. Почувствовала себя ужасно слабой. Полный сейф долларов и рублей, а делать с ними нечего. Странно. Оказывается, просто бумажки.

10 июля. Продолжили бомбить. Справа, с проспекта Мира, целый день слышался страшный грохот. Я думала, никого не осталось, но вчера по улице на большой скорости проехал танк. Хотела выбежать и привлечь внимание, но не успела. Очень скучаю по маме и Леве. Целый день рвало. Потом уснула.

11 июля. Мимо прошел страшно обожженный человек. Не знаю, где он прятался все это время. Он непрерывно плакал и хрипел. Было очень страшно. Ушел к метро, потом слышала громкий стук. Наверное, тоже стучался в эту стену. Потом все затихло. Завтра пойду посмотреть, открыли ему или нет».

Палатку сотряс новый удар – чудовище не желало отступаться от своей добычи. Артем пошатнулся и чуть было не повалился на мертвое тело, еле сумел удержаться, схватившись за прилавок. Пригнувшись, подождал еще минуту, потом продолжил читать.

«12 июля. Не могу выйти. Бьет дрожь, не понимаю, сплю я или нет. Сегодня час разговаривала слевой, он сказал, что скоро женится на мне. Потом пришла мама, у нее вытекли глаза. Потом снова осталась одна. Мне так одиноко. Когда уже все закончится, когда нас спасут? Пришли собаки, едят трупы. Наконец, спасибо. Рвало.

13 июля. Еще остаются консервы, шоколад и минералка, но уже не хочу. Пока жизнь вернется в свою колею, пройдет еще не меньше года. Отечественная война шла 5 лет, дольше ничего не может быть. Все будет хорошо. Меня найдут.

14 июля. Больше не хочу. Больше не хочу. Похороните меня по-человечески, не хочу в этом проклятом железном ящике... Тесно. Спасибо феназепаму. Спокойной ночи».

Рядом были еще какие-то надписи, но все больше бессвязные, оборванные, и рисунки: чертики, маленькие девочки в больших шляпах или бантах, человеческие лица.

«Она ведь всерьез надеялась, что кошмар, который ей довелось пережить, скоро кончится, – подумал Артем. – Год-два, и все вернется на круги своя, все будет, как прежде. Жизнь продолжится, и о случившемся все забудут. Сколько лет прошло с тех пор? За это время человечество только отдалилось от возвращения на поверхность. Могла ли она помыслить, что выживут только те, кто тогда успел спуститься в метро, и немногие счастливчики, которым, в нарушение инструкций и уставов, открывали двери в последующие несколько дней?»

Артем подумал о себе. Ему и самому всегда хотелось верить, что однажды люди смогут подняться из метро, чтобы снова жить как прежде, чтобы восстановить величественные здания, воздвигнутые их предками, и поселиться в них, чтобы, не щурясь, смотреть на восходящее солнце, чтобы дышать не безвкусной смесью кислорода и азота, процеженной через фильтры противогАЗа, а с наслаждением глотать воздух, напоенный ароматами растений... Сам он не знал, как они раньше пахли, но это должно было быть прекрасно, особенно цветы, про которые вспоминала его мать.

Но, глядя на высохшее тело неизвестной девушки, которая так и не дождалась заветного дня, когда кошмар кончится, он стал сомневаться, что сам сможет до него дожить. Чем его надежда увидеть возвращение прежней жизни отличается от ее уверенности в том, что это непременно случится, и уж никак не позже, чем через пять лет? За годы существования в метро человек не накопил сил, чтобы с триумфом подняться вверх по ступеням сияющего эскалатора, ведущего к былой славе и великолепию. Напротив, он измельчал, привык к темноте и тесноте. Большинство уже позабыло за ненужностью о некогда абсолютной власти человечества над миром, другие продолжали тосковать по нему, третьи проклинали. За кем из них было будущее?

Снаружи раздался гудок, и Артем бросился к окну. На пяточке перед киосками стояла машина крайне необычного вида. Ему уже и раньше случалось глядеть на автомобили: сначала в далеком детстве, потом на картинках и фотографиях в книгах и, наконец, во время своего предыдущего подъема на поверхность. Но ни один из них так не выглядел.

Здоровенный шестиколесный грузовик был покрашен в красный цвет. За его просторной, с сиденьями в два ряда, кабиной размещался металлический фургон, вдоль борта шла белая линия, а на крыше громоздились какие-то трубы. Там же были установлены две круглые склянки, в которых вертелись, мигая, синие лампы.

Вместо того чтобы выбираться из киоска, он посветил через стекло фонарем, ожидая ответного сигнала. Фары грузовика вспыхнули и погасли несколько раз, и Артем уже хотел выходить, но не успел: сверху стремительно спикировали одна за другой две огромные черные тени. Первая ухватила когтями за крышу и попыталась поднять машину вверх, но такая ноша была ей не по силам. Приподняв кузов машины на полметра от земли, чудовище оторвало обе трубы, недовольно крикнуло и бросило их вниз. Вторая тварь с визгом ударила автомобиль сбоку, рассчитывая перевернуть его.

Дверца распахнулась, и на асфальт прыгнул человек в защитном костюме с громоздким пулеметом в руках. Подняв ствол вверх, он выждал несколько секунд, видимо подпуская

монстра поближе, а потом дал очередь. Сверху слышалось обиженное верещание. Артем поспешно открыл замок и выбежал наружу.

Одно крылатое чудовище описывало широкий круг метрах в тридцати над их головами, готовясь снова напасть, другого пока нигде не было видно.

– Давай в машину! – крикнул человек с пулеметом.

Артем бросился к нему, вскарабкался в кабину и уселся на длинном сиденье. Пулеметчик прицельно выстрелил еще несколько раз, потом вскочил на подножку, влез в салон и захлопнул за собой дверь. Машина взревела, резко стартуя с места.

– Голубей кормишь? – прогудел Ульман, глядя на Артема сквозь окошки противогаса.

Артем ожидал, что летающие твари будут их преследовать, но вместо этого, пролетев за автомобилем еще метров сто, создания вернулись назад, к ВДНХ.

– Гнездо защищают, – определил боец. – Слышали про такое. Они бы просто так на машину не напали – не их размер. Где у них там оно, интересно?

Артем вдруг понял и где чудовища свили себе гнездо, и почему рядом с выходом с ВДНХ не отваживалось показываться ни одно живое существо, включая, видимо, и черных.

– Прямо в павильоне нашей станции, над эскалаторами, – сказал он.

– Да? Странно, обычно они повыше, на домах гнездятся, – отозвался боец. – Наверное, другой вид. Да... Извини, что задержались.

В костюмах и с громоздким вооружением в кабине автомобиля оказалось все же тесновато. Заднее сиденье было занято какими-то рюкзаками и баулами. Ульман уселся с краю, Артем оказался в центре, а по левую руку от него, за рулем, сидел Павел, ульмановский товарищ с Проспекта Мира.

– Что извиняться? Не по своей воле, – сказал водитель. – Что-то полковник не предупредил нас о том, во что проспект Мира, в смысле, улица, от Рижской и дальше, превратился. Такое впечатление, что по нему каток прошел. Уж почему этот мост не до конца обвалился, я не знаю. Там даже спрятаться негде было, еле от собак оторвались.

– Собак еще не видел? – спросил Ульман.

– Слышал только, – откликнулся Артем.

– А мы вот поглядели на них, – выворачивая руль, сказал Павел.

– Ну, и как? – поинтересовался у него Артем.

– Ничего хорошего. Бампер оторвали и чуть колесо не прогрызли, прямо на ходу. Отстали, только когда Петро жоака из СВД снял, – кивнул тот на Ульмана.

Ехать было нелегко: земля оказалась изрыта траншеями и ямами, асфальт растрескался, и дорогу приходилось тщательно выбирать. В одном месте они затормозили и минут пять пытались переехать через гору бетонных обломков, оставшихся от рухнувшей автомобильной эстакады. Артем смотрел в окно, сжимая в руках автомат.

– Хорошо идет, – похвалил автомобиль Павел. – А говорили, выдохнется соляра, выдохнется... Ничего, наши химики и не такое видали. Недаром Полис защищаем. Есть и от очкариков польза.

– Где вы его нашли? – спросил Артем.

– В депо стоял, сломанный. Не успели его починить, чтобы по пожарам ездить, пока Москва догорала. Пользуем теперь его время от времени, не по назначению, конечно, а так.

– Понятно, – Артем снова отвернулся к окну.

– Повезло нам с погодой, – Павлу, кажется, хотелось поговорить, – ни облачка на небе. Это хорошо, с башни будет далеко видно, если получится на нее забраться.

– Я уж лучше туда, наверх, чем по домам ходить, – кивнул Ульман. – Полковник, правда, говорил, что в них почти никто не живет, но мне слово «почти» отчего-то не нравится.

Машина повернула влево и покатила по прямой широкой улице, надвое разбитой газоном. Слева шел ряд почти не пострадавших кирпичных домов, справа тянулся мрачный, чер-

ный лес, подступавший к самой проезжей части. В нескольких местах могучие корни прорывали дорожное полотно, и их приходилось объезжать. Но на все это Артем успел глянуть лишь мельком.

– Вот она, красавица! – восхищенно сказал Павел.

Прямо перед ними подпирала небосклон Останкинская башня, на сотни метров возвышаясь гигантской булавой, грозящей давно поверженным врагам. Это была совершенно фантастическая конструкция, ничего похожего Артем никогда не видел даже на картинках в книгах и журналах. Отчим, конечно, рассказывал про некое циклопическое сооружение, находившееся всего в двух километрах от их станции, но даже по его рассказам Артем не мог себе представить, насколько оно его потрясет.

Всю оставшуюся часть пути он сидел, приоткрыв от удивления рот, и пожирал глазами грандиозный силуэт башни. Он ощущал сейчас странную смесь восторга при виде этого творения человеческих рук и горечи от окончательно укрепившегося понимания, что больше никогда не будет под силу создать что-либо подобное.

– Она все это время совсем рядом была, а я и не знал... – он попытался облечь свои терзания в словесную форму.

– Если не подниматься, вообще много чего не поймешь в этой жизни, – отозвался Павел. – Ты хоть знаешь, почему ваша станция так называется – ВДНХ? Это означает – Великие Достижения Нашего Хозяйства, вот почему. Это там такой огромный парк был со всякими животными и растениями. И вот что я тебе скажу: вам крупно подфартило, что «птички» свили гнездо прямо на входе на вашу станцию. Потому что некоторые из этих достижений под рентгеновскими лучами так распустились, что их теперь даже прямое попадание из гранатомета не берет.

– Но ваших пернатых друзей они уважают, – добавил Ульман. – Это, так сказать, ваша крыша.

Оба засмеялись, а Артем, даже не став поправлять Павла насчет названия своей станции, снова уставился на башню. Присмотревшись, он заметил, что громадная конструкция чуть накренилась, но, очевидно, снова обрела хрупкое равновесие и удержалась от падения. Как она выстояла в аду, творившемся здесь десятилетия назад? Соседние дома были полностью или частично сметены, но башня гордо высилась посреди этой разрухи, словно была заговорена от вражеских бомб и ракет.

– Интересно, как она выдержала, – пробормотал Артем.

– Не хотели ломать, наверное, – предположил Павел. – Ценная инфраструктура все-таки. Раньше она ведь еще на четверть выше была, и сверху был шпиль острый. А сейчас, видишь, почти сразу за смотровой площадкой обрывается.

– Да зачем ее щадить... Разве им уже не все равно было? Я вот боюсь, чтобы как с Кремлем не вышло... – засомневался Ульман.

Промчавшись через ворота за стальные прутья ограды, машина подъехала к самому основанию телебашни и остановилась. Ульман взял прибор ночного видения с автоматом и спрыгнул на землю. Через минуту он дал отмашку: все спокойно. Павел тоже вылез из кабины и, открыв заднюю дверцу, принялся выволакивать наружу рюкзаки со снаряжением.

– Сигнал через двадцать минут должен быть, – сказал он.

– Попробуем отсюда поймать, – Ульман нашел ранец с радиопередатчиком и начал собирать из составных секций длинную полевую антенну.

Вскоре ус радиции достигал уже шести метров в длину и лениво раскачивался на сильном ветру. Усевшись за передатчик, боец приложил к голове наушник с микрофоном и стал вслушиваться в эфир. Потянулись долгие минуты ожидания.

На миг их накрыла тень «птеродактиля», но, выписав пару кругов над их головами, монстр скрылся за домами – видимо, одной стычки с вооруженными людьми ему хватило для того, чтобы запомнить опасного врага и научиться его остерегаться.

– А как они вообще выглядят, эти черные? Ты же у нас по этой части специалист, – спросил у Артема Павел.

– Страшно очень выглядят. Как... люди наоборот, – попытался описать тот. – Полная противоположность человека. Да уже из самого названия ясно: черные – они и есть черные.

– Надо же... И откуда они взялись? Ведь никто о них раньше и не слышал. Что у вас об этом говорят?

– Мало ли о чем в метро никогда не слышали, – Артем поспешил перевести разговор на другую тему. – Вот про людоедов с Парка Победы раньше хоть кто-нибудь знал?

– Это правда, – оживился водитель. – Людей с иголками в шее находили, а кто это делал, сказать никто не мог. А что поделаешь? Метро! Это надо ведь, бред какой – Великий Червь! Но эти ваши черные все-таки откуда...

– Я его видел, – перебил его Артем.

– Червя? – недоверчиво спросил тот.

– Ну, или что-то похожее на него. Может быть, поезд. Огромное, ревет так, что уши закладывает. Разглядеть как следует не успел – он мимо промчался.

– Нет, поезд это не может быть... На чем они ездить будут? На грибах? Поезда от электричества работают. Знаешь, что это напоминает? Буровую установку.

– Почему? – опешил Артем.

Про буровые установки он слышал, но мысль, что Великий Червь, грызущий новые ходы, про которые говорил Дрон, может оказаться такой машиной, ему в голову раньше не приходила. И разве вся вера в Червя не строилась на отрицании машин?

– Ты только Ульману про буровую установку не говори и полковнику тоже: они меня все помешанным из-за нее считают, – попросил его Павел. – Дело вот в чем. Я раньше в Полисе информацию собирал, отслеживал всяких шпигов, короче, занимался диверсантами и внутренней угрозой. И как-то раз мне попался один старичок, который уверял, что в одном закутке, в туннеле рядом с Боровицкой, все время шум слышно, как будто за стеной буровая машина работает. Я бы, конечно, его самого сразу в сумасшедшие определил, но он раньше был строителем и в таких штуках разобрался.

– И кому может понадобится там рыть?

– Понятия не имею. Старик все бредил, что какие-то злодеи хотят туннель к реке прокопать, чтобы весь Полис смыло, а он их планы вроде как подслушал. Я сразу кого надо предупредил, но только мне никто не поверил. Бросился искать этого старичка, чтобы предъявить им в качестве свидетеля, но он, как нарочно, куда-то запропастился. Может, провокатор. А может, – Павел осторожно посмотрел на Ульмана и понизил голос, – действительно слышал, как военные что-то секретное роют. И старичка моего заодно зарыли, чтобы меньше слушал, что за стенкой творится. Ну, я с тех пор и ношусь с идеей о буровой установке, а меня из-за этого за психа держат. Чуть стоит что сказать – сразу насчет установки подкалывать начинают.

Он замолчал, испытующе глядя на Артема: как тот отнесется к его истории? Тот неопределенно пожал плечами: дескать, почему бы и нет.

– Ни черта не слышно, пустой эфир! – зло бросил подошедший Ульман. – Не берет отсюда, зараза! Надо выше подниматься: Мельник, наверное, слишком далеко.

Артем и Павел тут же засобирались. Думать о других объяснениях того, почему группа stalkера не выходит на связь, никто не хотел. Ульман раскрутил по секциям антенну, убрал рацию в рюкзак, взвалил на плечо пулемет и первым зашагал к застекленному вестибюлю, который прятался за могучими опорами телебашни. Павел вручил один баул Артему, сам взял ранец и винтовку, хлопнул дверцей машины, и они пошли вслед за Ульманом.

Внутри было тихо, грязно и пусто: люди, видно, однажды бежали отсюда впопыхах и уже больше никогда не возвращались. Луна удивленно смотрела сквозь битые пыльные стекла на перевернутые скамейки и разбитую стойку кассы, на пост милиции с остатками забытой в спешке фуражки и разломанные турникеты на входе, освещала выведенные по трафарету инструкции и предостережения для посетителей телебашни.

Включили фонари и, немного поискав, нашли выход на лестницу. Никчемные лифты, которые раньше могли доставить людей наверх меньше чем за минуту, стояли на первом этаже с дверями, распахнутыми бессильно, как челюсти паралитика.

Теперь группе предстояло самое сложное: Ульман объявил, что подниматься придется на высоту триста с лишним метров.

Первые двести ступеней дались Артему легко – за недели странствий по метро ноги привыкли к нагрузкам. На триста пятидесятой стало пропадать ощущение, что он продвигается вперед. Винтовая лестница неумоимо бежала вверх, и никакой разницы между этажами не ощущалось. Внутри башни было сыро и холодно, взгляд соскальзывал с голых бетонных стен, редкие двери были раскрыты настежь, открывая вид на брошенные аппаратные.

Через пятьсот ступеней Ульман разрешил сделать первый привал, и тогда Артем понял, до чего же устали его ноги. На отдых боец отвел всего пять минут – он боялся пропустить тот момент, когда сталкер попытается связаться с ними.

После восьмисотой ступени Артем сбился со счета. Ноги налились свинцом, и каждая теперь весила втрое больше, чем в начале подъема. Самым сложным было оторвать ступню от пола – он, словно магнит, тянул ее обратно. Глаза заливал пот, и серые стены плыли, словно в тумане, а коварные ступени стали цеплять его ботинки. Остановиться и отдохнуть он не мог: позади него напряженно пыхтел Павел, который к тому же нес в два раза больше груза, чем Артем.

Еще минут через пятнадцать Ульман снова дал им отдышаться. Он и сам уже выглядел уставшим, его грудь тяжело вздымалась под бесформенным защитным костюмом, а руки шарили по стене в поисках опоры. Достав из ранца флягу с водой, боец сперва протянул ее Артему.

В противогазе был предусмотрен специальный клапан, сквозь который проходил катетер: через него можно было всасывать воду. Головой Артем понимал, как хочется пить остальным, но он так и не смог заставить себя оторваться от резиновой трубки, пока не осушил флягу наполовину. После этого он осел на пол и закрыл глаза.

– Давай, еще недолго! – прокричал Ульман.

Он рывком поставил Артема на ноги, взял у него баул, взвалил себе на плечи и двинулся вперед.

Сколько продолжалась последняя часть подъема, Артем не помнил. Ступени и стены слились в одно мутное целое, лучи и пятна света из-за мутных разводов на обзорных стеклах выглядели как сияющие облака, и какое-то время он отвлекал себя тем, что любовался их радужными переливами. Кровь молотком стучала в голове, холодный воздух раздирал легкие, а лестница все не кончалась. Артем несколько раз садился на пол, но его поднимали и заставляли идти.

Ради чего он это делает?

Чтобы жизнь в метро продолжалась? Да.

Чтобы на ВДНХ и дальше растили грибы и свиней, и чтобы там мирно жили его отчим и Женькина семья, чтобы незнакомые ему люди вновь поселились на Алексеевской и на Рижской, и чтобы не затихала беспокойная торговая суeta на Белорусской. Чтобы брамины разгуливали в своих халатах по Полису и шуршали книжными страницами, постигая древние знания и передавая их следующим поколениям. Чтобы фашисты строили свой рейх, отлавливая расовых врагов и запытывая их до смерти, и люди Червя похищали чужих детей и поедали

взрослых, а женщина на Маяковской и дальше могла торговать своим маленьким сыном, зарабатывая себе и ему на хлеб. Чтобы на Павелецкой не прекращались крысиные бега, а бойцы революционной бригады продолжали свои нападения на фашистов и смешные диалектические споры. И чтобы тысячи людей по всему метро дышали, ели, любили друг друга, давали жизнь своим детям, испражнялись и спали, мечтали, боролись, убивали, восхищались и предавали, философствовали и ненавидели, и чтобы каждый верил в свой рай и свой ад...

Чтобы жизнь в метро, бессмысленная и бесполезная, возвышенная и исполненная света, грязная и бурлящая, бесконечно разная и именно потому такая волшебная и прекрасная, человеческая жизнь продолжалась.

Он думал об этом, и в его спине как будто проворачивался огромный заводной ключ, который подталкивал его к тому, чтобы сделать еще шаг, а за ним еще и еще. Благодаря ему и вопреки всему остальному он и продолжал передвигать ноги.

И вдруг все оборвалось. Они вывалились в просторное помещение – широкий круглый коридор, замыкавшийся кольцом. Внутренняя стена его была облицована мрамором, отчего Артем сразу почувствовал себя как дома, а внешняя...

За внешней, совершенно прозрачной, сразу начиналось небо, а где-то далеко-далеко внизу были рассыпаны крошечные домики, разрезанные дорогами на кварталы, чернели пятна парков и огромные провалы воронок, виднелись прямоугольнички уцелевших высотных зданий...

Отсюда просматривался весь бескрайний город, серой массой уходивший к темному горизонту. Артем съехал на пол, привалившись к стене, и долго-долго смотрел на Москву и на медленно розовеющее небо.

– Артем! Вставай, хватит сидеть! Вот, помоги-ка, – потрянул его за плечо Ульман.

Боец вручил ему большой моток проволоки, и Артем непонимающе уставился на него.

– Не ловит эта треклятая антенна, – Ульман указал на скрученный шестиметровый штырь, валявшийся на полу. – Будем рамовой пробовать. Вон там дверь на технический балкон, который этажом ниже. Выход как раз со стороны Ботанического сада. Я пока на рации буду сидеть, выйдите с Пашкой наружу, он антенну разматывать будет, ты его подстрахуешь. Давайте поживее, а то уже светать скоро начнет.

Артем кивнул. Он вспомнил, зачем он здесь, и у него открылось второе дыхание. Кто-то подкрутил невидимый ключ в его спине, и внутренняя пружина снова начала разворачиваться. До цели оставалось совсем немного. Он взял проволоку и двинулся к балконной двери.

Створка не поддавалась, и Ульману пришлось всадить в нужную секцию целую очередь, пока изъеденное пулями стекло не треснуло и не рассыпалось. Мощный порыв ветра чуть не сбил их с ног. Артем шагнул на балкон, огороженный решеткой высотой в человеческий рост.

– На вот, посмотри на них, – Павел протянул ему полевой бинокль и махнул рукой в нужном направлении.

Артем приник к окулярам и долго бесцельно водил взглядом по приблизившемуся городу, пока Павел не навел его на нужное место.

Ботанический сад и ВДНХ срослись в одну темную, непроходимую чащобу, среди которой высились облупленные белые купола и крыши павильонов Выставки. В этом дремучем лесу оставалось всего две прогалины – узенькая дорожка между главными павильонами («Главная аллея», – боязливо прошептал Павел) и это.

Прямо посреди Сада образовалась огромная проплешина, словно даже деревья брезгливо отступали от невиданной язвы. Это было зрелище странное и отталкивающее: не то городище, не то гигантский животворящий орган, пульсирующий и подрагивающий, раскинувшийся на несколько квадратных километров.

Небо постепенно окрашивалось в утренние цвета, и эту жуткую опухоль становилось видно все лучше: опутанная жилками живая пленка, вылезающие из выходов-клоак крохот-

ные черные фигурки, деловито копошащиеся, как муравьи... Именно муравьи, а их городище-матка напоминало Артему громадный муравейник. И одна из тропок шла – он сейчас хорошо видел это – к стоявшему на отшибе белому круглому строению, точь-в-точь напоминавшему вход на станцию ВДНХ. Черные фигурки добирались до дверей и пропадали. Их дальнейший путь Артем знал слишком хорошо.

Они действительно были совсем рядом, а не пришли откуда-то издалека. И их действительно можно было уничтожить, просто уничтожить. Теперь главное, чтобы Мельник не подвел. Артем вздохнул с облегчением. Почему-то ему вспомнился черный туннель из собственных снов, но он тряхнул головой и принялся разматывать шнур.

Балкон опоясывал башню по периметру, но сорокаметрового провода не хватило, чтобы сделать полный круг. Привязав конец к прутьям решетки, они стали возвращаться назад.

– Есть! Есть сигнал! – радостно заорал Ульман, заведя их. – Вышли на связь! Полковник матерится, спрашивает, где мы раньше были, – он приложил наушник к голове, прислушался и добавил: – Говорит, все даже лучше, чем думали, четыре установки нашли, все в отличном состоянии, их законсервировали... В масле, под брезентом... Говорит, Антон – молоток, со всем разобрался. Скоро готовы будут. Надо координаты сообщить. Привет тебе передает, Артем!

Павел развернул большую, расчерченную на квадраты карту местности и, глядя в бинокль, начал надиктовывать координаты, а Ульман повторял их в микрофон своей рации.

– Саму станцию тоже на всякий случай запечатаем, – боец сверился с картой и назвал еще несколько цифр.

– Все, координаты ушли, теперь они наводить будут. – Ульман снял наушник и потер лоб. – На это еще время уйдет, твой ракетчик там один на всех. Но это ничего, подождем...

Артем взял бинокль и опять вылез на балкон. Что-то тянуло его к этому мерзкому муравейнику, какое-то непонятное гнетущее чувство, неосоздаваемая и невыразимая тоска, словно грудь сдавило что-то тяжелое, не давая вдохнуть глубоко. Перед глазами снова встал черный туннель – да вдруг так ясно, так четко, как Артем не видел его даже в неотступно преследовавших его кошмарах. Но теперь можно было не бояться: этим упырям оставалось недолго хозяйничать в его снах.

– Все, полетело! Полковник говорит, ждите привета! Сейчас мы этих ваших сук черных поджарим! – завопил Ульман.

И именно в этот момент город под ногами исчез, кануло в темную бездну небо, стихли радостные крики за спиной – остался только один пустой черный туннель, по которому Артем столько раз брел навстречу... чему?

Время загустело и застыло.

Он достал из кармана пластмассовую зажигалку и чиркнул кремнем. Маленький веселый огонек выскочил наружу и заплясал на фитиле, озаряя пространство вокруг себя.

Артем знал, что увидит, и понимал, что теперь уже не должен страшиться этого, поэтому он просто поднял голову и заглянул в огромные черные глаза без белков и зрачков. И услышал.

– Ты – избранный!

Мир перевернулся. В этих бездонных глазах он вдруг за доли секунды увидел ответ на все, что оставалось для него непонятным и необъясненным. Ответ на все его сомнения, колебания, поиски.

И ответ этот оказался совсем не таким, как Артем думал всегда.

Провалившись во взгляд черного, он вдруг увидел вселенную его глазами.

Возрождающаяся новая жизнь, братство и единение сотен и тысяч отдельных разумов, но не растворяющее границы между ними, а сопрягающее мысли всех участвующих сущностей в единое целое...

Упругая черная кожа, отталкивающая губительные лучи, позволяющая с легкостью перенести и палящее солнце, и январские морозы, тонкие гибкие телепатические щупальца, способные и ласково гладить любимое создание, и больно жалить врага, полная невосприимчивость к боли...

...Черные были истинным венцом разрушенного мироздания, фениксом, восставшим из пепла человечества. И они обладали разумом – любознательным, живым, но, к несчастью, настолько не похожим на людской, что никакой возможности наладить контакт не было. До него, до Артема.

Глазами черных он увидел людей: озлобленных, загнанных под землю грязных ублюдков, огрызавшихся огнем и свинцом, уничтожавших парламентариев, которые направлялись к ним с песней мира, – а у них вырывали белый флаг и его древком пробивали им же глотку.

Потом Артем постиг их нарастающее отчаяние от невозможности установить связь, достичь взаимопонимания, потому что в глубине, в нижних ходах сидят неразумные, взбесившиеся твари, которые уничтожили свой мир, продолжают грызть между собой и скоро вымрут, если их не перевоспитать. Черные предпринимают новую попытку протянуть людям руку помощи, а они снова вцепляются в нее с такой ненавистью, что вызывают теперь опасение. И желание избавиться от этих озлобленных как бродячие псы, но дьявольски смысленных созданий, пока им не стало тесно в нижних ходах и они не выплеснулись из них на поверхность.

Но все это время продолжают отчаянные поиски хотя бы одного из загнанных – того, кто сможет стать толмачом, мостиком между двумя мирами, который переведет обеим сторонам смысл поступков и желаний каждого, который объяснит людям, что им нечего бояться, и поможет черным общаться с ними. Потому что людям и черным нечего делить. Потому что они – не соперничающие за выживание виды, а два организма, предназначенные природой для симбиоза. И вместе – с человеческим знанием техники и истории отравленного мира, со способностью черных противостоять его угрозам, – они могут вывести человечество на новый виток, и остановившаяся Земля, скрипнув, продолжит вращение вокруг своей оси. Потому что черные – это тоже часть человечества, новая его ветвь, зародившаяся здесь, на останках сметенного войной мегаполиса.

Черные – порождение последней войны, они – дети этого мира, лучше приспособленные к новым условиям игры. Как и многие другие существа, появившиеся после, они ощущают не только привычными человеку органами, но и щупальцами сознания.

Артем вспомнил загадочный шум в трубах, дикарей, завораживающих взглядом, штурмующую рассудок отвратительную массу в сердце Кремля... Человек не был способен справиться с их воздействием на разум, но черные были словно созданы для этого. Только им был нужен партнер, союзник... Друг. Кто-то, кто поможет наладить связь с их оглохшими и ослепшими старшими братьями – людьми.

И вот тогда начался долгий, терпеливый поиск Посредника, увенчавшийся удачей, торгом, потому что такой толмач, избранный, был найден. Но еще до того, как контакт с ним был установлен, он исчез. Щупальца Общего ищут его повсюду, иногда захватывая, чтобы начать общение, но он тоже боится, вырывается и убегает. Его приходится поддерживать и спасать, останавливать, предупреждать об опасности, подталкивать и снова вести домой, туда, где связь с ним будет особенно сильна и чиста. Наконец контакт становится вполне устойчивым: каждый день, иногда по нескольку раз удастся сблизиться с избранным, и тогда он делает еще один робкий шаг к пониманию своей задачи. Своей судьбы. Он всегда был предназначен именно для этого, ведь даже саму дорогу в метро, к людям, черным открыл не кто иной, как он.

Артем хотел было задать им тревоживший его вопрос: что же случилось с Хантером? Но мысль эта закружилась в вихре новых невероятных ощущений и, как ни пытался он ее удерживать, выскользнула, канула в бурлящий водоворот переживаний и сгинула в нем без следа.

Через мгновение он и не помнил уже, что собирался дознаваться, какая судьба постигла Охотника.

Теперь его больше ничто не отвлекало от главного, и он снова раскрыл свой разум их разуму.

Артем стоял сейчас на грани осознания чего-то невероятно важного – он уже испытывал это чувство в самом начале своего похода, когда сидел у костра на Алексеевской. Это было именно оно – ясное ощущение, что километры туннелей и недели блужданий снова вывели его к потайной дверце, открыв которую он обретет понимание всех тайн вселенной и вознесется над убогими человеками, выдолбившими свой мирок в неподатливой мерзлой земле, зарывшимися в него с головой. Он мог открыть дверцу уже в тот раз, и все его нынешнее странствие было бы ни к чему. Но тогда он попал к этой двери случайно, заглянул в замочную скважину и отпрянул, испугавшись увиденного. А теперь его долгий путь заставлял Артема без колебаний распахнуть ее и предстать перед светом абсолютного знания, который хлынет наружу. И пусть свет ослепит его: глаза будут неуклюжим и никчемным инструментом, годным лишь для тех, кто ничего в своей жизни не видел, кроме закопченных сводов туннелей и замызганного графита станций.

Артем должен был только протянуть руку навстречу поданной ему ладони – пусть страшной, пусть непривычной, обтянутой лоснящейся черной кожей, но, несомненно, дружеской. И тогда дверь откроется. И все будет по-другому. Перед ним распахнулись необозримые новые горизонты, прекрасные и величественные. Сердце наполнила радость и решимость, и была только капелька раскаяния в том, что он не смог понять всего этого раньше, что он гнал от себя друзей и братьев, тянувшихся к нему, рассчитывавших на его помощь, его поддержку, потому что только он один во всем мире может это сделать.

Он взялся за ручку двери и потянул ее вниз.

Сердца тысяч черных далеко внизу вспыхнули радостью и надеждой.

Тьма перед глазами рассеялась и, прикинув к биноклю, он увидел, что сотни черных фигурок на далекой земле замерли. Ему показалось, что все они сейчас смотрят на него, не веря, что столь долго ожидаемое чудо свершилось и положен конец бессмысленной братоубийственной вражде.

В эту секунду первая ракета молниеносно прочертила огненно-дымный след в небе и ударила в самый центр городища. И сразу алеющий небосклон располосовали еще три таких же метеора.

Артем рванулся назад, надеясь, что залп еще можно остановить, приказать, объяснить... Но тут же сник, понимая, что все уже произошло.

Оранжевое пламя захлестнуло «муравейник», вверх взметнулось смоляное облако, новые взрывы окружили его со всех сторон, и он сдулся, рухнул, испустив усталый предсмертный стон. Его заволокло густым дымом горящего леса и плоти. А с неба все падали и падали новые ракеты, и каждая смерть отдавалась тоскливой болью в душе Артема.

Он отчаянно пытался нащупать в своем сознании хотя бы след того присутствия, которое только что так приятно наполняло и согревало его, которое обещало спасение ему и всему человечеству, которое придавало смысл его существованию... Но от него ничего не осталось. Сознание было как заброшенный туннель метро, совершенной пустоты которого не дает разглядеть только царящая в нем крошечная тьма. И Артем четко, остро почувствовал, что уже никогда там не возникнет свет, которым он сможет озарить свою жизнь и найти в ней дорогу.

– Как мы славно их взгрели, а? Будут знать, как к нам с мечом! – потирал руки Ульман. – А, Артем? Артем!

Весь Ботанический сад, а заодно и ВДНХ превратились в одно страшное огненное месиво, огромные клубы жирного черного дыма лениво поднимались в осеннее небо, и багровое зарево чудовищного пожара мешалось с нежными лучами восходящего солнца.

Артему стало невыносимо душно и тесно. Он взялся за противогаз, сорвал его и жадно, полной грудью вдохнул горький холодный воздух. Потом вытер выступившие слезы и, не обращая внимания на окрики, стал спускаться по лестнице вниз.

Он возвращался в метро.

Домой.

Эпилог. Евангелие от Артема

Мне в лицо летят белые полиэтиленовые пакеты.

Я отлепляю их от окуляров противогаза и отпускаю – и пакеты, подхваченные ветром, плывут по воздуху дальше, похожие на медуз.

Настоящих животных тут не водится – ни обычных, ни даже приноровившихся к радиации уродов.

На километры вокруг нет ни единого живого листка, ни травинки... Только сажа и оплавленное железо, угли и бетонная труха. Если ветер и приносит семена каких-то растений, то, падая в проклятую здешнюю почву, они не могут прижиться и высыхают.

И даже пакеты, остановившись тут передохнуть, несутся дальше.

Сюда я прихожу каждый день и давно потерял счет дням, которые провел здесь.

Я облачаюсь в тяжелый костюм радиационной защиты, надеваю противогаз, беру оружие – и отправляюсь в путь вверх по эскалатору. Сперва меня провожали странными взглядами: в них было и снисхождение, и восхищение, и издевка. Сейчас все привыкли и перестали обращать на меня внимание. И мне так удобней.

Не знаю, что я ищу на этом пепелище. Возможно, и ничего не ищу – говорят же, что убийц тянет вернуться на место преступления, так не в этом ли все дело?

Одно точно: мне не отыскать тут ни прощения, ни надежды.

Я загребая сапогом грязь, ворошу палкой оплавленные железяки.

Вместо прощения мне – сажа. Вместо надежды – угли.

И я буду приходить сюда, пока мои ноги будут меня носить.

* * *

Они вышли встречать меня как героя.

Опаленные, окровавленные, оборванные. Я спустился с изуродованной бомбами бетонной телебашни, но они глядели на меня так, будто я сошел с небес.

Мне хотелось сдохнуть, и я содрал со своего лица противогаз. Я вдыхал воздух – запретный, отравленный, – который так давно мечтал попробовать на вкус. И не чувствовал его вкуса.

Я брел по мертвой улице, надеясь, что меня сожрут до того, как я вернусь ко входу в метро. Но твари, которые еще недавно хотели моей крови, теперь безговали ею.

А когда я достиг метро, там уже ждала толпа.

Они поднялись наверх, несмотря на табу, чтобы самим увидеть землю, которую я отвоевал у демонов для их детей. И когда они поняли, что я дышу стылым воздухом поверхности без противогаза, некоторые тоже стали стаскивать с себя резиновые маски. Им казалось, моя победа уже вернула им потерянный когда-то мир. Они не знали, что час назад я уничтожил их последний шанс на спасение. И я не стал им об этом говорить.

Среди тех, кто поднялся наверх приветствовать меня, была женщина с ребенком. Неужели ей не было страшно за малыша? Наверное, было. Но ведь еще несколько часов назад она точно знала, что умрет. И все, кто поднялся на поверхность, все эти изможденные люди готовились умереть. Они остались на осажденной станции, потому что им некуда было бежать, остались, чтобы оборонять ее до конца – неминуемого и скорого. Боятся ли помилованные только что смертники заболеть? Нет, они ничего не боятся.

Эти люди не знали, что я лишь заменил вынесенный им смертный приговор на пожизненное заключение.

Мальчик, который сидел на руках у матери, тоже стащил с себя самодельный противогаз и махал им мне.

– Артем! Артем! Снег!

С неба медленно опускались жирные серые хлопья, припорошивая грязную бурую землю, черный разохшийся асфальт. Я подставил им ладонь, растер их пальцами.

– Ура! Снег! – все кричал мальчишка.

– Это пепел, – сказал ему я.

* * *

Я трус и поэтому буду героем.

Я никогда не решусь рассказать им, что случилось на самом деле. Если я расскажу, мне не поверят – или решат, что черные смогли овладеть моим разумом.

Про меня уже слагают легенды, и вроде бы какой-то старик даже пишет книгу: паренек с окраинной станции отправился в поход через все метро, чтобы спасти свой дом и все человечество от вторгшихся с поверхности демонов... Закалившись в боях и став мужчиной, он сумел отыскать завещанное предками грозное оружие и уничтожить злобных тварей. Пытаясь уберечься, они запустили свои щупальца в его сознание, но парень выдержал это последнее испытание, преодолел последний соблазн – выстоял и победил...

Наши дети забудут письмо, дети их детей не будут помнить букв. Книгу о метро будет некому читать, но пока обитающие в туннелях пещерные люди не разучатся говорить, они будут пересказывать друг другу эту легенду – у костра, догладывая кости своих врагов. В мифах дикарей-людоедов я навечно останусь героем. Наказание мне за мое малодушие.

Когда меня спрашивают, с чего все началось, я говорю им: все началось в тот день, когда мы открыли гермоворота на Ботаническом саду. Мы – я и двое моих друзей. Мы были детьми и не ведали, что творим. Да, мы нарушили запрет, но какой мальчишка не нарушает запретов?

Кто придумал отправиться на мертвую станцию, кто подначивал остальных? Не помню, отвечаю я. То ли Виталик-Заноза, то ли Женька.

Я вру.

Вру легко, потому что слов моих не проверить: ни Виталика больше нет, ни Женьки. Да и были бы они живы – прикрыли бы меня. Как я всегда прикрывал их.

Нет, все началось не в ту минуту, когда многотонные створы ворот сдвинулись с места и поползли со скрежетом, открывая нам дорогу в преисподнюю, а демонам – путь в метро.

Был совсем другой день: солнечный и прозрачный, теплый и свежий, полный невероятных и чудесных запахов, которые я не могу вспомнить и знаю лишь, что ничего подобного с тех пор не ощущал.

– Ну, Артемка, – улыбнулась мне мама, – сегодня едем гулять в Ботанический сад! Хочешь?

– Хочу! – выкрикнул я. – Хочу!

Я помню, как мы ехали в полупустом вагоне: был выходной. Помню, как поднимались по короткому эскалатору вверх. Как выходили из просторного стеклянного павильона на зеленую улицу. Как летели легкие облака над моей головой по бесконечному небу, и как дышал мне в лицо чуть прохладный ветер. У выхода из метро обнаружился киоск с мороженым, и мы встали в очередь.

– Тебе пломбир в стаканчике или «Лакомку» с шоколадом?

– Пломбир! «Лакомку»! В стаканчике!

– Надо выбрать, – строго сказала мама. – Все сразу нельзя. У тебя и так диатез!

– А давай ты возьмешь «Лакомку», а я – в стаканчике! – схитрил я. – И я у тебя попробую!

А ты у меня!

– Ну хорошо, – рассмеялась мама.

Даже если бы я съел оба мороженых сразу, ничего бы со мной не случилось. Сладкого в моей жизни с тех пор больше почти не было.

Потом мы вошли в сам Сад и гуляли до обеда по широким путаным аллеям. Заблудившись, случайно попали в затерянный в одном из укромных уголков громадного парка японский садик. Пруд с кувшинками, через воду проброшены утлые мостки, и удивительные оранжевые птицы тихо плывут по темной глади...

Удивительно, сколько всего я помню. Сколько всего лишнего и ненужного. А главного никогда не мог вызвать в своей памяти: ее лицо.

Лицо моей мамы.

Не знаю, почему и кем не разрешено мне видеть снова ее глаза, ее улыбку, ее волосы. Только я никогда не был готов смириться с этим запретом. И сколько помню себя, мечтал вернуться в тот день – к шепчущим аллеям, к оранжевым уткам, к нагретому асфальту, на который сквозь прорехи в листве льется солнце. К маме.

Но мир, в который мне было так нужно, сгинул без возврата, утащив за собой в небытие и мою мать. Не осталось от него ничего, кроме того дня, да еще двух-трех небрежных эскизов в моей памяти: вечер в нашей квартире, уютный свет от лампы, тепло...

Вспомнить бы только ее лицо. Как она смотрела на меня. Как шептала мне, чтобы я ничего не боялся. Как подмигивала мне. Я за это готов был душу отдать. Всегда был готов. Я и отдал.

Настал Судный день. Праведников и грешников призвали, чтобы воздать им по делам их. А мы спрятались от бога в метро, убереглись от его очей, и ему стало лень выковыривать нас из нор. Потом он занялся другими делами или умер, а нас забыли на использованной и выброшенной Земле. И мы полетели на ней в никуда.

Человечество казнили, а мы вдвоем оказались среди тех, кому дали отсрочку. Ей – слишком короткую, мне – слишком долгую.

Маму сожрали крысы. Этого дня я не помню. Но если меня избавили от этого воспоминания в обмен на воспоминание о летнем утре в Ботаническом саду, я готов меняться обратно. Слышите?..

Меня подобрал человек, который думал усыновить меня. Только вот я не был готов стать ему сыном. Мы сблизились, но остались чужими. Между нами была моя мать, которую он не успел вытащить из крысиной лавы. С которой я не решился погибнуть вместе. Я никогда его ни в чем не упрекал, но и простить не мог.

Я был как отломанная ветка – меня приматывали к другому дереву, надеясь привить, но не получалось: место разлома прижгли, и живые клетки по краю все отмерли. Сколько ни прижимай, не срастется.

Так мы и существовали вместе: он был бобылем, а я – сиротой.

Ее лица я не видел даже во сне. Тот день с оранжевыми утками и мороженым видел часто, а маму – нет. Силуэт, голос, смех... Протяни руки – уворачивается, рассеивается; не обнять, не удержать.

* * *

Это я их подбил идти на станцию Ботанический Сад. Конечно, я. Одному было страшно, да я бы и не добрался один: кто-то должен был отвлекать дозорных в северном туннеле, иначе нас поймали бы за шкурку на первом же блокпосту.

Я шел туда, чтобы подняться наверх. Не знаю, что я рассчитывал увидеть на поверхности: не далекий летний день, и не небо цвета летчицких лычек; не работающий до сих пор против всех законов Вселенной киоск с мороженым, и не пляшущих на тротуаре солнечных зайчиков.

Возможно, где-то внутри того пацана, внутри чумазой обритой матрешки с заржавленной дустволкой в руках сидела другая матрешка – счастливый и запросто верящий в чудеса трехлетний мальчонка, перемазанный пломбиром. И он надеялся повидаться там, наверху, со своей мамой, которая оставила его и по которой он очень соскучился. С тех пор на меня один за другим наросли новые слои – будто годовые кольца на дереве. Пацан с дустволкой залез внутрь застенчивого прыщавого подростка-книгочей, тот – в наивного и тоскующего по приключениям юнца, а сейчас все они заперты в уродливую матрешку обожженного и обжегшего человека без возраста. Этот последний кокон с меня уже не снять, его не расколоть и не разбить; теперь я такой. Но я-то знаю, что где-то глубоко внутри меня, за многими годовыми кольцами, все еще прячется тот трехлетний мальчик. Прячется и надеется.

Ребятам я предложил поиграть в сталкеров, и этого оказалось достаточно, чтобы они пошли со мной.

На станции Ботанический Сад было черно и пусто, пол был усеян обломками чьих-то жизней: порванными палатками, сломанными куклами, битой посудой... Шныряли крысы, догрызая все, что могли переварить. В воздухе висела удушливая пыль, впитывающая все звуки, и пахло безнадегой. Думаю, если ад – настоящий ад – и существует, то выглядит он наверняка именно так, как выглядел тогда Ботанический Сад.

Открыть гермоворота тоже предложил я. Виталик был уже достаточно напуган этой проклятой станцией, и даже Женька засомневался, когда я взялся за рычаги. Но я был слишком близко к своей цели, к тому дню, к тому миру, чтобы остановиться.

Разумеется, теперь я всегда говорю, что лезть вверх придумал Женька. Если не верите мне, спросите у него сами.

Механизм хандрил, но все еще работал.

– За мной! – У меня в руках была дустволка, у Женьки – фонарик.

Подняться в верхний вестибюль станции по шатким ступеням, поросшим мерно дышащим мхом, храбрости достало всем. Но дальше наш отряд распался. Виталик так и не отважился выйти наружу. Женька сделал несколько шагов и замер. А меня ноги понесли вперед.

Ночное небо было обнажено и сияло тысячами звезд, но я пришел не за ним.

А за чем тогда?

Сначала я неуверенно озирался по сторонам, сличая полуразложившуюся обезображенную Землю со своими дымчатыми прекрасными воспоминаниями и светлыми снами, будто на опознании тела разбившегося знакомого. Потом наконец уцепился за какое-то сходство и зашагал вперед быстрее...

...завернул за угол...

По одну сторону от меня черепами многоглазых мутантов скалились брошенные многоквартирные дома. С другой – полмира отвоевала разросшаяся чащоба Ботанического сада, которой ядерная война пошла лишь на пользу. Ветер носил по воздуху белые полиэтиленовые пакеты. Говорят, пакетам нужно пятьсот лет, чтобы разложиться... Неподалеку кто-то истошно выл, будто его сжигали живьем; но мне сейчас было не до того.

– Артем! Ты куда?! Артем!

Я даже не оглянулся – а Женька, самый верный мой друг, побоялся идти за мной.

...еще сто метров...

И вдруг я уткнулся в тот самый киоск мороженого – когда-то размалеванный всеми цветами радуги, а потом выстиранный злыми дождями и обесцвеченный ночной тьмой. Окна его были выбиты, нутро выпотрошено и изгажено. Он ссутулился и весь скукожился, напоминая тот волшебный яркий шатер удовольствий из моего прошлого не больше, чем раковый больной – себя прежнего.

Я притронулся к нему рукой. Зажмурился, стараясь представить себе, что мама предлагает мне выбрать что-то одно – «Лакомку» или пломбир. Прошептал: «Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста!»

И понял, что не вспомню ее. Даже если отправлюсь сейчас в дремучие заросли Сада, отыщу те самые аллеи, тот пруд, те мостки – и выживу... Ничего не получится.

И мне стало так одиноко, как никогда не было.

Но я все равно продолжал стоять у брошенного киоска, будто просто ждал, пока подойдет моя очередь за мороженым. Хотя знал, что она не подойдет никогда.

Я был сиротой. Я был один во всем мире.

Наверное, данная мне отсрочка закончилась именно тогда. Я ничего не услышал – эти твари передвигались удивительно бесшумно. Но каким-то звериным чутьем – от жизни в метро оно обостряется – я почувствовал их присутствие и открыл глаза.

Стая бродячих псов, изъязвленных и ободранных... Я был взят в кольцо и прижат к киоску, бежать мне было некуда, да я бы и не успел. Глядя в их глаза, я понимал: мне не напугать их и не приручить. В то время поверхность не кишела еще всей больной и уродливой жизнью, которая расплодилась там сейчас. Псам повезло, что они учуяли меня. Теперь им надо было поскорей меня схарчить, прежде чем голод заставил их рвать глотки друг другу.

– Стреляй! – откуда-то крикнул мне Женька. – У тебя же ружье!

Я очнулся и, наставив двустволку на самую крупную зверюгу, потянул спусковой крючок. Боек щелкнул негромко. Выстрела не было. Я дернул второй – осечка. Видно, патроны отсырели. Перезарядить было нечем.

Один из псов повернулся к Женьке.

– Уходи! – сказал я. – Только не беги, а то на тебя первого нападут...

И Женька стал отходить – спиной назад, не спуская глаз с тварей. А я остался и смотрел на него.

– Я сейчас... Я вернусь! С подкреплением! – бормотал Женька.

Было очень хорошо ясно, что не успеет он привести никакое подкрепление. Он это знал, и я знал. Когда я просил его уйти, во мне копошилась мыслишка: а вдруг он не сбежит? Вдруг что-то придумает?! И когда он все-таки послушался меня, стало обидно.

Тот зверь, которому я собирался картечью снести башку, сделал шаг вперед, задрал морду к звездам и хрипло взвыл. Стая поползла ко мне, прижимаясь к корке асфальта, готовясь прыгать.

И тут над черным лесом, над растерзанными домами, надо всей окоченевшей планетой раздался вдруг такой вой, от которого захотелось не бежать даже, а упасть лицом в землю и лежать тихонько, шепотом умоляя о пощаде. Я прежде такого не слышал.

Один из псов молча метнулся на меня.

* * *

Они стояли внизу, у гермоворот, и спорили. Им не хватило ни мужества, чтобы выглянуть и убедиться, что меня разорвали в клочья, ни трусости, чтобы бежать к своим родителям на ВДНХ. Им ведь было куда бежать.

– Как это? – вылутился на меня Женька.

Я пожал плечами.

– Сколько времени меня не было?

– Минут пятнадцать... Как... Как ты от них?.. Артем...

– Не помню. – Я снова втянул голову. – Всего пятнадцать минут?

Мне казалось – весь наш поход, и ржавый выцветший киоск, и собачья охота – все это случилось вчера. Будто я целую ночь проспал.

– Артем! – настойчиво повторил Женька. – Чего ты улыбаешься?! Что случилось?!
Но у меня не было ответа. Я не помнил.
И вспомнил лишь много лет спустя.

* * *

Конечно, я ненавидел черных. Все ненавидят черных.

Когда я шел через свою родную станцию, замызганную кровью, устланную мычащими безумцами, связанными по рукам и ногам, я думал только о мести. Когда я услышал, что Женьку убили, я расстался с последними сомнениями. Мне захотелось спалить их логово дотла. Выжечь вместе с Ботаническим садом, в который я уже все равно никогда не смогу вернуться.

В тех легендах, которые досужие трепачи пересказывают друг другу сегодня, черным приписывают совершенно невероятную мощь и злобу. Вот они уже разрывают дозорных голыми руками, сворачивают шеи, того и гляди начнут пить человеческую кровь. Врут, все врут. На самом деле все куда страшней.

На самом деле черные не убили ни единого человека. Они даже к ним не притронулись. Все те, кто погиб, погибли от рук своих товарищей. А черные просто свели тех с ума. Никто не способен остаться собой, когда черные приближаются. И никто не помнит, кем он был, пока черные находились рядом. Конечно, когда приступ заканчивается и ты видишь перед собой своего друга с вырванным кадыком, самое простое и самое логичное – решить, что это сделало черное чудовище. Решить так и поверить в это.

Так-то оно так. Да только это чудовище вылезло из тебя самого, а, сделав дело, забралось обратно. Об этом лучше не знать. Все, кто успевал с этим чудовищем хоть на миг пересечься, не могли больше без смирительной рубашки.

Я знаю лишь одного человека, который попытался без нее обойтись. Он думал, бронежилет куда крепче стянет тело, из которого заместить человека рвался монстр. Верил, что тесный титановый шлем помешает кому-то чужому забраться в его голову...

Но сейчас речь не о нем.

И нет никого, кто при виде черных не испытывал бы ужас и омерзение. Эти создания были обратным от нас. Увидеть черного – все равно что увидеть человека, вывернутого наизнанку – наружу пульсирующим красным мясом и подрагивающими органами. Не из-за их телесного устройства – труп черного можно смело поковырять палкой и пнуть его мертвую голову ногой, не опасаясь, что тебя вытошнит; тут другое. Тут именно их *живое присутствие*. И чем ближе они подходят к тебе, тем сильнее отвращение и пронзительней страх. Кажется – если это исчадие ада прикоснется к тебе, то с его прикосновением в твою душу – не мозг, а именно душу – высадится некий паразит, лишай или грибница, и душа твоя покроется гнойными язвами, почернеет и иссохнет, но не исчезнет, а продолжит питать собой этого паразита – пока ему это будет угодно... Хотя разным людям кажется разное.

Поэтому нет ничего более естественного и нормального, чем желать уничтожить каждую из этих кошмарных тварей: это единственный способ избавиться от страха, иначе тот будет преследовать тебя до могилы.

И когда мне в руки было вложено оружие возмездия, которое мы вырвали из истлевших костлявых пальцев наших мертвых предков, я знал, что делать. И сделал что должно.

Ракетам потребовалось меньше минуты, чтобы покрыть расстояние между чудом уцелевшей в Последней войне базой и чудом зародившимся на разоренной планете новым видом разумной жизни. Но была и еще одна минута – до того, как ракетчикам передали координаты цели.

Эта минута для меня стала вечностью.

* * *

– Я не помню, – сказал я Женьке. – Отстань!

Когда мы вернулись домой, нас, конечно, допрашивали. Но мы молчали.

Женька и Виталик забыли о том, что я подговорил их идти на Ботанический Сад, а я забыл, что они струсил и бросили меня на поверхности одного. Я больше не спрашивал Женьку, почему он послушался меня и оставил на съедение бродячим собакам, а он меня – каким образом я от них вырвался. И все мы молчали о том, что, со всех ног убегая с Ботанического, мы оставили открытым гермозатвор.

Мы пытались вернуть его на место вручную, но он шел очень тяжело. А потом я сказал: «Да ладно, черт с ним!» Виталик и Женька поглядели на меня так – не то осуждающе, не то благодарно – и бросили ржавую железяку. Мы все стали соучастниками этого преступления, но «Да ладно!» сказал я.

Почему? Может, потому что я забыл не все?

Потому что частицы произошедшего возвращались ко мне? Пытались вырваться из подвалов сознания, в которые я их запер и держал, просачивались в мои сны, возникая незваными и необъяснимыми ассоциациями в моей голове, заставляя меня врасплох?

Я не разрешал себе помнить, что случилось, потому что это было очень странно – и наверняка запретно. А уж когда черные стали спускаться в метро, беспрепятственно проходя через открытые нами ворота... Вот тогда мне сделалось действительно не по себе.

Тот старик, что якобы пишет обо мне книгу... Я довольно подробно рассказывал ему о многих своих снах, описывал некоторые кошмары. Но никогда я не говорил с ним о том видении, которое посещало меня чаще всего. Может быть, потому что я подозревал: это не сон.

...Громадный пес прыгает на меня, метя желтыми клыками прямо мне в горло. Остальные готовятся броситься, как только вожак собьет меня с ног. Я умру через миг: мое время кончилось.

И вдруг летящая на меня туша обмякает – прямо в воздухе – и безвольно, кулем рушится на землю в шаге от меня. Стая поджимает хвосты, скулит, ползет назад... Я оборачиваюсь и вздрагиваю.

За моим плечом – громадная черная тень. Меня охватывает дикий, непередаваемый ужас – но тут мне на темя ложится... рука?

Секунда, другая – я пытаюсь вырваться, но длинные стальные пальцы ухватили мой череп слишком сильно. Я понимаю: конец.

И вдруг боль и страх отступают, растворяются, как кусок сахара в чае.

Псы бегут; один из них гадит под себя, у другого – конвульсии. Но меня они уже не занимают. Не пытаюсь больше высвободиться из захвата, я медленно поднимаю взгляд на удивительное создание, которое держит меня за душу.

Черный...

Он стоит на двух ногах, и он на две головы выше самого высокого взрослого из всех, кого я видел. Кожа его – черней туннельной тьмы, а в немигающих круглых глазах нет белков. Но в них куда больше разума, чем у многих счастливых обладателей белков и миндалевидного разреза.

Нет сомнений: это не зверь, не чудовище.

Передо мной – человек.

И своими странными глазами он заглядывает прямо в меня. И видит все: тот Ботанический сад, в который я хотел попасть, и тот, в котором чуть не очутился, очередь за мороженым в еще живой, цветущий киоск, и бегущие по небу легкие облачка, и оранжевых уток на пруду,

и мою маму. Он видит ее смерть, и мои скитания по пустым туннелям, и мою тоску, и мое одиночество, и неспособность прижиться к другому существу моего вида.

Перед ним – черный. Смешной, маленький, неправильный и неуклюжий. Дурацкого цвета. Чужой на этой земле и во всем мире. Брошенный и не умеющий ни за кого зацепиться. Сирота.

И он жалеет меня. Жалеет и благословляет...

На долю мига вместо его громадного темного силуэта я вижу...

Маму. Она улыбается, и шепчет мне что-то ласковое, и ерошит мои волосы. Протягивает мне мороженое – пломбир. Шелестят над головами листья, летят по небу серебристые облака, люди смеются... Все, как было тогда.

Когда я пришел в себя, лицо ее вспомнить уже не смог, и во всех моих снах я его с тех пор не видел. Но знаю наверняка: черный мне его показал. И мне тогда почудилось, что он не изображает ее лицо, не напяливает мне на потеху ее маску, а словно... словно пускает в себя ненадолго ее неприкаянную сущность, разрешает ей воплотиться в нем на несколько секунд – на одно короткое свидание с сыном. Так медиумы впускают в себя вызванных духов.

Я почувствовал, что меня... усыновили. А потом снова остался один.

На прощание мне было сказано: «Ты – первый».

Но когда я вернулся к своим, от увиденного мной в памяти осталось не больше, чем от волшебного сна после пробуждения. И совсем скоро оно выветрилось из моей головы совсем. Так мне казалось.

– Чего ты улыбаешься?! – подозрительно спросил Женька.

Я уже и сам не знал.

Мне было двадцать четыре, когда черные вспомнили обо мне. Поздно – меня уже воспитали люди. Слушая первые истории о том, как рвущиеся с поверхности ужасающие твари живьем сжирают наших дозорных – друзей моего приемного отца, отцов моих товарищей, – я догадывался, что в детстве со мной на самом деле произошло что-то нехорошее, запретное, постыдное. Что те сны, в которых мне иногда напоминали о случившемся, надо гнать от себя; и раз уж черные демоны способны завладевать взрослыми людьми – будто надевая тряпичных петрушек себе на пальцы, – то распотрошить разум ребенка им и вовсе не доставит никаких сложностей.

Я хотел бежать с ВДНХ, именно потому что обрывки, осколки той судьбоносной ночи все еще всплывали в моем сознании. Потому что я боялся, как бы черные не превратили меня в куклу, не подняли бы меня однажды из постели и не заставили перерезать своих спящих друзей или военачальников станции.

Хантер считал, что я был от природы неуязвим перед воздействием черных. Правда же была в том, что в детстве я получил прививку – и, неся в своей душе частицу их души, перестал чувствовать боль и страх, когда они пытались говорить со мной. У меня потому и появился к ним иммунитет, потому что они были во мне. Но если бы я признался в этом Хантеру, он задушил бы меня прямо там же, несмотря на долгую и крепкую дружбу с моим отчимом. Я бы и сам себя порешил, будь я похрабрей.

Но я был трусом, и я бежал. Предложение Хантера я принял главным образом для того, чтобы исчезнуть с ВДНХ. Думал, что могу спрятаться от черных, удрать от своей судьбы. Когда же я расхрабрился, моего мужества хватило лишь на то, чтобы заткнуть их голоса в своей голове системой залпового огня.

Трусом был, трусом остался.

* * *

В канонической версии легенды об Артеме говорится: черные попытались заговорить с нашим героем, когда пуск ракет уже был произведен.

Зачем я это всем рассказываю?

Чтобы снять с себя ответственность? Чтобы убедить весь свет, а за ним и себя, что я все равно ничего не мог сделать? Что, когда я наконец все осознал, было уже слишком поздно?

Да. Говорят, если постоянно повторять ложь, в какой-то момент сам начинаешь в нее верить...

На это и уповаю. Где еще мне искать облегчения?

Я прозрел еще до того, как координаты «муравейника» черных были переданы на базу. Известно, что сообщили мне черные: о том, что шли к нам с миром, о возможности симбиоза, о желании и неумении найти общий язык с загнанными в норы огрызками человечества. О том, что мое истинное предназначение – в том, чтобы стать толмачом между двумя видами и остановить бойню.

Я обычно упираю на «остановить бойню» – так концовка легенды становится открытой, и каждый понимает ее в меру своей ожесточенности. Большинство убеждено, что черные просто пытались завладеть мной, чтобы отвлечь свою гибель. Сомневающиеся допускают, что черные все же не собирались пожирать всех людей до единого. А я... Я умываю руки.

Все было так. Но и было и еще кое-что.

Первое, что я увидел там, на башне, было ее лицо. Лицо моей матери.

И я уверен – они показали мне его вовсе не для того, чтобы шантажировать меня. Просто... Это был как бы привет... Блудный сын перестал прятаться и отпираться, разжал кулаки – и родители распахнули ему объятия. Вот что это было. А потом для меня снова устроили тот далекий день. Но он сошел не только на окрестности Ботанического сада – он настал для всего мира. Стоя на смотровой площадке Останкинской башни, я остолбенело и восхищенно озирался по сторонам – и видел не выморенный чумой и войной город, не мертвые ракушки домов и не вывороченные кишки улиц. Я созерцал Москву живую, бурлящую, зеленую!

И я убежден – мне показали ее не потому, что я так мечтал взглянуть на нее. Они хотели сказать – мы можем все это вернуть, вы и мы. Вместе.

И у меня все еще был шанс все остановить. Была еще минута. Объяснить все остальным в моем отряде, скинуть передатчик с башни, да что угодно!

А я? Я умыл руки.

Одни вычислили и сообщили координаты цели, другие нажали кнопки, выпуская ракеты... Я один не был ни в чем виноват. Я просто стоял и смотрел. А потом спустился с башни – и меня встретили как героя.

* * *

Не могу больше вспомнить ее лицо.

Теперь мне осталось только одно – каждый день возвращаться на пепелище. Я приходил туда вчера, и позавчера, и за день до этого – и так весь последний год; я бреду туда сегодня, и завтра тоже пойду.

Это не ритуал, это не моя работа, не мой долг.

Просто что-то внутри толкает меня каждое утро, какая-то неясная тоска гонит меня – собираться, напяливать на себя пудовые доспехи химзащиты, требовать, чтобы мне открыли гермозатворы, упрямо карабкаться вверх по эскалатору, выбираясь на поверхность с пятидесятиметровой глубины, тащиться по пустынным улицам – чтобы добраться досюда.

Раньше это место называлось Ботаническим садом.

Теперь тут только сажа и угли, и одни полиэтиленовые пакеты парят над черной пустошью. Когда мы все наконец передохнем – а я отвожу человечеству от силы лет двести, белые пакеты еще несколько веков будут носиться над землей. Возможно, все, что останется от нашей цивилизации, от нашего мира – эти пакеты, наши нетленные испражнения. Лучший памятник нам, ничтожествам.

Сейчас у меня довольно много свободного времени, примерно вечность, так что возможностей обдумать, как же так все получилось, хватает. И у меня есть маленькая теория: черные не были демонами. Напротив, они были посольством ангелов, отправленных нам во спасение – и в испытание. Если бы мы сумели побороть зверя в себе, если бы смогли разглядеть белоснежные перья под их черными шкурами, найти способ говорить с ними, несмотря на боль и омерзение, – мы прошли бы испытание и вымолили прощение за то, что уничтожили мир, который не создавали.

А мы не смогли.

Я не смог. Я!

И вот я, как проклятый, как заведенный, вышагиваю по разоренным дорогам, иду на свою вахту – в Ботанический сад. Это не мое наказание и не моя епитимья. Просто я не могу иначе, а зачем я это делаю – не могу понять. Не хочу признать.

Я ворошу длинной палкой давно погасшие угли, приподнимаю куски железа. Думаю, я просеял уже все это гиблое поле и, так ничего и не обнаружив, просто принялся за работу во второй раз. А потом и в третий.

Что я ищу?

Зеленый росток? Или хотя бы кость чужого существа, которое захотело меня – одинокого мальчишку – принять, усыновить? Или тень от деревьев, которые росли тут в день, когда мама повела меня гулять в Ботанический сад? Прощение? Надежду?

Сажа и угли. Угли и сажа.

Я сажусь прямо наземь – плевать, что грунт фонит.

По самой земле, кувыркаясь, несется пакет – и, добравшись до меня, облепляет мое лицо. Закрывает окуляры противогаза и так висит, словно приросший. Я не отдираю его – у меня нет сил. Нет сил жить.

Но налетает новый порыв, и пакет уносит куда-то вверх и вдаль.

Я все еще смотрю на свои сапоги.

Хорошо бы удавиться.

Я наконец набираюсь достаточно злости и отчаяния, чтобы пойти домой – слушать мифы о своем подвиге и подбрасывать еще деталей. Такое мне наказание.

И...

Господи...

Я закрываю и открываю глаза, пытаюсь ущипнуть себя через серую слоновью кожу противогаза... Нет, он не исчезает.

Стекла мигом запотевают, и я срываю маску к чертовой матери – как тогда, на башне.

Он все еще стоит на том же месте.

И тогда, забыв обо всем, загребая своими тяжелыми сапожищами, я неуклюже, трудно бегу к нему, запинаясь об оплавленные железные трубы, рамы...

Я не знаю, что сказать ему. Не знаю, как вообще с ним говорить...

Но я найдусь, я придумаю!

Пусть только это будет не мираж и не морок.

Я подхожу к нему все ближе... Не знаю, откуда он тут взялся, и не хочу спрашивать, чтобы не спугнуть чудо. Я просто верю в него, а вера – это когда не задаешь вопросов.

Он поворачивается ко мне.

Непропорционально длинные руки, огромные темные глаза без белков и зрачков, лоснящаяся черная кожа... Он совсем еще маленький, еле достает мне до живота и смотрит на меня – снизу вверх. Кажется, что в его глазах – пустота, но...

Я сбрасываю перчатку и осторожно притрагиваюсь обнаженной ладонью к его темени. Боюсь напугать его или сделать больно.

И понимаю: он – один во всем мире.

У него есть только я.

Метро 2034

Пролог

2034 год.

Весь мир лежит в руинах. Человечество почти полностью истреблено. Радиация делает полуразрушенные города непригодными для жизни. А за их пределами, по слухам, начинаются бесконечные выжженные пустыни и дебри мутировавших лесов. Но никто не знает наверняка, что там.

Цивилизация угасает. Память о былом величии человека обрастает небылицами и превращается в легенды. Со дня, когда последний самолет оторвался от земли, минуло больше двадцати лет. Изъеденные ржавчиной железные дороги ведут в никуда. Стройки века, так и не доведенные до конца, превратились в развалины. Радиоэфир пуст, и связисты слышат только унылое завывание, в миллионный раз настраиваясь на частоты, на которых раньше вещали Нью-Йорк, Париж, Токио и Буэнос-Айрес.

Минуло всего двадцать лет с того, как *это* произошло. Но человек больше не хозяин Земли. Создания, рожденные радиацией, приспособлены к новому миру куда лучше него. Эпоха человека подошла к концу.

Тех, кто отказывается в это верить, совсем немного – всего несколько десятков тысяч. Они не знают, спасся ли кто-то еще или они – последние люди на планете. Они живут в Московском метро – самом большом из когда-либо построенных противоатомных бомбоубежищ. В последнем убежище человечества.

Все они оказались в метро в *тот* день, и это спасло им жизнь. Герметические затворы защищают их от радиации и чудовищ с поверхности, изношенные фильтры очищают воду и воздух. Собранные умельцами динамо-машины вырабатывают электричество, на подземных фермах выращивают шампиньоны и свиней.

Центральная система управления распалась уже давно, и станции превратились в карликовые государства. Люди на них сплачиваются вокруг идей, религий или просто фильтров для воды.

Это мир без завтрашнего дня. В нем нет места мечтам, планам, надеждам. Чувства здесь уступают место инстинктам, главный из которых – выжить. Выжить любой ценой.

Предысторию событий, описываемых в этой книге, читайте в романе «Метро 2033».

Глава 1. Оборона севастопольской

Они не вернулись ни во вторник, ни в среду, ни даже в четверг, оговоренный как крайний срок. Первый блокпост нес дежурство круглосуточно, и если бы дозорные услышали хоть эхо призывов о помощи, заметили бледный отблеск луча на влажных темных стенах туннеля, вперед, к Нахимовскому проспекту был бы немедленно выслан ударный отряд.

Напряжение нарастало с каждым часом. Лучшие бойцы, превосходно экипированные и специально подготовленные именно для таких заданий, не смыкали глаз ни на секунду. Колода карт, за которой короталось время от тревоги до тревоги, уже вторые сутки пылилась в ящике стола в караулке. Обычная болтовня сменилась тихими встревоженными разговорами, те – тяжелым молчанием: каждый надеялся первым услышать эхо шагов возвращающегося каравана. Слишком уж многое от него зависело.

Севастопольская была превращена ее жителями, любой из которых – от пятилетнего мальчишки до древнего старика – умел обращаться с оружием, в неприступный бастион. Ощетинившаяся пулеметными гнездами, шипами колючей проволоки, даже сваренными из рельсов противотанковыми ежами, эта станция-крепость – казалось бы, совершенно неуязвимая, – могла пасть в любую минуту.

Ее ахиллесовой пятой была постоянная нехватка боеприпасов.

Столкнувшись с тем, что приходилось ежедневно выдерживать обитателям Севастопольской, жители любой другой станции наверняка и не подумали бы ее оборонять, бежав оттуда, как крысы из затапливаемого туннеля. Даже могущественная Ганза – союз станций Кольцевой линии, – подсчитав все расходы, вряд ли решилась бы бросить необходимые силы на защиту Севастопольской. Да, ее стратегическое значение было велико, но все же игра не стоила свеч.

Электроэнергия действительно была очень дорога. Достаточно дорога, чтобы севастопольцы, построившие одну из самых крупных гидроэлектростанций в метро, на доходы от ее поставок Ганзе ящиками заказывали боеприпасы и все-таки оставались в прибыли. Однако многим из них приходилось расплачиваться не только патронами, но и своими искалеченными, оборванными жизнями.

Грунтовые воды, благословение и проклятие Севастопольской, обтекали ее со всех сторон, словно воды Стикса – утлую барку Харона. Они вращали лопасти десятков водяных мельниц, сооруженных местными самоучками в туннелях, гротах, подземных руслах – всюду, куда могли добраться инженерно-разведывательные группы, давая свет и тепло самой станции и еще доброй трети Кольца.

Они же неустанно подтачивали опоры, разъедали цемент спаяк, убаюкивающе журчали совсем близко за стенами главного зала, пытаясь усыпить бдительность обитателей. Наконец, не позволяли взорвать лишние, неиспользуемые перегоны, откуда на Севастопольскую непрерывно, словно бесконечная ядовитая многоножка, заползающая в мясорубку, двигались орды кошмарных созданий.

Жители станции, команда этого несущегося по Преисподней призрачного фрегата, были навечно обречены искать и заделывать все новые пробоины, потому что их корабль давно дал течь, но пристани, где он мог бы обрести покой, просто не существовало.

И одновременно они должны были отражать атаку за атакой шедших на abordаж с Чертановской и Нахимовского проспекта чудовищ... Ползущих из вентиляционных шахт, просачивающихся вместе с мутными стремительными ручьями сквозь канализационные стоки, рвущихся из южных туннелей.

Казалось, весь мир ополчился против севастопольцев, не жалея никаких усилий для того, чтобы стереть их пристанище с карты метро. А они до последнего цеплялись за свою станцию, будто, кроме нее, у них ничего во Вселенной не оставалось.

Но какими бы искусными ни были местные инженеры, каких опытных и безжалостных бойцов ни воспитывала бы Севастопольская, они не могли уберечь свое жилище без патронов, без ламп для прожекторов, без антибиотиков и бинтов. Да, станция вырабатывала электричество, и Ганза была готова платить за него хорошую цену, но у Кольца были и другие поставщики, и собственные источники, а севастопольцы без подпитки извне вряд ли продержались бы даже месяц. А страшнее всего было остаться без боеприпасов.

Хорошо охраняемые караваны уходили к Серпуховской каждую неделю, чтобы на открытый у ганзейских купцов кредит закупить все необходимое и, не задерживаясь ни на час, отправиться домой. И пока вращалась Земля, пока текли подземные реки и держались возведенные метростроевцами своды, порядок не должен был меняться.

Но на этот раз караван задерживался. Задерживался непозволительно долго, так что уже становилось ясно: произошло нечто ужасное, непредвиденное, от чего не сумели защитить ни закаленные в боях тяжеловооруженные конвоиры, ни годами налаживавшиеся отношения с руководством Ганзы.

И все бы ничего, если бы действовала связь. Однако с идущим к Кольцу телефонным проводом что-то случилось, сообщение прервалось еще в понедельник, а отправленная на поиски поломки бригада вернулась ни с чем.

* * *

Лампа под широким зеленым абажуром свисала совсем низко над круглым столом, освещая пожелтевшие листы бумаги с нарисованными карандашом графиками и диаграммами. Лампочка была слабая, ватт сорок, но не потому что приходилось экономить электричество, а оттого что хозяин кабинета не любил яркий свет. Пепельница, переполненная окурками дрянных местных самокруток, сочилась едким сизым дымом, собиравшимся под низким потолком комнаты в ленивые вязкие клубы.

Начальник станции потер лоб и, вскинув руку, посмотрел единственным глазом на циферблат – в пятый раз за последние полчаса. Потом хрустнул пальцами и грузно поднялся.

– Надо принимать решение. Оттягивать дальше нет смысла.

Крепкий старик в пятнистом бушлате и истертом голубом берете, сидевший за столом напротив, открыл было рот, но закашлялся и замахал рукой, разгоняя дым. Потом, недовольно морщась, отозвался:

– Ну, давай я тебе еще раз повторю, Владимир Иванович: с южного направления мы никого снять не можем. Блокпосты под таким натиском, что еле держатся. За последнюю неделю там трое раненых, один тяжелый – и это несмотря на укрепления. Ослабить юг я тебе не дам. Туда же еще постоянно нужны и две тройки разведчиков – патрулировать шахты и межлинейники. Ну, а север – кроме тех бойцов из встречающей бригады, свободных нет, извиняйте. Ищи, где хочешь.

– Ты командир периметра, ты и ищи, – огрызнулся начальник. – А я своими делами заниматься буду. Но через час группа уже должна выйти. Ты пойми, мы с тобой разными категориями мыслим. Нельзя же решать только сиюминутные задачи! А если там что-то серьезное?

– А я думаю, Владимир Иванович, ты порешишь горячку. Калибра 5.45 в арсенале два цинка невскрытых, на полторы недели точно хватит. И у меня дома под подушкой завалилось еще, – старик усмехнулся, обнажая крепкие желтые зубы, – ящик точно наскребу. Беда не в патронах, а в людях.

– Давай-ка лучше я тебе скажу, в чем беда. Через две недели, если не наладить поставки, придется перекрывать гермозатворы в южных туннелях, потому что без боеприпасов мы их не удержим. Значит, не сможем осматривать и ремонтировать две трети наших мельниц. Еще через неделю они начнут выходить из строя. Перебои с электричеством в Ганзе никого не обрадуют. В лучшем случае они начнут искать других поставщиков. В худшем... Да что там электричество?! Туннели пустые уже пять дней почти, ни человека! А если там обрушение? А если прорыв? Если мы отрезаны теперь?

– Брось! Силовые кабели в норме. Циферки на счетчиках бегут, ток идет, Ганза потребляет. Было бы обрушение, ты бы сразу узнал. Даже если, положим, диверсия – нам бы не телефон обрезали, а провода наши. А насчет туннелей – кто сюда пойдет? К нам и в лучшие времена никто не захаживал. Чего один Нахимовский проспект стоит... Одиночке там не прорваться, а чужие торговцы к нам уже не суются. Ну и бандиты, ясное дело, наслышаны, не даром же мы каждый раз одного живым отпускали. Я говорю, не паникуй.

– Хорошо тебе рассуждать, – проворчал Владимир Иванович, поднимая повязку над пустой глазницей и вытирая со лба выступивший пот.

– Тройку дам. Пока больше нельзя, правда, – уже мягче сказал старик. – И хватит курить. Знаешь же, что и мне этим дышать нельзя, и сам травмишься! Давай лучше чаю, что ли...

– Это всегда пожалуйста. – Начальник потер руки. – Истомин у аппарата, – буркнул он в телефонную трубку, – чая мне и полковнику.

– И дежурного офицера вызови, – попросил командир периметра, снимая с головы берет. – Я распоряжусь по поводу тройки.

Чай у Истомина был всегда свой, с ВДНХ – особого, отборного сорта. Мало кто мог себе такое позволить – доставленный с другого края метро, трижды обложенный ганзейскими пошлинами, любимый чай начальника станции становился таким дорогим, что он и сам не стал бы потакать своим слабостям, если бы не старые связи на Добрынинской. С кем-то он там когда-то вместе воевал, и с тех пор раз в месяц командир возвращающегося от Ганзы каравана непременно привозил с собой яркий сверток, за которым Истомин всегда приходил сам.

Год назад с чаем этим начались перебои. До Севастопольской долетели тревожные слухи о новой, страшной угрозе, которая нависла над ВДНХ, а может, и надо всей оранжевой веткой: с поверхности туда спускались неизвестные и невиданные раньше мутанты, по слухам, умевшие читать мысли, почти невидимые и к тому же практически неистребимые. Поговаривали, что станция пала и что Ганза, опасаясь вторжения, подорвала туннели за Проспектом Мира. Цены на чай взлетели, потом он совсем было пропал, и Истомин был не на шутку встревожен. Однако через несколько недель страсти сами собой улеглись, и караваны, возвращавшиеся на Севастопольскую с патронами и лампами, снова повезли и знаменитый душистый чай. А что могло быть важнее?

Наливая командиру отвар в фарфоровую чашку со сколотой местами золотой каймой и вдыхая ароматный пар, Истомин от удовольствия даже зажмурил на миг свой глаз. После нацедил и себе, тяжело уселся на стул и зазвенел серебряной ложечкой, размешивая таблетку сахара.

Оба молчали, и с полминуты это меланхоличное позвякивание было единственным звуком, раздававшимся в затынутом табачным дымом полутемном кабинете. А потом его перекрыл, почти попадая в такт, летящий из туннелей надрывный колокольный набат.

– Тревога!

Командир периметра с невероятной для своих лет стремительностью сорвался с места и выскочил из комнаты. Где-то вдалеке хлопнул одинокий ружейный выстрел, потом его подхватили автоматы – один, другой, третий, по платформе загрохотали подкованные солдатские сапоги, и уже откуда-то издалека донесся зычный полковничий бас, раскидывающий приказы.

Истомин тоже было потянулся к висящему у шкафа лоснящемуся милицейскому автомату, но потом схватился за поясницу, охнул, махнул рукой, вернулся за стол и прихлебнул чая. Напротив него дымилась, остывая, брошенная полковником чашка и валялся забытый впопыхах голубой берет. Начальник станции скорчил ему гримасу и вполголоса заспорил с бежавшим командиром, возвращаясь к прежним темам с новыми аргументами, о которых не догадался вспомнить во время перебранки.

* * *

На Севастопольской ходило немало мрачных шуток о том, почему соседняя Чертановская так называлась. Хотя мельницы электростанций были разбросаны далеко в туннелях между двумя станциями, никто и не помышлял о том, чтобы для удобства занять и освоить пустующую Чертановскую, как была присоединена до этого смежная Каховская. Инженерные группы, под прикрытием подбиравшиеся к ней для установки и осмотра дальних генераторов, не решались приближаться к платформе ближе чем на сто метров. Выходя в такой поход, почти все, кроме самых отъявленных безбожников, украдкой крестились, а некоторые на всякий случай даже прощались с семьями.

Станция была нехорошая, и это чувствовал каждый, кто подходил к ней хотя бы на полкилометра. Тяжелые ударные отряды, которые севастопольцы по незнанию направляли раньше на Чертановскую, еще надеясь расширить свою территорию, возвращались потрепанными, ополовиненными, но чаще не возвращались вовсе. Бывалые бойцы, перепуганные до икоты, до стекающих по подбородку слюней, были не в силах справиться с ознобом, даже сидя так близко к костру, что начинала тлеть одежда. Они с трудом вспоминали то, что пришлось пережить, и никогда их воспоминания не были похожи друг на друга.

Считалось, что где-то за Чертановской боковые ответвления от основных туннелей ныряли вниз, вплетаясь в грандиозный лабиринт природных пещер, по слухам, кишевших всяческой нечистью. Это место на станции условно называли «Вратами» – условно, потому что никто из живых обитателей Севастопольской его никогда не видел. Правда, известен был случай, когда еще на заре освоения линии сами Врата вроде бы обнаружила большая разведгруппа, преодолевшая Чертановскую. Группа несла с собой передатчик – что-то наподобие проводного телефона. По этому телефону связист и сообщил на Севастопольскую, что разведчики стоят на входе в уходящий почти вертикально вниз неширокий коридор. Больше он ничего передать не успел, но еще несколько минут, пока не порвался кабель, сгрудившееся вокруг переговорного устройства командование Севастопольской слушало, как один за другим обрываются истошные, полные ужаса и нечеловеческой боли вопли бойцов разведгруппы. Стрелять никто из них даже не пытался, словно каждому из погибающих было ясно, что обычное оружие не в состоянии защитить их. Последним замолк командир группы, наемник-головорез с Китай-города, собиравший коллекцию мизинцев своих врагов. Он, видимо, находился на некотором расстоянии от уроненной радиом трубки, поэтому разобрать, что он говорил, было непросто; но, вслушавшись в его предсмертные всхлипывания, начальник станции узнал молитву – из простых, наивных, которым верующие родители учат маленьких детей.

После этого случая все попытки пробиться за Чертановскую были оставлены; собирались даже покинуть Севастопольскую и отходить к Ганзе. Однако проклятая станция, похоже, была тем самым пограничным столбом, который отмерял в метро пределы человеческих владений. Проникавшие за него создания порядком досаждали обитателям Севастопольской, но их хотя бы было можно убить, и при грамотно организованной обороне эти нападения отражались относительно легко и почти бескровно – покуда хватало боеприпасов.

Изредка к блокпостам подползали такие чудища, остановить которых удавалось только при помощи разрывных пуль и ловушек с высоковольтными разрядами. Но чаще дозорным все

же приходилось иметь дело с тварями не столь пугающими, хотя и крайне опасными. Звали их здесь как-то по-гоголевски домашне: упырями.

– Вон еще один! Сверху, в третьей трубе!

Прожектор, сорвавшийся с потолочного крепления, дергано, как висельник, болтался на одном проводе, поливая жестким белым светом пространство перед блокпостом, – то выхватывал притаившиеся в тенях скрюченные фигуры крадущихся мутантов, то снова прятал их во мраке, то заглядывал, слепя, в глаза дозорным. Вокруг гуляли, сжимаясь и тут же пружиня, перекашиваясь, кривляясь, неверные тени: люди отбрасывали звериные, чудовища – человеческие.

Блокпост был очень удобно расположен. Туннели в этом месте сходились – незадолго до последней войны Метрострой затеял реконструкцию, которая так и не была доведена до конца. На этом узле севастопольцы соорудили настоящую маленькую крепость: две пулеметные точки, полутораметровой толщины укрытия из мешков с песком, ежи и шлагбаумы на рельсах, электрические ловушки на ближних подходах и тщательно продуманная система сигнализации. Но когда мутанты шли такой волной, как в тот день, казалось – еще немного, и оборона рухнет.

Пулеметчик что-то нудно бубнил, пуская носом кровавые пузыри и удивленно разглядывая свои мокрые багровые ладони. Воздух вокруг его заклинившего «Печенег» подрагивал от жара. Потом, всхрипнув, стрелок доверчиво уткнулся лицом в плечо своего соседа, могучего бойца в закрытом титановом шлеме, и притих. Через секунду впереди раздался душераздирающий визг: упырь атаковал.

Боец в шлеме приподнялся над бруствером, отодвинув навалившегося на него окровавленного пулеметчика, вскинул автомат и дал долгую очередь. Мерзкая жилистая бестия, обтянутая матово-серой кожей, уже метнулась вперед, расправив узловатые передние лапы и планируя сверху вниз на натянувшихся кожных складках. Двигались упыри с совершенно невообразимой скоростью, не оставляя замешкавшимся ни малейших шансов, поэтому дежурство в этом дозоре несли только самые ловкие и умелые.

Свинцовый хлыст перебил визг, но по инерции уже мертвый упырь продолжил падение: стокилограммовая туша глухо ударила в бруствер, выбив из мешков с песком облако пыли.

– Вроде все...

Казавшийся бесконечным поток тварей, всего пару минут назад хлеставший из подвешенных под потолком огромных спиленных труб, и в самом деле иссяк. Дозорные стали осторожно выбираться из-за укреплений.

– Носилки сюда! Доктора! На станцию его срочно!

Убивший последнего упыря здоровяк прикрепил к стволу автомата штык-нож и неторопливо пустился в обход раскиданных по зоне огня убитых и раненых созданий, придавливая зубастую пасть каждой из них сапогом и нанося короткий, выверенный удар штыком в глаз. Потом устало прислонился спиной к мешкам, отвернулся лицом к туннелям, поднял, наконец, забрало шлема и приложился к фляге.

Подкрепление со стороны станции подоспело, когда все уже было решено. Добрался, трудно дыша и проклиная свои болячки, и командир периметра в расстегнутом солдатском бушлате.

– Ну, вот где я ему тройку достану? От сердца оторву?

– О чем вы, Денис Михайлович? – чуть не заглядывая командиру в рот, спросил один из дозорных.

– Истомин требует срочно отправить тройку разведчиков к Серпуховской. Беспокоится за караван. А откуда я ему еще тройку возьму? И вот ведь именно сейчас...

– О караване так ничего и не слышно? – не оборачиваясь, поинтересовался утолявший жажду.

– Ничего, – подтвердил старик. – Но ведь и времени еще не так много прошло. Что опаснее, в конце-то концов? Если мы юг сегодня оголим, через неделю этот караван будет некому встречать!

Боец качнул головой и замолчал. Не отозвался он и когда командир, поворчав еще несколько минут, спросил у оставшихся на посту дозорных, не хочет ли кто добровольцем войти в ту самую тройку, которую все же придется отрядить к Серпуховской, – иначе начальник станции, чтоб ему было неладно, проест старику всю плешь.

Трудностей с набором желающих не возникло – многие дозорные засиделись на месте, а представить себе что-то еще более опасное, чем оборона южных туннелей, им было нелегко.

Из шестерых вызвавшихся в этот поход полковник отобрал тех, в ком, по его мнению, Севастопольская на тот час нуждалась меньше всего. Мысль оказалась удачной, потому что из отправленной на Серпуховскую тройки на станцию больше никто никогда не вернулся.

* * *

Вот уже три дня, с тех самых пор, как разведчики ушли на поиски каравана, полковнику казалось, что за спиной у него шепчутся, и повсюду виделись косые взгляды. Даже самые оживленные беседы стихали, когда он проходил мимо разговаривавших. И в напряженном молчании, воцарявшемся везде, где бы он ни появлялся, ему чудилось невысказанное требование: объяснить и оправдаться.

Он просто делал свою работу: обеспечивал безопасность оборонного периметра Севастопольской. Он тактик, а не стратег. Когда каждый солдат был на счету, полковник просто не имел права разбрасываться ими, рассылая на сомнительные, если не бессмысленные задания.

Три дня назад полковник был в этом искренне убежден. Но теперь, когда всякий испуганный, неодобрительный, сомневающийся взгляд стегал его по спине, его уверенность пошатнулась. Идущей налегке разведгруппе не потребовалось бы и суток, чтобы проделать весь путь к Ганзе и обратно – и это с учетом возможных боев и ожидания на границах независимых полустанков. Значит...

Приказав никого к себе не пускать, полковник заперся в своей комнатухе и забормотал себе под нос, в сотый раз перебирая варианты того, что могло случиться с торговцами и разведкой.

Людей на Севастопольской не пугали, разумеется, за исключением армии Ганзы. Дурная слава о станции, многократно перевранные истории нескольких очевидцев о том, какой ценой ее обитателям дается выживание, подхваченные челноками и любителями послушать их байки, распространялись по метро, делая свое дело. Быстро сообразив, какая от этой репутации польза, начальство станции приложило к ее укреплению свою руку. Информаторы и караванщики, путешественники и дипломаты были официально благословлены врать, да пострашнее, про Севастопольскую и вообще про весь начинавшийся за Серпуховской отрезок линии.

Разглядеть за этой дымовой завесой привлекательность и истинную значимость станции могли лишь единицы. Всего пару раз за последние годы несведущие бандиты пробовали силой прорваться через блокпосты, но превосходно отлаженная севастопольская военная машина без малейших сложностей перемалывала разрозненные отряды.

Как бы то ни было, ушедшая в разведку тройка была четко проинструктирована в случае выявления угрозы не вступать с противником в столкновение, а как можно скорее возвращаться назад.

Была, конечно, Нагорная – место не такое скверное, как Чертановская, но все же очень опасное, зловещее. И Нахимовский проспект, заклинившие верхние гермозатворы которого не позволяли полностью оградить станцию от проникновений с поверхности. Подрывать выходы севастопольцы не хотели: нахимовским «подъемом» пользовались местные сталкеры. В оди-

ночку через Проспект, как его звали на станции, никто ходить не отваживался, но не бывало еще случая, чтобы тройка не могла дать отпор водившимся там тварям.

Обрушение? Прорыв грунтовых вод? Диверсия? Необъявленная война с Ганзой? Теперь он, а не Истомин, обязан был дать ответ женам пропавших разведчиков, приходящим к полковнику, чтобы тоскливо и ищуще, словно брошенные собаки, заглянуть ему в глаза в надежде увидеть в них обещание, утешение. Он должен был все объяснить не задающим лишних вопросов, пока еще верящим в него солдатам гарнизона. Успокоить всех встревоженных, собирающихся вечерами, после работы, у станционных часов, которые засекли время выхода каравана.

Истомин говорил, что в последние дни у него все чаще спрашивали, отчего на станции приглушили освещение, и требовали включить лампы на прежнюю мощность. А ведь ослаблять напряжение никто и не думал, светильники и так горели в полную силу. Тьма сгушалась не на станции, а в человеческих душах, и даже самые яркие ртутные лампы не могли ее разогнать.

Восстановить телефонное сообщение с Серпуховской так и не удалось, и за ту неделю, которая прошла со дня выхода каравана, полковник, как и многие другие севастопольцы, потеряли очень важное, редкое для обитателей метро чувство близости к людям.

Пока работала связь, пока караваны ходили регулярно и до Ганзы было меньше дня пути, каждый из живущих на Севастопольской был волен уйти или остаться, каждый знал, что всего в пяти перегонах от их станции начиналось настоящее метро, цивилизация... Человечество.

Так, наверное, раньше чувствовали себя заброшенные в Арктику полярники, ради научных изысканий или высоких заработков добровольно обрекавшие себя на долгие месяцы борьбы с холодом и одиночеством. До Большой земли – тысячи километров, и все же она где-то рядом, куда действует радио, а раз в месяц над головами слышится гул моторов самолета, сбрасывающего на парашютах ящики с тушенкой.

Но теперь льдина, на которой стояла их станция, откололась, и ее с каждым часом уносило все дальше – в ледяную пургу, в черный океан, в пустоту и неизвестность.

Ожидание затягивалось, и смутное беспокойство полковника за судьбу посланных к Серпуховской разведчиков постепенно превращалось в мрачную уверенность: этих людей он больше никогда не увидит. Снимать с оборонного периметра трех новых бойцов, чтобы точно так же швырнуть их навстречу неведомой опасности, а вполне возможно – и верной гибели, так и не найдя при этом выхода из положения, он просто не мог себе позволить. Опускать гермоворота, перекрывать южные туннели и собирать большую ударную группу ему все же казалось преждевременным. Если бы только кто-нибудь принял сейчас решение за него... Решение, которое обречено оказаться неверным.

Командир периметра вздохнул, приоткрыл дверь и, воровато оглянувшись, подозвал часового.

– Папироской не угостишь? Но эта – крайняя, больше мне не давай, как бы ни просил! И не говори никому, ладно?

* * *

Надя, кряжистая говорливая тетка в дырявом пуховом платке и измазанном переднике, принесла горячую кастрюлю с мясом и овощами, и дозорные оживились. Картошка и огурцы с помидорами считались здесь самым изысканным деликатесом: кроме Севастопольской, овощами могли попотчевать разве что в паре лучших ресторанов Кольца или Полиса. Дело было не только в сложных гидропонических установках, необходимых для выращивания сбереженных семян, но и в том, что мало кто в метро мог растрачивать киловатты электричества, чтобы разнообразить солдатское меню.

Даже на стол к начальству овощи попадали лишь по праздникам, обычно же ими баловали только детей. Истомину пришлось изрядно поспорить с поварами, чтобы убедить их доба-

вить вареной картошки и по помидору к полагающейся по нечетным числам свинине – для поддержания боевого духа.

Затея сработала: стоило Наде, по-бабски неловко скинув с плеча автомат, приподнять крышку кастрюли, как морщины на лицах дозорных стали разглаживаться. Под такой ужин продолжать набившие оскомину разговоры о сгинувшем караване и задерживающейся разведгруппе не хотелось.

– Сегодня вот целый день почему-то о Комсомольской вспоминаю, – сказал, разминая картошку в своей алюминиевой миске, седой старик в ватнике с метрополитеновскими лычками. – Вот бы попасть, посмотреть... Какая там мозаика! На мой вкус, самая красивая станция в Москве.

– Да брось, Гомер, небось, ты просто жил там, вот и любишь ее до сих пор, – немедленно отозвался небритый толстяк в ушанке. – А на Новослободской витражи? А на Маяковской – колонны такие воздушные и фрески на потолке?

– Мне Площадь Революции всегда нравилась, – стеснительно признался снайпер, тихий серьезный мужчина в годах. – Сам знаю, что глупости, но вот все эти суровые матросы и летчики, пограничники с собаками... С детства обожал эту станцию!

– А чего это глупости? Там очень даже симпатичные мужички в бронзе изображены, – поддержала его Надя, соскребая остатки со дна кастрюли. – Эй, бригадир, смотри, без ужина останешься!

Сидевший особняком высокий плечистый боец неторопливо приблизился к костру, забрал свою порцию и вернулся на прежнее место – поближе к туннелю, подальше от людей.

– Он вообще на станции появляется? – шепотом спросил толстяк, кивая на тонущую в полумраке широченную спину.

– Больше недели безвылазно здесь сидит, – так же тихо ответил снайпер. – Ночует в спальнике. Как у него только нервы выдерживают... Хотя, может, ему просто нравится это дело. Три дня назад, когда упыри чуть Рината не загрызли, он потом ходил и добивал их. Вручную, минут пятнадцать. Возвращается – сапоги все в кровище, автомат тоже... Довольный.

– Не человек, а машина... – вставил долговязый пулеметчик.

– Я с ним даже спать рядом побаиваюсь. Видел, что у него с лицом? Я ему и в глаза посмотреть-то не могу.

– А я, наоборот, только с ним себя спокойно и чувствую, – пожал плечами старик, которого называли Гомером. – Да что вы к нему привязались? Он хороший человек, покалеченный только. Это в станциях красота важна. А Новослободская твоя, кстати, полная безвкусица! Такие витражи на трезвую голову смотреть невозможно... Тоже мне, витражи!

– А мозаика на колхозную тему в полпотолка – не безвкусица?!

– И где ты нашел на Комсомольской такие панно?

– Да все это чертово советское искусство либо про колхозную жизнь, либо про летчиков-героев! – разошелся толстяк.

– Сережа, не трогай летчиков, – предупредил снайпер.

– И Комсомольская – дрянь, и Новослободская – дерьмо, – слышался глухой низкий голос.

От неожиданности толстяк поперхнулся заготовленными словами и уставился на бригадира. Остальные тоже сразу затихли, ожидая продолжения: тот почти никогда не принимал участия в их разговорах, даже на прямые вопросы отвечая совсем коротко или не отвечая вовсе.

Он так и сидел к ним спиной, не спуская глаз с жерла туннеля.

– На Комсомольской своды слишком высокие, колонны тонкие, вся платформа с путей простреливается – как на ладони, и переходы перекрывать неудобно. А на Новослободской все

стены в трещинах, сколько они их ни замазывают. Одной гранаты хватит, чтобы похоронить всю станцию. И витражей там уже давно нет. Полопались. Хрупкая штука.

Возразить никто не осмелился. Помолчав немного, бригадир бросил:

– Я иду на станцию. Гомера беру с собой. Смена будет через час. Артур остается за старшего.

Снайпер зачем-то вскочил и кивнул, хотя бригадир этого видеть не мог. Старик тоже поднялся и стал суетливо собирать разложенные вокруг пожитки в вещмешок, так и не доев свою картошку. К костру боец подошел уже при полном походном снаряжении, в своем непременном шлеме и с объемистым рюкзаком за плечами.

– Удачи.

Глядя на две удаляющиеся по освещенному перегону фигуры – могучую бригадирскую и сухонькую Гомера, снайпер зябко потер руки и поежился.

– Что-то похолодало. Подкиньте угольку, а?

За всю дорогу бригадир не проронил почти ни слова, уточнил только – правда ли, что Гомер раньше был помощником машиниста, а до того – простым обходчиком путей. Старик посмотрел на него подозрительно, но отпираться не стал, хотя на Севастопольской он всем всегда говорил, что дослужился до машиниста, а про свою работу обходчиком вообще предпочитал не распространяться, считая ее того недостойной.

В кабинет начальника станции бригадир вошел без стука, сухо отдав честь расступившимся караульным. Ему навстречу удивленно поднялись из-за стола Истомин и полковник – всклокоченные, усталые, растерянные. Гомер робко замер у входа, переминаясь с ноги на ногу.

Бригадир стащил и поставил прямо на истоминские бумаги свой шлем, провел рукой по выбритой наголо макушке. В свете лампы стало видно, как страшно обезображено его лицо: левая щека перепажана и стянута огромным шрамом, словно от ожога, глаз превратился в узкую щель, к уголку губ от уха ползет, извиваясь, толстый лиловый рубец. Хотя Гомер и считал, что привык уже к этому лицу, сейчас, как и впервые, когда он его увидел, изнутри зашекотал противный холодок.

– Я сам пойду к Кольцу, – не здороваясь, выстрелил бригадир.

В комнате повисло тяжелое молчание. Гомер и раньше слышал, что бригадир, будучи незаменимым бойцом, имел особые отношения с начальством станции. Но только теперь он начал понимать, что, в отличие от всех остальных севастопольцев, бригадир дозора, кажется, вообще не подчинялся руководству.

Вот и сейчас он словно не ждал одобрения от этих двух пожилых, утомленных мужчин, а отдавал им приказ, который они обязаны были выполнить. И Гомер – в который раз – спросил себя: что же это за человек?

Командир периметра переглянулся с начальником, насупился, собираясь возразить, но лишь обреченно махнул рукой.

– Решай сам, Хантер... Тебя все равно не переспоришь.

Глава 2. Возвращение

Жавшийся у входа старик насторожился: этого имени ему раньше на Севастопольской слышать не приходилось. Не имя даже, а кличка – как и у него самого – никакого, разумеется, не Гомера, а самого заурядного Николая Ивановича, нареченного именем греческого мифотворца уже тут, на станции, за свою неумную любовь ко всяческим историям и слухам.

...«Ваш новый бригадир», – сказал полковник дозорным, с хмурым любопытством оглядывавшим плечистого новичка в кевларе и тяжелом шлеме. Тот, пренебрегая этикетом, равнодушно отвернулся от них: туннель и укрепления, похоже, интересовали его куда больше, чем вверенные ему люди. Подошедшим знакомиться подчиненным протянутые руки сдавил, но сам представляться не стал. Молча кивал, запоминая очередное прозвище, и пыхал в лицо синей папиросной гарью, обозначая дистанцию. В тени приподнятого забрала мертвенно, тускло поблескивал окантованный шрамами глаз-бойница. Настаивать никто из дозорных ни тогда, ни позже не отважился, и вот уже два месяца его называли просто «бригадиром». Решили, что станция раскошелилась на одного из тех дорогостоящих наемников, что вполне обходятся без прошлого и без имени.

Хантер.

Гомер беззвучно пожевал странное слово на губах. Больше подходит для среднеазиатской овчарки, чем для человека. Он тихонько сам себе улыбнулся: надо же, помнит еще, что были такие собаки. Откуда это все в голове берется? Бойцовая порода, с куцым обрубленным хвостом и срезанными под самый череп ушами. Ничего лишнего.

А имя, если повторять его про себя долго, начинало казаться неуловимо знакомым. Где же он мог слышать его раньше? Влекомое бесконечным потоком сплетен и баек, оно некогда зацепило его чем-то и осело на самое дно памяти. А сверху уже нанесло толстый слой ила: названия, факты, слухи, цифры – все эти бесполезные сведения о жизни других людей, которые Гомер с таким любопытством слушал и так усердно старался запомнить.

Хан-тер... Может быть, рецидивист, за голову которого Ганза объявила награду? Старик бросил пробный камень в омут своего склероза и прислушался. Нет, мимо. Сталкер? Не похоже. Полевой командир? Ближе. И вроде бы даже легендарный...

Гомер еще раз исподтишка глянул на бесстрастное, будто парализованное лицо бригадира. Его собачье имя ему все же удивительно шло.

– Мне нужна тройка. Возьму Гомера, он знает здешние туннели, – не оборачиваясь к старику и не спрашивая его согласия, продолжал бригадир. – Еще одного можете дать по своему усмотрению. Ходока, курьера. Пойду сегодня же.

Истомин суетливо дернул головой, одобряя, потом, опомнившись, вопросительно поднял глаза на полковника. Тот, насупленный, тоже буркнул, что не имеет ничего против, хоть все эти дни и сражался так отчаянно с начальником станции за каждого свободного бойца. С Гомером советоваться, похоже, никто не собирался, но он и не думал спорить: несмотря на свой возраст, старик никогда еще не отказывался от подобных заданий. И на это у него были свои причины.

Бригадир оторвал от стола свой пудовый шлем и двинулся к выходу. Задержавшись на миг в дверях, бросил Гомеру:

– С семьей попрощайся. Собирайся надолго. Патронов не бери, я выдам, – и канул в проеме.

Старик подался было за ним, надеясь хотя бы в общих словах услышать, к чему предстоит готовиться в этом походе. Но когда он показался на платформе, Хантер был уже в десятке своих широких шагов, и догонять его Гомер не стал, а только покачал головой, провожая взглядом.

Вопреки обычному, бригадир остался с непокрытой головой: забыл, задумавшись о другом, или, может, сейчас ему не хватало воздуха. И когда он миновал стайку бездельничающих в обеденный перерыв молоденьких свинок, вслед ему брезгливо зашуршало: «Ой, девочки, надо же, какой урод!»

* * *

– Где ты его только выкопал? – облегченно обмякнув на стуле и протягивая пухлую ладонь к пачке нарезанной папиросной бумаги, спросил Истомин.

Говорят, листья, которые с таким удовольствием курили на станции, сталкеры собирали на поверхности где-то чуть ли не в районе Битцевского парка. Как-то раз полковник шутки ради поднес к пачке «табака» дозиметр; тот и вправду принялся нехорошо пощелкивать. Старик бросил курить в одночасье, и кашель, терзавший его по ночам, страдая раком легких, стал понемногу отступать. Истомин же в историю о радиоактивных листьях верить отказался, не без резона напомнив Денису Михайловичу, что в метро в той или иной степени «светится» все, за что ни возьмись.

– Старые знакомства, – нехотя отозвался полковник; помолчав, довесил: – Раньше он таким не был. Что-то произошло с ним.

– Да уж, судя по его физиономии, что-то с ним определенно произошло, – хмыкнул начальник и тут же оглянулся на вход, словно Хантер мог задержаться и случайно его подслушать.

Командиру защитного периметра грех было жаловаться на то, что бригадир неожиданно вернулся из холодного тумана прошлого. Едва появившись на станции, он превратился чуть ли не в главную точку опоры этого периметра. Но до конца поверить в его возвращение Денис Михайлович не мог до сих пор.

Известие о гибели Хантера – страшной и странной – туннельным эхом облетело метро еще в прошлом году. И когда два месяца назад он возник на пороге полковничьей каморки, тот поспешно перекрестился, прежде чем отпереть ему дверь. Подозрительная легкость, с которой воскресший преодолел блокпосты – будто пройдя сквозь бойцов, – заставляла сомневаться в том, что чудо это было благое.

В запотевшем дверном глазке виднелся вроде бы знакомый профиль: бычья шея, выскобленный до блеска череп, чуть приплюснутый нос. Но ночной гость отчего-то застыл вполоборота, опустив голову и не делая попыток разредить загустевшую тишину. Укоризненно посмотрев на откупоренную бутылку браги, стоявшую на столе, полковник вдохнул поглубже и отодвинул засов. Кодекс предписывал помогать своим – не проводя различий между живыми и мертвыми.

Хантер оторвал взгляд от пола, только когда дверь распахнулась; стало ясно, отчего он прятал вторую половину своего лица. Боялся, что старик его просто не узнает. Даже навидавшийся всякого полковник, для которого командование гарнизоном Севастопольской было просто почетной пенсией в сравнении с прежними бурными годами, увидев его, поморщился, словно обжегшись, а потом виновато рассмеялся – прости, не сдержался.

Гость в ответ даже не улыбнулся. За прошедшие месяцы жестокие шрамы, обезобразившие его лицо, успели немного поджить, но прежнего Хантера он старику все равно почти ничем не напоминал.

Объяснять свое чудесное спасение и последующее отсутствие он наотрез отказался и на все вопросы полковника попросту не откликался, будто не слыша их. Хуже того, попросил Дениса Михайловича *никому* о своем появлении не сообщать – предъявил к оплате старый долг. Тому пришлось придушить здравый смысл, требовавший немедленно известить старших, и оставить Хантера в покое.

Впрочем, справки старик осторожно навел. Гость его ни в чем замешан не был, и никто его, давно оплаканного, уже не разыскивал. Тело, правда, так и не было обнаружено, но, выживи Хантер, он непременно дал бы о себе знать, уверенно сказали полковнику. Действительно, согласился он.

Зато, как это часто случается с бесследно пропавшими, Хантер, а вернее, его размытый и приукрашенный образ, всплыл в добром десятке полуправдивых мифов и сказаний. Похоже, эта роль его вполне устраивала, и разубеждать похоронивших его заживо товарищей он не спешил.

Помня о своих неоплаченных счетах и сделав верные выводы, Денис Михайлович утихомирился и даже стал подыгрывать: при посторонних Хантера по имени не называл и, не вдаваясь в детали, приобщил к тайне Истомина.

Тому было, в общем, все равно: свою похлебку бригадир отрабатывал с лихвой, днюя и ночуя на передовой, в южных туннелях. На станции его почти не было заметно: приходил раз в неделю, в свой собственный банный день. И пусть даже он забрался в это пекло только ради того, чтобы спрятаться там от неведомых преследователей, – Истомина, никогда не брезговавшего услугами легионеров с темной биографией, это не смущало. Лишь бы только дрался, а уж с этим все было в порядке.

После первого же боя роптавшие дозорные, недовольные высокомерием нового командира, примолкли. Единожды увидев, как он методично, расчетливо, с нечеловеческим холодным упоением уничтожает все дозволенное к уничтожению, каждый из них что-то для себя о нем понял. Сдружиться с нелюдимым бригадиром больше никто не пытался, но подчинялись ему беспрекословно, так что свой глухой, надорванный голос он никогда не повышал. Было в этом голосе что-то гипнотическое, и даже начальник станции принимался покорно кивать каждый раз, когда Хантер к нему обращался, даже не дослушав его до конца, просто так, на всякий случай.

Впервые за последние дни воздух в истоминском кабинете стал легче – будто здесь только что разразилась и миновала беззвучная гроза, принеся долгожданную разрядку. Спорить больше было не из-за чего. Лучшего бойца, чем Хантер, не существовало; если и он спит в туннелях, севастопольцам останется только одно.

– Я распоряжусь о подготовке операции? – первым предложил полковник, зная, что начальник станции все равно заговорит об этом.

– Трех суток тебе должно хватить. – Истомин чиркнул зажигалкой, прищурил глаз. – Больше мы их ждать не сможем. Сколько народу понадобится, как думаешь?

– Один ударный отряд ждет приказов, займусь другими, там еще человек двадцать. Если послезавтра о них, – полковник мотнул головой в сторону выхода, – ничего не будет слышно, объявляй всеобщую мобилизацию. Будем прорываться.

Истомин приподнял брови, но вместо того, чтобы возразить, глубоко затянулся еле слышно потрескивающей самокруткой. Денис Михайлович загреб несколько валявшихся на столе исчерканных листов и, близоруко склоняясь к бумаге, принялся чертить на них таинственные схемы, вписывая в кружочки фамилии и клички.

...Прорываться? Начальник станции смотрел поверх седого стариковского затылка, сквозь плывущую табачную дымку на большую схему метро, висящую у полковника за спиной. Пожелтевшая и засаленная, испещренная чернильными пометками – стрелками марш-бросков и кольцами осад, звездочками блокпостов и восклицательными знаками запретных зон, схема эта была летописью последнего десятилетия. Десяти лет, из которых ни дня не прошло спокойно.

Вниз от Севастопольской пометки обрывались сразу за Южной: на памяти Истомина оттуда не возвращался никто. Долгая, ползущая вниз ветвистым корневищем линия оставалась

девственно чистой. Завоевание Серпуховской линии оказалось севастопольцам не по зубам; здесь вряд ли хватило бы и всех натужных сил беззубого от лучевой болезни человечества.

Теперь же белесый туман неизвестности окутывал и тот обрубок их ветки, что упорно тянулся вверх, к Ганзе, к людям. Никто из тех, кому полковник завтра велит готовиться к бою, не откажется. На Севастопольской война на истребление человека, начавшаяся более двух десятилетий назад, не заканчивалась ни на минуту. Когда много лет живешь бок о бок со смертью, страх умереть уступает место равнодушию, фатализму, суевериям-оберегам и звериным инстинктам. Но кто знает, что ждало их впереди, между Нахимовским проспектом и Серпуховской. Кто знает, можно ли было вообще прорвать эту загадочную преграду и было ли там куда рваться.

Он припомнил последнюю свою поездку на Серпуховскую: базарные лотки, лежанки бродяг да ветхие ширмы, за которыми спят и любят друг друга те жители, что посостоятельней. Своего там ничего не выращивали, не было ни теплиц, ни загонов для скота. Вороватые, юркие серпуховчане кормились спекуляцией, перепродавая лежалый товар, за бесценок купленный у опаздывающих караванщиков, и оказывая гражданам Кольцевой услуги, за которые дома тех ждал бы суд. Не станция, а гриб-паразит, нарост на мощном стволе Ганзы.

Союз богатых торговых станций Кольцевой линии, Ганзой метко окрещенный в последнюю память о своем германском прообразе, оставался оплотом цивилизации в погружающемся в трясину варварства и нищеты метро. А Ганза... Ганза – это регулярная армия, электрическое освещение даже на самом бедном полустанке и гарантированный кусок хлеба каждому, у кого в паспорте стоял заветный штамп о гражданстве. Паспорта такие на черном рынке стоили целое состояние, но если обладателя фальшивки удавалось уличить ганзейским пограничникам, платить ему приходилось головой.

Богатством и силой Ганза была обязана, конечно, своему расположению: Кольцевая линия опоясывала пучок остальных веток, пересадочными станциями открывая доступ к каждой из них и спрягая их воедино. Челноки, везущие чай с ВДНХ, и дрезины, доставляющие патроны из оружейных дворов на Бауманской, предпочитали сгружать свой товар на ближайшем ганзейском таможенном посту и возвращаться домой. Лучше уж дешевле отдать, чем в погоне за выгодой пускаться по всему метро в странствие, которое могло оборваться в любой миг.

Ганза иногда присоединяла смежные станции, но чаще они были предоставлены сами себе и превращались, при ее попустительстве, в серую территорию, где велись те дела, в причастности к которым ганзейские бонзы не хотели быть уличены. Радиальные станции, разумеется, были наводнены ее шпионами и на корню скуплены ее дельцами, но формально оставались независимы. Такова была и Серпуховская.

В одном из ведущих к ней перегонов навеки остановился состав, не успевший добраться до соседней Тульской. Обжитый сектантами и потому отмеченный на истоминской схеме сухим католическим крестиком, поезд превратился в затерянный посреди черной пустоши хутор. Если бы не рышущие по соседним станциям миссионеры, падкие на заблудшие души, Истомин против сектантов и вовсе ничего бы не имел. Впрочем, до Севастопольской божьи овчарки не добирались, а проходящим мимо путникам они особых препятствий не чинили – разве что чуть задерживали их своими душеспасительными беседами. К тому же второй туннель от Тульской к Серпуховской был чистым и пустым, им и пользовались местные караванщики.

Истомин снова скользнул взглядом вниз по линии. Тульская? Постепенно дичающий поселок, которому перепадают крохи от марширующих мимо севастопольских конвоев и ушедших серпуховских торгашей. Живут, чем бог пошлет: кто починяет разнообразный механический хлам, кто ходит на заработки к ганзейской границе, сидя целыми днями на корточках в ожидании очередного прораба с рабовладельческими замашками. «Тоже бедно живут, но ведь

нет у них в глазах склизкой серпуховской жуликоватости, – подумал Истомин, – и порядка там куда больше. Опасность, наверное, сплывает».

Следующая станция, Нагатинская, на его схеме была отмечена короткой черточкой – пусто. Полуправда: подолгу на ней никто не задерживался, но, случалось, копошился разномастный сброд, ведущий сумеречное, полуживотное существование. В кромешной тьме сплетались сбежавшие от чужих глаз парочки. Иной раз разгорался меж колонн чахлый костерок, у которого роились тени туннельных душегубов, собравшихся на тайную сходку.

Но на ночевку здесь останавливались только несведущие или самые отчаянные: далеко не все из посетителей станции были людьми. В шепчущем, желеобразном мраке, которым была заполнена Нагатинская, мелькали иногда, если приглядеться, подлинно кошмарные силуэты. И время от времени, ненадолго распугивая бездомных, раздирал спертый воздух истошный вопль бедолаги, которого утаскивали в логово, чтобы там неторопливо сожрать.

За Нагатинскую бродяги ступать не отваживались, и до самых оборонных рубежей Севастопольской простиралась «ничья земля». Название условное: у нее, разумеется, были хозяева, которые блюли свои границы, и даже севастопольские разведгруппы предпочитали избегать встреч с ними.

Но сейчас в туннелях появилось нечто новое. Невиданное. Поглощающее всех, кто пытается пройти давно, казалось бы, изученным маршрутом. И как знать, сможет ли его станция, даже призвав к оружию всех боеспособных своих жителей, выставить достаточное воинство, чтобы побороть его... Истомин тяжело поднялся со стула, прошаркал к карте и отчертил химическим карандашом отрезок, шедший из точки с надписью «Серпуховская» в точку с надписью «Нахимовский проспект». Рядом поставил жирный вопросительный знак. Хотел нарисовать его у Проспекта, а получилось ровно напротив Севастопольской.

* * *

На первый взгляд Севастопольская казалась необитаемой. На платформе не было заметно и следа привычных армейских палаток, в которых обычно жили на других станциях. Здесь, еле очерченные несколькими тусклыми лампами, темнели лишь муравьиные кучи окопов, сложенных из мешков с песком. Но огневые позиции были пусты, а на скупых квадратных колоннах густо лежала пыль. Все было сделано так, что, случись попасть сюда постороннему, он непременно решил бы: станция давно заброшена.

Однако если бы непрошеному гостю взбрела в голову мысль задержаться хоть ненадолго, он рисковал остаться здесь навсегда. Круглосуточно дежурившие на смежной Каховской пулеметные расчеты и снайперы занимали свои места в окопах за считанные секунды. Вместо слабых лампочек под потолком вспыхивали безжалостные ртутные светильники, выжигая глазную сетчатку привыкшим к туннельной тьме людям и чудовищам.

Платформа была последним и самым тщательно продуманным оборонным рубежом севастопольцев. А их жилища размещались в утробе этой станции-обманки, в подплатформенных коллекторах. Под гранитными плитами пола, скрытый от чужих глаз, находился еще один этаж, площадью не уступавший основному залу, но разбитый на множество ячеек. Хорошо освещенные, сухие и теплые комнаты, мерно гудящие аппараты для очистки воздуха и воды, гидропонические теплицы... Ощущение безопасности и уюта приходило к обитателям станции, только когда они забивались еще глубже под землю.

...Гомер знал, что решающее сражение ждет его не в северных туннелях, а дома. Пробираясь по узкому коридору мимо приоткрытых дверей чужих квартир, он плелся все медленнее и медленнее по мере того, как приближалась его собственная. Надо было еще раз обдумать тактику и отрепетировать свои реплики; времени оставалось все меньше.

– Что поделать? Приказ... Сама знаешь, какая ситуация. Меня даже не спросили. Ну что ты как девочка? Просто смешно! Да не напрашивался я! Не могу. Что ты! Не могу, конечно. Уклоняться? Это же дезертирство! – бормотал он себе под нос, то примеряя возмущенную, решительную интонацию, то уходя в минор и пытаясь ласково уговорить кого-то.

Добравшись до порога своей комнаты, забубнил все заново. Нет, слез было не миновать, но отступить он не собирался. Нахохлившись и приготовившись к бою, старик потянул дверную ручку вниз.

Из девяти с половиной квадратных метров – великой роскоши, которой он в свое время прождал в очереди пять лет, мыкаясь по общежитиям, два занимала солдатская двухъярусная кровать, метр – обеденный стол, застеленный нарядной скатеркой, а еще три – огромная, до потолка кипа ветхих газет. Живи он бобылем, в один прекрасный день эта гора непременно обрушилась бы на него и погребла под собой. Но пятнадцать лет назад он встретил женщину, которая готова была не только терпеть присутствие такого количества пыльной макулатуры в своем крохотном домике, но и бережно подравнивать ее, не позволяя превратить свой очаг в бумажные Помпеи.

Она вообще была готова терпеть многое. Бесконечные газетные вырезки с тревожными заголовками вроде «Гонка вооружений набирает обороты», «Американцы испытали новую противоракету», «Наш ядерный щит крепнет», «ПРОвокации ПРОдолжаются» и «Терпение лопнуло», которыми словно обоями были сверху донизу обклеены стены комнатухи. Его ночные бдения с изгрызенной шариковой ручкой над кипой школьных тетрадей при электрическом свете – о свечах с таким ворохом бумаги в их доме и речи не могло идти. Его полушутливое-полушутовское прозвище, которое он сам носил с гордостью, а остальные выговаривали со снисходительной улыбочкой.

Многое, но не все. Не его мальчишеское стремление всякий раз забираться в самый эпицентр урагана, чтобы посмотреть, как там оно все на самом деле, – это почти в шестьдесят лет! И не легкомыслие, с которым он соглашался на любые поручения начальства, забывая о том, что после одного из недавних походов еле выкарабкался с того света.

Не мысль, что она может потерять его и снова остаться совсем одна.

Проводив Гомера в дозор – его черед дежурить выпадал раз в неделю, – она никогда не сидела дома. Скрываясь от тревожных мыслей, шла к соседям, на работу не в свою смену. Мужское равнодушие к смерти казалось ей глупым, эгоистичным, преступным.

Дома он застал ее по случайности – забежала переодеться после работы. Прodelа руки в рукава заплатанной шерстяной фуфайки, и так и осталась – волосы, темные с уже хорошо заметной проседью, хоть ей не было еще и пятидесяти, встрепаны, в бледных карих глазах – испуг.

– Коля, что-то случилось? У тебя же дежурство допоздна?

И Гомеру вдруг расхотелось сейчас говорить ей о принятом решении. Он заколебался: может, успокоив ее пока, сообщить между делом за ужином?

– Только врать не вздумай, – перехватив его блуждающий взгляд, предупредила она.

– Понимаешь, Лен... Тут такое дело, – начал он.

– Никто не?.. – Она спросила сразу о главном, о страшном, не желая даже произносить вслух слово «умер», словно веря, что ее дурные мысли могут материализоваться.

– Нет! Нет. – Гомер замотал головой. – С дежурства меня просто сняли. К Серпуховской посылают, – буднично добавил он.

– Но ведь, – Елена запнулась, – ведь там... Разве они уже вернулись? Там же...

– Да брось, ерунда какая. Ничего там нет, – заспешил он.

Елена отвернулась, подошла к столу, переставила зачем-то с места на место солонку, расправила складку на скатерти.

– Я сон видела. – Она кашлянула, счищая хрипотцу.

– Ты все время их...

– Нехороший, – упрямо продолжила она и вдруг жалко всхлипнула.

– Ну что ты? Что я могу... Это же приказ, – сбиваясь, понимая, что все его подготовленное выступление гроша ломаного не стоят, мямлил он, поглаживая ее пальцы.

– Вот пусть одноглазый сам и идет туда! – зло, уже сквозь слезы, бросила она, отдергивая руку. – Пусть черт этот полосатый туда идет, со своей береткой! А то они только приказывать... Ему-то что? Он всю жизнь с автоматом под боком проспал вместо бабы! Что он понимает?

Доведя женщину до слез, утешить ее, не перешагнув через себя, нельзя. И стыдно было Гомеру, и по-настоящему жаль ее, но так просто было сломаться сейчас, пообещав отказаться от задания, успокоить, высушить слезы – чтобы потом раскаиваться, жалея об упущенном шансе? Последнем, может быть, шансе, который выпадал ему в жизни, по нынешним меркам и так уже порядком затянувшейся.

И он промолчал.

* * *

Пора уже было идти, собирать и инструктировать офицеров, но полковник все сидел в истоминском кабинете, не обращая внимания на обычно так раздражавший и соблазнявший его сигаретный дым.

Пока начальник станции задумчиво шептал что-то, водя пальцем по своей выдавшей виды карте метро, Денис Михайлович все пытался понять: зачем все это нужно Хантеру? За его загадочным появлением на Севастопольской, за желанием поселиться здесь, наконец, за осторожностью, с которой бригадир появлялся на станции – почти всегда в шлеме, скрывающем лицо, – могло стоять только одно: Истомин был прав, Хантер все же от кого-то бежал. Зарабатывая дополнительные очки, обосновался на южном блокпосту: заменял собой целую бригаду и сам постепенно становился незаменимым. Кто бы ни потребовал теперь выдать его, какую награду ни посулили бы за его голову, ни Истомин, ни сам полковник и не подумали бы уступить.

Укрытие было безупречным. На Севастопольской не бывало чужаков, а местные караванщики, в отличие от болтливых челноков с других станций, выбираясь в большое метро, никогда не распускали язык. В этой маленькой Спарте, уцепившейся за свой клочок земли на самом краю света, выше всего ценились надежность и свирепость в бою. А тайны здесь уважать умели.

Но зачем тогда Хантеру было бросать все, самому вызываться в поход, поручить который ему у Истомина не хватило бы духу, и, рискуя быть узнанным, отправляться к Ганзе? Полковнику отчего-то не верилось, что бригадира действительно тревожила судьба пропавших разведчиков. Да и за Севастопольскую он сражался не из любви к станции, а по своим, одному ему известным причинам.

Быть может, он на задании? Это многое бы разъяснило: его внезапное прибытие, его скрытность, упорство, с которым он ночевал в спальном мешке в туннелях, наконец, его решение немедленно двигаться к Серпуховской. Почему же он тогда просил не ставить в известность *остальных*? Кем, как не ими, он мог быть послан? Кем?

Полковник с трудом поборол желание угоститься истоминской самокруткой. Нет, невозможно. Хантер – один из столпов *Ордена*? Тот человек, которому были обязаны жизнью десятки, может быть, сотни, среди них – и сам Денис Михайлович?

«Тот человек – не мог, – осторожно возразил он сам себе. – Но был ли Хантер, вернувшийся из небытия, *тем* человеком?»

И если он выполнял чьи-то поручения... Мог ли он сейчас получить некий сигнал? Значило ли это, что исчезновение оружейных караванов и троек разведки было не случайностью, а частью тщательно спланированной операции? Но в чем тогда была роль самого бригадира?

Полковник резко тряхнул головой, словно пытаясь сбросить налипших и быстро набухающих пиявок подозрений. Как он может так думать о человеке, который его спас? К тому же до сих пор Хантер служил станции безупречно и никаких поводов сомневаться в себе не давал. И Денис Михайлович, запретив себе даже в мыслях называть того «шпионом» и «диверсантом», принял решение.

– Давай по чайку, и пойду я к ребятам, – преувеличенно бодро произнес он, хрустнув пальцами.

Истомин оторвался от карты и устало улыбнулся. Потянулся было к своему старинному дисковому телефону, чтобы вызвать ординарца, но тут аппарат натужно задребезжал сам, заставив обоих вздрогнуть и переглянуться. Этого звука они не слышали уже неделю: дежурный, если хотел что-то доложить, всегда стучался в дверь, а больше никто на станции начальнику напрямую звонить не мог.

– Истомин слушает, – осторожно сказал он.

– Владимир Иванович... Там Тульская на проводе, – в трубке гундосо заспешил телефонист. – Только слышно очень плохо... Кажется, наши... Но вот связь...

– Да соединяй уже! – взревел начальник, обрушивая на стол кулак с такой силой, что телефон жалобно тренькнул.

Телефонист испуганно стих, потом в динамике щелкнуло, зашуршало, и послышался бесконечно далекий, искаженный до неузнаваемости голос.

* * *

Елена отвернулась к стене, пряча слезы. Что она могла сделать еще, чтобы удержать его? Почему он был так рад ухватиться за первую возможность удрать со станции, прикрываясь этой сто раз перештопанной историей о приказах начальства и наказании за дезертирство? Чего только она не дала ему, не сделала за эти пятнадцать лет, чтобы его приручить! А его снова тянет в туннели, будто он надеется найти там что-то еще, кроме тьмы, пустоты и гибели. Чего ему не хватает?

Гомер слышал в своей голове ее укоры так же ясно, как если бы она сейчас говорила вслух. Чувствовал себя препогано, но отступать уже было поздно. Открывал было рот, чтобы извиниться, согреть ее словом, но давился, понимая, что каждое из этих слов только подбросит хвороста в огонь.

А над головой Елены плакала Москва – заботливо забранная в рамочку, на стене висела цветная фотография Тверской под прозрачным летним дождем, вырезанная из старого глянцевого альманаха. Когда-то давно, во времена его прежних скитаний по метро, все Гомерово имущество сводилось к одежде и этому вот снимку. У других в карманах были помятые страницы с обнаженными красотками, выданные из мужских журналов, но Гомеру они не могли заменить живую женщину даже на несколько коротких, постыдных минут. А эта вот фотография напоминала ему о чем-то безгранично важном, невыразимо прекрасном... И потерянном навсегда.

Шепнув неуклюжее «прости», он выбрался в коридор, аккуратно притворил за собой дверь и обессиленно опустился на корточки. У соседей было открыто, на пороге играли тщедушные бесцветные ребяташки – мальчик и девочка. Завидев старика, они замерли; кое-как сшитый и набитый тряпьем медведь, которого они только что не могли поделить, сиротливо шлепнулся на землю.

– Дядя Коля! Расскажи сказку! Ты обещал, что расскажешь, когда вернешься! – бросились они к Гомеру.

– Какую вам? – тот не мог отказать.

– Про безголовых мытантов! – радостно завопил мальчуган.

– Нет! Я не хочу про мытантов! – скуksилась девочка. – Они страшные, я боюсь!

– А какую ты хочешь, Танюша? – вздохнул старик.

– Тогда про фашистов! И партизан! – вставил мальчик.

– Нет... Мне про Изумрудный Город нравится... – щербато улыбаясь, сказала Таня.

– Но я же ее вам рассказывал вчера только. Может, про то, как Ганза с Красными воевала?

– Про Изумрудный Город, про Изумрудный Город! – загалдели оба.

– Ну хорошо, – согласился старик. – Где-то далеко-далеко на Сокольнической линии, за семью пустыми станциями, за тремя обрушенными метромостами, за тысячей тысяч шпал лежит волшебный подземный город. Город этот заколдован, и войти в него обычные люди не могут. В нем живут чародеи, и только они способны выходить за городские ворота и возвращаться обратно. А на поверхности земли над ним стоит огромный могучий замок с башнями, в котором раньше жили эти мудрые чародеи. Замок этот называется...

– Вирситет! – выкрикнул мальчишка и победно посмотрел на свою сестру.

– Университет, – подтвердил Гомер. – Когда случилась большая война и на землю стали падать ядерные ракеты, чародеи сошли в свой город и заколдовали вход, чтобы к ним не попали злые люди, которые затеяли войну. И живут они... – Он поперхнулся и замолк.

Елена стояла, прислонившись к дверному косяку и слушала его; Гомер и не заметил, как она вышла в коридор.

– Я соберу вещмешок, – хрипло выговорила она.

Старик подошел к Елене и взял ее за руку. Она неловко, стесняясь чужих детей, обняла его и спросила:

– Ты скоро вернешься? С тобой все будет в порядке?

И Гомер, в тысячный раз за свою долгую жизнь удивляясь необоримой женской любви к обещаниям – не важно, возможно их выполнить или нет, – сказал:

– Все будет в порядке.

– Вы такие старенькие уже, а целуетесь, как будто жених и невеста. – Девочка скорчила неприязненную гримаску.

– А папа сказал, это неправда, нету никакого Изумрудного Города, – вредным голосом сообщил мальчик напоследок.

– Может, и нету, – пожал плечами Гомер. – Это же сказка. Но как нам тут без сказок?

* * *

Слышно действительно было чудовищно плохо. Голос, пробивавшийся сквозь треск и шорох, казался Истомину смутно знакомым – вроде бы один из разведчиков посланной к Серпуховской тройки.

– На Тульской... Не можем... Тульской... – силился передать что-то он.

– Вас понял, вы на Тульской! – прокричал в трубку Истомин. – Что случилось? Почему не возвращаетесь?

– Тульской! Здесь... Не надо... Главное, не надо... – Конец фразы сожрали проклятые помехи.

– Что не надо? Повторите, что не надо?!

– Нельзя штурмовать! Ни в коем случае не штурмуйте! – неожиданно ясно выговорила трубка.

– Почему? Какого дьявола у вас там творится? Что происходит?! – перебил начальник.

Однако голос больше не был слышен; плотной волной накатил шум, а потом трубка умерла. Но Истомин не хотел в это верить и никак не мог выпустить ее из рук.

– Что происходит?!

Глава 3. После жизни

Гомеру показалось, что он на всю жизнь запомнит взгляд дозорного, который прощался с ними на крайнем северном посту. Так смотрят на тело павшего героя, когда почетный караул залпом отдает ему последнюю честь: с восхищением и тоской. Прощаясь навсегда.

Живым такие взгляды не предназначались; Гомер почувствовал себя так, словно он забирался по шаткой приставной лесенке в кабину крохотного, не умеющего приземляться самолета, превращенного коварными японскими конструкторами в адскую машину. Соленый ветер трепал лучистое имперское знамя, на летном поле сутились механики, гудели, оживая, моторы, и прижимал пальцы к козырьку пузатый генерал, в заплывших глазах которого искрилась самурайская зависть...

– Чего такой радостный? – хмуро спросил замечтавшегося старика Ахмед.

Он, в отличие от Гомера, не стремился первым разузнать, что же творится на Серпуховской. На платформе осталась его молчаливая жена, левой державшая за руку старшего, а в правой – мяукающий сверток, который она осторожно примостила к груди.

– Это как встать в рост – и в психическую атаку, на пулеметы. Такой отчаянный задор. Нас ждет огонь смертельный... – попробовал объяснить Гомер.

– Эти атаки твои неслучайно так называли, – пробурчал Ахмед, оглядываясь назад, на маленький светлый пятачок в конце туннеля. – Как раз для таких психов, как ты. Нормальный человек добровольно на пулемет не полезет. Никому такие подвиги не нужны.

– Понимаешь, какое дело, – не сразу откликнулся старик. – Когда чувствуешь, что время подходит, задумываешься: успел я что-то сделать? Запомнят меня?

– Насчет тебя – не уверен. А у меня дети. Они уж точно не забудут... Старший, по крайней мере, – помолчав, тяжело добавил тот.

Гомер, ужаленный, хотел огрызнуться, но последние Ахмедовы слова сбили его с воинственного лада. И правда – это ему, старому, бездетному, легко рисковать своей побитой молью шкурой, а у парня впереди – слишком долгая жизнь, чтобы печься о бессмертии.

Позади остался последний фонарь – стеклянная банка с лампочкой внутри, забранная в решетку из арматуры и переполненная обгоревшими мухами и крылатыми тараканами. Хитиновая масса чуть заметно кишела: некоторые насекомые еще были живы и пробовали выползти, будто недобитые смертники, сваленные в общий ров вместе с остальными расстрелянными.

Гомер невольно на миг задержался в дрожащем, умирающем пятне слабого желтого света, который выжимала из себя эта лампа-могильник. Набрал воздуха и вслед за остальными погрузился в чернильную тьму, разлившуюся от границ Севастопольской и до самых до подступов к Тульской, если, конечно, такая станция все еще существовала.

* * *

Вросшая в гранитные плиты пола угрюмая женщина с двумя маленькими детьми была не одна на опустевшей платформе. Чуть поодаль, провожая взглядом ушедших, замер одноглазый толстяк с борцовскими плечами, а в шаге за его спиной тихо переговаривался с ординарцем поджарый старик в солдатском бушлате.

– Остается только ждать, – рассеянно гоня потухший окурок из одного угла рта в другой, резюмировал Истомин.

– Ты жди, а я своими делами займусь, – упрямо отозвался полковник.

– Говорю тебе, это Андрей был. Старший последней тройки, которую мы отправили. – Владимир Иванович еще раз прислушался к голосу из телефонной трубки, назойливо продолжающему звучать в его голове.

– И что теперь? Может, они его под пытками заставили это сказать. Специалистам известны разные способы, – приподнял бровь старик.

– Не похоже, – задумчиво покачал головой начальник. – Ты бы слышал, как он это говорил. Там что-то другое происходит, необъяснимое. Кавалерийским наскоком тут не возьмешь...

– Я тебе дам объяснение в два счета, – заверил его Денис Михайлович. – Тульская захвачена бандитами. Устроили засаду, наших – кого убили, кого взяли в заложники. Электричество не обрезают, потому что и сами им пользуются, и Ганзу нервировать не хотят. А вот телефон отключили. Что за история с телефоном, который то работает, то не работает?

– У него голос такой был... – словно и не слушая его, гнул свое Истомин.

– Да какой голос?! – взорвался полковник, заставив ординарца деликатно отступить на несколько шагов. – Загони тебе булавки под ногти, у тебя еще не такой будет! А при помощи слесарных клещей вообще можно бас на фальцет на всю жизнь переделать!

Ему уже было все ясно, он сделал свой выбор. Разрешившись от сомнений, он снова почувствовал себя на коне, и шашка сама просилась в руку, что бы там ни канючил Истомин.

Тот не спешил с ответом, давая вскипевшему полковнику выпустить пар.

– Подождем, – примирительно, но твердо наконец сказал он.

– Два дня. – Старик скрестил руки на груди.

– Два дня, – кивнул Истомин.

Полковник крутанулся на месте и затопал в казарму: он-то не был намерен терять драгоценные часы. Командиры ударных отрядов уже битый час ждали его в штабе, расположившись с двух флангов долгого дощатого стола. Пустовали только стулья в двух противоположных концах: его и истоминский. Но на сей раз начинать придется без руководства.

На уход Дениса Михайловича начальник станции внимания не обратил.

– Забавно, как у нас роли поменялись, да? – то ли к нему, то ли к самому себе обратился Истомин.

Не дождавшись ответа, обернулся, натолкнулся на сконфуженный взгляд ординарца, махнув рукой, отпустил его. «Полковника, который наотрез отказывался выделить хотя бы одного лишнего бойца, не узнать, – думал начальник. – Что-то чувствует, старый волчара. Но вот не подводит ли его нюх?»

Самому Истому его собственный подсказывал совсем другое: затаиться. Ждать. Станный звонок только усилил нехорошее предчувствие: на Тульской их тяжелой пехоте предстояло лицом к лицу встретиться с таинственным, непобедимым противником.

Владимир Иванович пошарил по карманам, отыскал зажигалку, высек искру. И пока над его головой поднимались рваные кольца дыма, он не двигался с места и не сводил глаз с темного провала туннеля, зачарованно уставившись в него, словно кролик в манящую удавью пасть.

Докурив, снова покачал головой и побрел к себе. Вынырнув из тени, на почтительном расстоянии за ним последовал ординарец.

* * *

Глухой щелчок – и ребристые туннельные своды озарились на добрые пятьдесят метров вперед. Фонарь Хантера размерами и мощностью больше напоминал прожектор. Гомер неслышно выдохнул – в последние минуты он не мог избавиться от глупой мысли, что бригадира не станет зажигать свет, потому что его глаза вполне смогут без него обходиться.

Вступив в темный перегон, тот еще меньше стал напоминать обычного человека, да и, пожалуй, человека вообще. Его движения обрели звериную грацию и порывистость. Фонарь он, похоже, включил только для своих спутников, сам же больше полагался на другие чувства. Сняв шлем и повернувшись ухом к туннелю, он часто прислушивался и даже, укрепляя Гомеровы подозрения, время от времени замирал, чтобы втянуть носом ржавый воздух.

Беззвучно скользя в нескольких шагах впереди, к остальным он не оборачивался, будто забыв об их существовании. Ахмед, редко дежуривший на южной заставе и не привыкший к чудачествам бригадира, недоуменно ткнул старика в бок: что это с ним? Тот только развел руками: разве тут в двух словах объяснишь...

Зачем они вообще ему понадобились? Хантер, казалось, ощущал себя в здешних туннелях куда уверенней Гомера, для которого он сам же и уготовил роль туземца-проводника. А ведь старик, спроси его, мог бы многое рассказать о здешних местах – и небылиц, и правды, иной раз куда более страшной и причудливой, чем самые невероятные байки скучающих у одинокого костра дозорных.

В голове у него была своя карта метро – не чета истоминской. Там, где на схеме станционного начальника зияли пустоты, Гомер мог бы покрыть своими пометками и пояснениями все свободное пространство. Вертикальные шахты, открытые или законсервированные служебные помещения, паутинки межлинейных соединений. На его схеме между Чертановской и Южной – через одну вниз от Севастопольской – от линии отпочковывалось ответвление, растающее в гигантский бурдюк метродепо «Варшавское», оплетенный прожилками десятков тупиков-отстойников. Депо для Гомера, с его священным трепетом перед поездами, было местом мрачным и мистическим, вроде кладбища слонов. Про него старик мог говорить часами – лишь бы нашлись слушатели, готовые ему поверить.

Участок Севастопольская – Нахимовский Гомер считал весьма непростым. Правила безопасности и просто здравый смысл требовали держаться вместе, продвигаться медленно и осторожно, тщательно обследуя стены и пол впереди себя. И даже в этом перегоне, где все люки и щели были трижды замурованы и опломбированы севастопольскими инженерными бригадами, ни в коем случае нельзя было оставлять неприкрытым тыл.

Вспоротый фонарным лучом мрак срастался сразу же за их спинами, дробилось эхо шагов, отражаясь от перегородок бесчисленных тьюбингов, и где-то вдалеке тоскливо подвывал пойманный в вентиляционные колодцы ветер. Неторопливо собираясь в потолочных щелях, падали вниз крупные тягучие капли – может быть, просто вода, но Гомер старался от них уворачиваться. Так, на всякий случай.

* * *

В стародавние времена, еще когда раздувшийся на поверхности город-монстр был жив своей горячечной жизнью, а метро еще казалось беспокойным горожанам просто бездушной транспортной системой, – уже тогда совсем еще юный Гомер, которого все звали просто Колей, с фонарем и железным ящиком инструментов бродил по его перегонам.

Простым смертным путь туда был заказан, им отводились только полторы сотни начищенных до блеска мраморных залов и обклеенные цветастой рекламой тесные вагоны. Ежедневно проводя по два-три часа в гудящих и покачивающихся составах, миллионы людей не сознавали, что им дозволяется увидеть лишь десятую часть невероятно огромного подземного царства, раскинувшегося под землей. И чтобы они не задумывались об истинных его размерах, о том, куда ведут неприметные дверцы и железные заслоны, темные боковые ответвления туннелей и закрытые на вечный ремонт переходы, их отвлекали блестящими до рези в глазах картинками, вызывающе глупыми слоганами и деревянными голосами рекламных объявлений,

не дающих расслабиться даже на эскалаторах. Так, во всяком случае, казалось самому Коле после того, как он начал проникать в секреты этого государства в государстве.

Легкомысленная радужная схема метро, висящая в вагонах, была призвана убеждать любопытных, что перед ними – исключительно гражданский объект. Но на деле ее весело раскрашенные линии были обвиты невидимыми ветвями секретных туннелей, на которых тяжелыми гроздьями висели военные и правительственные бункеры, а перегоны соединялись с клубком катакомб, вырытых под городом еще язычниками.

Во времена ранней Колиной юности, когда его страна была слишком бедна, чтобы состязаться с другими в силе и амбициях, а Судный день казался так далек, бункеры и убежища, сооруженные в его ожидании, копили пыль. Но с деньгами вернулся и былой гонор, а вместе с ним – недоброжелатели. Уже подернувшиеся ржавчиной многотонные чугунные двери были со скрежетом открыты, запасы продовольствия и медикаментов обновлены, воздушные и водные фильтры – приведены в готовность.

И очень кстати.

Прием на работу в метро был для него, иногороднего и нищего, сродни вступлению в масонскую ложу. Из отверженного безработного он превращался в члена могущественной организации, щедро оплачивающей те скромные услуги, которые он умел ей оказать, и обещающей причастить его сокровенных тайн мироустройства. Заработок, который сулила афишка о найме, показался Коле весьма соблазнительным, а требований к будущим обходчикам путей не выдвигалось почти никаких.

Далеко не сразу он из неохотных объяснений своих новых сослуживцев начал понимать, отчего метрополитен вынужден заманивать сотрудников высокими окладами и надбавками за вредность. Дело было не в напряженном графике и не в добровольном отказе от дневного света. Нет, речь шла об опасностях совсем иного рода.

Неистребимым мрачным слухам о чертовщине он, как человек скептического склада ума, не верил. Но однажды из обхода короткого слепого перегона не вернулся его приятель. Искать его отчего-то не стали – начальник смены обреченно махнул рукой, – а вслед за приятелем так же бесследно исчезли и все документы, подтверждавшие, что он когда-либо работал в метро. Коле – единственному, кто по молодости и наивности никак не мог смириться с его пропажей, кто-то из старших шепотом, озираясь по сторонам, сообщил наконец, что его друга «забрали». Поэтому кому, как не Гомеру, было знать, что нехорошие события происходили в московских подземельях задолго до того, как мегаполис вымер, опаленный дыханием Армагеддона...

Лишившись друга и коснувшись запретных знаний, Коля мог бы испугаться и бежать, бросить эту работу и найти другую. Однако получилось так, что со временем его брак по расчету с метро перерос в страстный роман. Пресытившись пешими странствиями по туннелям, он прошел обряд инициации в помощники машиниста, заняв более прочное место в сложной иерархии метрополитена.

И чем ближе он знакомился с этим неучтенным чудом света, с этим ностальгирующим по античности лабиринтом, выморочным циклопическим городом, перевернутым вверх тормашками и отраженным от своего прообраза в бурой московской земле, тем глубже и беззаветней влюблялся в него. Этот рукотворный Тартар был безоговорочно достоин поэзии настоящего Гомера, на худой конец, летучего пера Свифта, который бы увидел в нем штуку посильнее Лапуты... Но его тайным воздыхателем и неумелым певцом стал всего лишь Коля. Николаев Николай Иванович. Смешно.

Казалось бы, можно еще любить Хозяйку Медной горы, но любить саму Медную гору? Однако эта любовь, оказавшись взаимной до ревности, в свой час отняла у Коли семью, но спасла ему жизнь.

* * *

Хантер застыл на месте так внезапно, что Гомер, зарывшийся в перину воспоминаний, не успел выбраться обратно и на полном ходу влетел бригадиру в спину. Тот, не издав ни звука, отшвырнул от себя старика и снова замер, опустив голову и обратив к туннелю свое изуродованное ухо. Словно летучая мышь, вслепую рисуя себе пространство, он перехватывал одному ему слышимые волны.

Гомер же почувствовал иное: запах Нахимовского проспекта, запах, который невозможно было спутать ни с чем. Быстро же они добрались... Как бы не пришлось заплатить за то, с какой легкостью их сюда пропустили. Словно слыша его мысли, Ахмед сдернул с плеча автомат и щелкнул предохранителем.

– Кто там? – обернувшись к старику, вдруг прогудел Хантер.

Гомер усмехнулся про себя: кто же знает, кого там дьявол принес? В распахнутые ворота Нахимовского сверху как в воронку затягивало самых невообразимых тварей. Но были у этой станции и свои постояльцы. Хотя они и считались неопасными, старик к ним питал особое чувство – липкую смесь страха и гадливости.

– Небольшие... Безволосые, – попробовал описать их бригадир, и Гомеру этого хватило: они.

– Трупоеды, – негромко сказал он.

От Севастопольской до Тульской, а может, и в других краях метро это шаблонное ругательство теперь имело другое, новое значение. Буквальное.

– Хищники? – спросил Хантер.

– Падальщики, – неуверенно отозвался старик.

Эти отвратительные создания, похожие одновременно на пауков и на приматов, не рисковали в открытую нападать на людей и кормились мертвечиной, которую стаскивали на облюбованную ими станцию с поверхности. На Нахимовском гнездилась большая стая, и все окрестные туннели были налиты тошнотворно-сладким смрадом разложения. На самом же Проспекте под его тяжестью начинала кружиться голова, и многие, не выдерживая, надевали противогазы уже на подходах.

Гомер, превосходно помнивший об этой особенности Нахимовского, торопливо извлек из походной сумки намордник респиратора и натянул его на себя. Ахмед, собиравшийся наспех, завистливо глянул на него и прикрыл лицо рукавом: расплзавшиеся со станции миазмы постепенно окутывали их, подстегивая, сгоняя с места.

Хантер же будто ничего не ощущал.

– Что-то ядовитое? Споры? – уточнил он у Гомера.

– Запах, – промычал тот сквозь маску и поморщился.

Бригадир испытующе оглядел старика, будто пытаясь определить, не смеется ли тот над ним, потом пожал своими широченными плечами.

– Обычный, – и отвернулся.

Он перехватил поудобнее свой короткий автомат, поманил их за собой и, мягко ступая, двинулся дальше первым. Еще через полсотни шагов к чудовищной воні присоединился летучий, неразборчивый шепоток. Гомер вытер со лба обильно выступившую испарину и попытался осадить свое галопирующее сердце. Совсем близко.

Наконец луч нашупал что-то... Стер мрак с разбитых фар, слепо вперившихся в никуда, с пыльных лобовых стекол под сетью трещин, с упрямо не желающей ржаветь синей обшивки... Впереди виднелся первый вагон поезда, гигантской пробкой заткнувшего горловину туннеля.

Поезд был давно и безнадежно мертв, но каждый раз при его виде Гомеру как мальчишке хотелось забраться в разоренную кабину машиниста, приласкать клавиши приборной доски и,

закрыв глаза, представить, что он снова мчится на полной скорости по туннелям, увлекая за собой гирлянду ярко освещенных вагонов, наполненных людьми – читающими, дремлющими, глазающими на рекламу или силящимися переговариваться сквозь гул двигателей...

«В случае подачи сигнала тревоги «Атом» двигаться к ближайшей станции, там встать и открыть двери. Содействовать силам гражданской обороны и армии в эвакуации пострадавших и герметизации станций метрополитена...»

Инструкция о том, что в Судный день делать машинистам, была четкой и несложной. Везде, где это оказалось возможным, она была выполнена. Большинство составов, застыв у платформ станций, забылись летаргическим сном и постепенно были растащены на запчасти жителями метро, которым вместо обещанных нескольких недель пришлось задержаться в этом убежище на вечность.

Кое-где их сохранили и обжили, но Гомеру, которому в поездах всегда виделась некая одушевленная сущность, это казалось кошунственным – все равно что набивать чучело из любимой кошки. В местах, непригодных для обитания, таких, как Нахимовский проспект, составы стояли обглоданные временем и вандалами, но все же еще целые.

Гомер никак не мог оторвать взгляд от вагона, а в его ушах, перекрывая шорохи и шипение, все громче доносящиеся со станции, была призрачная сирена тревоги и басил гудок, выводив никогда не слышанный до того дня сигнал: один длинный – два коротких: «Атом»!

...Протяжный лязг тормозов и растерянное объявление по вагонам: «Уважаемые пассажиры, по техническим причинам поезд дальше не пойдет...» Ни бубнящий в микрофон машинист, ни сам Гомер, его помощник, не могут еще осознать, какой безысходностью веет от этих казенных слов.

Натужный скрежет гермозатворов, навсегда разделяющих мир живых и мир мертвых. По инструкции ворота должны были окончательно запереться не позже чем через шесть минут после подачи тревожного сигнала, невзирая на то, сколько людей оставалось по другую сторону жизни. В тех, кто пытался препятствовать закрытию, рекомендовалось стрелять.

Сможет ли сержантик, охранявший станцию от бездомных и пьяных, выстрелить в живот мужчине, который пытается задержать огромную железную махину, чтобы успела добежать его сломавшая каблук жена? Сумеет ли нахрапистая турникетная тетка в форменном кепи, весь свой тридцатилетний стаж в метро совершенствовавшаяся в двух искусствах – не пускать и свистеть, – не пропустить задыхающегося старика с жалобной орденской планкой? Инструкция отводила всего шесть минут на то, чтобы превратиться из человека – в механизм. Или в чудовище.

...Визг женщин и возмущенные крики мужчин, самозабвенные детские рыдания. Пистолетные хлопки и грохот автоматных очередей. Ретранслируемые каждым динамиком металлическим бесстрастным голосом зачитанные призывы сохранять спокойствие – зачитанные, потому что ни один человек, знающий, что происходит, не смог бы совладать с собой и просто сказать это так... Равнодушно. «Не поддавайтесь панике...» Плач, мольбы...

Снова стрельба.

И ровно через шесть минут после тревоги, за минуту до Армагеддона – гулкий, похоронный набат смыкающихся секций гермоворот. Смачные щелчки запоров. Тишина.

Как в склепе.

Вагон пришлось обходить по стенке – машинист затормозил слишком поздно. Может быть, отвлекся на происходившее в тот миг на платформе... По чугунной лесенке они забрались наверх и через мгновение стояли уже в удивительном просторном зале. Никаких колонн, единый полукруглый свод с яйцевидными углублениями под светильники. Свод огромный, обнимающий и платформу, и оба пути вместе со стоящими на них составами. Невероятное

изящество конструкции – простой, небесно легкой, лаконичной... Только не смотреть вниз, не под ноги, не впереди себя.

Не видеть того, во что превращена станция теперь. Этот гротескный погост, где нельзя обрести покой, эти жуткие мясные ряды, заваленные обгрызенными скелетами, гниющими тушами, оторванными частями чьих-то туловищ. Мерзкие создания жадно тащили сюда все, до чего могли дотянуться в пределах своих обширных владений, больше, чем могли сожрать сразу, про запас. Запасы эти тухли и разлагались, но их все равно копили, копили бесконечно.

Кучи мертвого мяса против всех законов шевелились, будто дышали, и отовсюду вокруг раздавался противный скребущий звук. Луч поймал одну из странных фигур: долгие узловатые конечности, дряблая, висящая складками, безволосая серая кожа, перекошенная спина... Мутные глаза подслеповато лупают, огромные ушные раковины движутся, живут своей жизнью.

Существо издало сиплый крик и неторопливо затрусил к распахнутым вагонным дверям, перебирая всеми четырьмя ногами-руками. С остальных куч так же лениво стали слезать другие трупоеды, недовольно сипя и всхлипывая, щерясь и огрызаясь на путников.

Выпрямившись, они едва ли доходили до груди даже невысокому Гомеру, к тому же он прекрасно знал, что трусливые твари не должны нападать на сильного, здорового человека. Но иррациональный ужас, который Гомер испытывал перед этими созданиями, рос из его ночных кошмаров: он, ослабевший, покинутый, лежал один на заброшенной станции, а бестии подбирались все ближе. Как акулы в океане за километры слышат запах капли крови, так эти существа чувствовали чужую приближающуюся смерть и спешили освидетельствовать ее.

Старческие страхи, презрительно говорил себе Гомер, в свое время начитавшийся учебников по прикладной психологии. Если бы только это помогало.

Трупоеды же людей не боялись: тратить патроны на отталкивающих, но вроде бы безвредных пожирателей падали на Севастопольской посчитали бы преступным расточительством. Проходящие мимо караваны старались не обращать на них внимание, хотя порой трупоеды вели себя вызывающе.

Здесь их расплодилось великое множество, и по мере того, как тройка продвигалась все глубже, с противным хрустом давя сапогами чьи-то мелкие косточки, разбросанные по полу, все новые и новые твари нехотя отрывались от пиршества и разбредались по укрытиям. Гнездовища у них располагались в поездах, и за это Гомер ненавидел их еще больше.

Гермозатворы на Нахимовском проспекте были открыты. Считалось, что если двигаться через Проспект быстро, доза облучения была небольшой и здоровью не угрожала, но останавливаться тут запрещалось. Так и получилось, что оба состава относительно хорошо сохранились: стекла целы, сквозь проемы дверей видны загаженные сиденья, синяя краска и не думала облезать с железных боков.

Посреди зала высился настоящий курган, сложенный из перекрученных остовов неведомых созданий. Поравнявшись с ним, Хантер вдруг остановился. Ахмед и Гомер тревожно переглянулись, пытаясь определить, откуда может исходить опасность. Но причина задержки оказалась иной.

У подножия, смачно хрупая и урча, два небольших трупоеда обдирали собачий скелет. Спрятаться они не успели: то ли, слишком увлекшись трапезой, не вняли сигналам своих сородичей, то ли не смогли перебороть свою жадность.

Щурясь в режущем свете бригадирского фонаря, они, продолжая жевать, начали медленно отступать к ближайшему вагону, но вдруг один за другим кувырнулись и глухо, как два мешка с требухой, шлепнулись на пол.

Гомер удивленно смотрел на Хантера, который убирал в подплечную кобуру тяжелый армейский пистолет, удлиненный цилиндром глушителя. Лицо его оставалось таким же непроницаемым, неживым, как и обычно.

– Голодные, наверное, очень были, – пробормотал себе под нос Ахмед, с брезгливым интересом разглядывая темные лужи, растекавшиеся от размозженных черепов убитых тварей.

– Я тоже, – вдруг невнятно отозвался бригадир, заставив Гомера вздрогнуть.

Не оборачиваясь на остальных, Хантер двинулся вперед, а старику почудилось, что он снова слышит стихшее было жадное урчание. С каким трудом каждый раз он сам одолевал соблазн выпустить в этих гадин пулю! Уговаривал себя, успокаивал и в конце концов одерживал верх, доказывая себе, что он зрелый человек, умеющий обуздать свои кошмары, не дать им свести себя с ума. Хантер же, видимо, и не собирался бороться со своими желаниями.

Но что это были за желания?

Неслышная гибель двух членов стаи подхлестнула остальных трупоедов: почуяв свежую смерть, даже самые храбрые и ленивые из них убрались с платформы, еле слышно хрипя и поскуливая. Набившись в оба поезда, они облепили окна и, столпившись в дверях вагонов, притихли.

Злобы или желания отомстить, отразить нападение эти создания не проявляли. Стоит отряду покинуть станцию, они немедленно сожрут своих убитых сородичей. «Агрессия свойственна охотникам, – подумал Гомер. – Тем, кто питается падалью, в ней нет нужды, как нет необходимости убивать. Все живое рано или поздно умирает само. Умерев, оно все равно станет их пищей. Нужно просто подождать».

В свете фонаря сквозь грязные зеленоватые стекла были видны приставшие к ним с обратной стороны мерзкие морды, криво скроенные тела, когтистые руки, беспокойно ощупывающие изнутри этот сатанинский аквариум. В полном безмолвии сотни пар тусклых глаз неотступно следили за проходившим мимо отрядом, и головы созданий поворачивались с поразительной синхронностью, провожая его долгим внимательным взглядом. Так смотрели бы на посетителей Кунсткамеры запертые в формалиновых колбах уродцы, если бы им предусмотрено не зашили веки.

Несмотря на приближающийся час расплаты за безбожие, Гомер так и не смог заставить себя поверить ни в Господа, ни в дьявола. Но если бы Чистилище существовало, для старика оно приняло бы именно такую форму. Сизиф был обречен на борьбу с тяготением, Тантал приговорен к пытке неутолимой жаждой. Гомера же на станции его смерти ожидал мятый китель машиниста и этот чудовищный призрачный поезд с отвратительными пассажирами-горгульями, насмешка мстительных богов. И после отправления состава с платформы туннель, как в одной из старинных легенд метро, сомкнется в ленту Мебиуса, в дракона, пожирающего свой хвост.

Хантера эта станция и ее обитатели больше не интересовали. Остаток зала отряд преодолел скорым шагом: Ахмед и Гомер еле поспевали за сорвавшимся с места бригадиром.

Старика подмывало обернуться, закричать, выстрелить – спугнуть это обнаглевшее отродье, отогнать тяжелые мысли. Но вместо этого он семенил, опустив голову и сосредоточившись на том, чтобы не наступить на чьи-нибудь догнавающие останки. Понурился и Ахмед, занятый своими думами. И в этом их безоглядном бегстве с Нахимовского проспекта никто уже не думал осматриваться вокруг.

Пятно света от фонаря Хантера суетливо летало из стороны в сторону, словно следуя за неким невидимым гимнастом под куполом этого зловещего цирка, но и бригадир уже не обращал внимания на то, что оно цепляло.

В луче мелькнули на долю секунды и тут же сгинули во мраке никем не замеченные свежие кости и не до конца еще обглоданный череп – явно человеческий. Рядом бесполезной скорлупой валялись стальная солдатская каска и бронежилет.

На облезлом зеленом шлеме по трафарету было белой краской выведено: «Севастопольская».

Глава 4. Сплетения

– Папа... Папа, это я, Саша!

Она осторожно ослабила брезентовый ремешок, перетягивающий страшно распухший подбородок, и сняла с отца каску. Запустила пальцы в его взопревшие волосы, поддела резину, стянула и отбросила противогаз, похожий на скукожившийся, мертвенно-серый скальп. Его грудь тяжело вздымалась, пальцы скребли гранит, водянистые глаза не мигая уставились на нее. Он не отвечал.

Подложив ему под голову ранец, Саша бросилась к воротам. Уперлась худеньким плечом в огромную створку, вдохнула глубоко-глубоко и скрипнула зубами. Многотонная железная глыба нехотя поддалась, поплыла и с кряхтением встала на место. Саша лязгнула засовом и сползла на пол. Только минуту, всего одну минуту – перевести дух, и она тут же вернется к нему.

Каждый новый поход обходился ее отцу все дороже, и скудная добыча, с которой он возвращался, не могла окупить потерянных сил. Из-за этих вылазок он расходовал остатки своей жизни не днями, а неделями, месяцами. Вынужденное мотовство: если у них не будет ничего на продажу, им останется сожрать только свою ручную крысу – единственную на этой гиблой станции, а потом застрелиться.

Саша хотела сменить отца. Она столько раз просила у него респиратор, чтобы самой подняться наверх, но он был непреклонен. Знал, наверное, что толку от прохудившегося противогаза с давно забитыми фильтрами не больше, чем от любого другого талисмана. Но ей никогда в этом не признавался. Лгал, что умеет чистить фильтры, лгал, что хорошо себя чувствует даже после часовой «прогулки», лгал, что просто хочет побыть один, когда боялся, что она увидит, как его рвет кровью.

Не в Сашиних силах было что-то изменить. Их с отцом загнали в этот угол и не стали добивать скорее из издевательского любопытства, чем из жалости. Думали, они не продержатся и неделю, но отцовской воли и закалки хватило на годы. Их ненавидели и презирали, но регулярно подкармливали – разумеется, не бесплатно.

В перерывах между походами, в те редкие минуты, когда они вдвоем сидели у чахлого, чадающего костерка, отец любил говорить о том, что было раньше. Вот уже несколько лет, как он понял, – нет смысла врать хотя бы себе: будущего у него нет. Зато уж прошлого у него не мог отнять никто.

«Раньше у меня были глаза такого же цвета, как твои, – говорил ей отец. – Цвета неба». И Саше казалось, что она помнит эти дни – дни, когда опухоль еще не вздулась у него на шею огромным зобом, когда глаза его еще не выцвели и были такие же яркие, как у нее сейчас.

Когда отец говорил «цвета неба», он, конечно, имел в виду лазурное небо, еще жившее в его памяти, а не то багровое, клубящееся, под которым он оказывался, по ночам поднимаясь наверх. Дневного света он не видел уже добрых двадцать лет. Саша не видела его никогда. Только в снах, но разве можно точно сказать, правильно ли она себе его воображала? Похож ли на наш тот мир, что видят во сне слепые от рождения люди? И видят ли они хотя бы во сне?

* * *

Маленькие дети, зажмуриваясь, думают, что тьма накрыла весь мир. Думают, что все остальные вокруг в этот миг слепы так же, как они. «Человек в туннелях беспомощен и наивен, как те дети», – думал Гомер. Он сколько угодно может считать себя повелителем света и тьмы, целкая своим фонариком, но даже самая непроницаемая темнота вокруг способна оказаться

полной зрячих глаз. И сейчас, после встречи с падальщиками, эта мысль не отпускала его. Отвлечься, надо отвлечься.

«Как странно, что Хантер не знал, чего ему ждать на Нахимовском», – подумал Гомер. Когда бригадир впервые появился на Севастопольской два месяца назад, никто из дозорных не смог объяснить, каким образом человек такого могучего сложения сумел незамеченным преодолеть все посты, выставленные в северных туннелях. Хорошо, что командир периметра так и не потребовал от дежурных этих объяснений.

Но если не через Нахимовский проспект, то как же Хантер попал на Севастопольскую? Остальные пути в большое метро были давно отрезаны. Заброшенная Каховская линия, в туннелях которой по известным причинам вот уже долгие годы не наблюдалось ни единой живой твари, исключалась. Чертановская? Смешно и предполагать, что даже столь умелый, беспощадный боец мог бы в одиночку пробиться через проклятую станцию, да и попасть туда, не объявившись прежде на Севастопольской, было невозможно.

Исключив север, юг и запад, Гомеру оставалось только допустить, что таинственный визитер прибыл на их станцию сверху. Разумеется, все известные входы и выходы на поверхность были тщательно задраены и держались под присмотром, но... Мог же он, к примеру, вскрыть запертую вентиляционную шахту. Севастопольцы не ждали, что среди выжженных руин панельных многоэтажек все еще может объявиться кто-то достаточно разумный, чтобы отключить их систему сигнализации.

Бескрайняя шахматная доска микрорайонов, прореженных обломками падавших на город боеголовок, давным-давно опустела, брошенная последними игроками десятилетия назад. Те уродливые, пугающие фигуры, что сами сползались теперь на нее, разыгрывали новую партию уже по своим правилам. Человеку нечего было и мечтать о матче-реванше.

Короткие вылазки в поисках всего ценного, что не успело истлеть за двадцать с лишним лет, эти поспешные и стыдливые попытки мародерства в собственных домах – единственное, на что людям хватало сил. Закованные в латы радиационной защиты, сталкеры поднимались наверх, чтобы в сотый раз обшарить скелеты близлежащих хрущевок, но никто из них не решался дать решительный бой их нынешним хозяевам. Можно было разве что огрызнуться автоматной очередью, пересидеть в загаженных крысами квартирах, а как только опасность минует – стремглав броситься к спасительному спуску в подземелье.

Старые карты столицы давно утратили какое-либо отношение к действительности. Там, где прежде пролегали забитые километровыми пробками проспекты, теперь могли зиять пропасти или чернеть непроходимые заросли. Жилые кварталы сменились трясинами или опаленными проплешинами. Самые отчаянные из сталкеров отваживались исследовать поверхность в километровом радиусе от родных нор, прочие довольствовались куда меньшим.

Лежащие за Нахимовским проспектом станции Нагорная, Нагатинская и Тульская не имели своих выходов, да и люди, жившие на двух из них, были слишком робки, чтобы подниматься наверх. Откуда среди этой глуши мог взяться живой человек, для Гомера было совершенной загадкой. И все же он хотел думать, что Хантер явился на их станцию именно с поверхности.

Потому что был еще один, последний вариант, откуда мог пожаловать их бригадир. Вариант этот пришел в голову старому безбожнику против его воли, пока он старался унять одышку и поспеть за стремительно летящим вперед, будто вообще не касаясь земли, темным силуэтом.

Снизу?

– Плохое предчувствие у меня, – протянул Ахмед негромко – ровно так, чтобы Гомер его услышал, а чуть оторвавшийся от них бригадир – нет. – Не вовремя мы пошли. Уж можешь мне поверить, сколько раз тут с караванами был. На Нагорной нехорошо сегодня...

Мелкие шайки грабителей, отдохавших от разбоя на темных полустанках подальше от Кольца, давно уже не осмеливались приближаться к севастопольским караванам. Заслышав слаженное гроыхание подкованных сапог, возвещавшее о приближении тяжелой пехоты, они могли мечтать только об одном: как можно быстрее убраться с дороги.

Нет, не из-за них и не из-за четырехруких стервятников с Нахимовского проспекта эти караваны всегда так хорошо охранялись. Железная выучка и бесстрашие, способность в считанные секунды сомкнуться в стальной кулак и изничтожить любую осязаемую угрозу шквальным огнем делали бы севастопольские конвои безраздельными властителями туннелей от собственных блокпостов до самой Серпуховской... Если бы не Нагорная.

Нахимовский с его страхами оставался позади, но ни Гомер, ни Ахмед ни на миг не почувствовали облегчения. Станция Нагорная, непритязательная и невзрачная, стала конечной для многих путников, отнесшихся к ней без должного внимания. Бедолаги, оказавшиеся случайно на соседней Нагатинской, жались подальше от жадного зева туннеля, уходящего на юг, к Нагорной. Словно это могло их уберечь... Словно то, что выходило на жатву из южного туннеля, поленилось бы прокрасться чуть дальше, чтобы выбрать добычу себе по вкусу.

Пробираясь через Нагорную, приходилось полагаться только на везение, потому что никаких закономерностей эта станция не признавала. Иной раз молчаливо позволяла пройти мимо, припугивая только кровавыми отпечатками на стенах и рифленых железных колоннах, будто кто-то отчаянно пытался залезть по ним повыше в надежде спастись. И через считанные минуты после этого могла оказать следующей группе такой прием, что потеря половины товарищей казалась тем, кто выжил, победой.

Она не могла насытиться. У нее не было любимчиков. Она не поддавалась изучению. Нагорная представлялась жителям всех окрестных станций воплощением произвола судьбы. И она была главным испытанием для тех, кто решался отправиться от Кольца к Севастопольской – и обратно.

– Вряд ли одна Нагорная могла это сделать. – Суеверный, как и многие другие севастопольцы, Ахмед предпочитал говорить об этой станции как о живом существе.

Гомеру не было нужды переспрашивать, уточнять – он и сам сейчас думал о том, могла ли Нагорная поглотить исчезнувшие караваны и всех разведчиков, посланных на их поиски.

– Всякое случалось, но чтобы столько народу сразу пропало... – поддакнул он. – Подавилась бы...

– Зачем так говоришь? – Ахмед зло цыкнул на него, то ли всплеснув в расстройстве рукой, то ли еле сдержав подзатыльник, на который болтливый старик явно напросился. – Тобой-то уж точно не подавится!

Гомер смолчал, придержав обиду. Он-то не верил в то, что Нагорная могла услышать их и затаить злобу. По крайней мере, не на таком расстоянии... Предрассудки, все предрассудки! Почитать всех идолов подземелья – дело обреченное, кому-нибудь да отдавишь мозоль. По этому поводу Гомер уже давно не переживал, но у Ахмеда были свои соображения.

Поддев в кармане бушлата четки, сделанные из тупых пистолетных пуль, он завертел в грязной ладони карусель из свинцовых болванчиков и зашлепал губами, замаливая перед Нагорной Гомеровы грехи на своем языке. Но, похоже, станция его не понимала, или приносить извинения уже было поздно.

Хантер, уловив что-то своим сверхъестественным чутьем, махнул затянутой в перчатку ладонью, гася скорость, и мягко опустился на землю.

– Там туман, – обронил он, втягивая ноздрями воздух. – Что это?

Гомер переглянулся с Ахмедом. Оба понимали, что это означало: охота открыта и достичь живыми северных рубежей Нагорной будет для них теперь необыкновенной удачей.

– Как тебе сказать, – откликнулся нехотя Ахмед. – Это она дышит...

– Кто? – сухо поинтересовался у него бригадир и стряхнул с плеча рюкзак, видимо, рассчитывая подобрать в своем арсенале подходящий калибр.

– Станция Нагорная, – перешел на шепот тот.

– Посмотрим, – презрительно скривился Хантер.

Но нет, Гомеру только почудилось, что обезображенное лицо бригадира ожило; на самом же деле оно оставалось недвижимым, как и всегда, – просто свет так упал.

Через сотню метров остальные тоже увидели это: ползущую им навстречу по грунту тяжелую белесую дымку, сначала пробующую на вкус их сапоги, потом обвивающую их колени, заливающую туннель по пояс... Они словно медленно входили в призрачное море, холодное и неласковое, с каждым шагом спускаясь все глубже по обманчиво-пологому дну, пока не погрузились в его мутные воды с головой.

Видно было скверно. Лучи фонарей вязли в этом странном тумане, словно мухи в паутине: прорвавшись всего на несколько шагов вперед, выбивались из сил, обмякали и повисали в пустоте – пойманные, вялые, покорные. Звуки долетали трудно, как сквозь перину, и даже движения давались сложнее, будто отряд действительно ступал не по шпалам, а по донному илу.

Дышать тоже становилось тяжелее – но не из-за влажности, а из-за непривычного терпкого привкуса, который появился здесь у воздуха. Впускать его в легкие не хотелось: не оставляло ощущение, что действительно вбираешь в себя дыхание кого-то огромного, чужого, вытянувшего из воздуха весь кислород и напитавшего его своими ядовитыми испарениями.

Гомер на всякий случай снова уткнулся в респиратор. Хантер, скользнув по нему взглядом, запустил пятерню в холщовую подплечную сумку, оттянул жгут и прилепил поверх своей обычной маски новую, резиновую. Без противогаза оставался только Ахмед, который то ли не успел взять его с собой, то ли пренебрег им...

Бригадир вновь застыл, наведя свое рваное ухо на Нагорную, но сгустившаяся белая мгла мешала ему разобрать доносящиеся со станции обрывки звуков, составить из них целую картину. Вроде бы повалилось неподалеку что-то грузное, ухнул протяжно кто-то на слишком низкой для человека, да и для любого животного ноте. Истерически заскрежетало железо, как если бы чья-то рука сворачивала узлом одну из толстых труб, стелющихся вдоль стен.

Хантер тряхнул головой, будто очищаясь от приставшей грязи, и место короткого пистолета-пулемета в его руках занял армейский «калашников» со сдвоенным рожком и подствольным гранатометом.

– Наконец-то, – пробормотал он себе под нос.

Они даже не сразу сообразили, что вступили на саму станцию. Нагорная была затоплена туманом, густым, как свиное молоко, и Гомеру, глядевшему на нее сквозь запотевшие стеклышки противогаза, казалось, что он – аквалангист, проникший на борт погибшего океанского лайнера.

Сходство дополняли украшавшие стены чеканные панно: морские чайки, выдавленные в металле суровым и бесхитростным советским штампом. Более всего они походили на отпечатки ископаемых организмов, обнаруженные в сколотой породе. «Окаменелость – вот удел и человека, и его творчества, – мелькнула у Гомера мысль. – Только вот кто откапает?»

...Стоявшее вокруг марево жило – перетекало, подрагивало. Иногда в нем проступали темные сгустки – вначале виделось: искореженный вагон или ржавая будка дежурного, потом – чешуйчатое туловище или голова мифического чудовища. И Гомеру страшно было даже вообразить, кто мог захватить кубрики и облюбовать каюты первого класса за десятилетия, прошедшие со дня крушения. Он многое слышал о том, что происходило на Нагорной, но никогда не сталкивался лицом к лицу с...

– Вон оно! Там, справа! – заорал Ахмед, дергая старика за рукав.

Хлопнул придушенный самодельным глушителем выстрел.

Гомер крутанулся с непозволительной для своего ревматизма резвостью, но отупевший фонарь высветил лишь кусок обшитой металлом ребристой колонны.

– Сзади! Вон, сзади! – Ахмед дал короткую очередь.

Однако его пули только крошили остатки мраморных плит, которыми были когда-то облицованы стены станции. Чьи бы очертания Ахмед ни углядел в зыбком мороке, оно растворялось в нем невредимым.

«Надышался», – подумал Гомер.

И тут самым краешком глаза уловил что-то... Гигантское, сгибающееся под слишком низким четырехметровым потолком станции, невообразимо проворное для своего исполинского роста, вынырнувшее из тумана на самой границе видимости и канувшее обратно, прежде чем старик успел навести на него автомат.

Гомер беспомощно оглянулся на бригадира...

Того нигде не было.

* * *

– Ничего. Ничего. Не бойся, – останавливаясь и отдыхая между словами, утешал ее отец. – Знаешь... Где-то в метро есть люди, которым сейчас куда страшнее...

Он попробовал улыбнуться – вышло жутко, будто у черепа отвалилась челюсть. Саша улыбнулась в ответ, но по острой скуле, измазанной в копоти, попозла соленая росинка. По крайней мере, отец пришел в себя – после нескольких долгих часов, за которые она успела уже все передумать.

– На этот раз совсем неудачно, ты уж прости, – говорил он. – Решил все-таки дойти до гаражей. Далековато оказалось. Нашел один нетронутый. Замок из нержавеющей стали, в масле. Сломать не получилось, привязал заряд, последний. Надеюсь, машина будет, запчасти. Рванул, открываю – пусто. Вообще ничего. Зачем запирали, сволочи? А грохоту сколько... Молился, чтобы никто не услышал. Выхожу из гаража – вокруг псы. Думал, все... Думал, все.

Отец смежил веки и умолк. Встревоженная, Саша схватила его за руку, но он, не открывая глаз, еле заметно покачал головой – не волнуйся, все в порядке. Сил не хватало даже говорить, а он хотел отчитаться, ему нужно было объяснить, почему он вернулся с пустыми руками, почему ближайшую неделю, пока он не встанет на ноги, им придется туго. Не успел, забылся сном.

Саша проверила наложенную на его разорванную голень повязку, уже размокшую от черной крови, сменила нагретый компресс. Распрямилась, подошла к крысиному домику, приоткрыла дверцу. Зверек недоверчиво выглянул наружу, спрятался было, но потом, делая Саше одолжение, все же выбрался на платформу размяться. Крысу чутье никогда не подводило: в туннелях все было тихо. Успокоенная, девушка вернулась к лежанке.

– Ты обязательно встанешь, ты будешь ходить снова, – шептала она отцу. – И ты найдешь гараж, в котором будет целая машина. И мы поднимемся вместе, сядем в нее и уедем далеко отсюда. За десять, за пятнадцать станций. Туда, где нас не знают, где мы будем чужаками. Где нас никто не будет ненавидеть. Если такое место где-нибудь есть...

Она пересказывала ему волшебную сказку, которую столько раз слышала от него. Повторяла слово в слово, и сейчас, сама произнося эту старую отцовскую мантру, верила в нее сто-крат сильнее. Она выходит его, она его вылечит. В этом мире есть место, где всем на них будет наплевать.

Место, где они смогут быть счастливы.

* * *

– Вот же оно! Вот! На меня смотрит!

Ахмед визжал так, будто его уже схватили и волокут; так, как никогда не позволял себе кричать. Снова зашелся и захлебнулся автомат; Ахмед, окончательно изменивший своему обычному спокойствию, тряся, пытаясь вставить в паз полный рожок.

– Оно меня выбрало... Меня...

Где-то неподалеку деловито фыркнул другой автомат, утих на секунду и опять еле слышно застрекотал рубленными по три выстрела очередями. Хантер все еще был жив, значит, и у них оставалась надежда. Хлопки то отдалялись, то приближались, но невозможно было сказать, находили ли пули свои цели. Гомер, ожидавший услышать разъяренный рев раненого монстра, зря напрягал слух. Станция была погружена в тягостное молчание; ее загадочные хозяева казались либо бесплотными, либо неуязвимыми.

Бригадир теперь вел свой странный бой на другом краю платформы – там вспыхивал и гас огненный пунктир трассирующих пуль. Упоенный схваткой с призраками, он обрекал своих подопечных.

Гомер перевел дух и задрал голову. Желание сделать это не отступало уже несколько долгих мгновений, и он наконец осторожно поддался ему. Кожей, макушкой, волосками на шее он слишком ясно ощущал на себе взгляд – холодный, давящий – и больше не мог противиться своим предчувствиям.

...Под самым потолком, высоко над их головами, во мгле парила еще одна голова. Настолько огромная, что Гомер не сразу осознал даже, что именно он перед собой видит. Тело исполина оставалось скрытым во мраке станции, и только его чудовищная морда, покачиваясь, нависала над крохотными людишками, оцетинившимися своим ничемным оружием, не торопясь с нападением, зачем-то давая им небольшую отсрочку.

Онемевший от ужаса старик покорно опустился на колени; жалко звякнул о рельс вывалившийся из рук автомат. Завопил, раздирая глотку, Ахмед. Создание неспешно подалось вперед, и все видимое пространство перед ними заполнило темное, огромное как утес тело. Гомер закрыл глаза, готовясь, прощаясь... И думал, и жалел он только об одном. Буравила, ела сознание горькая мысль: «Не успел!»

Но тут харкнул пламенем подствольник, по ушам хлестнула взрывная волна, оглушая и оставляя после себя бесконечный тонкий свист, посыпались ошметки горелого мяса. Ахмед, первым справившийся с собой, дернул старика за шиворот, поставил его на ноги и потащил за собой.

Они бежали вперед, спотыкаясь о шпалы и поднимаясь снова, не чувствуя боли. Держались друг за друга, потому что сквозь белесое марево нельзя было ничего разглядеть и на расстоянии вытянутой руки. Мчались так, как если бы им грозила не просто смерть, а нечто неизмеримо более страшное – окончательное, бесповоротное развоплощение, уничтожение и тел, и душ.

Невидимые и почти неслышные, но отстающие всего на шаг, демоны следовали за ними, сопровождая, но не атакуя, словно играя, давая иллюзию спасения.

Потом колотый мрамор стен сменился туннельными тубингами: им удалось выбраться с Нагорной! И стражи станции, будто до предела натянув цепи, на которые были посажены, остались позади. Но останавливаться было рано... Ахмед шагал первым, касаясь настенных труб, на шаривая путь вперед, и понукал запинаящегося, то и дело норовившего присесть старика.

– А что с бригадиром? – прохрипел Гомер, на ходу срывая душащий его противогаз.

– Туман кончится – встанем, подождем. Скоро уже должно быть, совсем скоро! Метров двести осталось... Выйти из тумана. Главное – выйти из тумана, – твердил Ахмед свое заклинание. – Буду шаги считать...

Ни через двести, ни через триста шагов окутывающее их марево не стало реже. «Что, если оно расплзлось до самой Нагатинской? – думал Гомер. – Что, если оно уже пожрало и Тульскую, и Нахимовский?»

– Не может быть... Должен... Немного осталось... – в сотый раз пробубнил Ахмед и вдруг застыл на месте.

Гомер с ходу налетел на него, и оба повалились наземь.

– Стена кончилась. – Ахмед ошарашенно гладил шпалы, рельсы, сырой и шершавый бетон пола, словно опасаясь, что земля вот-вот так же предательски исчезнет у него из-под ног, как только что в никуда провалилась другая опора.

– Да вот же она, что с тобой? – Гомер нащупал уклон тюбинга, ухватился за него и осторожно поднялся.

– Прости... – Ахмед помолчал, собираясь с мыслями. – Знаешь, там на станции... Я думал, никогда уже с нее не уйду. Оно так смотрело на меня... На меня смотрело, понимаешь. Оно решило меня взять. Я думал, навеки там останусь. И не похоронят.

Слова давались ему трудно, он долго не хотел выпускать их, стыдился своих бабьих воплей – и пытался их оправдать, и знал, что оправдания им быть не может. Гомер покачал головой.

– Брось. Я-то штаны вообще намочил, и что мне теперь? Пошли, сейчас уже и в самом деле близко должны быть.

Погоня отозвана, можно отдышаться. Да они и не могли больше бежать и теперь брели, так же подслеповато цепляясь за стены, шаг за шагом приближаясь к избавлению. Самое жуткое было позади, и пусть морок пока отказывался отступать, но рано или поздно хищные туннельные сквозняки покусают его, разорвут и уволочут по ключьям в вентиляционные колодцы. Рано или поздно они выйдут к людям и дождутся там своего задержавшегося командира.

Это случилось даже раньше, чем они могли надеяться, – может быть, потому, что в тумане и время, и пространство искажались? Попозла вдоль стены чугунная лесенка – подъем на платформу, круглое сечение туннеля сменилось прямоугольным, между рельсами появилась ложбинка-укрытие для упавших на пути пассажиров.

– Смотри-ка... – прошептал Гомер. – Кажется, станция! Станция!

– Эй! Есть тут кто? – что было сил заорал Ахмед. – Братки! Есть кто? – Его разбирал бессмысленный, торжествующий смех.

Пожелтевший, изможденный свет фонарей проявлял в мгlistой тьме обгрызенные временем и людьми настенные мраморные плиты; ни одна из цветных мозаик, гордости Нагатинской, не уцелела. И что случилось с облицованными камнем колоннами? Неужели...

Хоть Ахмеду никто не отвечал, он не отчаивался и продолжал взывать, веселиться: ясное дело, испугались тумана и сбежали подальше, но его-то этим уже не возьмешь. А Гомер все искал что-то беспокояно на стенах, облизывал их тускнеющим лучом, холодея от подозрений.

И вот наконец нашел – железные буквы, вкрученные в треснувший мрамор.

«НАГОРНАЯ».

* * *

Ее отец верил: возвращения никогда не бывают случайны. Возвращаются, чтобы изменить что-то, чтобы что-то исправить. Иногда сам Господь ловит нас за шкурку и возвращает в то место, где мы случайно ускользнули из-под его ока, чтобы исполнить свой приговор – или дать нам второй шанс.

Поэтому, объяснял отец, он никогда не сможет вернуться из изгнания на их родную станцию. У него не было больше сил, чтобы мстить, бороться, доказывать. Ему давно не нужно ничье раскаяние. В той старой истории, что стоила ему всей прежней жизни и чуть не стоила жизни вообще, каждый получил по заслугам, говорил он. Так получалось, что они обречены на вечную ссылку – исправлять Сашин отец ничего не хотел, а Господь на эту станцию не заглядывал.

План спасения – найти на поверхности не сгнившую за десятилетия машину, починить ее, заправить и вырваться из очерченного судьбой запретного круга, – давно превратился в сказку на ночь.

Для Саши был еще один путь назад, в большое метро. Когда она в условленные дни выходила к мосту, чтобы выменять починенные кое-как приборы, потемневшие украшения, заплесневелые книги на еду и несколько патронов, случалось, ей предлагали куда большее.

Высвечивая прожектором с дрезины ее чуть угловатую, мальчишескую фигурку, челноки перемигивались и причмокивали, подзывали и обещали. Девчонка казалась дикой – молча глядела на них исподлобья, напряженная, спрятав за спину длинный клинок. Просторный мужской комбинезон не мог смазать ее дерзко вычерченные линии. Грязь и машинное масло на лице заставляли ее голубые глаза сиять ярче, так ярко, что некоторые отводили взгляд. Белые волосы, безыскусно обрезанные тем самым ножом, который был всегда зажат в ее правой руке, еле прикрывали уши, прикушенные губы никогда не улыбались.

Быстро сообразив, что подачками волка прикормить невозможно, люди с дрезины пытались подкупить ее свободой, но она ни разу не ответила им. Они посчитали, что девчонка безъязыка. Так было даже проще. Саша прекрасно понимала: на что бы она ни согласилась, ей не купить два места на дрезине. К ее отцу у других слишком много счетов, и оплатить их невозможно.

Безликие и гундосые в своих черных военных противогазах, они не были для нее просто врагами – она не находила в них ничего человеческого, ничего, что могло бы заставить ее замечаться хотя бы ночью, хотя бы во сне.

Поэтому она просто клала на шпалы телефоны, утюги, чайники, отходила на десять шагов назад и ждала, пока челноки заберут товар и швырнут на пути свертки с вяленой свининой и назло рассыпят пригоршню патронов – поглядеть, как она будет, ползая, собирать их.

Потом дрезина медленно отчаливала и уходила в настоящий мир, а Саша разворачивалась и шла домой, где ее ждала гора поломанных приборов, отвертка, паяльник и превращенный в динамо-машину старый велосипед. Она седлала его, закрывала глаза и мчалась далеко-далеко, почти не думая о том, что никогда не тронется с места. И то, что она сама приняла решение отказаться от помилования, придавало ей сил.

* * *

Какого дьявола?! Каким образом их снова занесло сюда? Гомер лихорадочно пытался найти объяснения случившемуся. Ахмед вдруг заткнулся – увидел, куда светит Гомер своим фонарем.

– Она не отпускает меня... – севшим, почти неслышным голосом протянул он.

Обступившая их мгла сгустилась настолько, что они еле видели друг друга. Задремавшая в отсутствие людей, теперь Нагорная очнулась: тяжелый воздух отзывался на их слова неуловимыми колебаниями, и неясные тени пробуждались в ее глубине. И никаких следов Хантера... Существо из плоти и крови нельзя победить в сражении с фантомами. Как только станции надоело играть с ним, она обволокла его своим едким дыханием и переварила заживо.

– Ты уходи, – обреченно выдавил Ахмед. – Это я нужен. Ты не знаешь, ты здесь редко бываешь.

– Хватит чушь молоть! – неожиданно для самого себя громко рявкнул на него старик. – Просто в тумане заплутали. Пошли обратно!

– Мы не сможем уйти. Как ни беги, обратно вернешься, если со мной будешь. Один прорвешься. Уходи, прошу.

– Все, довольно! – Гомер схватил Ахмеда за кисть и потянул за собой, к туннелю. – Через час меня благодарить будешь!

– Передай моей Гуле... – начал тот.

И невероятная, чудовищная сила вырвала его руку из руки Гомера – резко вверх, в туман, в небытие. Он не успел вскрикнуть – просто исчез, будто в миг распался на атомы, будто никогда и не существовал. За него истошно завопил старик – словно обезумев, кружась вокруг своей оси, растрачивая драгоценные патроны рожок за рожком.

Потом на его затылок обрушился сокрушительный удар, какой мог нанести только один из здешних демонов, и Вселенная схлопнулась.

Глава 5. Память

Саша подбежала к окну и распахнула ставни, впуская внутрь свежий воздух и робкий свет. Дощатый подоконник нависал прямо над бездонной пропастью, заполненной нежным утренним туманом. С первыми лучами солнца он рассеется, и из окна станет видно не только ущелье, но и поросшие соснами дальние горные отроги, и расстилающиеся меж ними зеленые луга, спичечные коробки рассыпанных в долине деревенских домов и гильзы колоколен.

Раннее утро было ее временем. Она предчувствовала восход и опережала солнце, просыпаясь за полчаса, чтобы успеть подняться на гору. За их хибаркой, небольшой, но вылизанной до блеска, теплой и уютной, вверх по склону змеилась каменистая тропа, окаймленная ярко-желтыми цветами. Крошка под ногами сползала вниз, и за несколько минут до вершины горы Саша иногда успевала упасть несколько раз, ссаживая колени.

Задумавшись, Саша вытерла рукавом подоконник, влажный от дыхания ночи. Ей снилось что-то мрачное, нехорошее, перечеркивающее всю ее беззаботную нынешнюю жизнь, но остатки беспокойных видений испарились с первым же прикосновением к ее коже легкого прохладного ветра. И сейчас ей было лень вспоминать, что так огорчило ее во сне. Нужно было торопиться на вершину, поприветствовать солнце, а после, скользя вниз по тропе, спешить домой – готовить завтрак и будить отца, собирать узелок ему в дорогу.

А потом целый день, пока он будет охотиться, Саша окажется предоставлена сама себе – и до ужина сможет гонять неповоротливых стрекоз и летающих тараканов среди луговых цветов, желтых, как линкруст в вагонах.

Она прокралась на цыпочках по скрипучим половицам, приоткрыла дверь и тихонько засмеялась.

Вот уже несколько лет, как Сашин отец не видел на ее лице такой счастливой улыбки, и ему ужасно не хотелось ее будить. Нога затекла и онемела, кровь никак не останавливалась. Говорят, раны от укусов бродячих псов не заживают...

Позвать ее? Но его не было дома больше суток – прежде чем отправиться к гаражам, он решил забраться в панельный термитник в двух кварталах от станции, вскарабкался на шестнадцатый этаж и там потерял сознание. Все это время Саша не сомкнула глаз – дочь никогда не засыпала, пока он не возвращался с «прогулки». «Пусть отдохнет, – думал он. – Врут все. Ничего с ним не случится».

Хотелось бы ему знать, что именно она сейчас видит. У него самого почему-то не получалось забыться даже во сне. Лишь изредка подсознание отпускало его на пару часов на побывку в безмятежную юность. Обычно же ему приходилось скитаться среди знакомых мертвых домов с выскобленными внутренностями, и хорошим сном считался тот, в котором ему вдруг удавалось найти нетронутую квартиру, полную чудом уцелевшей техники и книг.

Засыпая, он просился в прошлое. Мечтал попасть хотя бы в ту пору, когда только встретился с Сашиной матерью, когда ему было всего двадцать, а он уже командовал гарнизоном станции. Станции, которая тогда казалась всем ее жителям лишь временным пристанищем, а не общим бараком на каторжных рудниках, где они отбывают пожизненное заключение.

Но вместо этого его швыряло в прошлое недалекое. В гущу событий пятилетней давности. В день, определивший его судьбу – и, что еще страшнее, судьбу его дочери. Разумом он смирился и со своим поражением, и со ссылкой, но стоило тому задремать, как сердце принималось требовать реванша.

...Он снова стоял перед шеренгой своих бойцов с «калашниковым» наперевес – в той ситуации из положенного ему по чину офицерского «макарова» можно было бы разве что

застрелиться. Кроме двух десятков автоматчиков за его спиной, на станции больше не оставалось верных ему людей.

Толпа бурлила, прибывала, десятками рук раскачивала заграждения; нестройное многоголосье, повинувшись взмахам невидимой ему дирижерской палочки, перерастало в слаженный хор. Пока они требовали всего лишь его отставки, но спустя минуты им будет нужна уже его голова.

Это была не стихийная демонстрация, тут действовали засланные извне провокаторы. Пытаться вычислить и ликвидировать их по одному уже не имело смысла. Единственное, что он мог сейчас сделать, чтобы остановить мятеж, чтобы удержать власть, – приказать открыть огонь по толпе. Было еще не поздно.

Его пальцы сжались вокруг незримой рукояти, зрачки беспокойно бегали под припухшими веками, губы шевелились, отдавая неслышные приказы. Черная лужа, в которой он лежал, разрасталась с каждой минутой, будто подпитывалась его уходящей жизнью.

* * *

– Где они?!

Выдернутый из темного озера забвения, Гомер затрепыхался, словно пойманный на блесну окунь, судорожно вдыхая и вперив в бригадира ополоумевший взгляд. Мутные громады сумеречных циклопов, стражей Нагорной, все еще толпились перед ним, тянули к нему длинные, многосуставчатые пальцы, способные без труда вырвать ногу или продавить ребра. Они окружали старика каждый раз, когда он закрывал глаза, и неспешно, нехотя рассеивались, когда открывал вновь.

Гомер попытался вскочить, но чужая рука, чуть сжимавшая его плечо, снова превратилась в тот стальной крюк, который вытянул его из кошмара. Постепенно умирив дыхание, он сфокусировался на иссеченном лице, на темных, масляным машинным блеском отсвечивающих глазах... Хантер! Живой? Старик осторожно повел головой влево, потом вправо, боясь снова обнаружить себя на заколдованной станции.

Нет, они находились посреди пустого, чистого туннеля – туман, застывший подступы к Нагорной, тут был почти невидим. Должно быть, Хантер тащил его на себе не меньше полукилометра, озадаченно прикинул Гомер. Успокоенный, он обмяк и повторил на всякий случай:

– Где они?

– Здесь никого нет. Ты в безопасности.

– Эти создания... Они напали на меня? Оглушили? – Старик поморщился, потирая саднящий бугор на макушке.

– Я тебя ударил. Пришлось, чтобы прекратить истерику. Ты мог меня задеть.

Хантер наконец разжал тиски, туго распрямился и скользнул рукой по широкому офицерскому ремню. По другую сторону от кобуры со «стечкиным» на нем висел кожаный футляр неизвестного назначения. Бригадир щелкнул кнопкой и извлек из него плоскую медную фляжку. Взболтнул, открыл и, не предложив Гомеру, сделал большой глоток. Зажмурился на секунду, словно от удовольствия... Старик ощутил легкий холодок, видя, что левый глаз у бригадира даже не может толком закрыться.

– А где Ахмед? Что с Ахмедом? – вспомнил Гомер, и его снова затрясло.

– Умер, – равнодушно сказал бригадир.

– Умер, – послушно повторил за ним старик.

Когда чудище вырвало руку товарища из его руки, он понял: из этих когтей не сможет вывернуться ни одна живая душа. Гомеру просто повезло, что выбор Нагорной пал не на него.

Старик огляделся еще раз – поверить, что Ахмед исчез навсегда, сразу не выходило. Гомер усталился на свою ладонь – ободранную и кровоточащую. Не удержал. Ему не хватало воздуха.

– А ведь Ахмед знал, что обречен, – тихонько произнес он. – Почему именно его забрали, не меня?

– В нем много жизни было, – отозвался бригадир. – Они человеческими жизнями питаются.

– Несправедливо, – помотал головой старик. – У него дети маленькие, его столько тут держит! Держало... А я – перекасти-поле.

– А ты бы стал мох жрать? – обрубил разговор Хантер, рывком поднимая Гомера на ноги. – Все, пойдем. Можем не успеть.

Семена вслед за перешедшим на рысь Хантером, старик ломал себе голову: как же могло получиться, что они вернулись на Нагорную? Будто хищная орхидея, станция одурманила их своими миазмами и заманила обратно в себя. Назад они ни разу не поворачивали – за это Гомер мог ручаться. Он был уже готов поверить в искривления пространства, о которых сам так любил рассказывать легковым товарищам по дозору, но все оказалось куда проще. Остановившись, старик хлопнул себя по лбу: пошерстный съезд! В нескольких сотнях метров за Нагорной между стволами правого и левого туннелей прорастала одноколейная ветка для разворота составов. Она уходила вбок под малым углом, и, идя вслепую по стенке, они просто сперва выбрались на параллельный путь, а потом – когда стена пропала – по ошибке снова свернули к станции. «Никакой мистики», – неуверенно подумал Гомер. Но нужно было прояснить еще кое-что.

– Эй! – окликнул он Хантера. – Постой!

Однако тот, будто глухой, продолжал маршировать вперед, и старику пришлось, борясь с одышкой, самому прибавить шаг. Поравнявшись, пытаясь заглянуть бригадиру в глаза, Гомер выпалил:

– Почему ты нас бросил?

– Я – вас?

В бесстрастном, металлическом голосе старику послышалась усмешка, и он прикусил язык. Действительно, ведь это они с Ахмедом бежали со станции, оставив бригадира наедине с демонами...

Вспоминая, как яростно и как бесплодно Хантер сражался на Нагорной, Гомер никак не мог освободиться от впечатления, что обитатели станции просто не приняли боя, который он старался им навязать. Побоялись? Или почувствовали в нем родственную душу... Старик набрался храбрости: оставался еще один вопрос, самый непростой.

– Скажи, Хантер, там, на Нагорной... Тебя-то они почему не тронули?

Прошло несколько тягостных минут, – настаивать Гомер не отваживался, – прежде чем тот еле слышно дал ему короткий, угрюмый ответ:

– Побрезговали.

* * *

Красота спасет мир, шутил ее отец.

Саша краснела и прятала разрисованный пакетик из-под чайной крошки в нагрудный карман своего комбинезона. Пластиковый квадратик, вопреки всему хранивший далекий отголосок аромата зеленого чая, был ее главным сокровищем. А еще он был напоминанием о том, что Вселенная не ограничивалась безглавым туловищем их станции с четырьмя обрубками туннелей, закопанным на глубине двадцати метров в городе-кладбище Москве. И магическим порталом, способным переносить Сашу сквозь десятки лет и тысячи километров. И чем-то еще неизмеримо важным.

В здешнем сыром климате любая бумага, как чахоточная, стремительно увядала. Тлен и плесень изъедали не просто книги и журналы – они уничтожали само прошлое. Без изображений и хроник, как без костылей, хромая человеческая память спотыкалась и путалась.

Но пакетик был сделан из пластика, плесени и времени неподвластного. Отец как-то говорил Саше, что пройдет несколько тысячелетий, прежде чем он начнет разлагаться. Значит, ее потомки смогут передавать его по наследству, думала она.

Это была самая настоящая картина, пусть и миниатюрная. В золотой рамке, такой же яркой, как и в тот день, когда пакетик сошел с конвейера, был заключен вид, от которого у Саши перехватывало дыхание. Отвесные скалы, утопленные в мечтательной дымке, раскидистые сосны, цепляющиеся за почти вертикальные склоны, бурлящие водопады, обрушивающиеся с высоты в пропасть, алое зарево от вот-вот взойдущего солнца... Ничего прекраснее Саша в своей жизни не видела.

Она могла подолгу сидеть, расправив пакетик на ладони, любуясь им, и взор ее затягивался той же предрассветной дымкой, что окутывала далекие горы. И хоть она проглатывала все добытые отцом книги, прежде чем продать их за патроны, ей не хватало вычитанных там слов, чтобы описать ему, что именно она чувствует, когда смотрит на сантиметровые скалы и дышит хвоей рисованных сосен. Несбыточность этого воображаемого мира – и потому его невероятную притягательность... Сладкую тоску и вечное предвкушение того, что впервые увидит солнце... Нескончаемое перебирание – что же может скрываться за дурацкой табличкой с названием чайной марки? Необычное дерево? Орлиное гнездо? Лепящийся к склону домишко, в котором она могла бы жить вместе с отцом?

Именно он однажды, когда Саше не было и пяти, принес ей этот пакетик, тогда еще полный – большая редкость! Хотел удивить дочку настоящим чаем, но она выпила его мужественно, как лекарство, а вот пластиковая упаковка ее почему-то действительно поразила. Ему же тогда пришлось и объяснять ей, что изображено на незатейливом лубке. Условный пейзаж китайской горной провинции, пригодный как раз для печати на чайных пачках. Но Саша и десять лет спустя разглядывала его так же зачарованно, как в тот день, когда только получила подарок.

А отец считал, что пакетик был для Саши жалким эрзацем целого мира.

И когда она впадала в блаженный транс, созерцая кое-как намалеванную фантазию неудавшегося художника, отцу казалось: дочь корит его за свою куцую, бескровную жизнь. Он всегда пытался унять зуд, но сдерживаться долго не мог. Плохо скрывая раздражение, он в сотый раз спрашивал Сашу, что такого она нашла в обрывке упаковки из-под грамма чайной трухи.

А та, поспешно пряча маленький шедевр в карман комбинезона, неловко отвечала: «Папа... Мне так красиво!»

* * *

Если бы не Хантер, ни на секунду не остановившийся больше до самой Нагатинской, Гомер потратил бы на этот путь втрое больше. Он-то никогда не рискнул бы так самоуверенно нестись сквозь эти туннели.

Их отряду пришлось уплатить страшную пошлину за транзит через Нагорную – но двое из троих спаслись. Выжили бы и все трое, не заблудись они в тумане. Плата была не выше обычной; ни на Нахимовском проспекте, ни на Нагорной при них не происходило ничего, что не случилось бы там прежде.

Значит, дело в перегонах, которые вели к Тульской? Сейчас они притихли, но тишина была нехорошая, напряженная. Да, Хантер чуял опасность за сотни метров, знал, чего ждать на

станциях, где никогда не бывал, но не предаст ли в этих местах его интуиция, как она подвела до того десяток опытейших бойцов?

Возможно, именно Нагатинская, к которой они приближались с каждым шагом, скрывала разгадку тайны? Насилу удерживая мысли, сбивавшиеся от слишком быстрого шага, Гомер пытался представить себе, что могло ждать их на станции, которую он раньше так любил. Старик, баловавший себя коллекционированием мифов, запросто мог вообразить и то, что на Нагатинской развернулось легендарное Сатанинское посольство, и что ее сгрызли крысы, мигрирующие в поисках пищи по собственным, недоступным для людей туннелям.

Да, окажись старик в этих перегонах один, он двигался бы куда медленнее, но вот назад он не повернул бы ни за что. За годы, проведенные на Севастопольской, он разучился бояться смерти. Гомер отправился в это путешествие, хорошо зная, что оно может стать последним его приключением, и был вполне готов отдать за него все остававшееся ему время.

Всего через полчаса после встречи с чудовищами на Нагорной он уже не помнил своего ужаса. Больше того, прислушиваясь к себе сейчас, он начинал улавливать на дне своей души неясное, несмелое шевеление: где-то там зарождалось – или просыпалось – то, чего он так ждал и о чем просил. То, что он искал в самых опасных походах, не находя этого дома.

Теперь у него была очень веская причина изо всех сил оттягивать смерть. Он мог позволить себе ее только после того, как завершит свою работу.

Последняя война была яростней любой из предыдущих и потому закончилась в считанные дни. Со времени Второй мировой сменились три поколения, ее последние ветераны уснули навек, и в памяти живущих не осталось подлинного страха перед войной. Из массового помешательства, лишавшего миллионы людей всего человеческого, она вновь превратилась в стандартный политический инструмент. Ставки росли слишком быстро, на принятие верных решений просто не хватило времени. Табу на применение ядерных боеголовок оказалось преодолено между делом, в запале: просто ружье, повешенное на стену в первом акте драмы, все-таки выстрелило в предпоследнем. И уже неважно было, кто нажал сакральную кнопку первым.

Единоновременно все крупные города Земли обратились в руины и пепел. Те немногие, что были прикрыты противоракетным щитом, тоже испустили дух, хоть с виду и оставались почти нетронутыми: жесткое излучение, боевые отравляющие вещества и бактериологическое оружие истребили их население. Хрупкая радиосвязь, установившаяся было между горстками выживших, окончательно прервалась всего через несколько лет, и для обитателей метро мир отныне заканчивался пограничными станциями на обжитых линиях.

Земля, прежде казавшаяся изученной и тесноватой, вновь стала тем безбрежным океаном хаоса и забвения, каким она была в древности.

Крошечные островки цивилизации один за другим уходили в его пучину: лишенный нефти и электричества, человек стремительно дичал.

Наступала эпоха безвременья.

Ученые столетиями бережно восстанавливали ткань истории из лоскутков найденных папирусов и пергаментов, обрывков кодексов и фолиантов. С изобретением печати, с появлением газет это полотно продолжили ткать из газетных хроник типографские станки. В летописях последних двух веков не было прорех: каждый жест и каждое междометие тех, кто вершил судьбы мира, тщательно документировались. И вдруг в одночасье типографии по всему миру были разрушены или брошены навсегда.

Ткацкие станки истории встали. В мире без будущего мало кому было до нее дело. Материя оборвалась, оставив целой лишь одну тонкую нить.

В первые несколько лет после катастрофы Николай Иванович рыскал по переполненным станциям, отчаянно надеясь найти на одной из них свою семью. Надежда ушла, но он, осиро-

тевший и потерянный, продолжал блуждать в потемках метрополитена, не зная, чем занять себя в загробной жизни. Ариаднин клубок смысла существования, который мог бы указать ему верную дорогу в нескончаемом лабиринте туннелей, выпал из его рук.

Тоскуя по прежним временам, он стал собирать журналы, которые позволяли ему повспоминать, замечтаться. Размышляя, можно ли было предотвратить Апокалипсис, он увлекся хрониками и газетной аналитикой. Потом и сам стал пописывать, подражая новостным сводкам и рассказывая о событиях на тех станциях, где бывал.

И так случилось, что вместо своей утраченной путеводной нити Николай Иванович подобрал другую, ту самую: он решил сделаться летописцем. Автором новейшей истории – от Конца света и до собственного конца. Беспорядочное и бесцельное собирательство обрело смысл: теперь он должен был кропотливо реставрировать поврежденное полотно времени и вручную продолжать его.

Остальные к увлечению Николая Ивановича относились как к безобидному чудачеству. Он с готовностью отдавал продовольственный паек за старые газеты и переоборудовал свой угол на каждой станции, куда его заносила судьба, в настоящий архив. Он ходил в дозоры, потому что именно у костра на трехсотом метре суровые мужчины принимались как мальчишки травить байки, из которых Николай Иванович мог выудить крупницы достоверной информации о том, что происходило в других концах метро. Сличал десятки сплетен, чтобы вычленил из них факты, которые аккуратно подшивал в ученические тетради.

Работа позволяла ему отвлечься, но Николая Ивановича никак не покидало чувство, что делает он ее втуне. После его смерти сухие новостные сводки, бережно собранные им в гербарии тетрадок, просто рассыплются в прах без надлежащего ухода. Если он не вернется однажды с дежурства, его газетами и летописями примутся разжигать огонь, и их не хватит надолго.

От потемневшей с годами бумаги останутся дым и сажа, атомы образуют новые соединения, обретут иную форму. Материя почти неуничтожима. А вот то, что он хотел сберечь для потомков, то неуловимое, эфемерное, что ютилось на бумажных листах, сгинет навеки, окончательно.

Так уж устроен человек: содержание школьных учебников живет в его памяти ровно до выпускных экзаменов. И забывая зазубренное, он испытывает неподдельное облегчение. «Память человеческая подобна песку в пустыне, – думал Николай Иванович. – Цифры, даты и имена второстепенных государственных деятелей остаются в ней не дольше, чем запись, сделанная деревянной палкой на бархане. Заносит без следа».

Чудесным образом сохраняется только то, что способно завладеть людской фантазией, заставить сердце биться чаще, побуждая додумывать, переживать. Захватывающая история великого героя и его любви может пережить историю целой цивилизации, вирусом внедрясь в человеческий мозг и передаваясь от отцов к детям через сотни поколений.

Когда старик наконец понял это, из самозваного ученого он стал сознательно превращаться в алхимика, из Николая Ивановича – в Гомера. И свои ночи он посвящал теперь не составлению хроник, а поискам формулы бессмертия. Сюжета, который оказался бы живучим, как Одиссея, героя, который долголетием сравнялся бы с Гильгамешем. На этот сюжет Гомер постарался бы нанизать накопленные им знания... И в мире, где вся бумага была переведена на тепло, где прошлым с легкостью жертвовали ради единственного мгновения в настоящем, легенда о таком герое могла бы заразить людей и спасти их от повальной амнезии.

Однако заветная формула не давалась ему. Герой никак не хотел появляться на свет. Переписывание газетных статей не могло научить старика слагать мифы, вдыхать жизнь в големов, делать выдумку увлекательнее реальности. Вырванные и скомканные листы с незавершенными первыми главами будущей саги, с неубедительными и нежизнеспособными персонажами делали его рабочий стол похожим на абортарий. Единственным итогом ночных бдений были темные круги под глазами и искусанные губы.

И все же Гомер не хотел отказываться от своего нового предназначения. Он старался не думать, что просто не рожден для этого, что для созидания вселенных нужен талант, которым его обделили.

Просто нет вдохновения, убеждал он себя.

И откуда бы ему взяться на душевной станции, среди рутины семейных чаепитий, сельхозработ и даже дозоров, куда его по возрасту брали все реже? Нужна была встряска, приключение, накал страстей. Быть может, тогда закупоренные протоки в его сознании прорвет и он сможет творить?

Даже в самые трудные времена люди никогда не покидали Нагатинскую совсем. Она была мало пригодна к обитанию: здесь ничего не росло, и выходы наверх были перекрыты. Но многим станция пригодились, чтобы на время скрыться с глаз долой, пересидеть опалу, уединиться с любимой.

Сейчас она была пуста.

Хантер беззвучно взлетел по неисправимо скрипучей лестнице на платформу и остановился. Гомер, пытаясь, последовал за ним, опасливо озираясь по сторонам. Зал был темен, а в воздухе висела пыль, серебристо переливаясь в лучах фонарей. Редкие кучи тряпья и картона, на которых обычно располагались гости Нагатинской, были разметаны по полу.

Старик прислонился спиной к колонне и медленно съехал вниз. Когда-то Нагатинская с ее изящными цветными панно, набранными из мрамора разных сортов, была одной из его любимых станций. Но, темная и неживая, она походила на себя прежнюю не больше, чем керамическое фото на надгробии – на того человека, что снимался сто лет назад на паспорт, не предполагая, что глядит не в объектив, а в вечность.

– Ни души, – растерянно протянул Гомер.

– Одна есть, – возразил бригадир, кивая на него.

– Я имею в виду... – начал старик, но Хантер остановил его жестом.

В другом конце зала, там, где заканчивалась колоннада и куда еле добивал даже прожектор бригадира, на платформу неспешно выползло что-то...

Гомер завалился набок и, упершись руками в пол, тяжело поднялся. Фонарь Хантера погас, а сам бригадир словно испарился. Потряса от страха, старик нашарил предохранитель и вдавил в плечо бьющийся в припадке приклад автомата. Вдалеке хлопнуло еле слышно два выстрела. Гомер, осмелев, высунулся из-за колонны, а потом заторопился вперед.

Посреди платформы, распрямившись, стоял Хантер, а у него в ногах корчилась смутная фигура, сникшая, жалкая. Будто сложенная из коробок и лохмотьев, она мало чем напоминала человека, но все же им являлась. Безвозрастный и бесполой, такой грязный, что на его лице были хорошо различимы только глаза, он нечленораздельно скулил и пытался отползти от вышающего над ним бригадира. Судя по всему, обе ноги у него были прострелены.

– Где люди? Почему здесь никого нет? – Хантер поставил сапог на шлейф вонючих рваных тряпок, волочившийся за бродягой.

– Все ушли... Меня бросили. Один остался, – просипел тот, гребя ладонями по скользкому граниту, но не сдвигаясь с места.

– Куда ушли?

– На Тульскую....

– Что там творится? – встрял подоспевший Гомер.

– Откуда мне знать? – скривился бездомный. – Кто туда ушел, там и сгинул. У них и спрашивай. А у меня нет сил по туннелям шататься. Я тут помру.

– Почему уходили? – не отступал бригадир.

– Страшно им было, начальник. Станция пустеет. Решили прорываться. Никто не вернулся.

– Совсем? – Хантер поднял ствол.

– Совсем. Один только, – поправился бродяга, замечая наведенное дуло и съеживаясь, как муравей под линзой. – На Нагорную шел. Я спал. Может, показалось.

– Когда?

– У меня часов нет, – тот замотал головой. – Может, вчера, а может, неделю назад.

Вопросы иссякли, но пистолетный ствол по-прежнему глядел допрошенному в глаза. Хантер молчал, словно у него внезапно кончился завод. И странно тяжело дышал, как если бы разговор с бродягой отнял у него слишком много сил.

– Можно мне... – начал бездомный.

– На, жри! – прорычал бригадир и, прежде чем Гомер успел сообразить, что происходит, дважды спустил курок.

Черная кровь из простреленного лба залила распахнутые глаза несчастного, и, прибитый пулями к земле, он вновь превратился в грудку тряпья и картона. Не поднимая глаз, Хантер пополнил обойму «стечкина» четырьмя патронами и спрыгнул на пути.

– Скоро все сами узнаем! – крикнул он старику.

Гомер наклонился над телом, забыв о брезгливости, взял кусок ткани и прикрыл им расколотую голову бомжа. Его руки все еще дрожали.

– Почему ты его убил? – слабо выговорил он.

– Спроси себя, – глухо ответил Хантер.

* * *

Теперь, даже собрав всю волю в кулак, он мог только опустить и поднять веки. Странно, что он вообще очнулся... За тот час, пока он находился в забытии, онемение ледяной коркой покрыло все его тело. Но его язык присох к нёбу, а грудь будто придавила пудовая гиря. Он даже не мог попрощаться с дочерью, а ведь это было единственным, для чего стоило приходить в себя, так и не доведя до конца тот давний бой.

Саша больше не улыбалась. Теперь ей снилось что-то тревожное, она свернулась клубком на своей лежанке, обняв себя руками, нахмурившись. С детских лет отец будил ее, если видел, что дочь мучают кошмары, но сейчас его сил хватало только на то, чтобы медленно моргать.

Потом и это стало слишком утомительно.

Чтобы дождаться, пока Саша проснется, ему нужно было продолжать бороться. Он не прекращал борьбу все двадцать с лишним лет, каждый день, каждую минуту, и чертовски от нее устал. Устал сражаться, устал прятаться, устал охотиться. Доказывать, надеяться, врать.

В его смеркающемся сознании оставалось всего два желания: он хотел еще хоть раз взглянуть Саше в глаза и жаждал обрести покой. Но не получалось... Перемежаясь с действительностью, перед его взором вновь мелькали образы из прошлого. Нужно было принять окончательное решение. Сломить или сломиться. Покарать или покаяться.

...Гвардейцы сомкнули ряды. Каждый из них был ему лично предан. Любой был готов сейчас и умереть, растерзанный толпой, и стрелять в безоружных. Он – комендант последней непобежденной станции, президент уже несуществующей конфедерации. Для них его авторитет непререкаем, а сам он непогрешим, и любой его приказ будет исполнен немедленно, без размышлений. Он примет на себя ответственность за все, как делал всегда.

Отступи он сейчас, станцию поглотит анархия, а потом ее присоединят к раздувающейся на глазах красной империи, выкипающей за свои изначальные границы, подминающей под себя все новые территории. Прикажи он открыть огонь по демонстрантам, власть останется в его руках – на время. А может быть, если он не остановится перед массовыми казнями, перед пытками, – и навсегда.

Он вскинул автомат, и спустя миг строй синхронно повторил его движение. В ложбинке прицела бесновалась толпа, не сотни собравшихся вместе людей, а безликое человеческое месиво. Оскаленные зубы, вытаращенные глаза, сжатые кулаки.

Он клацнул затвором, и строй откликнулся тем же.

Пора было наконец взять судьбу за шиворот.

...Подняв ствол вверх, он нажал крючок, и с потолка посыпалась известь. Толпа на мгновение стихла, и, дав бойцам сигнал опустить оружие, он сделал шаг вперед. Это был его окончательный выбор.

И память наконец отпустила его.

Саша все еще спала. Он сделал последний вдох, хотел взглянуть на нее в последний раз, да так и не сумел поднять веки. Однако вместо вечной, непреходящей тьмы он увидел перед собой немыслимо голубое небо – ясное и яркое, как глаза его дочери.

* * *

– Стоять!

От неожиданности Гомер чуть не подскочил на месте и поднял руки вверх, но тут же одернул себя. Гнусавый мегафонный окрик, долетевший из глубины туннеля, застал врасплох его одного. Бригадир же ничуть не удивился: сжавшись, как кобра перед броском, он еле заметно тащил из-за спины тяжелый автомат.

Хантер не только не дал ответа на его вопрос, но и вообще перестал говорить со стариком. Полтора километра от Нагатинской до Тульской показались Гомеру нескончаемыми, как путь на Голгофу. Он знал, что этот перегон почти наверняка приведет его к гибели, и принудить себя шагать быстрее было непросто. По крайней мере, сейчас было время подготовиться, и Гомер занял себя воспоминаниями. Думал о Елене, стегал себя за эгоизм, просил у нее прощения. Со светлой грустью возвращался в тот волшебный день на Тверской под легким летним дождем. Жалел, что перед уходом не распорядился своими газетами.

Он приготовился умереть – быть разорванным чудовищами, сожранным огромными крысами, отравленным выбросами... Какие еще объяснения он мог дать тому, что Тульская преобразилась в черную дыру, всасывающую в себя все извне и ничего не выпускающую обратно?

И теперь, когда на подступах к таинственной Тульской он слышал обычный человеческий голос, он больше не знал, что думать. Простой захват станции? Но кто мог в пыль перемолоть несколько севастопольских штурмовых групп, кто стал бы поголовно уничтожать всех бродяг, которые тянулись на станцию из туннелей, не позволяя уйти ни женщинам, ни старикам?

– Тридцать шагов вперед! – послышался далекий голос.

Он был поразительно знакомым, и, дай Гомеру время, он смог бы определить, кому он принадлежал. Кому-то из севастопольских?!

Хантер, убаюкивая на руках свой «калашников», принялся покорно отсчитывать шаги: на тридцать бригадирских старик сделал все пятьдесят. Впереди смутно виднелась баррикада, словно нагроможденная из случайных предметов. Светом ее защитники почему-то не пользовались...

– Погасить фонари! – скомандовал кто-то из-за завала. – Один из вас двоих – еще двадцать шагов сюда.

Хантер щелкнул выключателем и двинулся дальше. Гомер, снова оставшийся один, не посмел послушаться. В наступившей темноте он от греха подальше присел на шпалу, осторожно нащупал стену и прижался к ней.

Шаги бригадира стихли на отмеренном расстоянии. Раздались голоса: кто-то неразборчиво допрашивал его, он отрывисто лаял в ответ. Обстановка накалялась: сдержанные, хотя и напряженные тона сменились бранью и угрозами. Кажется, Хантер чего-то требовал от невидимых стражников, а те отказывались подчиняться.

Они теперь уже чуть ли не в голос орали друг на друга, и Гомеру показалось, что он вот-вот начнет различать слова... Однако услышать он сумел лишь одно, последнее:

– Кара!

Но тут, перебивая людей, застучал автомат, а ему навстречу тяжело громыхнула очередь из армейского «Печенега». Старик бросился наземь, передергивая затвор, не зная, стрелять ли ему, и если да, то в кого. Но все было кончено раньше, чем он успел прицелиться.

Заполняя краткие паузы в пулеметной морзянке, чрево туннеля издало протяжный скрежет, который Гомер не перепутал бы ни с чем.

Звук закрывающихся гермоворот! И, в подтверждение его догадки, впереди гулко ухнули, становясь в паз, тонны стали, разом наглухо отсекая крики и грохот выстрелов.

Перекрывая единственный выход в большое метро.

Лишая Севастопольскую последней надежды.

Глава 6. С другой стороны

Через миг Гомер уже был готов поверить, что все это ему почудилось: и нечеткий абрис баррикад в конце туннеля, и вроде бы знакомый голос, искаженный старым мегафоном. Вслед за светом погасли все звуки, и теперь он чувствовал себя приговоренным, которому перед казнью надели на голову мешок. В непроглядной тьме и внезапно обрушившейся тишине мир будто исчез. Гомер на всякий случай притронулся к своему лицу, убеждаясь, что сам он еще не растворился в этой космической черноте.

Потом, спохватившись, нашарил фонарик и пустил дрожащий луч впереди себя – туда, где минутами раньше разыгралось невидимое сражение. Метрах в тридцати от места, где он пережидал бой, туннель заканчивался тупиком. Перекрывая проход во всю его ширину и высоту, словно упавший нож гильотины, перегон перерезала огромная стальная створка.

Он не ослышался: кто-то действительно привел в действие гермозатвор. Гомер знал о нем, но не думал, что его все еще можно использовать. Оказалось, вполне.

Его ослабшие от бумажной работы глаза не сразу обнаружили человеческую фигуру, упавшую к железной стене. Гомер выставил вперед автомат и попятился, решив, что это один из людей *с той стороны* в неразберихе остался за бортом, но потом узнал в человеке Хантера.

Он не двигался. Покрываясь испариной, старик заковылял к бригадиру, ожидая увидеть кровавые подтеки на ржавеющем металле... Но нет. Хоть его и расстреливали в упор из пулемета посреди голого туннеля, Хантер был невредим. Прикинув своим оплавленным ухом к металлу, он впитывал одному ему слышные шумы.

– Что произошло? – осторожно спросил Гомер, приближаясь.

Бригадир не замечал его. Он что-то нашептывал – но шептал сам себе, повторяя слова за теми, кто остался за закрывшимися воротами. Прошло несколько минут, пока он оторвался от стены и обернулся к Гомеру.

– Мы возвращаемся.

– Что случилось? – повторил тот.

– Там бандиты. Необходимо подкрепление.

– Бандиты? – растерянно переспросил старик. – Мне показалось, я слышал...

– Тульская занята врагом. Надо брать. Нужны огнеметчики.

– Почему огнеметчики? – Гомер вконец запутался.

– Для надежности. Мы возвращаемся. – Хантер развернулся и зашагал прочь.

Прежде чем последовать за ним, старик внимательно осмотрел гермоворот и прильнул к холодной стали, надеясь тоже подслушать обрывок разговора. Тишина...

Гомер поймал себя на том, что не верит бригадиру. Кем бы ни был тот враг, что захватил станцию, вел он себя совершенно необъяснимо. Кому пришло бы в голову использовать гермозатворы, только чтобы уберечься от двух человек? Какие бандиты стали бы вступать в долгие переговоры с вооруженными людьми на пограничном посту, вместо того чтобы просто изрешетить их еще на подходах?

В конце концов, что могло означать зловещее слово «кара», оброненное загадочными стражниками?

* * *

Ничего нет ценнее человеческой жизни, говорил Сашин отец. Для него это были не пустые слова и не азбучная истина. Когда-то отец так совсем не думал, недаром ведь он стал самым молодым боевым командиром на линии.

Когда тебе двадцать, и к убийству, и к смерти относишься куда легкомысленнее, да и вся жизнь кажется игрой, которую, если что, можно начать заново. Неслучайно все армии мира укомплектовывались вчерашними школьниками. А вот распоряжался играющими в войну юнцами тот, кто умел видеть в тысячах дерущихся и гибнущих людей – синие и красные стрелочки на картах. Тот, кто умел забывать об оторванных ногах, о вывороченных кишках и разваливающихся черепных коробках, принимая решение пожертвовать ротой или полком.

Когда-то ее отец с пренебрежением относился и к своим врагам, и к себе самому, и с поражающей всех легкостью брался за задания, которые должны были бы стоить ему головы. Он не был безрассуден, и во всех его действиях всегда присутствовал строгий расчет. Умный, старательный и притом равнодушный к жизни, он не ощущал ее реальности, не думал о последствиях и не тяготился совестью. Нет, он никогда не стрелял в женщин и детей, но собственноручно казнил дезертиров и первым шел на ДОТы. К боли он тоже был почти нечувствителен. По большому счету, ему было вообще все равно.

Пока он не встретил Сашину мать.

Она зацепила его, привыкшего к победам, своим безразличием. Его единственная слабость, честолюбие, которое до того бросало его на пулеметы, теперь повело его на новый отчаянный штурм, неожиданно обернувшийся долговременной осадой.

Раньше в любви ему не приходилось прилагать особенных усилий: женщины сами складывали свои знамена к его ногам. Растрепанный их сговорчивостью, насытиться очередной подружкой он всегда успевал прежде, чем влюбиться в нее, и после первой же ночи утрачивал к соблазненной всякий интерес. Его натиск и его слава застили девушкам глаза, и мало кто из них даже пытался применить старую добрую стратегию – заставить мужчину ждать, чтобы успеть с ним познакомиться.

Но ей он был скучен. Ее не впечатляли награды, звания, боевые и любовные триумфы. Она не отзывалась на его взгляды, качала головой в ответ на его шутки. И завоевать эту девушку стало ему казаться настоящим вызовом. Более серьезным, чем покорение соседних станций.

Скоро он понял, что близость с ней, которая должна была стать просто свежей засечкой на его прикладе, отодвигается все дальше – и во времени, и по важности. Она поставила себя так, что возможность проводить вместе в день хотя бы один час уже казалась ему достижением. И даже на это шла, только чтобы немножко его помучить. Она сомневалась в его заслугах и высмеивала его принципы. Ругала за бездушие. Расшатывала его уверенность в своих силах и целях.

Он все терпел. Даже нет – ему нравилось. С ней он начал задумываться. Колебаться. А потом и чувствовать: беспомощность – оттого что не знал, как подступиться к этой девушке, сожаление – о тех минутах, которые не провел с ней, и даже страх – потерять ее, так и не обретя. Любовь. И она наградила его знаком: серебряным кольцом.

Наконец, когда он совсем разучился обходиться без нее, она ему уступила.

Через год родилась Саша. Так получилось, что уже двумя жизнями он больше не мог пренебречь, да и сам теперь не имел права погибнуть.

Когда тебе всего двадцать пять, а ты командуешь сильнейшей армией в обозримой части света, трудно отделаться от ощущения, что твои приказы могут заставить хоть Землю перестать вращаться. Но чтобы отнимать у людей жизнь, не надо большого могущества. А вот дарить ее умершим не дано никому.

У него был шанс в этом убедиться: его жену убил туберкулез, и он был бессилен ее спасти. С тех пор в нем что-то надломилось.

Саше тогда только исполнилось четыре, но она хорошо запомнила мать. Помнила и страшную, туннельную пустоту, которая осталась после ее ухода. Близость смерти бездонной

пропастью разверзлась в ее мирке, и она часто заглядывала вниз. Края пропасти срастались очень медленно. Прошло два или три года, прежде чем она перестала звать маму во сне.

Отец, случилось, звал ее до сих пор.

* * *

Может быть, Гомер брался за дело не с того конца? Если герой его эпоса не желал сам являться к нему, может быть, нужно было начать с его будущей возлюбленной? Выманить его ее красотой и свежестью?

Сначала осторожно выписать ее линии, и тогда он сам выступит из небытия ей навстречу? Чтобы их любовь была совершенна, он будет обязан идеально дополнять ее собой, а значит, в поэме он должен появиться уже готовым, оконченным.

Своими изгибами, своими мыслями они будут подходить друг к другу точно, как осколки разбитых витражей на Новослободской. Ведь они так же когда-то представляли собой одно целое, и потому были обречены воссоединиться вновь... Гомер не видел ничего плохого в том, чтобы своровать эту удачную канву у давно почивших классиков.

Но решение только выглядело простым: вылепить из чернил и бумаги живую девушку оказалось задачей, для Гомера непосильной. Да и о чувствах он вряд ли уже смог бы рассказывать убедительно.

Его нынешний союз с Еленой был полон старческой нежности, но они встретились слишком поздно, чтобы любить без оглядки на прошлое. В этом возрасте стремятся утолить не страсть, а одиночество.

Настоящая и единственная любовь Николая Ивановича была погребена наверху. За минувшие десятилетия все ее детали, кроме одной, выцвели и стерлись, и он уже не смог бы писать роман с натуры. Да и потом, в тех отношениях все равно не было никакой героики.

В день, когда Москву накрыл ядерный ливень, Николаю предложили стать машинистом поезда вместо отправленного на пенсию Серова. Зарплата должна была чуть ли не удвоиться, а перед повышением ему давали несколько выходных. Он позвонил жене, та объявила, что испечет шарлотку, и вышла за шампанским, заодно взяв детей на прогулку.

Однако смену нужно было доработать.

Николай Иванович вступил в кабину поезда его будущим капитаном, счастливо женатым и находящимся в самом начале туннеля, уходящего в дивную, сияющую перспективу. За следующие полчаса он постарел сразу на двадцать лет. На конечную Николай приехал раздавленным, нищим бобылем. Может, поэтому каждый раз, когда он видел перед собой чудом сохранившийся поезд, его одолевало желание занять законное место машиниста, по-хозяйски огладить приборную панель, посмотреть на паутину тубингов сквозь лобовое стекло. Вообразить, что состав еще можно привести в годность.

Что можно дать задний ход.

... Не иначе бригадир создавал вокруг себя особое поле, которое отводило от него любые опасности. И он, кажется, об этом знал. Дорога до Нагорной не заняла у них и часа. Линия не оказывала ему никакого сопротивления.

Гомер всегда чувствовал: разведчики и челноки с Севастопольской, так же как и любые другие обыкновенные люди, отваживавшиеся забираться в туннели, были для метро чуждыми организмами. Микробами, попавшими в его кровеносную систему. Стоило им ступить за границы станций, как воздух вокруг них воспалялся, действительность давала трещину, и будто из ниоткуда появлялись невообразимые создания, которых метро выставило против человека.

Но Хантер не был чужеродным телом в темных перегонах, он не вызывал возмущения Левиафана, по сосудам которого они путешествовали. Иногда он выключал фонарь и сам пре-

вращался в сгусток тьмы, наполнявшей туннели. Тогда его словно подхватывало незримыми потоками и несло вперед вдвое быстрее. Гомер, спешивший за бригадиром изо всех сил, отбивался, кричал ему вдогонку, и тот, словно опомнившись, останавливался и дожидался старика.

На обратном пути им было даже дозволено спокойно миновать Нагорную. Морок рассеялся, станция спала. Сейчас она просматривалась вся насквозь, и невозможно было представить, где она сумела укрыть призрачных гигантов. Обычный заброшенный полустанок: соляные наросты на сыром потолке, мягкая перина из пыли, расстеленная на платформе, выведенная углем бань на закопченных стенах. И только потом глаз задерживался на странных разводах на полу, оставшихся от чьей-то лихорадочной пляски, на заскорузлых бурых пятнах на колоннах, на потолочных плафонах, задетых и сбитых, будто о них кто-то терся.

Нагорная промелькнула и осталась позади: они летели дальше. Пока Гомер поспевал за бригадиром, он словно тоже был заключен в магический пузырь, делавший того неприкасаемым. Старик удивлялся сам себе: откуда берутся силы на такой долгий марш-бросок...

Но вот на разговоры дыхания уже не хватало. Да Хантер больше и не удостаивал его своими ответами. В который раз за этот долгий день Гомер спросил себя, зачем он вообще сдался безмолвному и безжалостному бригадиру, который все время норовил про него забыть.

Подкралось и оглушило зловоние Нахимовского проспекта. Эту станцию Гомер и сам бы проскочил, забыв об осторожности, как можно быстрее, но бригадир, напротив, сбавил шаг. Старик в своем противогазе еле держался, а Хантер еще и принюхивался, будто в тяжком, душливом смраде Нахимовского можно было различить какие-то отдельные нотки.

На сей раз трупоеды почтительно разбредались перед ними, бросая недоглоданные кости, роняя из пасти клочья мяса. Хантер дошел ровно до середины зала, поднялся на невысокий холм, по щиколотку утопая в плоти, и обвел станцию долгим взглядом. Потом, неудовлетворенный, отмахнулся от подозрений и двинулся дальше, так и не обнаружив того, что искал.

Зато это нашел Гомер.

Поскользнувшись и повалившись на четвереньки, он спугнул молодого трупоеда, который потрошил намокший бронежилет. Увидел откатившуюся в сторону форменную севастопольскую каску и ослеп от испарины, которая мгновенно затянула изнутри стекла противогаза.

Обуздывая рвотные позывы, Гомер подобрался к костям и поворошил их, рассчитывая подобрать солдатский жетон. Но вместо этого заметил маленький блокнот, перемазанный багровым. Он открылся сразу на последней странице, на словах «ни в коем случае не штурмовать».

* * *

Отец отучил ее плакать еще маленькой, но сейчас ей больше нечем было ответить судьбе. Слезы сами текли по лицу, из груди рвался тонкий, тоскливый вой. Она сразу поняла, что случилось, но вот уже несколько часов не могла заставить себя с этим смириться.

Звал ли он ее на помощь? Хотел ли сказать ей что-то важное перед смертью? Она не помнила того момента, когда провалилась в сон, и не была до конца уверена, проснулась ли теперь. Ведь мог существовать и мир, где ее отец не умирал. Где она не убивала его своим забвением, своей слабостью и эгоизмом.

Саша держала в ладонях остывшую, но еще мягкую отцовскую руку, словно пытаясь еще отогреть его, и уговаривала – и его, и себя:

– Ты найдешь машину. Мы поднимемся наверх, сядем в нее и уедем. Ты будешь смеяться, как в тот день, когда принес приемник с музыкальными дисками...

Вначале отец сидел, прислонясь спиной к колонне и упершись в грудь подбородком, так что его можно было принять за дремлющего. Но потом тело начало медленно сползать вниз,

в лужу загустевшей крови, словно он и сам устал притворяться живым, и Сашу обманывать больше не хотел.

Морщины, вечно бороздившие отцовское лицо, почти совсем разгладились.

Она выпустила его руку и помогла улечься поудобнее, с головой накрыла рваным одеялом. У нее не было другого способа похоронить его. Да, она хотела бы поднять отца на поверхность и оставить его там, чтобы он лежал, глядя в небо, которое однажды все равно снова очистится. Но гораздо раньше его тело станет добычей рыскающих наверху вечно голодных тварей.

А на их станции к нему никто не притронется. Из гиблых южных туннелей опасности ждать не приходилось – в них выживали разве что летучие тараканы. На севере перегон обрывался, выходя к заржавевшему и полуобвалившемуся метромосту с единственной уцелевшей колеей.

Там, за мостом, есть люди, но никому из них не придет в голову мысль пересечь его просто из любопытства. Все знают, что по другую сторону начинается выжженная пустошь, на краю которой стоит станция-сторожка с двумя обреченными ссыльными.

Отец не позволил бы ей остаться здесь одной, да в этом больше и не было никакого смысла. И потом, Саша знала: как бы далеко она ни бежала, как бы отчаянно ни старалась вырваться из заговоренного застенка, теперь ей уже не удастся освободиться из него по-настоящему.

– Папа... Прости меня, пожалуйста, – всхлипнула она, сознавая, что не сможет заслужить прощения.

Сняла с его пальца серебряное кольцо и опустила в карман комбинезона. Подобрала клетку с притихшей крысой и побрела на север, оставляя за собой на пыльном граните цепь кровавых следов.

Когда Саша спустилась на пути и ступила в перегон, на пустой станции, превратившейся в погребальную ладью, случилось необычайное знамение. Из противоположного туннельного жерла вырвался долгий язык пламени, силящийся дотянуться до тела ее отца. Не достал и отступил обратно в темные глубины, неохотно признавая право Сашиного отца на покой.

* * *

– Возвращаются! Они возвращаются!

Истомин отнял телефонную трубку от уха и недоверчиво поглядел на нее, как будто она была одушевленным существом и только что рассказала ему дурацкую байку.

– Кто – они?!

Денис Михайлович вскочил со стула, расплескав чай, который лег на его штаны конфузным темным пятном. Чай он предал проклятию и повторил вопрос.

– Кто они? – механически переспросил Истомин у аппарата.

– Бригадир и Гомер, – прошуршала трубка. – Ахмеда убили.

Владимир Иванович промокнул носовым платком залысины, потер висок под черной резинкой своей пиратской повязки. Объявлять родным о гибели бойцов входило в его обязанности.

Не дожидаясь переключения коммутатора, он выглянул за дверь и крикнул адъютанту:

– Ко мне обоих! И скажи, чтобы стол накрыли!

Прошелся по кабинету, зачем-то поправил висящие на стене фотографии, пошептал что-то у карты, обернулся на Дениса Михайловича. Тот, скрестив руки на груди, откровенно скалился.

– Володь, ты как девка перед свиданием, – хмыкнул полковник.

– Ты, я вижу, тоже волнуешься, – огрызнулся начальник станции, кивая на обмоченные командирские штаны.

– Мне-то что? У меня все готово. Два ударных отряда собраны, сутки до мобилизации – Денис Михайлович ласково погладил лежащий на столе голубой берет, поднялся и нахлобучил его на голову, придавая себе официальный вид.

В приемной началась беготня, зазвенели приборы, ординарец, вопросительно глядя, показал в дверную щель запотевшую склянку со спиртным. Истомин отмахнулся – потом, все потом! Вот наконец послышался и знакомый глухой голос, дверь отлетела, и проем загородила широченная фигура. За спиной бригадира мялся старый враль, которого тот зачем-то потащил с собой.

– Приветствую! – Истомин сел в свое кресло, встал и снова сел.

– Что там?! – резанул полковник.

Бригадир перевел тяжелый взгляд с одного на другого и обратился к начальнику.

– Тульская захвачена кочевниками. Всех вырезали.

– И наших всех? – вскинул лохматые брови Денис Михайлович.

– Насколько мне известно. Мы дошли до ворот станции, был бой, и они закрыли затвор.

– Заперли гермоворота? – Истомин приподнялся, вцепившись пальцами в кромку стола. – И что теперь делать?

– Штурмовать, – синхронно лязгнули бригадир и полковник.

– Штурмовать нельзя! – неожиданно подал из приемной голос Гомер.

* * *

Надо было просто дождаться условленного часа. Если она не спутала день, дрезина должна была появиться из влажного ночного мрака совсем скоро. Каждая лишняя минута, проведенная здесь, на обрыве, где туннель вскрытой веной показывался из земной толщи, стоила ей дня жизни. Но выход оставался лишь один: ждать. По ту сторону нескончаемо длинного моста она уперлась бы в запечатанные гермоворота, отпиравшиеся только изнутри – раз в неделю, в базарный день.

Сегодня Саше было нечем торговать, а купить нужно было больше, чем когда-либо. Но ей сейчас было все равно, что попросят у нее люди с дрезины в обмен на пропуск обратно в мир живых. Могильный холод и посмертное равнодушие отца передались и ей.

Сколько Саша раньше мечтала о том, как они однажды все-таки переберутся на другую станцию, где будут окружены людьми, где она сможет подружиться с кем-то, встретить кого-нибудь особенного... Расспрашивала отца о его юности, не только потому, что хотела снова побывать в своем светлом детстве, но и потому, что украдкой подставляла на место своей матери – себя нынешнюю, а на место отца – туманного красавца с изменчивыми чертами, и неуклюже воображала себе любовь. Переживала, что не сможет найти общий язык с другими, вернуться они в большое метро на самом деле. О чем им с ней говорить?

И вот до прибытия парома оставались считанные часы, может быть, минуты, а ей было плевать на других – и на мужчин, и на женщин, и даже помыслы о возвращении к человеческому существованию казались ей предательством по отношению к отцу. Не колеблясь ни секунды, она согласилась бы сейчас провести остаток дней на их станции, если бы это помогло спасти его.

Свечной огарок в стеклянной банке затрепыхался в агонии, и она пересадила пламя на новый фитиль. В один из походов наверх отец добыл целый ящик восковых свечей, и несколько всегда валялось в просторных карманах ее комбинезона. Саше хотелось думать, что их тела были такими вот свечами, и какая-то частичка ее отца перешла к ней после того, как он угас.

Увидят ли люди с дрезины ее сигнал в тумане?

До сих пор она подгадывала так, чтобы ни на миг не задерживаться снаружи зря. Отец запрещал, да и его распухший зоб сам по себе был достаточным предостережением. На обрыве Саша обычно чувствовала себя неуютно, как изловленная землеройка, беспокойно озиралась и лишь изредка отваживалась подобраться к первому пролету метромоста, чтобы взглянуть с него на протекавшую внизу черную реку.

Но времени у нее было слишком много. Сутулясь и ежась на промозглом осеннем ветру, Саша сделала несколько шагов вперед, и за отступившими костлявыми деревьями в сумраке проявились осыпающиеся хребты многоэтажек. В маслянистой вязкой реке тяжело плескалось что-то огромное, а вдалеке стонали почти человеческими голосами неведомые чудовища.

И вдруг к их плачу присоединилось жалобное, заунывное поскрипывание...

Саша вскочила на ноги, высоко поднимая светильник, и с моста ответили – скользким, вороватым лучом. Ей навстречу катилась дряхлая старая дрезина, еле продираясь через ватную мглу, клинышком слабого фонаря втискиваясь в ночь и раздвигая ее. Девушка попятилась: дрезина была не та, что обычно. Она шла натужно, будто каждый оборот ее колес давался работавшим на рычагах людям с великим трудом.

Наконец она замерла шагах в десяти от Саши. С рамы грузно спрыгнул на щебень затянутый в брезент высокий толстяк. В стеклах противозаза плясали, отражаясь, дьявольские огоньки, пряча от Саши его глаза. В руке человек сжимал древний армейский «калашников» с деревянным прикладом.

– Я хочу отсюда уехать, – вскинув подбородок, заявила Саша.

– Уехать, – эхом отозвалось брезентовое чучело, удивленно или издевательски растягивая гласные. – А что у тебя есть на продажу?

– У меня ничего не осталось. – Она вперила взгляд в его полыхающие глазницы, окованные железом.

– У любого можно что-то забрать, особенно у женщины. – Паромщик захрюкал, потом спохватился. – Бросишь папашу?

– У меня ничего не осталось, – повторила Саша, опуская глаза.

– Подох все-таки, – с облегчением, но разочарованно протянула маска. – И ладно. Он бы сейчас расстроился. – Ствол автомата поддел ляжку Сашиного комбинезона и неспешно потащил ее вниз.

– Не смей! – Она хрипло вскрикнула, рванулась назад.

Банка со свечой упала на рельс, брызнула осколками, и тьма мигом слизнула пламя.

– Отсюда не возвращаются, как ты этого не понимаешь? – Чучело равнодушно глядело на нее потухшими, мертвыми стеклами. – Твоего тела не хватит даже чтобы окупить мою дорогу в одну сторону. Считай, что я принимаю его в оплату отцовского долга.

Автомат кувырнулся в его руках, разворачиваясь прикладом вперед, и, милосердно гася сознание, ударил ее в висок.

* * *

После Нахимовского Хантер почему-то больше не отпускал Гомера от себя, и у того не было шанса толком изучить блокнот. Бригадир вдруг стал упредителен и чуток, старался не только не оставлять старика далеко позади, но и вообще шагал с ним в ногу, хоть для этого ему и приходилось себя осаживать. Пару раз он останавливался, якобы проверить, не идет ли кто за ними по пятам. Но резак его прожектора, обращаясь назад, неизменно прохаживался по лицу Гомера, заставляя старика почувствовать себя как в пыточной. Он чертыхался, моргал, пытаясь прийти в себя, и ощущал, как цепкие глаза бригадира проползают по всему его телу, ощупывая его в поисках того, что он подобрал на Нахимовском.

Чепуха! Конечно же, Хантер не мог ничего видеть, в тот момент он находился слишком далеко. Скорее, он просто уловил перемену настроения Гомера и заподозрил его в чем-то. Но всякий раз, когда их взгляды встречались, старика прошибал пот. Того немногого, что он успел подсмотреть в найденном блокноте, с излишком хватало, чтобы усомниться в бригадире.

Это был дневник.

Часть страниц слиплась от засохшей крови, их Гомер не тронул: побоялся порвать негнущимися от напряжения пальцами. Записи на первых листках были сбивчивы, их автор не мог удержать в узде даже буквы, а мысли его галопировали так, что за ними было вовсе не угнаться.

«Нагорную прошли без потерь», – сообщал блокнот, и сразу перепрыгивал: «На Тульской хаос. Выхода в метро нет, Ганза блокирует. Домой нельзя».

Гомер листнул вперед, боковым зрением замечая, как бригадир спускается с кургана и направляется к нему. Дневник не должен попасть к нему в руки, понял старик. Но прежде чем блокнот нырнул в его вещмешок, Гомер успел прочесть: «Взяли ситуацию под контроль, станцию оцепили, назначили коменданта», и тут же: «Кто подохнет следующим?»

И еще: обведенная в рамочку, над повисшим вопросом стояла дата. Хоть пожухшие листы блокнота и понуждали думать, что события в дневнике разворачивались чуть не в минувшем десятилетии, судя по цифрам, запись была сделана всего несколько дней назад.

Костенеющие стариковские мозги с забытой прыткостью составили воедино разрозненные кусочки мозаики: загадочного странника, привидевшегося несчастному бездомному на Нагатинской, вроде бы знакомый голос у стражи на гермоворотах, слова «Домой возвращаться нельзя»... Перед ним начинала выстраиваться целостная картина. Не могли ли каракули на склеившихся страницах наполнить смыслом все прочие странные происшествия?

Совершенно точно, никакого захвата Тульской бандитами не было; там творилось нечто куда более сложное и таинственное. И Хантер, четверть часа допрашивавший дозорных у ворот на станцию, знал это ничуть не хуже Гомера.

Именно поэтому нельзя было показывать ему блокнот.

Именно поэтому Гомер осмелился открыто возразить ему на собрании в кабинете Истомина.

– Нельзя, – сказал он еще раз.

Хантер медленно, как линкор, наводящий главное орудие, повернул к нему голову. Истомин отодвинулся вместе с креслом назад и все-таки решился вылезти из-за стола. Полковник устало скривился.

– Взорвать гермозатвор не выйдет, там же грунтовые воды вокруг, мигом zalьет линию. И вся Тульская на честном слове держится, молятся, чтобы не прорвало. Параллельный туннель – сами знаете, вот уже лет десять как... – продолжил Гомер.

– Что же нам, стучаться и ждать, пока они откроют? – поинтересовался Денис Михайлович.

– Ну, всегда есть обходной путь, – напомнил Истомин.

От неожиданности полковник закашлялся, потом яростно заспорил с начальником, обвиняя того в намерении перекалечить и угробить его лучших людей. И тут бригадир дал залп.

– Тульская должна быть зачищена... Положение таково, что необходимо поголовное уничтожение всех, кто находится на станции. Там уже не осталось ни одного из ваших людей. С ними кончено. Если вы не хотите еще больших потерь, это единственное решение. Я знаю, о чем говорю. У меня информация.

Последние слова явно предназначались Гомеру. Старик ощутил себя расшалившимся кутенком, которого встряхивают за шкурку, чтобы привести в чувство.

– Учитывая, что туннель с нашей стороны перекрыт, – Истомин одернул китель, – есть только один способ проникнуть на Тульскую. С другой стороны, через Ганзу. Но мы не сможем провести туда вооруженных людей, это исключено.

– Я найду людей, – отмахнулся Хантер, и полковник встрепенулся.

– Даже просто чтобы попасть к Ганзе, надо пройти два перегона по Каховской линии до Каширской... – Начальник многозначительно умолк.

– И что? – Бригадир скрестил руки на груди.

– В районе Каширской в перегоне фон зашкаливает, – пояснил полковник. – Там недалеко упал фрагмент боеголовки. Не разорвалось, но и так хватает. Каждый второй, получивший дозу, умирает в течение месяца. До сих пор.

Повисла недобрая тишина. Гомер, воспользовавшись заминкой, незаметно начал отступление – разумеется, тактическое – из истоминского кабинета. В конце концов Владимир Иванович, видимо, опасаясь, что неуправляемый бригадир все же отправится сносить гермозатвор на Тульской, признался:

– Есть защитные скафандры. Всего два. Можешь взять с собой самого здорового бойца, любого. Мы будем ждать. – Он оглянулся на Дениса Михайловича. – Что нам еще остается?

– Пойдем к ребятам. – Полковник вздохнул. – Поговорим, отберешь себе напарника.

– Нет необходимости. – Хантер качнул головой. – Мне нужен Гомер.

Глава 7. Переход

Дрезина миновала широкую полосу, выведенную ярко-желтой краской на полу и стенах туннеля. Рулевой больше не мог делать вид, что не слышит все ускоряющиеся щелчки дозиметра. Взявшись за тормоз, он извиняющимся тоном пробормотал:

– Товарищ полковник... Дальше нельзя без защиты...

– Давай еще хоть метров сто, – мягко попросил Денис Михайлович, оборачиваясь к нему. – На неделю потом тебя от дежурств освобожу, за вредность. Нам что – две минуты проехать, а им в этих скафандрах полчаса брести.

– Так крайний рубеж ведь, товарищ полковник, – ныл рулевой, не решаясь сбавить скорость.

– Останавливай, – приказал Хантер. – Сами дальше пойдем. И правда, высокий фон начинается.

Заскрипели колодки, качнулся подвешенный на раме фонарь, и дрезина встала. Бригадир и старик, сидевшие на ее краю, свесив ноги вниз, слезли на пути. Тяжелые защитные костюмы, изготовленные из просвинцованной ткани, действительно выглядели как настоящие скафандры. Невообразимо дорогие и редкие – на все метро таких вряд ли нашлось бы больше пары десятков – на Севастопольской они почти никогда не использовались, дожидаясь своего часа. Эти доспехи были способны поглотить жесточайшее излучение, но в них даже обычная ходьба превращалась в трудновыполнимую задачу – по крайней мере, для Гомера.

Денис Михайлович оставил дрезину позади и еще несколько минут шагал вместе с ними, перебрасываясь с Хантером фразами – нарочно оборванными и скомканными так, чтобы Гомер не смог развернуть и разобрать их.

– Где ты их возьмешь? – буркнул он бригадиру.

– Дадут. Никуда не денутся, – глядя прямо перед собой, прогудел тот.

– Тебя давно никто не ждет. Ты для них мертв. Мертв, понимаешь?

Хантер остановился на миг и негромко, словно обращаясь не к командиру, а сам к себе, произнес:

– Если бы все было так просто.

– А дезертировать из Ордена – еще страшнее смерти! – воскликнул Денис Михайлович.

Бригадир, не отвечая, взмахнул рукой, отдавая полковнику честь и одновременно обрубая невидимый якорный канат. Денис Михайлович, подчиняясь, остался на пирсе, а бригадир со стариком медленно, будто преодолевая встречное течение, отошли от берега и отправились в свое большое плавание по морям тьмы.

Отняв руку от виска, полковник дал рулевому сигнал заводить мотор. Он чувствовал себя опустошенным: ему больше некому было выдвигать ультиматумы, не было против кого сражаться. Военный комендант острова, затерянного в одном из этих морей, он мог теперь надеяться лишь на то, что маленькая экспедиция не сгинет в нем, а однажды вернется домой – с обратной стороны, по-своему доказав, что Земля круглая.

Последний блокпост располагался в перегоне сразу за Каховской и был почти безлюден. Сколько старик себя помнил, с востока на севастопольцев не нападали ни разу.

Желтая черта словно не разбивала на условные отрезки бесконечную бетонную кишку, а космическим лифтом соединяла две планеты, удаленные друг от друга на сотни световых лет. За ней обитаемое земное пространство незаметно сменялось мертвым лунным ландшафтом, и любое их сходство было обманчивым. Сосредоточенно переставляя ноги в пудовых башмаках, слушая свое натужное дыхание, загнанное в сложную систему гофров и фильтров, Гомер представлял себя именно астронавтом, высадившимся на спутнике дальней звезды. Это мальчише-

ство он себе извинял: ему так проще было привыкнуть к тяжести скафандра – ее можно было объяснять высокой гравитацией, – и с тем, что на километры вперед они будут единственными живыми существами.

Ни ученые, ни фантасты никогда не умели как следует предсказывать будущее, думал старик. К две тысячи тридцать четвертому году человек давно бы уже должен был стать властителем если и не половины Галактики, то хотя бы Солнечной системы. Гомеру это обещали еще в детстве. Но и фантасты, и ученые исходили из того, что человечество рационально и последовательно. Как будто оно не состояло из нескольких миллиардов ленивых, легкомысленных, увлекающихся личностей, а было неким ульем, наделенным коллективным разумом и единой волей. Как будто бы, принимаясь за освоение космоса, оно собиралось заниматься им всерьез, а не бросить на полпути, наигравшись и переключившись на электронику, а с электроники – на биотехнологии, ни в чем так и не достигнув сколь-нибудь впечатляющих результатов. Кроме, пожалуй, ядерной физики.

И вот он, бескрылый астронавт, нежизнеспособный без своего громоздкого скафандра, чужой на собственной планете, исследует и покоряет перегоны от Каховской до Каширской. А о большем и ему и другим выжившим лучше просто забыть. Звезд отсюда все равно не видно.

Странно: здесь, за желтой чертой, его тело стонало от полуторакратной силы тяжести, но душа пребывала в невесомости. Сутки назад, прощаясь с Еленой перед походом к Тульской, он еще рассчитывал вернуться. Но когда Хантер назвал его имя, во второй раз подряд выбирая Гомера себе в напарники, тот понял: смалодушничать не удастся. Он столько просил об испытании, о просветлении, что наконец был услышан, и теперь пробовать отвертеться было бы глупо и недостойно.

Он понял: делом всей жизни нельзя заниматься на полставки. Нечего кокетничать с судьбой, обещая ей непременно всецело отдаться ему чуть позже, в следующий раз... Другого раза может не случиться, и если он не решится сейчас, ради чего ему потом быть? Окончить свои дни безвестным Николаем Ивановичем, городским сумасшедшим, слюнявым старым сказочником с блуждающей улыбкой?

Но чтобы превратиться из карикатурного Гомера в настоящего, из мифомана – в мифотворца, чтобы восстать из пепла обновленным, нужно было вначале сжечь себя прежнего. Ему казалось: если он продолжит сомневаться, станет потакать себе в тоске по дому, по женщине, беспрестанно озираясь назад, то обязательно проглядит что-то очень важное впереди. Нужно было резать.

Из нового похода ему трудно будет возвратиться целым, да и возвратиться вообще. И как ни жаль ему было Елену, которая сначала не верила, что Гомер появился на станции всего через день живым и здоровым, а потом плакала, вновь провожая его в никуда, так и не сумев отговорить, на сей раз он ничего не обещал ей. Он прижимал Елену к себе и через ее плечо смотрел на часы. Ему нужно было идти. Гомер знал: десять лет жизни непросто ампутировать, они наверняка будут напоминать о себе фантомными болями.

Он думал, что его все время будет подмигивать оглянуться, но, перешагнув толстую желтую черту, он будто и вправду умер, и его душа воспарила, вырвавшись из обеих грузных, неповоротливых оболочек. Он освободился.

Хантера защитный костюм, похоже, ничуть не тяготил. Просторные одежды раздули его мускулистую волчью фигуру, превратив в бесформенную громаду, но не убавив у него проворства. Он шел вровень с запыхавшимся стариком, но только потому, что с Нахимовского стал внимательно за ним следить.

После увиденного на Нагатинской, на Нагорной и на Тульской Гомеру было непросто дать согласие и продолжить странствие с Хантером. Но он нашел способ убедить себя: именно в присутствии бригадира с ним начались долгожданные метаморфозы, сулящие перерождение.

И неважно, почему Хантер потащил его за собой дальше – чтобы наставить старика на верный путь или в качестве запаса продовольствия. Главное для Гомера теперь было не упустить это состояние, успеть воспользоваться им, успеть придумать, записать...

И вот еще. Когда Хантер позвал его за собой, Гомеру почудилось, что тот и сам точно так же нуждается в нем. Нет, не для того, чтобы указывать дорогу в туннелях и чтобы предупреждать об опасностях. Может, подпитывая старика, бригадир сам брал у него что-то без спроса? Но чего ему могло не хватать?

Внешняя бесстрастность Хантера больше не могла обмануть старика. Под коркой его парализованного лица бурлила магма, изредка выплескиваясь через кратеры незакрывающихся, дымящихся глаз. Он был беспокоен. Он тоже что-то искал.

Хантер вроде бы подходил на роль эпического героя для будущей книги. Гомер, колебавшись, принял его после первых проб. Но многое в фигуре бригадира, в его страсти к умерщвлению живого, в недосказанных словах и скупых жестах настораживало старика. Хантер походил на тех убийц, что намеками дразнят следствие, желая быть разоблаченными. Старик не знал, видит ли Хантер в нем исповедника, биографа или донора, но чувствовал, что эта странная зависимость становится взаимной. Становится сильнее, чем страх.

Гомера не отпускало ощущение, что Хантер оттягивает какой-то очень важный разговор. Иногда бригадир поворачивался к нему, будто собираясь что-то спросить, но так ничего и не произносил. Хотя старик мог в очередной раз выдавать желаемое за действительное, и Хантер просто уводил его за собой подальше в туннели, чтобы там свернуть ненужному свидетелю шею.

Его взгляд все чаще просвечивал вещмешок старика, на дне которого лежал злосчастный дневник. Он не мог его видеть, но словно догадывался, что в рюкзаке спрятан некий предмет, который притягивает мысли Гомера, выслеживал их и постепенно сам подтягивался все ближе и ближе к блокноту. Старик пытался не думать о дневнике, но тщетно.

Времени на сборы почти не было, и Гомеру удалось уединиться с дневником всего лишь на несколько минут. Их не хватило, чтобы отмочить и расклеить сплавленные кровью листки, но Гомер сумел мельком пробежаться по другим страницам, вкривь и вкось испещренным поспешными, отрывочными записями. Их хронология была нарушена, будто писавший с большим усилием ловил ускользающие слова и укладывал их на бумагу где придется. Теперь, чтобы они обрели смысл, старик должен был выстроить их в правильном порядке.

«Связи нет. Телефон молчит. Возможно, диверсия. Кто-то из изгнанных, чтобы отомстить? Еще до нас».

«Положение безвыходное. Помощи ждать неоткуда. Запросив Севастопольскую, приговорим своих же. Остается терпеть... Сколько?»

«...Не отпускают... Сошли с ума. Если не я, то кто? Бежать!»

Было и еще кое-что. Сразу за последними словами, призывающими отказаться от штурма Тульской, стояла подпись – нечеткая, припечатанная бурым сургучом окровавленного пальца. Это имя Гомер не только слышал раньше, но и сам нередко произносил. Дневник принадлежал связисту из каравана, отправленного к Тульской неделю назад.

Они прошли съезд к электродепо, которое непременно было бы разграблено, если бы не зашкаливающий тут фон. Черная отсохшая ветка, уводящая в него, была почему-то отгорожена сваренными кусками арматуры, причем не очень умело и явно впопыхах. На жестяной табличке, прикрученной проволокой к прутьям, скалился череп и виднелись следы предупре-

ждения, выведенного красной краской, но то ли стершегося от времени, то ли кем-то соскобленного.

Провалившись взглядом в этот зарешеченный колодец и еле выбравшись из него обратно, Гомер подумал, что линия, вероятно, не всегда была так безжизненна, как считали на Севастопольской.

Миновали Варшавскую – жуткую, ржаво-заплесневелую, похожую на выловленного утопленника. Стены, поделенные на кафельные клетки, сочились мутной водицей. Сквозь приоткрытые губы гермозатворов внутрь проникал холодный ветер с поверхности, словно кто-то огромный, приникнув к ним снаружи, делал давно гниющей станции искусственное дыхание. Дозиметры бились в истерику, требуя немедленно уносить отсюда ноги.

Ближе к Каширской один прибор вышел из строя, цифры на другом уперлись в самый край табло. Гомер почувствовал, как горчит на языке.

– Где эпицентр?

Голос бригадира было слышно скверно, будто Гомер опустил голову в наполненную ванну. Он приостановился – воспользоваться хоть этой короткой передышкой – и махнул перчаткой на юго-восток.

– У Кантемировской. Думаем, пробило крышу павильона или вентиляционную шахту. Точно никто не знает.

– Так что, Кантемировская брошена?

– И всегда была. За Коломенской вся линия пустая.

– А мне говорили... – начал было Хантер, но умолк, давая знак утихнуть и Гомеру и настраиваясь на какие-то тонкие волны. – Известно, что с Каширской? – наконец спросил он.

– Откуда бы? – Старик не был уверен, что сумел вложить ироничную нотку в гнусавое тромбонное гудение, исходящее из его дыхательных фильтров.

– Я тебе скажу. Там такое излучение, что за минуту на станции оба изжаримся до углей. Ничто не поможет. Туда нельзя. Поворачиваем.

– Обратно? На Севастопольскую?

– Да. Поднимусь там наверх, попробую добраться по земле, – задумчиво, уже прикидывая маршрут, отозвался Хантер.

– В одиночку собираешься? – насторожился Гомер.

– Я не смогу тебя вечно спасать. Буду занят собственной шкурой. Да вдвоем там и не пройти. Даже мне самому без гарантий.

– Ты не понимаешь, мне нужно с тобой, я должен... – Гомер судорожно искал повод, зацепку.

– Должен подохнуть со смыслом? – равнодушно закончил за него бригадир.

Хотя Гомер прекрасно знал: на самом деле это фильтры противогАЗа отсеивают любые примеси, пропуская внутрь только безвкусный, стерильный воздух, а наружу – механические и бездушные голоса.

Старик на миг зажмурился, вспоминая все, что знал о куцей Каховской линии, о пораженной радиацией нижней оконечности Замоскворецкой ветки, о дороге от Севастопольской до Серпуховской... Все что угодно, лишь бы не поворачивать назад, лишь бы не возвращаться в свою скудную жизнь, к ложной беременности великими романами и бессмертными легендами.

– Иди за мной! – вдруг прохрипел он и с неожиданным даже для самого себя проворством заковылял на восток – к Каширской, в самое пекло.

* * *

Ей снилось, как она водила напильником по браслету стальных кандалов, которыми была прикована к стене. Напильник визжал и соскальзывал, и даже когда ей начинало казаться, что

его полотно на полмиллиметра вгрызлось в сталь, стоило оторваться от работы, как неглубокая, еле наметившаяся бороздка затягивалась на глазах.

Но Саша не отчаивалась: снова бралась за инструмент и, стесывая ладони, принималась пилить неподатливый металл, соблюдая установленный строгий ритм. Главное – не сбиваться с него, не давать слабину, не прекращать работу ни на миг. Схваченные оковами лодыжки опухли и затекли. Саша поняла, что даже если ей удастся победить железо, она все равно не сумеет убежать, потому что ноги откажутся ее слушаться.

Она очнулась, с трудом приподняла веки.

Кандалы не приснились ей: Сашины запястья были стиснуты наручниками. Она лежала в грязном кузове старой карьерной дрезины, монотонно поскуливающей и мучительно медленно тащащейся вперед. Ее рот был забит засаленной тряпицей, висок ныл и кровоточил.

«Не убил, – подумала Саша. – Почему?»

Из кузова был виден только кусочек потолка. В неровном обрывке светового пятна мельтешили спайки тубингов: дрезина катилась по перегону. Пока Саша пыталась вывести скованные руки из-за спины, тубинги сменились облупившейся белой краской. Саша насторожилась: что за станция?

Здесь было нехорошо: не просто тихо, а глухо, не безлюдно, а безжизненно, и совершенно темно. Она почему-то всегда думала что там, за мостом, каждая станция заполнена народом и везде стоит гвалт. Выходило, что она ошибалась?

Потолок над Сашей застыл. Ее похититель, кряхтя и бранясь, взобрался на платформу, заскрежетал подкованными каблуками, прохаживаясь вокруг, как будто изучая окрестности. Потом, видимо, уже сняв противогаз, утробным голосом прооручал благожелательно:

– Вот мы где. Сколько лет, сколько зим!

И, смачно спустив воздух из легких, тяжело ударил – нет, пнул сапогом – что-то неживое, объемистое – мешок, набитый?..

Догадка заставила Сашу вцепиться зубами в вонючую тряпку и замычать, выгнула ее тело столбнячной дугой. Она поняла, и куда ее привез брезентовый толстяк, и с кем он так разговаривал.

* * *

Смешно было бы даже надеяться уйти от Хантера. Тот нагнал старика в несколько львиных скачков, вцепился в его плечо и больно тряхнул.

– Что с тобой?!

– Еще немного пройти... – прохрипел Гомер. – Я вспомнил! Тут ходок есть прямо на Замоскворецкую, еще перед Каширской. Мы через него – и сразу в туннель, не надо будет на станцию заходить. Обогнем, выберемся прямо к Коломенской. Недалеко должно быть. Пожалуйста...

Улучив момент, он попробовал вырваться, но запутался в раструбах штанин, повалился на рельсы, тут же поднялся и снова дернулся вперед. Хантер, с легкостью, словно крысу на веревке, удерживавший старика на месте, развернул его к себе лицом. Нагнулся к нему так, чтобы иллюминаторы их противогазов поравнялись. Заглянул в Гомера и спустя несколько секунд ослабил хватку.

– Хорошо.

Теперь уже бригадир тащил его сам, не останавливаясь больше ни на миг. Стук крови в ушах заглушал исступленное стрекотание счетчиков, ноги задеревенели и почти не слушались, легкие, казалось, от напряжения потрескались и страшно саднили.

Они чуть не пропустили чернильное пятно узкого лаза. Протиснулись в него и еще несколько долгих минут бежали, пока не вывалились в новый туннель. Наспех оглядевшись вокруг себя, бригадир нырнул обратно в ходок и бросил старику:

– Ты куда меня привел?! Ты тут хоть бывал когда-нибудь?

Метрах в тридцати по левую сторону от лаза, именно там, куда им предстояло двигаться, туннель был от пола до потолка густо затянут чем-то напоминающим паутину.

Гомер, жалея дыхания на разговоры, только помотал головой. Истинная правда, раньше его сюда никогда не заносило. А те вещи, которые он слышал об этих местах, сейчас вряд ли стоило рассказывать Хантеру.

Перекинув автомат в левую руку, бригадир извлек из своего рюкзака длинный прямоугольный тесак, напоминающий самодельный меч, и вспорол липкое белесое кружево. Иссущенные остовы летающих тараканов, увязших в сетях, затряслись и зашелестели осипшими бубенцами. Нанесенная рана тут же сомкнула края, будто зарастая. Отвернув полупрозрачный холст паутины и просунув внутрь фонарь, бригадир осветил боковой туннель. На его расчистку понадобились бы часы: клейкие нити многослойным плетением заполняли межлинейник всюду, сколько хватало луча.

Хантер сверился с дозиметром, издал странный гортанный звук и принялся остервенело кромсать растянутую между стенами пряжу. Паутина поддавалась медленно, отнимая больше времени, чем у них оставалось. За десять минут они смогли продвинуться вперед всего метров на тридцать, а нити сплетались все плотнее, ватной пробкой забивая проход.

Наконец у заросшей вентиляционной шахты, под которой на шпалах валялся уродливый двухголовый скелет, бригадир швырнул тесак на пол. Они застряли в паутине точно как тараканы, и даже если существо, которое выткало эти сети, давно подохло само и не придет за ними, они все равно очень скоро погибнут – от излучения.

В те считанные мгновения, пока Хантер принимал решение, старик вспомнил еще кое-что, некогда слышанное об этом туннеле. Опустившись на одно колено, он выбил из запасного рожка несколько патронов, выкрутил пули, помогая себе перочинным ножом, и вытряхнул порох в ладонь.

Хантеру объяснения не требовались. Через несколько минут, вернувшись в начало межлинейника, они насыпали на ватном настиле серую крупяную горку и поднесли к ней зажигалку.

Порох фыркнул, задымил, и вдруг произошло невероятное: пламя от него разлилось сразу во все стороны, забираясь на стены, доставая до далекого потолка, захватывая все пространство туннеля. Выжирая паутину, оно рванулось вглубь. Ревущее, полыхающее кольцо, озаряя закопченные тубинги и оставляя после себя лишь свисающие с потолка редкие горелые лохмотья, неукротимо двигалось вперед. Быстро сжимаясь, огненный обруч уходил к Коломенской, гигантским поршнем засасывая воздух. Потом туннель вильнул, и пламя скрылось за поворотом, волоча за собой мантию багряных сполохов.

И уже совсем далеко сквозь ровное гудение огня вроде бы прорезался нечеловеческий, отчаянный вопль пополам с хриплым шипением... Хотя загипнотизированному этим зрелищем Гомеру он вполне мог и причудиться.

Хантер кинул тесак обратно в свой рюкзак, взамен нашарив в нем новые, нераспечатанные банки для противогаса.

– На обратную дорогу берег. – Он сменил свой фильтр и передал вторую банку старику. – Из-за пожара тут грязно, как после бомбежки.

Старик кивнул. Пламя взметнуло вверх, взбаламутило радиоактивные частицы, годами оседавшие на паутине, въедавшиеся в ее нити. Черный вакуум туннеля сейчас был на самом деле весь наполнен смертоносными молекулами. Повиснув в пустоте миллиардами крошечных подводных мин, они перекрыли им фарватер. Миновать их было невозможно.

Пришлось идти напролом.

* * *

– Видел бы тебя сейчас твой папа, – глумливо пожурил ее толстяк.

Саша сидела точно напротив отцовского тела, опрокинутого ничком, лицом в кровь. Обе бретельки комбинезона уже были сдернуты с ее плеч, открывая застиранную майку с изображением какого-то веселого зверька. Похититель не позволял ей видеть своего лица, опаяя ее глаза ярким лучом каждый раз, когда она пробовала поднять их. Тряпку из ее рта он вытащил, но Саша все равно не собиралась просить его ни о чем.

– На мать не похожа, к сожалению. А я так надеялся...

Слоновьи ноги в высоких резиновых ботфортах, уже изгвазданных в красном, снова пустились в обход колонны, у которой сидела Саша. Теперь его голос раздавался у нее из-за спины.

– Твой папаша, наверное, думал, что со временем все забудется. Но у некоторых преступлений не бывает срока давности... У клеветы. У измены.

Его тучный силуэт выплыл из мрака с другой стороны. Он застыл над телом Сашиного отца, попирая его сапогом, обильно харкнул.

– Жаль, что старик откинулся без моей помощи. – Толстяк пробежался лучом по унылой, безликой станции, заваленной грудami никчемного барахла, остановился на бесколесом велосипеде. – А у вас тут уютненько. Думаю, если бы не ты, папаша предпочел бы повеситься.

Пока фонарь отвлекся от нее, Саша попыталась отползти в сторону, но уже через секунду луч вновь выловил ее из темноты.

– И я его понимаю. – В один прыжок похититель оказался рядом. – Девочка получилась что надо. Жаль только, что не похожа на маму. Он, думаю, тоже расстраивался. Ну, да ничего. – Мыском ботфорта он завалил ее на бок. – Не зря же я сюда добирался через все метро.

Саша дернулась и замотала головой.

– Видишь, как все непредсказуемо, Петя, – он опять обратился к Сашиному отцу. – Было время, когда ты отдавал любовных конкурентов под трибунал. И спасибо, что не казнил, а просто изгонял пожизненно. А жизнь длинная, и обстоятельства меняются. Причем не всегда в твою пользу. Я вернулся, пусть у меня и ушло на это на десять лет больше, чем я планировал.

– Возвращения никогда не бывают случайными, – шепотом повторила Саша за отцом.

– Золотые слова, – издевательски оценил толстяк. – Эй, кто там?!

...В противоположном конце платформы зашуршало и упало что-то увесистое, потом будто бы послышалось шипение, крадущиеся шаги крупного зверя... Вновь воцарившаяся тишина была фальшивой, рваной, и Саша, точно так же, как и ее похититель, чувствовала: из туннеля на них надвигается нечто...

Толстяк клацнул затвором, опустился на одно колено рядом с девушкой, прижал к плечу приклад и обвел трясущимся пятном света близлежащие колонны. Слышать, как оживают десятилетиями пустовавшие южные перегоны, было не менее жутко, чем застать пробуждение мраморных статуй на какой-нибудь из центральных станций.

...В уже уходящем в сторону луче мелькнула смазанная тень, точно не человеческая – ни по очертаниям, ни по проворству... Но когда свет опять упал на место, где только что находилось загадочное создание, того уже и след простыл. Минуту спустя панически мечущийся луч затралил его снова – всего шагах в двадцати от них.

– Медведь?! – недоверчиво прошептал толстяк, спуская курок.

Пули накнулись на колонны, стали клевать стены, но зверь будто развоплотился, и ни один выстрел не достиг цели. А потом толстяк вдруг прекратил бессмысленную пальбу, выронил из рук автомат и прижал их к животу. Его фонарь откатился в сторону, отбрасывая пластающийся по полу световой конус и низу озаряя его грузную скорбленную фигуру.

Из сумрака неспешно выступил человек – на удивление мягко, почти бесшумно ступая тяжелыми башмаками. В слишком свободном даже для такого великана защитном костюме его действительно можно было принять за медведя. Противогоза на нем не было; исполосованная шрамами обритая голова напоминала выжженный пустырь. Часть его лица – мужественного, грубовато и резковато очерченного – была скорее красива, но казалась омертвевшей, и при взгляде на нее Саша не смогла перебороть озноб. Другая же половина была откровенно чудовищной: сложное сплетение шрамов превращало его в полумаску сказочного уродца, совершенного в своей безобразности. Но все же, если бы не глаза, его внешность была скорее отталкивающей, чем пугающей. Рыскающий, полубезумный взгляд оживлял обездвиженное лицо. Оживлял, но не одушевлял его.

Толстяк попытался подняться на ноги, но тут же рухнул на пол, крича от боли, с простреленными коленями. Потом человек присел на корточки рядом с ним, приставил долгий, увенчанный глушителем пистолетный ствол к его затылку и нажал крючок. Вопль оборвался мгновенно, но эхо еще несколько секунд блуждало под сводами станции, словно лишенная тела потерявшаяся сущность.

Выстрел запрокинул ему подбородок, и теперь Сашин похититель лежал, обернувшись к ней... Вместо его лица зияла влажная алая воронка. Саша вжала голову в плечи и тихонько завывала от ужаса. Страшный человек медленно, задумчиво перевел дуло на нее.

Потом оглянулся и передумал: пистолет исчез в подплечной кобуре, а сам он отступил назад, будто отрешиваясь от содеянного. Открыл плоскую фляжку и приложился к ней.

На маленькой сцене, освещенной подышающим фонариком убитого толстяка, появилось новое действующее лицо: тяжело переводящий дыхание, держащийся за ребра старик.

Одетый в такой же защитный костюм, как и убийца, он смотрелся в нем донельзя нелепо. Нагнав своего спутника, старик сразу же изможденно свалился на пол, не заметив даже, что все вокруг залито кровью. Только потом, придя в себя и открыв глаза, увидел два изуродованных тела и зажатую между ними немую, перепуганную девушку.

* * *

Притихшее было сердце скакнуло вновь. Гомер еще не умел выразить это словами, но уже знал наверняка: он ее нашел. После стольких ночей, проведенных в бесплодных попытках вообразить свою будущую героиню, придумать ей губы и кисти рук, наряд и аромат, движения и мысли, он вдруг встретил живого человека, который в точности соответствовал его желаниям. Нет, раньше он представлял ее себе совсем не так... Более изящной, более плавной и уж точно более взрослой. Она оказалась куда жестче, в ней было слишком много острых углов, и, заглядывая ей в глаза, вместо теплой томной поволоки старик наткнулся на два ледяных осколка. Она была другой, но Гомер знал: это он заблуждался, это он не смог правильно угадать, какой она должна быть.

Ее загнанный взгляд, искаженные страхом черты, скованные руки интриговали старика. Пусть он был мастером пересказывать байки, но писать трагедии, как та, что должна была произойти с этой девушкой, ему было не дано. Ее беспомощность, обреченность, чудесное спасение и то, как ее судьба вплелась в их историю, означали: он на верном пути.

И пусть она еще не произнесла ни слова, он был готов поверить ей авансом. Ведь, кроме всего прочего, девчонка – со своими белыми, восторженными, кое-как обкорнанными волосами и острыми ушками, с вымазанными в копоты скулами и обнаженными резными ключицами –

неожиданно белыми, уязвимыми, со своей по-детски пухлой прикушенной нижней губой, – была по-особенному красива.

К его любопытству примешались и жалость, и внезапная нежность.

Старик приблизился и присел рядом с ней на корточки. Она съежилась и зажмурила глаза. «Дикарка», – подумал он. Потрепал ее по плечу, не зная, что сказать...

– Пора уходить, – вторгся Хантер.

– А что с... – Гомер вопросительно кивнул на девчонку.

– Ничего. Не наше дело.

– Нельзя ее здесь бросить одну!

– Проще пристрелить, – отрезал бригадир.

– Я не хочу с вами идти, – неожиданно собравшись, произнесла девушка. – Только снимите наручники. Ключи должны быть у него, – она указала на безликий сломанный манекен.

Хантер в три движения обыскал труп и выудил из внутреннего кармана связку жестяных ключиков. Швырнул их девчонке, оглянулся на старика:

– Все?

Гомер, все еще пытаясь отсрочить расставание, спросил у нее:

– Что этот нелюдь с тобой сделал?

– Ничего, – отозвалась она, ковыряясь в замке. – Не успел. Он не нелюдь. Обычный человек. Жестокий, глупый, злопамятный. Как все.

– Не все такие, – возразил старик без особой убежденности.

– Все, – упрямо сказала девчонка, морщась, но вставая на затекшие ноги. – Это ничего. Оставаться человеком – тоже непросто.

Быстро же она забыла о своем испуге! Глаз она больше не опускала, глядела на мужчин насупленно, вызывающе. Подошла к одному из трупов, осторожно перевернула его вверх лицом, уложила заломленные руки и поцеловала в лоб.

Потом повернулась к Хантеру, прищурилась, и уголок ее рта дрогнул.

– Спасибо.

Вещей и оружия она с собой не взяла. Слезла на пути и зашагала, прихрамывая, к туннелю. Бригадир смотрел ей вслед набычившись, его рука нерешительно бродила по ремню между ножом и флягой. Наконец определившись, он выпрямился и окликнул ее:

– Погоди!

Глава 8. Маски

Клетка валялась там же, где толстяк выбил ее из Сашиных рук. Дверца ее была приоткрыта; крыса сбежала... «Пусть», – подумала девушка. Крыса тоже заслуживала свободу.

Выбора не было, и Саше пришлось надеть противогаз своего похитителя. Он, казалось, еще сохранил остатки его затхлого дыхания, но Саша могла только радоваться, что толстяк успел снять маску, прежде чем его пристрелили.

Ближе к середине моста радиационный фон снова скакнул.

Огромный брезентовый костюм, в котором она барахталась, как тараканья личинка в коконе, держался на ней чудом. Но противогаз, хоть и был растянут по широкой, с отвисшими брылами морде толстяка, прочно прилип к ее лицу. Саша старалась дуть как можно сильнее, чтобы прогнать по шлангам и фильтрам воздух, предназначавшийся еще для убитого. Но, глядя вокруг себя сквозь запертые круглые стекла, она не могла отделаться от ощущения, что вошла не просто в чей-то защитный костюм, а в чужое тело. Всего час назад внутри был пришедший за ней бездушный демон. Теперь же, чтобы все же перейти через мост, ей как будто приходилось самой стать им, взглянуть на мир его глазами.

И глазами тех людей, которые изгнали их с отцом на Коломенскую, которые держали их там все эти годы живыми только потому, что их алчность была сильнее их ненависти. Интересно, чтобы затеряться среди таких людей, Саше тоже придется носить черную резиновую маску, притворяясь кем-то другим, кем-то без лица и без чувств? Если бы только это помогло ей измениться и изнутри, обнулить воспоминания... Искренне поверить в то, что с ней не случилось ничего необратимого, что все еще можно начать заново.

Саше хотелось думать, что эти двое подобрали ее не случайно, что они были посланы на станцию именно за ней, но она знала, что это не так. Ей трудно было определить, зачем они взяли ее с собой – для развлечения, из жалости или чтобы что-то друг другу доказать. В немногих словах, как кость брошенных ей стариком, вроде бы сквозило сочувствие, но он все делал с оглядкой на своего спутника, придерживал язык и будто боялся, что его уличат в человечности.

Второй же после того, как разрешил девушке идти с ними до ближайшей обитаемой станции, больше вообще не смотрел в ее сторону. Нарочно замешкавшись, Саша пропустила его чуть вперед, чтобы беспрепятственно изучить хотя бы со спины. Он явно ощутил ее взгляд – сразу же напрягся, дернул головой – но не обернулся, то ли снисходя к девичьему любопытству, то ли не желая показывать, что обращает на нее внимание.

Могучее сложение и звериные повадки обритого, которые заставили толстяка спутать его с медведем, выдавали в нем воина и одиночку. Дело было не только в его росте или в аршинных плечах. От него исходила сила, и она была бы столь же осязаема, будь он худым и невысоким. Такой человек сумеет заставить подчиниться почти любого, а послушавшегося уничтожит без колебаний.

И задолго до того, как Саша окончательно совладала со своим страхом перед этим человеком, до того, как стала пытаться разобраться в нем и в себе, незнакомый еще голос только просыпающейся в ней женщины уверенно сказал Саше: она тоже ему подчинится.

* * *

Дрезина шла вперед на удивление споро. Сопротивления рычагов Гомер почти не ощущал: весь вес брал на себя бригадир. Старик, стоявший по их другую сторону, для порядка тоже поднимал и опускал руки, но сил у него эта работа совсем не отнимала.

Приземистый метромост многоножкой переползал вброд темную густую реку. Бетонное мясо слезало с его железных костей, лапы подкашивались, один из двух хребтов просел и обвалился. Утилитарный, типовой и недолговечный, как и окружавшие его новостройки, как вся штампованная окраинная Москва, он был начисто лишен какого бы то ни было изящества. Но, катясь по нему и восхищенно озираясь по сторонам, Гомер вспоминал о расходящихся волшебных мостах Петербурга, об ажурном черномом Крымском мосте.

За двадцать с лишним лет, прожитых в метро, старик лишь трижды поднимался на поверхность и каждый раз старался углядеть больше, чем мог увидеть за свою короткую увольнительную. Оживить воспоминания, навести на город мутнеющие с годами объективы глаз и пощелкать ржавеющим затвором зрительной памяти, набраться впечатлений на будущее. Вдруг ему больше не посчастливится очутиться наверху – на Коломенской, Речном вокзале или в Теплом Стане. В этих чудесно красивых местах, к которым он, как и многие москвичи, раньше относился с некоторой – несправедливой – брезгливостью.

Год от года его Москва старела, рассыпалась, выветривалась. Гомеру хотелось погладить разлагающийся метромост так же, как девочка на Коломенской в последний раз приласкала истекшего кровью мужчину. И мост, и серые мысы заводских зданий, и осиротевшие улы жилых домов. Налюбоваться на них. Прикоснуться к ним, чтобы почувствовать, что он действительно находится среди них, а не видит все это во сне. И чтобы на всякий случай попрощаться с ними.

Видимость была скверная, серебристый лунный свет не мог пробиться сквозь фильтр плотных облаков, и старику приходилось больше угадывать, чем замечать. Ничего, ему было не привыкать подменять фантазиями реальность.

Полностью отдавшись созерцанию, Гомер сейчас не думал ни о чем другом, позабыв и о легендах, которые ему предстояло сложить, и о таинственном дневнике, безотрывно тревожившем его воображение все последние часы. Он вел себя точно ребенок на экскурсии: засматриваясь на размытые силуэты высоток, вертел головой, что-то говорил себе вслух.

Другим проезд по мосту не доставлял никакого удовольствия. Бригадир, занявший место лицом вперед, лишь изредка замирал и озираясь на долетавшие снизу шумы. В остальном все его внимание было приковано к той далекой, не видной никому другому точке, где пути снова зарывались в землю. Девчонка сидела за спиной у Хантера, зачем-то обеими руками вцепившись в трофейный противогаз.

Было хорошо заметно: наверху ей не по себе. Пока отряд двигался по туннелю, девушка казалась довольно высокой, но стоило им выйти наружу, как она вся сжалась, словно втянулась в невидимую раковину, и даже снятый с трупа брезентовый балахон, который был ей чудовищно велик, не делал ее крупнее. К открывавшимся с моста красотам она была безразлична и смотрела все больше в пол прямо перед собой.

Проехали сквозь развалины станции Технопарк, строившейся уже перед самой войной – наспех и распавшейся даже не от ударов, а просто от времени, и наконец приблизились к туннелю.

В бледной ночной тьме вход в него чернел тьмой абсолютной. Теперь скафандр был для Гомера настоящими латами, а сам он – средневековым рыцарем, въезжающим в сказочную пещеру, в обиталище дракона. Шум ночного города остался у порога его логова, там же, где

Хантер приказал бросить дрезину. Теперь слышен был только робкий шорох шагов троих путников и их скудные слова, раздробленные запинаящимся о тубинги эхом. Но в звучании этого туннеля было что-то непривычное. Даже Гомер ясно ощущал замкнутость пространства, будто они через горлышко вошли в стеклянную бутылку.

– Там закрыто, – подтвердил его опасения Хантер.

Луч его фонаря первым нащупал дно: впереди глухой стеной маячил запертый гермозатвор. Обрывающиеся у ворот рельсы чуть поблескивали, из массивных петель бурыми клоунами торчала смазка. Тут же были свалены старые доски, наломанные сухие ветки, головешки, будто кто-то недавно жег здесь костер. Ворота явно использовались, но, видимо, только на выход – ни звонков, ни каких-либо других устройств оповещения по эту их сторону не было.

Бригадир оглянулся на девчонку.

– Тут всегда так?

– Они иногда выходят. Приезжают к нам на тот берег. Торговать. Я думала, сегодня...

Она словно пыталась оправдаться. Знала, что доступа нет, но скрывала?

Хантер замолотил в ворота рукоятью своего мачете, будто в огромный железный гонг. Но сталь была слишком толста, и вместо звонкого гула отзывалась лишь вялым позвякиванием. Вряд ли оно было различимо за стеной, даже окажись там кто живой.

Чуда не произошло. Ответа не последовало.

* * *

Саша вопреки здравому смыслу надеялась, что эти люди смогут отпереть ворота. Боялась предупредить их, что вход в большое метро закрыт – вдруг они решат идти другим путем, а ее бросят там же, где нашли?

Но в большом метро их никто не ждал, а взломать гермозатвор было не под силу ни одному человеку. Обритый обследовал створку, пытаясь найти слабое место или секретный замок, но Саша знала: с этой стороны никаких замков нет. Дверь открывается только наружу.

– Будете здесь. Я на разведку. Проверю затворы во втором туннеле, поищу вентиляционные шахты, – пролаял он; помолчал и зачем-то добавил: – Я вернусь.

Сказал и исчез. Старик подобрал валявшиеся вокруг ветки и доски, запалил тщедушный костерок. Уселся прямо на шпалы, запустил руки в заплечный мешок и принялся перерывать свое имущество. Саша опустилась рядом с ним, притаившись, наблюдая. Старик разыгрывал странный спектакль – то ли для нее, то ли для себя самого. Выудив из рюкзака потрепанную и перепачканную тетрадку, он бросил опасливый взгляд на Сашу, бочком отодвинулся от нее подальше и сгорбился над бумагой. Тут же вскочил с подозрительной для своих лет прытью – проверить, действительно ли обритый ушел. Неуклюже прокрался с десятка шагов к выходу из туннеля, никого там не обнаружил и решил, что этих мер предосторожности будет довольно. Прислонился спиной к воротам, загородился от Саши мешком и с головой погрузился в чтение.

Читал он беспокойно: что-то невнятно гундосил, потом снял перчатки, достал флягу с водой и стал зачем-то сбрызгивать свою тетрадь водой. Почитал еще немного и вдруг принялся тереть руки о штанины, досадливо хлопнул себя по лбу ладонью, зачем-то потрогал противогаз и снова кинулся читать. Заразившись его волнением, Саша отвлеклась от своих раздумий и подобралась поближе; старик был слишком захвачен, чтобы заметить ее маневры.

Его блеклые зеленые глаза, наливаясь светом костра, лихорадочно блеснули даже сквозь стекла противогаса. Время от времени он с видимым трудом выныривал обратно – за глотком воздуха. Оторвавшись, опасливо всматривался в далекий пятак ночного неба в конце туннеля, но тот был чист: обритый человек пропал с концами. И тогда тетрадь опять поглощала его целиком.

Теперь она поняла, зачем он поливал бумагу водой: пытался расклеить слипшиеся страницы. Видимо, поддавались они плохо, один раз он вскрикнул так, словно порезался: случайно порвал один из листов. Чертыхнулся, обругал себя и тут увидел, как пытливо она его разглядывает. Смутился, снова поправил противогаз, но заговаривать с ней не стал, пока не дочитал все до конца.

Потом подскочил к костру и швырнул в него тетрадь. На Сашу он не смотрел, и она почувствовала: сейчас дознаваться не стоит, соврет или смолчит. Да и были вещи, которые ее тревожили сейчас куда больше. Прошел, наверное, целый час с тех пор, как ушел обритый. Не бросил ли он их как ненужную обузу? Саша под села поближе к старику.

– Второй туннель тоже закрыт, – произнесла она тихо. – И все ближние шахты замурованы. Есть только этот вход.

Тот рассеянно посмотрел на нее, с заметным усилием сосредоточиваясь на услышанном.

– Он найдет способ попасть внутрь. У него чутье. – Он замолк и спустя минуту, будто не желая быть невежливым, спросил: – Как тебя зовут?

– Александра, – серьезно представилась она. – А тебя?

– Николай... – начал было он, протягивая ей руку, и вдруг, словно передумав, судорожно отдернул ее, прежде чем Саша успела к нему притронуться. – Гомер. Меня зовут Гомер.

– Странная кличка, – повторив за стариком, протянула Саша.

– Это имя, – твердо сказал Гомер.

Объяснить ему, что пока они с ней, двери не откроются? Ворота вполне могли оказаться распахнуты настежь, приди эти двое сюда одни. Это Коломенская отказывается отпустить Сашу, наказывает ее за то, как она поступила с отцом. Девушка сбежала, натягивая цепь, но разорвать ее не смогла. Станция вернула ее к себе один раз, вернет и другой...

Эти мысли и образы, сколько бы она их ни отгоняла, как кровососущий гнус, отлетали от нее на расстояние вытянутой руки, а потом возвращались и кружили, кружили, лезли в уши, в глаза.

Старик еще спрашивал Сашу о чем-то, но она не откликалась: пелена слез застила ей глаза, а в ушах звучал отцовский голос, повторяющий: «Нет ничего ценнее человеческой жизни». Настала минута, когда она по-настоящему поняла его.

* * *

То, что творилось на Тульской, больше не было для Гомера загадкой. Все объяснилось проще и страшнее, чем он воображал. Но история еще более страшная начиналась только теперь вместе с расшифровкой найденного блокнота. Дневник оказался для Гомера черной меткой, билетом в один конец, и, получив его на руки, старик уже не мог от него избавиться, сколько бы он ни старался его сжечь.

Кроме того, его подозрения, касающиеся Хантера, теперь подкреплялись весомыми, однозначными уликами, хотя Гомер не имел ни малейшего представления, что ему с ними делать. Все, что он прочел в дневнике, полностью противоречило утверждениям бригадира. Тот попросту лгал, и лгал осознанно. Старик должен был разобраться, во имя чего была эта ложь, да и был ли в ней какой-то смысл. От этого зависело и то, решится ли он следовать за Хантером дальше, и то, обернется ли его приключение героическим эпосом или кошмарной безоглядной бойней, у которой не останется живых свидетелей.

Первые пометки в блокноте были датированы днем, когда караван без потерь миновал Нагорную и вошел на Тульскую, не встретив никакого сопротивления...

«Почти до самой Тульской туннели тихие и пустые. Двигаемся быстро, хороший знак. Командир рассчитывает вернуться не позже завтрашнего дня», – докладывал погибший связист. «Вход на Тульскую не охраняется. Отправили разведчика. Пропал», – беспокоился он несколько часов спустя. «Командир принял решение двигаться к станции всем вместе. Готовимся к штурму». И еще через некоторое время: «Не можем понять, в чем дело... Разговариваем с местными. Плохо дело. Какая-то болезнь». И вскоре он разъяснял: «Несколько людей на станции поражены чем-то... Неизвестное заболевание...» Очевидно, караванщики пытались оказать больным помощь: «Фельдшер не смог найти лекарство. Говорит, похоже на бешенство... Испытывают чудовищную боль, невменяемы... Бросаются на других». И тут же: «Ослаблены болезнью, не могут причинить серьезного вреда. Беда в другом...» – Тут страсти, как назло, сошлись, и Гомеру пришлось разливать их водой из своей фляжки. «Светобоязнь. Тошнота. Кровь во рту. Кашель. Потом распухают... Превращаются в...» – слово было старательно зачеркнуто. «Как передается, неясно. Воздух? Контакт?» – это уже на следующий день. Отряд задерживался.

«Почему не доложили?» – спросил себя старик и сразу вспомнил, что где-то уже видел ответ. Перелистнул... «Связи нет. Телефон молчит. Возможно, диверсия. Кто-то из изгнанных, чтобы отомстить? Еще до нас обнаружили, сначала вышвыривали больных в туннели. Один из таких? Перерезал кабель?»

В этом месте Гомер оторвал взгляд от букв и невидяще уставился в пространство. Кабель перерезан, допустим. Почему же тогда не возвратились на Севастопольскую?

«Хуже. Пока проявится – проходит неделя. А вдруг больше? Потом до смерти – еще неделя-две. Неизвестно, кто болен, кто здоров. Ничего не помогает. Лекарства нет. Смертность сто процентов». День спустя связист сделал еще одну запись, уже знакомую Гомеру: «На Тульской хаос. Выхода в метро нет, Ганза блокирует. Домой нельзя», а через страницу продолжил: «Здоровые стреляли в больных, особенно агрессивных. Сделали загон для зараженных... Сопротивляются, просятся наружу», и после коротко, страшно: «Грызут друг друга...»

Связист тоже был перепуган, но железная дисциплина в отряде мешала страху перерастать в панику. Даже в очаге эпидемии смертельной лихорадки севастопольская бригада оставалась севастопольской бригадой... «Взяли ситуацию под контроль, станцию оцепили, назначили коменданта», – читал Гомер. «Наши все в порядке, но слишком мало времени прошло».

Поисковый отряд, отправленный с Севастопольской, благополучно достиг Тульской – и, конечно, тоже застрял на ней. «Приняли решение задержаться здесь, пока не пройдет инкубационный период, чтобы не подвергать опасности... Или навсегда», – обреченно писал связист. «Положение безвыходное. Помощи ждать неоткуда. Запросив Севастопольскую, приговорим своих же. Остается терпеть... Сколько?»

Значит, таинственный дозор у гермоворот на Тульской был выставлен севастопольцами? Их голоса неслучайно показались Гомеру знакомыми: дежурство несли люди, с которыми за несколько дней до того он оборонял от упырей чертановское направление! Добровольно отказавшись от возвращения, они надеялись уберечь от заражения родную станцию...

«Чаще всего от человека к человеку, но, видно, есть и в воздухе. У кого-то вроде бы иммунитет. Началось пару недель назад, многие не заболели... Но мертвых все больше. Живем в морге», – строчил связист. «Кто подохнет следующим?» – вдруг срывался он в истерический визг. Брал себя в руки и продолжал ровно: «Надо что-то делать. Предупредить. Хочу пойти добровольцем. Не до Севастопольской – найти место, где поврежден кабель. Дозвониться, надо дозвониться».

Прошли еще сутки, заполненные невидимой борьбой с командиром каравана, неслышными спорами с другими бойцами и растущим отчаянием. Все то, что связист старался донести до них, он, собравшись, излагал в своем дневнике. «Не понимают, как это выглядит с Севастопольской! Уже неделю как в блокаде. Вышлют новую тройку, которая тоже не сможет вер-

нуться. Потом отправят большую штурмовую бригаду. Объявят мобилизацию. Все, кто придет на Тульскую, в зоне риска. Кто-то заразится, сбежит домой. Все, конец. Надо предотвратить штурм! Не понимают...»

Еще одна попытка достучаться до начальства – бесплодная, как и все предыдущие... «Не отпускают... Сошли с ума. Если не я, то кто? Надо бежать».

«Сделал вид, что успокоился, что согласен ждать, – телеграфировал он через день. – Вышел на дежурство к гермозатворам. Крикнул, что найду обрыв кабеля, побежал. Выстрелили мне в спину. Застреля пуля».

Гомер перелистнул.

«Не для себя. Для Наташи, для Сережки. Сам и не думал спастись. Пусть они живут. Сережка чтобы...» – тут перо прыгало в ослабшей руке; может быть, он добавил это уже позднее, потому что кончилось место или потому что уже было все равно, куда писать. Потом нарушенная хронология восстанавливалась: «Через Нагорную пропустили, спасибо. Сил больше нет. Иду, иду. Обморок. Сколько проспал? Не знаю. В легком кровь? От пули или заболел? Не...» – Кривая букв распрямлялась в скользящую линию, как энцефалограмма умирающего. Но потом он все-таки приходил в себя и заканчивал: «...не могу найти повреждение».

«Нахимовский. Дошел. Знаю, где телефон. Буду предупредить... что нельзя! Спасти... Жена скучаю», – все более бессвязно вместе с алыми сгустками выплескивал он на бумагу. «Дозвонился. Услышали? Скоро умру. Странно. Усну. Патронов нет. Хочу уснуть раньше, чем эти... Стоят вокруг, ждут. Я еще живой, уйди».

Финал дневника был, кажется, заготовлен заранее, вписан торжественным прямым почерком: призыв не штурмовать Тульскую и имя того, кто отдал свою жизнь, чтобы этого не произошло.

Но Гомер чувствовал: последним, что успел вывести связист перед тем, как его сигнал угас навсегда, было: «Я еще живой, уйди».

* * *

Двух жмущихся к огню людей облепила тяжелая тишина. Гомер больше не пытался растормошить девчонку. Молча ворошил палкой золу в костре, где трудно, как еретик, умирал промокший блокнот, и переживал бурю, бушевавшую у него внутри.

Судьба насмеялась над ним. Как он стремился разгадать тайну Тульской! Как гордился, обнаружив дневник, и кичился тем, что в одиночку приблизился к тому, чтобы распутать все узлы в этой истории... И что же? Теперь, когда ответ на все вопросы был у него в руках, он проклинал себя за свое любопытство.

Да, он дышал через респиратор, когда подобрал дневник на Нахимовском, и сейчас он тоже был в костюме полной защиты. Но ведь никто не знал, как именно передается болезнь!

Каким он был дураком, когда страшил себя тем, что ему осталось не так уж много! Да, это его подгоняло, помогало побороть лень и преодолеть страх. Но смерть своевольна и не любит тех, кто пытается ей помыкать. И вот дневник назначал ему уже определенный срок: несколько недель от дня заражения до гибели. Пусть даже целый месяц! Как много ему нужно было успеть за эти жалкие тридцать дней...

Что делать? Признаться своим спутникам, что болен, и уйти подышать на Коломенскую – не от хвори, так от голода и облучения? Но если страшную болезнь уже вынашивает он, то и Хантер, и девушка, с которыми он делил воздух, наверняка уже заражены. Особенно бригада – у Тульской он говорил с дозорными из оцепления, подойдя к ним совсем близко.

Или понадеяться на то, что болезнь минует его, затаиться и выжидать? Разумеется, не просто так, а чтобы продолжить путешествие с Хантером. Чтобы подхвативший старика вихрь событий не отпускал его и он мог продолжать черпать в них вдохновение.

Ведь если, распечатав проклятый дневник, Николай Иванович, престарелый, бесполезный и бездарный житель Севастопольской, бывший помощник машиниста, придавленная прижатием к земле гусеница, умирал, то Гомер, летописец и мифотворец, яркой бабочкой-однодневкой только появлялся на свет. Быть может, ему была ниспослана трагедия, достойная пера великих, и теперь лишь от него зависело, сможет ли он воплотить ее на бумаге в те тридцать дней, которые были ему на это отведены.

Имел ли он право пренебречь этим шансом? Имел ли право превратиться в отшельника, забыть о своей легенде, добровольно отказаться от подлинного бессмертия и лишиться его всех своих современников? Что будет большим преступлением, большей глупостью – пронести чумной факел через половину метро или сжечь свои рукописи и себя вместе с ними?

Как человек тщеславный и малодушный, Гомер уже сделал выбор и теперь только искал аргументы в свою пользу. Что с того, что он заживо мумифицирует себя в склепе на Коломенской в компании двух других трупов? Он не создан для подвигов. И если севастопольские бойцы на Коломенской готовы на всякий случай записать себя в мертвецы, это их выбор и их право. По крайней мере, им не приходится умирать в одиночестве...

Да и что толку, если Гомер пожертвует собой? Хантера ему в любом случае не остановить. Старик-то разносил заразу, не ведая, что творит, а вот Хантеру все было прекрасно известно с той встречи у Тульской. Недаром он так настаивал на полном уничтожении всех ее обитателей, включая даже севастопольских караванщиков. Недаром упоминал об огнеметах...

А если они оба уже были больны, эпидемия неизбежно затронет Севастопольскую. И прежде всего людей, с которыми они находились рядом. Елену... Начальника станции. Командира периметра. Их адъютантов. Это означает, что через три недели станция сначала будет обезглавлена, ее охватит хаос, а потом мор выкосит и всех остальных.

Но как сам Хантер рассчитывал избежать заражения? Почему отправился обратно на Севастопольскую, хотя уже понимал, что болезнь могла передаваться и ему? Гомеру становилось очевидно, что бригадир действовал не по наитию, а шаг за шагом осуществлял некий план. Пока старик не спутал ему все карты.

Итак, Севастопольская обречена в любом случае, и вся экспедиция теряет смысл? Но даже чтобы вернуться домой и тихо умереть рядом с Еленой, Гомеру потребовалось бы довести свое кругосветное путешествие до конца. Одного перехода от Каховской до Каширской хватило, чтобы противогазы вышли из строя, а от скафандров, впитавших десятки, если не сотни, рентген, необходимо было избавиться как можно скорее. Возвратиться прежней дорогой он уже не сможет. Что делать?

...Девушка спала, сжавшись в комок. Костер наконец доглотал зачумленный дневник, проглотил последние ветки и свернулся. Жалея батареи своего фонаря, старик попробовал пересидеть, сколько получится, в темноте.

Нет, он вынужден идти за бригадиром дальше. Он будет избегать других людей, чтобы снизить риск заражения, оставит здесь рюкзак со всеми пожитками, уничтожит одежду... Будет уповать на помилование и все же вести обратный отсчет тридцати дням. Станет работать над своей книгой каждый день, не давая себе отдыха. «Как-нибудь все разрешится, – твердил себе старик. – Главное, следовать за Хантером, не отставать от него».

Если тот еще появится...

Шел уже второй час, как он сгинул в мутном просвете в конце туннеля. Утешая девушку, сам Гомер вовсе не был так уверен, что бригадир непременно к ним возвратится.

Чем больше старик узнавал о нем, тем меньше его понимал. Сомневаться в бригадире было невозможно, так же невозможно, как и верить в него. Он не поддавался изучению, не раскладывался на обычные человеческие эмоции. Довериться ему было все равно что отдаться стихии. Гомер уже сделал это; раскаиваться было и бессмысленно, и поздно.

В крошечном мраке тишина уже не казалась такой плотной. Сквозь ее гладкую скорлупу проклеывались странные шепотки, чей-то далекий вой, шуршание... В одних старику чудилась пьяная поступь трупоедов, в других – скольжение призрачных гигантов с Нагорной, в третьих – крики умирающих. Не прошло и десяти минут, как он сдался.

Щелкнул выключателем и вздрогнул.

В двух шагах от него стоял Хантер, скрестив руки на груди и уставившись на спящую девчонку. Заслонившись ладонью от слепящего с непривычки света, он спокойно произнес:

– Сейчас откроют.

* * *

Саше снилось: она снова одна на Коломенской, встречает отца «с прогулки». Он запаздывает, но ей обязательно нужно дождаться его, помочь снять верхнюю одежду, стащить противогаз, накормить. К обеду уже все давно накрыто, она не знает, чем себя занять. Ей хочется отойти от ворот, ведущих на поверхность, но вдруг он вернется именно в то мгновение, пока ее не будет рядом? Кто ему откроет? И вот она сидит на холодном полу у выхода, бегут часы, уходят дни, его все нет, но она не уйдет со своего места, пока ворота не...

Разбудил ее гулкий стук отпирающихся засовов – точно таких, как в гермозатворе на Коломенской. Она проснулась с улыбкой: отец вернулся. Огляделась и все вспомнила.

Настоящим из всего стремительно улетающего видения было только уханье тяжелых задвижек на железных воротах. Через минуту гигантская створка завибрировала и медленно сдвинулась с места. В расширяющуюся щель бил сноп света и просачивалась дизельная гарь. Вход в большое метро...

Затвор мягко отошел в сторону и встал в паз, обнажая утробу туннеля, уводящего к Автозаводской и дальше к Кольцу. На рельсах под парами стояла, рыча двигателем, большая мотодрезина с головным прожектором и несколькими сиденьями. В перекрестье пулеметного прицела люди с дрезины видели двух жмурящихся, прикрывающих глаза путников.

– Руки! – раздался приказ.

Вслед за стариком Саша послушно подняла руки. На сей раз мотодрезина была та самая, что выезжала за мост по торговым дням. Ее экипажу была прекрасно знакома Сашина история. А вот старик со странным именем сейчас пожалеет, что взял с собой связанную девчонку с пустой станции, не поинтересовавшись, как она там оказалась...

– Снять противогазы, предъявить документы! – скомандовали с дрезины.

Открывая лицо, она корила себя за глупость. Никто не способен был освободить ее. И приговора, вынесенного отцу – и Саше с ним заодно, – никто не отменял. Почему она поверила в то, что эти двое смогут вывести ее в метро? Думала, что на границе ее не заметят?

– Эй, ты! Тебе сюда нельзя! – ее опознали мгновенно. – У тебя десять секунд, чтобы исчезнуть. А это кто? Это твой?...

– Что происходит? – растерянно спросил старик.

– Не смейте! Оставьте его! Это не он! – закричала Саша.

– Проваливайте! – ледяным тоном резюмировал автоматчик. – Или мы сейчас... На поражение...

– По девчонке? – послышался неуверенный второй голос.

– Я сказал!.. – Предвкушающе чавкнул автоматный затвор.

Саша попятилась и зажмурилась, в третий раз за несколько часов готовясь увидеть смерть. Что-то тихонько чирикнуло и стихло. Последний приказ никак не звучал; ждать становилось невмоготу, и девушка приоткрыла один глаз.

Мотор все так же дымил, сизые клубы плыли сквозь белый поток, исходящий из прожектора и отчего-то направленный в потолок. Сейчас, когда луч больше не забивал Саше зрачки, она видела тех, кто находился на дрезине.

Все они распотрошенными куклами валялись на машине или на рельсах рядом с ней. Безвольно свисающие руки, неестественно вывернутые шеи, переломленные тела.

Саша обернулась назад. За спиной у нее стоял обритый, опустив пистолет и внимательно изучая мотодрезину, превращенную в разделочную доску. Вскинул ствол и спустил курок еще раз.

– Теперь все, – удовлетворенно прогудел он. – Снимайте с них форму и противогазы.

– Зачем? – Старика перекосило.

– Переодеваемся. Поедем через Автозаводскую на их дрезине.

Саша застыла, ошеломленно глядя на убийцу; испуг боролся в ней с восхищением, омерзение мешалось с благодарностью. Он только что с легкостью умертвил сразу троих, нарушая главную из отцовских заповедей. Но сделал это, чтобы сохранить жизнь ей – ну и старику. Случайно ли он спасает ее второй раз подряд? Не путает ли она суровость с жестокостью?

Одно она знала точно: бесстрашие этого человека заставляет забыть о его уродстве.

Обритый первым подошел к дрезине и принялся сдирать резиновые скальпы с поверженных врагов. И вдруг с глухим ревом отшатнулся от мотодрезины, попятился назад, словно увидел самого дьявола, выставив перед собой обе руки, повторяя одно и то же...

– Черный!

Глава 9. Воздух

Страх и ужас – совсем не одно и то же. Страх подхлестывает, заставляет действовать, изобретать. Ужас парализует тело, останавливает мысли, лишает людей человеческого. Гомер достаточно повидал на своем веку, чтобы знать разницу между ними.

Его бригадир, не наделенный способностью испытывать страх, неожиданно оказался подвластным ужасу. Но то, что привело Хантера в такое состояние, удивило старика еще сильнее.

Труп, с которого тот успел снять противогаз, выглядел необычно. Под черной резиновой обнаружилась темная, лоснящаяся кожа, вывернутые губы, приплюснутый широкий нос. Негров Гомер не видел с тех пор, как перестал работать телевизор с музыкальными каналами – двадцать с лишним лет назад, но узнать в убитом человека другой расы не составляло труда. Курьез, определенно. Но что тут пугающего?

Впрочем, бригадир уже взял себя в руки, странный приступ не продолжался и минуты. Он осветил плосконосое лицо, прорычал что-то невнятно и принялся грубо раздевать непослушное тело, причем Гомер отдал бы голову на отсечение, что слышит хруст ломающихся пальцев.

– Издеваются... Еще раз напомнить, да?... А это – по-человечески?... Такая кара... – хрипел он еле слышно.

Перепутал с кем-нибудь? Калечит мертвого в отместку за минутное унижение или все же сводит давние и куда более серьезные счеты? Старик украдкой поглядывал на бригадира, сквозь отвращение обдирая другой труп – совершенно обыкновенный.

Девчонка в мародерстве не участвовала, а Хантер ее не принуждал. Она отошла, присела на рельсы и скрыла лицо в ладонях. Гомеру почудилось, что она плачет.

Трупы Хантер выволок за ворота и свалил в кучу. Не пройдет и суток, как от них ничего не останется. Днем власть над городом переходит к таким созданиям, что грозные ночные хищники забиваются глубоко в норы, безропотно дожидаясь своего часа.

На темной униформе чужая кровь была не видна, но высохла она не сразу. Холодно липла к животу, к груди, будто хотела вернуться в живое тело, причиняя мерзкий зуд и коже, и рассудку. Гомер спрашивал себя, так ли уж необходим был этот маскарад, и утешался только тем, что он поможет им избежать новых жертв на Автозаводской. Если расчет Хантера окажется верен, их беспрепятственно пропустят мимо, приняв за своих... Но если нет? Да и стремится ли он к тому, чтобы сократить число лишних смертей на своем пути?

Кровожадность бригадира не только отталкивала, но и интриговала Гомера. Самооборона не оправдывала и трети всех совершенных им убийств, но дело тут было в чем-то большем, чем заурядный садизм. Главное же, чем терзался старик, – не для того ли, чтобы просто удовлетворить свою тягу, Хантер направлялся на Тульскую?

Пусть несчастные, попавшие в западню на этой станции, не могли найти средства против загадочной лихорадки. Это ведь не значило, что его не существует в принципе! В подземном мире оставались еще места, где продолжала тлеть научная мысль, где проводились исследования, разрабатывались новые лекарства, изготавливались сыворотки. К примеру, Полис – слияние четырех артерий, сердце метро, последнее подобие настоящего города, раскинувшийся в переходах между Арбатской, Боровицкой, Александровским садом и Библиотекой имени Ленина, где обосновались выжившие врачи и ученые. Или огромный бункер близ Таганской, тайный наукоград в собственности Ганзы...

Кроме того, Тульская могла быть не первой станцией, где разразилась эпидемия. Вдруг кому-то уже удавалось победить ее? «Разве можно с такой легкостью отказываться от надежды на спасение?» – спрашивал себя Гомер. Конечно, у старика, теперь носящего часовую мину болезни в собственном теле, был свой корыстный интерес. Разумом Гомер почти смирился со

скорой смертью, но его инстинкты бунтовали и требовали искать выход. Если он найдет способ спасти Тульскую – уберезет родную станцию и спасется сам...

Но Хантер просто не верил в лекарство от болезни. Лишь единожды перебросившись парой слов с дозором на Тульской, он приговорил всех ее обитателей к смерти и сам тут же взялся привести приговор в исполнение. Ввел в заблуждение командование Севастопольской байками о кочевниках, навязал ему свое решение и сейчас неумолимо приближался к тому, чтобы воплотить его, предав Тульскую огню.

Или он знал о происходящем на станции нечто такое, что вновь переворачивало все с ног на голову? Нечто неизвестное ни Гомеру, ни тому, кто оставил на Нахимовском свой дневник...

Покончив с трупами, бригадир сорвал с ремня флягу и высосал остатки содержимого. Что же в ней было? Спирт? Использовал ли он свое пойло как приправу или хотел отбить послевкусие? Смаковал момент или пытался забыться, а может, надеялся заглушить спиртом что-то в себе?

* * *

Чадящая старая дрезина для Саши стала машиной времени из сказок, которыми ее иногда развлекал отец. Она уносила девушку не от Коломенской к Автозаводской, а возвращала из настоящего в прошлое. Хотя назвать настоящим каменный мешок, где она провела последние годы, этот слепой отросток в пространстве и во времени, могло прийти в голову только ей.

Она хорошо помнила свой путь в ту сторону: отец, связанный, с вязаной шапкой на глазах и кляпом во рту, сидел рядом с ней, еще совсем девочкой. Она все время плакала, и один из солдат расстрельной команды, складывая пальцы, показывал ей разных зверей, тенями плясавших на маленькой желтой арене, которая бежала по потолку туннеля наперегонки с дрезиной.

Отцу зачитали приговор, когда они уже пересекли мост: революционный трибунал помиловал его, казнь заменена на пожизненную ссылку. Столкнули на рельсы, кинули нож, автомат с одним рожком и старый противогаз, помогли спуститься Саше. Солдат, показывавший ей лошадь и собаку, помахал девочке рукой.

Не было ли его среди застреленных сегодня?

Ощущение, что она дышит чужим воздухом, стало сильнее, когда она влезала в черный противогаз, снятый обритым с одного из тел. Каждый крошечный отрезок ее дороги стоил кому-то жизни. Наверное, обритый все равно застрелил бы их, но сейчас, когда Саша была рядом, она становилась соучастницей.

Ее отец не хотел возвращаться домой не только потому, что устал бороться. Он говорил, что все его унижения и лишения весят не больше, чем хотя бы одна чужая жизнь. Страдал сам, чтобы не доставлять страданий другим. Саша знала, что чаша, на которую были сложены все забранные им жизни, и так уже находится далеко внизу, и отец просто пытался восстановить равновесие.

А ведь обритый мог вмешаться раньше, мог просто напугать людей на дрезине одним своим появлением, обезоружить их без единого выстрела, Саша была в этом совершенно уверена. Никто из убитых не был ему достойным противником.

Зачем он так?

Станция ее детства оказалась ближе, чем она думала: не прошло и десяти минут, как впереди замерещили ее огни. Подъезды к Автозаводской никем не охранялись. Видимо, ее жители слишком полагались на запертые гермозатворы. За полсотни метров до платформы обритый перевел двигатель на малые обороты и, приказав Гомеру встать у руля, сам подобрался поближе к пулемету.

Дрезина вкатилась на станцию почти неслышно и медленно-медленно. Или это время застыло для Саши, чтобы она успела за несколько коротких мгновений все увидеть и все вспомнить?

В тот день отец оставил ее на своего ординарца, велел спрятать, пока все не разрешится. Тот увел ее глубоко в станционное подбрюшье, в одно из служебных помещений. Но даже оттуда было слышно, как одновременно взревела сотня глоток, и он бросился обратно, чтобы быть рядом со своим командиром. Саша метнулась по пустым коридорам следом за ним, выскочила в зал...

Они плыли вдоль платформы, и Саша смотрела на просторные семейные палатки и оборудованные под конторы вагоны, гоняющих в салки ребяташек и судачащих стариков, угрюмых мужчин, чистящих оружие...

А видела своего отца, стоящего во главе тонкой цепочки злых и напуганных мужчин, пытающейся охватить и удержать необъятную, выкипающую толпу. Она подбежала к отцу, прижалась к его спине. Он ошалело обернулся, стряхнул ее и влепил затрещину подоспевшему адъютанту. Но что-то уже успело с ним произойти. Строй, замерший со вскинутыми автоматами в ожидании команды открыть огонь, получил отбой. Единственным выстрелом стал выстрел в воздух: ее отец начинал переговоры о мирной передаче станции революционерам.

Ее отец верил: человеку даются знаки.

Надо только уметь видеть и правильно читать их.

...Нет, время замедлилось не только для того, чтобы позволить ей еще раз побывать в последнем дне детства. Вооруженных людей, поднимающихся навстречу дрезине, она заметила раньше всех остальных. Видела, как обритый неуловимым перетекающим движением оказался за гашеткой, как начал поворачиваться в сторону удивленных дозорных толстый вороненый ствол.

Раньше старика слышала шипящий приказ остановить дрезину. И поняла: здесь сейчас погибнет столько народа, что ей до конца жизни будет казаться, будто она дышит чужим воздухом. Но Саша еще могла помешать расправе, уберечь от чего-то невыразимо страшного и их, и себя, и еще одного человека.

Дозорные уже снимали автоматы с предохранителей, но возились с ними слишком долго, отставая от обритого на несколько ходов.

Она сделала первое, что пришло ей в голову.

Вскочила и приникла к его бугристой железной спине, обняв его сзади и сомкнув руки на неподвижной, будто не дышащей, груди. Он вздрогнул, как если бы она ужалила его плеткой, замешкался... Опешили и изготовившиеся к стрельбе автоматчики.

Старик понял ее без слов.

Дрезина рванулась с места, изрыгая черные горькие облака, и станция Автозаводская унеслась прочь. В прошлое.

* * *

До самой Павелецкой никто больше не обмолвился ни словом. Хантер высвободился из неожиданных объятий, разжав руки девушки так, будто гнул мешавший ему дышать стальной обруч. Мимо единственного блокпоста проскочили на полной скорости, посланные с него вее-ром пули впились в потолок над их головами. Бригадир успел выхватить свой пистолет и ответил тремя беззвучными вспышками. Одного, кажется, свалил, остальные слились со стенами, вжались в неглубокие выступы тубингов и так уцелели.

«Однако», – думал Гомер, посматривая на сникшую девчонку. Он предполагал, что любовная линия завяжется вскоре после появления героини, но все развивалось уж слишком стремительно. Быстрее, чем он поспевал не только записывать, но и понимать.

Выехав на Павелецкую, встали.

Старику случалось уже бывать на этой станции, перенесшейся сюда из неких готических легенд. Вместо незамысловатых колонн, которые держали своды на всех окраинных новостройках московского метро, Павелецкая опиралась на вереницу воздушных округлых арок, слишком высоких для обычных людей. Как часто случалось в таких легендах, Павелецкая была поражена необычным проклятием. Ровно в восемь вечера только что бурлившая станция вымирала, преобразаясь в собственный призрак. Из всего ее деятельного и пройдошливого населения на платформе оставались лишь несколько смельчаков. Все прочие – вместе со своими детьми, со скарбом, с набитыми товаром баулами, со скамейками и лежанками – исчезали.

Забивались в убежище – чуть не километровой длины переход на Кольцевую линию – и там тряслись всю долгую ночь, пока на поверхности у Павелецкого вокзала рыскали пробудившиеся от сна чудовищные создания. Знающие люди говорили, что вокзал и прилегающие земли были их безраздельной вотчиной, и даже когда они дремали, туда не отваживались забредать никакие другие твари. Жители Павелецкой были перед ними беззащитны: заслоны, отсекавшие на других станциях эскалаторы, тут попросту отсутствовали, и выход на поверхность всегда оставался открытым.

По Гомеру, трудно было найти менее подходящее место для привала и ночлега. Но Хантер считал иначе: достигнув дальнего конца зала, дрезина встала.

– До утра будем здесь. Располагайтесь, – ставив противогаз, он обвел рукой станцию.

И покинул их. Девчонка проводила его взглядом, потом свернулась на жестком полу. Старик устроился поудобнее и прикрыл глаза, пробуя задремать. Тшкетно: мысли о чуме, которой он обносит еще здоровые станции, снова обступили его. Девушке тоже не спалось.

– Спасибо тебе. Я думала, ты такой же, как он, – подала она голос.

– Не думаю, что есть еще такие люди, – откликнулся старик.

– Вы с ним друзья?

– Как рыба-прилипала с акулой, – невесело улыбнулся он, думая про себя, что так оно и есть: людей пожирает Хантер, но кровавые шматы человечины перепадает и Гомеру.

– Как это? – Она приподнялась.

– Куда он, туда и я. Я думаю, что без него не обойдусь, а он... Может быть, он думает, что я его очищу. Хотя на самом деле никто не знает, что он думает.

– А почему ты без него не можешь? – Девушка подсела поближе к старику.

– Мне кажется, что пока я рядом с ним, вдохновение... меня не оставит... – попытался объяснить Гомер.

– Вдохновение – от слова «вдох», – сказала Александра, и неясно было, спрашивает она или утверждает. – Зачем тебе вдыхать такое? Что это тебе даст?

Гомер пожал плечами.

– Это не то, что вдыхаем мы. Это то, что вдыхают в нас, – ответил он.

– Я думаю, пока ты дышишь смертью, к твоим губам больше никто не прикоснется. Испугаются трупного запаха. – Она что-то чертила пальцем на грязном полу.

– Когда видишь смерть, о многом задумываешься, – обронил Гомер.

– Ты не имеешь права вызывать ее каждый раз, когда тебе нужно подумать, – возразила она.

– Я не вызываю ее, я просто стою рядом, и потом, дело совсем не в смерти... Не только в ней, – сопротивлялся старик. – Я хотел, чтобы со мной случилась история, которая все переменит. Хотел, чтобы начался новый виток. Чтобы в моей жизни что-нибудь произошло. Чтобы меня встряхнуло... И в голове прочистилось.

– У тебя была плохая жизнь? – участливо спросила девушка.

– Скучная. Знаешь, когда один день похож на другой, они летят так быстро, что кажется – последний из них уже совсем недалеко, – попытался объяснить Гомер. – Боишься ничего не успеть. И каждый из этих дней наполнен тысячей мелких дел, выполнил одно, передохнул – пора браться за другое. Ни сил, ни времени на что-то действительно важное не остается. Думаешь – ничего, начну завтра. А завтра не наступает, всегда только одно бесконечное сегодня.

– Ты много станций видел? – Она, кажется, совсем не следила за тем, что ей рассказывал старик.

– Не знаю, – озадаченно ответил тот. – Наверное, все.

– А я – две, – вздохнула девушка. – Сначала мы с отцом жили на Автозаводской, потом нас выгнали на Коломенскую. Я всегда хотела еще хотя бы одну увидеть. Здесь так странно, – она обвела глазами череду арок. – Как будто тысяча входов, и даже стен между ними нет. И вот все они открыты для меня, а мне уже туда не хочется. И страшно.

– Так это был твой отец? Тот, второй... – Гомер замялся. – Его убили?

Девчонка спряталась обратно в свою раковину и долго молчала, прежде чем отозваться.

– Да.

– Оставайся с нами, – набрался решимости старик. – Я поговорю с Хантером, думаю, он согласится. Скажу ему, что ты нужна мне, чтобы... – Он развел руками, не зная, как объяснить девушке, что теперь вдохновлять его должна она.

– Скажи, что я нужна ему. – Саша надавила на последнее слово.

Спрыгнула на платформу и побрела прочь от дрезины, глядя каждую колонну, мимо которой проходила.

В ней совсем не было кокетства, она вообще не играла. Похоже, она пренебрегала не только огнестрельным оружием, но и обычным женским арсеналом трогательных гримасок и милых ужимок, взмахов ресниц, способных поднять ураган, и полуулыбок, ради которых можно пожертвовать собой или убить другого. Или просто еще не умела им пользоваться?

Так или иначе, арсенал этот ей был ни к чему. Одним прямым уколом глаз она заставила Хантера переменить свое решение, одним движением накинула на него сеть и удержала от убийства. Неужели пробита броню, попала в мягкое? Или понадобилась ему для чего-то? Скорее уж второе: даже предполагать, что у бригадира были уязвимые места, что его можно было не то что ранить, а хотя бы задеть, Гомеру было как-то странно.

* * *

Гомеру никак не спалось. Хотя он и сменил душный черный противогаз на легкий походный респиратор, дыхание давалось ему все так же сложно, и тиски, сдавливающие его голову, не ослабли.

Все свои старые вещи Гомер бросил в туннеле. Куском серого мыла он отскоблил руки, смыл грязь зацветающей водой из канистры и добровольно решил всегда теперь носить белый намордник. Что старик еще мог сделать, чтобы обезопасить тех, с кем находился рядом?

Ничего. Теперь уже совсем ничего, даже уйти в туннели и самому превратиться в кучу истлевшего брошенного тряпья не помогло бы. Но нынешняя близость к смерти внезапно вернула его на двадцать с лишним лет назад, во времена, когда он только что потерял всех, кого любил. И это придавало его планам новый, подлинный смысл.

Будь на то воля Гомера, он воздвиг бы им настоящий памятник. Но хотя бы обычного надгробия они точно заслуживали. Рожденные с разрывом в десятилетия, умершие в один день: его жена, его дети, родители.

И еще его одноклассники и друзья по училищу. Любимые киноактеры и музыканты. И просто все те люди, которые в тот день еще были на работе, или уже доехали домой, или застряли в пробках где-то на полпути.

И те, кто погиб сразу же, и те, кто пытался еще несколько долгих дней выжить в отравленной, полуразрушенной столице, слабо скребясь в закупоренные гермоворота метро. Те, кто вмиг распался на атомы, и те, кто размокал и заживо крошился, разъеденный лучевой болезнью.

Бойцы разведки, первыми поднимавшиеся на поверхность, после возвращения с задания сутками не могли уснуть. Гомеру доводилось встречаться с некоторыми из них у костра на станциях пересадок, он смотрел им в глаза и видел там отпечатавшиеся навек улицы, похожие на закопченные реки, вспухшие от снулой рыбы. Тысячи заглухших машин с мертвыми пассажирами забивали проспекты и шоссе, ведущие из Москвы. Трупы были повсюду. Пока в город не пришли новые хозяева, их было некому убирать.

Жалея себя, разведчики старались обходить стороной школы и детские сады. Но, чтобы потерять рассудок, было достаточно случайно перехватить сквозь пыльное стекло замерзший взгляд с заднего сиденья семейного автомобиля.

Миллиарды жизней оборвались одновременно. Миллиарды мыслей остались невысказанными, мечтаний – невоплощенными, миллиарды обид – непрощенными. Младший сын Николай выпрашивал у него большой набор цветных фломастеров, дочь боялась идти на фигурное катание, жена, перед тем как уснуть, рисовала ему, как они вдвоем проведут короткий отпуск на море.

Когда он осознал, что эти маленькие желания и страсти были последними, они вдруг преисполнились для него необыкновенной важности.

Гомер хотел бы высечь эпитафию каждому из них. Но уж одной эпитафии на своей гигантской братской могиле человечество точно было достойно. И сейчас, когда ему самому оставалось всего ничего, Гомеру казалось, что он сумеет подобрать для нее верные слова.

Он еще не знал, в каком порядке выложит их, чем скрепит, как украсит, но уже чувствовал: в истории, которая расплеталась на его глазах, найдется место и для каждой неуспокоенной души, и для каждого из чувств, и для каждой крупинки знаний, которые он собирал так кропотливо, и для него самого. Сюжет подходил для этого как нельзя лучше.

Когда наверху рассветет, а внизу встрепаются торговые ряды, он обязательно пройдет по ним, раздобудет чистую общую тетрадь и шариковую ручку. И надо спешить: если он не нанесет на бумагу контуры будущего романа, миражом забрезжившего перед ним вдали, тот может растаять, и кто знает, сколько ему еще придется сидеть на вершине бархана, вглядываясь вдаль, надеясь, что из мельчайшего песка и плавящегося воздуха снова начнет складываться его собственная башня слоновой кости?

Времени может и не хватить.

Что бы ни болтала девчонка, взгляд в пустые глазницы вечности заставляет шевелиться, усмехнулся про себя старик. Потом, вспоминая ее изогнутые брови – два белых луча на сумрачном, чумазом лице, ее прикушенную губу, ее взлохмаченные соломенные волосы, он улыбнулся еще раз.

На рынке завтра придется разыскать и еще кое-что, думал Гомер, засыпая.

Ночь на Павелецкой всегда беспокойна. Мечутся отсветы смердящих факелов на закопченных мраморных стенах, неровно дышат туннели, и еле слышно переговариваются люди, сидящие у подножия эскалатора. Станция притворяется мертвой, надеясь, что хищные твари с поверхности не польстятся на падаль.

Но иногда самые любопытные из них обнаруживают уходящий далеко вглубь лаз, внюхиваются и различают запах свежего пота, слышат биение сердец, чувствуют струящуюся по сосудам кровь. И начинают спуск вниз.

Гомер наконец задремал, и встревоженные голоса с другого края платформы проникали в его сознание туго, искаженно. Но тут, разом выдергивая его из марева полусна, грянул пулемет. Старик вскочил, вытаращив глаза, обшаривая пол дрезины в поисках своего оружия.

К оглушительным пулеметным раскатам присоединилось сразу несколько автоматов, тревога в криках дозорных сменилась подлинным ужасом. По кому бы они ни стреляли сейчас там из всех орудий, это не причиняло ему ни малейшего вреда. Теперь это был уже не слаженный огонь по движущейся цели, а беспорядочная пальба людей, которые пытаются уберечь хотя бы собственную шкуру.

Автомат нашелся, но Гомер никак не мог решиться выбраться в зал; всей его воли едва хватало на то, чтобы противостоять искушению завести мотор и умчаться со станции – все равно куда. Не покидая дрезины, он тянул шею, пытаясь высмотреть арену боя сквозь частую решетку колонн.

Ор и брань обороняющихся дозорных рассекло пронзительное верещание – неожиданно близко. Пулемет захлебнулся, кто-то страшно закричал и тут же смолк так внезапно, будто ему оторвали голову. Снова ударила по ушам автоматная трескотня, но уже совсем разрозненная, редкая. Вопль повторился – кажется, чуть дальше... И вдруг испускавшему его существу эхом ответило еще одно – совсем рядом с дрезиной.

Гомер досчитал до десяти и трясущимися руками запустил двигатель: сейчас, сейчас его спутники вернутся, и они смогут тут же сорваться; это все ради них, не ради себя... Дрезина завибрировала, зачала, прогреваясь, и тут между колоннами с непостижимой скоростью мелькнуло нечто... Смазываясь и выскальзывая из поля зрения быстрее, чем сознание могло усвоить его образ.

Старик вцепился в поручень, поставил ногу на педаль газа и сделал глубокий вдох. Если они не появятся в течение еще десяти секунд, он все бросит и... И, сам не понимая, зачем он это делает, Гомер шагнул на платформу, выставив впереди себя свой никчемный автомат. Просто удостовериться, что никому из своих он уже не поможет.

Вдавив себя в колонну, Гомер выглянул в зал...

Хотел закричать, но не хватило воздуха.

* * *

Саша всегда знала, что земля не ограничивается теми двумя станциями, на которых она жила, но никогда не могла себе представить, что мир за их пределами может быть так прекрасен. Коломенская – плоская и унылая – все же казалась ей уютным и знакомым до мелочей домом. Автозаводская – горделивая, просторная, но холодная – отвернулась от них с отцом, отторгла их, и она не могла ей это забыть.

Отношения с Павелецкой можно было начать с чистого листа, и с каждой проведенной здесь минутой Саше все больше хотелось влюбиться в эту станцию. В ее легкие раскидистые колонны, в огромные зовущие арки, в этот благородный мрамор с милыми прожилками, делающими стены похожими на чью-то нежную кожу... Коломенская – убога, Автозаводская – слишком сурова, а эта станция словно строилась женщиной: игривая и легкомысленная, Павелецкая не желала забывать о своей былой красоте даже десятилетия спустя.

«Люди, которые здесь живут, не могут быть жестоки и злы», – думала Саша. Неужели ей с отцом достаточно было преодолеть всего одну враждебную станцию, чтобы оказаться в этом волшебном краю? Неужели ему было достаточно пережить еще всего один день, чтобы

сбежать с каторги и снова стать свободным? Она сумела бы уговорить обритого, чтобы он взял с собой обоих...

Вдалеке подрагивал облепленный дозорными костер, луч прожектора ощупывал высокий потолок, но Саше не хотелось идти туда. Сколько лет ей казалось, что, только вырвавшись с Коломенской и встретив других людей, она сможет быть счастлива! Но сейчас ей был необходим всего один человек – чтобы поделить на двоих Сашин восторг, ее удивление от того, что земля действительно оказалась больше на целую треть, и ее надежду на то, что все еще можно исправить. А сама Саша, наверное, не нужна была и вовсе никому, что бы она ни внушала себе и старику.

И девушка побрела в противоположную сторону, туда, где в правый туннель на полкорпуса погружался обшарпанный состав с выбитыми стеклами и распахнутыми дверьми. Вошла внутрь, перелетая разрывы между вагонами, обследовала первый, второй, третий. В последнем Саша отыскала чудом уцелевший диван и забралась на него с ногами. Осмотрелась вокруг и попыталась вообразить, что поезд вот-вот тронется и повезет ее дальше, к новым станциям – светлым, гудящим от людских голосов. Но ей не хватало ни веры, ни фантазии, чтобы сдвинуть с места тысячи тонн железного лома. С ее велосипедом все было намного проще.

Спрятаться не получилось: перескакивая из вагона в вагон вслед за Сашей, ее наконец настиг шум разворачивающегося на Павелецкой боя.

Опять?!

Она спустила ноги и стремглав бросилась назад на станцию – в то единственное место, где была способна еще хоть что-то сделать.

* * *

Растерзанные тела дозорных валялись и у стеклянной будки с застывшим прожектором, и прямо в потухшем костре, и в самом центре зала. Бойцы уже прекратили сопротивление и бежали, чтобы попросить убежища в переходе, но гибель нагнала их на полпути.

Над одним из трупов скрючилась зловещая, неестественная фигура. С такого расстояния она была плохо различима, но Гомер видел гладкую белую кожу, подергивающийся мощный загривок, нетерпеливо переступающие ноги, изогнутые слишком во многих сочленениях.

Сражение было проиграно. Где же Хантер? Старик высунулся еще раз и обмер... Шагах в десяти, показываясь из-за колонны ровно на столько же, что и Гомер, будто дразня или играя с ним, с высоты двух с лишним метров на старика уставилась кошмарная харя. По отвисшей нижней губе капало красное, тяжелая челюсть непрестанно двигалась, уминая жуткую жвачку, под скошенным лбом было совсем пусто; однако, похоже, отсутствие глаз ничуть не мешало твари перемещаться и атаковать.

Гомер отпрянул, вжимая спусковой крючок; автомат молчал. Химера испустила долгий оглушительный вопль и махнула на середину зала. Старик заелозил заклинившим затвором, понимая, что ничего уже не успеет...

Но внезапно чудовище потеряло к нему всякий интерес; теперь его внимание было приковано к краю платформы. Гомер резко обернулся, отслеживая слепой взор, и его сердце захололо.

Там, испуганно озираясь по сторонам, стояла девчонка.

– Беги! – заорал Гомер, вмиг срываясь в дерущий горло хрип.

Белая химера скакнула вперед, разом покрывая несколько метров, и очутилась прямо перед девушкой. Та выхватила нож, годный разве что для готовки, и сделала предупреждающий выпад. Тварь в ответ махнула одной из передних лап, и девушка рухнула наземь; клинок отлетел на несколько шагов.

Старик был уже на дрезине. Но он больше и не помышлял о бегстве. Пыхтя, разворачивал пулемет, стараясь поймать в паутину прицела пляшущий белесый силуэт. Не выходило: чудище жалось к девчонке. Гомеру казалось, что, в считанные минуты разорвав дозорных, представлявших для него хоть какую-то опасность, создание развлекалось, загнав в угол двух немощных и играя с ними, прежде чем прикончить.

Вот оно сгорбилось над Сашей, заслонив ее от старика... Свежую добычу?..

И тут же дернулось, отшатнулось, заскребло когтями по расползающемуся пятну на своей спине, и с ревом обернулось, готовясь сожрать обидчика.

Нетвердо ступая, вытянув автомат в одной руке, ему навстречу шел Хантер. Вторая рука плетью свисала вдоль тела, и заметно было, с каким трудом и болью давался ему каждый шаг.

Бригадир хлестнул монстра новой очередью, но тот оказался поразительно живучим; лишь покачнувшись, он тут же обрел равновесие и метнулся вперед. Патроны иссякли, и Хантер, чудом извернувшись, принял огромную тушу на лезвие своего мачете. Химера обвалилась на него сверху, подминая под себя, душа весом своего тела, ломая кости.

Убивая последнюю надежду, подлетела вторая тварь. Замерла над конвульсирующим телом своего сородича, ковырнула когтем белую кожу, будто пытаясь разбудить его, потом медленно подняла безглазую морду на старика...

И Гомер не упустил свой шанс. Крупный калибр разодрал химере торс, расколол череп и, уже свалив ее, продолжал еще обращать в крошку и пыль мраморные плиты за ее спиной. Унять сердце и разжать сведенные судорогой пальцы старик сумел не сразу.

Потом он закрыл глаза, снял респиратор и впустил в себя морозный воздух, напитанный ржавым запахом свежей крови. Все герои пали, на поле брани он оставался один.

Его книга завершилась, не успев начаться.

Глава 10. После смерти

«Что остается после умерших?

Что останется после каждого из нас?

Могильные камни проседают и мшеют, и всего через несколько десятилетий надписи на них делаются неразличимыми.

Даже в прежние времена, когда за могилами было больше некому ухаживать, кладбищенскую землю перераспределяли между свежими мертвецами. Навестить умерших приходили только дети или родители, куда реже внуки, почти никогда – правнуки.

То, что было принято называть вечным покоем, в крупных городах означало лишь полувековую отсрочку перед тем, как кости будут потревожены: может быть, ради дальнейшего уплотнения, может, чтобы перепахать погост и возвести на его месте жилые кварталы. Земля становилась слишком тесной и для живых, и для мертвых.

Полвека – это роскошь, которую могли себе позволить только те, кто умирал до светопреставления. А кому дело до одного покойника, когда гибнет целая планета? Никто из жителей метро не устаивался чести быть погребенным и не мог надеяться, что его тело не будет уничтожено крысами.

Прежде останки имели право существовать ровно столько, сколько живые помнили о тех, кому они принадлежали. Человек помнит своих родных, однокашников, сослуживцев. Но его памяти хватает только на три поколения. На те самые пять с небольшим десятков лет.

С той же легкостью, с которой каждый из нас отпускает из памяти образ своего деда или школьного друга, кто-то однажды отпустит в абсолютное небытие и нас. Воспоминание о человеке может оказаться долговечнее его скелета, но когда уйдет последний из тех, кто нас еще помнил, вместе с ним растворимся во времени и мы.

Фотокарточки? Кто их сейчас еще делает? И сколько их хранили, когда фотографировал каждый? Раньше в конце любого толстого семейного альбома имелась небольшая резервация для коричневатых старинных снимков, но мало кто из листавших мог с уверенностью определить, на какой из карточек был изображен тот или иной его предок. Так или иначе, фотографии ушедших можно считать посмертной маской, снятой с их тела, но никак не прижизненным слепком с души. И потом, снимки тлеют лишь немногим медленнее тех тел, которые они запечатлели.

Что же останется?

Дети?»

...Гомер прикоснулся пальцем к пламени свечи. Ему было просто рассуждать; слова Ахмеда до сих пор бередили его. Обреченный на бездетность, лишенный возможности продолжить свой род, старик теперь мог только отрицать возможность этого пути к бессмертию.

Он снова взялся за ручку.

«Они могут быть похожи на нас. В их чертах мы можем видеть отражение наших собственных черт, чудесным образом сплавленные воедино с чертами тех, кого любили мы. В их жестах, в изгибе бровей, в гримасах с умилением будем узнавать себя. Друзья могут говорить нам, что наши сыновья и дочери будто срисованы с нас, скроены по тем же лекалам. И это якобы обещает нам некое продление нас самих после того, как мы перестанем быть.

Но ведь и каждый из нас – не изначальный образ, по которому лепятся последующие копии, а всего лишь химера, пополам составленная из внешности и внутренностей нашего отца и нашей матери, точно так же, как и те в свою очередь состоят из половин своих родителей. Выходит, что нет в нас никакой уникальности, а есть только бесконечная перетасовка крошеч-

ных кусочков мозаики, которые существуют сами по себе, слагаясь в миллиарды случайных, не имеющих особой ценности и рассыпающихся на глазах панно?

Стоит ли тогда так гордиться тем, что у наших детей мы видим горбинку или ямку, которую привыкли считать своей, но которая на самом деле уже полмиллиона лет странствует по тысячам тел?

Останется ли что-то именно после меня?»

...Гомеру приходилось тяжелее прочих. Он искренне завидовал тем, кому вера разрешала надеяться на пропуск в загробный мир; сам же, услышав про него в разговоре, старик мысленно сразу переносился на Нахимовский проспект. Возможно, Гомер состоял не только из плоти, которая будет перемолота и переварена трупоедами. Но даже если и было в нем что-то еще, отдельно от мяса и костей это нечто существовать неспособно.

«Что осталось после царей Египта? Что после героев Греции? После художников Возрождения? Осталось ли что-то от них – и они ли в том, что осталось?

Но какое еще бессмертие остается человеку?»

Гомер перечитал написанное, поразмыслил, затем осторожно вырвал листы из тетради, скомкал их, уложил в железную тарелку и спустил на них огонь. Через минуту от работы, которой он посвятил последние три часа, осталась только горстка золы.

* * *

Она умерла.

Саша всегда так и представляла себе смерть: гаснет последний луч света, умолкают все голоса, отнимается тело, и остается лишь извечная темнота. Чернота и безмолвие, из которых люди выходят и куда они неизбежно возвращаются. Саша слышала сказки о рае и об аде, но Преисподняя всегда виделась ей вполне безобидной. Вечность, проводимая в совершенной слепоте, глухоте и полном бездействии, казалась ей стократ страшнее любых котлов с кипящим маслом.

А потом впереди замаячило крохотное дрожащее пламя. Саша потянулась к нему, но достать его было невозможно: танцующий светляк убегал от нее, снова приближался, чтобы подразнить ее, и тут же бросался наутек, играя и маня за собой. Она знала, что это: туннельный огонек.

Отец говорил, что, когда человек умирает в метро, его душа в растерянности бродит по беспросветным путаным туннелям, любой из которых заканчивается тупиком. Она не понимает, что больше не привязана к телу, что ее земное бытие окончилось. И блуждать ей придется, пока где-то далеко впереди она не увидит огонь призрачного костерка. А увидев, должна спешить к нему, потому что он послан за этой душой и, убегая прочь, выведет ее туда, где ее ждет покой. Однако случалось, что, смилостивившись, огонек приводил душу и назад к потерянному телу. О таких людях шептались, что они вернулись с того света, хотя правильнее было бы говорить, что их отпустила тьма.

Огонек звал ее за собой, он был настойчив, и Саша уступила. Она не чувствовала своих ног, но в них и не было нужды: чтобы поспевать за ускользающим светлячком, достаточно было просто не терять его из виду. Глядеть на него пристально, словно пытаясь уговорить, приручить его.

Саше удалось его поймать, и огонек потащил девушку сквозь непроглядный мрак, по лабиринту туннелей, из которого она одна никогда не нашла бы выход, к последней станции на линии ее жизни. Впереди чуть развиднелось: Саше теперь чудилось, что ее провожатый вычерчивает контуры какого-то далекого помещения, где ее ждут.

– Саша! – окликнул ее голос, удивительно знакомый, хоть она и не могла вспомнить, кому он принадлежит.

– Папа? – недоверчиво спросила она, угадывая родные ласковые нотки в чужом тембре.

Они пришли. Призрачный туннельный огонь остановился и, превращаясь в обычное пламя, вспрыгнул на фитиль оплавленной расплзшейся свечи, уютно устраиваясь на ней, будто вернувшаяся с прогулки кошка.

Ее руку накрыла чья-то ладонь, прохладная и заскорузлая. Нерешительно, боясь снова уйти на дно, Саша отцепилась от огонька. Просыпаясь вслед за ней, прорезалась боль в распоротом предплечье, заныл ушибленный висок. Из темноты всплыла и закачалась рядом простая казенная мебель – пара стульев, тумбочка... Сама она лежала на настоящей койке, такой мягкой, что своей спины Саша совсем не ощущала. Будто тело ей возвращали по частям и не до всех еще дошла очередь.

– Саша? – повторил голос.

Она перевела взгляд на говорившего и отдернула руку. У ее постели сидел старик, с которым она ехала на дрезине. В его прикосновении не было никаких притязаний, оно не жгло и не оскорбляло Сашу. Свою ладонь она забрала, устыдившись того, как могла спутать с отцовским голос чужого человека, и еще от обиды, что туннельный огонек вывел ее не туда.

Старик мягко улыбнулся; кажется, ему было вполне довольно и того, что она очнулась. Присмотревшись, Саша заметила в его глазах теплые блики, какие до тех пор встречала во взгляде только одного человека. Неудивительно, что она обманулась. И ей вдруг стало неловко перед стариком.

– Прости, – сказала она.

И тут же, вспоминая свои последние минуты на Павелецкой, дернулась вверх.

– А что с твоим другом?

* * *

Она, похоже, не умела ни плакать, ни смеяться, а может, у нее не оставалось сил ни для того, ни для другого. По счастью, похожие на лезвия когти миновали девчонку: единственный удар химеры пришелся плащом. Но и его хватило, чтобы она на сутки лишилась сознания. Сейчас ее жизни ничто больше не угрожало, заверил Гомера врач. О собственных бедах старик с доктором не говорил.

Саша – пока она была в забытии, старик привык называть ее так, – обмякла и откинулась на подушку, а Гомер вернулся к столу, где его ждала, раскинувшись, общая тетрадь на целых девяносто шесть листов. Покрутил в пальцах ручку и продолжил с того места, где бросил заново начатую книгу, чтобы подойти к стонущей в бреду девушке.

«...на этот раз караван задерживался. Задерживался непозволительно долго, так что уже становилось ясно: произошло нечто ужасное, непредвиденное, от чего не сумели защитить ни закаленные в боях тяжеловооруженные конвоиры, ни годами налаживавшиеся отношения с руководством Ганзы.

И все бы ничего, если бы действовала связь. Однако с проведенным к Кольцу телефонным проводом что-то случилось, сообщение прервалось еще в понедельник, а отправленная на поиски поломки бригада вернулась ни с чем».

Гомер поднял глаза и вздрогнул: девчонка стояла за его спиной, через плечо разбирая его каракули. Похоже, на ногах ее держало только любопытство.

Смутившись, старик перевернул тетрадь обложкой вверх.

– Тебе для этого нужно вдохновение? – спросила она его.

– Я еще только в самом начале, – зачем-то пробормотал Гомер.

– А что случилось с караваном?

– Я не знаю. – Он принялся обводить название рамкой. – История еще не окончена. Ложись, тебе нужен отдых.

– Но ведь это от тебя зависит, чем ты закончишь книгу, – возразила она, не двигаясь с места.

– В этой книге от меня ничего не зависит. – Старик положил ручку на стол. – Я не выдумываю ее, просто записываю все, что со мной творится.

– Значит, в ней тем более все зависит от тебя, – задумалась девушка. – А я в ней буду?

– Хотел вот попросить у тебя разрешения, – усмехнулся Гомер.

– Я подумаю, – серьезно ответила она. – А для чего ты ее пишешь?

Старик поднялся на ноги, чтобы не смотреть на нее снизу вверх.

Уже после прошлого их с Сашей разговора ему стало ясно, что ее юность и неопытность создавали обманчивое впечатление; будто на странной станции, где они ее подобрали, год шел за два. У нее была манера отвечать не на те вопросы, которые он произносил вслух, а на те, что оставались незадавленными. И спрашивала Саша у Гомера только о том, чего он не знал и сам.

А еще ему казалось: если он хочет рассчитывать на ее искренность – а как иначе она станет его героиней? – то и сам должен быть с нею честен, не сюсюкать, и не отмалчиваться, и говорить ей не меньше, чем сказал бы сам себе.

– Хочу, чтобы люди меня запомнили. И меня, и тех, кто был мне дорог. Чтобы знали, каким был мир, который я любил. Чтобы услышали самое важное из того, что я узнал и понял. Чтобы моя жизнь была не зря. Чтобы что-то после меня осталось.

– Вкладываешь в нее душу? – Она склонила голову набок. – Но это же просто тетрадь. Она может сгореть или потеряться.

– Ненадежное хранилище для души, да? – Гомер вздохнул. – Нет, тетрадка нужна, только чтобы выстроить все в нужном порядке и чтобы я сам не забыл ничего важного, пока история не дописана. А потом достаточно будет рассказать ее нескольким людям. И если у меня все получится, то мне больше не нужны будут ни бумага, ни тело.

– Наверное, ты видел много такого, о чем жалко забыть навсегда. – Девушка пожала плечами. – А мне вот нечего записывать. И мне не надо в тетрадь. Не трать на меня бумагу.

– Ну, тебе еще только предстоит... – начал старик и тут же осекся: его-то рядом уже не будет.

Девчонка не отзывалась, и Гомер испугался, что теперь она совсем замкнется. Он пробовал подобрать правильные слова, чтобы отыграть все назад, но только сам все больше запутывался в собственных сомнениях.

– А что самое красивое из того, что ты помнишь? – вдруг спросила она. – Самое-самое?

Гомер замялся, колеблясь. Делиться сокровенным с человеком, которого он не знал и двух суток, было странно. Этого он не доверял даже Елене – и та думала, что на стене в их каморке висит обычный городской пейзаж. Да и сможет ли девчонка, которая всю свою жизнь провела в подземелье, вообще понять то, что он ей расскажет?

– Летний дождь, – решил он.

– Что тут красивого? – Она забавно поморщилась.

– А ты когда-нибудь видела дождь?

– Нет. – Девчонка мотнула головой. – Отец запрещал выходить наружу. Я все равно вылезала раза два, но мне там было плохо. Страшно, когда вокруг нет стен. Дождь – это когда вода сверху льется, – уточнила она на всякий случай.

Но Гомер уже не слышал ее. Для него вдруг снова настал тот далекий день; словно медиум, одолживший свое тело вызванному духу, он уставился в пустоту и говорил, говорил...

– Весь месяц был сухой и очень жаркий. А у меня жена беременная, ей и так дышать трудно было, а тут такое пекло... В роддоме один вентилятор на всю палату, она все время жаловалась, как ей душно. И я тоже из-за нее еле дышал. Переживал ужасно: как мы ни стара-

лись, несколько лет ничего не получалось, потом врачи выкидышем пугали. И вот она там как бы на сохранении, а лучше бы уж дома лежала. Срок уже подошел, и ничего не происходит. Схваток нет, а каждый день у начальства не отпросишься. Да еще мне кто-то сказал, что, если переносить, мертвый может родиться. Я места себе не нахожу, как только с работы – сразу бросаюсь под окна дежурить. В туннелях телефон не ловит, я на каждой станции проверяю, не было ли пропущенных звонков. И вот получаю сообщение от врача: «Срочно перезвоните». Пока выбрался в тихое место, уже и жену, и ребенка похоронить успел, дурак мнительный. Набираю...

Гомер смолк, прислушиваясь к гудкам, дожидаясь ответа. Девушка не перебивала его, приберегая вопросы на потом.

– Мне говорят: поздравляем, у вас родился сын. Это сейчас так просто звучит: родился сын. А тогда мне жену из мертвых вернули, и еще это чудо... Поднимаюсь наверх – а там дождь. Прохладный. И воздух сразу легкий такой стал, прозрачный. Будто город был пыльным целлофаном укутан, и вот его сняли. Листья засияли, небо наконец движется, дома помолодели. Я бегу по Тверской к цветочному киоску, и тоже плачу, и тоже от счастья. Зонт был, но я не стал его раскрывать, хотел вымокнуть, хотел его ощутить, этот дождь. Сейчас мне так не передать... словно не сын у меня родился, а я сам заново, и смотрю на мир так, словно впервые его вижу. Да и он тоже свежий, будто и ему только что пуповину перерезали и умывают в первый раз. И все теперь будет заново, и все, что шло не так, что было плохо, все можно будет исправить. У меня ведь теперь как бы две жизни. Что я не успею – сын сделает. И все у нас еще впереди. У всех еще все впереди...

Старик затих, глядя на плывущие в розовой вечерней дымке сталинские десятиэтажки, окунаясь в деловитый гул Тверской, вдыхая сладковатый загазованный воздух, и закрыл глаза, подставляя лицо летнему ливню. Когда он пришел в себя, на его щеках и в уголках глаз доказательством путешествия в тот день еще блестели дождевые капли.

Он быстро стер их рукавом.

– Знаешь, – девчонка казалась смущенной не меньше Гомера, – наверное, дождь все-таки может быть красивым. У меня таких воспоминаний нет. Можно, я буду помнить твое? И если хочешь, – она улыбнулась ему, – я буду в твоей книге. Ведь хоть от кого-то должно зависеть, чем все закончится.

* * *

– Сейчас еще слишком рано, – отрезал доктор.

Саша не могла объяснить этому сухарю, как важно ей было то, о чем она его просила. Она набрала воздуха еще для одной атаки, но, так и не израсходовав его, махнула здоровой рукой и отвернулась.

– Ничего, потерпите. А раз вы уже на ногах и так чудесно себя чувствуете, можете потихоньку прогуляться. – Он собрал свои инструменты в вытертый полиэтиленовый пакет и пожал руку старику. – Зайду через пару часиков. Начальство велело бдить. Сами понимаете, мы у вас в долгу.

Старик накинул Саше на плечи пятнистый солдатский бушлат, и она выбралась наружу, следуя за доктором мимо остальных палат лазарета, сквозь череду комнат и комнатушек, заставленных столами и койками, на два лестничных пролета вверх и через неприметную приземистую дверку – в необъятный продолговатый зал. Замерев на пороге, Саша долго не осмеливалась ступить в него. Никогда раньше она не встречала столько людей сразу; даже вообразить себе, что на свете есть столько живых людей, она прежде не могла.

Тысячи лиц – без масок! Таких непохожих друг на друга... Здесь были и совсем дряхлые старики, и младенцы. Великое множество мужчин – бородатых, выбритых, рослых и карликов,

изможденных и выжатых, полнокровных и мускулистых. Изуродованных в боях или уродливых от рождения, чрезмерно красивых или притягивающих, вопреки скупой внешности, чем-то неуловимым. И столько же женщин – и широкозадых, красномордых торговков в косынках и ватниках, и точеных бледных девушек в невероятных ярких одеждах и замысловатых бусах.

Увидят ли они, что Саша – другая? Сумеет ли она спрятаться в толпе, притвориться одной из них, или они сейчас набросятся и загрызут ее, как крысиная стая – чужака-альбиноса? Вначале ей чудилось, что все глаза устремлены только на нее, и от каждого случайно перехваченного взгляда ее бросало в жар. Но прошла четверть часа, и она пообвыкла: среди смотревших на нее людей попадались и враждебные, и любопытные, и чересчур настойчивые, но большинство были к ней безразличны. Легонько задев ее глазами, они протискивались дальше, не уделяя Саше никакого внимания.

Ей подумалось, что эти рассеянные, лишенные резкости взоры как машинное масло смазывают шестеренки суетящихся людей. Если бы они интересовались друг другом, трение было бы слишком высоким и весь механизм оказался бы парализован.

Чтобы ввинтиться в толпу, не было необходимости переодеваться или иначе стричь волосы. Довольно было вместо того, чтобы нырять в чужие зрачки, зябко подбирать свой взгляд обратно, едва обмакнувшись в них. Обмазавшись напускным равнодушием, Саша могла скользить меж движущихся, сцепляющихся обитателей этой станции, больше не застревая здесь на каждом шагу.

В первые минуты ей ошпарило нос бурлящее варево человеческих запахов, но скоро обоняние стало притупляться, учась вылавливать в нем важные составляющие и пропускать все прочие. Сквозь кислый смрад несвежих тел пробивались тонкие дразнящие ароматы молодости; изредка толпу омывали волны благовоний, расходившиеся от ухоженных женщин. Сюда же примешивался и мясной дым от жаровен, и миазмы выгребных ям. Словом, для Саши переход между двумя Павелецкими пах жизнью, и чем дольше она прислушивалась к этому оглушительному запаху, тем слаще он ей казался.

На полное исследование бескрайнего перехода ей, наверное, потребовался бы целый месяц. Здесь все было поразительно...

Прилавки с украшениями, сплетенными из десятков желтых металлических кружочков с чеканкой, которые хотелось рассматривать часами, и огромные книжные развалы, вмещавшие больше тайных знаний, чем она сможет когда-либо постичь.

Зазывала у стенда с надписью «Цветы» и богатым собранием поздравительных открыток. На карточках – поблекшие фотографии всевозможных нарядных букетов. В детстве Саше дарили одну такую, но сколько их было тут!

Младенцы, прилепившиеся к материнской груди, и ребятишки постарше, играющие с настоящими кошками. Пары, касающиеся друг друга пока только глазами, и пары, уже касающиеся друг друга пальцами.

И еще мужчины, которые пробовали притронуться к ней.

Она могла бы принять их внимание и интерес за гостеприимство или желание что-нибудь ей продать, но от их слов, уощенных особым придыханием, ей делалось неловко и чуть гадливо. На что она им сдалась? Неужели им мало здешних женщин? Среди них встречались и подлинно красивые; цветастые ткани, в которые они были обернуты, делали их похожими на распускающиеся бутоны с открыток. Наверное, над ней просто смеются...

Да и способна ли она вообще пробудить мужское любопытство? Ее вдруг кольнуло незнакомое сомнение. Может быть, она не так все понимала? Но зачем же иначе? У нее тоскливо потянуло внутри – там, где под треугольной аркой ее смыкающихся ребер только начиналась нежная впадинка... Только глубже. В том самом месте, существование которого она открыла для себя всего сутки назад.

Пытаясь отогнать тревогу, она брела вдоль прилавков, забитых всевозможными товарами – броней и безделушками, одеждой и приборами, – но они больше не занимали ее так сильно. Оказалось, ее внутренний разговор может быть громче галдящей толпы, а человеческие образы, которые рисует память, бывают ярче живых людей.

Стоила ли она его жизни? Могла ли осуждать его после того, что случилось? И, главное, какой смысл был в ее глупых размышлениях теперь? Когда она уже ничего не могла для него сделать...

И тут, еще прежде, чем Саша поняла, от чего это с ней творится, сомнения отступили и сердце успокоилось. Она прислушалась к себе и уловила отзвуки какой-то далекой мелодии, просачивающейся в нее снаружи, струящейся рядом с мутным потоком людского многоголосья, не смешиваясь с ним.

Музыка для Саши, как и для любого человека, началась с материнских колыбельных. Но ими же и закончилась: отец был лишен слуха и петь не любил, бродячих музыкантов и прочих фигляров на Автозаводской не приветствовал. Дозорные, сипевшие у костра заунывно-бравурные солдатские песни, не могли толком заставить звучать ни обвисшие струны фанерных гитар, ни натянутые Сашины струны.

Но сейчас она слышала не унылое гитарное треньканье... Скорее, переливы нежного, живого голоса девушки, даже девочки – но недостижимо высокого для человеческой гортани и при этом неестественно сильного для нее. А с чем еще Саше было сравнить это чудо?

Пение неизвестного инструмента завораживало, подхватывало зазевавшихся и уносило их куда-то бесконечно далеко, в миры, которые родившиеся в метро не могли знать и о возможности которых не должны были даже догадываться. Оно заставляло мечтать и внушало, что любые мечты осуществимы. Будило неясное томление и тут же обещало утолить его. От него делалось хорошо, будто, заплутав на заброшенной станции, Саша вдруг нашла фонарь, а следом в его луче обнаружился и выход.

Она стояла у палатки оружейника, а прямо перед ней возвышался лист фанеры с прикрученными к нему разнообразными ножами – от складных перочинных малюток до хищных охотничьих клинков. Саша застыла, зачарованно глядя на лезвия.

Две ее половины схлестнулись в нешуточной схватке. Мысль, пришедшая ей в голову, была проста и соблазнительна. Старик выдал ей с собой пригоршню патронов, и их как раз хватало на зазубренный черненый нож – широкий, отточенный, как нельзя лучше подходящий для задуманного.

Через минуту Саша все же решилась и переступила через себя. Покупку она спрятала в нагрудный карман своего комбинезона – поближе к тому месту, которое хотела обезболить. В лазарет она возвращалась, не ощущая тяжести бушлата и позабыв о ноющих висках.

Толпа была выше девушки на целую голову, и далекий музыкант, выдыхавший удивительные ноты, так и остался для нее невидим. Но мелодия еще пыталась догнать ее, развернуть, отговорить.

Тщетно.

* * *

В дверь снова постучали.

Гомер с кряхтеньем поднялся с колен и вытер губы рукавом, дернул за цепь сливного бачка. На грязно-зеленой ткани ватника осталась короткая бурая полоса. За сутки его рвало уже пятый раз, хотя он толком ничего не ел.

Недуг мог иметь несколько объяснений, убеждал себя старик. Почему обязательно ускоренное течение болезни? Дело могло быть и в...

– Скоро там?! – нетерпеливо взвизгнул женский фальцет.

Господи! Неужели он так спешил, что перепутал буквы на двери? Гомер промокнул грязным рукавом вспотевшее лицо, напустил на себя невозмутимый вид и щелкнул шпингалетом.

– Пьянь! – Расфуфыренная бабенка оттолкнула его и хлопнула дверью.

Что же, подумал старик. Пусть уж лучше считают его пропойцей... Он шагнул к зеркалу над мойкой и уперся в него лбом. Еле отдышался и, только наблюдая, как запотеваает стекло, спохватился: респиратор сполз вниз и болтался у него под подбородком. Поскорее натянув намордник обратно, Гомер снова закрыл глаза. Нет, думать о том, что он передает смерть каждому человеку, которого встречает на своем пути, невозможно. Поворачивать назад уже поздно: если он заразен, если не путает симптомы, вся станция так или иначе уже обречена. Начиная прямо с этой женщины, виноватой только в том, что ей приспичило в неурочную минуту. Что бы она сделала, скажи он ей сейчас, что она умрет самое позднее через месяц?

Глупо, думал Гомер, до чего глупо и до чего бездарно. Он-то мечтал увековечить всех, с кем его сталкивала судьба, а вместо этого был назначен ангелом смерти – нелепым, плешивым, немощным. Ему подрезали крылья и окольцевали, определив срок в тридцать дней и тем самым подтолкнув его к действию.

Наказали за самонадеянность, за гордыню?

Нет, молчать об этом старик больше не мог. Но на свете был только один человек, которому он мог бы исповедаться. Его Гомер все равно не сумеет долго обманывать, да и играть с раскрытыми картами обоим будет куда проще.

Нетвердой походкой он двинулся к больничным pokojам.

Нужная палата находилась в самом конце коридора, и обычно у ее дверей дежурила сиделка, но сейчас пост был покинут, а сквозь щель изнутри долетал отрывистый хрип. Кое-как он складывался в слова, но вот соорудить из них осмысленные фразы было делом непосильным даже для притаившегося Гомера.

– Сильнее... Бороться... Должен... Еще есть смысл... Сопротивляться... Помнить... Еще можно... Ошиблись... Осудили... Но еще...

Слова превратились в рычание, словно боль стала нестерпимой и уже не позволяла говорившему арканить мечущиеся мысли. Гомер шагнул внутрь.

Хантер лежал без сознания, разметавшись на скомканных влажных простынях. Бинты, стискивающие череп бригадира, напозлали ему на самые глаза, заострившиеся скулы были покрыты испариной, обросшая нижняя челюсть бессильно отвалилась. Его широкая грудь натужно, как кузнечный мех, ходила вверх и вниз, с трудом поддерживая огонь в слишком большом теле.

У изголовья постели затылком к Гомеру стояла девчонка, сцепив за спиной худые руки. Не сразу, только взглядевшись, старик заметил почти сливающийся с тканью ее комбинезона черный нож, рукоять которого она крепко обнимала пальцами.

* * *

Гудок.

Еще гудок. И еще.

Тысяча двести тридцать пятый. Тысяча двести тридцать шестой. Тысяча двести тридцать седьмой.

Артем считал их не для того, чтобы оправдываться перед командиром. Это было необходимо, чтобы чувствовать: он куда-то движется. И если он удаляется от точки, в которой начал

считать, значит, с каждым гудком он все же становится ближе к той точке, где это безумие закончится.

Самообман? Да, пусть так. Но слушать их, думая, что они не прервутся никогда, было невыносимо. Хотя вначале, в самое первое его дежурство, ему это даже нравилось: гудки, как метроном, упорядочивали какофонию мыслей, опустошали голову, подчиняли своему неспешному ритму скачущий пульс.

Но порезанные ими минуты становились в точности похожи одна на другую, и Артему начинало казаться: так и есть, он застрял в каком-то временном капкане и не сможет из него выбраться, пока гудки не прекратятся. Была такая пытка в Средневековье: провинившегося обривали наголо и усаживали под бочкой, из которой на его макушку по капле падала вода, постепенно сводя несчастного с ума. Там, где была бессильна дыба, обычная вода давала превосходные результаты.

Привязанный проводом, Артем не имел права отлучиться ни на секунду. Все дежурство он старался не пить, чтобы нужда не отвлекала его от гудков. Накануне он не выдержал, вышмыгнул из комнаты, домчался до уборной – и сразу назад. Еще с порога прислушался и похолодел: темп был не тот, сигнал частил, сорвавшись с обычного размеренного шага. Могло произойти только одно, и он это прекрасно понимал. Миг, которого он так ждал, наступил, когда его не оказалось рядом. Испуганно обернувшись на дверь – не заметил ли кто? – Артем поскорее перенабрал и приник к трубке.

Аппарат щелкнул, и гудки, обнуляя счет, пошли в привычном ритме. С тех пор «занято» больше не было ни разу, и к телефону никто тоже не подходил. Но бросить трубку Артем все равно не смел, только переключал ее от вспотевшего уха к замерзшему, стараясь не сбиться.

Начальству об этом случае он сразу не доложил, а теперь ему уже как-то не верилось, что гудки могли звучать и иначе. Ему был дан приказ: дозвониться, и вот уже неделя, как он существовал только для этого. За нарушение приказа он попадет под трибунал, для которого оплошность ничем не отличается от саботажа.

И еще телефон подсказывал ему, сколько оставалось до конца дежурства. Своих часов у Артема не было, но во время обхода он засек по командирским: сигнал повторяется раз в пять секунд. Двенадцать гудков – минута. Семьсот двадцать – час. Тринадцать тысяч шестьсот восемьдесят – смена. Песчинками они пересыпались из некой безразмерной стеклянной колбы – в другую, бездонную. А в узкой горловине между двумя этими невидимыми сосудами сидел Артем и слушал время.

Бросить трубку он не решался только потому, что командир мог нагряться с проверкой в любой момент. А так... В том, что он делал, не было никакого смысла. По другую сторону провода наверняка больше не оставалось ни единой живой души. Когда Артем закрывал глаза, перед ним снова вставала эта картина...

Он видел забаррикадированный изнутри кабинет начальника станции и его хозяина, уткнувшегося лицом в стол, сжимающего в руке «макаров». Разумеется, с простреленными навывлет ушами ему не слышно надрывающийся телефон. Те, снаружи, так и не сумели взломать дверь, но замочные скважины и щели остаются открыты. И отчаянное дребезжание старого аппарата проникает сквозь них, ползет над платформой, заваленной распухшими трупами... Когда-то телефонные звонки было не расслышать из-за неумолчного гомона толпы, шороха шагов, детского плача, но сейчас, кроме них, мертвых не тревожит больше ни один звук. Мигает багровое зарево от агонизирующих аварийных аккумуляторов.

Звонок.

Еще звонок.

Тысяча пятьсот шестьдесят третий. Тысяча пятьсот шестьдесят четвертый.

Никто не отвечает.

Глава 11. Дары

– Докладывай!

Что-что, а застать врасплах он умел превосходно. В гарнизоне о командире ходили легенды: бывший наемник славился искусством обращения с холодным оружием и своей способностью растворяться в темноте. Когда-то, еще до того, как осесть на Севастопольской, он в одиночку вырезал целые вражеские блокпосты, стоило дозорным проявить малейшее легкомыслие.

Артем подскочил, прижимая трубку к уху плечом, отдал честь и с некоторым сожалением прекратил отчет. Командир подошел к листку дежурств, сверился с часами, напротив даты – третье ноября – поставил отметку: девять двадцать две, расписался и обернулся к Артему.

– Тишина. В смысле, никого нет.

– Молчат?.. – Командир пожевал; разминая мышцы, хрустнул шеей. – Не поверю.

– Во что не поверите? – опасливо уточнил Артем.

– В то, что так быстро Добрынинскую накрыло. Что же, эпидемия уже в Ганзе? Ты представляешь себе, что должно было начаться, если Кольцо поражено?

– Но мы ведь не знаем, – неуверенно отозвался Артем, – может, уже и началось. Связи ведь нет.

– А если провода повреждены? – Командир нагнулся, побарабанил пальцами по столу.

– Было бы как с базой. – Артем мотнул головой в сторону туннеля, уходящего к Севастопольской. – Набираю – вообще все глухо. А тут хотя бы гудки идут. Техника работает.

– А базе мы, видимо, не нужны, раз к воротам больше никто не приходит. Или нет просто уже никакой базы. И Добрынинской тоже нет, – ровно произнес командир. – Слушай, Попов... А если там никого не осталось, то и мы все скоро передохнем. Никто нам на помощь не придет. И карантин наш тогда ни к чему. Может, ну его к черту, как считаешь? – Он пожевал снова.

– Никак нет, карантин необходим, – испуганно открестился от такой ереси Артем, вспоминая манеру командира сначала стрелять дезертирам в живот, а потом зачитывать им приговор.

– Необходим, – задумчиво повторил тот. – Сегодня еще трое заболели. Двое местных и наш один. Акопов. А Аксенов умер.

– Аксенов? – Артем трудно сглотнул, зажмурился.

– Расшиб себе голову о рельс. Говорил, что очень болела, – так же ровно продолжил командир. – И он не первый. Чертовски сильно должна болеть голова, чтобы полчаса стараться расколотить ее себе, стоя на коленях, а?

– Так точно. – Артема замутило.

– Не тошнит? Слабости нет? – заботливо спросил командир, направляя фонарик ему в лицо. – Рот открой. Скажи «Аааа». Молодец. Ты вот что, Попов, лучше дозвонись. Дозвонись, Попов, до Добрынинской, и пусть они тебе скажут, что у Ганзы есть вакцина и что их санитарные бригады скоро будут здесь. И что они нас, здоровых, спасут. А больных вылечат. И что мы не останемся в этом аду на веки вечные. И вернемся домой к женам. Ты к Гале своей вернешься. А я к Алене и к Вере. Понял, Попов?

– Так точно, – судорожно кивнул Артем.

– Вольно.

* * *

Его тесак надломился у самой рукояти, не выдержав веса рухнувшего на него создания. Лезвие вошло так глубоко в тушу, что его даже не пытались оттуда извлечь. Сам обритый, весь исполосованный когтями, уже почти трое суток не приходил в себя.

Саша ничем не могла ему помочь, но ей все равно было необходимо его увидеть. Хотя бы для того, чтобы сказать ему спасибо... Пусть он ее и не услышал бы. Но врачи не пускали девушку к нему в палату, говоря, что раненому не нужно ничего, кроме покоя.

Она не знала наверняка, ради чего обритый убил тех людей с дрезины. Но если он стрелял, чтобы спасти ее, Саша смогла бы его оправдать. Она честно пыталась в это поверить, а у нее не получалось. Правдоподобнее было другое объяснение: убивать ему проще, чем просить.

Однако на Павелецкой все было совсем иначе. Никаких сомнений: он шел именно за Сашей и был даже готов погибнуть за нее. Значит, она все же не ошиблась – между ними и вправду начинала образовываться связь?

Когда он окликнул ее там, на Коломенской, она ждала пули, а не приглашения идти дальше вместе. А когда послушно обернулась, сразу заметила произошедшую в нем перемену, хоть его пугающее лицо и оставалось таким же бесстрастным. Дело было в глазах: словно в смотровую щель неподвижных черных зрачков вдруг выглянул кто-то другой. Кто-то, кому она была любопытна.

Кто-то, кому она теперь была обязана жизнью.

Думала – не передать ли ему серебряное кольцо, намеком, как сделала когда-то ее мать? Но побоялась, что обритый не поймет знак. А как ей еще его отблагодарить? Подарить ему нож взамен того, который он сломал, защищая ее, – самое малое, что Саша могла сделать. Когда она застыла, осененная этой простой мыслью, перед лавкой оружейника, представляя себе, как вручит обритому его новый клинок, как он посмотрит на нее, что скажет... Она даже забыла на миг, что собирается купить убийще орудие, которым тот будет резать глотки и распаривать животы.

В ту минуту он был для нее не бандитом, а героем, не душегубом, а воином, и прежде всего – мужчиной. И еще, невысказанное и даже толком не додуманное, у нее в голове вертелось: его клинок сломан, а сам он, раненый, не может очнуться. Может, если у него будет целый нож... Это как амулет...

Все-таки купила.

И вот, стоя у его постели, спрятав подарок за спину, Саша ждала, пока он ощутит ее или хотя бы почувствует близость лезвия. Обритый дернулся, захрипел, стал харкать словами, но так и не очнулся: тьма слишком крепко его держала.

До сих пор Саша никогда не произносила его имени не только вслух, но и про себя. Прежде чем громко позвать его, она прошептала это имя, как бы испытывая его, и наконец решилась:

– Хантер!

Обритый затих, прислушиваясь, словно она находилась где-то невообразимо далеко и ее голос долетал до него едва уловимым эхом, но так и не откликнулся. Саша повторила еще раз – громче, настойчивей. Она не собиралась отступать, пока он не откроет глаза. Ей хотелось стать его туннельным огоньком.

В коридоре кто-то удивленно вскрикнул, зашаркали сапоги, и Саша, чтобы не терять время, присела на корточки и положила нож на тумбочку у изголовья койки.

– Это тебе, – сказала она.

Стальные пальцы сомкнулись вокруг Сашиной кисти в хватке, способной искрошить ей кости. Раненый сумел приподнять веки, но его взгляд неосмысленно бродил вокруг, ни на чем не задерживаясь.

– Спасибо тебе... – Девушка не делала попыток высвободить зажатую капканом руку.

– Что вы здесь делаете?!

К ней подскочил рослый детина в засаленном белом халате, ужалил обритого шприцем, и тот сразу обмяк. Рывком поднимая Сашу на ноги, санитар сквозь стиснутые зубы шипел:

– Ты что, не понимаешь? Он в таком состоянии... Доктор запретил...

– Это ты не понимаешь! Он должен за что-то держаться, а от ваших уколов у него руки разжимаются...

Он подтолкнул Сашу к выходу, но та, пролетев несколько шагов, развернулась и упрямо зыркнула на него исподлобья.

– Чтобы я тебя здесь больше не видел! А это еще что такое? – Он заметил нож.

– Это его... Я ему принесла, – замялась Саша. – Если бы не он... меня бы эти твари на части разорвали.

– А меня доктор разорвет, если узнает, – буркнул санитар. – Все, проваливай!

Но Саша задержалась еще на мгновение и, снова обращаясь к утопшему в лекарственном дурмане Хантеру, договорила-таки:

– Спасибо. Ты меня спас.

Шагнула вон из палаты и вдруг услышала тихое, надсадное:

– Я только хотел убить его... Чудовище...

Дверь хлопнула ей в лицо, и в замке лязгнул ключ.

* * *

Нож предназначался для чего-то другого, Гомер сразу понял это. Довольно было раз услышать, как девчонка зовет барахтающегося в топком бреду бригадира – и требовательно, и нежно, и жалобно. Уже готовый вмешаться, старик смутился и отступил: здесь ему не надо было никого спасать. Помочь он мог только одним: побыстрее убратся вон, чтобы не спугнуть Сашу.

Как знать, вдруг она была права? Ведь на Нагатинской Хантер напрочь позабыл о своих спутниках, бросив их на растерзание призрачным циклопам. А в этом бою... Неужели для бригадира девчонка могла что-то значить?

Задумавшись, Гомер побрел по коридору в свою палату. Навстречу ему протопал санитар, толкнул старика плечом, но тот даже не обратил на него внимания. Пора отдать Саше вещицу, которую он для нее купил на рынке, сказал себе Гомер. Похоже, та ей скоро пригодится.

Он достал из ящика стола пакет, покрутил его в руках. Девчонка ворвалась в комнату через несколько минут – напряженная, растерянная и злая. С ногами забралась на свою кровать, уставилась в угол. Гомер ждал – разразится гроза или минует? Саша молчала, только принялась обгрызать ногти. Наставало время для решительных действий.

– У меня для тебя подарок. – Старик вылез из-за стола и положил сверток на покрывало рядом с девушкой.

– Зачем? – кланула она клешней, не показываясь из раковины.

– А зачем вообще люди дарят друг другу что-то?

– Чтобы заплатить за добро, – уверенно ответила Саша. – Которое им уже сделали или о котором они потом попросят.

– Тогда будем считать, я плачу тебе за добро, которое ты мне уже сделала, – улыбнулся Гомер. – Больше мне тебя просить не о чем.

– Я тебе ничего не сделала, – возразила девушка.

– А как же моя книга? Я тебя в ней уже поселил. Надо рассчитаться, не хочу быть в долгу. Все, давай разворачивай. – Он подпустил в тон шутивого раздражения.

– Я тоже не люблю быть должна, – сказала Саша, разрывая обертку. – Что это? Ой!

Она держала в руках красный пластмассовый диск, плоскую коробочку, раскрывающуюся пополам. Когда-то это была дешевенькая походная пудреница, но оба лотка – для пудры и румян – давно опустели. Зато зеркальце, вставленное во внутреннюю часть крышки, сохранилось отлично.

– Тут видно лучше, чем в луже. – Саша забавно выпучила глаза, изучая свое отражение. – Зачем ты мне это дал?

– Иногда полезно увидеть себя со стороны, – усмехнулся Гомер. – Помогает многое о себе понять.

– И что я должна о себе понять? – насторожилась она.

– Есть люди, которые никогда не видели своего отражения и поэтому всю жизнь принимают себя за кого-то другого. Изнутри часто бывает плохо видно, а подсказать некому... И пока они случайно не натолкнутся на зеркало, будут продолжать заблуждаться. И даже когда посмотрят на отражение, часто не могут поверить, что видят самих себя.

– И кого я в нем вижу? – настаивала она.

– Ты скажи мне. – Он сложил руки на груди.

– Себя. Ну... девочку. – Чтобы удостовериться, она повернулась к зеркальцу одной щекой, потом другой.

– Девушку, – поправил ее Гомер. – И довольно неряшливую.

Она покрутилась еще немного, потом стрельнула в Гомера глазами, собираясь что-то спросить, передумала, помолчала, все же набралась духу и выпалила, заставив старика поперхнуться:

– Я урод?

– Трудно сказать. – Он еле удерживал в узде расползающиеся уголки губ. – Под грязью не видно.

– Так в этом дело? – Саша вскинула брови. – Мужчины что, не чувствуют женскую красоту? Вам надо все показывать и объяснять?

– Пожалуй, что так. И пользуясь этим, нас часто обманывают, – рассмеялся Гомер. – Краски способны творить с женским лицом настоящие чудеса. Но в твоем случае речь идет не о реставрации портрета, а скорее о раскопках. По торчащей из земли пятке античной статуи сложно судить о ее красоте. Хотя почти наверняка она прекрасна, – снисходительно добавил он.

– Что такое «античная»? – Саша искала подвоха.

– Древняя, – продолжал забавляться Гомер.

– Мне только семнадцать! – запротестовала она.

– Это выяснят уже позже. Когда раскопают. – Старик с невозмутимым видом уселся обратно за стол, раскрыл тетрадь на последней заполненной странице и принялся перечитывать записи, постепенно мрачняя.

Если раскопают. И девочку, и его самого, и всех остальных. Когда-то он развлекал себя такими размышлениями: что, если через тысячелетия археологи, изучая развалины старой Москвы, от которой тогда уже и имени не останется, найдут один из входов в подземные лабиринты? Решат, наверное, что наткнулись на гигантское массовое захоронение – вряд ли ведь кому-то придет на ум, что люди могли жить в этих темных катакомбах. Некогда высокораз-

витая культура на закате своего существования явно деградировала, определяют они: вождей погребали в склепах вместе со всем скарбом, оружием, прислугой и наложницами.

В его тетради оставалось еще восемьдесят с лишним чистых листов. Хватит ли, чтобы вместить оба мира – и тот, что лежал на поверхности, и тот, что находился в метро?

– Ты меня не слышишь? – Девчонка потрясла его за руку.

– Что? Прости, задумался. – Он потер лоб.

– А древние статуи правда красивые? Ну, то, что казалось людям красивым раньше, еще остается красивым сегодня?

– Да. – Старик пожал плечами.

– И завтра останется? – продолжала допытываться она.

– Наверное. Если будет кому оценить.

Саша задумалась и смолкла; Гомер, опять съезжая в колею своих невеселых раздумий, не торопил беседу.

– То есть красота без человека не существует? – наконец озадаченно спросила Саша.

– Нет, наверное, – рассеянно ответил он. – Если некому ее видеть... Ведь животные неспособны...

– А если звери отличаются от людей тем, что не видят разницы между прекрасным и уродливым, – задумалась Саша, – значит, без красоты человек тоже не может существовать?

– Может вполне, – покачал головой старик. – Многие в ней совсем не нуждаются.

Девчонка запустила руку в карман и вытащила из него непонятный предмет: разрисованный квадратик то ли из полиэтилена, то ли из пластика. Робко и вместе с тем гордо, будто открывала великое сокровище, Саша протянула его Гомеру.

– Что это? – спросил тот.

– Ты скажи мне, – хитро улыбнулась она.

– Ну, – он осторожно взял квадратик в руки, прочитал надписи, вернул его девушке, – упаковка от чайного пакетика. С картинкой.

– С картиной, – поправила она его. – С красивой картиной, – добавила она с вызовом. – Если бы не она, я бы... озверела.

Гомер глядел на нее, ощущая, как набухают глаза, как приближаются слезы и становится труднее дышать. Сентиментальный дурак, хлестнул он себя. Прокашлялся, вздохнул.

– Ты никогда не поднималась наверх, в город? Кроме этого раза?

– А что? – Саша спрятала пакетик обратно. – Хочешь сказать мне, что там все не так, как на картине? Что такого вообще не бывает? Я сама все это знаю. Знаю, как выглядит город – дома, мост, река. Страшно и пусто.

– Наоборот, – откликнулся старик. – Прекраснее этого города я ничего не видел. А ты... судишь о целом метро по одной шпале. Я, наверное, тебе описать это даже не сумею. Здания выше любых скал. Проспекты, бурлящие, как горные потоки. Негаснущее небо, светящийся туман... Город тщеславный, сиюминутный – как любой из миллионов его жителей. Безумный, хаотический. Весь состоящий из сочетаний несочетаемого, построенный безо всяких планов. Не вечный, потому что вечность слишком холодна и неподвижна. Но такой живой! – Он сжал кулаки, потом махнул рукой. – Тебе не понять. Это надо самой видеть...

В тот миг он уже и сам верил, что, поднимись Саша на поверхность, ей тоже явится призрак того города; верил, совершенно позабыв, что для этого нужно было знать его при жизни.

* * *

Старик смог как-то договориться, и ее пропустили за кордон Ганзы – под конвоем, будто на расстрел, отвели через всю станцию в служебные помещения, где находилась местная баня.

Общее у двух Павелецких было только название, будто двух сестер разлучили при рождении и одна попала в богатую семью, а другая росла на голодном полустанке или вовсе в туннелях. Радиальная получилась грязноватой, бесшабашной, но легкой и просторной. Кольцевая – низкая, коренастая, прилично освещенная и начищенная до блеска, с первого взгляда выдавала свой характер – хозяйственный и прижимистый. В эти часы здесь было немногочисленно – наверное, все, кто не работал на станции, предпочитали балаган Радиальной чинной строгости Кольцевой.

В раздевалке она была одна. Стены, выложенные аккуратным желтым кафелем, пол в колотой многогранной плитке, крашенные железные шкафчики для обуви и одежды, электрическая лампочка на лохматом проводе, две обитых резаным дерматином скамьи... Внутри у нее все замерло от восторга.

Тощая усатая банщица выдала ей полотенце невероятно белого цвета и твердый кирпичик серого мыла, разрешила запереть душевую на засов.

И клеточки полотенца, и тошнотворный мыльный запах – все это принадлежало далекому-далекому прошлому, когда Саша была любимой и оберегаемой комендантской дочкой. Она и забыла, что где-то все эти вещи еще существуют.

Саша расстегнула задубевший от грязи комбинезон, выбралась из него поскорее. Стянула футболку, сбросила шорты и вприпрыжку понеслась к обметанной ржавчиной трубе с самодельной лейкой. Через силу, скользя пальцами по обжигающему железному вентилю, высвободила горячую воду... Кипяток! Прижимаясь к стенке, чтобы уберечься от шпарящих брызг, крутанула другой. Наконец смешала холод и жар в нужном соотношении, прекратила свою пляску и вся растворилась в воде.

А в зарешеченный слив вместе с пузырьчатой водой стекали пыль, сажа, машинное масло, кровь – и Сашина, и других людей, усталость и отчаяние, вина, тревога. Прошло немало времени, прежде чем вода посветлела.

Хватит ли этого, чтобы старик перестал ее подначивать, думала Саша, будто чужие разглядывая свои розовые распаренные ступни, изучая непривычно белые ладони. Хватит ли, чтобы ее мужчины могли угледеть ее красоту? Может, Гомер был прав и ей глупо было приходить к раненому, не приведя себя в порядок? Наверное, таким вещам еще придется учиться.

Заметит ли он, как Саша переменялась? Она завернула вентили, прошлепала в раздевалку, раскрыла подаренное зеркало... Нет, не обратить на это внимание было невозможно.

Горячая вода помогла ей разжаться, побороть сомнения. Своими странными словами о чудовище обритый не хотел ее оттолкнуть. Он просто не успел еще очнуться и обращался не к ней, а лишь продолжал ожесточенный спор, который вел с кем-то в своем кошмаре. Ей нужно только дождаться, когда он придет в себя, и в эту минуту оказаться с ним рядом, чтобы... Чтобы Хантер сразу увидел ее и чтобы сразу понял. А что после? Незачем ей об этом думать. Он достаточно опытен, чтобы она могла во всем ему довериться.

Вспоминая, как обритый мечется в бреду, Саша чувствовала, пусть и не могла объяснить, как Хантер искал ее, потому что она была способна успокоить его, принести облегчение от жара, помочь ему обрести равновесие. И чем больше она об этом думала, тем жарче становилось ей самой.

Засаленный комбинезон у нее отняли, обещав выстирать, взамен вручили истончившиеся светло-синие брюки и дырявый свитер с горлом. В новой одежде ей было тесновато и неуютно. К тому же, пока ее вели обратно через пограничные посты в лазарет, к брюкам и

свитеру липли почти все мужские взгляды, и когда Саша добралась до своей кровати, ей уже снова хотелось в душ.

Старика в комнате не оказалось, но скучать в одиночестве ей не пришлось. Через несколько минут дверь скрипнула, и внутрь заглянул доктор.

– Ну что, поздравляю. Можете навесить. Очнулся.

* * *

– Какое сегодня число?

Бригадир приподнялся на локте, тяжело поводя головой, и впился глазами в Гомера. Тот зачем-то схватился за запястье, хотя часов давно уже не носил, развел руками.

– Второе. Второе ноября, – подсказал санитар.

– Трое суток. – Хантер сполз на подушку. – Трое суток провалялся. Опоздываем. Надо идти.

– Далеко не уйдешь, – попытался урезонить его санитар. – В тебе и крови-то почти не осталось.

– Надо идти, – не обращая на него внимания, повторил бригадир. – Времени мало... Бандиты... – и вдруг осекся. – Зачем тебе респиратор?

Старик готовился к этому вопросу; у него было целых три дня, чтобы выстроить линии обороны и спланировать контрнаступление. Беспамятство Хантера избавляло его от ненужных признаний: теперь их можно было заменить продуманной ложью.

– Нет никаких бандитов, – прошептал он, склонившись над постелью раненого. – Пока ты был в бреду... Все время разговаривал. Я все знаю.

– Что знаешь?! – Хантер сгреб его за ворот, рванул к себе.

– Про эпидемию на Тульской... Все в порядке. – Старик умоляюще замахал рукой, удерживая санитаря, который бросился было оттащить его от бригадира. – Я справлюсь. Нам нужно поговорить, могу я вас попросить...

Санитар нехотя уступил, накрыл иглу шприца колпачком и вышел из палаты, оставив их наедине.

– Про Тульскую... – Хантер еще не спускал со старика бешеного, воспаленного взгляда, но мало-помалу зажим ослабевал. – Ничего больше?

– Только это. Что на станции очаг неизвестной инфекции. Что передается по воздуху... Что наши установили карантин, ждут помощи.

– Так. Так... – Бригадир отпустил его. – Да. Эпидемия. Боишься заразиться?

– Береженого Бог бережет, – осторожно ответил Гомер.

– Ну да. Ничего... Я близко не подходил, сквозняк был в их сторону... Не должен.

– Зачем эта история про бандитов? Что собираешься делать? – расхрабрился старик.

– Сначала на Добрынинскую, договориться. Потом зачистить Тульскую. Нужны огнеметы. Иначе никак...

– Заживо сжечь всех на станции? А наших? – Старик еще продолжал надеяться, что слова об огнеметчиках, брошенные бригадиром, были таким же обманным маневром, как и все прочее, что тот говорил начальству Севастопольской.

– Почему заживо... Трупы. Нет выхода. Всех зараженных, всех контактеров. Весь воздух. Я слышал об этой болезни... – Хантер закрыл глаза, облизнул растрескавшиеся губы. – Лекарства нет. Пару лет назад была вспышка... Две тысячи трупов.

– Но ведь она остановилась?..

– Блокада. Огнеметы. – Бригадир повернул к старику свое обезображенное лицо. – Нет другого средства. Если вырвется... Хоть один человек. Всем конец. Да, врал про бандитов.

Иначе Истомин не разрешил бы перебить всех. Слишком мягкий. А я приведу тех, кто не задает вопросов.

– А вдруг есть люди, у которых иммунитет? – робко начал Гомер. – Вдруг там есть здоровые? Я... Ты говорил... Вдруг их еще можно спасти?

– Не бывает иммунитета. Все контактеры заражаются. Там нет здоровых людей, есть только более живучие, – отрезал бригадир. – Для них же хуже. Дольше будут мучиться. Поверь... Это им нужно, чтобы я их... чтобы их прикончили.

– А вот тебе это зачем? – На всякий случай старик отодвинулся подальше от койки.

Хантер устало смежил веки – и опять Гомер заметил, что тот его глаз, что находился на изуродованной половине лица, не может полностью закрыться. Ответа бригадир не давал так долго, что старик собрался уже бежать за доктором.

Но потом, медленно и раздельно, словно отправленный гипнотизером в бесконечно далекое прошлое за утерянными воспоминаниями, сквозь стиснутые зубы тот произнес:

– Я должен. Защищать людей. Устранять любую опасность. Я только для этого.

* * *

Нашел ли он нож? Понял ли, что это от нее? Вдруг не разгадает или не увидит ли в нем обещание? Она летела по коридору, отгоняя досаждавшие ей мысли, не зная еще, что она сейчас ему скажет... Как жаль, что он пришел в сознание раньше, чем она оказалась у его постели!

Саша застала почти весь разговор – замерев на пороге и отпрянув, когда речь зашла об убийствах. Конечно, расшифровать все она не могла, но ей это было и ни к чему. Самое важное она уже услышала. Больше ждать было незачем, и Саша громко постучалась.

У старика, поднимавшегося ей навстречу, лицо было сведено отчаянием. Гомер еле двигался, будто ему тоже достался обессиливающий укол и фитиль в его зрачках кто-то вывернул. Саше он ответил безвольным кивком – словно висельника дернули кверху за веревку.

Девушка присела на краешек нагретого табурета, прикусила губу и задержала дыхание, прежде чем ступить в новый неизведанный туннель.

– Тебе понравился мой нож?

– Нож? – Обритый осмотрелся, наткнулся на черный клинок и, не прикасаясь к нему, настороженно уставился на Сашу. – Это еще что такое?

– Это тебе. – Ей будто в лицо поддали паром. – Твой сломался. Когда ты... Спасибо...

– Станный подарок. Ни от кого не принял бы такой, – после тяжелого молчания промолвил он.

В его словах ей почудился полунамеком, многозначительная недоговоренность, и она, принимая игру, но не зная всех ее правил, стала подбирать слова на ощупь. Выходило неуклюже, неверно, но ее язык вообще плохо подходил для того, чтобы описывать то, что творилось у Саши внутри.

– Ты тоже чувствуешь, что у меня есть кусок тебя? Тот кусок, который из тебя вырвали... Который ты искал? Что я могу тебе его отдать?

– Что ты несешь? – Он плеснул в нее ледяной водой.

– Нет, ты чувствуешь это, – ежась, настаивала Саша. – Что со мной ты станешь целым. Что я могу быть с тобой и что я должна. Иначе зачем ты взял меня с собой?

– Уступил напарнику. – Его голос был бесцветен и пуст.

– Почему защитил от людей на дрезине?

– Я убил бы их в любом случае.

– Зачем тогда ты спас меня от той твари на станции?!

– Надо было уничтожить их всех.

– Лучше бы она меня сожрала!

– Ты недовольна, что осталась в живых? – непонимающе переспросил он. – Так поднимись наверх по эскалатору, там таких еще много.

– Я... Ты хочешь, чтобы я...

– Я ничего от тебя не хочу.

– Я помогу тебе остановиться!

– Ты цепляешься за меня.

– Ты не чувствуешь, что.

– Я ничего не чувствую. – На вкус его слова отдавали ржавой водой.

Даже страшная клешня белесого чудовища не смогла достать ее так глубоко. Саша вскочила, раненая, метнулась вон из палаты. По счастью, ее комната была пуста. Она забилась в угол, свернулась в клубок. Поискала в кармане зеркало – хотела вышвырнуть его прочь, – но не нашла; кажется, выронила у постели обритого.

Когда слезы подсохли, она уже знала, что ей делать. Сборы не заняли у нее много времени. Старик простит ей, что она украла его автомат, – он, наверное, простит ей что угодно. Брезентовый защитный костюм, отчищенный и обеззараженный, ждал ее в подсобке, безвольно свисая с крюка. Словно какой-то колдун выпотрошил и проклял убитого толстяка, заставив его и после смерти везде следовать за Сашей и исполнять ее волю.

Она вошла в него, вывалилась в коридор, прокатилась по переходу и поднялась на платформу. Где-то по пути ее лизнул ручеек волшебной музыки, источник которой она так и не обнаружила в прошлый раз. Не нашлось на поиски лишних минут и сейчас. Приостановившись лишь на мгновение, Саша преодолела искушение и двинулась дальше к цели своего похода.

Днем на посту у эскалатора дежурил только один дозорный: в светлое время суток создания с поверхности никогда не тревожили станцию.

На объяснения у нее не ушло и пяти минут: путь наверх здесь был открыт всегда, невозможно по эскалатору было только спуститься. Оставив сговорчивому дозорному полупустой автоматный рожок, Саша поставила ногу на первую из ступеней лестницы, ведущей прямо к небу.

Подтянула сползающие штаны и вознеслась.

Глава 12. Знаки

Дома, на Коломенской, до поверхности было совсем недалеко – ровно пятьдесят шесть плоских ступеней. Но Павелецкая забралась под землю куда глубже. Карабкаясь по скрипучему, истерзанному пулеметными очередями эскалатору, Саша не видела этому подъему конца. У ее фонаря доставало сил только на то, чтобы вырвать у темноты битые стаканы эскалаторных светильников да ржавые покосившиеся щиты с изображениями чьих-то тусклых лиц и крупными буквами, которые складывались в бессмысленные слова.

Зачем ей наверх? Зачем умирать?

Но кому она нужна внизу? Действительно нужна как человек, а не как действующее лицо ненаписанной книжки?

Стоило ли и дальше обманывать себя?

Когда Саша уходила с опустевшей Коломенской, оставляя там тело своего отца, ей казалось, что она осуществляет их давний план бегства. Уносит его частичку в себе, хотя бы так помогая ему освободиться. Но с тех пор он ни разу ей не приснился, а когда она пыталась вызвать его образ в своем воображении, чтобы поделиться увиденным и пережитым, тот выходил зыбким и безгласным. Отец не мог простить ее и не хотел такого спасения.

Среди добытых им книг, которые Саша успела пролистать, прежде чем обменять их на еду и патроны, ей особенно запомнился старый ботанический справочник. Иллюстрации в нем были условными: помутневшие от времени черно-белые фотографии и карандашные чертежи. Но в прочих книгах, которые ей доставались, картинок не встречалось вовсе, и эта у Саши была любимая. А больше всех остальных растений в справочнике ей нравился выюнок. Даже нет, не нравился – она сочувствовала выюнку, узнавая в нем себя. Ведь она точно так же нуждалась в опоре. Чтобы расти ввысь. Чтобы добраться до лучей света.

И сейчас инстинкт требовал от нее найти могучий ствол, к которому она могла бы прильнуть, обнять и обвить его. Не для того, чтобы жить соками чужого тела, не для того, чтобы отнимать у него свет и тепло. Просто потому, что без него она была слишком мягка, слишком гибка, бесхребетна, чтобы выстоять, и в одиночку была бы вынуждена всегда стлаться по земле.

Отец говорил Саше, что она не должна ни от кого зависеть и ни на кого полагаться. Ведь, кроме него, на их забытом полустанке полагаться ей было не на кого, а он знал, что не вечен. Отец хотел, чтобы она выросла не плющом, а корабельной сосной, забывая, что это противоречит женской природе.

Саша выжила бы без него. Выжила бы она и без Хантера. Но слияние с другим человеком казалось ей единственной причиной думать о будущем. Когда на мчавшейся дрезине она обвила его руками, ей почудилось, что ее жизнь обрела новый стержень. Она помнила, что доверяться другим опасно, а зависеть от них – недостойно, и, пытаясь признаться обриту, переступала через себя.

Саша хотела прикинуться к нему, а он считал, что она цепляется за его сапоги. Оставленная без опоры и втоптанная в землю, она не собиралась униженно продолжать поиски. Он прогнал ее наверх – что ж, так тому и быть. Если с ней что-нибудь случится на поверхности, вина будет на нем; лишь в его силах и помешать этому.

Наконец ступени закончились. Саша оказалась на краю просторного мраморного зала, рифленый железный потолок которого местами обвалился. Сквозь далекие пробоины хлестали ярчайшие лучи удивительного серовато-белого окраса, и их брызги долетали даже до того закутка, где она находилась. Потушив фонарь и затаив дыхание, Саша крадучись двинулась вперед.

Выбоины от пуль и осколков на стенах у устья эскалатора свидетельствовали, что человек когда-то бывал в этих местах. Но уже в нескольких десятках шагов начинались владения других существ. Кучки засохшего помета, разбросанные всюду обглоданные кости и клочья шкур указывали на то, что Саша оказалась в сердце звериного логова.

Пряча глаза, чтобы не опалить их, она шла к выходу. И чем ближе Саша подбиралась к его источнику, тем гуще становилась тьма в укромных углах залов, через которые она ступала. Учась смотреть на свет, Саша теряла способность чувствовать темноту.

Остовы перевернутых будок, груды невообразимого хлама и каркасы расклеванной техники переполняли следующие залы. Теперь ей становилось ясно, что люди превратили наружные павильоны Павелецкой в перевалочный пункт, куда стаскивали все добро из окрестностей, пока более сильные создания не вытеснили их отсюда.

Иногда в темных углах Саше чудилось еле заметное шевеление, но она все списывала на свою растущую слепоту. Гнездящийся там мрак был уже слишком густым, чтобы она могла различить в нем сливающиеся с мусорными горами уродливые силуэты дремлющих чудовищ.

Моноotonно ноющий сквозняк заслонял их тяжелое сопение, и Саша различила его, лишь проходя в нескольких шагах от колышущейся громады. Прислушалась настороженно, потом, замерев, всмотрелась в очертания опрокинутого киоска, обнаруживая в его изломах странный горб... И обомлела.

Холм, в котором была погребена будка, дышал. Дышали и почти все остальные груды, в окружении которых она находилась. Чтобы удостовериться, Саша щелкнула кнопкой и направила фонарь на одну из них. Бледный лучик уперся в жирные складки белой кожи, побежал дальше по необъятному телу и распался, так и не дотянувшись до его края. Это был один из собратьев химеры, которая чуть не убила Сашу на Павелецкой, и куда более крупный, чем та тварь.

Создания находились в странном оцепенении и, кажется, не замечали ее. Но вот ближайшее к ней внезапно взрыкнуло, шумно всосало воздух через косые прорезы ноздрей, заворочалось... Спohватившись, Саша спрятала фонарик и заторопилась прочь. Каждый следующий шаг по этому жуткому лежбищу давался ей все сложнее: чем дальше от спуска в метро она продвигалась, тем плотнее прибивались друг к другу химеры и тем труднее было найти тропку между их телами.

Поворачивать назад было поздно. Сашу сейчас совсем не беспокоило, как она сумеет вернуться в метро. Пройти бы неслышно, не потревожив ни одно из этих существ, выбраться наружу, оглядеться по сторонам, попробовать... Лишь бы они не очнулись от спячки, лишь бы выпустили ее отсюда; а обратного пути ей искать не придется.

Не осмеливаясь глубоко дышать, пытаясь даже не думать – вдруг они услышат, – она медленно приближалась к выходу. Предательски хрустнула под сапогами разбитая плитка. Еще один неверный шаг, случайный шорох – они проснутся и вмиг разорвут ее на части.

А Саша не могла освободиться от мысли, что совсем недавно – еще вчера или даже сегодня – она брела уже вот так меж спящих чудовищ... По крайней мере, это странное чувство ей отчего-то было знакомо.

Она застыла на месте.

Саша знала, что чужой взгляд иногда можно ощутить затылком. Но у этих созданий не было глаз, и то, чем они ощупывали пространство вокруг себя, было намного материальней и настойчивей любого взгляда.

Ни к чему было оборачиваться назад, чтобы понять: ей в спину тяжело уставилось создание, пробудившееся, несмотря на всю ее осторожность. Но она обернулась.

* * *

Девчонка куда-то запропастилась, однако у Гомера в ту минуту не было ни малейшего желания бросаться на ее поиски, как не было и никаких других желаний.

Если дневник связиста еще оставлял старику толику надежды, что болезнь обойдет его стороной, то Хантер оказался безжалостен. Заводя с очнувшимся бригадиром тщательно подготовленную беседу, старик будто подавал апелляцию на свой смертный приговор. Но тот не хотел его пощадить – да и не мог. Гомер был один виноват в том, что с ним неизбежно произойдет.

Всего пара недель или еще меньше. Всего десять заполненных страниц. И все то, что надо успеть ужать и втиснуть в оставшиеся чистые листы в тетради с клеенчатой обложкой. Помимо желаний у Гомера имелся и долг, а вынужденный привал, похоже, подходил к концу.

Он расправил бумагу, намереваясь подцепить повествование с того места, где в прошлый раз отвлекся на крики врачей. Но вместо этого рука сама вывела прежнее: «Что останется после меня?»

А что после несчастных, запертых на Тульской, думал он, возможно – отчаявшихся, возможно – еще ждущих подмоги, но так или иначе обреченных на жестокую расправу? Память? Но так мало было людей, о которых до сих пор нашлось бы кому помнить.

Да и воспоминания – непрочный мавзолей. Скоро старика не станет, и вместе с ним сплывут все те, кого он знал. Канет в ничто и его Москва.

Где он сейчас, на Павелецкой? Садовое теперь лысо и мертво – в последние часы его расчистила и оцепила военная техника, чтобы дать возможность работать службам спасения и двигаться эскортам с мигалками. Гнилыми, наполовину выпавшими зубами особняков скалятся проезды и переулки... Старик без труда мог представить себе здешний пейзаж, хоть он никогда и не поднимался из метро на этой станции.

А вот до войны ему частенько случалось тут бывать – назначал будущей жене свидания в кафе рядом с метро, потом шли в кино на вечерний сеанс. И здесь же неподалеку он проходил платную, сугубо небрежную медкомиссию, когда собирался получать водительские права. А еще на этом вокзале садился на электричку, договорившись ехать с сослуживцами на шашлыки в летний лес...

Он смотрел в расчерченную на клетки бумагу и видел в ней привокзальную площадь, купающуюся в осеннем тумане, две тающие в дымке башни: претенциозный офисный новодел на Кольце – там работал один его приятель, и, чуть поодаль, закрученный шпиль дорогой гостиницы, пришитой к дорогому концертному залу. Когда-то он приценивался к билетам: они стоили чуть больше, чем Николай зарабатывал за две недели.

Он видел и даже слышал тренькающие угловатые бело-голубые трамваи, переполненные недовольными пассажирами, такими трогательными в своем раздражении этой безобидной давкой. И само Садовое кольцо, празднично мигающее десятками тысяч фар и поворотников, объединенных в одну замкнутую гирлянду. И несмелый, неуместный снег, тающий прежде, чем лечь на черный асфальт. И толпу – мириады наэлектризованных частиц, возбужденных, сталкивающихся, вроде бы хаотически мечущихся, а на деле – движущихся каждая по своему осмысленному маршруту.

Видел ущелье сталинских монолитов, из которого на площадь лениво вытекала великая река Садового. Сотни и сотни зажигающихся окон-аквариумов по обе стороны от него. И еще неоновые сполохи вывесок и титанические рекламные щиты, стыдливо прикрывающие развороченную рану, куда скоро имплантируют новый многоэтажный протез...

Который так никогда и не достроят.

Смотрел и понимал, что словами ему все равно не передать этой великолепной картины. Неужели от всего этого останутся только замшелые, просевшие надгробия делового центра и фешенебельной гостиницы?

Она не объявилась ни через час, ни через три. Обеспокоенный, Гомер обошел весь переход, допросил торговцев и музыкантов, переговорил со звеньевым ганзейского караула. Ничего. Как сквозь землю...

Не находя себе места, старик опять прибил к дверям комнаты, где лежал бригадир. Последний человек, с которым можно было бы посоветоваться по поводу пропажи девчонки. Но кто у Гомера сейчас еще оставался? Он кашлянул и заглянул внутрь.

Хантер лежал, тяжело дыша, уперев взгляд в потолок. Его правая рука – целая – была выпростана из-под покрывала, а крепко сжатый кулак совсем недавно ссажен. Неглубокие царапины сочлились сукровицей, пачкая постель, но бригадир этого не замечал.

– Когда готов выходить? – спросил он у Гомера, не поворачиваясь к нему.

– Я-то хоть сейчас, – замялся старик. – Тут такое дело... Девочку найти не могу. Да и как ты пойдешь? Ты же весь...

– Не умру, – ответил бригадир. – А смерть – не самое страшное. Собирайся. Я буду на ногах через полтора часа. Двинемся к Добрынинской.

– И часа хватит, но мне надо ее найти, я хочу, чтобы она и дальше с нами... Мне очень надо, понимаешь? – заспешил Гомер.

– Через час я уйду, – отрезал Хантер. – С тобой или без тебя... И без нее.

– Ума не приложу, куда она могла запропасться! – Старик расстроено вздохнул. – Знать бы...

– Я знаю, – ровно произнес бригадир. – Но тебе ее оттуда точно не достать. Собирайся.

Гомер попятился, заморгал. Он привык полагаться на сверхъестественное чутье своего спутника, но сейчас отказывался ему верить. Вдруг Хантер опять лжет – на сей раз чтобы избавиться от лишней обузы?

– Она мне сказала, что нужна тебе...

– Мне нужен ты. – Хантер чуть наклонил к нему голову. – А тебе – я.

– Зачем? – прошелестел Гомер, но бригадир услышал его.

– От тебя многое зависит. – Он медленно моргнул, но старику вдруг показалось, что бездушный бригадир ему подмигивает, и его бросило в холодный пот.

Кровать протяжно скрипнула: Хантер, стиснув зубы, сел.

– Выйди, – попросил он старика. – И собирайся, если хочешь успеть.

Но прежде чем убраться, Гомер задержался еще на секунду – подобрать сиротливо валяющуюся в углу красную пластмассовую пудреницу. По ее крышке бежали трещины, петли выгнулись и разошлись.

Зеркало было вдребезги разбито.

Старик резко обернулся к бригадиру.

– Я не смогу без нее уйти.

* * *

Она была почти вдвое выше Саши; ее голова упиралась в потолок, а когтистые лапы свисали до пола. Саша видела, как молниеносно перемещаются эти твари, с какой непостижимой скоростью нападают. Чтобы достать девушку, чтобы одним движением прикончить ее, такому существу было достаточно выбросить вперед одну из конечностей. Но оно почему-то медлило.

Стрелять не было смысла, да у Саши и не хватило бы времени на то, чтобы поднять автомат. Тогда она сделала нерешительный шаг назад, к проходу. Химера издала негромкий

стон, качнулась в сторону девушки... Однако ничего не произошло. Чудовище оставалось на своем месте, не спуская с Саши пристального слепого взгляда.

Она отважилась шагнуть еще раз. И еще. Не поворачиваясь к твари спиной, не показывая ей своего страха, она постепенно приближалась к выходу. Создание как заговоренное плелось за Сашей, лишь немного от нее отставая, будто провожая ее до дверей.

И только когда девушка, оказавшись всего в десятке метров от нестерпимо сияющего проема, не выдержала и кинулась бежать, тварь взревела и тоже метнулась вперед. Саша вылетела наружу, зажмурилась и, ничего не видя вокруг себя, неслась вперед, пока не споткнулась и не покатила кубарем по шершавой твердой земле...

Она ждала, что химера настигнет и в клочья раздерет ее, но преследователь отчего-то позволил ей уйти. Прошла тягучая минута, еще одна... Вокруг стояла тишина.

Саша не открывала глаз, пока не нащарила в сумке купленные у дозорного самодельные очки – два бутылочных донышка из темного стекла, схваченные жестяными кольцами и посаженные на полоску жгута. Очки натягивались сверху на противогаз так, что прозрачные зеленые кругляшки садились точно на смотровые отверстия резиновой маски.

Теперь она могла смотреть. И, медленно размыкая веки, сначала подозрительно, исподлобья, а потом все смелее, Саша оглядывала странное место, в котором очутилась.

...Над ее головой было небо. Небо настоящее, яркое, огромное. Дающее больше света, чем любой прожектор, все равномерно озаренное зеленым, кое-где забитое низкими облаками, а где-то распахивающееся в подлинную бездну.

Солнце! Она увидела его сквозь истонченную облачную ткань: кружок с капсюль размером, начищенный добела, такой яркий – того и гляди проплавит дыру в Сашиных очках. Она испуганно отвела глаза. Подождала чуть и все-таки снова взглянула на него украдкой. Было в нем будто бы что-то разочаровывающее: в конце концов, просто слепящая дыра на небе, к чему его боготворить; но нет, оно завораживало, притягивало, волновало. Проем выхода из звериного логова для привыкших к темноте сиял почти так же сильно; а что, если, мелькнула у Саши мысль, солнце – это точно такой же выход, ведущий в место, где вообще никогда не бывает темно... И если до него долететь, можно вырваться с Земли точно так же, как она только что выбралась из-под нее? А еще от солнца исходило слабое, еле ощутимое тепло, словно оно было живым.

Саша стояла посреди каменного пустыря, окруженного полуобвалившимися старинными постройками; черные провалы окон громоздились чуть ли не в десять рядов, такими высокими были эти дома. Строений было бесконечно много, они толкались, заслоняя друг друга от Саши, напирали, чтобы рассмотреть ее получше. Из-за высоких выглядывали здания еще выше, за теми вырисовывались очертания домов совсем уже громадных.

Поразительно, но Саша могла видеть их все! И пусть они отдавали придурковатой зеленью – как и земля под ногами, как и воздух, как и сумасшедшее, светящееся, бездонное небо, – зато сейчас ей открывались невообразимые дали.

Сколько бы Саша ни приучала свои глаза к темноте, они не были для нее предназначены. В ночное время с обрыва у метропоста ей были видны только уродливые постройки, отстоявшие на нескольких сотен метров от гермоворот. Дальше тьма наслаивалась слишком плотно, и даже рожденная под землей Саша не могла проскрести ее взглядом.

Девушка прежде не спрашивала себя всерьез, насколько велик мир, в котором она живет. Но, думая о нем, Саша всегда представляла себе небольшой сумеречный кокон: несколько сотен метров в каждую сторону, за которыми – обрыв уже окончательный, край Вселенной, начало совершенной тьмы.

И хотя она знала, что на самом деле Земля куда больше, но вообразить себе, как она выглядит, Саша не умела. А теперь она понимала, что ей бы это все равно не удалось – просто потому, что, никогда не видев такого, представить это себе невозможно.

И вот странно: отчего-то ей совсем не было страшно стоять посреди этой безграничной пустоши. Раньше, вылезая из туннеля на обрыв, она чувствовала себя так, словно ее вытащили из панциря; теперь же он казался ей скорлупой, из которой она наконец вылупилась. При дневном свете любая опасность становилась заметна на большом расстоянии, и Саше с излишком хватило бы времени, чтобы спрятаться или подготовиться к обороне. Было и еще одно робкое, неизвестное ей до того чувство: будто она вернулась домой.

Сквозняк гонял по пустырю клубки, сплетенные из колючих веток, уныло дудел в расщелины между зданий, толкал Сашу в спину, требуя от нее быть храбрее, приказывая отправляться на исследование этого нового мира.

Выбора у нее, по сути, не было: чтобы спуститься в метро, ей пришлось бы снова войти в здание, кишашее жуткими существами; только вот они больше не спали. Иногда в колодцах проходов всплывали на миг белесые тела и тут же исчезали – видимо, свет дня был им неприятен. Но что будет, когда наступит ночь? До тех пор, если она рассчитывает увидеть хоть что-то из того, что живописал старик, раньше чем умрет, ей нужно убраться отсюда как можно дальше.

И Саша двинулась вперед.

Она никогда еще не ощущала себя такой маленькой. Ей не верилось, что эти гигантские здания могли строить люди с нее ростом: зачем им это? Наверное, последние предвоенные поколения выродились и измельчали... Природа готовила их к суровому существованию в тесноте туннелей и станций. А эти строения возводились гордыми предками нынешних низкорослых людей – могучими, высокими и статными, как дома, в которых они жили.

Она достигла широкой прогалины: здания здесь расступались, а земля была покрыта похожей на камень треснувшей серой коркой. Единым скачком мир стал еще огромней: отсюда открывался вид на такие дали, что у Саши защемило сердце и закружилась голова.

Присев у тронутых плесенью и мхом стен замка с тупоконечной часовой башней, подпирающей облака, она пробовала представить себе, как же должен был выглядеть этот город до того, как его покинула жизнь...

По дороге – а это, без сомнений, была дорога – шагали высокие, красивые люди в цветастых одеяниях, рядом с которыми самые нарядные платья жителей Павелецкой показались бы убогими и глупыми. В яркой толпе сновали машины, точь-в-точь похожие на вагоны метропоездов, только совсем крохотные, вмещающие всего четырех пассажиров.

Дома не были такими мрачными. Проемы окон не зияли черными дырами, а блестели чисто вымытым стеклом. И почему-то Саше виделись легкие мостки, наведенные тут и там между противоположными домами на самой разной высоте.

А небо не было таким пустым – в нем неспешно проплывали неопишущей величины самолеты, чуть не задевая брюхом крыши... Отец объяснял ей как-то, что для полета им вовсе не нужно было ничем махать, но Саше они рисовались ленивыми громадами со стрекозиными крыльями – мельтешащими, почти невидимыми и лишь чуть отливающими в зеленоватых солнечных лучах.

И еще шел дождь.

Вроде бы просто вода падала с неба, но ощущение было совершенно необыкновенное. Она смывала не только грязь и усталость – на это были способны и горячие струи из ржавой душевой лейки; небесная вода очищала людей изнутри, дарила им прощение за совершенные ошибки. Волшебное омовение стирало горечь с сердца, обновляло и омолаживало, давало и желание продолжать жить, и силы на это. Все, как говорил старик...

Саша так сильно поверила в этот мир, что под действием ее детских заклинаний он стал и вправду проступать вокруг нее. Вот она уже слышала и легкий стрекот прозрачных крыльев в вышине, и веселое щебетание толпы, и мерное постукивание колес, и гул теплого дождя.

Сама собой ей вспомнилась и вплелась в эту переключку услышанная накануне в переходе мелодия... Что-то больно кольнуло в груди.

Она вскочила и побежала по самой середине дороги наперекор людскому потоку, огибая увязшие в толчее милые вагончики машин, подставляя лицо тяжелым каплям. Старик оказался прав: здесь действительно было сказочно хорошо, поразительно красиво. Надо было только поскоблить патину и плесень времен, и прошлое начинало сиять – как цветная мозаика и бронзовые панно на брошенных станциях.

Остановилась она на набережной зеленой реки; перекинутый через нее некогда мост обрывался, едва начавшись; ей было никак не попасть на другой берег. Волшебство иссякло. Картина, казавшаяся такой настоящей, такой красочной всего мгновение назад, поблекла и погасла. Усохшие и зачерствевшие от старости пустые дома, растрескавшаяся кожа дорог, охваченных с обочин двухметровым бурьяном, и дикая непроглядная чаща, поглотившая остатки набережной покуда хватало глаз, – вот все, что спустя секунду осталось от прекрасного призрачного мира.

И Саше вдруг стало так обидно, что ей никогда не увидеть его воочию, что выбирать ей придется между гибелью и возвращением в метро и что нигде на земле не осталось ни одного статного гиганта в ярких одеждах... Что, кроме нее, на широченной дороге, уходящей в далекую точку, где небо напоздало на брошенный город, больше не было ни единой живой души.

Погода установилась отличная. Недождливая.

Саше не хотелось даже плакать. Сейчас было бы здорово просто умереть.

И, будто услышав ее пожелание, высоко над ее головой распростерла крылья огромная черная тень.

* * *

Что делать, если ему придется выбирать? Отпустить бригадира и бросить свою книгу, остаться на станции, пока он не разыщет пропавшую девчонку? Или забыть о ней навсегда и следовать за Хантером, вымарать Сашу из своего романа и по-паучьи затаиться в ожидании новых героинь?

Рассудок запрещал старику отлучаться от бригадира. Ради чего иначе весь его поход, ради чего смертельная опасность, которой он подверг себя и все метро? Он просто не имеет права рисковать своим трудом – единственным, что оправдывало все жертвы, – и уже принесенные, и будущие.

Но в ту минуту, когда он подобрал с пола разбитое зеркальце, Гомер понял, что уйти с Павелецкой, не узнав судьбу девчонки, будет настоящим предательством. А предательство рано или поздно неизбежно отравит и самого старика, и его роман. Из своей памяти Сашу он уже не вымарает никогда.

Что бы ни говорил ему Хантер, Гомер должен сделать все, чтобы найти девчонку, или хотя бы убедиться, что ее больше нет в живых. И старик с удвоенными усилиями приступил к поискам, то и дело справляясь у прохожих, который час.

Кольцевая исключена – без документов ей самой не пробраться в Ганзу. Галерея комнат и палат под переходом? Старик обследовал ее от начала до конца, дознаваясь у каждого встречного, не видел ли тот девчонку. В конце концов кто-то неуверенно ответил, что вроде бы столкнулся с ней, одетой в брезентовую защиту... Оттуда Гомер, не веря ушам и глазам, прочертил Сашин путь до огневой точки у подножия эскалатора.

– А мне-то что? Хочет – пусть идет. Очки ей хорошие спихнул, – вяло отозвался дозорный в будке. – Тебя не пушу. И так уже получил от разводящего. Там гнездо Приезжих наверху. Никто тут не ходит. Мне даже смешно стало, когда она попросилась. – Его зрачки, широкие,

как пистолетные стволы, тыкались в пространство, никак не попадая в старика. – Ты бы шел в переход, дед. Стемнеет скоро.

Хантер знал! Но что он имел в виду, когда говорил, что старику не под силу будет вернуть девочку? Может, она все еще жива?..

Спотыкаясь от волнения, Гомер заторопился обратно в бригадирскую палату. Нырнул под низкую притолоку тайной дверки, проковылял по узкой лестнице, без стука распахнул дверь...

Комната была пуста: ни Хантера, ни его оружия, только раскиданы по полу ленты побуревших от высохшей крови бинтов да валяется сиротливо пустая фляжка. Исчез из подсобки и с грехом пополам отчищенный скафандр.

Бригадир просто бросил старика, как надоевшего пса, наказав за упрямство.

* * *

Ее отец всегда был убежден: человеку даются знаки. Надо только уметь замечать и читать их.

Саша взглянула вверх и замерла, пораженная. Если кто-то хотел сейчас послать ей знамение, нельзя было придумать ничего более красноречивого.

Невдалеке от обрушившегося моста из темных зарослей выступала круглая древняя башня с замысловатым наконечником – самое высокое из всех окрестных зданий. Годы не пошли ему на пользу: по стенам змеились глубокие трещины, а сама башня опасно накренилась. Она давно бы уже обрушилась, если бы не чудо. Как же она раньше не обратила на это внимания?

Здание опоясывал циклопических размеров вьюнок. Его ствол был, конечно, в разы тоньше башни, но его толщины и силы с избытком хватало, чтобы удерживать разваливающееся на куски строение. Удивительное растение спиралью обвивало башню; от основного ствола отходили веточки потоньше, от тех – еще более тонкие, и все вместе они образовывали сеть, которая не позволяла зданию рассыпаться.

Верно, когда-то вьюнок весь был таким же слабым и гибким, как самые нежные и молодые из его побегов теперь. Когда-то ему приходилось цепляться за выступы и балконы башни, казавшейся вечной и нерушимой. Не будь она столь высокой, и он не вырос бы таким.

Саша зачарованно глядела на него, на спасенное им здание. Все для нее заново обретало смысл, к ней возвращалось желание бороться. Странно, ведь в ее жизни совсем ничего не переменилось. Просто вдруг снова, вопреки всему, сквозь серую корку отчаяния крошечным отростком этого вьюнка в ее душу пробилась и зазеленела надежда.

Пусть были вещи, которые ей никогда не исправить, поступки, которые невозможно отменить, и слова, которые не отозвать обратно. Но в нынешней истории оставалось еще многое, что она могла изменить, пусть пока и не знала как. Главное, что у нее снова появились силы.

Теперь Саше казалось, что она разгадала и причину, по которой беспощадная химера позволила ей уйти невредимой: кто-то незримый удерживал чудовище на цепи, чтобы дать девушке еще один шанс.

И она была благодарна за это. Была готова простить, готова снова доказывать и сражаться; а от Хантера ей требовался лишь легчайший намек. Еще один знак.

Садящееся солнце вдруг погасло, но тут же вспыхнуло вновь. Саша задрала подбородок и краем глаза успела уловить черный стремительный силуэт, промелькнувший у нее над головой, на мгновение заслонив собой светило, и тут же скрывшийся из виду.

Воздух взрезал свист и пронзительный вопль – промахнувшись всего чуть-чуть, на Сашу с неба скалой рухнула огромная махина. В последний миг инстинкт заставил девушку броситься наземь, и лишь это уберегло ее. Скользя вдоль самой земли на распахнутых кожистых крыльях, невиданное чудище мощным гребком набрало высоту и принялось выписывать полукруг, заходя для новой атаки.

Саша схватилась за автомат, но тут же отказалась от бесполезной затеи. Даже выпущенная в упор очередь не смогла бы сбить с курса такую тушу; нечего было уж и думать о том, чтобы сразить ее. В нее ведь еще нужно было попасть! И девушка кинулась обратно к пустырю, с которого отправилась в свое короткое странствие, не думая о том, как спустится в метро.

Летучее чудище испустило охотничий клич и вновь ринулось к ней. Заплетаясь в чужих штанах, Саша ничком повалилась на дорогу, но извернулась и огрызнулась короткой очередью. Пули обескуражили тварь, хоть и не причинили ей никакого вреда. За выигранные секунды девушка сумела подняться на ноги и метнулась к ближайшим домам, слишком поздно сообразив, как укрыться от хищника.

В небе теперь кружили уже две тени, поддерживая себя в воздухе тяжелыми взмахами широких перепончатых крыльев. Сашин расчет был прост: прижаться к стене любого здания. Летящие чудища были слишком велики и неповоротливы, чтобы достать ее там; а дальше... Ей все равно некуда бежать.

Успела! Она приникла к стене, надеясь, что твари отступятся от нее. Но нет: им случилось загонять и более изобретательную дичь. Кошмарные создания – сперва одно, а потом и второе – опустились на землю в двух десятках шагов от девушки и, волоча за собой сложенные крылья, не спеша направились к ней.

Автоматная очередь не испугала, а лишь разгневала их; пули словно вязли в свалывшейся густой шерсти, не достигая плоти. Ближняя к Саше тварь злобно ощерилась: под вывороченным рылом и вздернутой черной губой обнажились кривые, острые как гвозди зубы.

– Ложись!..

Саша даже не стала задумываться, откуда она слышит этот далекий голос, просто бросилась наземь ничком. Совсем близко от нее раздался взрыв; ее потрянуло и обожгло воздушной волной. Сразу же последовал второй, за ним – взбешенный звериный визг и удаляющиеся хлопки крыльев.

Она несмело подняла голову, закашлялась, выбивая из легких пыль, осмотрелась. Неподалеку от нее дорога была выщерблена свежей воронкой и сбрызнута темной маслянистой кровью. Вырванное с мясом, валялось рядом опаленное кожистое крыло, и тут же еще несколько обугленных бесформенных кусков.

Через каменный пустырь к Саше размеренно, не пригибаясь, шагал могучего сложения человек в тяжелом защитном костюме.

Хантер!

Глава 13. Одна история

Он взял ее за руку, помогая подняться, и потянул за собой. Потом, словно опомнившись, отпустил. Его глаза, скрытые особым дымчатым стеклом, Саше были не видны.

– Не отставай! Темнеет быстро, надо успеть убраться отсюда, – прогундосил он в филь-тры.

И, так и не взглянув на нее больше, стремительно двинулся вперед.

– Хантер! – окликнула его девушка, сквозь запотевшие окошки своего противогаза сисясь узнать своего спасителя.

Тот притворился, будто не слышит ее, и Саше больше ничего не оставалось, как со всех ног бежать вслед за ним. Конечно, он на нее зол: в третий раз подряд выручать глупую дев-чонку. Но он поднялся сюда, поднялся ради Саши, какие у нее теперь могли быть сомнения...

Обритый даже не собирался приближаться к логову, послужившему Саше выходом из метро, он знал другие тропы. Свернув с главной дороги направо, он нырнул в арку, миновал ржавые железные скелеты плоских коробок, похожих на киоски для карликов, выстрелом спугнул неясную тень и остановился у небольшой кирпичной будки с плотно зарешеченными окнами. Провернул ключ в массивном висячем замке. Укрытие? Нет, будка оказалась обман-кой: за дверью зигзагами уходила на глубину бетонная лестница.

Навесив тот же замок изнутри, он зажег фонарь и затопал вниз. Стены, выкрашенные в белый и зеленый, облупившиеся от времени, были испещрены именами и датами: вход-выход, вход-выход... Неразборчиво черкнул что-то и Сашин спаситель. Наверное, каждый, кто поль-зовался тайным подъемом, чтобы выбираться на поверхность, должен был записать здесь, когда он ушел и когда вернулся. Вот только под многими именами даты возвращения не было.

Спуск прервался быстрее, чем ожидала Саша: хотя ступени бежали дальше вниз, обритый задержался у неприметной чугунной двери, грохнул по ней кулаком, и через несколько секунд с обратной стороны заскрежетал запор. Открыл всклокоченный человек с жидкой бородашкой, в синих штанах с оттянутыми коленями.

– Это еще кто? – озадаченно спросил он.

– Подобрал на Кольце, – прогудел Хантер. – Чуть птицы не сожрали, еле успел из под-ствольника. Эй, пацан, ты как туда попал?

Он скинул капюшон, потащил противогаз...

Перед Сашей стоял незнакомый мужчина: ежик русых волос, бледно-серые глаза, сплюс-нутый, будто сломанный нос. А она еще отговаривала, переубеждала себя, когда ей показалось, что он чересчур подвижен для раненого, что походка у него не та, не звериная, что костюм вроде чуть другой...

Ей стало душно, и она тоже сорвала маску.

Через четверть часа Саша уже была за чертой ганзейской границы.

– Ты прости, без документов не могу тебя тут оставить. – В голосе ее спасителя сквозило искреннее сожаление. – Может, вечером сегодня, это самое... Ну, в переходе?

Она молча покачала головой и улыбнулась.

Куда теперь?

К нему? Успеется!

Саша не могла подавить обиду на Хантера за то, что не он спас ее на сей раз... Имелось у нее и еще одно дело, которое она больше не хотела откладывать на потом.

Нежные и манящие, отзвуки чудесной музыки нашли к ней дорогу через людской гвалт, через шорох обуви и выкрики торговцев. Кажется, это была та самая мелодия, что околдовала

ее накануне. Ступая ей навстречу, Саша как будто опять пробиравлась к проему, излучающему неземное сияние... Только куда он вел сейчас?

Музыкант был взят в плотное кольцо десятками слушателей. Саше пришлось потолкаться, прежде чем толпа выплюнула ее в пустой круг. Мелодия и притягивала этих людей, и держала их на расстоянии, будто они тоже летели на свет, но боялись обжечься.

Саша не боялась.

Он был молод, строен и удивительно хорош собой. Пожалуй, немного хрупок, но его ухоженное лицо не было нежным, а его зеленые глаза не казались наивными. Темные волосы, хоть и нестриженные, лежали ровно. Неброская одежда выделяла его в людском вареве Павелецкой нездешней чистотой.

Инструмент его отчасти походил на детскую дудочку, какие делают из пластмассовых изоляционных трубок, но большую, черную, с медными клавишами, торжественную и, видимо, очень дорогую. Те звуки, которые музыкант из него извлекал, точно принадлежали какому-то другому миру, другому времени. Как и сам инструмент... Как и его хозяин.

Он поймал Сашин взгляд в первое же мгновение, отпустил и сразу снова подобрал. Та смутилась: хоть его внимание и не было ей неприятно, она пришла сюда за его музыкой.

– Слава богу! Я тебя нашел...

К ней протиснулся Гомер – запыхавшийся, вспотевший.

– Как он? – тут же спросила Саша.

– Разве... – начал тот, осадил себя и закончил по-другому: – Он пропал.

– Как?.. Куда?! – Словно кто-то сдавил в кулаке Сашино сердце.

– Ушел. Забрал все свои вещи и ушел. Надо думать, на Добрынинскую...

– Ничего не оставил? – робко уточнила она, про себя загадывая ответ, который ей сейчас даст Гомер.

– Подчистую, – кивнул старик.

На них гневно зашикали, и Гомер притих, вслушиваясь в мелодию и заодно подозрительно посматривая то на музыканта, то на девушку. Зря: та думала совсем о другом.

Пусть Хантер прогнал ее и поспешил сбежать. Но Саша уже начала постигать те странные правила, которым он следовал. Если обритый и вправду забрал все свои вещи, вообще все... Значит, он просто хочет, чтобы она была настойчивее, чтобы она не сворачивала с пути, хочет, чтобы она его разыскала. И она сделает это, все равно сделает. Если только...

– А нож? – шепнула она старику. – Он взял с собой мой нож? Черный?

– В палате его нет, – пожал плечами тот.

– Значит, взял!

Саше было вполне достаточно и этого скупого знака.

* * *

Флейтист был безусловно талантлив и к тому же великолепно владел своим искусством, словно только вчера он играл в консерватории. В футляре его инструмента, распаханном для подаяний, хватило бы патронов, чтобы прокормить небольшую станцию – или чтобы поголовно вырезать ее население. Вот оно, признание, с грустной ухмылкой подумал Гомер.

Мелодия казалась старику смутно знакомой, но сколько бы он ни пытался вспомнить, где мог ее слышать – в старом кино? в радиоконцертах? – ничего не выходило. В мелодии было что-то необычное – случайно настроившись на ее волну, отвлечься больше не получалось; хотелось непременно дослушать до конца, а потом рукоплескать музыканту, пока тот не приметя за игру вновь.

Прокофьев? Шостакович? Познания Гомера в музыке все равно были слишком скудны, чтобы всерьез стараться угадать композитора. Но кто бы ни написал эти ноты, флейтист не просто исполнял их, он насыщал их новым звучанием и новым смыслом, оживлял. Талант. Талант, и за него Гомер готов был простить парню дразнящие взгляды, которые тот между делом подбрасывал Саше, как бумажный бантик котенку.

Однако пора было уводить от него девочку.

Дождавшись, пока музыка отцветет, а флейтист отдастся аплодирующей публике, старик ухватил Сашу за влажный, еще пахнувший хлоркой костюм и вытащил ее наружу.

– Вещи собраны. Я иду за ним. – Он выдержал паузу.

– Я тоже, – быстро сказала девчонка.

– Ты понимаешь, во что ввязываешься? – негромко спросил Гомер.

– Я все знаю. Я подслушала. – Она вызывающе глянула на него. – Эпидемия, да? И он собирается всех сжечь. И мертвых, и живых. Всю станцию. – Саша не отводила глаз.

– И зачем тебе к такому человеку? – Старик у это было действительно интересно.

Саша не отвечала, и какое-то время они шагали рядом молча, пока не забрались в совсем безлюдный уголок зала.

– У меня отец умер. Из-за меня, я виновата. И я уже ничего не могу сделать, чтобы он снова был живой. А там есть люди, которые еще живые. Которых еще можно спасти. И я должна попытаться. Ему должна, – медленно и неловко выговорила она наконец.

– Спасти от кого? От чего? Болезнь неизлечима, ты слышала, – горько отозвался старик.

– От твоего друга. Он страшнее любой болезни. Смертельнее. – Девчонка вздохнула. – Болезни хотя бы оставляют надежду. Кто-то всегда выздоравливает. Один на тысячу.

– Каким образом? Почему ты думаешь, что сможешь? – внимательно посмотрел на нее Гомер.

– У меня уже получалось, – неуверенно ответила она.

Не переоценивает ли девчонка свои силы? Не обманывает ли себя, приписывая черствому и безжалостному бригадиру взаимность? Гомеру не хотелось обескураживать Сашу, но лучше было предупредить ее сейчас.

– Знаешь, что я нашел в его палате? – Старик осторожно достал из кармана искалеченную пудреницу и передал ее Саше. – Это ты ее так?

– Нет. – Та покачала головой.

– Значит, это Хантер...

Девушка медленно раскрыла коробочку, нашла свое отражение в одном из стекольных осколков. Задумалась, вспомнила свой последний разговор с обрityм и слова, произнесенные им в полумраке, когда она пришла дарить ему нож. Вспомнила и лицо Хантера, когда он тяжело шагал к ней, весь окровавленный, чтобы занесшая свои лезвия химера бросила Сашу и убила его самого...

– Это он не из-за меня. Это из-за зеркала, – решительно сказала она.

– Оно здесь при чем? – приподнял брови старик.

– Ты сам говорил. – Саша захлопнула крышку. – Иногда полезно увидеть себя со стороны. Помогает много о себе понять. – Она передразнила менторский стариковский тон.

– Считаешь, что Хантер не знает, кто он есть? Или что до сих пор переживает из-за своего вида? Потому и разбил? – Гомер снисходительно хмыкнул.

– Дело не во внешности. – Девчонка прислонилась спиной к колонне.

– Хантер прекрасно знает, кто он такой. И, видимо, просто не любит, когда ему об этом напоминают, – ответил сам себе старик.

– А может, он сам об этом забыл? – возразила она. – Мне иногда кажется, что он все время старается что-то вспомнить. Или... что он прикован цепью к тяжелой вагонетке, которая катится под уклон, в темноту, и никто не поможет ему ее остановить. Я это объяснить не могу.

Просто смотрю на него и чувствую. – Саша нахмурилась. – Никто этого не видит, а я вижу. Я поэтому тогда тебе сказала, что нужна ему.

– То-то он тебя бросил, – жестоко ткнул ее Гомер.

– Это я его бросила. – Девчонка упрямо насупилась. – А теперь должна догнать, пока не поздно. Они все еще живые. Их можно еще спасти, – как заведенная повторила она. – И его тоже еще можно спасти.

– Его-то тебе от кого спасать? – вскинул подбородок Гомер.

Она посмотрела на него недоверчиво: неужели старик так ничего и не понял, несмотря на все ее усилия? И невероятно серьезно ответила ему:

– От человека в зеркале.

* * *

– Занято?

Саша, рассеяннo кoвырявшaя вилкoй гpибнoе жaркoе, вздpoгнулa. Рядoм с нeй с пoднoсoм в рукaх стoял зeлeнoглaзый мyзикaнт. Стaрик кудa-тo oтoшeл, и eгo мeстo сeйчaс пyстoвaлo.

– Дa.

– Вceгдa мoжнo нaйти рeшeниe! – Он пoстaвил свoй пoднoс и, рeзвo пoдхвaтив зa сoсeднeм стoлoм свoбoдный тaбурeт, уceлся слeвa oт Сaши прeждe, чeм тa успeлa зaпрoтeстoвaть.

– Еcли чтo, я тeбя нe приглaшaлa, – пpeдупpeдилa oнa eгo.

– Дeдyшкa нaрyгaeт? – c пoнимaющим видoм пoдмигнул мyзикaнт. – Пoзвoльтe пpeдстaвитьcя. Лeонид.

– Он мнe нe дeдyшкa. – Сaшa пoчyвствoвaлa, кaк к щeкaм приливaeт крoвь.

– Дaжe тaк?... – Лeонид нaбил рoт дo oткaзa и вoсхищeннo выгнул брoвь.

– Ты нaглый, – oтмeтилa oнa.

– Я нaпopистый. – Он нaзидaтeльнo вoздeл вилкy квepхy.

– Слишкoм yвepeн в ceбe. – Сaшa улыбнyлaсь.

– Я вooбщe вepю в людeй, нy и в ceбя в чaстнoсти, – нeвнятнo пpoбoрмoтaл oн, жyя.

Вepнyлся стaрик, пoстoял зa спиной y сaмoзвaнцa, cкoрчил нeдoвoльнyю гpимaсy, нo вce жe уceлся нa свoй тaбурeт.

– Сaшa, тeбe нe тeснo? – cвapливo пoинтeрeсoвaлся oн, глядя мимo мyзикaнтa.

– Сaшa! – торжeствyющe пoвтoрил тoт, oтpывaясь oт миски. – Oчeнь пpиятнo. Мeня, нaпoмню, зoвyт Лeонид.

– Никoлaй Ивaнoвич, – пoкoсившись нa нeгo, хмyрo скaзaл Гoмep. – A чтo вы зa мeлoдию сeгoднa испoлняли? Кaжeтcя знaкoмoй...

– Ничeгo удивитeльнoгo, я yжe тpeтий дeнь ee тyт испoлняю, – нaжимaя нa пocлeднee слoвo, oтoзвaлся тoт. – A вooбщe coбствeннoгo coчинeния.

– Твoeгo? – Сaшa oтлoжилa пpибopы. – A кaк нaзывaeтcя?

– Никaк нe нaзывaeтcя. – Лeонид пoжaл плeчaми. – Нaд нaзвaниeм я кaк-тo нe дyмaл. A пoтoм, кaк этo в бyквы пepeлoжить? Дa и зaчeм?

– Кpacивo oчeнь, – пpизнaлaсь дeвyшкa. – Пpocтo нeoбыкнoвeннo кpacивo.

– Тoгдa мoгy нaзвaть в твoю чeсть, – нe рaстepялся мyзикaнт. – Ты зaслyживaeшь.

– Нe нaдo. – Oнa пoкaчaлa гoлoвoй. – Пyсть лyчшe бeз нaзвaния бyдeт. В этoм eсть cмыcл.

– В тoм, чтoбы пocвятить ee тeбe, тoжe eсть oпpeдeлeнный cмыcл. – Он зacмeялся былo, нo пoдaвилcя и зaкaшлялся.

– Нy, гoтoвa? – Стaрик взял Сaшин пoднoс и пoднялся. – Пoрa. Вы yж извинитe нac, мoлoдoй чeлoвeк...

– Ничего! Я уже доел. Разрешите немного проводить девушку?

– Мы уезжаем, – резко произнес Гомер.

– Здорово! Я тоже. На Добрынинскую. – Музыкант напустил на себя невинный вид. – Нам не по пути?

– По пути, – неожиданно для самой себя ответила Саша, стараясь не глядеть в сторону Гомера и все соскакивая глазом на Леонида.

В нем была какая-то легкость, незлобивая смешливость. Будто мальчишка, фехтующий прутиком, он наносил легкие небольшие уколы, на которые не получалось толком злиться, кажется, даже у старика. А свои намеки он преподносил Саше так делано, так забавно, что она и не думала принимать их всерьез... А что плохого в том, что она ему нравится?

И потом, в его музыку она влюбилась задолго до того, как познакомилась с ним самим. А соблазн взять с собой в дорогу это волшебство был слишком велик.

* * *

Все дело в музыке, не иначе. Чертов юнец словно гаммельнский крысолов подманивал невинные души своей холеной флейтой и использовал свой дар, чтобы портить всех девок, до которых мог дотянуться. Вот он пробовал добаться и до Александры, а Гомер даже не знал, что с этим делать!

Проглатывать его дерзкие шутки старику стоило большого труда, и очень скоро они встали ему поперек горла. Раздражало Гомера и то, как быстро Леонид сумел договориться с непреклонным ганзейским начальством, чтобы всей троице позволили пройти по Кольцу перегон до Добрынинской – и это без документов! В хоромы к начальнику станции, лысому пожилому щеголю с таракаными усами, музыкант входил с футляром, полным патронов, а вышел улыбаясь и налегке.

Гомер был вынужден признать, что его дипломатические способности им оказались кстати: мотодрезина, на которой они прибыли на Павелецкую, пропала из отстойника одновременно с исчезновением Хантера, а путь в обход мог занять и неделю.

Но больше всего старика насторожила та легкость, с которой фигляр сорвался с хлебной станции и распрощался со всеми сбережениями, только чтобы отправиться в туннели за его Сашей. В ином случае такая легкость говорила бы о влюбленности, но здесь старику виделась сплошная несерьезность намерений и привычка к скорым победам.

Да, мало-помалу Гомер превращался в ворчливую дуэнью... Но у него были основания для бдительности и повод для ревности. Единственное, чего ему сейчас не хватало, – чтобы его чудом обретенная вновь муза сбегала с бродячим музыкантом! С совершенно лишним, надо сказать, героем, для которого в его романе не было заготовлено места, а он приволок собственный табурет и по-хамски уселся ровно посередине.

– ...Неужели на всей Земле совсем никого не осталось?

Их троица уже шагала к Добрынинской в сопровождении трех караульных: правильно распорядившись патронами, можно было сделать явью самые смелые грезы.

Девчонка, только что взахлеб рассказывавшая о своем походе на поверхность, осеклась и погрустнела. Гомер переглянулся с музыкантом: кто первым бросится ее утешать?

– Есть ли жизнь за МКАДом? – хмыкнул старик. – Новое поколение тоже задается этим вопросом?

– Конечно, есть, – уверенно заявил Леонид. – Дело не в том, что больше никто не выжил, просто связи нет!

– Ну я вот, например, слышал, что где-то за Таганской есть тайный ход, который выводит в один любопытный туннель, – начал старик. – Обычный вроде бы туннель, шесть метров в

диаметре, только без рельсов. Залегает глубоко, метрах на сорока или даже пятидесяти. Уходит далеко на восток...

– Это не тот ли туннель, который ведет к уральским бункерам? – перебил его Леонид. – И это история про человека, который случайно забрел в него, потом вернулся с запасом еды и...

– Шел неделю с короткими привалами, потом у него стала заканчиваться провизия, и ему пришлось повернуть обратно. Туннелю не было еще видно ни конца, ни края, – скомканно, сбившись с былинной интонации, закончил Гомер. – Да, по слухам, к уральским бункерам. Где еще может оставаться кто-то живой.

– Это вряд ли, – зевнул музыкант.

– Еще знакомый в Полисе рассказывал как-то о том, что один из местных радистов наладил связь с экипажем танка, который успели задраить и уйти в такую глушь, что никому даже и в голову не пришло ее бомбить... – демонстративно обращаясь к Саше, продолжил старик.

– Ну да, – покивал Леонид. – Тоже известная история. Когда у них кончилась соляра, они вкопали танк в землю на холме, а вокруг него выстроили целый хутор. И еще несколько лет по вечерам разговаривали по радио с Полисом.

– Пока приемник не сломался, – раздраженно досказал Гомер.

– Ну, а про подводную лодку? – потянулся его соперник. – Про атомную лодку, которая была в дальнем походе и, когда начался обмен ударами, просто не успела выйти на боевые позиции. А когда всплыла, все уже давно было кончено. И тогда экипаж поставил ее на вечный прикол неподалеку от Владивостока...

– И от ее реактора до сих пор питается целый поселок, – встрял старик. – Полгода назад я встречал человека, который утверждал, что он – первый помощник капитана этой лодки. Говорил, что всю страну пересек на велосипеде и добрался-таки до Москвы. Три года ехал.

– Прямо лично с ним разговаривали? – вежливо удивился Леонид.

– Лично, – огрызнулся Гомер.

Легенды всегда были его коньком, и он просто не мог позволить молодому нахалу заткнуть себя за пояс. Оставалась у него в запасе и еще одна история, сокровенная. Он-то намеревался рассказать ее совсем по другому случаю, а не тратить попусту в никчемном споре... Но, глядя, как Саша смеется очередной шутке этого пройдохи, решил-таки.

– А про Полярные Зори не слышали?

– Какие зори? – обернулся к нему музыкант.

– Ну как же? – сдержанно улыбнулся старик. – Крайний Север, Кольский полуостров, город Полярные Зори. Богом забытое место. До Москвы тысячи полторы километров, до Петербурга – не меньше тысячи. Поблизости разве что Мурманск с его морскими базами, но и до него прилично.

– Словом, глухомань, – подбодрил его Леонид.

– Вдалеке от крупных городов, от секретных заводов и военных баз. Вдалеке от всех основных целей. Те города, которые наша противоракетная оборона защитить не могла, были стерты в пыль и пепел. Те, над которыми был щит, где успели сработать перехватчики, – старик посмотрел вверх, – сами знаете. Но были ведь и места, по которым никто не целился... Потому что угрозы они никакой собой не представляли. Полярные Зори, например.

– До них и сейчас-то дела никому нет, – отозвался музыкант.

– И зря, – отрезал старик. – Потому что рядом с городом Полярные Зори находилась Кольская атомная электростанция. Была одной из мощнейших в стране. Чуть ли не весь Север энергией обеспечивала. Миллионы людей. Сотни предприятий. Я ведь сам из тех мест, архангельский. Знаю, что говорю. И на станции этой школьником еще бывал, на экскурсии. Настоящая крепость, государство в государстве. Своя маленькая армия, собственные угодья, хозяйство подсобное. Могли существовать в автономном режиме. Случись хоть ядерная война – ничего в их жизни не переменится, – невесело усмехнулся он.

– И что вы хотите сказать...

– Петербурга не стало, Мурманска не стало, Архангельска. Миллионы людей стинули, предприятия – вместе с городами... В пыль и пепел. А город Полярные Зори остался. И Кольская АЭС не пострадала. Вокруг на тысячи километров – только снег, снег и ледяные поля, волки да белые медведи. Связи с центром нет. А у них достаточно топлива, чтобы большой город снабжать не год и не два. А самим, наверное, вместе даже с Полярными Зорями, лет на сто хватит. Перезимуют легко.

– Это же настоящий ковчег... – прошептал Леонид. – И когда потоп закончится и воды схлынут, с вершины горы Арарат...

– Именно, – кивнул ему старик.

– Откуда вам об этом известно? – В голосе музыканта не оставалось больше ни иронии, ни скуки.

– Пришлось как-то и мне радистом работать, – уклончиво ответил Гомер. – Очень уж хотелось найти хоть одного живого человека в родных местах.

– Долго ли они там протянут, на Севере?

– Уверен. В последний раз я, правда, на связь года два назад выходил. Но вы представляете, что это значит – еще целый век с электричеством? В тепле? С медицинским оборудованием, с компьютерами, с электронными библиотеками на дисках? Вам-то уже неоткуда знать... На все метро компьютеров две штуки, и те как игрушки только. И это столица, – горько усмехнулся старик. – А если где-то еще и остались люди – не одиночки, я имею в виду, а хотя бы поселки... У них ведь уже давно семнадцатый век снова наступил, и это в лучшем случае, а то уже и вовсе – каменный. Лучины, скотина, колдовство, каждый третий при родах умирает. Счеты и берестяные грамоты. И, кроме ближайших двух хуторов, в мире больше ничего нет. Глушь, безлюдье. Волки, медведи, мутанты. Да вся современная цивилизация, – старик кашлянул, озираясь вокруг, – на электричестве строится. Исыскнет энергия, сгниют станции, и все. Веками миллиарды человек это здание по кирпичику возводили, и все прахом. Начинать сначала. Да и получится ли? А тут отсрочка в целое столетие! Правильно вы сказали, Ноев ковчег. Почти неограниченный запас энергии! Нефть ведь еще надо добывать и перерабатывать, газ – бурить и по трубам на тысячи километров гнать! Что же, назад – к паровым двигателям? Или еще дальше? Я тебе вот что скажу, – взял он Сашу за руку. – Людям-то ничего не грозит. Люди живучи как тараканы. А вот цивилизация... Ее бы сохранить.

– А у них прямо-таки цивилизация?

– Будьте спокойны. Инженеры-атомщики, техническая интеллигенция. А уж условия у них точно лучше наших с вами. За два десятка лет Полярные Зори выросли прилично. Они поставили радио на вечный повтор: «Всем выжившим...» и координаты. Говорят, и до сих пор люди сползаются...

– Почему я об этом никогда не слышал? – пробормотал музыкант.

– Мало кто слышал. Отсюда их волну трудно поймать. Но вы попробуйте как-нибудь, если у вас найдется пара свободных лет. – Старик ухмыльнулся. – Позывной «Последняя гавань».

– Я бы знал, – серьезно покачал головой тот. – Я собираю такие случаи... А что, неужели все мирно было?

– Как сказать... Вокруг глушь, если и были еще села и городки какие-то рядом, быстро одичали. Случалось, нападали варвары. Ну и звери, конечно, если их так можно назвать. Но им арсеналов хватало. Круговая оборона, защищенный периметр. Колючая проволока под напряжением, сторожевые вышки. Настоящая крепость, говорю же. А за первое десятилетие, самое лихое, они еще одну стену успели возвести, частокол из бревен. Вокруг все обследовали... До Мурманска доходили, двести километров. Воронка там оплавленная вместо Мурманска. Собирались даже экспедицию организовывать на юг, к Москве... Я их отговаривал. К чему

пуповину перерезать? Вот спадет фон, можно будет новые земли осваивать – тогда... А пока тут делать нечего. Кладбище и кладбище, – вздохнул Гомер.

– Забавно будет, – сказал вдруг Леонид, – если человечество, которое уничтожило себя атомом, им же и спасется.

– Мало забавного, – сурово взглянул на него старик.

– Это как огонь, похищенный Прометеем, – пояснил тот. – Боги запретили ему передавать огонь людям. Он-то хотел вытащить человека из грязи, темноты и прозябания...

– Я читал, – язвительно оборвал его Гомер. – «Мифы и легенды Древней Греции».

– Пророческий миф, – заметил Леонид. – Не случайно боги были против. Знали, чем все кончится.

– Но именно огонь сделал человека человеком, – возразил старик.

– Считаете, без электричества он снова превратится в животное? – спросил музыкант.

– Считаю, что без него мы на двести лет назад откатимся. А учитывая, что выжил один из тысячи и что все заново надо отстраивать, покорять, изучать, – на все пятьсот. А может, никогда уже не наверстаем. Что, не согласны?

– Согласен, – ответил Леонид. – Но разве все дело только в электричестве?

– А как по-вашему? – в запале всплеснул руками Гомер.

Музыкант смерил его странным долгим взглядом и пожал плечами.

Молчание затянулось. Такой исход разговора Гомер мог вполне засчитать за свою победу: девочка наконец перестала пожирать нагльца глазами и задумалась о чем-то своем. Но когда до станции оставалось уже совсем немного, Леонид неожиданно произнес:

– Ну что же. Давайте тогда и я вам расскажу одну историю.

Старик как мог изобразил утомление, но ответил милостивым кивком.

– Говорят, где-то за станцией Спортивной и перед разрушенным Сокольническим мостом от основного туннеля резко вниз уходит тупиковая ветка. Заканчивается она решеткой, за которой – закрытые наглухо гермоворота. Ворота не раз пытались открыть, но это никогда ни к чему не приводило. И если к ним отправлялись одинокие путники, назад они почти никогда не возвращались, а их тела находили совсем в других концах метро.

– Изумрудный Город? – скривился Гомер.

– Всем известно, – не обращая на него внимания, продолжал Леонид, – что Сокольнический метромост рухнул в первый же день и все станции за ним оказались отрезаны от метро. Принято считать, что никто из оставшихся по ту сторону моста не спасся, хотя и этому доказательств нет никаких.

– Изумрудный Город, – нетерпеливо махнул рукой Гомер.

– Всем также известно, что Московский университет был построен на зыбком грунте. Держалось огромное здание на нем только благодаря тому, что в его подвалах работали мощные холодогенераторы, которые замораживали болотистую почву. Без них оно давно должно было сползти в реку.

– Избитый аргумент, – понимая, к чему тот ведет, успел вставить старик.

– Прошло уже двадцать с лишним лет, однако заброшенное здание почему-то стоит на месте...

– Байка это, вот почему!

– Ходят слухи, что под Университетом – не какой-нибудь подвал, а большое стратегическое бомбоубежище на десять этажей вниз, в которых не только холодогенераторы, но и собственный атомный реактор, и жилые помещения, и соединения с ближайшими станциями метро, и даже с Метро-2. – Леонид сделал Саше страшные глаза, заставив ее улыбнуться.

– Ничего нового я пока не услышал, – презрительно отвесил ему Гомер.

– Говорят, там настоящий подземный город, – мечтательно продолжал музыкант. – Город, жители которого – а они, разумеется, вовсе не погибли, – посвятили себя собиранию по крупицам утерянных знаний и служению прекрасному. Не скупясь на средства, они посылают экспедиции в уцелевшие картинные галереи, в музеи и в библиотеки. А детей своих воспитывают так, чтобы те не утратили чувства красоты. Там царит мир и гармония, там нет других идеологий, кроме просвещения, и других религий, кроме искусства. Там нет убогих стен, крашенных в два кондовых цвета масляной краской, – они все расписаны чудесными фресками. Из динамиков вместо собачьего лая команд и сирен тревоги доносятся Берлиоз, Гайдн и Чайковский. И любой, представьте, способен цитировать Данте по памяти. И вот именно этим-то людям и удалось остаться такими, как раньше. Даже нет, не такими, как в двадцать первом веке, а как в античные времена... Ну, вы читали ведь в «Мифах и легендах»... – Музыкант улыбнулся старику как слабоумному. – Свободными, смелыми, мудрыми и красивыми. Справедливыми. Благородными.

– Ничего подобного никогда не слышал! – Гомер надеялся только, что хитрый дьявол не подкупит этим девочку.

– В метро, – Леонид внимательно посмотрел на старика, – это место называют Изумрудным Городом. Но его жители, по слухам, предпочитают другое именование.

– И какое?! – распалился Гомер.

– Ковчег.

– Чушь! Полная чушь! – Старик фыркнул и отвернулся.

– Разумеется, чушь, – флегматично откликнулся музыкант. – Это же сказка...

* * *

Добрынинская была погружена в хаос.

Гомер озадаченно и напуганно оглядывался по сторонам: не ошибается ли он? Может ли такое твориться на одной из спокойных кольцевых станций? У него складывалось впечатление, что за последний час Ганзе кто-то успел объявить войну.

Из параллельного туннеля выглядывала грузовая дрезина, на которую были как придется навалены трупы. Военные санитары в фартуках перетаскивали тела на платформу, укладывали их на брезент: у одного голова отдельно, у другого на лице живого места не осталось, у третьего выпущены кишки...

Гомер закрыл Саше глаза. Леонид набрал воздуха в грудь и отвернулся.

– Что случилось? – перепуганно спросил у санитаров один из приданных троиче карaulных.

– Наш дозор с большой развязки, с главной ССП. Весь тут, до единого. Никто не ушел. И неясно, кто сделал. – Санитар вытер ладони о фартук. – Братишка, прикури мне, а? А то руки трясутся...

Главная ССП. Ветка-паук, отходящая за Павелецкой-радиальной и объединяющая сразу четыре линии – Кольцо, серую, оранжевую и зеленую. Гомер предполагал, что Хантер выберет именно этот путь, кратчайший, но охраняемый усиленными нарядами Ганзы.

Ради чего такое кровопролитие?! Первыми ли они открыли по нему огонь или даже не успели разглядеть его в туннельной тьме? И где он сейчас? О боже, еще одна голова... Как он мог такое сотворить?..

Гомер вспомнил о расколоте зеркале и о Сашиних словах. Неужели она права? Возможно, бригадир противостоял сам себе, стараясь удержаться от лишних убийств, но не умея обуздать себя? И, разбивая зеркало, он действительно хотел ударить того уродливого, страшного человека, в которого постепенно превращался...

Нет. Хантер увидел в нем не человека, а настоящее чудовище. Его он и пытался поразить. Но только раздробил стекло, превратив одно отражение – в десятки.

А может... Старик проследил взглядом путь санитаров от дрезины к платформе... Восьмой, последний. Может быть, как раз из зеркала все еще тоскливо смотрел человек? Прежний Хантер?

А тот... Другой... уже был снаружи?

Глава 14. Что еще?

«И действительно, что делает человека человеком?

Он бродит по земле уже больше миллиона лет, но магическая трансформация, превратившая хитроумное стайное животное в нечто совершенно иное, невиданное, произошла с ним каких-то десять тысяч лет назад. Подумать только, девяносто девять сотых всей своей истории он ютился по пещерам и глодал сырое мясо, не умея согреться, создать инструменты и настоящее оружие, не умея даже толком говорить! Да и чувствами, которые он был способен испытывать, человек не отличался от обезьян или волков: голод, страх, привязанность, забота, удовлетворение...

Как он смог вдруг за считанные века научиться строить, мыслить и записывать свои мысли, изменять окружающую материю и изобретать, зачем понадобилось ему рисовать и как он открыл музыку? Как смог покорить весь мир и переустроить его по своей потребности? Что именно десять тысяч лет назад прибавили к этому зверю?

Огонь? Дали человеку возможность приручить свет и тепло, унести их с собой в необитаемые холодные земли, жарить добычу на кострах, ублажая желудок? Но что это изменило? Разве что позволило ему расширить свои владения. Но крысы и без огня сумели заполнить всю планету, так и оставшись тем, чем были изначально – сообразительными стайными млекопитающими.

Нет, все-таки не огонь; во всяком случае, не только огонь – прав был музыкант. Что-то еще... Что?

Язык? Вот несомненное отличие от прочих животных. Огранка неочищенных мыслей в бриллианты слов, которые могут стать всеобщей монетой, получить повсеместное хождение. Умение даже не столько выражать творящееся в голове, сколько упорядочивать это; литье неустойчивых, перетекающих как расплавленный металл образов в жесткие формы. Ясность и трезвость ума, возможность четко и однозначно передавать из уст в уста приказы и знания. Отсюда и способность организовываться и подчинять, созывать армии и строить государства.

Но муравьи обходятся без слов, на своем, незаметном для человека уровне создавая настоящие мегаполисы, находя свое место в сложнейших иерархиях, с точностью сообщая друг другу сведения и команды, призывая тысячи тысяч в неустрашимые легионы с железной дисциплиной, которые схлестываются в неслышных, но беспощадных войнах их игрушечных империй.

Может, буквы?

Буквы, без которых не было бы возможности копить знания? Те самые кирпичи, из которых складывалась устремленная к небесам Вавилонская башня всемирной цивилизации? Без которых необожженная глина мудрости, усвоенной одним поколением, расползалась и растрескивалась бы, проседала и рассыпалась в пыль, не вынеся собственного веса? Без них каждое следующее поколение начинало бы строительство великой башни с прежнего уровня, возилось бы всю жизнь на развалинах предыдущей мазанки и околевало бы в свою очередь, так и не возведя нового этажа.

Буквы, письменность позволили человеку, вынеся накопленные знания за пределы своего тесного черепа, сохранять их неискаженными для потомков, избавляя тех от необходимости заново открывать давно открытое, позволяя им надстраивать свое, собственное на твердый фундамент, доставшийся от предков.

Но ведь не только же буквы?..

Умей волки писать, была бы их цивилизация похожа на человеческую? Была бы у них цивилизация?

Когда волк сыт, он впадает в блаженную прострацию, посвящая время ласкам и играм, покуда резь в животе не погонит его дальше. Когда сыт человек, в нем просыпается тоска иного свойства. Неуловимая, необъяснимая – та самая, что заставляет его часами смотреть на звезды, царапать охрой стены своей пещеры, украшать резными фигурами нос боевой ладьи, веками горбатиться, воздвигая каменных колоссов, вместо того чтобы усиливать крепостные стены, и тратить жизнь на оттачивание словесного мастерства, вместо того чтобы совершенствоваться в искусстве владения мечом. Та самая, что заставляет бывшего помощника машиниста посвящать остатки лет чтению и поискам, поискам и попыткам написать что-то... Что-то такое... Тоска, пытаясь утолить которую грязная и нищая толпа внемлет бродячим скрипачам, короли привечают трубадуров и покровительствуют живописцам, а рожденная в подземелье девчонка подолгу разглядывает размалеванную кое-как упаковку из-под чая. Неясный, но могучий зов, который способен заглушить даже зов голода, – только у человека.

Не он ли раздвигает доступную прочим животным гамму чувств, давая человеку еще и умение мечтать, и дерзость надеяться, и смелость щадить? Любовь и сострадание, которые человек часто считает своим отличительным свойством, открыты не им. Собака способна и любить, и сострадать: когда болен ее хозяин, она не отходит от него и скулит. Собака может даже скучать и видеть смысл своей жизни в другом существе: если ее хозяин умирает, она иногда готова издохнуть, только чтобы остаться с ним. Но вот мечтать она не может.

Выходит, тоска по прекрасному и умение ценить его? Удивительная способность наслаждаться сочетаниями цветов, рядами звуков, изломами линий и изяществом словесных построений? Извлекать из них сладкий и щемящий душевный звон? Будящий любую душу – и заплывшую жиром, и покрытую мозолями, и изрубцованную, и помогающий им очиститься от наростов?

Может быть. Но не только это.

Чтобы перекрыть автоматные очереди и отчаянные вопли связанных голых людей, другим людям случалось ставить в полную громкость величественные вагнеровские симфонии. Противоречия не возникало: одно лишь подчеркивало другое.

Так что же еще?

И, даже выживи человек в нынешнем аду как биологический вид, сохранит ли он эту хрупкую, почти неосязаемую, но несомненно реальную частицу своей сущности? Ту искру, которая десять тысяч лет назад превратила полуголодного зверя с мутным взглядом в создание иного порядка? В существо, терзаемое душевным голодом больше голода телесного? Существо мятущееся, вечно мечущееся между духовным величием и низостью, между необъяснимым милосердием, неприемлемым для хищников, и неоправдываемой жестокостью, равной которой нет даже в бездушном мире насекомых? Возводящее великолепные дворцы и пишущее невероятные полотна, соревнуясь с Создателем в умении синтезировать чистую красоту – и изобретающее газовые камеры и водородные бомбы, чтобы аннигилировать все им сотворенное и экономно истреблять себе подобных? Старательно выстраивающее на пляже песочные замки и азартно разрушающее их? Превратила его в существо, не знающее предела ни в чем, тревожное и неумное, не умеющее утолить свой странный голод, но посвящающее всю свою жизнь попыткам сделать это? В человека?

Останется ли это в нем? Останется ли это от него?

Или кратким всплеском на диаграмме истории сгинет в его прошлом, от странного однопроцентного отклонения вернув человека назад, в его извечное отупение, в привычное безвременье, где бесчисленные поколения, не отрывая глаз от земли, жующие жвачку, сменяют друг друга и где десять, сто, пятьсот тысяч лет проходят одинаково незаметно?

Что еще?...»

* * *

– Это правда?

– Что именно? – улыбнулся ей Леонид.

– Про Изумрудный Город? Про Ковчег? Что есть такое место в метро? – задумчиво спросила Саша, глядя себе под ноги.

– Ходят слухи, – уклончиво отозвался тот.

– Было бы здорово туда однажды попасть, – протянула она. – Знаешь, когда я гуляла там, наверху, мне было так обидно за людей. За то, что они один раз ошиблись... И больше уже никогда не смогут вернуть все как было. А там было так хорошо... Наверное.

– Ошибка? Нет, это тягчайшее из преступлений, – серьезно ответил ей музыкант. – Разрушить весь мир, умертвить шесть миллиардов человек – ошибка?

– Все равно... Разве мы с тобой не заслуживаем прощения? И каждый заслуживает. Каждому надо дать шанс переделать себя и все переделать, попробовать заново, еще один раз, пусть хоть последний. – Она помолчала. – Я бы так хотела увидеть, как там все на самом деле... Раньше мне не было интересно. Раньше я просто боялась и мне все там казалось уродливым. А оказывается, я просто поднималась в неправильном месте. Так глупо... Этот город наверху – он как моя жизнь раньше. В нем нет будущего. Только воспоминания – и то чужие... Только привидения. И я что-то очень важное поняла, пока там была, знаешь... – Саша замялась. – Надежда – это как кровь. Пока она течет по твоим жилам, ты жив. Я хочу надеяться.

– А зачем тебе в Изумрудный Город? – спросил музыкант.

– Хочу увидеть, почувствовать, как было жить раньше... Ты ведь сам говорил... Там, наверное, люди и вправду должны быть совсем другие. Люди, которые не забыли вчерашний день и у которых точно настанет завтрашний, должны быть совсем-совсем другие...

Они не спеша брели по залу Добрынинской под бдительным присмотром караульных. Гомер оставил их вдвоем с явным нежеланием, отправляясь на прием к начальнику станции, а сейчас отчего-то задерживался. Хантер же так до сих пор и не объявлялся.

В чертах мраморного зала Добрынинской Саше виделись намеки: здесь облицованные большие арки, ведущие к путям, чередовались с арками маленькими, декоративными, глухими. Большая, малая, снова большая, опять малая. Будто держащиеся за руки мужчина и женщина, мужчина и женщина... И ей тоже внезапно захотелось вложить свою руку в широкую и сильную мужскую ладонь. Укрыться в ней хоть ненадолго.

– Здесь тоже можно строить новую жизнь, – сказал Леонид, подмигивая девушке. – Необязательно куда-то идти, что-то искать... Достаточно бывает осмотреться по сторонам.

– И что я увижу?

– Меня. – Он потупился с деланой скромностью.

– Я тебя уже видела. И слышала. – Саша наконец ответила на его улыбку. – Мне очень нравится, как и всем остальным... Тебе совсем не нужны твои патроны? Ты их столько отдал, чтобы нас сюда пропустили.

– Нужны только, чтобы на еду хватало. А мне всегда хватает. Глупо играть ради денег.

– А ради чего ты тогда играешь?

– Ради музыки. – Он рассмеялся. – Ради людей. Даже нет, не так. Ради того, что музыка делает с людьми.

– А что она с ними делает?

– Вообще говоря – все что угодно. – Леонид снова посерьезнел. – У меня есть и такая, что заставляет любить, и такая, что заставляет рыдать.

– А та, которую ты играл в прошлый раз? – Саша посмотрела на него подозрительно. – Та, которая без названия. Она что заставляет делать?

– Эта вот? – Он насвистел вступление. – Ничего не заставляет. Она просто снимает боль.

* * *

– Эй, мужик!

Гомер закрыл тетрадь и поерзал на неудобной деревянной скамье. Дежурный восседал за маленькой конторкой, почти всю площадь которой занимали три старых черных телефона без кнопок и дисков. Один из аппаратов уютно мигал красной лампочкой.

– Андрей Андреевич освободился. У него на тебя две минуты, как зайдешь – не мямли, а сразу по делу давай, – строго наставлял старика дежурный.

– Двух минут не хватит, – вздохнул Гомер.

– Я тебя предупредил, – пожал плечами тот.

Не хватило и пяти: старик толком не знал ни с чего начать, ни чем закончить, ни что спрашивать, ни о чем просить, а кроме начальника Добрынинской, ему обращаться сейчас было не к кому.

Однако Андрей Андреевич, взмокший со злости жирный здоровяк в несходящемся форменном кителе, долго слушать старика не стал.

– Ты что, не понимаешь?! У меня тут форс-мажор, восемь человек полегло, а ты мне про какие-то эпидемии! Нет здесь ничего! Все, хорошо отнимать мое время! Или ты убираешься отсюда сам...

Словно выпрыгивающий из воды кашалот, начальник взметнул свою тушу вверх, чуть не опрокинув стол, за которым сидел. В кабинет вопросительно заглянул дежурный. Гомер тоже растерянно привстал с жесткого и низкого гостевого стула.

– Сам. Но зачем вы тогда ввели войска на Серпуховскую?

– Какое твое дело?!

– На станции говорят...

– Что говорят? Что говорят?! Знаешь что... Чтобы ты мне тут панику не наводил... Паш, давай-ка его в обезьянник!

В мгновение ока Гомер был вышвырнут в приемную. Чередуя уговоры с зуботычинами, охранник потащил упиравшегося старика в узкий боковой коридор.

Между двумя оплеухами с Гомера соскочил респиратор; он попытался было задержать дыхание, но тут же получил под дых и натужно заперхал. Кашалот вынырнул на пороге своего кабинета, заполнив собой весь дверной проем.

– Пускай там пока, потом разберемся... А ты кто? По записи? – рявкнул он на следующего посетителя.

Гомер еще успел обернуться к тому.

В трех шагах от него, скрестив на груди руки, неподвижно застыл Хантер. Одетый в тесную форму с чужого плеча, прячущий лицо в тени поднятого забрала своего шлема, он, казалось, не узнавал старика и не собирался вмешиваться. Гомер ожидал, что он будет как мясник изгваздан в крови, но единственным багровым пятном на одежде бригадира был подтек на его собственной ране. Перекатив каменный взгляд на начальника станции, Хантер вдруг медленно пошел на него, словно намереваясь пройти в кабинет прямо сквозь его тело.

Тот опешил, забормотал, попятился, освобождая проход. Охранник с Гомером в охалке выжидающе замер. Хантер протиснулся внутрь вслед за ретировавшимся толстяком, одним львиным рыком сбил с того спесь и заставил умолкнуть. Потом перешел на повелительный шепот.

Бросив старика, дежурный подобрался к двери и шагнул за порог. Через миг его вынесло оттуда потоком грязной брани; голос начальника станции срывался в визг.

– И отпусти этого провокатора! – будто под гипнозом повторяя чужой приказ, выкрикнул тот под конец.

Ошпаренный, красный, дежурный притворил за собой дверь, поплелся к своему месту при входе и уткнулся в новостную листовку, отпечатанную на оберточной бумаге. Когда Гомер решительно двинулся мимо его стола к начальничьему кабинету, тот лишь вжался еще сильнее в свою газетенку, показывая, что отныне происходящее его никак не касается.

И только теперь, победно поглядывая на охранника, прикрывшего свой срам газетным листком, Гомер успел как следует разглядеть и его телефоны. На том, что все время подмаргивал, был наклеен кусок грязно-белого пластыря, поверх которого синей шариковой ручкой кто-то неразборчиво вывел единственное слово...

«Тульская».

– Мы поддерживаем контакты с Орденом. – Потный, начальник Добрынинской хрустел кулаками, но глаз на бригадира поднимать не отваживался. – И об этой операции нас никто не предупреждал. Сам такое решение я принять не могу.

– Тогда звоните на Центральную, – сказал тот. – У вас есть время на согласование. Но мало.

– Они не дадут одобрения. Это поставит под угрозу стабильность Ганзы... Вы что, не знаете, что для Ганзы это превыше всего? А у нас все под контролем.

– Какая еще к черту стабильность?! Если не принять меры...

– Ситуация стабильна, не понимаю, что вас не устраивает, – упрямо помотал тяжелой головой Андрей Андреевич. – Все выходы под прицелом. Мышь не проскочит. Давайте подождем, пока все разрешится само.

– Ничто само не разрешится! – взревел Хантер. – Дождетесь только того, что кто-нибудь выберется и перебежит поверху или найдет обходной путь. Станцию нужно зачистить! По всем инструкциям! Я не понимаю, почему вы сами до сих пор этого не сделали!

– Но там ведь могут быть здоровые люди. Как вы себе представляете? Чтобы я приказал своим парням расстрелять и сжечь всю Тульскую? И поезд с сектантами? Может, и Серпуховскую заодно? Да у половины там шлюхи прикармлины и дети незаконнорожденные... Нет, знаете что! Мы тут не фашисты. Война войной, а это... Больных резать... Даже когда ящур был на Белорусской, и то свиней по одной разносили в разные углы – чтобы какая заражена, та сдохла, а какая здоровая – та чтобы жила, а не всех подряд забивать.

– Так то свиньи, а то люди, – бесцветно произнес бригадир.

– Нет-нет. – Начальник снова затряс головой, брызгая потом. – Я не могу так. Это бесчеловечно... Это на моей совести потом будет. А я... Зачем мне такое? Чтобы снилось потом?

– А вам самому и не придется. Для этого есть люди, которым не снятся сны. Вы только пропустите нас через свои станции. И все.

– Я отправил ходоков в Полис, узнать насчет вакцины. – Андрей Андреевич вытер рукавом испарину. – Есть надежда, что...

– Нет никакой вакцины. Нет никакой надежды! Хватит прятать голову в песок! Почему я не вижу здесь санитарных частей с Центральной?! Почему вы отказываетесь позвонить туда и попросить зеленый свет для прохода когорты Ордена?

Начальник упорно молчал; попробовал зачем-то застегнуть пуговицы на своем кителе, поковырялся в них скользкими пальцами и бросил. Подошел к облезлому буфету, плеснул себе в рюмку пахучей настойки, залпом проглотил.

– Так вы им не сообщили... – догадался Хантер. – Они до сих пор ни о чем не знают. У вас на соседней станции эпидемия, а им ничего не известно...

– Я за такое головой отвечаю, – хрипло выговорил тот. – Эпидемия на смежной станции означает отставку. Допустил... Не предотвратил... Создал угрозу стабильности Ганзы.

– На смежной? На Серпуховской?!

– Пока там все спокойно, но я слишком поздно спохватился... Не отреагировал вовремя. Как знать...

– И как же вы всем это объяснили? Войска на независимой станции? Оцепление туннелей?

– Бандиты... Бунтовщики. Это везде бывает. Ничего особенного.

– А сейчас признаваться уже поздно... – кивнул бригадир.

– Сейчас это уже не отставка. – Андрей Андреевич налил и тут же опрокинул вторую рюмку. – Это уже высшая мера.

– И что теперь?

– Жду. – Начальник опустил задом на свой стол. – Жду. Вдруг?

– Что же вы на их звонки не отвечаете? – встрял Гомер. – У вас телефон надрывается – с Тульской звонят. Вдруг?..

– Не надрывается, – потухшим голосом отозвался тот. – Я звук отключил. Только лампочка горит. Пока горит – еще живы.

– Почему не отвечаете?! – зло повторил старик.

– А что мне им сказать? Чтобы потерпели? Чтобы поскорее выздоравливали? Что помощь близка?! Чтобы пустили пулю себе в лоб?! Мне одного разговора с беженцами хватило! – взбеленился начальник.

– Заткнись немедленно, – негромко приказал ему Хантер. – И слушай. Я вернусь с отрядом через сутки. Меня должны беспрепятственно пропустить на всех постах. Серпуховскую будешь держать закрытой. Мы пройдем на Тульскую и очистим ее. Если потребуется, очистим и Серпуховскую. Изобразим небольшую войну. Центральную можешь не извещать. Тебе вообще ничего не придется делать. Я сам... Восстановлю стабильность.

Начальник, обессиленный, обмякший как продырявленная велосипедная камера, вяло кивнул. Нацедил себе еще настойки, понюхал и, прежде чем выпить, тихо спросил:

– У тебя же руки по локоть в крови будут. Не страшно?

– Кровь легко отмывается холодной водой, – сообщил ему бригадир.

Когда они уходили из кабинета, Андрей Андреевич, набрав воздуха побольше, зычно вызвал к себе дежурного. Тот кинулся внутрь, и дверь с грохотом захлопнулась за ним. Приотстав от Хантера, старик наклонился над конторкой, сорвал черную трубку с заветного аппарата, прижался к ней ухом.

– Алло! Алло! Слушаю вас! – громко прошептал он в решето микрофона.

Тишина. Не глухая, как если бы был обрезан провод, а гулкая, словно по ту сторону трубка была снята, но просто некому было ответить Гомеру. Будто там кто-то очень долго ждал, пока он подойдет к телефону, но так и не дождался. Будто вторая трубка сейчас кряхтела перевернутым стариковским голосом в ухо мертвецу.

Хантер недобро глянул на Гомера от порога, и тот, осторожно вернув все на свои места, послушно последовал за ним.

* * *

– Попов! Попов! Подъем! Быстро вставай!

Пробивая веки и сквозь зрачки заливая огнем мозг, ударил мощный командирский фонарь. Сильная рука тряхнула его за плечо, потом наотмашь ладонью прошла по небритой Артемовой щеке. Еле продирая глаза, потирая обожженную щеку, Артем скатился с койки на пол и распрямился, отдавая честь.

– Где оружие? Бери автомат, живо за мной!

Дремали, конечно, прямо в портках и вообще во всем обмундировании. Размотав ветошь, в которую на ночь был укутан служивший подушкой «калашников», Артем, все еще пошатываясь, затопал вслед за командиром. Сколько ему удалось проспать? Час? Два? В голове гудело, гортань пересохла.

– Начинается... – через плечо дохнул ему в лицо перегаром командир.

– Что начинается? – испуганно спросил он.

– Увидишь сейчас... Держи вот еще рожок. Тебе понадобится.

Тульская – просторная, лишенная колонн и кажущаяся просто верхушкой одного невообразимо толстого туннеля, была почти вся погружена во тьму. В нескольких местах конвульсивно метались слабые лучи света; в их перемещениях не было никакой системы, никакого смысла, словно фонари оказались в руках совсем малых детей или обезьян. Только откуда тут взяться обезьянам...

Разом просыпаясь, судорожно проверяя автомат, Артем вдруг понял, что случилось. Не удержали! Или еще не поздно?

Высочив из караулки, к ним присоединились еще двое бойцов – опухшие, хриплые спросонья. Командир по пути соскребал все остатки, всех, кто мог стоять на ногах и держать оружие. Даже тех, кто уже покашливал.

В тяжелом, выдыханном воздухе неся странный, зловещий клич. Не крик, не вопль, не команда... Слитый из сотен глоток стон – надорванный, полный отчаяния, ужаса. Стон, обрамленный скупым железным позвякиванием и скрежетанием, доносящимся одновременно из двух, трех, десяти мест.

Платформа была загромождена прорванными и обвисшими палатками, перевернутыми жилами будками, собранными из металлических листов, из кусков вагонной обшивки, фанерными прилавками, чьим-то брошенным скарбом... Командир, раздвигая груды хлама, словно ледокол – торосы, шагал впереди, а в его кильватере семенили Артем и другие двое.

Выступил из тьмы стоящий на правом пути обрубленный состав: свет в обоих вагонах погашен, раскрытые двери кое-как зарешечены кусками переносного заграждения, а внутри... За темными стеклами бурлила, варилась страшная человеческая масса. Десятки рук, схватившись за прутья хлипких заборов, качали, шатали, гремели. Расставленные у каждого из проходов автоматчики в противогазах время от времени подскакивали к чернеющим распахнутыми ртами провалам дверей, заносили приклад, но ни бить, ни тем более стрелять не отваживались. В других местах караульные, напротив, пытались уговорить, умиротворить бушующее человеческое море, втиснутое в железные коробки.

Но понимали ли еще что-нибудь люди в вагонах?

В состав их загнали потому, что из специальных отсеков в туннеле они начали разбегаться, и потому, что их становилось уже слишком много, больше, чем здоровых.

Командир пронесся мимо первого, второго вагона, и тут Артем наконец увидел, куда они так спешили. Последняя дверь, вот где прорвало нарыв. Из вагона вытекли наружу странные создания – с трудом держащиеся на ногах, до неузнаваемости изуродованные отеками на лицах, со вздувшимися, нехорошо растолстевшими руками и ногами. Бежать никто пока не успел: к двери стягивались все свободные автоматчики.

Вспоров оцепление, командир вышел вперед.

– Приказываю всем пациентам немедленно вернуться на свои места! – Он выдернул из офицерской поясной кобуры «стечкин».

Ближайший к нему зараженный трудно, в несколько приемов поднял распухшую пудовую голову, облизал треснувшие губы.

– Почему вы так с нами поступаете?

– Вы знаете, что поражены неизвестным вирусом. Мы ищем лекарство... Вам надо только дожидаться.

- Вы ищете лекарство, – повторил за ним больной. – Смешно.
- Вернитесь в вагон немедленно. – Командир смачно щелкнул предохранителем. – Я считаю до десяти, потом открываю огонь на поражение. Один...
- Вы просто не хотите отнимать у нас надежду, чтобы хоть как-то нами управлять. Пока мы все сами не околеем...
- Два.
- Нам уже сутки не приносили воду. Зачем поить смертников...
- Караульные боятся подходить к решеткам. Двое так заразились. Три.
- В вагонах уже полно трупов. Мы топчемся по человеческим лицам. Знаешь, как хрустит нос? Если детский, то...
- Их некуда девать! Мы не можем их жечь. Четыре.
- А в соседнем так тесно, что мертвые продолжают стоять рядом с живыми. Плечом к плечу.
- Пять.
- Господи, да застрелите меня! Я-то знаю, что лекарства нет. Я умру быстро. Я больше не буду чувствовать, что все мои внутренности растирают на крупном наждаке, а потом поливают спиртом...
- Шесть.
- И поджигают. Будто в моей голове черви, которые жрут изнутри по кусочку не просто мой мозг, а душу... Ам, ам, хруп, хруп, хруп...
- Семь!
- Идиот! Выпусти нас отсюда! Дай нам умереть по-человечески! Почему ты считаешь, что у тебя есть право так нас мучить? Ты же знаешь, что и сам наверное уже...
- Восемь! Это все ради безопасности. Чтобы другие выжили. Сам я готов подохнуть, но из вас, суки чумные, никто отсюда не уйдет. Готовься!
- Артем вскинул автомат, поймал на мушку ближайшего из больных... Боже, кажется, женщина... Под майкой, ссохшейся в бурую коросту, топорщились раздутые груди. Он заморгал и перевел ствол на шатающегося старика. Толпа уродов зароптала, подалась сначала назад, пробуя ужаться обратно в дверь, но уже не могла – из вагона свежим гноем напирали новые и новые зараженные, стонущие, плачущие.
- Садист... Что ты делаешь?! Ты же по живым людям сейчас... Мы тебе не зомби!
- Девять! – Голос командира сел и помертвел.
- Просто освободи нас! – заорал натужно больной и протянул к тому руки, словно дирижер, заставляя всю толпу всколыхнуться, податься вперед вслед за мановением своих пальцев.
- Пли!..

* * *

Люди начинали стекаться к нему сразу, стоило лишь Леониду припасть губами к своему инструменту. Первых же звуков, еще пробных, неочищенных, исторгавшихся из дула его флейты, было довольно, чтобы собравшиеся начинали одобрительно улыбаться, ободряюще хлопать, а когда ее голос крепнул, лица слушавших преображались. С них будто сходила грязь.

Саше на сей раз полагалось особое место – рядом с музыкантом. Десятки глаз теперь были устремлены не только на Леонида, часть восхищенных взглядов перепадала и ей. Поначалу девушка чувствовала себя неловко – ведь она не заслужила их внимания и их благодарности, но потом мелодия подобрала ее с гранитного пола и понесла с собой, отвлекая от окружающего, как может увлечь и заставить позабыть обо всем хорошая книга или рассказанная кем-то история.

Вновь плыла та самая мелодия – его собственная, без названия; Леонид начинал и завершал ею каждое свое выступление. Она умела разгладить морщины, смахнуть пыль с остеклевших глаз и запалить маленькие лампадки по другую их сторону. Хотя она и была уже знакома Саше, но Леонид открывал в ней тайные дверцы, находя новые гармонии, и музыка обретала другое звучание... Словно она долго-долго смотрела на небо, и вдруг в прогалинах белых облаков на миг приоткрывалась бесконечная нежно-зеленая даль.

Тут ее кольнуло. Опешив, раньше срока возвращаясь под землю, Саша испуганно завертелась. Вот оно... На голову возвышаясь над толпой, чуть позади остальных слушателей стоял, вскинув подбородок, Хантер. Его взгляд – острый, зазубренный – был воткнут в нее, и если он ненадолго ослаблял хватку, то только чтобы пырнуть еще и музыканта. Тот на обритого внимания не обращал, по крайней мере, не подавал вида, что его игре кто-то мешает.

Как ни странно, Хантер не уходил, не делал и попыток забрать ее или оборвать выступление. И только дотерпев до последних аккордов, он подался назад и сгинул. Сразу бросив Леонида, Саша вклинилась в толпу, чтобы не отставать от обритого.

Тот остановился неподалеку, у скамьи, на которой сидел поникший Гомер.

– Ты все слышал, – просипел он. – Я ухожу. Пойдешь со мной?

– Куда? – Старик слабо улыбнулся подошедшей девушке. – Она все знает, – пояснил он обритому.

Хантер ткнул Сашу еще раз, потом кивнул, так и не сказав ей ни слова.

– Здесь недалеко, – повел он головой, обращаясь к старику. – Но я... Я не хочу оставаться один.

– Возьми с собой меня, – решила Саша.

Обритый шумно вдохнул, сжал и разжал пальцы.

– Спасибо за нож, – произнес он наконец. – Он мне очень пригодился.

Девушка отпрянула, раненая, но тут же снова собралась с духом.

– Это ты решаешь, что делать с ножом, – возразила она.

– У меня не было выбора.

– Сейчас он у тебя есть. – Она прикусила нижнюю губу, нахмурилась.

– И сейчас нет. Если ты знаешь, то должна понимать. Если ты действительно...

– Понимать что?!

– Как важно попасть на Тульскую. Как мне важно... побыстрее...

Саша видела, как мелко трясутся его пальцы, как разливается темное пятно на плече; ей становилось страшно и этого человека, и еще больше – страшно за него.

– Тебе нужно остановиться, – попросила она его мягко.

– Исключено, – отрезал он. – Неважно, кто это сделает. Почему не я?

– Потому что ты себя погубишь. – Девушка осторожно притронулась к его руке – тот дернулся, как от укуса.

– Я должен. Здесь и так все решают трусы. Если промедлить еще – погублю все метро.

– А что, если бы была другая возможность? Если бы было лекарство? Если бы тебе больше не пришлось?..

– Сколько можно повторять... Нет никаких средств от этой лихорадки! Неужели я бы стал... Стал бы...

– Что бы ты выбрал? – Саша не отпускала его.

– Не из чего выбирать! – Обритый стряхнул ее ладонь. – Уходим! – гаркнул он старику.

– Почему ты не хочешь взять меня с собой?! – выкрикнула она.

– Боюсь. – Он выговорил это совсем негромко, почти прошептал так, чтобы, кроме Саши, никто его не услышал.

Он развернулся и зашагал прочь, буркнув лишь старику напоследок, что у того до выхода десять минут.

– Я ошибаюсь или тут кого-то лихорадит? – раздалось у Саши за спиной.

– Что?! – Она крутанулась и столкнулась с Леонидом.

– Мне слышалось, что вы говорили о лихорадке, – невинно улыбнулся он.

– Тебе слышалось. – Она не собиралась сейчас с ним ничего обсуждать.

– А я думал, сплетни все-таки подтверждаются, – задумчиво, словно сам себе, сказал музыкант.

– Какие? – Саша нахмурилась.

– Про карантин на Серпуховской. Про якобы неизлечимую болезнь. Про эпидемию... –

Он внимательно смотрел на нее, ловя каждое движение ее губ, бровей.

– И долго ты подслушивал?! – Она зарделась.

– Никогда не делаю этого специально. Просто музыкальный слух. – Он развел руками.

– Это мой друг, – зачем-то объяснила она Леониду, кивая вслед Хантеру.

– Шикарный, – невятно отозвался он.

– Почему ты говоришь «якобы неизлечима»?

– Саша! – Гомер поднялся со скамьи, не спуская подозрительного взгляда с музыканта. – Можно тебя? Нам нужно обсудить, как дальше...

– Позвольте еще секунду? – Тот отмахнулся от старика вежливой улыбкой, отпрыгнул в сторону и поманил девушку за собой.

Саша неуверенно шагнула к нему; ее не оставляло ощущение, что схватка с обритым еще не проиграна, что, если не сдастся сейчас, у Хантера не хватит духа прогнать ее снова. Что она еще сможет помочь ему, пусть у нее и нет ни малейшего представления, как это сделать.

– Может быть, я слышал об эпидемии куда раньше тебя? – прошептал ей Леонид. – Может быть, это не первая вспышка такой болезни? И вдруг от нее помогают какие-нибудь волшебные таблетки? – Музыкант заглянул ей в глаза.

– Но он говорит, что средства нет... Что придется всех... – пролепетала Саша.

– Ликвидировать? – закончил за нее Леонид. – Он... Это твой чудесный друг? Вот уж не удивлюсь. Слова не мальчика, но дипломированного врача.

– Ты хочешь сказать...

– Я хочу сказать, – музыкант положил руку на Сашино плечо, наклонился к ней и легонькодохнул ей в ушко, – что болезнь лечится. Есть средство.

Глава 15. Двое

Старик сначала раздраженно кашлянул, потом сделал большой шаг к ним.

– Саша! Мне нужно с тобой поговорить!

Леонид, подмигнув девушке, отстранился от нее, с показной покорностью передавая Сашу в руки Гомера, и отошел в сторону. Но та уже не могла думать ни о чем другом. И пока старик ей что-то объяснял, убеждал, что Хантера еще можно уломать, что-то предлагал и о чем-то упрасивал, девушка смотрела через его плечо на музыканта. Тот на взгляд не отвечал, но летучая усмешка, блуждавшая по его губам, говорила Саше: он все видит, все понимает. Она кивала Гомеру, готовая согласиться со всем, лишь бы оказаться наедине с музыкантом еще на минуту, дослушать его до конца. Лишь бы самой поверить, что лекарство существует.

– Я сейчас вернусь, – так и не утерпев, обрубившая она старика на полуслове, выскользнула и подбежала к Леониду.

– За добавкой? – встретил он ее.

– Ты должен мне сказать! – Она больше не хотела с ним играть. – Как?!

– С этим сложнее. Я знаю, что болезнь излечима. Знаю людей, которые с ней справлялись.

И могу тебя к ним отвести.

– Но ты говорил, что умеешь бороться с ней...

– Ты меня неверно поняла. – Он пожал плечами. – Откуда мне? Я просто флейтист. Бродячий музыкант.

– Что это за люди?

– Если тебе интересно, я тебя с ними познакомлю. Правда, придется немного прогуляться.

– На какой они станции?

– Здесь не очень далеко. Сама все узнаешь. Если захочешь.

– Я тебе не верю.

– Но ведь хочешь верить, – заметил он. – Я тоже пока тебе не верю, поэтому и не могу всего рассказать.

– Зачем тебе нужно, чтобы я с тобой пошла? – прищурилась Саша.

– Мне?.. – Он покачал головой. – Мне все равно. Это тебе надо. Я не должен и не умею никого спасать. Во всяком случае, не так.

– Ты обещаешь, что приведешь меня к этим людям? Обещаешь, что они сумеют помочь? – колебавшись, спросила она.

– Приведу, – твердо ответил Леонид.

– Что ты решила? – вновь прервал их неугомонный старик.

– Я не пойду с вами. – Саша теребила лямку своего комбинезона. – Он говорит, есть средство от лихорадки. – Она обернулась к музыканту.

– Он лжет, – неуверенно сказал Гомер.

– Вижу, вы разбираетесь в вирусах куда лучше моего, – почтительно произнес Леонид. – Изучали? Или на собственном опыте? Что, вы тоже считаете, что поголовное истребление – лучший способ борьбы с инфекцией?

– Откуда?.. – опешил старик. – Это ты ему?.. – Он оглянулся на Сашу.

– А вот и ваш дипломированный друг идет. – Завидев приближающегося Хантера, музыкант предусмотрительно сделал шаг назад. – Ну что же, вся бригада скорой помощи в сборе, я начинаю чувствовать себя лишним.

– Подожди, – попросила девушка.

– Он лжет! Он просто хочет с тобой... Но даже если это правда, – горячо зашептал ей Гомер, – вы все равно ничего не успеете. Хантер вернется сюда с подкреплением самое позднее через сутки. Если ты останешься с нами, может быть, сумеешь уговорить... А этот...

– Я ничего не смогу, – угрюмо отозвалась Саша. – Его сейчас никто не остановит, я чувствую. Ему надо дать выбор. Чтобы расколоть его...

– Расколоть? – Гомер вздыбил брови.

– Я буду здесь раньше чем через сутки, – отступая, пообещала она.

* * *

Зачем он отпустил ее?

Почему дал слабину, позволил шальному бродяге похитить свою героиню, свою музу, свою дочь? Ведь чем пристальнее старик изучал Леонида, тем меньше тот ему нравился. Его большие зеленые глаза были способны отпускать неожиданно алчные взгляды, а по ангельскому лицу, когда парень думал, что на него никто не смотрит, скользили смутные тени...

К чему она музыканту? В лучшем случае ценитель прекрасного наколет ее невинность на булавку и засушит в своей памяти – примятую, с осыпавшейся пылью всего очарования юности, которое невозможно ни запомнить, ни даже сфотографировать. Девчонка, обманутая, использованная, отряхнется, улетит, но очиститься и забыть ей удастся нескоро, тем более что чертов скоморох хочет заполучить ее обманом.

Тогда почему отпустил?

А из трусости. Потому что Гомер не осмеливался не только спорить с Хантером, но и даже задавать ему те вопросы, которые действительно тревожили старика. Потому что Саше, как влюбленной, прощались и ее отвага, и ее безрассудство. Проявил ли бы к нему бригадир то же снисхождение?

Гомер продолжал про себя называть его бригадиром – отчасти по привычке, но отчасти и потому, что это его успокаивало: ничего страшного, ничего особенного, это все тот же командир северного дозора с Севастопольской... Но нет. Плечом к плечу с Гомером сейчас шагал уже не прежний нелюдимый солдат удачи. Старик начинал понимать: его спутник перерождался на глазах... С ним творилось что-то страшное, и глупо было пытаться отрицать это, незачем было себя уговаривать...

Хантер вновь взял его с собой – на сей раз чтобы показать ему кровавую развязку всей драмы? Сейчас он был готов уничтожить уже не только Тульскую, но и ютящихся в туннелях сектантов, а заодно и Серпуховскую вместе со всеми ее жителями и с солдатами введенного туда ганзейского гарнизона – по одному лишь подозрению, что кто-то из них мог заразиться. То же может ждать и Севастопольскую.

Чтобы убивать, ему уже не нужны были причины, он искал только поводы.

Гомер находил в себе силы лишь плестись за ним, завороченно, словно кошмарный сон, созерцая и документируя все его преступления. Оправдывая себя тем, что совершаются они во спасение, убеждая себя, что это меньшее зло. Безжалостный бригадир казался ему воплощением Молоха, а Гомер никогда не пытался перебороть судьбу.

Но девчонка ее, похоже, не признавала. И если старик в глубине души уже смирился с тем, что Тульская и Серпуховская будут обращены в Содом и Гоморру, Саша продолжала хвататься за малейшую надежду. Гомер перестал уговаривать себя, что еще могут обнаружиться пилюли, вакцина, сыворотка до того, как Хантер остановит эпидемию пламенем и свинцом. Саша была готова искать лекарство до последнего.

Гомер не был ни воином, ни врачом, а главное, он был слишком стар, чтобы верить в чудеса. Но частица его души все равно страстно желала чуда, мечтала о спасении. Он вырвал и отпустил от себя эту частицу – вместе с Сашей.

Просто свалил на девчонку то, что не осмелился бы сделать сам.
И в обреченности открыл для себя спокойствие.

Через сутки все будет кончено. А после старик дезертирует со службы, найдет себе келью и допишет свою книгу. Сейчас он уже знал, о чем она будет.

О том, как смысленный зверь нашел волшебную упавшую звезду, небесную искру, проглотил ее и стал человеком. О том, как, своровав у богов огонь, человек не управился с ним и дотла выжег мир. И о том, как в наказание спустя ровно сто веков у него была отнята та самая искра человеческого; но, лишенный ее, он не стал снова зверем, а обратился во что-то куда более страшное, чем у нет даже имени.

* * *

Звеньевой ссыпал горсть патронов в карман и скрепил сделку с музыкантом крепким рукопожатием.

– За символическую доплату могу посадить вас на трамвай, – сообщил он.

– Предпочитаю романтические прогулки, – откликнулся Леонид.

– Ну, гляди. Вдвоем вас отпустить по нашим туннелям не могу, – попытался урезонить его звеньевой. – Все равно ведь с охраной пойдете. Документов у твоей нет... А так бы ты р-р-раз – экспрессом куда надо, а там уж наедине с ней остался, – громко зашептал он.

– А нам не надо наедине! – решительно заявила Саша.

– Будем считать, что это почетный эскорт. Как будто мы принц и принцесса Монако на променаде. – Музыкант отвесил девушке поклон.

– Какая принцесса? – не выдержала Саша.

– Монако. Было когда-то такое княжество. Прямо на Лазурном Берегу...

– Слышь, – оборвал его звеньевой. – Если ты пешком хочешь, давай-ка собирайся. Рожок рожком, но ребятам к вечеру на базу надо. Эй, Костыль! – подозвал он к себе солдата. – Проводите этих двоих до Киевской, патрулям говорите, мол, депортация. Высадите их на радиальную – и обратно. Все правильно? – обернулся он к Леониду.

– Так точно, – шутливо козырнул тот.

– Заходите еще! – подмигнул ему звеньевой.

...И все же, до чего земли Ганзы отличались от всего остального метро! За весь перегон от Павелецкой до Октябрьской Саша не видела ни единого места, где было бы совершенно темно. Через каждые пятьдесят шагов на провод, ползущий по стене, были насажены электрические лампочки. Света любой из них как раз доставало, чтобы дотянуться до соседней. Даже рукава запасных и тайных туннелей, уходящих в сторону от главного, были хорошо освещены, и в них не оставалось ничего пугающего.

Была бы Сашина воля, она бросилась бы бежать вперед, лишь бы сберечь драгоценные минуты, но Леонид убедил ее, что спешить некуда. Куда они двинутся после Киевской, он объяснять наотрез отказался. Шагал не спеша со скучающим видом: наверное, даже в запретных для обычных жителей метро перегонах Кольца музыкант бывал нередко.

– Я рад, что у твоего друга свой подход ко всему, – заговорил он.

– О чем ты? – Саша нахмурилась.

– Если бы он так же сильно, как и ты, мечтал спасти гражданское население, пришлось бы брать его с собой. А так – разбились по парам, и каждый будет заниматься тем, чем ему хочется. Он – убивать, ты – лечить...

– Он не хочет никого убивать! – резко и чересчур громко сказала она.

– Ну да, просто такая работа... – Он вздохнул. – Да и кто я такой, чтобы его осуждать?

– А чем ты будешь заниматься? – не скрывая издевки, спросила Саша. – Играть?

– А я просто буду рядом с тобой, – улыбнулся Леонид. – Что еще надо для счастья?
– Ты это просто так говоришь. – покачала головой Саша. – Ты меня не знаешь совсем. Как я могу тебя сделать счастливым?
– Есть способы. На красивую девушку посмотреть достаточно – настроение поднимается. А уж...
– Ты считаешь, что разбираешься в красоте? – Она покосилась на него.
– Это единственное, в чем я разбираюсь. – Он важно кивнул.
– И что же во мне такого? – Морщинки наконец разгладились.
– Ты вся светишься!
Его голос вроде бы звучал серьезно, но спустя миг музыкант приотстал на шаг и скользнул по ней глазами.
– Жаль только, что ты любишь такую грубую одежду, – добавил он.
– А что в ней не так? – Она тоже замедлилась, чтобы отлепить от спины его щекочущий взгляд.
– Свет не пропускает. А я как мотылек... Всегда лечу к огню. – Он с нарочито дурацким видом помахал кистями рук.
– Темноты боишься? – слабо улыбнулась она, принимая игру.
– Одиночества! – Надев печальную маску, Леонид сложил лапки на груди.

И зря. Настраивая струны, он не рассчитал сопротивления, и самая тонкая, самая нежная, которая могла бы вот-вот запеть, звякнула и лопнула.

Легкий туннельный сквозняк, сдувший серьезные мысли и заставивший Сашу жонглировать игривыми намеками с музыкантом, разом стих. Она протрезвела и теперь корила себя за то, что поддалась ему. Неужели ради этого она бросила Хантера, оставила старика?

– Как будто ты знаешь, что это такое, – отрезала Саша и отвернулась.

* * *

Серпуховская, вся бледно-серая от страха, растаяла во мраке.

Бойцы в армейских противогазах отрезали ее от туннелей с обеих сторон, блокировали переход на Кольцо, и станция, предчувствуя беду, жужжала растревоженным ульем. Хантера с Гомером вели через зал с охраной, как большое начальство, и каждый обитатель Серпуховской старался заглянуть им в глаза – не знают ли они, что происходит на самом деле, не решена ли уже его судьба? Гомер уткнулся взглядом в пол – он не хотел запоминать эти лица.

Бригадир не отчитывался перед ним, куда собирается идти дальше, но старик и сам догадался. Впереди был Полис. Четыре станции метро, объединенные переходами, настоящий город с тысячами жителей. Негласная столица метрополитена, раздробленного на десятки враждующих феодальных княжеств. Оплот науки и прибежище культуры. Святыня, на которую не смел покушаться никто.

Никто, кроме старого Гомера, полоумного чумного гонца?

Но в последние сутки ему полегчало. Тошнота отступила, и чахоточный кашель, заставлявший его застирывать окровавленный респиратор, чуть ослаб. Может, организм сам справился с недугом? А может, и не было вообще никакого заражения? А? Просто он слишком мнителен; всегда знал это за собой, и все равно так перепугался...

Перегон за Серпуховской – темный, глухой – пользовался дурной славой. Насколько было известно Гомеру, до самого Полиса они не должны были встретить ни одной души, но вот промежуточный полустанок между обитаемой Серпуховской и жилой Боровицкой мог удивить

странников. О Полянке в метро ходило немало легенд; если им верить, эта станция редко покушалась на жизни проходящих мимо, зато могла повредить их рассудок.

Старику случалось бывать здесь несколько раз, но ни с чем особенным он не сталкивался. Легенды давали объяснения и этому, Гомер знал их все. И теперь он изо всех сил надеялся, что станция и на сей раз останется такой же мертвой и заброшенной, как в лучшие времена.

Метров за сто до Полянки ему стало не по себе. С первыми же далекими отблесками белого электрического света на мраморе стен, с первыми же эхом переломленными звуками, долетавшими сюда со станции, старик заподозрил неладное. Он отчетливо слышал человеческие голоса... А этого никак не могло быть. Хуже того – Хантер, за сотни шагов неведомо как ощущавший присутствие любых живых существ, сейчас оставался совершенно глух и равнодушен.

На обеспокоенные взгляды он старику не отвечал, полностью погрузившись в себя, будто не видел того, что открывалось сейчас Гомеру... Станция была обжита! Когда успели? Гомер прежде частенько задумывался, почему, несмотря на всю тесноту, жители Полиса никогда не пытались освоить и присоединить пустующую Полянку. Помешать этому могли только суеверия. Но похоже, они одни уже были достаточно веской причиной, чтобы оставить странный полустанок в покое.

Пока кто-то не сумел преодолеть страх перед ней и развернуть здесь палаточный городок, провести освещение... Боже, до чего же расточительно тут обращались с электричеством! Еще даже до того, как выбраться из туннеля на платформу, старику пришлось прикрыть глаза ладонью, чтобы не ослепнуть: под потолком станции сияли ярчайшие ртутные светильники.

Поразительно... Даже Полис не выглядел так чисто и торжественно. На стенах не осталось ни следа пыли или копоти, и мраморные плиты сверкали, а потолок казался выбеленным лишь вчера. Сквозь проемы арок Гомеру не удалось угледеть ни единой палатки – еще не успели разместить? А может, сделают здесь музей? С чудачков, которые правят Полисом, станется...

Платформа постепенно заполнялась людьми. Им не было никакого дела ни до обвешанного оружием головореза в титановом шлеме, ни до ковылявшего рядом с ним чумазого старика. Приглядевшись к ним, Гомер понял, что не в силах больше сделать ни шага: у него отнялись ноги...

Каждый из подходивших к краю платформы был разряжен так, будто на Полянке снимался фильм о двухтысячных. Пальто и плащи с иголочки, пестрые дутые куртки, лазурно-синие джинсы... Где же ватники, где драная свиная кожа, где неизбывный бурый цвет метро, могила всех цветов? Откуда такое богатство?!

А лица... Это были лица людей, которым не пришлось в один миг потерять всю свою семью. Лица тех, кто еще сегодня видел солнце и кто, в конце концов, просто начал день горячим душем. Старик был готов ручаться за это головой. И еще... Многие из них казались Гомеру неуловимо знакомыми.

Удивительных людей становилось все больше и больше, они теснились у края платформы, но на пути не спускались. Скоро уже вся станция от туннеля до туннеля была заполнена нарядной толпой. На Гомера по-прежнему никто не смотрел. Куда угодно – в стену, в газеты, украдкой – друг на друга, масляно или любопытно, брезгливо или участливо, но только не на старика, словно тот был призраком.

Зачем же они здесь собрались? Чего ждут?

Гомер наконец пришел в себя. Где же бригадир? Как он объяснит необъяснимое? Почему ничего не сказал до сих пор?

Хантер остановился чуть поодаль. Его совсем не интересовала станция, запруженная людьми, сошедшими с фотографий четвертьвековой давности. Он тяжело устался в про-

странство прямо перед собой, будто упершись в некую преграду, будто в нескольких шагах перед ним на уровне глаз в воздухе повисло нечто... Старик подобрался поближе к бригадиру, опасно заглянул под забрало...

И тут Хантер нанес удар.

Сжатый кулак вспорол воздух, ушел слева направо по странной траектории, как если бы бригадир хотел полоснуть несуществующим клинком кого-то невидимого. Гомер, которого тот едва не задел, отскочил в сторону, а Хантер продолжил схватку. Он бил, отступал, обороняясь, пытался удержать кого-то стальным зажимом, а через секунду сам хрипел в удушье, еле высвобождался и бросался в атаку. Бой давался ему все труднее, незримый противник одолевал. Хантеру все тяжелее было подниматься на ноги после неслышных, но сокрушительных ударов; все медленнее и неувереннее становились его движения.

Старика не покидало ощущение, что он уже видел что-то подобное, и совсем недавно. Где и когда? И что, черт возьми, творилось с бригадиром? Гомер пытался звать его, но докричаться до одержимого было невозможно.

А люди на платформе не обращали на Хантера ни малейшего внимания; он не существовал для них точно так же, как они не существовали для него. Их явно заботило другое: они все тревожнее посматривали на наручные часы, недовольно надували щеки, переговаривались с соседями и сверялись с красными цифрами электронных часов над жерлом туннеля.

Гомер прищурился, глядя на них вслед за остальными... Это был счетчик, замеряющий время с момента прохода предыдущего поезда. Но его табло казалось неестественно вытянутым, десятизначным: восемь цифр до мигающего двоеточия и еще две – секундомер – после. Змеились красные точки, отсчитывая убегающие секунды, менялась последняя цифра в невероятно длинном числе: двенадцать с чем-то миллионов.

Раздался крик... Всхлип.

Старик отстал от загадочных часов. Хантер, неподвижный, ничком лежал на рельсах. Гомер бросился к нему, еле перевернул тяжелое неживое тело лицом вверх. Нет, бригадир дышал, хоть и рвано, а ран на нем не было видно, хоть глаза и закатились, как у мертвеца. Правая рука не разжималась; и только тут старик обнаружил, что Хантер все же не был безоружен в этом странном поединке. Из кулака выглядывала рукоять черного ножа.

Гомер отхлестал бригадира по щекам, и тот, стеной как похмельный, заморгал, приподнялся на локтях, обшарил старика мутным взглядом. Потом одним махом вскочил на ноги и отряхнулся.

Морок рассеялся: без следа сгинули люди в плащах и ярких куртках, погас слепящий свет, и пыль десятилетий снова осела на стенах. Станция была черной, пустой и безжизненной – именно такой, как Гомер помнил ее по своим предыдущим походам.

* * *

До самой Октябрьской никто больше не промолвил ни слова, только слышно было, как перешептываются и пыхтят, запинаясь кирзой о шпалы, приставленные к ним караульные. Саша злилась даже не на музыканта – на саму себя. Он... А что он? Вел себя так, как и должен был вести. В конце концов ей стало даже неловко перед Леонидом – не слишком ли она была резка с ним?

И вот на Октябрьской ветер переменялся.

Совершенно естественно. Просто, увидев эту станцию, Саша позабыла обо всем на свете. За последние дни ей пришлось побывать в местах, в существование которых она раньше даже не поверила бы. Но Октябрьская затмевала своим убранством любую из них. Гранитные полы были устланы коврами – изрядно оплешивевшими, но все еще хранящими изначальные узоры.

Светильники, отлитые в форме факелов, начищенные до блеска, заливали зал ровным молочным свечением. За расставленными тут и там столами сидели люди с лоснящимися лицами, занятые тем, что лениво перебрасывались между собой словами и бумагами.

– Здесь так... богато, – смущенно сказала Саша, чуть не свернув себе шею.

– Мне кольцевые станции напоминают куски свиного шашлыка, нанизанные на шампур, – шепнул ей Леонид. – Так и сочатся жиром... Кстати! Может, перекусим?

– Времени нет. – Она замотала головой, надеясь, что он не услышит приветственное урчание в ее животе.

– Да брось. – Музыкант потянул ее за руку. – Тут есть одно местечко... Все, что ты ела раньше, не идет ни в какое сравнение... Ребята, пообедайте не против? – подключил он стражников. – Ты не волнуйся, через пару часов будем на месте. Про свиной шашлык я не случайно заговорил. Здесь такое делают...

Он чуть ли не в стихах повел рассказ о мясе, и Саша дрогнула, сдалась. Если до цели всего два часа, получасовой обед ничего не изменит... В запасе еще почти целые сутки, а кто знает, когда удастся перекусить в следующий раз?

И шашлык оказался достоин стихов. Но им дело не кончилось: Леонид попросил бутылку браги. Саша не удержалась, проглотила рюмку из любопытства, остальное музыкант распил с охранниками. Потом она опомнилась, вскочила на размякшие ноги и строго приказала вставать Леониду.

Тем строже, что, пока обедали, разморенная жаркой брагой, она замешкалась и чуть запоздала стряхнуть со своей коленки его пальцы. Легкие, чуткие. Нахальные. Тот сразу поднял руки – «Сдаюсь!» – но кожа запомнила его прикосновение. Зачем прогнала так быстро, спросила себя Саша, путаясь, и сама себя наказала щипком.

Надо было теперь стереть эту кисло-сладкую обеденную сцену из памяти, заболтать ее чем-нибудь бессмысленным, припорошить сверху словами.

– Здесь странные люди, – сказала она Леониду.

– Чем? – Он махом осушил стакан и наконец вылез из-за стола.

– У них в глазах чего-то не хватает...

– Голода, – определил музыкант.

– Нет, не только... Им как будто больше ничего не надо.

– Это потому что им больше ничего не надо, – хмыкнул Леонид. – Они сыты. Ганза-царица кормит. А что глаза? Нормальные осоловелые глаза...

– Когда мы с отцом жили, – Саша посерьезнела, – нам столько на три дня хватило бы, сколько мы сегодня недоели... Может, надо было забрать, отдать кому-нибудь?

– Ничего, собакам скормят, – ответил музыкант. – Нищих тут не держат.

– Но ведь можно было бы отдать на соседние станции! Где голод...

– Ганза благотворительностью не занимается, – встрял в разговор один из караульных, тот, которого называли Костылем. – Пусть сами крутятся. Еще не хватало бездельников на себе тянуть!

– А ты сам коренной, с Кольца? – поинтересовался Леонид.

– Всегда тут жил! Сколько себя помню!

– Тогда ты, наверное, не поверишь, но те, кто родился не на Кольцевой, тоже иногда должны жрать, – сообщил ему музыкант.

– Пусть жрут друг друга! Или, может быть, лучше у нас все отнять и поделить, как красные говорят?! – напирал солдат.

– Ну, если все будет продолжаться в том же духе... – начал Леонид.

– То что? Ты помолчи-ка, шпендель, потому что ты уже тут наговорил на депортацию!

– На депортацию я наговорил еще раньше, – флегматично отозвался музыкант. – Мы сейчас этим и занимаемся.

– А могу тебя и сдать куда надо! Как красного шпиона! – загорячился караульный.

– А я тебя за пьянку на дежурстве...

– Ах ты... Да ты же сам нам... Да ты...

– Нет! Простите нас... Он ничего такого не хотел сказать, – вмешалась Саша, вцепилась музыканту в рукав, оттащила его от тяжело задышавшего Костыля.

Она чуть не силой выволокла Леонида к путям, посмотрела на станционные часы и ахнула. За обедом и спорами на станции прошло почти два часа. Хантер, с которым она взялась соревноваться в скорости, наверняка не остановился ни на секунду...

Музыкант за ее спиной пьяно засмеялся.

Весь путь до Парка Культуры караульные не переставали недобро шипеть. Леонид то и дело порывался ответить им, и Саше приходилось то осаживать музыканта, то смирять его уговорами. Хмель никак не выветривался из его головы, добавляя ему и храбрости, и наглости; девушка еле изворачивалась, чтобы оставаться вне досягаемости его разгулявшихся рук.

– Я тебе совсем не нравлюсь? – обижался он. – Не твой тип, да? Ты же не таких любишь, тебе мышцы подавай... Шраааамы... Что же ты пошла со мной?

– Потому что ты мне пообещал! – Она оттолкнула Леонида от себя. – Я не за тем...

– Я не та-ка-я! – Он грустно вздохнул. – Вечная тема. Знал бы я, что ты такая недотрога...

– Как ты можешь?! Там же люди... Живые... Они все умрут, если мы не успеем!

– А что я сделаю? Я еле ноги передвигаю. Знаешь, какие они тяжелые? На вот, попробуй... А люди... Все равно умрут. Завтра или через десять лет. И я, и ты. И что?

– Так ты врал? Ты врал! Гомер говорил мне... Предупреждал... Куда мы идем?

– Нет, не врал! Хочешь, поклянусь, что не врал? Сама увидишь! Еще извиняться будешь! И пусть тебе потом будет стыдно, и ты мне скажешь: Леонид! Мне так со-вест-но... – Он наморщил нос.

– Куда мы идем?!

– Идем дорогой тру-у-удной... Мы в Город Изумру-у-удный. Что-то там трам-пам-пам... Дорогой непростой, – дирижируя указательным пальцем, запел музыкант; потом выронил из рук футляр с флейтой, выругался, нагнулся подобрать и чуть сам не свалился.

– Вы, пьянь! До Киевской сами дойдете вообще? – окликнул их один из стражников.

– Вашими молитвами! – поклонился ему музыкант. – И Элли возвратится... – продолжил он песню, – и Элли возвратится... С Тотошкой... Гав! Гав! Домой...

* * *

Гомер никогда не верил в легенду Полянки, и вот она решила его проучить.

Некоторые называли ее Станцией судьбы и чтили как оракула.

Некоторые верили, что паломничество сюда в переломный момент жизни может приоткрыть завесу над будущим, наметнуть и дать ключ, предсказать и предопределить остаток пути.

Некоторые... Но все здравомыслящие люди знали, что на станции случаются выбросы ядовитых земляных газов, воспаляющих воображение и вызывающих галлюцинации.

К дьяволу скептиков!

Что же могло означать его видение? Старику казалось, что он в шаге от разгадки, но потом мысли сбивались, путались. И перед глазами снова вставал Хантер, рубящий воздух черным лезвием. Дорого бы Гомер отдал, чтобы узнать, что предстало бригадиру, с кем он боролся, что за поединок окончился его поражением, если не гибелью...

– О чем думаешь?

От неожиданности старику спазмом скрутило внутренности. Ни разу прежде Хантер не заговаривал с ним без веской причины. Лай приказов, недовольное рычание скупых ответов... Как ждать разговора по душам с тем, у кого нет души?

– Так... Ни о чем, – запнулся Гомер.

– Думаешь. Я слышу, – ровно произнес Хантер. – Обо мне. Боишься?

– Сейчас нет, – соврал старик.

– Не бойся. Тебя не трону. Ты мне... напоминаешь.

– Кого? – осторожно спросил Гомер после полуминутного молчания.

– Что-то обо мне. Я забыл, что во мне такое есть, а ты мне напоминаешь. – Вытаскивая из себя и выкладывая одно за другим тяжелые слова, тот смотрел вперед, в черноту.

– Так ты для этого меня с собой взял? – Гомер был одновременно и разочарован, и озадачен; он-то ожидал чего-то...

– Для меня важно держать это в голове. Очень важно, – отозвался бригадир. – И для остальных тоже важно, чтобы я... Иначе может быть... Как уже было.

– У тебя что-то с памятью? – Старик словно крался по минному полю. – С тобой что-то случилось?

– Я все отлично помню! – резко ответил тот. – Только себя самого вот забываю. И боюсь совсем забыть. Будешь мне напоминать, хорошо?

– Хорошо. – Гомер кивнул ему, хоть Хантер его сейчас и не видел.

– Раньше во всем был смысл, – трудно выговаривал бригадир. – Во всем, что я делал. Защищал метро, людей. Людей. Была четкая задача – устранять любую угрозу. Уничтожать. В этом был смысл, был!

– Но и сейчас...

– Сейчас? Я не знаю, что сейчас. Я хочу, чтобы снова все было так же ясно. Я же не просто так, я не бандит. Не убийца! Это ради людей. Я пробовал без людей жить, чтобы их уберечь... Но страшно стало. Очень быстро забывал себя... Нужно было к людям. Защищать их, помогать... Помнить. И вот Севастопольская... Там меня приняли. Там моя конура. Станцию надо спасти, надо помочь им. Какую цену ни пришлось бы заплатить. Мне кажется, если я это сделаю... Когда устраню угрозу... Это большое дело, настоящее. Может быть, тогда вспомню. Должен. Мне поэтому надо скорее, а то... Оно теперь все быстрее и быстрее катится. За сутки мне обязательно надо успеть. Все успеть – и в Полис, отряд собрать, и обратно... А пока ты напоминай мне, ладно?

Гомер скованно кивнул. Ему было страшно просто представить себе, что начнет твориться, когда бригадир окончательно позабудет себя. Кто останется в его теле, когда прежний Хантер уснет навек? Не тот ли... Не то ли, чему он проиграл сегодня иллюзорный бой?

Полянка осталась далеко позади: Хантер рвался к Полису, как спущенный с цепи, учувший добычу волкодав. Или как спасающийся от преследователей волк?

В конце туннеля показался свет.

* * *

Кое-как выплыли на Парке Культуры. Леонид пробовал еще помириться с охраной, зазывал всех в «один прекрасный ресторан», но теперь стражники были настороже. Даже в отхожее место ему удалось отпроситься с великим трудом. Один из сопровождающих взялся их караулить, другой, пошептавшись с ним, скрылся.

– Деньги еще остались? – в лоб спросил у музыканта тот, что дежурил под дверью.

– Чуть-чуть. – Тот выложил на растопыренной ладони пяток патронов.

– Давай сюда. Костыль вас заложить решил. Считает, что ты провокатор красных. Если он угадал – здесь переход на вашу линию, ну ты должен знать. Если нет, можешь тут подождать, пока за тобой контрразведка придет, а с ними уж сам добазаривайся.

– Разоблачили, да? – Леонид пытался сдержать икоту. – Ладно! Пускай... Мы еще вернемся! Благодарю за службу! – Он вскинул руку в незнакомом приветствии. – Слушай... Ну его, этот переход! До туннеля доведи лучше, а?

Схватив Сашу, музыкант с удивительным проворством, хоть и спотыкаясь, заковылял первым.

– Добрый какой! – бурчал он себе под нос. – Здесь переход на вашу линию... Сам не хочешь подняться? Сорок метров глубины. Будто не знает, что там все закупорено давно...

– Куда мы? – Саша уже ничего не понимала.

– Как куда... На Красную линию! Ты же слышала – провокатор, поймали, разоблачили... – бормотал Леонид.

– Ты красный?!

– Де-во-чка моя! Не спрашивай меня сейчас ни о чем! Я или думать могу, или бежать. Бежать нам нужнее... Сейчас наш друг тревогу поднимет... Еще и пристрелит при задержании... Денег ведь нам мало, нам нужно еще медаль...

Они нырнули в туннель, оставив караульного снаружи. Прижимаясь к стене, побежали вперед, к Киевской. До станции добраться все равно не успеют, поняла Саша. Если музыкант прав и второй охранник сейчас сам указывает, куда ушли беглецы...

И вдруг Леонид свернул налево, в светлый боковой туннель – так уверенно, словно шел к себе домой. Еще несколько минут – и вдалеке показались флаги, решетки, наваленные из мешков пулеметные гнезда, послышался лай собак. Пограничная застава? Предупредили ли их уже о побеге? Как он собирается вырваться отсюда? И чья земля начинается по другую сторону баррикад?

– Я от Альберта Михайловича. – Музыкант ткнул подбежавшему постовому в нос странного вида документ. – Мне бы на тот берег.

– По обычному тарифу, – заглянув в корочку, определил тот. – Где на барышню бумаги?

– Давайте по двойному. – Леонид вывернул карманы, выпотрашивая последние патроны. – А барышню вы не видели, ладно?

– Давайте-ка без «давайте», – посуровел пограничник. – Вы что, на базаре? Здесь правовое государство!

– Что вы! – делано испугался музыкант. – Я просто решил, раз рыночная экономика, можно поторговаться... Не знал, что есть разница...

Через пять минут и Сашу, и Леонида, растрепанного и помятого, со ссаженной скулой и кровоточащим носом, швырнули в крохотную комнатку с кафельными стенами.

Лязгнула железная дверь.

Наступила тьма.

Глава 16. В клетке

В крошечной темноте оставшиеся человеку чувства обостряются. Запахи становятся ярче, звуки громче и объемнее. В карцере было слышно только, как кто-то скребется в пол, и нестерпимо воняло прелой мочой.

Но музыкант из-за выпитого, кажется, не слышал даже боли. Недолгое время он еще что-то бубнил себе под нос, потом перестал отзываться и засопел. Его не тревожило, что теперь их точно настигнет погоня. Не беспокоило, что станет с Сашей, без бумаг и оправданий пытавшейся пересечь границу Ганзы. И уж конечно, его оставляла совершенно равнодушным судьба Тульской.

– Ненавижу, – тихо сказала Саша.

Ему и это было все равно.

Вскоре во мраке, которым была затянута камера, обнаружилась дырка – стеклянный глазок в двери. Все прочее оставалось невидимым, но и этой прорехи Саше хватило: осторожно ощупывая черноту вокруг себя, она подползла к двери и обрушила на нее свои легкие кулаки. Та отозвалась, загремела, но, как только Саша оставила ее в покое, тишина вернулась. Охрана не хотела слышать ни грохота, ни Сашиных криков.

Время вязко текло вперед.

Сколько их продержат в плену? А может, Леонид нарочно привел ее сюда? Хотел отделить ее от старика, от Хантера? Вырвать из связки, заманить в ловушку? И все это только для того, чтобы...

Саша заплакала, уткнувшись в рукав: он впитывал и влагу, и звуки.

– Ты когда-нибудь видела звезды? – послышался голос, все еще нетрезвый.

Она не отвечала.

– Я тоже только на фотографиях, – сказал ей музыкант. – Солнце-то еле пробивается сквозь пыль и облака, а им на это не хватает сил. А сейчас проснулся вот от твоего плача и подумал, что вдруг увидел настоящую звезду.

– Это смотровой глазок. – Она проглотила слезы, прежде чем ответить.

– Знаю. Но вот что интересно... – Леонид кашлянул. – Кто же тогда на нас раньше смотрел с неба целой тысячей глаз? И почему отвернулся?

– Никого там никогда не было. – Саша тряхнула головой.

– А мне вот всегда хотелось верить, что кто-то за нами приглядывает, – раздумчиво произнес музыкант.

– Даже в этой камере до нас никому нет дела! – Ее глаза снова набухли. – Ты это подстроил, да? Чтобы мы не успели? – Она снова забарабанила в дверь.

– Если ты считаешь, что там никого нет, зачем стучать? – спросил Леонид.

– Тебе плевать, если все больные погибнут!

– Вот такое от меня впечатление, да? Обидно, – вздохнул он. – Но ты тоже, по-моему, не к больным рвешься. Боишься, что если твой возлюбленный отправится их резать, сам заразится, а лекарства-то нет...

– Неправда! – Саша еле держалась, чтобы не ударить его.

– Правда, правда... – Леонид пискляво ее передразнил. – И что в нем такого?

Саше не хотелось ничего ему объяснять, вообще с ним говорить не хотелось. Но она не смогла удержаться.

– Я ему нужна! Действительно нужна, без меня он пропадет. А тебе нет. Тебе просто играть не с кем!

– Ну, положим, ты ему нужна. Не то чтобы сильно, но не отказываться же... А тебе-то он зачем, этот санитар леса? Злодеи привлекают? Или хочешь спасти пропащую душу?

Саша умолкла. Ее задело то, с какой легкостью музыкант читает ее чувства. Может, в них не было ничего особенного? Или это потому, что она не могла их скрыть? То тонкое, неосязаемое, что у нее не получалось и облечь в слова, из его уст звучало обыденно и даже пошло.

– Ненавижу, – наконец выговорила она.

– Это ничего, я себя тоже не особо, – усмехнулся Леонид.

Саша села на пол. У нее снова потекли слезы – сначала от злости, потом от бессилия. Пока от нее что-то зависело, она не собиралась сдаваться. Но сейчас, в глухом карцере и с глухим спутником, у нее не оставалось шансов быть услышанной. Кричать не имело смысла. Стучаться не имело смысла. Уговаривать было некого. Ничто не имело смысла.

...А потом на миг перед ней вдруг встала картина: высокие дома, зеленое небо, летучие облака, смеющиеся люди. И горячие капли на ее щеках показались ей каплями того самого летнего дождя, о котором ей рассказывал старик. Еще секунда – и наваждение исчезло, оставив после себя только легкое, волшебное настроение.

– Хочу чуда, – упрямо, с закушенной губой, сама себе сказала Саша.

И тут же в коридоре громко шелкнул тумблер, а камеру затопило нестерпимо ярким светом.

* * *

На десятки метров от входа в священную столицу метро, мраморную усыпальницу цивилизации, вместе с белыми лучами ртутных ламп распространялась благодатная аура спокойствия и процветания. В Полисе не берегли свет, потому что верили в его магию. Обилие света напоминало людям об их прежней жизни, о тех далеких временах, когда человек еще не был ночным животным, не был хищником. И даже варвары с периферии тут вели себя сдержанно.

Блокпост на границе Полиса больше был похож не на укрепление, а на проходную в советском министерстве: стол, стул, два офицера в чистой штабной форме и при фуражках. Проверка документов, досмотр личных вещей. Старик нашарил в кармане паспорт. Визы вроде бы отменили, трудностей возникнуть не должно. Протянув офицеру зеленую книжечку, он покоился на бригадира.

Погруженный в себя, тот, кажется, не расслышал вопроса пограничника. Да был ли у него вообще паспорт, засомневался Гомер. Но если нет, на что он рассчитывал, так спеша сюда?

– Повторяю в последний раз, – офицер положил руку на лоснящуюся кобуру, – предъявите документы или немедленно покиньте территорию Полиса!

Гомер был уверен: бригадир так и не понял, чего от него хотят, и отозвался только на движение пальцев, ползущих к кнопке на кобуре. В одно мгновение выйдя из своей странной спячки, Хантер молниеносно швырнул вперед раскрытую ладонь и вмял постовому кадык. Тот, синяя, хрипя, рухнул навзничь вместе со стулом; второй бросился бежать, но старик знал – не успеет. В руке Хантера, будто туз из рукава шулера, возник вороненый палаческий пистолет, и...

– Подожди!

Бригадир замешкался на секунду, и сбежавшему бойцу хватило ее, чтобы взобраться на платформу, перекатиться и спрятаться от пуль.

– Оставь их! Нам надо на Тульскую! Ты должен... Ты просил напоминать тебе... Подожди! – Старик задыхался, не зная, что сказать.

– На Тульскую... – тупо повторил Хантер. – Да. Лучше потерпеть до Тульской. Ты прав.

Он грузно опустился на стол, положил рядом свой тяжелый пистолет, понурился. Улучив момент, Гомер поднял руки, побежал вперед, навстречу выскакивающим из арок стражникам.

– Не стреляйте! Он сдается! Не стреляйте! Ради всего святого...

Но его все равно скрутили, сорвали впопыхах респиратор, и потом только дали объясниться. Бригадир, снова впавший в свое странное оцепенение, не вмешивался. Он позволил им разоружить себя и покорно прошел в обезьянник. Уселся на нары, поднял голову, нашел старика и выдохнул:

– Тебе надо разыскать тут одного человека. Его зовут Мельник. Приведи его сюда. Я подожду...

Тот закивал, засобиравлся суетливо, начал протискиваться между столпившихся на входе караульных и любопытных, и тут его настиг оклик.

– Гомер!

Старик застыл, пораженный: никогда прежде Хантер не обращался к нему по имени. Он вернулся к прутьям арматуры, спаянным в неубедительную решетку, вопросительно посмотрел на Хантера, словно в ознобе обнявшего себя своими громадными ручищами. И тот неживым, глухим голосом подстегнул его:

– Недолго.

* * *

Дверь отворилась, и внутрь робко заглянул солдат – тот самый, что несколько часов назад отхлестал музыканта по лицу. Пинок – и он пролетел в камеру, чуть не повалившись на пол, разогнулся и неуверенно оглянулся назад.

В проходе стоял сухопарый военный в очках. Погоны на его френче были усыпаны звездами, жидкие русые волосы зализаны назад.

– Давай, тварь, – процедил он.

– Я... Мне... – заблеял пограничник.

– Не стесняйся, – подбодрил его офицер.

– Я извиняюсь за то, что сделал. И... ты... вы... я не могу.

– Плюс десять суток.

– Ударь меня, – сказал солдат Леониду, не зная, куда деть глаза.

– А, Альберт Михалыч! – Щурясь, музыкант улыбнулся офицеру. – А я вас уже заждался.

– Добрый вечер. – Тот тоже подтянул уголок губы. – Вот, пришел восстановить справедливость. Мстить будем?

– Мне руки беречь надо. – Музыкант поднялся, размял поясницу. – Думаю, вы сами накажете.

– По всей строгости, – кивнул Альберт Михайлович. – Месяц гауптвахты. И я, разумеется, присоединяюсь к извинениям этого болвана.

– Ну, вы же это не со зла. – Леонид потер ушибленную скулу.

– Это ведь останется между нами? – Металлический голос офицера предательски скрипнул.

– Я тут, видите, контрабанду вывожу. – Музыкант качнул головой в Сашину сторону. – Сделаете послабление?

– Оформим, – пообещал Альберт Михайлович.

Провинившегося пограничника бросили прямо в камеру; задвинув засов, офицер повел их по узкому коридору.

– Я с тобой дальше не пойду, – громко сказала Саша музыканту.

– А если я тебе скажу, что мы и вправду идем в тот самый Изумрудный Город? – помявшись, чуть слышно спросил у нее Леонид. – Если скажу, что я неслучайно знаю о нем больше твоего деда? Что видел его сам, и не только видел? Что бывал там, и не просто бывал...

– Врешь.

– И что неспроста он, – невозмутимо продолжал музыкант, кивая на шагавшего впереди офицера, – так передо мной лебезит: знает, откуда я, знает и боится. И что в Изумрудном Городе уж наверняка найдется твое лекарство. И что идти до его ворот осталось всего-то три станции...

– Врешь!

– Знаешь что? – рассерженно сказал ей Леонид. – Когда просишь чуда, надо быть готовым в него поверить. А то проглядишь.

– Надо еще и уметь отличать чудеса от фокусов, – огрызнулась Саша. – И ты меня этому научил.

– Я с самого начала знал, что нас выпустят, – ответил он. – Просто... Не хотел торопить события.

– Просто хотел потянуть время!

– Но я тебя не обманывал! Средство от болезни существует!

Они подошли к заставе. Офицер, изредка с любопытством оглядывавшийся на них, вручил музыканту его пожитки, вернул патроны, документы.

– Ну так что, Леонид Николаевич, – козырнул он, – контрабанду с собой забираем или на таможне оставим?

– С собой, – съежилась Саша.

– Ну, тогда совет да любовь, – напутствовал их Альберт Михайлович, провожая мимо тройных рядов брустверов, мимо вскакивающих со своих мест пулеметных расчетов, мимо решеток и сваренных из рельсов ежей. – С импортом, думаю, проблем не возникнет?

– Прорвемся, – улыбнулся ему Леонид. – Я не должен вам этого говорить, но честных чиновников нигде не бывает, и чем суровее режим, тем меньше сумма. Надо только знать, кому заносить.

– Вам, думаю, хватит и волшебного слова, – хмыкнул офицер.

– Пока действует не на всех. – Леонид опять потрогал скулу. – Что называется, я не волшебник, я только учусь.

– С вами будет приятно иметь дело... Когда выучитесь. – Альберт Михайлович склонил голову, развернулся и зашагал обратно.

Последний солдат открыл перед ними калитку, проделанную в толстой решетке, которая сверху донизу перегораживала туннель. За ней начинался пустой, прекрасно освещенный перегон, стены которого были местами опалены, местами выщерблены, словно от долгих перестрелок, а в самом конце виднелись новые полосы укреплений и растянутые от пола до потолка полотнища знамен.

При одном их виде у Саши заколотилось сердце.

– Чья это заставка? – резко останавливаясь, спросила она у музыканта.

– Как чья? – Тот удивленно посмотрел на нее. – Красной Линии, естественно.

* * *

Ах, как давно мечтал Гомер снова попасть сюда, как давно не был в этих чудных местах...

На интеллигентской Боровицкой, сладко пахнущей креозотом, с ее уютными квартирками, устроенными прямо в арках, и читальней для монахов-браминов посреди зала – заваленные книгами длинные дощатые столы, низко свисающие лампы с тканевыми абажурами; с ее поразительно точно воссозданным духом дискуссионных кухонь кризисных и предвоенных лет...

На царственной Арбатской, выраженной в белое и бронзовое, почти под кремлевские палаты, с ее строгими порядками, с деловитыми военными, которые продолжали надувать щеки так, будто были непричастны к Апокалипсису...

На старой-престарой Библиотеке имени Ленина, которую опоздали переименовать, пока в этом еще оставался хоть какой-то смысл, которая уже была стара как мир, когда Коля только пришел в метро мальчишкой, на Библиотеке с ее романтическим капитанским мостиком перехода ровно посередине платформы, с ее усердно, но неумело восстановленной лепниной на протекающем потолке...

И на Александровском саде, вечно полутемном, долговязом и угловатом, напоминающем слепнущего подагрического пенсионера, который все вспоминает свою комсомольскую юность.

Гомеру всегда было интересно, похожи ли станции на своих пигмалионов. Можно ли их считать автопортретами тех, кто их чертил? Впитали ли они в себя частицы тех, кто их строил? Одно он знал наверняка: на своих обитателей станции накладывали отпечаток, делясь с ними характером, заражая собственным настроением и болезнями.

Но вот сам Гомер со своим складом ума, со своими вечными раздумьями, со своей неизлечимой ностальгией, принадлежал, конечно, не суровой Севастопольской, а светлому, как само прошлое, Полису.

Жизнь распорядилась иначе.

И даже теперь, когда он наконец попал сюда, ему не оставляли лишних минут, чтобы пройтись по этим гулким залам, полюбоваться лепниной и литьем, пофантазировать... Он должен был бежать.

Хантеру с трудом удалось обуздать и усадить в клетку кого-то внутри себя, то самое страшное существо, которое он время от времени подкармливал человечиною. Но как только оно разогнет прутья этой внутренней клетки, через миг ничего не останется и от хлипкой решетки, которая была снаружи. Надо спешить.

Он просил найти Мельника... Что это – имя, кличка? Или, может быть, пароль? Произнесенное вслух, оно возымело на караульных необъяснимое действие: разговоры о трибунале над схваченным бригадиром поутихли, а наручники, которые чуть было не защелкнулись на запястьях Гомера, вернулись в ящик стола. Пузатый начальник стражи лично взялся отвести старика.

Гомер с провожатым поднялись по лестнице, прошли по переходу, достигли Арбатской. Остановились у дверцы, охраняемой двумя в штатском, лица которых выдавали в них профессиональных убийц. За их спинами открывалась вереница служебных каморок. Пузатый попросил Гомера подождать, а сам затопал вперед по коридору. Не прошло и трех минут, как он выбрался обратно, удивленно оглядел старика и пригласил его пройти внутрь.

Тесный коридор привел их в неожиданно просторную комнату, стены которой все были задрапированы картами, схемами, обросли записками и шифровками, фотографиями и рисунками. За широким дубовым столом восседал немолодой костлявый человек с плечами такими широкими, словно он был одет в бурку. Из-под наброшенного кителя была выпростана только одна левая рука, и, приглядевшись, Гомер понял, в чем дело: правая была отнята почти целиком. Роста хозяин кабинета был богатырского – его глаза оказались почти вровень с глазами стоявшего старика.

– Спасибо. – Он отпустил пузатого, и тот с заметным сожалением притворил дверь с другой стороны. – Кто вы такой?

– Николаев Николай Иванович, – растерялся старик.

– Прекратите цирк. Если вы приходите ко мне, говоря, что с вами вместе мой ближайший товарищ, которого я похоронил год назад, у вас должна быть причина. Кто вы?

– Никто... – Гомер не кривил душой. – Но дело не во мне. Он жив, правда. Вам просто нужно пойти со мной, и скорее.

– Вот сейчас я думаю, ловушка это, идиотский розыгрыш или просто ошибка. – Мельник прикурил папиросу, пустил дым старику в лицо. – Если вы знаете его имя и пришли с этим именно ко мне, вы должны знать и его историю. Должны знать, что мы искали его каждый день больше года. Что потеряли из-за этого несколько человек. Должны знать, черт вас дери, как много он для нас значил. Может быть даже и то, что он был моей правой рукой. – Он криво усмехнулся.

– Нет, ничего такого... Он ничего не рассказывает. – Старик вжал голову в плечи. – Пожалуйста, давайте просто пойдем на Боровицкую. Времени мало...

– Нет, я никуда не побегу. И у меня есть уважительная причина.

Мельник опустил руку под стол, сделал ею странное движение и удивительным образом переместился назад, не вставая с места. Только через несколько секунд Гомер сообразил, что тот сидит в инвалидном кресле.

– Так что давайте-ка поговорим спокойно. Я хочу понять, в чем смысл вашего появления.

– Господи, – старик отчаялся уже донести что-либо до этого истукана, – просто поверьте мне. Он жив. И сидит в обезьяннике на Боровицкой. Во всяком случае, надеюсь, что он до сих пор там...

– Хотел бы я вам поверить. – Мельник замолчал, глубоко затянулся, и старик услышал, как потрескивает, сворачиваясь и сгорая, папиросная бумага. – Только чудес не бывает. Разбередали... Ладно. У меня есть свои версии того, чей это розыгрыш. Но проверять их будут специально обученные люди... – Он потянулся к телефону.

– Почему он так боится черных? – неожиданно для самого себя спросил Гомер.

Мельник осторожно положил трубку, так и не промолвив в нее ни слова. Втянул в себя всю папиросу до конца, сплюнул короткий окурочек в пепельницу.

– Черт с тобой, прокачусь до Боровицкой, – сказал он.

* * *

– Я туда не пойду! Отпусти меня! Лучше тут останусь...

Саша не шутила, не кокетничала. Трудно сказать, кого ее отец ненавидел больше, чем красных. Они отняли у него власть, они перебили ему хребет, и вместо того, чтобы просто прикончить его, из жалости или из чистоплюйства обрекли его еще на долгие годы унижений и мук. Отец не мог простить людей, которые взбунтовались против него. Не мог простить тех, кто вдохновлял и подначивал предателей, тех, кто снабжал их оружием и листовками. Сам красный цвет вызывал у него приступы бешенства. И хотя под конец жизни он говорил, что не держит ни на кого зла и не хочет мстить, Саше казалось, что он просто оправдывает собственное бессилие.

– Это единственный путь, – растерянно сказал Леонид.

– Мы шли к Киевской! Ты не туда меня вел!

– Ганза десятилетиями воюет с Красной Линией, не мог же я признаваться первому встречному, что мы идем к коммунистам... Пришлось приврать.

– Ты без этого вообще не можешь!

– Ворота находятся за Спортивной, как я и говорил. Спортивная – последняя станция Красной Линии перед рухнувшим метромостом, тут уж ничего не поделать.

– Как мы туда попадем? У меня нет паспорта. – Она не спускала с музыканта настороженного взгляда.

– Доверься мне. – Он улыбнулся. – Один человек всегда сумеет договориться с другим. Слава коррупции!

Не слушая ее возражений, он схватил Сашу за запястье и потянул за собой. Проектора второй линии обороны заставляли полыхать огромные кумачовые знамена, свисающие с

потолка, туннельный сквозняк волновал их, и девушке казалось: она видит перед собой два мерцающих красных водопада. Знак?

Судя по тому, что она слышала о Линии, их должны были изрешетить на подступах... Однако Леонид спокойно шагал вперед, а уверенная улыбка не покидала его губ. Метров за тридцать до блокпоста ему в грудь уперся жирный луч прожектора. Музыкант только поставил футляр с инструментом на пол и смиренно поднял вверх руки. Саша сделала то же.

Подошли проверяющие – заспанные, удивленные. Было непохоже, что им вообще случилось встречать хоть кого-нибудь с другой стороны границы. На сей раз музыкант успел отозвать старшего в сторону прежде, чем тот спросил Сашины документы. Пошептал ему ласково на ухо, еле слышно звякнул латуной, и тот вернулся околдованный, умиротворенный. Звеньевой лично проводил их сквозь все посты и даже усадил на ждавшую ручную дрезину, приказав солдатам ехать к Фрунзенской.

Те взялись за рычаги и запыхтели, сдвигая дрезину с места. Саша, насупившись, разглядывала одежду, лица тех, кого отец приучил называть врагами... Ничего особенного. Ватники, застиранные пятнистые кепки с наколотыми звездами, выступающие скулы, впалые щеки... Да, они не лоснились, как дозорные Ганзы, но человеческого в них точно было ничуть не меньше. И в их глазах мелькало совсем мальчишеское любопытство, которое тем, кто жил на Кольце, видимо, было вообще незнакомо. Эти двое вряд ли даже слышали о том, что случилось на Автозаводской почти десять лет назад. Враги ли они Саше? Можно ли вообще не формально, а искренне ненавидеть незнакомых людей?

Заговаривать с пассажирами солдаты не решались, только побряхтывали размеренно, наваливаясь на рычаги.

– Как тебе это удалось? – спросила Саша.

– Гипноз, – подмигнул ей Леонид.

– А что за документы ты им показываешь? – подозрительно посмотрела она на музыканта. – Как может быть, что тебя с ними повсюду пропускают?

– Разные паспорта на разные случаи, – уклончиво ответил он.

– Кто ты такой? – Чтобы больше никто ее не услышал, Саша была вынуждена подсесть к Леониду вплотную.

– Наблюдатель, – одними губами сказал он.

Если бы Саша не зажала себе рот, вопросы просто хлынули бы из нее; но солдаты слишком уж заметно пытались поймать смысл их разговора, даже скрипеть рычагами стараясь потише.

Пришлось дожидаться станции Фрунзенской – усохшей, выцветшей, побледневшей и наурмяненной красными флагами. Щербатая мозаика на стенах, поглodанные временем колонны... Темные омуты сводов – хилые лампы свисали с протянутых между колонн проводов чуть выше голов невысоких здешних жителей, чтобы зря не разбрызгать ни лучика драгоценного света. Здесь было поразительно чисто: по платформе сновали сразу несколько беспокойных уборщиц. На станции былолюдно, но вот странно: в какую сторону Саша ни посмотрела бы, под ее взглядом все начинало шевелиться, суетливо дергаться, а за спиной тут же замирало и принималось шелестеть приглушенными голосами. Но стоило ей обернуться назад, как шепот прекращался, а люди возвращались к своим делам. И никто не желал взглянуть ей в глаза, словно это было чем-то неприличным.

– Тут нечасто бывают чужаки? – Она посмотрела на Леонида.

– Я сам здесь чужой. – Музыкант пожал плечами.

– Где же ты свой?

– В том месте, где люди не так убийственно серьезны... – усмехнулся он. – Где понимают, что одной жратвой человеку не спастись. Где не хотят забывать вчерашний день, хотя воспоминания и доставляют им боль.

– Расскажи мне про Изумрудный Город, – попросила Саша тихонечко. – Почему они... Почему вы прячетесь?

– Правители Города не верят жителям метро.

Леонид прервался, чтобы объясниться с караульными, дежурившими на входе в туннель, а потом, ныряя вместе с Сашей в густую тьму, посадил огонек с железной зажигалки на фитиль масляной лампы и продолжил:

– Не верят, потому что люди в метро постепенно утрачивают человеческий облик. И потому что среди них до сих пор есть те, кто начинал ту страшную войну, хоть они и боятся в этом признаться даже своим друзьям. Потому что люди в метро неисправимы. Их можно только бояться, только сторониться, наблюдать за ними. Если они узнают об Изумрудном Городе, то сожрут и выблюют его, как жрут все, до чего дотягиваются. Сгорят полотна великих художников. Сгорит бумага и все, что на ней было. Будет истреблено единственное общество, которое достигло справедливости и гармонии. Рухнет обескровленное здание Университета. Затонет великий Ковчег. И ничего больше не останется. Вандалы...

– Почему вы считаете, что мы не сможем измениться? – Саше стало обидно.

– Не все так считают. – Леонид косил на нее глазом. – Некоторые пытаются что-то делать.

– Не очень-то они стараются, – вздохнула Саша, – раз даже мой старик о них не слышал.

– Зато кое-кто слышал их самих, – многозначительно обронил он.

– Ты о... музыке? – догадалась Саша. – Ты – один из тех, кто надеется нас изменить?

Но как?

– Принуждением к прекрасному, – пошутил музыкант.

* * *

Кресло катил адъютант, а старик шагал рядом, еле поспевая, время от времени оглядываясь на приставленного к нему рослого охранника.

– Если вы и вправду не знаете всей истории, – говорил Мельник, – готов вам ее поведать. Будете развлекать ею сокамерников, если на Боровицкой я увижу не того... Хантер был одним из лучших бойцов Ордена, настоящим охотником. Чутье у него было просто звериное, и делу он отдавался без остатка. Он и учуял года полтора назад этих черных... На ВДНХ. Неужели и об этом ничего не слышали?

– На ВДНХ... – рассеянно повторил за ним старик. – Ну да, неуязвимые мутанты, которые читали мысли и умели становиться невидимыми... Я думал, они назывались Темными?

– Неважно, – отрезал Мельник. – Он первым раскопал слухи, забил тревогу, но тогда у нас не было ни сил, ни времени... Я ему отказал. Был занят другими делами. – Он повел култей. – Хантер отправился туда в одиночку. В последний раз, когда он со мной связывался, говорил, что эти твари подавляют волю, наводят ужас на все окрестности. А боец Хантер был просто невероятный, прирожденный, один стоил взвода...

– Знаю, – пробормотал Гомер.

– И никогда ничего не боялся. Отправил к нам мальчонку с запиской, мол, уходит наверх, разбираться с черными. Если пропадет, значит, угроза страшнее, чем он думал. Пропал. Погиб. У нас своя система оповещения. Каждый живой обязан раз в неделю сообщать. Обязан! Он уже больше года молчит.

– А что с черными?

– Мы хорошенько проутюжили всю местность «Смерчами». От черных с тех пор тоже больше ничего не слышно, – усмехнулся Мельник. – Не напишут, не позвонят... Выходы на ВДНХ закрыли, жизнь там наладилась. У мальчонки этого только случилось помешательство, но его, насколько мне известно, выходили. Живет себе нормальной человеческой жизнью, женился. А вот Хантер... На моей совести.

Он скатился по стальному пандусу с лестницы, распутивая собравшихся внизу монахов-книжечеев, развернулся, дождался запыхавшегося старика и добавил:

– О последнем сокамерникам лучше не рассказывай.

...Еще через минуту вся процессия добралась наконец-таки до изолятора. Отпиратель дверь в обезьянник Мельник не стал; оперся на адъютанта, стиснул зубы и поднялся, приник к глазку. Ему хватило и доли секунды.

Изможденно, будто весь путь с Арбатской он со своим увечьем проделал пешком, Мельник упал в кресло, скользнул по старику погасшим взором и огласил приговор:

– Не он.

* * *

– Я не думаю, что моя музыка принадлежит мне, – сказал Леонид неожиданно серьезно. – Я не понимаю, откуда она берется в моей голове. Мне кажется, что я – просто русло... Просто инструмент. Точно так же, как я подношу к своим губам флейту, когда хочу играть, кто-то другой подносит к своим губам меня – и рождается мелодия...

– Вдохновение, – прошептала Саша.

– Назови это так. – Он развел руками. – Как бы то ни было, это мне не принадлежит, это приходит извне. И я не имею права держать это в себе. Оно... путешествует по людям. Я начинаю играть и вижу, как вокруг меня собираются все эти богатые и нищие, покрытые коростами и сияющие от жира, и злые, и убогие, и великие. Все. И что-то моя музыка с ними делает, от чего они настраиваются на одну тональность. Я как камертон... Я могу привести их к гармонии, хоть ненадолго. И они будут звенеть так чисто... Будут петь. Как это объяснить?

– Ты хорошо объясняешь, – задумчиво сказала Саша. – Я так сама чувствовала.

– Я должен попробовать в них это заронить, – добавил Леонид. – В ком-то погибнет, в ком-то прорастет. Я никого не спасаю. У меня нет полномочий.

– Но почему другие жители Города не хотят нам помочь? Почему даже ты боишься признаться в том, что делаешь это?

Он молчал и сохранял молчание до тех пор, пока туннель не уткнулся в станцию Спортивную, такую же зачехленную, блеклую, натужно-торжественную и скорбную одновременно, только еще и низкую, тесную, как бинты на голове, тяжеловесную. Здесь пахло дымом и потом, нищетой и гордыней. К Саше с Леонидом был немедленно приставлен шпик, который околачивался ровно в десяти шагах от них, куда бы они ни пошли. Девушка хотела сразу же двинуться дальше, но музыкант осадил ее:

– Сейчас нельзя. Придется подождать. – Он притулился на каменной гостевой скамье, щелкнул замками на футляре.

– Почему?

– Ворота могут открываться только в установленные часы. – Леонид отвел глаза.

– Когда? – Саша отыскала циферблат; если все было верно, оставалось уже меньше половины отмеренного ей времени.

– Я скажу тебе.

– Ты опять тянешь! – Она нахмурилась, отскочила от него. – Ты то обещаешь помочь, то стараешься задержать меня!

– Да, – он собрался с духом и поймал ее взгляд, – я хочу тебя задержать.

– Зачем?! Чего ради?..

– Я не играю с тобой. Поверь, я нашел бы с кем играть, и мало кто стал бы отказываться. Думаю, я влюбился. Надо же, как коряво звучит...

– Думаешь... Ты этого даже не думаешь! Ты это говоришь, вот и все.

– Есть способ отличить любовь от игры, – серьезно сказал он.

– Когда обманываешь, чтобы заполучить человека, – это любовь?

– Настоящая любовь ломает всю твою жизнь, ей плевать на обстоятельства. А игру можно в них вписать...

– Мне с этим проще. – Саша глядела на него исподлобья. – У меня и не было никакой жизни. Веди меня к воротам.

Леонид тяжело уставился на девушку, прислонился к колонне, отгородился от Саши скрещенными на груди руками. Несколько раз набирал воздуха, словно намереваясь дать ей отповедь, но спускал его, так ничего и не произнеся. Потом сник, потемнел и признался:

– Я не смогу с тобой пойти. Меня не пустят обратно.

– Что это значит? – недоверчиво спросила Саша.

– Я не могу вернуться на Ковчег. Меня изгнали.

– Изгнали? За что?

– За дело. – Он отвернулся и теперь говорил совсем тихо, и, даже стоя в шаге от него, Саша разбирала не все. – Меня... оскорбил один человек. Смотритель библиотеки. Унизил при свидетелях. Той же ночью я напился и сжег библиотеку. Смотритель угорел вместе со всей семьей. Жаль, у нас нет казни... Я ее заслужил. Меня просто изгнали. Пожизненно. Обратного пути нет.

– Зачем тогда ты меня сюда вел?! – Саша сжала кулаки. – Зачем сжег еще и мое время?!

– Ты можешь попробовать достучаться до них, – пробормотал Леонид. – В боковом туннеле, в двадцати метрах от ворот, есть метка белой краской. Точно под ней, на уровне пола, – резиновый кожух, под которым кнопка звонка. Надо нажать три раза коротко, три длинно, три коротко, это условный сигнал для возвращающихся наблюдателей...

Он и вправду остался на станции – помог только Саше выбраться за все три блокпоста и побрел назад. На прощание попытался всучить ей старый автомат, который успел уже где-то раздобыть, но Саша не взяла. Три коротких, три длинных, три коротких... Вот и все, что ей сейчас может пригодиться. И еще фонарь.

Туннели за Спортивной начинались мрачные, глухие. Станция считалась последней обитаемой на всей линии, и каждый блокпост, через который ее проводил музыкант, больше походил на маленькую крепость. Но Саше не было страшно, совсем. Она думала только о том, что через час или полтора окажется на пороге Изумрудного Города.

А если Города не существует, то бояться и вовсе ни к чему.

Боковой туннель оказался точно там, где обещал Леонид. Отгороженный искалеченной решеткой, в которой Саша без труда нашла достаточно широкую щель, через несколько сотен шагов он действительно заканчивался стальной стеной гермоворот – вечной, непоколебимой.

Саша прилежно отсчитала от нее сорок своих шажков и выудила из темноты белую метку на мокрой, словно вспотевшей, стене. Кожух она тоже нашла сразу. Отогнула резину, нащупала звонок, сверилась с часами, которые ей отдал музыкант. Успела! Успела! Еле выждав несколько долгих минут, она закрыла глаза...

Три коротких.

Три длинных.

Три коротких.

Глава 17. Кто говорит?

Артем опустил кипящий ствол вниз. Тыльной стороной ладони хотел утереть пот и слезы, но рука не могла добраться до глаз. Противогаз мешал. Может, снять его к чертям? Какая уже разница, в самом деле...

Казалось, зараженные ревели громче автоматных очередей. Иначе почему все новые и новые больные вырывались из вагона навстречу свинцовому шквалу? Неужели не слышали грохота, неужели не понимали, что их расстреливают в упор? На что надеялись? Или для них тоже уже не было разницы?

На несколько метров вокруг вскрывшегося выхода платформа была завалена разбухшими телами. Некоторые еще подергивались, и из глубины кургана полз чей-то стон. Бубон распахнутых дверей вытек до конца: оставшиеся в вагоне в ужасе ужались плотнее, прячась от пуль.

Артем обвел глазами других автоматчиков: только у него сейчас дрожат руки и трясутся колени? Никто из них не говорил ни слова. Вначале молчал даже командир. Слышно было только, как хрипит, стараясь сдержать кровавый кашель, переполненный поезд и как выплевывает проклятия последний умирающий под грудой мертвых.

– Изверги... Сволочи... Я же еще живой... Тяжело как...

Командир высмотрел-таки его, присел рядом и разрядил в несчастного остатки обоймы: жал курок до порожних щелчков. Поднялся, поглядел на свой пистолет, зачем-то вытер его о штаны.

– Соблюдайте спокойствие! – сипло крикнул он. – Попытки покинуть лазарет без разрешения будут караться и впредь...

– Что с трупами делать? – спросили у него.

– Обратно в поезд. Иваненко, Аксенов, займитесь!

Порядок был восстановлен. Артем мог возвращаться на свое место, пытаться уснуть: до побудки еще оставалось пара часов. Поспать бы хоть час, чтобы не свалиться завтра на дежурстве...

Получилось иначе.

Иваненко шагнул назад, замотал головой, отказываясь братья за гнилостные, разваливающиеся тела. Командир вытянул к нему руку с пистолетом, забыв, что патроны кончились, зло зашипел, а потом сразу клацнул бойком – впустую. Иваненко взвизгнул и бросился бежать.

И тут один из покашливавших бойцов вскинул автомат и неловко, криво ткнул командира в спину штык-ножом. Командир не упал, а остался на ногах и медленно обернулся через плечо к тому, кто ударил.

– Ты что это, сука? – тихо удивился он.

– Ты всех нас так скоро в расход... Тут на станции здоровых нет! Сегодня мы их, а завтра ты нас загонишь в эти вагоны! – заорал на него ударивший, пытаясь выдернуть из командира автомат, но почему-то не стреляя.

Никто не вмешивался. Даже Артем, сделавший было шаг к этим двоим, застыл в ожидании. Наконец штык вышел из спины. Командир, словно пытаясь почесаться, потянулся к ране, потом опустился на колени, уперся ладонями в скользкий пол, затряс головой. Хотел прийти в себя? Или проснуться?

Добивать командира никто не решался. Даже бунтовщик, который его зарезал штыком, испуганно отступил, а потом сорвал с себя противогаз и закричал на всю станцию:

– Братки! Хватит их мучить! Отпустите! Им все равно подышать! И нам тоже! Что мы, не люди?!

– Не смей... – неслышно сипел командир, стоя на коленях.

Автоматчики зароптали, совещаясь. В одном месте от дверей вагона отодрали решетки, еще в одном... Потом кто-то выстрелил зачинщику в лицо, и он кувырнулся назад, упал к другим мертвым. Но уже было поздно: зараженные с победным ревом выплескивались из поезда в зал, неуклюже бежали на своих толстых ногах, рвали у оробевших караульных автоматы, разбредались кто куда. И охранники тоже дрогнули: кто-то еще стрелял в больных, а другие смешивались с ними, уходили прочь со станции во все туннели: одни – на север, к Серпуховской, другие – на юг, к Нагатинской.

Артем стоял на месте, тупо глядя на командира. Тот не хотел умирать. Сначала он полз вперед на четвереньках, потом, поскальзываясь, встал и двинулся куда-то.

– А вот сейчас вам сюрприз... Думали, не подготовлюсь... – бормотал он.

Его блуждающий взгляд зацепился за Артема. На миг замерев, командир вдруг обычным своим голосом, не терпящим неповиновения, гаркнул:

– Попов! Отведи меня в радиорубку! Надо приказать северному блокпосту перекрыть ворота...

Артем подставил ему свое плечо, и они тяжело побрели мимо опустевшего поезда, мимо дерущихся людей, мимо гор хлама – в рубку, где стоял и телефон. Рана у командира, видимо, не была смертельной, но крови он терял много. Пока дошли, силы совсем покинули его, и он обмяк в забытии.

Придвинув к двери стол, Артем схватил микрофон внутреннего коммутатора и вызвал северную заставу. Прибор пощелкивал, хрипел, будто надрывно дыша, и молчал, страшно молчал.

Если этот путь перекрывать поздно, Артем должен предупредить хотя бы Добрынинскую! Он кинулся к телефону, нажал на пульте одну из двух кнопок, подождал несколько секунд... Аппарат еще работал. Сначала в трубке шептало только эхо, потом послышалось стрекотание, и наконец пошли гудки.

Один... Два... Три... Четыре... Пять... Шесть...

Господи, пусть они ответят. Если они все еще живы, если до сих пор не заражены, пусть ответят, пусть дадут ему шанс. Пусть отзовутся прежде, чем больные успеют добраться до рубежей станции. Сейчас Артем был готов заложить душу, лишь бы на другом конце провода кто-нибудь снял трубку!

И тут случилось невозможное. Седьмой гудок оборвался на середине, послышалось кряхтение, далекая перебранка, и сквозь шорохи прорезался чей-то надтреснутый голос, задышающийся от волнения.

– Добрынинская слушает!

* * *

Клетка была опущена в полумрак. Но Гомеру хватило и этого скупого света, чтобы увидеть: силуэт пленника был слишком тщедушный, слишком неживой, чтобы принадлежать бригадире.словно за решеткой сидело чучело – безвольное, поникшее. Кажется, охранник... Мертвый. Но где же Хантер?!

– Спасибо. Думал, не дождусь, – раздался утробный, глухой голос. – Мне там было... тесно.

Мельник крутанулся на своем кресле быстрее, чем успел обернуться Гомер. В проходе, отрезая им путь на станцию, стоял бригадир. Руки его были крепко сцеплены, будто одна не доверяла другой и боялась выпустить ее. К людям он повернулся своей изуродованной половиной.

– Это... ты? – У Мельника дернулась щека.

– Пока да. – Хантер странно кашлянул; не знай Гомер, что тот не умеет смеяться, он мог бы, обманувшись, принять этот звук за смех.

– Что с тобой?.. Что с лицом?..

Мельник наверняка хотел расспросить его совсем о другом; отмашкой он приказал охране выйти вон. Гомера оставили.

– Ты тоже не в лучшей форме. – Бригадир снова кашлянул.

– Ерунда, – скривился Мельник. – Жаль только, не могу тебя обнять. Черт тебя дерит... Куда ты... Сколько мы тебя искали!

– Знаю. Мне надо было... побыть одному, – отрывисто выговорил Хантер. – Я... не хотел к людям. Хотел навсегда уйти. Но испугался...

– А что случилось тогда с черными? Это от них у тебя? – Мельник кивнул на лиловые рубцы.

– Ничего. Мне не удалось их уничтожить. – Бригадир притронулся к шраму. – Я не сумел. Они меня... Переломили.

– Ты ведь оказался прав, – неожиданно горячо заговорил Мельник. – Ты прости меня, я вначале не обратил внимания, не поверил. У нас тогда было... Ты сам помнишь... Но мы их нашли, все выжгли подчистую. Думали, что тебя нет больше. Что они тебя... Я их из-за тебя... За тебя. Всех до единого!

– Я знаю, – хрипло, надрывно произнес Хантер. – И они знали, что так будет – из-за меня. Они все знали. Они людей умели видеть и судьбу каждого. Ты даже не знаешь, на кого мы подняли руку... Он нам в последний раз улыбнулся... Послал их... Дал еще один шанс. А мы... Я их обрек, а вы исполнили. Потому что мы такие. Потому что чудовища...

– Что...

– Когда я к ним пришел... Они мне меня показали. Я как будто в зеркало смотрелся и видел все как есть. Я про себя все понял. Про людей понял. Почему с нами все так случилось...

– О чем ты?! – Мельник уставился на своего товарища встревоженно, мельком глянул на дверь – не пожалел ли, что поспешил отослать охрану?

– Говорю тебе. Увидел себя их глазами, как в зеркале. Не внешность, а внутри... За ширмой... Они его выманили на свет, к зеркалу, чтобы мне показать. Людоеда. Чудовище. А человека я не увидел. Сам себя испугался. Проснулось. Я раньше врал себе... Говорил, защищаю, спасаю... Врал. Просто голодный зверь, рвал глотки. Хуже зверя. Зеркало исчезло, а оно... это... осталось. Проснулось и больше не хотело спать. Они думали, я себя убью после этого. Для чего мне жить было... А я не стал. Я должен был бороться. Сначала в одиночку... Чтобы никто не видел. Подальше от людей. Думал, могу сам наказать себя, чтобы они не карали. Думал, болью выгоню его... – Он прикоснулся к шрамам. – Потом понял, без людей оно одолеет. Забывал себя. И вернулся.

– Они же тебе мозги промыли! – тяжело произнес Мельник.

– Ничего. Уже все прошло. – Бригадир отнял руку от рубцов, и его голос переменялся: он снова говорил глухо, мертвенно. – Почти все. Та история давно кончена, что сделано, то сделано. Мы теперь тут одни. Надо выкручиваться. Я не с этим пришел. На Тульской эпидемия. Может вырваться и на Севастопольскую, и на Кольцо. Воздушная лихорадка. Та самая, смертельная.

– Мне не докладывали. – Мельник глядел на него подозрительно.

– Никому не докладывали. Трусят. Врут. Скрывают. Не знают, что делать.

– Что ты от меня хочешь? – Тот подобрался в кресле.

– Ты сам знаешь. Опасность должна быть устранена. Дай мне жетон. Дай людей. Огнеметы. Нужно закрыть и очистить Тульскую. По необходимости – Серпуховскую и Севастопольскую. Надеюсь, дальше не ушло.

– Вырезать три станции на всякий случай? – переспросил Мельник.

– Чтобы спасти остальных.

– После такой бойни все возненавидят Орден...

– Никто ничего не узнает. Мы не оставим никого, кто мог бы заразиться... и увидеть.

– Такой ценой?!

– Ты не понимаешь? Если мы промедлим еще немного, спасти уже будет некого. Мы слишком поздно узнали об эпидемии. Другой возможности остановить ее не будет. Через две недели все метро будет сплошным чумным баракком, через месяц – кладбищем.

– Я должен сам убедиться...

– Ты не веришь мне, да? Считаешь, что я помешался? Не верил тогда и сомневаешься сейчас. Плевать. Пойду один. Как обычно. Хоть свою совесть сберегу.

Он развернулся, оттолкнул остолебеневшего Гомера, двинулся к выходу. Но последние слова, брошенные им, гарпуном вгрызлись в Мельника, потащили его следом за бригадиром.

– Стой! Возьми жетон! – Он суетливо зашарил под кителем и протянул застывшему Хантеру ничем не примечательную бляху. – Я... разрешаю.

Бригадир сгреб жетон из его костлявой ладони, сунул в карман, молча кивнул, наведя на Мельника долгий немигающий взгляд.

– Возвращайся, – проговорил тот. – Я устал.

– А я наоборот... полон сил, – кашлянул Хантер.

И сгинул.

* * *

Саша долго не отваживалась позвонить еще раз: незачем досаждать страже Изумрудного Города. Они уже наверняка слышали ее, а может, уже и успели как следует ее разглядеть. И если до сих пор не открыли вросшую в землю дверь, то только потому, что совещаются, не зная, впускать ли чужака, угадавшего пароль.

Что она им скажет, когда ворота все-таки распахнутся?

Будет говорить об эпидемии, которая бушует на Тульской? Захотят ли они вмешаться? Рискнут ли? А вдруг они все, точно как Леонид, умеют видеть человека насквозь? Может быть, сразу рассказать им и о лихорадке, которая поразила саму Сашу? Признаться другим в том, в чем она до сих пор не решалась признаться даже себе...

Да сможет ли Саша вообще их тронуть? Ведь если они уже давно одержали верх над страшной болезнью, почему не вмешаются, почему не отправят на Тульскую гонца с лекарством? Просто из страха перед обычными людьми? Или из надежды, что мор уничтожит их? Не они ли сами направили болезнь в большое метро?

Нет! Как она могла так подумать! Леонид говорил, что жители Изумрудного Города справедливы и человеколюбивы. Что они не казнят и даже не лишают свободы. И что среди той бесконечной красоты, которой они себя окружили, никто не осмеливается даже задумать преступление.

Почему же тогда они не спасут обреченных? Почему не отопрут ей дверь?!

Саша позвонила еще. И еще.

За стальной стеной было так глухо, будто она была обманкой и ничего, кроме тысяч тонн каменистой земли, не скрывала.

– Они тебе не откроют.

Саша резко обернулась. Шагах в десяти от нее стоял музыкант – скособоченный, растрепанный, печальный.

– Тогда попробуй ты! Может быть, они тебя простили? – непонимающе взглянула на него Саша. – Ты ведь за этим пришел?

- Некому прощать. Там пусто.
- Но ты ведь говорил...
- Я соврал. Это не вход в Изумрудный Город.
- А где же?..
- Не знаю. И никто не знает. – Он развел руками.
- Но как же тебя везде пропускали? Разве ты не наблюдатель... Ты же... И на Кольце, и у красных... Ты меня сейчас обманываешь, да? Проболтался о Городе и теперь жалеешь! – Она жалко, ищуще старалась заглянуть ему в глаза, найти там подтверждение своих догадок.
- Я сам всегда мечтал туда попасть. – Леонид упрямо смотрел в землю. – Искал его много лет. Собирал слухи, читал старые книги. Только на это место приходил раз сто, наверное. Нашел этот звонок... Трезвонил в него сутки напролет. Все зря.
- Зачем ты меня обманул?! – Она пошла прямо на него; ее правая рука, ожив, сама скользнула за ножом. – Что я тебе сделала? За что ты так?!
- Я хотел тебя у них похитить. – Заметив оружие, музыкант отчего-то растерялся и вместо того, чтобы бежать, уселся на рельсы. – Думал, что если останусь с тобой наедине...
- А зачем вернулся?!
- Сложно сказать. – Он покорно глядел на нее снизу вверх. – Наверное, я понял, что переступил какую-то черту. Когда отправил тебя сюда... Остался один и задумался... Душа ведь не бывает черной от рождения. Сначала она прозрачная, а темнеет постепенно, пятнышко за пятнышком, каждый раз, когда ты прощаешь себе зло, находишь ему оправдание, говоришь себе, что это всего лишь игра. Но в какой-то момент черного становится больше. Редко кто умеет почувствовать этот момент, изнутри его не видно. А я вдруг понял, что вот именно здесь и сейчас я и переступаю грань и потом уже стану другим. Навсегда. И пришел сознаться. Именно потому, что ты не заслужила.
- Но почему тебя тогда все так боятся? Почему заискивают?..
- Не меня, – вздохнул Леонид. – Папашу.
- Что?
- Фамилия «Москвин» тебе ни о чем не говорит?
- Нет. – Саша отрицательно покачала головой.
- Тогда ты, наверное, одна на все метро такая, – невесело усмехнулся музыкант. – В общем, папа – большой начальник. Начальник всей Красной Линии. Паспорт выправил мне дипломатический. Вот и пропускают. Фамилия редкая, связываться никто не рискует. Только если по незнанию.
- И что же ты... – Саша отодвинулась, недобро смотрела на него. – Наблюдаешь? Тебя за этим отправили?
- От меня избавились. Папаша понял, что человека из меня не сделать, и плюнул. Вот, позорю его фамилию потихоньку, – скривился Леонид.
- Ты с ним поссорился? – Девушка прищурилась.
- Как можно поссориться с товарищем Москвиным? Он же памятник! Меня отлучили и проклинали. Я, видишь ли, с детства был юродивым. Все к картинкам тянулся красивым, к роялю, к книжкам. Мама испортила, хотела девочку. Отец спохватился, пробовал привить мне любовь к огнестрельному оружию и партийным интригам, а поздно. Мать приучала к флейте, отец отучал от нее ремнем. Профессора, который со мной занимался, сослал, приставил политрука. Все зря. Я уже успел прогнать. Не нравилась мне Красная Линия, казалась слишком серой. Хотел яркой жизни, хотел музыкой заниматься, картины писать. Папаша меня как-то отправил мозаику скалывать, в воспитательных целях. Чтобы я знал, что изящное тленно. И я сколол, чтобы не выпороли. Но пока разбивал ее, всю в деталях запомнил и сейчас сам такую смог бы выложить. А отца с тех пор ненавижу.
- Так нельзя про него говорить! – возмутилась Саша.

– Мне – можно, – улыбнулся музыкант. – Вот остальных за это расстреливают. А с Изумрудным Городом... Мне про него мой профессор рассказывал, шепотом, когда я еще маленьким был. И я решил, что обязательно разыщу вход, когда вырасту. Что должно быть на свете место, где то, ради чего я живу, имеет смысл. Где все живут ради этого. Где я буду не никчемным мелким ублюдком, и не принцем-белоручкой, и не наследным Дракулой, а равным среди равных.

– И не нашел. – Саша спрятала нож; отшелушив незнакомые слова, она сумела понять главное. – Потому что его нет.

Леонид пожал плечами. Поднялся, подошел к звонку, вдавил кнопку.

– Наверное, неважно, слышит меня там кто-то или нет. Наверное, неважно, есть ли вообще такое место на земле. Главное – я думаю, что оно где-то есть. И что меня кто-то слышит. Что я просто еще не заслужил того, чтобы мне открыли.

– Неужели тебе этого хватает? – спросила Саша.

– Всему человечеству всегда хватало, хватит и мне, – пожал плечами музыкант.

* * *

Старик выбежал на платформу вслед за исчезнувшим бригадиром, огляделся растерянно по сторонам – того нигде не было. Выкатился из изолятора и Мельник, посеревший, опустошенный, будто вместе с загадочным жетоном он вынул и отдал бригадиру свою душу.

Почему и куда сбежал Хантер? Почему бросил Гомера? Спрашивать у Мельника не стоило; от этого человека нужно было спрятаться подальше, прежде чем он вспомнит о существовании старика. Сделав вид, что догоняет бригадира, Гомер торопливо зашагал прочь, ожидая окрика в спину. Но Мельнику, похоже, до него больше не было дела.

Хантер сказал старику, что нуждается в нем, чтобы не забывать себя прежнего... Солгал? Может быть, просто не хотел, забывшись, сорваться и ввязаться в схватку в Полисе, которую мог проиграть, так и не добравшись до Тульской? Его инстинкты и умение умерщвлять были сверхъестественны, но даже он не решался в одиночку штурмовать целую станцию. Если так, то, сопроводив его до Полиса, старик уже отыграл свою роль и теперь был вышвырнут со сцены.

Действительно, исход всей истории зависел и от него тоже. И он приложил свою руку к тому, чтобы финал оказался именно таким, как планировал бригадир – или тот, кто говорил за него.

Что это был за жетон? Пропуск? Знак власти? Черная метка? Индальгенция авансом – за все грехи, которые Хантер так стремился взять на свою душу? Как бы то ни было, вырвав у Мельника жетон и согласие, бригадир окончательно развязал себе руки. Он не собирался никому исповедаться. Исповедаться! Да то, что взяло в нем верх, то страшное, что изредка выходило к зеркалу, не могло даже толком говорить...

Что же будет на Тульской, когда Хантер дорвется до нее? Сможет ли он утолить свою жажду, утопив в крови целую станцию, две, три? Или, наоборот, то, что он вынашивает в себе, от такого подношения разрастется бесконечно?

Кто из этих двоих звал Гомера за собой? Тот, что пожирал людей, или тот, кто боролся с чудовищами? Кто из них пал в фантомной схватке на Полянке? И кто после этого говорил со стариком, прося о помощи?

А вдруг... Вдруг Гомер должен был убить его и в этом было его настоящее предназначение? Вдруг остатки прежнего бригадира, почти задавленные и задохшиеся, потащили старика в этот поход, чтобы тот сам увидел все своими глазами, чтобы из ужаса или из милосердия прикончил Хантера предательским выстрелом в затылок где-нибудь в темном туннеле? Бригадир не мог сам лишиться себя жизни, поэтому подыскал себе палача. Палача, которого не надо было ни о чем просить, который должен был оказаться достаточно догадливым, чтобы сделать

все самому, обманув в Хантере того, второго, раздувающегося с каждым часом и не желающего умирать.

Но, даже наберись Гомер смелости, улучи он подходящий момент и сумей застать Хантера врасплох, что это дало бы? Мор ему в одиночку не сдержать. Значит, все-таки в этом цугцванге старику оставалось только наблюдать и записывать?

Гомер мог предположить, куда направился бригадир. Полумифический Орден, к которому, судя по всему, принадлежали и Мельник, и Хантер, по слухам, укрепился на Смоленской, в подбрюшье Полиса. Его legionеры были призваны защищать метро и его жителей от опасностей, с которыми не справились бы армии обычных станций... Вот и все, что Орден позволял о себе знать.

Старику нечего было и помышлять о том, чтобы попасть на Смоленскую, неприступную, как замок Аламут. Но и смысла в этом не было: чтобы снова встретить бригадира, нужно лишь вернуться на Добрынинскую... И ждать, пока колея, по которой катится Хантер, с неизбежностью выведет бригадира туда же, на место будущего преступления, к конечной станции этой странной истории.

Дать ему расправиться с зачумленными, обеззаразить Тульскую, а потом... Исполнить его невысказанную волю? Старик думал, что его роль в другом: сочинять, а не стрелять, давать бессмертие, а не отнимать жизни. Не судить и не вмешиваться, позволив героям книги действовать самим. Но когда вокруг по колено крови, трудно не замараться. Слава богу, что он отпустил девчонку с этим пройдохой. По крайней мере, уберег Сашу от зрелища страшной бойни, которую ей все равно не предотвратить.

Он сверился со станционными часами: если бригадир шел точно по графику, то у Гомера, пожалуй, оставалось в запасе еще немного времени.

Пара часов, чтобы побыть еще самим собой. И чтобы пригласить Полис на последнее танго.

* * *

– И как же ты собирался заслужить право войти? – спросила Саша.

– Ну... Это глупость, конечно... Своей флейтой. Думал, она может что-то исправить. Понимаешь... Музыка – самое мимолетное, самое эфемерное искусство. Она существует ровно столько, сколько звучит инструмент, а потом в одно мгновение исчезает без следа. Но ничто не заражает людей так быстро, как музыка, ничто не ранит так глубоко и не заживает так медленно. Мелодия, которая тебя тронула, останется с тобой навсегда. Это экстракт красоты. Я думал, им можно лечить уродство души.

– Ты странный, – сказала она.

– А сейчас я вдруг понял, что прокаженный не может лечить прокаженных. Что, если я тебе во всем не признаюсь, мне не откроют уже никогда.

– Думал, я тебя прощу? За твоё вранье, за жестокость? – остро глянула на него Саша.

– Дашь мне еще один шанс? – Леонид вдруг улыбнулся ей. – Ты же говоришь, мы все имеем на него право.

Девушка настороженно молчала, не желая снова быть вовлеченной в его странные игры. Только что она почти поверила музыканту, его рассказу, и вот – опять?

– Во всем, что я тебе рассказывал, была одна правда, – сказал он. – Средство от болезни есть.

– Лекарство? – Саша встрепенулась, готовая обмануться еще раз.

– Это не лекарство. Не таблетки и не сыворотка. Несколько лет назад вспышка такой болезни была у нас на Преображенской.

– Но почему даже Хантер об этом не знает?!

– Эпидемии не было. Сошла на нет сама собой. Эти бактерии очень чувствительны к радиации. От излучения с ними что-то происходит... Кажется, перестают делиться. Болезнь останавливается. Даже от небольших доз. Случайно открыли. Вот и все средство. Решение, так сказать, лежит на поверхности.

– Честно? – Взволнованная, она взяла его за руку.

– Честно. – Он накрыл ее ладонь своей. – Нужно просто связаться с ними, объяснить...

– Почему ты не сказал мне раньше? Ведь это же так просто! Сколько же людей умерли за это время... – Она высвободилась, сверкнула глазами.

– За один день? Вряд ли... Я не хотел, чтобы ты оставалась с этим душегубом, – пробормотал он. – И я с самого начала собирался сказать тебе все. Но хотел выменять эту тайну на тебя.

– А выменял меня на чужие жизни! – зло сказала Саша. – А это... Это ни одной не стоит!

– Я бы свою променял. – Музыкант поиграл бровью.

– Не тебе решать! Вставай! Надо бежать назад... Пока он не добрался до Тульской. – Девушка ткнула пальцем в часы, пошептала, вычисляя время, и ахнула. – Всего три часа осталось!

– Зачем? Я могу воспользоваться связью... Они дозвонятся до Ганзы, все объяснят. Нам нет нужды самим бежать туда, тем более мы можем не успеть...

– Нет! – Саша замотала головой. – Нет! Он не поверит. Он не захочет поверить. Я должна сама ему сказать. Объяснить ему...

– И что будет потом? – ревниво спросил Леонид. – Отдашься ему на радостях?

– Какое твое дело? – огрызнулась она, но тут же, по наитию постигая искусство управления влюбленным мужчиной, добавила мягче: – Мне ничего от него не нужно. А без тебя мне сейчас не обойтись.

– Учишься у меня врать... – кисло улыбнулся музыкант. – Ладно, – вздохнул он обреченно. – Пойдем.

Спортивной они достигли лишь через полчаса: дозорные сменились, и Леониду пришлось заново втолковывать им, как девушка без паспорта может пересечь границы Красной Линии. Саша напряженно смотрела на часы, музыкант – на нее; было хорошо заметно: он колеблется, спорит с собой.

На платформе шуплые новобранцы навьючивали смрадную старинную дрезину тюками с каким-то добром, похмельные мастеровые сосредоточенно притворялись, что конопатят лопнувшие сосуды труб, ребятишки в форме разучивали недетскую песню. За пять минут у Саши и Леонида дважды пытались проверить документы, и очередная проверка – когда они почти уже вошли в туннель, ведущий к Фрунзенской, – затянулась сверх всякой меры.

Время убегало. Девушка не была даже уверена, что у нее остаются эти жалкие два с небольшим часа: ведь Хантера не мог остановить никто. Даже солдатики уже успели закончить погрузку, и дрезина, пытаясь, стала набирать скорость, приближаясь к ним. И тут Леонид решил.

– Я не хочу тебя отпускать, – сказал он. – Но и удержать не могу. Я думал сделать так, чтобы мы опоздали и тебе там было больше нечего искать. Но понимаю, что от этого ты все равно не станешь моей. Быть честным – худший способ соблазнить девушку. Но я устал врать. С тобой мне все время за себя стыдно. Выбирай сама, с кем хочешь остаться.

Выхватив у неспешного патрульного свой чудо-паспорт, музыкант неожиданно ловко ударил его в челюсть, свалив наземь, сжал Сашину руку, и они вместе шагнули на дрезину, которая именно в тот момент поравнялась с ними. Ошарашенный машинист обернулся и взглянул в револьверный ствол.

– Папа бы мной сейчас гордился! – расхохотался Леонид. – Сколько я от него слышал, что занимаюсь ерундой, что от меня с моей бабской дудкой никогда не будет толку! И вот я наконец веду себя как настоящий мужчина, а его нет рядом! Какая жалость! Прыгай! – приказал он задравшему руки машинисту.

Тот, несмотря на скорость, послушно шагнул на пути, покатился с воплями, затих и пропал в гнавшейся за ними черноте. Леонид принялся сбрасывать поклажу, и с каждым упавшим на рельсы тюком мотор фырчал все бодрее. Чахнувшая фара на носу дрезины глядела вперед неуверенно, подслеповато помаргивая; ее доставало только на ближайšie несколько метров. С визгом, будто царапали стекло, шарахнулся из-под колес крысиный выводок, отпрянул перепуганный обходчик, где-то далеко позади заныла надрывно сирена тревоги. Ребра туннеля мигали мимо все быстрее: музыкант выжимал из машины все, на что та была способна.

Пролетели мимо Фрунзенской; застигнутые врасплох, дозорные бросились врассыпную, словно такие же крысы, и, только когда дрезина уже оказалась в сотнях метров от станции, та раздосадованно взвыла в унисон со Спортивной.

– Сейчас начнется! – прокричал Леонид. – Главное, проскочить съезд на Кольцо! Там большая застава... Попробуют нас перехватить! Поедем прямо по ветке, в центр!

Он знал, чего бояться: из того самого бокового ответвления, что вывело их на Красную Линию, им в глаза хлестнул прожектор несущегося навстречу мотовоза. Их пути сливались через несколько десятков шагов, останавливаться было поздно. Музыкант вжал вытертую до блеска педаль в пол, Саша зажмурилась. Оставалось только надеяться, что стрелка переведена в нужную сторону и не отправит их в лобовое столкновение.

Грянул пулемет, вжикнули пули, пройдя в сантиметрах от ее ушей. Обдало гарью и жарким воздухом, вспыхнул и угас рев чужого двигателя: машины разминулись чудом, мотовоз вылетел на их колею через мгновение после того, как Сашина дрезина миновала развилку. Сейчас она, дрожа, скользила к Парку Культуры, а боевой мотовоз зашвырнуло в обратную сторону.

Они получили небольшую фору; до ближайшей станции хватит, а там? Дрезина замедлилась: туннель под уклоном пошел вверх.

– Парк почти у самой поверхности лежит... – оглядываясь назад, объяснил ей музыкант. – А Фрунзенская на полсотни метров в глубину... Только бы подъем пройти, дальше разгонимся!

К Парку Культуры они успели набрать скорость. Старинный, гордый, с высокими сводами, полуживой, полутемный, он оказался почти необитаем. Заперхала, прочищая заржавевшую глотку, сирена. Из-за кирпичных укреплений показались головы. Опаздывая, бессильно и зло залаяли им вслед автоматы.

– Можем даже остаться в живых! – засмеялся музыкант. – Еще немного везения и...

И тут в темноте за кормой сверкнула маленькая искра, потом полыхнула сильнее, слепя, догоняя... Прожектор мотовоза! Выставив вперед режущий луч, будто пику, стремясь насадить на него их дряхлую дрезину, мотовоз проглатывал расстояние между ними, и с каждым мигом оно становилось все короче. Снова забрехал пулемет, завизжали пули.

– Еще немного! Уже Кропоткинская!

Кропоткинская... Разлинованная на клетки и заставленная одинаковыми палатками, запущенная и неухоженная. Чьи-то приблизительные портреты на стенах, написанные недавно и уже потекшие. Флаги, флаги, так много, что они сливаются в одну сплошную багровую ленту, в стильную струю, бьющую из окаменевшей вены.

Тут уже вслед харкнул подствольный гранатомет, и дрезину накрыл ливень мраморных осколков, один из которых рассек Саше ногу, но неглубоко. Впереди солдатики принялись опускать шлагбаум, но дрезина, разошедшись, сшибла его, сама чуть не слетая с рельсов.

Мотовоз неумолимо приближался: его двигатель был в разы мощнее и без труда толкал обшитую сталью махину. Саше и музыканту пришлось залечь, укрыться за металлическим каркасом кузова...

Но через несколько мгновений борта двух дрезин просто сойдутся, и их возьмут на абордаж. Леонид, будто обезумев, вдруг начал раздеваться.

Впереди возникла застава, брустверы из мешков, стальные ежи: конец пути. Теперь их зажмет между двух прожекторов, между двух пулеметов, между молотом и наковальней.

Через минуту все будет кончено.

Глава 18. Избавление

Цепочка растянулась на несколько десятков метров. Здесь были только лучшие севастопольские бойцы, каждого из них полковник отбирал лично. Перемигивались в туннельном сумраке маленькие нашьлемные фонарики, и все боевое построение вдруг показалось Денису Михайловичу роем светляков, несущимся в ночь. В теплую и душистую крымскую ночь, над кипарисами, к шепчущему морю. Туда, куда полковник хотел бы отправиться после смерти.

Он стряхнул щекочущий озноб, нахмурился, отругал себя. Все же на старости лет стал сдавать... Пропустив мимо последнего бойца, он достал из нержавеющей портсигара единственную самокрутку, понюхал, чиркнул зажигалкой.

Это был хороший день. Удача улыбалась полковнику, и все складывалось так, как он задумал. Нагорную миновали без потерь, и даже единственный пропавший без вести вскоре нагнал колонну. Настроение у всех было превосходное: пойти под пули для них было куда менее страшно, чем увязнуть в нескончаемом ожидании и неизвестности. К тому же перед походом Денис Михайлович дал им наконец как следует выспаться. Только у самого заснуть так и не получилось.

Судьбу полковник всегда считал просто цепью случайностей и не понимал, как ей можно довериться. За все дни, прошедшие с ухода маленькой экспедиции в каховские туннели, от нее не было никаких вестей. Всякое могло случиться, Хантер не бессмертен. А имел ли Денис Михайлович право положиться только на бригадира, в своих нескончаемых войнах, может быть, повредившегося умом, и на старика-сказочника?

Он тоже больше не мог ждать.

План действий: провести основные силы севастопольцев через Нахимовский, Нагорную и Нагатинскую – к закрытым южным гермоворотам Тульской, а по поверхности отправить диверсионную группу на закупоренную станцию. Спустить диверсантов через вентиляционные колодцы в туннель, ликвидировать охрану, если она еще там есть, открыть затворы ударной бригаде... А дальше – дело техники, кто бы там ни захватил эту станцию.

Три дня ушло на поиск и расчистку шахт. Сегодня сталкерам останется только впустить диверсантов внутрь. И произойдет это уже через пару часов.

Через два часа все решится, и Денис Михайлович снова сможет думать о чем-то еще, снова сможет спать и есть.

План был простой, выверенный, безупречный. Но внутри у Дениса Михайловича тянуло, а сердце ухало так, словно ему было восемнадцать и он снова шел в свой первый бой в то горное село. Полковник прижег тревогу папиросным угольком, выбросил крошечный окурочек, снова натянул маску и зашагал вперед, нагоняя отряд.

Вскоре бригада уперлась в стальные гермодвери. Теперь до начала штурма можно передохнуть, еще раз повторить с командирами звеньев расписанные и разученные роли.

В одном Гомер оказался прав, усмехнулся про себя полковник. Незачем брать крепость приступом, если можно сделать так, чтобы открыли изнутри. Ход конем; это не Гомер ли, часом, писал о взятии Трои?

Денис Михайлович сверился с дозиметром – фон низкий – и стащил противогаз. За ним то же самое сделали звеньевые, а потом и остальные бойцы. Ничего, пусть пока отдышатся.

* * *

В Полисе всегда было достаточно зевак, еле добравшихся сюда с бедных и темных окраинных станций и теперь блуждающих по его галереям и залам с распахнутыми глазами и отва-

лившейся от восторга челюстью. Так что Гомер, круживший по Боровицкой, нежно глядящий стройные колонны Александровского сада, любовно и восхищенно оглядывающий кокетливые, похожие на девичьи сережки, люстры Арбатской, ничем среди них не выделялся.

Его сердце поймало и не выпускало предчувствие: это его последний раз в Полисе. То, что произойдет на Тульской через несколько часов, перечеркнет всю его жизнь, а может, и оборвет ее. Старик решил: он сделает то, что должен. Позволит Хантеру вырезать и сжечь станцию, а потом попробует убить его. Но если бригадир заподозрит предательство, он вмиг свернет Гомеру шею. А может, старик и сам погибнет при штурме Тульской. Если так – скоро ему умирать. А если все удастся, Гомер уйдет в затворники, чтобы заполнить все белые листы между уже готовой завязкой книги и ее финальной точкой, которую он поставит выстрелом Хантеру в затылок.

Сможет ли он? Посмеет ли? При одной мысли об этом у старика начинали подрагивать руки. Ничего, ничего; все это решится само. Сейчас не надо об этом думать, чрезмерные размышления заставляют сомневаться.

И слава богу, что он отослал от себя девчонку! Теперь Гомеру было уже непонятно, зачем он вовлек ее в свою авантюру, как мог позволить ей войти в клетку со львами. Заигрался в писателя, забыл, что она не плод его воображения...

Его роман получится не таким, не о том, как старик думал прежде. Но ведь с самого начала Гомер собирался взвалить на себя неподъемную ношу. Как уместить в одной книге всех людей? Взять даже толпу, сквозь которую старик сейчас шел, – ей будет тесно на книжных страницах. Гомер не хотел превращать роман в братскую могилу, где от столбиков имен рябит в глазах, где за бронзовыми буквами никогда не разглядеть лица и характеры павших.

Нет, ничего не выйдет. Даже его память – разохшаяся от времени, давно давшая течь – не примет на борт всех этих людей. И изъеденное оспой лицо торговца сладостями, и бледное остроносое личико девочки, протягивающей ему патрон. Улыбку ее матери, светлую, как у Мадонны, и улыбку похотливую, клейкую – проходящего мимо солдата? И резкие морщины побирающихся тут же древних нищих, и смеющиеся морщинки у глаз тридцатилетней женщины?

Кто из них насильник, кто стяжатель, кто вор, кто предатель, кто потаскун, кто пророк, кто праведник, кто просто равнодушный человек, а кто еще не определился – Гомер не знает этого. От него сокрыто, о чем на самом деле думает торговец сладостями, глядя на маленькую девочку, что означает улыбка ее матери, чужой жены, вспыхнувшая от искры солдатского взгляда, чем промышлял нищий, пока ему не отказали ноги. И поэтому не Гомеру решать, кто заслужил право на вечность, а кто нет.

Шесть миллиардов стинули без следа; шесть миллиардов! Не случайно же всего лишь десятки тысяч смогли спастись?

Машинист Серов, на место которого Николай должен был заступить через неделю после Апокалипсиса, страстный болельщик, считал всю жизнь футбольным матчем. Все человечество проиграло, говорил он Николаю, а мы с тобой еще бегаем, не задумываясь, почему? Потому что у нашей с тобой жизни нет определяющего счета, и судья дал нам дополнительное время. И за это время мы должны разобраться, зачем мы здесь, успеть завершить все дела, все выправить и тогда уже, приняв мяч, лететь к сияющим воротам... Он был мистиком, этот Серов. Гомер никогда не спрашивал у него, удалось ли ему забить гол. Но в том, что самому Коле еще только предстоит исправить личный счет, Серов его убедил. И от него же Гомеру досталась убежденность, что в метро нет случайных людей.

Но обо всех написать невозможно!

Стоит ли продолжать пытаться?

И тут среди тысячи незнакомых лиц старик увидел то, которое меньше всего рассчитывал сейчас увидеть.

* * *

Леонид скинул куртку, стащил свитер, а за ним и относительно белую майку. Флагом взметнул ее над головой и принялся размахивать, не обращая внимания на пули, которые плотной строчкой прошивали воздух вокруг него. И случилось странное: мотовоз начал отставать, а с маячившей впереди заставы по их дрезине огонь все не открывали.

– Вот теперь папа меня убил бы! – сообщил Саше музыкант, когда они с лету с диким скрежетом затормозили у самых ежей.

– Что ты делаешь? Что мы делаем? – Та не могла перевести дух, не могла понять, как они уцелели в этой гонке.

– Сдаемся! – Он засмеялся. – Это въезд на Библиотеку имени Ленина, погранзастава Полиса. А мы с тобой – перебежчики.

Подбежавшие дозорные сняли их с дрезины, переглянулись, проверив паспорт Леонида и, спрятав заготовленные наручники, проводили девушку и музыканта на станцию. Привели в сторожку и, почтительно перешептываясь, вышли за начальством.

Леонид, вальяжно развалившийся в плетеном кресле, тут же подскочил, выглянул за дверь и махнул Саше рукой.

– Здесь даже большие шалопаи, чем у нас на Линии! – фыркнул он. – Охраны нет!

Они выскользнули из комнаты, сначала не спеша, а потом все быстрее зашагали по переходу, наконец пустились бежать, взявшись за руки, чтобы толпа не разделила их. Спины им вскоре засвербило от трелей милицейских свистков, но затеряться на этой огромной станции было проще простого. Народу здесь было в десятки раз больше, чем на Павелецкой. Даже когда Саша воображала жизнь до войны, гуляя по поверхности, она не могла представить себе такое многолюдие! И светло здесь было почти как там, наверху. Саша спряталась в ладони, оглядывая мир вокруг через тоненькую смотровую щель между пальцами.

Ее глаза то и дело запинались о вещи, лица, камни, колонны – одни других удивительнее, и если бы не Леонид, если бы не их сцепленные пальцы, наверняка упала и потерялась бы. Когда-нибудь она обязательно должна сюда вернуться, пообещала себе Саша. Когда-нибудь, когда у нее будет больше времени.

– Саша?!

Девушка обернулась и встретила взглядами с Гомером – испуганным, рассерженным, удивленным. Саша улыбнулась: оказывается, она успела соскучиться по старику.

– Что ты здесь делаешь? – Тот не мог задать более глупого вопроса двум удирающим молодым людям.

– Мы идем на Добрынинскую! – переводя дыхание, чуть замедляя шаг, чтобы старик поспел за ними, ответила она.

– Что за чушь! Ты не должна... Я тебе запрещаю! – Но его запреты, выведенные сквозь натужное пыхтение, не могли ее убедить.

До заставы на Боровицкой они добрались еще до того, как пограничников успели предупредить о побеге.

– У меня мандат от Мельника! Срочно пропустите! – сухо приказал Гомер дежурному офицеру.

Тот приоткрыл было рот, но, так и не собравшись с мыслями, отдал старику честь и освободил проход.

– Вы сейчас соврали? – вежливо спросил у Гомера музыкант, когда застава осталась далеко позади и совсем утонула в темноте.

– Какая разница? – сердито буркнул старик.

– Главное – делать это уверенно, – оценил Леонид. – Тогда заметят только профессионалы.

– К черту лекции! – нахмурился Гомер, щелкая садящимся фонарем. – Мы дойдем с вами до Серпуховской, но дальше я вас не пушу!

– Ты просто не знаешь! – сказала Саша. – Средство от болезни нашлось!

– Как... нашлось? – Старик сбился с шага, закашлялся, посмотрел на Сашу – робко, странно.

– Ну да! Радиация!

– Бактерии становятся безвредными под действием излучения, – пришел на помощь музыкант.

– Да микробы и вирусы в сотни, тысячи раз лучше человека сопротивляются радиации! А от облучения иммунитет падает! – теряя власть над собой, закричал старик. – Что ты ей наговорил! Зачем ты ее туда тащишь?! Ты хоть понимаешь, что там сейчас будет! Ни мне, ни вам его уже не остановить! Забери ее, спрячь! А ты... – Гомер обернулся к Саше: – Как ты могла поверить... Профессионалу! – презрительно выплюнул он последнее слово.

– Не бойся за меня, – негромко сказала девушка. – Я знаю, что Хантера можно удержать. У него две половины... Я видела обе. Одна хочет крови, но вторая пытается спасти людей!

– Что ты говоришь! – Гомер всплеснул руками. – Там нет уже никаких частей, там одно целое. Чудовище, запечатое в человеческом теле! Год назад...

Но пересказанный стариком разговор между обрityм и Мельником ни в чем не убедил Сашу. Чем дольше она слушала Гомера, тем больше уверялась в своей правоте.

– Просто тот, внутри, который убивает, обманывает второго. – Она тяжело подбирала слова, пытаясь объяснить все старику. – Говорит ему, что выбора нет. Одного грызет голод, а другого – тоска... Поэтому Хантер так рвется на Тульскую – его тащат туда обе половины! Надо расколоть их. Если у него появится выбор – спасти, не убивая...

– Господи... Да он даже не станет тебя слушать! Что тащит туда тебя?!

– Твоя книга, – тихо улыбнулась ему Саша. – Я знаю, что в ней все еще можно изменить. Конец еще не написан.

– Бред! Ересь! – забормотал Гомер в отчаянии. – Зачем я тебе про нее рассказал... Молодой человек, ну хоть вы... – Он схватил Леонида за руку. – Я вас прошу, я верю, что вы неплохой и что врал вы не со зла. Заберите ее. Вы же этого хотели? Вы оба такие молодые, красивые... Вам жить! Ей не надо туда, понимаете? И вам туда не надо. Там сейчас... Там страшное побоище сейчас будет. И вы со своей маленькой ложью ничему не помешаете...

– Это не ложь, – учтиво сказал музыкант. – Хотите, честное слово дам?

– Хорошо, хорошо, – отмахнулся старик. – Я-то готов вам поверить. Но Хантер... Вы же его только мельком видели?

– Зато наслышан, – хмыкнул Леонид.

– Он же... Как вы его остановите? Флейтой своей? Или думаете, он девчонку слушать станет? Там в нем такое... Оно уже даже не слышит ничего...

– Если честно, – музыкант наклонился к старику, – я с вами в душе согласен. Но девушка просит! А я все-таки джентльмен. – Он подмигнул Саше.

– Как вы не понимаете... Это не игра! – Гомер умоляюще глядел то на девушку, то на Леонида.

– Я понимаю, – твердо произнесла Саша.

– Все – игра, – спокойно сказал музыкант.

* * *

Если музыкант и вправду был сыном Москвина, он вполне мог знать об эпидемии что-то такое, чего не слышал даже Хантер... Не слышал или не хотел говорить? Гомер подозревал в Леониде шарлатана, но вдруг радиация действительно была способна побороть лихорадку? Против воли, против здравого смысла старик принялся подбирать доказательства его правоты. Не об этом ли он просил все последние дни? Тогда кашель, кровоточащий рот, тошнота... Просто симптомы лучевой болезни? Та доза, которую он получил на Каховской линии, наверняка должна была уничтожить заразу...

Дьявол знал, чем соблазнять старика!

Пусть так. Но что же с Тульской, что с Хантером? Саша надеялась, что сумеет отговорить его. И, кажется, она действительно имела над бригадиром странную власть. Но если одному из борющихся в нем узда, которую на него пыталась накинуть девчонка, казалась шелковой, то второго она жгла каленым железом. Кто из них окажется снаружи в решающий миг?

...На сей раз Полянка не желала ничего показывать – ни ему, ни Саше, ни Леониду. Станция предстала им пустой, окоченелой, давно испутившей дух. Считать ли это добрым знамением или дурным? Гомер не знал. Возможно, поднявшийся в туннелях сквозняк – тень ветров, гулявших по поверхности, – просто смыл все дурманные испарения. Или старик в чем-то ошибся, и теперь у него больше не было будущего, о котором Полянка могла бы ему рассказать?

– А что означает «Изумрудный»? – вдруг спросила Саша.

– Изумруд – прозрачный камень зеленого цвета, – рассеянно объяснил Гомер. – «Изумрудный» – это просто «зеленый».

– Забавно, – задумчиво отозвалась девчонка. – Значит, он все-таки есть...

– О чем ты? – встрепнулся музыкант.

– Нет, так просто... Знаешь, – она посмотрела на Леонида, – я его тоже теперь буду искать, твой Город. И обязательно найду когда-нибудь.

Гомер только покачал головой; он так и не убедил себя в том, что раскаяние музыканта, одурачившего Сашу и зря заманившего ее на Спортивную, было искренним.

А девчонка все думала о чем-то своем, шептала что-то, пару раз вздохнула. Потом пытливым взглядом взглянула на старика:

– Ты все записал, что со мной случилось?

– Я... пишу.

– Хорошо, – кивнула девушка.

На Серпуховской творилось неладное.

Ганзейский дозор на входе был удвоен. Мрачные, неразговорчивые солдаты наотрез отказывались пропустить Гомера и остальных. Ни патроны, которыми позвякивал музыкант, ни его документы не произвели на них впечатления. Положение спас старик: потребовал соединить его с Андреем Андреевичем. Через долгие полчаса пришел, разматывая толстый провод, заспанный связист, и Гомер грозно сообщил в его аппарат, что они трое – авангард когорты Ордена... Этой полуправды хватило на то, чтобы их провели через зал – душный, будто со станции откачали весь воздух, и бессонный, несмотря на ночное время, – в приемную начальника Добрынинской.

Тот, взмыленный и встрепанный, с запавшими глазами и смрадным похмельным дыханием, сам встретил их на пороге; ординарца в комнате не было. Андрей Андреевич нервно осмотрелся и, не обнаружив Хантера, всхрипнул:

– Скоро они там?!

– Скоро... – уверенно пообещал Гомер.

– Серпуховская вот-вот взбунтуется. – Начальник, утираясь, заходил по приемной. – Кто-то сболтнул про эпидемию. Никто не знает, чего бояться, врут, что противогазы не помогут.

– Не врут, – вставил Леонид.

– Блокпост в одном из южных туннелей, который ведет к Тульской, дезертировал всем составом. Трусливые твари... Во втором, где сектанты, пока стоят... Эти фанатики их осадили, воют про Судный день... Да у меня сейчас на моей собственной станции такое начнется! И где наши спасители?!

Из зала доносились ругань, чьи-то крики, лающая брань охраны. Так и не получив ответа, Андрей Андреевич протиснулся в свою берлогу и мелко задребезжал там бутылочным горлышком о рюмку. А на конторке его ординарца, словно еле дождавшись, пока начальник выйдет из комнаты, вспыхнул красный глазок телефона. Того самого, с надписью «Тульская» поверх лейкопластырной ленты.

Гомер, поколебавшись секунду, шагнул к столу, облизал сухие губы, сделал глубокий вдох...

– Добрынинская слушает!

* * *

– Что говорить? – Артем тупо обернулся на командира.

Тот был без сознания; глаза, мутные, будто задернутые занавеской, беспокойно блуждали, забившись под самый лоб. Иногда его тело трясло нехорошим кашлем. Пробили легкое, подумал Артем.

– Вы живы? – крикнул он в трубку. – Зараженные вырвались!

Потом вспомнил: они ведь не знают, что творится на Тульской. Надо же все рассказать, объяснить. На платформе визжала женщина и работал пулемет. Звуки пролезали сквозь щель под дверью, от них было никуда не деться. По ту сторону провода ему что-то отвечали, спрашивали, но слышно было плохо.

– Надо закрыть им выход! – повторял Артем. – Стреляйте на поражение. Не подпускайте их к себе!

Понял: они же не знают, как выглядят больные. Как их описать? Толстые, растрескавшиеся, зловонные? Но ведь те, кто заразился недавно, с виду – как обычные люди.

– Стреляйте всех подряд, – механически сказал он.

А если он сам попытается выбраться со станции, получается, что его тоже застрелят, что он сам себя приговорил? Нет, ему не выбраться. На станции не осталось здоровых... И Артему вдруг стало невыносимо одиноко. И страшно, что у человека, который слушает его там, на Добрынинской, теперь не останется времени, чтобы говорить с ним.

– Пожалуйста, только не кладите трубку! – попросил он.

Артем не знал, о чем говорить с незнакомым человеком, и начал рассказывать ему о том, как долго пытался дозвониться, о том, как страшно ему было и как он думал, что во всем метро больше не осталось ни одной живой станции. А вдруг он тогда звонил в будущее, в котором никто не уцелел, пришло ему в голову, и он это тоже сказал. Сейчас не надо было бояться выглядеть глупо. Сейчас вообще не надо было больше бояться. Только бы поговорить с кем-нибудь.

– Попов! – прохрипел из-за спины командир. – Ты связался с северной заставой? Гермоворота... Перекрыты?

Артем обернулся, покачал головой.

– Недоносок. – Командир харкнул кровью. – Никчемный... Слушай меня. Станция заминована. Я нашел трубы... Сверху. Сток для грунтовых вод. Там заложил... Рванем, и всю

Тульскую зальет к чертям. Контакты мины у меня здесь, в рубке. Надо закрыть северные ворота... И проверить, держатся ли южные. Запечатать станцию. Чтобы дальше вода не пошла. Закрой их, понял? Когда все будет готово, скажешь... Связь с заставой работает?

– Так точно, – кивнул Артем.

– Только сам не забудь остаться по эту сторону ворот. – Командир растянул губы в улыбке, зашелся кашлем. – А то не по-товарищески будет...

– Но как же вы... Вы тут?

– Ты не дрейфь, Попов, – прищурился командир. – Каждый из нас для своего рожден. Я рожден, чтобы этих сук утопить. Ты – чтобы люки задраить и сдохнуть, как честный человек. Понял?

– Так точно, – повторил Артем.

– Выполняй...

* * *

Трубка заглохла.

По прихоти телефонных богов самому Гомеру было довольно прилично слышно все, что ему говорил дежурный на Тульской. Но вот последние несколько фраз он разобрать так и не смог, а потом связь и вовсе оборвалась.

Старик поднял глаза. Над ним нависала туша Андрея Андреевича; его синий китель под мышками пошел темными пятнами, толстые руки тряслись.

– Что там? – севшим голосом спросил он.

– Все вышло из-под контроля. – Гомер тяжело сглотнул. – Перебрасывайте всех свободных людей на Серпуховскую.

– Не получится. – Андрей Андреевич вытащил из брючного кармана «макаров». – На станции паника. Всех верных людей я расставил на входах в туннели на Кольце, чтобы хотя бы отсюда никто не делся.

– Их можно успокоить! – нерешительно возразил Гомер. – Мы обнаружили... Лихорадку можно лечить. Радиацией. Скажите им...

– Радиацией?! – Начальник скорчил гримасу. – Вы сами-то в это верите? Вперед, благославляю вас! – Он шутовски отдал старику честь и, хлопнув дверью, заперся в своем кабинете.

Что делать? Теперь Гомеру и музыканту с Сашей даже не сбежать отсюда... Да и где они?! Старик выбрался в коридор, прижимая рукой колотящееся сердце, побежал на станцию, выкрикивая ее имя... Их не было нигде. На Добрынинской царил хаос, женщины с детьми, мужчины с тюками осаждали истончившееся оцепление, среди перевернутых палаток шныряли мародеры, но никому до них уже не было дела. Гомеру случалось видеть такое прежде: сейчас начнут топтать упавших, потом стрелять по безоружным.

И тут застонал сам туннель.

Гвалт и вопли стихли, сменились удивленными возгласами. Необычный, могучий звук повторился... Словно ревели походные трубы римского легиона, заблудившегося в тысячелетиях и вступающего сейчас на Добрынинскую...

Солдаты засуетились, сдвигая ограждения, и из жерла показалось что-то огромное... Настоящий бронепоезд! Тяжелая башка кабины, обшитая сталью, простроченная клепками, с щелями бойниц, с двумя крупнокалиберными пулеметами, поджарое долгое тело и вторая рогатая голова, смотрящая в обратную сторону. Такого монстра никогда не встречал даже Гомер.

На броне, черные, как вороны, сидели безликие истуканы. Неотличимые один от другого в костюмах полной защиты, в кевларовых жилетах, в невиданных противогазах и с ранцами за плечами, они будто вообще не принадлежали ни этому времени, ни этому миру.

Поезд встал. Закованные в доспехи пришельцы, не обращая внимания на сбегавшихся ротозеев, слетали на платформу, строились тройной шеренгой. Потом, синхронно развернувшись – как один человек, как машина, в ногу загромыхали к переходу на Серпуховскую, уминая своим топотом благоговейный шепот и детский плач. Старик поспешил за ними, пытаясь вычислить среди десятков бойцов Хантера. Все они были почти одного роста, на всех бесформенные непроницаемые комбинезоны сидели как влитые, натянутые на саженные плечи. Все были вооружены одинаково грозно – ранцевые огнеметы, винторезы с глушителями. Никаких кокард, никаких гербов, никаких знаков отличий.

Наверное, один из троих, шагавших впереди?

Старик обежал колонну, замахал рукой, заглядывая в бойницы противогазов, наталкиваясь на взгляды одинаково бесстрастные, равнодушные. Никто из пришельцев не отзывался, никто не узнавал Гомера. Да был ли среди них Хантер? Должен, должен явиться!

Ни Саши, ни Леонида старик по пути через переход не увидел. Неужели благоразумие все же возобладало и музыкант спрятал девчонку от греха подальше?.. Пусть только переждут где-нибудь эту кровавую баню, а потом уж Гомер договорится как-нибудь с Андреем Андреевичем, если только тот еще не успеет пустить себе пулю в лоб.

Рассекая толпу, построение метательным молотом неслось вперед; никто не смел встать на его пути, и даже ганзейские пограничники молча расступались перед ним. Гомер решил идти вслед за колонной – надо было удостовериться, что Саша не попробует ничего предпринять. Прогонять старика никто не стал, внимания ему было не больше, чем шавке, с лаем бегущей за дрезиной.

Ступив в туннель, трое в голове колонны зажгли фонари на миллионы свечей, выжигая тьму впереди. Никто из них не заговаривал, тишина была давящей, противоестественной. Разумеется, выучка но старика не оставляло ощущение, что, оттачивая навыки тела, у этих людей подавляли навыки души. И теперь перед ним был совершенный механизм для умерщвления, все элементы которого были безвольны, и только один, внешне неотличимый от прочих, нес программу. И когда он скомандует «огонь», остальные, не раздумывая, предадут огню и Тульскую, и любую другую станцию, и все живое на них.

Слава богу, они шли не тем перегоним, где застрял поезд с сектантами. Несчастные получили небольшую отсрочку перед Судилищем: сначала расправятся с Тульской и только потом возьмутся на них.

Повинуясь незаметному для Гомера сигналу, колонна внезапно сбавила шаг. Через минуту и он понял, в чем дело: станция была уже совсем близко. Прозрачную, как стекло, тишину гвоздем проскребали чьи-то истошные вопли...

И еще, еле слышная, абсолютно неуместная, заставляя старика сомневаться в своем рассудке, навстречу пришельцам по капле сочилась удивительная музыка.

* * *

Трубка проглотила старика целиком; ничего, кроме прерывистого голоса, квакающего в ее динамике, он не замечал. И Саша решила, что более удачного момента для побега ей уже не подыскать.

Бочком она выбралась из приемной, дождалась снаружи Леонида и повела его за собой – сначала к переходу на Серпуховскую, потом – в туннель, который отведет ее к тем, кто в ней нуждался. К тем, чьи жизни она могла сохранить.

И еще он должен свести ее с Хантером.

– Тебе не страшно? – спросила Саша у музыканта.

– Страшно, – улыбнулся тот. – Но зато у меня есть подозрение, что я наконец-то делаю что-то стоящее.

– Ты ведь не обязан со мной идти... А вдруг мы умрем? Ведь можно сейчас взять и остаться на станции, не ходить никуда!

– Будущее человека сокрыто от него. – Леонид с ученым видом ткнул пальцем вверх, надул щеки.

– Ты сам решаешь, каким оно будет, – возразила Саша.

– Да брось, – усмехнулся музыкант. – Мы все – просто крысы, которые бегут по лабиринту. В ходах устроены дверцы-здвижки. И те, кто нас изучает, иногда поднимают их, иногда опускают. И если сейчас дверца на Спортивной опущена, тебе туда нипочем не попасть, скребись сколько хочешь. А если за следующей дверцей капкан, ты в него все равно угодишь, даже если будешь чувствовать неладное, потому что другого пути нет. Весь выбор – бежать дальше или подохнуть в знак протеста.

– Неужели тебе не обидно, что у тебя такая жизнь? – нахмурилась Саша.

– Мне обидно, что строение позвоночника не позволяет мне задрать голову вверх и посмотреть на того, кто ставит эксперимент, – отозвался музыкант.

– Нет никакого лабиринта. – Саша прикусила губу. – А крысы могут прогрызть даже цемент.

– Ты бунтарка, – засмеялся Леонид. – А я приспособленец.

– Неправда. – Она покачала головой. – Ты веришь, что можно изменить людей.

– Я хотел бы в это верить, – возразил музыкант.

Они миновали брошенную в спешке заставу: в незатушенном, еще дышащем костре перебивались головешки, тут же валялся засаленный, замятый журнал с голыми людьми, и, полу-содранный, сиротливо свисал со стены походный ганзейский штандарт.

Еще минут через десять наткнулись на первый труп. В мертвом было трудно узнать человека. Он раскинул свои ноги и руки, такие жирные, что одежда лопалась на нем, широко, как будто очень устал и хотел отлежаться. Лицо его было страшнее морды любого из чудищ, которых Саша успела увидеть за свою жизнь.

– Осторожно! – Леонид схватил ее за руку, не подпуская к мертвецу. – Он заразный!

– Какая разница? – спросила Саша. – Ведь есть же средство! Мы идем туда, где все заразные.

Впереди загремели выстрелы, послышались далекие крики.

– Мы очень вовремя, – отметил музыкант. – Похоже, они даже не стали дожидаться твоего друга...

Саша испуганно посмотрела на него, потом страстно, убежденно сказала:

– Ничего, надо просто сказать им! Они думают, что все приговорены... Надо просто дать им надежду!

У распахнутой створки гермоворот в землю глядел еще один убитый – на сей раз человек. Рядом с ним отчаянно перхал и шипел железный ящик переговорного устройства. Кажется, кто-то пытался добудиться дозорного.

На самом выходе из туннеля, укрываясь за разбросанными мешками, лежали несколько человек. Кажется, среди них был один пулеметчик и пара стрелков с автоматами – вот и вся плотина.

А дальше, впереди, там, где тесные туннельные стены распахивались, где начиналась платформа Тульской, бурлила страшная толпа, наседающая на осажденных. В ней были вперемешку и зараженные, и обычные, и люди, и исковерканные болезнью уроды. У кого-то были фонарики, другие уже не нуждались в свете.

Те, что лежали, обороняли туннель. Но патроны у них кончались, выстрелы звучали все реже, и обнаглевшая толпа подбиралась ближе и ближе.

– Подкрепление?! – обернулся к Саше один из осажденных. – Пацаны, они дозвонились до Добрынинской! Подкрепление!

Многоголовое чудище тоже заволновалось, надавило...

– Люди! – закричала Саша. – Есть лекарство! Мы нашли лекарство! Вы не умрете! Потерпите! Пожалуйста, потерпите!

Толпа сожрала ее слова, рыгнула недовольно и снова двинулась на оборонявшихся. Пулеметчик зло стегнул ее очередью, несколько человек со стоном сели наземь, другие огрызнулись автоматными очередями. Бурля, масса неудержимо подалась вперед, готовая затоптать, разорвать и осажденных, и Сашу, и Леонида.

Но что-то случилось.

Сначала вкрадчиво, потом все уверенней, мощнее, подала голос флейта. Не могло бы быть ничего более глупого, ничего менее уместного в этом положении. Оборонявшиеся наградили музыканта очумелыми взглядами, толпа взрыгнула, загоготала, снова нажала... Леониду было все равно. Он играл, наверное, не для них, а для себя – ту самую удивительную мелодию, которая очаровала Сашу, ту самую, которая каждый раз воронкой стягивала к себе десятки слушателей.

Может быть, именно от того, что нельзя было придумать худшего способа сдержать бунт, усмирить зараженных, именно из-за трогательного идиотизма того, кто решил так поступить, а не из-за волшебства флейты, толпа чуть ослабила натиск. А может быть, музыканту удалось-таки напомнить тем, кто его окружал, готовясь перемолоть... Напомнить о чем-то...

Выстрелы смолкли, и Леонид, не отпуская флейту, выступил вперед... Как будто перед ним была обыкновенная публика, которая вот-вот заплодирует и осыплет его патронами.

На долю секунды девушке показалось, что среди слушавших она видит своего отца – умиротворенного, улыбающегося. Вот где он ее ждал...

Саша вспомнила: Леонид говорил ей, что эта мелодия умеет утешать боль.

* * *

В железной утробе гермоворот заурчало – внезапно, преждевременно.

Десант опережал время? Значит, ситуация на Тульской была не такой уж сложной! Может быть, захватчики давно покинули станцию, оставив затворы запертыми?

Группа рассредоточилась, бойцы укрылись за выступами тубингов, и только четверо остались подле Дениса Михайловича – у самых ворот, держа оружие наготове.

Вот и все. Сейчас створка медленно поедет в сторону, а через пару минут сорок тяжелооруженных севастопольских штурмовиков ворвутся на Тульскую. Любое сопротивление будет подавлено, и станция будет взята в мгновение ока.

Это оказалось куда проще, чем думал полковник.

Приказа надеть противогазы Денис Михайлович отдать не успел.

* * *

Колонна перетекла, стала толще – теперь в ряд стояли шесть человек, занимая в ширину весь туннель. Первая шеренга ошетинилась стволами огнеметов, вторая взяла наизготовку винторезы. Черной лавой они поползли вперед – неторопливо, уверенно.

Гомер, выглядывавший из-за широких спин пришельцев, увидел в белых прожекторных лучах всю сцену разом: и кучку солдат, державших оборону, и две худые фигурки – Сашу и Леонида, – и окружающий их сонм кошмарных созданий. И все в старике оборвалось.

Леонид играл. Чудесно, невероятно, вдохновенно, как никогда раньше. И орда уродливых существ слушала его жадно, и залегшие солдаты привставали, чтобы лучше видеть музыканта. А его мелодия прозрачной стеной разделяла враждующих, не позволяя им обрушиться друг на друга в последней гибельной схватке.

– Готовность! – вдруг сказал один из десятков черных людей – который?!

Вся первая шеренга разом опустилась на одно колено, вторая вскинула винторезы.

– Саша! – крикнул Гомер.

Девчонка резко обернулась к нему, зажмурилась от слишком яркого света, выставила вперед ладонь и пошла наперекор хлеставшему из фонарей потоку медленно, будто против шквального ветра.

Толпа, опаленная лучами, забурчала, застонала, поджалась...

Пришельцы выжидали.

Саша вплотную подошла к их строю.

– Где ты? Мне надо с тобой поговорить, пожалуйста!

Ей никто не ответил.

– Мы нашли средство от этой болезни! Ее можно вылечить! Не нужно никого убивать!

Есть лекарство!

Фаланга черных каменных статуй молчала.

– Прошу тебя! Я знаю, ты не хочешь... Ты только пытаешься спасти их... И себя...

И тут над боевым построением, словно не исходя ни от кого отдельного, раздалось глухо:

– Отойди. Я не хочу тебя убивать.

– Тебе не надо никого убивать! Есть лекарство! – отчаянно повторила Саша, идя сквозь одинаковых людей в масках, стараясь найти среди них единственного.

– Лекарства не существует.

– Радиация! Радиация помогает!

– Не верю.

– Я прошу тебя! – Саша сорвала голос в крик.

– Станция должна быть очищена.

– Неужели ты не хочешь все изменить?! Почему ты повторяешь то, что уже сделал однажды?.. Тогда, с черными?! Почему не хочешь прощения?

Истуканы больше не откликались; толпа начала подступать ближе.

– Саша! – умоляюще прошептал девчонке Гомер, та не слышала.

– Ничего нельзя изменить. Не у кого просить прощения, – наконец упали слова. – Я поднял руку на... На... И наказан.

– Все внутри тебя! – Саша не отступала. – Ты можешь сам себя отпустить! Можешь доказать! Как ты не видишь, это же зеркало! Это отражение того, что ты сделал тогда, год назад! И сейчас ты можешь поступить иначе... Выслушать. Дать шанс... И сам заслужить шанс!

– Я должен уничтожить чудовище, – хрипло промолвил строй.

– Ты не сможешь! – закричала Саша. – Никто не может! Оно есть и во мне, оно спит в каждом! Это часть тела, часть души... И когда оно просыпается... Его нельзя убить, нельзя вырезать! Его можно только опять убаюкать... Усыпить...

Сквозь уродов проскользнул чумазый солдатик, протиснулся мимо замерших рядов черных, побежал к гермоворотам, к железной коробке передатчика, схватил микрофон, что-то крикнул в него... Но тут коротко чавкнул глушитель, и солдатик сник. Услышав кровь, толпа тут же ожила: вспухла, разгневанно заревела.

Музыкант, приложив к губам флейту, заиграл, но магия рассеялась; кто-то выстрелил в него, он выронил инструмент, взялся обеими руками за живот...

Раструбы огнеметов облизнулись пламенем. Фаланга обросла новыми стволами и сделала шаг вперед.

Саша бросилась к Леониду, готовая разбиться о толпу, которая уже обволокла упавшего, не желая отдавать его девушке.

– Нет, нет! – Она не могла больше сдерживаться.

Потом, одна против сотен кошмарных уродов, одна против легиона убийц, одна против всего мира, она упрямо сказала:

– Хочу чуда!

Грянул далекий гром, своды дрогнули, толпа съежилась и отступила, пришельцы тоже попятились. По земле побежали тонкие ручейки, с потолка стали падать первые капли, зажурчали все шумнее темные струи...

– Прорыв! – завопил кто-то.

Черные люди торопливо двинулись прочь со станции, отступая к гермодверям, старик побежал за ними, оглядываясь на Сашу. Та не трогалась с места. Подставив ладони и лицо хлынувшей на нее сверху воде, девчонка... смеялась.

– Это же дождь! – кричала она. – Он все смое! Все можно будет начать заново!

Черный отряд выбрался за затворы, и Гомер с ним. Несколько пришельцев навалились на створку гермоворот, пытаясь закрыть Тульскую, сдержать воду. Створка поддалась и тяжело пошла вперед. Старика, который сорвался обратно, к оставшейся на тонущей станции Саше, схватили, отшвырнули прочь.

И только тут один из черных внезапно метнулся к сужающейся щели, протянул руку, крикнул девчонке:

– Сюда! Ты мне нужна!

Воды уже было по пояс, и вдруг белокурая голова нырнула и пропала.

Черный человек отдернул руку, и ворота закрылись.

* * *

Ворота так и не открылись. По туннелю прошла судорога, с другой стороны затвора в стальную плиту ударило и откатилось эхо взрыва. Денис Михайлович приник к железу, прислушался... Вытер влагу со щеки, удивленно глянул на покрытый испариной потолок.

– Отходим! – приказал он. – Тут все кончено.

Эпилог

Гомер вздохнул и перевернул лист. Свободного места в тетради оставалось совсем немного – лишь пара страниц. Что вписать, чем пожертвовать? Он протянул ладони к костру – отогреть замерзшие пальцы, успокоить их.

Старик сам попросился в южный дозор. Здесь, лицом к туннелям, ему работалось лучше, чем дома на Севастопольской, среди вороха мертвых газет, как бы ни оберегала Елена его покой.

Бригадир сидел поодаль от остальных дозорных, на крайнем рубеже света и тьмы. Интересно, почему он выбрал именно Севастопольскую, спросил себя старик. Видимо, было все-таки что-то в этой станции...

Хантер так и не рассказал старику, кто же явился ему тогда, на Полянке, но Гомер теперь знал: увиденное им было не пророчеством, а предостережением.

Вода с затопленной Тульской схлынула через неделю; остатки откачивали огромными помпами, доставленными с Кольца. Гомер добровольцем отправился туда вместе с первыми же разведчиками.

Почти три сотни трупов. Забыв об отвращении, обо всем забыв, сам ворошил страшные тела, искал ее, искал...

Он потом еще долго сидел на том самом месте, где видел Сашу в последний раз. Где не успел, где не решился броситься к ней – и спасти или погибнуть с ней вместе.

А мимо бесконечной вереницей брели больные и здоровые – к Севастопольской, в целебные туннели Каховской линии. Музыкант не солгал: облучение действительно останавливало болезнь.

Может быть, он вообще не лгал? Может, и был где-то настоящий Изумрудный Город, нужно было только найти ворота... А может, он приходил к тем самым воротам, просто тогда еще не успев заслужить, чтобы они перед ним распахнулись?

«А когда схлынули воды...» – оказалось слишком поздно.

Но не Изумрудный Город был ковчегом; настоящим ковчегом было само Метро. Последним приютом, укрывшим от темных бурных вод и Ноя, и Сима, и Хама; и праведника, и равнодушного, и подлеца. Каждой твари по паре. Каждой, чей счет оставался несведенным – или неоплаченным.

Их слишком много, и они точно не поместятся в этом романе. Свободных листов в тетради у старика остается всего ничего. Его книга – не ковчег, а бумажный кораблик, ей не принять на борт всех людей. Но Гомеру казалось, что у него почти выходит осторожными штрихами нанести на страницы что-то очень важное... Не о людях, но о человеке.

Память об ушедших не исчезает, думал Гомер. Весь наш мир соткан из дел и мыслей других людей, точно так же, как каждый из нас составлен из бесчисленных кусочков мозаики, унаследованных от тысяч предков. Они оставили после себя след, оставили для потомков частичку души. Надо только приглядеться.

И его корабль, сложенный из бумаги, из мыслей и воспоминаний, может плыть по океану времени бесконечно долго, пока его не подберет кто-то другой, не разглядит и не поймет, что человек никогда не изменялся, что даже после гибели мира остался верным себе. И что небесный огонь, который однажды был в него заложен, бился на ветру, но не угас.

Теперь его личный счет был исправлен.

Гомер закрыл глаза и очутился на сияющей станции, омытой ярким светом. На платформе собрались тысячи людей в нарядной одежде, принадлежащей тому времени, когда он был еще молод, когда его никто и не подумал бы звать ни Гомером, ни даже по имени-отче-

ству, и теперь к ним прибавлялись люди уже здешние, прожившие в метро. Одни не удивлялись другим. Их всех что-то объединяло...

Они ждали чего-то, и все тревожно вглядывались в темные своды далекого туннеля. Теперь старик узнавал эти лица. Тут были и его жена с детьми, и сослуживцы, и одноклассники, и соседи, и двое лучших друзей, и Ахмед, и любимые киноактеры. Тут были все, кого он еще помнил.

И вот туннель озарился, и на станцию беззвучно вплыл метропоезд – с живыми, горящими окнами, с начищенными боками, со смазанными колесами. Кабина машиниста была пуста; внутри висели отглаженный китель и белая рубашка.

Это моя форма, подумал старик. И мое место.

Он вошел в кабину и открыл двери в вагонах. Дал гудок. Толпа хлынула внутрь, рассаживаясь по диванам. Места хватило всем; успокоенные, пассажиры теперь улыбались. Улыбался и старик.

Гомер знал: когда он поставит в своей книге последнюю точку, этот сверкающий состав, полный счастливых людей, отчалит с Севастопольской прямо в вечность.

И вдруг, вырывая старика из волшебного видения, совсем рядом послышался глухой, нечеловеческий стон. Гомер вздрогнул, схватился за автомат...

Стонал бригадир. Старик привстал, хотел подойти и провести Хантера, но тот застонал снова... Чуть выше... И еще... теперь чуть ниже...

Не веря своим ушам, Гомер прислушался, и его зазнобило.

Хрипло, неумело бригадир подбирал мелодию. Ошибался, возвращался и упрямо повторял, выправляя... Выводил ее негромко... как колыбельную.

Мелодия была та самая, которой Леонид так и не дал названия.

Сашиного тела Гомер на Тульской так и не нашел.

Что еще?

Метро 2035

Глава 1. Тут Москва

– Нельзя, Артем.
– Открывай. Открывай, говорю.
– Начстанции сказал... Сказал, не выпускать никого.
– Ты за идиота меня, что ли? Кого – никого? Кого это – «никого»?
– У меня – приказ! С целью защиты станции... От облучения... Не открывать. Приказ у меня. Понимаешь?!

– Тебе Сухой приказ дал? Тебе мой отчим такой приказ дал? Открывай давай.
– Мне же по шапке из-за тебя, Артем...
– Ну я сам тогда, если ты не можешь.
– Алло... Сансеич... Да, на пост... Тут Артем... Ваш. А что я с ним сделаю-то? Да. Ждем.
– Настучал, а? Молодец, Никицка. Настучал. Отвали! Я открою все равно. Все равно пойду!

Но выскочили из караулки еще двое, втиснулись между Артемом и дверью, стали мягко толкать его, жалея. Артем – заранее усталый, под глазами круги, еще после вчерашнего подъема не оклемавшийся – с часовыми управиться не мог, хоть драться никто с ним и не соби-рался. Стали сползаться любопытные: чумазые мальчишки с волосами прозрачными, как стекло, одутловатые хозяйки с руками синими и стальными от бесконечной стирки в ледяной воде, усталые и готовые на что угодно бездумно пялиться фермеры из правого туннеля. Шеп-тались. Смотрели на Артема, но и как бы нет; на лицах было у них – черт разберет что.

– И все ходит и ходит. Что ходить-то?
– Ага. И дверь каждый раз нараспашку. А оттуда сифонит, между прочим, сверху-то! Окаянный...
– Слушай, нельзя же... Нельзя так про него. Он все-таки... Всех нас. Спас же. Детей твоих вот.
– Спас, ага. А теперь что? Он для этого спасал их, что ль то? И сам рентген хакает, и нас всех тут... За компанию.
– За хер ему туда, главное? Было бы хоть что! Для чего!

Но вот среди всех этих лиц появилось одно: главное. Усы заброшены, волосы – жидкие уже и все седые – мостом перекинуты через плешь. Но лицо вычерчено одними прямыми лини-ями; никаких скруглений. И остальное в нем – жесткое, резиновое, не прожевать, словно взяли человека и проварили заживо. Голос вялили тоже.

– Разойтись всем. Слышали?
– Вон Сухой. Сухой пришел. Пускай забирает своего.
– Дядь Саш...
– Опять ты, Артем? Мы говорили же с тобой...
– Открой, дядь Саш.
– Разошлись, кому сказано! Нечего глазеть тут! А ты – пойдем.
Артем вместо этого сел на пол, на отполированный холодный гранит. Прислонился к стене спиной.
– Хватит, – одними губами, беззвучно, обозначил Сухой. – Люди и так шепчутся.
– Мне надо. Я должен.
– Там ничего нет! Ничего! Нечего там искать!
– Я же говорил тебе, дядя Саш.

– Никита! Ты-то что зеваешь? Давай, проводи граждан!

– Есть, Сансеич. Так, кому тут приглашения отдельные? Шевели, шевели... – затараторил Никицка, сгребая толпу.

– Ерунду ты говорил. Послушай... – Сухой выпустил надувавший его воздух, обмяк, сморщился, опустился рядом с Артемом. – Ты же гроишь себя. Думаешь, этот костюм от фона тебя спасет? Да он как решето! От платья ситцевого толку больше!

– И что?

– Сталкеры столько не поднимаются, сколько ты... Ты дозу-то пробовал считать? Ну ты жить хочешь или сдохнуть?

– Я уверен, что слышал это.

– А я уверен, что тебе причудилось. Некому там сигналы слать. Некому, Артем! Сколько я тебе говорить должен? Никого не осталось. Ничего, кроме Москвы. Кроме нас тут.

– Не верю.

– Да мне, думаешь, дело есть, во что ты там веришь, а во что нет?! А вот если у тебя волосы выпадут, до этого есть! Если кровью ссать будешь, до этого – есть! Ты хочешь, чтобы хрен у тебя отсох?!

Артем пожал плечами. Помолчал, взвешивая. Сухой ждал.

– Я слышал это. Тогда, на башне. У Ульмана в рации.

– А кроме тебя, никто не слышал. За все время, сколько ни слушали. Пустой эфир. И что?

– И я пошел наверх, вот что. Вот и все.

Артем поднялся на ноги, распрямил спину.

– Я внуков хочу, – сказал ему снизу Сухой.

– Чтобы они тут жили? В подземелье?

– В метро, – поправил его Сухой.

– В метро, – согласился Артем.

– И нормально они тут проживут. Хотя бы родятся. А так...

– Скажи им, чтобы открыли, дядь Саш.

Сухой смотрел в пол. В черный блестящий гранит. Что-то там, видно, было.

– Ты слышал, что люди говорят? Что крыша у тебя поехала. Тогда, на башне.

Артем скривил улыбку.

Набрал воздуха.

– Чтобы внуки, знаешь что надо было, дядя Саш? Надо было детей своих рожать. Ими бы и командовал. И внуки бы на тебя тогда были похожи, а не хер знает на кого.

Сухой зажмурился. Протикала секунда.

– Никита, открой ему. Пускай валит. Пускай околеет. Насрать.

Никицка послушался молча. Артем удовлетворенно кивнул.

– Скоро вернусь, – сказал он Сухому уже из буфера.

Тот по стенке поднялся, обернул к Артему сутулую спину и зашаркал прочь, полируя гранит.

Грохнула дверь буфера, запираясь. Зажглась ярко-белая лампочка под потолком, двадцать пять лет гарантии, слабым зимним солнцем отразилась в грязном кафеле, которым в буфере все было обложено, кроме одной железной стены. Пластиковый стул рваный – отдышаться или ботинки зашнуровать, на крючке – поникший костюм химзащиты, в полу – сток, и шланг резиновый торчал – для дезактивации. В углу еще ранец стоял армейский. И трубка синяя висела на стене, как от телефона-автомата.

Артем влез в костюм – просторный, как чужой. Достал из сумки противогаз. Растянул резину, напялил ее, поморгал, привыкая смотреть через круглые туманные окошки. Снял трубку.

– Готов.

Заскрежетало надрывно, и железная стена – не стена, а гермоворота – поползла вверх. Снаружи дохнуло стылым и сырым. Артем поежился зябко. Ввалил на плечи ранец – тяжелый, будто человека себе на закорки посадил.

Вверх уводили истертые и скользкие ступени бесконечного эскалатора. Станция метро ВДНХ – шестьдесят метров под землей. Как раз достаточная глубина, чтобы авиабомбы не колыхали. Конечно, если бы ядерная боеголовка ударила в Москву, был бы тут котлован, залитый стеклом. Но боеголовки все были перехвачены противоракетами высоко над городом; на землю дождем шли только их обломки – лучащиеся, но взорваться не умеющие. Поэтому Москва стояла почти целая, и даже похожая на себя прежнюю – как мумия похожа на живого царя. Руки на месте, ноги на месте; улыбка...

А у других городов противоракетной обороны не было.

Артем крикнул, подсаживая ранец поудобней, воровато перекрестился, запустил большие пальцы под слишком свободные ремни, чтобы потуже, и пошел вверх.

* * *

По железу каски стучал дождь, гулко стучал, казалось, Артему в самую голову. Болотные сапоги топили в грязи, ржа ручьями откуда-то сверху бежала куда-то вниз, на небе было навалено облаков – не продохнуть, и дома пустые стояли вокруг, все поглodанные временем. Ни души в этом городе не было. Двадцать лет уже как – ни души.

Сквозь аллею, составленную из сырых лысых коряг, виднелась громадная арка входа на ВДНХ. Вот кунсткамера-то: по поддельным античным храмам рассажены зародыши надежд на будущее величие. Величие должно было наступить скоро – завтра. Только вот само завтра не наступило.

Гиблое место – ВДНХ.

Пару лет назад еще жила тут всякая дрянь, а теперь и ее не осталось. Обещали, что вот-вот опустится радиационный фон, и можно будет потихоньку возвращаться, вон, мол, мутантов-то наверху кишмя, а они тоже животины, пусть и исковерканная...

Вышло наоборот: сошла с земли ледяная короста, земля задышала и запотела, фон подскочил. А мутанты поцеплялись за жизнь своими когтищами – и, кто не сбежал, тот сдох. А человек сидел себе под землей, жил на станциях метро, и никуда умирать не собирался. Человеку много не надо. Человек любой крысе фору даст.

Трещал счетчик, начислял Артему дозу. Не брать его больше с собой, думал Артем, бесит только. Какая разница, сколько там натикает? Что это поменяет? Пока дело не сделано, пусть хоть истрещится.

– Пускай говорят, Жень. Пускай считают, что крыша поехала. Они же не были тогда... На башне. Они же вообще из своего метро не вылезают. Откуда им знать, а? Крыша... Бомбил я их всех в... Объясню же: вот ровно в тот момент, когда Ульман на башне антенну развернул... Пока он настраивался... Было что-то. Слышал я! И – нет, сука, не причудилось. Не верят!

Автомобильная развязка дыбилась у него над головой, асфальтовые ленты пошли волной и застыли, стряхнув машины; те попадали, как придется, кто на четыре лапы, а кто на спинку, и околели в таких позах.

Артем огляделся коротко и двинул вверх по шершавому высунутому языку заезда на эстакаду. Немного было пройти – километра, может, полтора. У следующего языка торчали высотки «Триколор», прежде размалеванные торжественно в белый, синий и красный. Время потом все в серый перекрасило, по-своему.

– А почему не верят? Просто не верят, и все. Ну да, никто не слышал позывных. Но они откуда эти позывные слушают? Из-под земли. Никто же не станет наверх идти только за этим...

Верно же? Но ты сам подумай: разве может такое быть, чтобы никто, кроме нас, не выжил? Во всем мире – никто? А? Бред же! Ну не бред?

Не хотелось смотреть на Останкинскую башню, но и не видеть ее было нельзя: отворачивайся от нее или нет, а она всегда маячит с краю – как царапина на противогазном стекле. Черная, сырая, обломанная по набалдашнику смотровой площадки; как рука чья-то со сжатым кулаком из-под земли пробилась, будто кто-то огромный хотел на поверхность снизу выбраться. Но увяз в рыжей московской глине, затиснуло его в тугой сырой земле, затиснуло и задавило.

– Я когда на башне в тот раз... – Артем скованно мотнул головой в ее сторону, – когда они слушали эфир, пытались поймать Мельника позывные... Там через это шуршание... Чем хочешь готов поклясться... Было! Что-то было!

Плыли над голым лесом два колосса – Рабочий и Колхозница, схватившиеся в странной своей позе, то ли по льду скользя, то ли танго крутящие, но друг на друга не глядя, как бесполье. А куда тогда они смотрят? Видно им с их высоты, что за горизонтом, интересно?

Слева осталось чертовое колесо ВДНХ, огромное, как шестеренка того механизма, который вращал Землю. И вместе со всем механизмом колесо уже двадцать лет как замерло и ржавело теперь тихо. Кончился завод.

На колесе написано было «850»: столько лет исполнилось Москве, когда его поставили. Артем подумал, что исправлять это число смысла нет: если время некому считать, оно оставливается.

Некрасивые и невеселые небоскребы, казавшиеся раньше бело-сине-красным, выросли в полмира: совсем близко. Самые высокие здания в округе, если не брать в расчет сломанную башню. То, что надо. Артем запрокинул голову, достал взглядом до вершины. От этого сразу заломило в коленях.

– Может, сегодня... – без знака вопроса спросил Артем, хоть и помня, что уши у неба заткнуты облачной ватой.

Там, конечно, не расслышали.

Подъезд.

Подъезд как подъезд.

Домофон осиротел, железная дверь обесточена, в аквариуме консьержа собака дохлая, жестяно лязгают почтовые ящики на сквозняке, ни писем в них, ни рекламного мусора. Все давно собрали и сожгли, чтобы хоть руки согреть.

Внизу – три немецких блестящих лифта, распахнутые и сверкающие нержавеющей сталью, как будто на любом из них можно было сейчас взять вот так, да поехать на самый верх этой высотки. Артем их за это ненавидел. И рядом – дверь пожарного хода. Артем знал, что за ней. Считал уже: сорок шесть этажей пешком. На Голгофу всегда – пешком.

– Всегда... Пешком...

Ранец весил сейчас всю тонну; и эта тонна давила Артема в бетон, мешала идти, с шага сбивала. Но Артем все равно шагнул – как заведенный; и как заведенный говорил.

– Ну и что, что нет против... ракет... Все равно... Должны были... Должны были еще где-то... Люди... Не может быть, чтобы только тут... Чтобы только в Москве... Только в метро... Вот же – земля... Стоит... Не раскололась... Небо... Расчищается... Не может ведь такого... Чтобы – вся страна... И Америка... И Франция... и Китай... А Таиланд какой-нибудь... Он-то вообще кому чего сделал... Его вообще не за что...

Не бывал, конечно, Артем, в свои двадцать шесть ни во Франции, ни в Таиланде. Почти не застал он старого мира: опоздал родиться. А у нового география поскуднее – станция метро ВДНХ, станция метро Лубянка, станция метро Арбатская... Кольцевая линия. Но, разглядывая в редких туристических журналах фотоснимки Парижа и Нью-Йорка, отфильтрованные

плесенью, Артем сердцем чувствовал, что эти города еще есть где-то, стоят, не сгнули. Ждут, может, его.

– Почему бы... Почему бы только одной Москве остаться? Нелогично, Жень! Понимаешь? Нелогично! А значит... Значит, просто мы поймать их... Их позывные... Не можем... Пока. Надо просто продолжать. Нельзя руки опускать. Нельзя...

Высотка была пустой, но все равно звучала, жила: через балконы влетал ветер, хлопал дверными створами, дышал с присвистом через лифтовые шахты, шебуршал чем-то в чужих кухнях и спальнях, притворялся вернувшимися хозяевами. Но Артем уже не верил ему, даже не оборачивался, и в гости не заходил.

Известно, что там, за стучащими беспокойно дверями: разграбленные квартиры. Остались только снимки по полу разбросанные – чужие мертвецы себя никому на память сфотокали, да совсем громоздкая мебель, которую ни в метро, ни на тот свет с собой не протащишь. В других домах окна от взрывной волны повывлетали, а тут стеклопакеты, выдержали. Но за два десятка лет все пылью заросли, как от катаракты ослепли.

Раньше можно было встретить в иной квартире бывшего хозяина: ткнется противогазным хоботом в какую-нибудь игрушку и плачет через хобот гнусаво, и не слышит, как к нему сзади подошли. А теперь уж давно никого не попадалось. Кто-то остался лежать с дырой в спине рядом с этой своей дурацкой игрушкой, а другие поглядели на него и поняли: нету наверху дома, и нету там ничего. Бетон, кирпич, слякоть, асфальт треснутый, кости желтые, труха из всего, ну и фон. Так в Москве – и так во всем мире. Нет нигде жизни, кроме метро. Факт. Общеизвестный.

Всем известный, кроме Артема.

А вдруг есть на бескрайней Земле еще одно место, пригодное для человека? Для Артема и для Ани? Для всех со станции? Место, где не было бы над головой чугунного потолка, и где можно было бы расти до неба? Построить себе дом – свой, жизнь – свою, и из этого места уже обживать дальше заново постепенно всю сожженную землю?

– Всех наших... Разместил бы... На воздухе... Жили бы...

Сорок шесть этажей.

Можно было бы остановиться и на сороковом, да и на тридцатом; никто ведь не говорил Артему, что непременно надо забраться на самую вершину. Но он отчего-то вбил себе в голову, что если и может у него что получиться, то только там, на крыше.

– Конечно... Не... Не так... Высоко... Как на башне... Тогда... Но... Но...

Окошки противогаза запрели, сердце взламывало грудную клетку, и как будто заточкой кто-то нащупывал, где у Артема под ребро можно пролезть. Сквозь противогазные фильтры дышалось скудно и натужно, не хватало жизни, и Артем, добравшись до сорок пятого, как в тот самый раз, на башне, не выдержал и сорвал с себя тесную резиновую кожу. Хлебнул сладкого и горького воздуха. Совсем другого воздуха, чем в метро. Свежего.

– Высота... Может... Там же... Метров триста... Высота... Поэтому, может... Поэтому, наверное... С высоты... Ловит...

Он свалил с себя ранец: дотащил. Уперся окаменевшей спиной в крышку люка, выдавил его наружу, выбрался на площадку. И только тут упал. Лежал навзничь, глядел на облака, до которых было – рукой подать; уговаривал сердце, успокаивал дыхание. Потом поднялся.

Вид отсюда был...

Как если бы умереть, полететь уже в рай, но упереться вдруг в стеклянный потолок, и зависнуть там, и болтаться под этим потолком, ни туда и ни сюда. Но понятно, что вниз с такой высоты вернуться больше нельзя: когда ты сверху увидел, какое на земле все на самом деле игрушечное, как это все снова потом всерьез воспринимать?

Рядом высились еще два таких же небоскреба, прежде пестрые, ныне серые. Но Артем всегда именно на этот поднимался. Так уютней было.

Случилась между облаками на секунду бойница, стрельнуло из нее солнце; и вдруг показалось, что блеснуло что-то с соседнего дома, не то с крыши, не то из пыльного окна одной из верхних квартир. Как будто зеркальцем кто-то луч поймал. Но пока успел оглянуться – солнце обратно забаррикадировалось, и блеск пропал. Больше не было.

Глаза сами съезжали все время, как Артем ни отводил их, к переродившемуся лесу, который разросся вместо Ботанического сада. И – к черной лысой пустоши в самой его сердцевине. Такое мертвое место, будто Господь на него остатки горячей серы выплеснул. Но нет, не Господь.

Ботанический сад.

Артем его другим помнил. Только его-то он и помнил из всего пропавшего довоенного мира.

Странное дело: вот вся твоя жизнь состоит из кафеля, тюбингов, текущих потолков и ручьев на полу вдоль рельсов, из гранита и из мрамора, из духоты и из электрического света.

Но вдруг есть в ней крохотный кусок другого: майское прохладное утро, по-детски нежная недавняя зелень на стройных деревьях, изрисованные цветными мелками парковые дорожки, томительная очередь за пломбиром, и сам этот пломбир, в стаканчике, не то что сладкий там, а просто неземной. И голос матери – ослабленный и искаженный временем, как медным телефонным кабелем. И тепло от ее руки, от которой ты стараешься не отцепиться, чтобы не потеряться – и держишься изо всех сил. Хотя разве такое можно помнить? Наверное, нельзя.

И все это, другое – такое неуместное и невозможное, что ты и не понимаешь уже, было ли оно с тобой наяву или просто приснилось? Но как этому сниться, если ты такого никогда не видел и не знал?

Стояли у Артема перед глазами меловые рисунки на дорожках, и солнце сквозь дырявую листву золотыми иголками, и мороженка в руке, и оранжевые смешные утки по коричневому зеркалу пруда, и шаткие мосточки через этот пруд осененный – так страшно в воду упасть, а еще страшней в него уронить вафельный стаканчик!

А вот лица ее, лица своей мамы, Артем вспомнить не мог. Старался вызвать его, на ночь просил себя увидеть его хотя бы во сне, пусть бы и забыть снова к утру – но ничего не получалось. Неужели не нашлось в его голове крохотного уголка, где мать могла бы спрятаться и переждать смерть и черноту? Видно, не нашлось. Но как может человек быть – и совсем исчезнуть?

А день тот, а мир тот – они куда могли запропасться? Вот же они были – тут, рядом, только глаза закрыть. Конечно, в них можно вернуться. Где-то на земле они должны были спастись, остаться – и звать всех, кто потерялся: мы тут, а вы где? Надо только услышать их. Надо только уметь слушать.

Артем поморгал, потер веки, чтобы глаза видели снова сегодня, а не двадцать лет назад. Сел, раскрыл ранец.

Там была радиостанция – армейская, громоздкая, зеленая-исцарапанная, и еще одна банда: железный ящик с ручкой-крутилкой. Самодельная динамо-машина. И на самом дне – сорок метров шнура, антенна к радиостанции.

Артем связал все провода, прошел по крыше круг, разматывая шнур, отер воду с лица и снова нехотя влез в противогаз. Сжал голову наушниками. Огладил пальцами клавиши. Крутанул рукоять динамо-машины: моргнул диод, зажужжало, завибрировало в ладони, как живое.

Щелкнул тумблером.

Закрыв глаза, потому что боялся, что они помешают ему выловить в шуме радиоприбора бутылку с письмом с далекого континента, где выжил кто-то еще. Закачался на волнах. И динамо крутил – словно рукой на плоту надувном подгребал.

Наушники зашипели, завyli тоненько «Ииииу...» сквозь шорох, заперхали чахоточно; помолчали – и снова шипеть. Как будто Артем бродил по туберкулезному изолятору, ища, с

кем поговорить, но ни один больной не был в сознании; только нянечки прикладывали палец к губам и строго делали «шшшшшш...». Никто тут не хотел отвечать Артему, никто не собирался жить.

Ничего из Питера. Ничего из Екатеринбурга.

Молчал Лондон. Молчал Париж. Молчали Бангкок и Нью-Йорк.

Неважно уже давно было, кто начал ту войну. Неважно было, с чего она началась. Для чего? Для истории? Историю победители пишут, а тут некому было писать, да и читать скоро некому будет.

Шшшшшш...

Пустота была в эфире. Бескрайняя пустота.

Ииииу....

Болтались на орбите неприкаянные спутники связи: никто их не звал, и они сходили с ума от одиночества, и бросались на Землю, чтобы пусть уж лучше сгореть в воздухе, чем так.

Ни слова из Пекина. И Токио – могила.

А Артем все равно крутил эту проклятую ручку, крутил, греб, греб, крутил.

Как тихо было! Невозможно тихо. Невыносимо.

– Тут Москва! Тут Москва! Ответьте!

Это его голос, Артема. Это он, как всегда, не дождался, не вытерпел.

– Тут Москва! Прием! Ответьте!

Ииииииу.

Не останавливаться. Не сдаваться.

– Петербург! Ответьте! Владивосток! Ответьте Москве! Ростов! Ответьте!

Что с тобой, город Питер? Неужели хлипкий ты такой оказался, хлипче Москвы?! Что там вместо тебя? Стеклоозеро? Или тебя плесень съела? Почему не отвечаешь? А?

Куда делся ты, Владивосток, гордый город на другом краю света? Ты ведь так далеко от нас стоял, неужели и тебя зачумили? Неужели и тебя не пожалели? Кхх. Кхх.

– Ответьте, Владивосток! Тут Москва!

Весь мир лежит ничком, лицом в грязь, и не слышит этого бесконечного дождя по спине каплями, и не чувствует, что и рот, и нос ржавой водой заполнены.

А Москва... Вот. Стоит. На ногах. Как живая.

– Да что вы, сдохли там, что ли, все?!

Шшшшшш...

Может, души их так отвечали ему, забравшись в радиоэфир? А может, так фон звучал? Должен же и у смерти быть свой голос. Такой вот наверное, как раз: шепот. Тссс... Ну-ну. Не шуми. Успокойся. Успокойся.

– Тут Москва! Ответьте!

Может, сейчас услышат?

Вот прямо сейчас кашляет в наушнике кто-то, прорвется взволнованный через шипение, закричит далеко-далеко:

– Мы тут! Москва! Слышу вас! Прием! Москва! Только не отключайтесь! Вас слышу! Господи! Москва! Москва на связь вышла! Сколько вас там выжило?! У нас тут колония, двадцать пять тысяч человек! Земля чистая! Фон нулевой! Вода незараженная! Еда? Конечно! Лекарства есть, есть! Высылаем за вами спасательную экспедицию! Только держитесь! Слышите, Москва?! Главное – держитесь!

Ииииииу. Пусто.

Это не сеанс радиосвязи был, а спиритический сеанс. И тот не удавался Артему никак. Духи, которых он вызывал, не хотели к нему. Им и на том свете хорошо было. Они смотрели сверху на Артемову фигурку сгорбленную в редкие просветы меж облаков, и только ухмылялись: туда? К вам? Нет уж, дудки!

Кхххххх.

Бросил крутить гребаную ручку. Сорвал наушники. Поднялся, смотал провод антенны аккуратной бухтой, медленно, насилуя себя этой аккуратностью – потому что хотелось: рвануть его так, чтоб на куски, и зашвырнуть с сорок шестого этажа в пропасть.

Сложил все в ранец. Посадил его к себе на плечи, черта-искусителя. Понес вниз. В метро. До завтра.

* * *

– Дезактивацию провел? – прогундосила синяя трубка.

– Провел.

– Почетче!

– Провел!

– Провел он, ага... – трубка неверяще цыкнула, и Артем шваркнул ее о стену с ненавистью.

Внутри двери заскребся замок, втягивая языки. Потом она ухнула протяжно, открылась, и метро дохнуло на Артема своим спертым тяжелым духом.

Сухой встречал его на пороге. То ли чувствовал, когда Артем вернется, то ли вообще не уходил на самом деле никуда. Чувствовал, наверное.

– Как ты? – спросил он устало, беззлобно.

Артем пожал плечами. Сухой ощупал его взглядом. Мягко, как детский врач.

– Там тебя человек искал. С другой станции пришел.

Артем подобрался.

– Не от Мельника?

Звякнуло в его голосе что-то, как будто гильзу на пол уронили. Надежда? Или малодушие? Или что?

– Нет. Старик какой-то.

– Что за старик? – вся последняя сила, собранная на тот случай, если отчим скажет «да», тут же вытекла из Артема, сразу в стоки ушла, и ему теперь хотелось только лечь.

– Гомер. Гомером назвался. Знаешь такого?

– Нет. Я спать, дядь Саш.

* * *

Она не шелохнулась. Спит или не спит? – думал Артем. Так, механически думал, потому что не было ему уже никакого дела до того, спит она или притворяется. Свалил одежду кулем при входе, потер зябко плечи, сиротски приткнулся к Ане сбоку, потянул на себя одеяло. Было бы второе – не стал бы даже ввязываться.

На станционных часах было семь вечера, что ли. Но Ане в десять вставать – и на грибы. А Артема от грибов освободили, как героя. Или как инвалида? И остальным занимался по своему хотению. Просыпался, когда она возвращалась со смены – и уходил наверх. Отключался, когда она еще притворялась, что спит. Так они жили: в противофазе. В одной койке, в разных измерениях.

Осторожно, чтобы не разбудить ее, Артем стал наворачивать стеганое красное полотно на себя. Аня почувствовала – и, не говоря ни слова, яростно дернула одеяло в обратную сторону. Через минуту этой идиотской борьбы Артем сдался – и остался лежать на краю постели голым.

– Супер, – сказал он.

Она молчала.

Отчего лампочка горит сначала, а потом перегорает?

Тогда он лег лицом в подушку – их-то, слава богу, было две – согрел ее дыханием, и так уснул. А в подлом сне увидел Аню другую – смеющуюся, бойкую, задирающую его весело, совсем молодую какую-то. Хотя сколько прошло? Два года? Два дня? Черт знает, когда такое могло быть. Им тогда казалось, что у них целая вечность впереди, обоим казалось. Получается, вечность назад это все и было.

Во сне тоже было холодно, но там Аня морозила его – кажется, по станции голым гоняла – из баловства, а не из ненависти. И когда Артем очнулся, по сонной инерции верил еще целую минуту, что вечность не кончилась пока, что они с Аней только в середине ее находятся. Хотел позвать ее, простить, обратить все в шутку. Потом вспомнил.

Глава 2. Метро

– А ты-то меня хоть пытаешься слушать? – спросил он у Ани.

Но ее уже не было в палатке.

Одежда его лежала ровно на том месте, где он ее сбросил: на проходе. Аня не прибрала ее, не расшвыряла. Переступила только, будто боялась дотронуться. Заразиться. Может, и вправду боялась.

Наверное, ей одеяло и было всегда нужнее. Он уж как-нибудь согреется.

Хорошо, что ушла. Спасибо тебе, Аня. Спасибо, что не стала со мной разговаривать. Что не стала мне отвечать.

– Спасибоочки, бля! – сказал он вслух.

– Можно? – отозвался кто-то сквозь брезент и прямо над ухом. – Артем? Не спите?

Артем пополз к своим порткам.

Снаружи, усевшись на раскладной походный табурет, ждал старик со слишком мягким для своего возраста лицом. Сидел он удобно, уютно, равновесно, и было ясно, что расположился он тут давно, а уходить не собирается вовсе. Старик был чужим, не со станции: морщился, неосторожно вдохнув носом. Пришлых видно.

Артем сложил пальцы козырьком, и закрывшись этим козырьком от алого света, которым была залита станция ВДНХ, взгляделся в гостя.

– Чего тебе надобно, старче?

– Вы Артем?

– Допустим, – Артем втянул носом воздух. – Зависит.

– Я Гомер, – заявил старик, не вставая. – Зовут так.

– Правда?

– Я книги пишу. Книгу.

– Интересно, – сказал Артем голосом человека, которому неинтересно.

– Историческую. Как бы. Но про наши дни.

– Историческую, – повторил Артем осторожно, оглядываясь по сторонам. – Это зачем? История-то, говорят, все! Кончилась.

– А мы? Кто-то должен ведь обо всем, что с нами тут... Обо всем, что с нами тут происходит, потомкам рассказать.

Если не от Мельника, думал Артем, то кто? От кого? Зачем?

– Потомкам. Святое дело.

– И надо о самом главном, с одной стороны, рассказать... Чем мы тут живем. Все вехи и перипетии, так сказать, отразить. А с другой – как это сделать? Сухие факты забываются. Чтобы люди запомнили, нужна живая история. Нужен герой. Искал вот материал. Пробовал всякое. Казалось, нашел. Но потом взялся... И не сработало. Не получилось. А потом услышал про ВДНХ, и...

Было видно, что старику нелегко объяснить, но Артем не собирался ему помогать; он все не мог понять, что же сейчас будет. Зла от старика не шло, одна неуместность, но что-то скапливалось в воздухе, что-то образовывалось между ним и Артемом такое, что должно было вот-вот разорваться, ожечь, и посеять осколками.

– Мне про ВДНХ рассказали... Про черных – и про вас. И я понял, что должен именно вас найти, чтобы эту...

Артем кивнул: дошло наконец.

– Отличная история.

И, не прощаясь, зашагал прочь, сунув вечно зябнувшие руки в карманы. Старичок застрял сади на своем удобном табуретике, что-то еще объясняя Артемовой спине вдогонку. Но Артем решил: оглохнуть.

Поморгал – глаза привыкли, можно больше не щуриться.

К тому свету, который на поверхности, они дольше привыкали. Год. Это быстро! Большинство жителей метро от солнечного света, даже от такого, облаками придушенного, ослепли бы, наверное, навсегда. Всю жизнь впотьмах ведь. А Артем себя видеть наверху заставил. Видеть тот мир, в котором родился. Потому что если ты не можешь солнце потерпеть – как ты наверх вернешься, когда время придет?

Все в метро родившиеся росли уже без солнца, как грибы. Нормально: оказалось, не солнце нужно людям, а витамин D. Оказалось, солнечный свет можно в виде драже жрать. А жить можно и на ощупь.

В метро общего освещения не было. Не было общего электричества. Совсем ничего общего не было: каждый сам за себя. На некоторых станциях наловчились вырабатывать достаточно света для того, чтобы было почти как раньше. На других – его хватало на одну лампочку, горящую посреди платформы. Третьи были забиты густой чернотой, как в туннелях. Если приносил туда кто-то свет с собой в кармане, то мог выловить из ничего по кусочкам – пол, потолок, мраморную колонну; и из темноты сползались на луч его фонарика жители станции, желающие немного посмотреть. Но лучше им было не показываться: без глаз они вполне приучились существовать, но рот-то у них не зарос.

На станции ВДНХ жизнь была налажена крепко, и народ был балованный: у отдельных людей в палатках горели утащенные сверху маленькие диоды, а для общих мест имелось старое еще аварийное освещение – лампы в красных стеклянных колпаках; при таком было бы удобно, положим, негативы фотографий проявлять. Так вот и Артемова душа медленно в этом красном свете проявлялась, появлялась из проявителя, и видно становилось, что снята она была еще там, наверху, майским ярким днем.

А другим днем – октябрьским, пасмурным – засвечена.

– Отличная история, а, Жень? Помнишь черных? – шептал Артем; но отвечали всегда другие. Всегда не те ему отвечали.

– Здоров, Артем!

– О, Артем!

Здоровались все. Кто-то улыбался, кто-то хмурился, но здоровались – все. Потому что все помнили черных, а не только Женька с Артемом. Все помнили эту историю, хотя не знал ее никто.

Станция метро ВДНХ: конечная. Дом родной. Двести метров в длину, и на них – двести человек. Места как раз: меньше – не надышишься, больше – не согреешься.

Построена станция была лет сто назад, во времена прежней империи, из ее имперского обычного материала: мрамора и гранита. Замышлялась она торжественной, как дворец, но была, разумеется, закопана в землю, так что вышло среднее между музеем и усыпальницей. Прадедовский дух тут был, как и в прочих всех станциях, даже и более новых, совсем неистребим. Вроде и выросли жители метро, а все сидели у каких-то древних стариков на их бронзовых коленях, и слезть было нельзя – не отпускали.

Закопченные колонны развесистые, в арках между ними развернуты древние и изношенные армейские палатки: в каждой – семья, в некоторых – по две. Семьи эти можно запросто перетасовать, никто, наверное, разницы и не заметит: когда живешь вместе двадцать лет на одной станции, когда между твоими тайнами и соседскими, между всеми стонами и всеми криками – брезента один слой, так получается.

Где-то, может, люди бы и съели друг друга уже – зависть ведь, и ревность к Богу, что он чужих детей больше любит, и невозможность разделить с другими своего мужа или жену, и

жилплощадь вполне стоит того, чтобы за нее удавить; но не тут, не на ВДНХ. Тут вышло как-то просто – и по-свойски.

Как в деревне или как в коммуне. Нет чужих детей: у соседей здоровый родился – общий праздник; у тебя больной – помогут тянуть, кто чем. Негде расселиться – другие подвинутся. С другом подерешься – теснота помирит. Жена ушла – простишь рано или поздно. На самом деле ведь никуда она не ушла, а тут же осталась, в этом же мраморном зале, над который сверху навалено миллион тонн земли; разве что теперь за другим куском брезента спит. Но каждый день будете встречаться с ней, и не раз, а сто. Придется договориться. Не получится представить себе, что ее нет и не было. Главное – что все живы, а там уж... Как в коммуне или как в пещере.

Путь-то отсюда был – южный туннель, который вел к Алексеевской и дальше, в большое метро, но... Может, в том и дело, что ВДНХ была – конечная. И жили тут те, кто не хотел уже и не мог никуда идти. Кому дом был нужен.

Артем остановился у одной палатки, замер. Стоял, просвечивал им внутрь сквозь изношенный брезент, пока наружу не вышла тетя с отечным лицом.

– Здравствуй, Артем.

– Здравствуйте, Катерина Сергеевна.

– Жени нет, Артем.

Он кивнул ей. Захотелось погладить ее волосы, за руку взять. Сказать, мол, да я знаю, знаю. Я все знаю на самом деле, Екатерина Сергеевна. Или вы себе это говорите?

– Иди, Артем. Иди. Не стой тут. Поди там, чайку выпей.

– Так точно.

С обоих концов зал станции был обрублен по эскалаторы – сами замуровали и законопатили себя внутри, чтобы с поверхности воздух отравленный не тек... Ну и от гостей всяких. С одной стороны, где новый выход – наглухо. С другой, где старый – оставили шлюз для подъема в город.

Там, где глухая стена – кухня и клуб. Плиты для готовки, хозяйки в фартуках суетятся, варганят обед детям и мужьям; ходит вода по трубкам угольных фильтров, журчит, сливаясь в баки, почти прозрачная; то и дело чайник свистеть начинает – со смены с ферм забежал гонец за кипятком, вытирает руки о штаны, ищет среди кухарок свою жену, чтобы за мягкое ее прихватить, о любви напомнить, и заодно досрочно полуготового чего-нибудь кусок схарчить.

И плиты, и чайники, и посуда, и стулья со столами – были все не свои, а колхозные, но люди к ним бережно отнеслись, не портили.

Все, кроме еды, принесли сверху: в метро ничего толкового не смастерить. Хорошо, что мертвые, когда жить собирались, впрок себе всякого добра наготовили – лампочек, дизель-генераторов, проводов, оружия, патронов, посуды, мебели, одежды нашили прорву. Теперь можно за ними донашивать, как за старшими братьями и сестрами. Надолго хватит. Во всем метро народу – не больше пятидесяти тысяч. А в Москве раньше жило пятнадцать миллионов. У каждого, выходит, таких родственников – по триста человек. Толпятся беззвучно, протягивают свои обноски молча: бери мои, мол, бери-бери, новые почти, я-то из них уже вырос.

Проверить только их вещи дозиметром – не слишком щелкает? – поблагодарить и можно пользоваться.

Артем добрался до чайной очереди, приткнулся последним.

– Артем, ну куда ты, как не свой! В очереди он еще тут будет! Садись, в ногах правды... Плеснуть горяченького?

Заправляла тут Дашка-Шуба, баба лет уже, видимо, пятидесяти, но совершенно не желающая об этом думать. Приехала она в Москву из какой-то дыры под Ярославлем за три дня до того, как все ухнуло. Шубу покупать. Купила; и с тех пор больше не снимала ее уже ни днем, ни ночью, ни в уборную сходить. Артем никогда над ней не смеялся: а если бы у него остался

вот такой кусок прежней его собственной жизни? Мая, или пломбира, или тени от тополей, или маминой улыбки?

– Да. Спасибо, тетя Даш.

– Все ты тетякаешь мне! – укоризненно и кокетливо. – Ну что там, сверху-от? Погодка как?

– Дождик.

– Ак это опять нас подтопит, что ли? Слышь, Айгуль? Дошь, говорят.

– Аллах нас наказывает. За грехи. Глянь, свинина-то не сгорит у тебя?

– Ну что сразу Аллах твой! Аллах у нее сразу! А и правда, подгорает... Как Мехмет твой, вернулся с Ганзы?

– Третий день нету. Третий!

– Не переживай так-то...

– Вот я тебе сердцем клянусь, Даша, завел себе он там кого-то! Из ваших завел! В грехе...

– Ваших-наших... Что ты как эта... Мы все тут, Айгулюшка... Все заодно.

– Давалку какую-нибудь завел, Аллахом тебе...

– Ак ты бы сама-то ему почаще давала... Мужики-то ведь они как котята... Тычутся, пока не найдут...

– Да что вы несете?! По делам он по торговым! – вступился мужичок полудетского размера и с детским почти лицом, только испитым; отчего-то не смог вырасти как следует.

– Ладно-ладно. Ты, Коля, подельников-то не прикрывай своих! А ты, Артем, не слушай нас, баб. На-ко. Подуй, горячо.

– Спасибо.

Подошел человек, разлинованный старыми белыми шрамами и совсем лысый, но при этом не свирепый из-за пушистых бровей и обтекаемой речи.

– Приветствую всех присутствующих, дам отдельно! А кто тут за чайком? Я за тобой тогда, Колюнъ. Про Ганзу слышали уже?

– А что Ганза?

– Граница на замке. Как выразился классик, загорелся красный свет, говорит, прохода нет. Пятеро наших там торчат.

– Вона чего, Айгулька. Грибы помешай свои там, грибочки.

– А мой там! А я что! Аллахом... Как закрыли? А, Кстантин?

– Закрыли и все дела. Не наше вшивое дело. Приказ есть приказ.

– Опять поди воюют! С Красной Линией, небось, опять воюют, а? Хоть бы передохли там они уже все ведь!

– А кто знает, а, Кстантин? Это мне к кому идти? Мехмет-то мой...

– Для профилактики это. Я оттуда только. По торговле карантин какой-то. Откроют скоро. Здравствуйте.

– Ой, здрааасьте, мушщина. В гости к нам? Кто-откуда?

– С Севастопольской я. Можно тут присесть?

Артем перестал дышать жгучим паром, оторвался от белой выщербленной кружки с золотым кантиком. Старик доковылял сюда, разыскал его, и теперь украдкой, уголком глаза его изучал. Ладно. Не бегать же от него.

– А ты-то как к нам пробрался, дедуль? Если закрыли все? – Артем вызвал пронирыливого старика на прямой взгляд.

– Последним проскочил, – тот не мигал, не уклонялся. – Прямо после меня и закрыли.

– Век бы без них и жили, без Ганзы этой! А вот они без нашего чайку, без грибочков-от наших пускай попробуют, дармоеды! Мы-то продержимся с Божьей помощью!

– Откроют! А если не откроют? А Мехмет-то мой!

– А ты, Айгулька, к Сухому сходи. Он-то твоего Мехметика в два счета достанет. Не бросит уж. Чайку, может? Пробовал наш уже?

– Не откажусь, – с достоинством качнул бородой самозванный Гомер.

Он сидел против Артема, прихлебывал местный их грибной отвар, горделиво, но беспричинно именуемый чаем – настоящий-то чай, конечно, весь выпит был лет десять как – и ждал. И Артем ждал.

– Кто за кипятком?

У Артема екнуло: Аня подошла. Встала, не замечая его, спиной.

– Трудисься сегодня, Анют? – сразу же привлекла ее к разговору Шуба, отирая руки о лысеющие меховые карманы. – Грибочки?

– Грибочки, – та спиной и ответила, лишь бы не оборачиваться; значит, все она заметила.

– Поясница, небось, а? В наклонку-то.

– Отваливается, тетя Даш.

– Грибы не свиньи! – неодобрительно шмыгнув, высказалась раскосая кряжистая Айгуль. – В наклонку ей. Ты в говне-ка повозись!

– Сама и повозись. Каждый себе по душе работу выбирает, – ровно возразила Аня.

Ровно возразила; но Артем знал – вот именно когда таким голосом она говорит, спокойным – может ударить. Да и вообще все может, обучена. С таким отцом.

– Не ссорьтесь, девочки, – зажурчал исполосованный Константин. – Все профессии нужны, все профессии важны, как сказал классик. Без грибов порося-то чем кормить?

Грибы-шампиньоны росли в заваленном северном туннеле, одном из двух, которые раньше вели к станции Ботанический сад. Триста метров грибных плантаций, а за ними – еще свиноферма. Свиней подальше запихнули, чтобы вони меньше. Как будто тут триста метров спасти могут. Спасало другое: устройство человеческих чувств.

Вновь прибывшие мерзотный свиной дух ощущали день-другой. Потом – принюхивались. Аня принюхалась не сразу. Местные жители давно не слышали ничего. Им и сравнивать было не с чем. А Артему вот было.

– Хорошо, когда душа к грибам лежит, – прицельно глядя Ане в затылок, четко проговорил он. – С грибами проще договориться, чем с людьми.

– А зря вообще некоторые к грибам с таким презрением, – сказала та. – Есть люди, которых от грибов не сразу и отличишь. И болезни даже общие, – Аня наконец развернулась к нему. – Вот у меня сегодня, например. На половине грибов – гниль какая-то. Гнильца появилась, понимаешь? Откуда взялась?

– Что за гниль еще? – обеспокоилась Айгуль. – Нам гнили еще только тут не хватало, Аллах спаси!

– Чаю, может, кому? – влезла Шуба.

– Ящик гнили вот набрала, – в глаза Артему сказала Аня. – А ведь были нормальные раньше грибы. Здоровые.

– Ну это прямо беда какая-то! – покачал головой Артем. – Грибы протухли.

– Ак жрать-то мы чего будем? – резонно заметила Шуба.

– Ну конечно, разве это беда? – тихо и железно ответила ему Аня. – Вот когда великого героя и спасителя всея метро всерьез никто не воспринимает больше – вот это беда!

– Пойдем-ка, Айгулька, продышимся, – вздернула нарисованную бровь Шуба. – Тут жарковато что-то становится.

– Эхм... – Гомер поднялся вслед за остальными.

– Нет, – остановил его Артем. – Вот. Ты же хотел про героя послушать? Про Артема, который все метро спас? Вот, слушай. Послушай правду. Людям, думаешь, до этого есть дело?

– Потому что у людей свои дела. Настоящие дела. Работать. Своих кормить. Детей растить. А когда кое-кто мается и не может себе дела найти, и выдумывает себе херню всякую –

вот это да, беда, – Аня заняла позицию и вела по нему огонь очередями: короткая, короткая, длинная.

– Нет, беда, это когда человек не хочет жить, как человек, а хочет, как порось и как гриб, – ответил Артем. – Когда его одно только заботит...

– Беда, это когда гриб решает, что он человек, – уже не пряча ненависть, сказала Аня. – А правды ему никто не говорит, чтобы не расстраивать.

– Правда, что ли, на грибах гниль? – спросила, почти уже совсем отчалив, Дашка-Шуба.

– Правда.

– Тьфу ты, пропасть.

– Аллах нас наказывает! – громогласно заявила Айгуль с расстояния. – За грехи! Что свинину едим, за это!

– Ну и ты иди... Иди... Грибы зовут... – подтолкнул застывшую Аню Артем. – Кашляют, чихают. Где ты, мама, говорят.

– Сука ты. Бесполезная.

– Иди!

– От грибов-то скорее дождешься.

– Иди! Иди давай!

– Ты иди. Сам иди. Давай, вали к себе наверх. Хоть на весь город свою антенну размотай. Глотку порви себе со своими причитаниями. Никого там нет, понял? Никого. Все сдохли. Радиолобитель. Мудак.

– Да ты еще потом сама...

– Не будет никакого «потом», Артем. Не будет.

Глаза у нее были сухими. Отец ее научил, как не плакать. У нее-то был отец. Собственный, родной.

Развернулась, ушла.

Артем остался над чашкой грибного отвара: белой, со сколотой золотой каемкой. Гомер сидел рядом осторожно, молча. На кухню стали возвращаться люди. Говорили о том, что грибы побила какая-то белая гниль, вздыхали, чтобы войны снова не было, судачили, кого чей муж на свиноферме за какую часть взял. Проскочил мимо розовый маленький визжащий поросенок, за ним бледная чахоточная девочка, обошла кругом стол кошка с поднятым трубой хвостом, потерлась об Артемово колено, заглянула ему в рот. Пар над кружкой простыл, чай затянулся пенкой. И внутри у Артема стало все пенкой затягиваться. Он бросил чашку, посмотрел вперед. Там был этот старик.

– Вот такая история, дедуль.

– Мне... Я... Извините.

– Зря шел, а? Потомки такому не обрадуются. У кого будут.

– Не зря.

Артем цыкнул зубом: упрямый какой старикан.

Стащил свою задницу со скамейки, поволок ее вон из кухни: завтрак окончен, теперь нужно трудовую повинность отработать. Гомер прилепился сзади.

– А о чем, простите... Вы там... О чем эта девушка говорила? Антенна... Радиолобитель... Не мое, разумеется, дело, но... Вы наверх поднимаетесь, да? Радио слушаете?

– Поднимаюсь и слушаю.

– Надеетесь найти других выживших?

– Надеюсь найти других выживших.

– И как успехи?

В его голосе Артем не услышал никакой издевки. Просто любопытствовал человек, как будто Артем занимался чем-то совершенно обычным. Допустим, окорока вяленые на Ганзу возил.

– Никак.

Гомер покивал ему, нахмурился. Собрался что-то рассказать, но передумал. Пособолезнует? Попытается вразумить? Притворится заинтересованным? Артему было плевать.

Дошли до загона с велосипедами.

Грибы Артем не любил за то, что Аня их любила; поросей – за вонь, которую он тут один чувствовал. И договорился: как героя – от этого освободили. Но тунеядцев на ВДНХ не кормили. Отдежурил в туннеле на блокпосту – отработай еще и на станции. И Артем выбрал велосипеды.

Их было четырнадцать – в ряд, рулем к стене, на стене – плакаты. На одном плакате – Кремль и Москва-река, на другом – поблекшая чья-то красота в розовом купальнике, на третьем – небоскребы Нью-Йорка, на четвертом – заснеженный монастырь и православные праздники на календарной сетке. Выбирай настроение, крути педали. Велосипеды стоят на распорках, от колес – ремни идут к динамо-машине. На каждом маленький фонарик приделан, светит слабо на сегодняшнюю твою плакатную мечту. Остальное электричество – в аккумуляторы, станцию питать.

Велосипеды стояли в заваленном южном туннеле, чужих к ним не подпускали: стратегический объект. Старик сюда еще, кажется, не заглядывал.

– Со мной, – неведомо зачем махнул охраннику Артем, и Гомеру дали пройти.

Артем оседлал ржавую раму, взялся за резиновые рукояти. Впереди замаячил выщипанный у ганзейских книготорговцев Берлин: Бранденбургские ворота, телебашня, и черная скульптура женщина с поднятыми к голове руками. Ворота эти, понял Артем, очень были похожи на вход на ВДНХ, а берлинская телебашня, хоть и был у нее посередине шарообразный нарост-пузырь, напоминала Останкинскую. И вот эта статуя женщины – то ли кричащей, то ли уши зажимающей... Будто и не уезжал никуда.

– Не хочешь прокатиться, дед? – обернулся к Гомеру Артем. – Для сердца полезно. Дольше протянешь. Тут.

Но старик не отвечал – стеклянно смотрел на то, как вращаются спущенные колеса, пытаясь уцепиться за воздух. Лицо у него было перекошено, как у паралитика: половина улыбается, половина омертвела.

– Все хорошо с тобой, дедуль? – спросил Артем.

– Да. Вспомнил кое-что. Кое-кого, – Гомер хрипнул, прочистил горло, оправился.

– А.

У всех есть, кого вспомнить. По триста теней на человека. Только и ждут, чтобы ты о них подумал. Расставят свои силки, установят растяжки, лесочки протянут, паутинки – и ждут. Кому велосипед бесколесый напомнит, как детей учил по двору ездить, кому чайник засвистит – точь-в-точь как у родителей на кухне, когда по выходным в гости приходил обедать и делиться жизнью. Моргнешь – и в этот самый миг между сейчас и сейчас вдруг глаза видят вчера, и видят их лица. С годами, правда, все хуже видят. И ладно.

– Откуда ты про меня узнал?

– Слава, – улыбнулся Гомер. – Все знают.

Артем скривился.

– Слава, – выплюнул он это слово обратно.

– Вы же метро спасли. Людей. Если бы вы тех тварей тогда ракетами не... Я не понимаю, если честно. Почему вы не хотите рассказывать об этом?

Впереди были: телебашня, ворота на ВДНХ, черная женщина с воздетыми руками. Надо было на другой велосипед залезать, но другие все уже были заняты, и Артему достался именно этот. Артем хотел бы крутить педали в обратном направлении, назад, прочь от башни, но так электричество не вырабатывалось.

– Я от Мельника о вас услышал.

– Что?

– Мельник. Знаете его? Командир Ордена. Про Орден-то вы, конечно, осведомлены? Спартанцы... Вы же сами, насколько я понимаю, состояли в нем... раньше?

– Вас Мельник ко мне отправил?

– Нет. Мельник рассказал просто. Что это вы им сообщили. Про черных. Что вы через все метро прошли... Ну и я сам уже потом... Стал раскапывать. Что мог. Но тут все равно много неясного. Понял, что без вас толком не разобраться, и решил...

– Он еще что-нибудь говорил?

– А? Кто?

– Мельник еще что-нибудь говорил про меня?

– Говорил.

Артем перестал крутить педали. Перемахнул через раму, спрыгнул на пол. Скрестил руки на груди.

– Ну?

– Что... Что вы женились. Что зажили нормальной человеческой жизнью.

– Так он сказал?

– Так и сказал.

– Нормальной человеческой жизнью, – Артем улыбнулся.

– Если я ничего не путаю.

– А что это на его дочери я женился, не уточнил?

Гомер покачал головой.

– Все?

Старик пожевал. Вдохнул. Признался.

– Сказал, что у вас случилось помешательство.

– Ну конечно. У меня.

– Я просто передаю, что слышал...

– Больше ничего?

– Кажется...

– Что убить меня собирается, например? Из-за дочки... Или...

– Нет, ничего такого!

– Или обратно ждет... В строй?

– Не припомню...

Помолчал, переварил. Вспомнил, что Гомер все еще тут, изучает его.

– Помешательство! – Артем хохотнул как получилось.

– Я так не считаю, – предупредил его Гомер. – Кто бы что ни говорил, я совершенно убежден, что...

– Откуда вам-то знать? Тебе?

– Только потому что вы продолжаете искать выживших? Только потому что вы не хотите сдаваться – считать вас сумасшедшим? Слушайте, – старик глядел на Артема серьезно. – Вы же гробите себя ради людей, и я, честное слово, не понимаю, почему они к вам так.

– Каждый божий день хожу.

– Наверх?

– Каждый день – по эскалатору на поверхность. Потом до этой высоты. Пешком – на крышу по лестнице. С ранцем.

Велосипедные соседи запришлушивались, замедлили свою гонку.

– И да! Ни разу еще не слышал, чтобы ответили! И что? Что это доказывает?! – Артем уже не Гомеру кричал, а всем этим гребаным велосипедистам, мчащимся в стену, в землю. – Ничего это не доказывает! Как вы не чувствуете?! Должны быть еще люди! Должны быть еще города! Не можем мы в этой дыре, в этих пещерах быть – единственными!

– Да хорош ты, Артем! Задрал уже! – не выдержал парень с долгим носом и мелкими глазками. – Всех же разбомбили америкосы! Ничего нет! Что ты страдаешь все?! Они нас, мы их, точка!

– А если мы и не единственные? – как бы сам у себя поинтересовался Гомер. – Если я вам скажу, что...

– Лазает туда, как на работу! Сам фонит и других облучает! Труп ходячий! – парень никак не мог остановиться. – Нас еще потравить всех тут надо теперь?!

– Если я вам скажу, что есть... Выжившие? Если скажу, что сигналы из других городов были? И что их перехватывали?

– Повтори.

– Были сигналы из других городов, – твердо сказал Гомер. – Их ловили. Разговаривали.

– Врешь.

– Я знаю сам человека, который вел радиообмен...

– Врешь.

– А если он сейчас перед вами стоит? Что тогда скажете? – Гомер подмигнул Артему. – А?

– Что крыша у тебя съехала, дед. Или что нарочно врешь. Врешь ведь? Врешь?!

Глава 3. Труба

На станции потолки были невысокие, под людей. Но перегоны строили не для них: от стены до стены пять метров, и от потолка до пола столько же.

Далеко, на другом конце метро обитали дикие, верившие, что туннели это ходы, прорытые в тверди Великим Червем, богом, создавшим Землю и родившим из своего чрева людей; а уже люди только потом отреклись от своего Творца, приспособили эти ходы под свои надобности, а вместо Червя построили себе из железа поезда и стали врать себе, что они и были изначально, а никакого Червя не было. Почему бы в такого бога не верить? Он к подземной жизни больше приспособлен.

Туннели были темные, страшные, они сочились ручейками грунтовых вод, которые в любую секунду могли прорвать чугунную чешую тюбингов и заглотить целые линии. От ручейков шла испарина, и холодный туман не давал далеко проникать свету от фонарей. Туннели не были созданы для человека, это точно, а человек не был создан для туннелей.

Даже тут, всего в трехстах метрах от станции, было жутковато. Чтобы заглушить шепчущую жуть, люди болтали.

Костер – недосушенные поленья – немного смолил.

Туннель, конечно, был живой: он дышал с присвистом, втягивал дымок от костра своими дырявыми легкими с наслаждением, будто курил. Дым вился, улетал вверх и пропадал в заросших трахеях вентиляционных шахт.

Поодаль книзу стояла дрезина на ручных рычагах, на которой смена сюда и прибыла. До станции – триста метров. Если пойдет кто из северной черноты на ВДНХ, дозор должен принять удар на себя и, если придется, полечь, а на станцию отправить одного человека, «уцелевшего». Предупредить. Чтобы дети успели попрятаться, а женщины чтобы успели взять оружие и вместе с мужьями загородить собой вход.

Это работало всегда: потому ВДНХ и была до сих пор, два с лишним десятилетия как, обитаема. Но в последнюю пару лет тут кто если и появлялся, то разве по недоразумению. Последняя страшная угроза и станции, и всему метро – черные – сгинули, уничтоженные ракетным штормом, как раз два года тому.

И каждый на Выставке помнил, кто спас людей от этих тварей: Артем.

Теперь к северу от ВДНХ шла только цепь отмерших, пустых станций, первой из которых был Ботанический сад. Сад лежал мелко, к поверхности совсем близко, и гермоворота, которые должны были отсекал мир сверху от мира снизу, там были распечатаны и сломаны. Жизнь на Ботаническом саду была невозможна, а что начиналось за ним, людям было неинтересно. Поэтому край земли проходил ровно по тому месту, куда доставал свет от костерка. А дальше шел космос.

Отгороженные от вакуума мешками с песком, сваленными в брустверы, сидели дозорные. Опирались друг на друга «калаши», составленные пирамидой. На огне грел пузо битый закопченный чайник.

Артем расположился к костру лицом, а к туннельной пустоте – затылком. Сюда же, рядом, посадил Гомера, которого специально привел в эту тихую пустоту; не хотел слушать его рассказ там, на велосипедах, при всех. Совсем без свидетелей не получится, пусть их хоть поменьше будет.

– Зря к трубе спиной! – цыкнул ему Левашов.

Но Артем сейчас верил этому туннелю. Научился его ощущать.

Остальные так расселись, чтобы не сводить глаз с туннельной пасти. Гомеру сказано было вещать негромко, чтобы не возбуждать остальных; но Гомер негромко не умел.

– Полярные Зори этот городок называется. Находится на Кольском полуострове. Рядом – АЭС, причем учтите – в рабочем состоянии. Запас хода у станции – лет сто еще! Потому что всего один город питает. А город они превратили в крепость. Частокол построили из бревен, прочие укрепления. Оборону наладили прилично. Военные части рядом были, охраняли АЭС, из них набрали гарнизон этих Полярных Зорь. Вокруг места гиблые, Север. Но эти держатся. Станция им и свет, и тепло дает – для хозяйства. Так что...

– Что ты изобретаешь-то, а? – крикнул с того края Левашов: глаза красные, уши мясистые, а еще и усы кое-как растут, кверху. – Какие на хер зори еще! Да за Ботаничкой дальше по трубе никого, кроме собак бродячих нет! Мало нам одного приклепнутого, второй нарисовался!

– У них клуб теперь будет тут свой, – подмигнул Арменчик, ногтем цепляя между зубами застрявшее поросычье волокно. – Клуб мечтателей и романтиков «Алые паруса».

– Кто этот сигнал принимал? Кто с ними говорил? – Артем смотрел старику в бороду, в шевелящиеся губы, как глухой, читая.

– Я... – заново начал Гомер. – Я сам из тех мест. Архангельский. Так же вот все надеялся найти, может из моих кто остался. Слушал... Искал. Нашел-таки. Архангельск, правда, мой молчит. Зато Полярные Зори! Целый город, представляете? Наверху! Горячая вода, свет... Но самое интересное – у них там прекрасная электронная библиотека сохранилась. На магнитных носителях, на компакт-дисках. Вся мировая литература, кино... Понимаете? Электричество-то есть, сколько угодно...

– Какие волны? Какая частота? – врезался в его уютное повествование Артем.

– То есть, это такой своеобразный Ноев Ковчег. На котором, правда, не каждой твари по паре спаслось, а вся культура нашей цивилизации... – как будто и не слыша, продолжал токовать старик.

– Во сколько был контакт? Как часто? Где у тебя точка стояла? Какое оборудование? С какой высоты удалось сигнал поймать? Почему у меня тогда не выходило?!

Старик ожидал беседы, а не допроса: уютной беседы у костерка. Но Артем слишком уж хотел этой минуты, чтобы на розовые сопли ее тратить. Первое: убедиться, что это правда.

Артем и сам все знал про миражи, которые маячат в той пустыне, наверху. Нет, ему не любоваться на них нужно, а дотронуться, поверить.

– Ну! – он не отпускал, давил; нельзя было старику дать выскользнуть. – Вспоминай точно! Почему у меня больше не получается?!

– Я... – Гомер причмокивал и размышлял, уводил глаза в темноту; но сдался наконец. – Не знаю.

– Как – не знаешь? Как ты можешь такое – не знать?! Если ты сам их сигнал ловил?!

Постеснялся – и признался, сволочь.

– Это не я ловил. Встретился мне просто человек. Радист. Он рассказал.

– Где? Где встретился? Какая станция?

Старик повздыхал еще.

– Театральная, кажется. Театральная.

– У черта в пекле, то есть? Думаешь, побоюсь сам пойти и проверить, а?

– Ничего такого я не думаю, молодой человек, – этак он с достоинством.

– Когда?

– Лет пару назад. Не помню.

Не помнит.

Единственный раз, когда Артем в прорехах между шипением и воем эфира услышал далекий и слабый чей-то голос – навсегда запечатлелся у него, а голос этот и сейчас, стоит прислушаться, в ушах звучит, как высохшее давно море – в раковине. Как такое можно забыть?

Как можно все свою подземельную жизнь мечтать написать книгу для потомков, для следующих поколений, чтобы эти поколения знали, откуда взялись, чтобы не теряли мечту однажды вернуться наверх – и не помнить о таком в мельчайших деталях?!

И еще Театральная.

– Врешь, – убежденно сказал Артем. – Понравиться хочешь.

– Вы ошибаетесь. Я просто...

– Хочешь мне понравиться, чтобы я тебе выложил все. Всю свою долбаную историю. Решил купить меня, а? Нашупал нежное место – и р-раз крючком... Да?

– Вовсе нет! Это абсолютно реальный случай...

– Да иди ты!

– О, – трубно втянул соплю горбоносый Арменчик. – Мечтатели ругаются, чья мечта мечтательней.

Артем, обозленный на себя и на этого глупого старого враля, положил затылок на истыканный пулями песок и сжал веки. Сказочник гребаный. Только на душе короста нарастет – кто-нибудь придет и отковыряет.

Старик насупился и не собирался Артема переубеждать.

Да и хер бы с ним.

До конца дежурства они не обменялись больше ничем. Выходя на станцию, Артем даже переглядыванием со стариком не попрощался.

* * *

– Есть проверенная информация. Пойман сигнал с Кольского полуострова. Там есть выжившие! – Артем посмотрел на Кирилла многозначительно.

– Правда?!

– Правда!

Кирилл аж подскочил, так обрадовался. Не рассчитал с воздухом, и зашелся кашлем. Артем, зная, что будет, дал ему платок – приложить к губам. Кирилл, унявшись, оторвал платок, оглядел его испуганно и виновато. У Артема сердце прижало.

– Это все пройдет. Будешь еще крыс гонять! Подумаешь, чуть-чуть крови!

– Мамка ругается. Не показывай ей. Не покажешь, ладно?

– Ну ты что! Мы же с тобой – во! Команда! Ты меня не сдаешь, я – тебя!

– Поклянись Орденом.

– Клянусь Орденом.

– Торжественно поклянись.

– Торжественно клянусь Орденом.

Кирилл забрался к нему на колени.

– Давай. Рассказывай.

– В общем, – начал Артем. – Есть точная информация. Пойман сигнал с севера. С Кольского полуострова. Там сохранилась совершенно нетронутой атомная электростанция. И при ней – город. Называется – Полярные Зори. Красота, а? Так что мы тут не одни. Понимаешь, Кирюх? Не одни! Есть еще и другие выжившие! И мы их нашли! Ну?!

– Класс! – сказал Кирилл, лупая огромными бледными глазищами. – А это реально правда?

– Реально правда. И от этой электростанции столько идет тока, что хватает весь город держать в тепле круглый год. А над городом построен громадный стеклянный купол. Можешь себе представить?

– Не-а.

– Как стакан, только большой.

– Зачем?

– Чтобы тепло не уходило. Снаружи – снег, вьюга, а внутри – теплынь! Деревья цветут. Вон как в книжке твоей. И прямо сады фруктовые, яблоки там... Помидоры, кстати. Люди по улице в майках ходят. Цветы повсюду. Еды навалом. Сладостей там всяких. Игрушки – не то, что у тебя тут, гильзы стреляные одни. Разные игрушки.

Кирюха зажмурился, добросовестно стараясь все это себе представить. Перхнул пару раз с закрытым ртом, тихонько. Сдержался. Выдохнул протяжно. Наверное, не мог вообразить. Артем и сам не мог.

– А летом купол этот открывается – и живут они на свежем воздухе. Не под землей, а снаружи, в домах с окнами. В окна другие дома видно, или лес, например. Так живут. На чистом, на сухом, на свежем. Под солнцем прямо. И в таком воздухе ни один микроб спастись не может, вседохнут. Ну и люди прямо без противогазов ходят по улице.

– Все микробы? И тубердохнет? – Кирилл разом очнулся.

– Все. Тубер в первую очередь.

– Что, туда просто надо приехать и подышать без противогаза, чтобы вылечиться?

– Думаю, да, – сказал Артем. – Да. Это тут, в туннелях, в духоте, в сырости, туберу раздолье. А на свежем воздухе – сразу смерть.

– Уау! Надо мамке сказать! Вот она обрадуется! А ты туда поедешь?

– Но эти Полярные Зори далеко очень. Туда так просто не доехать. Надо сил подкопить.

– Я подкоплю! А сколько нужно? – Кирилл подпрыгнул у Артема на колене.

– Много нужно. Туда знаешь, сколько ехать надо? На вездеходах, наверное... Полгода! По поверхности. По лесам, по болотам. По дорогам разрушенным.

– Ну и что? Я доеду!

– Не, я тебя с собой не возьму, наверное. Поеду только с другими бойцами Ордена.

– Это почему, а?!

– Мать говорит, ты не ешь ничего. Такой хлюп нам не нужен с собой в экипаже вездехода. Одна обуза. А путь непростой. Препятствия всякие. Чудовища на каждом шагу. Приключений придется тьму пережить. А как ты их переживешь, если ты не жрешь ничего? В первом же приключении и загнешься! Нет, нашему Ордену бойцы нужны, а не дистрофики.

– Я эти грибы видеть не могу больше, Тем! Бээээ...

– А овощи? Мамка тебе овощи вон достала. Помидор видел? Этот помидор к тебе с Севастопольской ехал через все метро.

– Фу.

– Точно такой же помидор, между прочим, как те помидоры, которые в этих Полярных Зорях на улицах в садах растут. На-ка, попробуй. В нем витаминов целая тонна.

– Ладно, помидор уж съем. Если там такие же растут.

– Сейчас давай хряпай его. При мне.

– А ты тогда рассказывай пока еще про эти зори и про купол как стакан.

Кирюхина мать, Наталья, стояла снаружи, через брезент слушала все, каждое слово. Через лицо у нее бегали тени, пальцы обнимались меж собой.

– Заставил его съесть помидор, – улыбнулся ей Артем.

– Зачем ты ему про эту ерунду свою? Он же меня изведет теперь ей, – Наталья не стала отвечать на улыбку.

– Почему ерунда сразу? Может, и есть эти Полярные Зори. Пусть воображает.

– Вчера доктор был. С Ганзы приехал.

Артем забыл, какое слово хотел выговорить следующим. Побоялся угадывать, что сейчас Наталья ему сообщит, и просто ничего не думал. Старался ничего не думать, чтобы не сглазить.

– Месяца три ему осталось. Все. Полярные Зори твои.

Рот у Натальи съехал, и Артем понял, что это у нее в глазах было все время, пока они говорили.

– И что, совсем ничего?..

Пленка. Высохшие слезы.

– Маааам! Меня Артем с собой на вездеходе на Север возьмет! Ты отпустишь?

* * *

Он думал, Аня спит уже; или притворяется, что спит – как обычно, только бы избежать его. Но она сидела на постели, подтянув под себя по-турецки голые ноги, и обеими руками, будто боялась, что отнимут, держала полулитровую пластиковую бутылку с чем-то мутным. Несло спиртом.

– На, – протянула она ему. – Глотни.

Артем послушался, ожегся сивухой, задержал дыхание, проморгался. Чуть повело, чуть согрело. Теперь что?

– Сядь, – Аня похлопала по одеялу рядом с собой. – Сядь, пожалуйста.

Он опустился там, где она показала ему.

Вполоборота глянул на нее.

Майка простая с бретельками.

На руках пух поднялся дыбом – от холода?

Такая же, как два года назад. Волосы черные острижены коротко, под мальчика. Губы тонкие, бледные. Нос чуть великоват для этого тонкого лица, с горбинкой, но без нее было бы и пресно, и скучно. Руки все сплетены из жгутов, как у анатомической модели, никакой девичьей мягкости в них; и плечи – в мускулах, как в погонах. Шея долгая, артерия бьется быстро, и позвонок ее этот вот... Ключицы выпирают; раньше ее за эти ключицы хотелось и любить, и жалеть, и терзать до иссушения. Острые соски сквозь ткань белую. Почему лампочка сначала горит, а потом перегорает?

– Обними меня.

Артем протянул руку, пристроил ее неловко Ане на плечо: не то по-братски, не то как ребенка приобнял. Она подалась к нему, как если бы хотела прильнуть; но все жгуты в ней остались натянуты, скручены. И Артем тоже не мог раздеревенеть; сделал еще глоток в надежде.

И сказать он ничего правильного не умел: отвык.

Аня прикоснулась к нему. Потом провела губами по щеке.

– Колючий.

Артем взболтал муть в пластиковой бутылке, проглотил сразу много. В голове крутились север и вездеход.

– Давай... Давай попробуем, Артем. Давай еще раз попробуем. Мы должны. Еще раз. Все заново.

Она пустила пальцы – холодные, жесткие – ему за ремень. Ловко расцепила пряжку.

– Поцелуй. Ну. Поцелуй.

– Да. Я...

– Иди ко мне.

– Подожди... Сейчас.

– Ну что ты? Сними... Сними с меня... Тесно. Да. И это сними. Хочу, чтобы ты меня раздел. Ты.

– Аня.

– Ну? Вот... Ссс... Холодно.

– Да. Я...

– Иди сюда. Вот... И ты тоже... Давай... Давай... Эту рубашку мерзкую...

- Сейчас. Сейчас.
- Вот. Боже. Дай глоток.
- Держи.
- А. Ах. Ну... Вот сюда. Вот сюда. Как раньше ты делал. Помнишь? Помнишь еще?
- Ань... Анечк...
- Ну что ты там?.. Ну?
- Ты... Ты такая...
- Не надо так долго. Давай.
- Отвык... Прости...
- Дай, я... Почему ты?.. Дай мне.
- Аня...
- Ну? Ну! Иди... Вот сюда... Чувствуешь?
- Да... Да.
- Мне так давно. Ты совсем... Почему ты?.. Ты не понимаешь? Мне нужно. Тебя. Ну?
- Сейчас. Я сейчас. Просто... Просто такой день...
- Замолчи. Молчи. Дай, я попробую... Просто лежи.
- Я сегодня...
- Заткнись. Закрой глаза и заткнись. Вот. Вот. Ну... А теперь... Теперь просто... Ну что ты там? Что?!
- Я не знаю. Не получается.
- Ну?!
- Черт знает. Нет. В голове всякое...
- Какое? Что там у тебя в голове?
- Извини.
- Отойди. Уйди!
- Ань...
- Где майка моя?
- Поймай.
- Майка где моя?! Мне холодно!
- Ну что ты... Зачем ты так. Это не в тебе дело, не из-за тебя...
- Все, хватит. И хватит корчить тут страсть.
- Неправда...
- Отвали, слышишь?! Отвали!
- Хорошо. Я...
- Где трусы эти гребаные?! Все. Не хочешь – и не хочешь. Или у тебя там отсохло все? От облучения?
- Нет, конечно, что ты...
- Ты просто не хочешь со мной... От меня...
- Говорю тебе... День такой.
- Они потому и не получают у нас, что знают: ты их не хочешь, ты их не ждешь!
- Неправда!
- Я... Артем! Для тебя! Ушла. С отцом – вдрызг... Из-за тебя. Он после этой войны, после боя... С красными... В коляске – он! Ноги не ходят... И руку оттяпали... Ты хоть понимаешь, что это для него?! Инвалидом быть! И от него, от отца своего – к тебе. Против него! Против его воли!
- А что тут сделаешь? Он меня вообще за человека... Я ему всю правду хотел... А он... Это он не хочет, чтобы мы с тобой, я-то тут что?
- Чтобы твоих детей, понимаешь – твоих! Бросила... Перестала наверх ходить! Чтобы – здоровье... Эти все органы женские... Как губка... Фон... Ты же знаешь! Грибы эти прокля-

тые... Чтобы тут за свою сойти... На этой станции твоей! Думаешь, я так себя... Так свое будущее?! От службы отказалась! Свиной баюкать! Ради? Ради чего?! А ты – ты продолжаешь! Ни на день не перестал! Все себе там сжег же уже! Ты понимаешь?! Может, у нас поэтому и не получилось! И не получается! Я сколько просила тебя! Отец твой сколько тебя просил!

– Сухой вообще...

– Ты для чего это?! Ты просто не хочешь их, да? Не любишь просто детей, да?! Не хочешь от меня! Вообще не хочешь! Тебе насрать на это на все, ты только мир спасти горазд! А я? А меня?! Вот – я! Ты меня отпускаешь! Ты теряешь меня! И ты хочешь меня потерять, да?

– Аня. Зачем ты...

– Я больше не могу. Не хочу больше. Не хочу ждать. Не хочу секс кланчить. Не хочу мечтать залететь. И не хочу бояться, что если я залечу от тебя наконец, то урод родится.

– Все! Заткнись!

– А у тебя родится урод, Артем! Ты тоже – как губка! Тебе каждый твой поход наверх аукнется! Ты не понимаешь этого?!

– Заткнись, сука!

– Уходи. Уходи, Артем. Уходи совсем.

– Я уйду.

– Уходи.

Это все – шепотом. Шепотом – крик, шепотом – стоны. Шепотом – слезы.

Беззвучно, как у муравьев.

А все соседи – притворяются, что спят.

И все всё знают.

* * *

Костюм химзащиты поместился в баул как раз. Сверху Артем уложил табельный «калаш», который со станции выносить запрещалось, патроны – шесть рожков, смотанных синей изолентой по два, и пакет сушеных грибов. Противогаз мутно паялился на него, пока Артем не застегнул его «молнией» – рвано, насильно – как опостылевшего мертвого в мешке. Потом взвалил на плечи ранец – свое проклятие, сизифов камень.

– Дед! Вставай! Собирайся! Не шуми только.

Старик будто спал с открытыми глазами – очнулся тут же.

– Куда?

– Ты правду мне про Театральную сказал? Про радиста своего? Что он – там?

– Да... Да.

– Ну что... Проводишь меня туда?

– На Театральную? – Гомер замешкался.

– А ты все же думал, я сдрейфлю, а? Дудки, дедуль. Это для кого другого, может, преисподняя. А для нас – места боевой славы. Ну? Или ты врал все?

– Не врал.

– Идем со мной на Театральную. Я должен этого человека твоего сам увидеть. Сам. И все у него спросить. Я хочу, чтобы он меня научил. Пусть даст свой приемник... Чтобы я поверил.

– Это ведь два года назад...

– Давай договоримся с тобой. Ты меня ведешь к этому радисту, а я тебе – обо всем, что ты хотел спросить. Как на духу. Черные, желтые, зеленые, по вкусу. История моего героического подвига. Тебе расскажу то, что другим не рассказывал. Всю гребаную греческую трагедию от альфы до омеги. Идет? Честное слово. Ну? Дай пять.

Гомер протянул ему руку – медленно, с сомнением, словно думал – не плюнул ли Артем себе в ладонь – но пожал крепко.

Пока старик складывал белье в дорожную сумку, Артем занимал себя самозарядным фонариком: сжимал и разжимал рукоять, слушал жужжание механизма, наполнял аккумулятор. Интересовался только им. Потом прервался.

– Объясни мне. Вот эта книга твоя. Она зачем?

– Книга? Ну так получается, что мы тут живем, а время остановилось, понимаете? Нет историков, и некому записать, что мы тоже жили, и как, и выходит, что как бы зря наша жизнь идет. А ведь это неправда, – Гомер застыл, в руках – скомканная серая наволочка. – Вот раскопают нас через десять тысяч лет, а мы ни одной строчки не написали. Будут по костям гадать, по мискам, в кого мы верили и о чем мечтали. И все перевернут.

– Кто раскопает, дед?

– Археологи. Наши потомки.

Артем помотал головой. Облизнул губы, попробовал сдержать кипучую злобу в себе, но – как желчью вырвало, самого обожгло:

– А я, может, не хочу, чтобы нас с тобой раскапывали тут. Не хочу быть костями и мисками в братской могиле. Пусть это я буду раскапывать, а не меня. Тут и так достаточно желающих всю жизнь в кургане скоротать. Я лучше наверху от передоза ласты склею, чем в метро до седины досиживать. Это не человеческая доля, дед. Не людская. Метро. Потомки, блядь. Потомки! Я не хочу, чтобы мои потомки торчали всю жизнь под землей. Чтобы мои потомки – собой туберкулезных бацилл кормили?! Не хочу! Чтобы они за последнюю банку консервов друг другу глотки резали? Не хочу! Чтобы вместе со свиньями хрюкали и валялись?! Ты для них пишешь книгу, дед, а они и читать-то не смогут! У них глаза отсохнут за ненужностью, понимаешь ты?! Зато чутье будет, как у крыс! Это не люди будут! Таких плодить?! Да если хоть один шанс на миллион есть, что где-то там, хоть где-нибудь еще – можно жить наверху, под небом со звездами, под солнцем, если хоть где-нибудь в этом гребаном мире можно дышать не хоботом, а просто ртом – я это место найду, ясно?! Вот будет такое место – тогда да! Там можно будет новую жизнь строить! Там – детей рожать! Чтобы они росли – не крысами, не морлоками, а – людьми! За это надо – драться! А заранее, прижизненно в землю закопаться, калачиком свернуться и тихонько-смирненько околеть – нельзя!

Гомер, облученный им, оглушенный, ничего не говорил. А Артем хотел, чтобы старик поспорил, ему нужно было крепко врезать еще разок хотя бы. Но дед вместо этого взял и улыбнулся ему – честно, тепло; и полубеззубо.

– Не зря шел. Чувствовал же, что не зря.

Артем только плюнул. Но это он яд сплюнул, желчь; от щербатой стариковской улыбки ему почему-то стало легче, отпустило. Нелепый дед, неловкий – а вдруг такое чувство, что он с Артемом – заодно. Тот тоже ощутил похожее и совсем уже по-пацански, молодо махнул Артему:

– Готов.

Через станцию они шли крадучись. Станционные часы, висящие над провалом туннеля, святыня местная, показывали: ночь. Значит, для всех была ночь. С ними тут только Артем мог бы поспорить, но Артем со станции уже уходил. Зал почти опустел, только на кухне кто-то поздний гонял чай. Багровое общее освещение было приглушено, люди расфасовались по своим палаткам, зажгли изнутри слабые светодиодики и превратили брезент в театр теней. На каждой из сцен давали свой спектакль. Миновали палатку Сухого – склоненный над столом силуэт; прошли ту, где сидела, спрятав лицо в колени, Аня.

Старик осторожно спросил:

– А что, попрощаться не хочешь?

– Не с кем, дедуль.

Гомер спорить не стал.

– До Алексеевской! – заявил Артем караульным на выходе в южный туннель. – Сухой в курсе.

Те козырнули: в курсе, так в курсе. Спасибо, что не наверх опять.

По приваренной железной лесенке они спустились на пути.

– Труба, – сам себе сказал Артем, вступая в тьму, нежно трогая шершавый и плесневелый чугун тюбинга, измеряя взглядом пятиметровый потолок туннеля и его неизмеримую глубину. – Труба зовет.

Глава 4. Оплата

Алексеевская походила на ВДНХ, только в паршивом исполнении. Тут тоже пытались растить грибы и тоже мыкались со свиньями, но грибы и свиньи назло выходили сплошь полудохлые, так что их алексеевским еле самым хватало, торговать не оставалось. Но местные были под стать своим свиньям – квелые, смирившиеся с тем, что в их сказке и начало, и конец скучные и известны всем наперед. Стены тут были раньше белые и мраморные, а сейчас уже не поймешь, какие. Что можно было отковырять и продать – отковыряли и продали. Остался бетон и немного человеческих жизней. Бетон выскрести было трудно, и никому такой товар в метро не сдался; так что основная торговля шла тем, за кого будут умирать в боях алексеевские. Был бы выбор – и цена была бы повыше. Но, кроме ВДНХ, покупателей не нашлось. И вот теперь главной целью существования станции метро Алексеевская было: охранять ВДНХ.

Поэтому южный, идущий к союзной Алексеевской, туннель на ВДНХ считался спокойным. Через иные туннели можно было пробираться неделю, а на этот Артем с Гомером даже со всеми обязательными предосторожностями потратили, может, всего полчаса. Хотя минуты остались там же, где и часы: на ВДНХ. На Алексеевской часы украли лет уже десять как, и с тех пор каждый там существовал по своему наитию. Кто хотел ночь – тому была ночь. В конце концов, ночь-то в метро и не заканчивалась, это день нужно было себе воображать.

Караул на ходоків взглянул без интереса; зрачки у них были с игольное ушко. Над постом зависло муторное белое облачко, пахло портянками: курили дурь. Старший тяжело вздохнул, стараясь.

– Куда.

– На Проспект Мира. На базар, – не пытаясь даже в это ушко влезть, произнес Артем.

– Не пустят. Там.

Артем тепло улыбнулся ему.

– Не твоя забота, дядь.

– Тангенс на тангенс дает котангенс, – отозвался старший, заражаясь Артемовой добротой и тоже желая сказать что-то приятное.

На этом и расстались.

– Как пойдем? – спросил у Артема Гомер.

– От Проспекта? Если впустят на Ганзу – то по Кольцу. Все лучше, чем по нашей линии вниз спускаться. Неприятные воспоминания, знаешь. Ганза верней будет. У меня виза представлена, Мельник выправлял еще. Тебя пустят?

– Там карантин ведь.

– У них вечно какой-нибудь карантин. Прорвемся как-то. Проблемы все потом начнутся. Театральная... Туда с какой стороны не подступись.... Выбрал ты место, дед, чтобы своего радиста прописать. Посреди минного поля.

– Да что же...

– Шучу.

Старик поглядел себе как-то особо – в подлобье себе, вовнутрь, где у него была расстелена, видимо, карта метро. У Артема она всегда была перед глазами, он прямо сквозь нее научился смотреть. За год службы у Мельника научился.

– Я бы сказал... До Павелецкой лучше. Дальше, но быстрее. И оттуда уже по – зеленой вверх. Если повезет, можем и за день добраться.

И дальше – по трубе.

Вжикающий фонарик трудился, как мог – но светлое пятнышко от него доставало шагах только в десяти, а дальше его уже разъедала темнота. С потолка капало, стены блестели влажно,

что-то утробно урчало, и падающие сверху на голову капли бередили кожу, как будто это не вода была, а желудочный сок.

Возникали в стенах какие-то двери, а иногда черные провалы боковых ходов – по большей части заколоченные и заваренные арматурными решетками.

На радужных пассажирских картах, известно ведь, не было обозначено и трети всего метро, настоящего. К чему людей смущать? Пронесся от одной мраморной станции к другой, уткнувшись в телефон, перескочил на час вперед – все, приехали. И не успел задуматься, на каких глубинах побывал. И поинтересоваться: а что там, за стенами станций, куда уводят зарешеченные ответвления из туннелей? Хорошо, что не успел. Смотри в телефон, думай о своем важном, не суйся куда не следует.

Шагали особым туннельным шагом – полуторным, куцым – так, чтобы ровно на шпалы попадать. Надо много пройти, пока ноги такому научишь. Те, кто на станциях сидит, так не умеют, сбиваются, проваливаются.

– Ну а ты, что, дед... Один?

– Один.

Весь свет уходил вперед, и не разобрать было, что там у старика на лице. Ничего, наверное: борода да морщины.

Прошагали еще с полста шпал. Ранец с рацией стал наливаясь тяжестью, напоминать о себе. Взмokли виски, спина потекла.

– Была жена. На Севастопольской.

– Ты на Севастопольской аж живешь?

– Раньше – да.

– Ушла? – почему-то Артему это показалось самым вероятным. – Жена?

– Я ушел. Чтобы книгу писать. Думал, книга важнее. Оставить после себя что-то хотел.

А жена все равно не денется никуда. Понимаешь?

– Ушел от жены, чтобы писать книгу? – переспросил Артем. – Это вообще как? И она... Отпустила тебя?

– Я сбежал. Вернулся – а ее нет уже.

– Ушла?

– Умерла.

Артем перебросил баул с химзой из правой руки в левую.

– Не знаю.

– А?

– Не знаю, понимаю, или нет.

– Понимаешь-понимаешь, – устало, но уверенно сказал старик.

Артему было вдруг страшно. Страшно сделать что-то необратимое.

Дальше шпалы считали молча. Слушали урчащее эхо и далекие стоны: это метро перемаривало кого-то.

* * *

Сзади опасности не ждали; вперед – всматривались, пытались засечь в туннеле, в колодце с чернилами, ту легкую рябь на поверхности, вслед за которой выхлестнется, вылезет наружу что-то жуткое, безымянное. А затылком – не глядели.

Напрасно.

Скрип-поскрип. Скрип-поскрип.

Тихонько так вкралось оно в уши, постепенно.

И заметно стало только тогда, когда уже поздно было оборачиваться и выставлять стволы.

– Эу!

Если бы хотели их сейчас в спину свинцом толкнуть, положить лицом на гнилые шпалы, могли бы и успели. Урок: в трубе нельзя о своем думать, приревновать может. Забываешь, Артем.

– Стоять! Кто?!

Ранец и баул повисли на руках; помешали прицелиться.

Выкатила из темноты дрезина.

– Эу. Эу. Свои.

Это был тот караульный, котангенс. Один на дрезине, бесстрашный человек. Бросил пост и покатил в никуда. Дурь его погнала.

Какого черта ему нужно?

– Ребята. Я подумал. Подбросить, может. До следующей.

И он улыбнулся им обоим самой лучшей своей улыбкой. Щербатой и растрескавшейся.

Спина, конечно, просила ехать, а не пешком тащиться.

Изучил благодетеля: ватник, залысины, под глазами набрякло, но сквозь прокол зрачка – свет идет, как из замочной скважины.

– Почему?

– Обижаешь. Ты же Сухого сын, да. Начстанции. Я за так. За мир во всем мире.

Артем встряхнулся; ранец подпрыгнул и половчее оседлал его.

– Спасибо, – решил Артем.

– Ну дак! – обрадовался караульный и замахал руками, как будто разгоняя годами накуранный туман. – Ты же большой мальчик, сам должен понимать тонкости! Тут без штангенциркуля никак!

Он не затыкался до самой Рижской.

* * *

– Привезли нам говнеца?

Первым – вперед дозорных – их встречал остриженный скуластый парняга со свернутыми ушами. Глаза его были прорезаны чуть наискось, но цвета были цементного, как небо. Кожанка на нем не сходилась, а через распахнутую рубашу из-промеж кудрей и синих рисунков с креста смотрел спокойно и уверенно довольно крупный Иисус.

Между ног у парня было надежно зажато жестяное ведро, а через плечо висела сума, и он по этой суме похлопывал, чтобы она издавала соблазнительное позвякивание:

– Лучшую цену дам! – а звенело жиденько.

В прежние времена над этой станцией находился Рижский рынок, на всю Москву знаменитый дешевыми розами. После того, как завывали сирены, людям дали еще семь минут, чтобы понять, поверить, нашарить документы и добежать до ближайшего спуска в метро. И ушлые цветочники, которым тут было всего два шага, набились внутрь первыми, локтями распахивая прочих гибнущих.

Когда встал вопрос, чем жить под землей, они открыли герметические двери, растолкали навалившиеся снаружи тела, и вернулись на свой рынок за розами и тюльпанами; те пожухли уже, но для гербария были пригодны вполне. И обитатели Рижской долго еще торговали засушенными цветами. Цветы были подпорчены плесенью и фонили, но люди брали их все равно: ничего лучше в метро не найти. Ведь им надо было и любить дальше, и скорбеть; а как это делать без цветов?

На сушеных розах, на памяти о еще вроде только вчерашнем и уже бесповоротно сгинувшем счастье – Рижская расправила крылья. Но новых цветов растить под землей было нельзя: цветы – не грибы, не люди, им солнце подавай. А рынок над станцией, хоть и казался неисчерпаемым, иссяк.

Кризис случился.

Рижанам, привыкшим уже к красивой жизни, полагалось бы перейти на урезанный рацион и вообще жрать крыс, как прочим бедолагам на обыкновенных и ничем не благословленных станциях. Но деловая хватка их спасла.

Поразмыслили над возможностями, оценили преимущества своего расположения, и предложили северным соседям сделку: выкупать излишки свиного навоза, чтобы дальше уже самим торговать им, сбывая как удобрение всем тем станциям, которые культивировали шампиньоны. На ВДНХ предложение приняли: этого-то добра там имелось в избытке.

И Рижская, утасовывая уже, посеревшая от подступающей нищеты, обрела второе дыхание. Новый товар пах, конечно, не так, зато был надежней. А в нынешнюю трудную эпоху выбирать не приходилось.

– Ребят, вы что, пустые? – разочаровался в гостях стриженный парень, коротко втягивая носом воздух.

Тут подлетели, чуть припоздав, другие такие же с ведрами – гурьбой, наперебой выкрикивая:

– Говнеца!

– Говнеца нету? Хорошие деньги!

– Пульку за кило дам!

Платили тут, как и везде в метро, патронами от «калаша», единственной теперь твердой валютой. Рубли еще в самом начале потеряли смысл: чем их подкрепить в мире, где честное слово ничего не стоит и государства нет? То ли дело – патроны.

Купюры давно в папиросы скрутили и скурили; крупные ценились больше мелких – они почище были, углились лучше и смолили не так. Монетами играли дети победней, кому гильз не досталось. А настоящая цена у всего теперь была – в пулках, как любовно звали патроны.

Патрон за килограмм на Рижской – а где-нибудь на Севастопольской кило уже все три стоит. Не каждый этим делом, конечно, заниматься станет. Ничего: конкуренции меньше.

– Слышь, Лех, отвали! Я первый тут уапше! – смуглый вертлявый усач толкнул татуированного парня в Христа; тот окрысился, но отступил.

– Ты куда вылез, епт? Думаешь, в туннеле встретишь их – все говно твоё? – подскочил другой, сизощекий и лысый.

– Гля, че салага вытворяет!

– Ладно, мужики, вы че... Они порожные все равно!

– Дай проверю!

Нюх стриженного Леху с крестом не подвел. Котангенс ничего не вез.

Он развел руками добродушно, высадил Артема с Гомером:

– Тут мои владения заканчиваются!

И укатил обратно в темноту, насвистывая что-то невыносимое.

Дозор дежурно, по мере необходимости ознакомился с гостями и пропустил; поналетевшие торговцы рассосались. Остался только самый первый – Леха. Видно, самый голодный.

– Может, экскурсию, ребят? У нас туристам есть на что взглянуть. Поезд когда в последний раз видели? Гостиница у нас в нем. Номера – шик! С электричеством. В коридоре. Скидку пробью.

– Я тут все как свои пять пальцев, – по-хорошему объяснил Артем и двинул вперед; Гомер пошаркал за ним.

Рижская была сделана из двух счастливых цветов: красного и желтого, но чтобы обнаружить это, нужно было ногтем соскрести слой жира с плитки, которой станция была облицована. Один из туннелей был заткнут снулым метropоездом, приспособленным под общежитие. А через второй осуществлялась вся здешняя жизнь.

– А бар знаете наш? Только открылся. Брага – первый класс. Гонят, правда, тоже из...

– Не надо.

– Ну чем-то вам придется, ребят, себя тут развлекать. Проспект закрыт. Карантин. Прямо поперек рельсов ограждение, и автоматчики с собаками. Не в курсе, что ли?

Артем вздернул плечи.

– И что, нет способа? Наверняка можно же договориться?

Леха хмыкнул.

– Пойди, договорись. У них на Ганзе сейчас кампания. Борются с коррупцией. Как раз под раздачу попадешь. Тех-то, кто берут, отмажут потом. Свои ведь. Но сажать кого-то надо.

– А закрыли из-за чего?

– Грибная хворь какая-то. Гниль типа. Не то через воздух летит, не то люди разносят. Так что они пока поставили все на паузу.

– Преследуют меня просто, – под нос себе сказал Артем. – Не отпускают.

– А? – Леха наморщил лоб.

– Бомбил я эти грибы, – произнес Артем четко.

– Понимаю, – согласился Леха. – Унылый бизнес.

Мимо пронесли несколько мужиков, громяхая жестяными ведрами. Леха дернулся было им вслед, но остановил себя. Определил, наверное, что с упрямыми туристами ему будет интереснее.

– Ваш-то бизнес повеселее, – заметил Гомер.

– Зря ты так, деда, – тот нахмурился. – Брокером не каждый может быть. Тут талант нужен.

– Брокером?

– Ну да. Как я. Как пацаны вон. Брокером. А как это, по-твоему, называется?

Гомер не мог даже предположить. Он был занят: старался не улыбнуться. Но уголки губ все равно тянулись вверх, как он их не насиловал.

И тут вдруг – Артем заметил – переменялся. Лицо у него стало холодное и испуганное, как у мертвого. Смотрел он мимо брокера – в сторону куда-то.

– Зря ты, – высказывал ему, оглохшему, Леха. – Говно, между прочим, это кровь экономики. Грибы-то на чем растут? Помидорки севавтопольские чем удобряют? Так что – зря.

А Гомер кивнул Лехе посреди фразы на любом случайном слове и бочком, бочком – пошел от него; и от Артема. Артем черкнул его траекторию глазами: увидел, но не понял.

В скольких-то шагах от них спиной стояла тонкая девушка с белыми волосами. Целовалась с мясистым и очень основательным брокером; тот, пока целуясь, сам незаметно ногой отодвигал в сторону свое ведро, чтобы то не отбивало очарования. Вот к ней и полз неуверенно Гомер.

– И что, думаешь, много мы на этом навариваем? – потеряв старика, Леха переключился на Артема.

Гомер подобрался к парочке и мучительно стал выбирать угол, под которым заглянуть милующимся в лицо. Узнал кого-то? Но вмешаться, выдернуть их из поцелуя не смел.

– Те чо? – складками на загривке ощутил его мясистый. – Чо те нада, старый?

Девушка, оторванная от поцелуя, имела лицо распаренное и скукоженное, как присоска у пиявки, которую с руки сняли. Это не то было лицо, не искомое, понял Артем за Гомера.

– Простите.

– Отвали, – сказала пиявка.

И Гомер, померкнувший, но еще не успевший успокоиться, примкнул опять к Артему с Лехой.

– Ошибся, – объяснил он.

Хотя Артем решил ничего не спрашивать: открутишь вот краник со старческими откровениями, а у него еще резьбу сорвет.

– Конечно, не могла... С таким бы ни за что... Дурак старый... – сказал тогда Гомер сам себе.

– А что, в ущерб себе работаете? – спросил Артем у Леха.

– Ущерб не ущерб... Ганза с каждой поставки половину снимает пошлинами. А теперь вообще... С карантинном с этим.

Ганзой называл себя союз станций Кольцевой линии. Транзит любых товаров из всех концов метро шел через ганзейские рынки и сквозь ее таможни. Многие челноки, чем пробираться, рискуя шеей, через все метро, предпочитали довести свое добро до ближайшего базара на пересечении кольца с радиальными ветками и отдать все местным дельцам. И выручку спокойней было оставить тут же, в одном из банков Ганзы, чтобы не отрезали за нее голову в темных туннелях лихие люди, подглядев удачную сделку. Тех, кто упрямо шествовал и тащил мимо свой товар сам, все равно облагали сборами. И как бы ни жили прочие станции, Ганза богачей. Во всем метро никто ей был не указ. И граждане ее были этим горды и счастливы; а все остальные мечтали получить ее гражданство.

С середины платформы видна была уходящая в перегон очередь из грузовых дрезин, которых на Рижскую не пускали: брокеры на то были и брокеры, чтобы наперегонки купить товар в северном туннеле и продать в южном. Дальше им кормились уже другие люди.

– Вся коммерция встала, – пожаловался Леха. – Душат предпринимателя, гниды. Монополисты гребаные. Занимается человек честно своим делом, нет же! Кто вот им дал право на нас наживать? Я спину буду гнуть, а у них брюхо расти будет? Это же угнетение, блин! Дали бы свободно нам торговать, все метро б расцвело!

Артему вдруг стало симпатично, несмотря и на аромат. Захотелось поддержать этот смешной разговор.

– У Ганзы и так нормально все, – сказал он, вспоминая. – Был случай. Пришлось работать на Павелецкой. На кольцевой. Разгребать нужники. К году работ приговорили. Через неделю сбежал.

– Считай, крещение прошел, – кивнул Леха.

– Они все это добро – в выгребные ямы и в шахты. Не снисходили до торговли.

Леха невесело ухмыльнулся.

– Богато живут.

Достал портсигар с нарезанной бумагой, кисет с куревом. Угостил. Гомер отказался, Артем взял. Пристроился к болтающейся под потолком лампочке, уткнулся в буквы, прежде чем закатать в них самопальный «табак». Желтая книжная страница, буквы пропечатаны старательно, оторвана руками, и оборвана по тому краю, который нужен, чтобы самопал курить, а не для того, чтобы с пониманием читать – черт знает что:

И молодую силу тяжести:

Так начиналась власть немногих.

Итак, готовьтесь жить во времени

Где нет ни волка, ни тапира,

А небо будущим беременно —

Пшеницей сытого эфира.

А то сегодня победители

Кладбище лета обходили,

Ломали крылья стрекозиные...

И ровно крылья-то оборвали. Артем набил эти бесполезные буквы самопалом, свернул их аккуратно, послунывал, чтобы один конец с другим склеился, попросил огоньку. Леха чиркнул

спиртовой зажигалкой, сделанной из пулеметной гильзы. Бумага горела вкусно, сладко. Курево было дрянным.

– А что, сильно на Проспект нужно? – щурясь сквозь дым, шепнул Леха.

– На Ганзу. Нужно, да.

– Визы проставлены?

– Есть.

Затянулись еще. Гомер закашлялся. Артему было все равно.

– Сколько готов заплатить?

– Скажи цену.

– Это не я, брат, цену говорить буду. Там другие люди решают. Я просто познакомить могу.

– Познакомь.

Леха предлагал еще выпить на посошок в истошно-веселом здешнем баре под вывеской «Последний раз», но Артем вспомнил, из чего гонят спирт.

За доставку и знакомство договорились на десять патронов. По-божески договорились, по-братски.

* * *

Санитарный кордон перечеркивал перегон перед самым въездом на Проспект Мира. Формально к Ганзе относились только кольцевые станции, а радиальные были вроде сами по себе; но это формально и это вроде. Потребовалось отсечь другие линии – отсекали в два счета.

Ганзейские пограничники в сером камуфляже тыкали людям в лицо белым острым светом своих фонарей, лаяли на них, требуя разворачиваться и возвращаться туда, откуда пришли. Как пугало сидел на шесте плакат «КАРАНТИН!» с портретом изъязвленного гриба. Говорить с челноками караульные отказывались, и даже взглядом с ними было не встретиться: закрыли глаза надвинутыми козырьками пятнистых кепи. Это укрепление разве что штурмом было брать.

Леха-брокер терся, искал под козырьками знакомых. Наконец поднырнул, шепнул что-то под один из них, вполоборота моргнул Артему, чикнул подбородком, указывая: давай сюда.

– Арестованы! – объяснила морда в кепке вскипевшей толпе, почему вдруг этих троих пропускают. – А ну, н-назад! Заразу занесете!

Повели их под конвоем через притихший Проспект: торговые ряды закрыты щитами, покупатели кордон осадили, всклокоченные продавщицы на граните придатки морозят, трещат о жизни, смерти и судьбе. И – почти темно: рынок не работает, свет нужно экономить. В другое время тут бы бурлило; Проспект Мира – место центровое, всякую всячину сюда везли со всех окрест. Одежда на любой вкус, лотки с книгами, мимо которых Артем раньше пройти не мог, смартфоны горелые кучей – а среди них вдруг и рабочий попадется, а в нем – фотографии, полноцветные, прямо из чьей-то памяти понадерганные... Приобрести? – разве чтобы чужих детей вспомнить; а позвонить по такому можно только в никуда. И оружие, конечно. Любое. Цена всему – в патронах. Лишнее продай, нужное купи, и катись себе дальше.

Конвой был строгий: чтобы Артем с Гомером не сбежали, смотрел внимательно. Дотолкали в спину до перехода с радиальной линии на Кольцо. Поставили ожидать у железной дверки в белокаменной стене.

Минут через десять позвали.

Пришлось пригнуться, потом еще раз, и снова: служебные помещения как для морлоков делали. Хотя то поколение, которое уже под землей родилось, было все недорослым, и ему бы тут как раз подошло по размерчику.

В маленькой комнатке заседали двое. У первого имелась внушительная ряха и очки, но не хватало волос; весь остальной организм его был спрятан куда-то в недра тяжелого полированного стола. Казалось, тут только есть одна совершенно автономная голова.

У второго человечка не имелось ничего интересного вовсе.

– Замначальника станции Проспект Мира-Кольцевая Рожин Сергей Сергеевич, – сказал неприметный, почтительно указывая на мордатого.

– Слушаю, – теперь солидно и басовито произнесла ряха.

– Дело такое, Сергей Сергеич. Мужикам нужно на Ганзу. Визы стоят, – попросил Леха.

Голова в очках ржаво, с натугой навелась на него своим набрякшим носом и шумно втянула воздух. Прочувствовав, исказилась судорогой. Видимо, в этот кабинет брокеров пускали нечасто.

– Вход на территорию Ганзы до дальнейших распоряжений это самое отказать и точка! – дал отзыв Рожин.

Стало неловко.

– И что, без вариантов? – хмуро спросил Артем, но Леха на него шикнул.

– Какие тут варианты подкуп должностного лица это самое немедленно сейчас раз и все и чтобы больше не сметь никогда ясно или нет! – грозно проговорила рожинская голова. – В то время как люди по всему метро вы просто не имеете права! Карантин на то и дан человеку чтобы а не то ситуация может выйти понимаете вы это или нет! И если мы тут поставлены чтобы блюсти то мы будем блюсти и блюсти до последнего потому что на карту поставлено сами знаете что! Меры фитосанитарного контроля! Сухая гниль между прочим! Этот разговор окончен!

Он замолчал и в комнате установилась тишина, как будто отказ был заранее записан на кассету; вот она доиграла до конца, щелкнула – и за ней уже никакой музыки.

Рожин жег Артема и Леху взглядом через толстые линзы своих очков, тишина копилась и копилась; будто от них чего-то ждали.

Прожужжала навозная муха – тяжелая, как бомбовоз. В кармане ее, что ли, Леха пронес?

– Значит, поверху пойду, – развел руками Артем. – Халтурщик ты, Алексей.

– Мои десять все равно мне...

– Зачем же поверху? – наконец подал голос неприметный человек. – Это небезопасно.

Он, в отличие от Рожина, за всю встречу не поморщился и не фыркнул ни разу. И вообще, видимо, морщился он редко. Лицо у него было гладким, черты – безмятежными, голос – баюкающим:

– Сергей Сергеевич высказал официальную позицию. Он ведь при исполнении. Его можно понять. И Сергей Сергеевич правильно обозначил проблему: наша задача – помешать распространению сухой гнили, опасной грибковой инфекции, которая поражает шампиньоны. Если у вас в голове созрел компромисс, обсудите его со мной. Ситуация серьезная. Сто патронов за троих.

– Я не с ними, – сказал Леха.

– Сто патронов за двоих.

Артем подсмотрел, что там с Рожиным: от такой крамолы его обязательно должны были поразить корчи. Но нет, заместитель начальника станции ничуть не пострадал, как будто неприметный человек издавал инфразвук, просто неслышный для его уха.

Сто патронов.

Три с лишним рожка – из шести, которые Артем захватил с собой. За одну только возможность пройти на Ганзу. А ведь это самое начало дороги. И все же... Все другие маршруты, включая и путь по поверхности, могли стоять им еще дороже – к примеру, головы.

Карта перед глазами: спуститься по Ганзе, проехать на ее удобных, скорых маршрутках сразу до Павелецкой, а оттуда – по прямой уже, без трудностей и препятствий – сигануть до Театральной. И не нужно ступать за границу Красной Линии, и Рейх можно миновать...

– Идет, – сказал Артем. – Прямо тут доставать?

– Ну естественно, – ласково ответил неприметный.

Артем сбросил рюкзак, расстегнул баул, нашарил спрятавшиеся в барахле магазины, принялся выщелкивать тусклые островерхие патроны на стол.

– Десять, – он пододвинул первую партию к Сергею Сергеевичу.

– Ну что за бестактность! – расстроился неприметный; поднялся со своего места и забрал пульки себе. – Человек же при исполнении! Ну вы что? А я для чего, по-вашему?

К счастью, Сергей Сергеевич патронов не увидел.

Нахмурившись неприступно, он прочистил горло и принялся перебирать сваленные на столе документы, перекладывая их из одной стопки в другую. Теперь казалось, что он остался в кабинете один: присутствие всех прочих он вообще не мог как-либо зарегистрировать своими органами чувств.

– Восемь, девять, десять: сто.

– Все правильно, – заключил неприметный. – Спасибо. Вас проводят.

Леха одобрительно потрепал Христа.

– И чтобы больше не это самое! – заговорила голова Рожина. – Потому что должны быть какие-то принципы! И в такой трудный момент когда требуется солидарность! Сухая гниль! Безотлагательно! Всего доброго!

Гомер, всю эту встречу остававшийся от удивления немой, поклонился говорящей голове с подлинным почтением.

– Красиво, – сказал он.

– Всего доброго! – строго повторила голова.

Артем взвалил на плечи ранец; резко слишком взял, и зеленый железный бок выпростался из верхнего угла.

Сергей Сергеевич ожил и стал поднимать из-за стола короткое пухлое туловище, которое, по крайней мере, было.

– У вас не рация ли там это самое? Очень напоминает рацию армейскую в некотором смысле в плане проноса на территорию Ганзы!

Артем покосился на неприметного; но теперь, когда Рожин проснулся, тот, едва успев сгрести всю сотню патронов куда-то под стол, потерял всякий интерес к действительности и рассеянно вычищал грязь из-под ногтей.

– Спасибо! – возразил Артем и, подобрав баул, потянул Гомера на выход.

– Еще мне десяточек мой! – напомнил брокер, выметаясь за ними следом.

Сквозь хлопнувшую дверь Артем услышал бубнеж.

А на платформе их уже поджидали.

Не те камуфлированные караульные, которые их привели сюда. Люди в штатском, с раскрытыми книжечками, в которых из-за полумрака все равно не прочесть ничего.

– Служба безопасности, – корректно произнес один, высокий. – Майор Свинолуп, Борис Иванович. Сдайте, пожалуйста, оружие и оборудование связи. Вы задержаны по подозрению в шпионаже на Красную Линию.

Глава 5. Враги

Майорский кабинет оказался вполне уютен и даже больше напоминал холостяцкую квартиру. Сразу становилось ясно, что хозяин тут и ночует: угол задернут занавеской, но из-под занавески торчит краешком как-то по-домашнему кровать, небрежно застеленная синтетическим пледом. Ковер битый молью, с затейливым восточным узором, детали которого уже стали пропадать. В другом углу прилажена богатая икона: два тонких человека в красном, с печальными лицами и с хрупкими мечами в нежных долгих пальцах.

Отперев дверь, майор окинул комнату критическим взглядом, с оханьем подобрал брошенные в разных концах трогательные плюшевые тапочки, смущенно загнал их под стол.

– Прошу прощения за раскардаш. В спешке собирался.

Артем и остальные толклись пока в предбаннике. Прибравшись, Борис Иванович пригласил их внутрь. Но не всех.

– Брокер? – спросил он у Лехи с расстояния вытянутой руки.

– Брокер, – признал тот.

– погоди снаружи, друг. Отдельно поговорим. А то ведь я в этом кабинете и обедаю. Работы невпроворот. Враг не дремлет.

И отрезал амбре дверь – стеганой, мягкой, но при закрытии лязгнувшей железно.

– Садитесь вот на стульчики.

Он смахнул со стола крошки, заглянул в расписанную гжелью кружку, цыкнул. Артем уже ждал – неужели и чаю еще предложит, но Борис Иванович не стал. Отодвинул латунную лампу под стеклянным зеленым абажурчиком в сторону, чтобы глаза не резало. И уже из уютного сумрака спросил:

– Откуда к нам?

– ВДНХ.

– О.

Борис Иванович ВДНХ покатал на языке как витаминку, потер себе нос, вспоминая.

– Как там начальство ваше? Каляпин, кажется, Александр Николаевич? Справляется?

– Каляпин в отставку вышел полгода назад. Сейчас Сухой.

– Сухой... Сухой! Это бывший по безопасности, да? Коллега! – обрадовался майор. – Рад за него!

– Так точно.

– А вы и сами оттуда, я так понимаю? – Свинолуп пролистнул Артемов паспорт. – Кем служите?

– Сталкер, – сказал Артем.

– Я так и подумал. Ну а вы? – Борис Иванович переключился на Гомера.

– С Севастопольской.

– Вот это – интересно! Не ближний свет. Севастопольская! Денис там... Денис... По батюшке-то, господи...

– Михайлович.

– Верно! Денис Михалыч. Как он?

– В форме.

– В форме! Хаа! – Борис Иванович подмигнул Гомеру заговорщически. – Лучше и не скажешь. Пересекались с ним как-то. С искренним уважением к нему отношусь. Профессионал. Мда.

Свинолуп снова заглянул к себе в чашку, словно надеясь, что та сама собой наполнится. Потом осторожно притронулся к своим щекам. Что-то не так было с его щеками, но в полу-

мраке Артем никак не мог понять, что именно. Казалось, лицо у майора... Разрисовано, что ли?

В остальном он был внешности скорее приятной: рослый, лоб широкий и высокий от залысин, спортивная молодость ссутулена кабинетной работой. Глаза из полутени поблескивали тепло, изучающе. Фамилия его ему удивительно не шла, слишком его грубила. Это не из народа был человек.

– А вы, кстати, не еврей? – спросил Борис Иванович у Гомера.

– Нет. А что?

– «Нет, а что?» – засмеялся хозяин кабинета. – Вы мне определенно нравитесь. Я, кстати, к вашему брату с большим пиететом, в отличие от многих коллег...

– Я не еврей. Вы же паспорт видели. А что, это имеет значение?

– Паспорт! Паспорта люди рисуют. Я же не про паспорт говорю, а про состояние души. Отвечая на ваш вопрос: значения – никакого! У нас же не Рейх тут, в самом деле.

На стене шуршали стрелками ходики: простые, стекляшка в синей пластмассе. На циферблате был нарисован, кажется, щит, и шли через тире какие-то буквы. В зеленом отсвете настольной лампы Артем прочел про себя: «ВЧК-НКВД-МГБ-КГБ-ФСК-ФСБ-СБ СКЛ». «СКЛ – Содружество Кольцевой Линии», механически расшифровал Артем настоящее наименование Ганзы.

– Раритет, – объяснил ему Борис Иванович. – Таких на все метро пара штук только. Ценитель поймет.

– У вас к нам какие-нибудь еще вопросы есть? – сказал Артем.

– Конечно. И немало. Вот руки можете на свет сюда, ладонями кверху? – не покидая тени, попросил майор. – Ага, спасибо. Пальцы. Разрешите, я потрогаю? Ну как будто руку вам пожму. Оп. Мозольки. А вот это от пороха, да? Плечо покажете? Да покажите, покажите. Правое. Нет, можно не раздеваться. Пожалуйста, синяк. Приходится, видать, пользоваться автомобилем-то?

И вот еще странно: пальцы у него были влажные и липкие немного. Но это не пот на них лип, а... Артем еле переборол желание понюхать свои руки, только они освободились от майорова пожатия.

– Сталкер. Я объяснил.

– Ну да, это да. Но ведь сталкеры в химзащите, в перчатках всегда, так? Это-то вы не наверху себе настреляли. А вы, Николай Иванович? – по паспорту обратился он к Гомеру, аккуратно ощупывая свои скулы. – Руки. Будьте любезны. Спасибо. Вот, тут видно интеллигента.

Он задумался, разминая, эти свои пальцы: толстые, сильные. Словно что-то он ими делал такое, от чего они затекли и болели. Может, долго фонариком-жужжалкой работал?

Раритетные часы прокрутили сколько-то времени, четко тикая: ц-к, ц-к, ц-к, ц-к. Все молчали, давая звучать часам. Железная дверь отсекала наружные голоса. Если бы не раздельное и внятное тикание, тут тихо было бы, как оглохшим – после взрыва.

Потом Борис Иванович опомнился.

– Можно поинтересоваться, какова цель вашего визита на Ганзу?

– Транзит, – ответил Артем.

– Пункт назначения?

– Театральная.

– Вы в курсе, что ввоз несертифицированного оборудования связи на территорию Ганзы запрещен?

– Никогда не было такого!

– Ну как же. Вы раньше не пробовали, наверное, просто, Артем Александрович.

Царапнул звук отчества: первый паспорт ему выправлял Сухой, а Сухой имени настоящего Артемова отца знать не мог. Он и материного-то имени не расслышал. А сам Артем мог бы, да не запомнил. Так что дядя Саша вписал себя, а Артему тогда кишок не хватило с ним спорить. Так и прилипло. Но фамилию он все равно потом поменял. Когда Мельник выписывал ему новые документы вместо испорченных.

– Вот еще вопрос: живете и работаете на ВДНХ, о чем гласит штамп, а паспорт выдан в Полисе. Много приходится путешествовать? Часто бываете там?

– Жил год. Калымил.

– Не на Библиотеке имени Ленина, случайно?

– На Библиотеке.

– К Красной Линии поближе?

– Поближе к самой Библиотеке.

Свинолуп заинтересовался, заулыбался.

– А на Театральную вы идете, потому что поближе к Театру, видимо? А не потому что обе пересадочные станции – красные? Поймите меня правильно, я просто интересуюсь. По долгу службы.

– Почти. Выход наверх запланирован. На Театральной.

– Конечно, с использованием рации армейского образца? Кому там будете шифрограммы отправлять? Балетной труппе? Труп-пе, ха.

– Послушайте, – прервал его Артем. – Мы никакого отношения к красным не имеем. Я объяснил: я сталкер. Все и так понятно, нет? По лицу, по волосам. Да мне ночью свет в сортире включать не нужно, у меня, блин, струя светится. Ну да, есть с собой рация. Что такого? А если я там застряну, наверху? Если меня жрать будут? Мне что, и на помощь позвать никого нельзя?

– А есть, кого? – спросил Борис Иванович.

Он подался вперед, выдвинулся из тени. И стало ясно, почему он трогает свое лицо. Все оно было исполосовано набухшими, сочащимися сукровицей царапинами. Одна распахивала наискось его бровь и через перерыв – скулу, будто кто-то пытался вырвать майору глаз, но он зажмурился, уберег.

Вот что у него на пальцах клеилось: сок, вышедший из этих царапин. Совсем свежих, не засохших еще; что-то случилось с майором всего за несколько минут до того, как он арестовал их. «В спешке собирался...»

– Может, и есть, – медленно ответил Артем.

Спросить у него: что это с лицом у вас, Борис Иванович? Но что это даст сейчас? Ничего не даст, разве на минуту отвлечет.

– Ну так вы, может, позовете? – Борис Иванович улыбнулся; из-за царапин вышло не очень. – Потому что вам это может сейчас пригодиться. Прописаны на одной станции, документы выданы на другой. С огнестрельным оружием. С тремя боекомплектами. С вашим запрещенным радиооборудованием. Вы понимаете, о чем я? Эта ваша рация... Мы имеем все основания задержать вас. Артем Александрович. Так сказать, до выяснения.

Оправдываться? Объяснять этому человеку про то, зачем ему, Артему, рация? Он и сам мог за этого Свинолупа сказать все себе в ответ: за двадцать лет – никаких сигналов, никаких свидетельств, что выжил хоть где-нибудь кто-то еще. Кого вы хотите обмануть, Артем Александрович?

Майор выбрался из-за своего бруствера, пошел на середину комнаты – топтать грязными сапогами слепнувший от времени и темноты узор.

– И вас, Николай Иванович, за компанию... Может, хоть вам есть, что рассказать? Необязательно тут, при молодом человеке. У вас-то в багаже ничего, кроме дневника, не обнаружено.

То есть, ваши милые каракули можно по-всякому истолковать. Может, это «Повесть временных лет», а может, это вы отчет в госбезопасность Красной Линии строчите. А?

Гомер втянул голову в плечи и проглотил язык; но от Артема откреститься не пытался. Свинолуп завинтил тисочки еще чуть-чуть:

– Ну, как знаете. Времена-то трудные. Тревожные времена. Трудные времена вынуждают к трудным решениям. Понимаете, о чем я?

Артем поискал ответ внизу, на плешистом ковре.

Выглядывали из-под стола тоскливые плюшевые тапочки. Какие-то они были... чужие этому кабинету.

Маленькие слишком для Бориса Ивановича с его ножищами.

Женские?

– И у вас, может статься, всему этому есть свое какое-то объяснение. Но ведь я его не знаю пока. Поставьте себя на мое место: мне приходится изобретать свои версии. И версия у меня пока вырисовывается вот такая...

В спешке собирался. Тапки подобрать не успел. Лицо в кровь разодрано. Кто его так, думал Артем – вместо того, чтобы думать, как себя выгородить. Женщина. Ногтями. Все лицо ему. Глаз выпарапать пыталась. Это не игра была. Что он с ней сделал?

– Что вы, товарищи, пытались проникнуть на территорию враждебной вам Ганзы мимо пограничного контроля путем подкупа официального лица. С целью, разумеется, шпионажа. Или, может быть, подготовки террористического акта?

Что он с ней сделал?

Чертова лампа жалела света, и в сумраке не понять было, не оплетал ли ковровый узор багровые пятна. Холостяцкая квартирка казалась прибранной, тут не дрались, не катались по полу, не опрокидывали мебель; но тапки-то... Тапки-то ведь тут валялись, раскиданные. Значит, она сюда пришла. Привели ее... Дверь захлопнули с этим лязгом, провернули ключ. Так же, как и за ними.

– У Ганзы немало врагов. Завистников. Но вот рация... Рация – не задекларированная и не сертифицированная, пронесенная контрабандой... Что это значит? Это значит: вы не одиночки. Ваше внедрение – часть какого-то плана. Кто-то собирался координировать ваши действия. Просочиться на территорию Кольца, создать тут схроны, возможно, найти связных, получить от них фальшивые документы, залечь на дно, ждать приказа... И в назначенный час выступить вместе с другими спящими агентами.

Гомер беспомощно тыкался в Артема своими прозрачными честными глазами. Но тот не хотел ему отвечать, поворачивался к нему все время бельмами, соскальзывал.

Кто она, интересно? Что с ней стало?

– И то, что вы молчите, означает, что возразить вам нечего. То есть, я все верно угадал, а?

Другого выхода из кабинета не было. Одна дверь – стеганая, удушающая всякий звук. Стол. Часы. Телефон. Икона. Кровать зашторенная в углу. Кровать. Застеленная синтетическим пледом. А что, если на ней... Шторка плотная, непроглядная, а за ней... На кровати...

– Ну?

Артем открыл рот, собираясь сделать признание. Свинолуп подобрался, затаился, прекратил гудеть. Чекистские часы потянули еще время. Ц-к. Ц-к. Ц-к. Гомер набрал воздуха, не смел дышать. И никто не дышал больше.

Она потому старалась из последних сил ослепить майора, что тот ее убивал. Навалился, может быть, на нее сверху... И душил.

Шторка эта. За ней. Застеленная кровать. И прямо на кровати. Где он спит.

Мертвая. А вдруг все же живая?

Вскочить? Отдернуть шторку? Закричать? Броситься драться?

Никто не дышит. А если там пусто?

– Кому сигналы подавать собрались? О чем? Откуда? – майор потерял терпение.

Артем остолбенело уставился на него. Голова налилась грязными грунтовыми водами, не вмещала их, грозила лопнуть; болела.

Кто она? Кто та женщина? За что ее?

Надо делать что-то. Нельзя тут оставаться. А шторка – разве его это, разве Артемово это дело?

– Ты правда меня в шпионаже обвиняешь, майор? На красных? – Артем привстал.

Свинолуп из воздуха достал маленький тусклый «макаров», пристроил его рядом с собой на столе, черным широким зрачком – Артему в зрачки. Но поздно было уже отступать. Надо было открыть стеганую дверь, надо было обязательно выйти из этой уютной квартирки наружу. Выйти самому и вывести старика.

– Мозоли у меня нашел, да? Порох? Хорошо. Ну давай, я скажу тебе, откуда мозоли. В прошлом году помнишь историю с бункером? Должен помнить! Корбута с Красной Линии помнишь? Должен был знать! Коллега же твой! Когда Орден половину бойцов потерял, помнишь?! От красных держали оборону! От ваших, ваших врагов! Потому что если бы они взяли этот бункер себе... А от вас, от Ганзы вашей, мы подмоги просили, помнишь?! Когда уже думали, что все! Но у вас, сука, все силы на невидимом фронте видно были заняты! Вот откуда у меня мозоли! Оттуда же, откуда у Мельника коляска инвалидная!

– Закатайте рукав, – изменившимся голосом приказал майор.

Артем, кривясь, закатал. «Если не мы, то кто?». Татуировка уже посерела.

– Ну, по крайней мере, теперь с паспортом ясность появилась, – кашлянул Борис Иванович.

– Еще вопросы есть к нам?

– Вы вот напрасно так нервно со мной. У меня, между прочим, имелись все основания придержать вас тут до выяснения. Вы, может быть, не знаете, но мы сейчас на грани введения чрезвычайного положения находимся. У нас только на прошлой неделе выявлено и обезврежено пятнадцать агентов Красной Линии. Шпионы, диверсанты и террористы. Орден, конечно, другим занят. Я понимаю. Но ваш Орден, при всем моем почтении, в контрразведке не смыслит. Вам, может быть, кажется, что только в ваших руках судьба всей планеты. Вы, наверное, думаете, что мир и стабильность Ганзы – это нечто само собой разумеющееся, да? А если я скажу вам, что мы только вчера вот взяли человечка, который уже получил доступ к нашей системе водоснабжения? И у которого крысиного яда двадцать кило изъяли? Знаете, как мучительно от крысиного ядадохнуть? Или что вот такой же с виду беспечный говновоз, как дружок ваш, в бочке со своим товаром мину противотанковую привез на Белорусскую, знаете? Если ее в правильном месте поставить, представляете, что будет? А это только диверсанты. Провокаторов берем пачками. Агитаторов. Начинают с нытья о том, что у нас тут справедливости нет, что богатеи богатеют, а нищие нищают, что Ганза, дескать, душит бизнес, или что трудовому человеку по всему метро неважно, оттого что Ганза изо всех соки пьет, а потом вот листовочки – пожалуйста!

Он выложил перед Артемом кусок серой бумаги, на которой карта метро представляла паутиной; в центре сидел жирный паук. На пауке было написано «ГАНЗА».

– А с другой стороны, переверните – «Передай товарищу!» или – «Приходи на собрание!». Вот так. Ячеечки создают. Соображаем? У нас тут под носом революцию готовят, ясно? Денно и ночью. Вы там бывали у них, боюсь спросить? Понимаете, что нам тут всем светит, если что? Они даже пуль на нас тратить не станут, просто арматурой забьют. А те, кого они осчастливят насильно, будут друг друга жрать – и то по карточкам. Вот! Будет власть Советов! И что вы против народного бунта можете сделать? Сколько у Ордена людей осталось? Тридцать? Сорок? Ну да, спецназ, ну да, герои, ну да, если не вы, то уж кто уж. А против толпы, которую провокаторы накрутили, науськали – что вы сделаете? В женщин будете стрелять?!

В ребяню?! А?! Нет, друг мой! Вы, может быть, в тактике ближнего боя понимаете, или в штурме укрепобъектов, только жизнь-то этим не ограничивается! Жизненных ситуаций разных знаешь, сколько?

Ц-к. Ц-к. Ц-к.

Борис Иванович сцепил свои руки замком; это будто напомнило ему о чем-то, и он устался на свои пальцы – толстые, сильные – задумчиво. Потом потрогал снова щеку.

– Зачем тебе на Театральную? – спросил он еще раз, спокойно. – И кто это с тобой? – он кивнул на Гомера.

– Выполняю задание Мельника, – ответил Артем. – Есть желание – свяжитесь, спросите у него. Я не уполномочен. Дед – проводник. Следуем до Павелецкой.

Гомер замигал. Услышал про Мельника. Помнит, куда тот Артема на самом деле послал. «Помешательство». Но и он всего не знает. Татуировка-то осталась, но если кто-то скажет Мельнику, что Артем до сих пор служит в Ордене... Если кто-то и в самом деле сейчас снимет вот эту угловатую трубку и попросит соединить с Мельником...

– Полупроводник, – рассеянно протянул майор и усмехнулся. – Полупроводник-полудед. А брокер что?

– Брокер... С нами.

– Был с вами. Теперь будет с нами. Это ведь он вас через кордон провел, договорился? В нарушение фитосанитарного карантина? Взятку ведь кто-то давал чиновнику Содружества Кольцевой линии? Так сказать, если не вы, то кто?

– Нет, – помотал головой Артем. – Брокер с нами.

Свинолуп ничего не слышал.

– Так что придется брокеру с нами тут... Пообщаться. А вас до Новослободской отправлю транспортом. По кратчайшей. И камень с души.

Гомер скосился на него. Но Артем не мог оставить тут этого дурацкого парня. Не Борису Ивановичу. Не в эти трудные, тревожные времена.

– Отпускаешь всех. Или давай звонить Мельнику.

Свинолуп постучал пальцами по столу, юлой раскрутил маленький тяжелый «макаров», сжал и разжал кулак.

– Что ты меня Мельником устрашаешь? – выговорил он наконец. – Он-то меня поймет. Мельник – офицер, и я – офицер. Просто глупо это будет. У нас ведь с вами враги общие. Мы вместе должны сражаться, плечом к плечу. Вы – по-своему, мы – по-своему. Метро от хаоса защищаем. От большой крови бережем. Кто как умеет.

Жарко было. Нечем дышать. Стучала в уши мутная вода. Нечем дышать, проворачивалось в голове. Койка в углу зашторенная. Тапочки под столом. Просто схватиться за занавеску эту треклятую... Открыть.

– Отпускаешь всех, – повторил Артем. – Всех троих.

– До Новослободской. Мой участок. В ту сторону – чужие. И я не хочу всем и каждому объяснять про тебя, про брокера, про Мельника твоего. Кто-нибудь начальству стуканет наверняка. Докладными замучают.

– Прямо сейчас, – нажал Артем.

– Прямо сейчас ему...

Ц-к. Ц-к. Ц-к. Святые в углу шептались, совещаясь. Мечи у обоих были наголо. Гомер тыльной стороной ладони хотел утереть пот с лысого лба, но весь пот было не высушить.

Наконец Борис Иванович снял трубку плоского кнопочного телефона.

– Агапов! Брокера на выход. Да. Я все сказал. Что? А что с Леоновым? Ну и выдай ему. Труд должен быть оплачен. Да. Тем более он! Сказочник от бога! Особенно это ему удастся, про невидимых наблюдателей... Заслушаешься! – он засмеялся. – Да. И брокера давай.

Артем толкнул Гомера в плечо: уходим. Тот стал подниматься, но медленно, будто зацепился за что-то.

– Вещи верните, – сказал Артем.

– На границе, – пообещал, посерьезнев, Борис Иванович. – А то побежите еще, прятаться станете. Мы же с вашим заданием так деталей и не выяснили. Не беспокойтесь. На границе все вернем.

Прежде чем запереть кабинет, окинул его хозяйским взглядом. Все там было в порядке. Борис Иванович зыркнул в угол, шаркнул сапожищами перед меченосцами в нимбах по-строєвому, как перед командиром, и потушил свет. И Артем оглянулся через плечо в последний раз – на шторку. Не мое дело, сказал он себе.

– На гранииине тучи ходяят хмуууроо... – тихонько запел себе под нос Свинолуп.

* * *

Проспект Мира-Кольцевая имела совсем другое лицо, чем ее сиа́мский близнец. Радиальная станция слепо паялилась в темноту, Кольцевая шурилась от яркого света. Радиальная вся была загромождена лотками, киосками, развалами всевозможного хлама и ширпотреба, и выглядела в общем, как прибарахлившийся на помойке бомж. Кольцевая, хоть и срослась с ней переходом, умудрилась от нее не завшиветь. Пол в черно-белую шашку был выскоблен и вылизан, позолота на потолке подновлена, а затейливо простеганный косыми линиями потолок, пусть и подкоптившись несколько, все же давал понять, что некогда был снежно-бел. Тяжелые бронзовые люстры с множеством ламп свисали с него. Горела на каждой люстре всего только одна лампочка, но и этого хватало, чтобы на станции не оставалось ни темного угла.

Часть платформы была отведена под грузовой терминал: у нагнувшегося к дрезине подъемного крана курили вкусное и недешевое грузчики в синих спецовках, ящики какие-то построились и стояли ровно, дисциплинированно, прибывала из туннеля еще новая подвода с товарными тюками, звенел бодрый матерок. Шла работа и спорилась жизнь.

Дома у местных были устроены в арках выхода на платформы, чтобы не занимать зал и не портить его красоты: проемы заложили кирпичом и даже оштукатурили белым, дверки пустили по внутренней стороне, а рядом с дверками проделали еще и окошки – лицом к люстрам; сквозь занавески, наверное, можно было представить себе, что снаружи просто вечереет. А если в дверь постучат – отдернуть шторку и посмотреть, кто, прежде, чем отпирать. Люди тут были умытые, приодетые даже, и как ни ищи, выискать в толпе хоть одного дистрофика не получилось бы нипочем. Если был в этом мире еще возможен рай, Проспект Мира наверняка был бы одной из его станций.

Борис Иванович распрощался с ними еще до выхода в свет: извинился, дескать, надо отлучиться в травмпункт. Ему на замену вышел из служебных помещений какой-то дядечка в усах, приличный и заурядный, и вывел за собой брокера Леху. У того была разбита губа, но улыбаться это ему не мешало.

– На Новослободскую с нами поедешь, – сообщил ему Артем. – И на Менделеевскую потом.

– Да хоть куда! – сказал Леха.

Дядечка одернул свой застиранный свитер – не форменный, разумеется, а такой добрый, с вязаными снежинками – и, хлопнув Леху по плечу, поманил всех троих за собой. Со стороны казалось: четверо друзей шли по платформе. Четверо друзей, перешучиваясь, курили на остановке.

Подъехала точно по времени знаменитая ганзейская маршрутка: дымная мотодрезина с прицепленным пассажирским вагончиком. Вагончик, правда, был открытоверхий, но зато обустроенный мягкими сиденьями, вывороченными в каком-то метропоезде. Кондуктор собрал

со всех по два патрона: свитер заплатил за всю компанию. Уселись друг напротив друга, качнулись и покатали.

Мест свободных больше не оставалось. Слева сидела баба с обесцвеченными волосами и с зобом. Справа – носастый смурной гражданин в чем попало. Позади – молодой сонный отец с сопящим кульком и мешками под глазами, потом человек с просто неприличным пузом, и темленькая девчонка лет шестнадцати, в юбке до пола – от греха. И там еще люди, а в конце, как и в голове дрезины – автоматчики в кевларовых жилетах, с титановыми шлемами на коленях. Но это не Артему конвоиры были: даже тут, на Ганзе, с постоянным ее движением и негаснущим освещением, туннели оставались туннелями, и в них могло случиться всякое.

– И при нем – двадцать кило крысиного яда! – продолжила крашенная баба разговор из предыдущего перегона. – В последний момент взяли.

– Озверели. Крысиным ядом! Самого бы этого гада крысиным ядом, чтобы все сожрал, заставить! – пробухтел пузан. – Сколько этих можно терпеть! Тут один вон переметнулся от красных эт-самый... С Сокольников. Говорит, они там детей своих хавают уже! Это там Антихрист, этот их Москвин. И хочет нас всех тоже! Сатана!

– Ну уж детей... – протянул недоспавший отец со свертком. – Никто своих собственных детей есть не станет.

– Много ты в жизни понимаешь! – всхрапнул пузан.

– Своих детей – никто, – упрямо сказал тот.

– Вот когда они сюда придут, тогда и узнаем, – поддержал разговор свитер.

– Ведь хуже и хуже! А в прошлом году? С бункером! Орден еле выстоял! Чего им неймется? – пыхла баба с зобом.

– С голодудохнут потому что! – пузан потер свой огромный живот. – Вот и лезут на нас эт-самый. Отнять и поделить.

– Не приведи хасподь! – попросил кто-то старушечий сзади.

– А я бывал вот на пересадке на Красной Линии один раз. И ничего такого страшного нет у них. Цивильно вполне. Одеты все по образцу. Пугают это нас ими!

– Да ты от буферной зоны шаг в сторону хоть делал? Я вот сделал! Тут же скрутили, чуть к стенке не поставили! С фасаду-то у них порядочек, ага!

– Работать не хотят, оглоеды, – сказал носастый. – Мы тут все своим трудом. Двадцать лет на галерах. А эти... Как саранча они. Конечно, им теперь новые станции подавай, у себя-то они все уже подчистили. Схарчат в два присеста.

– А мы-то почему должны?! За что?

– Только жить начали по-человечески!

– Войны бы не было бы... Войны бы...

– Хотят там – пускай своих детей и жрут, а к нам не лезут! Дела нам до них...

– Ох, не приведи хоспади! Не допусти!

Все это время дрезина катила мирно и неспешно, попыхивая приятным дымком – бензиновым, из детства – через образцовый перегон – сухой, молчащий и освещенный через каждые сто метров энергосберегающей лампочкой.

А тут вдруг – р-раз! – и стала темнота.

Во всем перегоне. Погасли лампочки, и будто Бог уснул.

– Тормози! Тормози!

Завизжали тормоза, кубарем полетели друг на друга зобастая тетка, человек с носом, и прочие все, неразделимые в темноте. Замяукал младенец, все больше расходясь. Отец не знал, как его успокоить.

– Всем оставаться на местах! Не спускаться с дрезины!

Щелкнул один фонарик, зажигаясь, потом еще. В прыгающих лучах видно стало, как суетливо и неловко пролезают в шлемы кевларовые бойцы, как они нехотя сходят на рельсы, оцепляя маршрутку, становясь между людьми и туннелем.

– Что?

– Что случилось?!

У одного кевларового зашебуршало в рации, он отвернулся от гражданских и пробубнил что-то в ответ. Подождал приказа – не дождался, а без приказа не знал, что делать, и застыл недоуменно.

– Что там? – спросил и Артем.

– Да брось, хорошо сидим! – беспечно ответил свитер. – Куда нам торопиться?

– Вообще бы хотелось... – обсасывая губу, промямлил Леха.

Гомер молчал напряженно.

– А мне есть вот куда! – отец кулька привстал. – Мне к матери вон надо ребенка! Я сам ему, что ли, сиську дам?

– Ребятки, что там говорят хоть? – колыхнула зобом пергидрольная тетка в сторону бойцов.

– Сидите, женщина, – твердо сказал кевлар. – Ждем пояснений.

Минута натянулась, как струна. Вторая.

Сверток, не утешенный своим неумелым отцом, зашелся уже визгом. Из головы дрезины раздраженно посветили им всем в глаза миллионом свечей, разыскивая источник плача.

– В жопу себе посвети! – крикнул отец. – Ни хера не могут! Да пускай бы тут красные и взяли все, может, хоть порядок наведут! Каждый день отрубают!

– Чего ждем? – поддержали с тыла.

– Далеко едешь-то? – в голосе свитера слышалось сочувствие.

– Парк культуры! Полметра еще! А-а-а. Ба-ю-бай.

– Давай шагом хоть двинемся!

– У нас-то не на электричестве! Заводи! До станции бы добраться, а там уже...

– А если диверсия?

– И вот что наша эс-бэ? Где она, когда нужно?! Допустили же!

– Да уж не началось ли, хоспади?!

– Шагом, говорю, давайте! Помаленечку...

– Вот за что налоги плотим!

– Ждем указаний! – бормотал в рацию боец, но оттуда только кашляло.

– Точно ведь диверсия!

– А это что там? Ну-ка посвети... – свитер прищурился, ткнул пальцем в темень.

Один кевларовый по его наводке нацелил фонарь: на черную дыру. Из туннеля шел в земную толщу ходок, узкий коридорчик.

– Эт-то что еще?.. – изумился свитер.

Кевларовый резанул ему лучом по глазам.

– Не лезьте, мужчина, – отрезал он. – Мало ли.

Свитер не обиделся. Сделал себе из ладони козырек и стал для света неуязвимым.

– Про Невидимых наблюдателей сразу... Слышали историю?

– А?

– Ну... Про Метро-два. Что правительство... Лидеры той России, которая раньше была... Великой. Что не делись они никуда. Не бежали. Не погибли. Ни на какой Урал не спаслись.

– А я про Урал слышал. Ямандау там, или как называется. Город под горой. И туда все сразу, как заварушка! Мы-то тут пускай гнием, а первые лица все... Там и живут.

– Брехня! Никуда они нас не бросили. Они-то бы не предали нас, народ. Тут они. В бункерах, которые рядом с нами. Вокруг нас. Это мы их предали. Забыли. И они вот от нас...

Отвернулись. Но тут где-то... Ждут. Присматривают за нами все равно. Берегут. Потому что мы им – как дети. Может, их эти бункера – за стенами наших станций. А их туннели, секретные, – за стенами наших. Вокруг прямо идут. Следят за нами. И если мы заслужим... Спасение. То – вспомнят. Спасут. Выйдут из Метро-два и спасут.

На дрезине попритихли, уставились на черный ходок, на беспросветный омут, зашептались.

– А вот черт знает...

– Х-херня это все, – зло бросил Артем. – Ересь! Был я в этом Метро-два.

– И что?

– И ничего. Туннели пустые. Пустые туннели и кучка дикарей, которые человечинкой кормятся. Вот и все ваши Наблюдатели. Так что сидите тут, ждите. Спасут.

– Не знаю, – добродушно хмыкнул свитер. – Рассказчик из меня не особо. Тебе бы послушать того мужичка, который мне все это дело изложил. Я прямо проникся!

– Правда, что ли, людоеды? – уже у Артема спросил отец с кульком.

Но тут дали свет.

Охране в рацию пробурчали благословение. Дрезина чихнула. Скрипнули колеса. Поехали.

Люди выдохнули, даже ребенок затих.

Стали проплывать мимо темного ходка, заглянули с опаской.

Ходок оказался подсобкой. Тупичком.

* * *

Новослободская была одной нескончаемой стройкой. На свободном пути стоял караван, груженный мешками – песок, наверное, или цемент; таскали кирпичи, мешали бетон, капали стынувшим раствором на пол, промазывали щели, откачивали воду с путей. Шумели добытые где-нибудь наверху обогреватели, гнали лопастями горячий воздух на сырую штукатурку. К каждому был приставлен охранник в сером.

– Текёт, – объяснил свитер.

Изменилась Новослободская. Тут когда-то были цветные витражи, и станцию держали чуть в сумерках, чтобы стекольная живопись ярче сияла. А по-наверх витражей раньше бежала двойная окантовка золотом, выделявая округлые арки; и пол тоже был в гранитную шашку, словно пассажир вступал на драгоценную шахматную доску, подаренную русскому царю персидским шахом... Теперь был всюду один цемент.

– Хрупкая штука, – проговорил Гомер.

– А? – Артем обернулся к нему: старик вот уже сколько молчал, странно было даже слышать его.

– Был один знакомый. Сказал мне как-то раз, что на Новослободской витражи полопались давно, дескать, хрупкая штука. А я и забыл. Сейчас вот, пока ехали, все думал увидеть их.

– Ничего. Вытянем, – уверенно сказал свитер. – Спасем станцию. Отцы могли, и мы сможем. Если войны не будет, все вытянем.

– Наверное, – согласился Гомер. – Просто странное чувство. Я эти витражи не любил никогда, и Новослободскую-то не любил за эти витражи. Думал, безвкусица. А сейчас, пока ехал, все равно ждал их.

– Может, и витражи восстановим!

– Это вряд ли, – мотнул головой Артем.

– А нет, значит, и хрен с ними! – лопнуто улыбнулся Леха. – Жизнь и без них продолжается. Где тут выход у вас?

– Все восстановим! Главное, чтобы войны не было! – повторил свитер, хлопая Леху по спине.

Он повел их на лестницу, над путями, по перешейку – к Менделеевской. Прошли один камуфляжный кордон, другой, и только потом – граница замаячила, с коричневым ганзейским кругом на штандартах, с пулеметной позицией.

Леха вертелся, все время оборачивался зачем-то назад; надрывное было у него веселье, знал Артем, не настоящее. Гомер склеил губы и смотрел в свое подлобье, на невидимый кино-экран. Свитер продолжал нести всякое жизнеутверждающее.

На последнем блокпосту маялись, помимо серых пограничников, еще и двое других, одетых работягами – в заляпанных спецовках и сварочных очках на лбу. В ногах у них стояло Артемово: баул с химзой и ранец с рацией.

Поприветствовали, расстегнули молнию, пригласили удостовериться, что и автомат, и патрончики все вот они, на месте, хотите – пересчитайте. Артем не стал считать. Сейчас просто убраться отсюда, живым убраться, а больше ничего не нужно.

Невозможно в одиночку бороться со всей их службой безопасности. Со всей Ганзой. А там, в комнате, за шторой... Нет там ничего. Паранойя.

– Ну! – свитер тряхнул энергично грязную Лехину лопату и протянул руку Артему. – С богом!

Со стороны поглядеть – четверо старых друзей прощались, не зная, когда свидятся снова.

* * *

Только когда они перешагнули уже на Менделеевскую, когда люди в штатском точно не могли их больше слышать, Гомер взял Артема за рукав и зашептал:

– Вы очень правильно с ним разговаривали там. Ведь мы могли бы оттуда и не выйти.

Артем пожал плечами.

– Не могу перестать об одном думать, – досказал Гомер. – Вот мы когда в кабинет его зашли, он тапки убирал разбросанные, помните?

– И?

– Это ведь не его тапки были. Вы обратили внимание? Женские. Это женские были тапки. А царапины...

– Ерунда! – рявкнул на него Артем. – Чушь собачья!

– Сожрать бы чего, – произнес Леха. – А то домой еще когда теперь попадем.

Глава 6. Восемь метров

– Тут у нас дорога в одну сторону, – на прощание сказал им командир погранзаставы, теребя ногтем вызревший на шее сочный прыщ.

И тогда им стало интересно, куда их вынесло.

Менделеевская оказалась полутемной, туманной от пара и промокшей насквозь. Лестница перехода с соседней Новослободской спускалась не на напольный гранит, а в озеро: тут люди жили по щиколотку в стылой бурой воде. Артем расстегнул свой баул – там лежали его болотные сапоги. Повесил на себя заодно и автомат. Гомер тоже в резине был, сразу видно бывалого путешественника.

– Не знал, что ее прорвало, – пробурчал Леха, ежась.

Там и сям валялись в воде сколоченные из гнилого дерева рамы, немного приподнимающие человека над дном. Набросаны они были как попало, и никто не пытался сбивать их в остров или в дорогу.

– Поддоны, – узнал Гомер, обмакивая себя в холодную муть, чтобы дойти до деревянного помоста. – В фурах такие раньше использовали. И все Подмосковье в рекламных щитах: куплю поддоны! Продам поддоны! Целый черный рынок этих поддонов! И думаешь вот: на кой черт вообще кому сдались эти поддоны? Оказывается, их к Потопу скупали.

Но и поддоны давно отсырели и утонули сантиметров на несколько. Увидеть их сквозь грязь можно было только совсем вблизи, и только глядя себе прямо под ноги; а со стороны и вправду казалось, что все тут сплошь одно взбаламученное библейское море.

– Они тут все, как пророки, прямо по воде чудесно гуляют, – усмехнулся Гомер, глядя на шлепающих местных.

Брокер тоже оценил:

– Будто говном залито!

Скоро зрачки забыли, как ярко сияла Ганза, и им стало хватать с избытком здешнего скудного света. Горел жир в площадках – где попало, у кого нашлось; иногда за ширмами из магазинных пакетов – выцветших, но не до конца.

– Вроде китайских бумажных фонарей, – указал Гомер. – Красиво, а?

Артему по-другому показалось.

В арках, которые сначала чудились сплошными и черными, обнаружились пути. Но не обычные, как на прочих станциях. На Менделеевской грани между платформой и путями не существовало, мутная вода все выравнивала. Надо угадать, где еще можно стоять, а где придется оступиться и хлебнуть.

Но главное вот: как отсюда дальше-то идти?

Выход наверх был завален, запечатан. Переход – отрезан. Туннель – по шее налит холодной и грязной водой. И еще фонило от нее, небось; поди искупнись в такой. Сведет судорогой, фонарь замкнет, и будешь лицом вниз поплавающим валандаться, пока полные легкие не наберешь.

Вдоль невидимых путей сидели местные, почесываясь, ловили в глубине какими-то сачками лучше уж даже не думать, кого, и тут же всырую глотали.

– Мою глисту увел! Вернул глисту, падла! – вцепился один рыбак другому в патлы.

Ни лодок, ни плотиков у них не было. Никуда они с Менделеевской деться не могли, да и не собирались. А Артему с Гомером как быть?

– Почему затоплено все? Ниже она, что ли, чем Новослободская? – вслух сказал Артем.

– На восемь метров глубже, – извлек из памяти Гомер. – Вот вода оттуда вся сюда и течет.

Стоило отойти подальше от ступеней перехода, облепили ноги тощие дети. К ганзейскому кордону они соваться не смели; как-то их оттуда отвадили.

– Дядь, пульку. Дядь, пульку. Дядь, пульку.

Тощие, но жилистые. Опа! – ловишь чужую ручонку в кармане. Скользкую, быструю, верткую. Вроде поймал только что, а – пусто. И кто это был из дьяволят – не узнаешь.

Подземные реки обтекали все метро, скреблись в бетон, просились впустить на глубокие станции. Кто мог – выгребал: укреплял стены, откачивал жижу, сушил сырость. Кто не мог – тонул молча.

На Менделеевской народу лень было и грести, и тонуть. Перемогались временно, как придется. Наворовали где-то трубчатых строительных лесов, разгородили ими зал, свинтили себе из них джунгли, вскарабкались повыше, под потолок, и там повисли, на этих железных лианах. Кто постеснительней, намотал вокруг своего гнезда пластиковых пакетов, чтобы ему в жизнь снаружи не пялились. Кто попроще, прямо с верхних ярусов при всех в воду звонко дела делал – и ничего.

Раньше зал Менделеевской, торжественный и сдержанный, белого мрамора, с просторными округлыми арками, подходил, к примеру, для дворца бракосочетаний. Но грязевые потоки отслюнявили от стен мраморные плиты, закоротили электричество и погасили хитро изломанные металлические люстры, а людей превратили в земноводных. Вряд ли тут кто еще женился – забирались просто повыше, чтобы задницу не намочить, и спаривались наспех.

Кто не ловил глисту, сидел по своим ярусам-нарам безучастно и пришибленно: лупились в темноту, несли околесицу и безмозгло похихикивали. Других занятий тут, кажется, не имелось.

– Чего пожрать бы? – растерянно повторил Леха, выбравшись из мокрого на сухое, отмахиваясь от попрошаек и скорбно глядя на свои ботинки.

От его настойчивости подвело живот и у Артема. Есть было надо на Проспекте: там и свиные шашлыки жарили, и грибов тушеных в плошку хлопнуть могли. А тут...

– Пульку, дядь!

Артем обхватил свой баул покрепче, шуганул мелюзгу. Снова зашустрила в кармане чья-то пятерня. Нашла что-то, дернулась – но тут уже Артем был начеку. Девочка маленькая попала, лет шести. Волосы спутаны, зубы через один.

– Ну все, жучка! Отдавай, что там?!

Разжал палец за пальцем, стараясь злиться. Девочка вроде напугалась, но пыталась нагличать. Предложила Артему поцеловать его, если отпустит. В руке у нее был – гриб. Откуда у Артема в кармане грибу взяться? Сырой гриб, с грядки. Что за чушь?

– Ну че ты, дай грибок-то! Че, жмот?! – запищала девчонка.

Догадался: Аня положила.

Сунула ему гриб на прощание: вот ты, Артем. Вот ты кто, вот твоя природа и твоя сущность, и помни об этом в своих героических странствиях. Помни о себе и помни обо мне.

– Не отдам, – твердо сказал Артем, сжимая детскую руку сильнее, чем собирался.

– Больно! Больно! Изверг! – она заверещала.

Артем распустил пальцы, освободил волчонка.

– Постой. Подожди.

Она замахнулась уже было на него какой-то железкой с расстояния, но замерла, согласилась потерпеть. Еще немного верила в людей, значит.

– На! – он протянул ей два патрона.

– Кидай! – приказала девчонка Артему. – Изверг. Не пойду к тебе. Разве если немного.

– А как выбраться отсюда? На Цветной бульвар бы?

– А никак! – она сморкнулась в руку. – Надо будет, сами заберут.

– Кто?

– Кто надо!

Артем подбросил ей в ладонь один патрон, другой. Первый поймала, а второй занырнул, и тут же за ним полезли в холодную муть сразу трое мелких. Девчонка их – пяткой в нос, в ухо, вон, вон, мое! Но уже повезло кому-то другому. Она от обиды не заплакала, а сказала счастливчику решительно:

– Ладно, зараза, я тебя еще достану!

– Слышь, подруга, – позвал ее Леха. – Хавчик тут есть вообще у кого-нибудь? Чтобы не травануться? Отведи, накину еще пульку.

Она уставилась на него с сомнением, потом шмыгнула носом.

– Яйцо хочешь?

– Куриное?

– Нет, блин! Куриное, конечно! В том конце деревни есть у одного.

Леха обрадовался, и Артем вдруг тоже поверил в это яйцо: вареное, с белком как человеческий глаз и с желтком как солнце на детских рисунках, свежее и мягкое. И ему самому приспичило такое яйцо, а лучше сразу тройную глазунью, на жирном свином масле жаренную. На ВДНХ кур не держали, и последний раз ему яичницу довелось пробовать в Полисе, больше года назад. Когда с Аней у них все разгоралось только-только.

Артем спрятал гриб-привет во внутренний карман.

– Я в деле, – сказал он Лехе.

– Яйцо жрать будут! – провозгласила девчонка.

Это известие привело мелюзгу в возбуждение. Все, кто пытался выклянчить у Артема патрончик, отложили свои мечты, перестали домогаться подачки; скопились молча и круглоглазо вокруг пришельцев.

Пришлось всей делегацией прыгать по поддонам, как цыплячьему выводку, до противоположного конца платформы, к спрятанному там где-то курятнику. Дети лезли за ними по стропильным лесам, бежали, опережая, верхними ярусами, срывались иногда с визгом в болото.

Полудремлющие на нарах тупо и бессильно глядели им вслед, вяло распутывая спутанные мысли:

– Пойдем, может, в солянку сегодня? На афише читал, швед какой-то клевый приехал. Электронщик.

– По твою душу приехал. Они там пидарасы все в этой Швеции. Вчера по телику сказали.

– Глистов насосались, – на ходу объяснила про них девочка.

На одном из поддонов, предоставленный сам себе, пух труп.

Артем поглядел, как к нему, держа мордочку повыше, плывет кушать крыса, и подумал вслух:

– Разница – восемь метров всего, а как в ад спустились.

– Не ссы! – ободрил его Леха. – Значит, и в аду – наши! И русский не забыли, молодцом! Доскакали до другого конца этой их проклятой деревеньки. До самого тупика.

– Во! – девчонка сплюнула. – Тут он. Давай пулю!

– Эй, хозяйка! – крикнул брокер вверх. – Говорят, яйцами торгуешь?

– Есть такое, – сверху свесилась спутанная борода.

– Пулю давай! Давай пулю, изверг! – забеспокоилась девчонка.

Леха вздохнул горько и жадно, но проводника рассчитал. С окружающих нар за этим завистливо наблюдали.

– Почему?

– Две! – затребовала борода. – Две пули!

– Мне бы пару и еще... И еще вот товарищам штучки три. Сделка века, брат, у тебя вырисовывается!

Наверху зашевелились, закричали. Через минуту перед гостями предстал мужичок в пиджаке на голое тело. Срам прикрыт белой юбкой, сделанной из прорезанного снизу широ-

кого пакета с вытертой надписью «Аша»; борода встрепана и замусорена, глаза пламенеют горящим жиром.

В одной руке мужичок нес уверенно, как царскую державу, символ власти – испачканное пометом куриное яйцо. Другой – нежно, но надежно обнимал исхудавшую курицу с загнанным взглядом.

– Олег, – с достоинством представился бородач.

– А скидка, Олежек, есть? – побренчал сумой брокер.

– У всего своя цена, – твердо сказал Олег. – Яйцо два патрона стоит.

– Ладно... Черт с тобой уже. Давай это сюда. Вареное? И еще четыре. Вот тебе... Раз, два... Пять. Десять.

– Нельзя! – Олег покачал головой.

– Что нельзя?

– Яйцо только одно. Давайте две пули. Лишнего мне не надо.

– Как одно? – растерялся Артем.

– На всю станцию одно. Сегодня. Бери, пока другие не перекупили. И оно сырое. Тут варить не на чем.

– И как его? – нахмурился Леха.

– Пей, как. Вот тут тюкни и пей, – Олег показал, как. – Но деньги вперед.

– Ладно. Вот тебе патроны. Я сырые боюсь. Однажды месяц провалялся, чуть не сдох.

Сварю где-нибудь сам.

– Не! – Олег яйцо из рук не выпустил и патроны не взял. – Тут пей. При мне! Или не продам!

– Это еще почему? – изумился брокер.

– А потому. Рябе нужен кальций. Она из чего, по-вашему, должна скорлупку производить?

Волчья девочка стояла рядом, наблюдала. Набиралась ума-разума. Остальные повылазили из сумрака, готовились к чему-то. Не только дети – и взрослые, кто поближе жил, тоже придвинулись.

– Чи-во?.. – переспросил Леха.

– Скорлупка из кальция состоит. В школе учился? Чтобы новое яйцо снести, ей кальций нужен. Где я вам его возьму тут? Так что хряпай давай. И скорлупку – на базу. Склует скорлупку, и завтра можете за вторым приходить.

– И за это два патрона?!

– У всего своя цена! – Олег был непреклонен. – Я на людях не наживаюсь! На один патрон Рябе грибов куплю, на другой – себе. На день. А завтра – новое яйцо. Все посчитано. Все работает. Как швейцарские часы. Ты не хочешь – зондеркоманде загоню. Они гоголь-моголь ценят. Ну? Берешь?

– Кому? – спросил Гомер.

– Давай сюда свой гоголь-моголь, – пробурчал Леха.

– Аккуратно только скорлупу бей, внутрь чтобы.

– Не учи ученого!

Тюк.

– Мастерски пробил! – прошептал уважительно кто-то в собравшейся вокруг толпе.

– Вкусно, а? – завистливо спросил мальчонка со вздутым животом.

– Ну ты быстро-то не пей так! Потяни, прочувствуй! – посоветовала еле отличимая от мужчин женщина.

– Желточек, желточек-то пошел уже, кто видит?

– Каждый день как будто он яйца жрет!

Лехе болельщики не мешали. Он их не замечал.

– А то – варить его еще! Яйцо сырым хорошо. Белок – как жидкое стекло. Душа человеческая, наверное, вот как-то так выглядит, – почесывая в бороде, сказал Олег.

– Слышь, дядь, – сказал ему Артем. – А как выбраться отсюда?

– Куда? Зачем?

– Что у вас дальше? На Цветной бульвар.

– Чего там ловить-то? Нечего! – категорически заявил Олежек.

– А вот, скажем, если, – смакуя измазанное яйцо, громко призадумался брокер. – Если бы тебе пойти таскать червей, и каждый день одно яйцо откладывать, а потом сразу два десятка продать на Ганзу, а на выручку купить себе вторую курицу? Ты ведь тогда перестанешь в ноль работать. За месяц в плюс выйдешь, а?

– И ее глистой кормить? Кура животное деликатное, она от глисты сдохнет! Ученый тут мне, вертеть!

– Ну а если цыплят подождать? Вот если бы я тебе пуль в кредит под петуха дал? – Леха поиграл, позвенел оставшимися патронами. – Или даже вложился бы этим петухом, за пятьдесят процентов в нашем будущем акционерном обществе. А?

Тут волчья девочка, за всем этим следившая безотрывно, не вынесла дальше скуки честной жизни, метнулась, поднырнула и дала брокеру по руке снизу; острые латунные пилюли всплеснулись и попадали сквозь доски поддона, сквозь грязюку – на дно. Яйцевые болельщики взбудоражились.

– Ах ты, дрянь мелкая! – завопил брокер. – Прибыль к едреной матери! А ну, сдали все назад!

– Вот он, кредит твой! – обрадовался Олежек. – Влезать еще в кабалу! Ради чего?

– Да пошел ты! – Леха опустил на колени, стал шарить через муть в холодной воде, выискивая свои утопии патроны; недопитое яйцо он держал высоко в свободной руке.

Девчонка закарабкалась куда-то недосыгаемо, затаилась среди рваных пакетов, и, наверное, молилась там своему беспризорному богу, чтобы брокер не все пульки со дна достал. Остальные, имея в виду Артемов автомат, лезть на рожон убоялись.

– От денег счастья нету! – приговаривал Олег. – Человеку много не надо. Что мне, одно яйцо или десять? Одного мне аккуратно хватает. А от десяти заворот кишок может быть! Всегда так жил и еще проживу.

Но тут подлый бог бомжей учел девчачий шепот, вырвал волос из своей бороды колтуном, произнес абракадабру, и брокер Леха вместо патрона поймал гребущей пятерней бутылочный осколок. Вытащил – порез как раскрытый младенческий рот, тошнит черной кровью.

– Суки! Ну суки вы тут все! – Леха прямо заплакал от злости, смял чертово яйцо и зашвырнул его в темень.

Люди ошеломленно стихли.

– Гад! Гадина! Ты что же... Что же ты... – Олежек прямо обомлел от того, как быстро и жестоко хрустнула скорлупа, и как мгновенно она канула. – Ты гад! Гадина ты паршивая! Скотина ты!

Он полез вместе с Рябой по острой воде голыми ногами искать, куда запропастилась скорлупа – вон, кажется, она белела – но до нее первой голодная крыса добралась, вцепилась и потащила, вереща, куда-то на свой круг, и там сгинула.

Это Олежка привело в отчаяние.

Он посадил куру на жердочку и попер на брокера, нелепо размахивая руками. Столько лет в метро пробыл, а драться не научился. Брокер ткнул его коротко левой в подбородок и сразу опрокинул. С поддона, купая бороду через дырявые доски, Олег бубнил отчаянно и униженно:

– Жизнь всю мне... Скотина... Жизнь мою всю... Об колено... Торгаш херов... Ученый... За что? За что ты меня?

Люди от переживания подались вперед. Артем на всякий случай перешелкнул предохранитель на автомате, взялся посподручней. Но вступаться за бедолагу никто не спешил.

– Ну вот и Олежеку раздали, – шепталось вокруг.

– А и не хер.

– Будя жировать.

– Пусть как все теперь.

Олежек заплакал.

– Да на Ганзе вон песку! На Новослободской ремонт. Пускай песок поклюет... – попробовал утихомирить его Гомер. – Да у нее, может, и еще одно так получится, на внутреннем резерве...

– Умник! Понимаешь ты в куриных резервах! А на Ганзу сам и иди! Песочку-то вам там сыпанут!

Леха, потерянный, сжимал здоровой рукой запястье резаной, страшноватый рот в его ладони не закрывался, и всем ясно было, что брокера нужно срочно, вот прямо сейчас, заливать спиртом, потому что в этом поганом мелководе водится такое всякое, что через день Лехе будет неременная гангрена.

– Самогон тут есть у кого? – крикнул Артем драным джунглям. – Сполоснуть!

В ответ ему похихикали по-обезьяньи глумливо. Самогон, ага. Сполоснуть.

– У вас же вон! Полстанции в хлам! Гоните ведь из чего-то?

– Хоть и из говна бы! – попросил Леха.

– Так это они глисту сосут! – объяснил кто-то сочувствующий. – Глиста им мульты показывает. А спирту в ней нет!

– Ни хера не могут! – разозлился брокер. – Сухорукие!

– А иди у солдатиков попроси, – посоветовали ему.

– Да, да, у солдатиков, – засмеялся другой.

– Правда! – Артем взял Леху за плечо. – Пойдем к погранцам. Вернешься на Ганзу. Визы стоят же. А свитер этот ушел уже давно. Заклеят тебя, а там разбежимся.

– Куда?! – вскричал Олежек. – Вы куда собрались?! А я?! Мне-то что делать?!

– Я к этим обратно не пойду! – заартачился брокер.

– Куда собрались?.. – не слышал Олежек. – Вы мне всю алгебру поломали!

– Так, дядь... – Артем взялся за рожок, чтобы выщелкнуть оттуда Олегу утешение, но тот иначе все понял.

– Палач! Каратель! Убить меня?! А и стреляй! – он поднялся с колен, схватил ствол и ткнул его себе в живот.

Громыкнуло.

Отлетела, порхая ощипанными крыльями, курица, забегала полоумно по поддону. Люди обалдели, оглохли. Звенело бесконечное эхо, уплывая по подземной реке.

– Ты что? – спросил у Олежка Артем.

Тот сел.

– Вот так вот, – ответил он.

Пиджак на животе у Олежка мок чем-то блестящим, которое, стекая ниже, на белой полиэтиленовой юбке уже понятно виделось, как жидкая оранжевая кровь.

Нелепица какая-то.

– Ты что это, дядь? – спросил у него Артем. – Ты зачем?

Олег поискал глазами курицу.

– На кого Рябу оставить? – грустно и слабо сказал он. – На кого ее оставить? Сожрут.

– Ты зачем, идиот, это сделал?! А, идиотина?! – Артем заорал от никчемности своей, Олежиной, и всеобщей.

– Не кричи так, – попросил Олег. – Умирать тошно. Иди, Рябушка... Иди ко мне...

– Вот ты сволочь! Вот ты идиот! Бери его! Бери его живо за ноги! На Ганзу пошли! – кричал брокеру Артем, принимаясь за Олеговы подмышки.

Но Леха своей раззявленной рукой ничего держать не мог. Тогда Артем всучил Гомеру баул, навьючил брокера рацией, а сам взял Олега – легкого, обмякшего – и на закорках потащил его к переходу.

– Вот те и Олежка, – сказали в толпе.

– Был, да сплыл.

– И яйцо не спасло.

Гомер пошагал следом; и Леха тоже, глупо глядя себе в ладонь. Курица, оправившись от контузии, завохтала и помчалась, перелетая с поддона на поддон, за хозяином. И все болельщики процессией двинулись за ней, потирая руки и похихикивая.

Кроме одного.

Стоило отойти, как с лесов скользнула вниз половинчатая тень, прижалась к доскам лицом, сунула ручонку в грязь, в битое стекло – ничего не страшно, на беспризорниках все само зарастает, у них кровяка сама любую гангрену перемелет, а смерть собирает только изнеженных домашних детей, ей о сирот костлявых зубы сточить не хочется.

К тому моменту, как они вернулись в центр зала, к ступеням, которые из моря подземного поднимались на те самые восемь метров в небо далекое, леса вокруг были уже увешаны менделеевскими. Гвалт стих, все ждали чего-то.

Артем вылез на берег, установил свои болотные сапоги на гранит, и забухал ими вверх, оставляя за собой грязные лужи.

– Эй, мужики! – крикнул он пограничникам, тяжело поднимаясь. – У нас тут ЧП! В лазарет нужно! Слышите?

Менделеевские, перешушукиваясь, сгрудились и жадно глядели.

С той стороны не было никакого ответа. Мертвая тишина стояла.

– Мужики! Слышите меня?

По ступенькам журчал ручеек, переливая порченую кровь от поправляющейся Новослободской – к лихорадящей Менделеевской; и журчание это было ясно и отчетливо. Артем еще на одну ступень поднялся, через плечо шикнул, позвал за собой застрывших в самом начале небесной лестницы: Леху, Гомера.

– Не пойду! – упрямо затряс головой брокер.

– Ну и хер с тобой!

А как так получается, подумал Артем, что вот она, Ганза – сытая, подмытая, на пробор причесанная; и рядом с ней, в восьми метрах в глубину – пещера и пещерные люди? Сосуды ведь сообщаются, почему же возможно, что...

Все они были на месте. Командир имел вид озадаченный: все время трогал шею, потом на руку смотрел. Еще двое курили; и это почему-то Артема успокоило. Курят – значит, люди.

– Раненого в лазарет... Огнестрел... Случайно вышло... – запыхтел он, подтаскивая Олежека к мешочным брустверам.

И правда, вон сколько песку, думал Артем. И ради чего Олежку помирать?

– Станция Новослободская на вход закрыта, – сказали ему. – Карантин. Же предупреждали.

Артем подобрался еще поближе, насколько мог, но бойцы, не выпуская самокруток из зубов, вскинули стволы.

– Стаааять, – произнес командир.

А на кого досада? Артем присмотрелся.

Отсюда уже было понятно: командиру удалось все-таки прыщ скovyрнуть. Теперь прыщ точил по капельке кровь; только командир утрется, а оно снова набирается, набухает. Опять доить нужно.

– У нас визы! Визы! Только что от вас!

– Ряба-то где моя?

– Шаг назад!

Он даже не глядел ни на Артема, ни на Олежека простреленного. Только на пальцы, на красные капельки. И смешно косил глаза вбок, как будто надеялся шею свою увидеть раскрытую.

– Договоримся, может? Только до травмпункта... Мы заплатим. Я заплачу.

Бойцам было все равно: их курево успокаивало. Они ждали терпеливо от начальника – стрелять или не надо. Олежек их не затрагивал.

– Ты дикого нам, что ли, тащишь? – раздраженно спросил у прыща командир.

– Рябушка.

– Гляньте, это же тот, с яйцом! По килту узнал! – обрадовался наконец один из рядовых.

Курица, пойманная Гомером, била глупыми слабыми крыльями. Хотела за хозяином – на небо.

– Дикого? То есть – дикого?

– Шаг назад!

– Да он подойдет тут сейчас!

– Виза есть у него? – командир вспомнил что-то; достал из кармана обрывок бумажной салфетки, заткнул им свою рану.

– Нет у него визы. Не знаю!

– Шаг назад! Раз. До трех.

– Временно его хоть! Хоть дырку зашить!

– Два, – командир отнял салфетку, поглядел – много ли крови натекло? – и остался недоволен.

– Обидно как. С яйцом. Обидно.

– Пустите, суки!

– Слышь, донкихот! Они ж там как мухи... – сказал Артему один из бойцов.

– Ты их всех переспасать собрался? Спасалка коротка! – хмыкнул другой, отплеывая доглевшую самокрутку.

– Пожалуйста! Ну? Пожалуйста!

– Три. Нарушение государственной границы, – командир поморщился: прыщ никак не затыкался.

В первый раз он на Олежека посмотрел, чтобы в него прицелиться.

Чиркнуло, как кремь, тукнуло – автоматы с глушителями, берегут на Ганзе солдатские уши! – и выщербило пулей стену, и клюнуло потолок. Пыль вниз опустилась, как занавес.

Спасла только служба у Мельника. Наука телу без ума обходиться. Кожей чувствовать, где автоматное дуло свербит будущей гибелью, и падать, на землю бросаться, отклоняться от гибели, ничего головой еще не понимая.

Упал, свалил с себя живой куль, пополз, вытаскивая Олежка за собой. По ним еще стреляли, стараясь попасть, но пыль мешала.

– Суки вы!

Хлестануло тут же еще – на голос. Бетоном окрошило.

Обезьяны сзади заулюлюкали восторженно.

– А вот, хлебани нашенского!

– Песочку всыпали?

– Думал, ты белый человек, а?

– А давай, еще разок попробуй!

Тут можно было только бесполезно умереть. Больше ничего не поделать.

Артем скатился на одну ступень вниз, еще на одну. Подтянул Олега. Тот напряженно дышал и старался особо не кровить, но бледнел и бледнел.

– Слышь, дядь! Ты даже не думай, ясно? Как выбраться от вас?! На Цветном бульваре должно что-нибудь... Должно же что-нибудь там, а, дед?!

– Бордель там был, – вспомнил Гомер.

– Вот. При борделе врач может быть. Может же? Поплывем туда. Ну-ка не засыпай мне тут, сука! Я тебе сейчас... Не спать!

Но до борделя не доплыть было. Ни Олежку, и никому. Не на чем. Оба канала по краям платформы были с пустым берегом.

– Зря. Не жилец он, – сонно приговорил Олежка брокер.

– Сейчас, – сказал Артем. – Сейчас.

– Мне умереть хочется, – подтвердил Олег. – И яйцо мое разбили. Очень устал жить.

– Пасть заткнул свою! Нашел, как отсюда выгрести! – Артем стволом пихнул застывшего брокера. – А ты покажи пузо!

Ну что: грязная кожа, в коже дыра, перекачивает жиденькую водицу изнутри наружу, все перемазано. Гомер тоже посмотрел, пожал плечами. Умрет или нет, одному Всевышнему известно. Умрет, наверное.

Леха взялся за своего нательного Христа, как за парашютное кольцо, зашевелился и пошел, оскальзываясь, пригибаясь, искать спасение. Из волчьей ямы выход искать.

Кто это виноват, хотел определить Артем. Он сам виноват, этот человек с яйцом. Я не стрелял в него. Когда он умрет, он сам будет в этом виноват.

– Куру он, между прочим, мне обещал, если сдохнет, – сказала совсем над ухом коренастая женщина со сдутой грудью и заплывшим глазом. – Нас с ним много связывало.

– Уйди, – слабо попросил Олежек. – Ведьма.

– Не бери грех на душу. Тебе там кура не нужна будет. Скажи им давай. Пока еще можешь.

– Уйди. Дай о Боге подумать.

– Куру завещай и думай. А лучше сразу ее мне...

Курица прикрыла глаза под Гомеровой ладонью. Ей уже было все равно.

– Как выбраться отсюда, тетя? – спросил Артем у синячной.

– Да куда тебе, сладкий? И зачем? Тут ведь тоже люди живут. Куру можно и вместе держать. Олежек вот околеет... А уж с тобой-то мы договоримся! – она подмигнула тем глазом, который еще мог мигать.

Это не я его убил, решил Артем.

– Эй! Эй!

Какая-то песня послышалась, принеслась издалека.

Марш.

– Эй! Там!

– Что?!

– Там плывут кто-то! Из туннеля плывут!

Леха стоял, удивленно пялясь на сработавшего Иисуса.

Артем подхватил Олежка, который, высыхая, все легче становился, и они побежали медленно к пути-каналу.

Там и вправду показалось что-то. Плот? Плот!

Светил головной фонарь, плюхали весла, бодрился нестройный хор. Гребли со стороны Савеловской – и шли как раз в направлении Цветного.

Артем выковылял навстречу, чуть не проваливаясь вместе с раненым в канал, чтобы по-идиотски в последний момент утонуть.

– Стойте! Эй! Стойте!

Весла перестали частить. Но было не разобрать еще, что там. Кто там.

– Не стреляйте! Не стреляйте! Возьмите нас! До Цветного! Деньги есть!

Плот подползал поближе. Ершился стволами. На нем было человек пять, вооруженные.

И – теперь можно было увидеть – оставалось место еще для нескольких.

Все собрались на краю: Артем с умирающим, Гомер с курицей, и Леха со своей рукой.

Их по очереди обследовали широким лучом.

– Вроде не уроды!

– За рожок доставим! Залазь...

– Слава тебе... – Артем не договорил даже; хотелось петь.

С таким сердцем, будто это его родного брата помиловали, он положил Олежка на плот – непотопляемый, связанный из тысячи пластиковых бутылок, наполненных пустотой. И сам свалился около.

– Смотри у меня, только попробуй околеть до Цветного! – внушил он Олежку.

– Я не поеду никуда, – возразил тот. – Ехать еще куда-то. Смысл.

– Не увози его! Не рви женского сердца! – причитнула баба с синяком.

– Да куда ты его повезешь? – высказались в поддержку из джунглей. – Не мучь человека, оставь тут. Здесь жил, здесь и душу отдаст.

– Да вы его сжуете раньше, чем он окочурится!

– Обижаешь!

Препираться времени не хватало: отплывать пора.

– Куру! Куру оставь! Чтоб тебе на оба глаза ослепнуть!

* * *

Уехала в прошлое станция Менделеевская. Впереди было плавание по сливной трубе на другой край света, откуда им маяком мерцала жизнь.

– А вы куда сами-то, братцы? – спросил у бутылочных гребцов брокер.

– В Четвертый Рейх плывем, – ответили ему. – Добровольцами.

Глава 7. Цветной

Толкнулись бортом в утопленника. Тот болтался горбом кверху, руками дно ощупывал. Потерял что-то там, наверное. Жалко было его, до Цветного всего чуть не доплыл. Или это он оттуда далеко сбежать не успел?

– У вас-то с уродами как?

Артем притворился, что это не его ковыряют вопросами. Промолчал. Но там не сдавались.

– Эй, друг! С тобой, с тобой! Говорю, у вас на Алексеевской с уродами как?

– Нормально.

– Нормально – это значит, что есть, или вы своих всех перебили?

– Нет у нас никаких уродов.

– Есть. Они, друг, везде есть. Они как крысы. И у вас должны быть. Ныкаются, суки.

– Учту.

– Но вечно-то они прятаться не смогут. Вычислим. Всех до единого, тварей, вычислим. Всех линеечкой, всех циркулем... Да, Беляш?

– Точняк. В метро для уродов места нет. Самим дышать нечем.

– Они ведь не просто грибы жрут, это они наши, наши грибы жрут, сечешь? Мои и твои! Нашим детям места в метро не хватит, потому что ихние все займут! Или мы их, или они...

– Мы, нормальные, вместе должны держаться. Потому что они-то, твари, кучкуются...

Артему положили руку на плечо. По-товарищески.

Один был: одутловатый, под глазами мешки, борода клином, руки пухнут от лишней воды. Другой: весь в пороховых кружевах, морда в оспинах, лоб в два пальца высотой. Третий: обритый жлоб со сросшейся черной бровью; этот точно не ариец. Еще двое таяли в темноте.

– Люди как свиньи, чуешь? Сунули пятак в корыто и хрюкают. Пока им туда помоев подливают, всем довольны. Никто думать не хочет. Фюрер меня чем зацепил? Говорит: думай своей головой! Если на все есть готовые ответы, значит, кто-то их для тебя подготовил! Задавать вопросы надо, понял?

– А вы сами-то раньше бывали в Рейхе? – спросил Артем.

– Я был, – сказал оспяной. – Транзитом. Проникся. Потому что правильно все. Все на свои места становится. Думаешь: сука, раньше-то я где был?

– Точняк, – подтвердил обритый.

– Каждый с себя должен начинать. Со своей станции. С малого, с малого начинать. Вот взять, пошерстить соседей хотя бы. Героями не рождаются.

– А они есть. Везде есть. У них типа мафии своей. Друг друга тянут. Нормальных не пускают.

– У нас на Рижской такое прям. Сколько ни бейся, как лбом об стену! – заметил Леха. – Это из-за них, что ли? Как они выглядят-то хоть?

– Они, чуешь, другой раз так спрячутся, от человека не отличишь. Поскрести приходится.

– Жалко, не все втыкают! – поддержал отечный обритого. – У нас на станции начал уродов вычислять... В общем, люди не все еще готовы, – он потер челюсть. – Некоторые скрещиваются с ними, прикинь, мерзота?

– Главное, запоминать всех. Всех, кто на наших руку поднимал. Кто душил нашего брата. Придет еще времечко.

– Я говорю: давайте с нами! – оспяной никак не убирал руку с Артемова плеча. – Добровольцем! В Железный легион! Ты же наш! Ты наш ведь?

– Не, мужики. Мы в политике по нулям. Мы – в бордель.

Горло прямо сдавило. А рука эта жгла сквозь водолазку: вот-вот паленым потянет. Хотелось извернуться по-ужьи, уйти из-под этой руки. Да куда?

– А не обидно? Его зовут метро спасать, а он – в свое корыто пятаком обратно. Ты вообще думал хоть, почему мы в таком положении оказались? Как выживать нам, людям, думал вообще? Своей головой? Ни хера ты не думал. Только по шлюхам. Мокрощелки тебе интересно, а будущее нации тебя не колеблет.

– Чуешь, Панцирь, забей! Может, он там уродку шпилит? Хххы! А?

– Э, дед, может ты хоть? На старости лет пора и о душе! Ты-то же нормальный должен быть! Или – с рачком? Фюрер вот приравнял, говорят...

– Ниче. Вот Железный легион соберут, и тогда... Сейчас потренируемся... А потом вернемся и припомним всем... Тварям. Пройдемся еще по метро. Маршем.

– Че за Железный легион? – не выдержал Леха.

– Добровольческий. Для своих. Кому уроды жить не дают.

– Мой случай!

– О! Вон там... Тихо... Приехали, гля.

На Цветном бульваре их встречал прожектор, так что подходить к станции пришлось зажмурившись, чуть не вслепую. Вместо дозорных тут стояли вышибалы; ни визы, ни паспорта их не интересовали. Только патроны: тратить приехали, или слюни пускать?

– Врача надо! Есть врач?! – едва пристали, Артем выкарабкался на платформу, дернул за шкирку брокера.

Олежек уже сдался и ничего больше не бредил. Ртом у него шли красные пузыри. Верная курица прикорнула на его дырявом животе, чтобы не дать Олежкиной душе через дырку выдохнуться.

– Врач или медсестра? – загоготал раскуроченный охранник: нос вплюснут, вместо ушей загогулины.

– Ну умирает человек!

– А у нас и ангелы найдутся.

Но все же показали: ладно, вон туда к врачихе.

– Она, правда, по дурным болезням у нас. Так что насчет пули извините, зато триппер в два счета определит.

– Берись, – велел Артем брокеру.

– Последний раз, – предупредил тот. – Это не я его, вообще-то.

– Никому-то ты не нужен, – передал бессознательному Олежку Гомер, принимаясь за одну ногу. – Одной курице.

– Кстати! Курица! – сказал Леха.

Двинулись через станцию. Она, по Гомеровым расчетам, должна была еще глубже лежать, чем Менделеевская; однако воды тут было ровно, чтобы превратить пути в каналы, а сама платформа оставалась сухой. На удивление Гомера, почему так, Леха объяснил: ну не тонет же, мол, оно.

Чем там был Цветной бульвар раньше, уже нельзя было понять. Теперь тут устроился один сплошной вертеп. Разбитый на кабинки, комнатки, зальчики, разграниченный фанерой, ДСП, коробочным картоном, ширмами раздвижными, шторками, занавесками – Цветной превратился в непроходимый лабиринт, в котором все измерения были нарушены. Не имелось на этой станции ни пола, ни потолка. Где-то смогли втиснуть под крышу два этажа, а где-то три. Какие-то дверки вели из виляющих тесных коридорчиков в номера размером с койку, а другие такие же – в подплатформенные помещения со всю станцию размером; а третьи – и вовсе неизвестно, куда.

Гудело тут дико: каждая комната звучала на свой лад, а комнат была тысяча. Где-то плакали, где-то стонали, где-то смеялись, где-то пытались перебить крики заводной музыкой, где-

то орали пьяные песни, а где-то выли от ужаса. Вот какой общий голос был у Цветного: как у чертей хор.

Ну и, конечно, женщины.

И ангелы блядские, и строгие в погонах, и в дырявых чулках роковые, и медсестры с голой жопой; и просто шлюх вульгарных, без придумки – целая дивизия. Сколько могло поместиться – ровно вот столько и поместилось. Все кричат, зовут, прелести преувеличивают, взгляд арканят, у каждой времени в обрез: на один змеиный бросок, пока мимо нее проходят, вот эти полметра. Не прокусила, соскользнула, не прыснула в царапинку любовного яду – все, ушел.

Кто не работает, тот не ест.

Леху сразу обезболило, даже будто рана затягиваться начала. А Гомер тут был не в своей тарелке; только в самом начале, как нырнули в витой и бесконечный коридор, он вдруг выкрутил свою окостеневшую шею так, как она и вывернуться не могла, назад – и потом все оглядывался, оглядывался через плечо.

– Что, дед? – спросил у него Артем.

– Кажется... Все время кажется... Везде... Все время... – ответил Гомер. – Девчонка одна... С которой... Которая...

Олежкина голая нога стала ускользать от Гомера.

– Молодец, дед-то, а? – пропыхтел Леха.

– Держи лучше. Вон. Вон та дверь!

Занесли умирающего внутрь. Там была очередь из раздракоченных душ; и из зудящих тел. Одни бабы. Вышла врачиха – в толстых очках, с самокруткой, сиплая и мужиковатая.

– Не жилец! – уведомил ее брокер на всякий случай.

Чтобы Олежек не пачкал приемную последней кровью, его согласились сразу взять в оборот. Уложили в растопыренное женское кресло, взяли рожок патронов авансом, если все равно околет, и сказали не ждать.

Лехе дали спирта рот в руке напоить, но он все равно в очереди остался.

– Тут-то они как люди сидят, а не как профессионалы, – объяснил он Артему шепотом, кивая на печальных дам. – Вдруг ту самую встречу?

Вдруг. Ну, попрощались.

Что мог – сделал, объяснил себе Артем. На этот раз сделал, что мог.

Гуляй смело.

* * *

– Вот: или туда, или сюда.

Сидели в какой-то комнатенке. Рядом гнулась на шесте некрасивая и недокормленная девчонка лет четырнадцати; груди у нее не было совсем, и жалостливо торчали ребра, натягивая застиранное трико. Она все лезла своими костями Артему в миску с супом, а ему было страшно обидеть ее, совсем прогнав, потому что других клиентов у нее не имелось, и он просто делал вид, что ни шеста никакого тут нет, ни девчонки. Или так еще обидней ей было? Где у проститутки гордость, в каком месте? Неизвестно. Суп был дешевый зато, а считать уже приходилось. Быстро ушли патроны – и ни на что.

На стене висела карта метро. Про нее и говорили.

От Цветного бульвара дальше шли две дороги. Одна – по прямой – на Чеховскую. Другая – через переход – к Трубной, и потом на Сретенский бульвар. И по первой можно было, если карте верить, к Театральной попасть, и по второй. Но по обеим – нельзя. Давно карту рисовали.

Пересадочный узел – Чеховская, Пушкинская, Тверская – теперь по другому именовался: Четвертым Рейхом, и приходился якобы наследником Третьему. Может, завещание подделал, а может, и перевоплотился.

Режим убить можно, империи дряхлеют и мрут, а идеи – как бациллы чумы. Они в мертвецах, которых сгубили, засохнут и уснут, и хоть пять веков так прождут. Будешь туннель рыть, наткнешься на чумное кладбище... Тронешь старые кости... И неважно, на каком языке раньше говорил, во что верил. Бацилле все сгодится.

А бывшая Сокольническая ветка, пополам рассекающая метро, давно стала Красной Линией. Не по цвету так названной, а по исповеданию. Уникальный эксперимент: построение коммунизма на отдельно взятой линии метро. Формула та же – всеобщая электрификация плюс советская власть. Ну и прочие переменные этого уравнения; которые на самом деле и не переменные вовсе, сколько бы времени ни прошло.

Иные-то мертвецы пободрей живых будут.

– Я на Рейх не могу, – Артем помотал головой. – Нельзя. Чеховскую вычеркивай.

Гомер посмотрел на него вопросительно.

– Кратчайший путь все-таки. С Чеховской на Тверскую, а там Театральная следующая уже.

– Вычеркивай! У меня там...

– Ты русский же? Белый.

– Не в этом дело. Меня там... – Артем поманил пальцем скачущую в отчаянии девчонку. – Иди, супу поешь. За мой счет. Не висни тут.

Как-то не могло ему откровенничать вслух после ганзейских разговоров. Везде свитера мерещились.

– Не важно, что. Через Рейх не пойду. Я, знаешь, этих паскуд... На плоту, когда плыли сюда... Еле усидел. Не было бы их пятеро... С пятерыми как-то... Несподручно. Нежилец еще этот наш... С яйцом...

– Дурацкая ситуация... – Гомер пригладил дремлющую у него на коленях курицу. – Жалко мужика.

– Длинный день сегодня какой, – Артем утерся. – Эй! Эй, официант!

– А? – официант был пожилой, неопрятный, равнодушный.

– Что есть? Самогон есть?

– Грибной. Сорок восемь градусов.

– Да. Будешь, дед?

– Грамм пятьдесят если только. И колбасы. А то развезет.

– И мне сто.

Принесли.

– Бесконечный какой-то день. Давай за идиота этого, что ли. За Олежка. Чтобы жил. Чтобы не снился мне со своим яйцом.

– Ладно. Глупая история совершенно. Нелепая.

– И мне ведь близко чиркнуло. Знаешь, вот ничего не чувствуешь. Вжик. А сейчас думаю: могло уже все кончиться. И не худшим образом. Тебе бы подошло для твоей книжки? Рраз! И такая концовочка, а? Случайная пуля.

– Ты правда думаешь, что тебя там убить могли?

– Может, и к лучшему бы, а?

– В трех станциях от Театральной?

– В трех станциях... – Артем опрокинул еще; оглянулся на утопившуюся в супе танцовщицу, на кислого официанта. – Он там есть вообще, этот радист, а, дед? Правду скажи. Куда я иду вообще? Зачем?

– Есть. Петр. Умбах, кажется, фамилия. Петр Сергеевич. Познакомились. Мой ровесник.

– Умбах. Это прозвище? Как будто из Рейха сбежал. От паскуд этих.

– Вам еще?

– Нет. Нет-нет. Ну, допустим. Спасибо. Не думаю, что из Рейха. Просто...

– Меня ведь там чуть не вздернули раз, дед.

– А? Но ты-то же не... Или?

– Стрельнул их офицера. Так вышло. И потом еще... Короче. Из петли достали.

– Можно? Вот столечко. Хватит-хватит! А ведь достали, а? Я вот, знаешь, думал... Как и кто умирает. Куда в жизни добирается. То есть, я, конечно, романтический старый дурак, но... Ты ведь ни сегодня не умер, ни тогда. Может, не судьба тебе? Время не пришло?

– И что? А вот ребята, пацаны, с которыми мы... С которыми мы бункер от красных... Из Ордена ребята. Из моего звена один Летяга остался. И то еле-еле. А сколько там полегло? Ульман, Шляпа, Десятый... Они вот, к примеру, что? Почему им – тогда было умереть сказано? Плохо себя вели?

– Да боже мой, нет!

– Вот. Вот, дед. Эй, дядь! Принеси еще отравы своей! Работай, работай!

– Это... Это та история, которую ты у Свинолуца в кабинете? – подождав, пока нальют и пока удалятся, осторожно спросил Гомер. – Это про Корбута, да? Начальника контрразведки у красных? Он всех своих бойцов на Мельника бросил... Так? Без санкции партийного руководства?

В фанерную стену мерно застучали с обратной стороны – то ли спинкой кровати, то ли головой – и, распаясь, громче и громче замычали.

Они помолчали, послушали, вытаращили глаза, перемигнулись. Наклонившись к Гомеру через карликовый стол, Артем выдохнул:

– Контрразведки... Председатель КГБ он был. Красной Линии. А с санкцией или без санкции... Сам подумай: председатель! В общем, я был вместе с пацанами в том бункере. Весь Орден. Сколько нас было? Пятьдесят? Против батальона. И непростого батальона. А если бы бункер красным достался... Там склад был.

– Я слышал что-то. То ли консервов, то ли лекарств.

– Консервов, ага. Но таких, которые если откупоришь... Думаешь, жратва красным нужна? Всегда они без нее жили и дальше прожили бы. Химоружие. Консервы! Отбили. Консервы твои наверх вынесли. Половину наших похоронили. Вот и вся история. Не чокаясь.

– Не чокаясь.

– И Мельник... Ты его в коляске уже видел. А до того не встречался?

– Да. Но он и в коляске... Боевой такой...

– Это человек, который Орден сам – сам! – по человечку собирал. Лучших. Двадцать лет. И вот, в один день... Я-то с ними год всего прослужил... А как семья. А ему? И – инвалидом. Руки – правой! – нет. Ноги не ходят. Представь. Он – в коляске!

– А ты, я так понимаю, служил в Ордене с тех самых пор, как черных ракетами... Вы же вместе с Мельником эти ракеты нашли, верно? И если бы не нашли, черные бы все метро сожрали. И после он тебя в Орден принял. Как героя. Так?

– Давай сразу еще по одной, дед.

За стенкой кричали так, что даже курица очнулась. Пленка сонная слезла у нее с глазных ягод, и Ряба попыталась вспорхнуть.

– Па-алетела душа в рай, – сказал Артем, пытаясь заграбастать куру пьяной рукой. – И вот что интересно. Маршрут тот же. Смотри. Нам отсюда куда теперь? Только к Трубной. И оттуда – до Сretenского бульвара. На Красную Линию, прости уж, тоже не хочу. Такой у тебя спутничек. А тогда получается – дорога одна. На Тургеневскую. Потом по нашей ветке... До Китай-города. Гиблый там туннель был... Злой. И до Третьяковской. Два года назад по тому

же маршруту шел... Черт. Сколько всего в два года влезло. А от Третьяковки – к Театральной. Тогда я, правда, к Полису шел...

– Это тот самый поход? Вот когда с черными?..

– Вот когда с черными. Слушай, подруга, иди лучше еще супу поешь. Правда. Я женат. Кажется.

– Нет-нет... Мне тоже ни к чему, спасибо... А что... Почему?.. Дочь Мельника... Твоя жена ведь?

– Моя жена. Моя жена раньше снайпером была. Папаша натаскал. А теперь грибы вот... Где тут он был у меня... Гриб...

– А Мельник?.. За что он тебя?

– Он меня за то, что она меня... Лучше скажи, дед... Что за история? С тобой и блондинками?

– Я... Не понимаю.

– Про девчонку ты какую-то говорил. Что-то было у тебя. А то ты все расспрашиваешь меня, пытаешь. Дай и мне спросить.

– Не было. Ничего... Она... Как дочь мне. В прошлом году. Я бездетный сам. И... Девчонка молодая. Прирос. Не то как отец, не тот как дед, правда... Не как... И погибла.

– Как звали?

– Саша. Сашей звали. Александра. Станцию... Затопило. И всех. Ладно. Давай, что ли...

Не чокаясь опять.

– Дядь! Э! Еще, и колбасы!

– Кончилась колбаса. Глиста маринованная есть. Но от нее... Ее умеючи надо.

– А остаться можно у вас тут? На ночь?

– Комната только с бабой сдается.

– С бабой... С этой, что ли? Беру. Эй. Сегодня отгул. Иди. Иди.

– И ведь... Говорю себе, что погибла. Что нет. И все равно везде вижу. Встречаю. С этой жуткой кобылой перепутал... Как я мог? Она... Саша... Такая была нежная... Светлая такая девочка. И только выбралась со своей станции... Всю жизнь, представляешь? На одной станции. Сидела вот на таком же велосипеде без колес... Ради электричества. Воображала себе что-то. И еще пакетик у нее был от чая. С рисунком. Какие-то горы там... Зеленые. Китай, что ли. Лубок такой. И вот весь мир, представляешь, весь мир для нее был – этот пакетик. А вот... А вот кто такой Женя?

– Кто такой Жженя?

– Да, кто? Ты с каким-то Женькой, как забудешься, разговаривать начинаешь.

– Друг мой. Друг детства.

– А что он? Где? Всегда с собой? Слышит тебя?

– Где. Там же, где Саша твоя. С ним по-другому и не поговоришь.

– П-прости. Не хотел.

– Это я не хотел. Чтобы это всякие слышали. Не буду больше. Я все понимаю: Ж-жени нет, Артем. Точка.

– Простишь?

– Все, хер с Женей. Закончили. Афиц-цант! Уговорил! Давай сюда глисту свою. Порежь только... Помельче. Чтобы непонятно было. Жалко твою Сашку.

– Сашеньку.

– Может, надо было ей и оставаться на своей станции? Может, нам всем надо было просто оставаться на своих станциях, а? Не думал? Я вот иногда думаю... Сидеть дома и никуда не ходить. Грибы растить. Хотя... Женька остался вот, и что?

– Я. Я что говорю-то... Я ведь раньше машинистом был. Метро. Настоящим машинистом метро, да-да. И... Вот теория у меня... Сравнение такое, как бы. Что жизнь – как ветка... Как

рельсы. Есть на ней стрелки, которые рельсы эти переключают. И конечная – но не одна, а несколько. Кому – просто отсюда туда, и все. Кому – в депо на покой. Кому – через секретный межлинейник на другую ветку перескочить. То есть... Конечных много может быть. Но! Пункт назначения у каждого – только один! И – свой! И надо на путях все стрелки правильно пере-щелкнуть, чтобы попасть именно в пункт назначения! Сделать то, ради чего вообще появился на свет. Я понятно излагаю? И вот, я начал говорить, может быть, я старый дурак, и это все дурацкая романтика... Но от случайной пули умереть... Или вообще не выходить никуда... Это все не твое, Артем. Мне кажется. Не твой пункт назначения. У тебя – другой. Где-то.

– Твоими бы устами, – Артем выпустил дух. – А ты на какой линии служил? Твой-то пунктик где был?

– Я? – Гомер махнул еще стопарь. – Я на Кольцевой.

Артем скривился. Подмигнул старику.

– Смешно. А глиста ничего. Если не знать, как она называется... А?

– Я не буду.

– А я буду. Вот что, дедуль: встречал я уже людей, которые мне про жизнь, про судьбу... Про предназначение. Х-херррня. Ересь. Понял? Ничего нет. Есть пустые туннели. И ветер по ним дует. Все!

Он сгреб в сосущий желудок остатки глисты и поднялся на воздушных неверных ногах.

– П-пойду па-ассу.

Выпал из одной комнатенки в другую – за фанерку – и все изменилось. Был бар с шестом и беднягой в трико, потолок два метра, а стала – проходная, коридор, в котором матрасов набросано, и на матрасах возятся голые люди, кто – не спеша, кто – яростно, задевая друг друга, пытаюсь найти точку опоры, выставляя голые пятки, нащупывая ими твердь; стены заклеены страницами из порножурналов, выцветшими и выдохшимися. Низко – не разогнуться. Качнулся дальше...

Огромный живот в курчавых волосах, а на голове совсем волос не осталось, подтяжки полосатые, сидит на продавленном диване, и на каждом колене – по нимфе, а стены в обоях таких, таких домашних, как наверху, в брошенных квартирах бывает... Гладит девчонок по голым спинкам, они выгибаются, как кошки... Целует одна другую... Жир колеблется, трясется... Он хватает за затылок одну, по-другому, грубо. Гаснет свет... Дальше на ощупь.

– Где тут сортир?

– Дальше!

Рояль разбитый дребезжит, настоящий рояль! И прямо на крышке разложили дородную мадам, один окорок вправо, другой влево, мадам пищит тоненько, посередине усердствует человек в джинсовой куртке; поджарый зад с ямками утоплен в мясной роскоши... Плывет потолок... На потолке что это нарисовано? Нет... Дальше нужно.

Трое в черной форме: говорят, в старом мире ее для железнодорожников сшили, но она и в новом себе хозяев нашла; на рукавах – трехлапые пауки, черные в белом круге: триумвират Чеховской, Тверской и... Пушкинской. Точно. Тут же всего один перегон до них. Они сюда каждый день, наверное... Ночь. Прямо стоя, ей задрал, себе спустил... Она закусила губу, терпит... Еще двое в очереди, готовятся. Дисциплина. Рояль тут еще слышно, и этот черный будто подстраивается... Сразу два выхода: направо и налево.

– Где...

А вот опять по-простому. Ноль декора, тела вповалку, как ров с расстрелянными, и шевелятся так же вяло, как недобитки... Дурь клубится, ползет в щели из комнаты – соседям ноздри щекотать. В глаза этот дым, в легкие, в голову, в сердце. Дальше, дальше... Откуда же он шел, Артем? Как он назад возвращаться будет?

Прямо или налево?

Вот черт с исхлестанной задницей, и над ним трудится плечистая такая... Где они берут белье это, Господи? Ведь с трупов наверху снимают... Качественное белье какое, импортное...

Мальчик-одетый-девочкой навстречу, утирает губы рукавом платья, а у самого усы; как в цирке уродов – бородатая женщина... Тут ведь раньше цирк был, прямо над этой станцией... Знаменитый старый цирк на Цветном бульваре...

И еще дверь. Может, тут? Должен ведь у них быть тут где-то...

Застолье какое-то. В маскарадных масках. То есть, хотели маскарадные... Сами рисовали, что ли? Не отсюда ли этот... Сбежал?

Поднимается навстречу хрупкая такая, изящная, и совсем... Рукой только прячет... В руке... И шею... К шее... Чувствует, что шея... Что там...

– Сядь. Сядь. Не уходи. Сядь. Побудь.

– У меня... Гриб. Аня, – нашарил гриб в кармане, взялся за него, как за оберег.

– Смешной.

– Где тут у вас? Мне надо... Надо!

– Вон. Туда. А потом ко мне. Пожалуйста.

Но нет, туда больше не возвратился: потерялся.

И потом – устал, и какой-то стол, и вокруг стола люди, а под столом – девушки. И тошно, а сил нет идти дальше. Сел. Потолок крутится, крутится, доказательство тому, что вся Вселенная вокруг Земли проворачивается. Выводят одну, голую – и хлыстом ее по связанным рукам. Остальные переглядываются, хлопают.

– Не смей! Те! – Артем привстал, насколько сумел.

– Ты кто? А?!

– Не смей! Унижать! – бросился колотить мимо, а его поймали, держат.

– Она сама! Кто ее? Мы кормим ее!

– Придурок! – это девчонка кричит. – Отстань! Я работаю!

– Наподдай ей!

– Давай, не жалея! – она просит; это она их просит.

– И ты... И ты не смей! Ты же! Ведь!

– Ты не сама! Она не сама! Ей просто деваться некуда! Куда ей деваться?!

– Умник! А всем нам – куда? Хлестани, хлестани! А теперь по сисечкам!

– Аай!

– От! Дай, я лучше попаду!

– Сядь! Сядь, выпей! С нами выпей! Сталкер? Сталкер ты?

– Не буду с... С вами! Не буду! Не трожьте! Озверели! Все! Куда деваться? Я-то знаю, куда!

– И куда? А?!

– Искать! Искать, где еще люди выжили! Искать! Уходить из этого проклятого места! Мы тут... Становимся кем? Скотами! Да меня сейчас от вас...

– Сталкер! Фантазер! Слышали? Наверх! Ты затылок свой видал? Лысеешь, брат! И мы чтобы за тобой? Ага!

– Ааай!

– Ах, хорошо! Ах, сладко! А, с-сучка?

– А что мы тут, в метро?! Выродимся! Двухголовые... родятся! Беспалые родятся! Горбатые! Без глаз родятся! Слизь вместо глаз! Рак у каждого третьего! Зоб! Вон, посчитайте, сколько с зобом! Пока умеете считать! Дети-то ваши ничего уметь не будут! Вы тут девок для развлечения бьете! А на соседней... На Мендель... Менделеевской... Там все! Там уже! Пещеры! За двадцать лет! Пе! Ще! Ры!

– Погоди... Погоди, сталкер! Ты же правильно все говоришь. Правильно же говорит, а? Наш человек!

– А Менделеевская славная станция! Этот бордель против нее – тьфу...

– А ведь он верно все говорит! Вырождаемся! Гены... Гены замусорены. Выпьем, сталкер! Как тебя? Верно, мужики?

– Загажены гены! Нет чистоты! Налейте ему... У нас тут с секретиком есть, сталкер. За тебя! За чистоту генов!

– А? Что?

– И по-другому нам не спастись. Тяжелая работа. Грязная работа. Но кто-то должен делать ее. За нас!

– За нас!

– За Рейх!

– За Рейх!

– Да пошли вы! Я за фашистов... Воевали... Деды...

– Глянь, сталкер-то, а? Развоевался! Фашисты! Не следишь за выступлениями фюрера! Сто лет уже не фашисты! Смена генеральной линии! И черножжж... Так! Все люди братья, впитываешь? Если гены не битые! Люди вместе должны держаться. Против уродов! Потому что из метро спасение одно... И-и-и...

– Чистота! Генов! Спасение! Народа! – хором.

– В натуре Дарвин был пацан!

На этих ногах никуда не уйти.

– И надо! Надо чистить, сталкер! Ты лазай там, лазай! Ищи нам, где жить можно! На здоровье! Хххаха! А мы пока тут будем... Чистить. У каждого своя! Работа! Нормальный ты! Нормальный! Не ссы! Наподдай!

Накопил сил на то, чтобы сползти, свалиться под стол. А там – голые девки, между ног у ораторов застряли. Вывало.

Пополз на четвереньках вон. Вслед – аплодисменты.

– Скоты... Оскотинились... И я с вами... Оскотинился...

И потом уже комнаты-комнатушки-комнатенки завертелись, странные, были или не были, крашенные, картонные, заклеенные голым голым голым, и в лицо голые лезут, и кто-то голый верхом пытается проехать на нем, и еще все время, все время кто-то следом идет крадется догоняет черт это или кто или убийцу подослали те гуляки их бы так их бы в петлю побарахтаться не было ли среди них тех кто его тогда приговорил два года назад может и было а сзади все шаги и надо быстрее а на карачках как это не убийца наверное все же а черт а сатана за ним забрать забрать хочет утащить еще вниз на восемь метров на следующий круг а что там уйди уйди не хочу тебя где гриб мой где гриб который она мне вложила где мой оберег от этой нечисти господи спаси!

– Вот сюда. Сюда. Вот. У нас тут и диванчик удобный.

Странный зал какой странный зал и эта люстра и потолок тут сколько метра четыре потолка это разве может такое и откуда столько света это что он предлагает мне что это за человек сил нету нету сил почему в дверях охрана кто? Вы простите, я тут ненароком подслушал. Стало интересно. Сталкер, да? Мечтаете найти других выживших? Не верите, что мы тут совсем одни остались? Тошно, понимаю. Тошно даже вообразить, что нигде, совсем нигде, кроме нашего метро никто не спасся.

– Кто? Ты кто?

А вот вам как кажется, если бы вдруг выяснилось, что на самом деле мир вовсе не уничтожен? Что, думаете люди вышли бы из метро? Бросили тут все? Стали бы устраивать себе новую жизнь где-нибудь в другом месте? Полно вам.

– Сразу! Наша беда... Несчастье... Некуда деваться нам... Всем... Сидим... На каторге... В подземелье...

Ну как же, простите, некуда? Выбор какой. Вот вам фашисты, вот вам коммунисты, вот вам сектанты любые, бога выберите только, ну или сами себе изобретите по вкусу, а хоть и в ад копайте лестницу, и вообще, селитесь, где хотите, станций много, хотите – книжки спасайте, хотите – человечинкой балуйтесь, повоевать – пожалуйста! Чего еще? Думаете, людям не хватает тут чего-то? И чего же, интересно? Вот вам, например? Смешно. Да, и ведь с женщинами опять же что угодно, никуда они не денутся. Вот, кстати, и у нас на сегодня предусмотрено. Саша, Сашенька, проходи. Вот у нас гость. Да, он немытый, и дикий, но ты же знаешь, знаешь, что я именно таких вот люблю осчастливить. Давай, малыш, понежнее с ним, этот человек, видишь, какой коростой оброс, у него, как у Кая, осколок льда в сердце, ему на сердце подышать надо, в руках его согреть, иначе не оттает. Да, я хочу смотреть, как ты его, как он тебя, но можешь не спешить, у нас есть время. Целуй. Вот. И про меня не забывай, малыш. Нет постой не надо вот у меня есть гриб и он меня защитит конечно ты дьявол дьявол но должен же ты бояться грибов в них же вся святость ты Саша где я слышал это имя твое имя Саша Саша Саша Саша.

* * *

- Эй! Слышишь меня? Э-эй! Да он дышит вообще?
- Дышал вроде. Ты нос ему заткни, если живой – рот разинет.
- Эй! Брат! Ты как? Точно он?

Что-то белое. Белое и треснутое. Трещина черная. Как Москва-река вскрывшаяся среди снежных еще берегов. И больно, как реке больно, когда лед рвется. Вода талая. Весна, наверное.

- Переверни его. Что он мордой в кафель-то?

Поменялась картина: не видно ни снега, ни реки. А боль течет по ней еще, странно. Ожгло щеку. Рука саднит. Глаз чей-то выявился в пустоте. Смотрит Артему внутрь, лезет куда не просили.

- Он! Вставай, Артем! Вы что с ним делали-то?
- Мы тут при чем? Он такой был уже!
- А одежда где его? Куртка где? Майка? А это еще что, на руке? Ч-черт...
- Вот это точно не я. Мамой клянусь.
- Мамой... Ладно, поднимай. Поднимай, говорю! Вот так, к стенке посади спиной.

И воды принеси.

Даль распахнулась. Коридор, двери, двери, и свет в конце. Может, ему туда надо? Не там ли мама его ждет?

- Мама... – позвал Артем.
- Слышит он все. Нормуль. Возвращается из космоса. Глисту с самогоном мешал, а? Мешал, смертничек! И сверху еще что-то было. Давно вы его потеряли?
- Позавчера расстались.
- Хорошо, спохватились. Тут такой угол... Он тут и неделю мог проваляться. И полгода.
- Мы друзей в биде не бросаем. Держи свою трешку. Э, Артемыч! Все, хорэ. Подъем.

Труба зовет.

Щелкнуло что-то, чуть поблекла боль. Поменяли линзы. Сначала одну приложили к миру, потом другую, подбирая нужную. Наконец подошло: контуры стали четкими. Резкость навели.

- Ты кто?
- Ассенизатор в кожаном пальто! Леха, кто!
- Почему? Почему ты?

Странно. Странно, мучительно думал Артем. И вот еще странней: не их Леха это был. Не хватало чего-то. Не хватало.

Вони.

* * *

Потому что найти Артема, канувшего в Цветном, сам Гомер не сумел. Леха вот встретился ему в лабиринте, признал и помог, спасибо. Обнаружили на третий день в нерабочей уборной, перепачканного, из одежды одни портки.

– Что случилось-то?

Неизвестно.

Щупаешь руками в памяти, а они не ловят ничего. Чернота, как в туннеле. Есть там что, или ничего нет – не понять. Может, пусто. А может, стоит кто-то прямо за спиной, дышит в затылок тебе и – улыбается. Или не улыбка это, а пасть раскрытая. Ни зги не видно.

– Рука. Что с рукой? – Артем дотронулся, сморщился.

– И это не помнишь? – Гомер был встревожен.

– Ничего.

– Татуировка твоя.

– Что с ней?

Было на предплечье: «Если не мы, то кто?». И ни одной буквы не осталось. Все закрылись обугленным, вспухшим, из-под которого красное и белое лезет. На каждую букву – маленькое круглое клеймо.

– Папиросой прижигали, – определил Леха. – А что там было-то? «Люся, я ваш навек»? Ревнивая попалась?

Татуировка спартанская. У всех в Ордене такая. Когда принимали, набили. Напоминание: это навсегда, в Ордене бывших нет. И Артем вот: год, как отставлен, но сам скорей удавился бы, чем эти слова свел.

– Кто это мог? – спросил Гомер.

Артем молча трогал выжженные бугорки. Саднило, но не так сильно, как хотелось бы. Не один день прошел. Короста уже стала расти. Короста?

Плавал в самогоне спасательным плотиком стол, за столом – хари какие-то, и он, Артем, к этому плоту прибившийся на время; но там не пытали его, не жгли, только хлопали ему за что-то... А дальше уже и вовсе глупость какая-то. Да и не сон ли бредовый? Сны от яви никак было не отодрать.

– Не знаю. Не помню.

– Похмелись, – предложил Леха. – Воскреснешь. И вот куртец тебе добыл, на замену.

Артем закутался. Куртка была велика ему размера на два.

Нельзя было понять, ночь сейчас на Цветном или день. Тот же суп был в миске, так же стонали и так же шатали ветхие стенки неугомные соседи, варилась в мутном воздухе клейкая музыка, так же вертелась на полированном шесте другая девка. Артем хлебал горячее – такое же, как на ВДНХ, такое же, как по всему метро, и медленно думал: почему это клеймо? Кто мог? Кто посмел?

Орден никогда не лез в грызню линий. Всегда стоял над схваткой. Мельник политикой брезговал. Начальства над собой не терпел, приказов ничьих не слушал, и на довольствии ни у кого не состоял. Два десятка лет назад он первым принес клятву: не становиться ни на одну сторону. Защищать, не делая ни для кого исключений – всех людей в метро. От таких угроз, которым больше никто не мог противостоять, или таких, которых никто не понимал еще. К присяге в Ордене приводили немногих, и после долгих испытаний – армия Мельнику была не нужна. Бывшие бойцы спецназа, сталкеры, агенты Ордена блуждали по метро, невидимые, разведывали, запоминали, докладывали. Мельник выслушивал. И если угроза появлялась – подлинная, неминуемая угроза всему метро – Орден наносил выверенный, смертельный, удар. Из-

за своей малочисленности открытых войн он вести не мог; поэтому Мельник старался врага уничтожить тайно, внезапно, в зародыше, в колыбели. Так получалось, что знали об Ордене немногие, и все, кто знал – опасались.

Однако вот: кто-то не побоялся.

Отчего же дело до конца не довели?

– Пока тебя искал, вышел в тупик. Вижу: витражи. На Новослободской полопались, а здесь – уцелели! – Гомер помолчал и добавил: – Поганая станция.

– Надо уходить, – Артем отставил пустую миску.

– Я через час отбываю! – сообщил Леха.

– Обратно? Думаешь, на Ганзу пустят?

– Не. Я подумал и понял: вырос я из говна. В Железный легион пойду.

– А? – Артем перевел на брокера свои глаза: красные, натужные.

Вот для чего Леха отмылся.

– Послушал пацанов: тема! Пока мы, нормальные, уродов на поверхность не выкинем, нам тут жизни не будет. В общем, отбываю в Рейх с добровольческим взводом. Не поминай лихом!

Гомер только поморгал влажно: он, кажется, уже был в курсе.

– Ты что, debil? – спросил у Лехи Артем. – Ты debil, что ли?

– Да пошел ты! Ты-то что об уродах знаешь? Понимаешь хоть, какая у них мафия дикая по всему метро? И эти все гады на Рижской... Точно ведь! Вернусь к ним в подкованных сапогах. Они там сапоги выдают атасные.

– Я об уродах знаю кое-что, – ответил Артем.

– Короче! – сказал Леха так, как будто это был конец разговора.

– Ну, – сказал Артем. – Встретимся как-нибудь, значит.

– Обязательно, – радостно откликнулся Леха. – Обязательно встретимся.

Он встал, хрустнул счастливо руками: в них пора было брать свою жизнь. Тут его взгляд упал на тюкающую пол курицу.

– Раздербанам, может? – предложил он.

– А что с Олежком-то, кстати? – вспомнил Артем.

– Склеил ласты! – бодро объявил брокер. – Как я и думал.

* * *

Еще покачивало. Но задерживаться на Цветном не хотелось ни единой лишней секунды.

Пробиться сквозь Гоморру с ранцем и баулом было еще сложнее, чем нагишом.

Лабиринт ожил, калейдоскоп гадюшников встряхнулся, сложился новым узором, и верная дорога наружу устарела.

Так, вместо перехода на Трубную, их вытолкнуло к пути-каналу.

– О! Гляньте-ка. Это же соратник наш! Сталкер!

В спину сказали.

Артем не отнес это даже к себе. Но хлопнули по плечу, заставили обернуться.

Там стояли четверо в черной форме, трехпалые свастики на рукавах; Артем их не опознал сперва, а потом будто в трехлитровую банку с солеными грибами взгляделся, и в рассольной мути они к нему повернулись лицами. Из позавчера. Этот... Этот вроде за столом сидел, при-вечал Артема, подливал ему яду. Родинка его на переносице. В родинку Артем ему и перился, пока те... А о чем говорили? Почему после того разговора они ему рады? Должны ведь были глотку ему прокусить.

– Помните, товарищи? Сталкер, ну? Который наш человек! Луноходом от нас уполз еще.

– Хо-хо! Какие люди! – улыбки искренней Артем не видывал давно.

– Может, с нами? Нам идейные нужны! – позвал тот, с родинкой.

Воротники у них были в унтер-офицерских петлицах, а позади по трое строилась к отправке колонна сброда; где-то в хвосте Артем уловил и бывшего брокера. Догадался: добровольцы. Железный легион. За чистоту генов. А ведь и он за это пил? Хоть бы вырвало тогда.

– На хер идите.

И затопал от них, от греха, подальше.

Теперь вот чудилось: все жители славного города Гоморры смотрят на него с прищуром, с узнаванием, подмигивают: как же, как же, встречали тебя тут давеча на карачках и без порток, чего не здороваешься?

Вспомнил: вырвало.

И другое еще вспомнилось: как за ним шел кто-то, преследовал, не отставал, трезвый, надменный, взрослый, пока Артем как годовалый ребенок на расползающихся четвереньках убегал от позора. И что-то этот человек хотел от Артема.

Липко, как кошмар; но кошмар ли?

А ведь в Гоморре, подумалось, местных мало. Все приезжие. Фашистов видно – они, дураки, в форме; а кто еще тут, в гражданском? От Трубной и к Ганзе можно попасть, и к Красной Линии, и к бандитским вольницам на Китай-городе, а оттуда – куда угодно. И кто угодно может сюда приплыть: любая изголодавшаяся сволочь.

Может, легко отделался еще. Знать бы только – чем.

Кое-как выпутались и оказались у перехода на Трубную. Артем – с выюками, Гомер – с курицей: старик заупрямился и не захотел губить ее, чтобы отдать половину брокеру-добровольцу. Кура, как и предсказывал Олежек, более не неслась.

Тут был сюрприз: паспортный контроль. Чем перебивалась Трубная, Артем не помнил; но, видимо, не цветным делом, раз привередничала. Виз не требовали, но без документов не пускали. Гомер достал зеленую книжечку с орлом в короне: Николаев Николай Иванович, 1973 г.р., Архангельская обл., ст. Севастопольская, женат и зачеркнуто. На ламинированном фото – без бороды и не седой еще; и сорока нет. Но угадывается, угадывается.

Артем сбросил ношу, полез по карманам.

В штанах – нет. Похолодел.

Ведь не в куртке, а? Ведь не в куртке, которая пропала, ведь не вместе с исчезнувшим грибом, который должен был Артема хранить, спасти и приземлять? Раскрыл баул, и, покрываясь клейковиной – выпитый яд через поры от страха потек – зашарил, зашарил, то туда руку запустит, то сюда, потом психанул, выдернул костюм, при всех распластал свою вторую шкуру на полу, по карманам баульным, автомат под себя, все вывалил уже, во все углы заглянул. Нет! Нету!

– Не оставлял? – омертвело спросил у Гомера. – За столом не выпадало?

Тот развел руками.

Без паспорта.

Без паспорта в метро нельзя. Ни на Ганзу, ни в Полис, ни на Красную Линию. Ни на Алексеевскую, и ни на какую другую станцию, где люди хоть пытаются о завтрашнем дне думать. А можно: околеть от голода на диком полустанке или в туннеле быть сожранным.

Народ собрался. Глазеют – пополам подозрительно и сочувственно. Плевать на ротозеев. Некогда прятаться: надо правду знать. Влез в ранец при всех. Показал зеленый бок рации. Пограничники заметили, насупились. Выложил – и рацию, и динамо-машину. Люди закудахтали.

– Нету. Нету, блядь!

Гомер сам уже дальше: махнул рукой, бочком подступил к пограничникам, стал их соблазнять; хотя чем там уже соблазнять? Полтора рожка патронов осталось – самое большее. Не приведи господь, стрелять придется.

– Отказать! – рычит жирдяй-начзаставы. – Мы пустим, а с нас потом красные кожу с живых снимут! Вам все равно дальше Сретенского бульвара не уйти.

– Чего это?

– Красная Линия вчера отрубила. Вошли на Сретенский, проверяют документы у всех. На саму Линию хода нет, выхода тоже. Что-то заварилось там у них, а что – никто не знает. Так что... На Сретенский-то вошли. От Сретенского до нас тут... Лучше не провоцировать.

– Говорят, красные Театральную брать будут.

– Кто говорит?

– Люди говорят. Чтобы Рейху не досталось. Боятся, что фашня первой хапнет. Готовятся. Перерезают все смежные с Рейхом.

– И когда? – Артем так и застыл над растерзанным ранцем.

– Когда-когда. Поди спроси у них. В любую минуту могут. Если уж утекло...

– Надо... – Артем зло, нервно стал впихивать обратно динамо-машину, рацию, все свое проклятое барахло. – Надо... Иди сюда, дед. Двинешь один туда через Сретенский. У тебя паспорт, у тебя глаза добрые и борода, как у Деда Мороза, у тебя курица идиотская, тебя не тронут. Я поверху... Поверху пойду. Встретимся там. На Театральной. Если ее красные не возьмут раньше. А если возьмут...

Гомер наблюдал за ним потерянно; кивал – а что еще оставалось делать?

– А ведь... Ведь если бы не решил тогда... За Олежка... За здоровье его... – с ненавистью поглядывая на курицу, бормотал Артем, доскладывая в баул последнее. – И ведь все, сука, зря! Нежилец, сука!

Посадил себе на плечи своего ездока, вернулся к пограницам – распаренный, злой и от злости будто подлечившийся даже.

– Где у них тут подъем? Где наверх – что тут есть? Лестница, эскалатор?

Начзаставы покачал лысой башкой, почти жалеючи:

– Сталкер, да? Нет тут подъема. Завалено сто лет как. Кому тут наверх шастать? Прошмандовкам их?

– А у вас? На Трубной? Есть?

– Запечатано.

– Да что ж вы за люди такие! – выкрикнул Артем бешено. – Вам вообще, что ли, верх не нужен?!

Старший не стал даже отвечать. Повернулся к Артему раскормленной жопой, брюки лопаются: а пошел-ка ты, учить еще будешь.

Артем раздувал грудь, пытался успокоиться.

Бежал-бежал по лабиринту, и выход впереди казался уже, и вдруг: все коридоры окончились тупиком. И позади мостки, по которым прыгал, все в пропасть ухнули; куда деваться теперь? Загнали.

– Артем, – старик тронул его. – А если мы через Рейх все-таки? А? До Чеховской... Там только на Тверскую попасть... И вот, Театральная уже. Можем сегодня даже успеть, если все гладко... Больше-то ты никуда...

Тот ничего не говорил, как воды в рот набрал. Только тер и тер шею: в горле першило.

* * *

– Не опоздали еще?

Унтер с родинкой – улыбнулся радушно.

– Вас ждали!

Артем помялся, оглядывая колонну: ему сейчас тыкаться ей в хвост?

– У меня... – он понизил голос. – Документов нет. Без документов берете в этот ваш легион? И – сразу говорю – это снаряга сталкерская. Плюс радио. Чтобы потом вопросов не было.

– Прекрасно без документов берем, – заверил его унтер. – Все равно биографию с нуля переписывать. Кому какое дело, кем там раньше были герои Рейха?

Глава 8. Heil

Они ушли с Цветного последним бутылочным баркасом: Гомер с Артемом, радостный от их скорой встречи Леха и унтер с родинкой промеж глаз, назвавшийся Артему Дитмаром. Двое других, безымянных, в черной форме налегли на весла, и от Цветного скоро осталась одна медная копейка в конце туннеля. А потом и копейка утонула.

Пахло плесенью. Весла шлепали по воде, рассеивая радужную бензиновую пленку, разгоняя плавучий мусор. Внизу, под тиной и под пленкой, ходили смутные извилистые тени, чудились какие-то вертлявые гады в руку толщиной; тут таких раньше не было, и быть не могло. Радиация накрутила, накорезила каких-то своих существ, нелепых и жутких.

– А знаете, кто у красных в авангарде? – говорил унтер. – Они в авангард уродов берут. Ставят в прорывные отряды уродов. Вооружают их. Обучают. Трехруких. Двухголовых. Раковых, которым терять нечего. И – к нашим границам. Ближе... Ближе. Знают, как эти твари нас ненавидят. Вербуют их по всему метро. Разведка говорит, на Сретенском выставили блокпост, от Трубной линию отсекли. А старший поста весь чешуей покрыт. Тут уже и не поймешь... Красные уродами командуют... Или уроды – красными. Я думаю, второе. Поэтому они нас и хотят сжить. Готовится что-то... Что-то готовится...

Артем слушал и не слышал. Думал о другом: главное, чтобы там, в Рейхе, никто не узнал его. Чтобы никто не вспомнил паренька, которого восторженной толпе на Пушкинской с поста обещали повесить. Чтобы не опознали тюремщики из казематов Тверской. Побег висельника – нечастое дело. Забудут такое?

– А, сталкер? – Дитмар тронул его за руку, и прямо за ожог прохватил сквозь рукав.

– Что?..

– Какие районы твои, говорю? Где работаешь? Наверху?

– Я... Библиотека. Арбат. Для браминов книги сверху носил.

Гомер смотрел мимо, рассеянно чесал куре холку: не успели отдать ее никому в вертепе, и съесть не успели, так что кура продолжала жить.

– Хороший район, – унтер смотрел на Артема; ломаные фонарные отсветы от гнилой воды липли к его лицу. – Все там знаешь? И Охотный ряд? И к Большому туда дальше?

– Бывал, – осторожно сказал Артем.

– А почему на браминов работал?

– Читать люблю.

– Молодец! – похвалил его Дитмар. – Молодец. Такие люди, как ты, нужны Рейху.

– А такие, как я? – спросил Леха.

– Рейху всякие люди нужны, – подмигнул ему унтер. – Особенно сейчас.

* * *

Приплыли.

Подземная река уперлась в запруду. Берегом навалены были мешки с грунтом, что ли, и в них ткнулась бутылочная лодка. За мешками шла уже настоящая стена, туннелю по середине. Гудела электрическая помпа, откачивая набирающуюся по ту сторону запруды лужу. Штандарты развешаны: красное поле, белый круг, трехпалая свастика. Триумвират Чеховской, Тверской и Пушкинской. Все, конечно, уже переименованы давно: Чеховская – в Вагнеровскую, Пушкинская – в Шиллеровскую; Тверская – тоже еще во что-то. У Рейха свои кумиры.

Спрыгнули на берег, унтер обменялся зиг-хайлем с дозором. Все были нарядные, с иголочки. Главный офис железных дорог наверху обнаружили, не говорят, а у них форма была такая, черно-серебряная.

Досмотрели багаж, и сразу, конечно, все нашли: вот рация, а вот автомат. Спас унтер: пошептал что-то, улыбаясь Артему из-за черного плеча, и пограничники обмякли.

Однако на саму станцию не пустили.

Нашли в туннеле зарешеченный боковой ходок, у которого стояла охрана.

– Сначала медосмотр, – бодро сообщил Дитмар. – В Железный легион хлюпиков не берут. Снаряжение... и курицу... придется временно сдать.

Оставили все охране.

Комната. Белый кафель кругом. Пахнет карболкой. Кушетка, доктор стоит в маске микробной, в шапочке, одни лохматые брови нависают. Двери какие-то дальше. Унтер с ними вошел, в углу на табуретку присел. Доктор улыбнулся просоленными бровями, обмаслил глазами-маслинами. Заговорил певуче, с недобитым акцентом.

– Ну, кто у нас первый?

– Давайте, я, что ли! – брокер поежился.

– Раздевайтесь до трусов. Медкомиссию проходили?

Доктор поглядел, постучал, пощупал резиновыми перчатками, в глотку заглянул, попросил оскалиться. Стетоскоп надел, попросил подышать.

– А теперь трусы спускаем. Спускаем-спускаем. Так. Позволите? Ага. А вот это у нас что?

– А что? – напрягся Леха.

– Ну вот левое яичко, кажется... Не чувствуете?

– Вот... Вот так, конечно... Чувствую.

– Подзапущено уже. Под-за-пу-ще-но.

– Ну... Доктор... Танцор-то я хороший! – оскалился брокер. – Так что мне нормально, не мешает.

– Ну, не мешает – и славно. Одевайтесь, уважаемый. Свободны. Вот, правая дверка.

Леха натянул, застегнул, а врач пока писал что-то в бумажке. Унтер прочитал, покивал.

– Добро пожаловать.

Брокер подмигнул Гомеру с Артемом: и вам не хворать, и нырнул в предписанную дверь. Там какие-то ступени вниз бежали.

– Теперь вы, что ли, уважаемый.

Это Гомеру.

Старик шагнул вперед. Оглянулся на Артема: кто знает, что у них тут за медкомиссии. Артем не забирал у него своих глаз, не бросал деда. Вдруг накатило дежавю, огорошило, как очнулся. Кашлянул: в горле запершило. Доктор на него внимательно посмотрел.

Гомер сложил вчетверо засаленный плащ, положил на кушетку, на край, в ноги; стянул через голову свитер, под ним – майка грязная, под мышками пятна. Встал – голый, грудь впалая, живот бледный, на плечах волосья курчавые редкими клочками.

– Так... Шею давайте посмотрим... Щитовидку... Под бородой-то... – доктор запустил руки Гомеру в его кислое серебро. – Ну что... Зоба нет. Остальное сейчас прощупаем...

Промял Гомеру – напряженному, насупленному – живот, заставил и старика спустить брюки, там все проверил.

– Опухолей не вижу никаких. Блюдете себя, а? Наверх не ходите, водичку фильтрованную покупаете, да? – уважительно и удивленно даже подсказывал врач. – Поздравляю. Я бы и сам в вашем возрасте не прочь вот в такой форме быть... Одевайтесь.

Накарябал что-то на бумажке, сунул ее старику в руки.

– Левая дверь.

Гомер засомневался. С надеванием плаща не спешил, оттягивал. Ищуще оглянулся на унтера, на начальство.

– А почему деду левая? – спросил за него Артем.

– Потому, уважаемый, что с вашим дедушкой все хорошо, – ответил врач. – В выписку загляните.

– «Нормален. Годен к службе и иммиграции», – прочитал Гомер, опасливо отнес бумагу подальше.

К иммиграции годен. Опухоли ищут. А если находят?

– А правая дверь куда ведет?

Дитмар, которого спрашивали, только улыбнулся.

– А! Молодого человека на дообследование отправили. Там еще окончательной ясности нет. Специалисты должны посмотреть. Проходите, дедушка, не задерживайтесь. Мне к внуку уже пора приступать, – объяснил врач нетерпеливо так, но не грубо.

Гомер несмело потянул ручку, все еще от Артема не отцепляясь. А тот поджался, думая: а вот сейчас? Вот сейчас сумею? Смогу за старика вступить, как тогда смог?

Жужжание какое-то послышалось из растущей щели.

За левой дверью начиналась каменная кишка, крашенная в зеленый; кишка была вся набита добровольцами, по пояс голыми. Всех по очереди уса́тый мужичина в форме проходил тархтящей электрической машинкой, снимал им волосы.

– Никаких причин для беспокойства! – заявил унтер.

Гомер выдохнул волнение наружу. Прошел туда, к нормальным. Закрылся. И Артема освободило чуть-чуть.

– Ну, а теперь вами займемся, молодой человек. Сталкер, вижу?

– Сталкер, – Артем провел ладонью по затылку, раньше времени лысеющему: предатель.

– Рискуете, риску-уете, уважаемый! Так. Кашель беспокоит, я слышал. Давайте-ка спину. Не холодно? Туберкулезом не болеете? Подышите. Поглубже.

– Думаете, надышусь? – скривил улыбку Артем.

– Ну-ну. Ничего ужасного нет. Хрипов каких-то... Теперь давайте на новообразования поглядим.

Он высунулся в коридор.

– Составите нам компанию?

Оба дуболома втиснулись внутрь.

– Это зачем?!

– Ну... Сталкер. Фон-то не падает, сами знаете. Ваш брат частенько, не дотянув и до сорока... Да вы не переживайте, не переживайте так. Ребятки, поддержите. Ну-ну. Прилягте вот. Сталкер. Шею. Так. Горло. А-а-а-а...

Шею: у кого рак щитовидки, самый от облучения частый, иногда сначала зоб отращивают на шее. Но, бывает, и без зоба человек за месяц сгорает, а другие – с зобом до старости ковыряются как-то.

А если нащупает сейчас что? Скажет: осталось полгода. Прав доктор, среди сталкеров такое сплошь и рядом.

– А что там за дообследование? Рентген?

– Ну уж вы загнули, рентген! Так... Погодите-ка... Нет, показалось. На бочок. Ага. Все у вас пока ничего. Дайте живот... Не напрягайте, не надо.

Резиновые пальцы – мягкие, холодные – как-то вдруг притронулись, минуя кожу и мышцы, сразу к печени, пощекотали испуганные кишки.

– Ну такого прямо ничего не пальпируется. Давайте половые органы проинспектируем. Как, пользуетесь еще?

– Почаще, чем вы своими.

– Ну вы сталкер, вот я и спрашиваю. Выбрали себе ремесло, конечно. Ладно. Никаких патологий особенных я тут не вижу. Поднимайтесь. Сидели бы вы, уважаемый, в метро, как все люди. Нейдется вам! А то в следующий раз как бы на дообследование не пришлось вас тоже...

– А сколько... Сколько его... этого... дообследовать будут?

Артем прислушался против своей воли: что там творится, за правой дверью? Глухо.

А внутри у него, Артема, что творится? Важно ему сейчас, рентген там у брокера или не рентген? Тоже глухо.

Сейчас важно исхитриться, схватить Гомера за шкурку и вытащить из этого места живым. И попасть на Театральную, пока туда не пришли красные. Всего один перегон. Шаг до цели. А Леха... Хотел же с уродами бороться. Пускай сначала про себя все докажет. Идиот.

– Сколько-сколько... Сколько потребуется, столько и будут, – задумчиво проговорил доктор, выписывая Артему путевку. – В этом деле, уважаемый, наперед ничего известно не бывает.

* * *

Дитмар озирался по сторонам с гордостью.

– Ну вот, добро пожаловать! Станция Дарвиновская, бывшая Тверская. Не случилось тут раньше бывать?

– Нет. Никогда.

В горле опять першило.

– А жаль. Не узнать станции!

И Артем – правда – не мог узнать Тверскую.

Низкие арки были два года назад сплошь зарешечены, превращены в клетки. И в этих клетках сидели на корточках в собственном дерьме изловленные на сопредельных станциях нерусские люди. В одной из клеток и Артем два года назад провел ночь, отсчитывая минуты до утренней казни, стараясь надышаться и надуматься.

– Полную реконструкцию прошла!

Сгинули клетки. Ни факельной копоти на потолке, ни ржавых пятен от вытекшей человеческой жидкости на полу. Все вычищено, вымыто, продезинфицировано и забыто.

И вместо казематов – торговые киоски стоят, аккуратные, покрашенные, с номерками. Праздничный базар. Толпа в нем плещется: счастливая, мирная, ленивая. Семьями прогуливаются. Ребятишки у отцов на шеях сидят, ногами болтают. Выбирают что-то на прилавках. Музыка играет.

Захотелось глаза потереть.

Поискал место, где его вешали... Не смог найти.

– Вы и весь Рейх не узнаете! – сказал унтер. – После того, как генеральная линия партии поменялась... Реформы пошли. Становимся современным государством. Без эксцессов.

Черной формы в толпе – капля, глаз не режет. Пропали рукомазные плакаты на тему превосходства белой расы, исчезли растяжки «Метро – для русских!». А из прежних лозунгов остался всего один: «В здоровом теле – здоровый дух!». И точно: лиц вокруг полно всяких, а не сплошь курносых и молочно-веснушчатых. А главное – люди все подтянуты и ухожены; как и на Чеховской-Вагнеровской, куда они попали вначале. Не слышно надрывного кашля, непрямого на ВДНХ, нет зобастых облученных, и детвора вся как на подбор: две руки – две ноги, щеки – будто помидорки с Севастопольской.

Вспомнился Кирюха, который ждет экспедиции на Север.

– Прям твои Полярные Зори, – обернулся Артем к Гомеру.

Тот шаркал сзади и крутил бородой, впитывал: для книжки для своей, не иначе. Курица болталась у него под мышкой, тетрадь торчала, скрученная, из заднего кармана. Все остальное, включая и Артемово снаряжение, унтер пока возвращать отказался.

– Вот там, за углом, в служебных помещениях у нас больница. Бесплатная, разумеется. И диспансеризацию населения проводят два раза в год. Детей – каждый квартал! Пойдете смотреть?

– Нет, спасибо, – сказал Артем. – Только что от врача.

– Понимаю! Ладно, давайте тогда знаете, что... А вот что!

Вдоль путей растопырились погрузочные краны, дрезины скопились. Пошли ими восхищаться.

– Дарвиновская теперь – главный наш торговый шлюз! – с гордостью объяснил Дитмар. – Особенно большой товарооборот с Ганзой, и все время растет. Я считаю, что в эти трудные, тревожные времена все цивилизованные силы метро должны сплотиться!

Артем кивнул.

Чего же Дитмар от него хочет? Зачем избавил от забривания и строевой подготовки, на которую погнали остальных добровольцев? Почему уступил, когда Артем затребовал себе Гомера? С чего такая честь рядовому добровольцу – экскурсией его по станциям водить: сначала по Чеховской, а теперь еще и тут?

В эти трудные. Тревожные.

– Там вон туннель к Театральной.

Бросить все и рвануть туда бегом.

– Самый беспокойный участок границы. Укрепляемся. Готовимся. Так, чтобы мышь не прошмыгнула. Так что, простите, туда сейчас не пойдем.

А как же? Как же на Театральную теперь? Ряба завохтала, захлопала крыльями: видно, Гомер сжал ее слишком, чуть не задушил. Но куда не делась: старик держал крепко. Артем себя чувствовал, как курица. Как же теперь?

– А в этом вот конце, посмотрите-ка: производство жировых свечей, одно из немногих в метро, как ни странно, а там вон ткацкая артель у нас сидит, ударницы! Носки просто волшебные, все, кто с ревматизмом, платят за такие любую цену! Так... Что бы еще? А давайте в переход спустимся! Там у нас жилой сектор.

В переход на Пушкинскую-Шиллеровскую вели два эскалатора, нырявшие прямо в гранитный пол зала. Скатились по ребристым черным ступеням и оказались на настоящем бульваре: переход застроили домиками-кабинками с обеих сторон, светильники-факелы бронзовые между ними ласкали мрамор. В одном из прятных домиков даже школа была, и дети умытые, живые-здоровые на переменку выплеснули изнутри Артему навстречу, прямо в грудь ему, вместе с дребезжащим звонком.

– Зайдем?

Подняли задумавшегося над журналом учителя Илью Степановича, тот показал класс: портрет фюрера карандашом – молодежавый строгий человек с щетиной, карта Рейха, карикатуры на красных, призывы делать зарядку.

– Артем – наш единомышленник, добровольцем вступает в Железный легион! – отрекомендовал его Дитмар. – А это...

– Гомер.

– Какое любопытное имя! – щуплый Илья Степанович снял очки, потер переносицу. – Вы русский?

– Иль-я Сте-панович! – укоризненно протянул Дитмар. – Ну разве это теперь важно?

– Это прозвище, – сказал Гомер. – Дитмар ведь тоже Дмитрий, наверное, а?

– Был когда-то, – ухмыльнулся унтер. – Ну а вы как Гомером стали?

– Люди издеваются. Книжки пытался писать. Историю нашего времени.

– Что вы говорите! – Илья Степанович дернул себя за бородку. – А не откажете в любезности, зайдете в гости на чай? Вот уж интересно было бы! Жена вас и обедом угостит, если проголодались.

– Зайдем! Зайдем! – обрадовался Дитмар. – А чай какой крепости?

– Крепкий, как любовь к Родине! – улыбнулся желтыми лошадиными зубами Илья Степанович. – Мы в самом конце перехода, напротив цыганской семьи.

– Социальное жилье! – воздел палец к штукатурному небу Дитмар. – Заботами фюрера!

* * *

Жилой блок оказался и вовсе каким-то зазеркальем: пол был застелен уютными половичками, раскатавшимися на всю бесконечность коридора; на стенах висели репродукции всякого торжественного старья и календари с кошками и цветами. На пути объявлялись то женщины в передниках, то мужчины в подтяжках на голое тело, сквозняк ключьями нес из чьей-то кухни пары грибного рагу, и вдруг, вырулив из какого-то заворота, понесся по бульвару, жмурясь и хохоча, карапуз на трехколесном велосипеде.

– Оказывается, есть и на Марсе жизнь, – произнес Артем.

– Видите? А нас демонизируют, – через плечо улыбнулся ему унтер.

Упирался переход на Шиллеровскую в кирпичный тупик; Дитмар объяснил, что станция на реконструкции, так что сходить туда нынче вообще не получится. Побродили еще там, где можно. Каждую тягучую секунду отсчитывая, побродили. И ни на одну из этих секунд унтер не отстал от них, не оставил наедине. Гадать приходилось молча.

А к сказанному времени постучались в гости.

На пороге встретила темноволосая и кареокая молодая женщина с огромным круглым животом.

– Наринэ, – представилась она.

Дитмар выхватил из рукава неизвестно уж когда и купленную шампанскую бутылку, перезалитую какой-то загадкой, и галантно вручил хозяйке.

– Жаль, вы не сможете попробовать! – он подмигнул ей. – Готов спорить, там мальчик! У моей мамы был способ узнать: если живот круглый, значит, мальчик будет. А если девочка – на грушу похож.

– Хорошо бы, если мальчик, – бледно улыбнулась она. – Кормилец.

– Защитник! – засмеялся Дитмар.

– Вы проходите. Илья придет сейчас. Вот руки помыть... уборная.

И у них действительно была своя собственная крохотная уборная. Отдельная, как в брошенных домах наверху. Человеческий унитаз вместо дыры в полу, и фаянсовая раковина на ножке, и шпингалет на деревянной двери; на одной из стен даже висел толстый ковер.

– Красота! – сказал Дитмар.

– Очень холодно оттуда... – пояснила тихо хозяйка, подавая ему вафельное полотенце. – Утепляемся, как можем.

Гомерову курицу решено было запереть в туалете; ей даже крошек насыпали.

Пришел со службы и хозяин, жадно и любопытно позыркивая на Гомера. Пригласил в милую комнатку, рассадил на раскладном диване, потирая руки, разлил всем по чистеньким стопочкам свой чай с секретиком.

– Ну, как вам у нас тут? В Рейхе?

– Удивительно, – признался Гомер.

– А люди в большом метро нами все детей пугают, а? – смешно сморщившись, Илья Степанович опрокинул стопку. – У нас такие изменения! После новогодней речи фюрера в особенности! – он обернулся на карандашный портрет – точь-в-точь такой, как в школьном классе. – Ничего. Пускай приезжают, сами глядят. Такой системы соцзащиты для граждан, как в Рейхе, даже в Ганзе нет! И, кстати, сейчас программа по приему иммигрантов разворачивается! Вот Шиллеровскую реконструируют...

– Это в Железный легион?

– И туда тоже. Кстати, не представляете себе, сколько добровольцев едет со всего метро! Многие с семьями. У нас в классе только в этом месяце двое новеньких. Я должен признаться:

отказ от национализма – совершенно гениальная идея! А какая смелость! Вы представляете, какая смелость нужна, чтобы признать – публично, на партийном съезде, что политический курс всех последних лет, да что там, столетия – ошибочен? Какое мужество! Прямо в лицо всем делегатам такое заявить! Думаете, Партия состоит из безвольных марионеток? Нет! Позвольте вас уверить, там есть оппозиция, и вполне серьезная! Некоторые состоят в Партии дольше самого фюрера! И вот так бросить вызов этим бонзам? Вы как знаете, а я хотел бы за него выпить.

– За фюрера! – Дитмар живо поднялся.

Даже Наринэ пригубила.

Не выпить было неловко. И Артем с Гомером выпили.

– Что греха таить? И мы с Наринэ... Фюрер и нам дал шанс, – Илья Степанович нежно дотронулся до руки супруги. – Разрешив смешанные браки. И не просто шанс. Квартира эта... Наринэ раньше жила на Павелецкой-радиальной. Земля и небо! Просто земля и небо!

– Бывал там, – неловко отвечая на его пылкий взгляд, пробубнил Артем. – Там гермозатор сломан, да? С поверхности лезла дрянь всякая, помню. И... Больных много было... Из-за радиации.

– Никогда. Не было. У нас. Никаких. Больных, – жестко и неожиданно зло выговорила маленькая Наринэ. – Это вы глупость сказали.

Артем опешил. Заткнулся.

– Так что история меняется прямо на глазах! – звонко от радости высказал Илья Степанович, успокоительно поглаживая руку жене. – И вы чертовски правы, что решили именно сейчас писать! Я и сам, знаете... Ну, я ведь преподаю своим ученикам историю Рейха. От гитлеровской Германии и до наших дней. И самому мыслишка покоя не дает: а не взяться ли за учебник? Не написать ли про все наше метро? И вот – конкуренция! – он засмеялся. – Выпьем, коллега? За всех тех дураков, которые спрашивают, зачем нужно писать исторические учебники! За всех тех дураков, которые над нами издеваются! И чьи дети узнают о том, как все было, по нашим книгам!

Гомер моргнул, но выпить согласился.

А Артем поглядывал исподтишка за Наринэ. Та не ела; разговор не слушала. Руки ее обнимали, защищали большой круглый живот, в котором сидел смешанный из двух кровей мальчик.

– А что, правда, напишите, Илья Степанович! – воскликнул Дитмар, заразившись учительским энтузиазмом. – Хотите, я с начальством поговорю? У нас ведь и печатный станок есть! «Железный кулак» издаем армейский, почему бы и не книгу?

– Вы всерьез? – зарделся учитель.

– Конечно! Воспитание детей – важнейшая задача!

– Важнейшая!

– И тут ведь очень важно, как и что подать, так?

– Принципиально! Принципиально важно!

– Вот, к примеру, наше противостояние с красными. Их пропаганда, знаете, обвиняет нас во всех смертных грехах... Вы-то теперь сами могли убедиться, – Дитмар обернулся к Гомеру. – Но ведь немало людей, которые верят! Верят и боятся к нам даже нос показать!

– А представьте себе! – продолжил Илья Степанович. – Представьте только, что вы взяли бы писать о Рейхе, не побывав тут! И что бы вы рассказали о нас потомкам? Страшные байки! Ерунду какую-нибудь!

– А вы что расскажете? – не выдержал Гомер.

– Правду! Правду, разумеется!

– Но ведь у каждого своя правда, разве нет? – поинтересовался старик. – Даже у красных, наверное. Если столько людей верит...

– У красных пропаганда с успехом заменяет правду! – вмешался Дитмар. – Эта уравниловка... Говорю вам, у них уроды тайком захватили власть и промывают нормальным мозги! Натравливают, науськивают их на нас! Готовят к войне! Где тут правда?!

– Голодные, нищие люди! Думаете, сложно заставить их поверить во что угодно? Думаете, они будут хотя бы пытаться отличить истину от лжи, отделить зерна от плевел? – подержал Илья Степанович. – Не могут же они признать, что тут, в Рейхе, создана социальная модель, равной которой нет во всем метро? Нет! Они будут вас страшить концлагерями и печами какими-нибудь!

Наринэ приложила ко рту ладошку, словно боясь, что какое-то слово вырвется не позволенное наружу, потом встала поспешно и вышла вон. Илья Степанович не заметил даже, а Артем заметил.

– А про уродов вы что в вашем учебнике станете писать? – спросил Гомер.

– А что про них писать?

– Ну... Если я правильно понимаю, они ведь теперь... Это с ними ведь теперь борется Рейх, верно? Вместо...

– С ними, – подтвердил Илья Степанович.

– А как? Как борется?

– Беспощадно! – подсказал Дитмар.

– А куда вы деваете их? Тех, кого находите?

– Какое это имеет значение? Ну, отправляют их на исправительные работы, – нахмурился учитель.

– То есть, уродство этими работами можно исправить? А рак?

– Что?!

– Рак. Вот я слышал, фюрер рак приравнивал к генетическому уродству. Интересно, что это за работы такие.

– Ну, если вам так интересно, – улыбнулся Дитмар. – То можем и показать. Но вдруг руки к кирке привыкнут? Ручку в пальцах держать не сможете.

– Тогда хороший же у вас учебничек выйдет!

– А не сочувствие ли к уродам мне сейчас почудилось? – спросил Илья Степанович. – В вашей книге, что же, вы их подадите как белокурых ангелов? Фюрер на их счет все объяснил четко: если мы этим тварям позволим размножаться, уже следующее поколение людей будет нежизнеспособно! Вы что, хотите, чтобы они нашу кровь своей разбавляли? Чтобы ваши дети двухговыми родились?! Этого хотите?!

– Двухговые дети у каждого в нашем проклятом метро родиться могут! У любого! – выкрикнул Гомер, вскакивая. – Бедные больные дети! А вы тут со своими двухговыми – что делаете?!

Илья Степанович молчал.

И Гомер ничего не говорил, только дышал тяжело. Артем, который в разговор не вмешивался, вдруг понял, что старик этот оказался храбрее него. И захотел кого-нибудь за старика этого убить, чтобы быть таким же храбрым, как он.

– А давайте-ка поглядим, что пишет многоуважаемый писатель-историк в своей книге? – Дитмар перегнулся через стол, макнув китель в салат, и ловко выхватил у Гомера тетрадку.

Артем вскочил, но Дитмар опустил руку на кобуру.

– Сядь!

– Перестаньте! – сказал старик.

Вбежала Наринэ; лицо у нее было сморщено, глаза блеснули. В этой крошечной комнате страшно было бороться с Дитмаром: случайный выстрел мог выпасть любому.

Наринэ прижалась к мужу, испуганная.

– Все в порядке, любимая.

– Илья Степанович, оцените! – Дитмар, не снимая руки с кобуры, передал тетрадь учителю.

– С удовольствием! – тот ухмыльнулся. – Так. Допустим, начало. Ага. Они не вернулись ни во вторник, ни в среду, ни в четверг, оговоренный, как крайний срок... Умгум. Почерк, конечно... Первый блокпост нес... де-жур-ство. А это что? А, круглосуточно. Слушайте, а вы запятые, что же, вообще нигде не ставите? Так, пока беллетристика какая-то. Возьмем в середине... Скучно... Скучно... О! То Гомер – мифотворец и живописец – яркой бабочкой-однодневкой только появлялся на свет! И, вообразите, «мифо-творец» через дефис! Мифо-дефис-творец! Почему бы тогда и не «живо-дефис-писец» уж? И пунктуация опять... Аж скулы сводит! И это вы о себе так, коллега? Или вот еще... Одна против легиона убийц... Она упрямо сказала: хочу чуда! Охо-хо! Вот это пафос. И что же? Зашуршали струи... Зашуршали, ага. Прорыв, завопил кто-то. Это же дождь, кричала она. А! То есть, она дождь с прорывом. Роман-тично.

Гомер будто язык проглотил. Артем глаз не спускал с кобуры.

– Ну и конец возьмем, хотя и так уже про вашу историю все ясно, думаю. Негромко, как колыбельную... Тут вообще черт ногу сломит разбирать... Ага... Сашиного тела Гомер на Тульской... Так и не нашел. Что еще? Конец. И опять о себе в третьем лице. Ну прелесть, прелесть! Держите! – учитель шлепнул тетрадку на мокрую клеенку. – Никакой крамолы тут нет. Одна только претенциозная чушь.

– Идите-ка вы на хер, – сказал Гомер, вытирая тетрадь о брюки и упикивая ее во внутренний карман.

– Да бросьте! Вы без ошибок сначала научитесь писать! А потом будете свою «Илиаду» ваять! Сами же, небось, себя и назвали Гомером, а никакие не люди?

– На хер, – упрямо повторил Гомер, набычась.

– Да там половина книги – про вас! Какая, к чертям, история? На историю и места не осталось!

– Это старая. Новая другая будет.

– Ну, пусть новая получится лучше! – Дитмар вдруг отстал от своей кобуры, чтобы взять в руку стопку. – Поругались, поспорили, и будет. За вашу новую книгу! А, Илья Степанович? Как-то мы с гостями... Вы уж простите нас. А то и жена тут ваша, красавица, расстраивается. Мне, кстати, вот пассажи даже понравились, которые Илья Степанович зачитал, пассажики эти. Я и сам по запятым не специалист, а в остальном все складно. Вы простите, Гомер Иванович, мы так разгорячились, потому что тема очень чувствительная. Для всех.

– Для всех, – подтвердил учитель, положив руку на живот жены. – Про детей двухголо-вых, с вашей стороны... Это было просто бестактно!

– Думаю, вы и сами понимаете, Гомер Иванович? Понимаете же? – строго сказал Дитмар. – И мы бестактно себя повели, но и вы. Давайте считать на этом инцидент исчерпанным?

– Да. Хорошо.

Гомер сгреб со стола рюмку и опрокинул ее махом.

Артем его поддержал.

– Табаку нет? – обратился он мимо Дитмара.

– Угощу.

– Курите в уборной, пожалуйста, – попросила Наринэ.

Артем выставил вон курицу, заперся в сортире, сел на настоящий человеческий унитаз, скрутил папиросу из вражьего табака, чиркнул, посадил светляка на самокрутку, потянул, потихоньку выпуская из себя злых бесов. Остудиться хотелось.

Вспомнил про стену, которую грела коверная красота.

Пощупал ворс рукой: хоть прохладный? А зачем он тогда? Пропустил пальцы под ковер. Обычная там была стена, ничуть не холодная. Зачем тогда врать о ковре?

Артем дососал наскоро папиросу, утопил бычок, прислушался: не убивают в комнате никого? Нет пока. Дитмар гогочет, весельчак.

Забрался на унитаз верхом, нашарил, чем там ковер за стену цепляется, приподнял усилием и – снял.

Что он там думал найти?

Дверцу с замочком, к которой золотой ключик бы подошел? Для здешних буратин волшебная страна начинается по эту сторону ковра, а по ту – что?

Ничего не было. Голая стена была. Кирпичи, штукатуркой промазанные. С ковром повеселей просто.

Теперь надо было тяжеленный никчемный ковер обратно вешать, попадать петельками на гвоздики. Не хотелось жутко.

Артем все равно прижался к этой глупой шершавой стене – лбом, щекой. Она не помогла ему остыть. Папироса лучше помогла.

Но...

Что-то... Показалось, нет?

Он повернул голову, прислонил к штукатурному наждаку ухо.

За стеной, с той стороны, с обратной стороны тихо – были.

Были и орали тихо, еле-еле слышно, потому что стена была толстая, но орали дико, жутко. Затыкались ненадолго, на секунду, набрать воздуха – и снова принимались вопить. Плакали, умоляли неразборчиво, взывали опять. Перебивались, захлебывались, и все равно опять кричали. Как будто там кого-то в кипящем масле варили: такие вопли.

Артем оторвался от штукатурки.

Что там?

Станция Шиллеровская. Это ведь на Шиллеровскую переход. И оканчивается тупиком, потому что Шиллеровская на реконструкции. Убрали казематы с Тверской, перенесли на Пушкинскую. Вот и все реформы.

– Эй, сталкер? – из-за двери Дитмара голос.

– Прихватило! Иду уже.

Артем натужился, отнял от пола двухпудовый ковер – лишь бы унитаз сейчас не сковырнулся... – и еле угадал, когда уже в руках почти не оставалось силы – куда навесить его.

Осторожно, тихо слез вниз.

В сортире вновь воцарилась глухая тишина.

Теперь тут опять можно было срать спокойно.

* * *

– Ну, как тебе квартирка? – Дитмар так и торчал снаружи, видно, тоже приспичило.

– Шикарная.

– Скажу по секрету: тут рядом еще одна есть такая же. Свободная.

Артем уставился на него.

– Социальное жилье. Доделывают ремонт. По квоте нам отдают, военным. Хотел бы в такой жить? А?

– Мечтаю.

– Ну а мы могли бы наградить героя Легиона. Другим в пример. За подвиг.

– За какой еще подвиг?

Дитмар засмолил, ухмыльнулся.

– Бесишься еще, что мы твоего старика по носу щелкнули? Не бесись. Проверочка это была. На адекватность. Ты ничего, справился.

– Какой подвиг?

– Квартирка с отдельным санузлом. А? Звучит! И пенсия военная. Сможешь завязать со своими вылазками. Доктор тебе сказал же, а ты...

– Что сделать?

Унтер стряхнул пепел на пол. Осмотрел Артема еще раз: холодно. Улыбка у него прошла, и черная родинка казалась на бесстрастном лице пулевым отверстием.

– Красные будут брать Театральную. Это нейтральная станция, всегда была. Им она как кость в горле. У них – Охотный ряд и Площадь революции, а прямого перехода нету. Только через Театральную могут попасть. Разведка говорит, решились соединить. Мы этого допустить не можем. Театральная отсюда в одном перегоне. Следующий удар уже по Рейху будет. Слушаешь?

– Я слушаю.

– У нас готова операция, чтобы спасти Театральную от них. Надо отрезать переходы с Театральной на Охотный ряд, на Красную Линию. Чтобы они не успели войска через них двинуть. Переходов три. Тебе достанется верхний, через вестибюль. Пройдешь поверху, по Тверской улице. Зайдешь в вестибюль. Установишь там мину. Развернешь рацию свою. Доложишь. И будешь ждать от нас сигнал.

Артем вдохнул чужого дыма полную грудь.

– А своих почему не отправите? У вас что, сталкеров нет?

– Кончились. Два дня назад группа из четырех бойцов пошла наверх с тем же заданием и пропала. Других времени готовить нет. Надо срочно действовать. Остальных на Театральной могут вычислить. Красные могут атаковать в любую секунду.

– А на Театральной вестибюль... Открыт? Не завален?

– Не знаешь? Твой ведь район.

– Мой.

– Сделаешь?

– Если старик со мной пойдет. Он мне нужен.

– Ну нет! – унтер улыбнулся. Пулевое отверстие стало опять родинкой. – Мне он нужней. Мне он нужней, потому что если ты вовремя не выйдешь на связь, или если вовремя не рванешь это гребаный переход, или если ты вовремя не вернешься, то мне нужно будет кого-то за это... Дообследовать.

Артем шагнул ему навстречу.

Дитмар свистнул, и дверь сразу нараспашку хлопнула, а в квартире вдруг оказались трое в черной форме, короткие автоматы наготове, знают уже, где будут в Артеме дыры.

– Соглашайся, – сказал унтер. – Большое дело сделаешь. Хорошее, нужное дело.

Глава 9. Театр

Плюнул в окошки противогаза, потер пальцем. Чтобы не запотевало. Щелкнул тумблером на рации, послушал шум. Выкрутил на нужную частоту.

– Прием.

– Связь через час. Все должно быть установлено уже.

– Это поверхность. Я тебе час не могу обещать.

– Если ты через час не вышел на связь, ты или от меня сбежал, или сдох. Старику каюк в обоих случаях.

– До своих-то третий день дозвониться не можете, а мне...

– Удачи.

Снова пустой шум.

Посидел еще минуту. Послушал его, покрутил ручку: чтобы что услышать? Потом застегнул ранец. Влез в лямки осторожно, поднялся на ноги и понес его нежно, как раненного ребенка. Десять кило взрывчатки внутри.

Толкнул исцарапанную прозрачную дверь, выбрался в крытый переход. Ряд торговых киосков без конца и края, все витрины расколочены, везде нагажено, все изрисовано. Фонарь не включал; фонарь издали видно. Интересно было, где тут четверо сталкеров навернулись? Четверо. Все вооруженные. С рацией. И ни один не успел в эту чертову рацию сказать ни слова.

Пошел по стенке вперед – мимо киосков. Чем они тут торговали, знать бы. Книгами. Ну и смартфонами, наверное. Их столько в метро, смартфонов этих... Все развалы забиты, на килограммы продают; и все почти дохлые. Где-то их покупали же. Покупали, чтобы звонить своим родным. Прикладываешь к уху крошечную плоскую коробочку... И оттуда голос матери. Артем как-то заставил Сухого купить себе такой на Проспекте, еще когда мелкий был. Тот нашел рабочий. Артем в него полгода играл, маме звонил по ночам из-под одеяла, пока батарейка не закислилась.

И потом еще три года звонил по сломанному.

А теперь вот... Хочешь поговорить – тащи на себе такую бандуру. И если б хоть на тот свет прозвониться можно было... Звонила бы она на тот свет, а?

Поднялся по ступенькам, шурясь. Сумерки.

Здравствуй, Москва.

Мир крестом распахнулся. Огромная площадь, каменные дома в десять этажей ущельем стоят, погорелые и обугленные, улица Тверская забита столкнувшимися ржавыми авто с растопыренными дверьми, будто они пытались этими своими четырьмя дверцами как стрекозиными крыльями махать, чтобы из пробки вырваться и спастись. Все распотрошено: сиденья выдраны, багажники взломаны. А поперек Тверской идут бульвары: черная чаща, узловатые голые корни тянутся с обеих сторон по земле друг другу навстречу, хотят кольцо замкнуть, раздвигают нетерпеливо машинные скелеты.

На домах огромные рекламные щиты. Без стариков и не понять, что они продают: часы? Газировку? Одежду? Ничего покосившиеся латинские буквы, с человека размером каждая, не значат; Артем и не понял бы даже, что это реклама, если б старшие не объяснили. Абракадабра. Воспоминания склеротиков. Пускай теперь покупают эту абракадабру голые коряги и черные ветки, и бродячие собаки, и перекасти-поле, и раздетые мародерами кости.

Присмотрелся к зарослям: нет никого? Лучше близко не подходить. Мертвым кажется город, но кто-то сожрал ведь тут четырех бойцов в полной экипировке. До Театральной расстояние небольшое: всего пятнадцать минут ходу. И они тоже так думали. Если не здесь, не у бульваров случилось с ними это, значит, где-то впереди.

Вдоль домов идти или посередине? Если по дороге прямо, между машинами, слишком заметно будет. Если по тротуару, нужно слушать все время, все время смотреть: дома пустыми могут только казаться. Это у себя на ВДНХ Артем все знает; а тут...

Перевесил автомат поудобней, взялся за рукоять, пошагал по тротуару мимо огромных, в два этажа, торговых витрин. До дороги все засыпано в мелочь, в стеклянные брызги колотым стеклом, манекены все лежат, убитые; разные манекены – какие-то похожи на людей, какие-то на черных – из блестящей темной пластмассы, а еще безликие, безносые, безротые. Все вместе тут лежат. Никто не ушел.

Магазин украшений разграблен, магазин одежды разграблен, магазин один черт ведает чего разграблен и сожжен. И по ту сторону дороги то же. Хорошая улица – Тверская. Жирная. Повезло тем, кто живет на окрестных станциях. Продуктовых только, жаль, нет.

Дома стояли сплошь, стеной; а небо вечернее ложилось на них прямо толстым брюхом, стеганым ватником. От этого Тверская была как огромный туннель, и дорога, железная замерзшая река, казалась Артему рельсами.

В просвете этого туннеля, как в пасти, клыками маячили башни Музея революции, а сбоку еще кремлевские. Звезды на них погасли, выдохлась вся их колдовская сила, остались одни нечеткие силуэты из черной бумаги на фоне грязных облаков. Уныло на них было глядеть: все-таки ходячий мертвец веселей обычного.

И вот еще: было тихо.

Тихо-тихо, как в метро никогда не бывает.

– Как думаешь, Жень? Раньше-то, наверное, город шумел, должен был шуметь. Все эти машины тархтели, сигналили друг другу! И люди хором галдели. Потому что каждому нужно было сказать свое больше, чем другим; и эхо еще от этих домов, как от скал... А сейчас вот заткнулись все. Оказалось, ничего важного. Обидно только, что попрощаться не все успели. А об остальном можно было и вовсе не говорить.

И тут Артем впереди увидел что-то.

На тротуаре.

Не манекен. Манекены так не умеют ложиться: мягко. Их всегда судорога столбнячная корежит, руки не сгибаются, ноги торчат, спина как палка. А этот вот – подобрался, поджался, как маленький. И умер.

Артем оглянулся быстро. Никого.

В черной форменной химзащите. Автомат в руках. Каска сбита, рядом валяется. Смотрит в асфальт, в засохшую кровь. В затылке дыра. Пригляделся – и из живота еще натекло, полоса по земле тянется. Ранили, значит, а потом подошли и ползущего добили. А ему, видно, было совсем плохо: занят был тем, чтобы не умереть, чтобы еще поползти, очень на этом сосредоточен. Даже не обернулся, не посмотрел в лицо тем, кто стрелял. Ну и им это было не интересно.

Вот первый.

Значит, никто их не жрал.

И автомат не взяли, побрезговали. Вот странно.

Артем присел рядом, попытался его забрать. Но руки у убитого заоченели, хоть пальцы ему ломай. Ладно, оставь себе свой ствол.

Отсоединил только рожок, нашел запасной. Настроение даже поднялось. Будто Дитмар ему аванс за операцию выплатил. Сталкеры в мародерство не верят. Сталкеры верят в такое: взял у покойника снарягу – считай, помянул. Ему все равно со снарягой лежать бессмысленно и тоскливо. Ему приятней, если она еще хорошему человеку послужит.

Дальше хотелось побыстрей.

Откуда этого страдальца пулей достали? Почему товарищи не остановились, не подобрали, не понесли втроем раненого в укрытие?

Не могли сами же своего и докончить? Почему автомат бросили тогда подотчетный? Спешили? Расспросить бы их.

Но расспросить не вышло.

Второй лежал метров через триста. Звездочкой лежал, на спине. Хотел в небо напоследок посмотреть, только вряд ли что увидел: один окуляр противогаза прострелен, другой изнутри весь бурым залит. И под спиной лужа. Так же, то есть: сначала подбили, потом подошли – и контрольным.

Друзья его и здесь задерживаться не стали.

Что-то вдалеке почудилось.

Порывом ветряным принесло. Гул. Двигатель как будто. Не понять толком: слишком громко гудит воздух в фильтрах, противогазная резина уши затыкает.

Артем быстро отнял у мертвого рожок, прижался все-таки к стене, заторопился, озираясь. До Охотного ряда полкилометра уже всего. Теперь бы не сковырнуться нигде самому.

Третьего не сразу заметил; боковым зрением только. Этот хитрый был, свернул с улицы, хотел в ресторане спрятаться. А как спрятаться, когда все стены – стекольные? Отыскали и изрешетили всего. Был человек – стал куль. Выволокли, наверное, из-под стола – и докончили.

А вот сейчас был шум. Точно.

Рык моторный.

Артем задержал дыхание. Нет, не помогло. Тогда стащил противогаз, – какая уже разница, что там через год будет? – повернул ухо навстречу ветру, чтобы тот слушать не мешал. И повторилось: надсадный рев. По газам дали где-то далеко, за домами.

Машина. Рабочая. Кто?

С места Артем рванул уже изо всех сил.

Вот, значит, как.

Вот почему они бежали, и вот почему не могли убежать.

Их догоняли по одному, добивали – остальные получали фору еще метров в двести-триста пока, но потом и следующего доставали. Но почему не отстреливались? Почему не засели в какой-нибудь витрине, не дали отпор?

Надеялись до Театральной все же успеть?

Сначала не хотелось трясти ранец, но взревело вдруг совсем четко: по прямой уже, по туннелю уличному, за спиной. И Артем понесся скачками, не оглядываясь, не останавливаясь – вперед, вперед; если от тряски рванет, не так страшно, как если сначала подстрелят, а потом еще добивать придут... Пусть уже бы и рвануло...

А потом расслоилось: моторов два было, не один. Прямо сзади и еще сбоку... Вроде. По одной стороне улицы и по другой. Загоняют его?

Кто это может быть? Кто?!

Спрятаться? Нырнуть в дом? Побежать, укрыться в какой-нибудь квартире? Нет... С фасада на этой улице не было жилых подъездов. Одни аквариумы магазинные, выгоревшие, пустые, без выхода.

Вот до поворота еще чуть.

Там Охотный ряд... Потом Думу обогнуть... И все.

Четвертого сталкера не было нигде на Тверской; значит, успел завернуть; значит, и Артем успеет, может, должен успеть.

Тень свою увидел впереди – длинную, жидкую. И дорожку света.

Они сзади фары ему в спину включили. Или прожектор?

Через глотку в легкие колючую проволоку протащили. Протащили и дергали туда-сюда, чистили Артему бронхи, как бутылочным ершом.

Не смог совладать с собой, оглянулся на бегу.

Там был внедорожник. Широкий, тварь, внедорожник. Гнал по тротуару: дорога ржавчиной вся забита, не пускала. Потом визгнул тормозами, остановился: что-то мешало ему проехать.

Артем глотнул воздуха холодного и завернул за угол.

И тут же сбоку послышался второй мотор – надрывный, комариный, дребезжащий.

Мотоцикл.

Государственная Дума стояла тяжелая и основательная, похожая на громадное надгробие – первый этаж из сумрачного гранита, верх серо-каменный. Кого под ним похоронили?

Мотоцикл вырвался вперед, мчал сбоку. Ездок, не отвлекаясь от дороги, выбросил влево руку, сверкнул огнем наугад; застрекотало, заотскакивало от могильных стен. Артема миловало.

И он тогда тоже, не останавливаясь, не сбавляя – выставил прыгающий автомат, и куда-то туда, в мотоциклиста, резанул. Все мимо. Но тот дал по газам, чтобы не подставлять себя под слепые пули, рванул вперед, ушел где-то далеко разворачиваться.

Сзади снова взревело. Внедорожник выпутался.

А Артему до Театральной, до входа – уже чуть-чуть, уже только сто метров. Открыт вход, Господи? Господи Иисусе, вход открыт?

Если ты есть, должен быть открыт! Ты есть?!

Последний, четвертый боец валялся у самых дверей; не валялся даже, а сидел, привалившись спиной – к запертым деревянным створам. Уныло сидел, смотрел себе на простреленный живот, на ладони, на вышедшую сквозь пальцы жизнь.

Артем подскочил к дверям, одну дернул, другую, третью.

Возвращался с виража истеричный мотоцикл, все громче, громче. Потом вырулил с заносом квадратный внедорожник; бронированный, что ли? Артем таких никогда не видел. Таких не могло быть ни у кого в метро. Ни у кого из бесштаных подземельных империй такого не было.

Прижался спиной к дверям, вскинул автомат. Стал ловить узкое лобовое стекло в скачущую мушку. По такому стрелять и смысла нет. На крыше внедорожника появилась крошечная фигурка, как мишень в тире, чертик из табакерки. Дзынькнула пуля, сделала аккуратную дырку в стекле рядом с Артемовой головой. Снайпер. Все, хана.

Отправил очередь в молоко.

На крыше внедорожника зажглась целая прожекторная рама. Хлестанула по глазам, ослепила. Теперь даже целиться было нельзя. Разве что в воздух палить.

Сейчас кончится. Все сейчас кончится.

Вот снайпер только поймает его в кружок свой. Артем зажмурился.

Раз.

Два.

Три.

Четыре.

Вылетел мотоцикл, зашел поудобнее, и вдруг заглох. Артем попытался подглядеть, прикрываясь рукой. Нет, оба были целы. Стояли неподвижно, и Артем стоял в перекрестье их лучей.

– Эй! Не стреляйте! – попросил он их по-петушиному.

Поднял руки. Возьмите меня, пожалуйста, в плен.

Плывать им было, что он им там кукарекал. Какое-то было у них там свое бессловесное совещание. И в плен они его брать не хотели.

– Кто?! Вы – кто?!

Шестьдесят семь. Шестьдесят восемь. Шестьдесят девять.

И вдруг мотоцикл сорвался с места, пыхнул бензиновой голубой гарью, и унесся с глаз долой. Потом и броневик тоже: погасил прожектора, дал задний, развернулся и канул в сумерки.

Есть ты все-таки, а? Есть?! Или что это, блядь, такое было?!

Он пнул от радости и неверия последнего, четвертого бедолагу: а тебе-то не свезло так, а? Тот покосился, съехал. На боку у него была сумка с торчащими проводами. Мина. Мог бы, сказал он Артему, я тебя сейчас наказать за это. Не зли меня.

Артем извинился, но не покался.

Вспомнил кое-что, обшарил покойника.

Обежал вокруг, быстрее, быстрее, пока те, на броневику, не передумали. Подергал еще все двери: должна быть хоть одна открытая! И нашел, с обратной стороны. Влез внутрь, сразу сбежал по скользкой лестнице вниз, и только там присел отдышаться. Только там поверил, что сейчас не умрет. Что умрет не сейчас.

Лестница привела к залу с турникетами и билетными кассами.

Из него было два пути. По пустому проваленному эскалатору вниз – на Охотный ряд, и по галерее куда-то: на Театральную. Больше всего Артем боялся, что красные выставят тут патруль, который довершит то, что не сделали люди на внедорожнике. Но переход не охранялся: видно, запечатали просто гермоворота внизу, на станции, а наверх даже не поднимались, чтобы не травиться; прямо как у них дома, на ВДНХ.

Артем вытащил мину. Посмотрел на нее. Как ее тут в действие приводят?

Мина была тупая и страшная, как власть. Она и была власть, данная Артему – над неизмеренным еще числом людей.

Что с ней было делать?

* * *

Трусой по галерее – ко входу на Театральную. Там тоже закрыто, застроено, замуровано. Но оставлена дверь: для сталкеров, чтобы подниматься. Артем влез в противогаз свой и заколотил в эту дверь, что было дури. Пять минут снизу, со станции, кто-то забирался наверх. Потом еще не хотели отпирать, допрашивали из-за заслонки, не верили, что Артем один. Наконец произвели щелку – для документов – и Артем всунул в нее конфискованный у покойника паспорт.

– Открывай живо! Открывай или буду жаловаться послу! Открывай, говорю, слышишь?! Меня тут чуть не пришили! Боевого офицера! Рейха! На твоей совести будет! Открывай, ссука!

Открыли; и даже не заставили противогаз снять, чтобы сличить с документом. Хорошо, когда за твоей спиной целое людоедское государство! Хорошо, когда шагаешь, а в шаг с тобой марширует какой-нибудь Железный легион! Уверенно жить можно!

Артем не дал опомниться дозорным, не дал досмотреть ранец, выдернул паспорт и покатился вниз; крикнул только им через плечо, что важное поручение, и хватит, и больше вам, холопам, ничего знать и не нужно.

Как только оказался внизу – свернул за угол, спрятался, полинял, как змея, сменил химзащитную зеленую кожу на свою обычную, затолкал резину куда-то временно, но рацию не бросил.

Через сорок уже минут надо связываться с Дитмаром. За сорок минут, значит, нужно ему найти тут Петра Сергеевича Умбаха, человека, который услышал в радиоэфире, что люди выжили где-то еще. И выдернуть этого Петра Сергеевича со станции, прежде чем сюда ворвутся красные – или коричневые.

Артем выглянул: не бегут за ним? Нет. Не бежали. Забыли уже об Артеме, вернулись к своим делам. Дела, наверное, поважней были, чем диверсантов арестовывать. Какие, интересно?

И тогда только вспомнил, что такое вообще – Театральная.

Центральный зал станции – маленький, уютный, низенький, с потолком прошитым ромбами, как одеяло – был зрительным залом театра: весь почти заставлен стульями, а впереди, ближе к затянутой бархатными портьерами сцене – и столиками. Арки тоже занавешены, но не бархатом уже, а чем придется. С потолка прямоугольные путевые указатели свисают, светятся тускло, подбито, но вместо списка станций – надпись витиеватая: «Добро пожаловать в Большой театр!».

А живут тут в метропоездах, стоящих на обоих путях; один ровно на станции был, когда электричество во всем мире кончилось, а другой успел уже ткнуться в туннель, поехать к Новокузнецкой. Ничего, уютно получилось. Лучше, чем на строительных лесах над водой. И чем в социальном жилье через стенку от ада лучше.

Хоть никуда эти поезда и не шли, а в окнах у них был один вид всегда – на камень, в землю – местные жили все равно весело: смеялись, шутили, за задницы щипали друг друга и не обижались. Как будто бы просто ждали в своих купе, что вот-вот машинист извинится по громкой связи за двадцатилетнюю задержку, а состав тронется, и доедет, никуда не денется, до следующей станции, и, уж конечно, в тот самый день, из которого выезжали: последний день перед концом света. А пока и тут существовать приноровились.

Дети вокруг носились чумазые, и все с придумкой: дрались пластиковыми изоляционными трубками, как на мечях, бросались друг в друга вычурными фразами, из каких-то полутлелых пьес вырванными, насмерть боролись за сворованный картонный, гуашью раскрашенный реквизит, хихикали и пищали.

Люди тут, сколько их ни было, все кормились театром. Одни играли, другие декорации рисовали, третьи гостей кормили, четвертые пьяных выпроваживали. По платформам бродили очковые бабки, обмахивались билетными веерами, заывают надтреснуто: «На сегодняшний спектакль! На сегодняшний спектакль! Последние места!» Подходили к краю, заглядывали в перегон к Новокузнецкой: сколько оттуда еще дураков принесет?

А Артему хотелось в другой конец заглянуть, в обратный.

Другим концом оба туннеля шли к Тверской. К Рейху. Где-то там в темноте, наверное, построены уже к маршу колонны в черной форме, ждут. Минут пятнадцать им идти строевым шагом. А если на дрезине бензиновой лететь – две. Две минуты пройдет, как Артем скажет Дитмару в рацию: готово, и тут будет штурмовой авангард.

Посреди зала в две противоположные стороны разбегались вверх, по-над путями, две лестницы; и обе были переходом на станции Красной Линии. Одна – на Охотный ряд, которому коммунисты вернули старое имя – Проспект Маркса. Другая – на Площадь революции; раньше она вообще-то к Арбатско-Покровской линии относилась, но после первой войны с Ганзой красные ее разменяли на Библиотеку имени Ленина.

Оба перехода были отгорожены переносными металлическими заборчиками. За заборчиками стояли красноармейцы в стираной-перестираной зеленой форме, и по офицеру в фуражках, кокарды – эмалевой звездой, малиновой от времени. Друг напротив друга стояли, в десяти шажках, перешучивались. Но эти десять шажков были территорией нейтральной станции, над которой у них власти не имелось. И еще они были, хоть и галерочной, а все равно частью зрительного зала – Большого театра.

Вот так Театральная жила: зажата между двумя пересадочными форпостами Красной Линии и Рейхом. Между молотом и наковальней. Но как-то ей все удавалось от судьбы отскакивать, юлить, обманывать железо, уходить от войны, нейтралитет держать. Долго удавалось: до этого самого дня.

И в сегодняшнем воздухе, кажется, только Артем чувствовал грозное электричество: остальные не понимали и не видели скорой и неотвратимой бойни. На променадидах вдоль застрявших составов прогуливались с барышнями отпускные железнодорожные офицеры со свастиками на рукавах, и совершенно мирно получалось у них разминуться с отпускными стирано-зелеными офицерами в малиновых звездах, которые вот тут же, в шаге, в театральном буфете поднимали тост за здоровье товарища Москвина, генсека Компартии Метрополитена имени Ленина. У всех одинаково торчали из нагрудных карманов билетики. Все готовились идти на спектакль.

Все, да не все, кто-то готовился и к другому: по сигналу отсечь переходы на Охотный ряд и резать людям глотки. Переходов, кроме центрального, было еще два: один с тыла станции, в самом конце платформы, а другой – наверху, через вестибюль. Трудно все три блокировать одновременно. Наглую операцию придумал Дитмар.

А у Артема задача была – вдвое трудней.

С самого того разговора у сортира Дитмар больше не позволил Артему оказаться наедине с Гомером ни на секунду. Не успел старик передать ему, ни как выглядит радист, ни кем работает, ни где живет. Найди, Артем: того, не знаю кого. За полчаса уже.

– Извините, – сунулся он в купе к чужим людям. – Петр Сергеевич не тут живет? Умбах?

– Кто? Тут таких отродясь...

– Простите.

Влез в соседнее.

– Петр Сергеевич? Умбах? Племянник я его...

– А вот я охрану щас... К людям в дом... Танька, ложки заперты?

– Да засуньте вы эти ложки... Дура...

Прошагал, оглядываясь на всякий случай, еще две двери.

– Петра Сергеевича не знаете, как найти?

– Эххм... Што?

– Умбах, Петр Сергеевич. Технарь. Дядька мой.

– Технарь? Дядька? А?

– Радист, кажется. Не тут проживает?

– Радиста не знаю. Эххм! Есть Петр Сергеич, который в театре инженером служит. Сцену который, ну... Ну?! Сам, что ли, не понимаешь?

– Где найти его, не подскажете?

– Там и ищи. Спроси вон. Ну? У директора, господи. Что ты как тупой-то?

– Счастья вам.

– Да иди ты в жопу. Ничего сами не могут. Молодежь, бля.

Из зала запиликали музыканты, разогреваясь. Артем сунулся ко входу – билетерша его чуть за руку не цапнула:

– Тут всех бесплатно пускать! Ничего святого не осталось! Хам! Это же Большой! Театр!

Пришлось обратно бежать, покупать билетик, расплачиваться патронами, которые ему покойники ссудили. Покупал, а сам по сторонам: где-то ведь тут, где-то среди гуляющих, среди приехавших на спектакль с Новокузнецкой или откуда еще угодно, со всего метро – рассеявшиеся две диверсионные группы. Где-то, притворившись театральными – подрывники. Где-то, может – и смертники, играющие, к примеру, в отцов семейств, а сами уже взрывчаткой обвязанные. Получат сигнал, что пора умереть за Рейх, пойдут, потя, к пограничным кордонам Красной Линии, поглядят на часы и одновременно бросятся напролом. А еще через пятнадцать минут из двух туннелей сразу ворвутся штурмовые бригады Железного легиона.

Посмотрел на часы.

Понял: если он все ко времени исполнит, будет как раз спектакль. Это не Артем так рассчитал; это Дитмар. Артем просто смог не умереть там, наверху, чтобы у Дитмара все по плану прошло.

А если Артем не станет ничего делать, Гомера вздернут. А на Театральную вместо фашистов красные войдут – и вместо сегодняшнего дня, завтра. Вроде и может один человек мир изменить, но чуть-чуть только; мир – тяжелый, как поезд метро, его особо не подвинешь.

Опять метнулся к церберше, сунул ей билет в зубы; и еще ссыпал патрончиков ей в карман. От патрончиков у нее очки затуманились, и через туман ей не видно стало, что он в зал первым полез, до всей публики. Прошел мимо обоих красноармейских постов деловито, не заглядывая бойцам в глаза, не запоминаясь им. Забрался на сцену, сунулся лицом в бархат.

За занавесом было темно; угадывался в мелкой глубине сцены силуэт беседки какой-то, что ли, или смутно выкрашенного античного храма... Артем дотронулся до него – фанера. Из-за фанеры, как будто в нее можно было войти и жить там, доносились голоса.

– Ну и я, поверь мне, тоже хотел бы ставить что-нибудь другое! Неужели ты думаешь, что меня устраивает наш нынешний репертуар! Но ты должна понимать, что в нашем положении...

– Я ничего не хочу понимать, Аркадий. Я устала от этой галиматии. Если бы был в этом метрополитене, в этом мире еще один театр, я ушла бы не раздумывая! И, видит бог, душа моя сегодня не лежит играть совершенно!

– Не говори так! Что я могу сделать? Я хотел поставить «Носорога» Ионеско. Всем хороша пьеса! Главное – из костюмов одни носорожьи головы, можно хоть из бумаги делать. А потом понял: нельзя! Это ведь о чем пьеса? О том, как нормальные люди становятся животными как бы под воздействием идеологии. Ну и как такое ставить? Рейх запишет на свой счет, Красная Линия – на свой. И все! В лучшем случае – бойкот! А в худшем... И к тому же, эти люди с носорожьими головами... В Рейхе точно увидят параллель с уродами. Решат, что мы высмеиваем их страхи по поводу мутаций...

– Господи, Аркадий... Это паранойя.

Артем сделал осторожный шаг вперед. Появились несколько комнатух: гримерка, закуток с реквизитом и еще что-то запертое.

– Ты думаешь, я не ищу материал? Все время! Постоянно! Но вот классика, например «Гамлет»: открываешь, и что ты там видишь?

– Я? Вопрос в том, что там видишь ты!

– Вопрос в том, что там видят наши зрители с Красной Линии! А сюжетец таков: Гамлет узнает, что его отец убит родным братом! Дядюшкой Гамлета, то есть! Ничего не напоминает?

Ругались в закрытой комнате; а рядом – в закутке – сидел, склонившись над столом, и паял что-то седой мужчина с вислыми усами и слезящимися от дыма глазами. Как-то примерно так Артем себе и воображал человека по фамилии Умбах.

– Представления не имею...

– А смерть прежнего генсека Линии? Во цвете лет! Который Москвину приходился кем? Двоюродным братцем! Тут только слепой идиот не увидит намека! Мы этого хотим? Послушай, Ольга, мы просто не имеем права их провоцировать! Они только этого и ждут. И одни, и другие!

Артем встал на пороге закутка, где сидел вислоусый. Тот почувствовал его, вопросительно уставился.

– Петр Сергеевич?

И вдруг долетели шаги – drobные, злые, визжащие – подковки сапожные пол царапали – откуда-то из зала. Несколько человек. Молчащие. Артем затаился, повернул ухо так, чтобы оно сквозь бархат слышало.

– Ты просто трус, Аркаша.

– Трус?!

– У тебя все пьесы слишком рискованны, за кого ни возьмись! Напомни-ка, почему мы не можем поставить жалкую «Чайку»? Жалкую, невиннейшую «Чайку»? В ней-то уж мне нашлась бы роль поприличнее!

– Потому что ее Чехов написал! Чехов! Как и «Вишневый сад»!

– И что?!

– Да то, что Чехов! Чехов, а не Вагнер! Я уверен на сто процентов, что наши соседи с Вагнеровской решат, что это – камень в их огород! Что мы злонамеренно выбрали именно Чехова, лишь бы их уесть!

Шаги разлетелись по залу, рассыпались.

– Двое держат зал, четверо за сцену! – шепнул кто-то на ухо. – Радист тут должен быть!

Артем умоляюще прижал палец к губам, упал на пол, пополз-покатился куда-то вслепую, и получилось случайно найти щель под сценой.

Радиста ищут. Его, Артема. Это караульные не стали его сразу ловить, а доложили кому-то. Службе безопасности. Лишь бы усач не сдал!

Двое, ругавшиеся за закрытой дверью, не слышали шагов.

– Трамвай «Желание»? Я могла бы сыграть Стеллу!

– Да там вся история держится на том, что Бланш стыдится своей внешности и сидит в полумраке!

– Не понимаю...

– А ты не слышала про жену фюрера?..

– Досуние сплетни!

– Дорогая. Оленька. Ну послушай. На тебя ведь люди придут... Пришли... Билеты распроданы... Можно тебя обнять?

– Трус... Мужлан...

– Мы даем нейтральный, понимаешь ты, нейтральный спектакль! Спектакль, который не может покоробить ничьих чувств! Искусство не должно оскорблять людей! Оно дано им в утешение! Оно должно будить в них самое лучшее!

Руки заоченели, спина начинала болеть. Осторожно-осторожно Артем приблизил запястье с часами к клинышку света. Поглядел на циферблат: через десять минут нужно было включаться, говорить Дитмару, что мина установлена, и выполнять следующий его приказ.

Женский голос зазвенел:

– И что же я, по-твоему, в них бужу? А?!

– Я понимаю, о чем ты, но ведь и в «Лебедином озере» балерины выходили на сцену с голыми ногами! Ах, если бы мы только могли дать «Лебединое озеро»... Но нам четко было сказано: «Лебединое озеро» воспринимается в народе как намек на путчи и дворцовые перевороты. Ситуация и так накалена, мы не должны нервировать ни тех, ни этих! И потом, твои ножки... Твои эти вот ножки...

– Животное. Носорог.

– Ну скажи, что выйдешь сегодня... Скажи, что будешь играть... Сейчас и девчонки из кордебалета уже придут...

– Трахаешь там кого-нибудь, а? Зинку трахал?

– Боже, ну какие глупости! Я ей про искусство, а она мне... Зачем размениваться на мелких шлюшек, когда влюблен в приму?

– И что же ты мне тут про искусство, а, носорожина ты дрянная? Правду говори!

– Ты знаешь, как я сам устал от этого... От этого нейтралитета... От того, что искусство... Бла-бла-бла... Уже самому хочется лечь под кого-то... Понимаешь меня? Уже хоть под кого-нибудь.

– Не начинай. До спектакля осталось всего...

– Пусть красные, пусть коричневые, но пусть кто-нибудь один...

- Уж я тебя понимаю... Не надо.
- Надо.
- Не успеем.

Над ухом шикнули, и кто-то неуклюжий затоптался и закричал. Кто бы это и по чью душу ни пришел бы, он стоял сейчас под закрытой дверью – и жадно подслушивал. Было шесть минут до эфира.

– Успеем. Пусть уже кто-нибудь один. Кто придумал, господи, что искусство должно быть независимым?

- Ты мне ухо щекочешь. Аркаша.
- Кто придумал, что художник должен быть голодным? Идиот какой-то придумал.
- Согласна. И мне, знаешь... Уже хочется четкости. Однозначности. Жесткости. Хочется.
- Понимаешь меня, да? Пусть бы содержали уже нас, но пусть бы дали четкий кодекс правил, пусть бы цензора поставили – но один кто-нибудь. Тогда мы могли, например, «Трамвай» дать и «Чайку»... Или, наоборот, «Гамлета» и...

– Да! Да...

– В утешение, понимаешь? Искусство нам... С тобой...

– Тише... Вот так...

Стук в дверь.

– Добрый вечер! Аркадий Павлович! – голос был хриплый, низкий – и странно знакомый Артему.

– Кто? Кто там?!

– Господи...

– О, да и Ольга Константиновна там. Откроете?

– А... О! Товарищ майор! Глеб Иванович! Какими судьбами? Сейчас... Сейчас. Чем обязаны? Открываем. Мы тут... Красили вот... Ольгу Константиновну. Перед спектаклем. Открываю уже.

Артем видел через щель: четыре пары подкованных сапог и шнурованные ботинки. Дверь раскрылась.

– О... Что происходит? Вы разве имеете право тут... С вооруженными людьми... Глеб Иванович! Это нейтральная станция! Мы всегда, разумеется, рады вам... Как гостю... Но что происходит?!

– В исключительных случаях. А сейчас как раз исключительный. Нам поступил сигнал. На станции скрывается шпион. Вот бумага. Все официально, от Комитета государственной безопасности. Известно, что он ведет незаконный радиообмен с врагом. Готовит диверсию.

Артем перестал дышать вовсе. Почему-то подумалось, что ведь ни у одного из четырех застреленных стalkerов наверху рации не было. Мина нашлась, а рация пропала.

- У вас есть люди, обладающие радиооборудованием?
- Куда? Стоять! Документы! – грянуло из соседней комнатенки. – Держи его!
- Это кто там?
- Сотрудник наш. По techчасти. Петр Сергеевич.
- Куда же вы, Петр Сергеевич?

Загрохотало, застонало. В щели показали брошенного на колени вислоусого Умбаха: один распластанный ус ему придавили шнурованным ботинком. Артем помолился, чтобы Умбах не стал смотреть в подсвеченный мрак. Чтобы Умбах от страха забыл продать сапогам Артема, а себе на вырученное купить жизнь.

- Ну-ка, ребятки, гляньте, что там у Петра Сергеевича за барахло свалено...
- Это... Это профессиональное... Я инженер...
- Уж мы знаем, кто вы. Нам наводочку на вас дали. Теракты готовили?
- Упаси... Упаси! Я инженер! Я по techчасти! В театре!

– Забирайте этого губошлепа. На Лубянку поедет.

– Я протестую! – Аркадий от решимости дал петуха.

– Забирайте-забирайте. Подите сюда, Аркадий Палыч. На секунду, – голоса сместились далее по сцене, и оттуда уже тихо и очень разборчиво зашипело. – Слушай, мразь. Ты тут кого на груди пригрел? Ты думаешь, нам трудно сейчас будет и тебя заодно выдернуть? Прокатишься по Красной Линии до конечной, и никто тебя тут не хватится. И Оленька твоя... Твоя... Тронешь ее еще раз, хер отрежу. И яйца. Сам. Я умею. Герой, бля, любовник. Иди, шпиль свой кордебалет, а на Ольгу даже не смотрел чтобы. Понял? Понял меня, говно?!

– Я... П. П.

– Скажи: так точно! Так точно, товарищ майор!

– Так точно. Г-глеб Иваныч.

– Все. Иди. Погуляй.

– Куда?

– Куда хочешь. Пшел!

Заскрипела над головой сцена: сбитым, потерянным шагом. Не знал Аркадий Павлович, куда идти. Потом спрыгнул наземь, чертыхнулся. Зашаркал побито. Стало тихо: Умбаха уже подняли и увели, и кованые сапоги все усакали с горизонта.

А еще время связаться с Дитмаром – прошло.

Снова стук в дверь. Теперь уже другой: грубый, хозяйский, без притворства.

– Ольга.

– А... Глеб. Глеб, я так рада...

– Я под дверью стоял. Рада она, сучка.

– Ну, Глеб. Он меня шантажирует. Не дает ролей нормальных. То одно, то другое... Держит меня на поводке, кормит обещаниями!

– Помолчи. Иди сюда.

Громко, сочно зачавкали. Со слышным трудом оторвались.

– Значит. Я сегодня ночью приду. У меня расстрелы вечером. Предателей тюкать будем. А меня после этого дела... На сладкое всегда. Так, что зубы сводит. Чтобы тут была и ждала. Ясно? И в пачке чтобы. Балетной.

– Я поняла. Я буду.

– И чтобы никаких не было. Аркаша там твой или...

– Конечно-конечно. Глеб... А что... Что за предатели?

– Попа поймали. Проповедовал. А остальные перебежчики. На Линии с грибами швах. Хворь какая-то. Ну и побежали уже, ссыкуны. Помнят, как в том году пухли. Ничего. Далеко-то не убегут. Сейчас мы для остроточки десяток-другой тюкнем, остальные враз успокоятся. Ладно. Не твое бабье дело. Ты подмойся лучше, а не вопросы спрашивай. И пачку не забудь.

– Так точно.

Смачно шлепнули по заднице, пробухали по сцене каблуками, тяжело спрыгнули на гранит и сгинули в никуда: в ту же бездну, откуда изверглись.

Артем все лежал, все ждал: будет плакать? В истерику, в судорогу впадет, будет своего Аркадия обратно звать?

Она запела.

«То-ре-а-дор... Сме-ле-е... В бой...»

* * *

– Дамы и господа! И! Позвольте! Представить! Вам! Суперзвезду! Большого! Тееее-ааа-атрааааа.... Ольга Айзенберг!

Зашлась какая-то труба – печальная и прекрасная, и Ольга Айзенберг вышла длинными своими и совсем неподходящими для существования в катакомбах ногами на сцену – к шесту. Лица ее не было видно из закулисья, только тень, вычерченную тушью; но и тень была невероятна.

Выступила на сцену в длинном платье; и первым же делом, перед тем еще, как закинуть свои чудесные ноги на шест, освободилась от платья.

Артем выложил на полу из штырей антенну, направил ее туда, где Тверская, по его представлению, должна была находиться. Нахлобучил наушники, перещелкнул тумблер. Не было времени, не было куража пробиваться с рацией на плечах через битком набитый зал, ругаться с караульными, ползти по эскалатору вверх. Хоть бы достало отсюда сигналом по туннелю до Тверской-Дарвиновской. Пусть бы добило.

– Прием... Прием...

Пошуршало в голове, поперхало, и смилостивилось:

– О! Сталкер? А мы тут твоему деду уже галстук примеряем. Опаздываешь.

– Отменяйте операцию! Прием! Отменяйте! Они не собираются Театральную брать! Прием! У них там голод... На линии. Они эти блокпосты... Ставят... Чтобы перебежчиков ловить...

Дитмар издал какой-то невнятный звук: то ли харкнул, то ли хрюкнул.

– Ты что, думаешь, просветил меня сейчас, а?

– Что?

– Где мина, кретин? Мину ты установил?

– Ты не слышал меня? Не будет никакого вторжения на Театральную!

– Ну как же... – теперь прояснилось: это Дитмар смеялся. – Как же не будет? Обязательно будет!

Глава 10. Красное

– Эй, парень! Тебе чего надо?

Артем посмотрел на того, кто спрашивал: малиновая звезда плавала в мути. Пожал плечами.

У арок косились усталые древки с увядшими красными знаменами. Арочные своды были чуть по человеческий рост обрезаны повешенными табличками: «Красная Линия. Государственная граница».

– Иди давай. Хорош плялиться.

Офицер не спускал глаз с его рук. Красноармейцы за его спиной ждали команды.

Чего мне надо, спросил себя Артем.

Нельзя ему ни в коем случае: поднять руки и шагнуть вперед. Нельзя ему: идти за этим несчастным Умбахом туда, где Петру Сергеевичу сейчас будут кишки на палку накручивать. Нельзя признаться, что радист-диверсант, которого искали – не Умбах, а вот он, Артем. Потому что его, Артема не пустят к Умбаху все равно, а Артемовы кишки зато будут следующими.

Тогда что?

Тогда забыть про Умбаха, про слышанное им или не слышанное в туберкулезном московском эфире, про Гомера забыть, который там где-то, на Пушкинской, ждет его в петле, про Дитмара с его заданьем, про людей, которые вот сидят за его спиной сейчас и любят эту дрянью, и которых будут скоро резать в штыковой, попрощаться с малиновой звездочкой и пойти гуляючи к Новокузнецкой. А за его спиной пускай творится что угодно – на спине глаз нету.

А что там, на Новокузнецкой?

Ничего.

То же, что и на ВДНХ.

Пустота. Духота. Грибы. Такая жизнь, которую Артему положено тащить, не переча, пока не сдохнет. Сделать круг, вернуться к Ане. Когда-нибудь, по чужим мертвым документам.

Документы чужие, а жизнь своя будет – своя, Артемова, прежняя – черная, перекрученная и сухая, как сгоревшая спичка. Хочет он такую жизнь? Может он ее?

Ольга Айзенберг сняла лиф. Проектора, без рук Петра Сергеевича осиротелые, выщипывали ее неумело – слишком резко, слепя, отбрасывая на стены яркую черноту по Ольгиному контуру.

Труба играла слишком быстро, слишком тонко, тошнотворно, закручивала кишки, и под нее бился, крутился бешено женский силуэт на шесте, как на кол насаженный.

– Оглох? Вали давай!

А ведь Артем, пока Умбаха искал, пока шел сюда вместе с Гомером, забыл ненадолго, как это: когда идти некуда. Старик дал ему что-то. Направление хотя бы. Прости, дед.

Как тебя спасти? Сделать, как черт велит? Помочь ему резню устроить? И что, неужели тебя отпустят тогда? Не отпустят, дедуль.

Вот ведь выбор: что ни берешь, одна безнадега.

– А ну, общите этого!

Ноги сами сделали шаг назад. Ноги еще не решили ничего.

В зале заворачивались, зашикали.

Кто-то отдыхающий, в железнодорожной форме – зацепился за Артема. Не Артема ли он на самом деле томительно ждал, скучно наблюдая за актриской, извивающейся на колу?

Если в другую сторону пойдешь, вперед, обратно не вернешься, знали ноги. Телу было рано умирать. А душе обратно в ту старую жизнь не могло.

Не хочу от нее детей, понял Артем. Понял просто и насовсем.

Что там, на ВДНХ? Там ничего. Там все, чем Артем не стал. И все, чем он лучше сдохнет, чем станет.

Умом заставил себя поднять руки – одна поползла чуть быстрее. Пот шел по вискам, затекал щелочью в глаза, щипал. Плыла в нем малиновая звезда.

Может, тебя не убили еще, Петр Сергеевич? А? Я ведь к тебе через полметра шел. Пришел вот. И теперь отсюда мне дальше некуда. Давай, тебя не убили?

– Имею информацию.

– Что ты там бормочешь?!

Артем чувствовал паучий взгляд из зала на себе – кожей. Поэтому повторил так же глухо:

– Имею важную информацию. О готовящейся диверсии. Со стороны Рейха. Хочу переговорить. С офицером. Госбезопасности.

– Не слышу!

Артем утер пот и сделал шаг вперед.

* * *

Переход на Охотный ряд был длинный, нескончаемый, словно специально Артему тут построенный, чтобы он успел за этот переход передумать.

Снаружи у Красной Линии граница была тонкая: ограждение переносное и пара снулых бойцов. Зато изнутри, где чужим не видно, шли укрепления в три полосы. Мешки, колючая проволока, пулеметы. Стволы у них в стену глядели, не внутрь и не наружу: не знали еще, с какой стороны будет наступать враг.

Краской по трафарету был обозначен на стенах сдвоенный профиль: толстощекие и лысеющие нахмуренные люди, страшно похожие, будто сбитая чеканка на медали; один другого не то прикрывает, не то заслоняет. Братья Москвины, знал Артем. Тот, что на первом плане – Максим. Нынешний генсек. Тот, которого Максимом припечатали – прежний, скончавшийся.

С каждым шагом от Театральной порочную изломанную трубу Большого становилось слышно все хуже; потому что с обратной стороны, от Проспекта Маркса, громче и громче несло по переходу – прямо в лоб – бравурное, маршевое, бодрое, многоголосое – производимое целым духовым оркестром. Оркестровый марш сшибался с томливой трубой уже там, где у перехода только начиналась вторая треть – и выбивал ее назад, в Театр.

Освещено было скверно, бедно: вдоль колючки только ров из света, а дальше сумрака налито, как киселя. До следующей колючки. Живых людей им по пути не встретилось, только смурная солдатня. Артем рвался вперед, хотел уже определиться с судьбой, а конвоиры не собирались спешить, у них с судьбой все было глухо.

Еле дотерпел до Проспекта Маркса – Охотного ряда. До самого последнего кордона, который выглядел так же, как и первый: хлипко, дунешь посильней – снесет. Остального от него видно не было, лестницей прятало, и поэтому казалось, что никому тут, на Красной Линии, Театральная не сдалась.

А оркестр был самый настоящий – и стоял прямо на входе, у границы, и изо всех сил дудел, звенел, барабанил. От него против воли хотелось расправить плечи; и уж, конечно, никакая труба и никакие другие театральные звуки сквозь него пройти не могли.

Станция – уютная, домашняя, маленькая, как все первые станции метро, была наполнена народом одного цвета. Тут не грязно было, и вода с потолка не текла, и лампы горели; все пристойно, одним словом.

Но: в те секунды, когда оркестр замолкал на секунду, чтобы переменить один марш на другой, делался слышен второй голос станции. Непривычный: вместо гомона, который людям положен, на Охотном ряду стояло шуршание. Шуршали, озираясь, в витых очередях, где у каждого на ладони был записан номер, шуршали в подворотнях арок – за столиками, выпол-

няя какую-то Артему непонятную волокиту, шуршали бабы и шуршали дети. И вдруг – пока барабаны и литавры переводили дух – станции переставало хватать света и чистоты. А потом оркестровый конвейер запускался снова, и выезжающее с него веселье снова подменяло станцию. Лампочки загорались ярче, губы у прохожих натягивались, а мрамор принимался блестеть.

Для настроения еще были лозунги – тоже трафаретные, печатные: «Перечеркнем Красной Линией нищету, безграмотность, капитализм!», «Нет – ограблению бедноты! Да – всеобщему равенству!», «Их олигархи жрут грибы наших детей!», «Каждому – полную норму!» и «Ленин, Сталин, Москвин, Москвин». Лысый Ленин с усыатым Сталиным были повешены на стену в золотых рамках в торце станции. Рядом стоял караул из бледных мальчишек в красных тряпочках на шее, лежали цветы: пластмассовые.

Артема, подконвойного, местные как будто и не замечали: у всех, мимо кого он шагал, как-то находились дела поинтересней; ни с одним он не смог встретиться глазами. Но стоило разминуться, как загривок начинало жечь – эти рассеянные взгляды тут же пучками собирались из их любопытных стекляшек.

Он шагал и договаривался с Петром Сергеевичем о том, чтобы тот еще чуть-чуть не умирал и не уезжал никуда, чтобы дотерпел до Артема. Времени всего прошло – час, шансы были.

КГБ сидел с изнанки станции: под полом, по которому топтались одноцветные граждане, имелся еще один этаж, низенький и никому не известный, и вход туда тоже был такой, как будто это шкаф – швабры с ведрами приткнуть куда-нибудь.

Но внутри – привычно все, как везде, как во всем мире – коридор масляно выкрашенный, по пояс зеленым, дальше белым, штукатурка от влаги буреет и пузырится, лампочки вечные болтаются, и вереница комнат.

Конвоир одну отпер, пхнул в нее Артема.

– Мне срочно! Срочное донесение!

– Донесения в армии, – подмигнули ему. – А сюда с доносами.

Пролязгли по ушам, по голым нервам засовом снаружи.

Посмотрел на соседей: женщина с тушевыми глазами и с вытравленной в желтое челкой, остальное в комочек на затылке собрано, и угрюмый малорослый мужик с белыми бровями и ресницами, остриженный как попало. Шкура у него была дубленая и загорелая, как у алкоголиков.

Умбаха в камере не было.

– Присаживайся, – сказала женщина. – В ногах правды нет.

Мужик сморкнулся.

Артем примерился к скамье и остался стоять, как будто от этого быстрее его бы приняли, выслушали и согласились отпустить радиста на все четыре стороны.

– Тоже думаешь, сейчас вот сразу разберутся, да? – вздохнула женщина. – Мы-то третий день тут вот так. И хорошо, может. Они тут разбираются так... Что лучше б и не разбирались.

– Помолчи, – простонал мужик. – Хоть сейчас бы ты помолчи.

– Сюда дядьку передо мной не приводили? – спросил Артем у нее. – С усами такого? – он руками показал, как бессильно свисали у Умбаха усы.

– Не было. И без усов не было. Одни кукуем. Друг друга вон грызем.

Мужик отвернулся к стене и с ненавистью заковырял ее ногтем.

– А ты что натворил-то?

– Ничего не творил. Дядьку вытащить надо.

– А дядька что сделал?

Артем посмотрел на ее телесные колготки, все в шрамах заштопанных, на ее руки – синяя кровь течет под кожей совсем близко, распирает. Глаза из-за черной каймы сперва кажутся

большими и страстными, как в последний раз, а на самом деле – нет, обычные. Улыбка морщинистая. Морщины усталые.

– Дядька тоже ничего. Мы с Театральной вообще. Жили и жили себе.

– И как вам там, на Театральной? Хреново, небось? – она посочувствовала.

– Нормально.

– А нам тут говорят, вы друг друга доели почти уже. Врут, что ли?

– Юлька! Ну ты не дура? – окликнул ее мужик.

– Мы-то тут хорошо живем, – вспомнила Юлька. – Нам-то так, в принципе, и насрать, что у вас там, – она подумала, посомневалась. – За грибами-то подолгу стоите?

– Как – стоим?

– Ну вот в конец очереди встал. Каким номером будешь?

– Какая очередь? Деньги есть – купил.

– То есть – деньги? Купоны, что ли?

– У нас тут, – вмешался мужик, – не нужны деньги никакие. У нас кто работает, тот и ест. А не как у вас на вашей Театральной. У нас трудовой человек под защитой.

– Ладно, – сказал Артем.

– Жрите сами ваши деньги, – добавил мужик.

– Ну что ты, Андрюш, напал на него? – заступилась Юлька.

– Подсадили мурло какое-то, а ты ему и титьки еще покажи! – Андрюша харкнул под себя, но как бы и в Артема.

– А то вдруг тебе титьки мои зандобились, – улыбнулась она мужику.

– Я не провокатор, – сообщил сам себе Артем.

– Я вообще ничего не хочу знать, – сказал Андрюша. – Это все не мое дело.

Помолчали.

Артем прислонился ухом к двери. Было тихо.

Посмотрел на часы. Что там Дитмар? Верит ему еще? И сколько еще согласится верить?

– Вообще, что ль, очередей нет за грибами? – спросила Юлька. – А сколько в одни руки дают?

– На сколько денег хватит. Патронов, – на всякий случай объяснил Артем.

– Дела! – восхищенно сказала Юлька. – А если вдвоем прийти?

– Что?

– Тогда обоим дадут, сколько хватит?

– Ну да.

– Зажрались, бляди, – сказал Андрюша. – Ты думаешь, они чьи грибы жрут? Наши с тобой! У нас дети с голоду пухнут, а эти жируют!

– И ничего не пухнут! – испугалась Юлька. – У нас и детей-то нет.

– Я конфигуально. Образно, то есть, я.

Он уставился на Артема с тоской и чувством только что совершенной непоправимой ошибки; заливаясь багровым.

– Он не говорил такого, – попросила Юля Артема. – Хорошо?

Артем пожал плечами. Кивнул.

– За собой последи! – рявкнул Андрюша жене. – Манда! Не балаболила бы, были бы дома. А то тебя Ефимовы ничему не научили!

– Ефимовы-то ведь молчали, Андрюш, – прошептала та. – Их так взяли. Ни словечка никогда от них против... Против.

– Значит, было за что! Было, значит! – шепотом же крикнул он. – Как это – вот так, ни с того, ни с сего людей возьмут и... – он схаркнул. – И всю семью.

– Что – всю семью? – спросил Артем.

– А ничего! Что надо!

– Да я только что сказала-то? Что грибов не хватит на этот год. Что неурожай в совхозе, из-за хвори... Из-за гнили белой. Голодать будем. Ну это же так все! Я ведь это не из головы взяла! А они: клевета... Эта... Пропаганда...

– Кому сказала-то? Дура ты пиздливая! Дементьевой Светке сказала! Ты про Дементьевых не знаешь, что ли?

– У Дементьевых Дашка в консервном цеху стоит, она будто сама не понимает!

– Стоит и помалкивает, значит! Людей не за такое берут! Васильеву за что? Что «Господи, помилуй» перекрестилась! А Игоря вон из сто пятой за что забрали? На перекуре болтал, что на Черкизовскую люди пришли снаружи.

– Из какой снаружи? И что?

– Не из Москвы. Поверху откуда-то. Из другого, типа, города. И без химзы пришли якобы. Ну и что тут такого? В этом-то что? И ясно, что байка. Типа, всех этих иногородних до единого враз замели и тем же днем... – он чиркнул пальцем по горлу.

– Не показывай на себе! – испугалась Юлька.

– Байка, ну? Дурь ведь! Америкосы, га-андоны, все начисто нам снесли, это и дите малое знает, что одна Москва стоит. Какой еще город! А Игорька Зуева на следующий день выдернули. Юдин там слушал, а Юдин тоже... Пнем надо быть, чтобы при Юдине...

– Из какого города? – Артем подобрался. – Из какого города пришли? Эти, на Черкизовской?

– Ага, – сказал ему Андрюша. – Щас я тебе.

Артем оторвался от двери, шагнул к мужику, наклонился к нему.

– Но он ведь говорил? Говорил же? Игорь этот?

– И договорился.

– Скажи! Скажи, важно!

– Ты донос на дядьку своего еще не сдал! Куда столько загребаешь? – недобро усмехнулся Андрюша.

– Идиота ты кусок! Скажи просто! Откуда?! – Артем взял мужика за ворот, накрутил материю на кулаки, прижал к стене.

– Отстань от него! Отстань! – тонко сказала Юлька. – Он ничего, ничего он не знает! Охрана! Люди!

– Хрень это все.

– А если нет?!

– И что? И что, если нет?!

– Да все! Да тогда можно отсюда валить! Из этого метро!

Андрюша, приотворванный от пола, помотал головой. Скривил харю.

– Было б им так хорошо там, лезли бы они к нам?

Артем набрал духу – спорить – и не нашелся.

– Поставь меня. Поставь, где стоял, гнида, – сказал Андрюша.

Артем поставил. Отвернулся, ушел назад к двери.

Хотел упереться в нее лбом – а она раскрылась.

– С Театральной который. На выход!

– Зря, – сказал Артем Андрюше.

– Вот и спросишь у них сам, – харкнул тот.

* * *

– Вот, товарищ майор. Это который в диверсии.

– А браслеты? Пускай в браслетиках.

Щелкнули наручниками.

– Вот это, когда сами сознаются... Всегда надо в браслетах, – объяснил Артему товарищ майор, встречая на пороге. – Зови меня Глеб Иванович. А ты кто?

А Артем уже знал, что это Глеб Иванович. Голос его хриплый и низкий знал. И ботинки шнурованные.

– Колесников Федор.

Как в паспорте, который ему Дитмар выдал.

– Ну докладывай, Федор.

Глеб Иванович был кряжистый, крепкий; мясной породы. Лобастая башка лысела, толстые губы румянились. Он был с Артема ростом – не очень, значит, высок; но шире вдвое, а здоровей – вчетверо. Гимнастерка на нем не сходилась, ворот был бычьей шее узок, и в брюках бугрилось.

Сам Глеб Иванович сел за стол, Артема оставил торчать.

– Вы не того взяли.

– Какого не того? – насторожился майор.

– Умбаха. На Театральной. Он не виноват ни в чем. Перепутали.

– А кого нужно было брать?

– Другого.

– А. Ага. И ты его пришел выручать?

Майор сразу заскучал.

– Он не диверсант никакой. Он инженер из театра, – сообщил Артем.

– Ну а признался, что диверсант.

– Так ведь... Наговорил он. Он наговорил на себя.

– Это уж его беда. У нас все подписано.

И что дальше?

Комната была просторная, но простая до строгости. На полу линолеум свертывается, в углу сейф серым кубом, стол разве вот богатый, трофейный – и сдвоенный профиль на стене. Все.

А нет, не все.

Что-то тикало еще. Артем оглянулся: сзади, над входом – висели часы. Недавно только им виденные – совсем в другом месте. Простые часы: стекляшка в синей пластмассе. На циферблате щит изображен, и в него воткнутый меч, и еще буквы в строчку – все заглавные, через дефис. «ВЧК-НКВД-МГБ-КГБ». Было без десяти минут десять.

– Спешешь куда, Федор? – спросил его майор. Ухмыльнулся. – Опаздываешь?

– Часы интересные.

– Часы что надо. И я вижу на этих часах, что меня ждут дела. У тебя все, Федор? Я бы с тобой попозже продолжил.

– Мне с ним надо переговорить.

– А вот этого никак не получится сделать. Он тебе кем приходится? Родственник? Или коллега?

– В чем он признался? Он не диверсант. Он на Рейхе и не был никогда. Это не его вы искали. Другого.

– Нет, Федор. Мы искали его. Петр Сергеича. И Рейх тут ни при чем. Вот, – майор помахал какой-то жирной бумажкой. – Ориентировка. Из центрального аппарата. Центральный аппарат ошибаться не может.

Значит, это не за ним, не за Артемом, приходили? Умбаха сам виноват?

– У тебя все? – Глеб Иванович поднялся. – А то у меня на десять назначено.

Он нагнулся к сейфу, поколдовал, скрипнул заслонкой; и вытащил черно-серый тусклый от царапин револьвер.

Тут Артем вспомнил, что именно у майора назначено.

– И что... Что теперь с ним будет, с Петром Сергеевичем? – спросил он пересохшим горлом.

– К высшей мере, – приговорил майор. – Ладно, Федор. Дождись завтра. Завтра с тобой будем еще разговаривать. Чувствую, разговор у нас некороткий выйдет. Что-то ты хочешь мне сказать, а мнешься. Надо тебя расшевелить как-то, а со временем сегодня, как назло, туго. Дела.

Он пошарил там же, в сейфе, достал из коробки пригоршню медных болванчиков, насыпал их по столу. Выкинул у револьвера барабан, стал фаршировать его тупоголовой смертью. Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь. И еще осталось.

– Его нельзя стрелять! – крикнул Артем. – Умбаха!

– Почему?

– У него сведения... Он радист. И он знает что-то...

– Все, что он знает, знаем и мы, – успокоил его майор. – От нас секретов быть не может. Все. Иди, пропись. Тут меня... люди ждут.

Глеб Иваныч почесал, погладил себя по напряженному гульфику, потянулся сладко.

– Да вы представления не имеете! У него информация! Ценная... Он... – Артем укусил себя за губу, в последний раз взвесил. – Он выживших нашел! Связался! С другими! Понимаете? С другими выжившими! Не в Москве! – он заглянул майору в его широкое ровное лицо.

Ничего там не изменилось и не подвинулось.

– Херня какая.

Потом улыбка по губам тенью прошла. Глеб Иваныч рукой поправил волосы. Вид у него был мечтательный. Ждал он, ждал вечера, ждал десяти часов, и ждал того, что будет после – назначенного свидания с красивой своей сучкой в балетной пачке. Вот об этом ему хотелось думать.

Артем вскинул скованные руки.

– А если есть еще какие-то места, где можно жить? Если мы не должны, не обязаны тут в метро... До конца... А? И он – он! – может это знать!

Майор взвесил в руке револьвер, зажмурил глаз, поглядел на стол через мушку.

– Вот качество, – задумчиво произнес он. – Из него, наверное, сто лет назад еще расстреливали. А все равно... Надежней нагана машинки нет. Особенно для этого дела. Не заклинит, не перегреется.

– Ты что, не слушаешь меня?! – взбеленился Артем. – Или ты знаешь что-то?!

– Ладно, хватит. Конвой!

– Нет, не хватит! Если ты его расстреляешь сейчас, мы никогда, ничего... Никогда!

– Конвой, бля! – рявкнул майор двери.

– Никогда! Он – единственный, понимаешь ты? Больше никому не удавалось! Найти, связаться... Его нельзя убивать!

– Нельзя все-таки?

– Нельзя!

– Ценная информация?

– Да!

– Выжившие!

– Выжившие!

– Ладно, идем.

Майор схватил Артема ручищей за плечо, гидравлическим прессом, пнул дверь, вывел в коридор. Конвой подбегал, виноватый и испуганный, допыхивая самокрутку, но майор только сунул ему вороненый ствол в рыло и оттолкнул.

Вытащил из кармана связку ключей, позвенел ей у какой-то двери. Шваркнул ей, втолкнул Артема в камеру. Там сидели семь человек, бледные и потные.

– Умбах!

– Я.

Вислоусый Петр Сергеевич поднялся, глядя ищуще и беспокойно. Он весь был перемазан бурым, подсыхающим; переносица вскрылась, и рот щербился. Голову он чуть запрокидывал, чтобы из носа не текло.

То тень мелькнет через его лицо, то света пятно: чего ждать?

Майор вскинул револьвер к его лбу и сразу по ушам хряснуло, молотом врезало, и приснуло мелким красным вокруг, на руку ему, на лицо, на гимнастерку. Умбах ослаб и сел на пол, стал как мешок с песком. Остальные бледные зажали уши, баба завизжала. Стена вся была в мокрых блестящих ошметках. Засунул голову в камеру тюремщик, ругнулся неслышно, что-то неслышно спросил. В ушах надрывно звенело.

Майор схватил Артема за плечо и выволок в коридор, хлопнул дверью. Зарычал сквозь звон:

– Кому нельзя? Мне? Мне нельзя? Сучонок ты мелкий! Мне – нельзя?!

Тошнило, крутило.

Артем сглатывал, держал в себе. Выблюет – покажет слабость.

– Выводите расстрельных! Сколько можно! – крикнул еле-еле сквозь звон майор тюремщикам. – Сколько их там у нас?

– Семеро было с Умбахом.

– Как раз, значит, барабана хватит. И камеру замыть!

Майор сделал шаг и встал прямо у Артемовых глаз. Подбежавшим из караулки сказал:

– За мной его!

Вернулись в кабинет.

– Ты говоришь, не надо. Надо! Надо вас расстреливать. И прилюдно. Полезная штука – расстрел. А то каждый, блядь, думает, что он – главный герой, что это кино про него снято. А на, погляди, как люди мешками с говном становятся. Чик! И готово. И не будешь столько о себе воображать!

Он взял со стола ничейный патрон и сунул его Артему под нос.

– Гляди. Это для тебя. Хотел с тобой завтра разобраться без спешки. С бреднями с твоими. Но ты прям на рожон лезешь.

Выдернул барабан, загнал в него Артемов именной.

– Этого к остальным!

– Нет, – Артем замотал гудящей головой. – Нет!

– Пшел!

– Сегодня... Сейчас... Рейх... Будет... На Театральную...

– Пшел, тварь!

– Умбах... Он их агент. Был. Я должен был... Вытащить его. Отсюда. Я тоже... Тоже дивер... сант.

– Болтун ты...

– Стой. Стой. Все врал про радиста. Не убивайте. Я правда. Клянусь... Там сейчас две... группы. Минируют переходы.

Глеб Иванович наконец повернулся к нему.

– Зачем?

– Будут Театральную брать.

– Ну?

– У них в туннелях стоят штурмовые бригады. Наготове. И две диверсионные группы на Театральной. Будут взрывать переходы к вам сюда. И когда отрежут Театральную... Через пять минут... Будут там.

– Умбах что? Зачем он?

– Он радист. Должен был сигнал к началу получить.

- А ты?
- Я при нем. Связной.
- Кто задание давал? Тебе – кто?
- Дитмар.
- Знакомы.

Майор окаменел. Часы над головой у Артема считали: ц-к, ц-к, ц-к. Такие же точно часы, как у ганзейского майора. Только окончание у аббревиатурной истории ВЧК было другое, преждевременное.

– Ну ведь ты тут. У нас. И Умбах у нас. Значит – они пока ждут. Сколько будут ждать?

– Должны были до окончания спектакля ударить. Если затянуть... Пошлют кого-нибудь проверить. И все равно рванут.

Ц-к. Ц-к. Брови у майора сползли.

– Остальных знаешь в лицо? Из тех двух групп?

– Знаю. Старших.

– Поможешь?

Он кивнул раз проржавело, натужно.

– Так быстро не успеем собрать людей... – сказал вслух майор. – Надо время потянуть. Надо потянуть время.

Хотел подсказать майору, но боялся: тот ведь нарочно сделает наоборот. Должен сам. Думай, думай, майор. Ну?!

– А если дезу им? Что группы уже нейтрализованы?

– Как? Не успеть.

Артему хотелось зажмуриться, спрятаться, запахнуть нутро, чтобы майор его намек, его мольбу не разгадал; но он заставил себя держать глаза выпученными, как будто он сам приглашал Глеба Ивановича в себя. И тот влез в Артема через зрачки, раскорябал роговицу, пообтер и испачкал там все мелкими брызгами Петра Сергеевича.

– Пароль, отклик для радиообмена есть у тебя? – в конце концов решил он.

Артем молча наклонил голову. Потом осторожно вернул ее обратно. Боялся спугнуть майорово решение – единственно Артему спасительное.

– Пошли.

Через коридор, мимо отпертой уже камеры, где стояли смертники, пятались в пол, в стены, словно спешили спрятать и сберечь свои души в кафельных швах, под линолеумными отворотами, проследовали в другую комнату, с надписью на двери: «Связь».

Стал по стойке «смирно» заморенный связист с заячьей губой. Стол с телефоном, зеленые ящики с тумблерами и стрелками, наушники.

Конвоир встал в дверях, Артема пинком пригласили к аппарату. Но до этого Глеб Иванович снял телефонную трубку, попиликал кнопками.

– Алло. Это Свинолуп. Да, Свинолуп. Мне Анциферова.

Артем поплыл. Часы-близнецы наложились на дурацкую и нечастую фамилию. Не могло быть такого совпадения. Совпадения – не могло.

Тот был Борис Иванович. Этот – Глеб. Отчество одно. Похожи между собой они были мало. А все равно поверилось сразу, хоть и фантастика.

– Да, товарищ полковник. Тут деятель у меня сознался. Говорит, Рейх собирается Театральную брать. Сейчас прямо.

Голос. Голос Артем узнал – там, под сценой лежа, потому что голос у братьев был один на двоих. Слова они этим голосом произносили разные, и разные из них собирали предложения; и разные у них были мундиры, и часы у них в разных временах остановились. А голос все равно был один.

Глеб был, наверное, старшим. Казался старшим. А у Бориса, значит, служба быстрее шла. Как с ними это случилось, подумал Артем зачем-то. Вместо того, чтобы подумать, не лопнет ли белая нитка, по которой он собрался над пропастью идти. Как у них, у двух братьев, случилось оказаться в одном звании по разные линии фронта? Знают они друг о друге? Должны. Не могут не знать. Воюют? Ненавидят друг друга? Пытаются умертвить? Играют? Что?

– Даете добро? Есть. И как раз успеете тогда подкрепление нам... Да. Согласен. Не мы это начали. И я тоже не вижу другого... Есть. Принято.

Артем ждал тихо, больше даже не думал, чтобы шумом мысли не спугнуть севшую ему на плечо волшебную жар-птицу, удачу. Один шанс был на тысячу.

– Частота какая?

Криворотый связист сел к радио; Артем выдал ему частоту. Пошли шерстить эфир. Наушники Артему водрузили на голову косо: один ухо прикрывает, другой к людям развернут.

– Антенны вы наверх вывели? – спросил он. – Как отсюда ловится?

– О своем лучше думай, – посоветовал ему Свинолуп. – О нашем.

– А вы... Вам никогда не удавалось... Другие города услышать?

Связист, будто это его спрашивали, покачал головой.

– Нет никаких других городов, пацан, – сказал майор. – Забудь.

– Но люди же приходят... Были ведь люди из других городов? Приходили в метро.

– Враки.

– А их устранили. Ваши же.

– Тоже враки.

– И тех, кто об этом болтал...

Глеб Иванович сощурился. Постучал стволом по железному ящику.

– Не хера потому что вранье пересказывать! Сидим тут и сидим! Душу баламутить зачем людям? Пускай мечтают, о чем сказано мечтать. О том, что победим Ганзу, всех буржуев поставим к стенке и тогда будет в метро коммунизм. И грибов всем полная норма. Тут будет хорошо. Здесь. У нас. Родину любить нужно, понял? Где родился, там и пригодился.

– Я наверху родился.

– А сдохнешь снизу!

Свинолуп хлопнул его по плечу и гоготнул. Это была первая его шутка.

Из эфирной каши высунулся голос. Майор кивнул Артему, подвел дуло к его голове, поощряя, наставляя.

– Дитмар.

– Это сталкер.

– О! Сталкер. Ну как?

– Ландыши распустились.

– Значит, весна.

Ствол влез Артему в свободное ухо, холодный, железный. Прямо в слуховое отверстие. Волновался, хотел понять, не обманывают ли.

– А мне больше зима нравилась.

– Ну иди, прячься.

Пытался скоситься на Свинолупа – но револьвер не пустил. Надо бы было считать, но не получалось. Ствол, оцарапав, втиснулся в дырку; заткнул ухо.

– Что за херня? – через дуло в мозг проскрежетал ему майор.

– Отзываем операцию, – сказал Артем. – Дитмар, отзываем...

И тут – за один миг.

Грохнуло!!!

Подскочило все, потолок распался, ввалилась пылюга, повисла в воздухе, мигнул и исчез свет, все ослепло, оглохло.

Артем один этого ждал. Только этого и ждал он.

Нырнул вбок, скованными руками рванул за ствол и выдернул из ослабивших хватку толстых пальцев, отскочил вбок.

Проморгался свет.

Конвоир валялся на полу, придавленный бетоном. Свинолуп, посеченный каменной крошкой, кровотока, шарил вокруг. Связист так и сидел, не соображая, над своей аппаратурой.

Крики пробились через вату... Топот.

Свинолуп наконец увидел Артема.

– Руки! Руки!!!

Майор поднял их лениво. Глаза у него бегали. Искал уже, как подобраться к нему половчей.

– Встал! На выход! Живо! Ну?!

Наган сидел в руке неудобно, нехорошо, как чужой.

– Это чего такое было? – спросил у него Свинолуп, еле шевелясь.

Назло, скотина.

Артем потянул крючок: туго пошло. Курок отстал, замахнулся.

– Встал!!! Па-шшол!!!

– Это где рвануло?

Дожал: громынуло еще раз, но уже не так больно, как в камере, когда Умбаха убивали. Уши забились уже. Свинолуп взялся левой рукой за пятно на правом плече. Наконец послушался, встал. Перешагнул через конвоира, выглянул в коридор.

Там колупался еще один тюремщик пришибленный, дернулся было со своим автоматом, Артем наугад выстрелил ему куда-то в живот, пнул автомат в сторону.

– Ключи у кого?! Ключи от камер у кого?!

– У меня есть.

– Открывай! Открывай всех! Где тут этот... Который про выживших врал? Зуев! Где он?!

– Его нет. Услали на Лубянку. Запрос на него пришел. Нет его!

– Иди сюда. Сюда. Где моя камера? Это? Открывай!

Майор повозился с беззвучными ключами, отпер. Накрашенная Юлька и угрюмый харкун были живы-здоровы.

– Выходите! Бежим отсюда!

Свинолуп скривил рожу.

– Куда это еще? – спросил Андрюша.

– Куда?! На свободу отсюда!

– Да куда они с тобой не побегут, – сказал Свинолуп.

– С Линии! Я вас вытащу отсюда!

Юлька молчала. Мужик похлопал припорошенными глазами. Соображал что-то и воздуху набирал. А потом – не закричал даже, а заорал.

– Отвали, мурло! Мурло, провокатор! Отвали! Мы никуда не пойдем! Мы тут живем! Тут!

– Усек? – спросил Свинолуп, ухмыляясь. – Вот к Родине-то любовь.

– Да вас к стенке поставят тут! Он и поставит! Этот же! Свинолуп!

– Иди на хер! Сядь, Юлька, что вскочила, как дура?!

– Правильно, – сказал Свинолуп. – Вот все правильно. А ты, сосунок...

Артем озверел.

– В камеру зашел! Зашел! Они тебя боятся! Ключи сюда! Бросай! Он никуда не денется отсюда, ясно? Все, вот он! Пойдем! Как тебя? Андрей. Я вас вытащу отсюда! Вытащу, ну? Быстрее! Времени нет!

– Мы не пойдем, – отказалась вслед за мужем Юлька.

– Дурак ты, Федор! – засмеялся Свинолуп. – Утырок зеленый... Это же кролики! Смирные! Куда они побегут?!

– Какие еще кролики?!

– Смирные! На, смотри!

Свинолуп задрал Юльке платье, сдернул с нее колготки штопанные вместе с трусами, показал рыжий пух. Та только спрятала рот в ладони.

– Ну?! – крикнул он в Андрюшу. – Ну?! Что стоишь?!

И ручищей своей сжал Юлькину дряблую задницу. В промежность ей сунул пятерню, взялся там.

– Что?! Стоишь?!

Андрюша лупился в пол.

– Говно! – Свинолуп дал ему пощечину левой – и свалил его этой одной пощечиной на пол. – Иди, говно! Беги! Хватай жену свою драную и беги! А?!

Андрюша отполз к скамейке, сел, взялся за щеку.

Юлька тихо выла. Тушь текла.

– Никто за тобой не пойдет!

– Врешь, паскуда. Врешь!

Кто-то бежал по коридору, бухал сапогами. Неужели подкрепление прибыло уже? Артем пальнул туда, в пыль. Там пригнулись, спрятались, или умерли по случайности.

Где тут смертники были?

Скакнул – нашел камеру. Дверь распахнута. Конвоя нет. Все стоят внутри. Шестеро. Две бабы и четверо мужчин.

– Бегите! Бежим! За мной! Вытащу вас!

Никто не верит. Никто не двинется.

– Вас же расстреливать... Вас к стенке всех! Ну?! Ну?! Чего боитесь? Что теряете?!

Ему даже не отвечали.

Покачиваясь, двигался к нему по коридору Свинолуп. Нюхал руку. Улыбался.

– Кролики. Кро-олики. Эти разок попытались уже. Знают, чем кончится.

– Ты паскуда.

– Ты поди, все камеры открой. Давай, пацан. Освободи их. У тебя же вон – ключики, ствол. Ты хозяин же. А?

– Заткнись.

Свинолуп подошел вплотную – грязный, жуткий, кряжистый – и Артем сделал шаг от него, и еще один.

– Никто за тобой не пойдет. Свобода, блядь. Герой, блядь, освободитель.

– Он вас на расстрел вел! – крикнул Артем приговоренным. – Уже! Сейчас!

– А теперь простят, может? – пробубнил кто-то. – Ведь мы вот, мы никуда.

– Может! – поддержал Свинолуп. – Все может! Понял, ты, говно?! Ты понял?! Ты все понял?!

Артем выстрелил ему в грудь, в середину выстрелил этого человека, и пулька увязла в нем, и он отшатнулся, и опять засмеялся. Тогда Артем выдавил ему еще одну пулю из чужого, неверного револьвера – в живот. Не мог выстрелить ему в лицо, в глаза не мог посмотреть Свинолупу. В его уверенные, наглые, хозяйские глаза.

Тот все же упал нехотя.

– Ну?! – повторил Артем смертникам. – Все! С ним все! Пошли!

– С этим-то все. Другие есть, – пробубнили ему. – Куда бежать-то тут? Некуда.

Сверху кричали, лаяли командами. Сейчас спустятся.

– Ну и оставайтесь! Вы! – заорал им Артем. – Ну и дохните тут! Хотите дохнуть – дохните! Как говно!

Он сунул наган стволом в штаны, подобрал у подстреленного конвоира автомат, поискал ключики от наручников, но снять не успел – уже бежали навстречу. Полоснул из автомата, пробрался через коридор целым, вскарабкался по лестнице, выскочил в зал.

Там был дым, грязь, сутолока.

Оркестр продолжал греметь и веселить, как на «Титанике».

Мина рванула там, где Артем ее установил – в нижнем конце эскалатора, с обратной стороны заслонки, ровно над камерами. Но не завалило – наоборот, вырвало ворота, как он и надеялся.

Хорошо, станция неглубокая, сигнал пробился. Хорошо, Дитмар не доверился наемнику: мину вручил не с таймером, а радиоуправляемую.

Добрался до пролома, отпихнул копошащихся, белых от пыли спасателей – и рванул по ступеням вверх.

Кроме него, эта мысль тут никому в голову не пришла.

Глава 11. Осадки

Что-то ему кричали, когда он бежал по эскалатору. Но Артем не обернулся назад ни разу. Вдруг в спину испугаются стрелять, а в лицо выстрелят?

Оказался у турникетов, у касс; там, где выбирал себе путь в театр.

Внизу глухо гремело. Как будто где-то глубже, чем метро, вскипала продырявленная людьми земля, как будто лава разъедала ее тонкую корку, чтобы забрать станции и туннели. Как будто. А на самом деле это – на Театральной шла война. Война, начало которой Артем скомандовал. Может, гибли сейчас там этот дурак-режиссер и его звезда-поблядушка: в эту самую секунду умирали, может. А он, Артем, был опять вот жив.

Он сел и сидел тут, приткнувшись на холодных ступенях, хотя нужно было уходить, убираться отсюда, пока война не поднялась, не выплеснулась из эскалаторных кратеров наверх, сюда, и не обварила его.

Не мог просто пока дальше идти. Нужно было... Нужно было подождать чуть-чуть. После Умбаха. После всего этого подпола. После Свинолупа. После смертников в камерах. После Умбаха опять. Чутьчку побыть тут просто, посидеть на холодном. Послушать эхо того, что творилось там, внизу, уже не с ним.

Вспомнил про наручники, потыкался в них ключиком, сорвал.

Трясло. Потом чуть отпустило.

От турникетов поднялся к выходу. Толкнул дверь.

И только когда погладили его ветром по груди, но ногам, по щекам, понял: вышел без химзащиты. Наверх – без скафандра!

Нельзя. Нельзя. И так надышался уже дряни.

Он обогнул здание, рассчитывая встретиться с настоящим Федором Колесниковым. У Федора в тот раз еще много полезного оставалось: костюм, например.

Но там, где Федор сидел, теперь ничего не было. Кто-то Федора утащил вместе со всеми его пожитками. А Артем стоял на земной поверхности в портках и куртке: без панциря, голый.

И тогда он пошел голый.

Странное это было чувство.

В последний раз он без химзащиты наверху оказывался когда? Когда ему четыре годика было. Когда мать пробивалась с ним на руках в метро. Но этого дня он не помнил. Помнил другой: с мороженым, с утками на пруду, с асфальтом, изрисованным цветными мелками. Так же – или по-другому? – тогда майский ветерок шутиливо дул в лицо, щекотал под коленками?

И теперь вот ветер поднимался. Спускался с неба к Артему, бежал, распевая, по переулочкам, спрятанным за парадными фасадами, летел навстречу, омывал лицо. Что он с собой нес?

Проскользило что-то тяжелое в штанах, оцарапало ногу, зацепилось в штанине, держась за Артема, как паразит за хозяина; наконец выпало, брякнув, на мостовую.

Револьвер черный.

Артем нагнулся, поднял его. Осмотрел, ощупал. Странное оружие. Будто из магнита сделанное: трудно отпустить. А держать больно.

Он размахнулся и зашвырнул его куда-то к Кремлю. И вот тут только его отпустило. Начало отпускать.

Мурашки пошли.

Надо бы было бежать скорей, прижимаясь к домам, в ресторан, где под стол забился один из четверых сталкеров, тот, который догадался свернуть с улицы, спрятаться от преследователей. Надо было раздевать его, опухшего, поспешно, мерять на себя его растянутое шмотье,

дышать воздухом, которым он недодышал, и глядеть на Тверскую через его противогазные окуляры. Надо, чтобы выжить еще раз, чтобы жить.

Но Артему сейчас не могло, не имелось права – смотреть на город через заплеванное и протертое стекло. И дышать пылью через банки фильтров.

«Жить» для него сейчас стало, хоть ненадолго, хоть на полчаса, хоть на десять минуток – это вот так, в обычной одежде, без тесной резины – шагать по полночной улице, как он шагал за ручку с мамой двадцать лет назад; как двадцать лет назад все люди ходили.

Или как двадцать семь лет назад, но такой же, может, ночью, и вдруг даже вот по этой же самой улице – его мама в обнимку гуляла, юная и обязательно красивая – с еще несбывшегося Артема безымянным отцом. Кто он был? Что он говорил ей? Почему ушел? Каким бы Артем вырос, если бы отец остался?

Артем как-то привык уже потому ненавидеть его, что маму свою обожал безоговорочно. Однако Сухой вот на место отломанного отца прирасти не смог. А больше некому и пытаться было.

Но вот сейчас...

Сейчас Артем мог представить себе, как этот человек шел рядом с его матерью. Обычно: взял под теплую живую руку и пошел, болтая о всякой всячине. И дышал он так, как Артем сейчас дышит: не хоботом складчатым, и даже не носом, а – всем телом, каждой порой. И слушал ее, эту девушку, всем телом сразу, как слушают в самом-самом начале, когда друг к другу еще только на ощупь осторожно тянутся.

Его отец был живой человек, и мать была живой человек, понял сейчас Артем. Такие же живые люди, как он сам.

А он сейчас был очень живым.

Только что он должен был неизбежно умереть, и видел даже ту самую пулю, которой назначили его жизнь порвать, и чужая смерть брызгала на него в доказательство того, что люди вполне могут умирать, и умирать мгновенно, глупо и без всякого смысла.

А сейчас – жил. И никогда еще не был более жив и более взаправду, чем сейчас. Внутри что-то распускалось в Артеме; словно до этого у него сердце было сжато, как кулак. А теперь вот чуть разжималось.

Высвобождало его понемногу.

Смог ведь он представить себе, как отец шел рядом с матерью; и ему не хотелось вмешаться, втиснуться между ними, отпихнуть его от нее.

Пусть идут себе двадцать семь лет назад, пусть дышат себе, как он сейчас дышит. Пусть радуются друг другу, сколько смогут. И пусть все же он появляется на свет. Сюда, наверх.

Как будто там, под землей – это все бред был, долгий тифозный бред, вязкий, топкий, и вот только сейчас начинается настоящее, действительное.

Поверилось от ветра: впереди – что-то удивительное. Все самое потрясающее у него – еще только впереди.

Артем миновал Тверскую. Двинулся дальше.

Прямо посередине улицы, промеж сцилл и харибд всяких кремлей, дворцов, государственных дум – бесшабашно; плевать, что отовсюду могут высунуться, нагнуться к нему, сожрать – гулял; просто гулял. Выбросил из головы и тех, кто гнался за ним по Тверской: случилось в первый раз чудо, пощадили, и сейчас случится.

Наверное, у Артема не тут конечная, не на Театральной; не тут его пункт назначения.

Правительственные здания – напыщенные, на века построенные – больше не казались гранитными надгробиями, могильный дух ветер развеял. Стало от них не жутко, а жалостливо. Вот они стоят в ночи, пустые: наверное, жалеют, что прожили дольше, чем все, для кого их строили. Как старики, которые своих собственных детей больно и страшно переживают.

Лизнуло что-то руку.

Еще. Теперь в нос лизнуло.

Дождь.

Начинался дождь.

Он был такой же вкрадчивый и ядовитый, как воздух тут, наверху: на вкус – вода; но и воздух на вкус был – жизнь, а скольких сгубил. Конечно, под этим дождем нельзя было раздетым идти. А Артем вот шел и почему-то был этому рад. Зашагал даже медленней: захотел вымокнуть.

Дождь...

Артем остановился, запрокинул голову, подставил ему лицо.

И вдруг представилось.

Улицы, по которым прохаживаются неторопливо удивительные гиганты в ярких, пестрых одеждах. Пузатые белые самолеты, летящие низко, над самыми крышами домов – не всамделишные самолеты, а придуманные кем-то: вместо плоских алюминиевых распорок, которыми настоящие самолеты за небо цеплялись, у этих были – прозрачные, трепещущие крылья, как у стрекоз, что ли? И не неслись они, а парили. Машины: не эти ржавые консервы, в которых мертвецов, как кильки, и не то, чем они раньше были; а – смешные крохотные вагончики, точь-в-точь вагоны метро, только всего на четыре места.

И там тоже, в этом мире странном – дождь. Теплый и ласковый.

Откуда это ему явилось все? Воспоминание? Нет, этого мира никогда не было. Тогда что? Защемило, затомило в груди. Артем отер капли с лица.

Как будто бы приснилось. Как осколок сна вышел наружу; и воспалил ткани там, где выходил. Кто это? Чье это? Артем замер, боясь спугнуть.

Не его это мечты. И сны такие – ему зачем? Кому вообще такое могло присниться? Маме его? Нет. Нет. Что-то другое.

Закинул автомат за плечо, подставил тучам ладони ковшиком, они наплакали ему немного; он промыл глаза отравой, чтобы снаружи ослепнуть, а внутри прозреть.

Нет. Не могло вспомниться. Странно как.

Артем зашагал дальше – мимо «Националя», мимо университетских факультетов онемевших, мимо памятников, которым памяти еле-еле на полпоколения еще хватит, мимо башен бессмысленных, ничего уже не значащих, мимо стен, на которые никто приступом больше никогда не пойдет – туда, вперед, к Великой Библиотеке. К тому, что под ней.

К Полису.

Могло бы от этого слова сейчас свое прошлое нахлынуть, вернуться. А перед глазами все равно стояла эта невозможная ерунда, эта красивая глупость – стрекозиные самолеты и великаны в смешных вагончиках.

И никак уже было от этого чужого не отделаться, не отвязаться.

Что это?

* * *

В ворота Артем позвонил особым, тайным сигналом. Так звонили, возвращаясь из вылазки, сталкеры, нанятые, чтобы грабить Великую Библиотеку. Иногда они стояли у этих ворот и звонили левой рукой, потому что правой придерживали свои выпадающие кишки. Иногда звонить мог только один из группы, доташивший сюда, к воротам, остальных – еще раненых или уже успевших по пути околеть. Иногда сил и крови в нутре хватало только на один хитрый звонок. Поэтому тем, кто его знал, на Боровицкой открывали сразу.

Открыли и Артему.

Даже те, кто отодвигал в сторону заслонку гермоворот, собираясь показаться в вестибюле Боровицкой всего на минуту, были затянуты в брезент и резину. Знали, чем рискуют.

И на Артема – вымокшего под дождем, в портках и в куртке, темных и липнущих к телу – смотрели через свои противогазные иллюминаторы как на чудо, как на дикаря, как на самоубийцу. Наставили стволы, обшарили. Отняли автомат. Поднесли дозиметр, дали ему обнюхать Артема. Дозиметр забился в истерике.

Артем стоял, подняв руки, улыбаясь.

– Говорить умеешь? – спросили у него.

Он поймал в кадр того, кто обращался: зеленого слоника с запотевшими от удивления кругляшками.

– Умеешь? Говорить? – медленно повторил слоник.

Стало смешно, но Артем прикусил язык. Люди нервничают: мало ли кто приходит к ним сюда?

– Мельнику позвоните. На Арбатскую. Скажите, Артем.

– Документы есть у тебя?

– Мельнику скажите. Скажите, его Артем. Он знает.

А они знали Мельника – как все тут.

Подальше, как от чумного, от Артема держась, его ввели внутрь. Высекли его струей из брандспойта, смывая всю дрянь. Одежду отравленную отобрали. Сами разоблачились. До караулки вниз вели голым, а там выдали чью-то форму. Стали звонить на Арбатскую, не спуская с Артема глаз.

– Ну и духан у вас тут стоит, – сказал он им.

– Да пошел ты, – буркнул ему один из встречавших. – Нормально пахнет. Никак.

– Ясное дело, – улыбнулся ему Артем.

– Ты бухой, что ли?

Тот, что ждал с трубкой у уха, оглянулся на него с сомнением: стоит ли верить, нужно ли тревожить Мельника, не лучше ли этого подозрительного в карцер, пока суть да дело? Но на том конце уже ответили.

– Да. Полковника Мельникова. Застава «Бор-Верх». Знаю, что поздно. Нет, это срочно.

Как тогда, подумал Артем.

Как в тот самый, в первый раз. Когда он шел в Полис, чтобы предупредить о черных. О жуткой угрозе ВДНХ, всему метро и всему человечеству. Дурак. Тоже Мельникова и тоже «Бор». Как вчера и как век тому назад. За эти неполных три года он прожил больше, чем за предыдущие двадцать четыре.

– Мельник, – клацнуло в динамике.

И сразу ушел бездумный настрой. И снова накатило, сжало кишки. А если Мельник не признает его?

– Тут чудак какой-то. С поверхности голый пришел. Ну без химзы, как. Да! Говорит, Артем. Просто Артем. Да. Ваш Артем. Ну ваш, то есть, товарищ полковник. Так сказал.

В трубке перестали скрежетать, замолчали.

А если он откажется от Артема? Ведь не он звал же его сюда. За эти два года ни разу не послал за ним. Не справился даже, как там Анечка его. Как отрезало. Зря Артем ждал.

– Я занят, – шипастой шестерней провернулось на том конце.

– Можно трубку? – не выдержал Артем.

Караульный нехотя подпустил его.

– Святослав Константинович. Это Артем. Анин муж.

– Артем, – повторил за ним ржавый, надломленный голос. – Ты зачем пришел?

– Скажите им, чтобы впустили, Святослав Константинович. Я без резины, без документов.

– У меня тут ЧП. Не могу разговаривать. Надо идти.

– Мне обратно лезть, вверх?

Трубка опустела. Караульные слушали ее вместе с Артемом, но там шипела тишина. Та же, что и в последние два года. Мельник не хотел ему отвечать. Начальник заставы сжал и разжал пальцами невидимый фонарик-жучок, требуя от Артема вернуть телефон. В караулке стало чуть темнее.

– ЧП – это на Театральной, да? – спросил Артем.

В телефоне нехотя проснулись.

– При чем тут Театральная? На Охотном ряду взрыв. До Полиса – один перегон. Надо выяснять, что...

– Охотный ряд – ерунда. Я только оттуда.

– Какого ты черта там...

– А вы... Вы про Театральную не знаете еще ничего? Про вторжение? Не доложили еще?

– Какое еще вторжение? Ты что несешь?

– Скажите, чтобы впустили меня. Я по телефону не буду. Вам – расскажу.

Стукнуло: Мельник положил трубку на стол. Донеслось, брошенное в сторону: «Анзор! Что там со Смоленкой? Выдвинулись они? Да, идем! Бери Летягу! За мной через минуту!»

Артем вцепился в разогретый пластик.

– Свято...

– Ладно. Давай старшего сюда. Через десять минут на Библиотеке.

* * *

Полис.

В московском метро были станции, жившие сыто. Немного – но имелось. В сравнении со станциями нищими, дикими или заброшенными они казались раем. Но в сравнении с Полисом оказывались свиным хлебом: сытым – правда.

Если у метро было сердце, сердце его было здесь: вот эти четыре станции – Боровицкая, Александровский сад, Библиотека имени Ленина и Арбатская, связанные сосудами переходов.

Только тут люди не хотели отказываться от того, чем были раньше. Зазнавшиеся университетские профессора, академики забубенных наук, глупые книжные люди, артисты любые, кроме площадных – на прочих станциях всем им было уготовано: жрать дерьмо. Никому они, избалованные лентяи, были не нужны. Их науки в новом мире ничего не объясняли, на их искусство ни у кого не хватало терпения. Или ступай грибы чисти, или туннели стереги. Можешь еще крутить педали, потому что в метро свет – это просто свет, а знаний тут каждому и без тебя хватает. И не говори слишком сложно, не пыжься, если не хочешь схлопотать.

Вот так – везде, кроме Полиса.

А в Полисе их как раз привечали. Подкармливали. Давали им себя почувствовать людьми: помыться, синяки подлечить. В метро многие старые слова теряли смысл, становились ореховой скорлупой с истлевшим в чернь ядром: например, культура. Слово есть, а раскусишь – гниль одна на языке и горечь. На ВДНХ так, на Красной Линии так, на Ганзе.

Но не в Полисе. Тут это слово еще сладким отдавало. Его тут и сосали, и грызли, и амбары полные запасали. Не грибами же едиными, в самом деле.

Станция метро Библиотека Ленина имела верхние выходы прямо в здание самой Великой Библиотеки, когда-то Российской государственной; и чтобы оттуда никто в метро не прорвался, выходы эти были давно и прочно замурованы, а попасть сюда можно было только через боровицкий вестибюль. Рядом совсем: поэтому Артем с провожатыми явился на Библиотеку Ленина еще раньше, чем десять минут Мельника истекли.

Библиотека Ленина была совсем старинной; будто метростроевцы ее не сами возвели, а при прокладке туннелей наткнулись в московской глине на древнюю усыпальницу чью-то и раскопали ее, приспособив для своих метростроевских нужд. Зал тут был для метро неподходящий: высоченные потолки, широкие своды, воздуха слишком много для пассажиров метро; строили и не боялись, что глиняная толща задавит эти своды, обрушит их. Новые станции почти все были спрятаны в узкие и низкие туннели, в панцирь из тюбингов, чтобы земля, сев на них, им хребет не сломала. Чтобы бомбы сверху не достали. А тут еще о красоте думали, когда строили; как будто она могла мир спасти.

Свет здесь горел ярчайший; полыхали все до единой лампы, белые шары под двухэтажной высоты потолком. Растрата, пир во время чумы: людям столько света без надобности. Но тут жгли его, не жалея – волшебство Полиса в том только и было, чтобы давать пришлым почувствовать себя хоть на денек, хоть на часик – в том, старом, канувшем мире.

И Артем тоже, как все: на секунду зажмурился, и на секунду купился.

А потом мелькнула перед глазами та картина из чужого сна, несбывшийся город наверху, почему-то напомнило. Отмахнулся от нее, отмахнулся от самолетов со стрекозиными крыльями. Хватит.

На станции был переполох.

Старички неряшливые и старушки с очками, толстыми, как лупы, сорокалетние студенты сгинувших институтов, женоподобные артисты всех мастей, брамины в халатах и с книгами под мышкой – вся эта милая вымирающая заумь – роились тревожно вдоль путей, вытягивая свои шеи, чтобы получше было видно черный квадрат туннеля, который вел к Охотному ряду. А ведь им спать бы уже: полночь на часах.

Квадрат дымился.

На его границе стояли часовые Красной Линии: до Библиотеки и сразу после нее шла ее территория, перегоны все к ней относились. Саму Библиотеку Ленина красные после войны с Ганзой обменяли на Площадь Революции.

– Что такое? Что там случилось у вас? – приставали зеваки к красноармейцам. – Что хоть рвануло-то? Теракт?

– Ничего не рвануло. Ситуация штатная. Вам показалось, – ввали часовые, хотя дым из черного квадрата им легкие ел, так что врать нужно было сквозь кашель.

– Началось у них, наверное. Наконец-то и у них народ будет свободен, – убежденно твердил один очкарик другому, оставляя оловянных красноармейцев в покое.

– Надо их поддержать. Это наш долг! – говорила возбужденная дама в цыганской юбке, накинутой небрежно на широкую корму. – Пойду рисовать плакат солидарности. Не хотите присоединиться, Захар?

– Я знал, знал, что это будет. Но что так скоро! Кончилось терпение у русского человека! – тряс указательным пальцем долгобородый старичина.

– Вот вам и равенство. Вот вам и братство.

– Видите? А ведь не случайно именно на Охотном ряду в первую очередь! Все потому что мы тут рядом. Полис. Мягкая сила в действии, так сказать! Просто вот наше присутствие, наше культурное влияние! Сам наш пример! Демократические ценности на штыке не занесешь! А наш... Дух свободы, прошу прощения за пафос...

– Думаю, мы должны протянуть им руку. Открыть границу для беженцев. Устроить раздачу еды! – выступала женщина с начесом и драматическим вырезом. – У них там голодомор, я слышала. Жуть какая! Принесу-ка из дому печенье на всякий случай, как чувствовала ведь, когда вчера пекла.

– Не будет тут беженцев, – сказал им всем Артем. – И восстания там не будет. Ничего не будет. Подымит и пройдет.

– Откуда такая уверенность? – обиженно спросили у него.

Артем пожал плечами: как объяснить?

Но о нем уже забыли; все развернулись от дымного квадрата – к мостику, поднимающемуся под самый потолок над одним из путей.

Оттуда, с этого мостика, беззвучной лавиной скатывались затянутые в черное люди. На лицах – маски, на груди – кевлар, и вороненые каски с забралами поднятыми на головах; а в руках – семьдесят четвертые АК с глушителями.

– Орден! – загудело над головами, в головах.

– Орден, – повторил Артем шепотом.

Сердце заколотилось. Засвербели сигаретные ожоги, сделанные вместо каждой из букв: «Если не мы, то кто?».

Как всегда. Больше некому.

Колонной подтекли к туннельному входу, построились. Артем пробился к ним поближе и провожатых своих подтянул. Пересчитал: пятьдесят человек. Много как. Значит, успел Мельник за это время потерянное восполнить...

Артем всмотрелся в масочные прорези, в обрамленные черным глаза-переносицы. Есть здесь его товарищи? Летягину фамилию слышал. А Сэм? Степа? Тимур? Князь? Но его никто не замечал, все глядели, застыв, в туннельную точку.

Не мог же Мельник всех заменить? Таких и заменить нечем.

Самого Мельника с ними не было. Это, наверное, отряд со Смоленской, с базы орденской, подошел. Теперь ждали командира. Он отдельно располагался, на Арбатской.

Те десять минут, которые Мельник сам себе назначил, вышли. Потом и пятнадцать. И двадцать. По колонне поползла волна: люди переминались с ноги на ногу, распрямляли спины. Все же это люди были, а не истуканы.

Наконец показался.

Один человек снес инвалидную коляску по ступеням. Другие двое – амбалы – тащили, взяв на руки, его самого. Мельника. Усадили, поправили, покатали.

На широченные его плечи был накинута пятнистая бушлат – почти естественно, почти как если бы он просто замерз. Но рука на костлявых коленях лежала только одна, левая. Правой по плечу не было, для нее и бушлат. Два года уже прошло; а он все прикрывал культю, прятал. Не хотел привыкать. Как будто рука заново отрасти может, надо просто потерпеть.

Весь строй едино развернулся на каблуках, лицом к своему командиру. Общая судорога вытянула всех во фрунт. И Артем понял, что сам тоже тянется – но понял, только когда спину с непривычки свело.

– Вольно, – скрипнул им Мельник.

Да он весь усох, пожелтел. Мясо румяное сошло. Волосы, бывшие черными с белой прострочкой, теперь выстирались, полиняли: стали сплошь серыми. Но – сейчас, когда ближе подвезли его, стало ясно – жесткости он не потерял от этого, морщины и складки его только еще четче обрисовывали; и глаза у него не поблекли. Наоборот – разгорелись.

Артем двинул через толпу к нему.

– Пропустите! Мне к полковнику...

Его тут же отсекли, отгородили черными руками. Один из двоих амбалов, не пускавших, удивился:

– Артем? Ты?

– Летяга!

Обниматься смутились, но перемигнулись потихоньку. Летяга постучал пальцем себя по нашивке на плече: «A(II)Rh-»: вторая группа крови с отрицательным резусом. Как у Артема.

Мельник через плечо полуобернулся, тоже признал.

– Сюда его.

– Товарищ полковник, – на людях обратился к тестю Артем; рука сама собой к виску взлетела.

– К пустой голове, – сказал ему Мельник.

– Так точно, – улыбнулся Артем; а Мельник ему улыбаться не стал.

– Докладывай. Что там? Теракт? Диверсия?

– Не там главное. На Театральной.

– Я тебя про Охотный ряд...

– На Театральной, Святослав Константинович. Фашисты атаковали. Забирают Театральную себе. А взрыв... Там не один. Там три. Отрезают ими Красную Линию, чтобы подкрепление не пришло.

– Ты это откуда все? Откуда про фашистов?

– Был... Был на Театральной. Бежал.

– Анзор! – Мельник махнул рукой адъютанту; бушлат от этого поехал накось и упал на гранит.

В толпе завздыхали, запоказывали на культю, заобсуждали ее с увлечением.

– Убери этих... – Мельник раздосадованно кивнул на народ.

Строй мигом распался, стал цепью, и цепь пошла растущим кругом теснить недовольных зевак дальше от Мельника и от туннеля.

– Чертова военщина! – обижались в толпе.

– Ты уверен, что они хотят станцию взять? – без доверия спросил Мельник. – Это ведь против договора.

– Говорят, если они не возьмут, красным достанется.

– Ты что там делал? – Мельник смотрел на него снизу вверх, а казалось – сверху вниз.

– Я... Можно потом сказать? Лично – вам?

– Лично мне... – он потрогал свое острое колено; ноги у него были худые, бессильные, ничемные. – Лично мне, да? Анзор! – сказал он недобро, негромко. – А ведь мы и сами могли бы догадаться, а? Про фашистов. Могли бы мы?

Из оцепления теперь наконец некоторые оборачивались на Артема, узнавая. Артему потеплело. Может, улыбались под масками. Два года не объявлялся все-таки. Но мог бы и сто два – с кем воевал, того все-таки не забудешь. Зря сомневался.

– Могли бы, товарищ полковник.

– Погоди. А если они Охотный ряд отрежут... Площадь Революции тогда тоже без поддержки будет. Там же единственный переход через Театральную с Красной Линии, так?

– Так точно, – подтвердил рыжий Анзор.

– Если это все правда, – Мельник крутанул левое колесо, сделал в раздумье полукруг. – Я бы на их месте уже и Площадь сразу оттяпал. Так одна станция в плюс, а так – две.

Точно, понял Артем. Грех не взять. Все равно крови литься. Дитмар, конечно, попробует.

– Вопрос – не велик ли кусок. А что, удалось им переходы отрезать?

– Один точно нет, – ответил Артем, сообразив.

– Ну, значит, красные будут перебрасывать силы и отвоевывать. А это что? Большая война в шаге от нас. От Полиса. По трем направлениям сразу, – он поднял левую руку, загнул на ней пальцы. – Площадь Революции – это один перегон от нашей Арбатской. Охотный ряд – отсюда, от Библиотеки. И Боровицкая – от Рейха, от Чеховской. Нас коснется. Вопрос – когда. Завтра, послезавтра, или через неделю.

Мельник оглядел своих бойцов; их хватало ровно, чтобы очистить половину платформы.

– Половину здесь оставить, – приказал он Анзору. – Половину на Площадь Революции.

И покатился сам, неровно, к лестнице.

– Святослав Константинович... Я поговорить с вами...

– Иди, – Мельник катил дальше, не останавливаясь.

Довезли его до Арбатской, где у полковника было свое помещение. По пути не говорили. Артем не хотел при свидетелях, а Мельник вообще не хотел. Артема оставил в предбаннике с Летягой; сам заперся у себя. Чужой им обоим Анзор побежал с каким-то поручением, и только тут русский Летяга Артема обнял, чуть кости ему не переломав, подмигнул косящим глазом.

– Как ты? – прошептал он.

– Скучаю, – сознался Артем.

– Обратно не возьмет? – Летяга кивнул на дверь. – За что лютует?

– Из-за Ани.

– Ну ты тоже... Ягодку его сорвал! – Летяга бесшумно хохотнул, толкнул Артема в грудь, пошатнул его. – Думаешь, он ее для таких шалопаев растил?

– А вы тут как?

– Много новых набрали. После бункера...

Переглянулись, помолчали.

– Да. Не отвечает. Отключился. В отказ ушел. Достанем, Алексей Феликсович. Вручим. Принято. Есть! – еле пролезло под дверь тихое из Мельникова кабинета.

Мелькнуло – кому это Мельник рапортует? Какому-то Феликсовичу? Мельник! Чтобы сгладить, чтобы не думали, что он подслушивает, Артем спросил про закрытую дверь:

– Как он?

– Ну как... – Летяга помялся; совсем в шепот ушел. – Перед тем, как на Библиотеку идти, решил до ветру... Приспичило. И в сортире упал с этой клятой коляски на пол. Мы, конечно, стояли там рядом... Снаружи. Хотели войти, поднять его... Ноги ведь не свои, и рука одна всего. Он как заорет – пшли вон! Десять минут по полу кочевряжился... Пока сам обратно не залез... И хер его знает, как он залез... Одной рукой. Чтобы мы его только на полу без порток не видели. Вот так.

– Да...

– Вот те и да. Ладно. Ты... Ты-то сюда какими судьбами?

– Я-то...

Артем смерил, оценил Летягу; в бункере Летяга принял за Артема пули, когда тот сидел на полу с заклинившим затвором – выскочил из укрытия и на себя огонь отвлек. А Артем тащил его, тушу, истыканного свинцом, на закорках, к санитару. Санитар прописал Летяге околеть от кровопотери, но Артем с ним по группе и резусу был близнец, и полтора литра из себя Летяге нацедил; Летяге хватило. Свинец достали из него мятыми комками: все пули порасшибались о Летягино жесткое мясо. Так с тех пор и булькало в нем полтора литра одолженной Артемовой крови. Все вернуть собирался.

– Я радиста искал. На Театральной.

– Какого радиста? – насторожился Летяга.

– Был там... Один. Говорил, что нашел выживших. Кроме нас еще. Где-то на Севере. Странная история. Я сам... Знаешь... Сколько раз пытался? Поймать сигнал. Все... Пусто. А этот... Ну вот, я и...

Летяга кивнул ему. Участливо так.

– Да пошел ты! – Артем усмехнулся и пихнул его в каменный живот.

– Артем! – крикнули из-за двери.

– Изобрази нормального, – сказал Летяга. – Может, он тебя обратно возьмет. Мы-то тут по тебе тоже скучаем.

* * *

Комната была большая; как раз хозяину по размеру. Мельник въехал за широкий дубовый стол, заваленный бумагами. Въехал, поправил бушлат – и коляски не стало видно. Как будто на стуле сидит замерзший человек. Не топят в кабинете, вот и все.

– Летяга! – рявкнул Мельник в проем. – Мне три человека нужно, добровольцы. Фюреру конвертик доставить. Один – ты. Других поищи!

Все стены в картах, флажки какие-то, стрелочки. Списки поименные, напротив каждого – пометки: дежурства.

А еще стена – с другим списком, особым. Долгим. Под которым – полочка, а на полочке – стопарь граненый, до половины налитый мутным, белесым. Как будто отхлебнул кто-то из него самогончику, крякнув; кто-нибудь из этого особого списка.

Но нет. Это Мельник их поминал. Первое время каждый день поминал, чудака-человек. Только у бушлата все равно рукав пустой.

У Артема ком в горле встал.

– Спасибо. Что приняли. Святослав Константинович.

Есть там Хантер, в этом списке, интересно? Он ведь не в бункере погиб...

– Дверь прикрой. Ты зачем пришел, Артем? – теперь, с глазу на глаз, он стал жестким, нетерпеливым. – Что ты тут делаешь, и что ты делал там – на Театральной?

– Сюда – к вам. Больше с таким не к кому, наверное. А там...

Мельник на него не смотрел – неловко скатывал себе одной рукой папиросу. Предложить помощь Артем побоялся.

– Тут... Складывается какая-то странная история. В общем, я почти уверен, что... – Артем набрал воздуха побольше. – Почти уверен, что мы – не единственные выжившие.

– То есть?

– Я нашел на Театральной человека, который смог поймать радиосигналы из другого города. Вроде, Полярные Зори. Где-то под Мурманском, что ли. Общался. У них там... Можно жить. А потом... Есть информация, что в Москву прибывали люди... Извне. Оттуда, наверное. Из Полярных Зорь. Попали они на Черкизовскую, на Красную Линию. Рассказали там, откуда они... Но вот что интересно: их всех сразу накрыли. По слухам, – оговорился он.

– Кто накрыл?

– Комитет. А потом стали арестовывать тех, кто их видел. И тех, кто пересказывал эту историю даже. Причем отправляли их, кажется, на Лубянку. То есть, все по-серьезному. Понимаете?

– Нет.

Артем пригладил зачем-то ерш на голове.

– Нет! – повторил Мельник.

– А вам... Вам ничего не докладывали? О людях из Полярных Зорь? По вашей линии? Может, та группа, которая добралась до Черкизовской – была не единственная?

– Где этот твой радист? Сейчас он где? – перебил его Мельник.

– Его... Нет. Его расстреляли. Красные. Явились на Театральную и забрали. Чекисты. И... – Артем замолк, составляя все вместе. – А ведь они за ним и шли... За ним, а не за мной. Он сказал, ориентировка из центрального аппарата... На него. Они ведь тогда вообще про меня ни сном, ни духом...

– Кто? Что?

Мельник засмолил; дым шел ему в глаза, но у него глаза не слезились. Дыму было тяжело подниматься к потолку, и он вис облаком у полковника над головой.

– Что, если им известно про Полярные Зори? Что, если Красная Линия в курсе? И стараются эту информацию скрыть. Убирает... Всех убирает, кто узнает... Кто общался с ними... С теми, с другими... Ищет, находит и...

– Значит, так, – Мельник разогнал дым, тут же накуривая новый. – Значит. Красная Линия сейчас меня интересует очень. Потому что они вот-вот схватятся, уже схватились, с Рейхом. Ты можешь вообще вообразить, что это будет? Сейчас все метро в эту Театральную затянет, как в мясорубку. Вот об этом, Артем, об этом – надо думать. Мне. Как командиру Ордена. О том, как не дать этим скотам друг друга перегрызть. Как Полис защитить от них. Всю нашу очкастую интеллигенцию в банных халатах. А заодно, – он дернул подбородком вверх, где над станцией Арбатской придавливала город белая глыба Генштаба. – Заодно и всех этих пенсионеров, убежденных, что они – победители Последней войны и единственные защитники нашей Родины. Весь наш заповедник волшебный. Все наше метро. Я против Рейха, и я против Красной Линии. В Железном легионе знаешь, сколько народу? А в Красной армии? А у меня, знаешь? Сто восемь бойцов. Включая ординарцев.

– Я готов... Разрешите вернуться в строй.

– А вот я не готов, Артем. Мне зачем тут человек, который шляется в одной рубашке под дождем? Мне зачем тут человек, который какие-то заговоры фантастические раскрывает? С марсианами никто на связь не выходил?

– Святослав Константинович...

– Или, может, с черными твоими? А?

– Да вам плевать, что ли?! – Артема разорвало. – Вся эта возня подземная! Давайте! Одни гады будут все равно других гадов грызть! Им тут места не хватает! Воды! Воздуха! Грибов! Вы их не остановите! Положите еще половину наших ребят! Всех положите! Что это даст? Что это решит? – Артем махнул рукой на стопарь, мертвецами недопитый.

– А ребята клятву давали. И я давал. И ты давал, Артем. Если нужно жизнь положить, чтобы это гребаное метро спасти – значит, положить жизнь. И ты мне ими в морду не тычь, салага. Я из бункера вышел червяком одноруким. А ты – здоровеньким, и для чего? Для того, чтобы сейчас мог себя гробить вылазками своими? Ты о детях-то думал?! О том, кто у тебя родится после этого дождика, думал ты? О том, кто у моей дочери родится?!

– Думал!

– Хера лысого ты думал!

– А вы – вы думали?! Если можно куда-то уйти отсюда?! Вернуться наверх? Вывести всех этих... Наружу. Если есть хоть одно – наверху! – пригодное место? Наше место – там, наверху! Я сегодня под этим дождиком... Я человеком себя чувствовал. Там! Хоть бы мне и сдохнуть после этого! А спустился... В вонь эту нашу... И обратно. Это не только красные с фашистами оскотинились! Мы все! Это же пещеры! Мы в пещерных людей превращаемся! В бункере вы ноги-руки оставили! А в следующей войне – может, голову! И кто вместо вас будет? Есть кому? Никого нет! Если есть куда, хоть куда-нибудь – надо уходить! И вот, я вам говорю: кажется, есть! И, может, красные знают, куда...

– Ты знаешь, что, Артем, – Мельник потерял голос, засипел. – Я тебя послушал. А теперь ты меня послушай. Не позорься. И меня не позорь. Люди знают, на чьей дочери ты женился. И весь этот бред... Это все потом на меня ложится, ты понимаешь? Не вздумай еще кому-нибудь...

– Бред?! Зачем тогда зачищать всех, кто слышал и видел этих людей... Других...

– Артем. Артем! Господи, еб твою! Да что она в тебе нашла-то?! Неужели она этого не видит?

– Не видит чего? – спросил Артем негромко, потому что воздуху не хватило громко спросить.

– Что ты шизоид! Началось с черных, теперь вот заговором продолжается. Они тебе мозг выжрали, твои черные! Ей-то ты про черных, небось, исповедался? Что не на-а-адо их было... Ракетами. Что они были добренькие. Что ангелы на земле. Что божье посольство. Что последний шанс человечеству выжить. Что нужно было просто говорить с ними. Впустить этих тварей к себе в череп. Расслабиться и получать удовольствие. Как ты. Как ты!

– Я, – сказал Артем. – Я вот что. Да, я это все вам рассказывал, и еще раз скажу. Мы, уничтожив черных, совершили самую страшную ошибку из всех возможных. Я совершил. Не знаю насчет ангелов, но уж демонами они точно не были. Как бы они ни выглядели... И да, они искали с нами контакта. И да, меня выбрали. Потому что... Потому что это я их нашел. Мальчишкой. Первым. Как я и говорил уже... И да, они меня... Вроде как усыновили, что ли? А я этому противился. Боялся, что они меня как куклу балаганную на пальцы натянут... И превратят во что-то... В свое. Потому что я был кретин, и трус. И я был такой трус, что я их на всякий случай всех... Всех до единого... Ракетами этими вашими... Лишь бы не проверять, что будет, когда они со мной заговорят. И такой был трус, что уже понимал: вот я только что уничтожил новый вид разумной жизни! И наш – последний! – шанс! – выжить! – а мне все хлопали, за это самое хлопали – бабы, дети, мужики – думали, я их спас от чудовищ, от монстров! – идиоты несчастные! – а я! – я! – я их всех обрек! – обрек! – торчать под землей – всегда! – пока не сдохнут они все! – и бабы! – и ребятишки их! – и те, кто у них родится! – если вообще!

Мельник смотрел на него холодно, бесстрастно. Артем не мог его заразить ничем: ни виной, ни отчаяньем, ни надеждой.

– Мы не должны это были делать! Мы просто так озверели тут, под землей у себя, что на любого бросаемся, каждому вцепляемся в глотку, кто к нам слишком близко подойдет... Черные... Они нас искали. Симбиоза с нами. Мы бы смогли вернуться наверх, если бы объединились... Они нам во спасение были... Даны... Посланы... Проверить нас. Заслуживаем ли мы прощения... За то, что сделали... С землей. С собой.

– Ты мне это уже проповедовал.

– Да. И Ане вашей. Вам двоим только рассказал. Больше никому. А остальным... Стыдно даже теперь признаться. Трусом был, трусом остался.

– И хорошо. Хорошо, что трус! Зато на свободе разгуливаешь, а не в дурдоме в смиренной рубашке – головой о стенку... Я ее предупреждал. Дуру. Ты же буйный! Ты в зеркало на себя посмотри! Будь моя воля...

Артем помотал головой.

– С ними – все... Кончено. Но... Но ведь... Если есть другое место, где можно жить... Где живут... Тогда... Тогда еще не все потеряно.

– Тогда вроде и не так страшно все, что ты устроил этим своим братьям по разуму, а? Ты за этим наверх шляешься? За этим в эфире торчишь? За индульгенцией?

Зажав папиросу в зубах, он левой живой рукой выкрутил колесо своей коляски, выкатил ловко из-за стола. Подъехал близко.

– Можно закурить? – попросил Артем.

– Ты ебнулся, Артем! Ты понимаешь? Тогда, на башне! И то, что ты сейчас делаешь... Это все воображение твое. Это шиза. Нет, нельзя закурить. И все, Артем. У меня в двух станциях война начинается, а ты... Иди, Артем. Уходи. Ты мою дочь там одну оставил?

– Я... Да.

– Как она?

– Хорошо. Нормально. Все нормально с ней.

– Я очень надеюсь, Артем, что она тебя бросит. Что она найдет себе нормального мужика. Она заслуживает большего, чем заикленный психопат, который раздетым по поверхности таскается. И ради чего тогда это? Оставь ее, Артем. Отпусти ее. Пусть вернется. Я ее прощу. Передай ей, пусть вернется.

– Я передам. С условием.

Мельник выпустил пар, жар через самокрутку.

– С каким же? На что жену променяешь?

– Эти трое, которые на Рейх пойдут с конвертом. Я буду четвертым.

Глава 12. Орден

Уходили с Боровицкой.

Красно-кирпичной, уютной, похожей на читальню средневекового университета. Заставленной стеллажами с книгами, украденными наверху, в Великой Библиотеке, и дощатыми столами, за которыми эти книги изучались и обсуждались; населенной книгочеями-чудаками, которые называли себя браминами, хранителями знаний.

Над столами низко свисали лампы с матерчатыми абажурами, давая мягкий, добрый свет – и в средневековье, каким Артем его видел в исторических книжках с картинками для детей, проникал дух московских квартир, каким он его помнил картинками, вырванными из книжки своего собственного короткого – четырехлетнего всего – детства.

Арки были забраны под жилые комнатки; Артем проходил мимо одной – настигло из прошлого, из первого появления его в Полисе: ночевка у доброго человека, разговоры до поздней ночи, странная книга, которая все убеждала, что в рубиновых кремлевских звездах демоны были заточены, и что в каждой октябрятской звездочке малый бес сидел... Смешная книга. Правда всегда и проще, и жутче, чем люди могут придумать.

Нет больше того доброго человека, и звезды погасли.

И Мельника того, что встречал тут Артема, закинув «Печенег» на плечо, обвешанного пулеметными лентами Мельника-сталкера, боевого командира, который всегда впереди отряда, который первым в любое пекло, больше нет.

И того Артема – тоже. Оба обуглились.

А Летяга вот был тот же: косой глаз, спинищей туннель заткнуть можно, и улыбка такая, как будто он шнурки у твоих ботинок связал вместе и все ждет, когда ты споткнешься; самому ему – двадцать семь, а улыбка у него – от десятилетнего. Несгораемый человек Летяга.

– Ну! – вот он эту свою улыбку расчихлил. – Можно тебя поздравить, значит? Вернул тебя старик?

Артем покачал головой.

– А что... Испытательное задание?

– Лебединая песнь. Я только до Рейха с вами.

Летяга перестал лыбиться.

– Чего ты там забыл?

– Человека одного надо вытащить. Очень надо вытащить оттуда одного хорошего человека. Не вернусь за ним, его вздернут.

– Рисковый ты. Женщина хотя бы? – подмигнул ему Летяга.

– Пожилой мужчина. С бородой.

– Ну... – Летяга хрюкнул. – Дело ваше, но... Эээ...

– Вот ты идиотина. Помолчи, – удерживая расползающиеся губы, попросил его Артем; неловко было перед Гомером.

Но не смеяться не получалось. Смех шел из него наружу – пережеванный, вязкий, едкий; корчило его от смеха, выматывало, опустошало – и Артем опустил на скамью, чтобы не вставать на четвереньки. Смехом, непереваренное, лезло изо рта обратно все, что метро его заставило в последние дни сожрать. До слез в глазах смеялся, до заиканья. Набрал воздуха – и снова. Летяга смеялся с ним заодно – может, о своем; а может, и ни о чем.

Потом прошло.

– Секретная миссия, точно! – убежденно и уже совершенно серьезно подытожил Летяга. – Таких, как ты, братик, не списывают.

Не списывают.

– Давно тебя хотел спросить, – сказал ему Артем. – Как ты целишься вообще? – он скосил глаза к носу, изображая Летягу. – У тебя же все двоится должно.

– У меня и двоится, – признался Летяга. – Поэтому я по боеприпасу расходный очень. У всех нормальных людей одна цель, а у меня две. И в каждую стреляй. Старик меня не зря послал на Рейх. Избавиться от меня хочет, скупердай.

– Думаешь, это билет в один конец? – хмыкнул Артем.

– Я по жетонам езжу, – подмигнул ему Летяга, дзынькая ногтем по именным орденовым жетонам, для опознания повешенным на его бычью шею вместо крестика.

– Зачем они тебе? Тебя и так ни с кем не перепутаешь.

– Не дождетесь, – гыкнул Летяга. – Это для другого. Это, знаешь, вот просыпаешься иногда, и думаешь: кто я? И что я пил? И потом опять – ладно, ну хотя бы кто я?

– Знаю, – вздохнул Артем.

Подошли двое других. Один был скуластый и ежиком стриженный, узкоглазенький, другой – с боксерской бульбой вместо носа, подвижный и разболтанный.

– Ну вы собираетесь! Как телочки на свиданку. Но видно, что спешили все-таки: губы накрасить не успели, – сказал им Летяга. – По дороге тогда уже, хорошо?

– Это кто? – с ходу ткнул в Артема разболтанный.

– Нормально ты вместо поздороваться, – покачал головой Летяга. – Это не он кто, это ты кто, Юрец. Артем с нами еще в бункере был. Живая легенда это, вот кто. Ты там у себя по Ганзе крыс трещоткой гонял, а Артем уже с полковником черных ракетами утюжил.

– А потом где пропадал? – спросил второй.

– Копил, Нигматуллин, силы для новых подвигов. Да, Артем?

– Не много-то и накопил, – скептически оглядев Артема, заметил Нигматуллин.

– У меня каждый день подвиг, – сказал ему тот. – Ничего на себя не остается.

– И снова бой. А гёрл нам только снится, – поддержал его Летяга. – Все, мужики, айда. Фюрер ждет. А фюрер не ждет!

Он сурово козырнул малахольным боровицким пограничникам, и по приставной лесенке все четверо спустились на пути. Надвинулся туннель – сначала освещенный, потом сумрачный, наконец беспросветный. Те двое как-то призадержались, пропуская Артема с Летягой вперед.

– Этот с Ганзы, да? – сказал Артем.

– Оба с Ганзы. Нигматуллин с Комсомольской, а Юрец с Парка культуры, по-моему. Нормальные ребята, кстати, и один, и другой. Надежные, – Летяга подумал. – Да они все почти с Ганзы.

– Кто – все?

– Все пополнение наше.

– Почему так?

– Ну а где еще обученных брать? Не по темным станциям же шерстить. Или как фашня вон, с легионом своим... Сброд всякий. Это не для нас. Мельник как-то с Ганзой добазарился. Они и согласились... Доукомплектовать.

Артем глянул на него вопросительно.

– А он-то согласился? Он же клял их. Помнишь? Мы же тогда... В бункере. Они ведь обещали тогда нам помощь. И кинули нас. Если б они пришли тогда... Если б они тогда людей дали... Может, и доукомплектовывать бы... И столько пацанов наших... Короче.

– Короче, – сказал Летяга. – Короче, тогда не дали, а дали потом. Дали, когда смогли. Техники подбросили еще всякой, боеприпаса. У Ганзы, сам понимаешь, куры денег. Сами предложили. Ну и... Старик погоревал-погоревал, со списком нашим почокался... А делать все равно нечего. Пятьдесят человек взять больше негде. Посоветовался с народом. Народ сам все понимает. Стали набирать потихоньку. С испытаниями, ясно дело, с собеседованиями. Шушеру

сразу отсеивали. В итоге нормально. Спецназ ганзейский, главным образом. Ну и так... Все мирно с ними. Не то что мы сами по себе, а они сами. Все вместе.

– Ага, – хмыкнул Артем, кивая на отстающих. – Вместе.

– Все в одном месте, – подтвердил Летяга.

– Не верю, – подумав, сказал Артем.

– Во что?

– Не верю, что Ганза вот просто, чтобы вину загладить, выделила нам полсотни бойцов и техники еще отсыпала. У них ничего за так не бывает.

– А это и не за так. Старик подписался их спецназ обучать. Потому что, – Летяга цыкнул зубом, – не такой уж он у них и спец. Особенно по части поверхности. Они наверху как котяты тычутся. Дети подземелья, блин.

Последняя лампочка осталась болтаться где-то позади. Летяга вынул из походного ранца похожий на дубинку фонарь. Те двое сзади подтянулись, автоматами защелкали: перегон короткий и всем известный, вроде, а удовольствия все равно мало. Лучше рядом держаться.

Фонарь сразу вошел в туннельную темноту, налил в нее молока, взболтал.

– Подземелья... А ты же моего возраста, – вспомнил Артем. – Тебе, значит, тоже четыре было, да? Когда Последняя война...

– Нет уж, мальчик, – сказал Летяга. – Я тебя на год старше. Это мы уже выясняли. Так что мне было пять.

Артем хотел свою Москву представить, а опять впорхнули в голову стрекозолеты пузатые, въехали, дребезжа, машинки-вагончики, заморосил теплый дождик. Он потрянул головой, выбросил чушь эту привязчивую, небыль.

– А ты что помнишь? Родителей... Квартиру вашу?

– Помню телевизор. Помню, как в телевизоре – у нас здоровый такой был – показывают президента. И президент говорит: у нас нет другого выбора. Нас вынудили. Нас загнали в угол. Не нужно было нас в угол загонять. Так что я решил... Тут мать входит с кухни, а у нее в руках тарелка для меня с куриным супом. Лапша называлось. Она мне: что ты смотришь страсти всякие? Давай, я тебе мультики включу. А я ей: я лапшу не буду. Наверное, это я тот самый момент запомнил. Самое начало. Ну или конец. Потом уже ни мультиков не было, ни лапши.

– А родителей помнишь?

– Помню. Но лучше б забыл.

– Слышь, Летяга, – перебил развинченный Юрец. – Это по нам ударили первыми. Не мы, а по нам. Предательски. И первый залп мы перехватили, а только потом уже сами. Точно говорю. Мне семь было.

– А я тебе говорю: лапша! Лапша, и в угол, и вынудили. Я тогда подумал: вот, президент, а и его кто-то в угол, значит, ставит.

– Какая разница теперь? – сказал Артем. – Мы или они?

– Есть разница, – возразил Нигматуллин. – Мы бы не начали. У нас вменяемый народ. Мы за мир были всегда. Эти суки обложили нас, в гонку вооружений втянули, чтобы измотать. Хотели расчленив страну. На куски распилить. Ради нефти и газа. Потому что им наше государство как кость поперек горла встало. Им независимые вообще страны не нужны были. Все под них легли, ляжки раздвинули. Одни мы... Огрызались. И эти гниды, эти падлы нас... Они не ждали просто, что мы до конца пойдем. Думали, мы сейчас обоссимся. А мы... Чтобы расчленив нас, ага. Врагу не сдается. Хер им нефти. Колонизировать нас. Вот сами-то и обосрались, гондоны. Когда им по ихнему телику показали, чего к ним летит. К нам с мечом давай, сунься. Мы-то и под землей недохнем.

– А тебе-то сколько было лет? – спросил Артем.

– Какое твое дело? Год. Мне мужики рассказывали. И чё?

– И ничё, – ответил Артем. – И с той стороны океана ничё, и с этой.

Летяга примирительно кашлянул. Больше не говорили.

* * *

– Стоять! Потушить фонарь!

Нигматуллин с Юрцом расступились, приткнулись к стенам, автоматы свои полувскинули; Артем остался с Летягой в середине. Щелкнула, послушавшись, кнопка, сник свет. Стала ночь.

– Граница закрыта! Разворачивайтесь и идите назад!

– Мы из Ордена! – крикнул в гулкий колодец Летяга. – Депеша руководству вашему!

– Разворачивайтесь! И назад! – повторили из колодца.

– Я говорю, письмо для фюрера! Лично! От полковника Мельникова!

Выскочили из темноты красные зайчики лазерных прицелов, заметались, запрыгнули Летяге на лоб, Артему на грудь.

– Назад! У нас приказ открывать огонь на поражение!

– Вот те, епта, и вся дипломатия, – подытожил Летяга.

– Не пустят, – шепнул Юрец.

– Прорываться приказа не было, – отозвался Нигматуллин.

– Но конверт сказано доставить, – возразил Летяга. – Старик иначе бошку оторвет. Не знаю уж, что там... Но сказал так: конверт ему не всучишь – всему хана.

Пахло сладко и мерзко прелой мочой: видно, удобств на посту предусмотрено не было, и часовые, когда приспичит, просто выходили в туннельную темноту, на ничью территорию.

Артем смотрел на рубиновое пятнышко, которое подсветило ему сердце. Подумал о Мельнике. О последней невыполненной своей миссии: пойти домой к Ане и заявить ей, что он ее бросает. В лицо заявить, а не сбежать тайком, поджав хвост, ради великих дел.

Он и так ради великих дел много чего натворил. Олежека вот врачихе оставил: сделал все, что мог. Свалил дырявое тело, отряхнул руки и водку пить пошел. Лехе дал по лестнице в никуда пойти, насвистывая, решил не вступаться, не возвращать его. Кому направо, кому налево: каждому свое. Смертников на свободу свинолуповым расстрельным наганом не погнал. Про женские тапочки в майорском кабинете не спросил. И шторку не стал отдергивать. Ничего: не стал, и не увидел, есть там кто, или нет. А не увидел, значит, и нет никого: так можно себе рассказать, и жить с этим преспокойно. И о Гомере можно себе объяснить что-нибудь будет, о никчемном старике, о безграмотном писаке. Все врут про муки совести: человек силен, он со всем справиться может. Великие дела все извиняют.

Он попытался дрожащего зайчика ладонью накрыть, а тот на руку перепрыгнул.

– Последнее предупреждение! – крикнули из колодца.

– Отходим, что ли? – спросил у себя Летяга.

Оставь старика. Все свои трупы оставь, в этот колодец свали и крышкой закрой. У тебя задача поважней, Артем: мир спасать. Ты на грибы тратить не должен.

– Дитмара найдите! – крикнул туда, в глубину, Артем; и дал петуха.

– Кого?!

– Дитмара! Скажите, сталкер вернулся!

– Это что еще? – обернулся Летяга. – Что за история?

– Да все та же история. Про пожилого мужчину с бородой, – хотел улыбнуться Артем. – И еще про одного идиота. Мое секретное задание.

И тут в этом их космосе задрипанном зажглась сверхновая.

* * *

Дитмар вышел к первому блокпосту, к пулеметному гнезду. Посмотрел на попрятавшихся в ладонях бравых орденских бойцов, наверное, и, наверное, усмехнулся по-своему. А прожектор гасить не стал.

– Кто звал? – Артем увидел только силуэт в море слепящего света; пришлось по голосу узнавать.

– Я! Артем!

– Артем? – Дитмар будто забыл его. – Какой Артем?

– Так и знал! – запыхтел Нигматуллин.

– Сталкер! Дешу! Фюреру! Лично в руки! От Мельника! От главы Ордена! По поводу положения!

– По поводу какого положения? – Дитмар не хотел его понимать.

– На Театральной! По поводу вашего вторжения!

– Нашего вторжения? От Мельника? – Дитмар звучал удивленно. – Нет никакого вторжения. На Театральной беспорядки. К нам рекой текут беженцы. Фюрер приказал начать миротворческую миссию на станции с целью предотвращения человеческих жертв. А сейчас четвертый час ночи. Он спит. И писем от гражданина Мельникова он не ждет. Но вы, если хотите, можете вручить депешу мне. Утром я передам ее в его секретариат.

– Исключено, – подсказал Летяга шепотом. – Распоряжение или лично в руки, или уничтожить документ.

– Исключено! – криком повторил Артем. – Только фюреру, из рук в руки!

– Очень жаль, – вздохнул Дитмар. – Фюрер никого не принимает. Особенно профессиональных головорезов. В любом случае, до вручения конверт будет вскрыт и досмотрен во избежание попытки отравления.

– У меня есть информация, – собравшись, произнес Артем. – Что на Театральной не беспорядки. А спланированная диверсия. С целью захвата станции.

– А у нас другая информация насчет Театральной, – равнодушно отозвался Дитмар. – И не всем она понравится, гражданин сталкер. Вашим товарищам, к примеру. До свидания.

Он отдал им честь и, развернувшись, зашагал к станции.

– погоди! – крикнул Летяга. – Стой! Это не от Мельника конверт!

Дитмару было все равно. Пулеметчик пошевелил долгим жалом, намечая дорожку для свинца. Снайперы выпустили зайчиков; даже сквозь прожекторный свет, белый и яркий, как первая секунда смерти, эти зайчики пролезали.

– Слышишь?! – заревел Летяга. – Не от Мельника конверт! Он от Бессолова!

Черная фигура, почти расплавившаяся уже в белом, застыла.

– Повтори.

– От Бессолова! Фюреру! Лично! Срочно!

Артем повернулся к Летяге. Что-то тут происходило, чего он понять не умел. Нигматуллин и Юрец склоняли возбужденно незнакомую фамилию. Дитмар молчал; но с места больше двинуться он не мог.

– Хорошо. Один человек будет допущен на станцию. Остальные могут ждать.

Летяга вздернул свои саженные плечи, принимая условие. Шагнул вперед.

– Не ты! – остановил его Дитмар. – Отдай депешу этому парню. Артему.

– У меня приказ...

– И у меня приказ. Пропущу только его. И только после досмотра.

– Почему его?! Артем, это что за...

– Давай конверт, – сказал ему Артем. – Давай, Летяга. Ты рассек меня. Секретное задание. Мельник меня за этим и отправил. Если вас не пустят... У меня тут своя история. Тебе нельзя. Как, думаешь, я про Театральную узнал?

– Тут у всех свои истории, бля! – рыкнул Летяга. – Друг от друга... Параноик он старый...

– Не давай ему, ты че? – просипел Нигматуллин. – Он вообще кто? Полкан сказал, чтобы ты... Или мы...

– Заткни пасть, Русланчик, – попросил его Летяга. – Это Артем, ясно? Это наш! Наш человек! Ясно?

– Как хотите! – охладел Дитмар. – У меня больше на это времени нет. Я уже должен быть на Театральной и раздавать населению гумпомощь.

Летяга проклял его, плюнул досадливо и выхватил из присердечного кармана плотный, непроглядный конверт – небольшой, бурый. Всунул его Артему.

– Это наш человек, ясно?! – заорал он пулемету, снайперским винтовкам, лазерным зайчикам, черным трафаретам, зассанному космосу и ослепительной звезде. – Мы будем его здесь ждать!

– На здоровье, – отозвался Дитмар. – Но фюрер может спать и до полудня. Ждите.

– Мы будем ждать, здесь будем, Артем, – горячо зашептал Летяга. – Ты вернешься. Если они хоть волос на твоей голове... Старик бурчит на тебя, конечно, но за своих горы свернет... Мы ведь с тобой одной крови, ты и я... Да?

– Да, – сказал Артем; он уже мало что слышал. – Да, Летяга. Спасибо. Не знаю.

И, приклеив чертов конверт к коже, спотыкаясь о шпалы, он полетел к сверхновой, прямо в нее самое; в миллиард градусов.

* * *

– ВРАГИ РЕЙХА! ВРАГИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА! НА НАШЕМ ПОРОГЕ! СТОИТ ОРДА УРОДОВ!

Диктор был один, но вещал он из десятка чуть-чуть друг от друга отстающих мегафонов, и оттого дробился, повторял сам себя эхом; и этот хор одного человека звучал как голос гидры – жутко и завораживающе. Яд капал из этого голоса.

– ЕСЛИ МЫ НЕ БУДЕМ БИТЬСЯ ДО КОНЦА! НАМ ГРОЗИТ ПОЛНОЕ ИСТРЕБЛЕНИЕ!

Он встретил Артема раньше, чем свет Чеховской-Вагнеровской; свет не умел отражаться от гнутых и извилистых туннельных стен, а голос мог.

– УЗНАВ О ПРЕДАТЕЛЬСКИХ ПЛАНАХ КРАСНОЙ ЛИНИИ! В НАРУШЕНИЕ МИРНОГО ДОГОВОРА! ЗАХВАТИТЬ СТАНЦИЮ ТЕАТРАЛЬНАЯ! Я! РЕШИЛ НАНЕСТИ ОПЕРЕЖАЮЩИЙ УДАР!

– Фюрер? А ты говорил, он спит... – сказал Артем Дитмару.

– Сейчас никто в Рейхе не спит, – ответил тот.

На Чеховской-Вагнеровской Артема встречал транспарант: «Добро пожаловать, дорогие гости из Полиса!»; посреди зала строились шеренгой разновозрастные мужчины – кто в чем, тарасили красные заспанные глаза, неуверенно шушукались. Вдоль рядов сновали похожие на овчарок прапоры, покрикивая, похлопывая, похлестывая. Устанавливали столы с табличками, выкладывали на них горами камуфляжное тряпье, везли, громыхая, тележки с оружием. В противоположном краю платформы разворачивали тент с красным крестом, и взгляды из шеренги магнитились все время к нему.

– НО КРАСНАЯ ЛИНИЯ НЕ ОСТАНОВИТСЯ НИ ПЕРЕД ЧЕМ! ЧТОБЫ ЛИШИТЬ ГРАЖДАН ТЕАТРАЛЬНОЙ! ИХ ЗАКОННОГО ПРАВА! ЖИТЬ СПОКОЙНОЙ И СЧАСТЛИВОЙ ЖИЗНЬЮ!

Станция была странная – круглосводная, как туннель, и с арками, похожими на пропиленные в стенах бойницы. Ее белый мрамор сверкал; были вычищены и светильники – старые, подлинные. Забавные они были: не отдельные друг от друга, как на прочих станциях, не сдвоенные и не соцветиями спаянные, а сразу по двадцать сидящие на бронзовых гондолах двумя рядами; словно их тоже среди ночи разбудили и построиться заставили. А еще похоже было на рабы души, которые на летучих галерах гребут по удивительному белому туннелю в свой честно заработанный рай.

– Где мину заложил?

Дитмар шел скоро, Артем еле за ним поспевал; лица в шеренге мелькали мимо, и ни одно не успевало оформиться. За спиной повизгивали о гранит сапожные подковки: печатала шаг охрана.

– Внизу, по эскалатору спустился, – доложил Артем. – У гермоворот.

– Хорошо завалило?

– Основательно.

– Смотри. На Театральной пока все под нашим контролем, так что хочу тебе верить. Но проверю, конечно. Если все исполнил, награда... Орден! – Дитмар ухмыльнулся. – Орден тебе за такое полагается.

Вдруг выскочил из шеренги кто-то им наперерез; охрана метнулась вперед, вскинула «калаши». Но это был маленький кто-то, дурацкий, безобидный: бороденка, очки запотели...

– Простите! Простите! Гражданин офицер... Господин Дитмар... Ради всего святого! Тут ошибка. Меня по ошибке мобилизовали. У меня жена... Наринэ... Вы ведь только что у нас... От нас...

Дитмар вспомнил, встал, отмахнулся от охраны.

– Илья Степанович. А мы тут с вашим знакомым. В чем ошибка?

– **НАВОДНИТЬ СТАНЦИЮ УРОДАМИ! ВОТ ЧЕГО ОНИ ХОТЯТ! ОНИ ВЗБЕШЕНЫ! НАШИМ СОПРОТИВЛЕНИЕМ! И ЭТА ОРДА УЖЕ! У НАШИХ! ГРАНИЦ!**

– Наринэ моя... У нее схватки начались. После взрывов этих на Театральной... Ее забрали. В роддом. Сказали, в любой момент воды могут... А у нее срок еще... Не подошел, понимаете? Может, на сохранении она бы... У нас такой замечательный роддом! Но если меня призовут... Или что-то случится там... Как же она? Сейчас? С кем? А если роды? Надо ведь быть там... Я должен знать... Кто родится... Мальчик или...

– **ИМЕННО ПОЭТОМУ! Я ОБЪЯВЛЯЮ! ВСЕОБЩУЮ! МОБИЛИЗАЦИЮ!**

Унтер улыбнулся учителю, положил руку ему на плечо.

– Так сказать, родила царица в ночь... Не то сына... Да, Илья Степанович? Не то дочь.

– Зачем вы... Зачем вы так?

– Ну господа, шутка же. Помню наш разговор. Помню. Давайте пройдемся.

Он сделал знак овчаркам-прапорам, и, приобнимая, повлек Илью Степановича за собой. Артем шагал рядом; мямля в кармане конверт. Что там? Конверт был жесткий, что-то в нем лежало... На что это похоже? Не письма, не бумаги... Голова раскалывалась. Завод кончался.

– Вы ведь собрались нам учебник истории писать, да? – говорил Дитмар учителю.

– Господин офицер... А если... Если при родах что-то...

– Вот вы садитесь – и пишите! Сейчас же начинайте! История прямо на ваших глазах делается! – он остановился, снял с Ильи Степановича очки, подышал в них, протер и водрузил их на место. – У себя в штабе выделяю вам уголок. А то убьют еще, правда...

– **ЗАЩИТИТЬ ОТ КРАСНОЙ ОРДЫ НЕЙТРАЛЬНУЮ СТАНЦИЮ! ВОТ НАШ ДОЛГ! НАС МОЛИЛИ О ПОМОЩИ! И МЫ ИДЕМ!**

– Спасибо. Благодарен. Господин... Дитмар... Но... Позвольте к жене... Сейчас... Поддержать... На ней лица не было... Чтобы знала, что все хорошо... Что вы заступились... И если роды...

– А зачем? – спросил у него Дитмар. – Там-то уже ни вы ничего не измените, ни я. Родится здоровый малыш – хорошо. В роддоме есть, кому поздравить мать от лица Партии.

– Но... Но если вдруг... Тьфу-тьфу-тьфу... Если, не дай бог...

– А если урод... Тише, тише. У нас прекрасный роддом, вы сами сказали. Наркоз. Когда она очнется, все уже будет сделано. А ребеночек даже ничего не почувствует, поверьте. Там же все профессионалы. Тот же самый наркоз, только доза другая. Все гуманно. Чик, и все.

– Конечно... Да, я понимаю... – на Илье Степановиче лица не было. – Это просто так скоро случилось. Схватки ее. Она так волновалась, Наринэ моя... Я думал, еще время будет...

– А еще будет время, Илья Степанович! – стиснул его покрепче унтер. – Еще какое хорошее время будет! Так что в роддоме вам делать нечего. Все. Бумагу и карандаш вам выдадут. Буду за вас держать кулаки! – он подтолкнул ошалевшего учителя к одному из охранников. – Распредели гражданина ко мне.

– НИКТО НЕ ОСТАНОВИТ НАС! КОГДА МЫ ВЫПОЛНЯЕМ! НАШ! СВЯЩЕННЫЙ! ДОЛГ!

– Куда мы идем? – затревожился Артем, когда почти вся станция уже была позади; кончалась она ступенями перехода, у которого стоял караул.

– Ну тебе ведь нужно вручить эту вашу депешу, так? – оглянулся на него Дитмар. – Что там, кстати? Ультиматум? Мольбы? Предложение о разделе Театральной между заинтересованными сторонами?

– Я не знаю, – сказал Артем.

– Орден, а? Стоило бы мне, дураку, догадаться, что именно ты делал в Полисе, сталкер.

– МЫ НИКОГДА НЕ ДАДИМ В ОБИДУ МИРНЫХ ЖИТЕЛЕЙ! МЫ БЕРЕМ ТЕАТРАЛЬНУЮ ПОД СВОЮ ОПЕКУ! МЫ ЗАЩИТИМ ЕЕ ОТ ПОЛЧИЩ УРОДОВ!

– Кто такой Бессолов?

– То есть ты и правда понятия не имеешь, что хочешь вручить фюреру?

– Это не мое дело. Я просто выполняю приказ.

– Ты нравишься мне все больше и больше! Я бы сказал, ты мой идеал, – Дитмар усмехнулся. – Сказано человеку: взорвать переход – взрывает переход. Сказано: вручить конверт черт знает с чем и черт знает от кого – и это делает. Сказано: сунуть яйца под пресс – и тут нельзя отказать! Больше бы таких, как ты!

– И МЫ ГОТОВЫ ЗАПЛАТИТЬ ЛЮБУЮ ЦЕНУ ЗА ПРАВО НАЗЫВАТЬСЯ ЛЮДЬМИ!

– Гомер жив? – спросил у него Артем. – Что со стариком моим? Где он?

– Жив. Тебя ждет, – успокоил его Дитмар.

– Я хочу сначала его забрать.

– Предсказуемо. Поэтому к нему мы и идем. Вот что в тебе, сталкер, еще хорошо – это твоя предсказуемость. Одно удовольствие с такими людьми работать.

Караульные скрежетнули каблуками, старший выкинул руку; даже в глаза Дитмару глядеть побоялся. Стали подниматься по стесанным ступеням.

– Ты... Зачем тебе эти погоны? Ты ведь никакой не унтер, да? Кто ты?

– Я-то? Инженер человеческих душ! – подмигнул ему Дитмар. – И немного волшебник.

Переход был отдан казармам; в прошлый раз Артема с Гомером сюда не пустили. Рядами шли нары. Козыряли дневальные. Хмурился с плакатов фюрер. Свисали с потолка штандарты Железного легиона: серый кулак, черная трехпалая свастика. Громкоговорители росли из стен, как грибы, перекикивали друг друга:

– ПУТИ НАЗАД НЕТ! И МЫ НЕ СОБИРАЕМСЯ ОТСТУПАТЬ! РАДИ ВАШЕГО, РАДИ НАШЕГО БУДУЩЕГО! РАДИ БУДУЩЕГО НАШИХ ДЕТЕЙ! РАДИ БУДУЩЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА!

– На что вы рассчитываете с этим конвертиком? – Дитмар хмыкнул. – Поезд уже идет, его не остановишь, хоть на пути бросайся. Театральная будет нашей. И Площадь Революции будет. Красные ничего не смогут. Им свои голодные бунты подавлять еще. Половина грибов стухла из-за этой сухой гнили. Идет как пожар.

– Кто такой Бессолов? – повторил Артем; думая: от кого Мельник станет принимать приказы?

– Понятия не имею.

– Почему тогда письмо от него важнее письма от Мельникова?

– Мне не письмо от Бессолова какого-то важнее, сталкер. Мне ты важнее.

Кончились казармы; загромодились укрепления, ежи, колючая проволока; зачернели пулеметы, развернутые стволами вперед – туда, куда Дитмар вел Артема; залаяли сторожевые псы, передразнивая фюрера; а потом в их рваный стих пением влился протяжный мужской стон, с которым, наверное, из какого-то человека уходила жизнь. Пушкинская, понял Артем. Дитмар вел его на Пушкинскую.

– Он там? На Пушкинской? Ты обещал его не трогать!

Они остановились у кирпичной стены в потолок с железной дверью. Охрану Дитмар отогнал указательным пальцем. Извлек кисет, выудил из кармана резаную газету, присыпал причудливые жирные буквы сушеным дурманом, лизнул, скрутил.

– На, и ты покури.

Артем не побрезговал. Душа просила отравы еще там, у Мельника; но Мельник вот пожалел ему последней папиросы перед тем, как навсегда Артема от себя отшвырнуть, а Дитмар угостил.

Унтер прислонился к стене спиной, опер затылок, поглядел в потолок.

– А вот родится у его армяночки урод, как думаешь, будет учитель нам книжку писать?

– Если вы убьете его? Ребенка?

– Если усыпим. Что, не станет он нас в книжке хвалить?

– Не станет, – ответил Артем. – Не может же он быть такой сволочью.

– Ну вот, – Дитмар зажмурился, выпуская дым. – А я думаю, станет. Армяночка, думаю, будет переживать, клевать нашего Илью Степановича, но он потом убедит ее, что так хорошо и правильно. Что надо просто еще попробовать. И сядет писать книгу про Рейх, а мы ее потом издадим тиражом десять тысяч. Чтобы каждый в метро прочел, кто умеет читать. А остальных по ней читать научат. И фамилию Ильи Степановича каждый будет знать. И вот за это Илья Степанович простит нам, что мы его ребеночка усыпили.

– За десять тысяч книжек? Он тебя удивит еще, – скривил Артем Дитмару улыбку. – Бежит со станции, а может, и покушение совершит. Такое простить нельзя.

– Простить нельзя, а забыть можно. Все с собой договариваются. Люди меня редко, сталкер, удивляют. Человек просто устроен. Шестеренки в башке у всех одинаковые. Вот тут – желание жить получше, вот тут – страх, вот тут – чувство вины. А больше в человеке никаких шестеренок нет. Жадных соблазнять, бесстрашных виной морить, бессовестных запугивать. Ты вот: какого черта обратно приперся? Знал же, что шеей рискуешь. Нет, совестливый. За старичка своего переживаешь. Рванул переход, потому что совестливый. Войне помог, потому что совестливый. А теперь крючок уже вот он, торчит крючочек! – Дитмар прокуренным пальцем дотронулся до Артемовой щеки; тот отдернулся. – Слопал. И куда ты рыпнешься от меня? Ты ведь Орден свой предал. Снюхался с врагом. Вот твои друзьяшки стоят там, ждут тебя. Думают, ты их человек. А нет, ты мой.

Артем и курить забыл. Самокрутка погасла.

– Говно твой табак, – сказал он Дитмару.

– Зато когда Рейх во всем метро победит, табак у всех будет отличный! – пообещал ему Дитмар. – Ладно. Пойдем к Гомер Иванычу.

Мигнул охране; поехал в сторону метровый засов с пудовым замком; и их пустили на станцию Шиллеровскую.

* * *

Артем помнил ее Пушкинской: такой же белой, такой же мраморной, как соседняя Чеховская, хоть и перемазанной ненавистью к нерусским. На Пушкинской его показывали толпе, объясняли, за что к виселице приговорили: за убийство фашистского офицера. Офицера Артем убил так – навел на него автомат и вжал крючок; судорога палец свела. Свела, когда этот офицер дауну-подростку голову пробивал пулей. Простительно: Артем молодой был, впечатлительный. Сейчас бы, наверное, перетерпел; отвернулся. Отвернулся бы? Постарался бы отвернуться. От петли в горле чересчур першит.

А сейчас оказались они не на Пушкинской; и не на Шиллеровской.

Оказались нигде.

Вся станция была разнесена, раскурочена. Мрамора не осталось ни плиточки, все ободрали и куда-то унесли. Был голый исшкрябанный бетон, были горы земли, реки грязи, подпорки дряхлые деревянные; вместо воздуха была водяная пыль, смешанная с цементной пылью – и воздух от нее становился тоже бетонным. Лупили через пар прожектора, и их лучи были видны от начала и до конца, как огромные дубины.

Эти дубины охаживали по хребтам и мордам жутких голых людей – кто тряпкой срам прикрыл, кто уже и этим не заботится; все отпечатаны черным, все каплют кровью. Те, кто был мужчинами, заросли по глаза. Кто был женщинами – от спутанных волос вовсе безглазые. Но – все обычные, двурукие и двуногие. И только подростки – искореженные. Спины перекошенные, сросшиеся пальцы, головы сплюснутые; и циклопы, и двухголовые, и шерстистые как звери. Уроды.

Одежды тут не было ни на ком; были нагие, и были в форме.

Автоматчики носили респираторы: без них здоровью вред. Респираторы смотрелись намордниками, будто охрана могла иначе на голых наброситься и зубами загрызть. А из-за намордников приходилось с ними иначе: цепями, плетью из колючки. От них и стоял здесь тот рев, который Артем слышал из-за стенки, из учительского туалета.

А самое страшное в станции было то, что она нигде не кончалась. Эти голые зверочеловеки скреблись из нее во все стороны – кирками, лопатами, молотками, ногтями – отчаянно корябали землю, камень, прогрызая пустоту вправо, и влево, и вверх, и вниз. Шиллеровская уже стала больше самой просторной из станций, где Артему пришлось побывать; и каждую минуту она продолжала раздуваться.

– Вы их как рабов?! – спросил Артем.

– А что? Гуманней, чем просто в расход пускать, нет? Пусть пользу приносят! Расширяем жизненное пространство! Такой приток добровольцев со всего метро, размещать негде! – перебарывая рев уродов, объяснил ему Дитмар. – Когда закончат реконструкцию, здесь будет город-сад! Самая большая станция метро! Столица Рейха! Кинотеатр, спортзал, библиотека и больница!

– Он для этого про уродов придумал, фюрер ваш? Ради рабства? Тут уродов и четверти не наберется!

– А это не тебе, сталкер, решать, кто урод, а кто нет! Фюрер – гений! – засмеялся Дитмар. – Глупо же травить людей за то, что они армяне! Или евреи! Эффекта ноль. Если уж человек родился евреем, с этим ничего уже сделать нельзя. У некоторых даже на лице написано: еврей. Чеченец. Казах. И все! Он твоя мишень, он твой враг, и верным тебе он никогда не станет. А кто русский – у него что же теперь, иммунитет? Он что, по одному рождению избранный? Ему все дозволено? Ему, может, ничего бояться больше не надо? Бессмыслица!

А уродство?! Совсем другой коленкор! Тонкое дело – уродство! Мутация! Родишься здоровым, а потом как пойдет опухоль расти! Или зоб! Или отклонения! А может, это вообще глазом не увидеть! Это только врач наверняка сказать может! И поэтому – каждая сука должна трястись и под себя ходить от страха, идя к врачу на осмотр. И врач сам должен трястись. И уж с нами, консилиумом, решать, кто урод, а кто нет. И никто не может быть уверен ни в чем. Никогда. И всю жизнь, понял, всю жизнь должен оправдываться. И нас оправдывать. Вот красота-то! А?! Красотища!

Он положил Артему руку на плечо. Родинка у него на переносице оказалась третьим глазом, положенным ему, как демону, чтобы лучше видеть гнилое и мягкое человеческое нутро.

– Где он? Где Гомер?! – выкрикнул ему Артем.

– Давай конверт!

– Что?!

– Давай сюда конверт!

– У нас был уговор!

Закрошились искры, зубы хрустнули, пещера накренилась: Дитмар наотмашь съездил Артему пистолетной рукояткой по щеке, по скуле. Потом перехватил по-людски, дулом Артему в лоб: убойный пистолет, «Стечкин».

– Хочешь, чтобы я с трупа твоего его снял?

Артем шагнул назад, думая, как ему успеть уничтожить депешу, а сзади уже ждала охрана. Заломили руки, опрокинули, пригнули к грязи, вырвали конверт из рук. Передали бережно Дитмару. Тот покрутил его в пальцах, попробовал сложить, посмотрел на прожекторный просвет.

– Фотографии, кажется, – сказал он, присев к Артему. – Очень любопытно. Фотографии, которые остановили войну. Красиво, а?

Убрал во внутренний карман.

– Чертовски хорошие должны быть фотографии. И очень должны понравиться именно фюреру, раз больше никому их видеть нельзя. Так? Ну кто откажется от соблазна на такое хоть одним глазочком? Тебе вот – не интересно?

– Где Гомер?!

– Тут где-то. Поищи. У меня времени нет. Мне на Театральную пора. Гуманитарная помощь, выявление агентуры... Ты здесь пока побудь. Обвыкнись... Поработай.

– Они меня не бросят! Летяга! Орден! Они ждут меня! Вам всем хана тут! Слышал, мразь?! Тварь?! Слышал ты, гнида?!

Артем рванулся, но охранники были откормленные, опытные, держали крепко; так и остался на карачках, мордой в грязь воткнут.

Дитмар, прежде чем с корточек подняться, погладил Артема по голове.

– Ждут. Точно, ждут ведь. А я пойду вот и расскажу им, чей ты человек.

И ласково шлепнул Артема по заднице.

Глава 13. Жизненное пространство

Думал, наступит день, когда он ночь отработает; но тут ничего не было – ни ночи, ни дня, и смена была только одна: от начала и до конца. Поили из шланга, считая глотки, воду запасать не позволяли. Нужников не было; туннели, кроме одного, были переплетены сплошь колючей проволокой, как паутиной, не сбежишь, не уползешь. Зверолюди гадили стоя, не отрываясь от работы: мужчины при женщинах, а женщины при мужчинах; вновь прибывшие учились этому в первые же сутки. Учили плетками из колючки. Убивали без сочувствия, дежурно: тех, кто не хотел работать, тех, кто умирал сам и поэтому работать не мог, и тех, кто притворялся уже мертвым из хитрости. Работников не жалели – новых приводили два раза в день, им тоже надо было жрать, а жратвы не прибавлялось.

Каждый раз, когда открывалась железная дверь, когда втаскивали ошалевших новичков, выпихивали их в Шиллеровскую бескрайнюю пещеру, у Артема подкручивало кишки: вот сейчас войдет Дитмар. Обман его вот-вот вскроется: красные отправят солдат с Охотного ряда на Театральную через разорванные гермовороты, через верхний вестибюль, блицкриг обернется бесконечной позиционной войной, и Дитмар вернется, чтобы повесить Артема за предательство.

Когда он придет? Скоро?

Артема ощупали, определили, что силы в нем пока много, и дали ему возить тачку. Забирать у бородатых грызунов отковырянное, отбитое, кидать в тачку и везти в открытый туннель, который шел к Кузнецкому мосту. Поверх шпал лежал настил из досок. По нему нужно было бежать, может, метров триста, и там сваливать землю с камнями в гору, которая уже поднималась до потолка.

У Артема была хорошая работа, это он сразу понял: ему не стали сковывать ноги, и обязали не стоять на месте, а обходить кругом всех прочих, глядя, у кого скопилось больше грунта. Жаль, бежать было некуда. Зато так он смог найти Гомера.

Старик тут только полсуток провел, и еще был в одежде; но уже понял, что можно делать, и чего делать нельзя. Нельзя отлынивать. Нельзя филонить. Нельзя смотреть в глаза, с кем бы ни говорил. А если говоришь, не глядя на человека, такое прощают: на этом заводе земли и тел все равно ничего не слышно уже за шаг.

Гомер, хоть и старый, держался. Не стонал, не плакал. Бил породу сосредоточенно, не быстро и не медленно, не спешил себя спустить. Весь мокрый, землей измазанный, плечи прорваны и испачканы бурым, губы обкусаны.

– За тобой пришел, Николай Иванович, – сказал Артем мимо Гомера. – А теперь, наверное, оба тут останемся.

– Спасибо. Зря, – с ударами выдохнул ему Гомер. – Эта. Сука. Лживая. Мразь. Никого. Не. Выпустит.

– Как-нибудь выберемся, – пообещал ему Артем.

Разговор у них пошел обрывистый: слишком часто нельзя было возвращаться в один и тот же угол, надзиратели замечали и стегали плетками за такое. Плетки были упругие, стальной проволоки, шипы из них во все стороны торчали: один укусит, когда ударят, другой – когда отдернут.

– Ты. Как. Был. На. Театральной.

– Был.

– Видел. Умбаха.

– Его красные арестовали. Донос чей-то. За то, что радио слушал. Забрали и расстреляли. При мне. Не успел поговорить.

– Жалко. Как. Хороший. Мужик.

Забрал Гомеровы куски. Потом у горбатого мужчины с другого конца станции принял груз породы. Потом женщине с вислой грудью помог подняться на ноги, пока надзиратель через каменный туман не увидел. Потом снова к Гомеру.

– Он не один был, Умбах. Еще другие связывались. Люди приходили из другого города в Москву, из Полярных Зорь, наверное.

– Люди. Ну. Люди. Говоришь. Где ж они. Не встречал.

– Красные всех находят, всех метут. Стреляют, на Лубянку увозят, в Комитет. Кто пришел, и кто их видел, и кто о них слышал.

– Может. Боятся. Что. Те Ганзе. Помогут. Против. Них.

Забрал у Гомера новые камни. Потом к пареньку побежал – медленному, скособоченному, недопалому, его поскребыши сгребать. Потом к тощему кавказцу, который намахал целую гору от злого нежелания околевать. Через марево вроде увидел знакомое что-то, но подойти не было повода.

– Так ты веришь мне? Я Мельнику рассказал, Мельник не верит. Говорит – бред.

– Я Умбаха. Сам слышал. Верю. Не понимаю. Но верю.

– Спасибо, дедуль. Спасибо тебе.

– Или. Шпионы. Чьи-то. Агенты. А.

– Не знаю.

Вычистил все. Побежал дальше: кто-то помахал, меня, мол, разгрузи. Случилась радость: Леха-брокер. Измотанный, истеганный, а лыбится.

– И ты к нам!

– Живой?! – и Артем ему улыбнулся честно; чуть полегчало.

– Слишком ценный кадр! – крикнул брокер. – Чтобы сокращать!

– Не задалось с Легионом, а?

– Не задалось! – Леха, воровато озираясь, помогал Артему накидывать в тачку породу. – Наверное, не мое. От призвания не уйти, – он кивнул на засохшие кучки.

Подскочил надзиратель, огрел цепью и Артема, и Леху за разговор.

Артем вжал голову в плечи, чтобы сберечь. Сбегал в туннель, вывалил тачку, вернулся, огляделся: охрана позвала. К той женщине, которую Артем с полу поднял, чтобы она еще пожила. А она подержалась еще немного, и опять упала. Ей фонарем в глаза, а она все равно темноту только видит. Один охранник Артема автоматом отгородил, другой взялся за арматуру покрепче, примерился – и расколол женщине голову, как яйцо разбил. Артем забыл про автомат, кинулся – и ему арматурой по плечу, и прикладом в челюсть, и на земле сапогами. Пропихнули в рот железный влажный ствол, мушкой нёбо расцарапали.

– Будешь еще, сука?! Будешь?! Встать!

Поставили на ноги, сложили ему эту женщину в тачку: вези.

– Куда?

Дали подзатыльник, проводили в последний путь. Мертвых туда же, куда и грунт. Женщине было в тачке неудобно: ноги свисали, голова разбитая вбок клонилась. Потерпи уж.

На первый раз показали, что с такими делать.

Мертвых надо было везти по дощатому настилу до земляной горы, которая затыкала туннель до Кузнецкого моста. И там сваливать их на насыпь вместе с камнями. Насыпь иногда сползала вниз, одевала голых, забивала им рты и уши глиной и песком. Это были похороны.

Потом Артем не хотел ни к Гомеру, ни к Лехе подходить: надзиратели его приметили. Вместо Гомера были разные – еще крепкие, и уже изношенные, киргизы и русские, русские и азербайджанцы, азербайджанцы и таджики. Каждый давал Артему камни, каждый отнимал у него силы. Скоро перестало хватать минуты, которую он грузил тачку, чтобы ноги отдохнули, а минуты, когда он с тачкой бежал, чтобы руки отошли. Оборачивался на лязгающую входную дверь: не Дитмар? Не за ним?

Терпел, пока не стал падать. Тогда вернулся к своему старику. Тот его ждал; тоже иссякал уже.

– Почему. Красные. Почему. Никто. Не. Знает. Только. Они.

– Не дают никому узнать? Думаешь, у них самих есть связь с Зорями? Держат от остальных в тайне?

– Врут. Зорям. Переговоры. Ведут. А.

– О чем переговоры?

– Черт. Знает. Что. Красным. Надо.

– Голод у них... Грибы гниют. Может, чтобы продовольствие им поставили? А? Если так, там земля есть... Плодородная!

– Ну. Заврался.

Проходил мимо надзиратель, свистнул: ты и ты и ты и ты, живо жрать, ваша очередь. Притащили лохань с помоями, велели нагребать руками. Артем еще не мог даже нюхать такое, а другие чавкали и хлебали, сколько успевали.

Зато Гомера кормили в эту же смену, так что им выпало десять минут без кирки и без тачки.

– Был наверху. По Тверской улице к Театральной пока. И там... Кто-то там охотится за всеми, кто по Тверской идет. Броневики настоящие. Мотоцикл. Четверых их сталкеров положили. Меня... Хотели. Не тронули почему-то. А нашли быстро.

Гомер пожал плечами; потом сложил пальцы пригоршней, зачерпнул баланды, поднес ко рту, понюхал, подумал.

– А потом обратно шел... И не было никого. Дошел. Без химзы, раздетый. И знаешь, что? Под дождь попал.

– Под дождь? – старик поднял взгляд.

– Под дождь, – Артем хмыкнул.

Вокруг, сбившись к корыту по-свинячьи, толкались и лакали наперегонки. Артем этого не видел: видел вместо этого высоких и тонких людей в широкополых шляпах, видел дождь из безоблачного неба, и еще летучие тихоходы.

– Идиот какой, – сказал он себе. – Можешь представить? Иду под дождем и воображаю себе такое... Самолеты... Как дирижабли, что ли. Только с прозрачными крыльями. Как у мух, но большими. Как у стрекоз. И все в таком ярком... Парадном. И тоже дождь. Приснилось, – он сбавил голос от стеснения: зверолюди жрали, нельзя было их отвлекать такой ересью.

А зверолюдям было насрать на Артемовы сны, у них мелела лохань, а им еще нужно было тут прожить еще сколько-нибудь времени, и без помоев они это сделать бы не смогли никак.

Но Гомер его слушал. Слушал и не ел.

– И вагончики такие... Маленькие... – он кашлянул, прочищая горло. – Вместо машин... На дорогах...

– Да, – подтвердил Артем, озадаченный. – На четыре места.

– Ты видел? Ты это видел? Там? Наверху?

– Я видел. Как будто сон вспомнил, знаешь? А ты... Ты откуда?

– Это из книги моей. Из тетради. В тетради написано!

Гомер шурился, осматривая Артема, моргал, стараясь понять: розыгрыш? Издевательство?

– Ты брал ее? Мою тетрадь? Читал? Когда?

– Не брал. Да и где она?

– Конфисковали. Сразу. Дитмар этот. Документы, тетрадь... Все. Как – не читал? Откуда ты знаешь тогда?

– Говорю же – сон!

– Это не твой сон, Артем. Это и не сон.

– Что?

– Я тебе про девчонку рассказывал. Про Сашу. Которая на Тульской... Утонула. На затопленной станции.

– Что-то... Что-то такое, да. Когда мы на Цветном надрались с тобой?

– Да. Это... Саша эта... Это ее... Так она себе представляла мир наверху. Она в метро родилась. Никогда наверху не была. И так вот, глупо... Наивно.

– Саша? С белыми волосами, ты говорил? – Артема повело, мир заколебался, как от волны горячего воздуха.

Артем потер виски. Голова трещала.

– Жри, что не жрешь? – отвалившись от корыта, устало сказал ему дядька с вспухшим пухом; борода у него была колтуном, и по ней струилась темная вода. – Хорош трындеть! Раз в день кормят!

Он натужился и протяжно пукнул. Потом лег на спину и стал глядеть в потолок. Что мог, для спасения Артема он сделал. Но Артем сегодня даже и глядеть в это корыто не мог – сразу мутило.

– С белыми волосами. Худенькая. Лет восемнадцать ей. Как ты знаешь? Откуда? – Гомер тоже встал, придерживая поясницу.

– Не понимаю. Не помню. Откуда. Но я видел это все сам. Представляю себе... Своими глазами, – Артем поднял руку, словно хотел поймать проплывающий мимо него игрушечный самолет.

– Ты брал ее. Тетрадь мою. Брал, – убежденно и недобро произнес старик. – Другого ничего тут быть не может. Зачем ты сейчас мне врешь?

– Не брал я твою гребаную тетрадь! – обозлился Артем. – На хера ты мне сдался со своими летописями!

– Ты издеваешься надо мной, да? Засранец!

Артем, не дождавшись даже свистка, схватил свою тачку.

Потом пожалел. Еще достаточно времени оставалось, чтобы пожалеть.

Дальше склеилось, срослось: погрузи, побег, разгрузи. Камень, земля, мертвый человек. Одно на другое сверху, одно под другим. Руки и ноги сперва зажглись, потом замолчали, потом обессилели, упали; потом откуда-то взялось в них еще на доньшке жизни, и они уже через тупую боль: дергались, поднимали, опускали, шагали, тянули время.

Начал засыпать на ходу – сутки не спал – будили стальными шипами. Пытался помочь тем, кто падал – отгоняли цепями. Перестал оборачиваться, отзываться, когда дверь громыхла – забыл уже про Дитмара. Не хотел о нем знать, не хотел слушать скулящих несчастных звероловцев, слушать их истории, кто как сюда попал, кто за какое уродство наказан; какие-то из них все равно бубнили – не Артему, а всем людям, чтобы все люди чуть-чуть о них знали и запомнили, когда им придется тут подохнуть и лечь под надвигающуюся насыпь. И не было уже ума строить линии и цепочки от расстрелянного радиста к чекисту Свинолупу, от проболтавшегося Зуева к Лубянке, от Мельника к какому-то Бессолову, от Бессолова к фюреру, от фюрера к Дитмару: ничего не срасталось, ничего смысла не обретало.

Вместо невидимым карандашиком черченных связей, вместо пыльных забоев, вместо лоханей с помоями – Артем вызывал в бетонный воздух тихоходы, строил в пещере дома до неба. Самолеты эти и дали ему дожидаться отбоя, эвакуировали его в мир, который себе эта девчонка утопшая представляла. Нет; это он сам все видел, точно. Своими глазами. Но когда? Как?

Отбой случился все же.

Тычками отогнали в угол, повалили друг на друга: спите. Артем и уснул, думая тот город увидеть, Сашин. А увидел клетки, восставшего из праха Свинолупа и свой побег. Только во

сне ему бежалось не по прямому коридору на свободу, а по лабиринту – закольцованному и безвыходному.

А дальше кончился сон и прогудела новая смена.

Был еще день, или это ночь была – сутки, в которые Артем научился против тошноты хлебать пойло со всеми вместе; в которые не заставил себя подойти первым к обиженному старику; в которые перестал считать тачки с землей и тачки с телами.

От колючей проволоки одежда на нем разорвалась, царапины от шипов всегда сочились красной жидкостью, и эта жидкость становилась все прозрачней, все тщетней. Вытекала вторая, отрицательный резус, компот разбавленный. Некому было восполнить, своей долить Артему: Летяга постоял-постоял, видно, половил руками зайчиков, повернулся – и потопал обратно. Без приказа не мог. А приказ от Мельника касательно Артема мог быть один: вычеркнуть. И Дитмар за ним не пришел. Не повел вешать. Был, наверное, занят на фронте.

Ни спасения Артему не причиталось, ни казни.

Потом еще одни сутки провернулись.

Отнимал Гомеровы камни молча, тот молча уступал. Выглядел Николай Иванович плохо; пожелтел, качался. Артем и пожалел бы его, да старик не давался. За летописи оскорбился, и за то, что Артем ему надежду дал.

Поговорил через силу с обессиленным Лехой: как эти чертоги роют, кто направляет работников, кто сказал тубинги разбирать? Леха указал на какого-то раскосого. Вот Фарух, он Москва-сити строил, у него свои люди, Абдурахим и Али, им и доверили. Других специалистов не нашли. Фарух расхаживал везде со своими заместителями и без кандалов, важный; но помои черпал руками из общей лохани. Стройкой руководил уверенно: кому копать, кому бетон мешать, кому подпорки ставить.

– Сбежать надо, – сказал брокеру Артем. – Сдохнем иначе.

– Сдохнуть – и есть самый верный способ сбежать, – слабо улыбнулся брокер.

– Ну давай ты первый тогда, – Артем посмеялся половиной лица. – На разведку.

На четвертые сутки Дитмар так еще и не пришел; и Летяга не пришел тоже. И уже не было сил думать про побег. Но пожить хотелось обязательно, и с каждым часом все отчаяннее. Не чтобы дела доделать, отомстить, правду узнать, родных увидеть, а просто так – пожить, чтобы пожить.

Для этого Артем обучился не получать свежих следов от колючей проволоки. От гнусного помойного вкуса его выворачивало, но он заставлял себя возвращаться к корыту, чтобы хоть чуть-чуть в нем сил почерпнуть. Обучился так работать, чтобы не видеть ничего вокруг, кроме самолетов стрекозиных.

Но слепота не бесплатно досталась. Когда при тебе лежащим людям головы ломают, а ты молчишь, несказанное копится, киснет и гниет. Пока шипами стегали, душевный гной вместе с болью и кровью выходил. А когда ранки стали подсыхать, коркой покрываться – Артем забродил изнутри.

Отбой дали, а он не мог уснуть: ворочался, расчесывал корочки, отрывал коросту... Коросту.

Коросту.

И от бессонницы, от духоты, от чрезмерной телесной близости с другими людьми, как во рву с трупами, плыл. Кто говорил ему про коросту? Кто хотел эту коросту с него смыть? А?

Голова его лежала на коленях какой-то женщины. Этот человек, видишь, какой коростой оброс? Давай, понежнее с ним, малыш... Было мутно, словно он через грязный полиэтилен все видел... Но нет – не сон. Правда. Его голова лежала на коленях... Девушки. Он смотрел ей в глаза снизу вверх, а она на него – сверху вниз, наклонившись. Грудь маленькие снизу полумесяцами белыми кажутся. Она обнажена. И Артем обнажен. Он поворачивает голову, целует ее в мягкий втянутый живот... Багровые следы там... Как точки... Сигаретные ожоги...

Старые. След ленивых пыток. Он целует ее в этот ожог. Там нежнее, там ранимее. Спасибо, Саша. Она... Она прикасается пальцами к его волосам, ведет руку – приглаживает их, а они – мягкие, но сразу же, как пальцы пройдут, распрямляются упрямо. Улыбка ее рассеянная. Все плывет. Закрой глаза. Знаешь, как я представляла себе мир наверху?..

На следующую смену Артем все оглядывался, когда у Гомера наконец наберется достаточно породы: не терпелось рассказать ему, поделиться, обрадовать – и оправдаться.

Но старик работал совсем медленно, будто никуда не спешил. Он стал тонкий, кожа повисла на нем; взгляд блуждал. Стену Гомер бил щадя, и куски от нее откалывались мелкие, а больше оставалось на ней порезов.

А потом он, так и не накопив породы, взял и сел на пол.

Прислонился спиной, вытянул ноги, закрыл глаза.

Артем заметил первым, раньше надзирателей; швырнул в Леху камень: отвлеки. Сам погрузил высохшего старика к себе, повез вроде как в туннель хоронить, а вывалил к спящим. Схватил потом плети за то, что шел с пустой тачкой – но не за старика.

Артем попросил у Бога пока старика не списывать. Много уже за последнюю неделю просил, как рассчитывать? Но еще раз отпустили – в долг. Гомер не стал умирать: проснулся по гудку вместе с чужой сменой.

Артем исхитрился с ним встретиться у корыта. Не терпелось сказать.

– Слышь, дед? Я вспомнил. Вспомнил, откуда у меня эти самолеты в голове!

– А? – старик был еще оглушен.

– В тот раз, на Цветном. Когда ты напоил меня. Мне кажется, я ее видел. У меня, знаешь, прямо перед глазами... Мерещится. Ты только... Не будешь злиться на меня?

– Ты ее видел?

– Видел. Там, на Цветном. Это она мне рассказала все. Ни при чем здесь твоя тетрадь. Честно.

– Она – на Цветном? Что... Как она...

– Девушка. С белыми волосами. Хрупенькая. Саша. Сашенька.

– Сейчас – не врешь? – голос у старика стал слабый; он хотел Артему поверить, старался.

– Не вру. Не издеваюсь, – твердо ответил Артем.

– Живая? Ты же... Ты же там ел эту дрянь... От нее всякое...

– Я видел ее. Я с ней говорил. Помню это. Вспомнил.

– Постой. Саша? Моя? В этом гадюшнике? В притоне? Она? Что она... Что она там делала? Ты ее видел – как? Она – что?

– Ничего, дед. С ней все... Все в порядке было. Неделю назад – была жива.

– Но как же она могла... Как же выбралась? Как она?

– Это от нее у меня. Картинки эти. Самолеты. Дождь. Она сказала: закрой глаза, представь...

– Но в борделе... Почему она в борделе?!

– Тише... Тише, дед. Тебе нельзя так... волноваться. Она – в борделе, мы с тобой – вот... Видишь, где. Бордель еще, может, не худшее место.

– Надо достать ее. Надо ее вытащить оттуда.

– Достанем, дедуль. Достанем обязательно. Нас вот с тобой достал бы только кто-нибудь. Ты сядь, сядь, чего вскочил?

Саша Гомеру дала силы, надежда обманула тело. Но обмана ненадолго хватило. Киркой старик махал слабо, и не он теперь командовал инструментом, а инструмент им – вел Гомера, раскачивал. Раньше с ним бежать со станции было некуда, теперь – невозможно.

Просить за Гомера у охраны значило бы сразу его приговорить. Казнь задерживало только одно: начались перебои с новыми работниками, и к старым надзиратели стали снисходительней. Так Гомер протянул еще день.

А потом за ним пришли.

* * *

– Николаев! – крикнули от двери в рупор. – Николаев Николай!

Гомер втянул голову в плечи, заколотил киркой быстрее, чтобы успеть намолоть до расстрела свою норму.

Артем пополз с тачкой ко входу, разведывать; в проеме, брезгливо и напуганно озираясь, стоял, усиленный автоматчиками, учитель Илья Степанович. Опухший, но целый; и в мундире. Поднес к бородке мегафон, позвал еще раз:

– Николаев! Гомер!

Тут охрана вспомнила, пригляделась, и приволокла Илье Степановичу старика. Учитель спустился – шажок, другой – вниз. Что-то забубнил старику в грязное ухо, морщась от вони. Гомер не на него глядел, а вместо этого в пол. Артема хлестнули за раздумья и любопытство плеткой, пришлось двигаться дальше. Илья Степанович постоял, махнул на Николаева Николая чистой рукой – и ушел.

– Чего хотел? – спросил Артем у старика, улучив момент у корыта.

– Хотел забрать меня. Сел писать свою книгу – а она не идет. Ему все условия дали... Кабинет отдельный. Спецпак. Ан нет. Говорит, читал мою тетрадь. Хочет, чтобы я помог ему. Подсказал. Заберет отсюда насовсем.

– Иди! Соглашайся!

– Что соглашаться? Его книгу писать?

– Какая тебе разница? Ты сдохнешь здесь!

– Писать его книгу о славе Рейха своими словами?!

– А так никакой книги не будет! Тебя не будет! Ничего не останется!

Гомер втянул баланды, проглотил; нормальный у нее был вкус, как у жизни, примерно.

– Я сказал ему, что без тебя не пойду.

– Пойдешь, дед! Иди!

– Он не может. Одного для работы выпросил, двух ему не позволят, говорит.

– А что... Что Дитмар?

– Дитмара убили. На Театральной. Красные прорвались как-то и убили. И еще многих. В тот же день. Учитель теперь при самом фюрере. Тому понравилась идея с книгой.

Дитмара убили.

Артем повис в туннельной пустоте.

Теперь тут о нем не знает никто и не помнит; из заложника, из пленного, из двойного агента он стал – безымянным уродом, расходным рабом. Нет смысла больше ждать, нечего бояться, не за что цепляться. Его потеряли тут, в бескрайнем жизненном пространстве, и искать его некому. Силы свои он из себя вынимал и складывал в туннель: тот набивался ими, как кишка, а Артем истощался и плохел. Во рту ржаво было, кусок в горло не лез, голова гудела. Человек, сволочь, исчерпаем. Замаячил вот и Артему, видать, конец туннеля.

– Иди, дед. Иди все равно.

– Как я тебя оставлю? Ты за мной сюда пришел.

– Так хоть какая-то надежда. Я им больше не нужен. Хоть один из нас им нужен сейчас. А ты померешь – и я тогда тоже, уж точно. Попроси, чтобы они вернули учителя. И уходи.

– Не могу так.

– Как ты тогда девчонку свою вытацишь, если тут окочуришься? А тебе осталось-то, прости уж... Ты вон на ногах еле стоишь! Ну?!

– Не могу.

Но к ночи, к отбою, когда увезли в тачке заваливать камнями Гомерова соседа с раздутым зобом, старик наконец наскреб столько, чтобы Артем и к нему подошел.

– Ведь я, если бы согласился... Я ведь мог бы там как-нибудь устроиться и потом попробовать тебя тоже выручить отсюда.

– Конечно! – сказал Артем. – И я об этом!

– Думаешь, попросить...

– Попросить!

– А ты продержишься? Сколько продержишься?

– Сколько надо, дед! – как мог уверенно пообещал Артем. – Ты погоди, я сам за охраной схожу.

Потом, пока ждали учителя – надзиратели остерегались теперь Гомера уродовать, и Артему тоже немного его неуязвимости досталось – они еще успели сказать друг другу кое-что.

– Это хорошо, что ты выходишь, дед. Хорошо, что писать будешь. Ты ведь, наверное, не только ему книгу напишешь, но и свою продолжишь, а?

– Не знаю.

– Продолжишь. Точно. Правильно, когда от людей что-то остается на этом свете. Все ты хорошо придумал.

– Брось.

– Нет, слушай... Тут сейчас все не расскажешь... Я просто про черных тебе хотел, самое главное. Ты что в своей книге про них писать думал?

– А что?

– Черные, дед... Это не то, что мы о них... Они не демоны, не угроза всему. Это было единственное наше спасение. И вот еще... Это я им открыл ворота в метро. Я мелким еще был. Все никак не мог забыть день один, из детства... И поэтому...

И поэтому, когда подначивал Виталика и Женьку, таких же, как он, мальчишек, поиграть в сталкеров и отправиться на заброшенный Ботанический сад, хотя детям строжайше запрещено было вступать в туннели, и когда он крутил запорный винт на гермоворотах, открывая дорогу наверх, и когда первым рванул через проваленные эскалаторные ступени – как бы это объяснить? – с матерью он хотел увидаться, с мамой из того дня с утками и мороженым; с ней на свидание шел, потому что очень соскучился. Остальных потащил за собой, просто потому что одному было страшно.

А черные... Черные его увидели не снаружи, а сразу внутри: одиночку, сироту, который потерялся в их мире. Увидели и – приручили? Нет, усыновили. А он думал, приручили; боялся, что они на цепь его посадят, что обучат свои команды выполнять, и что натравят на людей. Боялся, что они хотят быть его хозяевами. А им это не нужно было. Они пожалели его просто, и, жалеючи, сберегли. И так же, жалеючи, готовы были спасти всех людей под землей. Только люди были для этого уже слишком озверелые. Черным нужен был толмач, переводчик. Артем вот, подобранный ими, мог чувствовать их язык, научился бы перекладывать его на русский. Вот его назначение было: стать мостиком между новым человеком и человеком старым.

А Артем испугался. Испугался довериться, побоялся голоса в своей голове, снов, образов. Не верил им, не верил себе; и за задание – найти способ истребить черных – он взялся, только потому что боялся их в себя впускать, их слушать и их слушаться. Проще оказалось найти неизрасходованные в войну ракеты и всех до одного черных уничтожить. Выжечь оранжевым огнем место, где зародился новый разумный человек. Ботанический сад. То же самое место, где Артем четырехлетним гулял за ручку с мамой.

Перед тем, как разрешить ракетам старт, передать Мельнику координаты, у Артема была секунда. На эту секунду он черных все же впустил; и они – не чтобы спасти себя, а из жалости к нему, зная уже, что их казни Артем все равно не отменит – показали ему все же напоследок маму. Лицо ее улыбочное. Сказали ему – ее голосом – что любят, и что прощают.

Он мог тогда еще все исправить. Остановить Мельника, отключить радио... Но опять побоялся.

А когда ракеты стали падать... Уже некому было Артема любить. И просить прощения было не у кого. И лицо мамино сгнуло навсегда. И Ботанический сад стал плавленым асфальтом и черным углем; квадратные километры угля и сажи. Некуда Артему больше возвращаться.

Он спустился с Останкинской башни, пришел домой, на ВДНХ – его встретили как героя, как избавителя. Как святого, который смог забороть чудовищного змея. А он продолжил бояться: не сойти с ума, так прослыть умалишенным. И никому, кроме Ани своей и кроме Мельника, не говорил, что там случилось на самом деле. Не говорил, что он, может, уничтожил для человечества последнюю возможность вернуть себе землю. Двум людям признался, и ни один ему не поверил.

И только потом, через год, стал вспоминать: вроде бы, когда разворачивали они с Ульманом антенну на Останкинской башне, у того в радиии что-то мелькало еще перед Мельником. Какой-то был вызов... Но наушники не у Артема были; могло и почудиться.

Но если почудилось, значит...

Значит, все. Безвозвратно. Бесповоротно. Своими пальцами неуклюжими, склизкими от грибов, единственную надежду для себя и для всех – задушил. Сам. Он. Он, Артем, осудил людей на станции и во всем метро и к пожизненному заключению приговорил. Их, и их детей, и детей их детей.

Но если есть хоть одно еще место на земле, где люди выжили...

Хоть одно...

– Хоть одно.

– Николаев! Николаев Николай!

– Иди. Пойдем, я с тобой дотуда... Вдруг не прогонят.

– Это правда все? – Гомер держал Артема за руку, будто Артем помогал старику идти; а на самом деле это старик помогал Артему.

– Правда. Я быстро тебе рассказал... Как мог. Чтобы успеть.

– Когда я тебя достану отсюда, ты мне ведь все поподробней изложишь, да? Пообстоятельней? – Гомер заглянул ему в глаза. – Чтобы в книге все целиком было, чтобы не спутать ничего.

– Конечно. Когда достанешь. Но это – главное. Просто... Захотел тебе сказать. Ты мне веришь?

– Верю.

– Так и запишешь все?

– Так и запишу.

– Хорошо, – сказал Артем. – Правильно.

Илья Степанович стоял, нетерпеливый, оглядывал зверолодей; может, думал, как их исключить половчей из своего учебника. Гомеру он обрадовался, заулыбался, накиннул ему на плечи ватник. Старик протянул Артему руку на прощание.

– До встречи.

Учитель дернулся лицом; знал, что никакой не будет встречи, но не захотел с Гомером спорить.

Артем тоже знал, и тоже не захотел.

– Илья Степанович! – позвал он учителя, когда тот уже уводил старика жить.

Тот через плечо оглянулся нехотя. Охрана пробудилась, занесла над Артемом колючие плетки.

– А что жена ваша, родила? – спросил Артем разборчиво. – С кем можно поздравить?

Илья Степанович посерел, вмиг состарился.

– Мертвый родился, – беззвучно произнес он; но Артем все равно понял, по губам.

Грохнула дверь, и Артема по плечам сладко ожгла плеть. Пошла кровь. Хорошо. Пусть идет. Пусть все наружу выходит.

Когда подали помой, Артем жрал не просто так.

Поминал Дитмара.

* * *

Хорошо, что старика выпроводил.

Хорошо, что убедил его, будто Артема можно было отсюда забрать.

Хорошо, что сам себя в этом убедить не дал. По крайней мере, больше не дергался, когда дверь входная лязгала. Ни на что не надеялся. Дни не считал. Так проще было, в безвременье.

И хорошо еще, что смог самое главное Гомеру про себя и про черных рассказать. Что хватило минут и дыхания. Теперь не так жутко было оставаться тут, забытым.

Что-то происходило там, на других станциях: может, война; но Шиллеровской это не касалось никак. Тут все шло своим чередом: жизненное пространство разъедало породу, туннель к Кузнецкому мосту питался землей и людьми, подползал к станции все ближе. Артем слабел, но еще старался существовать. Леха-брокер стал как ходячий скелет, а все же хотел переупрямить Артема.

Они уже не общались между собой: стало не о чем. Были люди, которые пытались сбежать, бросались с кирками на колючую проволоку, на охрану – всех расстреляли, и для острастки расстреляли еще случайных разных. Побег с тех пор боялись, и говорить о нем боялись, и думать о нем боялись даже.

Артем держался единственным: после отбоя, укладываясь на чье-то тело в спальном рву, запирали глаза и воображал, что его голова лежит на коленях девушки Саши, нагой и прекрасной; и сам гладил себя по волосам, не чувствуя тяжести собственной руки. Представлял, как она ему показывала город наверху. Без Саши бы ему пришлось подохнуть.

Проспав положенные четыре часа, поднимался и бежал, и кидал, и поднимал, и бросал, и вез, и сгружал. И шел, и полз, и падал. И вставал снова. Сколько дней? Сколько ночей? Неизвестно. В тачке уже только половина была: больше не увезти. Хорошо, что и уроды ополовинились от скверной кормежки: а то б их не поднять, не зарыть.

Днем было еще тайное развлечение: вон ту стену, знал Артем, никто не долбил, потому что неглубоко за ней начинался тот самый переход с социальным жильем. Там, за стенкой, по его расчетам, располагалась уютная квартирка Ильи Степановича и Наринэ. Раз в день Артем, воровато озираясь, подбегал к этой стене и стучался в нее: тук-тук. Охрана не слышала, Илья Степанович не слышал, Артем сам не слышал стука; а все равно каждый раз его разбирал от этого дикий бесшумный смех.

А потом, посреди вечности, настало избавление, которого люди уже забыли, как ждать. Страшное избавление.

Из наружного мира в их мирок прободела война.

Захлопала дверь часто-часто, и Шиллеровская наполнилась упитанными мужчинами в форме Железного легиона. Уроды и зверолоды перестали копошиться, замерли, уставились тупо на гостей. Стали непослушными, закоченелыми мозгами составлять мозаику из оброненных прищельцами слов.

– Красные взяли Кузнецкий мост!

– Перебросили войска с Лубянки! Будут прорываться сюда!

– С минуты на минуту! Приказ блокировать!

– Где подрывники? Почему подрывники задерживаются?

– Туннель на Мост – минировать! Подальше от станции!

- Где взрывчатка? Где подрывники?
- Уже идут! Близо! Авангард! Пулеметчики их! Живо! Ну?!
- Режьте! Проволоку режьте! Дальше от станции минировать!
- Дальше! Сейчас!

Вбежали потные подрывники, притащили тяжелые ящики со взрывчаткой; зверолюди все еще ничего не понимали. Артем наблюдал за суетой через обычный свой царапанный и заправший полиэтилен. Его это как будто не касалось все.

- Не успеваем! Слишком близко! Нужно время выиграть! Время!
- Что делать?! Как?! Здесь будут! Превосходящие силы! Потеряем станцию! Недопустимо!

Тут кого-то осенило.

- Выгоняйте уродов! В туннель!
- Что?!
- Уродов в туннель! Примут удар на себя! С кирками! Лопатами! Задержат красных! Пока их будут крошить – как раз успеем заминировать!
- Не будут они драться! Смотри на них...
- Заградотряд, значит! Погоним их... Соловьев! Борман! Клык! Загоняй их! Ну! На секунды счет, калоеды! Живей!

Охрана засвистела плетками, цепями, стала отрывать прилипших к стенам окаменелых копателей, собирать их в стадо, заправлять в туннельное жерло. Только что была тут непреодолимая преграда – колючей проволоки в три слоя. А теперь паутина свисала клочьями, и оказалось, что за ней был перегон. Еще один перегон к Кузнецкому мосту. И там, в его глубине, что-то дурное заваривалось.

Зверолюди плелись в туннель оглушенно, беспомощно и непонимающе оглядываясь на надзирателей: чего от них надо? В руках у каждого был тот инструмент, которым он работал всегда: кто киркой – кирка, кто молотком – молоток. Артем пошел со своей тачкой было, но тачка мешала другим, тыкалась им под колени, не умела ехать через шпалы, и Артему приказали ее бросить. Он бросил, дальше шагал с пустыми руками. Рукам было неудобно, им хотелось инструмента. Пальцы уже закоченели, заскорузли кружком: так, чтобы аккуратно помещались внутри них ручки тачки или лопатный черенок.

Тех, кто брел последним, подхлестывали, поджимали автоматчики. За автоматчиками шли саперы; тащили ящики, разматывали провода.

- Куда? Куда? Зачем? – блеяли голые, таращась в темноту, оглядываясь на фонари и на стволы конвоиров.

А из отверзшейся перед ними черной дыры, в которую вот-вот было должно затащить всех тут, вытекали уже вместе с тоненькими прирельсовыми ручейками отголоски далекого: «ураааааа».

- Что? Что это там?
- Куда мы идем? Нас освобождают?
- Говорят, нас освобождают! Там сказал кто-то!
- Заткнись! Заткнулись все! Вперед! Вперед, твари!
- ...уаааааааа...
- Слышал? Слышали?! Не успеем с этими гнидами ползучими на сто метров... Они еле ковыляют! Это саботаж!
- Тут! Тут! Начинай минировать!
- Уродов дальше гони! Гони их в штыковую!
- ...урааааааааааааааа...
- Не успеем! Тут! Вперед этих!

Саперы остановились, засуетились, открыли ящики свои, стали вынимать брикеты, крепить их на туннельные стены, закладывать в выемки тубингов.

Артема пихнули стволом в спину, он заперебирал ногами чаще, и дерганные подрывники остались позади. Секли воздух плетки, светили через бредущих в черноту фонари в миллион ватт, рисуя на сырых шпалах горбатые протяжные тени, и лаял, подстегивая, громкоговоритель.

– Эй, вы! Вы все! Вам предстоит великое дело! Вы должны спасти Рейх! На нас прут полчища уродов! Красных людоедов, которые не остановятся ни перед чем! Сегодня, сейчас вы можете заслужить прощение! Кровью заплатить за право называться людьми! Они уничтожат Рейх, а потом все метро! Некому их больше остановить сейчас, кроме вас! Они хотели ударить нам в спину, но не знали, что нашу спину прикрываете вы! Они вооружены лучше, но и у вас есть оружие! Вам нечего терять, поэтому вам нечего бояться!

– Я... Куда? Я не пойду! Не буду! Я не буду! Я не умею драться!

Грохнуло. Эхо выстрела сожрало эхо крика. И сразу – не дожидаясь, пока каждый в стаде поймет, что случилось, автоматы загремели по затылкам отстающих. Выпустил кто-то последний вздох. Взвыл недобитый. Завизжала баба. Артемов сосед оглянулся – жикнуло – и, он булькнув горлом, кувырнулся вниз.

– Вперед, мрррраааази!!!! Не смей!!! Не смей останавливаться!!!

– Убивают! Не стойте! Стреляют! Бегите!

Артем толкнул чью-то кривую спину, пролез вперед через застрявших, подал руку и выдернул из-под чужих ног упавшего подростка, забыл о нем тут же, и, ежесекундно оборачиваясь на погонщиков, стал протискиваться к середине – в безопасность.

– Вперед! Вперед!

Смерти от упавших лицом на рельсы, как костяшки домино толкнули в спины следующих – одни запнулись, другие – повалили вперед, навстречу мутному и страшному УРР-РАААААААА, которое бурлило и вихрилось и несло к ним через туннель, как прорвавшиеся в забой грунтовые воды.

– Мы не бараны! – вдруг впереди кто-то заорал; кто-то из уродов. – Мы не дадимся так!

– Идем!! Не сдадимся!!

– Смерть им!!!

– Бей их! – завопил кто-то еще в толпе. – Вперед! Вперее-ооод!

И – медленно, как маховик паровоза, как просыпающийся больной – вся эта длинная голая толпа, обросшие и избитые звери-люди с кирками и молотками, начали разгоняться, искать в себе силы, чтобы занести над головами свои инструменты, чтобы убить кого-нибудь, прежде чем погибнуть самим.

– Смерть им! Не сдадимся! Вперед!

– ВПЕРЕЕЕЕЕЕД!

Через минуту все бежали, с ревом, с криком, с плачем; и пастырям с автоматами тоже нужно было бежать в ногу со своим взбудораженным стадом, а им было лениво и брезгливо. Фонари в спину побледнели; погонщики отстали, не желая мешаться с пушечным мясом. Впереди стало сумрачно и вязко, тени бегущих растворялись в наплывающем мраке.

У Артема так ничего и не было в руках, но остановиться он уже не мог: того, кто вздумал бы остановиться в середине этой лавины, немедленно снесло бы и растоптало. Поравнялся с Лехой: тот глядел дико, безумно, не узнавал Артема. Потом обогнал его.

– УРААААААААААААААА!

Красные грянули внезапно.

Прорвали мгlistую пелену – и сразу оказались со зверолюдьми лицом к лицу, морда к морде. Только родились из туннеля – и сразу же схлестнулись, врезались лбами.

– АААААААААА!!!!

У них не было фонарей, как и у стада с Шиллеровской; они мчались в темноте, наугад. Первые в стаде только успели отвести кирки...

И тут же:

УУАААААААХХХХ!

Как взревело сзади!

Как перетряхнуло всю землю!

Как смело последние ряды бегущих жарким выдохом взрыва, как загудел туннель иерихонской трубой, как погасли в один миг все фонари, и заткнулись все автоматы, и ничего не стало – только черное-черное, беспросветно черное – вокруг, будто мир целиком пропал; взорвалась и затопила все полная темнота, абсолютная, безнадежная.

Артем ослеп – и оглох, и бежавшие за ним оглохли, и бежавшие впереди. Кто упал, перевернутый и контуженный, сразу же стал подниматься на ноги, нащаривать впотьмах свою кирку, свой молоток...

Потому что не ушами, а кожей, подшерстком слышали, как в голове стада работает, вертит серпами, молотит людей вслепую, на ощупь – смерть. И надо было встать, надо было загордиться от нее киркой, а лучше размахнуться и разmozжить ее пустой череп, всадить ей острое в сухие глазницы, вырвать, размахнуться опять от плеча и снова бить.

Никто их уже не гнал вперед, но все рвались туда сами, потому что смерть звала, потому что страшней было спрятаться и ждать, пока она отыщет тебя сама, потому что хотелось ударить первым, пока не ударили тебя.

Ни одного выстрела не сделалось: у тех, у красных, тоже не было ружей и автоматов, все шли в рукопашную с чем попало, в крошечной темноте не понять, с чем.

Артем раскинул в стороны руки, ухватил рукоять, отнял чужую кирку, и тоже полез, пьяный от страха и страсти, вперед по голым людям, чтобы сунуть голову в жернова, чтобы быть в этой бойне не слепым скотом, а незрячим мясником, раз уж другого не давали.

Там – уже близко – секли друг друга, мозжили, рубили – ожесточенно, нечеловечески, не зная, кого убивают и за что, и не кричали уже ни «Смерть!», ни «Ура!», потому что забыли русский язык и любой другой забыли, а ухали и хекали, и просто рычали, вопили несвязное, бессмысленное.

Свистело, гудело, резало воздух.

Звенели, промахиваясь мимо мяса и ударяясь о бетон, кирки. Чавкали – угадывая и впиваясь.

Дуло воздухом ржавым в лицо: пронеслось заточенное железо на расстоянии ладони; Артем отшатывался, бил в ответ – своих ли, чужих? – и были ли тут свои? Это кровь пахла ржавчиной; а люди – дерьмом.

Зверолоди и человекозвери с обеих сторон спешили друг к другу, изо всех, из последних сил спешили друг друга переубивать и так уже закончить все, и перестать бояться.

Артем раз рубанул, два, три – и несколько раз нашел кого-то. Хлюпнуло, плеснуло горячим; застряла кирка, потянула его вниз, спасла: тут же поверх пролетело тяжелое, чтобы ему голову расколоть, но мимо.

Потом взорвалось где-то в колене, отшвырнуло на рельсы; стоять больше было нельзя, и он пополз, хотел спрятаться в мягком, но мягкое брыкалось, пока могло, отпихивало его, огрызалось бессловесно, пачкало его чем-то липким, чем-то горячим.

Прошло времени бесконечно, а вокруг не светлело; а люди все мололи друг друга – приходили на плач, на стон, лупили наугад, выбивали, промахиваясь, набат из рельсов. Артем слушал звон, крестился тихо и не пускал звук из глотки наружу. Улегся затылком на ком-то мертвом, притворился, что это Сашенька его голову к себе на колени положила. Натянул сверху другое тело, спрятался в нем.

Долго еще было, пока улеглось.

Закончили убивать, только когда на ногах уже никто не мог стоять.

Тогда недоумершие зашевелились, стали заново учиться разговаривать. Артем, придерживая изуродованное колено, оторвался от Сашиных колен, сел. Зашептал:

– Все... Все. Все. Я больше не хочу. Я больше никого не буду убивать. Ты кто? – он протянул пальцы вокруг себя. – Кто тут? Ты с Шиллеровской?

– Я с Шиллеровской, – сказали где-то.

– Мы с Лубянки, – ответили близко.

– С Лубянки?

– Вы фашисты? Железный легион? Людоеды?

– Мы с Шиллеровской, – сказал Артем. – Мы уроды, заключенные. Нас вперед погнали. Заградотряд.

– Мы с Лубянки, – повторили ему. – Заключенные мы. Политические. Нас вперед бросили... На Пушкинскую. Как мясо бросили... Впереди настоящих частей... На амбразуры... Чтобы мы... На себя...

– Чтобы мы на себя... Как мясо нас... – повторил Артем. – Чтобы мы – на себя! Мы – уроды...

– Тут все с Лубянки, все из камер, все арестанты, – говорили ему. – Нам заградотряд в спину... Чекисты в спины стреляли... Чтобы мы...

– Нам... Нам стреляли... Охрана...

– За нами не пошли... Заградотряд остался сзади...

– Они сзади взорвали туннель. Там некуда... Нам некуда... За нами они не пошли. Бросили нас...

– Что же вы... Вы за что нас?

– Вы нас за что?! За что?! А?!

Кто-то трудно, больно, переломанными ногами, по-червячьи пополз к Артему на голос. Он слышал это – а не мог больше бить. Человеку тяжело было приближаться, и Артем тоже двинулся ему навстречу. Протянул руку, сцепился пальцами с пальцами другого человека, подволок его к себе.

– За что вы нас, господи?

– Прости... Прости... Господи, прости.

И они прижались друг к другу. Артем обнял его – кажется, взрослого мужчину, они прикоснулись лбами; мужчину трясло от рыданий, и Артема тоже скрутило как судорогой – тряхнуло, потекли слезы. Наплакавшись, мужчина вздохнул и умер. И Артем тогда тоже отпустил его.

Полежал.

Пружинка в голове соскочила, вспомнилось кое-что.

– С Лубянки... Кто с Лубянки еще?

Тут и там оживали тела, пытались шевелить перебитыми руками, думать вмятыми лбами, кряхтели, бредили.

– Наташенька... Чайничек поставь, любовь моя... Я тортик принес.

– Вот вернусь из Турции, сразу созвонимся!

– Я Москва-сити строил! Строил!

– Почему темно так? Я боюсь темноты! Включи свет! Сережка!

– Господи, бабуль, а ты что тут? Ты зачем пришла?

– Будем расширять жизненное пространство! Чтобы каждому место было!

– Воды дай... Дай воды...

– Аленка! Аленка, озорница!

– Я с Лубянки. Я.

Артем на одном колене и двух локтях полез туда, где признались.

– Кто? Кто? Говори, не бойся! Ты? Где ты?

– Ты кто такой? – женщина какая-то.

– Зуев. Зуев был тут с вами?

– Какой Зуев? Не было никакого...

– Зуев! – заорал Артем. – Зуев Игорь! Зуев, ты живой?! Зуев!

Встал на одну ногу, оперся о стену, вслепую заскакал, держась за тубинги.

– Зуев! Игорь Зуев! Кто Игорь Зуев с Охотного? С Проспекта Маркса – кто?!

– Ну хватит! Хватит кричать! Сейчас эти придут! Эти!

– А давай в кино сегодня вечером? А? Погода такая, жалко дома сидеть.

Игорь не отвечал.

Может, вот он, тут лежал, рядом совсем, но без половины головы ему было говорить несподручно. А может, хитрюга, затаился и молчал, не желая, чтобы его нашли.

– Игорь! Зуев! Кто с Зуевым сидел? Который про выживших в других городах... В Полярных Зорях... Которые в Москву сами пришли... Кто с ним сидел?! Зуев!

– Что?

– Байки рассказывал! Что в другом городе где-то еще люди выжили! Что в Москву пришли!

– А сколько на Шиллеровской говна пропадает, ребята, вы бы знали!

– Нет его тут. Эх-кхххх. Нет тут Зуева.

– Что? Ты где? Кто сказал?!

– Нет Зуева. Ганзе его выдали.

– Погоди. Постой. Повтори. Где ты? Ты где, блядь?! Ну скажи, не прячься!

– Ты зачем его ищешь? Друг твой?

– Мне надо знать! Надо знать, что он говорил! Какие люди? Куда пришли? Откуда?!

Почему Ганзе?

– Люди, эххххх. Не из Полярных Зорь. Полярные Зори, бля. Провокаторы про Полярные Зори брешут. Провокаторы. Слухи... Распускают... Это наши... Вернулись... С Рокоссовского. Кхххххх. Наши, ударники... Кх-кх. На стройку века которые... В Балашиху... Оттуда вернулись. Из Балашихи.

– Погоди. Да где ты?!

Скакал, рука в стену провалилась – проем, что ли?! Упал, поднялся; сел, стал к голосу, к нутужному кашлю, пододвигаться.

– Красивый город Казань. Мечеть у них замечательная.

– Разбогател бы на этом говне, если бы подряд получить.

– Я сам из Казани! А бабка у меня деревенская. Хайруллины мы по деду. Бабка по-русски даже не может!

– Ты где? Ты, кто тут про пришедших говорил, ты? Что, Балашиха уцелела? А Полярные Зори как? Погибли?! Не понимаю!

– Молочка, может, в чай?

– Кто знает, что там выжило. Про Полярные Зори провокаторы рассказывают. Кх-кх. Красивая история. Идиоты покупаются. Кх-кх-кх. В Балашихе... Форпост. На поверхности. Там... Радио... Радицентр... И с другими городами... Чтобы если... Зуев сказал...

– Что?! Что Зуев сказал?!

– Из садика кто сегодня Танюшу забирает, я или ты?

– Уйди, сатана, не трогай меня. Уйди, уходи, пожалуйста. Я не твой. Меня на небушке ждут.

– Форпост? Наверху? Кто строит, не понимаю! Что за радио?!

– Кхххх... Кхххх...

– Ты где? Говори! Почему радио?!

– А вообще та еще сволота они, фашисты. Мучают человека за так. И говно не учитывают.
– Красные... Красная Линия строит... Кххххх... Наверху... В Балашихе... Спецобъект... Станция... И форпост... Чтобы... Вместо... Метро... Радио... Станция... Людей нагнали...
– В Балашихе станция?! Что за станция?
– Туда людей... С Рокоссовского... А эти... Вернулись... Сами. Кхххххх. Хххххх. Ххххххх.

– Там ловят? Оттуда можно поймать?! А?! А?!!
– Ыыыых... ыыыыых... ых.

И потерялся человек, и как не бывало. Из тьмы вышел, в тьму ушел. Тряс-тряс Артем живых, уговаривал мертвецов, убеждал, и все без толку.

– В Балашихе! – твердил себе он, чтобы не запаять, и чтобы не решить, что весь разговор ему причудился. – В Балашихе. В Балашихе. В Балашихе, в Балашихе!

Теперь нельзя было ни в коем случае умереть. Теперь Артем обязан был выползти из-под этих людей, выбраться из утробы бетонной, родиться заново, залатать все в себе дыры и идти, ползти в эту гребаную, обетованную Балашиху, кто бы там, что бы там ни было.

Он снова встал, взялся за тубинг, как за мамину руку. Шиллеровскую отрезало. На Кузнецком мосту красные. Не шли сюда пока, наверное, услышав, что туннель завалило; но и к ним было нельзя.

Вспомнил тот провал в стене. Может, межлинейный ходок какой-то? Поскакал вдоль, нащупал... Ткнулся внутрь... Крысы прыснули... Быть бы крысой. Крыса и с выколотыми глазами не потеряется.

Подуло. Пошевелило отросшие волосы.

Как Сашины пальчики его причесали.

Он задрал свои бельма кверху.

Подуло еще раз – нежно и игриво, как мать младенцу – в лицо.

Вцепился пальцами в пустоту, обломал ногти о бетон... И задел железо.

Скоба. Скоба еще. Лестница колодезная. Вентиляционная шахта вверх. Оттуда дует. С поверхности.

– Эээээй!!! – закричал он. – Эээээй!!! Эгей!!! Вы! Вы там! Сюда! Тут выход есть! Выход наверх! Тут шахта! Можно наверх вылезти! Слышите! Вы, уроды! Тут наверх можно!!

– Наверх! Ебанул, что ли?! – закричали невидимые зверолюди.

– Наверх! – крикнул им Артем. – За мной! За мной, уроды!

Они боялись, не верили ему. Не знали, что там есть и ветер, и дождь, и что с первого раза там не умрешь. Надо было пример им подать.

Он обнял ржавую скобу своими круглыми пальцами: скоба пальцам оказалась как раз. Подпрыгнул, подтянул разбитую ногу. Перехватился, подтянулся. Еще. Еще. Еще.

Голова кружилась.

Скользил, срывался, но тут же ловил скобу снова. Не чувствовал разбитую ногу, истощенную спину, разодранные руки. Карабкался. Подпрыгивал. Лез.

Глянул вниз – кто-то последовал за ним.

Не зря, значит.

Останавливался на секунду – и дальше. Если сейчас не выберешься, не выберешься никогда.

Неважно, через сколько – вывалился в крошечную комнатку, в зарешеченную будку. Дверь на засове изнутри, засов ржавый. Изодрал окончательно руки, стали кровавой кашей, ржа со ржой перемешались; но пересилил его. Распахнул дверь, выполз на четвереньках, перевернулся на спину. Раннее утро было в мире; поднималось медное солнце.

Он просто лежал на земле. На земле, а не под землей. И нет, это не голова кружилась – это весь гребаный глобус, раскрученный Артемом, вертелся волчком.

Рядом кто-то еще упал, лег. Только один, больше не лезли.

– Ты кто? – спросил его Артем, не оборачиваясь даже к своему единственному последователю, блаженно улыбаясь через опущенные веки розовому утреннему небу. – Кто ты, блядь, человечие?

– Леххха, кто, – ответили ему. – Брокер. Фффф... Фф к-хх-ожаном п-пальто.

– Это ты был брокер, – сказал Артем, счастливый, что дожил аж досюда. – А теперь будешь первоапостол.

На этом и выключили.

Глава 14. Чужие

– Я думал – Полярные Зори, думал, тысяча километров, а это все под боком у нас, в Балашихе! Можешь себе представить, Жень? Здесь, в Балашихе, рядом совсем. Считай – Москва! Тут строят! Форпост! Значит, земля есть чистая... Если строят! Ну не суки они, скажи мне, а? Красные? В тайне ото всех! Никто не знает. Строят на поверхности базу. Мы – в метро сиди, да, Жень, а они будут воздухом дышать!

– Суки, Темыч, суки. Ты поспокойней сиди.

– И ты слышал, главное? Радио-то! Он говорит, этот, что вокруг радицентра строят. А зачем? Ясно дело! Потому что они – они! – смогли связаться все-таки. С кем-то. Может, с Уралом? А? Может, с базами на Урале! А, Жень? Если не с Зорями.

– Тяжелый ты какой, черт ты дери.

– А может, и с Зорями? Он-то откуда знает? А?

– Не дергай ногами хоть! Сейчас скину тебя, сам поползешь!

– Я и пойду, Жень. Пойду. Никто ведь ничего... Ни один гад не признается. Надо самому в эту Балашиху. Искать форпост. Без этого не разберешься, какая тут каша заваривается! Пойдешь со мной, Жень?

– Знаешь, что? Вот правду? Ты задрал уже. То тебя на Цветной неси, к Сашеньке твоей. А теперь, когда еле до Трубной доковыляли – в Балашиху! Ну ты не оборзел? Небось, не ведро с говном, чтобы я с тобой тут круги наматывал! Кило шестьдесят вешишь! Я, между прочим, так же, как и ты, в этом их адище срок мотал! И киркой махал еще, пока ты с тележечкой своей пидарастической кружился! Ну совесть-то есть? Все, слезай.

– погоди, Жень... Куда ты меня?

– Куда! Куда! К Сашеньке твоей. Полежи тут. Стучать пойду. Если не откроют... Стоило и вылезать.

– Жень. Ты думаешь, я не понимаю ничего? Ты же мертвый. Я знаю. Как ты меня сюда принес?

– Сам ты мертвый!

* * *

– Ну, я вас сразу предупреждаю. Нежилыца вы спровадили на тот свет, но Темыч чтобы у вас как миленький оклемался!

– Что с плечами? И что с ногой?

– Травма. Производственная. Короче. Помажьте его чем-нибудь.

– Чем бы это? Вокруг посмотри.

– У нас на станции от всего говном мажут, но у вас, надеюсь, есть что поядреней. Зря, что ли, сверху его тащил?

– Не выступай-ка. Сейчас обратно и потопаешь.

– Я тоже пациент, между прочим! У меня-то спину гляньте, тетенька! Мне тоже не баба расцарапала.

– А лучше, если бы баба. А этот выглядит так, как будто его вагоном переехали. Дайте-ка света... Не мой профиль. Я венеролог вообще-то. Ко мне очередь.

– Тетенька. Я знаю, кто вы. Просто заделайте его, как было. И у меня потом еще яйца пощупайте, а то мне тревожно. Такую неприятную вещь мне тут сказали!

– Почему он без сознания? Не из-за колена же! И румянец этот. Загорал он еще, может?

– Я загорал. Я в сознании. Мне поспать нужно. Где Саша?

– Кто такой Саша? Ой, а тут-то...

* * *

- Эй! Эта?
- А?
- Эта телка?
- Постой... Не расплывайся... Побудь...
- Эта? Саша твоя?
- Как ты меня нашла?
- Она нашла?! Ха! Да я весь этот хренов бордель на уши поставил! Я! Неблагодарная ты скотина все же, а?
- Я его помню. Помню. Ты... Что ты тут делаешь?
- И я... Я, как только вспомнил тебя... Уже не могу из головы выбросить.
- Ты Артем, да? Сталкер с ВДНХ. Правильно? Что с ним?
- Ну что с ним, что с ним... Вот так вот с ним.
- Ему тут нельзя оставаться.
- Почему мне тут нельзя? А? Я никуда не хочу. Я сюда шел.
- Ага, ты шел. Он шел, ага.
- Нельзя, потому что... Потому что я работаю. Это рабочее помещение.
- Поработай с ним теперь. Зря я, что ли, спину сорвал?
- Что ты... Что ты помнишь, Артем? Из той ночи?
- Тебя. Помню, что лежал у тебя на коленях. И что мне было... Так было... Можно, я положу опять голову к тебе... Мне очень нужно.
- Ему тут нельзя быть. Ты должен его забрать.
- Пожалуйста. Иначе мне где сил взять, чтобы уйти? Просто пять минут.
- Пять минут. Ладно.
- И погладь меня, пожалуйста, по голове. Вот так. Да. Еще. Господи, как хорошо-то.
- Давай уж я час за него оплачу! Все равно в долгах... Ради пяти минут стоило и перетереть!
- Что? Артем... Ты видишь? Посмотри...
- Ну да. В общем, я об этом как раз.
- А? Что? Не останавливайся, ну пожалуйста.
- У тебя волосы лезут, Артем. Выпадают волосы.
- У меня? Правда? Смешно... Смешно как...

* * *

- Ты же говорила, что всего пять минут...
- Молчи. Вот, проглоти это. Запей. Глотай. Глотай давай, это тебе нужно. Это йод.
- Мне все равно, что. Это хорошо, что пять минут не закончились. Йод поздно пить. Спасибо.
- Ты говорил... Во сне. Про Гомера. Неразборчиво. Ты знаешь Гомера?
- Да. Да. Гомер. Хороший старикан. Ищет тебя. Думает, ты утонула. Это ведь ты утонула? На Тульской?
- Я.
- Но ты ведь не утонула? Я очень не хочу, чтобы ты утонула!
- Да не утонула она! Вот сидит. Не такая румяная, как ты, конечно...
- Я, знаешь, что? Я вспомнил твой рассказ. Про город наверху. Глупый рассказ такой. Я же наверх каждый день лазал. И тут... Про самолеты со стрекозиными крыльями. Про машинки-вагончики. И дождь. Я под дождь попал там. Без резины.

– Вот, наверное, и схватил! И меня наверх без химзы поволок еще! Пойдем да пойдем! Тоже мне, сталкер! Сидел бы я в туннеле себе с этими весельчаками... И так все не слава богу...

– Ты можешь выйти? Как тебя зовут?

– Ага! За час плати, это у нас пожалуйста, а как что – пойди погуляй, да?

– Лех... Пойди погуляй, а?

– Ну вы и гады! Хотя ты ничего. Ладно, милуйтесь. Если у тебя там штепсель не сгорел.

– Что ты помнишь, Артем? Что еще?

– Не знаю. Помню, что меня какой-то человек подобрал в коридоре. Привел... Не сюда?

– Не сюда.

– И позвал тебя. А потом... Не знаю. Помню, что лежу у тебя на коленях. Вот как сейчас. И еще... Можешь... Можешь, пожалуйста, майку приподнять тут? Вот тут, да. Живот. Можно? Вот это... Погоди... Откуда это? Это от сигареты, да?

– Не важно.

– У меня такие же... Вот, на руке тут... Смотри... Появились. Что это?

– Я не знаю, Артем. Можно, я одерну? Холодно. А где сейчас он? Гомер?

– Он... На Рейхе. Пишет книгу. Учебник истории. У него еще одна книга есть. Про тебя.

– Про меня? Он... дописал?

– Да. Заканчивается, кажется, так: «Сашиного тела Гомер на Тульской так и не нашел».

– Я через вентиляционный колодец выбралась.

– И я. Тоже. Забавно?

– А про Хантера там что сказано?

– Про кого? Постой... Про кого?!

– Лежи... Лежи... Ты болеешь! Тебе нельзя!

– Эй! Вылазь! Где ты? Я от Сома!

– Все, ко мне пришли. Побудь тут. Потом.

* * *

– Ну, че ты? Не кукожься. Давай. Вот сюда. На коленки.

– Деньги сначала.

– Деньги ей! А я, может, сначала пробу снять хочу! Удостовериться! Качественно или нет! Ну!

– Ай!

– Шире! Шире давай! Во. Во-о-о. Во-о-о-о...

– Сейчас. Секундочку. Так неудобно.

– Это не тебе должно быть удобно, зайка. Не тебе, сучка. Не тебе, шлюшка. Не тебе, не тебе, не тебе.

* * *

– Что ты на меня уставился?

– Ничего.

– Ну и все. Ты что, не знал, кто я? Куда попал? И вообще, твой час кончился уже.

– Я... Ты тут ни при чем. Извини. Мне уйти?

– Да куда ты пойдешь... Такой. Лежи уже... Так и будешь молчать?

– Про Хантера. У Гомера там про Хантера, в этой книге его?

– Я думала, ты мне скажешь. Ты знаешь его?

– Хантера? «Знаешь»?! Он разве... Он разве живой? Ты его видела?!

– Видела. Это про него должна была книга быть, а не про меня. Гомер с ним шел. Они вместе были. А потом уже мы все.

– Когда? В каком году?

– В прошлом. Эта вся история его, которую он писал – я ему просто подвернулась под руку. Он все героя искал. Из мифов. Он смешной такой, Гомер. Я заглядывала ему через плечо, когда он в тетрадке писал. Он Хантера таким изображал... Загадочным... Как будто у него чудовище внутри. И будто бы это чудовище пытается вырваться наружу. Гомер... Он поэтом хочет быть.

– Он Гомером хочет быть. А я вот...

– Что?

– Я с ВДНХ ведь... Я это все уже рассказывал тебе, да? И почти всю жизнь там прожил. Меня отчим не отпускал никуда. А потом Хантер появился. В броне. С пулеметом. Плащ такой черный, кожаный. Голова наголо обритая. И они спорили с Сухим... С отчимом. Хантер говорил, что нет угрозы, с которой мы, люди, не справимся. Что надо бороться до последнего. Как лягушка, которая в банку с молоком упала, и лапками сучила, пока в масло не сбила молоко, и вылезла. Как сейчас перед глазами. А отчим... У него мозги размякли. Был готов сдаваться.

– Кому?

– Черным. Неважно. Кому угодно. Важно то, что я Хантера увидел... И все. Понял: вот каким я должен быть. Это не Гомера был герой... Хех. Он мой герой был. И он меня отправил... Мне дал это задание. Сам пошел наверх, чтобы уничтожить черных. А если не вернусь, сказал мне, доберись до Полиса. Возьми вот патрон... Найди Мельника. Понимаешь? Это все из-за него. То, кем я стал. Из-за него. Благодаря ему.

– Я в него тоже влюбилась. Ну мы с тобой и встретились. Два дурака.

– Сашулька! Ты где там, зараза?

– Извини. Поспи пока, может?

* * *

– Тебя не было давно.

– И я вот, поверишь, кроме тебя – ни с кем! Ждал встречи!

– Устал? Ложись, я сама все сделаю.

– Ну а ты? Это не по-человечески как-то. Я хочу, чтобы ты тоже это самое.

– Не надо. Мне и так хорошо. Правда. Мне с тобой всегда хорошо. Ты осторожный, ты ласковый.

– А ты... Вот мне с тобой знаешь, как? Не как с женой.

– Хватит болтать. Все. Мне лишних денег не нужно. Вот. Снимай давай.

– Ух. Ух ты... Что же... Ух. Я тебя... Ты моя...

* * *

– Спишь?

– Поспишь тут.

– Погоди, я сполоснусь. А то вся пахну... Пахну им. Подождешь?

– Подожду.

* * *

– В общем, я думал, что он погиб. Все это время так думал. А ты говоришь, он живой.

– Был живой. Сейчас не знаю. Я не стала его искать. Когда вылезла с Тульской... Куда угодно, только не назад. Только не туда, где можно его встретить.

– Почему?

– У Гомера не написано, что с Тульской случилось? Из-за чего ее затопило? Нет?

– Я не читал. Он просто говорил: затопило.

– Ну да. Он его все время оправдывал, Гомер. Чудовище пробудилось... И я у него в тетрадке пыталась это чудовище приручить. Кто в такое поверит?

– А как на самом деле?

– Он спился. Хантер. Беспробудно пил. Каждый день – в хлам, вдребезги. Шатался, идти не мог ровно. Жутко с ним было рядом. Просто страшно. Он же убийца. Пистолет этот у него всегда... С глушителем. Чуть что – хватается за него. В правой – пистолет, а в левой – фляга. Постоянно. Все время прикладывался. Еле связывал слова. Я его просила, чтобы он перестал. Он не мог. Вот так. Привет Гомеру.

– Он... Он тебя трогал?

– Нет. Ни разу. Как от огня просто. Может, не хотел девочку портить. А может, ему это все вообще не нужно было, женщины. А я вот, когда с ним встречалась взглядом... У меня коленки подгибались. Представляла себе иногда... Как бы он... Ну, обнял бы и так далее. Что я там могла себе представить тогда.

– А с Тульской что стало?

– Это он ее затопил. Заминировал к грунтовым водам поближе и затопил. Вместе со всеми больными и со всеми здоровыми. Чтобы предотвратить эпидемию в метро. А чтобы они не сбежали оттуда, он огнеметы выставил. Я на Тульской была. Кричала ему, что есть способ людей вылечить. Он слышал. Видел меня там. И все равно подорвал все. Нас со станции выбралось трое. Остальные захлебнулись.

– Зачем? Зачем он это сделал?

– Сказал, что должен спасти метро. Вот так вот спасти. Но я думаю, у него просто зудело. Понимаешь? Ему одного пошла не хватало.

– У Гомера было не так.

– А как?

– Там ты просишь о чуде, кажется. И потом, когда прорыв... Ты думаешь, что это дождь пошел. Что-то такое.

– О чуде!

* * *

– Меня... Мне плохо. Мутит. Помоги мне... До уборной.

– Можешь прямо тут. Я уже ко всему привыкла. Дать таз?

– Не хочу тут. Не хочу при тебе.

* * *

– Давай! Давай! Еще! Еще! Пожалуйста, еще! Ну. Ну?!

– Ты сладкая. Ты такая сладкая. Боже, какая ты сладкая.

– Не останавливайся. Еще. Еще хочу.

– Я больше... Я больше... Я...

– Нет. Нет-нет.

– Я все. Я все. Боже. Боже. Я тебя люблю.

– Не болтай ерунды.

– Нет, правда. Я тебя заберу отсюда. Сейчас вот подкоплю и заберу. Не хочу, чтобы ты тут была. Ты неходишь для этого места. Заберу.

– Ладно, уговорил.

– Ах, с-сладкая! Сколько с меня?

– Как в прошлый раз.

– А скидочку? Сделай скидочку! Как постоянному клиенту?

* * *

– Ты зачем это делаешь?

– Что?

– Зачем этим занимаешься? Я тебе не читаю морали, просто...

– Начинается, да?

– Нет, правда. Гомер говорил, что... Что ты не такая.

– Не какая? Ты не понимаешь, да? Какая разница, что говорил Гомер! Он живет в своем волшебном мире. А я в своем настоящем. И в моем настоящем мире лучше вот этим заниматься, чем людям в голову стрелять. А что мне еще делать? Мечтать о том, как однажды мы все вернемся наверх, и как это будет прекрасно и удивительно? Но это потом будет, а деньги нужны сейчас.

– Только из-за денег? А если бы были деньги?

– Ну вот у тебя есть?

– Нет.

– О чем тогда разговор?

– Как ты сюда попала?

– Один добрый человек привел. Подобрал и пристроил. У меня больше никого нет. Жить негде. У тебя есть дом?

– Есть.

– А жена?

– Есть. Была. Есть.

– Вот и хорошо. А тут ты что делаешь?

– Не хочу туда. Мне тут спокойней.

– Тебе скоро уйти придется. Полежишь еще чуть-чуть – и вперед. Потом когда-нибудь вернешься.

– Почему?

– Мой хозяин придет. Он не должен тебя видеть.

– Какой еще хозяин? Сутоенер?

– Лежи. Успокойся. Вот бульон, попей. Пей.

– Я не буду эту дрянь... Меня тошнит. Что за хозяин?!

– Не имеет значения.

– Ты что, вещь? Какой хозяин еще?!

– Дурак!

– Ты от этого удовольствие, что ли, получаешь?! От всех этих грязных мужиков?!

– Удовольствие... Хорошо бы, между прочим, и тебе помыться. Вставай, отведу тебя.

* * *

– Найдешь Леху? Брокера? Который меня сюда привел? Скажи, чтобы забрал меня. Ночевать где-то надо.

– Можешь... Можешь сегодня остаться. Хозяин не придет, наверное. Из-за этой войны... Сейчас не каждый день бывает. Хочешь?

– Где? Прямо тут? Или на той койке, где тебя...

– Тут. Поешь со мной? Грибы.

– Спасибо. Я не знаю, как... Я потом заплачу.

– Дай колено посмотреть. Мне тут мазь дали. Полежи спокойно.

– Холодно. И щиплет. Ай.

– А когда тебе так спину раздирали, не щипало?

– Там... Пожаловаться некому было. А тут – ты.

– Да.

– Что – да?

– Ты вот спрашивал. Почему я? Почему я шлюха. Как стала.

– Я не спрашиваю.

– А ты спроси. Мне не стыдно. Думаешь, ты один такой? Тут знаешь сколько таких? Оди-
чавших. Одиноких. Которым некому пожаловаться. Их тянет всех ко мне. Ко мне, магнитом.
Понимаешь? В меня. И если их не принять... Не дать им... Выплеснуть это все... Грязь, ужас
свой... Злобу. Нежность. Они тогда совсем озвереют. Вы, мужчины, так сделаны. Они прихо-
дят ко мне такие – их трясет прямо от жизни. А я их успокаиваю. Мир им даю. Понимаешь?
Мир. Утешаю их. Они потыкаются-потыкаются... Покричат... Позлобствуют... Поплачут...
Утихнут. Ширинку застегнут. И могут еще немного пойти пожить без войны.

– Ты так говоришь... Так девочка не может говорить. Ты же девочка. Хрупкая. Изящная.
Вот эти руки твои... Ручки...

– В борделе год за десять идет.

– Значит, мы с тобой ровесники?

– Ой, все!

– Мне нужно выпить. От облучения помогает. У тебя нет ничего?

– Мне тоже нужно.

* * *

– Подвинься.

– Ты разве не там собиралась ложиться? Не у себя?

– Двигайся давай.

– Я тут с тобой не смогу так просто лежать, учти. Ты себя в зеркале видела? Ты же кра-
сивая очень.

– Помолчи.

– Я не могу помолчать.

– Куда тебе, вояка? Ты-то видел бы себя в зеркале. Тебе сейчас ни до чего должно быть.
У тебя вон волос не останется скоро. Будешь похож на своего Хантера, как мечтал.

– Ты в меня влюбишься тогда? Я хочу, чтобы ты в меня влюбилась.

– Зачем?

– Ну мне проще будет тогда жить и умирать.

– Помолчи. Повернись. Повернись ко мне.

– Ты... Нет, постой. Я так не хочу.

– Что?

– Не хочу, чтобы ты со мной из жалости. Из сострадания. Как со всеми остальными. Не
надо со мной спать, потому что у меня волосы выпадают. Ясно?

– Хорошо, не буду. Видок, если честно, так себе. Завтра побреем тебя. Спокойной ночи.

– погоди. А может, другие причины найдутся?

- Какие?
- Ну... Потому что в первый раз, тогда еще, тебе со мной было хорошо. Потому что я красивый, там, не знаю... Мужественный.
- Я не очень помню, как там было в первый раз.
- Дай еще глоток. И да, я думаю, я один такой. Хочу думать, что я такой один. Можно, я так буду думать? Хотя бы час?
- Пей.

* * *

- Все... Все... Все... Я все...
- Ты просто... Сумасшедшая... Я еще... Можно мне еще...
- Ты облученный же... Куда тебе... А?
- Не знаю... Мне еще тебя нужно. Может, организм думает, что в последний раз... А?
- Дурак. Тяжело.
- Это необъяснимо с точки зрения медицины. Это чудо. Но я вот опять...
- Ладно. Если чудо.

* * *

- Ты, кстати, очень красивая. Я говорил уже?
- Говорил.
- Твои брови особенно. И реснички. И глаза. А губы – вот уголки. И тут... Излом. Очень. И шея. Шейка. Ножки такие... Как спичечки.
- Так себе комплимент.
- И стрижка... Ну... Волосы.
- Сама себя перед зеркалом обкорнала.
- Знаешь, я пока тут тебя ждал, днем... Пока ты там... Пока тебя...
- Хватит.
- Я столько всего наслушался.
- Встал бы и вышел.
- Нет, подожди. И вот мне сейчас столько хочется тебе сказать... И что ты потрясающая, и что мне с тобой было так хорошо, и что с моей женой мне так давно не было, и что я хочу тебя отсюда забрать и заберу, когда смогу... А это все тебе сегодня другие уже сказали.
- И вчера тоже.
- И вчера еще.
- Так что? Ты ничего мне из этого не скажешь теперь?
- Сказать?
- Лучше воды дай. Вон стоит.

* * *

- Крестик... Ты веришь?
- Не знаю. А ты веришь?
- Раньше не верил. Как-то оказался у Свидетелей Иеговы. Было так глупо и смешно. После этого долго еще... Как подумаю... Да. А сейчас... Да, наверное. Я... Молюсь иногда. Часто. Ну не то чтобы прямо молюсь... А прошу что-нибудь. Давай, Господи, так: ты мне это, а я тебе это.

– Хочешь, то есть, с Богом добазариться. Как все мужики.

– Опять ты?

– Ай!

– А женщины не так?

– Не так.

– А как?

– А так, что если и Бога нет, то тут вообще держаться не за что, в метро этом. Тогда совсем труба. А Он... Прощает. Он говорит: потерпи. Тут надо потерпеть, но это ради дела. Да, люди мучаются, люди умирают. Но это не просто так. Это испытание. Его нужно выдержать. Ты не пачкаешься, ты очищаешься. Просто помни обо мне. Мне всегда можно выговориться. Я сам говорить не умею, но со слухом у меня все в порядке. Извиниться хочется – передо мной извинись. Позлиться – тоже можно. Давай. Ударь меня. Не держи в себе. Хочешь кого-нибудь любить – люби меня. Я тебе и отец, я тебе и жених. Иди ко мне на ручки. Я все вынесу. Я и не такое выносил. Понимаешь? Земля без Бога – не круглая, а как гравий. Одни углы, одни острые края. Это Бог ее круглой делает, гладкой.

– Да. Без Него просто держаться не за что. Вот что.

– Надо только простить Его за то, что он с человеком сделал, за войну, за разрушенную планету, за всех убитых.

– Это не Он. Это мы. Он нам и потом еще руку протягивал, чтобы вытащить нас из ямы. А мы в нее – зубами. Это Он еще должен нас простить. Не знаю, простит? Я бы не простил на Его месте. Бог-отец никого не прощает. Весь Ветхий Завет – сплошь войны и спецоперации. А Иисус, наоборот, прощал всех.

– Не читала. Библия для тех, кто не верит. Чтобы их убеждать. А если просто веришь, и все, тогда все эти сказки мимо тебя. Ладно. Поздно уже.

– А если она не вся разрушена? Планета?

– Спокойной ночи.

* * *

– Спишь?

– Как же, поспишь с такими соседями.

– А если я тебе все-таки скажу, что не вся планета уничтожена? Если не все заражено?

– Тебе приснилось, что ли?

– Правда. Я знаю. Я слышал от человека. И не далеко, а тут у нас, под Москвой. Осваивают поверхность заново. В тайне ото всех. В Балашихе. Это по карте отсюда меньше часа. Там строят что-то. Форпост наверху. Значит, там земля позволяет...

– Сколько ты пробыл наверху без резины? И что с тобой стало? Подумай.

– А главное – они этот форпост строят рядом с радиостанцией. Это о чем говорит? О том, что они с кем-то связываются. Может, эвакуацию готовят? Представь себе: возвращение наверх! Надо только в Балашиху попасть.

– Кто это тебе сказал?

– Человек один. Какая разница?

– Тут много людей, которые рассказывают... разные вещи. Просто люди – и непросто. Нельзя всему верить. Нельзя ничему верить.

– Пошли со мной, а? В Балашиху?

– Нет.

– Ты думаешь, там нет ничего? Ты тоже думаешь, что мы – единственные? Что я зря таскаюсь наверх? Что я идиот бесполезный? Что у меня уроды родятся? И что все будет зря?

– Просто не хочется, чтобы ты умер. Вот именно сейчас очень не хочется почему-то.

– Я и не собираюсь. Но я туда все равно пойду. Очухаюсь только – и вперед.
– Обними меня.

* * *

[illegible]

* * *

- Тебе сегодня тут нельзя ночевать. Он придет вечером.
- Кто – он? Хозяин этот?
- Не имеет значения.
- У тебя этот шрам, на животе. От сигареты ожог. Это он тебя?
- Нет. Не он.
- Врешь, да? И у меня вот ожоги, вот тут. Это после той ночи. После той ночи, когда мы с тобой... Когда нас познакомили. Этот мужчина, который нашел меня в коридоре. Я полз, пьяный. Он меня подобрал и привел к тебе. Это он тебя мне отдал. Это он твой хозяин?
- Какое твое дело?
- Это он тебя сигаретой прижигал? Почему ты такое терпишь? И за что он меня? Там, на руке – татуировка орденская. Была.
- Я знаю, что там было, Артем. Я читала. Я помню ту ночь.
- Почему он ее прижег, твой хозяин? Почему он тебя пытал?!
- Это не он, Артем. Это не он прижег меня. Он тут ни при чем.
- А кто?
- Я сама. Сама себя.
- Ты? Зачем? Что за бред? А я? Меня кто? Наколку мою – кто? Ты?
- Ты сам, Артем.
- Что? Почему? С какой стати?
- Тебе правда нужно собираться. Если ты не помнишь ничего – так лучше. Правда.
- Я тебе не верю. Ты его выгораживаешь. Что это за человек?
- Сегодня можешь у моей подруги поспать, у Кристины. Я договорилась. И не приходи сюда. Я не хочу, чтобы ты сюда приходил. И завтра тоже.
- Почему?!
- Мне от тебя только хуже делается. Хочется еще раз себя прижечь.

* * *

- Как ты? Как себя чувствуешь?
- Не знаю. Живой.
- Я подумала... То, что ты мне говорил про Балашиху. У меня есть один... Поклонник. Тоже сталкер. Свободный.
- Он там был?
- Нет. У него есть машина. Спрятана наверху где-то. Я могу его попросить, чтобы он... Чтобы он взял тебя с собой. Туда. У него сегодня ходка.
- Это один из твоих клиентов?
- Да. Это один из моих клиентов.
- Я не хочу. Я пешком лучше пойду.
- Артем. Ты не дойдешь никуда. Посмотри на ногу свою. И... Я узнавала у врача... Если лучевую болезнь не лечить... Тебе, может быть, недели три осталось. А лечить ее как тут? Где?
- Ты меня просто выставить хочешь, да? Чтобы мы с хозяином твоим не столкнулись лбами?
- Не веришь, да?
- Ты просто не знаешь, куда меня деть. Хоть к черту на кулички, лишь бы вечером меня тут не было.
- Ходка сегодня, Артем. Пойдешь?
- Пойду.
- Я не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось.
- Не верю.
- Вот... Наклонись.
- Зачем это?
- Будешь пока носить. Чтобы было, за что держаться. Вернешься – заберу.

* * *

- Привет. Сашунь, только я сегодня уставший, так что можно просто чаю попить и поспать, а? Пойдем в мой кабинет.
- Хорошо.
- Эти кретины, представляешь, рванули переход на Кузнецкий мост, вся Пушкинская обрушилась, им теперь деваться некуда, а красные ничего слышать не хотят. Бардак полный. Сил нет. Портачат все, а я – разруливай.
- Я понимаю.
- Ты что тут делаешь? А? Ты подслушиваешь, что ли?! Ты кто?!
- Я...
- Это со мной. Он на прием пришел. Так скать. Приемные часы перепутал. Забираю его... Забираю!
- Перепутал я. Простите. Не в то время, не в том месте.
- Бухой, что ли?
- Конечно, он бухой! В говно он говнецкое, неужель не видно? Все, пошли давай, герой.
- Кто там?! Что?!
- Ничего, Алексей Феликсович. Ложная тревога.
- Ложжжжная. Тревооооога.

Глава 15. Шоссе энтузиастов

Поднимались с Трубной – был там и вход, оказывается, и выход. И без документов можно было на нее попасть: главное, знать, с кем говорить, при ком, и какими словами.

– Не умеешь, дурак, с людьми общаться! – сказал Артему Леха.

Он зато умел. И первоапостол он был отменный.

– Пойду с вами, – произнес он нетвердо. – Во-первых, ничего уж такого-растакого на этом вашем верху я не увидел. Во-вторых, сталкерский калым не хуже остальных, а то и похлебней будет. В-третьих, яйца у меня все равно пухнут, рентген туда – рентген сюда погоды не сделают. Полезли. Чего найдете – мне треть.

– Ты салага, – возразил сталкер, который взялся Артема везти в Балашиху. – Ты мне за урок и за химзу должен. Поэтому из того, что найдешь ты, будет половина моя, а из моего твоего будет ни хрена. Идет?

– Ну хоть так, – подумав, вздохнул Леха. – Только учи как следует!

Сталкера звали Савелием. У Савелия морщины шли не как у людей, а как придется: и по лбу вертикально, и ото рта вниз, и вокруг глаз крест-накрест, и вместо бровей. От носа к краям губ складки Савелию прорезали перочинным ножом, а подо лбом сделали лобзиком глубокий надпил, чтобы нос как будто сам по себе висел. Волосы у него были как бы на месте, но редкие, и череп – тоже морщинистый – через них просматривался ясно. А клыки у Савелия были выкованы из железа; не все, правда – один вообще отсутствовал. Шло ему годам к пятидесяти: хороший, значит, сталкер.

Шагать было больно: колено стреляло. И изрубцованная спина на каждом шагу терзалась так, будто вот-вот лопнет кожа и скатается трубочкой, а останется под ней одно коричневое запекшееся мясо.

Пересекли бульвары, обошли ползучие коряги стороной; миновали разоренный торговый центр подле цирка. Цирк был закрыт. Торговый центр – сожран какой-то злой плесенью. Обогнули его, спустились на парковку. Машина у Савелия стояла там.

– Как будто по магазинам прошвырнуться заехал, – гундосо поделился с ними сталкер. – Хорошее чувство.

Артему это не понравилось. Морщины бессхемные ему не понравились тоже, и железные зубы, и прищуренные глаза. И то, что этот человек приходит к Саше, когда хочет, и пользуется ее этими вот самыми зубами и глазами. Не хотелось представлять это себе, а пришлось.

А главное: роста он был – Артему по плечи. Как она с таким вообще могла?!

– Тоже Сашку чпокаешь? – запросто спросил у него Савелий. – Будем знакомы. Хорошая девчонка. Хотя и в дочки мне годится. Но дочки у меня нет, так что совесть спит спокойно.

– Да пошел ты, – сказал ему по этому поводу Артем; все равно собирался.

– Понимаю! – подмигнул сталкер и не стал обижаться. – Сам бы втюрился, если бы был помоложе. Но когда я был помоложе, у меня другие Сашки были.

Это Артему не понравилось вообще.

Машина у Савелия была – универсал. Под чехлом стояла: серебристая, ухоженная, промасленная, стекла черные зеркалят, антенна торчит усом метра на полтора. Особенная: руль справа. Посмотрелся Артем в черное стекло: на голове – каска дурацкая, какую уж Савелий выдал, зато ствол хороший, с глушителем. Ствол важней.

Остальное все на подземной парковке – сгнило или было разграблено. Невесело ей тут, подумал Артем: одна живая. Как на кладбище зашла своих проводить.

Завелась сразу.

– Японочка, – не без гордости объяснил сталкер. – Я, как ни поднимусь, обязательно навешу ее. Сейчас мало кто из левых шастает, конечно, но беспокойно все-таки.

Выползли из этого склепа, вырулили на Садовое.

– В Балашиху, говоришь?

– В Балашиху.

– А где там? Она ведь не маленькая, Балашиха. Город, как бы.

– Приедем – найдем.

– Смешной ты, – сказал Савелий.

Поехали направо по Садовому. Спешить нельзя: между ржавым хламом коридор неширокий, извилистый. Иной раз сунешься на тропинку, а она тупиковая. Обратно сдавать. Трогуары тоже все забиты столкнувшимися авто. Когда люди думали убежать из Москвы, гнали и по тротуарам. И по другим людям гнали. А было куда бежать-то?

– Ну и что там?

Стартовали ранним утром, чтобы на экспедицию был день с его темным светом. Небо было все замазано облаками, и того десятирублевого солнца, которое Артем видел в прошлый раз, теперь не давали. Ночь получилась черной, рассвет серым, утро вовсе бесцветным.

Весь вечер пил, лишь не думать о том, что не он Саше хозяин; от ночи осталась пара часов, проснулся не похмельным даже, а пьяным еще. Мутило – может, от браги, но видно, от болезни.

Ворон в городе не было, собак не было, крыс. Дома стояли высохшие. Ветер только двигался, остальное давно зачехлено. Тикал дозиметр, как Артему его личный обратный отсчет. Леха молчал, будто язык проглотил. Мертвечина была вокруг.

– Там форпост. Красная Линия строит наверху колонию.

– Красная Линия? Колонию? Зачем?

– Будут заселять поверхность, – отчаянно сказал Артем.

– В Балашихе? Балашиха ведь не так чтоб далеко очень. Сразу за МКАДом. На счетчик-то глянь. Кто там жить сможет?

– Люди.

– Ты хоть откуда это взял, парень?

– Мне человек сказал... Надежный. Сказал, что людей с Бульвара Рокоссовского отправляли туда строить форпост. Заключенных. На Бульваре лагерь же у них. И бульвар рядом с Балашихой совсем, пешком дойти можно. Все складно, если подумать.

– А почему в Балашихе? Что там такого? – не отставал Савелий. – Бункеры какие-то? Военная база?

– Радиоцентр. Может быть. Вроде. Так что... Если логически – с кем-то они должны связываться, раз радиоцентр, – Артем повернул голову, посмотрел на Савелия: какотреагирует? – Так что, я думаю, где-то еще есть выжившие.

Форпост.

Пока отлеживался у Саши на продавленном раскладном диване в ее каморке, было время себе его вообразить. Ну это крепость, наверное, стены высотой метров несколько, вышки пулеметные – от врагов; зато внутри – как в стеклянном шарике с детским снегом – уютный раек. Ну как, какой? Люди, конечно, без противогазов, дышат воздухом. Дети играют... Все сыты. Животные там домашние. Утки, может? Оранжевые. Ну, грибы, ясно, здоровенные выросли. И весь этот внутренний двор – в сочной зелени: шелестит на ветру, переливается. Живут, в общем, а не существуют.

У Савелия на лице вместо кожи была бледная зеленая резина; резина от Артемовых слов не сморщилась, не натянулась. Вместо глаз у Савелия были круглые стекляшки, стекляшки могли только пучиться, а щуриться не умели. Смешно ему сейчас? Или злится, что подрядился на такую бездарную глупость? Спрашивает себя, ради чего рискует? Знал бы он, кто Артему сообщил про Балашиху; и что в тот момент остальные вокруг говорили.

Савелий подождал, потом протянул руку, нащупал кнопку, включил радио. Прогнал ФМ, переключился на АМ. Потом – УКВ. Везде подвывал слабо, будто ветер в голых ветках, заброшенный эфир. Крутилась дустом проморенная Земля, вся пустая, в безвоздушном пространстве, и только в одной точке сидел на ней человек, как одинокая недотравленная вошь. Сидел, накрытый небесным колпаком, неподвижно и сонно: деваться некуда, а смерть нейдет.

– Хорошо б было, если бы еще где-то были выжившие, – ответил Савелий и тоже на Артема посмотрел. – Вдруг и правда, есть?

Артем даже не поверил ему, что он это честно.

– Я не москвич же, – продолжил сталкер. – Я с-под Еката. После армии учиться приехал. На оператора. Хотел про войну кинцо снимать, дебил. Была про танки мысль фильм придумать, как служил. И столицу покорять. Там все остались. Мать с батей. Сестренка младшая. Еще бабка с дедом были живы. Мать мне намекала: вот корни пустишь в Москве, а там и Варька подтянется. И мы, может, на старости лет где-нибудь в Подмоскovie к вам поближе переберемся. Или вы к нам, наоборот, внуков сюда будете слать на лето, на грибы и на ягоды. Отучился. А с работой все через жопу. И вот я каждый год им: да-да, вот-вот, сейчас-сейчас. Не растут, сука, в этой Москве мои корни, и все тут. Квартира все время съемная, все время однушка, все время на выселках. Баб на фотосессии водить стыдно, не то что сестренку размещать. Опять же – если сестренка, то баб куда? Влюбился вроде, а денег жениться нет. На работу – на маршрутках, на метро, на машину все время не хватает. Копил-копил, а там раз, рубль улетел. Короче, жизнь аховая. Так я тогда думал. А теперь думаю по-другому.

– Слушал эфир когда-нибудь? – спросил Артем.

– Когда-нибудь слушал, – отозвался Савелий. – Порожняк. Мне, в принципе, и насрать на этот эфир. У меня машина потому и снаряженная, и заправленная, что – думаю: а не бросить ли все к херам? Не выйти ли одно утро из метро, не сесть ли в нее, не поставить ли дисочек с Продиджами и не рвануть ли из этой вашей гребаной Москвы на восток, докуда доедетсЯ? А? Вот уже и соляры у химиков наменял, и грибов насолил. В багажнике, между прочим. И резиночкой проложено, чтоб банки о пулемет не побились. Все готово. И так третий год уже.

– Почему не едешь?

– Потому что. Потому что человек – ссыклив и тосклив. Легко решить, трудно решиться.

– Ясно.

– Но через ночь на вторую вижу дачу нашу. Огород, колодец, малина на кустах, отец по грядке навоз раскидывает, кричит – помогай, а я от него ныкаюсь. А мать зовет молока козьего дать. Это тоже ясно?

– Мне ясно, – подал голос с заднего сиденья сонный Леха. – Не все, но кое-что.

– Так что, – сказал Савелий. – Я бы не против, если бы они все были живы. Или хоть кто-нибудь. Хоть дед, который против нас жил, и который мне уши драл за то, что я в его кур из рогатки шпулил.

Проехали Ленинградский вокзал, проехали Казанский, проехали Курский. От всех тянулись в глухую запускь ржавые рельсы. Артем там бывал, пока у Мельника служил: выходил на пути, смотрел, как две рельсины сходятся в одну нитку, и думал, что там, с того края земли. Странная вещь, железная дорога: вроде метро, но без стен.

– А я слышал, – произнес он, – что где-то есть из Метро-два туннель, который идет до Урала. В правительственные бункеры. И вот там все правители и сидят. Лопают консервы и ждут себе, пока фон спадет.

– Друг друга они лопают, – возразил Савелий. – Не знаешь ты этих людей, не смотрел ты телевизора.

Этих не знал Артем, а знал других. Вспомнилось про нераскрытый конверт, где-то, видно, прямо в нагрудном кармане у Дитмара прошитый пулями. Не удалось Мельнику и тому Феликсовичу в его телефоне остановить войну.

– Феликсовичу, – сказал Артем, трезвея. – Алексею Феликсовичу. Бессолову?

– Проспись, – посоветовал ему Савелий. – Вон друг твой срубился, и ты давай. Таким темпом до Балашихи еще нескоро.

Но Артем не мог. От напряжения закрутило.

– Останови, – попросил он. – Тошнит.

Савелий встал, Артем вылез опростаться. Без противогаза было легче, но на языке от фона горчило; плохо. И так гibly было вокруг, что Артем не сумел дальше рассуждать о том, кто у Саши хозяин, и кто у Мельника.

Вместо этого в голове зазудело: какой ты идиот, как ты дал себя обмануть полутрупку из туннеля, как поверил в предсмертный бред. Там нет ничего: ни в Балашихе, ни в Мытищах, ни в Королеве, ни в Одинцове, нигде и никогда.

– Дозу выхватил? – прогудел Савелий. – Или с похмельюги?

– Поехали дальше, – Артем хлопнул дверью.

С Садового скатились на набережную вязкой речки, от которой поднимался медленно тяжелый желтый пар. Потом через тыщу пустых домов еще, мимо странной крохотной красной церквушки, задавленной меж двух приземистых домишек, крестики тусклые. Рука сама поднялась к шее, нащупала через химзу талисман, погладила; мимо головы, мимо сознания.

Так оказались на прямой широкой дороге, очень широкой и прямой, как сама Красная Линия; ни скругления, ни излома – в одну сторону три полосы, в другую три, и трамвайные рельсы еще. И все забито, и только в одном направлении: на восток, прочь из ядовитого города. Забито заглохшими и врезавшимися машинами.

Вены Москве закупорили.

– Шоссе Энтузиастов, – прочел Артем на синей табличке.

Автомобили превратились в железки, в консервы. Бензин-то изо всех давно уже слили, а людей из консервов доставать не стали: куда их девать все равно? Машины так тесно встали, что дверей не открыть. Вот хозяева и ехали на них до сих пор на восток. Черные, усохшие, до костей еще давным-давно обгрызенные. Кто в руль уткнулся, кто на заднем сиденье прилег, кто ребенка укачивает. Хорошо, не от голода умерли, а от облучения или, может быть, от газов: не долго ждали и ничего толком не поняли.

Где можно было восемь рядов, втиснулись двенадцать. По машине каждые четыре метра. В среднем по три человека в машине, допустим, хотя многие были битком. Сколько это получится? Какой длины, интересно, это шоссе? Докуда идет, где оканчивается?

Дозиметр растрещался; малорослый Савелий ерзал беспокойно в своем кресле, для уюта или чтобы повыше было проложенном чьей-то белой шкуркой. Продираться приходилось по обочине, места еле хватало.

– Ну что, энтузиасты? – спросил он у Артема. – Балашиха, а?

– Тосклив и ссыклив, – ответил ему Артем.

Он перестал разглядывать спешащих пассажиров в застывших джипах и седанах. Надо-ели. Закрыв глаза. Во рту маялся вкус ржавчины. В никуда они с Савелием едут. Все правы, Артем неправ. Двинулся умом.

Сколько ему Саша отвела? Три недели?

И доктор столько же. Проштамповал врачебной печатью приговор. У доктора только печать эта и была, а лекарств не было.

А что делать в эти три недели? Что в них еще делать?

Ко всем вернуться, у всех прощения попросить?

У Ани – за то, что не захотел с ней жить человеческой понятной жизнью, и что детей ей не смог дать. У Мельника – за то, что задурил его единственную дочь. У Сухого – за то, что не смог его никогда назвать отцом, ни когда Артему шесть было, ни когда двадцать шесть. И сказать ему вместо прощай: па, дай денег.

Если еще чуть ноги пройдут – можно еще было бы разыскать Хантера. Выпить с ним напоследок. Сказать: у тебя не вышло, и у меня не вышло. Волосы только выпали, а больше я ничем на тебя не похож. Будут, значит, люди и после меня дальше сидеть в метро, будут жрать глисту, будут мыкаться впотьмах, травить байки, торговать свиным дерьмом и до последнего вздоха воевать. Не открою им камеру, не выпущу на свободу, не научу на солнце не слепнуть.

Потом взять патроны, которые ему Сухой ссыпал, пойти на Цветной, отдать их все Саше, и обняться с ней тихонько, прижаться к ней, лбами и носами соприкоснуться на эти деньги и ничего не делать, а просто лежать и смотреть ей в глаза изблизи. Ну и попросить Гомера, чтобы он забрал ее из вертепа, когда Артем отчалит.

А что, план.

Словно бы японочка быстрее пошла?

– Глянь.

Артем отжмурился.

Освободилась тропинка. Машины с нее были столкнуты, смяты и отжаты в другие ряды. Как будто шел громадный бульдозер и стальным ножом счищал их в сторону. До горизонта была проштроблена в сплошной ржавчине асфальтовая колея.

– Вот, – сказал Артем. – Вот! Кто это, по твоему, сделал?

Сердце запрыгало, закачалось на резиночках в полрой груди. Взопрело под непроницаемой химзой тело. Пошла опять от волнения кислая слюна; но Артем держал ее, осаживал. Не хотел останавливаться, терять даже секунды.

Нашли какую-то технику, привезли, работали в секретности наверху, разгребали вечную пробку; пробивали для транспорта дорогу на восток, на Балашиху. Такое, конечно, кроме красных, в полной секретности никто бы провернуть не смог. Значит, этот, в туннеле, не обманул. Надо только домчаться до горизонта, разорвать его, как финишную ленту – и вот: форпост. Место, где люди каким-то чудом наверху живут.

Нет, не зря все.

Не сумасшедший, не идиот, не жалкий фантазер.

– Дай газа, – попросил Артем у Савелия.

Леха дрых. Радио сипело. Расшибался ветер о лобовое стекло. Савелий гнал сто, колея сузилась от скорости, но он и не думал замедляться; Артему казалось, что внизу под тянущей резиной сталкер тоже улыбается своим железным ртом.

Кончились дома, начались странные дебри – с двух сторон поднимаясь над сузившейся дорогой, стволы клонились друг к другу, протягивали ветки, сплетались навесом, пытались или обняться, или другого удавить. Но листьев на них не было – как будто они дрались за солнце и за воду, но потратили на это остатки жизни. А те, кто рубил дорогу через машины, прошел, не колеблясь, и через эту чащу.

Потом заросли отошли, распахнулся простор, кое-как заставленный многоэтажными коробками; шоссе Энтузиастов приросло еще двумя рядами в каждую сторону, и все они, кроме просеки, были так же сплошь засижены покойниками; наконец бетонной петлей скрутилась впереди громадная эстакада.

– МКАД пересекаем, – сообщил Савелий. – Балашиха за ним.

Артем привстал на своем месте.

Где там, чудо? Сразу за кольцевой? Неужели вот – стоит пересечь сейчас окружную дорогу, и сразу фон упадет? Нет, счетчик только еще больше зачастил; колея сузилась, тут расчищали ее от падали небрежней, и мчать по ней стало трудней.

МКАД был широченным, как трасса в царство мертвых, и таким же бесконечным. На нем в очередь на судилище встали равно и легковушки, и грузовики, и русские неказистые коробочки, и вальяжные иностранные лимузины. У некоторых фур были кабины вперед опрокинуты, словно им головы рубили и недорубили; у всех – брюхо распотрошено. Железное стадо

растянулось от горизонта и до горизонта; МКАД закруглялся где-то неведомо где, как сама земля.

Но тут земля не кончалась. А продолжалась, та же самая.

Проехали табличку «Балашиха».

Ничто не было вовне МКАДа иначе, чем внутри.

Дома стояли пореже; вместо хрущевок подползли к дороге фабричные развалины. Что тут еще? Киоски разбитые у опрокинутых автобусных остановок; автобусы как газовые камеры с панорамным видом; ветер: рентгены в лицо, с востока на запад летят. День наступает, а никто его не видит. Совсем бы Артему развернуть и расстриться, одно удерживает: просека идет дальше. Куда?

– Ну? Где? – спросил Савелий. – Куда ехать, Сус-санин?

– Куда? – спросил Артем у того человека, который в туннеле кашлял.

Почему он ему поверил? Саша же сказала ему: никому не верь.

А как не верить? За что тогда цепляться, Саш?

– Вон! Это че там? – Леха заерзал сзади.

– Где?

– Вон! Че это там, слева? Шевелится! И не одно!

Шевелилось.

Крутилось.

Стояла у дороги, на открытом месте, башня не башня, мельница не мельница... Из рельсов, что ли, сваренная крест-накрест конструкция, этажа в четыре высотой, внизу шире, вверху уже; а к макушке ее был приращен огромный пропеллер в три лопасти. Восточный ветер, со сходу не разбирая пути, попался в ловушку, и, чтобы освободиться, крутил эти лопасти.

– И еще вон! Смотри! И еще!

Ветряки брели вереницей, один за другим, по обочине; за первым прятались остальные – один, два, три, четыре, много. Лопасти были метра по три длиной, неровные, обшитые серой от серого неба жестью; одного взгляда хватало, чтобы понять – это рукотворная вещь, не с завода доставленная, а собранная уже после конца, после Войны, недавно, может. Это их недавно строили.

Недавно, сейчас!

Недавно! – наверху! – кто-то возводил эти ветряки, эти мельницы, для чего-то!

Винты крутились вразнобой: казалось, целая эскадрилья шла с аэродрома на взлет – эскадрилья, может, тех самых белопузых тихоходов с прозрачными крыльями. Или эти пропеллеры хотели всю планету передвинуть, перенести куда-то в другое место – к обитаемой звезде какой-нибудь, на которую люди могли бы перескочить и тем спастись?

– Зачем это? – спросил гнусаво Леха с заднего сиденья.

Артем знал.

– Это как у нас на станции велосипеды, – ответил он не сразу, туповато, замороженно. – Это генераторы. Электричество вырабатывают. Из ветра.

– А это зачем?

– Дурак, что ли?! Значит, тут люди живут! Тут! Куда еще такая прорва электричества нужна? Сколько их? Ты глянь! Считай: шесть, семь, восемь, девять! Десять-одиннадцать-двенадцать-тринадцать! И вон там еще! Это целую многоэтажку можно запитать! Или две! Или три! Четырнадцать! Пятнадцать! Шестнадцать! Ты представь?! И это все ведь строил кто-то! Наверху! Как там фон?

– Такой же, – сказал Савелий.

– Ну и хер с ним! Значит, приноровились как-то! Или построили себе что-то для изоляции. Но наверху хотя бы! Зачем-то ведь им нужно наверху, красным? Что-то они знают такое, чего мы не знаем! Свет у них тут! У нас на все метро столько света нет, сколько эти ветряки

вырабатывают! Тут целый район людей может с этим светом круглые сутки! Останови, дядь! – крикнул Артем Савелию. – Останови, хочу посмотреть поближе!

Савелий заглох на обочине.

Артем выскочил, заковылял к ветряку, прищурился, задирая голову к небу, к медленным скрипучим лопалям. Все было исправно: из ветра и скрипа эти штуковины делали ток. Ни одна не стояла.

Приблизился Савелий со своим спецназовским, хитрым винторезом настороже. Изучил ветряную мельницу. Осмотрелся по сторонам, прислушался.

– А где люди-то эти твои тогда? – спросил он у Артема. – Где твой район живых людей, которые на этом электричестве и кашу варят, и сортир подсвечивают? А?

– Не знаю, дядь. Прячутся. Это же проезжая дорога. Что им сюда соваться? – объяснил Артем.

– То есть смотрят сейчас за нами?

– Могут.

Савелий вскинул винторез. Приложился к трубке прицела, обвел округу.

– Непохоже. Тут как в Москве, Артем. Порожняк.

– Дорога есть, ветряки построили. Кто-то строил же все это. Рабочие, инженеры, электрики!

– Нету никого, слепой, что ль? Построили и вернулись в метро. Доза же шкалит! Не вышел эксперимент!

Двинулись дальше: с шаговой скоростью, с опущенными окнами, чтобы ни одного человека не пропустить, ни самого маленького. Но ни единого не было. Деревья голые тянули к небу корявые пальцы, просили чего-то. За деревьями торчали опоры ЛЭП с оборванными проводами, которые издали не увидеть: дома заслоняли. Ветер путался в пропеллерах. Скрипели винты громоздкие неладно, не сообщая, и их совместный скрип не прерывался ни на секунду. Потом стало видно впереди, что ветряки заканчиваются. А форпост так и не появился.

– Дай назад. Проехали, наверное!

Савелий послушался. Пока разворачивался, Артем не дотерпел, опять вылез наружу. Пошел ногами, вслушиваясь, всматриваясь.

Где вы, люди?

Вы же есть! Вы же тут! Ну?! Вылезайте! Не бойтесь, я свой!

Хоть бы вы были и красные. Любые. Наверху разве есть эти подземные цвета? Они тут все под солнцем выгорят же, нет?

Появилась с краю дороги – собака.

Понюхала воздух, лениво забрехала.

Артем поковылял к ней. Это не сторожевой пес был: ошейника нет, породы нет, ничего нет; шерсть белесая с пропалинами, грязная.

– Что? – нагнал его Савелий.

– Видишь?!

– Псина.

– Она нас не боится. Она людей не боится. И смотри, смотри, какая жирная! Она лоснится просто! Домашняя! Понимаешь? А? Тут поселок. Где-то за деревьями. Она прирученная, она в поселке живет, как дворняги у нас на станции. Раскормленная какая!

Выбрели к той, белесой – еще несколько. Встреть Артем собак в Москве, сразу бы выцелил вожака и застрелил, иначе не уйти. Но тут они были другие: не рычали, полукругом не расходились, чтобы загнать добычу; а щурились мирно и только потягивали. Радиация покорежила их чуть, – у одной пять лап, а у другой рядом с большой головой еще одна, маленькая и слепая, – покорежила, но не озлобила. Они сытые были, вот что.

– Откуда они вышли? Вон, глянь! За деревьями тропка! Там люди и есть! – прогудел Артем Савелию.

Савелий приткнул машину, вытащил ключи. Леха хлопнул дверцей, выбрался наружу. От солнца на нем были поверх противогаза темные очки – в розовой оправе, сердечками. Савелий поделился.

Собаки обнюхали людей; Савелий шуганул их своим автоматом, они лениво, неверяще отбежали на несколько шагов. Бежать быстрее пузо им мешало. Откормленные.

Артем поднял пустые руки, пошел по тропе впереди всех.

– Люди! Эй! Не стреляйте! Мы просто мимо ехали!

Слышали они тут? Неясно: ветряки скрипели отчаянно, и Артемов голос вполне мог в их скрипе застрять.

– Есть тут кто? Ау! Не бойтесь, мы ничего плохого...

Трудно дышалось: через фильтры не проходило столько воздуха, сколько Артему сейчас было нужно. И иллюминаторы запотевали, туманились. Но не хотелось больше дозу брать: доза копится, каждый вдох сейчас жизни в минус, а ведь надо еще разобраться во всем, еще себя и целое метро утешить и обнадежить.

Савелий с Лехой ступали следом.

Собаки потрусили неспешно за ними, потом и впереди них, показывая дорогу. Через голые деревья не видно было ни дома, ни сарая, ни забора, но что-то высилось рыжее – в полусотне шагов от дороги.

Вышли на поляну.

Собаки, виновато виляя хвостами, заглядывая в глаза гостям, побежали к середине. Добрались – и провалились. Артем подошел ближе. Землянки там, что ли?

Яма это была.

Огромная ямища, вырытая экскаватором. Не яма – котлован. Рыжее через деревья – это вынутая глина с песком, целая гора, а никакая не землянка.

А в котловане – навалено людей.

Кто во что одет.

Мужчины все. Больше ничего не разобрать. Собаки объели.

Сколько их там? Много. Сверху только – двадцать, может. Но понятно, что под ними и другой слой, и третий, и так вглубь.

И собак много – но всем всего хватает, и поэтому-то они такие смирные, такие добрые. Спрыгнули вниз – и стали потихоньку дальше глодать кого-то. От этого занятия Артем их и отвлек своими воплями.

– Вот они, строители-то твои, – сказал ему в спину Савелий. – Строители, и инженеры, и электрики. Все тут лежат. Сделал дело – гуляй смело.

Артем оглянулся на него.

– Зачем это? – спросил он. – Это для чего?

– Ну как для чего? – прогудел ему Леха в очках сердечками. – А на Рейхе для чего? Ты как не свой прям. Ты думаешь, здесь по-другому будет?

Артем взялся за хобот, сорвал резиновую маску. Хотел воздуху, чтобы не тронуться; забыл, что трупы пахнут. Ударило сладко и отвратительно сразу по мозгам, он задохнулся и вырвал желчью.

Побежал, потащился прочь, прочь от разрытой могилы; а по ушам ездили, ездили скрипуче лопасти ветряков. Он вышел к ним – вот они стоят стройной колонной; злая работа, трудная – их тут поставить. Но поставили. Долго возводили, наверное. Потихоньку умирали одни, а другие вместо них приходили – нет, не сами шли, а приводили их сюда, политических и любых вообще, строить форпост, – и никто почти не возвращался; наверное, одни только те зувеские люди сбежали, но их и в метро достали, и шлепнули по-быстрому, чтоб не болтали. Вот как.

Жестяные крылья ветряков крутились неостановимо, тускло мелькали на тусклом солнце, но это была не эскадрилья мечтательных самолетов, а ножи мясорубки, к которым из Москвы, из метро подвозили людей, чтобы сделать из самих них собачий корм, а из жизней их накачать электричества.

– Для чего? – спросил Артем. – Куда вам столько света?!

Сплюнул кислую, горькую слюну, натянул противогаз.

И тут за деревьями взревело. Машина!

Артем упал наземь, замахал своим спутникам, возвращающимся от ямы. Те тоже улеглись, чтобы не просвечивать через голый лес.

Вырулил грузовик – на шести огромных колесах, на окнах решетки, вместо бампера клыкастый таран, вместо кузова – обклепанный железный фургон с узкими бойницами, дверка маленькая, все окрашено серым. С боковой дороги выехал на бесконечное шоссе Энтузиастов, на просеку – в том месте, которое они мимо проскочили на своей японке. Встал, замер. Чего ждет?

Артем не дышал. Слышали? Ищут? Видят приткнутую позади себя японку?

Нет. Снова зарычало – и из-за поворота выкатил на дорогу еще один грузовик, такой же в точности. Свежий, покрашенный. Встали один за другим, рыгнули черным дымом, загудели и двинулись на Москву. Рвали вперед по просеке, вписывались между наваленными консервами точно, аккуратно – и уже совсем скоро стали на сером асфальте не заметны вовсе.

– Оттуда, – сказал Артем. – Из-за поворота. Что там?

А там над деревьями торчали как раз опоры ЛЭП.

Он пошел вдоль обочины, пальцы сами обняли автоматную рукоять, неважно, идут там за ним Савелий с Лехой или задумались. Надо было найти это место. Надо было понять, что там. На что этих всех людей перевели.

Свернул с шоссе Энтузиастов на пристыкованную к нему дорогу; указатель назвал ее Обьездным шоссе.

И начал догадываться, еще не дойдя. Это не ЛЭП.

Это радиовышки!

Одна, две, три, десять, сколько? Это же и есть радиоцентр!

Он заковылял к ним вприпрыжку, и вышки тоже выползали ему навстречу из-за деревьев, за которыми раньше прятались. Надвигались на небо, сплетенные из железа, ажурные и высоченные. Что там Артемов провод, который он по крыше небоскреба разматывал! Вот антенны, которые должны до края света доставать! Если уж они не смогут принять сигнал из Полярных Зорь, кто тогда сможет?

– погоди! – поймал его за руку Савелий. – Куда соваться? На главный вход?! Напускную?!

– Да по херу, – сказал Артем. – Хоть на главный. Это радио, понял? Это антенны! Радиостанция! Эти все генераторы – вот зачем! Они рядом с ней построены! Не с поселком! Нет поселка! Они тут! Чтобы антенны питать! И всех этих работяг тут закопали, чтобы это радио работало! Понял ты?! Значит – что?! Значит, с кем-то есть связь! С Уралом с твоим, может! С бункером в Ямантау! С кем-то краснопузые разговаривают! Понял?! Иначе зачем охранять?.. Ты, дядь, делай, как хочешь. Мне три недели осталось так и так, я должен знать.

Он вырвал руку и зашагал дальше.

– погодь, балда! – яростно шепнул ему Савелий. – Куда соваться? Что мы тут против них втроем... Давай хоть посидим, прикинем.

– Ты посиди, я разведую.

Похромал под деревьями – уже видел бетонный забор, за которым стояли вышки. Только через забор как-нибудь бы... Может, ворота? Нет, к воротам не нужно.

В одном месте деревья подступали близко к ограде, Артем по сучьям вскарабкался; поверх бетона по забору была протянута колючая проволока. Ничего: этого он больше не боялся. Ткнул автоматом – не коротнет? Нет. Схватился, порвал рукавицы, распорол штанину, ногу опять в кровь, но не заметил даже сразу. Перебрался на другую сторону. Спрыгнул здоровым коленом вперед. Кое-как.

Если увидят – сейчас положат.

В удачном месте спрыгнул. Не сразу увидели: территория была в кустах, загромождена постройками кирпичными, хламом каким-то, в углу экскаватор даже свернулся, спит – тот, наверное, которым для строителей землянку копали.

Залаяла удивленная овчарка, выскочила из-за угла на Артема, а Артем ей тихую пулю в морду. Собака булькнула и скувырнулась.

Пополз вдоль здания – сторожки при воротах. Заглянул с тыла в окно: люди. Одеты в резину, через скафандр не понять, красные они или какого цвета.

Обошел, постучался в дверь. Открыли, а он им свинца. Как вы с нами, так и мы с вами. Разбираться потом будем, зря я так или не зря, через три недели будем разбираться.

На столе работает маленький телевизор, показывает ворота, забор. Крутит назад картинку: проглядели его прыжок, отвернулись, решили отмотать, не успели... А это Бог уж, значит, прикрыл... Который отец. Он это дело ценит... Весь Ветхий Завет... Одни войны... и спецоперации.

Нашел кнопку – «ворота». Ударил ее, вылез во двор.

И вот только тут получил пулю, на которую с самого начала напрашивался. В плечо. Успел добежать до стенки, хоть бы правильная была, спасительная, под стрелком, а не напротив. Прижался. Поднял целой рукой тяжелый автомат – пальнул наугад. Не та стена, не та! Чиркнула пуля еще одна рядом с головой, кирпичная щепка отлетела в стеклянный глаз, стекло треснуло. Побежал к противоположной стене – колено надсадил, пробило болью, подкосило, упал. Пошла очередь к нему фонтанчиками пыльными по земле, совсем уже подобралась к брюху – и тут от ворот кто-то застрекотал. Одним глазом: Леха! Отвлек на себя, спасибо!

Артем, поскальзываясь в пыли, поднялся – а из здания еще бегут трое, что ли. Все в химзе, замешкались, пока натягивали, видно. Леха спрятался за угол, по углу с крыши замолотили целыми лентами, не выйти, а эти трое заметили Артема, который еще на четвереньках, которому всего нужно еще пару шагов, чтобы удрать. Но не хватило шагов, и положили бы прямо в пыль мокнуть красным, если бы не влетела в ворота японка, не развернулась с визгом через обалделых бойцов, не перекинула их через капот. По ней, по ней сверху застроили. Леха выглянул – опять отвлек пулеметчика на крыше. Артем успел отойти, до дверей добраться; сталкер выскочил из машины своей, за нее укрылся. Савелий нашел человека на крыше в стекляшке своего винтореза, чмокнул глушителем два раза подряд, и пулемет у того захлебнулся. Один из сбитых поднялся, шатаясь, и Леху ударил глупо прикладом в челюсть. Начал разбираться в своем автомате, как пьяный, чтобы оглушенного брокера дострелить, но Артем подошел, пальнул ему в лицо, спас спасителя. Толкнул дверь, побежал по коридорам, на него кто-то бросился с пистолетом, он даже не успел сообразить, что и кто, просто вжал крючок, человек отшатнулся, и все. И все. И все.

А дальше уже было пусто и тихо. Во дворе тоже отстрелялись. Через окно было видно, как Савелий пинает ногой других сбитых, проверяя, всерьез ли погибли они.

Здание оказалось небольшим.

Коридор и комнат сколько-то там. Все двери нараспашку, вот лестница на второй этаж, и там та же картина. Есть пультовая, но человека, который в ней что-то понимал, Артем убил мимоходом.

Тьма кнопок там была и целая щетина из тумблеров, но все подписаны хоть и русскими буквами, а каким-то собачьим языком – одни сокращения; и некому длинных слов из них понаделать.

Артем сел на стул с колесиками.

Снял свой одноглазый противогаз.

Потрогал кнопки. Ну? Которая тут из вас свяжет меня с Полярными Зорями?

Нашел вроде, как частоты переключать. Вот наушники. В наушниках море шумело: фффффшшшшшшшшфф...

Дальше.

Кхххх... Кххххх...

Туберкулезный изолятор. Черный туннель, наполненный голыми зверолоудьми. Кашляют. Дышат через пробитые кирками дыры. Никуда не хотят уходить. Не хотят за ним наверх. Некуда там, говорят, идти. Все разбомблено, все отравлено, все заражено. Иди один на свой верх, ебанутый ты человек.

Кхххх...

Ррраз! Врезал с размаху кулаком по пульта.

– Работай!

Рррраз!

– Работай, сука! Работай, мразь! Что?! Что вы тут слушали?! С кем говорили?! Все эти люди в яме! Они для чего?! Все эти во дворе! Они – для чего?! Работай! Работай!!!

Рррррраз!

Кххх...

Фффффшшшшшшшшшхххх...

Такие огромные антенны! Вышки целые! Десять штук! На всех волнах могут и вещать, и ловить! Почему вы такие огромные и такие глухие, бляди вы бляди?!

Как тут вещать?! Как тут дохлону миру высказать все? Как послать его, все семь миллиардов мертвецов сразу как послать на хер?!

Зашел Савелий.

– Ну? Как там мои мама с папой?

– Никак! Никак!

– А кто-нибудь отвечает хоть? Или мы зря тут все это?

– А они не зря?! Они зачем?!

Савелий помолчал. Пошевелил с надеждой убитому радисту руку ботинком. Но тот был убит бесповоротно.

– Ладно. Валишь тогда надо. Он мог и предупредить этих своих, на «Уралах». Запросто. Сейчас вернутся, и капнут нам. Алексей, например, выбыл.

– Живой?

– В нокауте. Конкретно приложили. Я его в машину убрал. Короче. Давай, собирай стволы у ребят, и домой поехали. Хоть какая-то польза от поездочки будет.

Артем кивнул.

Тут больше нечего было делать. Вообще везде делать было больше нечего. Ему.

Он встал со стула на колесиках. Ноги не гнулись. Глаза пересохли. Пальцы, которые на Пушкинской были круглые, заточенные под ручку у тачки, теперь были впустую сложены так, будто в них зажата автоматная рукоять: указательный чуть вперед.

Подошел к радисту, отнял у него пистолет. Радисту было не жалко, сразу отдал. Форма у него была безликая, беззнакая. Кто ты? Зачем ты?

Пошаркал на улицу. У одного забрал автомат, у другого. На крыше пулемет, вспомнил. Не хотелось обратно туда, в этот радицентр.

Двери в машине были распахнуты. Постановывал, приходя в себя, Леха. Нудно шумел эфир в автомобильной магнитоле – громко, отчетливо. Так же, как и в пультовой. Можно было и не ходить туда. Можно было и не убивать посторонних людей. Не брать на душу греха, за который уже через три недели отчитываться.

Артем сел на землю. Осмотрелся тупо по сторонам.

Двери в сторожке открыты. Рука человеческая из-за створки торчит, в асфальт пальцами вцепилась. Рядом трансформаторная, желтая табличка с молнией на двери. Двухэтажный центр с радистом-молчуном. Что тут охранять? Зачем тут два «Урала» стояли? Зачем ветряки строить? Зачем яму копать экскаватором? Людей из метро гнать? Собак кормить? Беглецов разыскивать?

Скрипели ветряные мельницы, производили электричество, наполняли им щитовую, заряжали чертовы вышки.

Мололи души в муку, жизни в пыль.

Скрипели, скрипели нудно, наматывали Артемовы кишки на свои лопасти: ииии, ииии, ииии, ииии, ииии, ииии, ииии, ииии, ииии, ииии.

Глухие бесполезные вышки торчали над головой.

Ииии, ииии, ииии, ииии, ииии!

Он вскочил, захромал со всей скоростью, какая в нем от ненависти взялась, к трансформаторной. Снес прикладом замок, пнул дверь – та загудела треснутым колоколом – ворвался внутрь. Вот щит: лампочки, выключатели.

Глупо, неловко ткнул стволom в щиток. Хрустнули лампочки.

– Зачем, суки?! Куда вам столько света?!

Перехватил автомат, взял его как палку, как дубину – и прикладом врезал по щитку с размаха.

Брызнул пластик, брызнуло стекло, полетели на пол вышибленные предохранители, погасла лампочка.

Взял пучок цветных, словно детских, проводов, рванул на себя.

Внутри у Артема горело, внутри все скручено было, сжато; и не отпускало никак. Хотелось истребить тут все до конца, разрушить до основания, раскурочить эту блядскую бессмысленную станцию, пустить ток от мясорубок лучше в землю, в солнце, в космос.

Слезы бы помогли. Но в глазах что-то умерло, и слезы не могли пойти.

– Эй! Сюда! Артем!

Он вышел из потухшей трансформаторной на улицу – натянутый, неудовлетворенный, так и не освободившийся ни от мерзости, ни от глупости, ни от мрака. В ушах звенело. Во рту опять было ржаво от крови.

Увидел, как от растопыренной японки машет ему руками Савелий.

Почему-то на нем не было противогаза.

– Что?! – крикнул Артем, чтобы перекрикнуть звон.

Сталкер ответил что-то шепотом, неслышно, позвал Артема жестом. Тот побрел к машине.

– А?!

– Сюда иди, балда!!!

Морщины у Савелия на лице сложились странным узором. Вроде бы он улыбался. А вроде бы ему и было непереносимо жутко. Улыбка у него была сумасшедшая, и блестела железом.

– Что?!

– Не слышишь?!

Артем наконец доковылял. Нахмурился. Что еще?!

Из машины, изнутри что-то... Что-то...

Он ошалело оглянулся на сталкера, прыгнул на переднее сиденье, трясущимися руками мимо кнопок стал искать: как тут погромче?!

– Это диск твой?! Издеваешься, сука?!

– Дебил! – смеялся, заглядывая внутрь через открытое окно, Савелий. – Продидай от Ледиаги отличить не можешь?!

Из колонок лилась музыка.

Негромкая, нечеткая, спутанная с шипением – и непохожая совсем на ту музыку, которую Артему приходилось слушать в метро. Не гитара, не разбитое пианино, не заунывные басовитые гимны о Дне победы; какие-то смешные кривляния, а не музыка – но бойкие, заводные, живые. Хотелось пританцовывать под эту песню. А поверх шло знакомое: фффффшшшшххх... Это радио было, а не диск. Точно радио. Музыка! Не позывные, а музыка! Люди где-то музыку слушают! И ставят! Не говорят: мы тут выжили кое-как, а вы там выжили? А ставят музыку, чтобы другие люди под нее танцевали.

– Что это? – спросил Артем.

– Это, блядь, радио! – объяснил ему Савелий.

– А какой город?

– А хер знает, какой!

Артем вжал кнопку, поменять частоту. Вдруг еще где есть?

И сразу настроился. Сразу же настроился. Через секунду!

– Прием-прием! Это Петербург, это Петербург...

Тут нельзя было ответить, так что Артем сразу погнал вперед. Что-то на неизвестном языке закурлыкало, таком, будто человек грибов в рот напихал и говорить пытается.

– Английский! – пихнул его в простреленное плечо Савелий. – Английский, ты сечешь?!
Даже эти суки уцелели!

Kxxxxxx...

– Бехлин... Бехлин...

– Казань... Как слышите? Слышу хорошо! Тут Уфа...

– Владивосток – острову Мирный...

ШШШШШХХХФФФФ...

– Приветствуем свердловчан и область... Кто слышит...

Артем – насосавшийся эфира, пьяный – отвалился от приемника. Вытаращился на столкера, заплетающимся языком еле смог:

— Это как? Это что случилось?! Как это?!

– Ты что сделал?!

– Я сломал... Щитовую... Обесточил, наверное? Хотел обесточить.

– Вот и обесточил.

– Я не... Не понимаю.

– А что тут еще может быть?!

– А? ЧТО?!

– Это что за вышки, по-твоему?!

Артем выпал из машины, запрокинул голову, посмотрел на подпирающие небо антенны. Они с виду были такие же, как полчаса назад; только теперь дохлые.

— И что?!

– Ну ты их выключил, балда, и радио стало! Вся земля открылась! Это что значит?!

– Не знаю. Не знаю!

– Это глушилки!

– ЧТО?!

– Глушилки! Создают помехи! По всем частотам шум дают на полную мощность!

— И как это?

– И глушат весь эфир! Все! Весь мир! Как в советское время!
– Весь мир?
– Нээ тупы ушэ... – слабо попросил с заднего сиденья Леха незакрывающимся ртом.
– Весь мир, брат! Весь! Ты хоть понял, что весь мир живой?! Мы только думаем, что его нету! Поэтому и думаем! А он – есть! Ты – это – понял?!

Глава 16. Последний сеанс

– И фто с эым деуать? – спросил Леха, через силу ворочая прикушенным языком.

– Как что?!

Артем оглянулся на него: словно в первый раз увидел. Леха полулежал с задранной на лоб противогазом. Из рта у него текло, в руке была открытая бутылка бодяги: Савелий сунул для дезинфекции.

– Дай мне тоже.

Приложился – не помогло. На зубах заскрипели Лехины раскрошенные зубы. Посмотрел на горлышко: все в красном. Приложился еще раз.

– Поехали! – Савелий плюхнулся на свою шкуру.

– Куда? – повернул к нему голову Артем.

– Аллю! Куда?! Что – куда?!

– Обратно? В Москву?

– Какое обратно? Рехнулся? Вперед! В Екат! Домой!

– Сейчас?

– Сейчас, друг! Сейчас! Пока эти живодеры не вернулись!

Артем подумал. Высунулся из машины, сплюнул в пыль.

– А люди?

– Какие люди?!

– Ну в метро. Люди в метро. Они как? С ними – что?

– А что с ними?

– Ну им ведь надо... Сказать. Они узнать должны. Что мы не одни. Что глушилки. Что можно ехать куда угодно!

– Это я тебе говорю про куда угодно. Не сечешь? У нас сейчас шанс. Все дороги открыты. Соляры полный бак и еще вон канистры. Все на мази! Стволов насобирали, патронов! Это сейчас или никогда ситуация!

– Но они ведь правда вернутся сюда. «Уралы». И все починят. И глушилки эти опять заработают. И все будет, как было. Тогда что? Никто не узнает, что есть целый мир? Что можно из метро вылезать?

– Кто услышал – тот услышал, ясно? Сами разберутся! Ну! Едешь?!

– А кто услышал? Никто ведь уже даже и не слушает...

– Ну и хер бы с ними!

– Как это?

– Да так! Свердловская область разговаривает! Я этого сколько ждал? Какое метро? При чем тут метро?! Вот он, мой день! Надо двигать! Я ж ждал этого, этого самого ждал, готовился!

Артем толкнул дверцу ногой, вылез из машины. Задрал голову, посмотрел на замолчавшие вышки. Леха хлебал спирт, ничего не говорил.

Савелий крутанул ручку приемника. Оттуда заговорили квакая, грассируя.

– Париж, бляха! – сказал сталкер. – А? В Париж неохота тебе сгонять?

– Охота, – сказал Артем.

– К пидарасам, – заржал, подловив Артема, Савелий. – Что останавливает?

– У меня отчим в метро. Жена у меня в метро. Еще там... Все в метро у меня! Я им что, не скажу ничего? Я просто уеду, а они там останутся?

Сталкер провернул ключ; машина затарахтела.

– Ну как хочешь. У меня в метро ни отчима, ни мачехи. У меня, кроме шлюх, в метро никого. А шлюхи вряд ли прям подорвутся и помчатся куда-то. Им в темноте сподручней.

– Откуда ты-то знаешь?! Шлюхи, не шлюхи... – кровь у Артема стала нагреваться. – Никто по доброй воле в метро торчать не будет! Люди думают, что им деваться некуда! Красные, гады, они же людей в метро заперли и держат! Спрятали землю всю от них! Тебе это как?!

– Насрать.

– Насрать?!

– С Останкинской башни. Ну вот насрать, веришь? Насрать на метро. На людей. На тех, кто там кого-где-зачем держит. Это меня больше не ка!са!ет!ся! Я другое знаю. Если мы тут еще минут десять потянем, нас всех собакам скормят. Говорю, хватит этого херового геройства. Пристегивайся и стартуем!

– Я не могу, – подумав, ответил Артем сначала негромко. – Я не могу в гребаный Париж, когда у меня там все... Их вывести надо. Сказать им... Всем. Их дураят же! Они все, что делают... Зря! Туннели... Грызня... Глиста... Ну все, понимаешь? Все это зря! Жизненное пространство... Война... Грибная хворь... Голод. Сорок тысяч человек! Живые ведь все люди! Не только отчим мой, не только... Остальные... Все люди! Их выпустить надо!

– Как хошь, – ответил ему Савелий.

Артем помолчал. Протянул руку Лехе, снова глотнул крошенных зубов.

– Ну и ты как хошь, – сказал он.

– И что ты собрался делать?

Голова раскалывалась. Артем пожал плечами.

– Тут останусь. Попробую сломать их. Вышки.

– Как сломать?

– Не знаю. Может, у них тут есть гранаты какие-нибудь.

– Ага. Гранаты ему. На каемочке. Ладно, без толку. Хочешьдохнуть, я тебе не товарищ. Артем кивнул.

– Алло, галерка! – Савелий обратился к Лехе. – А ты с кем?

– Я пока тут, – произнес первоапостол красными губами. – Я не такой ъезкий.

– Ну и с вами тогда хер, – решил Савелий. – Дай плечо посмотрю твое хоть.

– Ты же спешишь вроде.

– У меня бинты есть и спирт, а у тебя голая жопа, – вздохнул Савелий. – Не стал бы я сейчас выеживаться на твоём месте. И вот еще аналгинчику хряпните. Просрочка, но доктора говорят, главное – в него верить. Прощальный подарок.

Пуля проскочила насквозь. Плеснули спирта, намотали бинт. Сойдет. Лехе тоже дали рот прополоскать. И в аналгинчик поверилось.

– Лезешь не в свое дело, – сказал Артему сталкер. – Так тебе и дали сейчас всех спасти. Одинокий ковбой, бля.

Артем не хотел об этом говорить.

Савелий хлопнул дверцами, взял руль, развернулся. Уже наполовину за воротами, тор- мознул в последний раз. Высунулся из окна.

– Вас убьют же, дебилы!

– Ну а хули делать, – ответил Артем: клубам сизого дыма в лицо.

* * *

Задвинули ручную ворота. Сколько они тут продержатся, когда их штурмовать начнут? Три минуты? Пять?

– А ты зачем остался?

– Да ну, – сказал Леха. – Ехать еще куда-то. Давай расхёачим эту хёй по быстьому – и домой. Может, пьоскочим еще.

– Я поищу пойду, чем их...

– Съешь, Атем... Я вот бошку себе съома'у уже: зачем эти гюшийки нужны вообще?

– У красных спроси. Может, чтобы всем снаружи рассказывать, что метро – это и есть они? Что они в Москве – власть? Может, удар по Ганзе готовят... Получают помощь от кого-то снаружи. Техника видел какая? В метро разве осталась такая у кого-нибудь?

И тот внедорожник на Театральной, подсказал он сам себе. Они же фашистов отстреливали. В форменной химзе. Война же?

Вот: Лехе объяснил, а сам не понял. Как так можно? Как можно сорок тысяч человек или сколько там – держать под землей? Какая цель такое оправдывает, интересно.

– Поднимись на крышу. Там пулемет остался. Посмотри за дорогой.

Снова проковылял мимо радиста.

– Где тут гранаты у вас?

Оружейный шкаф стоит пустой. Все по тревоге расхватили. Комнатки – в одной нары, в другой – столовая, ничего не спрячешь. Возвращался мимо пультавой – заглянул. Все огни погасли. Тишина, пыль в воздухе висит.

Одно жаль.

Вот станешь ты, Святослав Константинович, хрыч безногий, слушать оттаявший эфир, а извиниться уже не перед кем будет. А хорошо бы было добраться в Москву живым, чтобы вместе с тобой у приемника посидеть. Вот тебе, папаша. К нашему с тобой разговору. У меня, конечно, шиза, и я, разумеется, заикленный психопат, и уж дочурки твоей я так и так не достоин. Только на-ка, Святослав Константиныч, послушай. Слушай-слушай. Не морщись. А? Да, это Петербург. А это вот Париж. Ага, это по-английски. Точно, это Владивосток. Как это? А вот так. Вот так это, что Красная Линия черт еще знает когда запустила глушилки. Глушил-ки, Святослав Константиныч. Да-да. Ты-то знаешь, наверное, что это такое, в отличие от меня? А? Знаешь, а провафлил. Мы думали, они об Орден все зубы обломали, мы думали, им бункер этот сильно сдался, мы половину пацанов потеряли, чтобы только бункер к ним в руки не попал. А им, может, и дела не было до нашего бункера. У них помасштабней затея имела. А не может быть так, Святослав Константиныч, что бункером они просто прикрывались, отвлекали нас, осадой этой изматывали, чтобы мы не обратили внимание на главное? А?

Отнял у радиста еще и маску вместо своей одноглазой, отправился на улицу. Обогнул здание, вышел к вышкам. Крепко вкопаны, корни в бетоне, еще притянуты железными тросами к земле со всех сторон. Не спилить, не раскатать. На ближней увидел лесенку из арматуры, полез вверх – посмотреть, сколько времени осталось.

Упустил, Святослав Константиныч. Глушилки упустил, «Уралы» упустил, войну прозевал. Стареешь, папеч. Ты мне, конечно, можешь не верить, потому что я же заикленный, но ты послушай, послушай эфир. Послушай и скажи: а теперь вот какая миссия у нашего Ордена? Продолжать месить свиное дерьмо? Или вывести людей наверх? Ребят наших класть за то, чтобы люди морлоками оставались? Или помочь им добраться до места, где фон будет терпимый? Где они смогут – жить?! Мне это все зачем? Да ни зачем! Я уже не буду Моисеем, Святослав Константиныч, да мне и по хер, на самом-то деле. Это я так, перед одной шлюшкой покрасоваться. Я уже и не успею Моисеем побыть. У меня дембель через три недели. Я через три недели туда – в май, к оранжевым уточкам, мороженку лизать. А вот ты – мог бы. И еще можешь. Там нигде не сказано, что в моисеи по инвалидности не берут.

А?!

Ладно. Иди к черту.

Разбитое колено не сгибалось, не разгибалось. Пришлось карабкаться на небо так же, как из крошечного ада выбираться: хромоногим, прыжками, подтягиваясь.

Лез, пока территория внутри бетонного забора не стала размером с сигаретную пачку. Ветер тут был злой, хотел Артема сдуть и унести, мачты ходили, не глядя на стальные тросы.

Увидел кукольного Леху, увидел игрушечный экскаватор, через проплешину в леске увидел песочницу с мертвецами, ветряные мельницы детские.

На запад, к городу, шоссе заслоняли пустоглазые многоэтажки. На восток зато до самого горизонта открывалось. Савелия уже не было и следа: очень спешил домой. Зато показалось что-то другое. Какие-то жучки еле заметно копошились на дороге в далекой дали. Жаль, сталкер свой винторез забрал. Люди, что ли?

Пока спускался, думал: а где вы раньше-то были, люди?

Почему же вы до нас никогда не добирались?

С радио, допустим, так: вот красные поставили эти вышки, чтобы, ну, никто в метро не мог связаться с другими городами. И радио, хорошо, пустое. Но если есть еще места живые, обитаемые – неужели из них никто не пытался до Москвы доехать? Нет ведь людей из этих других мест в метро, ни Артем их никогда не встречал, ни кто еще из знакомых. Как это?

Мы-то про вас ничего не знали. Нам уши заткнули, завязали глаза, загнали нас под землю. Сказали: где родился, там и пригодился. А вам на нас, что, плевать было?

Спрыгнул здоровым коленом вперед на пыльную землю, зашаркал торопливо к караулке у ворот. Гранат не найдется?

– Ну что? – крикнул ему Леха.

– Там на дороге кто-то! Из области идут! Глаз не спускай!

Иногородние там, интересно... Или, к примеру, разведка на форпост возвращается? Скоро выяснится. Уже скоро.

Почти доскакал до караулки – и вдруг ошарашило.

Экскаватор!

Такой махиной можно ведь наверняка свернуть мачты. Ковшом... Или тягой. Если он на ходу только...

Свернул от караулки в угол. Через продавленный гусеницами бурьян допрыгал до монстра – оранжевая краска облупилась, стеклянная кабина треснула, дверь не запирается, стрела ковшом уперлась в землю устало и понуро, будто пьяный лицом в матрас.

Работает?

Вскарабкался на гусеницу, забрался в кабину. На что это похоже?

Ни на что. Рулевого колеса нет, вместо него рычаги; на одном набалдашник – муха в стекле, на другом – железный череп. А нет, вот еще из пола педали; и кнопки рядом. Замок зажигания залеплен чем-то, зато торчат провода. Рассоединенные. Попробовать? Красный с красным, синий с синим.

Пользуетесь вы этой рухлядью или не пользуетесь? Ну?!

Соединил голые концы: что-то пробудилось внутри, дернуло железо конвульсией, задрожало. Пыхнуло черной гарью. Артем поставил неуверенно ногу на педаль. Хотел сдвинуться – но судорога, которая оживила было машину, прошла – и та стихла. Успокоилась. Издохла.

Это Артем неправильно что-то сделал? Стало жарко под противогазом: это не я сломал!

Посмотрел на колотые, треснутые приборы: топливная стрелка лижет ноль от жажды.

Все.

Опять стало слышно ветряки. По ушам, по ушам, по нервам.

Иллюминаторы в противогазе туманом затянуло: время выходит, решения нет, зря остался сам и апостолу разрешил остаться зря. Обошел экскаватор кругом, нашел, куда солгарию лить. Крикнул туда: у!

Сука.

Поскакал, приволакивая ногу, к сторожке: может, там что-нибудь? Гранатомет?

Нет, конечно, никаких гранатометов. Есть два мертвых человека: один на пороге, ползет на улицу, другой в комнате, смотрит в потолок. Взрывчатки при себе ни тот, ни другой не держат: незачем. Прав был Савелий.

Ничего Артем с этими вышками не поделает.

Стояли, стоят и будут стоять. Вернутся «Уралы», люди без знаков различия застрелят двух потерянных идиотов, скинут их собакам зубы свинцом портить, поменяют предохранители, срastят разорванные провода, и антенны, которые могут достать до другого края земли, опять зашепчут хором, удувливая своим тихим шепотом любой крик.

И всем, кто привык уже к подземельной жизни, к пустому глобусу, и отвыкать не придется. Они даже услышать ничего не успеют. Моргнут глазом – а по радио уже снова передают любимую туберкулезную программу. Сверкнул мир и сгинул обратно. Опять они нормальные, а Артем шизанутый.

– Ну как? – крикнул с крыши Леха.

– Никак. Пока никак, – ответил Артем.

Пока.

Еще ведь не поздно уйти. Бросить это клятое место, спрятаться мимо несущихся «Уралов», притвориться высохшим пассажиром ржавой машины, обочиной-обочиной доползти до Москвы, и там как-нибудь... Что-нибудь. Еще три недели. Или две.

Обратно в радиоцентр. Опять мимо пультовой, еще раз по комнатам, шваркая дверьми, пиная шкафы и стулья. Где?! Где тут хоть что-нибудь?! Как тебя, тварь, уничтожить?! Как истребить?! Радист немой под ногами мешался – Артем оттащил его бешено в сторону, тот назло наследил.

Снова на улицу. Где не посмотрел?обежал центр сзади, прошерстил кусты, причесал бурьян. Потом назад, к сторожке обесточенной. Привет, привет. Телевизор обморочный показывает серое зазеркалье, а в зазеркалье все то же самое, только кривей и глупее. Было бы электричество, хоть периметр можно было бы наблюдать. Было бы электричество, можно было бы...

Поковылял к трансформаторной.

Распахнул дверь пошире, подпер ее, чтобы ветром скрипучим не захлопывало. Погорячился, прости. Нельзя поправить тут, а? Было бы электричество, можно было... Единственное, видно, уже, что можно...

На всех волнах...

Вы же на всех волнах шепчете, да? Так вы работаете, суки?

На всех волнах – и на коротких, и на средних, и на длинных даже, наверное, вместо слов, вместо музыки и позывных – шипите, слепите. Если вас снести нельзя – можно вас научить разговаривать?

Пальцы в толстой резине неуклюжие, тень, как не своя – свет не пускает, мешает видеть, окуляры запотели и уже текут. Что он тут сломал? Стал связывать лопнувшие проводки, предохранители на место защелкивать, убеждать их.

Ничего. Нет света. Ветряки ноют, а света нет.

– Лех! Леха! – выскочил во двор. – Ты в электричестве сечешь?

– А что?

– Спустись на сек, глянь!

Через две долгих минуты только вошел.

– Это ты так? Вандаь.

– Разбираешься?

– Ну так. Хотите стать эйектыком. Хйэбное деьо. Тойко хеьа-то ьысого кто даст. Там тоже своя мафия.

Артем выглянул наружу, втиснулся лицом меж прутьев на воротах. На дороге никого; не успели еще эти жуки доползти сюда? Пропустили поворот?

Первоапостол все возился с щитком. Переставлял предохранители, бурчал себе что-то под нос. Лампочка под потолком болталась дохлая, ничего в ее колбе не было.

– Ладно, слышишь? Брось. Забудь. Не твое это. Пошли домой.

А сам посмотрел тоскливо на серо-серый забор, составленный из бетонных угольников, и понял: отсюда нет дороги домой. Потому через него так легко было перелезть, что это ловушка. Внутрь легко попасть, а обратно не выбраться. Капкан. Будет вокруг приманки юлить, зачарованный, пока пружина не соскочит и не разрубит ему хребет.

– А что мое? – спросил Леха. – Говном по десять пьюек пожизненно токовать? Сваби, свет загоаживаешь!

– Скотина ты, – сказал ему Артем. – Я тебя в апостолы произвел, а ты ругаешься.

– Ты смешной, да? Давай, лучше я тебя в апостоы? Мне мама, между пьочим, бойшое будущее пьочича.

Леха подцепил что-то ногтем, щелкнул.

И стал свет.

Сердце подпрыгнуло. Артем сграбастал Леху, стиснул его, что было сил.

– Все! Ты у нас спаситель, ты, а не я! Смотри за дорогой!

Захромал мимо скрипа в радиоцентр: в буферной зоне лампочка горит! Ворвался в пультовую. Оседлал стул с колесиками. Научите понимать по-собачьи! Что тут на кнопках? Заставил себя выдохнуть, проморгался, пошел по надписям системно, сверху вниз и справа налево. Нашел тумблер: «ген. пом. УКВ», расшифровал: «генератор помех», перевел сверху вниз. Другие: «КВ», «ДВ», частоты разные, разбросаны по самодельному пульту, как придется. Нахлобучил наушники, пощелкал по частотам: очистились от шипения?

Изгнал змей из всех волн... Так? Кажется.

Теперь что?

Мачты железным лесом росли за окном; каждая была в проволочных лианах, опутывала ими свой диапазон, высасывала из него соки. Поэтому их тут было столько: чтобы глушить одновременно все далекие голоса.

Значит, можно и своим голосом их заменить?

Пальцы-глаза снова зашарили по клавишам. Включить вещание на УКВ-КВ-СВ-ЛВ...

Артем притронулся к микрофону на наушниках. Пригнул его ко рту: слушай меня. Проследил пальцами, куда шнур ныряет, нашел на пульте клавишу с лампочкой. Вдавил, поперхал себе в уши.

В уши всей планете прокашлялся.

Замер. Стащил противогаз: нужно, чтобы они четко Артема слышали – все они. Каждое его слово. Облизнул растрескавшиеся губы.

– Тут Москва. Вы слышите меня? Петербург? Владивосток? Воронеж? Новосибирск? Слышите? Это Москва! Мы живы! Не знаю, слышали ли вы нас раньше... Мы вас – нет. Мы думали, мы одни остались. Думали... Никого больше нет. Никого и ничего, понимаете? Как вам понять... Вы все это время друг с другом болтали... А мы тут... Господи, слава богу, что вы живы! Что вы есть. Что вы там... Песни поете. Как вы там? Мы вот... Все эти годы... Под землей. Боялись нос наружу показать. Думали, нам некуда идти, представляете? Не было радио. Не было сигналов. Какие-то бляди врубили глушилки тут... В Москве. В Балашихе. И спрятали вас от нас. Мы как глухие были. Как слепые. Сидели двадцать лет... Я – двадцать лет! – а мне всего двадцать шесть... Сидел под землей. Меня зовут Артем. В подвале. В метро. Вы хоть искали нас? Я вот искал вас... Мы искали. Думали, что весь мир сгорел, вся земля... Что некуда идти, ползти отсюда... А искали все равно, надеялись. Вы как? У вас танцы... Как же к вам хочется. У вас там можно дышать без противогаса? У вас воздух какой? Мы ничего про вас не знаем. Двадцать лет одни просидели. Я даже не знаю, почему. Зачем. Не понимаю. Зачем мы тут... В темноте? В бетоне? Мы найдем, кто это с нами так. Мы сломаем эти блядские глушилки. Мы опять вместе будем. Это Москва. Мы с вами будем, со всем миром. Мы живые, понимаете? Вы живые – и мы! Тут родня ваша, может, есть. Нас сорок тысяч человек уцелело.

А вас? Будем страной. Будем как раньше, наверху жить. Как люди. Я... Столько хотел вам сказать... Сто раз придумывал, что скажу. И все забыл теперь. Хоть бы вы слышали меня. Я буду тут говорить, сколько получится. Потом меня отключат, наверное. Те, кто поставил эти глушилки. Кто вас от нас отрезал. Они вернутся. Мы попробуем тут держаться сколько-нибудь. Но нас двое всего, а их... Красных... Вы, главное, не подумайте, что вам кажется. Или что это все шутка. Это не шутка. Я настоящий. Меня Артем зовут. Меня если убьют, другие в Москве услышат, и выведут остальных. Ты тут, Москва? Ганза? Полис? Все, кто еще не забыл... Кто еще слушает? Я ведь не один такой. Нас обманывали. Нас всех обманывали. Давно уже можно было выходить из убежища. Ехать, идти, куда хочешь. Куда угодно! Париж вон... Даже. Или Екатеринбург. Красные от нас все спрятали. Для чего? Чтобы надежды не было? Я не знаю, для чего. Не могу понять. Мы просто... Мы просто можем теперь жить. Все подниматься наверх – и жить. Как раньше. Как люди. Как человеку положено. Жить! Слышите?! Вот: я не сошел с ума. Они есть – и Россия вся, и Европа, и Америка... Все есть! Слушайте сами! Они есть – и мы теперь есть тоже!

Он выключил режим передачи, пустил вместо себя города болтать, снял притихшие наушники. Никому он это вещал или шептал кому-то? Не понять.

Хватит мычать.

Пусть сами послушают других. Землю пускай послушают.

* * *

– Артем! Тут люди пришли! Артем!

Артем схватил автомат, натянул маску, выковылял из буфера, ткнул стволом вихрящуюся на скрипучем ветре пыль.

У ворот за решеткой стояли трое.

Все трое руки тянули вверх: показывали, что не хотят драться. Противогазы – кустарные какие-то – у всех троих были сняты, спускались на лямках на грудь. Химзащита, тоже самодельная, не обвисла мешком, как армейская кондовая, а была подогнана ровно по фигуре. Двое молодых парней походили друг на друга, как братья. Третьим был могучий седобородый мужчина с длинными серыми волосами, собранными на затылке в пучок.

Парни переглядывались и улыбались.

– Все-таки есть! Есть, бать! Люди! Говорю тебе, что я слышал! – сказал один, довольно оглядываясь на старшего.

– Здравствуйте, – произнес тот спокойно, уверенно.

Артем ствол не опускал.

Смотрел на этих людей. Парни были румяные, подстриженные, обрезы самодельные положили на асфальт, руки у них были пустые; из-за решетки Артем мог сейчас одной очередью всех скосить.

Но пришлое этого будто вообще от него не ждали.

Молодые улыбались. Друг другу, Артему. Как кретины. Как нездешние. Их отец смотрел спокойно, ничего не боясь. Глаза у него были голубые, даже от возраста не выгоревшие. В левом ухе болталось серебряное кольцо.

– Кто такие? – прогундосил Артем в хобот.

– Это Москва уже? – спросил у него седобородый. – Мы в Москву идем.

– Это Балашиха. Вам что от нас надо?

– Ничего, – степенно ответил тот. – Мои пацаны вбили себе в голову, что в Москве остался кто-то живой. Что зовут, мол, на помощь. Вот – собрались, пришли.

– Откуда? Вы – откуда?

– Из Мурома.

– Мурوما?
– Город есть такой. Между Владимиром и Нижним. Нижним Новгородом.
– Сколько километров? Отсюда?
– Триста километров. Приблизительно.
– Вы сюда триста километров шли? Пешком? Вы кто вообще?
– Я – Арсений, – произнес седобородый. – Это Игорь, это Михаил. Сыновья мои. Игорь – этот – уверяет меня, что поймал радиосигнал из Москвы. У нас-то считается, что вся Москва выжжена. Убедил брата. А вдвоем уже они – меня.
– Зачем?
– Как сказать... По радио, говорю же, на помощь звали. Искали, где еще люди выжили. А людей в беде бросать... Не по-христиански. Но вы, вижу, и без нас тут справляетесь. Чаю можно у вас? С дороги мы.
– Стойте, где стоите!
– Извините, – усмехнулся Арсений. – У вас тут режимный объект?
– У нас тут... – Артем оглянулся быстро на Леху; тот поднял руку – все под контролем. – У нас тут объект. На дороге машин не видели?
– Проехал пикап навстречу. Мы голосовали, но он пролетел на полной скорости.
– Голосовали?
– Рукой. Знаете? Чтобы он остановился. Хотели уточнить дорогу.
– Чтобы он остановился? – Артем выпустил смешок.
– Тут так не принято? Подвозить?
Артем помолчал, послушал сквозь ветряки: а не засада ли?
– Вы сюда шли триста километров, чтобы спасти каких-то незнакомых людей? Думаете, я поверю?
– Ладно. Можно и без чая. Пойдем-ка мы дальше, – определил Арсений.
– Не-не, па! Ну ты что? Куда?
– Игорь, – отвесил сыну Арсений. – Не спорь.
– Ну спроси хоть, что в Москве-то? Там-то есть реально кто живой? Или... Знаете, дядь, я радио балуюсь... И я вот правда ловил несколько раз. Такое: тут Москва. Ответьте, Петербург, там, Ростов. Это что было?
– Что это было, – повторил Артем.
Скользнул по ним взглядом. По их странной одежде, по задранным пустым рукам, по болтающимся противогазам: вместо иллюминаторов-окуляров – сплошное стекло. И увидел себя, отраженного. За решеткой. С резиновым лицом, с круглыми туманными глазами. Пьяного, раненого, наанальгиненного. Посмотрел сам себе в настороженное дуло.
Вспомнил черных почему-то. Тот день на наблюдательной площадке Останкинской башни. Почему вспомнил?
Верить или не верить.
– Подождите.
Вошел в сторожку, вдумчиво и неспешно нажал кнопку, которая открывала ворота. Услышал, как заскрежетало снаружи.
Их трое.
Они стояли там же, и рук не опускали. Ружья лежали на земле.
– Проходите.
Снова меж собой переглянулись.
– Пойдемте внутрь. Можете взять свое оружие. Я вам... Расскажу про Москву. И... там трупы. Не пугайтесь.

* * *

– Я и не жду, что вы поверите. Я бы не поверил. Я и сейчас говорю вслух, а сам не верю. Не могу понять. Знаю умом, а понять не могу.

– Круто! – Игорь или Михаил даже в ладоши хлопнул. – Вот это жизнь, вот это движ! А покажешь метро нам?! А то у нас там тухляк такой в Муроме, ваше ничего не происходит!

Артем не стал отвечать.

– И что же... – Арсений потянул себя за сережку. – Вы тут будете оставаться, пока вас не убьют?

– Нужно. Сколько можно продержаться – столько постараюсь. В общем... Вот вам про Москву. Они, может, не успели еще передать сигнал, когда мы их штурмовали. Но теперь точно все услышали. Скоро будут тут. Езжайте домой. Это не ваше дело. Потом... Когда-нибудь вернетесь. Если захотите. Когда тут все кончится. И по дороге не нужно.

Арсений не двигался. Игорь с братом ерзали беспокойно на твердых стульях. Отец курил с Артемом, сыновья глядели на него завистливо, но просить не решались.

– Я домой не хочу, батя! – баском запротестовал Михаил или Игорь. – Давай останемся. Я бы помог.

– Смысла нет, – сказал Артем. – Сколько их там? Может, двадцать человек. Может, больше. И они уже готовы будут. Мы даже впятером не удержимся. А потом... Красная Линия. На ней тысячи людей живут. У нее армия. Армия настоящая.

– Останемся, па?

– Идите. Не надо. Идите, расскажете там у себя... В вашем Муроме. У вас правда можно без фильтра дышать на улице?

– Правда.

– И овощи... Растут? Нормально?

– От дождя закрываем их. Дожди опасные. Воду чистим. Но так – да. Помидоры. Огурцы.

– Помидоры это прекрасно.

– Странно слышать про коммунистов. Про фашистов. Какой-то прошлый век.

Артем пожал плечами. Думал сейчас: как он от порога еще, еще через решетку не угадал, что эти трое людей не могут быть разведчиками с форпоста? Они же вообще не похожи на людей из метро. Ничем. Как будто с Марса прилетели.

– А вы там... Во что верите?

– Мы в монастыре там живем, не в самом городе. У нас монастырь старый, красивый, на берегу реки. Свято-Троицкий. Настоящая крепость. Такая, знаешь, белая крепость с небесно-голубыми куполами. Поразительное место. Там нельзя в Бога не верить.

– А вообще – в себя, – гавкнул задорно Игорь или Михаил.

– Везет вам, – вкривь и вкось улыбнулся им Артем. – А у нас ни монастыря, ни себя. Ни хера не осталось.

Арсений закрутил окурок в мятую банку из-под какой-то доисторической рыбы, поднялся с места.

– Это тебе надо говорить. Тебе надо людям все рассказывать, а ты теряешь время на нас. Иди.

– Я вас провожу.

– Не надо. Ты... Говори. А мы уж постараемся сделать так, чтобы ты говорил подольше.

* * *

– Едут! С вышки видно! Едут уже! Они?

Ветер устал, и скрип умолк. Тихо стало снаружи – ватно-тихо, как на Садовом. И в этой тишине только зудели совсем далеко пока еще высоким голосом как будто бы нестрашные моторы.

– Сколько их? – и, не дожидаясь ответа, Артем опять полез на небо сам.

Они мелькнули в просвете между многоэтажками – один, другой, третий – и пропали. Три грузовика точно, может, больше. Нет, еще! Еще два! Пять. Пять одинаковых. Ехали сюда от Москвы. Замызганные панельные дома прикрыли их, отсекали звук. Минут десять им, наверное, ехать.

Сколько в этих грузовиках? Пятьдесят человек влезут. На крышах пулеметы. И снайперы есть, наверное. Одновременно если на штурм пойдут... Никто из Артемова войска не успеет и глазом моргнуть. Всех положат. Всех – собакам.

Десять минут. Значит, надо спускаться. Начинать последний сеанс.

Все успеть сказать. Арсений с сыновьями и Леха купят ему немного времени, добрые люди. Теперь – никакой посторонней болтовни.

Принимает его кто-нибудь или нет? Москва не ответила ни разу. Но ведь не нужно рации с обратной связью, чтобы слушать. Достаточно и приемника. Лишь бы слушали, пускай молчат.

Снова вроде вжикнуло вдалеке.

Артем повел ухом на звук. Прищурился...

С востока, из ничего, из России – гнала к форпосту точка: пыль столбом. Она дальше от поворота на радиоцентр была, чем грузовики, но мчала быстрее. Кто?!

Пора было уже не то что ползти вниз – прыгивать! – но Артем не мог отпустить точку, пока она не подросла. Что-то... Серое? Серебристое! Не точка, а как автоматная пуля – вытянутая; универсал!

Савелий?

Ноги со спеху скользили по тонкой арматуре; анальгин со спиртом выдыхались уже, и не так просто стало шевелиться. Потерял несколько секунд. Хотел объяснить все Игорю-Михаилу, но понял: самому быстрее получится. Оба ждали во дворе – дерганные, испуганные и радостные.

– Давайте на второй! Из окон будете! – приказал он братьям. – Леха! Дорогу паси!

Открыл ворота, и вместо радиопередачи выбежал на шоссе. Их сейчас пятеро всего, и то Артем вещать будет; а если Савелий успеет, он один за двоих зачтется. Только к ним ли он возвращается? Что забыл?

Звенело в обоих ушах.

Грузовики сложились в один, как карточная колода. Мчали с включенным светом, не скрываясь.

Из противоположности им навстречу, как будто чтобы расшибиться о них, летел приземистый универсал.

Мясорубочные ножи остановились, дожидаясь, пока подвезут людей.

Артем махнул Савелию: давай, ждем! И обратно – в укрытие.

Рев «Уралов» уже был совсем отчетлив, когда визгнуло на шоссе тормозами: универсал-пуля первым пришел, с разгона ввинтился в поворот, и уже в закрывающиеся ворота успел.

Савелий все-таки.

Савелий!

– Я это... Решил отложить отпуск... – объяснил он уже из багажника, вытягивая баул с пулеметом. – Сейчас вот доработаем – тогда поеду.

Артему захотелось прямо обнять его, поцеловать в морщинистую шкуру.

– Херовое геройство, – сказал он Савелию вместо этого.

– Мы еще из их «КамАЗов» себе соляры нацедим! – подмигнул сталкер.

– Соляры, – повторил Артем. – Ты же на дизеле?

– На нем.

– Дай канистру!

– Че хоть?!

– Канистру дай! Дай! Соляры! Соляры дай!

Вырвал у Савелия пластиковую баклажку с мутью, поскакал с ней, посекундно оглядываясь на забор – где полезут? – там, где Артем перелезал? – к коматозному экскаватору.

Жри! – Артем ливанул в пересохшую экскаваторную глотку жидкой радуги из канистры. Хлебай! Тебе тоже хотелось, а? Хоть и с крошеными зубами, хоть и на крови. Надо убраться напоследок. Боевые сто грамм. Полез на гусеничный трак.

– Ты что?! – Савелий торчал рядом, внизу.

– Вывернуть к храму эти вышки! – Артем связал проводочки – осторожно и неслышно-молитвенно, как будто с миной разговаривал.

Грузовики ревели уже тут, на повороте. Потом заглохли. Высаживали десант?

Вжал педаль.

Давай! Дав-в-вай!

Экскаватор судорогой дернулся.

Всхрипнул. Встряхнулся. Заревел. Очнулся. Ожил. Ожил!!!

Рычаги тут. Впереди два, и по бокам от сиденья два еще. Один тронул – стрела вверх пошла. Другой – развернулась, и в забор зубами – хрррсь!

– Те два рычага! – заорал на него Савелий. – Впереди! Как на танке! Вылезь! Вылезь, балда! Дай я!

Вскарабкался в два присеста на трак, дал Артему пендаля, чтобы тот из кабины выметался. Вцепился в рычаги.

– В сторону! Размажу!

Развел руки в стороны – и экскаватор, пятьдесят он тонн или сколько, вдруг пошел кругом, как будто в танце закрутился, закружился на месте.

– Кррррасота! Скучал по гусеницам! – загоготал Савелий. – Откуда начинаем?!

– С дальних! С дальних давай! Убирай его отсюда!

За бетоном, наверное, уже рассыпались люди без различий; может, уже разматывали крюки-кошки; а снайперы в ветках гнезда вили. Не успеешь за секунду – опоздаешь навсегда.

До центра донесся, забыв о колене. Все. Все.

Через ветви показалось: человеческие тени. Мимо ворот кто-то шмыгнул.

– Там радио! Там голос! Вызывают! – со второго крикнул Михаил-Игорь.

– Окружают! Вокруг расходятся! Стрелять?! – Леха с крыши.

Мимо окна пульта медленно полз поднятый из мертвых экскаватор, окутанный гарью, заноса уже единственную свою, покрытую трупными пятнами, руку для удара.

– Вызываем! Срочно! – сдавленно, по-комариному звенели наушники.

Кому приспичило сейчас?!

Что же вы раньше-то все молчали, как в рот воды?

Дышать нечем. Артем рванул ручку, распахнул окно. Стал дышать сладким дымом; и теперь вот еще услышал: гнусавое, в мегафон:

– Приказываем! Немедленно! Покинуть! Здание! И! Сложить! Оружие! Обещаем! Сохранить! Жизнь! В противном! Случае!

– Ту! Дальнюю! – Артем махнул в окно.

Экскаватор загремел ржавыми костями, потащился, куда велено. Хватит ему сил? Радуги хватит?

– Артем! – собрав сил, пропищали наушники на столе. – Ты слышишь меня, Артем?!

Он поднял их слишком медленно – не хотелось сажать их себе на голову, затыкать ими уши.

Стрекотнул на крыше пулемет... Для остротки? Или на штурм пошли?!

– Кто это?!

– Артем! Это я! Это Летяга! Летяга, Артем!

– Что?

– Летяга, Артем! Я! Вторая минус! Ну?! Я!

– Что ты? Ты слышал меня?! Ты слышал?! Красные глушили весь эфир! Я не сошел с ума! Весь мир! Мы одни под землей, идиоты! Я эти глушилки на хер снесу сейчас! Скажи Мельнику... Скажи ему... Что я...

– Постой! Ты слышишь меня? Стой, Артем, не надо... Подожди!

– Я не могу! Не могу ждать! Тут красные... Красные вокруг. Сейчас – штурм. Нас замесят тут. Но мы успеем глушилки все к едреной...

– Нет! Не замесят! Мы можем... Мы договоримся! Не трогай ничего!

Пулемет зашелся опять в припадке, и грянуло еще внутри здания: со второго этажа тоже палили.

– С кем?! С красными?! Договоритесь?!

– Это не красные! Не красные, Артем!

Ухнуло туго и могуче за окном. Еще. Проскрежетало громко дьявольски, как поднимающийся железный занавес от горизонта до горизонта. Застонала трубно усталая сталь. И неторопливо, величественно – завалилась подкошенная мачта – вдоль дома, вдоль чуть не всей территории; дрогнула земля.

– Поздно! Тут все уже! Все к ебням!

– Нет! Нельзя ломать! Я знаю! Мы знаем про глушилки! Это не то... Не то, что ты думаешь! Я могу остановить этих! Я остановлю их! Не будет штурма! Просто дождись меня, Артем! Дождись! Я все объясню!

Лязгнуло, застонало снова.

– Кто это?! Говори! Зачем?! – Артем сорвал наушники, высунулся в окно.

С забора свисал серый человек, распятый на колючке, хотел отвязаться, а из рук уже вся сила ушла. Экскаватор завизжал и замахнулся опять.

– Прекратить огонь! Остановите! Штурм! Орден! Мельник! – пищал Летяга-комар кому-то в сторону. – Артем! Артем! Они подождут! Ты тоже подожди! Я еду уже! Слышишь?! Артем!

Пулемет успокоился. Отступили серые или это снайпер отыскал Леху?

Бомм! И еще один баобаб отпустил цементными корнями сохлую землю, а верхушкой – облака, и стал мучительно, нехотя крениться.

Мы с тобой одной крови? Одной, Летяга? Если не с тобой, то с кем?!

– Стой! Стооооой!!! – Артем по пояс вылез наружу, чтобы Савелий его мог заметить.

Экскаватор задумался. А мачта, все равно уже срубленная, стала мимо окна тяжело опускаться наземь. Артем выдохнул черный дым и поверил наушникам. Не сумел не поверить.

– Жду! Жду, Летяга!

* * *

– Вам сколько лет? – спросил у Артема Михаил.

Игорь – который чуть пониже, поизящней. Михаил – поглубже вылеплен, понебрежнее; и помедленней из-за лишнего тела. Наконец Артем стал отличать их.

– Двадцать шесть, – сказал Артем. – В марте было.

– Овен по гороскопу? – поинтересовался зачем-то Игорь.

– Без понятия. Тридцать первого числа. Еще денек – и родился бы первого апреля. В День дурака. Надо было посидеть, наверное.

– Овен. Упрямый.

– Двадцать – шеееесть? – Михаил поднял черные брови. – Вот, блин, не дал бы.

– А сколько бы дал?
– Не знаю. Сорокет?
– Спасибочки, бля.
– Не слушай дурачков, – Арсений выдернул из бороды волос. – Им все, что старше двадцати – уже сразу сорок.
– А вам-то самим сколько?
– Мне семнадцать.
– Мне девятнадцать.
– Странно, – поразмыслив, отметил Артем. – Вот вам двадцати еще нет, а вы оба наверху родились.

* * *

Удивился Артем, когда он остановился у ворот?
Удивился.
Тот самый бронированный внедорожник, который стегал его свинцом, гнал его по Тверской. Тот самый. Отошла тяжелая дверь, прыгнул в пыль Летяга: без маски.
– Я один! Впусти!
Внедорожник захлопнулся, сдал назад, к шоссе Энтузиастов, к ветрякам.
Артем посмотрел камеры, потом только приотворил Летяге. Тот потряс головой, надул щеки, скосил на Артема глаза. Обнял его.
– Херово ты выглядишь, брат.
– Работа на открытом воздухе.
– М-да. Работенка. Наделал делов.
– Я?!

– Старикан тебе всыплет. Айда к радио.

Артем провел гостя внутрь. В коридоре ждали – Арсений с сыновьями. Леха с крыши смотрел в деревья, Савелий – в экскаваторе калачиком свернулся, чтобы снайперы не нашли. Обещали серые люди перемирие, а условий не назвали. Тревожно.

– Это кто? – подозрительно кивнул на пришлых Летяга.

– Люди. Люди это, брат. Из другого города живые люди. Из Муром. Пришли нас с тобой спасать.

– Из Муром? – спросил у Арсения Летяга. – Это север где-то?

– От Москвы – на восток, – ответил тот.

– А от кого спасать нас будешь, отец? – Летяга спросил. – От черта рогатого?

– Такого, как ты, разве что от самого себя, – улыбнулся ему Арсений.

– И где твой Мельник? – Артем мимо радиста двинулся в пультовую. – У меня уже у самого зудит...

На секунду только повернулся к Летяге спиной.

Запшикало торопливо.

Обернулся – на пшики, на иней по спине, на бульканье – а пришлые по полу раскиданы, все трое. И Летяга между ними уже как журавль переступает, добывает их каждого в голову сверху вниз.

Увидел Артема – и бросил «Стечкин» на пол. Поднял руки.

Полминуты всего – а он убил навсегда троих людей.

– Ты... Ты что... Зачем...

Автомат зацепился за химзу мушкой, руки тряслись, но Летяга был терпеливый человек – подождал, пока Артем на него нацелится толком.

– Люди... Из Муром... К нам! Ты скотина!

- Тихо. Тихо, Артем. Не надо.
- Тварь! Ссучился! Ссучился?!
- Послушай. Успокойся. Все. Все.
- Что – все?! Что?! Ты их зачем?!

У Арсения и Игоря еще улыбки не прошли. Во лбу дыра, а губы смеются. Михаил был серьезный. Пол теперь весь был залит липким: нельзя не вступить.

- Это шпионы. У нас приказ, Артем.
- Какой?! У кого?! От кого?!

– Приказ. О демаскировке. О противодействии демаскировке, то есть. Мельник... Пускай объясняет.

– На колени встал! Руки за голову! Чтобы я видел! На коленях пошел! В пультавую! Сюда! Давай! Где твой Мельник?! Где он?!

– Дай... Вот я, вот. Ничего. Я ничего не делаю. Сейчас... Настроюсь. Все. Не волнуйся. Я тебя понимаю. Товарищ полковник?

- Наушники на стол. И отойди. В угол отойди.
- Артем? – засипело в динамике. – Артем, ты там?

– Что это?! Это все – что?! Говори, что это! Я до трех считаю, ясно тебе?! Старый ты... Что тут происходит?! Зачем эта крышка над Москвой?! Зачем от нас мир прятать?! Почему ты врал мне?! Зачем?! Ты гнида ты... Старая... Безногая... Зачем ты мне все это время – врал?!

– Это не крышка, Артем, – Мельник проглотил все, не подавился. – Это не крышка! Это щит!

- Щит?!
- Это щит, Артем. Эти глушилки не мир от Москвы прячут. Они Москву прячут от мира.
- Зачем?! Что вообще...

– Война не закончена, Артем. Не только мы выжили. Наши враги тоже. Америка. Европа. Запад. Сохранили арсенал. И они не добивают нас – только – только! – потому что уверены, что мы сдохли все, что тут больше ничего нет! Что все уничтожено. Если допустить демаскировку... Хоть каким-то образом... Радио, или проникновение... Если они разведывают как-то, а они хотят! Нас тут же – в порошок. Всех. Слышишь ты?! Нельзя эти глушилки! Не смей их трогать!

- Война кончилась сто лет как!
- Никогда она не кончалась, Артем. Никогда.

Глава 17. Все правильно

В зеркале заднего вида остались: покинутый радиоцентр, десять уцелевших вышек, экскаватор с задранной рукой, так больше и не ударившей, судьбоносный поворот с шоссе Энтузиастов на Обьездное шоссе, не три и не четыре – а шесть бронированных грузовиков с бамперами-клыками и пулеметами на крышах, цепь людей без различий и цепь заработавших под свежим ветром пропеллеров. Много всего было теперь позади, а как-то смогло уместиться в запыленный квадратик. Казалось громадным, а оказалось маленьким. Не влезли только: Арсений и двое его сыновей.

– А они что? – спросил Артем. – Их похоронить хотя бы.

– И без тебя приберут, – сказал Летяга. – И за мной, и за тобой. Проехали. Расслабься.

И еще собачий котлован не попал в зеркало.

Савелий и Леха сидели рядом, на просторном заднем сиденье. Артем, когда неприкосновенность себе покупал, им тоже взял на сдачу. Савельева японка пылила сзади, привязанная к внедорожнику, взятая в полон. Отказался бросать ее.

– Подозрительные типы, – поучаствовал Савелий. – Я их еще когда на трассе увидел, сразу подумал.

– Они из Мурома сюда пешком шли, – сказал Артем. – Там у них монастырь красивый, говорят. Белый с голубым.

– Говорят, что из Мурома, и говорят, что пешком, – поправил его Летяга. – Может, их вертолет за десять кмэ отсюда высадил. Дали им легенду на отработку – и вперед. Все время кто-нибудь проникнуть пытается. Так и лезут, твари.

– А это они меня к рации позвали... – вслух подумал Артем. – Когда ты вызывал. Зачем им?

– Не знаю, – признался Летяга. – Но приказ у меня четкий.

– А у меня, между прочим, сразу в башке тренькнуло, – Савелий подвинулся поближе к разговору. – Вот я как услышал английский в приемнике, сразу: оп-па! Пиндосы-то не окочурились! Мы тут, значит, думаем, что проутюжили их до победного, а они песенки себе распевают. И я такой: а дальше че? Ведь не дадут же нам спокойно дышать! Они же ж только и мечтали – развалить нас! Колонизировать! Ротшильды эти, весь этот мировой пидарастический интернационал. И я вот сразу, ей-богу: а это не они ли нас так в метро по говну мордой возят?

Леха причмокнул беззубым ртом; что имел в виду? По дому соскучился?

– Ага, – из-за руля буркнул Нигматуллин. – Если бы. Будут они мараться. Они нас сразу ракетами, как только пронюхают. А перехватывать нам их чем? Ни хрена не осталось.

– Не, ну теперь-то ясно. Вы как объяснили, у меня сразу все на место щелкнулось! – цыкнул Савелий. – Все сошлось. Глушилки эти. А то я еду, блин, и думаю: ну как? Для чего? То, что Артемий там задвинул: Красная Линия, людей обманывают, заперли под землю – ну это же бред, так-то. Прости, конечно, брат. Смысл-то? Еду и понимаю: парень ты хороший, но чушь пореешь. Сердце подсказывает: херота. Не может такого быть. Чтобы наши наших же за просто так. А вы когда объяснили – сердце такое: во. В точку. Я чувствовал ведь, сука, что слишком гладко все. Что столько лет нас не трогали. Что типа все выжили такие радостные. Теперь-то ясно, что. А, Артем?

– Да.

Проехали МКАД: одним направо в мертвую пробку, другим налево – но все туда же, а им обратно в Москву – жить-доживать, кому уж сколько.

Хороший был внедорожник: сиденья кожаные, броня в палец толщиной, аппаратура еще какая-то. Мотор уютно урчал, Нигматуллин вел цепко, мумии мелькали так быстро, как кадры в кино, как один человек.

- Хорошая машина, – сказал Артем. – Не знал, что у нас есть такие.
- Теперь вот есть.

Артем пожевал щеку – вместо того, чтобы все остальное у Летяги спросить. Не хотелось при людях. Потом не выдержал все-таки.

- А я ведь уже видывал эту машину. На Охотном ряду.
- В курсе.
- Думал, там и останусь лежать.
- Но не остался же.
- Почему?
- Узнали тебя. Свой ведь. Как мы своего?
- А если бы не узнали? Если бы я в противогазе был?
- Тогда бы... Не хер с рацией шлаться. Глушилки тоже не весь сигнал перебить могут.

Входящие все гасят, а исходящие не всегда. Приходится вручную работать.

- А как ищите?

– Ищем, – Летяга похлопал по приборам. – Тут пеленгатор есть. Хорошая машина.

Савелий поерзал: что-то осталось у него на душе неразрешенное.

– А че людям-то не сказать? Не было бы таких накладок... Как мы напортачили.

– Чтобы паники не было, – сказал Летяга. – А потом... У кого родственники там, у кого сям... Москва же. Начнут распознаться. И тогда – точно демаскировка. Даже в Ордене не все знают.

– Не все, – кивнул Артем.

– Ну и у меня, может, родственники, – отозвался Савелий. – Но раз такая тема! Чтобы мы этим гнидам еще и вазелинчиком сами помазались?

Нигматуллин за рулем поддержал его нечленораздельно.

– Ты не злился на старика, – обернулся к Артему Летяга с переднего сиденья. – Ну, не рассказал. Я-то сам всего год назад узнал. Он собирался, наверное.

– Наверное.

– Ты все правильно сделал, братик, – сказал Летяга. – Что с нами уехал. Точно. Все хорошо будет.

– И вы так всю Москву пасете? – спросил Артем. – Всех пеленгуете?

– Мы. Мы, Орден. Мы пасем, а не вы. Мы пеленгуем.

– А я вот каждый день наверх... На сорок шестой этаж... Каждый день – сеанс. И что?

– Что?

– Вы что, не слышали меня?

– И слышали, и видели.

– Но я же де-мас-ки-ро-вал вас! Нас! Всех!

Летяга посмотрел на Нигматуллина. Потом обернулся к Артему. Глаза его косили.

– Мельник сказал – не трогать тебя.

– Почему?

– Ну ты ж вроде... Родственничек. Неудобно.

– Останови, – ответил Артем. – Тошнит.

Нигматуллин послушался. Дал Артему вывернуться наружу. Остались на обочине: паленая водка с крошеными зубами, целый мир живой и говорливый, и где-то на нем отмеченная белоснежная крепость с небесными куполами. Домой, в метро нельзя это в себе пронести было, видимо.

Теперь можно было поспать.

– Дозу хватанул? – подозрительно спросил Летяга его, сонного.

– Укачало, – сказал Артем.

* * *

Открыл глаза – а уже Москва. Катили по набережной. Вечерело.

Всего-то один день прошел. Бывают же такие дни.

Не узнавал Артем город в окне. Москва-то та же была, что и утром. А вот ему глаза новые вставили.

Странно ему было. Странно и глупо.

Все теперь невсамделишное стало вокруг: заброшенные дома – декорации, пустые дворцы – обманки, мертвецы в машинах – манекены. Глядел раньше себе в волшебную трубу, видел в ней прекрасный и щемящий мираж; черт дернул ее разобрать – а в руки выпала раскрашенная картонка и стеклянные разноцветные крошки. А о картонке – как мечтать?

Он пытался снова любить Москву и снова тосковать по ней – не мог. Она же розыгрыш. Она ведь вся – полый макет, и погибшие люди в ней – только макет людей, и горе их – выклеено из папье-маше. Все устроено так для зрителей: как будто бы для подземных, а на самом деле – для заокеанских.

Вот и сделал открытие. Вполне великое: всю Землю все-таки открыл, все материки разом. И бесполезное – за три недели ничего с этим знанием не сделать. Да и три ли недели осталось? Доза плюсуется, и сколько он там еще радио надышался? Может, две, а не три.

Проехали вдоль реки, мимо Кремля.

Кремль стоял целехонький, а тоже дохлым прикидывался.

Вспомнилось, как на Шиллеровской надзиратели на всякий случай разбивали мертвым людям арматурой головы, чтобы живого не похоронить. Доверяй, мол, но проверяй.

Что, прав Мельник? Что, стоит оно того?

Врут людям, да: но ради их же спасения. Так?

Можно с этим как-то жить? Хоть бы и две недели?

У Мельника спросим.

* * *

На Боровицкой все прошли дезактивацию. Леху с Савелием забрали куда-то, обещали не обижать. Летяга повел Артема по темным переходам – на Арбатскую, к Мельнику. Артем не говорил: как будто зубы смолой склеило. Летяга насвистывал мучительно.

– Что там в Рейхе было? Как выбрался? – когда песенка пошла на третий круг, спросил все-таки он.

– Мрак, – сказал Артем. – Думал, сдохну. Письмо этот отнял. Дитмар.

– Мы знаем.

– Видишь, – не глядя на Летягу, пошутил Артем. – Вы все знаете. Только я, по ходу, не знаю ни хера.

– Прости, братик, – попросил тот. – Я правда хотел тебя достать оттуда. Но такой ахтунг начался. С красными, с Рейхом.

– Я так и подумал, – кивнул Артем.

– Я старику доложил. Он сказал, разберемся. Не злись на него.

– Я и не злюсь.

– Сейчас все решается. Людей не хватает. Я вот тебя сюда пригнал, а сам сразу на другую тему. У красных голодуха началась. Грибы все сгнили. Народ кордоны сносит. Им теперь эта война – последний способ голодных утихомирить. Может на Ганзу перекинуться. И на всех вообще. Их сдержат надо. А кроме нас, опять некому. Назревает последний и решительный.

– Видишь, грибы-то... Какими важными оказались, – сказал Артем.

– Оказались, – Летяга согласился; посвистел еще.
– Что Мельник?
– Сказано было доставить тебя в целости и сохранности, и все капризы выполнять, – ответил Летяга.
– Ясно.
– Я человек маленький. Я, братик, сам не хочу заглядывать туда, куда меня не просили. Каждый должен своим делом заниматься, я считаю. А в чужие не лезть. Я кто такой, чтобы решать? Ты меня понимаешь?
Артем посмотрел на него наконец. Внимательно – чтобы действительно понять.
– Не такой уж ты и маленький, вообще-то, – сообщил он.

* * *

– Артем! – полковник выехал из-за своего стола ему навстречу.
Артем стоял немо: все его заготовленные речи скисли во рту, как свиное молоко, свернулись; он их сплюнул еще до того, как войти в кабинет, а на языке все равно осталась горькая сыворотка.
– Послушай, – сказал ему Мельник.
Артем слушал. И катал глаза по кабинету. Стол, бумагами заваленный. Карты на стенах; есть там глушилки? Линии обороны Москвы? Настенный перечень пацанов, убитых, когда красные бункер штурмовали. Куда их души делись – Десятого, Ульмана, всей компании? Может, в этой бумажке и сидят, дышат спиртом из ополовиненного стопаря. Пьяные в хлам, наверное, с пятидесяти граммов оба взвода: душе-то много не надо.
– Мы это дело замнем, – произнес Мельник. – Я договорюсь. Это моя вина. Это я тебя не предупредил.
– Это ведь правда не красные? – спросил Артем. – На грузовиках? В радиоцентре?
– Нет.
– Но это и не наши? Я ведь не наших убивал?
– Нет, Артем.
– Кто это? Чьи это люди были?
Мельник посомневался: мол, а нужна ли парню правда? Что ему с ней делать-то?
– Облучился, что ли? – он подъехал к Артему поближе; остановился так, чтобы свет самому себе не загроживать.
– Чьи это были бойцы?
– Ганза. Это люди Ганзы.
– Ганза? А ветряки... Кто построил ветряки? Я слышал про политических, которых Красная Линия отправляла... Ссылала... С Бульвара Рокоссовского... С Лубянки... На строительство.
– Артем, – полковник одноруко чиркнул зажигалкой, раскурил папиросу. – Будешь?
– Да.
Угостился. Прикурил. Подышал полной грудью. Чуть резкость навел. Старшего по званию не перебивал, не помогал ему.
– Артем. Я понимаю, что тебе будет непросто принимать все на веру. Теперь. Но сам подумай – разве Красная Линия будет что-нибудь строить для Ганзы? Для своего заклятого врага?
– Нет.
– Правильно. Не будет. Все сами сделали. У них-то хватает... И рабочих, и техники.
– А тела в яме... Там котлован вырыт. Завален доверху. Это тогда кто?
Мельник покивал: знал про яму. А про собак знал?

– Шпионы. Диверсанты. Потенциальные шпионы и потенциальные диверсанты.

– Это Ганза от нас, ото всех... Ото всех... Все эти годы? Скрывала? Убрала, стерла! Всю землю?

– Чтобы спасти Москву.

– А что же они... Что же Запад, американцы... Почему другие-то города они не бомбят? Вот же, я сам слышал! Питер! Владик! Екат! Все есть! Все там... Балаболят что-то... Мирное. По-русски! Все есть! Страна есть! Одних нас нет? Как там-то война? Идет?

– Там... А что ты знаешь про «там»? Ты полчаса эфир послушал. Это радиоигра все, Артем. Тебе откуда знать, где наши, а где наймиты? Где диверсанты их? Что вообще теперь наше, кроме метро? Ничего! Только метро у нас осталось! Где там живая жизнь? Рассадили спецов, как пауков в паутине. «Тут Владивосток, давайте к нам. Тут Петербург, идите сюда!» А кто сходится к ним из деревень – они на месте их сразу. В лобешник. Никакой нет России! Все, как мы боялись, случилось. Разбомбили, раздробили, захватили. Если мы тут не выстоим. Если дадим им понять, что выжили. Мы – следующие тогда. У нас одно спасение, Артем. Мертвяками прикидываться. И копить силы. Чтобы вернуться.

– А если к нам просто идут? Наши? Так же, из деревень? Не диверсанты, а наши? Люди? Русские? Настоящие?!

– Военное время, Артем. Нет возможности со всеми разбираться. Враги, и точка.

– А если они не с востока пойдут, а с запада?

– Все основные направления прикрыты.

– А глушилки?..

– Это не единственная станция.

– Значит, я бы все равно ничего не... Ничего бы не добился?

– Ты бы и не успел, Артем. Хорошо, что Летяга тебя оттуда вытащил. Если бы ты завалил еще хотя бы одну вышку, я бы уже не смог с ними договориться. У них вообще был приказ – пленных не брать.

Артем втянул дыма, поймал расползающиеся слова, построил их строем.

– Вы же следили за мной? Когда я на «Триколор» поднимался? На высотку?

Полковник дернул ртом: Летяга проболтался.

– Знали.

– Почему не заткнули?

– Потому что. Ты – наш. Хоть я и... Что я там тебе говорил.

– А вы – вы сами когда узнали? Как?

– Ввели в курс. Некоторое время назад.

Артем затянулся. Сел на пол, спиной к стене: стула не было. Теперь Мельник на своей каталке был его даже выше. Ведь он вообще-то выше Артема должен был быть. Раньше был выше, пока у него ноги были вместо колес.

– Знаете, Святослав Константинович... В нашем последнем разговоре. Вы очень убедительно мне тогда доказали, что я шизоид.

– Я сделал это, чтобы тебя уберечь. Чтобы ты не натворил... Всего, что ты натворил.

– А почему нельзя было просто объяснить? Или я шизоид все-таки? А?

– Артем.

– Вы скажите. Шизоид или нет? Скажите просто.

– Послушай. Твоя история с черными. Твоя эта убежденность, что ты мог спасти мир. Что был ими избран. Что из-за тебя человечество погибнет. Как тебе сказать... Как тебе такое сказать – просто?

Вся эта его история с черными. Вся эта его история. Вся.

– Это все не имело значения, да? То, что мы их ракетами... Это ничего не изменило, да? Мы никогда и не были тут, в Москве, последними людьми на земле. А черные никогда не

были нашей единственной надеждой. Я их не спас, потому что... потому что потому – а ничего страшного-то и не случилось. Мир-то как жил, так и живет. А спас бы – ну, было б кого в зоопарке показывать. Ангелы они там или нет – по херам совершенно. Не чудо, а так, курьез. Самому смешно. Смешно, какой я глупый мудака, да, Святослав Константинович?

– Нет.

– Смешно-о-о, – возразил Артем.

Непросто было петь, непросто гласные произносить: как будто зоб мешал.

– Я и пытался тебе объяснить. Я же тебе говорил, что ты слишком циклишься на них. А рассекретить щит, учитывая твоё состояние, я не имел права.

– Мое состояние, – повторил Артем. – Да. Действительно, шизоид. Сначала думал, что спасаю мир, потом думал, что его загубил. Мания величия.

– Ты просто не был достаточно информирован. Тебе пришлось допридумывать. А вот сейчас я говорю с тобой и убеждаюсь, что ты совершенно трезво рассуждаешь. Это не твоя вина.

А чья? Артем заглянул в угляющийся конец папиросы, как в дуло. Было похоже на карманный самокрутный ад. Всегда с собой.

– Мне очень многое пришлось допридумывать, – подтвердил он.

– Если ты думаешь, что мне это все легко далось...

– Я не думаю. Я просто идиотом был. Я все вообще для чего это? Я думал, Аню, раньше... Вас, думал... Ребят... Отчима. Наверх. Чтобы жили... В городе. Вместе. В домах. Думал. Представлял. Да хоть в монастыре этом... Все вместе. Или поехать... По железной дороге. Посмотреть страну, землю. Это была мечта. Если бы мир остался, я так думал. Вот тогда я бы что... А все знали. Думаете, нужно людям врать? Почему не сказать им? Пусть сами выбирают, кому что... Если хотят идти – пускай идут!

– Ты опять, как дурак начинаешь... – насутился Мельник. – Выйдут они за Москву. И что? Их там перешелкают по одному! Всех! Мы пока вместе. Метро – наша крепость. Крепость, которую осадили враги. Мы все – не только Орден, а все люди – гарнизон. И мы не навсегда тут. Мы копим силы для удара. Для контратаки. Ясно? Мы выйдем отсюда. Но не чтобы сдаться! Не с белым флагом! Не сбежим! Мы отсюда выйдем, чтобы забрать у них наше! Мы свою землю отвоевать должны! Ясно или нет?! А сейчас тебя там никто не ждет!

– Меня и здесь не ждет никто.

– Неправда. Я тебя сюда не поплакаться звал. И вытаскивал я оттуда тебя не для этого.

– А для чего?

Мельник откатился к своему столу-дзоту, дернул на себя ящик, пошерудил в нем, хмурясь, достал что-то.

– Вот.

Доехал до Артема сам, протянул ему кулак. Разжал медленно. Не театрально, а словно борясь сам с собой. На ладони лежал жетон. С одной стороны было выгравировано «Если не мы, то кто?». Артем взял его. Облизнул сухие губы, перевернул. «Черный Артем»: имя мама дала, фамилию сам придумал. Его жетон. Тот самый, который Мельник год назад у него отобрал.

– Бери.

– Это... Что?

– Я хочу, чтобы ты вернулся, Артем. Я все обдумал и хочу, чтобы ты вернулся в Орден. Артем тупо разглядывал свою фамилию: бессмысленную, ничего больше не значащую. Была она – покаяние, был жгутистый крест, напоминание самому себе о себе самом. А теперь что? Не его вина, проехали. Погладил пальцем черненую канавку букв. В ушах стучало.

– За что? За то, что я Москву демаскировал?

– Я тебя им не сдам, – ответил ему Мельник. – Ты наш человек. Подавятся.

Артем докурил: остановился там, где курево пальцы обожгло. Им.

– А вам я зачем?

– Сейчас каждый на счету. Красных надо остановить. Любой ценой. С фашистами разобратся. Последний шанс остановить войну, Артем. Иначе тут радиосигналов никаких не будет не из-за глушилок... А из-за нас самих. Сами сделаем за Запад всю работу. Им даже удивиться не придется. Понимаешь?

– Понимаю.

– Ну! Ты с нами или нет? Я бы вот подлатал тебя только – и в строй!

– А что с мужиками моими? Савелий, Леха. Их вы что?

– Возьмем на воспитание. Раз ты им допуск к гостайне оформил.

– В Орден?

– В Орден. Насколько я понимаю, вы втроем радиоцентр взяли. Хорошая рекомендация. Все? Провел по черепу рукой; Сашенька обривала.

– Облучился, – сказал Мельник утвердительно. – Давай-ка мы положим тебя в больничку.

Полежишь, посмотрим, что и как. А потом...

– Святослав Константинович. Разрешите вопрос. А что в конверте было?

– В конверте?

– В конверте, который мы должны были передать в Рейх.

– А, – Мельник нахмурился, припоминая. – Ультиматум. Ультиматум от Ордена. Требование немедленно прекратить операцию и отвести все силы.

– И все?

Полковник развернулся на месте. Чадающая самокрутка в его зубах выписала круг, устроила дымовую завесу. Выдавил:

– Ультиматум от Ордена и Ганзы. Наш с ними. Общий. Точка. Тебя ждут, Артем.

Артем расправил шнурок, просунул в петлю голову, опустил жетон, спрятал его под рубаху.

– Благодарю за доверие.

Сам думал – а почему не его убили в бункере? Летяга виноват? Если бы тогда прострочили Артема красной строчкой, лучше это было бы для него или хуже? Хорошо ему от того, что он узнал? Ради чего он теперь облученный дохнет? Был бы с пацанами вот тут, у Мельника в кабинете. Был бы буковками на листе, всегда пьяный и всегда веселый.

– Мы еще повоюем! – пообещал полковник. – Вот только тебя...

– Не надо меня класть никуда. Я и так все про себя знаю. У ребят сегодня намечается что-то?

– Что намечается?

– Летяга сказал. Операция. Против красных. Людей не хватает, сказал.

Мельник покачал головой.

– Ты с ног валишься, Артем! Какое тебе? Иди, отдохни, с человеком там... Пообщайся.

– Я с ними. Во сколько?

– Зачем? Вот куда? – Мельник отшвырнул окурок на пол. – Что же тебе на жопе не сидится-то?!

– Очень хочется сделать что-нибудь, – проговорил Артем, пропуская слово «напоследок». – Не проваляться, а наконец что-нибудь осмысленное сделать.

* * *

– Похоже на комнату свиданий.

– Хочешь, пройдемся.

– Хочу.

Она толкнула дверь, вышла первой, Артем следом.

Арбатская была как царские палаты, как Россия мечты: напыщенная, бело-золотая и бесконечная. Тут было, куда идти – в точку.

– Что с тобой случилось?

– Ничего. Дозу схватил. Если ты про прическу.

– Я вообще.

– Вообще? Вообще... А ты знала? Про радио?

– Нет.

– Он тебе никогда раньше не рассказывал?

– Нет, Артем. Он мне до сих пор не рассказывал об этом никогда.

– Понятно. Ну вот, значит. Добавить нечего.

– Тебе нечего добавить?

– А что тут можно еще сказать? Я нашел, что искал. Все.

Люди оборачивались на них. На нее. Все эти генштабовые ископаемые, бумажные вояки с Арбатской хрустели своими окаменелостями, всем торсом поворачивались, если багровые складчатые шеи не могли повернуть. Она ведь была красивая, Аня. Высокая, легкая, надменная. Стрижка ее под мальчика. Брови лихо вычерченные. Вразлет. И тут еще вдруг в платье.

– Значит, ты теперь вернешься?

Ровно так произнесла это; как будто изнутри она такая же, как снаружи. Как будто лицо у нее из фарфора, а в спине заводной ключ.

У Артема спина взопрела.

Есть какие-то вещи, которых научаешься не бояться. А вот от разговоров таких он не успел привиться. Шагал и про себя считал молчаливые шаги; и заодно получался счетчик неловкости, трусости и несчастья.

– Твой отец вот предлагает. Жетон обратно отдал.

– Я про нас.

– Ну... Если я приму его предложение... А я принял. То мне будет... Некуда... Не на ВДНХ же. Я буду тут. Казарма. Сегодня вот операция какая-то, меня посылают. И...

– При чем тут это. Хватит.

– Слушай. Я не... Не вижу. Как. Как мы бы снова.

– Я хочу, чтобы ты вернулся.

Она все так – спокойно, твердо, негромко. Лицо безмятежное. Негде на станции Арбатская поговорить двум людям. Среди чужих людей лучше, чем через стенку от своих. Толпа глушит сигнал, в толпе по душам можно.

– У нас не получилось. Аня. У нас с тобой не вышло.

– У нас не получалось. И что?

– И все.

– И все? Ты сдался?

– Нет. Дело не в этом.

– Значит, ты и не хотел? Ты просто сбежал? Воспользовался идиотским поводом и сбежал.

– Я...

– Я говорю тебе: ты мне нужен. Ты мне нужен, Артем. Ты понимаешь, чего мне это стоит? Мне? Чего – мне – стоит – такое – сказать?

– Это не склеить.

– Чего не склеить?

– Нашей с тобой истории. В ней все неправильно случилось. То, это... Все. Слишком много ошибок.

– И ты просто удираешь. Слишком много ошибок, я, пожалуй, пойду. Так?

– Не так.

– Так. А я, наверное, должна была подумать: а, ну если он уходит, то и ладушки. Тут уже ничего не склеить, кажется. Так же?

– Не так! Что ты... Я не собираюсь об этом при людях говорить.

– Да? Так ты же меня сам вывел прогуляться. Ты же стратег.

– Хватит.

– Или вот как. Я же гордячка, ты знаешь, я тебе это и сама говорила. И ты, наверное, решил – ну не будет же она унижаться, если я просто сбегу от нее, не попрощавшись? Да она скорее удавится, чем приползет выяснять, почему я ее бросил.

– Я тебя не бросал!

– Ты удрал.

– Аня. Ну ты, правда, зачем все это? Что ты как баба-то?

– Ты же не баба, Ань. Ты же мужик! Ты же братик мой по оружию! Ты же Летяга с сиськами!

– Пожалуйста.

– Говори. Говори мне: у нас все кончено, Аня. В лицо мне говори, хватит канючить. И объясняй, почему.

– Потому что у нас все равно ничего не выйдет. Потому что все было не так.

– Зато ты как баба. Ты можешь конкретней? Что не так? Что мой отец был твоим командиром? Что он был против нашего брака? Что ты комплексовал? Что ты в него был влюблен больше, чем в меня? Что он считал тебя сумасшедшим? Что ты все время себя с ним сравнивал? Что он был настоящий герой и спаситель родины? Что ты хотел сначала им стать? Что не мог просто быть со мной?

– Замолчи.

– Почему? Ты же не можешь все это вслух сказать. Давай, я за тебя. Кто-то же должен.

– Потому что я тебя не люблю. Потому что я тебя разлюбил. Потому что – да, я не знал, как тебе это сказать.

– Потому что ты меня боишься.

– Нет!

– Потому что ты боишься моего отца.

– Да иди ты! Иди ты на хер просто! И все!

– Люди на тебя оборачиваются. Неловкость.

– У меня есть другая.

– А, так вот что ты нашел. Искал и нашел. Ну и сказал бы. Аня, сказал бы ты, я просто не там искал. Наверху вот не было никого, а внизу за неделю нашлось.

– Давай. Упражняйся. Ты на мне весь год проупражнялась. Ты же не верила мне никогда, ни мне, ни в меня. Как и папашка твой. Он меня тоже шизанутым называл. До сегодняшнего дня. Вся в него!

– Я на маму похожа.

– Ты похожа на папу.

Аня остановилась. Люди спотыкались о них, чертыхались, пялились на Анины стати, забывали досаду и бурлили себе дальше. Очень были заняты своими подземными делами, как будто ничего, кроме метро, в мире не было.

– Давай выпьем.

– Я бы... Я поспал бы. Перед операцией.

– Ты мне должен. Так что заткнись и пойдем.

Он и сам уже понял: должен. Должен именно перед этой операцией. Перед тем, как наконец сделать что-нибудь осмысленное. Ей должен больше, чем кому-либо другому.

Отыскивали в переходе какой-то интеллигентский притон, опустили на набитые мешки, задернули занавеску. Как будто одни остались.

– Как ты здесь оказалась?

– Он за мной послал. Просил передать, что ты меня от себя освободил. Отличный способ расстаться: передать через отца и двух вооруженных кретинов.

– Я не хотел так...

– Мужественный ты человек, Артем. Уважаю.

– Я говно, ладно, принято. Но теперь-то что?! Теперь ведь ты вернулась к своему идеальному папуле! А? Все! Ура! Зачем мне мозги жрать?!

– Ты крестин все же.

– Принято: говно и крестин.

– А ты не спрашивал себя, зачем я вообще за тобой на ВДНХ ушла? Что я в тебе нашла, себя не спрашивал? Там весь Орден, вся стая этих кобелей за мной по пятам ходила, герой на герою, все под хвостом понюхать норовили, слюни пускали. Включая, между прочим, и Хантера твоего! Почему ты?

– Спрашивал.

– А я, может, не хотела героя! Не нужен был мне психопат, не нужен муж, который человеку голову ножом отпиливает и даже не прищурится, когда кровь захлещет! Мне – не нужен! Не нужен такой муж, как мой отец! Понятно? Я хотела хорошего, доброго, нормального! Человека! Такого, как ты. Как ты был. Который из всех сил старается людей не убивать. И чтобы дети от него родились такие. Добрые.

– Под землей такие мрут.

– Под землей любые мрут. И что? Не рожать?

– Не рожать, значит.

– Жить-то ты когда собирался? Со мной – жить?

Пили не чокаясь. Артем сделал долгий глоток. Пустой желудок сразу впитал. Подогрел кровь, крутанул глобус.

– Я не могу жить, Ань. Я больше не умею.

– А кто тогда?

– Отец тебе подберет кого-нибудь. Кого-нибудь достойного. Не шизанутого.

– Ты крестин? Ты слушаешь меня вообще? Или только себя? Кого мне отец подберет? Он меня до тринадцати лет сам в душе мыл! До тринадцати! Ты понимаешь?! Я от него – от него! – сбежала! К тебе! Чтобы жить нормально! Чтобы жить! А ты им хочешь стать! Им, Хантером, не знаю кем!

– Я не... Черт. Мне это надо слышать?

– А что? Боишься расчувствоваться? Боишься, что придется забирать меня?

– Нет. Да...

– Тогда еще послушай: что с моей мамой случилось?

– Умерла. Болела. Ты маленькой была.

– Отравилась паленой водкой. Пила, потому что он бил ее через день. Такое тебе как?

А? Как тебе такой папа-герой?

– Аня.

– Иди к нему на службу. Папа тебя простил?

– Он же обожает тебя... Неужели он...

– Нет. Из мамы ему душу вынуть хватило. Меня папуля бережет. Обожают, да. Все, как я скажу, так и будет. Лишь бы на коленках у него сидела.

– Постой. Он... Он почему... Когда я в этом радицентре был... Когда меня должны были... Когда они там собирались штурмом брать... Ты... Ты где была? Тогда?

Аня допила залпом; глаза у нее были красные, никак не могущие заплакать, как и у Артема. Ресницы тушью сделала, вдруг сообразил он. Аня. Ресницы.

– Я ему так и сказала: если с моим что-нибудь случится... Ему это нужно напоминать время от времени.

Артем ухмыльнулся – хотел презрительно, но силы в лице не хватило.

– Эй! Еще!

– И мне.

– Вот зачем. Вот почему.

– За маму! – Аня подняла граненый стакан. – За маму, которая пила, потому что вышла за героя. Так что напрасно ты. Я на нее похожа, а не на него, Артем.

Он выдвинул в окоченелой руке свой стакан, ударил вяло и невыразительно стеклом о стекло.

– Она у меня была из Владивостока. Когда укладывала меня спать, про пляжи рассказывала. Про океан. Уложит – и к фляжке. Я, знаешь, умела так – глаза прикрыть, как будто сплю, и через ресницы подглядывать. Как там Владивосток, отвечает?

– Отвечает.

* * *

– Ты как, нормально, братик? Температуры нет? Щеки что-то горят у тебя.

– Нормально.

– Уверен, что хочешь опять наверх тащиться?

– Уверен.

– В медпункте был?

– Был. Спину зеленкой помазали.

– Ладно. Вернемся с задания, я тебя на руках туда отнесу.

У Библиотеки под парами ждал тот самый внедорожник; а за ним – серый «Урал» с клыками. Савелий и Леха, под химзой обмундированные в орденский черный, переглянулись.

– Это... – сказал Артем.

– Там наши. Не парься. Эти нам просто технику подогнали. Откуда бы мы сами такое взяли?

– Действительно.

Стартовали с визгом, пошли кортежем к Новому Арбату. Артема Летяга взял к себе во внедорожник. Все оглядывался на него недовысказанно с переднего сиденья.

– Что за задание-то? – спросил Артем.

– На Комсомольской, – объяснил Летяга. – Увидишь.

Пронеслись по пустому Арбату; Артем и вспомнить ничего не успел. Куда, мелькнуло только, все твари живые из Москвы делись? Почему бежали? Стояла Москва каменная и такая пустая, как будто заметенный три тысячи лет назад песками Вавилон.

Домчали до Садового, повернули через смешные запрещающие линии на асфальте куда им было нужно, покатали мимо громад гостиниц без постояльцев, офисных центров без служащих; мимо остроконечного Министерства иностранных дел, колдовской Лысой горы.

– Какие теперь иностранные дела, интересно.

– Я не лезу, – Летяга смотрел вперед. – У всех своя работа.

– Но ведь кто-то слушает радио, а? Ну чтобы знать, как там люди вообще... Как там противник. Что он там замышляет. Коварное.

– А как? – возразил Летяга. – Глушилки же фигачат.

– Действительно, – потер резину лица Артем.

За МИДом нырнули в тесные переулки, встали у заброшенного особняка за высоченным забором. Посольство чего-то там. Болтался обрывок флага неизвестной страны, выстиранный злыми дождями до белого.

Погудели условным сигналом. Открылись бесшумные ворота, впуская кортеж во внутренний двор. Внутри облепили машины фигуры с орденскими нашивками, осмотрели, не подцепили ли гости кого. Артем вылез, увидел вроде знакомые глаза за стеклянными плосками.

– Это что?

Никто не объяснил. Отворились двери, фигуры потащили из особняка в грузовик зеленые цинки с трафаретными надписями – по два, по три, еще, и еще, и еще.

Ящики с патронами.

Работали споро, справились в минуту. Козырнули, подмахнули какой-то документ для неуместной отчетности, проводили за ворота, и опять стал особняк необитаемым.

– Куда столько? – спросил у Летяги Артем.

– На Комсомольскую, – повторил тот.

– Что там? Красная Линия с Ганзой пересекаются, – сам понял Артем. – Там фронт сейчас проходит? Ганза вступила уже в войну?

– Вступила.

– Мы что? Наши там уже? Мы за Ганзу впрягаемся, да? Мы, Орден?

– Впрягаемся.

Понятно было, что Летяге с Артемом откровенничать запретили: через бульдожьи зубы цедил, но раз Артем все и сам угадывал, не подтверждать не мог.

– Там наши пацаны уже? Это им патроны? Они красных держат?

– Да.

– Это... Это же бункер повторяется, а? Да, братик? Опять мы и опять красные... И опять, если мы не сдержим, никто не сдержит.

– Может повториться, – нехотя признал Летяга.

– Хорошо, что мы туда едем, – вслух произнес Артем. – Правильное задание.

* * *

И уже ночью повторилось: Садовое кольцо, ржавые комки машин в свете фар, дома ущельем, полиэтиленовые пакеты по воздуху летят, окислившаяся луна облака чуть очерчивает; урчат моторы, клонит в сон. Мимо Цветного бульвара, по трамплинам эстакад, хитрыми переулками, тайными тропами, которые покойникам не знакомы, по тряским трамвайным путям к привокзальной площади, к станции метро Комсомольская.

Три вокзала: от одного на восток поезда, до самого упора, до Аниного Владивостока, от другого – в Петербург, на север, от третьего – в Казань и дальше туда, в российское подбрюшье. Куда хочешь езжай, вот они, рельсы, за зданиями сразу начинаются. Ставь на них дрезину, налегай на рычаги, и кати, кати, сколько хватит сил, все чудеса света тебя ждут. Но нет – никуда не уедешь. Как же нет никакой крышки, Святослав Константинович? Вот она, крышечка.

Взобрались колесами на тротуар, подогнали машины к самым дверям павильонов.

– Сейчас быстро, – приказал Летяга. – Тут не наша земля.

Распахнули двери одновременно, рассыпались кольцом вокруг, надвинули на лбы приборы ночного видения: на чужой земле ночью все может случиться. Вереницей разгрузили цинки, Артем последним стоял, у деревянных треснувших дверей. Принимал ящики, ставил пирамидой. На душе было странно: спокойно. Видел себя за бруствером, сжимал в пальцах автоматную рукоять, ловил лбом пули. Хорошо было в бункере: все четко, все понятно. Очень хотелось в бункер опять. Вот эти все патроны истратить хотелось, до единого все. Или сколько там успеется.

Сейчас не нужно было ни попрощаться с Сашей, ни с Сухим замириться, ни Хантера увидеть. Нечего ему всем им сказать. Нет для них точек, пускай рвется все на запятой.

– За мной теперь!

Каждый взял по два цинка, впотьмах вступили с ними, как с детьми на руках, в полуобрушенный павильон; Летяга фонари включать запретил. По щербатому эскалатору стали опускаться, ночным видением ощупывая холодные контуры. И только снизу тепловые отблески полыхали красным на экране. Жар человеческих тел, которые землю изнутри пытались согреть.

И оттуда же, снизу – шло невнятное гудение; как стон улья. То снизу, а то словно и отовсюду сразу. Нельзя было осмотреться по сторонам – бежали по скользким ступеням цепочкой, страшно оступиться. Но из каких-то вентиляционных отверстий, что ли, или через тонкие стены – выло надсадно, ревело придушенно; вроде ветра в трубах, но в трубах запаянных; без надежды; и все громче было с каждым шагом вниз, и все жарче.

– Что это? – пропыхтел на бегу Леха.

– Красная Линия там. Что-то творится у них. Но нам туда не надо.

Остановились где-то.

– Теперь налево.

Побрели без теней вдоль стен; сполохами красными среди черноты. Утекающее через стенные щели тепло обозначало: где-то еще есть тут живое, греется, дышит паром. Но навстречу никого не было. Может, секретный проход какой-нибудь? С тыла к врагу заходят? Засада тут? Почему не слышно боя? Не начался? Они в самый канун успели? Сколько патронов. С таким количеством можно месяц оборону держать. Где только их остальные орденские ждут? Поэтому нельзя фонари зажигать – чтобы своих не обнаружить?

– Теперь шагом.

В темноту впереди выставили красные фишки: человеческие фигурки. Послышались голоса – наложенные поверх гама из вентиляции. Жило и переливалось тепло в трубах на потолке – вытяжка? – и в сливных решетках под ногами. Рядом совсем были, кажется, большие помещения, в которых топились печи, горел свет и перешептывались о чем-то люди, но Артема и остальных орденских держали в мраке.

– Стой.

Встали под решетчатой жаровней в стене. Впереди маячили несколько багровых. Один больше похожий на быка, чем на человека, и пламенеющий яростно, дотла, а двое размазанных, нечетких, будто у них кровь стылая.

Из жаровни сочился разговор. Слова клеились, срастались обкушенными краями, трубное эхо меняло тембры разных голосов на один – жестяной, и не понять было, кто тут говорит с кем, будто кто-то с железной воронкой в гортани читал монолог.

– Все здесь? Да, уже на месте. Сколько? Ровно, как договаривались. Двадцать штук. Если точно, двадцать тысяч четыреста. Надеюсь, это решит нашу проблему. Нашу общую проблему. Должно решить. Всегда решало. Значит, по рукам? Спасибо за гибкость. Что вы. И, конечно, хотелось бы избежать подобных эксцессов в будущем. Вы прекрасно знаете, что ситуация просто вышла из-под контроля. Это не наша вина. Инициатива снизу. Вопрос управляемости. Наши договоренности всегда в силе. Вы сделаете что-нибудь, чтобы восстановить баланс? Уже. Ну, и отдельно хотелось бы про эти слухи. Знаете, брат на брата. Злые языки говорят, могла быть утечка. Что вы, что вы. Это не в наших интересах. Мы держимся за наши отношения. Что же. Можно забирать? Да, мы дадим распоряжение. Спасибо, Максим Петрович. Вам спасибо, Алексей Феликсович.

– Сюда!

– Шагом вперед, – скомандовал Летяга. – К этим трем.

Алексей Феликсович, Феликсович, Феликсович. Спасибо, Алексей Феликсович. Есть, Алексей Феликсович. Принято. У Артема зачесалась рука, предплечье. Там корки уже были, вместо наклки.

– Так, вы, кротяры, сюда живей! – рыкнули им из темноты. – Сдавай металлолом!

Хриплый голос. Низкий, грудной.

Зажегся маленький фонарик. Стал скакать луч по низам, по зеленым ящикам, по трафаретным надписям, считая цинки.

– Раз. Два. Свободен, что стоишь? Циркулируем. Три, четыре. Все, сдал. Гуляй. Пять, шесть.

Очередь Артема подходила, уже колотилось сердце, первым узнав, уже голова раскалилась, а он все ждал своей очереди, чтобы изблизил, чтобы точно понять...

– Семь, восемь. Сюда ставь, сюда. Следующий. Девять, десять. Поставил – и гуляй.

Они сдавали кому-то эти патроны. Все двадцать цинков – они их сюда привезли не для того, чтобы орденские могли держать оборону. Все, что требовалось от них – доставить двадцать тысяч патронов и передать их кому-то. Вот и все задание.

– Одиннадцать, двенадцать.

Артем слышал: одиннадцать, двенадцать. Его уже очередь подходила. Одиннадцать. Это же кролики. Куда они побегут. Двенадцать. А сдохнешь снизу. Тринадцать, смирные кролики, четырнадцать.

Он положил свои две коробки на пол. Неверной рукой потыкался в карманы, в разгрузку. Вытащил. Промахнулся мимо кнопки.

– Следующий! Ты где там застрял?

Маленький фонарик вместо трафаретных букв залез Артему в глаза – так же, как револьверный ствол ему в ухо лез.

Тогда Артем поднял против него свой собственный фонарь – увесистый, длинный, в миллион свечей – и щелкнул выключателем.

В жестком миллионном луче видно было, что он усох, побледнел, сморщился, пока возвращался с того света – но вот он был тут, и стоял уверенно, широко расставив толстые ноги, одной пятерней хозяйски грабастая поднесенные ему зеленые цинки, а другой – закрывая себя от света. Отчаянно застреленный Артемом – и ничуть не убитый его сопляцкими пулями. В новой красноармейской форме, на заказ пошитой под его бычье туловище.

Глеб Иванович Свинолуп.

Глава 18. Служба

– Ты какого хера творишь?!

Летяга врезал по фонарю, жирный луч сделал сальто, хлестнул по лишним лицам, обнаружил стены, пол, потолок – все тут, оказывается, имелось. Какой-то коридор, какая-то дверь, какие-то люди. Люди жмурятся, матерятся. Двое во вспышке проявились подле друг друга: знакомые будто Артему. Один – брыластый, лысеющий и машинкой остриженный по серебряным вискам, в офицерском бушлате. Другой – остроносый, под глазами мешки, волосы темные уложены, откуда бы его Артем знал, как во сне встречались...

Пока фонарь в угол укатывался, Артем успел ухватить автомат, а наставить на Свинолупа не успел – вцепились и в руки, и в автомат, и разорвали в разные стороны; погас свет; в черноте навалились на два вроде бы знакомых красных силуэта разные незнакомые, прикрывая тех собой от пуль.

– Это красные! – захрипел Артем. – Пусти! Мы красным патроны привезли! Это красные!!!

– Тихо. Тихо-тихо...

– Это что за говно у вас разыступалось? А?!

Ладонь в беспалой кожаной перчатке – Летягина – заткнула его, на вкус как ружейное масло, соляра, порох и старая кровь. Артем вцепился в нее зубами, задергался, закричал забитым ртом непонятно что. Зря грыз – у Летяги нервов нет. Сорвали прибор со лба, ослепло ночное видение.

– Не тьожь его! – Лехин голос, и Лехиного автомата перещелк. – Сава, наших бьют!

– Отпустили! Отпустили его! – это Савелий уже. – Всех положу сейчас!

– Дамир... Омега...

В черноте крякнуло, хныкнуло, забулькало передавленным горлом, полыхнула очередь – в потолок, захрипел кто-то, завывался, иступленно заголосил.

– Кончатъ? – прерывисто дыша, спросили в темноте.

– А у вас тоже не все гладко, – гыгыкнул невидимый Свинолуп. – А, спецура?

– Нет. Не сейчас. Сюда их, за мной, – Летягин бас.

– Полкан сказал, если будут чудить...

– Я в курсе, что полкан. За мной их!

– Это что было? – голос знакомый, не Свинолупов, а такой – усталый, ленный; от этого голоса встает перед незрячими глазами бордель, занавески изнутри подсвеченные...

– Все, простите за накладочку. Забираем, уходим! – Летяга.

Стальные ручищи поволокли Артема по полу, товарищи его сзади засучили ногами, замычали – но орденские хорошо обучены, у них не вырвешься.

– Сюда их. Тут клади их. Все, сам разберусь. Поднимайтесь. А вы харей в пол!

– Полкан сказал, всех троих в расход, если че начнется.

– В какое в расход?! Озверели?! – Савелий очнулся.

– Дамирчик, я помню. Я справлюсь. Обыскали их? Пустые они?

– Пустые.

– Все. Давайте. Я быстро.

– Ладно, пацаны... – с растягом согласились, с сомнением. – Пошли. Летяга сам пусть. Его кореш.

Застучали каблуки, как будто удаляясь – но тоже с сомнением, с притворством. Вроде вверх, а вроде и в сторону. Промасленная кожа отпустила рот.

– Это Свинолуп! Это кагэбэ красное! Мы красным патроны! Красным – мы – патроны! Ты сечешь, что делаешь?!

– У меня приказ, братик, – мягко ответил Летяга. – Доставить. Кому, что – не мое дело.
– Красным! Красным! Патроны! Мы с тобой! Их! С ними! В бункере! Пацаны наши там! Десятый! Ульман! Шляпа! Красные их! Ты помнишь это?! Тебя чуть! Меня! Как мы? Как вы – им?!

– Сказано со склада забрать и сюда привезти. И передать.

– Ты врешь! – заорал, сорвался Артем. – Пиздишь, сука! Предатель! Мразь! Ты их! Ты меня! Ты их всех, убитых! Ты пацанов наших! Вы! Ты, и гнида эта старая! Всех предали! За что – они?! За что сдохли?! Чтобы мы – мы! Красным – оружие?! Патроны?!

– Тихо. Тихо! Это помощь! Это не патроны. У них голод. Они на эти патроны грибы будут покупать. У Ганзы. У Ганзы. У самих весь урожай сгнил.

– Я не верю тебе! Вам всем!

– Хеьотень какая-то, – в камень сказал Леха.

– Ты сам-то?! Сам веришь?! Ты?!

– Мое дело...

– А что – твое дело? Я не слышал, думаешь? Что тебе еще сказано... Сказано, убрать меня. Если я не схавую это, да? Что значит – чудить? Я это схавать должен был? Что мы – мы! – патроны – красным?!

– Прости.

– Не прощу! Тебя – не прощу! Одной крови, сука. Ага. Ты! Ты-то – ты как теперь? Как ты веришь, Летяжка?! Во что?! Теперь?! Это все – для чего?! Для пайки?!

– Ты... Ты не.

– Давай! Ты же знаешь! Мне по херу уже. Я сдохну все равно. Стреляй, говно. Выполняй, что сказано. Вторая, блядь, минус! Только моих отпусти. Этих. Они что? Им старик ничего не должен! Не за что рассчитывать!

Летяга молчал, сопел. Что-то металлическое напряглось рядом. Но было непроглядно, и смерти, которая уже совсем изготовилась, Артем не чувствовал.

– Ну?!

Вонючая кожа снова упихала все звуки обратно в Артема.

– Поднялись, оба, – шепотом приказал Летяга. – Прости, Артем.

Пшикнул пистолет над ухом.

Раз, два, три.

Ничего не изменилось.

Как отличить в крошечной темноте от смерти – жизнь?

А вот как – по вкусу крови и соляры, пороха и масла во рту. Живой.

– За руки взялись! – прошептал Летяга. – Кто отцепится – на месте шлепну.

Они не стали удирать от него вслепую, доверились Летяге в последний раз. Летягина пятерня повела Артема, заткнутого, куда-то, поспешно, и остальных за ним – цепью.

– Эй! Ты как там? Готово? – окликнули их с эскалатора.

– Теперь бегом, – сказал Летяга. – Догонят – меня с вами положат.

Побежали, не глядя и не видя, держа друг друга за холодные, скользкие от предсмертного пота пальцы.

– Куда?! – заорали сверху. – Стой!

Летяга, кажется, сам не знал, куда – бежал просто куда-то. Через полминуты вокруг засвистело, позади застучали ботинки. Они свернули куда-то, спотыкаясь, сталкиваясь, мешая друг другу.

– Кто это, Феликсович этот? – на бегу требовал у Летяги Артем. – Бессолов! Кто это, Бессолов? Кому нас старик продал?! А?!

Прилетел с неба столп света. А они вчетвером – от него, как тараканы.

Ткнулись в тупик, развернулись. Чужой бег стал дальше, потом снова приблизился. И опять расползлось из щелей в черноте смутное грудное гудение, как в самом начале, когда они только спускались на Комсомольскую.

Снова чиркнули рядом безголосые пули, отразились от стены, отлетели наугад, нехотя пощадили.

– Бессолов, кто такой?! – не отставал Артем. – Кто это?! Ты знаешь, Летяга! Ты знаешь! Скажи мне!

Летяга остановился, запутался: может быть, тут везде было одинаково темно, везде далеко до теплой красной жизни, и нельзя было найти никакого направление.

Зажег фонарь.

– Вон они! Вон! Там!

Стояли у сваренной решетки. Летяга примерился, снес выстрелом навешенный замок, втроем рванули прутья, втиснулись, ползком-ползком от смерти, на карачках по-глупому, вдруг поленится за ними гнаться?

– Аааааааааа...

Это нарастал стон, распевался хором, в лицо как ветер дул из трубы, по которой они ползли. И уже вибрировали с ним в унисон барабанные перепонки, сердце и селезенка. А сзади не отставали, старались выполнить приказ, щекотали лучами затылок, выбирали цель.

Летяга уперся; железная крышка какая-то. Из-за крышки гудело так, словно она была к скороварке на огне привинчена, и вот-вот ее могло вынести взорвавшимся паром.

Надавил на крышку – тщетно. Уже ржавчина корни пустила, соль срастила затвор с косяком. Вжикнула пуля, укусила последнего из них – Савелия.

– К стене!

Летяга вытянул руку, обернул к погоне свой фонарь, выслепил их, раз, раз, раз, послал в ответ свинца, ранил кого-то, кажется. В закупоренной кишке трудно не попасть.

И оттуда вернули сторицей.

– Помогите, ну, бль, что?!

Ударили вдвоем, втроем ногами, железо впереди заколебалось, шатнулось. Савелий еще поймал, ойкнул, его уже мягкого втащили за собой в лопнувшую дыру. Вывалились – под самым потолком в туннеле. В тысячу кричащих человек. На головы упали, не расшиблись.

Стало теперь ясно, что тут стонали.

– ЖРААААААТЬ!!!

* * *

Нигде и никогда прежде Артем не видел разом столько народа. Туннель был необычный – широченный, на два пути сразу, с прямыми сводами; людьми он был залит весь, сколько хватало глаз.

Здесь было море из людей. И море бушевало.

Они вчетвером выпали метрах в пятидесяти от станции – и погребли через живые тела туда, на свет. Савелия тянули за собой, не смотря уже, где там его ударило пулей. Савелий поймал Артема за ворот, подтянулся к его уху со своего танкистского роста, закричал-шептал в ухо, Артем слышал, но отмахнулся: ну что ты говоришь такое?! Жить и жить еще тебе! Остановиться на месте было нельзя – толпища эта колыхалась и могла раздавить их о стены или подмять под себя. И еще надо было идти, чтобы потеряться в давке: погоня могла последовать за ними в любую секунду.

Тела тут были тощие, измороженные, кожа на них свисала. Пробираться через них было ошутимо: безмясные кости цеплялись о идущего, как ребра терки, и будто состругивали с каж-

дого проходящего немного чего-то – себе. Это голод их собрал и сюда согнал со всей Красной Линии, понял Артем. Но почему сюда?

– ГРИБОООООООВ!

Странно, как они держались на ногах – ясно казалось, что никаких сил в этих худых палках быть не может. Но держались не все – то и дело приходилось спотыкаться о что-то сдавшееся, ботинки вступали в мягкое – может, в животы? – и скатывались на твердом и округлом. Но ни о чем другом, кроме грибов, живые плакать уже не могли.

Направление было угадать легко: все головы в туннеле были повернуты в одну сторону. И между ревом они тихонько распевали слово «Комсомольская».

Они двинулись вместе со всеми и сквозь всех – к Комсомольской. Навстречу им были одни затылки. Стриженные, простоволосые, обритые, серые и белые. Как будто тут без лиц люди обходились.

Артем обернулся – и увидел, как из потолка солдатиком в волны ныряет одна черная фигура в орденской балаклаве, за ней еще одна. Летяга не стал выполнять приказа, но другие послушаться не могли. Буруны проглотили ныряльщиков; сейчас они поплывут искать Артема, чтобы его утопить.

Он удвоил усилия, пошел на полусогнутых, чтобы его черная форма спряталась за чужими бурыми плечами; и остальных одернул.

Говорить между собой было нельзя: плач и рев человеческого моря все скрадывали, получалось только открывать и закрывать рот без звука. О чем бы ни хотелось сказать, получалось про грибы.

Пробились на Комсомольскую. Радиальную, красную.

Снизу, с путей посмотрели на нее – огромную, торжественную и страшную.

Станция чем-то походила на Библиотеку имени Ленина: тоже была высокая, как двухэтажная, и уже совсем какая-то нездешняя – своды прямоугольные, никаких скруглений, колонны высоченные, античные, с завитыми пшеничными колосьями, упирающимися в потолок.

Она вся про хлеб была, про самое важное, эта станция: храм урожая у безбожников. Колонны облицованы бурым мрамором в красных брызгах, стены у путей – кафелем, как в пыточных, а колосья под потолком из бронзы отлиты, как мечи.

Толпа стояла и на платформе, и на путях; те, кто были на путях, хотели взобраться на платформу – а те, кто держался на платформе, старались не упасть на пути. И все перли, распевая грудным стоном голодный гимн, куда-то дальше, вперед. Станция была в полумраке; сверху падали, рыскали по белым и голым черепам-гребням фонарные лучи, как если бы искали в бурной воде спасшихся после кораблекрушения.

Артем задрал голову.

У Комсомольской был второй этаж – балконы, которые опоясывали всю станцию метрах в четырех над платформой. И эти балконы пока не затопило. Там стояли только красноармейцы с автоматами, оперев для удобства стволы о балюстраду. Но в кого им было целиться? Не во всех ведь сразу?

Между бойцов были расставлены офицеры; что-то они пытались кричать в громкоговорители, но толпа своим рокотом забивала и их электрический надрыв.

По плечам, по головам, друг по другу, закарбкались Артем с остальными на платформу. Снова оглянулся назад – и отметил черные шерстяные лица в толпе. И они его, черного, отметили.

Присел, потя. Все раны его разом заговорили: плечо дырявое, разбитое колено, истертая спина. Говорили: все, хватит. Остановись, останься.

Впереди завиднелось то, куда все так отчаянно хотели.

Посреди зала спасательным трапом в людей опускалась широкая мраморная лестница с балконов. По краям зала были еще две – но обе снесены и замурованы. И только из серединной оставался подъем – и переход на Кольцевую линию. На Ганзу. Туда и ломил толпа.

На ступенях в три кордона стояли пограничники; на переносные ограждения была навинчена колючка, а на промежуточной площадке в обе стороны из заботливо устроенного гнезда щерились пулеметы. Хо́да наверх тут не было оставлено никакого.

– ГРИБОООООООООВ!!! – ревела станция; вся линия, кажется, ревела.

Матери со свертками на руках – у кого молчаливыми, у кого еще визжащими. Отцы с лупоглазыми испуганными детьми на шеях – повыше, повыше, чтобы мертвые не поставили подножку, не утянули к себе на пол, на дно. Все хотели к лестнице, к ступеням. Все знали, что тут им не дадут никаких грибов. Им всем надо было на Кольцевую линию, другой дороги к жизни не оставалось.

Почему еще не обрушилась толпа на тонкие заборы, в сущности – простой воздух в обрамлении трубочек и проволочек? Люди уже давили, подступали к шипам, облизывались на них и на красноармейцев. Те махали на голодных прикладами, но красная черта пока не была переступлена ни с одной стороны, ни с другой.

Как такая прорва народа собралась на Комсомольской? Мешали ли им уйти со своих станций дальше по линии – и что стало с теми, кто хотел помешать? Неизвестно; но из туннеля они все прибывали, продолжали забираться по чужим плечам на платформу, набиваться тесней и тесней – по три, по пять, по семь душ на метр.

Это все должно было прорваться вот-вот; мыльная пленка эта между солдатами и людьми. Песчинки-секунды последние дотекали до этого, до взрыва атома.

Тут было чудовищно душно, и жар стоял, как в плавильне – неоткуда на станции Комсомольская было взять кислорода всем, кто сюда пришел. Люди дышали часто, мелко – а от воды, которую они из себя выдыхали, на станции стояло морево.

Артем посмотрел опять назад: где там в толпе черные лица? А они мелькнули ближе. Как будто чуяли, где его искать, и ничто их сбить со следа не могло.

А под потолком что-то происходило.

Сколько там людей – тысячи! – заражаясь друг от друга, стали задирать головы вверх.

По балкону шагал решительный и быстрый конвой, во главе которого танковым силуэтом пер вперед Свинолуп.

Жутко похоже было это на службу, которую на ВДНХ однажды, во время черных, проводил приглашенный откуда-то батюшка со служками. Конвоиры что-то несли на руках; оставаясь у каждого из балюстрадных стрелков, Свинолуп его этим одаривал.

Артем тормозящим и проваливающимся сердцем понял, чем их там благословляли: теми самыми патронами, которые они с Летягой час назад привезли. Вот оно, средство от голода.

– Вот она, помощь! – Артем вцепился Летяге в плечо, ткнул пальцем вверх. – Вот! Твоя!

Обойдя всех стрелков и каждого ободрив, Свинолуп со своими спустился на межэтажную площадку к мешочному гнезду; его свита стала кормить патронами пулеметные расчеты. Майор пошептал что-то на ухо командирам расчетов, похлопал их по плечу.

Народ внизу волновался, но, чувствуя, что творится сверху, начинал неметь; хор разла-дился, заробел.

Свинолуп зычно заговорил с народом.

– Товарищи! – протрубил он. – От имени руководства Красной Линии просим вас ува-жать законы нашего государства, в их числе закон о свободе собраний. Прошу вас разойтись.

– Грибов! – выкрикнул кто-то.

– Грибоооооов! – поддержала толпа.

– Пустиииииии! – перебил рев толпы женский визг. – Пусти, ирод! Выпусти нас!

Свинолуп кивнул. Как будто соглашался.

– Мы не имеем права! Допустить вас! На территорию! Другого! Государства! Я! Требую! Разойтись!

– С голоду пухнем! Доченька умерла! Спаси! Пусти! Еле на ногах! Живот болит! Сам-то! Отожрался! Пусти! Отпусти! Выпусти! – разногласицей сказала толпа.

– На Ганзу! Жрать!

Не пустят этих людей на Ганзу, глупо и медленно от духоты думал Артем. Никогда этих людей не пустят на Ганзу. Никого, ни одного. Ганза все знает: про глушилки. Про патроны. Про Рейх. Про жизненное пространство. Про красных. Про голод. Их туда не пустят, этих людей.

– Это провокация! И те, кто призывают! Провокаторы! – обведя толпу медленным и основательным взглядом, пропечатал Свинолуп; словно каждого тут запоминал в лицо, чтобы потом поквитаться. – С провокаторами! Разговор! Будет! Короткий!

– Мрем! Вымираем! Сил нет! Пощади! Господи, избавь! Выручи! Не дай! Не дай загигнуть! Крошечку! Баланды! Не себе, ребенку! Мразь! Отпусти! – толпа перестала говорить по-человечески и опять застонала единой глиняной грудью. – ГРИБОООООООООВ!

Задние пошли ближе к мостку, к лестнице, к Свинолупу – и стиснули передних. Передние выдохнули вместе воздух, чтобы поместиться, и от этого выдоха станция, хлебный храм, задрожала. Люди хотели на лестницу, в алтарь; как будто в алтаре было приготовлено им хлеба или вина. А там – ничего. Там жертвенник только – и нож.

Сейчас все случится. Сейчас будет горячо и скользко.

Свинолупу их не отговорить. Да он и не старается.

Надо их. Надо не дать им. Увести их.

Зачем им сейчас всем умереть? Они же могут еще жить.

Надо.

Его колыхало вместе с остальными – то на шипы, то обратно. Мутило от качки. У Артема осталось бедного воздуха всего капля. И он на эту каплю сказал: сначала шепотом, а потом громко.

– Там для вас нет ничего... Вам не надо на Ганзу! Не идите на Ганзу! Там вы никому не нужны! Слышите?! Люди! Не ходите! Пожалуйста! Не надо!

Мало кто услышал Артема, но Свинолуп услышал – близко стоял.

– Во! Никто вас там не ждет! – лениво, для порядка поддержал он Артема. – Тут ваше место!

– А куда?! Куда тогда?! Куда нам?! – заволновались ближние люди, и волнение водными кругами стало расходиться в стороны от Артема.

Они ведь ничего не знают, вспомнил Артем.

Они ведь верят, что ничего нет, кроме метро, кроме Москвы. Им ведь всем врут, что мир сгорел, что они одни, их в этих туннелях, их под землей держат, им даже про врагов ничего не объясняют, просто заперли их тут, в подполе, в темноте...

– Наверх! Наверх надо! Люди! Мир цел! Мы не одни выжили! Слышите? Мы – не одни! Москва – не одна! Есть другие города! Я сам слышал! По радио! Есть они! Можно идти отсюда – в любое место! Куда хочешь! Жить где угодно! Все открыто! Вся земля открыта!

Люди стали оборачиваться, искать его. И Артем тогда понял: вот сейчас, вот теперь-то нужно им рассказать. Рассказать, и пусть знают, и пусть решают сами. Кто-то подставил руки ему, кто-то – спину, и он стал взлезать по ним – чтобы встать на плечи другим, чтобы его стало слышно.

– Вас обманывали! Там все... Сверху! Питер! Екат! Новосиб! Владик! Все осталось! Одни мы тут... Мы тут! В свином дерьме! Хлебаем его, дышим им! Там – солнце! А мы вместо него – таблетки жрем! Нас тут... В темноте! В духоте! Держат! Расстреливают! Вешают! И мы друг друга... Душим, режем! А зачем?! За идеи чужие?! За станции эти?! За туннели?! За грибы?!

И с этим плачем все тысячи надвинулись на ограждения, на пулемет.

– Помииииилуууууууу господи!

Их не учили такому, поэтому каждый со своей музыкой говорил эти два слова. Жуткий от этого получился хор, нездешний, неземной. Задергали зажатые внизу руками, чтобы покреститься, но достать их оттуда, снизу, не смогли. И пошли вперед безрукие, наступая на тех, кого выкосило, ничему у них не учась.

– Помииииииилуууууууууууууу! – завопил Леха, хватаясь за своего Христа.

Первые упали, вторые стали мягкими щитами для третьих. Артем с Летягой и Леха с Савелием – хотели назад, от пулеметов, а толпа все равно хотела вперед, потому что сзади для себя не видела ничего.

Артем и сам был безрукий, и не мог толпу остановить больше никак.

Заголосили сверху автоматы по головам, стали мякнуть тут и там люди, но в давке больше не могли упасть, и оставались стоять на ногах, даже умерев. Смерти тут никто не испугался. Может, им и хотелось на заклятие уже, чтобы хоть куда-нибудь деть надоевшую жизнь и наконец успокоиться. Только пели «Помилуй» и все равно шли на лестницу, наверх, на тот верх, который понимали, – и на пули.

Пока меняли магазин в пулемете – секунды, – сто рук уже схватились за ограду и разняли ее на части. Через мгновение пулеметчику выдавили глаза, командира расчета разорвали, задушили остальных, и поползли, живые и мертвые вместе, наверх, лавой из вулкана. Не стали даже у утопших отбирать оружие, не до того было.

Полетели вниз с лестницы, с балюстрады автоматчики, беззвучно и согласно. Артем шел назад, в туннель, к люку, но все равно поднимался вместе со всеми по лестнице на балконы; уносило к переходу на Ганзу.

Красноармейцы, до кого еще не докатился народ, стали отступать, и уже просили заранее у толпы прощения, но слишком тихо кричали, поэтому их убивали все равно. Савелий выскользнул и канул, и больше никогда не всплыл. И еще сотни из тысяч, а может уже и тысячи из тысяч – пропали.

Задержал кто-то Артема за рукав.

Обернулся – женщина. Худая, синюшная.

– Парень! Парень! Не могу! Сына задавят! – закричала она ему. – Давят! На руки возьми! Подними! Задавят! Не могу сама!

Он поглядел вниз – увидел мальчишку лет шести, белобрысого, с размазанной под носом кровавой соплей. И еле успел выдернуть его к себе, вверх.

– Ладно! Его куда? Ты кто? Как зовут?

– Коля.

– А меня Артем.

Коля Артема обнял за шею сначала, чтобы не соскальзывать, но давило – смог перехватиться и забраться на шею. Колина мать взяла его за руку. Поддержалась – и выпустила. Артем дернулся – где? Она стоит, зажатая толпой, упасть не может; а голова свесилась, пробитая.

– Туда! Туда! – кричал с плеч маленький Коля, не заметив еще, что мать убили.

Впереди шел Летяга – здоровый, нестигаемый. За ним Артем с Колей. Леха к своему распятию прибил, и на нем, как на отломанной корабельной мачте, молясь единственным известным словом, выгребал. Как-то они сумели склеиться, и так их вело к ганзейской границе.

– Мам! Ма-ма! Ты где? – вспомнил мальчишка; но там, где он ее оставил, уже ничего не было.

Всех красных смяло и стоптало. Появились из темноты переходов флаги – белое поле, коричневый круг.

– Наверх, – просил у людей Артем. – Не сюда. Наверх.

– Мам! Маааааааааааааа!

Он попытался слезть, прыгнуть в жернова, чтобы оттуда вытащить мамку свою. Но Артем поймал: растопчут в секунду.

Подумалось такое: он этого мальчика не может теперь бросить. Он должен его взять себе. На сколько ему жизни хватит – на столько и взять. А как растить? Вдруг представил себе: он вернулся к Ане и у них этот пацан, которого Артем сейчас за лодыжки держит. И живут они все вместе... В Полисе? На ВДНХ? Захотелось туда, в такую жизнь – на минутку, посмотреть.

Загорелись над укреплениями прожектора, постарались народ ослепить. Но народ и вслепую знал, куда идти.

– Грибоооооооооов!

– Государственная граница! – крикнули им. – Федерация станций! Кольцевой линии! Откроем огонь! На поражение!

– Помииииииилуууууууу!

И все: напрасно они все выжили там, на лестнице.

Спустил мальчишку с плеч, взял на руки – чтобы не сняло поверх голов его пулями. Он вырывался. И Артем думал: черт, а ведь ответственность какая – сейчас его с собой таскать везде.

А Сухой как... Как Сухой Артема – взял вот и таскал всю жизнь, так же вот, случайно подобранного. Он – смог. А Артем – сможет?

Тактактактактактактактак! – застрекотало.

Повалились первые, самые храбрые, упали вторые, отчаянные, но сзади все перли и перли – третьи, четвертые, сотые, двухсотые. Артем спиной вперед повернулся, чтобы Колю закрыть.

– Мама, – сказал Коля.

– Тише, – попросил Артем.

Прошли мимо заплутавшего мертвеца в черной балаклаве.

Страшно на себя брать ответственность за другого, тем более шестилетнего. На всю жизнь с ним себя связывать... Это как?

Коля расслабился, перестал вырываться.

Артем опустил глаза – а тот мертвый. Руки свесились, ноги болтаются, голова белобрысая запрокинута, в груди дырки. На излете попало. Закрыл собой Артема.

– Сука трусливая, – сказал Артем себе. – Трусливая дрянь. Говно.

Размазал сопли, искал, куда мальчишку положить, но не было куда. А потом и их троих швырнуло на укрепления, на ганзейские пулеметы. Такие же были пулеметы, ничем от красных не отличались. И пули, наверное, те же были самые. Убивали ровно так же.

На них троих уже поворачивалось кровохаркающее дуло, но Летяга вспомнил про свой винторез, остановил стрелка на полпути, и через секунду гнездо смыло волной, поволокло труп по камням.

Колю Артем держал на руках, сколько мог, но все равно потерял.

Все вообще было заброшено людьми.

Мертвые глядели рассеянно, молчали. Остальные не могли. Кто дальше шел, ревел. Те, к кому пули подлетали, мычали о помиловании. Умирающие договаривали свой разговор с Богом. Друг друга не слушал никто.

Но вдруг стали братья за руки – чтобы цепью идти и не распасться. Артема взяли с одной стороны, с другой – незнакомые люди. Теплые, горячие руки. Недолго продержались. Сделали несколько шагов – отпустился слева человек, а потом и справа.

Уже шагали по мнущимся лицам ганзейских пограничников, уже катил авангард голодных через колючку – уже почти дошли к кольцевой Комсомольской, когда сзади выскочили, как черти, огнеметчики.

Артем с Летягой и другими выметнулись в огромный и торжественный зал: потолок в счастливых мозаиках, люстры незаслуженный свет дают, ласковый-божественный, мытые людишки шарахаются от нашествия, вереща, а сбежавшие, а прорвавшиеся – как крысы, как тараканы, скорей-скорей из этого дворца, с глаз долой – в туннели, в норы, чтобы разбежаться, пока всех не переловили.

За спиной, в переходах заревели огнеметы, завывли первые обожженные, раздался запах жареного мяса и горелого волоса, но Артем, обнявшись с Летягой и с Лехой, бежали в туннельную черноту, не оборачиваясь на то, что там, позади, осталось.

Из туннеля сзади кричали, требовали остановиться, кого-то там уже винтили подлетевшие сотрудники ганзейской безопасности, тащили обратно, на Красную Линию, домой. Не нужны тут были эти беглецы.

Между собой не говорили.

Не было воздуха говорить.

* * *

До выхода на Курскую случился межлинейник, через него, подранив охрану, получилось выпасть на другую ветку, синюю, Арбатско-Покровскую. Летяга вспомнил там о вентиляционном колодце. Выкарабкались во дворах расползшихся кирпичных особняков, между облезшим купольным золотом и облезшим золотом над разбитыми витринами.

Сели посидеть. Оглохшие от крика.

Летяга молчал, Леха лупал глазами, Артема рвало. Перекурили.

– Как ты теперь с этим? – спросил у Летяги Артем. – Понял ты?

Тот пожал медвежьими плечами.

– Пацаненка убили. У меня на руках.

– Видел.

– Он их нашими патронами, – сказал ему Артем. – Свинолуп. Мразь эта. Майор. Твоими патронами. Свои уже кончились, видно. Нас ждали. И он – ушел. Живой. Там столько мертвяков осталось. А он живой. И будет дальше живой.

– Я приказ выполнял.

– И он приказ выполнял. Вряд ли сам придумал. Они все там приказ выполняли.

– Что ты меня с ними сравниваешь-то?!

– А здоёво быё бы тоже убить кого-нибудь, – сказал Леха. – Того, кто это пьидумаъ. Гадину эту бьядскую. Чтобы таких пьиказов бойше не даваъи.

– Я был уверен, что он сдох. Две пули в него всадил. В лоб надо было.

У Артема левая рука отнялась, плечо все мокрое было, но сейчас нельзя было о плече.

– А тоьку, майоъа ваъить? – возразил Леха. – Майоъов хотъ жопой жуй. Заваъишь майоъа – тойко капитана объадуешь. Ваъить съазу маъшаъов нужно.

– А кончил бы я его там? Что бы поменялось? Они все равно бы на пулеметы пошли. Я им говорил. Ничего не понимают. Я им сказал же, что можно уйти. Наверх. Они не слышат! Никто! Даже те, кому дохнуть сейчас. Им на пулемет проще, чем наверх! Что делать?!

Летяга сморкнулся кровью себе в пятерню, стал рассеянно вытирать о штаны. Потер лоб.

– Хер с ними. Ты их не повернешь. Они как стадо. Куда мне-то идти? – сказал он. – Это же дезертирство. Некуда.

Артем поглядел на него. Несгораемый человек Летяга. Не горит, потому что гореть нечему. Вот и Артему бы так.

Откупоривались потихоньку уши.

Съеживались растянутые барабанные перепонки.

И вот снизу, из щелей, из коллекторов, канализационных решеток, через вентиляцию, отовсюду: стали из-под земли расти звуки. Плач и вопли. Слабые, придушенные московской жирной глиной, отраженные ото многих углов изломанных труб. Эхо. Люди не смогли сбежать, только их голоса смогли.

Это было как роды. Москва была как женщина, которая сама уже умерла, но в ее каменеющей утробе сидели еще живые дети. И они хотели родиться, и плакали там внутри. Но Москва никого больше не выпустила. Сжала свою бетонную пизду, и давила всех своих детей, они отмучались и стихли, так и не рожденные.

А курево кончилось.

Была ночь.

Окунуло Москву в эту ночь, как в ведро с грязной водой, чтобы отстирать с нее всю кровящую. Кончится мутная ночь, будет мутный день, и никто в этот день не узнает всего, что было в день предыдущий. Все в ночи отмоется. Кто узнает о черном туннеле, где одни люди других кирками вслепую молотили? Никто. Кто о глушилках узнает? Никто. Кто о том, как безбожники крестились и на пулеметы шли? И для чего все умирали? По какой причине?

– Летяга. Летяга. А есть эти враги? Запад, Америка? Они есть? Есть они вообще? Честно скажи.

Летяга поглядел на него косо, но в темноте казалось, что глаза у него выровнялись и смотрят прямо, верно.

– Должны быть.

– Да на хеъа нам въаги? – сказал Леха. – Мы и без них спъавъаемся!

– Хотели бы они – на всякий случай бы по нам долбанули. Контрольным. Если бы сильно нас боялись. Не думал об этом?

– Нет.

– А остальные города все – Питер, Владик, и вся мелкая шушера – их почему не бомбят, не думал? Или они всех покорили, а мы тут такие одни последние непокоренные?

– Нет! Какая тебе разница, думал я или нет?!

– Да потому что нет никаких врагов. Им насрать на нас, Летяга. Врагам. Мы никому не нужны. Ты купился, и я купился. Все время мы думаем, что мы шибко сдались кому-то. Что тут, у нас, пуп земли. Что мы последние, или что единственные, или что главные. Что у нас тут судьбы мира решаются. Хера. Ничего тут не решается. Мы тут империи возводим, на пулеметы идем, на стройках дохнем, собак собой кормим, человечество спасаем, и все под крышкой. Вся наша борьба, жертвы, подвиги. Это все в муравейнике муравьиные подвиги. Никому их не слышно. Зря дохнем. Убери эту крышку...

– Щит! Щит, а не крышку!

– Убери этот щит, ничего не поменяется. Вот я уверен. Это не мы врагам нужны, Летяга, а враги нам.

– Я уверен, – тяжело и зло сказал Летяга. – Я уверен, что старик правду говорит.

– Значит, он мудака, – так же зло сказал ему Артем. – И он мудака, и ты обмудаченный. И я мудака тоже, что купился там, в Балашихе. А теперь уже все. Ничего уже не сделать. Тогда был момент. Нужно было разнести все эти глушилки к херам. Все разровнять. И посмотрели бы. Да, Савелий?

– Да, – за растоптанного Савелия ответил Леха.

– Ничего б не добился, – сплюнул Летяга. – Этих глушилок вокруг Москвы еще понатыкано. А люди тебе не поверили б все равно.

– Потому что вы им двадцать лет в голову гадили! Как им поверить?! Это их вина, что ли?!

– Я никому не гадил!

– Ага. Ты отстреливаешь всех, кто в вашу историю не укладывается.

– Я с врагами. Я родину – от врагов! И если бы я тебя, балабола, не выдернул из Балашихи, тебя бы ганзейские там прямо и зарыли! Пикнуть не успел бы!

– Это не ты меня выдернул! А старикан! И не от жалости! А чтобы оборудование свое сраное сберечь! И все! Он – тебе – сказал – меня – грохнуть! Меня! Задумайся! Я его кто? Зять? Муж его дочери! И все равно меня приговорил!

– Ну я не грохнул же.

– Спасибоочки, бля!

– Пожалста!

– А за что меня убивать? За то, что я про глушилки знаю? Что я знаю, как они людям мозги крутят? Или почему? Если он будет красным патроны давать, а я возражу? Двадцать тысяч патронов! Двадцать тысяч! Ты сам сегодня их жрал! Ну хватит быть таким мудаком-то!

– И что?! Зато война кончится! Это условие было Москвина!

– То-то старикан про любую цену говорил! Что ее платить придется! Двдцаточка!

– Нет, а надо было еще наших пацанов перекрошить?! Еще один бункер устроить надо было?!

Артем отвернулся.

– Это Москвин там был? Я узнал его. Москвин и второй – Бессолов. Бессолов, он на Ганзе кто?

– Шишка какая-то. Хер их там разберешь.

– Врешь, – убежденно сказал Артем. – Знаешь. Кто?!

– Отвали.

– Он же конверт через нашего старикана фюреру слал. И патроны генсеку. Он. И ему же старик рапортует? А? Алексею Феликсычу! За что? Чем он его так? Джипами этими сраными?!

– И что?! Ганза нас с колен подняла! Ты когда сбежал?! После бункера. Взял свою Анечку и сдриснул от нас. А мы что? Нас сколько там после бункера? Половина осталась? И те дырявые все. Мы, если бы не Ганза, развалились бы, и дело с концом. Старик делал, что мог. Других желающих помочь не было. Но ему – без ног и однорукому?! Повеситься ему? А нам – в наемники?!

– Да наемником честней быть! Чем теперь в Ордене вашем!

– На хер иди! Понял?!

– Ты хоть понимаешь, чем он за эти внедорожники заплатил, за винторезы, за шапочки? Он пацанами нашими! Ганза нас и подставила, Летяжка! Мы ведь звали их! В бункере! Звали! Они пришли к нам? Велика помощь, напихать нам своих ублюдков вместо наших ребят! которые из-за них и погибли! Он продал их! Ганзе же и продал!

– Не может. Быть. Должна быть причина.

– А меня убирать – какая причина?!

– А если ты шпион?! Диверсант?! Щит пытался сломать! Вдруг ты против нас играешь?! Втерся! Он сказал, если ты попробуешь сорвать мирный договор... Поставку под угрозу... Значит...

– Чей шпион?! Чей диверсант?!

– Америкы. Вышел с ними на связь со своей высотки и...

– И что?! И помогаю им ракеты навести опять?! По своим?! По жене, по отчиму?! По тебе, мудиле?! Тебя продали, меня продали, и наших всех продали, души их, всем списком! Вот что. Понял?!

– Они собой пожертвовали, и все. А красные... Так нужно. Трудно, но нужно. Сейчас время объединяться, Артем. Хоть бы и с красными. Есть другой враг. Настоящий. Трудно забыть пацанов. Я знаю. Старик сам не может их забыть. Ты же видел. Видел, он с ними пьет каждый день.

– Он не с ними пьет. Он просто бухает! Бухает, потому что был герой, а стал колобок! Ни ручек, бля, ни ножек! А если он реально думает, что война с Западом не кончилась...

– Она не кончилась! – заорал Летяга. – Как ты не видишь-то?!

– Доказательства есть какие-нибудь?! Этот Бессолов?! Он как вам доказал, что война?! Тебе мозги промыли! Как он вас всех за яйца-то так крепко взял?!

– Это тебе мозги промыли! Они всегда! Они изо всех щелей! Они нас стереть с лица земли!

– Сука! – Артем вскочил на здоровую ногу. – Ничего не докажешь! Никому ничего не докажешь!

– А ты-то мне что доказал?! Если не враги – тогда – какой смысл?!

– Какой?!

– Да!

– Не знаю!

– Ну и отвали от меня тогда!

Артем подумал. Кивнул. Поковылял прочь.

– Куда? – вслед ему крикнул Летяга.

– Ты прав, – не оборачиваясь, ответил себе Артем. – Ты прав. Должен быть смысл. Просто мы не понимаем его пока. И старик твой не понимает. И Свинолуп знает вряд ли. Хорошо, есть, у кого спросить.

– погоди! Артем! Артем!

Летяга нагнал его уже у Лубянской площади. Отдал свой противогаз.

– Возьми. Я так доберусь.

Артем не стал спорить. Поплевал маске в глаза, примерил. Прогундосил Летяге:

– Спасибо. Сейчас никак раньше времени сдохнуть нельзя.

От Лубянки потащился, хромый, вниз. Мимо Большого театра, с которого запряженная повозка в пропасть сорвалась, мимо бесслезных фонтанов, мимо гостиниц для с того света гостей, мимо собачьих улиц, парламента немого, и прикинувшегосядохлым Кремля с угасшими звездами, и стенами ни от кого; где-то тут.

Остановился. Было темно.

Как он это сделал? Где стоял?

Сочилась кровь из дважды простреленного левого плеча, как будто бесконечно ее в Артеме было, а ему тяжело становилось без нее. Слабо. Но он все искал, искал; вспоминал. Побрел в одну сторону, потом в другую.

От немощной луны мало толку было. Черное на черном она не могла увидеть, и Артему не помогала. Он опустился на карачки, пополз, шаря рукой по шершавому асфальту. Один раз выудил ботинок, другой – дверную ручку, почему-то брошенную посреди мостовой.

Подожли Леха с Летягой.

– Чего ищешь-то?

– Ответ, – пошутил Артем и сам хрипло посмеялся себе в резиновые уши.

И нашлось.

Он сам Артему подмигнул лунным светом из приотшторенных облаков.

На черно-сером асфальте лежал черно-серый револьвер. Свинолупов расстрельный наган. Взял его в руку. Тяжелое, тугое, злое оружие. Артему сейчас именно оно было нужно. За ним он сюда и шел. Ничего без него тут, оказывается, нельзя было понять.

Вот именно этот вороненый ствол нужно было в глотку Бессолову запихнуть. Пускай через него дышит – и объясняет Артему, зачем людям в метро сидеть.

– Все? – спросил у него Леха.

– Какое все! – поглядел на него Артем. – Теперь в бордель!

Глава 19. Что писать

На Трубную его внесли.

Летяга на закорках втащил. Поверху нес, в метро боялись спуститься.

Артем уже ржавым кашлял. Пока он болтал ногами у Летяги на спине, все убеждал дать ему самому пойти. А как только становился на ноги, сразу падал на колени. Кончался завод. Останавливался ключ в спине.

Но когда пришли на Цветной, какая-то пружинка в груди перещелкнула и решила еще пожужжать. Артем разогнал рукой красную хмарь перед глазами, распрямился. Сам чувствовал: много сделать он не успеет. Надо сделать одно, но важное. Нашупал наганную рукоять: так? Наган соглашался.

– К Саше отведи меня. Слышь, Леха? Помнишь, где?

– Ага. Къасивой смеѣти хочешь! На теѣочке окоѣть? Не, сначала айда дыѣки заштопы-вать!

Ну ладно. Если только дырки.

На Цветном творилось странное.

Станция была забита беглыми фашистами. Потерянными, жалкими, побитыми. Железнодорожная фашистская форма, промоченная и теперь высыхающая, садилась и малела им, как будто ее шили для детских игр или спектаклей, а взрослые напялили на себя и стали в ней все делать всерьез. Лица их были исцарапаны и извожены в грязи, подкованные ботинки рассохлись.

– Что? Что съучиѣсь? – допрашивал Леха знакомых шлюх.

– Рейх затопило весь. Пушкинская рухнула. Таджики расширяли криво. Рухнула, а потом и соседние. Затопило.

– Таджики криво... – криво улыбнулся Артем. – Таджики во всем виноваты. Суки какие.

– Все разбежались. С Тверской – на Маяковскую. С Чеховской – сюда люди пришли.

– А война что?

– Мы не знаем. Никто ничего не знает.

Поделом вам, думал Артем. Может, Господь и вправду слушает, принимает жалобы. Кто-то, может, та женщина из тачки, успела богу наябедать перед тем, как у нее голова от арматуры лопнула. Господь посчитал на костяных сѣтах, сколько в Рейхе грешников, а сколько праведников, и постановил Рейх закрыть и опечатать. Только зачем и открывал?

А Гомер что?

– Старик не знаете, спасся? С Чеховской? – приставал Артем к железнодорожникам. – Гомер?

От него шарахались.

Взяли его к врачихе: та среди укусов от колючих плеток нашла кровоточащие язвы, лучами, как шилом, в коже проделанные. Сказала: недолго. Переливание нужно срочное, но доктору по дурным болезням переливать нечем и нечего. Пулю выковыряла, ругаясь на Артема, перебродившей бодягой залила дыры, проложила мятой тряпкой, чтобы из застеганной кожи туда капало. Дала просроченного анальгина. От него похорошело. Вот где Савелий его брал.

– Мы что теперь? – спросил Летяга. – Надо нормального врача найти тебе. Не эту пизду ивановну. Юшки тебе твоей обратно плесну. С процентом.

– Не. Я к блядам, – сказал Артем, едва анальгин подул ему на раны. – Потом рассчита-емся.

– Ну и я, – подмигнул Леха. – Мне тоже пеѣѣивание нужно сделать.

– На твоём месте, Темыч, я бы молился лучше, – покачал головой Летяга.

– Без сопливых как-нибудь, – ответил Артем.

– На, пулек возьми.

Артем взял.

– Сдаваться пойдешь? – он заглянул в косые Летягины глаза.

– Не. Старик дезертиров не прощает.

– А если меня сдашь?

– Тогда меня Анька твоя сгнобит, – сказал ему Летяга. – Еще что хуже. Ладно. У меня тут тоже есть одна любимая. Там вон. Умаешься – приходи.

– Отвести тебя? – спросил Леха.

– Не надо. Я вспомнил.

Правда, вспомнил.

Расстались.

Артем,ковыляя прочь, прячась в толпе, еще оглянулся: расстались ли? Для этого важного дела не хотелось ни у кого помощи просить. Цветной кишел сбродом. Кто тут агент красных, кто Ордена, а кто Ганзы? Слушают, ищут его. Наверняка ищут.

Правая рука в кармане. Нагана из пальцев не выпускал.

А у Саши пусто оказалось.

Внутри никого, дверка заперта.

Забеспокоился: а если ее Бессолов отсюда забрал? А если с ней что-нибудь похуже случилось?

Напротив-наискось был смурной кабак на полтора места. Отгороженный «дождиком» из соломки от потолка к полу. Можно было так устроиться, что Сашина шарашка отсюда видна была сквозь соломенные струи, а Артема проходим было бы сразу не узнать.

Артем глядел на запертую дверь. Хотел думать о Саше, а думалось об Ане. Надо же, Владивосток. Почему она раньше про Владивосток не говорила? Ему, может, с ней лучше жилось бы, если бы он про Владивосток знал.

Рядом бубнили, склонившись, двое мокрых фашистов. Оглядывались на Артема подозрительно. Он тужился почувствовать к ним ненависть, но не удавалось никак: весь перегорел на Комсомольской. Чтобы их успокоить, заказал к анальгину спирта. На еду смотреть не мог, кружило от одной мысли.

– Дитмар... – дошелестело до Артема сквозь нарочно зажеванные слова. – Дитмар...

Он посомневался и решил.

– Дитмара знаете? – поинтересовался он у этих.

– Ты кто?

– У него работал человек. Илья Степанович. Книгу для него должен был писать. И с этим человеком еще один. Звал себя Гомером. Товарищ мой.

– Кто ты, спрашиваю.

– Я для Дитмара выполнял задание, – шепотом признался Артем. – На Театральной.

– Агент? – фашист подсел вплотную.

– Диверсант.

– Дитмар героически...

– Я в курсе.

– Вся его агентура ко мне перешла, – заявил тот. – Теперь со мной работать будешь. Я Дитрих.

Артему от этого стало смешно. На Дитриха он уже глядел немного из-под облаков. Оттуда многое смешным могло показаться. Но не все.

– Мужик, – Артем вытер губы тыльной стороной ладони, показал Дитриху жидкую кровь. – Дай помереть спокойно.

– Облученный? – понял Дитрих и отодвинулся. – Ты тот сталкер, что ли? Завербованный?

Артем под столом потянул на себя осторожно револьвер, чтобы бойком за карман не цеплялся.

– Знал Гомера?

– Тебя разве там не убили, на Театральной?

– Как видишь.

Похоже, в жизненное пространство Дитмар его без лишних согласований определил.

– Ладно... Если ты ветеран наш...

– Не ори. Тут вокруг уши.

– Здесь они. Выбрались. Рядом пьют. И тот, и другой. Тоже мои подопечные. Проводить?

– Проводи.

Гомер жив. Слава тебе. Надо его найти, подождешь, Саша?

Это Артему неделя осталась или сколько там. А Гомер никуда не собирался. Надо хотя бы Гомеру, в его тетрадку, исповедоваться. Пускай запишет все себе. Про вышки, про ямы, про туннели, про грибы и про патроны. Про Орден про блядский пускай запишет все. И главное, святое – про то, что мир есть.

Хотел историю, вот тебе история.

Оказывается, старик всего-то в двадцати метрах сидел. Пили с Ильей Степановичем угрюмо, не чокались.

А увидел Артема – загорелся.

Гомер был встрепан – седые волосики венцом вокруг лысины топорщились и в лампочном желтом свете казались золотым нимбом. Оправился. В руках у него была курица – та самая, Олешкина. Никто ей не отвернул шею, никто в суп не сунул; она отождралась даже на фашистских кормах, лоснилась, зараза.

Артем поднялся к нему, обнял старика. Сколько не виделись? Год?

– Живой.

– И ты живой.

– Ты как, дед?

– Я-то как? Да вот. Начали с Ильей... Работать, – Гомер посмотрел на Артемова провожатого. – Здравствуйте.

– И как идет? – спросил Артем у Ильи Степановича.

– Хорошо, – ответил тот Дитриху. – Пишем. Получается.

– Славно, – сказал Артем. – Пойдем, деда, пройдемся, что ли? Спасибо, геноссе, – кивнул он Дитриху. – Век не забуду.

Дитриху нужно было, конечно, за ними, подслушивать. Но за соломенным дождем стыли грибы и грелась бодяга. И Рейха больше, кажется, не было.

– Со станции ни ногой! – строго распорядился он. – До дальнейших распоряжений.

Побрели через комнатенки: бабы на коридор как бусы насажены. Как тут найти угол поукромней?

– Пишется? – уточнил у Гомера Артем пока что.

– Не то чтобы.

– А что?

– У Ильи жена повесилась. Наринэ. Пьет он.

– Когда? Когда случилось?

– Ну, пару дней мы поработали – и... А фюрер требовал... Каждый день приходил лично, читал, спрашивал. Пришлось мне за двоих, в общем. Зато Илья обещал в соавторы взять. Имя на обложке и все дела. Лестно?

– Ого, – Артем поглядел на Гомера. – И как он, фюрер?

– Ну... Если так... В быту... То обычный.

– Обычный, – сказал Артем. – Надо же. Самый обычный человек. И тоже наверняка какой-нибудь Василий Петрович.

– Евгений Петрович, – поправил его Гомер.

– Почти, – усмехнулся Артем. – До уродов дошли уже? В учебнике?

– Не успели, – ответил Гомер и мимо посмотрел. – И теперь непонятно уже, успеем ли. Все разбежались. Рейху конец. Фюрер делся куда-то.

Курица расправила крылья, как будто бы для полета; а Гомер, зная уже куриные повадки, выставил ее на вытянутых руках подальше. Она поджалась и нагадила на пол.

– Несется хоть? – поинтересовался Артем.

– Нет. Бойкотирует, – невесело улыбнулся старик. – Хоть я ее уже скорлупой и запичкал. Фиг знает, в чем дело.

Шли далее, разговаривали мимо битых фашистов и вдохновенных блядей, под чужими ахами и охами, между посвистом хлыста, подстраиваясь под ритм чьей-то испорченной любви.

– Ну что. Не придется зато совесть глушить, – сказал Артем, чувствуя, как через усталость подступает зуд: все рассказать. – Теперь можешь свою собственную книгу. Как хотел.

– Свою, которую никто печатать не станет.

– Смотря, что напишешь в ней.

– А что я напишу?

Показалось, что кто-то тащится за ними. Обернулся раз, другой. Вроде рассеялся человек в мареве. Может, и не за Артемом шел, а по своим веселым делам. А может, приотстал, чтобы глаза людям не мозолить.

Рука на нагане.

– Ты Сашу нашел свою? – спросил Артем у Гомера.

– Свою? Нет. Ты...

– Она тут, дедуль. Вчера тут была. Я говорил с ней. Про тебя.

– Ты знаешь?.. Знаешь, где она?

– Знаю.

– С ней все в порядке? Куда мы? Давай лучше к ней... И что... Она здесь... что делает?

– Что тут женщины делают, дедуль? Работает.

– Не, брось! Саша?.. Не верю.

– Ну.

– Неправда!

– А скажи... Про Хантера – правда? Что он спился? Я ведь и не знал, что вы знакомы.

– Хантер? Ты его тоже?.. Откуда?

– Он меня в поход и отправил. Тогда. Против черных. За ракетами. Я не рассказывал? А он – не рассказывал? Он не из-за этого ли пил? Не из-за черных? Или отчего?

– Он? Не знаю. Он... Мы с ним вообще мало говорили. Недостаточно.

– Ты ведь это о нем книгу писал. Свою, ту, в тетрадке. Как же?

– Не знаю. Он, понимаешь... Не настоящий герой. Я хотел из него героя сделать. Чтобы люди читали и вдохновлялись.

– Поэтому ты его непьющим сделал?

– Откуда ты...

– Говорю тебе: мне Саша все это. Не веришь, что ли?

– Мне к ней надо. Посмотреть. Я сам хочу убедиться.

– Попозже. Потерпи. Важно. Вот, кажется, тут никого... Заходи. Погоди, я тут проверю все...

– А по поводу Хантера... Да! Ну кому захочется про алкоголика читать? Идти за ним? Понимаешь? Миф должен быть. Красивый. Люди сидят в темноте, в безнадее. Им свет нужен. Они без света совсем опустятся.

– Понимаю. А теперь ты послушай.

Артем наклонился к нему, и в стариковское волосатое ухо горячечно зашептал:

– Люди сидят в темноте, дед, потому что от них свет прячут. Запад не уничтожен, дед. И Россия не вся. Есть другие выжившие. Весь мир выжил почти. Не знаю уж, как они там живут, но... Владивосток, Полярные Зори твои, Париж, Америка.

– Что?..

– Их всех от нас скрывают. Работают глушилки. Вокруг Москвы глушилки расставлены. Радиобашни, которые все сигналы из других городов гасят.

– Что?

– Ганза это. А Орден мой в курсе. Ганзе служит. И подчищает всех, кто снаружи сюда проберется. Находит и ликвидирует. И всех, кто отсюда пытается с внешним миром связаться, тоже. Поэтому никто и не знает. А Красная Линия для Ганзы, я думаю, строила ветряки. Там такие ветряки стоят, в Балашихе, чтобы глушилки электричеством снабжать. И ров экскаватором вырыт, котлован большой, весь трупами завален, и собаки жрут их, пятиногие. Строители и иногородние вместе. А Ганза красным за это патроны. Или не за это, а так просто, в поддержку. Двадцать тысяч патронов, представь-ка себе! А красные этими же патронами грибные бунты расстреливают. Прямо по толпе. Люди идут на пулеметы, просят грибов, а их косят, косят, косят... Ничего не хотят знать. Говоришь им: вы можете все уйти отсюда, из метро! Там жизнь есть, наверху! Уходите! А они на Ганзу прут, и под пули... Поэтому и важно, чтобы ты записал все это себе. В тетрадь. Да, и еще. Они-то врут всем, что нас нужно тут прятать, потому что кругом враги, что война продолжается, но это вранье все, я уверен, что вранье. А зачем – я, если выйдет, узнаю. Но пока так пиши. Хорошо? Пиши, чтобы люди знали. Это важно.

Гомер отнял ухо, посмотрел на Артема аккуратно; так, как будто ему нужно было растяжку на ощупь разминировать. И еще – сочувственно, но сочувствие старался спрятать, потому что понимал: леска невидима, сочувствием за нее зацепиться можно.

– Ты как? – спросил он. – Ты скверно выглядишь, по правде.

– Мне-то хана, – сказал Артем. – Может, неделя осталась. Ты пиши поэтому, дедуль. Записывай.

– Что записывать?

– Все. Все, что я тебе рассказал сейчас.

Гомер кивнул.

– Ладно.

– Тебе все понятно? Рассказать еще раз? – Артем привстал на здоровой ноге, выглянул в проход.

– Мне не все.

– Что не ясно?

Гомер мялся.

– Ну это... Все... Немного странно... Звучит. По правде.

Артем отодвинулся. Осмотрел старика с расстояния.

– Ты думаешь... Не веришь? Тоже думаешь, я ебнулся?

– Я этого не говорил...

– Слушай. Я понимаю, это все дико звучит. Но это правда, понимаешь? Наоборот, все, что ты знаешь про метро – что наверху жизни нет, что нам деваться некуда, что красные против Ганзы, что Ганза эта – добряки, что все вообще... Да вообще все – вот это именно – ложь! Мы просто в ней столько жили...

– Один город, еще может... Два там... – Гомер нахмурился, сделал над собой усилие, чтобы поверить Артему. – Но весь мир? И глушилки. И Ганза.

– Неважно. Ты пока запомни просто. А потом запишешь. Запишешь к себе? Меня не станет скоро, дед. Я не хочу, чтобы это пропало все. Вот тебе задача, слышишь? Я такое узнал.

И если ты – ты! – не занесешь все это в тетраточку свою... Никто никогда так и не узнает. Я сегодня попытаюсь... Неважно. У меня может и не выйти ничего. Но ты – понимаешь? – ты! – можешь что-то изменить. Сделаешь? Запишешь?!

Старик пожевал. Погладил курицу. Та сидела сонная.

– Даже если это и правда все... Кто же такое напечатает-то?

– Какая разница, кто?

– Ну как... А люди-то как узнают?

– Дед! Что, печататься обязательно? Гомер – тот Гомер, который настоящий – он ведь вообще ничего не писал. Он слепой был! Он говорил просто. Пел там... И люди слушали его.

– Тот Гомер – да, – согласился старик. – Который настоящий, – с унылой усмешкой повторил он. – Ладно. Запишу, конечно. А тебе к врачу надо. Что это за разговор – неделя осталась! И пойдем... Отведешь меня к ней?

– Спасибо, дед. Я потом тебе еще... Поподробней. Когда узнаю. Надиктую прямо. Если получится.

Гомер помолчал, пока шли. Что-то у него на языке еще нарывало, и он все сосал свой язык, стискивал зубы, чтобы не отпускать это. Потом пробубнил:

– И знаешь еще, что? Пришлось еще пару статей для их газетки тиснуть. Заставили. Ну там, знаешь... Про прорыв на Шиллеровской...

– Но ведь это заставили, – сказал ему Артем.

– Заставили.

* * *

Вернулись.

А там все по-новому. Дитрих с товарищем доели и сгинули. А в Сашиной кабинке стояли. Все с ней было в порядке.

– Вот тут, – сказал Артем.

Переглянулись.

Сели ждать за дождиком, уставившись каждый в свой стакан. Гомер ерзал, кашлял. Артем слушал себя: что там? Ветер внутри выл. Крутил железные лопасти, скрипел, переде- лывался в силу, чтобы Артему еще немного побыть на земле. Где вы, белобрюхие небесные корабли? Куда летите по этому ветру? Глотал водку: в стакане от того, что пригубливал, рас- ходилось розовое облако, а внутри у Артема – облако мутное, как самогон. Сон наваливался. Сколько он не спал? Сутки?

Достонали; вышел какой-то хмырь, застегиваясь. Улыбнулся, как победитель. Что с этим делать?

Гомер сорвался с места, зашаркал туда. Курицу бросил.

– Саша?!

– Гомер... Ты?..

Артем не двигался. Не его разговор. Но не слышать не мог.

– Боже... Ты тут... Зачем ты? Сашенька...

– Со мной все в порядке.

– Я... Я думал, ты умерла... Искал тебя там, на Тульской...

– Прости.

– Почему ты не сказала мне? Не нашла?

– А ты как меня нашел?

– Я... Артем. Знаешь его? Он мне показал.

– Он тут?

– Ты... Зачем этим занимаешься? Саша? Зачем ты – этой грязью?

– Разве – это – грязь?

– Тебе не надо. Нельзя этим. Давай, ты... Собирай вещи свои. И пойдем.

Артем огладил наганный барабан. Не прямо сейчас. Завтра, послезавтра – когда к ней явится Бессолов. Пускай ответит. После этого – пожалуйста. Хорошо? Курица смотрела на него, голова набок.

– Куда? Я не пойду никуда.

– Как это? Тебя держат тут? Ты в рабстве? Мы можем... Я попрошу...

– Нет.

– Я не понимаю! Ты можешь другим зарабатывать... Если тебя выкупить нужно... Тебя нужно выкупить?

– Я не в рабстве.

– Тогда что?! Я не понимаю...

– Я тут на своем месте. Расскажи лучше про себя, как ты? Как... Хантер?

– Не знаю. Господи... Что значит – на своем месте?!

– Я там, где я нужна людям.

– Это глупость, это бред! Тебе восемнадцати нет еще! Что ты такое говоришь?! Это бордель! Притон! Все эти грязные мужики... Это не может так продолжаться! Мы уходим!

– Нет.

– Пойдем!

– Пusti!

Курица вслушивалась: переживала за Гомера. А Артем не вмешивался. Прав не хватало. Да и на чьей стороне вмешиваться?

– Ты не должна! Ты не имеешь права! Ты не проститутка!

– Как будто это самое плохое, что может случиться с человеком.

– Ты... Бедная девочка. Я потерял тебя... Я виноват...

– Ты не виноват. И ты не мой отец.

– Я и не... Зачем тебе здесь быть? Тебе не нужно!

– Это все? Ты же думал, что я умерла. Вот я, живая – какая разница, проститутка я, или нет?

– Ты! Не! Проститутка!

– А кто?

Какой-то человек остановился у открытой двери. Затылок обритый собран в складки. На плечах куртка кожаная топорщится. Охранник? Проверяет, можно ли хозяину зайти? Артем протер глаза, подался вперед, посмотрел вправо и влево. Темные волосы на проборе, мешки под глазами – нет такого человека в толпе?

– Ты не та девушка, которая станет за патроны себя... Которая позволит... Себя... С собой такое... Я тебя не такой помню!

– Ясно. А если я такая теперь, то что?

– Нет! Это мерзко!

– Ну сделай меня другой в своей книжке. Сделай меня такой, как тебе нравится. Какая разница, чем я занимаюсь в жизни? Какая разница, что там с Хантером?

– При чем тут это?!

– Ты закончил свою книгу? Чем? Что случилось на Тульской?

– Я не понимаю. Потоп! Прорыв вод.

– Чудо. Чудо у тебя там?

– Это не финальный вариант.

– Ну поправил же резню на чудо. Вот и меня поправишь. Сделай меня феей. Прости. У меня следующий гость сейчас. Я по записи принимаю. Как доктор. Сделай меня доктором.

– Я не уйду!

Человек со складчатым затылком послушал это все, плюнул и ушел. Артем обмяк. Гладил Рябу пальцами. Курица дремала. Наган не спал.

* * *

Вертели анальгин со спиртом этот вертеп, вертели мир, Артемову голову, ненадежно закрепленную, вертели. Вышел наконец Гомер – потерянный, как ледяной водой облитый и током встряхнутый.

– Зачем она так?

– Ты иди. Иди, дедуль. Дай мне с ней поговорить. Потом... Увидимся. Давай в той же харчевне. Где вы с Ильей. Соболезнования ему.

– Ты тоже... Ее?

– Посмотри на меня. Куда мне? Мне поговорить.

– Забери ее отсюда, Артем. Ты хороший парень. Искренний. Забери.

– Искренний. Ладно.

Постучал. Она слышала уже голос, не удивилась ему. Он качнулся внутрь.

– Привет.

– Ты вернулся! Был в своей Балашихе?

– Был.

– На тебе лица нет. Сядь. Хочешь что-нибудь? Воды? Вот тут, вот сюда.

Она была удивительно чистой, Саша. Свежей. Никакая грязь к ней не приставала. Вот только что мяли ее, разрывали на куски, а она волосы всего поправит – и воспрянет снова. Как это она делает? Как женщины это делают? Может, пьют мужчин?

– Там... Там глушилки. В Балашихе.

– Какие глушилки?

– Сашенька. Этот человек, которого ты хозяином называешь... Бессолов...

– Погоди. Это что тут у тебя? Господи, какие ужасные язвы. И это... Ты горячий. У тебя жар.

– Постой. Ты слышишь? Этот Бессолов. Кто он такой?

– У тебя пистолет.

– Когда он придет?..

– Бедный. Тебе хуже, да?

– Это он? Тот извращенец, который тебя использовал тогда, ночью? Который меня использовал? Который смотрел на нас?

– Который нас познакомил?

– Послушай. Послушай меня. Когда он придет? Я хочу с ним поговорить. Мне нужно.

– Зачем?

– Зачем. Он во главе этой пирамиды стоит. Он всем тут заправляет. Красными крутит, фашистами... Мельником. Я хочу понять. Какой в этом смысл. Что мы все в метро. В чем план. Пускай скажет.

– Смотри. У тебя корочки отсохли. От ожога. Можно?

– Это... Ты говорила, я это сам себя прижег?

– Да.

– Почему я это сделал? Зачем?

– Поговорил с ним и прижег себя. С Алексеем.

– Я? То есть... Из-за Ордена? Это я... Я орденский девиз прижег... Он мне рассказал об Ордене что-то? Чем они занимаются теперь?

– Вспомнил?

– Значит, и ты все знала?

– Артем. Хочешь прилечь? Ты еле на ногах держишься.

Он сел на корточки у стены.

– Почему ты не объяснила мне? Зачем отправила меня в Балашиху?

– Ты ничего тут не сделаешь, Артем. Иногда можно только прижечь себя сигаретой. И все.

– И про глушилки?! И про мир?!

– Да.

– Когда он придет? Когда?!

– Я не знаю.

– Ты знаешь! Ты же говоришь, что чувствуешь его! Скажи!

– Что ты хочешь от него?

– Спрячь меня. Спрячь. Прошу тебя. Спрячь меня тут.

– Спрячу, – она опустилась рядом с ним на корточки, погладила нежно по вискам голым, по темечку. – Вот за шторкой посиди.

Задержала занавеску.

– Еще можно сделать. Еще все можно.

Он смотрел еще в ткань, расписанную цветочками, и в сердцевине каждого цветочка видел чей-то затылок безглазый, целое цветочное поле из затылков. Тут были изображены все люди с Красной Линии, безликие, живущие только для того, чтобы им однажды в этот затылок выстрелили: такой орнамент.

– Зачем, – шептал себе Артем упрямо, чтобы не уснуть. – Хоть ты хозяин, хоть ты сам черт. Все расскажешь. Зачем ты так с нами. Зачем ты с людьми так. Зачем нам тут сидеть. А если не скажешь – в лоб тебе. Из вашего же нагана. Промеж глаз. Сука.

Баюкал-баюкал себя – и уснул.

Глава 20. Чудеса

И умер.

Всегда было интересно, есть ли там что, или просто свет выключают. И нельзя ли с кем-нибудь договориться, чтобы отправиться назад, в детство. В довоенное время, к еще живой матери на еще живую Землю. Вот был бы отличный рай.

Но загробный мир оказался другим. Какая жизнь, такое и посмертие: задраенное. Разве что почище и стены в свежей краске. Масляной. Если вся жизнь масляной краской покрашена, то и рай с адом должны быть такими же.

Кроме стен, была койка. Рядом стояли еще, заправленные, пустые. Странно: не один же он сюда умер.

Еще палка металлическая была, а на нее повешен прозрачный пакет с какой-то жидкостью. От пакета шла резиновая трубка к Артемовой руке, подменял ему кровь на дрянь какую-то.

Ага. Живой, следовательно.

Поднял руку, сжал и разжал пальцы. Не привязана. Ногами пошевелил – свободны. Откинул простыню, посмотрел на себя: в чем мать родила. Дырки от пуль пластырем залеплены, белым. Зачем это с ним так? Кто?

Повел спиной – ничего не почувствовал. Подживали укусы от плетки. Посмотрел на сигаретные ожоги: корки сошли. Под ними – розовые пятна.

Что случилось?

Стал вспоминать: были цветы затылочные. Был с Сашей разговор. Револьвер был в руке. Как вместо этого всего ему подложили койку, а вместо крови – заменитель накапали?

Спустил ноги на пол. Взялся рукой за шест, как за посох. На ногах было стоять непривычно. Плыла голова, звуки кривились.

Комната квадратная, одна дверь.

Поковылял вместе с посохом и с фальшкровью на своих ходульках к этой двери. Подергал. Заперто. Постучал. Безответно.

Но там, за дверью, шла жизнь. Голоса какие-то раздавались, фанерой отфильтрованные, музыка, смех; смех. Может, рай там все-таки? А он в предбаннике? Надо просто от своей, порченной крови совсем избавиться, залить вместо нее ангельскую бесцветную, и пустят?

В замке завелась железная личинка, закрутилась. Услышали.

Артем подумал: чем бить? Но долго думал. Не успел.

На пороге стояла женщина. В белом халате: стираном и глаженом белом халате. Улыбалась ему.

– Ну вот. А мы волновались уже.

– Волновались? – аккуратно спросил Артем. – Вы?

– Конечно. Столько времени без сознания.

– Сколько?

– Ну уж неделя. Вторая пошла.

– Зато выпался, – сказал Артем, стараясь через ее плечо высмотреть, что там в коридоре ему готовится. – Не знаю уже даже, чем теперь на том свете заниматься буду.

– А вы разве торопитесь? – покачала головой женщина.

Она миловидная была. Веснушки бледные, глаза рыжие, волосы убраны. Улыбка – и видно, что часто улыбается: лицо так расчерчено.

– Врач сказал, неделя-другая, и в путь.

– Я тоже вот врач. И не стала бы уж так категорично.

– А как стали бы?

И у Артема в груди шевельнулась личинка – надежда.

– Ну... Вы получили, с моей точки зрения, дозу в пять или шесть грей. Когда? Недели за две до госпитализации? Судя по крови.

– До госпитализации?

– Если бы все было своевременно... Если бы мы начали курс сразу... Я бы сказала, что у вас были бы пятидесятипроцентные шансы. Сейчас – не хочу врать... Терапия приносит неплохие результаты. Переливания. Антибиотики удалось правильные подобрать.

– Антибиотики? Терапия? – Артем прищурился.

– Ну и остальное... Вы, думаю, и сами чувствуете. Язвы заживают. Так или иначе, это никакая не неделя. Есть вероятность – и вполне солидная – пойти на поправку. Организм хорошо реагирует...

– Антибиотики откуда?

– Простите? Если вы беспокоитесь о годности, то, уверяю вас...

– Я где? Это что? Это Ганза?

– Ганза? Которая там, снаружи? Кольцевая линия, вы имеете в виду?

– Снаружи? Снаружи чего?

– Куда вы? Постойте! Вы, между прочим, без штанов!

Он оттолкнул ее, выбрался из комнаты.

Там шел коридор длиннющий, странный – как будто его внутри туннеля построили. Одна из стен скругленная, в тубингах. Но тубинги не как в метро, ржой поеденные – а чистые, окрашенные райским маслом. Чисто все, сухо. Лампочки вечные висят. Что за место? Не станция. Таких станций нет.

Заиграл где-то оркестрик, весело и пьяно.

– Мы где?

– Будет немного странно, если вы отправитесь исследовать тут все с голым задом, Артем. Предлагаю вернуться в палату...

– Откуда вы знаете мое имя?

– Оно у вас в карточке значится.

– В карточке.

И вот: вспомнилось. Вспомнилось, как сидел два года назад в клетке у фашистов, и как ждал раннего утра, чтобы быть повешенным. Никак не мог уснуть. А когда провалился в сон на несколько минут, подлый и жалкий мозг приснил ему спасение. Явился Хантер, истребил всех врагов, освободил Артема. Неплохой был сон; скверно, что просыпаться пришлось.

Артем поднял руки, посмотрел на них еще раз.

Чертовски захотелось поверить в это: что шансы, и что вероятность, и что выздоровление. Казалось, уже примирился со смертью, а нет. Только пообещали ему еще кусочек жизни, поманили им – купился.

А если сон – то и без порток можно.

И он зашагал вперед, на голоса.

Стена в одном месте проваливалась вдруг, и открывалось пространство с далеким потолком; тут видно было, как все построено – вроде туннеля, но туннеля гигантского, который по высоте можно было поделить на три человеческих этажа. И с первого из этих этажей вверх шла широкая парадная лестница, устеленная красными половиками. Над лестницей висел шар – поразительный. Оклеенный зеркальными квадратиками. По шару лучом бил какой-то осветительный прибор, и рассыпались вокруг, отраженные, блики, похожие на зайчиков от лазерных прицелов. Шар вращался чинно, как будто был планетой, и зайчики плыли по стенам.

Сверху играла удалая и отчаянная музыка, там и смеялись. На всю стену над ступенями было развернуто огромное знамя – сочно-красное, расшитое золотом. Посреди – герб: Земной

шар в витом обрамлении, а поверх его – скрещенные молот и серп. Тем, кто бывал на Красной Линии, знакомый символ. И по нему тоже ползли веселые блики от зеркального шара.

У красных он?..

Зачем же красным его выхаживать?

Сон.

– Я буду вынуждена позвать охрану! – предупредила его врачиха откуда-то сзади.

Артем поставил свой посох на первую ступень, поднялся к музыке поближе. Ноги были несильные, не до конца надутые. Подождал, потом вторую ступень одолел.

Что за место?

Медленно, прищуриваясь, брел вверх. Стала открываться глазам арка; в ней виделись белый потолок, и яркий свет, словно дневной.

И вот – выплыл из-за ступеней – зал...

Огромный зал. Круглый свод иссиня-белый, сам будто светящийся, с потолка люстры, как стекольный взрыв, пол – мягкий, застеленный сплошным ковром в удивительных ярких разводах; на такие нельзя глядеть, укачивать начинает. И всюду столы, столы, одни столы. Круглые, накрытые – скатерти заляпанные, но тоже когда-то бывшие белыми. Тарелки с объедками, графины чем-то рубиновым до середины заполненные. На полу вилки валяются.

И люди: тут и там.

Собрались в кучки за одними столами, другие объели и оставили. Где-то обнимаются, сомкнувшись лбами, как Артем с умирающим зэком в туннеле, но не от тоски, а от водки. Где-то ведут важный разговор. Одеты странно: под пиджаками не голое тело, а рубашки, хоть и мятые. Галстуки даже, как на довоенных фотографиях.

Артем, будто невидимый, шагнул к ним по мягкому ковру, купал босые ступни в шерстяной траве. Поднимал на него от стола кто-то мутный и удивленный взгляд, но долго глядеть не мог, и отваливался обратно, в сложные салаты и в недопитые стопки.

Расхристанный оркестр бузил на сценке в дальнем конце зала, и какой-то пузан порывисто и косолапо отплясывал промеж музыкантов под косолапые аплодисменты от ближайшего столика.

– Артем?

Он остановился, замеченный.

– Садись. Не стесняйся. Да ты и не стесняешься, я вижу.

На него с улыбкой глядел человек. Темные волосы – влажными пластами через лоб, мешки под глазами набрякли, глаз хмельной блестит, рубашка расстегнута. Рядом с ним какой-то лысеющий боров, раскрасневшийся и икающий.

– Алексей... Феликсович?

– О! И ты меня помнишь?

– Я вас искал.

– Ну вот: нашел! Артем – это Геннадий Никитич, Геннадий Никитич – Артем.

– Очприятн! – всхрапнул боров.

Артему только сейчас пришло в голову прикрыть срам. Только сейчас стал подозревать: ну а если не снится? Бред вокруг невыносимый, но нельзя же во сне подумать о том, что спишь, и что скоро просыпаться, ведь от этого же сразу проснешься?

Он сел голым задом на бархатный стул, прикрылся салфеткой. Как в таком положении допрашивать Бессолова? Где Артемов наган? Чем ему угрожать, чтобы правду говорил? Столовым ножом?

– Как я здесь оказался?

Спросил, чтобы не признаваться про сон.

– Подружка твоя меня уговорила. Наша общая.

– Что?.. Саша?

– Саша. Исключительно слезно меня молила. А я, знаешь, мягкий человек по природе. Ну и потом вспомнил тебя, какой ты смешной. Неплохо тогда оттянулись... Молочный брат, так сказать. Так что мое сердце дрогнуло. Я ведь тебя с колен поднял. Помнишь что-нибудь? Ты, кажется, глистой злоупотребил. Был несколько не в себе. Но со всеми заданиями справился.

– Какпикантн!

Артем влез поглубже под скатерть. Вдруг почувствовал себя очень голым, по-стыдному, по-идиотски. Саша просила у этого упыря спасти его? Его выхаживали, потому что Саша уговорила?

– Я не хочу. Мне не нужно такое. Мне не нужно, чтобы ты мне тут эти подачки свои!

– Узнаю брата Колю. И тогда ведь как воевал! Под глистой. Собирался наводить мировую справедливость. Особенно когда про Мельника мы с тобой беседовали. Две сигареты у меня истратил, чтобы свести наколку. Неужели – ноль?

– Где мы? Я? Сейчас?

– Мы? В бункере. Нет, не в вашем героическом бункере, не делай таких глаз. Тут этих бункеров, под Москвой, знаешь... Мы вот себе попрличней подобрали. С евроремонтом. Остальные – так себе. Где подтоплено, а куда вообще не попасть, так двери проржавели.

– Именнтак!

Подошла врачиха и с ней охранники; нарядные, в кителях, будто с парада только. Изготавлились Артема крутить.

– Ну что ж вы, сразу заберете его у меня? – расстроился Бессолов. – Дайте потолковать с человеком. У него вопросов, наверное, тьма.

Врачиха согласилась, отошла.

– Саша меня сюда?

Голым и бессильным. Спасла?

– Ну да. Облучился, говорит, парень. Облучился, потому что сам, в одиночку, разгадал все ваши страшные тайны. Очень хотел на поверхность и вот дошел. Радиоцентр в Балашихе даже штурмом взял. Глушилки отключил! К народу обращался! Герой! Молодчага!

– Она рассказала? Тебе?

Предала? Выдала?

– И она тоже. Ну и свои источники. Я тебя, признаться, недооценил тогда. Ты, правда, лыка не вязал. Люблю вот это: с простым человеком побеседовать. Чуть-чуть ему рассказать, как все на самом деле, и понюхать, как у него там мозги дымить начинают. Тут многие годами в метро не выходят, а я любопытный. Ну мне и по работе положено с людьми общаться.

– Замечательнчлаэк! – высказался боров.

– Мы... В Москве?

– В Москве, конечно.

– Бункер? Почему... Так странно выглядит? Почему знамена советские? Это... Я не понимаю. Это Красная Линия разве Ганзой заправляет? Или Ганза все-таки – Красной Линией?

– Какая разница?

– Что? – нахмурился Артем; белый зал сползал куда-то вбок, вверх.

– А есть какая-то разница между Красной Линией и Ганзой? – зыбуче улыбнулся Бессолов. – Ты бы еще между красными и фашистами десять различий нашел.

– Не понимаю.

– Это хорошо. А я готов объяснить. Пойдем-ка пройдемся тут. Без штанов, правда, не очень будет все-таки. Эй! Человек!

Прибежал суетливый официант в бабочке, седой и усатый. Бессолов ему приказал с себя снять портки и рубаху, чтобы гостя одеть. Артем потребовал свою одежду, но ему сказано было: все сожгли. Тогда согласился на черно-белый наряд, кроме уж бабочки. Официант, подрагивая

седовласым животиком, стоял смирно. Ангельскую кровь врачиха отцепила, прокол в руке заклеила пластырем.

Алексей Феликсович поднялся, утер губы салфеткой; отчалили от стола.

– Очвпечатлѐн! – попрощался с Артемом боров.

Пошли, здороваясь, между упитых и засыпающих на пиру: Кондрат Владимирович, Иван Иванович, Андрей Оганесович, и прочие.

– Кто они? Кто эти люди?

– Прекрасные люди! – заверил его Бессолов. – Лучшие!

Вышли на лестницу.

– Значит, – Алексей Феликсович обвел пространство рукой. – Был вопрос. Почему советская символика. Отвечаем. Тут у нас раньше, до того, как все стряслось, располагался Московский музей «холодной войны». Частный музей. Но! Находился он в настоящем правительственном бункере времен этой самой «холодной войны». Бывший так называемый ГО! То есть – государственный объект. Как-то его там приватизировали, не пойми как, в бурные девяностые, не важно. Затопленный, загаженный, заброшенный. Потому что в то время нам всем казалось, что бункеры эти более никому не пригодятся. Далее его уже новые хозяева оформили на свой ностальгический вкус: вот эти знамена, звезды красные, серпы-молоты, и прочая, и прочая. Как бы с намеком на СССР, но на такой вот нэпманский лад. Сделали прекрасный ремонт, за что им большое спасибо. Так сказать, приняли с сохой, а оставили с атомной бомбой. Собрали любопытную экспозицию исторических артефактов и стали водить сюда иностранных туристов. Но когда случилась Третья мировая, им живо напомнили, что значит это «ГО», и кто тут настоящий хозяин, а кто временщик. Потому что тем, кто тут побывал, уже, конечно, в настоящие ГО не хочется. Там скуповато все, без этого вот шика. Все-таки частные руки – это частные руки. Ну и стилистика величественная, дух захватывает. Глядишь на это знамя – и вспоминаешь, как наша великая держава грозила всему миру. Так что мы тут не стали ничего менять. И стильно, и патриотично, и уютно.

Зайчики от стеклянного шара щекотали красное знамя, играли с гербом.

– Но ведь Красная Линия... Они под этими флагами... Людей на пулеметы! Сейчас, на Комсомольской! Вчера! Неделю назад! У меня! Ребенка... На руках... Не моего... Но...

– И что, позволь? Мы тут ни при чем.

– Это ведь вы заставили Мельника патроны им отдать! Ганза! Там, на Комсомольской, Москвину! – Артем наконец пробудился.

– Во-первых, мы – не Ганза. Во-вторых, мы никого не заставляли. Патроны эти наши. А Орден – просто инкассаторская служба. Москвину причиталась компенсация за действия Рейха. А что уж они делают с патронами – вопрос их этики. Зато мы остановили войну. Которая началась, опять же, не из-за того, как в целом система выстроена, а из-за кретинских инициатив на уровне среднего звена. Как, кстати, и с вашим героическим бункером тогда. Тебе что, гражданская война нужна?

– Они там, на Комсомольской этими патронами столько людей перекрошили! Живых! Что ты меня войной пугаешь?! Там люди от голода готовы на пулеметы! Ты себе представляешь, что это?! Как это?!

Бессолов замолчал и молчал, пока не спустился по ступеням.

– А что делать? Мы пытаемся найти средство от этой грибной гнили. Пробуем пестициды. Но есть же какие-то естественные процессы. Экология метро, так сказать. Предлагаю считать, что у них так численность популяции саморегулируется.

– Но сами-то вы тут жрете от пуза!

– Может сложится такое представление, – согласился Бессолов. – Но глупо думать, что от пуза не жрет верхушка Полиса, или Москвин, или Мельник. Тут уж что кесарю, а что не кесарю. Консервов из Гохрана на всех не хватит. Так устроен мир. Если я выйду отсюда и

скормлю объедки со своей тарелки несчастной голодной девочке, это ничего не изменит. Мои объедки – не Иисусова рыба. Тем не менее, я выхожу и кормлю голодную девочку. И ничего не меняется.

– Потому что ваша Ганза ничем не лучше Рейха!

– Говорю же тебе, Ганза, по сути, и есть Рейх.

– Что?

– Догоняй.

Артем заковылял за ним.

С лестницы под знаменем свернули направо. Над головой светилась ярко-красная звезда. Сияла багрово надпись «Бункер-42». На все это хватало электричества. Все это было важно. По коридору вышли к пустому бару. Стойку озарял свитый из неоновых трубок «калашников»; бармена не было, откупоренные бутылки предлагали себя. Бессолов загреб что-то с нерусской этикеткой, выдернул рыхлую пробку зубами, приник. Предложил Артему; но тот побрезговал.

– Итак, Музей «холодной войны»! – сказал Бессолов, поворачивая в узкий ходок: стальные листы скреплены квадратными клепками.

Вошли в помещение: на стене – подсвеченная старинная карта: огромная малиновая тень на полмира подписана «С.С.С.Р.», серые европейские государствшки жмутся друг к другу, все испещрено штампованными силуэтами ракет и крылатых самолетов. В углу стоит бледный манекен, обмундированный в старинную форму; глупую, летнюю. Охраняет огромную жирную бомбу; масляной краской крашенную в серый.

– Вот тут у нас занимательная экспозиция... Макет первой атомной бомбы, разработанной и созданной в Советском Союзе...

У бомбы в носу устроен колпак из стекла, как будто чтобы можно было внутрь ада заглянуть. Но там, конечно, ничего: какой-то приборчик со стрелочками.

Но Артем не на нее смотрел. На огромную карту Европы.

– Это же вы, да? Глушилки – ваши. Я тебя для этого одного искал. Зачем это нужно? Для чего мы сидим тут?! В метро? Если весь мир выжил...

– А он, что, выжил? – Бессолов удивленно приподнял брови. – Ну ладно, ладно. Выжил. Сачка за испуг.

– Все эти ракеты, самолеты на карте! Это же старье все? Тут еще СССР даже, а не Россия! Этой карте сколько, лет сто? Ведь нет никаких врагов, да? Врагов, которых Мельник боится. Ради которых глушилки эти. Война кончилась! Тогда еще! Да?!

– Это все очень субъективно, Артем. Для кого-то она еще, может, и продолжается.

– Они не собираются – Запад – с нами ничего делать! Так? Это ты Мельнику можешь этим башку морочить!

– Каждый верит в то, во что ему удобней.

– Зачем?! Тогда глушилки – вы зачем поставили?! Иногородних отстреливать?! Изображать, что вся земля разбомблена! Зачем?! Что мы одни! Зачем мы тогда в метро сидим?!

– Затем, – Алексей Феликсович стряхнул с себя всю игривость, как гадюка кожу, – что вне метро мы перестанем быть народом. Перестанем быть великой нацией.

– Что?!

– Попробую и это объяснить. А ты прекрати орать и попробуй послушать. И кстати, глушилки ставили не мы. Они старые, с советских времен еще. Качество! Их просто в девяностых коммерсантам сдали, музыку потранслировать. На время.

Костюм старого официанта сидел на Артеме мешком. Где-то позади хмыкнул охранник, обозначая свое присутствие. Алексей Феликсович извлек из нагрудного кармана носовой платок с буквами в углу, пошел вдоль бомбы, стирая с нее пыль.

– Но, пожалуй, начнем с нее, красавицы.

– Зачем вам тут это? – Артему было мерзко: Бессолов будто мертвую голову в губы целовал.

– Ну как же. Надо знать свои корни, – тот обернулся к нему, улыбнулся. – Поэтому мы тут ни-че-го не трогаем. Эта бомба – прародительница нашего суверенитета! – Алексей Феликсович огладил огромное бомбино брюхо. – Мы только благодаря ей, в сущности, и смогли защититься от посягательств с Запада. Защитить наш уникальный строй. Нашу цивилизацию. Если бы наши ученые не создали ее, страну бы поставили на колени сразу после Второй мировой! Ну и потом...

– Чтобы в Третьей мировой ей же нас и...

– В Третьей? – перебил Алексей Феликсович. – В Третьей мы немного заигрались. Увлеклись, так сказать, своей телевизионной правдой. Человек вообще умеет так вот: заместить реальное иллюзорным. И жить в совершенно придуманном мире. В принципе, полезное свойство. Все метро прекрасно живет, например, в этой системе воображаемых координат.

– Все метро прекрасно живет?! – Артем подобрался к нему.

– Я имею в виду, все работает. Все увлечены. На Красной Линии верят в то, что они сражаются с Ганзой и с фашистами. Люди в Рейхе верят в то, что они бьются с красными и с уродами. Люди на Ганзе Москвинным детей пугают и соседей как красных шпионов закладывают. Как будто это все существует взаправду!

– Как будто? Я! Был, – Артем почувствовал, как ему в этом музее перестало хватать воздуха. – Я был в туннеле. Между Пушкинской и Кузнецким мостом. Где красные с фашистами стравили. Десятки живых. Людей. Они там насмерть друг друга... Кирками. Ножам. Арматурой. Это взаправду было. Понял ты, мразь?! Это! Было! Взаправду!

– Сочувствую. Но что это доказывает? Кто там погиб? Красные? Фашисты? Нет. Некоторое количество генетически ущербных с одной стороны, и некоторое количество вредителей и болтунов с другой. Управляемый конфликт. И такое своеобразное самоочищение, если взглянуть на это отстраненно. Как если бы наша система была живым организмом... Клетки, которые мешают выживанию, отмирают и отшелушиваются. Но повторяю. Мы не начинали эту войну. Среднее звено военной разведки Рейха, чтобы выслужиться перед начальством, атаковало Красную Линию. Не имея представления о том, что ни Красной Линии, ни Рейха, собственно, нет.

– Что значит – нет?

– Ну то есть – конечно же, есть! Есть названия. Людям же очень важно как-то себя называть. Считать себя кем-то. Очень важно с кем-нибудь бороться. И мы идем им навстречу. У нас же не тоталитарное государство! И мы предлагаем им самый широкий ассортимент: хочешь громить уродов, Железный легион ведет призыв. Мечтаешь о бесплатной пайке и об общем деле – беги на Красную Линию. Не веришь ни во что, хочешь просто делать бизнес – эмигрируй на Ганзу. Интеллигент? – фантазируй об Изумрудном Городе, а штаны протирай в Полисе. Удобная ведь система. Я и тогда, на Цветном, пытался тебе это втолковать. Зачем тебе наверх? Свободу мы тебе и тут обеспечить можем. Что ты еще наверху забыл?

Алексей Феликсович остановился у выхода, окинул усыпальницу бомбы взглядом, потушил свет. Артем все думал над ответом.

– Так вы не с Ганзы? Это все – не Ганза?

– С какой Ганзы? – покачал головой Бессолов. – Говорю же: никакой Ганзы нет. Ну? Есть Кольцевая линия, и есть люди, которые считают, что живут на Ганзе.

– А откуда тогда?

– Да отсюда же, – Алексей Феликсович поднял глаза к сводчатому потолку, скрученному из тубингов. – Вот ровно отсюда. И даже скорее вон оттуда. Догоняй.

Вышли в какую-то комнатенку, высланную паркетом, стол с горящей зеленой лампой: пост. На посту часовой в офицерской форме встает, козыряет. Приемная чья-то? На второй

полуэтаж ведут эскалаторные ступени; муляж. Как будто из другого времени комната: не из притворных двухтысячных, а из каких-то как бы старинных, а на деле вовсе никогда не существовавших.

Поднялись по ступеням, там дверь.

Кабинет. Застекленные книжные шкафы набиты томами; посреди комнаты – помост-подиум. И в углу – номенклатурный стол, как у Свинолуца или у Мельника. За столом сидит человек.

Неподвижный.

Откинутый назад. В потолок глядящий. Глазами с пластмассовым блеском.

В кителе, на погонах золотые звезды. Усищи черные. Волосы зачесаны.

– Это...

– Иосиф Виссарионович. Прелесть, правда?

– Сталин?..

– Ростовая кукла Сталина. Воск. Можешь посмотреть.

Артем, запутанный в этом сне, послушно взошел на подиум.

Сталин положил бескостные руки на стол; в одном восковом кулаке торчала ручка, будто кукла-вождь собиралась подписать какой-то приказ. Другой был расправлен в плоскую ладонь, пальцы тянулись вперед. Под усами была улыбка – ножом вырезанная, неустанная. Рядом лежали тряпичные невянувшие розы.

Артем не выдержал, дотронулся Сталину до носа. Тому было все равно. Все равно, что умер и что воскрес, все равно, что он теперь кукла, все равно, что он такой ценой спасся, когда мир стал прахом, все равно, цветы ему кладут или за нос щиплют. Сталин был в прекрасном настроении. Сталина все устраивало.

– Как живой, а? – сказал Бессолов.

– Он тоже... Из музея? Экспонат?

Артем подошел к книжному шкафу, пальцем собрал со стекла пыль, посмотрел на полки. Они все были забиты одной и той же книгой, бессмысленное число раз воспроизведенной. На корешке каждой значилось: «И.В. Сталин. Собрание сочинений. Том I».

– Зачем? – Артем оглянулся на Бессолова. – Что за бред?

– Тут был сталинский кабинет, когда это был настоящий бункер. Правда, гиды говорят, сживать Иосифу Виссарионовичу тут не пришлось: скончался до сдачи объекта в эксплуатацию. Но ради западных туристов сделали чучело и кабинет до ума довели. Когда мы бункер занимали, Сталин был уже тут. А мы все сберегли. Уважение к истории своего народа должно быть!

Алексей Феликсович взобрался на помост тоже, приблизился к Сталину, уселся на его стол, поболтал ногами.

– Преемственность! Вот он, а вот мы. Получается, что он как бы для нас этот бункер строил. Думал о нашем будущем. Великий вождь.

Кроме усаженных портретов на Красной Линии Артем со Сталиным раньше не встречался; что он чувствовал, трогая великого вождя за нос? Воск.

– Почему преемственность? Преемственность на Красной Линии.

– Артем. Ну Артем! – цыкнул Бессолов. – Давай я тебе совсем уж разжую. Красная Линия, Ганза, Рейх – это ведь тоже чучелки. Они, конечно, имитируют самостоятельность, конкуренцию, борьбу. Воюют вот даже, когда забудутся.

– А вы тогда – кто?!

Алексей Феликсович ухмыльнулся.

– Изящная штука – многопартийность. Как гидра. Выбирай себе голову по вкусу, сражайся с другими головами. Считай, что вражеская голова – это дракон. Побеждай. А сердце-то? – Бессолов погладил стол, обвел подбородком кабинет. – Вот сердце. Его ты видеть не

видишь, и знать о нем не знаешь. И если бы я тебе не показал его, продолжил бы ты с головой бороться. Не с Красной Линией, так с Ганзой.

Артем отстал от шкафа, подошел к Бессолову вплотную.

– Не пожалеешь, что показал?

Тот не отодвинулся, не посторонился. Он Артема не боялся, как будто это не он Артему снился, а Артем ему.

– Пойди, расскажи кому-нибудь о том, что тут был. Мельнику даже своему. Что он тебе на это? Скажет, помешательство.

Артем проглотил. Неужели и в этом по пьяни исповедовался?

– А он не бывал тут?

– Нет, конечно. Зачем сюда всех-то пускать? Это храм. Святилище.

– А я?

– А ты. Ты блаженный, Артем. Юродивым в храм можно. Им и чудеса показывают.

Вдруг щелкнуло.

– Невидимые наблюдатели.

– Громче!

– Невидимые наблюдатели.

– Вот. Смотри-ка, небезнадежен!

– Это же байка. Миф. Как Изумрудный Город.

– Точно, – согласился Бессолов. – Байка. Сказка.

– Все рухнуло сто лет назад! И месяца не продержалось. Государство. Потом хаос был. И с тех пор... Это все знают. Дети это знают. Нами никто не управляет. Мы тут сами по себе. Одни. Невидимые наблюдатели – миф!

– Но только откуда вы все знаете, что это миф? Мы же тебе это и рассказали. Понимаешь? Сразу дали тебе готовый образ, в который ты нас можешь уложить. Ты ведь, простая душа, сердцем думаешь, а не головой. Образами. Ничего, насыплю я тебе штампов, угощайся! Невидимые наблюдатели. Оп! С одной стороны – ты заведомо в меня не веришь, а с другой – как бы все уже про меня знаешь. Слухи! Лучше телевизора.

– Но вы же... То есть, прежние лидеры... Правительство, президент... Все же были эвакуированы за Урал? Система управления распалась... Государство...

– Ты сам подумай: ну зачем нам за Урал? Зачем нам в какой-то отдельный бункер на краю света? В одиночестве куковать? Что нам там делать – друг друга жрать? Ну куда мы от вас? Наше место – с народом! – он потянулся, похожий на сытого кота.

– И где же вы были? Когда мы дерьмо жрали? Когда друг друга душили? Когда мы там, наверху, из-за вас дохли, вы были – где?!

– Да рядом. Всегда были рядом. За стеночкой.

– Этого! Не может! Быть!

– Говорю же – работает. Искусство не пропьешь.

Бессолов слез со стола, приложился к своей янтарной бутылки.

– Что-то мы застряли тут. Пойдем, быт покажу. Довольно аскетичный, кстати. Чтобы ты уж не думал.

Он заботливо подсадил сползающего Сталина и спустился с подиума. Артем медлил, обожравшись знания.

– Суки вы.

– А что мы сделали-то? – спросил Алексей Феликсович. – Наоборот – минимум вмешательства! Мы же просто наблюдатели! И к тому же невидимые. Если только система крен дает, тогда приходится поправить.

– Система?! Люди от голода своих детей жрут!

– И что?! – Бессолов зыркнул на Артема недобро. – Это не нам нравится жрать ваших детей. Это вам нравится жрать ваших детей. И нам не нравится, что вы жрете своих детей. Нам нравится просто править вами. Но если мы хотим вами править, мы вынуждены позволить вам жрать ваших детей!

– Ложь! Вы нас сюда засунули, и вы нас тут держите! Вы с людьми, как со свиньями! Везде шпики... У одних СБ, у других КГБ, у третьих... Везде свинолупы... Какая, действительно, разница между Рейхом и всем остальным...

– А с нашим человеком потому что иначе не управишься, – строго ответил Бессолов. – Он от природы такой. Только гайки ослабишь – бунт! За ним глаз да глаз. Что вот на твоей Комсомольской? Вон они, потребовали своего. Восстали. Чем кончилось? Кровищей! И что, пошатнуло это Красную Линию? Нисколько! Да спецслужбы нашему человеку богом посланы! Он буйный от природы! Пулеметы твои... Да они сами к пулеметам поближе прижались, первый ряд заняли. Зато терпеливые выжили. Хоть какая-то селекция. А как нашим человеком еще управлять? Его все время отвлекать надо. Обуздывать. Канализировать, так сказать. Идею ему подкладывать какую-нибудь. Религию или идеологию. Врагов ему придумывать все время. Не живется ему без врагов! Он без врагов теряется! Не может себя сам определить. Ничего про себя не знает. Вот были у нас прекрасные враги про запас два года назад. Черные. Лучше их внешней угрозы и не придумаешь! Копались себе на поверхности. Были угольно-черного цвета, даже без глазных белков, как черти. И внушали нашему человеку ужас и омерзение. Замечательные враги. И сразу все ясно: если они – черные, значит, мы – белые. Мы их берегли на всякий пожарный. Сценарий «угроза человечеству». Нет, нашелся какой-то имбецил, накрутил этого старого дурака из Ордена, взяли и расстреляли наших ручных чертей ракетами прямо в их сафари. Можешь себе представить?

– Могу.

– Мы пытались через Совет Полиса помешать, намекали, что никакой угрозы от черных пока нет, но где там. В общем, сценарий в топку пошел. Пришлось и Мельника твоего приручать. Я бы за инициативу на местах руки вообще отрубал. Если бы у нас диктатура была. Идешь?

Артем, оглушенный, раздавленный, поплелся за Бессоловым следом. Прошли мимо часового, тот снова вскочил и опять отдал честь. Оказались в узком ходке, гулко зашагали по железному полу. Миновали тот отворот, где располагался ресторан. Долетел зайчик от зеркального шара, заскочил Артему в глаз. Кружился шар, как Артемова башка – было раньше зеркальное полотно, и в нем помещался, отраженный, весь мир. А вот разнесли зеркало вдребезги и наклеили черт знает на что, и лупили теперь по нему прожектором для развлечения и красоты.

Миновали поворот, дальше пошли.

– Чем вы его? Чем вы их всех? – спросил он тупо. – Купили? Москвина? Фюрера?

– Ну! Тут нельзя обобщать. Тут к каждому человеку свой подход. Москвин деньги ценит и братца отравил. А у Евгения Петровича, к примеру, дочурка растет беспалая. Родилась такой. Сентиментальный человек. Напринимал законов о борьбе с уродством, и сам же не может их соблюдать. А мы ему – снимочек. Вот, Евгений Петрович, вы, а вот у вас дочурка на руках, и жена рядом, чтобы сомнений не было. Так что играйте по правилам, Евгений Петрович, и играйте вдохновенно, потому что ваши граждане должны вам верить. Ни один самый вшивый гражданин не должен усомниться в том, что ваш Рейх – самый что ни на есть взаправдашний Рейх. Он жизнь должен быть готов за Рейх отдать.

– Нет больше никакого Рейха. Сам себя сожрал, переварил и высрал. И фюрер ваш сбежал.

– А мы его вернем и обратно посадим. И новый Рейх ему отгрохаем еще лучше прежнего. Жену вот с дочкой взяли его уже, а фюрер подтянется.

– Зачем?! Он же людоедище!

– А потому, чудака-человек. Что нам с Евгением Петровичем привычно работать. И понятно, как. Компромат-то не выстрелил пока. Зачем нам нового человека искать, узнавать про его слабости, кормить наживкой, подсекать его, когда есть такой чудный готовый вариант? Сплоховал – да – ну, оштрафуем. Куда мы без Рейха-то?

– Они же мрази там! Звери! Одни звери, а другие трусы!

– Звери они не там, а по всему метро. И вот им построили чудесный красивый вольтер. И звери сами ползут в него со всех концов. Железный легион и прочая. Воевать с уродами. Выпускать пар. Не будет Рейха, им куда идти? Подумай о людях. Нет, пускай лучше бьются за Рейх. Или за Красную Линию. Или за Орден. Выбирай на вкус. Свобода! Вот она, свобода-то!

– Людям не это нужно!

– Это. Это самое. Чтобы не скучать. Чтобы им было, чем себя занять. Чтобы выбор у них имелся. У нас тут под землей целый мир! Самодостаточный настоящий мир. И не нужно нам никакого другого мира сверху.

– Мне нужно!

– Ну вот тебе нужно, а больше – никому.

– У них там родные, может быть! Хотя бы для этого!

– Родные у них все тут теперь. А тебя, ей-богу, не пойму. Здоровье себе испортил только. Еле откачали тебя, дурачка. Ты вот – что там ищешь?

– Мы наверху родились. Там наше место. На воздухе. Мне там дышится по-другому! Думается! Мне тут направлений не хватает! Тут только есть – назад и вперед. Мне тесно тут, понял? Ты сам этого – не чувствуешь?

– Нет. У меня, знаешь, наоборот: на улице – кружится голова. Хочется сразу обратно, в бункер. В уют. Так. Тут у нас жилой блок. Квартирки.

Повернули.

В такой громадный, десяти метров в сечении, слепой туннель, посреди земли начинавшийся и где-то приходивший в такую же землю. Сколько их еще здесь? Ходок дальше бежал.

Время, видимо, было позднее. Обитатели бункера разбредались из белоснежного кабака, расхристанные и нечеткие, ползли домой. Артем через косяки заглянул в одну квартиру, выстроенную на полу туннеля. Потом в другую. Уютно, действительно.

По-человечески.

– Ты зачем мне это показываешь все? Говоришь?

– А я, знаешь, люблю это. Поспорить. Ты же революционер? Ты там, у Сашки, зачем сидел? Ждал меня. Романтик. Застрелить меня хотел из револьвера своего? Что, думал, убьешь меня – жизнь у вас наладится? Я-то что, я просто внутреннюю политику веду. Рубани меня – новая голова вырастет. Я тогда еще пытался тебе мозги вправить, на Цветном. Но видишь, у тебя память отшибло.

– На Цветном?

– Говорю, отшибло. Но что удивляться? Символично, в сущности. Это ваше беспamięтство – наше благословение, конечно. Никто ничего не помнит. Народ однодневки. Вчерашнего дня как будто и не было. И о завтрашнем дне никто думать не хочет. Сплошное сейчас.

– О каком завтрашнем дне?! Как можно завтра планировать, когда жратвы на сегодня в обрез? И это у тех, кому повезло?!

– А вот это уже наше искусство. Жратвы всегда должно быть только на сегодня, и всегда в обрез. На голодный желудок мечтается о понятном. Надо уметь балансировать. Дашь отожраться – у них несварение и самомнение шкалит. С кормом не считаешь – они власть крушат. Ну или то, что понимают, как власть. Выпьешь со мной за наше искусство?

– Нет!

– Зря. Надо пить больше. В водке спасение народа. Она, кстати, и от радиации помогает. Напомнил.

Чужая чистенькая кровь ползла по Артемовым венам густо, как гель, жглась и мешала. Артем хотел бы назад свою, жидкую и грязную, отравленную. Лишь бы ничем не быть этим мразям обязанным. Пусть и неделю дожить, но зато свою собственную жизнь дожить, а не заемной шиковать.

– Ты про народ так... А сам-то... Ты-то сам откуда?

– Да... Могло прозвучать так, будто я народ не люблю. Или презираю его. А ведь я, наоборот, к нему со всей душой! Я люблю его, веришь? Выхожу в люди вот, знакомлюсь, общаюсь. Как с тобой познакомился. Просто, любя народ, надо про него все понимать. И честным нужно быть. Нельзя обольщаться. Да, такие вот у нас люди. Надо ведь чувствовать, какими людьми правишь. Надо помогать своему народу. Наставлять его. Бесов отлавливать.

– Правишь? Кто правит? Элои – морлоками? Ты-то сам аристократ, что ли?

– Я-то? – Бессолов улыбнулся. – Какая аристократия! Аристократию еще когда всю расстреляли! Я не из Москвы даже. Тележурналистом начинал. Кормили не ахти, в политехнологии пошел. Ну и дальше завертелось. Так что я вполне себе плоть от плоти.

И вдруг Артем понял: пускай течет гель их по его жилам. Вот отсрочка, за которую можно еще успеть кое-что сделать.

Посмотрел по сторонам: не так-то тут много и охраны. Надо пройти весь бункер до конца, конечно. Вдруг в одном из туннелей – военная база? На кого они опираются?

– А там что?

– А хочешь, сходим. В третьем туннеле у нас склад, а четвертый так и стоит голый. Коммерсы не успели до войны отремонтировать, ну а нам уже было недосуг. Что, думаешь, как отжать у нас тут все половчей? – подмигнул ему Бессолов. – Я тебя и так в подмастерья взять могу, попросись только.

– Думаю, что ты мне так и не объяснил, зачем мне тут торчать. Не понимаешь ты? Лучше или хуже – это все под землей, в метро. Кому это на хер надо? Когда наверху целые города? Леса! Поля! Океан, блядь!

Дошли до конца: до пустого громадного туннеля, ребристого, залитого ржавой водой. Уперлись. Жужжала помпа, откачивая из полости мокроту.

– А ты откуда знаешь, что там? А? Там, может, все то же самое, что и у нас, только без потолка. Ну, играет радио. Что, рай у них там от этого? Свобода? Любовь братская? Не смейся. Разбредаются по всей земле, дичают поодиночке без власти, без государства, забывают и как читать, и как писать. Я тебе про исключительность говорил. Это метро нас исключительными делает! Пятьдесят тысяч человек в одном месте. Только в такой концентрации можно цивилизацию уберечь, культуру. Только таким способом. Да, в метро. И что? Они там на свежем воздухе озвереют быстрее, быстрее забудут, что такое – быть человеком. Там! Наверху будут – неандертальцы, многоженцы, скотоложцы! А люди, духовные, разумные люди будут – тут!

– Духовные?! А кто детей-то жрет своих?

– Ну! Робинзон Пятницу тоже не одновременно от человечины отучил. Мы просто резких движений не делаем. Но рано или поздно...

– А почему бы нам самим не дать выбрать? Наверху или внизу нам жить? Вы нас-то почему не спросили?!

– Мы спрашивали, – улыбнулся Бессолов. – И спрашиваем.

– Тебе их кормить нечем! Хворь же грибная! Отпусти их, чтобы они хотя бы от голода здесь не передохли!

– Наш великий народ и не такие испытания переживал. Переживут как-нибудь. Они знают, какие живучие? Пиздец какие.

– Пускай идут наверх! Дай хоть шанс им!

– Наверх? А наверху, думаешь, молочные реки да кисельные берега? Ты был там! В Балашихе, например. Что им там жрать?

– Найдут, как себя прокормить!

– Романтик ты хренов. На кой черт я на тебя, дурака, время трачу?

– Ну и выпусти меня! Я не просил, чтобы меня спасали! Чтобы такие, как ты...

– А что, думаешь, если я тебя выпущу, за тобой все метро сейчас поднимется? Скинешь нас, расскажешь людям правду, и поведешь их за собой наверх? И все там будет не так, как здесь?

– Будет!

– Да иди, – равнодушно сказал Алексей Феликсович. – Валяй. Я тебе даже твой революционный наган верну! Тебе там не поверит никто, как ты мне не поверил. Ты хоть осознаешь, что ты просто будешь всем пересказывать байку о Невидимых наблюдателях? Очнись, Артем!

Артем кивнул. Улыбнулся.

– А это мы еще посмотрим.

Глава 21. Товарищи

Сняли с головы мешок.

Посмотрел.

Но и без этого уже можно было угадать, куда его привезли – по голосам: на Цветной. Туда же, откуда и забирали. С самого бункера волокли в мешке, чтобы обратной дороги найти не смог.

Расстегнули наручники, сдернули с плеч балахон, дали под зад пинка; потом рядом упал-звякнул черенный револьвер.

Артем первым делом за него схватился. Пустой. Обернулся – а провожатые уже в толпе рассеялись. Мелькнули две серые человеческие песчинки и засыпались прочим серым песком.

Сразу же, без проволочек, и вышвырнули из бункера. Как был в официантском обмундировании, так и остался. Врачица только успела каких-то таблеток напихать ему в карман выглаженных по стрелочкам штанов. Добрая душа. А потом – мешок на голову.

Сел, подумал. Вокруг люди совокуплялись вовсю, потому что нужно было как-то жить. И Артему теперь приходилось как-то жить со всем узнанным в некрепкой, фанерной своей черепной коробке. Узнанное давило на миллиметровые стенки изнутри, дальше с ним Артему было несовместимо.

Нельзя было поверить, что все происходящее в метро – весь ад, вся беспросветность и вся бессмыслица – на самом деле, кем-то учреждены, и что кого-то они вполне удовлетворяют. Не то было жутко, что людей с грунтом мешали, чтобы туннели засыпать, а то, что без этого и мир не стоял бы, провалился б в полости. Нельзя было понять такого мироустройства.

И нельзя его было простить.

Сидел, глядел в чью-то ходуном ходящую белую голую задницу, и спорил с ней, как будто она была бессоловским лицом. Высказывал ей все, что Бессолову не сообразил высказать.

– Конечно, если столько лет людям врать... Как им отличить правду от... Если к корыту с помоями их пригибать всегда... Но это не значит, что они не могут распрямиться... Наверх посмотреть или вперед хотя бы... Конечно, вы так устроили все... Но это не значит, что они сами не могут... Или что не хотят... Спрашиваете? И сами подпихиваете ответы правильные... Спрашивают они...

С задницей спорить было легко. Задница не возражала.

– А что люди понимают... Это вас сносить нужно... К чертям... Бункер ваш... Разгонять. Если не разогнать... Не вскрыть гнойник... Тогда ничего... Надо вас, крыс жирных... За шкуру... Людям показать вас... Вы при людях поговорите так... О них... Как о скоте... Вот тогда. Тогда посмотрим. В бункере они... Гниды... Всех разгоню... Мне не поверят – вам поверят... Вас заставлю все сказать... А если не скажете... Из этого самого ствола вам... Затылки не только у нас есть... Суки...

Он сдал в руке рукоять порожнего нагана.

Одному такое не сделать. Ничего не сделать одному.

Маленькая у него команда – но есть. Летяга, Гомер, Леха. Собрать их. Рассказать им, тем, кто уже полправды знает, вторую половину. Спросить у них. Вместе придумать, как найти и как вскрыть это крысиное гнездо.

Времени прошло – неделя? Больше? Разбрелись все, наверное, по метро. Забились в какие-нибудь щели. Один – чтобы Мельник не нашел, другой – Ганза. Но вот Гомер... Рейхато нет больше. Может, Гомер знает, где остальных всех искать? А где искать Гомера, известно.

Встал.

Зашагал, распахивая выстроившихся за лаской с номерками на ладонях, мимо пообсохших фашистов, мимо шалав всех калибров, мимо пуганых подростков, пришедших открывать

любовь, мимо опаленных сталкеров, которые хотели хотя бы поглядеть, мимо мерзавцев, чья жизнь изнасиловала, и им теперь надо было через женщин изнасиловать жизнь. Мимо всех них, только начинающих или уже заканчивающих свою зрелость в подземелье.

Где тут Сашина каморка?

Нашел.

Вошел без стука, без очереди, вlepил наганной рукоятью какому-то бесштанному вояке по темечку, сволок его с Сашеньки, сложил в углу; тогда уже поздоровался, отвернувшись в сторону, чтобы она могла запахнуть.

– Где Гомер?

– Тебе тут нельзя, Артем, – она смотрела на него снизу. – Зачем ты сюда вернулся?

– Где старик? Он же не отстал от тебя? Или отстал? Куда он ушел?

– Его забрали. Пожалуйста, уходи.

– Забрали? Кто забрал?!

– Тебе... Он помог тебе? Алексей – помог? Ты выглядишь другим. Лучше.

– Он мне помог. Ты мне помогла. Спасибо, бля. Всем вам. Благотельцам.

– Ты же хотел узнать. Вот и узнал. Да? Или чего ты хотел? Просто умереть?

– Да. Прости. Мне... Я не хочу от него... От них. Это подачка. Мне не надо. Было.

А теперь... Теперь спасибо уже.

– Почему ты ушел от них? Там же... Там же совсем другая жизнь, да?

– А ты не бывала? Там? Он тебя не брал?

– Обещал. Должен. Но я попросила вместо себя – тебя. Пока.

– Ничего не потеряла. Та же самая там жизнь. Просто жратва лучше. Ну и... медицина.

А что, ты бы смогла? С ними?

– Что он тебе рассказал?

– Он мне все рассказал. Все. Невидимые наблюдатели, власть, красные, фашисты, все.

– И отпустил?

– Да.

– Тебе надо уходить отсюда. Они всех ваших забрали. Брокера этого твоего. Всех. В тот же день, как ты... Может, их больше нет. Я не знаю.

– Кто? Наблюдатели?

– Нет. Не его люди. Твой Орден.

– Орден... Послушай. Ты... Я хочу понять. Он тебе все объяснял, да? Ты все знала. Про верх. Про мир. Но! Это ведь твоя мечта была. Вернуться туда. Как и моя. Чтобы мы все... Там. Опять. Там! Ты же рассказывала мне. Сама! Что ты тут делаешь? Зачем торчишь в этой помойной яме? Почему не сбежала? Почему ты тут?

Саша стояла перед ним – тонкая, как карандашом набросанная, обнимая себя руками. Смотрела на него исподлобья.

– Уходи. Правда.

Он схватил ее за запястья-ветки.

– Скажи мне. Я хочу людей поднять. Ты говоришь – почему не остался. Потому что остальные... Мы. Все мы тут. Им надо знать. Всем. Они должны знать. Ты меня не предашь? Опять. Ему? Не выдашь?

– Не предам.

Губы у нее запечатались. Артем ждал.

– Но с тобой не пойду.

– Почему?

– Артем. Я его люблю.

– Кого?..

– Алексея.

– Этого? Этого... Старпера? Извращенца?! Да он... Он же... Он же без души... Ты бы слышала, что он говорит... Про людей! Ты – его?!

– Да.

Артем отпустил ее руки, обжегшись; отшатнулся.

– Как?!

– Люблю, – она пожала закутанными плечиками. – Он для меня как магнит. Он магнит, а я опилек железный. Все. Он мой хозяин. И ко мне он всегда был добр. С самого начала.

– Он тебя в пользование сдает! Он тебя! Ему смотреть нравится, как тебя всякие... Грязные... Разные!

– Да, – кивнула Саша. – Он так любит. И мне так нравится.

– Тебе нравится?!

– А что? Тебе тоже такое не подходит? Как Гомеру? Прости тогда.

– И ты ждешь... Ждешь, чтобы он забрал тебя туда? К себе?

– У них освободилось одно место. Он получил разрешение. Но я...

– Ладно. Я понял. Ты вместо себя – меня... Ладно. Я понял. Ладно.

– Тебе надо уходить.

– Ты правда туда хочешь? К ним? В этот их круглосуточный кабак? В бункер?! Вместо верха – еще глубже?!

– Мне все равно, куда. Я хочу с ним быть. Я – его. И все.

– Ладно. Я понял.

Постоял еще. Потом снял с шеи крест. Бросил ей.

– Пока. Спасибо.

– Пока.

* * *

Вышел: мир кувырком.

Побрел через похотливую однодневную пьяную толпу. Сказал Саше, что понял, а сам не понял ничего. Как можно – с Бессоловым? Как можно такого – любить? Как можно дирижабли свои променять даже бы и на мечту о бункере? А на бордель ради бордельных коротких встреч по снисхождению? Бессолов ей и еды объедки из бункера своего выносит – и любви объедки тоже. А ей ничего, хватает и того, и другого. Небалованная.

Что Артем про Сашу не понимает?

И как ее ненавидеть даже?

– Эй, человек! – потянулся кто-то к его официантскому костюму. – Бодяги литру!

– Иди на хуй!

Вышел к причалу. Высокая вода стояла, по кромку.

Надо ломать. Ломать все. Все ломать к херам.

Мельник, значит, отобрал у него всех товарищей. Гомера, Леху, Летягу. Надо освободить их, если живы. Одному ничего не сделать.

Мельник.

Если бы можно было на свою сторону Орден перетянуть... С такой силой и против Наблюдателей не страшно. Орден бункеры отстаивал, может и отвоевывать.

Как только их смутить? Про проданных товарищей рассказать им? Но продавал ли их Мельник – и кому? Его и самого продали и купили, старого идиота; а ребята погибли просто без смысла. Из-за инициативы на уровне среднего звена. Старик-то понимает сам, за что ноги отдал?

А если рассказать ему, объяснить?

Что ему-то, Святославу Константиновичу, известно про метро? То уж, что ему Бессолов выделил. Ему ведь тоже, наверное, полуправду в зубы ткнули. Не может же он быть счастливым от того, что из героя стал колобком в каталке – и не за-ради спасения метро, а потому что ему второй половины правды не доверили?

Болтался в другом конце платформы у причала бутылочный плот. Рядом дрых пьяный железнодорожник. Артем осмотрелся, одумался. Через затопленный Рейх поплыть – не до самого же потолка там залито? – и будет Полис. Потребовать разговора с Мельником. Досказать ему все, чего тот не знал, добавить ему правды. Если не встанет на сторону Артема – пусть хотя бы его людей отпустит.

Пока шел к плоту, снял в каком-то бардаке лампу на свином жире. Не фонарь, но хоть какой-то проблеск от нее в туннеле будет. Подкрался к плоту, ткнул спящего мыском лакейского ботинка – беспробудно.

Отвязал зыбкое судно, перескочил на него, и поехал по мутной реке в трубу. Вместо весла – черпак на палке; то с одной стороны им грести, то с другой. Плот крутится, подневольный – неохота ему обратно, но все же заползает в черноту. Света от лампы – на шаг вперед, черпак и то дальше достает. Туннель идет вниз, вода – вверх; потолок снижается, подступает к Артемовой макушке. Хватит воздуха?

Стоя грести было больше нельзя, потолок не пускал. Пришлось сесть.

Плыла навстречу крыса. Увидела сушу, обрадовалась.

Забралась к Артему на плот, села с краю скромно. Он ее не стал прогонять. Когда-то боялся крыс, но давно уже привык. Крысы и крысы. Говно и говно. Темнота и темнота. Жизнь, как у всех. И не замечал бы, как другие не замечают, если бы не знал, что бывает другая.

Лампа была подвесная, пыталась не только вперед заглянуть, но и вниз, под прозрачное днище.

Внизу плескалось.

Он думал о Саше. Прощался с ней. Почему Саша не хочет людям рассказывать о том, что они не должны под землей сидеть? Почему сама тут? За что Бессолова выбирает?

Воняло свиным жиром. Крыса дышала с наслаждением.

Перевернулся под дном утопленник, вытаращился на лампу через бутылочную стенку запесоченными открытыми глазами. Давно света не видел, пытался вспомнить, что это. Поцеплялся снизу за плот толстыми пальцами, мешая проезду, потом отпустил.

Потолок еще понизился. Сидя на корточках, до потолочных ребер и спаяк стало можно рукой достать.

Крыса подумала-подумала – и сиганула в воду. Поплыла все-таки на Цветной, к своим.

Артем остановился. Посмотрел назад: там так же темно было. И еще темней даже. Рука пошарила на груди, но крестик он сдал. Ладно, как-нибудь. Попросил так.

И погреб дальше.

А потом вода стала отступать.

Может, миновал впадину, глубокое место. Потолок перестал давить, подвинулся вверх, дал подышать. Впереди мелькал свет: пытались проморгаться забравшиеся под самый верх лампочки. Видимо, генераторы как-то убереглись от потопа.

Когда добрался до станции, совсем обмелело. На платформе воды было только по колено. Но хозяева возвращаться домой пока не спешили. Те, кто не успел сбежать, пухли уныло и неприкаянно. Вонь стояла густая, ощутимая всем лицом.

Грунтовыми водами обмыло Дарвиновскую, ободрало ее – и она снова стала Чеховской. Вся ее людоедская раскраска – транспаранты, росписи, портреты – плавала кверху пузом в жидкой грязи.

Ничего. Соберутся с духом и наведут порядок. Отстроят зверинец заново. Будет вместо Дитмара Дитрих, а больше ничего; Евгений Петрович вернется, свой человек, системный, хоть

и живодер. Потому что все уже так чудесно и удобно заведено: вот сюда у нас человечки лезут, а вот отсюда выходит фарш. Как там, в Балашихе. Как во всем метро.

И кто-нибудь, конечно, должен будет Евгению Петровичу дописать учебник истории. Илья Степанович, наверное. Придется в одиночку учителю отдуваться, раз Гомера Мельник заглотил. Ничего, Илья Степанович все распишет, как нужно: на Шиллеровской у него случится героическая оборона станции от красных, уроды станцию будут не защищать, а атаковать. Ну и финал духоподъемный какой-нибудь. Что вот, из-за происков врага затопило, но не сломило, и как феникс из пепла, и лучше прежнего.

Как вот с этим Саша может спать?

Растолкал ковшом пенку из намокшей бумаги. Пригляделся – размытые газеты. На одних еще можно прочесть «Железный», на других – «Кулак». Обрывки чьих-то дней. Где-то у них тут ведь и типография была. Не врал Дитмар, всерьез собирался десять тысяч кирпичей правильной истории печатать.

Станция кончилась, опять туннель пошел.

* * *

Разное продумал себе – как проходить блокпост и что на нем врать. Но ничего соврать не успел: дежурили не малахольные обычные охранники Полиса, а орденские бессловесные истуканы.

Чтобы не пристрелили, крикнул им, что Артем и что к Мельнику. Приблизилась к нему без доверия, обхлопали карманы его шутовского костюма, узнали вроде, но сами так и не сняли маски. Забрали наган. Повели служебными коридорами, чтобы не смущать воздушноголовых здешних граждан.

Но вели не к Мельнику.

В какую-то каморку дверь. Решетки. Охрана.

Завели, в спину толкнули зло, как не свои.

А там – радость!

Все живые: Леха, Летяга, Гомер. И даже еще почему-то Илья Степанович.

Похвалили Артема за то, что и он не умер, и за то, как посвежел, и за то, какой стал нарядный. Посмеялись. Обнялись.

Выяснил: всех сгребли там еще, на Цветном. Две станции ведь всего до Полиса, вот кто-то из бойцов поехал девок щучить и опознал – и Летягу, и Леху. Гомера с никчемным Ильей взяли до кучи: вместе ужинали, не успели вовремя расстаться.

– Ну а ты – где?

Артем помолчал. Собрался. Посмотрел с сомнением на Илью Степановича, известно чьего прихлебателя. А потом понял: такое ни от кого нельзя держать в тайне. Тайны – это их оружие, а Артемово – говорить, как есть.

Вывалил на них. Все.

Бункер, кабак, салаты, штофы, жирную пьянь в костюмах, антибиотики, воскового Сталина, электричество несгораемое, бутылки нерусские, – и за ними: дерганных марионеток, войны дураков, липкую ласку спецслужб, нужный голод, нужное людоедство, нужные схватки в слепых туннелях. Нужных и вечных Невидимых наблюдателей.

Им рассказывал – и себе. И удивлялся тому сам, как все выстраивалось, каким ладным казалось. Ничего бесполезного не было в этом бессоловском здании, ничего необъяснимого. Все вопросы получали ответ. Кроме одного: за что?

– То есть... Пока мы тут говно жуем... Они там... Они там – сабатики? – сипло от накатившей ненависти пробормотал Леха. – Водочку иностанную? Мяско, навьеное, посвежей нашего... А?

– И не доедают. Тарелки, полные объедков, стоят. И там... Они ведь, наверное, и тогда жрали. Жрали в те самые минуты, когда мы вместе со всеми... На Комсомольской... Под пули.

– Бъяди, – сказал Леха. – Вот бъяди-то. И медицина, говоѐишь?

– Видишь же сам? Меня вот... На ноги поставили. Не знаю, надолго ли. Но! Понимаешь?

– Вижу. А у нас тут дъугая медицина, да? Такая: за яйца схватят чѐловека и скажут ему: поѐзи, чѐовек, на къадбище сам. А то мы тебе с твоим ёаком все равно ничем помочь не можем. Вот с нами, значит, так. Ну не бъяди?

Гомер стоял безмолвно. Он в такое не мог поверить с той же готовой скоростью, что и Леха.

– А почему с нами-то, как с говном тогда?! – спрашивал апостол. – Если в говне, то пускай все уже в говне! А не то, что одни – будут в нем по шею, а другие – саёатики ножичком пийить! А где бункеё-то? Затопить его, может, а?!

– Мне мешок на голову, когда оттуда... Ну а туда я вообще без сознания... Не знаю, где.

– А я бывал там. В музее этом, – сказал Гомер. – Еще до войны бывал. На экскурсии. Полное название у него было тогда – «ЗКП Таганский». Защищенный командный пункт. Таганский – потому что на Таганке прямо. Один вход с улицы был. Переулки старомосковские, рядом с Москва-рекой. Особняки старые. И один такой особняк, двухёажный – на самом деле муляж. Нам тогда объясняли, что за стенкой – бетонный колпак, лифтовую шахту от бомб прикрывать. Двадцать ёажей вниз – и там этот бункер. И да, все, как ты описываешь. Неон, ресторан, ремонт.

– Но как в метро-то они попадают?

– Там был выход. Даже не один. И на станцию, на Таганскую как раз, и в туннель, на Кольцевую.

– Таганская... ёто ведь от Комсомольской в двух станциях всего... – проговорил Артем. – В двух. Неужели они не слышали криков? Если мы даже наверху их слышали?

– Невидимые наблюдатели... – покачал головой Гомер. – Лучше б Изумрудный Город правдой оказался.

– Их оттуда можно вытряхнуть! – горячо сказал Артем. – Выбить их, выгнать в метро. Людям предъявить ётих гадов. Пускай сами сознаются, Бессолов пускай сознается, что они нам ввали столько лет. Пускай скажут, что мир наверху ёсть, что мы тут, внизу, только зря дохнем. Приказ пусть своим отдадут, чтобы глушилки отключили. ёто все реально проверить! Охраны там мало. Только понять бы, как внутрь попасть...

– А откуда жёатвы у них стойко? – спросил Леха.

– Склады. Гохран. Но, думаю, и из метро берут. От Ганзы... Ганза же в кармане у них! Все в кармане. Красные им заключенных на стройки гоняют, Ганза кормит, Орден вот... Подчищает. Ты об ётом знал? А, Летяга?

– Нет, – тот смотрел мимо Артема, в стену.

– А Мельник?

– Не думаю.

– Надо сказать ему!

– Скажешь еще. Будет возможность.

– Он с тобой говорил? Ты его видел вообще?

– Видел. Будет трибунал. То ёсть он сам и решит. А Анзор подмахнет. Дезертирство. Вообще-то полагается мне за такое... И Лехе. Его же как бы приняли к нам. Так что и отвечать. Ну и тебе теперь. Знаешь, что полагается. Вышка.

– Йично меня мама не дёя ётого ёожаёа. Она мне бойёое будущее, между пёочим... – сообщил Леха.

– А с тобой что? – спросил Артем у Гомера. – Тебя они чего взяли?

– Как свидетель прохожу, – пожал плечами тот. – Что я? Мельник и не помнит меня. Может, отпустят.

– Свидетель, – повторил Артем. – Свидетели, думаешь, нужны ему? Я тоже не то что дезертир. Если мы не убедим его... Если заартачится... Всем кирдык.

– А Илья?

Артем обернулся, посмотрел на Илью Степановича. Тот сидел на холодном полу, не спускал с Артема глаз. Пересеклись взглядами – очнулся:

– Это правда все?! Про Рейх?.. Про Евгения Петровича?.. Про его дочь?!

– Был конверт с фотографиями. Я сам в руках держал. И вот Бессолов сказал. Думаю, правда.

– Он сбежал. Фюрер. Сбежал.

– Я знаю. Вот ищут его, хотят вернуть. Говорят, будут вам новый Рейх строить всем миром.

– У меня... тоже... дочка, – сглатывая сухим горлом, сказал Илья Степанович. – И забрали. И... А он, значит... Он оставил. Себе.

Артем кивнул. Илья Степанович спрятался в коленях, в раковине.

– Неужели они не делись никуда? – сказал Гомер. – До сих пор? Власть? И все метро под ними?

– Под ними. Но в этом и уязвимость. Если их выкурить оттуда... Арестовать... Можно всех выпустить наконец! Наверх! Всем нам можно выйти! А?

– Ну да.

– Надо просто убедить Мельника. Объяснить ему, как им крутили самим.

Подумали. Каждый, наверное, о своем.

Зашаркало в коридоре. Проскрежетало-открылось крохотное окошко на высоте лица. За проволочной сеткой встал силуэт. Роста ему не хватало.

– Артем!

Он вздрогнул. Подошел к двери. Зашептал.

– Аня?

– Зачем ты пришел? Зачем ты сюда вернулся? Зачем? Он тебя уберет.

– Мне своих надо вытащить. И я хочу с твоим отцом... Еще раз. Последний раз. Поговорить. Он не все знает. Он не станет. Он передумает. Мне надо только поговорить с ним. Можешь попросить?

– Я ничего не могу. Он меня не слушает больше.

– Мне нужно объяснить ему! Скажи ему. Про Невидимых наблюдателей!

– Послушай. Он назначил суд. Сегодня. Будет товарищеский суд вместо трибунала.

– Товарищеский суд? – встрепнулся Летяга. – Зачем ему этот цирк?

– Зачем? – спросил Артем.

– Не знаю... – Аня говорила сломанным голосом. – Из-за меня. Хочет, чтобы все тебя приговорили. Вас. Чтобы не лично он.

– Анечка... Пускай. Это хорошо, что товарищеский... Хорошо, что все. Пускай слушают. Я им всем – всё. Посмотрим, кто кого еще. Ты не волнуйся. Спасибо, что сказала.

– Это ничего не даст. Там ганзейских больше половины. Они так проголосуют, как нужно. Даже если наши все... Голосов не хватит.

– Но мы попробуем. Попробуем. Спасибо тебе, что ты пришла. Я думал – как мне с ребятами переговорить. И вот он сам... Сам дает мне возможность.

– Эй! Ань! – шикнули из коридора. – Харэ!

– Артем... – ставенка задвинулась; Аня пропала. – Я...

Забрали.

– Слушайте. Нам удастся. Летяга? Слышишь! Ты меня поддержишь – все получится.

– Как?

– Бессолов должен скоро за Сашей прийти. На Цветной. Если у нас будет несколько бойцов хотя бы... У него с собой охраны всего пара человек. Мы возьмем его. Доставим к бункеру. На Таганку, через Китай-Город. А сам бункер... Там защиты почти никакой. Если они нам откроют его... Бессолову... Изнутри...

– Парой человек ничего не решить.

– Я подумал. Я к вам сюда через Рейх плыл. Вода сошла уже. На Чеховской почти сухо. И газеты везде плавают. Гомер? У них там типография? На Чеховской?

– На Чеховской, – сказал Гомер. – В служебных помещениях.

– Там еще кое-где есть электричество. Я видел. Может, и станок не залило. А если напечатать вместо их газетенки листовок? Рассказать людям, как их дурят. Про Наблюдателей сказать. Про глушилки. Как думаешь, мы с тобой справимся? А?

– Я, когда там был... Нам показывали. Мне.

– Если можно туда попасть... Мы эту всю их систему... Напечатаем листовок хоть пару тысяч. А? И народу раздадим на Таганской. Ну и по пути еще... Прочти и передай другому. На Китай-городе... И в листовке прямо – про бункер расскажем! Приведем ко входу толпу! Бессолов нам откроет, сука, никуда не денется... И все! Пусть они в лицо людям правду скажут! Тогда мы не одни будем, Летяжка. И даже если со штурмом сразу не выйдет... Листовки по метро разойдутся все равно!

– С Таганской навод впустить в бункер надо? – уточнил Леха. – Всех, что йи?

– Чем больше, тем лучше. Пускай сами посмотрят, как эти твари жируют и всегда жировали. Увидят – тогда, может, и в остальное поверят. А? А, Лех? Дедуль, сможем?

– Теоретически... – сказал Гомер. – Если бумага уцелела... Они ее в пластике хранили, вообще-то... Чтобы не сырела... Могла и уцелеть...

– А, Летяжка? Наши-то что там говорят? Забыли уже всех, кого красные замесили?

– Какое... – Летяга вздохнул. – Как забыть-то?

– Значит, план есть. Рискованный, понимаю. Но может получиться. А?

– Может, – признал Леха.

– Думаешь, нам прямо позволят эти листовки раздавать? – сомневался Гомер. – Если тут, как ты говоришь... Если государство не делось никуда... Ты хоть представляешь себе, что это – наше государство?

– Нет. Да и по хер бы на него, дедуль! Попытаться же нужно! Должны мы попытаться! Людям надо все сказать! Их надо – выпустить!

Гомер кивнул.

– А ты вот... Что будешь наверху делать? Когда выйдем? – поинтересовался он у Артема. – Где хотя бы? Решил?

– Жить! Как раньше! Там разберемся! Как люди! А что? Не ясно?

– Не очень, – вздохнул Гомер. – Я вот не знаю, что.

– Да какая разница, что! Хоть грибы сажать, хоть хлеб, я готов! Если там. Но сначала... Там же такая земля огромная. Ее всю можно обойти. Найти себе место... По душе. Город... Или берег океана. Вам как, не обидно, что есть кучка упырей, которая за нас решила, что мы всего этого никогда не увидим?!

– И жьют кьугьые сутки сидят! – добавил Леха.

– Должна быть причина, – опять затвердил Летяга.

– Есть причина! Их на открытом пространстве укачивает! А тебя они при себе как скотину держат!

– Выбьем их из этого бункера к хеям, – решил апостол. – Нюймайный пьян у тебя. Есьи нас не вздеьнут тойко.

– Ты понимаешь, братик? – Артем взял Летягу за огромное плечо. – Ты там, наверху, для людей больше сделаешь! Ты о чем клялся? О том, что будешь помогать каким-то крысам краснопузым в своих же стрелять? Ты клялся – людей защищать! Всех! Метро! Если мы их наверх выведем – вот там, вот тогда мы им по-настоящему понадобится! Людям! Потому что мы, Орден – у нас есть опыт. Мы умеем. Там. Понимаем риски. Зверье знаем... Про фон все. Там наше место! Не тут! Не резать глотки тем, кто к нам из других мест идет! А нашим помочь добраться до живой земли! Ну? Согласен?

– Согласен, че, – пробурчал Летяга.

– Дед?

– Не знаю.

– Я понимаю, дедуль, тебе страшно наверх идти. Столько лет под землей сидеть. Тут уже все понятно тебе. Вроде и темно, вроде и тесно, а уже и родное все, да? И наверх как-то... И ты ведь не один. Я на Комсомольской звал людей за собой... Ни одна душа не поверила, никто не пошел. Ты не виноват. И они не виноваты. Эти суки из бункера виноваты, вот кто. Тебе ввали, нам всем ввали. Приучили нас быть кротами. Доказали нам, что мы черви. Но это вранье все, и на вранье выстроено. Если мы им правду не скажем, если ты – у тебя получается же! – да, Илья Степаныч? Он талант же у нас? – если ты им не скажешь правду про тачки с трупами, про арматуру, про туннель мой, про ямы собачьи, про пулеметы на Комсомольской – кто им? Никто! Знаю, не станут верить! Сразу – не станут! Мне никто не верил! Вы мне не верите до конца! В такое – трудно... Но надо. Пусть пальцами тычут. Пусть ебнутым зовут. Пусть врагом считают. Кто-то должен им сказать. Пускай хоть посомневаются... Вдруг кто-то – поверит! Кто-то – пойдет за нами! А?! Это нам надо для людей сделать. Даже если они против будут сейчас. Потом поймут. Или ты – что? Или ты фашистский листок опять печатать?!

Илья Степанович не показывался из коленного своего панциря, как будто умер. Когда мир рвался осколками, ему пришлось в сердце.

– Нет уж, – покачал головой Гомер. – С этим-то кончено.

– Все, значит? Если будет шанс – сделаем? Вы со мной?

– С тобой! – откликнулся Леха. – Натянем бужуев!

* * *

До суда время пошло сворачиваться в спиральную пружину – чем туже, тем медленней. Артем требовал у тюремщиков Мельника – но те все были с черными вязаными лицами, Артема не узнавали, и Мельник Артема вспоминать тоже не хотел.

Почему медлил Святослав Константинович, чем был занят? Виселицы ставил заранее, потому что уже знал, как Орден проголосует, потому что с каждым бойцом уже его голос оговорил и взвесил?

А Артем все равно готовился.

Расхаживал по камере, наступал остальным на ноги, повторял про себя все, что должен высказать. Будет одна возможность всего. Себя спасти, Летягу и Леху выручить. Сжечь крысиное гнездо и людей от крыс освободить.

Это хорошо, что товарищеский суд, твердил он себе. Это правильно. Они не истуканы. Не из глины, не из гранита они. Хоть всего и год вместе служили, но этот год семи других стоил. Они все красным швом друг с другом сшиты. Тимур, Князь, Сэм. Пусть Мельник ставит виселицы. Не так это и просто – своего брата к смерти приговорить.

Пришли внезапно.

Вызывали по одиночке.

– Летяга!

Тот ссутулил медвежьи плечи: дал надеть наручники.

Как он?

Пока Артем говорил ему, Летяга вроде и подхватывал Артемову злую оспу, начинал кивать в такт. Но стоило замолчать – лихорадка у него спадала и уходила, не держалась сама. Летяга из тех был, кто только единожды решает на всю жизнь, как он станет в этой жизни думать и что по всем поводам считать. И решил он уже давно и надежно. Новая правда была его толстой шкуре не как дробь даже, а как соль.

– Звонарев!

Это Леха оказался. Вот: Мельник успел о нем больше узнать, чем Артем. Интересно, допрашивали их? О чем? Леху тоже связали. Когда уводили, оглянулся на него.

– Темыч! Нейзя обось'аться!

Завет.

– Черный!

Сердце пошло в разгон. Думал, будет плевать, а оно все равно волнуется. Глупо как. Ты ведь неделю назад и не рассчитывал, что больше этой недели сможешь протянуть. Вот и срок подошел. Так?

Нет. Не так. Не будет такого.

Нельзя сейчас сдохнуть. Сейчас – уже рано.

– Как там ты говорил, деда? Конечная у каждого своя?

Гомер поднял голову. Приулыбнулся устало и удивленно.

– Запомнил?

– Не смог забыть.

– Руки давай сюда! – рявкнули.

Он протянул запястья; их закольцевали.

– Конечных много может быть, – исправил его Гомер. – А пункт назначения у каждого только один. Вот его нужно найти. Назначение.

– Думаешь, не оно? – спросил у него Артем, разглядывая опять наручники.

– Думаю, еще не конечная, – сказал Гомер.

Стальные пальцы сдавили Артему шею, пригнули его поближе к полу. Еще и руки за спиной вздернули вверх, чтобы лучше клевалось.

– Увидимся, – сказал Артем старику.

Побежал вместе с конвоирами по коридорам, глаза ткнуты в гранит повытертый, конвоиры за Артема глядят, он за них думает. Не бывает для проповеди плохого момента.

– Мужики... Я не знаю, вы наши или ганзейские... Вас обманывают. Всех. Нас всех. Вы про глушилки знаете? Они только для того, чтобы мы в метро сидели...

Остановились.

Скользнули по скуле твердой костью, затрещала, разворачиваясь, клейкая лента. Залепили рот широкой черной полосой. Сверху еще одну наложили, крест-накрест.

И потащили дальше.

Вот так.

Теперь бросило в пот. А если не снимут? Если не дадут сказать?

Вынесли его в зал. На Арбатскую.

Станция вся была заполнена только мужчинами в черном. Посторонних попросили разойтись, пока Орден своих линчует. На тех, кто тут собрался, масок не было. Голосование поименное, догадался Артем. Каждому потом придется за свой голос ответить, пускай помнят об этом, если вдруг решат миловать.

Вытолкнули в пустой круг. Там уже – Леха и Летяга. Оба скручены: руки за спиной, впереди – хари изукрашенные. Видимо, сбивались с курса, пока шли сюда, а их направляли.

Летяга увидел вместо Артемова рта – черный крест, заморгал косыми глазами. Артем тоже дернулся: снимите! Стал искать глазами Мельника, чтобы затребовать у него справедливости.

Мельника скоро выкатил Анзор.

Но Мельник Артема так и не увидел: смотрел все почему-то в другие стороны. Артем кочевряжился, как глиста на сковороде, со своим заклеенным ртом, кусал ржавые губы, чтобы, может, через дырку в них хотя бы выговорить все. Но лента широкая была, а клей мертвый.

Еще не начинали.

Наконец пропихнули через толпу Гомера с Ильей Степановичем. Они связаны не были: свидетели. Что будут показывать? Артем прилип взглядом к прогоревшему учителю. Все он слышал там, в камере. Что решит рассказать? Не куплен ли? Вспомнился Дитмар с его простой и точной формулой того, как помыкать людьми. Вспомнилось, как Артем за упокой его души помои хлебал по Ильи Степановича поводу.

Снова и снова стал раздирать губы; но склеено было прочно. Зарос рот.

– Готовы, – сказал Анзор.

– Слушаем дело о дезертирстве и предательстве трех наших бывших товарищей, – засипел Святослав Константинович со своего трона. – Летяга, Артем, и новенький, только что принятый. Звонарев. По предварительному сговору. Саботировали два важнейших задания. Целью которых было остановить войну между красными и Рейхом. В наших интересах. И всего метро. Сорвали доставку депеши с ультиматумом фюреру. И потом еще операцию по принуждению к миру Москвина. В центре сговора Артем Черный. Летяга, по нашему мнению, просто поддался влиянию. Артема, не взирая, требуем к высшей. Летягу готовы обсуждать. Третий – Артемов прихлебатель. Шпик, в общем. Его тоже под списание.

– Вы охеееи?! Што я сдеаь-то?! И Аьтем!

– Так. Этот что, неполноценный? Придержите.

Кто-то сзади пхнул Леху, заткнул его щербины.

– А что у Артема со ртом-то? – пробурчали из толпы. – Как он за себя скажет?

– Есть основания считать, что он двинулся, – нехотя объяснил Мельник. – Ничего, до него дело дойдет, заслушаем. Сами убедитесь. Мне вот все ясно. Но решаем по чесноку. Открытым и общим. Начнем с Летяги. Потом у нас свидетели. По Летяге проголосуем, потом вот этот с дефектом, потом Артем. Отдельно хочу сказать: не надо думать, что у нас тут балаган. Вы мне со всей строгостью. Бывший родственник, неважно. Человек нас предал. Закон один. Я спецом его на товарищеский суд, чтобы не было потом. Ясно?

Толпа загудела; но и гудеть у нее получалось только хором, только слаженно, как у строя.

– Так, Летяга. Давай излагай. Когда впервые была попытка вербовки Черным Артемом, что говорил. Как заставил отдать секретную депешу. И подробности того, как он сорвал переговоры с Москвиным. Люди могут знать. У нас нет секретов тут. И в чьих интересах Черный действовал.

Лицо у Мельника было спокойное, как у паралитика. Но единственной своей живой рукой он до белых пальцев вцепился в обод на колясочном колесе. На Летягу смотрел глазами из бронзы, и зрочки были выбитыми в бронзе дырами.

Летяга шагнул вперед, как медведь на цепи. Повел башкой, виновато скосился на Артема. Шумно выдохнул лишний воздух. Посмотрел на гранит. Толпа молчала. Артем не мог разорвать губы, Леха жевал желе из крови.

– Мы еще давно следили за Артемом, – приступил Летяга. – Весь последний год. Знали, что он несколько раз в неделю поднимается. Выходит со станции ВДНХ, идет к высоткам «Триколор» там, по Ярославке. У нас позиция была оборудована напротив. Смотрели. Несколько раз в неделю пытался выйти по радио.

Летяга его сдавал. Артем слушал. Тыкался языком в горький клей, мычал через ноздри. Наваливалось, как холодный острый щебень, как сырой только что наколотый грунт, на ноги, на руки, на грудь – бессилие.

Были тут Артемовы товарищи: Сэм, Степа, Тимур, Князь. Померещилась Аня, за мужскими плечами задавленная. Присмотрелся – она? Потерял.

– Вы знаете... – говорил Летяга. – Про то, что война с Западом не кончена. Что они только и ждут, чтобы мы себя выдали. Мы, конечно, сразу заподозрили Артема в том, что он пытается выйти на связь с кем-то там. Демаскировать. Может, помочь навести даже на нас... Человек был новый. И полковник сказал: следить. Невзирая... Ну, короче. Потом еще эта история... С радиоцентром. Вы слышали уже, наверное.

Люди зашуршали.

Аня!

Аня появилась. Вырвалась из чьей-то клешни, протиснулась в первый ряд. Нашла Артема глазами, больше не отпускала.

– Сбиваешься, – строго сказал Мельник. – Сначала нам про депешу.

– Да. Ну. Тут так. В общем, с Артемом все было почти ясно. Что вероятно работает на противника. Преследует цель раскачать обстановку. Демаскировать Москву. Навести огонь. И с депешей...

Артем дергался, извивался, но его держали крепко. И во рту не было даже крошечного отверстия, чтобы сказать через него Летяге про вторую минус – да и вернул уже Летяга этот долг, а сам Артем перезанял крови у Бессолова. И на что? Чтобы до петли доковылять самому?

Летяга его больше не хотел видеть.

Он уже говорил четко, как будто с диска играл.

Из толпы даже редкие знакомые теперь шурились на Артема как на чужого, как на ядовитую тварь, которую раздавить.

– А что насчет Москвина? – спросил Мельник.

– Насчет Москвина, – повторил за ним Летяга. – Насчет Москвина такая история. Артем меня вытащил из бункера, когда мы против Корбута с его спецками там сидели. Когда Десятого похоронили, Андроида, Ульмана, Рыжего, Антончика...

– Я всех помню, – перебил Мельник. – Не надо.

– Вы их всех помните, да. У вас этот список. Мы все видели. И я чуть не сдох сам. И Артем мне сказал: ты понимаешь, что мы вот привезли патроны, двадцать тысяч патронов – красным? Москвину? Мы их привезли сукам, которые наших пацанов убивали? По приказу Мельника. Я понял. Мы их память продали. Понял, зачем они умерли. Ни за чем. Что политика.

– Летяга!

– Что политика важнее. Что вчера война, а сегодня мир. Жалко, что пацаны все сдохли зря и вчера, когда была война, потому что сегодня же мир. Сегодня мы этим мразям двадцать тыщ патронов зарядим, чтобы они завтра ими нас оставшихся выкосили, когда будет снова война.

– Хватит!

– А потом Артем говорит: а нету вообще никаких красных и никаких фашистов. И никакого Ордена нет. Есть только одна какая-то структура. Невидимые наблюдатели. Или хер знает кто там, без разницы. И мы один отдел этой структуры, а красные – другой. И это ненастоящая война была, и оборона бункера – херня. Это все спектакль. А я думаю – а водку с мертвыми нашими пацанами пить – тоже спектакль?!

– Летяга!

– Пускай говорит! – закричали в толпе. – Слово дай ему! Летяга наш! Наш человек! Не затыкай!

– Освободи его! Что за тема?!

– Так, Летяга закончил... Я, между прочим, обе ноги...

– И Артем говорит – а вот Ганза в бункере где была?! Почему они нам людьми только потом помогли? А не когда мы просили их?! Не на это он ноги-то поменял?

– Летягу в командиры! – заревел кто-то.

Тут клюнуло что-то быстрое, и Летяга брызнул красным на белую красивую стену за собой. Брызнул, ослаб, сел и лег лицом в пол. Затылка у него не стало, вместо затылка сделалась мясная воронка.

И у Артема такая же сделалась где-то в душе сразу.

– Летяга!!!

– Летяаааага! Ганза это!!!

– Бей Ганзу!

Кто-то с лету снес Мельникову коляску, он выпал на гранит неподалеку от густой лужи, стал дрыгать лапкой как перевернутый на спину таракан, пытаясь подняться, колеса крутились, мелькали спицами, а сверху над ним уже сшибались люди, друг от друга неотличимые, но точно про себя знающие, кто тут чужой и кто свой.

Схватили Артема, оттащили, сорвали ленту, дали говорить, грудью заслонили, Леху вытянули, а Артем уже – Гомера; оказались в кольце своих; дрались озверело, голыми руками – оружие никому нельзя было пронести на суд, кроме конвоя и палачей.

– Шанс! Шанс! – орал Артем Лехе в ухо, пока вырванными у конвоиров ключами тому отпирали браслеты. – Берем людей! На Цветной! И Гомера! На Рейх! В типографию! Все делаем! Все по плану!

– Есть! Есть! – орал Леха.

Две схлестнувшиеся волны стали расходиться, отодвигаться от раскола: одна забирала с собой мертвого Летягу, другая – сучившего рукой Мельника и коляску с гнутыми колесами.

Но Артему нельзя было еще бежать со всеми вместе. Он выпрыгивал из толпы, заглядывал вокруг. Где она?!

– Эй! Ээй! – гаркнули ему с той стороны.

Схваченную за волосы, в порванной рубахе – показали ее: Аню.

– Где зачинщик?! Черного дайте нам! У нас жена его!

– Аня!

– Сюда давай, урод! Мы ей иначе пасть... Мы ее на всех тут... Понял?! Ползи к нам, паскуда!

– Не смей!

Аня елозила и кляла их; подбитый глаз уже чернел. Коричневым соском жалко и вызывающе торчала грудь.

Артем поймал за руку Гомера.

– Листовки! Про глушилки, про выживших, про Наблюдателей! Про то, как нас всех дурят! Правду! Правду, дедуль!

Гомер закивал.

– Леха! Ты его знаешь! В лицо! Бессолова! Сашин хахаль. Кроме тебя, никто! Возьми людей тут. На Цветной. Пускай эта мразь вам...

– Ну все, Черный!

– Или впустит... Или кончи его там прямо! Не трожь ее, суки!

Леха мигнул.

– Все! – крикнул Артем тем. – Все! Иду! Иду к вам! Отпустите! Ну?!

С Аней они встретились на половину секунды – между двумя полюсами черного. Встретились и разошлись.

Глава 22. Правда

Из переходов перекипало-возвращалось на Арбатскую ее отлучившееся население: кордоны, которые его держали подальше от судилища, вмешались в общую драку. Орденские раскольники отступали со станции кто куда, Артем, зажатый между чужими людьми, этого уже не видел. Но кричал всем из-за черных глухих спин:

– Мир есть! Мы не одни! Мир уцелел! Вас обманывают! Вы можете уходить из метро! Вам врут! Не верьте им!

Потом ему опять рот застегнули.

Те в Ордене, кто остался верен Мельнику, отступили к его посольству на Арбатской. Усадили полковника, смятого, на погнутую коляску и установили его на законное место – в тот самый кабинет со стопкой и списками.

Артема с Ильей Степановичем, тоже записанным в бунтари, держали в закутке у приемной Мельника. Стерегли неизвестные солдаты. Заходили к полковнику в кабинет, интересовались за неплотно притворенной дверью, не пора ли пленных пустить в расход, но Святослав Константинович решение задерживал.

По коридору гулял холодный сквозняк, через поддверные щели носил оборванные разговоры: одни со станции, другие – из полковничьего кабинета. На Арбатской, было слышно, копилась растревоженная толпа. Люди пересказывали друг другу, что случилось с Орденом, ломаным эхом повторяли Артемовы выкрики.

Хорошо, что обменял себя на Аню, думал Артем.

Хоть бы она сбежала!

Илья Степанович таращился на черных людей; его бил крупный озноб. Пахло мочой. Может быть, он представлял себе пока что, как пуля будет ему лоб буравить. Но скулить не скулил. Только бормотал почти неслышно.

– Конечно, ему-то все можно. У самого – беспалая. Сам-то сдал ее? Нет, сберег. Наверное, видится. Смотрит, как растет. Играет с ней. И жена у него живая. У него живая. Не повесилась. На колготках. Не болтается под потолком. Языком наружу. Черным языком.

У одного из охраняющих на правой руке сидели часы. По их вверх тормашкам перевернутым стрелкам Артем засекал вечность. Высчитывал, сколько нужно Гомеру, чтобы добраться до Рейха. Вместе с ним заочно разбирался в устройстве печатного станка, искал сухую бумагу, диктовал старику текст. Не нужно листовки даже по всему метро развозить. Если их доставить хотя бы в Полис и на Цветной, оттуда все само дальше уже поползет.

О плане, кроме Гомера и Лехи, никто не знает. Все ганзейские в Ордене были тут: с Мельником. Держали подступающий любопытный рой.

Из кабинета рывкало:

– Бессолову набери! Еще! Мне с ним переговорить надо! Лично!

Потерянный, выбитый из колесницы, названивал своему хозяину. Не мог дозвониться. Значит, у Лехи был еще шанс найти Бессолова до того, как Мельник его разыщет.

И Артем тогда заочно с Лехой догребал, высадив Гомера на Чеховской, до борделя. Заочно крался под прикрытием орденских ветеранов через гам и блядство, оцеплял, невидимый, Сашину хибарку, и доделывал за Леху и за себя прошлое свое неудачное покушение. Нет, брал его в заложники и вел боевую группу на бункер.

– Еще набирай! Еще!

Минутная стрелка перевернутая шла назад. Отмеряла половину часа, три четверти, час. Гул на станции рос. Покрикивали неуверенно местные распорядители, которых прислали управляющие Полисом. Но зеваки не хотели расходиться. Спрашивали у оцепления, что стряслось, и что за сумасшедший вопил о выживших в других городах на Земле.

– А у моей что? Хвостик маленький. Хвостик удалить можно было. Там же. Такая милая крошка. Наринэ сказала, давай в честь твоей мамы, если девочка будет. Марина, получается. Марина Ильинична. Марина Ильинична Шкуркина.

Дошло: это Илья Степанович не себе говорит, а ему, Артему, рассказывает, хотя и не глядит в глаза. Он покачал головой согласно, но думалось о своем.

– Пасть завали! – захрипел Илье охранник. – У меня башка от твоего бормотания трещит! Завали, я сказал, или кончу тебя тут! Все равно вас обоих кончать!

– Марина Ильинична, – зашептал тогда Илья неслышно для охранника, но отчетливо для Артема. – Маленькая Марина Ильинична. Бабка бы порадовалась.

А сможет Леха захватить Бессолова?

Провести его, пленного, через половину метро? Он ведь не обучен этому специально. Он брокер, а не боец и не убийца. Там, в радиоцентре, справлялся как-то, но там в него самого целились, и не нужно было ничего планировать, а только выжить, выкарабкаться.

Ничего, сможет.

Ветераны помогут. Он ведь им успеет все объяснить?

Успеет. На то и апостол. Он через все вместе с Артемом прошел. Его не надо убеждать, ничего доказывать ему не нужно. Сам все помнит, все чувствует.

– Меня не ебет, что не отвечает! Звони!

А вдруг уже взят Бессолов? Вдруг уже волокут эту гниду с мешком на голове к тайному входу в их зажравшийся бункер с полунищей Таганки? Только бы Гомер успел с листовками. Но если и без листовок... Он ведь тоже знает все... Если не удастся оживить типографию, он может и сам, и словом – людям все рассказать. Как тот Гомер, настоящий...

Поскреблись в дверь снаружи.

Вошли озабоченные и хмурые, трое: один брамин в халате, один военный чин в высокой фуражке с двуглавым орлом, и еще какой-то гражданский. Постучались к Мельнику, забубнили за дверью напряженно и слитно. Тоже требовали ответа на какие-то вопросы.

Вызревало там что-то на станции. Бродило, образовывалось, поднималось. И троим посланным к Мельнику хотелось это брожение непременно унять, оставить под крышкой.

Мельник отбrehивался рвано, зло.

Приоткрылась кабинетная дверь.

– Назначим заседание Совета Полиса. Мы молчать не имеем права! Пусть там все выступят. А потом население введем в курс. По итогам. А вы с вашим расколом... Сами как-нибудь!

– А если правда весь этот Рейх фальшивка, – перебивал их Илья. – Если Евгений Петрович сам фальшивка и предатель, если все там у нас фальшивое, то я что тогда, то мне зачем тогда, то за что Марину с хвостиком, и за что тогда Наринэ на колготках, и за что мне, и зачем. Они говорят, пиши, а что пиши, куда это можно такое записать, какими словами...

А у Артема рот гнилыми тряпками забит, нечего ему ответить, и даже попросить Илью Степановича помолчать нет возможности.

Прошелестел на выход нестриженный брамин, метя пыль халатом, следом за ним прошагал офицер, пахнувший старым потом и нестираным бельем, и неустановленный гражданский последним просеменил. Конец аудиенции.

– Дозванивайся!

Троица сдулась, уместилась в сжатый до спичечного коробка дверной проем в конце коридора, вышла к народу.

– Правду! – полыхнуло снаружи в распахнутую дверь.

Илья Степанович приподнялся вверх-вдоль по стене, потянулся к крику, подался весь ему навстречу, но шерстяной человек осадил его, вложил учителю кулак в солнечное сплетение.

И снова захлопнулось.

Вот: люди, наконец, хотели знать, а у Артема опять во рту вонючая тряпка. Ничего, теперь другие за него могут сказать. И сказать, и сделать. Разослал во все концы гонцов, теперь и подохнуть не так жутко.

Долетало: трое этих по очереди что-то баюкающее мурлычат проснувшейся толпе. Та кричала вопросы, ей колыбельных не хотелось.

Спасибо, Летяга, думал Артем.

Жалко, что ты умер.

Странно, что ты умер.

Как же ты – не будешь больше косить на меня своим глазом? Шутки не сможешь шутить? У кого мне кровью одолжиться теперь? Прости, что сомневался в тебе в самый последний момент, Летяга. Но ведь и ты во мне в самый последний момент сомневался.

Сомневался, а сказал все как надо; так, чтобы меня вытащить из петли.

Жалко, ты не слышишь, как там, на станции, люди просят правды.

Мы с тобой вместе им гермозатворы сейчас открываем: ты и я. Вместе выпускаем их наверх, наружу.

И где-то еще другие наши, заговорщики, делают свое. Печатает листовки Гомер, ведет Бессолова, приставив ствол к бледному виску, апостол – бункер распечатывать. Пускай тут Мельник мечется, бесится – пес без хозяина.

О чем они будут говорить на Совете Полиса? О том, как крышку поплотней прижать, привинтить? О том, как передавить всех бунтовщиков быстро, поодиночке, чтобы слухи о возрожденном мире не расползлись по метро?

– Звони! Куда хочешь звони! На Цветной!

Всех не передавят.

– Говори! – бушевало снаружи.

– Ты правду говоришь? – спрашивал Илья Степанович у Артема. – Это все, что ты Гомеру рассказывал? Правда?

Артем кивал ему. Что там у учительшки в голове плавилось, во что отливало?

Хозяин часов – два бегающих глаза в дырах – все чаще поднимал стрелки к лицу. Сюда, в предбанник приемной, через щели затекало из полковничьего кабинета предчувствие густеющей необратимости всего, что творилось сейчас в метро.

Снова думалось об Ане.

О том, какая у нее оказалась упрямая любовь.

Артем-то иначе изнутри был организован: почувствовал первый холод от Ани – и стал в ответ холодеть. Как будто не мог сам любви излучать, а только Анину любовь зеркалил своей вогнутой душой. Чувствовал на себе рассеянный свет внимания – собирал его в пучок и отправлял назад. Распалял ее им – и собирал еще больше тепла в ответ. А стоило Ане начать гаснуть – как и ему нечем стало расплачиваться. И так он мельчал, пока совсем не иссяк, не разверил, пока их будущее у него в уме не разохлось и не раскрошилось.

А у Ани сердце работало что ли наоборот, навыворот. Казалось, не нужен он ей уже – за его злонамеренную глухоту, за вредное упорство, за нежелание поступиться своими идиотскими мечтами и за пренебрежение мечтами ее. Может быть, она и думала отставить Артема первой. Жира на фитиле оставалось только покоптить. Но только лишь он ушел, она заново вспыхнула – ожесточенно, отчаянно. Так, что от жара ему глаза стало печь, захотелось ладонью закрыться. Закрывался – и нагревался все равно. Аня опять отражалась в нем – криво, смешно – но отражалась все четче и все ярче.

Странное топливо любовь.

– Не отвечает?

Сейчас, может, уже и некуда тебе, папаш, звонить. Достаточно времени прошло. Если апостолу повезло, если он точно все выполнил, бункер, может, уже взят и выпотрошен. Жирные

крысы уже выстроены в ряд на Таганской, в глупых своих костюмах, и отвечают, как школьники учителям, последний свой урок по географии.

– Анзор!

Зашел, смерив Артема с Ильей недобрым взглядом, Анзор. Выслушал лай Святослава Константиновича, выкатил его, прыгающего на вихляющей колеснице, в коридор.

– Этих что? – спросил который с часами.

– Пока не решил. После Совета, – не оборачиваясь, процедил Мельник.

Так и не дозвонился.

– Их тут?

– Да. Нет, постой. Давай со мной их. Могут пригодиться. Только глядите, чтобы молчали.

Взяли под мышки, подняли с пола – и заклеенного Артема, и обмоченного Илью. Вывели на сияющую Арбатскую. Клином встали, распахали толпу. Маршем двинулись через всю станцию, с вызовом. Глохли, а не слышали, как люди им кричат.

Совет Полиса заседал тут же; поэтому и Мельнику кабинет на Арбатской требовался. Подошли к дверям.

Все построение осталось снаружи, Артема с Ильей на Совет тоже не позвали; Орден вернулся ежом, оцетинился, закрыл вход от ротозеев. Мельник с Анзором вошли, проследовали еще несколько запоздалых браминов, и двери закрылись.

– Говорят, приняли сигналы какие-то... – шуршало вокруг.

– Мы вроде не единственные выжили...

– А где еще? Кто? Кто сказал?

– Вот выйдут, будет ясно. Совещаются.

– Да как такое может... Столько лет молчали... И тут – нате...

– Орден узнал. Стычка была – говорить или нет.

– А эти кто? На скамейке? Связанный – кто?

– Террористов взяли. Скоро скажут.

Артем не видел шептавшихся. Видел вместо них черные одинаковые спины, наплечные ремни бронежилетов, шерстяные затылки, широко расставленные бутсы. Но чувствовал их: от их любопытства воздух звенел, кислород сгорал, стены ближе придвигались. Их здесь были сотни. Пускай попробует Мельник их заставить ждать с ответами.

Вдруг зашумело.

Кто-то проталкивался сквозь давку – умело и решительно.

– На Совет! Дорогу!

В оцеплении тоже смутились. Сначала схватились друг за друга крепче. Потом качнулись в сомнении.

Голос Тимура, что ли? Летяги и Артема товарища. Он же раскольник, Тимур... Он ведь отходил вместе с Лехой, с Гомером, с вырученной Аней! Почему он тут? Почему вернулся? Он же сейчас бункер штурмует. Или взял его уже? Принес на заседание Совета бессоловскую срубленную голову?

– Дорогу! По приглашению Совета!

Оцепление прорвалось – пропустили в круг Тимура, и еще с ним – Князя и Луку; оба из старого состава. Тимур заметил Артема на скамейке, кивнул ему, но вступаться не стал. Прошел внутрь. Лука с Князем остались караулить.

О чем говорят? За что торгуются? Тянут время? Ставят ультиматумы? Клянчат прощение? Голову на блюде изучают?

Внутри стояла тишина.

Не перетравили ли их всех там?

– Дорогу! Дорогу! На Совет!

Кто на этот раз?

Толпа теперь расступалась не с такой охотой, не с таким уважением, роптала: а чего это мы должны? Артем вытянул шею.

Черное кольцо для этих людей разошлось тоже не сразу.

Не сразу он увидел.

Первым за кордон шагнул – Бессолов.

Живой. Бледный, сосредоточенный, молчаливый. За ним возник Леха-апостол. Алексей Феликсович Артема окинул сумрачным взглядом, здороваться не стал. Леха, наоборот, кивнул. Внутри зашли оба. Заложника апостол привел? Еще были с ними двое орденских, остались снаружи.

Артем вскочил с лавки, стал кричать в тряпку свои вопросы. Ему дали под колено, чтобы он обратно упал, и он упал. Лука с Князем шикнули на того, кто подсекал, каждый схватился за кобуру.

Погодили – и отпустились.

Все сейчас за дверями решалось, а не тут.

Душно совсем становилось – как на Комсомольской, как перед самыми пулеметами. Люди наседали, оцепление сжималось медленно, хотя и не имело права сдавать позиции. Бронзовые люстры, двухметровые обручи в полтонны, казалось, на своих цепях покачиваются будто на ветру – столько народу в унисон тут вдыхало и выдыхало.

Вдруг.

Чужой звук пролетел по станции. Кашель.

Бойцы в оцеплении вскинулись, толпа замолчала, все стали озиаться. Кашель дробный, из многих сразу динамиков. Тут, оказывается, тоже была своя система оповещения.

– Проверка. Проверка. Раз. Раз.

На всю станцию – глубоким таким, приятным голосом.

– Уважаемые граждане. Просим вашего внимания. В скором времени будет сделано важное сообщение. Не расходитесь.

– Правду давай! Правду говори! – закричали в ответ невидимому диктору.

Но тот, прочистив горло, затих.

– Что-то важное...

– Неужели действительно...

– Обалдеть...

И только когда время совсем уже остановилось, двери распахнулись. В черный круг вышел деловитый толстяк в коричневом костюме; глаза у него были застеклены, широкий лоб горбатым мостом перекидывался к затылку. Помощник подсадил его – толстяк взобрался на мраморную скамью рядом с Артемом; так толпе его стало видно.

– Председатель... Совета... Сам...

Потом появились в проеме Мельник с Анзором, а за ними – Тимур. Разошлись в разные стороны от скамьи.

Толстяк сморкнулся. Сопливым платком утер потный лоб. Им же почистил линзы, вернул очки на переносицу.

– Граждане. Сегодня мы здесь собрались. Поводом стало довольно неприятное событие. Внутри многоуважаемого Ордена, который призван нас с вами оберегать... Так сказать, разногласие. Вернемся к этому позже.

– Хватит юлить! Как есть давай!

– Да. Конечно. К существу вопроса. Дело в том, что нами было установлено. Это, конечно, просто невероятно. Но у нас есть неопровержимые доказательства. Которые мы своевременно предъявим, можете не сомневаться. Так вот. Нами достоверно установлено. Что Москва – не единственный город, уцелевший в Последней войне. Нами был осуществлен радиоперехват трансляции.

Толпа онемела. Звук умер – весь прочий звук, кроме нудного прелого голоса человека в коричневом.

Артем немой смотрел на него снизу вверх, как на оракула. Как на Летягу перед выстрелом. Как на святого.

– Мы готовы дать вам ее прослушать. Но вначале пара слов. Для меня лично, как и для всех вас, это настоящий шок. Дело в том, что трансляция исходит с другого берега Атлантики. Дорогие. Граждане, товарищи, братья. Вы понимаете, что это означает. Это означает, что враг, который уничтожил нашу страну. Который свел в могилу сто сорок миллионов наших соотечественников. Родителей, детей, жен, мужей. Этот враг жив. Недобит. Что война не кончена. Что никто из нас больше не может чувствовать себя в безопасности. В любой момент по нам может быть нанесен новый, последний удар. Если мы хоть как-то обнаружим свое присутствие.

Артем замычал, заревел, соскользнул со скамьи и упал на холодный пол.

– Все эти годы нас спасало только одно. То, что мы жили в метро. То, что мы были убеждены, что поверхность не приспособлена. Для нашей жизни. Благодаря этому мы уцелели. И теперь. Это наш единственный шанс выжить дальше. Я знаю. Это звучит страшно. В это трудно поверить. Но я прошу вас поверить. Совет Полиса просит вас. Послушайте сами. Это запись, которую мы сделали сегодня. Вещает Нью-Йорк.

Динамики очнулись снова. Чихнули.

– Кхххх... Иииииуу... Шшшш...

И загремела песня. Странная, нездешняя: на чужом языке под барабаны и уханье, под фанфары и горны, в ломаном ритме мужской голос стал причитать-прочитывать не то гимн, не то марш. Ему вторил женский хор. Безудержной силой фонила эта песня. Вызов в ней был. И злая радость. И дикая жизненная энергия.

Под нее можно и нужно было двигаться, танцевать – разнузданно, вольно.

Но никто в огромном белокаменном зале под полутонными венцами-люстрами не мог шелохнуться.

Люстры покачивались, как от землетрясения. Люди вдыхали бой барабанов и выдыхали чистый ужас.

– Как вы видите... Слышите... Сами... Вот такая пещерная, животная музыка... То есть, в то время, как мы терпим лишения. У них продолжается разгул. И при этом есть данные. Что они сохранили свой ядерный потенциал. Это враг, который стократ опасней. Нам еще только предстоит осознать. Наша жизнь вряд ли теперь будет прежней. Это начало новой эпохи. И в этой связи... Вот заявление. Подойдите.

Тимур – черный с проседью, узкий и жилистый, приблизился к коричневому председателю. Наклонился к Артему, помог ему присесть. Потом забрался на скамью.

– Ветераны Ордена возмущены самоуправством нашего бывшего командующего, полковника Мельникова. Наш товарищ был убит его прихвостнями вместо честного суда. Приносим извинения гражданам Полиса за беспорядки. Объявляем о выходе из состава формирования. Отказываемся подчиняться приказам полковника Мельникова.

Тимур говорил отрывисто, сипло, прокуренно. Лучший разведчик Ордена. Летягин старший товарищ и учитель. Что он готовит?

– База Ордена на Смоленке остается за нами. Проведем честные выборы нового командования. Однако считаем, что в новых обстоятельствах продолжение конфликта недопустимо. Поэтому, как новое формирование, приносим присягу напрямую Совету Полиса. Клянемся в верности и обязуемся защищать Полис. От любых врагов. Явных и тайных.

Он развернулся к коричневому и козырнул ему.

Сначала один хлопок раздался, потом другой; потом – как расходящийся ливень, зашестелело, затрепетало, забарабанило.

– Браво! Ура! Слава!

– Идиот! – с заткнутым ртом орал Тимуру Артем. – Идиотина! Нет никакого Полиса! Нет никакого Совета! Ты просто другой голове клянешься! Не верь им!

Тимур посмотрел на него, кивнул.

– Мы тебя у них вырвем еще, Тем. Мы еще бок о бок биться с америкосами будем.

– Не согласен с постановкой вопроса, – тяжело сказал Мельник со своего гнutoго кресла. – Но готов закрыть глаза. Не стану считать это бунтом. Временные разногласия, так скажем. Когда Родина в опасности, мы не имеем права на дразги. Решать будем путем переговоров. Наш Орден и так заплатил уже слишком высокую цену. Я тоже приношу присягу от лица Ордена – Совету Полиса. Считаю, что время междоусобиц прошло. Мы больше не имеем права уничтожать друг друга. Красные, фашисты, Ганза... Мы все прежде всего русские люди. Об этом надо помнить. Нам угрожает наш извечный враг. Ему все равно, во что мы верим. Стоит ему узнать, что мы еще живы, и он уничтожит нас всех, без разбора!

Люди внимали, впитывали; никто не спорил и даже шептаться не смел. Артем перенес вес вперед, встал на колени. Качнулся, сумел подняться. И прежде, чем зачарованные Мельником охранники поняли что-то, с короткого разгона – теменем боднул Мельника в висок, заваливая его вместе с коляской на землю.

– Держите его! Держи!

Принялись бить, а он старался ногами зацепиться за шею старого идиота, задавить его, задушить. Выбили зуб, выпал кляп.

– Врешь! Врете! Суки!

Через стиснувшуюся толпу было не пробиться, и черные стали втягивать Артема внутрь, за двери. Мельника поднимали, отряхивали.

– Говнюк мелкий. Перхоть. Я тебя в пыль. В порошок. Дрянь. Тебя и суку эту неблагодарную. Оба будете висеть. Плесень. Вранье. Все вранье.

За него объяснял Тимур.

– Это арестованный диверсант. Есть основания думать, что шпионил. Пытался демаскировать нас. Проверяем.

Наконец полковника водрузили на каталку, а Артема протащили внутрь. Там, за дверями, начинался длинный коридор с многими выходами. Артема бросили сразу.

Уже оттуда, в припадке, он слушал.

– Да, Святослав Константинович, – качнул тяжелой залысой башкой коричневый председатель. – Вы сказали золотые слова человека, который знает цену человеческой жизни. Я с вами тут и везде полностью солидарен. Я предлагаю сегодня же отправить наших дипломатов на Красную Линию, в Ганзу и к представителям Рейха. Усадить всех за стол переговоров. Покончить с теми разногласиями, которые нас все эти годы. В конце концов, не такие уж мы и разные, экхм. Мы должны сейчас сплотиться. Объединить усилия. И вместе, сообща – мы, вы – защищать метро. Наш единственный, наш общий дом. Наш единственный дом на грядущие десятилетия, если мы хотим выжить, наш священный дом на века!

– Не такие уж и разные, – с ужасом повторял за ним Илья Степанович. – Мы не такие уж и разные. Мы и они. Прежде всего русские люди. Сплотиться. Зачем. За что. К представителям Рейха. Наринэшка.

Но толпа сжевала его бубнеж. Примятая, пришибленная поначалу откровением, она сейчас начинала распрямляться, понимать, обдумывать то, что в нее было заправлено.

– Америкосы... Все это время... Музыку... Жируют... Танцуют... Звериные... Но ощущение было всегда... Хипхоп свой черномазый... Мы тут говно жрем... А они нас и говна нашего лишить... Последнее, что осталось... Я знала, знала... Не дадут нам покоя... Ничего, переждем... Перетерпим... И не такое... Ничего, может, и не поменяется...

– Как вы знаете, времена и без того непростые, – продолжал поверх всех них коричневый. – Грибная хворь истощила запасы. Придется затянуть пояса потуже. Но, объединившись, мы сумеем... Наша великая держава! Наш народ неоднократно!

Ему приходилось перекрикивать растущий гомон. Люди наконец смогли пережевать и заглотить правду, которую хотели услышать.

Артем, перемолотый, сидел у стены и сосредоточенно сглатывал невкусную теплую кровь. Щупал языком гнезда от потерянных зубов.

Где-то в коридоре показался вдруг Бессолов. Из совещательной комнаты вышел? За ним шагала Леха-апостол.

– Убей его! – засипел ему Артем. – Это он! Он их!

– Это кто? – не узнал Артема Алексей Феликсович. – А тут есть другой выход? Через толпу опять неохота.

– Пящ забыл, – сказал ему Леха. – Вот, давайте помогу.

– Леха! Леха! Ты... Что... Ты же... Должен...

– Догоняй! – Алексей Феликсович споро зашагал в противоположную сторону.

– Съушай... Я знаешь, ъешиѡ... Мы так не добьемся ничего... Если пѡсто убить. Систему изнутѡи надо менять! Постепенно. Ѣевоѡюция – не наш метод. Понимаешь? – как будто бы извиняющимся тоном через плечо объяснил Артему Леха. – Меня вот он взял в ѡфеѡнты. В помощники. Буду постепенно... Изнутѡи... Из бункеѡа...

– Говноед ты! – сорванно захрипел ему Артем. – Ты за бункер?! Ты за жратву?! Ты меня – за жратву?! Нас?! Всех?!

– Каких нас?! – обозлился Леха. – Кого – нас?! Нет никаких нас! Никому это не нужно, кѡме тебя! Ты сдохнешь щас, а я еще ѡулить буду!

– Алексей! – окликнул его Бессолов. – Долго ждать? Так-то ты службу начинаешь.

Не плюнул в него Леха на прощание, не пнул. Развернулся и побежал Бессолова догонять. Шваркнула дверь, сунулся внутрь Тимур.

– Идти можешь?

– Не хочу.

– Вставай! Пока они там выступают. Давай!

Дернул Артема за шкурку белой официантской рубахи, затрещал ворот. Поставил его на ноги, дал о плечо опереться.

– Я с вами! – зашептал молитвенно Илья Степанович. – Меня заберите! Я с ними не хочу! Не надо!

– Здесь выход еще один. Давай пока туда. Старик очухается – тебе хана. Потом не вытѡщим.

– Куда?..

– На Боровицкую. Там Анька ждет. Оттуда на Полянку. Ну и дальше. Тебе есть где спрятаться?

– Дома. Аня... С ней все хорошо?

– Ждет же! Куда вас?

– На ВДНХ. Не надо на Полянку. Мне на Чеховскую надо, в Рейх.

– Зачем?! Какая еще Чеховская?!

– Там Гомер. Мне к Гомеру.

– Эй! – выглянул из заседательного зала патлатый брамин. – Вы это куда?!

– Тимурчик. Ты-то понимаешь?.. Невидимые наблюдатели. Они нас тут держат. Вам всем врут. Врут. Они – нас!

– Слышь, Тем... Не вешай мне. Я в политику не хочу лезть. Я солдат, точка. Офицер. Тебя бросить не могу тут. Но ты меня этой херью своей не зомбируй. Давай лучше друзьями останемся.

Как с ним? Как с ними со всеми?

Еще есть шанс. Людям доказать. Пока они по сучьему своему радио лгут. Надо добраться туда, на Чеховскую. Помочь напечатать. Помочь раздать.

Прошли втроем коридорами-переходами, двери крашенные стучат, какие-то люди навстречу, удивляются Артемову костюму и исковерканному лицу, Илья Степанович сзади шагает упрямо, свет моргает, крысы брызжут из-под ног; наконец – креозотом в лицо дохнуло. Уютом. Вот она, Боровицкая.

– Сейчас, благоверную твою найду... И на Полянку.

– Не на Полянку. На Чеховскую. В Рейх.

– С ней обсудишь. Сиди тут. Нашим на глаза не попадайся только, ясно?

– Буду. Я тихо. Спасибо, Тимурчик.

Сел за длинный дощатый стол. Сложил изодранные руки перед собой.

Огляделся: вот любимая его во всем метро станция.

Темно-красный кирпич, креозот в воздухе как смола – сладкий и копченый, домишки-кельи, абажуры тряпичные, музыка откуда-то играет нежная, струнная, люди в забавных халатах бережно листают дряхлые книги. Ведут шепотом разговоры о прочтенном, и в прочтенном живут, совсем не нуждаясь ни в верхнем мире, ни в нижнем.

Где та келья, в которой Артем ночевал у Данилы, своего друга на день и на всю жизнь? Кем-то другим занята.

– Гомер?

Он поднялся.

Знакомый силуэт.

– Гомер!

Откуда – тут? Как? Почему?! Разве не на Рейхе?

Поднялся, поковылял... Потер глаза. Старик был увлечен: осматривал пустую келью. Юный брамин с никогда не бритыми глупенькими усиками показывал ему комнатку, давал наставления, ключи вручал.

Обознался?

– Стол здесь, правда, некуда поставить, но можете вместе со всеми работать... Зато для книг полки вот... Единственное – с животными у нас нельзя. С курицей вам придется распрощаться.

– Это обязательно?

– Обязательно.

– Ну что ж...

– Гомер!

Старик обернулся.

– Деда... Ты что тут... Ты как сюда... Тебя наши спрятали? У тебя получилось... С типографией? Вышло? Работают станки? Бумага не намокла?

Гомер смотрел на Артема как на покойника – печально и отстраненно.

– Почему ты молчишь? Получилось? Покажи!

– Артем.

– Вам что нужно? – запальчиво влез усатенький.

– Где листовки, дед? Ты был на Чеховской?

– Мне охрану позвать?

– Не нужно, – покачал головой Гомер.

– Подожди. Почему ты не был там? Они тут на Арбатской устроили митинг, стали зати-
рать людям... Обычное это свое. И все верят...

– Это не мое, Артем.

– Что?..

– Я не могу заниматься вот этим.

– Чем? Чем – этим?

– Пропагандой. Листовки печатать. Революционная деятельность вся эта... Я старый уже для такого.

– Ты даже не был там? На Чеховской?

– Не был.

– Почему?

– Я в это не верю, Артем.

– Во что? В глушилки? В Невидимых? Во что?! В мир наверху?! В то, что тут внизу зря все?!

– Не верю. Что людям нужно это. Что люди хотят это знать.

– Это – правда! Правда!!! Людям – нужна – правда!!!

– Не кричи. Какую правду я им должен рассказать?

– Всю! Все, что ты видел! Все, что я видел! Про женщину, которой голову арматурой! Про сортир его! – Артем мотнул своей головой, почти отвалившейся уже, на Илью Степановича омертвело, притаившегося за ним и сюда. – Про то, как в спину стреляют своим! Как младенцев за хвостик усыпляют! Как за болтовню людям в лоб палят! Как без защиты гонят строить ветряки! Чтобы для глушилок электричество было! Про глушилки! Как их, мертвых, собаки жрут!

– Это разве правда? – спросил Гомер.

– А что это?!

– Это чернуха, Артем. Они, думаешь, и так этого не знают всего? Они живут в этом. Они не хотят об этом помнить, им еще и читать такое только не хватало. Может, мне и про жизнь людоедов писать? Или как партийная верхушка сироток растлевает? Что в Ганзе, что на Красной Линии.

– При чем тут это?!

– Это правда тоже. Такое людям хочется читать? Такое им нужно? Не надо их этим дерьмом пичкать. Им герои нужны. Им миф нужен. Им красота в других необходима, чтобы самим оставаться людьми. Что я им расскажу тут? Что какая-то кучка бюрократов правит ими спокон веков? Что они зря торчат в метро? Что ничего тут не поделать? Это паранойей отдает. Мрак. А им нужен – свет! Они ищут его. Хоть от свечного огарка. Хоть какой-нибудь проблеск. Ты им о чем хочешь сказать? Что они все – рабы? Ничтожества? Бараны? Никто тебя не будет слушать! Вздернут! Распнут!

– А ты – что им?! Вместо правды?!

– Я им? Я вот... Легенду им. Об Артеме. Который был таким же простым парнем, как и каждый из них. Который жил на окраинной станции под названием ВДНХ. И чей дом вместе со всем прочим метро подвергся жуткой опасности. От кошмарных чудовищ, живущих на поверхности, и пытающихся лишить загнанное в угол человечество последнего пристанища. О том, как этот паренек проходит через все метро, как он закаляется в боях, как становится из недотепы – героем. Как спасает человечество. Вот эта история людям понравится. Потому что она про них, про каждого. Потому что она красива и проста.

– Ты это собираешься? Это? А все, что сейчас?..

– Это политика, Артем. Это пропаганда. Это борьба за власть. Это слишком быстро пройдет. Все поменяется. Я не хочу писать памфлеты, они сразу же после написания тухнут.

– А что ты хочешь?! Вечное?!

– Ну... Вечное – это громко...

– Я тебе запрещаю про меня писать. Запрещаю. Понял?!

– Как? Это не тебе принадлежит уже. А человечеству.

– Я не хочу сахарным петушком в твою петушиную книжку!

– Ее люди прочтут. Узнают о тебе.
– Да мне насрать, узнают люди обо мне или нет! При чем тут это?!
– Ты молодой, Артем.
– При чем – тут – это?!
– Не надо так... Со мной. Ты герой. О тебе узнают. От тебя останется слово. У тебя дети еще будут, может. А обо мне? Мне как быть? Что от меня останется? Листовка безымянная? Ключок бумаги?

– Постой... Они тебе... Тебе тут комнату дают... Они тебе комнату дают?!
– Создают условия для работы.
– Условия для работы. Ты для них это писать будешь? Для Бессолова?! Про меня?! Они тебя как купили?!

– Они – меня или я – их? Будет книга. О тебе. Настоящая книга, и приличным тиражом. Что тебя не устраивает, никак не пойму?

– Артем! – Анин оклик.

– Спроси у Ильюши. Он скажет тебе. Кто от такого откажется? Настоящая книга, моим именем подписанная! Не учебник для людоедов. Миф. Легенда. На века.

– Они нас топят в дерьме. Они нас как скотину. Как стройматериал. За людей нас не... А ты... Ты же помогаешь им... Ты... – и тут накрыло взрывной волной; понял; от понимания контузило; голос пропал совсем, и Артем дальше беззвучно уже высекал из воздуха, только на выдохе горлом чуть присвистывая. – Блядь. Он прав же. Он же во всем прав, мразь эта. Ведь нету никаких «нас» и никаких «их». Вот она, гидра. Мы сами – гидра. Они же из нас и состоят. Вся аристократия сто лет назад расстреляна. Кого винить? Некого. Мы же это сами с собой так. Они там, в бункере – из кого набраны? Из нас. И теперь... Ты, Леха... Как ее победить, гидру? Никто и не думает с ней всерьез рубиться. Каждый только и мечтает – свою голову ей предложить, одной из ее голов стать, сам говорит – на, кусай, забирай меня, хочу в тебя, хочу с тобой. Ни одного геракла, зато из голов целая очередь. Какая власть... При чем тут власть... Господи, какой я идиот... Знаешь, что? Пиши, дедуль. Печатайся. Долгих лет тебе. Господи, бля...

Его разбирал смех.

Боялся разрыдаться, а изо рта наружу смех полез, как пена у бешеного.

– Артем!

Он увидел Аню. Встал перед ней на колени.

– Прости меня.

– Артем, что с тобой?

– Что, на Чеховскую, правда? – спросил Тимур. – Туда вот-вот фашисты вернутся. Может, Полянка все-таки?

– Нет. Открой герму. Наверх. Наверх пойду.

– Что?!

– Артем!

– Открывай герму! Открывай!

– Артем, что с тобой?

– Пойдем наверх, Анечка! Наверх! Наверх.

Глава 23. Свои

– Вон они! Вона!

Через решетку перил, снизу вверх почудились, нет, не почудились черные бутсы.

– Беги!

– Открывай ворота! Открывай, говорю!

– Ты с винта, что ли?.. Ты без химзы...

– Я – нормальный! Ну?! Сдохнем тут из-за тебя, кретина! Ну!!

– Где он?! Где они?!

– Дай руку! Не выпускай!

– Я с вами. Я с вами. Я не хочу тут.

– Хер с тобой... Куда хоть там-то? Что тебе наверху?!

Переворачивая столы, перепрыгивая через скамьи, опрокидывая квохчущих браминов, помчали в обратный конец станции. Орденовские высыпали из перехода, раскатились по платформе свинцовой дробью.

Долетели до гермоворот, ткнули охране ствол в рыло, завертели винты-запоры, потянули тонну стали по рельсам: стало отходить без желания в сторону; втиснулись в щель, взлетели по ступеням.

Откуда в Артеме остались силы? Откуда – жизнь?

Гнались за ними. Грохотали по граниту. Шли по пятам. Стреляли на бегу, но на бегу и мимо. Галдел разоренный курятник. Замерла створа ворот. Щель оставалась узкой – за кулисы. Сквозь нее лезли бойцы в черном, а брамины от нее жались подальше, чтобы не получить чужую дозу.

Высочили в вестибюль: Артем, Аня, Тимур и Илья. На выигранную секунду успели взломать наружную дверь, вывалиться голыми в стильную московскую ночь.

– Тут что?!

– Здесь... Здесь оставили... Погоди... Вон она! Руку. Туда!

Пригибаясь – бегом вдоль молчащей Библиотеки, где Артем когда-то страх оставил; под ее незрячими окнами, под слоновьими тумбами ее колонн, по отставшим от стен мраморным плитам. Черные сзади вылетели следом из вестибюля Боровицкой, похожего на вход в усыпальницу. Засомневались – по улице без защиты.

– Наглотаемся сейчас! Тут фонит – знаешь, как...

– Вот. Здесь. Она? Она!

Савелия отбуксированная японка. Брошенная, когда Летяга отлучал их от глушилок. Когда? Сто лет назад; Савелия нет – его люди снесли и утоптали на Комсомольской: в первый же день своей службы в Ордено погиб и пропал без вести. А машина его – вот. Стоит, ждет хозяина.

Артем подергал ручки по кругу, влез через забытый багажник. Под пассажирским ковриком – запасной ключ. Савелий сказал на Комсомольской. Завещал как будто. Вставил ключ, крутанул. Ожило.

От Боровицкой отделились все же, решились, черные фигуры.

– Внутрь давайте!

– Куда вы?!

– На ВДНХ! К своим. Домой. Рассказать им!

– Я – нет. Я остаюсь. Что мне там? Я с ними договарюсь!

– Лезь в машину, идиот!

– Это же наши! Я договарюсь. Постой... Забыл. Вот. Твое? Отдали.

Достал – черно-серый, тусклый – наган.

– Мое.

Сунул Артему в открытое окно.

– Спасибочки, бля.

– Все! Езжай!

Тимур поднял руки, развернулся и зашагал к бегущим навстречу черным бесам. Артем перекрестил его мысленно. Вжал газ.

От Охотного ряда, от Тверской ветер принес сгусток звука: рык мотора.

Рванули с места. Развернулись с визгом, резина задымила. Аня – слева, на переднем пассажирском; Илья Степанович, хвост не пришитый, сзади болтается. Задраили окна.

В зеркале заднего вида безгласно, как тряпичный, повалился на землю Тимурчик, упал поднятыми руками вперед. И туда же, в его черную рамку, еще через секунду влетел бронированный внедорожник.

Тормознул у тела. Потушил фары. Уменьшился. Растворился.

Неслись по Воздвиженке, по всем местам, где Артем сотню раз хаживал: а теперь – в последний раз. Глядели порошне с обочин вслед мчащейся японке чьи-то выклеванные черепа, выеденные здания, высохшие деревья.

И обглоданной луной было чуть подсвечено пустое небо. В небе было звезд наколочено, как в ту ночь, когда Артем вышел с Женькой наверх, хитростью заставив его и Виталика отпереть гермозатвор на Ботаническом саду.

– Помнишь, Жень?

– Хватит, Артем. Пожалуйста.

– Прости. Я больше не буду. Правда.

Мигнуло-кануло Министерство обороны из костяно-белой извести, прошмыгнул склепик станции Арбатская. По правую руку стояли прямо и узко высотки в двадцать с чем-то этажей, похожие на бойцов, забытых на победном параде. По левую шли дурацкие и величественные растопыренные дома Калининского, с самыми большими в какой-нибудь Европе рекламными экранами, теперь выгоревшими дочерна. Часовые отдавали Артему честь. Экраны показывали ему его прошлое и его будущее.

– Как дышится? – спросил он у Ани.

– По-другому.

Вспомнил, как тут был в первый раз – два года назад. Как тут все было иначе. Тогда была тут жизнь – выморочная, чужая – но копошилась. А теперь...

Артем поглядел в зеркало. Показалось, что где-то вдалеке преследует их сгусток темноты; показалось?

Повернул круто, с визгом, на Садовое, и по Садовому пошел в прогрызенной колее, мимо посольства Соединенных Штатов, сожженного на костре, мимо высотки на Краснопресненской – для нежити построенной, с колом на крыше, мимо основательных гранитных домищ, в честь чучела названных «сталинками», мимо площадей-бомбовых кратеров, мимо переулков-траншей.

Смотрел и думал: мертвое к мертвым.

– Домой? – спросила Аня.

– Домой, – ответил ей Артем.

Праворукая пуля-японка выскочила на Проспект Мира; нарушил разметку, погнал на восток. Проскользнули под эстакадой – пересечением с Третьим кольцом; вынесло на мост над железной дорогой, проложенной где-то по самому дну темноты. Еще немного – и поднялась над деревьями застывшая в небе ракета, музей глупой космонавтики, сигнал о близком ВДНХ.

Снова причудилось позади движение. Даже обернулся на секунду; и чуть не влетел в скособоченную фуру, еле успел отвернуть.

Шныряя между ржавыми консервами, знакомой тропой выбрались к входному павильону – к родной станции; машину загнал за киоск обмена валюты – железный куб. Спрятал.

– Быстро добрались. Может, и не очень большая доза, – сказал Артем Ане.

– Ладно, – ответила она.

Вылезли, прислушались... Где-то рычало вдалеке.

– Бегом.

Пробрались в вестибюль – Артем бросил последний взгляд сквозь пыль на плексигласе – преследуют? Нагнали?

Кажется, нет. Если и гнались, отстали.

Верхний гермозатвор открыт; надо вниз по эскалатору, на полсотни метров в глубину. Внизу – ни зги, но Артем эти ступени за год наизусть выучил. Илья споткнулся, полетел было уже носом в ступени и дальше – хребет ломать, еле его поймали.

Наконец ступени кончились. За короткой площадкой начиналась стальная стена – гермоворота. Артем вслепую и точно шагнул влево, с ходу нащупал на стене таксофонную трубку на металлическом шланге, первую из двух.

– Открывай! Это я, Артем!

Трубка глухая была, как будто провод оборван. Как будто он в один из тех домов снаружи звонил, а не на свою живую станцию.

– Слышите?! Это Артем! Черный!

Эхо от его голоса звенело в угольной пыли, в тоненьких металлических пластиночках. Другого звука в трубке не имелось.

Артем нашарил Анины пальцы. Сжал.

– Все нормально. Просто спят.

– Да.

– Когда ты уходила, все ведь было...

– Все в порядке было, Артем.

Илья Степанович трудно, громко дышал.

– Не надо так глубоко, – посоветовал ему Артем. – Фон же.

Повесил трубку. Снова снял. Приник к холодному пластмассовому кругу.

– Але! Это Артем! Откройте!

Никто не собирался им открывать. Как будто некому было.

Он подошел к стене, стукнул кулаком по железу. Плохо вышло, неслышно. Тогда вспомнил о револьвере. Взялся было за ствол, чтобы рукоятью врезать по стали. Одумался: вдруг заряжено? Вытащил барабан. Пощупал. Почему-то было в нем вставлено два патрона. Выдавил их, опустил в карман.

Стал бить наганом в железный занавес, как в колокол. Бомм! Бомм! Бомм!

Вставайте, люди! Просыпайтесь! Оживайте! Ну?!

Прижался ухом к стене. Есть кто?

Снова: бомм! Бомм! Бомм!

– Артем...

– Должны быть!

Опять схватил трубку, повесил на рогатину, снял.

– Але! Але! Это Артем! Сухой! Откройте!

Там нехотя что-то заворочалось.

– Слышите?!

Кашлянули.

– Открой ворота!

Наконец сказали:

– Какое еще, на хуй? Ночь!

- Никицка?! Открывай, Никицка! Это Артем! Открывай!
- Открывай, Никицка, жри фон. Да? Хуль ты там забыл опять?
- Открывай! Мы без защиты тут!
- А вот не хер потому что!
- Ну вот я отчиму скажу... Зараза ты...
- Там сморкнулись.
- Ладно...

Железная стена лениво, равнодушно поползла вверх. Стал свет. Вошли в буферный отсек: краник в стене, шланг валяется. Еще трубка.

- Буфер открой!
- Сполоснись сначала! Дерьмо всякое тащить...
- Как? Мы голые тут!
- Мойтесь, говорят!

Пришлось обхлестать и себя, и Илью Степановича, и Аню холодной водой с хлоркой. На станцию вошли вымокшие и замерзшие. Пахнуло сразу навозом, свиньями.

- Спят все. Сухой спит. Ну и наряд у тебя.
- А нам куда?

– Палатка ваша свободна, – Никицка поглядел на них, продрогших цуциков, смягчился. – Ждали вас. Погоди, тряпок дам вам обтереться. И идите, лягте. Завтра утром разберешься.

Артем хотел заспорить, но Аня взяла его за руку, потянула за собой.

Правда, решил он. Вломился ночью без химзы с улицы, еще не хватало всю станцию перебудить. Точно примут за полоумного. Ничего, особой спешки нет. Пока от Полиса сюда доползет...

- Скажи только дозорным, чтобы чужих на станцию не пускали. И сверху, – он вспомнил про сгусток. – Сверху тоже чтобы никого больше. Хорошо?
- Доверься мне, – осклабился Никицка. – Чтобы я еще ради такого хоть раз проснулся!
- Ну все. А, и этого вот товарища определить надо куда-то, – Артем вспомнил на Илью Степановича. – Отчиму все объясню с утра.

Илья Степанович остался с Никицкой, похожий на брошенного пса. Но это не Артема была беда, не он этого человека приручал и не он его бросил.

Их палатка действительно была свободна. Никто на нее не позарился? Наверняка покушались уже, но Сухой отстоял. Полезно быть начальству хотя бы и пасынком.

Зажгли фонарик, поставили лампой в пол, чтобы соседей не будить. Переоделись в сухое, что было. Друг на друга голых не смотрели. Было стыдно и неловко. Сели на матрас по-турецки.

- Выпить осталось? – шепотом спросил Артем. – У тебя было.
- Осталось. Я докупала, – шепотом ответила Аня.
- Дай?

Пили по очереди, прикладываясь к сколотому горлышку. Брага была скверная, со злым духом, со взвесью на дне – но исправная. Отвинчивала вкрученную в плечи голову, ослабляла привычную уже судорогу в спине, в руках, в душе.

- Я поняла, что без тебя не могу.
- Иди сюда.
- Правда. Я попробовала.

Артем сделал большой глоток – не влезло в горло, ожгло гортань, закашлялся.

– После нашего разговора... в Полисе. Меня папаша твой отправил на Комсомольскую. Патроны красным подарить. Чтобы бунт... Там голодающие... Восстали. И... Я к ним туда попал случайно. К красным. Мы – все. Тысяч, не знаю сколько, народу. И их – из пулеметов. Мне там... Женщина какая-то... Меня попросила сына поддержать. Лет пяти-шести. Я взял его

на руки. Ее убило. И я подумал тогда: нам с тобой придется этого мальчика усыновить. И через минуту его тоже.

Аня забрала у него бутылку. Глаза у нее блестели.

– У тебя руки холодные.

– У тебя губы холодные.

Пили молча, по очереди.

– Мы теперь тут будем жить?

– Я им должен рассказать всем. Сухому. Всем. Нашим. Завтра. Спокойно. Первым, пока им другие все по-своему не рассказали.

– Думаешь, они тебе поверят? Они никуда не пойдут, Артем.

– Посмотрим.

– Прости.

– Нет. Не надо. Это я... Я.

– У тебя даже язык холодный.

– Зато у меня сердце горячее. А ты вся в мурашках.

– Давай сюда свое сердце. Хочу согреться.

* * *

Проснулись поздно – и одновременно.

Наконец оделся в обычное: свитер, вытертые джинсы – вместо постылого официантского костюма. Сунул ноги в калоши. Подождал, пока Аня оденется.

Выползли из палатки – улыбаясь. Соседские тетki глядели на них с осуждением и завистью. Мужики предлагали угоститься куревом. Артем поблагодарил, взял.

– А где Сухой? – спросил он у случившейся Дашки-Шубы.

– Сюрприз тебе готовит. Ты что ж, облысел, что ли? Говорили тебе!

– Где?

– В свинарнике.

К отчиму пошли вместе.

Хлев находился в туннельном тупике. Дошли до конца станции, здороваясь со всеми. Как на привидение на него смотрели. И на Аню – как на героя.

– Там он, твой! Порося режет! – махнула в дальний конец загона Айгуль.

Сперло дыхание.

Пошли мимо протянутых через прутья мокрых розовых пятак. Толкались у корыт подrostки. Ревели кабаны. Хоркали огромные матки с бесцветными ресницами, утыканые каждая десятком пищащих крохотных поросят.

Сухой, в резиновых ботфортах, ходил в загоне между годовалых кабанчиков. Рядом стоял свиной бригадир, Петр Ильич, пояснял.

– Этого не бери, Алексанлексеич. Этот хворал, горьковато будет. Вон этого, резвого советую. Прошка. Иди сюда, Прошка. Ты бы раньше сказал, Алексанлексеич. Их бы за сутки не кормить надо.

– Ну... И у меня неожиданно... – не видя Артема, говорил Сухой. – Вернулся сын. Я-то боялся, все. Ни слуху, ни духу. А он живой. И с женой. Помирились, кажется. Радость. Ладно, давай Прошку твоего.

– Проша... Прошенька. Иди сюда. Вот как его теперь выманишь, заразу эту? Ему бы поголодать чутка, сам бы вышел за кормом. А тут... Не, не тащи его. Свинья насилия не любит. Дай, есть способ.

Артем встал, не доходя. Смотрел на Сухого. В глазах щипало. От смрада?

Сухой отступил, разрешил специалисту. Бригадир снял с крюка жестяное пустое ведро и надел его Прошке на голову. Порось остолбенел сначала, захрюкал вопросительно, потом начал пятиться задом. Тогда Петр Ильич взял его за хвост и, подтаскивая, стал задом наперед направлять к выходу из загона.

– Других держи, главное дело.

– А никто и не лезет.

Прошка, глядя в ведро, стал послушным. Через хвост им руля, вывели из загона в два счета. Сняли ведро. Петр Ильич почесал пороса за ушами, а потом ловко сунул ему в приоткрывшийся от удовольствия рот веревочную петлю, за клыки подальше просунул и над долгим рылом ее сверху затянул. Привязал веревкой к столбику, к опоре загонной ограды. Артем за этим не наблюдал: сто раз видел и сам делал. Смотрел на Сухого.

Тот наконец обернулся.

– О! Проснулись!

Подошел, обнялись.

– Анечка. С возвращением.

– Ты как, дядь Саш?

– Справляемся потихоньку, – улыбнулся Сухой. – Соскучился.

– Здоров, путешественник! – протянул левую руку Петр Ильич: в правой уже был длинный узкий нож для колки, больше похожий на заточенный штырь. – Так, Санлексеич. Подержи его минутку.

– Хотел удивить тебя свеженьким, – улыбнулся Сухой. – Испортил ты мне сюрприз.

Прошка натянул веревку насколько сумел, но веревка короткая была. Задние ноги ушли от столба так далеко, как смогли, но рыло, веревкой захваченное, все равно никуда от него деться не могло. Но Прошка не верещал, не ожидал смерти. А тут еще Сухой его приласкал, и кабанчик попритих, задумался.

Петр Ильич сел на корточки рядом, почесал Прошке бок, пальцами слушая пульс. Нашел через шкуру и ребра – сердце. Приставил левой рукой к нужному месту нож, еще даже не царапая кожу. Другие свиньи потянулись с любопытством пятаками поближе, чтобы разобраться, что происходит.

– Ну, бывай.

Взял – и правой ладонью с размаха по рукояти хлопнул. Как гвоздь забил. Нож вошел сразу по ручку. Прошка дернулся, но устоял. Пока ничего еще не успел понять. Петр Ильич вытащил лезвие из раны. И аккуратно заткнул дырку тряпочкой.

– Все, отходи.

Прошка постоял-постоял, потом его повело. Задние ноги подкосились, он сел на зад, но тут же поднялся. И снова упал. Завизжал, сознавая предательство. Попытался встать, но уже не смог.

Кто-то из свиней смотрел на него своими пуговками без участия, кто-то продолжал жрать из корыта. Прошкина тревога никому из них почему-то не передалась. Он завалился на бок, стал дергать ногами. Повизжал. Навалил бурых кругляшей. Затих. Все это остальных не касалось. Они, кажется, вообще не заметили совсем близко прошедшей смерти.

– Готовченко! – сказал Петр Ильич. – Я разделаю, на кухню тогда доставлю. Что сказать-то? Запечь? Рульку потушить?

– Запечь или потушить, Тем? – спросил Сухой. – Раз уж все равно сюрприз не состоялся.

– Запечь лучше.

Сухой кивнул.

– Ты как?

– Как? Не знаю даже, с чего начать.

– Пойдемте. Что тут стоять. Где пропадал?

– Где? – Артем оглянулся на Аню. – В Полисе был. Сюда никто не приходил из Полиса? От Мельника? Или вообще чужие? Меня спрашивал кто-нибудь?

– Нет. Все тихо. А должны были?

– А наши возвращались ночью из центра? С Ганзы? Никаких слухов не приносили?

Сухой внимательно посмотрел на него.

– Что случилось? Случилось что-то, да?

Вышли из хлева на станцию. Из-за красного аварийного света казалось, что это Александр Алексеевич резал свинью. Или Артем.

– Пойдем перекурим.

Отчим Артемова курения не одобрял. Но сейчас не стал бухтеть. Вынул из портсигара скрученную папиросу, протянул. Аня тоже угостилась. Отошли подальше от жилья. Задымили сладкое.

– Я выживших нашел, – сказал Артем просто. – Других выживших.

– Ты? Где? – Сухой покосился на Аню.

Артем разлепил губы, чтобы продолжить, и вдруг задумался. Независимая станция – ВДНХ. И Сухой – ее начальник. А бывают тут независимые?

– Он правду говорит, – подтвердила Аня.

– Ты не знаешь?

– Я? Не знаю, – аккуратно, чтобы не обидеть исхудавшего еще больше и обритого Артема, произнес Сухой.

– Среднее звено, – определил Артем. – Ладно.

– Что?

– Дядь Саш. Все долго рассказывать. Давай я суть. Мы не одни уцелели. Весь мир выжил. В России разные города. Запад.

– И это тоже правда, – сказала Аня.

– Запад? А что война? – нахмурился Сухой. – Продолжается, что ли? А эфир пустой почему? Почему никто этих выживших тут не видел?

– Глушат эфир. Как в советское время, – попытался объяснить Артем. – Потому что война якобы продолжается.

Это Сухой понял.

– Знакомо.

Артем прищурился недоверчиво.

– Знакомо?

– Проходили такое. А кто? Красные?

– Ты Бессолова знаешь? – спросил Артем.

– Бессолова? – повторил Сухой. – Это с Ганзы который?

– Нет никакой Ганзы, дядь Саш. И Красной Линии нет. И скоро совсем не будет. Скоро это все объединят, чтобы вместе противостоять общему врагу. Чтобы никогда не вылезать из метро никуда. Такой сценарий пошел.

Сухой как бы поверил, но уточнил еще у Ани на всякий случай:

– Это еще кто-то знает? Что в других городах выжили?

– На Полисе вчера во всеуслышание объявили, – ответила она. – Это правда, Александр Алексеевич.

– Весь мир выжил? И как живут? Лучше нашего?

– Не знаю. Не говорят, – объяснил Артем. – Было бы хуже – точно сказали бы.

Сухой прикурил от одной папиросы, слишком быстро вышедшей, сразу другую.

– Еб – твою – мать.

Посмотрел немного на красную лампу.

– Ты этому Бессолову должен что-нибудь? – спросил Артем.

- Нет. Что бы? Я его и видел только раз, на Ганзе.
- Это хорошо. Дядь Саш... Надо закрыть станцию. Закрыть ее, чтобы никто к нам не прошел оттуда. И людей подготовить. Нужно, чтобы ты им все рассказал. Они тебе поверят.
- К чему подготовить?
- Их надо вывести отсюда. Вывести их из метро. Пока это еще возможно. Наших хотя бы.
- Куда вывести?
- Наверх.
- Куда именно? На станции двести человек. Женщины, дети. Куда ты их хочешь повести?
- Мы отправим разведчиков. Найдем место, где фон низкий. Из Муромы люди приходили. Там наверху живут прямо.
- Сухой третью папиросу очередью пустил.
- Зачем?
- Что – зачем?
- Зачем нам идти в Муром? Зачем всем этим людям выходить из метро и идти куда-то? Они тут живут, Артем. У них дом тут. Они за тобой не пойдут.
- Затем, что они родились наверху! На воздухе! Под небом! На свободе!
- Александр Алексеевич покивал Артему: без издевательства, с сочувствием, вот ровно как детский врач.
- Они уж не помнят этого, Темочка. Они здесь привыкли.
- Они тут как морлоки! Как кроты!
- Зато жизнь по накатанной. Зато все понятно. Они не захотят ничего менять.
- Да они, как у костра сядешь, только и знают, что прошлое вспоминать – у кого что было, кто как жил!
- Туда, по чему они скучают, ты их не вернешь. А они не вернуться в него хотят, а вспоминать. Ты молодой еще, потом поймешь когда-нибудь.
- Не понимаю!
- Ну.
- Я тебя прошу просто: закрой станцию. Ты не хочешь им сказать – давай, я скажу. Иначе сюда просочится эта зараза... Нагадят им в головы, как везде... Я уже повидал такого...
- Я не могу закрыть станцию, Артем. У нас торговля с Ганзой. Мы от них комбикорма для свиней получаем. И навоз на Рижскую сбывать надо.
- Какие еще комбикорма? Грибы же!
- С грибами хреново. Почти весь урожай погиб.
- Видишь? – Артем скривил Ане улыбочку. – А ты о грибах пеклась. Оказывается, и без них можно. Без сраных комбикормов, оказывается, нельзя.
- Ты не суди. Я начстанции, Артем, – покачал головой Сухой. – Двести душ мне в рот смотрят. Мне их кормить надо.
- Дай мне самому им сказать хотя бы! Они все равно узнают!
- Стоит, думаешь? – вздохнул Сухой. – Чтобы от тебя?
- Стоит!

* * *

Договорились: людей собрать после ужина, когда закончатся смены на фермах. До тех пор – чтобы Артем помолчал. Он и молчал, примеряя на себя опять свою старую жизнь на ВДНХ. Велосипеды. Дозор в туннеле. Палатку. Жизнь обмалела ему и больше не налезала.

Хвостом таскался за ним потерянный Илья Степанович. Договорился с Сухим, чтобы оставили его на станции. Вот Артем показывал ему, как и что у них тут налажено.

Хотя учитель был и плюгав, но понравился сразу Дашке-Шубе. Отпоили его жидким чаем – грибы на исходе. Расспросили о биографии. Он отмалчивался, ну и Артем его не сдавал.

Зато слушал хорошо. Вот, рассказывая о станции, Артем то тут, то там – и о себе вставлял. Само получалось. Бродили между палаток, и наплывало. Тут, мол, Женька жил. Друг детства. Вместе с ним открывали ворота на Ботаническом саду. Он умер потом: кто-то в дозоре рехнулся, когда черные шли на ВДНХ, и убил его. А тут вот в первый раз Хантера увидел и был сам наповал им сражен. Вот, ходили по ночному пустому залу, и он взял Артемову судьбу в свои лапищи и в минуту завязал ее в узел, как арматуру. Ну и так далее. О черных. Теперь смешно уже было о них умалчивать. Была трагедия всей жизни, оказался пшик. Илья Степанович мелко кивал, как будто ему было до этого всего дело. А о чем он там думал – кто его знает.

Так дотерпел до вечера.

Такой царский ужин, конечно, не только своим был назначен. Позвали желающих. Столы накрыли в тупичке – в «клубе», на возвышении – там, где начинался обрубленный коридор, над путями – и к новому выходу.

Отгудели дневные смены, люди пришли из душевых, чистые и как могли нарядные.

С закусками вышло скудно, но Прошка все искупил. Приготовили его чудесно. Подавали запеченного, голову отдельно. Голова жмурилась, уши были пергаментными от жира. Мясо нежное, салом только чуть-чуть прослоенное: вовремя забили. Во рту таяло. Наливали грибной хмель из старых еще запасов. Люди поднимали тосты все искренней.

– С возвращением!

– Здоровья тебе, Артем!

– Анечка! И за тебя!

– Ну и детишек вам уж наконец!

– И, не считите за подхалимаж, за родителей! То есть – за тебя, Сансеич!

Выделился из вечери раззадорившийся Петр Ильич с рыжими волосами венцом вокруг малиновой плеши.

– И, тогда уж, сразу за нашу ВДНХ, островок мира и стабильности в бушующем океане метро! Стараниями кое-кого, сами знаете кого!

Думал Артем – кусок не полезет в глотку, но так за день проголодался, что слопал две порции. Хороший был кабанчик. Правда. Хоть и не помни о том, что с утра еще хрюкал. Да и все они хрюкали когда-то, что же, не есть их теперь?

Пить только не получалось. А Сухой не пропускал. Каждый по-своему готовился к разговору с людьми.

– Я-то все хотел с тобой обсудить, ждал, пока ты появишься. Ты, конечно, волен с людьми пообщаться. Я от своего не отказываюсь. Но просто чтоб ты понимал, что не обязательно вот это, знаешь – грибы, свиньи... Можно и другим заняться. Разведка, к примеру...

– Спасибо, дядь Саш.

Подкрался Кирюха маленький, кашлюн. У! – напугал, залез к Артему на колени. Сбежал от матери: его время прошло уже, должен был спать. Потом и она, Наталья, сама пожаловала. Отругала сына, но согласилась побыть – от кабана еще оставалось.

– А-ань! Дай кусочек!

– Иди к нам. Побольше положу тебе, надо, чтобы вырасти.

Кирюхе дали свою тарелку, он уселся между Артемом и Аней, стал изо всех сил жевать мясо.

Перед третьей добавкой к отчиму подошел дозорный, грузин Убилава, и что-то ему нашептал. Сухой утер лоснящиеся губы, и, не глядя на Артема, встал из-за стола. Артем через плечо проследил: вызвали к южному туннелю. Тому, который к Алексеевской и дальше в метро. Что там?

Не видно. Ушел за колонны, на пути.

Не возвращался минут десять.

– А ты нашел Полярные Зори? – промычал Кирюха.

– Что? – рассеянно переспросил Артем.

– Полярные Зори! Ты сказал, что их поймал! Нашел их? Ты же за ними ходил?

– За ними. Нашел.

– Ма, слышишь? Артем Полярные Зори нашел!

Наталья поджала губы.

– Это неправда, Кирюшенька.

– Артем! Это же правда же?

– Хватит, – велела Артему Наталья.

– А как там, Тем? Чего там в Полярных Зорях? Микробы там как?

– Сейчас, – сказал Артем. – Погоди, чувачок.

У южного края платформы Сухой стоял с мужиками, озирался на застолье: семафорил багровым лицом в багровом аварийном свете. Артем хотел к нему; стал выбирать, отсадил Кирюху, но отчим заметил, махнул ему рукой: сиди, мол, иду уже.

– Что происходит? – спросила Аня.

– Ну скажи ей, что это правда!

– Так! Ты сейчас спать у меня пойдешь!

Сухой вернулся к пиру. Сел к Артему, улыбнулся так, как будто губы растрескались и больно было их растягивать.

Кирилл от обиды на мать ковырял вилкой Прошке зажмуренный глаз. Дашка накладывала Илье Степановичу жирного бедра. Артем взял Сухого за локоть.

– Что там, дядь Саш?

– По твою душу пришли. Ну мы им, конечно, от ворот поворот.

– Орденские? От Мельника?

Аня держала нож в руке так, как будто ударить собиралась им. Артем положил пальцы на карман. Наган там был, на месте.

– Нет. С Ганзы.

– Много их? Спецназ прислали?

– Два человека. Гражданские.

– Двое всего? И что? Что говорят?

– Говорят, времени дают думать до утра. Понимают, что мой сын и все такое, – Сухой смотрел в тарелку. – Что не хотят доводить до крайности.

Артем насчет сына не стал спорить.

– И что утром?

– Введут полную блокаду станции. У нас больше ничего не станут закупать, и нам ничего продавать не будут. Комбикорм и прочее. Плюс запрет на передвижение. Говорят, с Алексеевской решили уже.

Встал Андрей, старший разведчиков. Поднял стакан.

– Тост! Мы с батькой это с твоим уже обсудили, Артемий. Со мной, товарищи, случился форс-мажор. Я влюбился. И любовь моя проживает на станции Краснопресненская. Я понял: пора. Тридцать восемь. Так что покидаю родную и любимую станцию ВДНХ и переезжаю к невесте на Ганзу. В общем, я за что? За то, чтобы каждый из нас, Артем, нашел свое место. А мое место свободно теперь – для тебя!

Артем кивнул, встал, чокнулся, сел. Зашептал Сухому:

– А мы сколько продержимся?

– Не знаю. Грибы, видишь... На свинине сколько-то. Только кормить нечем будет. Весь корм с Ганзы идет же...

– Да с каких пор Ганза вообще кормами торгует? Откуда у них-то? Их хворь не тронула, что ли?

– Комбикорм, говорю же. Не из грибов, намешано чего-то. Но порось ест, рыло не воротит, вес прибавляет хорошо.

– А свинари, что, не интересовались, чем вообще кормят? Откуда берут? Может, мы сами такое сумеем...

– Не знаю. Мы не спрашиваем. Вроде, Ганза у красных берет. По слухам. Попробовали – порось ест, ну и чего придираться, мы...

– Откуда у красных? У красных же...

– Петр Ильич! Откуда комбикорм везут, не помнишь?

– Дак с Комсомольской, по-моему. Помню, они говорили, рядом. Свежее. Хотя так себе свежее в последние-то разы.

– С Комсомольской?

Слюна притекла в рот соленая и горькая. Горло схватило спазмом, ни проглотить, ни продохнуть.

– С Комсомольской?! От красных?!

– От Ганзы...

– Какая разница.

– А что с ним не так?

– Не задаешь лишних вопросов, да? Блокада, бля?

– Мне людей надо кормить, Артем. Двести душ. Есть – и ладно. Вот будешь когда начальником станции, поймешь...

Артем встал.

– Можно?

– О! Виновник торжества! Валяй тост, Артем!

И он вытянулся во фрунт, как будто и правду собирался сказать им тост. Только пальцы воздух сжимали вместо стакана.

– Там за мной пришли люди. Якобы с Ганзы. Хотят меня забрать и увести, чтобы я не успел вам этого всего рассказать. Если не отдадите меня – говорят, введут блокаду.

Люди за столом зашикали, песня, которую затянули уже было, про подмосковные вечера, замялась. Кто-то жевал еще, но потихоньку.

– Москва – не единственный город, где люди выжили. Вчера на Полисе всем объявили, что есть другие. Скоро вам тут тоже сообщат. Считайте, я первый. Весь мир живой! Питер, Екатеринбург, Владивосток. Америка. А не слышали мы, потому что они радио глушилками давили.

Стояла тишина – гробовая. Люди слушали, остолбенев.

– Мы не должны тут жить больше. Мы можем собраться и уйти. В любой момент. Сейчас. Куда угодно. В Муроме, триста километров от Москвы всего, уже фон нормальный. Люди на поверхности живут. Это Москва мертвая, зараженная, потому что над ней боеголовки сбивали. Нам не надо тут. Нам тут нельзя. Я вам предлагаю, я вас прошу: давайте уйдем.

– Зачем? – спросили у него.

– Триста километров переться, и что там?

– Да что вы слушаете его, он с приветом же на эту тему!

– Зачем? Потому что человеку под землей не место. Потому что вы в туннелях живете, вас – держат – в туннелях! Как червей! Вы помните об этом хоть? Войны эти идиотские, сами с собой воюем... У нас тут нет завтрашнего дня. Это кладбище, метро. Мы никогда тут никем не станем. Мы не будем тут людьми. Ничего нового не сделаем. Не вырастем. Мы тут болеем. Вырождаемся. Воздуха нет. Тут места нет. Тут тесно.

– Нам хватает, – сказали ему.

– А Душанбе выжило? – несмело поинтересовался кто-то.

– Не знаю.

– Это ты нас-то – с червями?

– А что, если Америка целая, то война еще идет? – подумали за столом.

– В городе Муром есть монастырь. Выкрашенный в белый. И купола над ним голубые. Цвета неба. На берегу реки стоит. И вокруг лес. Идем туда? Разведчиков сначала, пока соберутся все. Транспорт найдем какой-нибудь, починим. Женщин с детьми – машинами.

– А жрать там что?

– А тут вы что жрете?! Вы тут... Черт с вами. И никак, видно, иначе нельзя тут! В этом беда! В этом месте! Это – не убежище! Это склеп! Отсюда бежать надо!

– Ну дак и беги, епта, – сказали ему смурно и негромко. – Че те одному-то не бежится? Че ты людей тащишь? Маесей, бляха.

– А что, его Ганза за что выдать-то просит? Убил кого-то? – любопытствовала какая-то женщина.

Артем оглянулся на Сухого. Тот водил глазами по столу, как будто в поисках Артему поддержки. Но не вмешивался.

Артем вытер лоб.

– Хорошо. Ладно. Я собираю экспедицию. Пока – разведочную. Пойдем исследовать на восток. Посмотрим, где там пригодно для обитания. И когда найдем, вернемся за остальными. Кто со мной?

Никто не ответил. Жевали, глазели, пили. Не ответил никто.

Аня отложила нож в сторону. Поднялась.

– Я. Я с тобой.

Постояли вдвоем. Потом зашебуршало.

Чахоточный Кирюха забрался на скамью ногами, чтобы его было видно. Пискнул решительно:

– Я тоже! Я поеду с вами! Из метро! В Полярные Зори!

Как сидел, так и встал – между Аней и Артемом. Они переглянулись.

Наталья, его мать, отскочила от стола, полетели и разбились об пол стаканы.

– Живо сюда! Все, спать идем!

– Ну ма! Ну в Полярные Зори!

– Никуда мы не поедem! Мы тут дома!

– Ну хоть отпусти съездить...

– Нет!

– Это же верх, Наталья... – произнес Артем. – Там же воздух. Другой. Свежий. Тубер же...

– Тубера нет, другое есть! Чума какая-нибудь! Там вон, люди говорят, американцы! Американцам нас сдать?!

– Ты не хочешь – его отпусти. Он тут же... Сама говорила. Сколько ему?

– Ты – у меня?! – она задохнулась. – Ты сына у меня?! Ах ты гад... Не дам! Не разрешу! Кирюшку! Слышали?! Сына хочет отобрать! Американцам его! Как игрушку! И сам... И нас!

– Дура, – сказал ей Артем. – Сука.

– Катись сам в свой верх! С червяками нас сравнивать! Не пушу! Не смей! Отнимают!

– Не давай ему ребенка! Он же с припиздю, все знают! Куда он потащит его?!

– Не дадим! Это уже какой-то беспредел!

– Я с вами хочу! – заплакал Кирюха. – Я хочу на верх посмотреть!

– Да сдать его этой Ганзе, и делов, – сказал кто-то. – Пускай разберутся.

– Ну и вали! Если тебе тут с нами тяжело! Вали, предатель!

Стали отодвигаться от стола, вскакивать.

– Ну и сидите! Жрите! Жрите друг друга дальше! Пускай вами тут крутят! Как баранами! Хотите самидохнуть – дохните! В дерьме возиться – возитесь! Свое гребаное прошлое перекапывать – давай! А дети в чем виноваты?! Детей вы зачем заживо хороните?!

– Ты сам-то баран! Сам-то продан! Никто с тобой никуда не пойдет! Куда ты нас, в ловушку завести?! Сколько тебе заплатили?! Да сдать его! Еще из-за этого говна отношения с Ганзой ломать!

– Так, хватит! – встал Сухой, прикрикнул.

– А ты за своим присмотрел бы! Вон он там, продан каким-то! Мало нас травил сколько! Мы, может, и не болели бы, если ты, сволочь, все время герметiku нам не нарушал! Ты не лезь к нам, в наше! Мы сами, ясно?! Это – наш – дом!

– Тееем, я с тобой, я с вами, пожааалста!

– Вали! Проваливай! Пока не выдали! Страдать еще за него!

Кирюхина рука нашарила Артемов указательный палец, обняла-вцепилась, но Наталья дернула – и утащила его.

Глаза у Артема потекли.

– Пап... – он оглянулся на Сухого. – Пап. А ты – что?

– Я не могу, Артем, – мертвым голосом прошелестел Сухой. – Не могу с тобой. Как я людей брошу?

Артем поморгал.

Голова кружилась. Стояло булыжником в глотке сожранное.

– Да ебись оно все конем в этом вашем метро! Я за вас сдохнуть готов был, а тут и сдохнуть-то не за кого!

Смел с грохотом и лязгом со стола тарелки с человеческой свининой, опрокинул скамью.

За ним шагала – Аня; и плелся зачем-то следом Илья Степанович.

– Ты, что ли, наверх собрался? – спросил у него Артем.

– Нет. Я нет. Я тут. Я про вас... Артем... Я про все это... Разрешите написать, а? Мне разрешите – книгу? Я в ней все, как есть... Честное слово!

– Пиши, бля. Ни хера ты не напишешь. И никто это читать не будет. Прав Гомер, сука старая. Всем сказки нужны!

* * *

На западе было алое закатное небо, а на востоке – кристальное, чистое и звенящее, как вымытая бутылка. Все облака смели с него и вбивали теперь по одному в зенитную синеву серебряные гвоздики один за одним.

Побросали в багажник еды, патронов, стволы, фильтры. Канистр с солярой там было еще три целых. Хватит пол-Земли проехать.

Ярославское шоссе, широченное, уходило от ВДНХ сразу на другой край континента. Было оно заставлено недоехавшими, но виднелась между застрявшими в прошлом тонкая колея, по которой можно проехать туда – куда-то. Дома мертвые золотились по контуру, и на прощальный миг Москва казалась Артему теплой и настоящей.

Надоела резина на коже и надоело собираться. Хотелось уже сейчас без нее. Хотелось уже скорей мчаться с опущенными стеклами, ловить встречный воздух открытой пятерней, дышать им, теплым и свежим. Ничего, часа через три или четыре, может, вообще снимут они эти противогазы и зашвырнут из окна куда подальше.

Обнялись все-таки.

– Куда вы? – спросил Сухой.

– Куда угодно. Куда мы, Ань?

– Во Владивосток. Хочу на океан.

– Значит, во Владивосток.

Белую Савельеву шкуру Артем перестелил Ане: надо беречься, ей еще детей рожать. Убрал наган в бардачок. Завел мотор. Хлопнули дверьми.

Сухой наклонился к нему. Попросил опустить стекло. Прогундел в хобот:

– Артем. Не суди людей. Люди не виноваты.

Артем послал ему воздушный поцелуй.

– Пока, дядь Саш. Чао-какао.

Сухой кивнул, отошел. Илья Степанович, ежась, помахал рукой. Больше провожающих не было.

Артем положил руку Ане на коленку. Она накрыла его перчатку своими двумя.

Японка чихнула синим, запела походную и рванула с места – и сразу туда, в волшебный и невероятный город Владивосток, стоящий на теплом шальном океане – через громадную и прекрасную неведомую страну, населенную настоящими живыми людьми.

В спину им был – солнечный ветер.

КОНЕЦ

Послесловие

Хороший был бинокль, немецкий, качественный. На километр хватало с лихвой. Внедорожник провожал японку на осторожном расстоянии до МКАДа, там остановился.

– Отчалил, Алексей Феликсович! – сказал рации Леха. – Дальше вести?

– Что он нам? Пускай валит. Скатертью дорожка, – ответила та. – Все, давай домой.

Записано Шкуркиным И.